РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ЮЖНО-РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ – ФИЛИАЛ
ЦЕНТР ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
КАФЕДРА ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА
АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ИМ. Д. И. ГУЛИА
АБХАЗСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНА
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
БАКИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ЭКОЛОГИИ И БЕЗОПАСНОСТИ
АДЫГСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
АССОЦИАЦИЯ ЮРИСТОВ КАВКАЗА
ЕРЕВАНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ «МАНЦ»
КОММЕРЧЕСКИЙ БАНК «БУМ-БАНК» ООО

АНТОЛОГИЯ ПАМЯТНИКОВ ПРАВА НАРОДОВ КАВКАЗА

Одобрено и рекомендовано к изданию
Комитетом по региональной политике Государственной Думы
Федерального Собрания Российской Федерации

Ростов-на-Дону
Издательство Южно-Российского
института управления – филиала РАНХ и ГС
при Президенте РФ
2017

УДК 340.15
ББК 67.3
А 724

Автор и руководитель проекта
Шапсугов Д. Ю.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, академик АМАН и МАНЭБ

Главная редакция:
Шапсугов Д. Ю.,
доктор юридических наук, профессор (главный редактор);
Авакян Р. О. (Ереван),
доктор юридических наук, профессор;
Исмаилов М.-С. А.-М. (Махачкала),
доктор юридических наук, профессор;
Исмайлов Х. Д. (Баку),
доктор юридических наук, профессор;
Маремкулов А. Н. (Нальчик),
доктор юридических наук, профессор;
Свечникова Л. Г. (Ставрополь),
доктор юридических наук, профессор;
Супатаев М. А. (Москва),
кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник ИГП РАН
Ажахов К. М. (Нальчик)
кандидат исторических наук, доцент

В «Антологии памятников права народов Кавказа» публикуются материалы, содержащие информацию о государственно-правовом развитии народов Кавказа, взаимоотношениях и взаимодействии с сопредельными народами, государствами и государственными образованиями с древнейших времен до современности, отражающие влияние шумеро-акадской, арабской, греческой, римско-византийской, иранской, турецкой, татаро-монгольской, российской правовых культур.

Они включают обычное право, религиозные нормы, акты органов Российского государства, зарубежных диаспор, представляющих народы Кавказа, касающиеся государственно-правового развития этих народов, проекты и конкретные действия по освоению Кавказа, содержащиеся в многочисленных служебных и аналитических записках, мемуарах участников и свидетелей исторических событий, в которых дается обоснование разных, иногда резко противоположных подходов к оценке государственно-правового опыта народов и возможностей его использования в процессе их вхождения в юридическое пространство России, продолжения органичного политико-правового развития в постсоветский период.

Публикуемые документы позволяют проследить исторические судьбы народов Кавказа, созданной и воспроизводимой ими правовой культуры как на исторической родине, так и в местах расселения в зарубежных странах.

АЛЬТАИР

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ЮЖНО-РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ – ФИЛИАЛ
ЦЕНТР ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

КАФЕДРА ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ИМ. Д. И. ГУЛИА

АБХАЗСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНА

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

БАКИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ЭКОЛОГИИ И БЕЗОПАСНОСТИ

АДЫГСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

АССОЦИАЦИЯ ЮРИСТОВ КАВКАЗА

ЕРЕВАНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ «МАНЦ»

КОММЕРЧЕСКИЙ БАНК «БУМ-БАНК» ООО

ЧАСТЬ I

ПАМЯТНИКИ ПРАВА НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Ростов-на-Дону
Издательство Южно-Российского
института управления – филиала РАНХ и ГС
при Президенте РФ
2017

АЛЫ ТАИР

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ЮЖНО-РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ – ФИЛИАЛ
ЦЕНТР ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

КАФЕДРА ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ИМ. Д. И. ГУЛИА

АБХАЗСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНА

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

БАКИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ЭКОЛОГИИ И БЕЗОПАСНОСТИ

АДЫГСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

АССОЦИАЦИЯ ЮРИСТОВ КАВКАЗА

ЕРЕВАНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ «МАНЦ»

КОММЕРЧЕСКИЙ БАНК «БУМ-БАНК» ООО

ТОМ 30

ПАМЯТНИКИ ПРАВА АБХАЗОВ

Ростов-на-Дону
Издательство Южно-Российского
института управления – филиала РАНХ и ГС
при Президенте РФ
2017

УДК 340.15
ББК 67.3
А 724

Составители:
Шапсугов Дамир Юсуфович доктор. юр. наук, профессор,
Авидзба Аслан Фазлыбеевич доктор. истор. наук,
Салакая Сослан Шотаевич канд. истор. наук,
Яхтанигов Заур Асланович.

Научный редактор
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, академик АМАН и МАНЭБ
Д. Ю. Шапсугов

А 724 **Памятники права абхазов. Т 30.** – Ростов-на-Дону, ООО Альтаир, 2017. – 928 с.

ISBN 978-5-91951-379-7

Настоящий том включает исторические сведения и документы, позволяющие реконструировать происхождение, традиционный уклад жизни, системы власти и права абхазов, одного из автохтонных народов Кавказа, сумевших сохранить свою национальную самобытность, государственность, правовую систему, основные ценности национальной культуры.

Книга рассчитана на преподавателей, студентов и аспирантов исторических и юридических факультетов вузов, историков, юристов, специалистов других смежных профессий и широкий круг читателей.

ISBN 978-5-91951-379-7

ББК 67.3

© Южно-Российский институт управления – филиал
РАНХ и ГС при Президенте РФ, 2017

АЛЬТАИР

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 31

РАЗДЕЛ I.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ, ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ, ТРАДИЦИОННОЕ ПРАВО АБХАЗИИ ДО 1809 г. (период становления и относительно независимого существования – до 1809 г.)

1.1 Иоганн Сабансидзе. Мученичество Або Тбилели. (Извлечения). VIII в. ...34
1.2 Степане Мтбевари. Мученичество Гоброна. (Извлечение). 914 – 918 гг. ..35
1.3 Диван абхазских царей. X – XI вв. 36
1.4 Летопись Картли. (Извлечения). Вторая половина XI в. 37
1.5 Сумбат Давитис-дзе. История и повествование о Багратионах. (Извлечения). XI в. 45
1.6 Летопись монгольского времени. (Извлечения). XIII – XIV вв. 47
1.7 Бери Эгнаташвили. «Новая история Грузии». (Извлечения). 49
1.8 Парсадан Горгиджанидзе. История Грузии. (Извлечение). 52
1.9 Сулхан-Саба Орбелиани. Путешествие в Европу. (Извлечения). 1713 – 1714 гг. 53
1.10 Вахушти Багратиони. История Царства Грузинского. (Извлечения). XVIII в. 54
1.11 Пейсонель М. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря (Извлечение). 66
1.12 Из записи ст. сов. Князя Амилахвари. 69
1.13 Из рапорта кап.-пор. Львова президенту коллегии иностранных дел графу Н. А. Панину. 69
1.14 Из представления имеретинского царя Соломона I Екатерине II. 69
1.15 Из рапорта гвардии капитана Н. Д. Языкова. 70
1.16 Из письма имеретинского посла, главного распорядителя царских доходов и расходов З. Церетели президенту военной коллегии Г. А. Потемкину. 70
1.17 К реляции чрезвычайного и полномочного министра в Константинополе Я. И. Булгакова Екатерине II о подготовке восстания против имеретинского царя. 70
1.18 К реляции чрезвычайного и полномочного министра в Константинополе Я. И. Булгакова Екатерине II о выступлении абхазов против турецкого владычества. 71

1.19 Из секретной докладной записки имеретинского посла Виссариона Габаонова (Габашвили) президенту военной коллегии Г. А. Потемкину с просьбой о принятии Западной Грузии в покровительство России. 71
1.20 Абхазы. 72
1.21 Из докладной записки имеретинского посла Виссариона Габаонова (Габашвили) президенту военной коллегии Г. А. Потемкину. 73
1.22 Из докладной записки имеретинского посла Виссариона Габаонова (Габашвили) президенту военной коллегии Г. А. Потемкину о занятии русскими корабельной пристани в Абхазии. 74
1.23 Из фирмана турецкого султана Селима III к некоторым кавказским правителям, призывавшего их к войне против России 74
1.24 Документ, поданный имеретинским послом князем Семионом Габаоновым (Габашвили) президенту военной коллегии князю Г. А. Потемкину. (Извлечение). 74
1.25 Рапорт командира кавказского гренадерского полка Ф. Ф. Симоновича командующему войсками в Грузии ген.-м. И. П. Лазареву. 75
1.26 Из рапорта командира кавказского гренадерского полка Ф. Ф. Симоновича «правителю» Грузии ген.–м. С. А. Тучкову. 75
1.27 Письмо имеретинского царя Соломона II к Ахтальскому митрополиту. 75
1.28 Из рапорта Командующего войсками в Грузии ген.-м. И. А. Лазарева Главноуправляющему в Грузии ген.-м. К. Ф. Кнорингу. 76
1.29 Из рапорта главноуправляющего в Грузии ген.-м. К. Ф. Кнорринга Александру I 76
1.30 Письмо главноуправляющего в Грузии П. Д. Цицианова владетелю Мегрелии Григорию Дадиани о намерении абхазского владетеля Келешбея Шервашидзе принять покровительство России. 77
1.31 Донесение главноуправляющего в Грузии П. Д. Цицианова министру иностранных дел А. Р. Воронцову о готовности абхазского владетеля Келешбея Шервашидзе принять подданство России. 77
1.32 Отношение министра иностранных дел А. Р. Воронцова главноуправляющему в Грузии П. Д. Цицианову о готовности владетеля Абхазии Келешбея принять подданство России. (Извлечение). 79
1.33 Письмо Главноуправляющего в Грузии ген.-м. князя П. Д. Цицианова ст. сов. П. М. Литвинову. (Извлечение). 79
1.34 Из предписания главноуправляющего в Грузии ген.-м. князя П. Д. Цицианова ст. сов. П. М. Литвинову 80
1.35 Литвинов П. М. Описание Имеретии и Мегрелии. (Извлечение). 81
1.36 Рапорт Главноуправляющаго в Грузии ген.-м. князя П. Д. Цицианова Александру I. 82
1.37 Из письма правительницы Мегрелии Нины Георгиевны Дадиани главноуправляющему в Грузии князю П. В. Цицианову. 83

АЛБТАИР

1.38 Из рапорта ст. сов. П. М. Литвинова главнокомандующего в Грузии князю П. В. Цицианову. 83
1.39 Письмо владетеля Абхазии Келешбея Чачба-Шервашидзе командующему русскими войсками в Мегрелии ген.-м. И. И. Рыкгофу. 84
1.40 Проект письма товарища министра иностранных дел А. А. Чарторыйского командующему русскими войсками в Мегрелии ген.-м. И. И. Рыкгофу 84
1.41 Рапорт Главнокомандующего в Грузии ген.-м. князя П. Д. Цицианова товарищу министра иностранных дел А. А. Чарторыйскому....84
1.42 Из отношения главнокомандующего в Грузии ген.-м. князя П. Д. Цицианова товарищу министра иностранных дел А. А. Чарто-Рыйскому о вручении грамоты и наград мегрельскому князю Л. Дадиани. 86
1.43 Письмо Таяр-паши Главноуправляющему в Грузии князю П. Д. Цицианову о готовности владетеля Абхазии Келешбея Чачба – Шервашидзе принять подданство России. 87
1.44 Рапорт командующего войсками в Закавказье И. В. Гудовича министру иностранных дел А. Я. Будбергу о миссии князя Америджибова в Абхазию. 88
1.45 Письмо владетеля Абхазии Келешбея Чачба – Шервашидзе и. д. Главноуправляющего в Грузии ген.-м. Г. И. Глазенапу о верности России. 88
1.46 Записка Таяр-Паши генерал-губернатору Новороссийского края Э. О. Де-Ришелье о предложениях владетеля Абхазии Келешбея Шервашидзе вступить в Российское подданство. (Извлечение)....89
1.47 Проект депеши министра иностранных дел А. Я. Будберга генерал-губернатору Новороссийского края Э. О. Де-Ришелье об отношении Александра I к предложениям владетеля Абхазии Келешбея Шервашидзе о вступлении в подданство России. 91
1.48 Из отношения таврического гражданского губернатора Д. Б. Мертваго министру внутренних дел В. П. Кочубею. 93
1.49 Письмо Таяр-Паши владетелю Абхазии Келешбею Шервашидзе о приеме его в русское подданство и отправлении сына аманатом в Петербург. 93
1.50 Отношение Командующего войсками на Кавказе И. В. Гудовича министру иностранных дел А. Я. Будбергу об испытании преданности владетеля Абхазии Келешбея Чачба – Шервашидзе Российскому престолу. (Извлечение). 94
1.51 Рапорт Командующего войсками на Кавказе И. В. Гудовича министру иностранных дел А. Я. Будбергу о ненадежности владетеля Абхазии Келешбея Чачба – Шервашидзе. 95
1.52 Из отношения таврического гражданского губернатора Д. Б. Мертваго министру внутренних дел В. П. Кочубею. 96

1.53 Донесение командира Требаки «Константин» Ф. Я. Скирневского главному командиру Черноморских портов И. И. Траверсе об Абхазии и ее владетеле Келешбее Шервашидзе. (Извлечение). 97
1.54 Выписка из донесения командира требаки «Константин» флота лейтенанта Ф. Я. Скиренвского Главному командиру Черноморского флота адмиралу де Траверсе об Абхазии и ее владетеле Келешбее Чачба – Шервашидзе. 99
1.55 «Сведения об абазинской провинции и владетеле ее», составленные в военном министерстве для преставления Александру I. 101
1.56 Донесение командующего войсками в Закавказье И. В. Гудовича Александру I об убийстве владетеля Абхазии Келешбея Шервашидзе и положении в крае. 103
1.57 Дадиани Н. Картвельта Цховреба (История Грузии или жизнь грузин). (Извлечение). 106
1.58 Из предписания Командующего в Грузии ген. А. П. Тормасова Командующему в Имеретии ген.-м. князю Д. З. Орбелиани о категорическом отказе Асланбею Чачба – Шервашидзе в российском подданстве. 107
1.59 Из рапорта Командующего в Имеретии ген.-м. князя Д. З. Орбелиани Командующему в Грузии ген. А. П. Тормасову о занятии русскими войсками крепости Поти. 107
1.60 Из рапорта Командующего в Грузии ген. А. П. Тормасова министру иностранных дел Н. П. Румянцеву об исследовании жалованья бывшего владетеля Абхазии Келешбея Чачба – Шервашидзе. 108

РАЗДЕЛ II.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ, ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ, ТРАДИЦИОННОЕ ПРАВО АБХАЗИИ С 1810 ПО 1863 ГГ.
(период сохранения внутренней автономии в управлении Абхазией)

2.1 Из рапорта Командующего в Грузии ген. А. П. Тормасова министру иностранных дел Н. П. Румянцеву. 109
2.2 Из рапорта Командующего войсками на Кавказе И. В. Гудовича министру иностранных дел Н. П. Румянцеву о желательности скорейшей присылки Сафарбея Чачба – Шервашидзе. 109
2.3 Грамота Александра I владетелю Абхазии Георгию (Сафарбею) Шервашидзе о принятии его в подданство России. 110
2.4 Из письма Главнокомандующего в Грузии ген. А. П. Тормасова полковнику Н. Г. Дадиани о приготовлениях русских войск к захвату Сухум-Кале. 112
2.5 Из рапорта главнокомандующего в Грузии И. В. Гудовича министру иностранных дел Н. П. Румянцеву о захвате русской армией Сухум-Кале. ..112

АЛБТАИР

2.6 Выписка из донесения флота кап.-л. П. А. Де-додта о занятии Сухума. 113
2.7 Броневский С. М. Об абхазах и Абхазии. (Извлечение).....115
2.8 Рапорт командующего кавказским гренадерским полком ген.-м. Ф. Ф. Симоновича главнокомандующему в Грузии ген. А. П. Тормасову о сведениях протопопа Иоселиани о ситуации в Абхазии.....119
2.9 Отношение Главнокомандующего в Грузии ген. А. П. Тормасова министру иностранных дел Н. П. Румянцеву о присвоении воинского звания Садзскому князю Левану Цанба и его награждении.....119
2.10 Письмо главнокомандующего в Грузии ген. А. П. Тормасова владетелю Мегрелии князю Левану Дадиани о необходимости переговоров владетеля Абхазии Георгия Чачба – Шервашидзе с Геленджикским правителем. 120
2.11 Рапорт владетеля Абхазии Георгия Чачба – Шервашидзе Александру I о необходимости присылки в Абхазию дополнительного контингента русских войск. 121
2.12 Известия внутренние. 122
2.13 Известия внутренние. 123
2.14 Из донесения Главнокомандующего в Грузии ген. Н. Ф. Ртищева военному министру князю А. Горчакову. 124
2.15 Рапорт Главнокомандующего в Грузии ген. Н. Ф. Ртищева министру иностранных дел Н. П. Румянцеву о недопустимости передачи крепости Сухум-Кале туркам. 124
2.16 Из предписания Главнокомандующего в Грузии ген. Н. Ф. Ртищева Командующему Кавказским гренадерским полком ген.-м. Ф. Ф. Симоновичу о недопустимости передачи крепости Сухум-Кале туркам. 127
2.17 Из письма владетеля Мегрелии Левана Дадиани полковнику Н. Дадиани. 128
2.18 Из рапорта командующего кавказским гренадерским полком ген.-м. Ф. Ф. Симоновича главнокомандующему в Грузии ген. Н. Ф. Ртищеву о мятеже Асланбея Чачба – Шервашидзе. 128
2.19 Из письма Главнокомандующего в Грузии ген. Н. Ф. Ртищева сераскиру Эрзерума Ахмед-паше. 129
2.20 Из донесения посланника в Константинополе А. Я. Италинского управляющему министерством иностранных дел К. В. Нессельроде. 129
2.21 Клятвенное обещание Цебельдинских князей в верности Российской империи. 130
2.22 Из рапорта ген.-м. Курнатовского ген.-м. Сталю о неустойчивом положении владетеля Абхазии Георгия Чачба – Шервашидзе. 130
2.23 Из предписания главноуправляющего на Кавказе ген. А. П. Ермолова начальнику штаба кавказского корпуса ген.-м. Вельяминову о недопустимости уступки Абхазии туркам. 131
2.24 Из отношения Главноуправляющего на Кавказе ген. А. П. Ермолова министру иностранных дел К. В. Нессельроде о последствиях для России сдачи Абхазии туркам. 133

2.25 Записка о приеме владетеля Абхазии Дмитрия Чачба – Шервашидзе в Павловском дворце. 134
2.26 Письмо Главноуправляющего на Кавказе ген. А. П. Ермолова владетелю Абхазии Дмитрию Чачба – Шервашидзе о надобности скорейшего отбытия в Абхазию. 135
2.27 Прокламация князя Дмитрия Чачба – Шервашидзе в связи с его вступлением в права владетеля Абхазии. 135
2.28 Из «записок» А. П. Ермолова о событиях в Абхазии. 137
2.29 Правила для торговых сношений с Черкесами и Абазинцами. 140
2.30 Записка о бегстве Асланбея Чачба – Шервашидзе и о нападении его на русский отряд при с. Лыхны. 143
2.31 Рапорт командира полка полковника князя В. О. Бебутова Начальнику штаба Кавказского корпуса ген.-л. Вельяминову о мерах по предотвращению возмущения в Абхазии. 144
2.32 Рапорт командира полка полковника князя В. О. Бебутова Начальнику штаба Кавказского корпуса ген.-л. Вельяминову о членах абхазского владетельного дома. 145
2.33 Письмо княгини Тамары Шервашидзе Главнокомандующему на Кавказе А. П. Ермолову о ситуации в Абхазии.....146
2.34 Письмо Главнокомандующего на Кавказе А. П. Ермолова княгине Тамаре Шервашидзе о достоинствах Михаила Чачба – Шервашидзе. 147
2.35 Рапорт Главнокомандующего на Кавказе А. П. Ермолова Александру I с просьбой об утверждении Михаила Чачба – Шервашидзе владетелем Абхазии. 147
2.36 Рапорт дежурного генерала Главного штаба А. А. Закаревского Главнокомандующему на Кавказе А. П. Ермолову. 148
2.37 Из рапорта командира полка полковника князя В. О. Бебутова Главнокомандующему на Кавказе А. П. Ермолову о принятии некоторыми абхазскими феодалами российского подданства. 148
2.38 Рапорт командира полка полковника князя В. О. Бебутова Главнокомандующему на Кавказе А. П. Ермолову о расследовании обстоятельств смерти владетеля Абхазии Дмитрия Чачба – Шервашидзе. 148
2.39 Отношение тит. сов. Ведомства министерства иностранных дел Кодинца попечителю керчинской и багуазской торговли колл. сов. Р. А. Де-скасси о гибели коменданта Сухумской крепости подполковника Михина. 149
2.40 Рапорт командующего в Имеретии ген.-м. Горчакова главнокомандующему на Кавказе А. П. Ермолову о ситуации в Цебельде.....150
2.41 Рапорт Командующего в Имеретии ген.-м. Горчакова Главнокомандующему на Кавказе А. П. Ермолову. 151
2.42 Отношение министра иностранных дел статс-секретаря К. В. Нессельроде генерал-губернатору Новороссии и наместнику Бессарабской области М. С. Воронцову. 151

АЛТАМИР

2.43 Письмо Главнокомандующего на Кавказе А. П. Ермолова управляющему министерством внутренних дел В. С. Ланскому о возвращении Гасанбея Чачба – Шервашидзе из ссылки. 152
2.44 Отношение министра иностранных дел статс-секретаря К. В. Нессельроде главноуправляющему в Грузии и. Ф. Паскевичу. 152
2.45 Письмо Самурзаканского князя Темруквы Ачба – Анчабадзе командиру полка полковнику князю В. О. Бебутову о желательности введения в Самурзакане русского управления. 153
2.46 Рапорт управляющего Томской губернией И. Соколовского Николаю I о разрешении Гасанбею Чачба – Шервашидзе в Абхазию. 154
2.47 Рапорт управляющего Главным штабом императора А. И. Чернышева Главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом И. Ф. Паскевичу о мероприятиях по охране Кавказских берегов от происков Турции. 154
2.48 Статистический взгляд на Абхазию. 156
2.49 Рапорт Начальника отряда и транспортных судов Абхазской экспедиции капитана второго ранга Н. Амтилова Командующему Отдельным Кавказским корпусом ген.-л. Панкратьеву о задержании английского судна, везшего боеприпасы Черкесам. 170
2.50 Рапорт командира Отдельного Кавказского корпуса Г. В. Розена военному министру А. И. Чернышеву о его встрече с Михаилом и Гасанбеем Чачба – Шервашидзе. 171
2.51 Рапорт командира Отдельного Кавказского корпуса Г. В. Розена военному министру А. И. Чернышеву о Гасанбее Чачба – Шервашидзе. 174
2.52 Из предписания командира Отдельного Кавказского корпуса Г. В. Розена ген.-л. Багратиону об освоении и благоустройстве Абхазии. .174
2.53 Рапорт ген.-л. Багратиона командиру Отдельного Кавказского корпуса Г. В. Розену о поездке в Абхазию. 177
2.54 Из рапорта командира 3-й бригады 22-й пехотной дивизии Г. В. Вакулинского командиру Отдельного Кавказского корпуса Г. В. Розену о нападении черкесов на абхазские селения. 178
2.55 Из рапорта командира 3-й бригады 22-й пехотной дивизии Г. В. Вакулинского командиру отдельного кавказского корпуса Г. В. Розену о распространении в Абхазии местными турками провокационных слухов в пользу Турции. 179
2.56 Дюбуа Де Монперэ Ф. Путешествие по Кавказу. Сведения об Абхазии. ...180
2.57 Рапорт командира 3-й бригады 22-й пехотной дивизии Г. В. Вакулинского командиру отдельного кавказского корпуса Г. В. Розену о намерении черкесов напасть на Абхазию. 184
2.58 Подробное описание. Составлено из лучших сведений об Абхазии. 186
2.59 Из предписания командира отдельного кавказского корпуса Г. В. Розена владетелю Абхазии Михаилу Чачба – Шервашидзе. 189

2.60 Из отношения командира отдельного кавказского корпуса Г. В. Розена военному министру А. И. Чернышеву о побеге Александра Чачба – Шервашидзе в Цебельду. 189
2.61 Отношение военного министра А. И. Чернышева командиру Отдельного Кавказского корпуса Г. В. Розену. 190
2.62 Отношение командира отдельного кавказского корпуса Г. В. Розена военному министру А. И. Чернышеву о возвращении князя Александра Чачба – Шервашидзе в Лыхны. 190
2.63 Памятная записка командира Отдельного Кавказского корпуса Г. В. Розена для поручика Каца Манн – Маргания о требованиях к владетелю Абхазии. 191
2.64 Евецкий О. Статистическое описание Абхазского княжества. 192
2.65 Торнау Ф. Ф. Воспоминания Кавказского офицера. Ч.1. Об Абхазии и абхазах. (Извлечения). 193
2.66 Торнау Ф. Ф. Воспоминания Кавказского офицера. Ч. 2. Об Абхазии и Абхазах. 202
2.67 Из рапорта поручика Ф. Ф. Торнау начальнику штаба отдельного Кавказского корпуса В. Д. Вольховскому о намерении разведать дорогу от Гагры до Геленджика. 204
2.68 Из письма поручика Ф. Ф. Торнау и. о. обер-квартирмейстера отдельного Кавказского корпуса Х. Х. Фон Дер Ховену о трудностях, встретивших его в поездке по Абхазии. 206
2.69 Из рапорта поручика Ф. Ф. Торнау и. о. обер-квартирмейстеру отдельного Кавказского корпуса Х. Х. Фон Дер Ховену о «главнейших лицах» между садзами (джигетами). 207
2.70 Из отношения командира Отдельного Кавказского корпуса Г. В. Розена военному министру А. И. Чернышеву о нападении горцев на укрепление Гагры. 207
2.71 Из отношения командира отдельного кавказского корпуса Г. В. Розена военному министру А. И. Чернышеву. 208
2.72 Отношение командира Отдельного Кавказского корпуса Г. В. Розена военному министру А. И. Чернышеву о сведениях поручика Ф. Ф. Торнау и управляющего Имеретией А. Г. Пацовского о ранее не исследованных областях Кавказа. 208
2.73 Сафонов С. В. Поездка к восточным берегам Черного моря. (Извлечение). 211
2.74 Из всеподданнейшего рапорта Новороссийского генерал-губернатора М. С. Воронцова Николаю I о посещении Абхазии. 213
2.75 Рапорт управляющего Имеретией ген.-м. Д. Д. Ахлестышева командиру отдельного кавказского корпуса Г. В. Розену о прибытии к горцам англо-турецких агентов. 214

АЛТАИР

2.76 Отношение командира Отдельного Кавказского корпуса Г. В. Розена военному министру А. И. Чернышеву о неблагонадежности владетеля Абхазии Михиала Чачба – Шервашидзе. 215
2.77 Спенсер Э. Путешествие в Черкессию. (Извлечение)....216
2.78 Командиру «Абхазского отряда» полковнику А. Г. Пацовскому о ссоре Гасанбея Чачба – Шервашидзе с Цебельдинцами. 217
2.79 Рапорт управляющего Имеретией ген.-м. Д. Д. Ахлестышева командиру отдельного кавказского корпуса Г. В. Розену о столкновении Гасанбея Чачба – Шервашидзе с Цебельдинцами. 218
2.80 Рапорт командира отдельного кавказского корпуса Е. А. Головина военному министру А. И. Чернышеву о подарке княгини Тамары Шервашидзе русским войскам в Абхазии. 219
2.81 Согум-Кале (из путевых записок о Кавказе). 219
2.82 Отношение военного министра А. И. Чернышева командиру отдельного кавказского корпуса Е. А. Головину об учреждении Черноморской береговой линии. 227
2.83 Рапорт начальника 2-го отделения Черноморской береговой линии М. М. Ольшевского начальнику Черноморской береговой линии Н. Н. Раевскому о работах в Сухуме. 229
2.84 Из рапорта командира отдельного кавказского корпуса Е. А. Головина военному министру А. И. Чернышеву о нападении горцев на укрепление Навагинское. 230
2.85 Из рапорта командира Отдельного Кавказского корпуса Е. А. Головина военному министру А. И. Чернышеву о решимости дальцев восстать против царизма. 230
2.86 Записка Начальника Черноморской береговой линии Н. Н. Раевского о женитьбах владетеля Абхазии М. Г. Чачба – Шервашидзе....231
2.87 Из записки начальника Черноморской береговой линии ген. Н. Н. Раевского о торговле с горцами и переселении на восточный берег. 232
2.88 Из рапорта начальника 2-го отделения Черноморской береговой линии М. М. Ольшевского начальнику Черноморской береговой линии Н. Н. Раевскому об усердии владетеля Абхазии М. Г. Чачба – Шервашидзе в «покорении» джигетских и убыхских князей. 235
2.89 Рапорт начальника Черноморской береговой линии г. военному министру от 16 марта 1840 года за № 2....236
2.90 Рапорт командира отдельного кавказского корпуса Е. А. Головина военному министру А. И. Чернышеву о принятии русского подданства цандрипшскими и Псхувскими князьями. 237
2.91 Обзор политического состояния Кавказа 1840 года. 238
2.92 Рапорт командира Отдельного Кавказского корпуса Е. А. Головина военному министру А. И. Чернышеву о восстании в Цебельде. 241

2.93 Рапорт Начальника Черноморской береговой линии Н. Н. Раевского военному министру А. И. Чернышеву о событиях в Цебельде. 243
2.94 Из рапорта Начальника Черноморской береговой линии Н. Н. Раевского военному министру А. И. Чернышеву о готовности джигетов принять подданство России. 251
2.95 Рапорт начальника Черноморской береговой линии Н. Н. Раевского командиру отдельного кавказского корпуса Е. А. Головину о создании Псхувского приставства. 251
2.96 Рапорт командира отдельного кавказского корпуса Е. А. Головина военному министру А. И. Чернышеву о намерении убыхов вторгнуться в Абхазию. 253
2.97 Из рапорта начальника Черноморской береговой линии Н. Н. Раевского командиру отдельного кавказского корпуса Е. А. Головину о Шабате Маршания. 254
2.98 Из рапорта начальника Черноморской береговой линии Н. Н. Раевского военному министру А. И. Чернышеву....255
2.99 Из «выписки обзора Черноморской береговой линии и предложений для лучшего ее устройства»....256
2.100 Из рапорта начальника Черноморской береговой линии Н. Н. Раевского военному министру А. И. Чернышеву о ситуации в Дале...257
2.101 Клятвенное обещание джигетов в верности Николаю I. 258
2.102 Рапорт и. д. начальника Черноморской береговой линии И. Р. Анрепа командиру Отдельного Кавказского корпуса Е. А. Головину о присяге князей и дворян джигетского племени Хамыш на верноподданство России. 259
2.103 Рапорт и. д. начальника Черноморской береговой линии И. Р. Анрепа командиру отдельного кавказского корпуса Е. А. Головину о присяге на верность джигетских и убыхских дворян. 260
2.104 И. д. Начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии полковника Н. Н. Муравьева в землю джигетов. 266
2.105 Грамота Николаю I владетелю Абхазии М. Г. Чачба – Шервашидзе о его награждении орденом Св. Анны первой степени....269
2.106 Записка директора канцелярии военного министерства М. М. Брискорна заведующему инспекторским департаментом военного министерства П. А. Клейнмихелю о пожаловании знамени джигетскому народу. 269
2.107 Приказ военного министра А. И. Чернышева о награждении джигетских и убыхских князей. 270
2.108 Справка о положении в Абхазии, составленная в военном министерстве. 270
2.109 Рапорт владетеля Абхазии М. Г. Чачба – Шервашидзе и. д. начальника Черноморской береговой линии А. И. Будберга о результатах экспедиции в Псху. 271

АЛЫТАЖИР

2.110 Рапорт и. д. начальника Черноморской береговой линии А. И. Будберга командиру отдельного кавказского корпуса А. И. Нейдгарту о необходимости оставления аманатов в Абхазии. 275
2.111 Из рапорта и. д. начальника Черноморской береговой линии А. И. Будберга командиру отдельного кавказского корпуса А. И. Нейдгарту о раздорах среди убыхов и принесении из рап. «Покорности» джигетскими общинами. 277
2.112 Из рапорта и. д. начальника Черноморской береговой линии А. И. Будберга командиру отдельного кавказского корпуса А. И. Нейдгарту о разработке дороги в укр. Марамба и голоде в Цебельде. 281
2.113 Из рапорта и. д. начальника Черноморской береговой линии А. И. Будберга командиру отдельного кавказского корпуса А. И. Нейдгарту относительно голода в Самурзакане. 283
2.114 Рапорт воинского начальника форта головинского подполковника янчина начальнику Черноморской береговой линии А. И. Будбергу о намерении убыхов захватить форт. 284
2.115 Выписка из рапорта Начальника Черноморской береговой линии А. И. Будберга главнокомандующему Отдельного Кавказского корпуса А. И. Нейдгарту о привлечении убыхов и джигетов к земляным работам в укр. Св. Духа. 285
2.116 Из рапорта и. д. Военного начальника укр. Св. Духа майора С. Т. Званба начальнику 3-го отделения Черноморской береговой линии ген.-И. К. К. Врангелю о суеверии джигетов. 285
2.117 Из рапорта начальника Черноморской береговой линии А. И. Будберга главнокомандующему отдельного кавказского корпуса А. И. Нейдгарту об изъявлении покорности России жителей Аибги и Ахчипсоу. 286
2.118 Выписка из рапорта начальника Черноморской береговой линии А. И. Будберга главнокомандующему отдельного кавказского корпуса А. И. Нейдгарту о поездке по линии. 288
2.119 Письмо владетеля Абхазии М. Г. Чачба – Шервашидзе начальнику Черноморской береговой линии Е. П. Врангелю о запрете торговли людьми. 289
2.120 Из рапорта начальника Черноморской береговой линии А. И. Будберга главнокомандующему отдельного кавказского корпуса М. С. Воронцову о раздорах внутри фамилии Маан. 290
2.121 Из рапорта начальника Черноморской береговой линии А. И. Будберга главнокомандующему отдельного кавказского корпуса М. С. Воронцову о нововведениях, учиненных владетелем Абхазии. 290
2.122 Из рапорта начальника Черноморской береговой линии А. И. Будберга главнокомандующему отдельного кавказского корпуса М. С. Воронцову о рождении сына у владетеля Абхазии М. Г. Чачба – Шервашидзе. ..291
2.123 Выписка из журнала кавказского комитета. 292

2.124 Письмо владетеля Мегрелии Левана Дадиани наместнику Кавказа М. С. Воронцову о крестьянских перебежчиках из Мегрелии в Самурзакань. 293
2.125 Отношение наместника Кавказа М. С. Воронцова к военному министру А. И. Чернышеву о происшествии в селе Пахулани. 294
2.126 Отношение военного министра А. И. Чернышева наместнику Кавказа М. С. Воронцову о наказании самурзаканских князей Чачба – Шервашидзе..295
2.127 Рапорт кутаисского военного губернатора, управляющего и гражданской частью наместнику Кавказа М. С. Воронцову о взаимоотношениях Самурзакани и Мегрелии. 296
2.128 Из рапорта начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии К. К. Гогенбаха и. д. Начальнику Черноморской береговой линии Л. М. Серебрякову о территориальных спорах владетеля Абхазии с князьями Маршан. 297
2.129 Из рапорта помощника начальника генерального штаба кавказского корпуса ген.-м. И. И. Гогеля начальнику Черноморской береговой линии А. Я. Будбергу о Соломоне Маан. 299
2.130 Письмо военного министра А. И. Чернышева министру иностранных дел К. В. Нессельроде о предполагаемой поездке владетеля Абхазии М. Г. Чачба – Шервашидзе в Петербург. 299
2.131 Список лиц, отправившихся с владетелем Абхазии в Петербург. 300
2.132 Письмо товарища военного министра ген.-адъют. Князя Долгорукова управляющему министерством иностранных дел о поездке владетеля Абхазии М. Г. Чачба – Шервашидзе в Петербург. 300
2.133 Из «записки об устройстве части дороги между кр. Сухум-Кале и Пятигорском…» инженера капитана Иогеля и топографа капитана Рябова...301
2.134 Из рапорта начальника Черноморской береговой линии А. И. Будберга наместнику Кавказа М. С. Воронцову о нападении князя Эшсоу Маршан на села гуп и члоу. 301
2.135 Из рапорта начальника Черноморской береговой линии А. И. Будберга наместнику Кавказа М. С. Воронцову об опасениях джигетов в связи с появлением Магомета Амина у убыхов. 302
2.136 Выписка из представления обер прокурора святейшего синода об учреждении архиерейской кафедры и духовной миссии в Абхазии. 303
2.137 Из рапорта начальника Черноморской береговой линии А. И. Будберга наместнику Кавказа М. С. Воронцову об удержании джигетов от связей с Магаметом Амином. 303
2.138 Письмо владетеля Абхазии М. Г. Чачба – Шервашидзе главнокомандующему на Кавказе М. С. Воронцову о планах Магомета Амина вторгнуться в Абхазию и необходимости воспрепятствовать этому. 305
2.139 Отношение начальника Черноморской береговой линии А. И. Будберга начальнику главного штаба отдельного кавказского корпуса П. Е. Коцебу. 306

АЛБТАИР

2.140 Отношение наместника Кавказа М. С. Воронцова начальнику Черноморской береговой линии А. И. Будбергу об учреждении архиепископской кафедры в Абхазии. 308
2.141 Игнатьев Н. П. Кавказский край (Военная география). Извлечение из курса лекций, прочитанного в военной академии генерального штаба.....309
2.142 Из отчета и. д. начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии Н. П. Колюбакина по гражданскому управлению за 1851 год. 310
2.143 Из рапорта начальника Черноморской береговой линии Л. М. Серебрякова главнокомандующему отдельным кавказским корпусом М. С. Воронцову о необходимости оказания помощи джигетам против убыхов. 312
2.144 Из рапорта начальника Черноморской береговой линии Л. М. Серебрякова главнокомандующему отдельным кавказским корпусом М. С. Воронцову об удержании джигетов в покорности и защите их от убыхов и о событиях в селе Акапа....313
2.145 Из рапорта начальника Черноморской береговой линии Л. М. Серебрякова главнокомандующему отдельным кавказским корпусом М. С. Воронцову об опасности вторжения убыхов под руководством Магомета Амина в Абхазию. 315
2.146 Из рапорта начальника Черноморской береговой линии Л. М. Серебрякова главнокомандующему отдельным кавказским корпусом М. С. Воронцову о ситуации в Абхазии. 316
2.147 Рапорт начальника Черноморской береговой линии Л. М. Серебрякова главнокомандующему отдельным кавказским корпусом М. С. Воронцову о переговорах с джигетами относительно их защиты от убыхов. 316
2.148 Расписка крестьянина Джуку Джинджолия, данная им князю Кадырбею Чачба – Шервашидзе. 318
2.149 Из донесения начальника Черноморской береговой линии Л. М. Серебрякова главнокомандующему отдельным кавказским корпусом М. С. Воронцову о переходе джигетских князей на сторону Магомета Амина. 318
2.150 Выписка из рапорта и. д. начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии Н. П. Колюбакина начальнику Черноморской береговой линии Л. М. Серебрякову о необходимости нововведений у джигетов.....319
2.151 Из записки начальника Черноморской береговой линии Л. М. Серебрякова о религиозной ситуации среди абхазов и их веротерпимости. 319
2.152 Из рапорта начальника Черноморской береговой линии Л. М. Серебрякова главнокомандующему отдельным кавказским корпусом М. С. Воронцову об осложнении ситуации в Абхазии. 320
2.153 Предписание начальника Черноморской береговой линии Л. М. Серебрякова и. д. начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии Н. П. Колюбакину об изыскании средств к освобождению мальчика Плука и девочки Сеймы от неволи. 321

2.154 Расписка князя Зураба Аимхаа – Эмухвари князю Тагоу Ачба – Анчабадзе. 322
2.155 Рапорт начальника Черноморской береговой линии Л. М. Серебрякова главнокомандующему отдельным кавказским корпусом М. С. Воронцову о невольничестве арапов в Абхазии. 323
2.156 Чернышев К. Еще об Абхазии. Извлечение из письма К. Чернышева к А. П. Берже. 323
2.157 Пушкарев С. Абхазия и абхазцы. (Извлечение). 328
2.158 Из отношения управляющего гражданской частью на Кавказе ген. Н. А. Реада военному министру В. А. Долгорукову о выводе войск из Абхазии. 335
2.159 Из отношения военного министра В. А. Долгорукова командующему отдельным кавказским корпусом Н. А. Реаду о выводе войск из Абхазии.335
2.160 Донесение владетеля Абхазии М. Г. Чачба – Шервашидзе управляющему гражданской частью на Кавказе ген. Н. А. Реаду о выводе русских войск из Абхазии. 336
2.161 Письмо владетеля Абхазии М. Г. Чачба – Шервашидзе командующему отдельным кавказским корпусом Н. А. Реаду о высадке турецких войск в Сухуме. 338
2.162 Из отношения военного министра В. А. Долгорукова командующему отдельным кавказским корпусом Н. А. Реаду....340
2.163 Рапорт командующего отдельным кавказским корпусом Н. А. Реада военному министру В. А. Долгорукову о положении в Абхазии. 340
2.164 Из отношения военного министра В. А. Долгорукова к наказному атаману войска донского. 343
2.165 Из рапорта командующего отдельным кавказским корпусом Н. А. Реада военному министру В. А. Долгорукову об отказе убыхов сотрудничать с Магометом Эмином. 344
2.166 Из донесения начальника главного штаба войск на Кавказе временному командующему войсками кавказской линии и Черномории Е. П. Врангелю. 345
2.167 Рапорт командующего кавказским отдельным корпусом Н. А. Реада военному министру В. А. Долгорукову о поведении князя Александра Чачба – Шервашидзе. 346
2.168 Из рапорта самурзаканского пристава майора Микеладзе командующему войсками, расположенными между реками Хопи и Ингуром, ген.-м. Дадиани....347
2.169 Из доклада временно управляющего кавказским краем ген. В. О. Бебутова главнокомандующему отдельным кавказским корпусом Н. Н. Муравьеву о вознаграждении Михаила и Дмитрия Чачба – Шервашидзе за утрату таможенных пошлин....347
2.170 Отношение военного министра В. А. Долгорукова главнокомандующему отдельным кавказским корпусом Н. Н. Муравьеву. 349

АЛБТАИР

2.171 Из отношения главнокомандующего отдельным кавказским корпусом Н. Н. Муравьева военному министру В. А. Долгорукову. 349
2.172 Письмо полковника дмитрия Чачба – Шервашидзе командующему турецкими войсками в Абхазии Омеру-паше об отказе перейти на сторону Османской империи. 350
2.173 Из письма кутаисского военного губернатора Н. П. Колюбакина временному управляющему кавказским краем ген. В. О. Бебутову о прибытии Омер-паши в Сухум. 350
2.174 Из «подробного описания дел, бывшего 25-го октября 1855 года на реке Ингур при вторжении омер-паши в Мингрелии», составленного начальником гурийского отряда И. К. Багратион-Мухранским. 351
2.175 Предписание главнокомандующего отдельным кавказским корпусом Н. Н. Муравьева временному управляющему кавказским краем ген. В. О. Бебутову. 352
2.176 Рапорт временно управляющего кавказским краем ген. В. О. Бебутова главнокомандующему отдельным кавказским корпусом Н. Н. Муравьеву. ..353
2.177 Рапорт главнокомандующего отдельным кавказским корпусом Н. Н. Муравьева военному министру В. А. Долгорукову о выделении пенсии княгине Тати Шервашидзе. 353
2.178 Из рапорта главнокомандующего отдельным кавказским корпусом Н. Н. Муравьева военному министру В. А. Долгорукову о поведении владетеля Абхазии во время ее оккупации турецкими войсками. 354
2.179 Из отношения военного министра Н. О. Сухозанета главнокомандующему отдельным кавказским корпусом Н. Н. Муравьеву. 357
2.180 Рапорт владетеля Абхазии М. Г. Чачба – Шервашидзе главнокомандующему отдельным кавказским корпусом Н. Н. Муравьеву о положении в Абхазии после ухода турецких войск.....357
2.181 Из рапорта главнокомандующего отдельным кавказским корпусом Н. Н. Муравьева военному министру Н. О. Сухозанету.....358
2.182 Письмо главнокомандующего отдельным кавказским корпусом Н. Н. Муравьева графу Орлову о достоинствах князя Дмитрия Чачба – Шервашидзе. 358
2.183 Из отношения штаба отдельного кавказского корпуса к директору канцелярии наместника Кавказа о статусе Абхазии в составе Российской империи. 359
2.184 Из записки главнокомандующего отдельным кавказским корпусом А. И. Барятинского военному министру Н. О. Сухозанету «о частом появлении на восточном берегу Черного моря английских пароходов и о сношении их с горцами». 360
2.185 Из донесения главнокомандующего отдельным кавказским корпусом А. И. Барятинского министру иностранных дел К. В. Нессельроде. 361
2.186 Из «записки о военных действиях гурийского отряда за время командования ген.-м. Багратион-Мухранским», составленной начальником штаба этого отряда полковником П. К. Усларом.....361

2.187 Берже А. П. Краткий обзор горских племен на Кавказе (Извлечение). 363
2.188 Контракт, заключенный князьями Батом, Алмасханом и Кацом Аимхаа – Эмухвари с коллежским регистратором Карлом Звиноградзким о продаже ему самшитового (пальмового) леса.....365
2.189 Письмо начальника главного штаба кавказской армии Карцова владетелю Абхазии М. Г. Чачба – Шервашидзе об отклонении его просьбы по передаче управления Абхазией его сыну. 366
2.190 Из сведений о действиях владетеля Абхазии М. Г. Чачба – Шервашидзе и о положении края. 367

РАЗДЕЛ III.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ, СИСТЕМ ВЛАСТИ, ТРАДИЦИОННОГО ПРАВА АБХАЗИИ С 1864 Г. ДО НАЧАЛА XX ВЕКА

(период нахождения в составе Российской Империи в статусе административно-территориальной единицы – 1864 –1917 гг.)

3.1 Из письма наместника Кавказа вел. князя М. Н. Романова Александру II о положении Абхазии и ее владетеле М. Г. Чачба – Шервашидзе. 377
3.2 Из записки наместника Кавказа вел. князя М. Н. Романова «о положении Абхазии». 378
3.3 Из Записки члена Кавказского комитета Буткова наместнику Кавказа вел. кн. М. Н. Романову о вознаграждении владетеля Абхазии М. Г. Чачба – Шервашидзе в связи с предполагаемым упразднением автономии Абхазии. 380
3.4 Из рапорта кутаисского генерал-губернатора Д. И. Святополк-Мирского наместнику Кавказа вел. князю М. Н. Романову о выселении жителей села Псху.....384
3.5 Отношение генерал-квартирмейстера кавказской армии начальнику главного управления наместника Кавказа ст. сек. Барон А. Николаи об образовании Сухумского военного отдела в составе кутаисского генерал-губернаторства. 384
3.6 Из письма наместника Кавказа вел. князя М. Н. Романова Александру II о введении в Абхазии нового управления. 385
3.7 Рапорт командующего войсками в Абхазии полк. Коньяра кутаисскому генерал-губернатору Д. И. Святополк-Мирскому об аресте кн. М. Г. Чачба – Шервашидзе.....386
3.8 Объяснение М. Г. Чачба – Шервашидзе кутаисскому генерал-губернатору Д. И. Святополк-Мирскому о его намерениях, послуживших причиной его ареста. 387

АЛЫТАИР

3.9 Рапорт полк. В. А. Коньяра кутаисскому генерал-губернатору Д. И. Святополк-Мирскому об отправке кн. М. Г. Чачба – Шервашидзе в Новороссийск. 388
3.10 Шифрованная телеграмма Александра II наместнику Кавказа вел. князю М. Н. Романову. 389
3.11 Записка наместника Кавказа вел. князя М. Н. Романова Александру II об отстранении М. Г. Чачба – Шервашидзе от владения Абхазией. 389
3.12 Из отношения наместника Кавказа вел. князя М. Н. Романова военному министру Д. А. Милютину о выселении М. Г. Чачба – Шервашидзе из Абхазии. 398
3.13 Из отношения военного министра Д. А. Милютина министру иностранных дел о выселении М. Г. Чачба – Шервашидзе в г. Воронеж. 399
3.14 Сообщение военного министра Милютина главнокомандующему кавказской армией М. Н. Романову об увольнении со службы кн. Шервашидзе и высылке его в г. Воронеж. 399
3.15 Отношение министра внутренних дел главному начальнику III отделения собственной Е. И. В. Канцелярии. 400
3.16 Опись по оброку и повинностям, лежавших на самурзаканских крестьянах. 400
3.17 Прошение самурзаканских князей Начальнику Самурзаканского и Абжуийского военного округа майора Кишельскому о своих правах в отношении, принадлежащих им крестьян. 403
3.18 Письмо председателя комиссии по описи и оценке имений и доходов бывшего владетеля Абхазии ген.-м. Е. Понсэ в главный штаб кавказской армии. 404
3.19 Рапорт Начальника Сухумского военного отдела ген.-м. П. Н. Шатилова Кутаисскому генерал-губернатору Д. И. Святополк-Мирскому о сословных отношениях в Абхазии с их владельцами и существовавших прежде, при освобождении, обычаях. 406
3.20 Рапорт Начальника Сухумского военного отдела ген.-м. П. Н. Шатилова Кутаисскому генерал-губернатору Д. И. Святополк-Мирскому о необходимости создания Комиссии по упорядочению социальных отношений в Абхазии. 409
3.21 Выписка из следственного дела о принадлежности земель, расположенных между р. Бзыбь и г. Гагры. 411
3.22 Рапорт Начальника Сухумского военного отдела полковника В. М. Коньяра Кутаисскому генерал-губернатору Д. И. Святополк-Мирскому о повинностях, отбываемых крестьянами в Абхазии. 413
3.23 Описание сословных отношений в Самурзакане. 414
3.24 Ответы на вопросы, предложенные Кутаисским генерал-губернатором Д. А. Святополк-Мирским и. д. начальника Абжуйского округа и управляющего Самурзаканью майору Кишельскому о зависимых

сословиях и выполняемых ими повинностях в Абжуйском округе и Самурзаканском приставстве. 418
3.25 Ответы на вопросы, предложенные Кутаисским генерал-губернатором Д. А. Святополк-Мирским и. д. начальника Цебельдинского приставства капитану Канашевичу о зависимых сословиях и выполняемых ими повинностях в Цебельдниском приставстве. 421
3.26 Ответы на вопросы, предложенные Кутаисским генерал-губернатором Д. А. Святополк-Мирским и. д. начальника Сухумского округа капитану де Кацману о зависимых сословиях и выполняемых ими повинностях в Абхазии. 422
3.27 Ответы на вопросы, предложенные Кутаисским генерал-губернатором Д. А. Святополк-Мирским и. д. начальника Бзыбского округа капитану Синокову о зависимых сословиях и выполняемых ими повинностях в Бзыбском округе. 427
3.28 Рапорт пристава Цебельды Канашевича и. д. начальника Сухумского военного отдела полковнику В. М. Коньяру о повинностях Анхаю и Ахою (Агырва). 431
3.29 Рапорт пристава Цебельды Канашевича и. д. начальника Сухумского военного отдела полковнику В. М. Коньяру о стоимости рабов и повинностях отдельных крестьянских категорий. 431
3.30 Докладная записка ген.-лейт. Г. Дадиани начальнику главного управления о распространении крестьянской реформы и на селение Пахулани. 432
3.31 Представление управляющего Мегрелией г. Властова кутаисскому генерал-губернатору об отмене крепостного права в имениях кн. Дадиани. 434
3.32 Из отношения начальника VIII отделения главного штаба военного министерства поручику Баумиллеру о поручении сопровождать тело покойного М. Г. Чачба – Шервашидзе в Абхазию. 435
3.33 Рапорт начальника Сухумского военного отдела в. Коньяра кутаисскому генерал-губернатору Д. И. Святополк-Мирскому о настоянии гр. Дадиани на проведение крестьянской реформы в его имении Пахулани одновременно и на одинаковых с Мегрелией основаниях. 436
3.34 Из рапорта Начальника Сухумского военного округа Б. Кульмана и. д. начальнику Сухумского военного отдела полковнику В. М. Коньяру о видах повинностей, взимавшихся с зависимых крестьян Абхазии. 439
3.35 Сведения об отношениях в Абжуйском округе подвластных крестьян к своим помещикам. 442
3.36 Из приложения к рапорту Председателя Комиссии «приводящей в известность владетельские имения в Абхазии» ген.-м. Е. Понсэ о мнении Комиссии «относительно прав членов владетельского дома на участие во владетельских имениях и доходах». 449
3.37 Краткие заметки Тит. сов. А. П. Черепова о сословиях и взаимных отношениях жителей Бзыбского округа Абхазии. 459

АЙБТАЖИР

3.38 Из докладной записки и. д. начальника Сухумского военного отдела полковника В. М. Коньяра Кутаисскому генерал-губернатору Д. И. Святополк-Мирскому о поземельных отношениях в Абхазии. 471
3.39 Из письма и. д. начальника Бзыбского округа З. Измайлова и. д. начальника Сухумского военного отдела полковнику В. М. Коньяру об отказе населения дать сведения. 475
3.40 Рапорт и. д. начальника Сухумского военного отдела полковника В. М. Коньяра кутаисскому генерал-губернатору Д. И. Святополк-Мирскому. 475
3.41 Рапорт и. д. начальника Сухумского военного отдела полковника В. М. Коньяра кутаисскому генерал-губернатору Д. И. Святополк-Мирскому. 478
3.42 Рапорт ст. сов. капитан-лейтенанта Карганова Начальнику Кавказского горского управления Д. С. Старосельскому о прекращении работы по собиранию сведений в Цебельде в связи с восстанием в Бзыбской Абхазии. 478
3.43 Рапорт майора С. Г. Баратова в Кавказское горское управление о своей командировке в Сухумский округ для сбора сведений. 479
3.44 Из телеграммы Наместника Кавказа вел. князя М. Н. Романова военному министру Д. А. Милютину о восстании в Абхазии. 480
3.45 Телеграмма Наместника Кавказа вел. князя М. Н. Романова Александру II о восстании в Абхазии. 480
3.46 Из телеграммы Кутаисского генерал-губернатора Д. И. Святополк-Мирского Наместнику Кавказа вел. князю М. Н. Романову о событиях в Абхазии. 481
3.47 Телеграмма Наместника Кавказа вел. князя М. Н. Романова Александру II. 481
3.48 Из рапорта Начальника Сухумского отряда полковника фон Кульмана Кутаисскому генерал-губернатору Д. И. Святополк-Мирскому о действиях отряда по подавлению восстания в Абхазии. 482
3.49 Из телеграммы Александра II наместнику Кавказа вел. князю М. Н. Романову. 484
3.50 Из телеграммы Кутаисского генерал-губернатора Д. И. Святополк-Мирского Наместнику Кавказа вел. князю М. Н. Романову о событиях в Абхазии. 484
3.51 Донесение генерального консула ст. сов. Мошнина в императорскую миссию. 484
3.52 Телеграмма Наместника Кавказа вел. князя М. Н. Романова Александру II. 486
3.53 Из рапорта воинского начальника укрепления Гагры Берты де Лагарда Кутаисскому генерал-губернатору Д. И. Святополк-Мирскому о намерении старшин Гагринского поселения эмигрировать в Турцию и об их имуществе. 486

3.54 Телеграмма Наместника Кавказа вел. князя М. Н. Романова Александру II. 487
3.55 Отношение Главнокомандующего Кавказской армией вел. князя М. Н. Романова военному министру Д. А. Милютину О восстании в Абхазии и принятых в связи с ней мерах. 488
3.56 Письмо Наместника Кавказа вел. князя М. Н. Романова военному министру Д. А. Милютину о восстании в Абхазии. 489
3.57 Указ императора с положением об управлении Абхазиею. 491
3.58 Из телеграммы Кутаисского генерал-губернатора Д. И. Святополк-Мирского Наместнику Кавказа вел. князю М. Н. Романову. 495
3.59 Показания штатного переводчика управления Сухумского военного отдела милиции поручика Г. Ткецишвили о причинах и ходе восстания в Бзыбской Абхазии. 495
3.60 Из телеграммы Александра II наместнику Кавказа вел. князю М. Н. Романову. 503
3.61 Телеграмма Главнокомандующего Кавказской армией вел. князя М. Н. Романова военному министру Д. А. Милютину. 504
3.62 Из письма Наместника Кавказа вел. князя М. Н. Романова Кутаисскому генерал-губернатору Д. И. Святополк-Мирскому о наказании Бзыбских повстанцев. 504
3.63 Отношение и. д. Тифлисского коменданта Начальнику Кавказского горского управления Д. С. Старосельскому об аресте трех активных участников восстания в Абхазии. 505
3.64 Телеграмма военного министра Д. А. Милютина Наместнику Кавказа вел. князю М. Н. Романову. 505
3.65 Из письма Кутаисского генерал-губернатора Д. И. Святополк-Мирского Наместнику Кавказа вел. князю М. Н. Романову об обезоружении населения Абхазии. 505
3.66 Из телеграммы Кутаисского генерал-губернатора Д. И. Святополк-Мирского Наместнику Кавказа вел. князю М. Н. Романову. 506
3.67 Предписание наместника кавказского М. Н. Романова Кутаисскому генерал-губернатору Д. И. Святополк-Мирскому об организации следственной комиссии по выяснению причин восстания в Абхазии и привлечении к уголовной ответственности участников восстания. 506
3.68 Письмо министра внутренних дел военному министру Д. А. Милютину. .511
3.69 Телеграмма Наместника Кавказа вел. князя М. Н. Романова военному министру Д. А. Милютину. 513
3.70 Телеграмма военного министра Д. А. Милютина Наместнику Кавказа вел. князю М. Н. Романову. 513
3.71 Справка о Г. М. Чачба – Шервашидзе. 513

АЙТАМИР

3.72 Рапорт Кутаисского генерал-губернатора Д. И. Святополк-Мирского Наместнику Кавказа вел. князю М. Н. Романову о ходе и подавлении восстания в Абхазии. 514
3.73 Об устройстве Сухумского отдела. 524
3.74 Докладная записка кутаисского генерал-губернатора Святополк-Мирского наместнику Кавказа М. Н. Романову о вознаграждении дома Шервашидзе....528
3.75 Из докладной записки кутаисского генерал-губернатора Д. И. Святополк-Мирского о стратегическом значении Абхазии. 534
3.76 Письмо начальника кавказского горского управления Д. С. Старосельского кутаисскому генерал-губернатору Д. И. Святополк-Мирскому о возобновлении работ по подготовке проведения крестьянской реформы в Абхазии, в терской и дегестанской областях, Кабарде, прерванной в связи с абхазским восстанием 1866 года. 535
3.77 Из записки начальника кавказского горского управления старосельского наместнику Кавказа М. Н. Романову о результатах работы следственной комиссии и о причинах восстания в Абхазии. 535
3.78 Из следственного дела о восстании в Абхазии....549
3.79 Записка капитан-лейтенанта Карганова «Сведения о взаимных отношениях Цебельдинского населения». 569
3.80 Аверкиев И. С северо-восточного прибрежья Черного моря. (Извлечение)....572
3.81 Письмо посланника в Константинополе Н. П. Игнатьева в министерство иностранных дел. 607
3.82 Из письма Наместника Кавказа вел. князя М. Н. Романова Александру II о мерах, принятых против абхазских повстанцев. 609
3.83 Письмо министра государственных имуществ военному министру Д. А. Милютину....609
3.84 Письмо товарища министра иностранных дел военному министру Д. А. Милютину....610
3.85 Справка о Григорие Чачба – Шервашидзе. 610
3.86 Отношение главнокомандующего кавказскою армиею М. Н. Романова кутаисскому генерал-губернатору Д. И. Святополк-Мирскому о наказании населения Цебельды. 610
3.87 Из письма Наместника Кавказа вел. князя М. Н. Романова Александру II о переселении абхазов в Турцию....611
3.88 Письмо главнокомандующего кавказскою армиею М. Н. Романова военному министру Д. А. Милютину о поведении князей Георгия и Александра Чачба – Шервашидзе во время лыхненского восстания и наказании их. 611
3.89 Письмо главнокомандующего кавказскою армиею М. Н. Романова военному министру Д. А. Милютину о вознаграждении членов фамилии Чачба – Шервашидзе. 615

3.90 Записка начальника кавказского горского управления ген.-м. Д. С. Старосельского по вопросу о вознаграждении членов владетельного дома князей Чачба – Шервашидзе....617
3.91 Сведения о взаимных отношениях Цебельдинского населения. 632
3.92 Письмо Начальника Сухумского военного отдела М. Толстого Кутаисскому генерал-губернатору Д. И. Святополк-Мирскому о переселении абхазов в Турцию. 635
3.93 Из письма Наместника Кавказа вел. князя М. Н. Романова Александру II. 636
3.94 Рапорт помощника Главнокомандующего Кавказской армией ген.-адъют. Карцева Начальнику Главного штаба. 636
3.95 Рапорт Начальника Сухумского военного отдела М. Толстого Кутаисскому генерал-губернатору Д. И. Святополк-Мирскому о переселении в Турцию Псхувцев и джигетов. 636
3.96 Письмо Начальника Сухумского военного отдела М. Толстого Кутаисскому генерал-губернатору Д. И. Святополк-Мирскому о переселении абхазского населения в Турцию. 637
3.97 Письмо военного министра Д. А. Милютина в Кавказский комитет о вознаграждении членов владетельного дома князей Чачба – Шервашидзе. 638
3.98 Отношение военного министра Д. А. Милютина главнокомандующему кавказскою армиею М. Н. Романова об удалении с Кавказа князей александра и Георгия Чачба – Шервашидзе. 641
3.99 Отношение военного министра Д. А. Милютина министру внутренних дел об удалении с Кавказа князей Александра и Георгия Чачба – Шервашидзе....642
3.100 Отношение Начальника Главного штаба ген.-адъют. Гейдена Командующему войсками Оренбургского военного округа об удалении с Кавказа князей Александра и Георгия Чачба – Шервашидзе....642
3.101 Из рапорта Начальника Сухумского военного отдела М. Толстого Кутаисскому генерал-губернатору Д. И. Святополк-Мирскому о переселении абхазского населения в Турцию. 643
3.102 Выписка из журнала кавказского комитета. 648
3.103 Донесение генерального консула в Трапезунде А. Н. Мошнина в российскую императорскую миссию в Константинополе о пребывании абхазских переселенцев в Турцию....650
3.104 Из письма Начальника Сухумского военного отдела М. Толстого Кутаисскому генерал-губернатору Д. И. Святополк-Мирскому о переселении абхазов в Турцию. 651
3.105 Из донесения Начальника Сухумского военного отдела М. Толстого Начальнику Кавказского горского управления ген.-м. Д. С. Старосельскому об окончании переселения абхазского населения в Турцию. 652

АЛБТАИР

3.106 Донесение генерального консула в Трапезунде А. Н. Мошнина в российскую императорскую миссию в Константинополе о переселении абхазцев из «пограничных мест». 653
3.107 Отношение Наместника Кавказа вел. князя М. Н. Романова военному министру Д. А. Милютину о выселении части абхазского населения в Турцию. 655
3.108 Письмо Наместника Кавказа вел. князя М. Н. Романова военному министру Д. А. Милютину об учреждении опеки и попечительства над детьми покойного владетеля Абхазии. 657
3.109 Из докладной записки и. д. начальника Сухумского военного отдела В. А. Геймана Начальнику Кавказского горского управления ген.-м. Д. С. Старосельскому о состоянии Абхазии. 658
3.110 Из донесения Наместника Кавказа вел. князя М. Н. Романова военному министру Д. А. Милютину о новом административном устройстве Абхазии. 662
3.111 Приказ военного министра Д. А. Милютина о новом административном устройстве Абхазии. 663
3.112 Прошение управляющего имениями Г. Д. Чачба – Шервашидзе губернского секретаря А. В. Пахомова Начальнику Сухумского военного отдела В. А. Гейману о содействии ему в принуждении подвластных князю крестьян, к исполнению лежащих на них обязанностей. 664
3.113 Прошение управляющего имениями Г. Д. Чач ба – Шервашидзе губернского секретаря А. В. Пахомова начальнику пицундского военного округа об отказе крестьян (Анхаю) сел Багажяшта, Цамбейквара и Пшап отбывать повинности. 665
3.114 Объяснительная записка управляющего имениями Г. Д. Чачба – Шервашидзе губернского секретаря А. В. Пахомова в Сухумскую сословно-поземельную комиссию. 666
3.115 Сведения о туземном населении Сухумского отдела. 736
3.116 Рапорт и. д. начальника Сухумского военного отдела В. А. Геймана начальнику кавказского горского управления ген.-м. Д. С. Старосельскому о положении подвластных бывшего владетеля михаила Чачба – Шервашидзе и князя Александра Чачба – Шервашидзе. 737
3.117 Из отношения Наместника Кавказа вел. князя М. Н. Романова военному министру Д. А. Милютину о возвращении князя Александра Чачба – Шервашидзе из ссылки. 738
3.118 Выписка из журнала заседаний комитета по освобождению зависимых сословий в горских племенах Кавказа. 738
3.119 Краевич П. Д. Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакани. (Извлечение). 744
3.120 Записка по вопросу о вознаграждении членов бывшего владетельного дома». (Извлечение). 757

3.121 Краткая записка о сословно-поземельных отношениях в Абхазии и Самурзакани. 764
3.122 Всеподданнейший доклад военного министра ген.-ад. Д. А. Милютина Александру II: «С представлением проекта сословно-поземельной реформы в Сухумском отделе». 777
3.123 О незаметном «вымирании» горских песен и преданий. (Извлечение). 786
3.124 Порядок обсуждения дел на народных сходках в Абхазии и Самурзакани. 789
3.125 Эмухвари А. Самурзаканские поверья. 791
3.126 Иоакимов А. Предрассудки моих учеников (Из жизни пансионеров Сухумской горской школы). 794
3.127 Некоторые верования абхазцев и самурзаканцев. 799
3.128 Иоакимов А. Абхазцы. (Извлечение). 801
3.129 Пасхалов А. «Дудрипш» – святая гора в Абхазии. 812
3.130 О сословном положении владетельских ашнакума. Извлечение из журнала заседаний Сухумской сословно-поземельной комиссии. 818
3.131 Баратов С. Очерк нравов и разделения податного сословия абхазцев из дневника старшего члена комиссии по разбору личных и поземельных прав абхазцев. 819
3.132 Чернявский В. Ловля и похороны душ утопленников в Абхазии. 830
Дополнительная заметка о ловле души утопленника в Абхазии. 830
3.133 Краткое описание страны, лежащей к северу от реки Сочи-Пста до вновь возведенного на Туапсе укрепления. 831
3.134 Чернявский В. Абхазская женщина. (Извлечение). 836
3.135 Чарая П. Абхазия и абхазы (Этнографическое описание). 843
3.136 Гукасянц Л. Поземельное дело в Сухумском округе. 844
3.137 Агич и Акуч (К вопросу о разбоях). 848
3.138 Бернов М. В Абхазии. Дневник русского пешехода. (Извлечение). 852
3.139 Кровавая месть (Из судебной хроники). 854
3.140 Из обычаев абхазцев. 858
3.141 Эсадзе С. К 40-летию уничтожения автономии Абхазии. 859
3.142 Дьячков-Тарасов А.Н. Абхазия и Сухум в XIX столетии. 880

АЙТАМИР

ВВЕДЕНИЕ

Данное издание является составной частью реализуемого с 2009 года 50-томного научно-исследовательского проекта «Антология памятников права народов Кавказа», имеющего целью сделать достоянием современников и будущих поколений людей духовное, нравственное и культурное богатство народов Кавказа, проявлявшееся в особенностях складывавшихся на протяжении тысячелетий систем жизнеобеспечения, самоорганизации, развития специфических разновидностей власти, права, нормативной регламентации общественных отношений, составивших основу созданной и создаваемой ими богатейшей социальной практики, вошедшей в особое культурно-историческое образование, обоснованно называемое теперь Кавказской Цивилизацией.

Одним из побудительных мотивов к изданию данного тома послужил неоспоримый исторический факт становления абхазского общества, государственности и правовой системы, как выражение деятельности относительно немногочисленного, но сумевшего создать и сохранить свою развивающуюся самобытность, системы жизнеобеспечения, власти, права, ценности, несмотря на постоянно, иногда весьма трагично складывавшиеся внешние и внутренние условия своего развития.

Это бесспорное доказательство возможной неуничтожимости малочисленного народа, неоднократно оказывавшегося во власти различных империй, прошедших через его судьбу и уже исчезнувших. А народ Абхазии продолжает развиваться в современном, как говорят, глобализирующемся мире и не собирается исчезать.

С этой точки зрения осмысление его истории оказывается судьбоносным не только для абхазского народа, но и для всех многочисленных малочисленных народов Земли, сохранение и развитие которых является ответственной задачей всего человечества, которое должно рассматривать исчезновение таких народов как начало самоуничтожения самого человечества.

В данный, уже тридцатый том «Антологии памятников права народов Кавказа» включены различные свидетельства исторической судьбы одного из древнейших народов мира – абхазского народа, отражающие как процессы высокого подъема, так и периоды трагических спадов в его развитии, являющие собой поучительный пример для всех современных народов.

К сожалению, в данном томе не могли быть по разным причинам в полном объеме отражены все страницы истории политико-правового развития абхазского народа, далекие предки которого входили в состав протоадыго-абхазской общности, объединенной в специфическом протогосударственном образовании[1], предшествовавшем выделению относительно самостоятельных политико-правовых объединений абхазов, адыгов, убыхов и других этнических групп, населявших северо-западную и частично северо-восточную части территории Кавказа, и сохранивших сложившееся социально-экономическое и политико-правовое взаимодействие в различных конфедеративных формах. Это взаимодействие объединенных еще в древности этносов продолжало существовать во все периоды их исторического развития, имеет место и в современных условиях.

Известно, что римские и византийские императоры правителей Абхазии называли царями. Владетелями они назывались в русских официальных документах и исторической научной литературе, а сами абхазы называли их «АХ» (высший, высшее должностное лицо, БПСХА – царь абхазов), что свидетельствует о существовании развитой абхазской государственности с древнейших времен.

Неостановимый ход времени сам по себе равнодушен к тому, что было, и к тому, что есть. И лишь от человека зависит сохранение памяти о прошедшей жизни, полноценное воспроизведение современности для потомков, ибо история ничему не учит только тех, кто не знает, не хочет знать и не понимает прошлого, либо пытается заменить ее собственным величием, оказывающимся всегда иллюзорным. Будущим поколениям нужно передать мудрость и заблуждения ушедших поколений, постоянно сменяющих друг друга, но всегда являющихся конкретным народом. Нет народов без славных страниц в своей истории, нет народов, не совершавших роковых ошибок, но, как говорил Аристотель, мы должны быть признательны всем, кто стремился к истине и за то, что они раскрыли ее для всех, и за то, что впав в заблуждение или совершив роковую ошибку, они уже указали нам, по какому пути не стоит идти, чего бы эта ошибка не касалась: практической жизни или способов ее познания.

Том состоит из трех разделов, в которых отражены история становления абхазского общества, изменения его социальной структуры, систем власти, права, нравственности, ступени развития духовной культуры, ценностей, получивших отражение во всех формах общественного сознания. Публикуемый материал структурирован, в силу его обширности и нерасчлененности по своему содержанию на конкретные отрасли знания, в соответствии с судьбоносными общими этапами истории политико-правового развития: Раздел I. Общественный строй, государственность, традиционное право Абхазии до 1809 г. – включает материалы по истории Абхазии, начиная с древнейших времен, и завершается перепиской администрации Российской империи о готовности Келешбея Шервашидзе вступить в под-

[1] См. об этом: *Гинцба Т. Ш.* Страна древних абхазов. Сухуми. 2012 г. и др. Как отмечает Т. Ш. Гинцба, абхазская народность формировалась после распада протоабхазо-адыгской общности, существовавшей в форме государственного образования этой общности в конце III – начале II тысячелетия до н. э., что установлено в трудах и других известных ученых.

АЛЫТАИР

данство России, и последовавшими за этим событиями ***(период становления и относительно независимого существования − до 1809 г.)***; Раздел II. Общественный строй, государственность, традиционное право Абхазии − с 1810 по 1863 г. − включены материалы по истории Абхазии в составе Российской империи ***(период сохранения внутренней автономии в управлении Абхазией)***; Раздел III. Трансформация общественного строя, систем власти, традиционного права Абхазии с 1864 г. до начала XX века ***(период нахождения в составе Российской Империи в статусе административно-территориальной единицы − 1864 − 1917 гг.)***.

Последующей государственно-правовой истории абхазского народа, которая должна быть бесконечной, будут посвящаться отдельные тома настоящей «Антологии», что, разумеется, не исключит весьма существенных дополнений к названной «Антологии» в рамках входящих в нее подпроектов: «Право Кавказской Цивилизации», «Народная память», «Толковый словарь национальных юридических терминов народов Кавказа», «История права и государства народов Кавказа (учебник для юридических вузов Кавказа)».

Так постепенно будет воздвигаться памятник Кавказской Цивилизации как символ развивающегося общения кавказских народов с вечностью.

Приятно отметить, что в последние годы резко активизировался вполне обоснованный исследовательский интерес к проблемам государственно-правового развития Абхазии. Наконец появились серьезные научные, в т. ч. и диссертационные, исследования в области юридической науки. Составители выражают надежду на то, что издание данного и последующих томов будет способствовать объективному осмыслению богатейшей политико-правовой культуры абхазского народа, поможет определить основные контуры ее будущих состояний, в которых абхазский народ будет легко узнаваемым, как это имело место во всей его предшествующей истории.

Д. Ю. Шапсугов

РАЗДЕЛ I.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ, ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ, ТРАДИЦИОННОЕ ПРАВО АБХАЗИИ ДО 1809 г.[1]

(период становления и относительно независимого существования – до 1809 г.)

1.1 Иоганн Сабансидзе. Мученичество Або Тбилели. (Извлечения). VIII в.[2]

VIII в.

Отправление Нерсе и Або из Хазарии и прибытие их в Абхазию.

По прошествии некоторого времени Нерсе попросил царя Севера[3] отпустить его оттуда в страну Абхазию, так как прежде туда отправил он мать, жену, детей, благоприобретения свои и всех домочадцев своих, ибо та страна[4] защищена была от опасности со стороны сарацин.[5]

Господь же умиротворил царя Севера и отпустил он Нерсе с многими дарами. И отправились они с радостью и, божьей милостью, прошли через страну язычников, которые совершенно не знают бога[6]. И безо всякого страха были они в пути днем и ночью три месяца.

А блаженный Або в течение стольких дней пребывания в пути все молился, постился и не переставал петь псалмы. И когда прибыли они в страну Абхазию, владетель той страны благосклонно принял Нерсе со всем его воинством. Когда Нерсе увидел царицу, мать свою, жену и детей своих, с радостью все благословляли бога за то, что живыми, благополучно собрались вместе.

Прием Нерсе и Або в Абхазии.

Когда же известили владетеля Абхазии о блаженном Або, что тот является новокрещенным, он весьма обрадовался со всем своим народом; сам владетель, епископ и священники призвали его и благословляли, утешали и повествовали ему о житие Христа и благовещали за его вечную жизнь. А сам он от себя воздавал им благодарностью за слова истинной веры, удивляя их и прославляя Бога.

Границы Абхазии, распространение христианства в ее пределах.

И блаженный Або еще пуще благодарствовал богу, т. к. он увидел страну ту[7] преисполненной веры Христа, и ни одного неверующего не сыскать было в пределах их земель. А границей их является Понтийское море[8], где

[1] Источники приведены в хронологическом порядке. Даты указаны составителем.
[2] Иоганн Сабаснидзе. Мученичество Або Тбилели. (Извлечения). VIII в.
[3] Т. е. хакана Хазарии.
[4] Абхазия и Эгриси.
[5] Арабы.
[6] Речь идет о хазарах, которые исповедовали иудаизм.
[7] Т. е. Абхазию.
[8] Черное море.

АЛЫТАИР

повсеместно обитают христиане вплоть до пределов Халдии; там находится Трапезунт, место пребывания Апсареай[1] и Напсайской гавани[2]. И являются те города и земли подвластными слуге Христа, царю ионийцев[3], который восседает на престоле в великом граде Константинополе.

Когда праведный и блаженный Або увидел превосходящее боголюбие людей тех мест и непрерывное моление всего народа, им овладело священное рвение.

Диалог владетеля Абхазии с Або.

И когда они[4] отправлялись из страны Абхазии[5], тогда владетель[6] Абхазии призвал праведного Або и сказал: «Не уходи ты из этой страны, ибо страной Картли владеют сарацины, а ты родом из сарацин, и не оставят они у себя христианином тебя, боюсь я за тебя, ибо добровольно, или же насильно заставят тебя обратно отречься от христианской веры, и пропадет весь твой труд»[7].

Памятники древнегрузинской агиографической литературы. Кн. I (V – X вв.). (Подготовили к печати: И. Абуладзе, Н. Атанелашвили, Н. Гогуадзе, Ц. Куцикидзе, Ц. Чанкиева и Ц. Джгамая. Под руководством и общей редакцией. И. В. Абуладзе). Тбилиси, 1963. С. 58 – 61.

Хрестоматия по древнегрузинской литературе, т. I (Составил С. И. Кубанейшвили). Тбилиси, 1946. С. 61 – 62. Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии. Сост. Г. А. Амичба. Сухуми, 1986.

1.2 Степане Мтбевари. Мученичество Гоброна. (Извлечение). 914 – 918 гг.

914 – 918 гг.

Бегство армянского царя в Абхазию.

И так как побеждал тот сарацин[8], у армянского царя[9] не нашлось силы для сопротивления ему, ни [способности] уклониться, ибо царствие его было повергнуто богом; тогда бежал он в горы Абхазии, что не спасло его

[1] Крепость Гониа (?).
[2] Никопсия (?).
[3] Греки, византийцы.
[4] Нерсе, Або и сопровождавшие их лица.
[5] Согласно И. Сабанисдзе, Нерсе и его свита в Абхазии находились в течение трех месяцев.
[6] В сочинении И. Сабанисдзе нигде не упоминается имя того владетеля; вероятно, это был Леон II – объединитель Абхазии и Эгриси.
[7] Далее И. Сабанисдзе сообщает, что, несмотря на просьбу владетеля Абхазии, Або вместе с Нерсе отправился в Картли, где после некоторого времени был подвергнут мученической смерти.
[8] Т. е. Абул-Касим.
[9] Речь идет о Сумбате (Смбат).

от смерти впоследствии. И властитель тот с большим гневом преследовал его, чтобы разыскать и предать смертной казни.

Памятники древнегрузинской агиографической литературы. Кн. I (V – X вв.). (Подготовили к печати: И. Абуладзе, Н. Атанелашвили, Н. Гогуадзе, Ц. Куцикидзе, Ц. Чанкиева и Ц. Джгамая. Под руководством и общей редакцией. И. В. Абуладзе). Тбилиси, 1963. С. 176. Хрестоматия по древнегрузинской литературе, т. I (Составил С. И. Кубанейшвили). Тбилиси, 1946. С. 81. Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии. Сост. Г. А. Амичба. Сухуми, 1986.

1.3 Диван абхазских царей. X – XI вв.

X – XI вв.

Первым царем Абхазии был Анос; вторым – сын его Гозар; третьим – сын его Иствине; четвертым – сын его Финиктиос; пятым – сын его Барнук[1]; шестым – сын его Дмитрий; седьмым – сын его Феодосий; восьмым – сын его Константин; девятым – сын его Феодор; десятым – сын его Константин; одиннадцатым – брат его Леон, который царствовал сорок пять лет; двенадцатым – (сын его) Феодосий, который царствовал двадцать семь лет; тринадцатым – брат его Дмитрий, царствовал тридцать шесть лет; четырнадцатым царил брат их Георгий, которому в удельное владение было дано Агцепи, потому и был назван Георгием Агцепским; он царствовал семь лет; пятнадцатым – сын Дмитрия – Баграт, царствовал двенадцать лет; шестнадцатым – сын [его] Константин, царствовал тридцать девять лет; семнадцатым – сын его Георгий; царствовал сорок пять лет; восемнадцатым – сын его Леон, царствовал десять лет; девятнадцатым – брат его Дмитрий, царствовал восемь лет; двадцатым – брат его Феодосий Слепой, царствовал три года. И после сих пожелал бог и я, Баграт Багратиони, сын блаженного Гургена, сын дочери царя абхазов Георгия[2], овладел страной Абхазией, моим материнским наследством, и сколько времени буду я царствовать, это ведает бог![3]

Древности Грузии, Сборник Общества историков и этнографов Грузии, т. II, Тифлис, 1913. С. 46 – 48. Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии. Сост. Г. А. Амичба. Сухуми, 1986.

[1] В сочинении Досифея Иствине, Финиктиос и Барнук названы как Юстиниан, Филиктос и Копоруки.
[2] Мать Баграта Гурандухт была дочерью Георгия II (929 – 957), сестрой Леона, Дмитрия и Феодосия Слепого.
[3] В поздних вариантах памятника далее прибавлено: «И царствовал этот Баграт тридцать шесть лет, а после него царствовал Георгий тринадцать лет и пять месяцев» (II. 47 – 48).

АЦЫТАЙР

1.4 Летопись Картли. (Извлечения). Вторая половина XI в.

Вторая половина XI в.

Образование Абхазского царства[1].

Когда ослабли греки[2], отложился от них эристав абхазов по имени Леон, племянник[3] эристава Леона, которому в наследство была дана Абхазия. Этот второй Леон был сыном дочери царя хазар[4] и с их помощью отложился от греков, завладел Абхазией и Эгриси, назвал себя царем абхазов, ибо не было в живых Иоване и был пожилым Джуаншер[5]. После этого скончался и Джуаншер.

Начало борьбы за Картли и участие в ней абхазского царя Феодосия[6].

В то время пошел войной Ашот Куропалат, и помог [ему] царь абхазов Феодосий[7], сын Леона второго, который доводился зятем Анюту Куропалату. Прибыл из Кахети Григол, и помогли Григолу мтиулы и цанары[8] и эмир тбилисский. И сразились на [реке] Ксани Ашот и Григол. Обратили в бегство Григола, владетеля Кахети, и заняли [Ашот и Феодосий] ту область, которая была отторгнута им от Картли. И захватил Ашот [земли] от Кларджети до Ксани.

Учреждение должности католикоса в Абхазском царстве.

Этот Баграт назначил и узаконил каталикоса в Абхазии[9] в 830 году после [рождества] Христова[10].

Сражение абхазов и эгрисцев с арабами за Картли[11].

[1] Единственное сообщение о свершившемся факте образования Абхазского царства содержит «Летопись Картли». В нем кратко и весьма лаконично изложены важные политические события, имевшие место во второй половине VIII века.

[2] Под греками летопись подразумевает византийцев (в оригинале «бердзенни» – грузинское название греков).

[3] В тексте оригинала: «сын брата».

[4] Т. е. внуком хазарского хакана.

[5] Речь идет о сыновьях картлийского царя Арчила, казненного арабами.

[6] Приблизительно в десятых годах IX в. кахетинцы захватили Картли. Против них выступили правитель Тао-Кларджети Ашот куропалат (787 – 826) и его зять – абхазский царь Феодосии II, сын Леона второго. На этот раз союзникам удалось изгнать кахетинцев из Картли.

[7] Феодосии II умер в 825 г. (З. В. Анчабадзе. Указ. соч., с. 122).

[8] Мтиулы (горцы) и цанары – жители горных областей Восточной Грузии (Кахети).

[9] Абхазия и вся Западная Грузия.

[10] Сообщение об учреждении должности патриарха или каталикоса содержат только некоторые списки «Жития Грузии», и то в виде поздней вставки в текст «Летописи Картли».

[11] В 852 – 854 годах Восточное Закавказье разорял арабский полководец Буга Турк, который вторгся в Грузию в 853 году. Его поддержали таокларджетские правители. Против них выступили абхазы и эгрисцы и тбилисский эмир Саак, однако последние по терпели поражение.

А Феодосий[1], царь абхазов, выступил против него[2] и расположился в Куерцхоби. Когда узнал Буга [об этом], послал [против него] своею спасалара Зирака и Баграта, сына Ашота Куропалата; сразились [они] и обратили в бегство абхазов[3], и погибло бесчисленное множество. И царь Феодосий, бежавший, отправился по Двалетской дороге.

Абхазское царство в борьбе за Картли в 60 – 70-х гг. IX в.[4]

В то время[5] выступил [в поход] Георгий, царь абхазов, брат Феодосия и Дмитрия, сын Леона, овладел Картли и оставил сына Дмитрия эриставом в Чаха; после смерти Георгия – царя абхазов остался малолетний сын Дмитрия, которого звали Баграт, который известен как изгнанник. Супруга царя Георгия умертвила сына Дмитрия, чихского эристава. И солгала она владетелю Иване Шавлиани, и бросили [они] Баграта и море. Бог же спас его и достиг он города Константинополя. Привел царь Иване сыну своему Адарнасе жену, дочь Гуарама, сына Ашота.

И скончался Иване, царь абхазов, а царствовал вместо него сын его Адарнасе. И занял Липарит земли Триалети, воздвиг [там] крепость Клде-Кари и признал над собой патроном Давида, сына Баграта.

Феодосий второй[6] скончался, не оставив потомства, и воцарился Георгий, который имел в наследственное владение Агцепи. Поэтому и был назван он Георгием Агцепским. Феодосий процарствовал двадцать семь лет.

Борьба за Картли в 70-х годах IX века.[7]

Насра, сын Гуарама, и Гурген были на стороне абхазов, а Давид и Липарит помогали армянам, и сражались армяне и абхазы за Картли.

...Враждуя с Насрой, объединились армяне, Липарит и картлийцы и Ашот, брат Давида, вместе с ними и сарацины. И сражались [они] с Насрой, обратили его в бегство, и отобрали крепости.

[1] В действительности же в 853 году против арабов воевал не Феодосии II (798 – 825), а Дмитрий II (825 – 861). См.: З. В. Анчабадзе. Указ. соч., с. 141 – 142.

[2] Т. е. против Буги Турка.

[3] Собственно абхазы и эгрисцы.

[4] Абхазский царь Георгий (801 – 868), воцарившийся после смерти Дмитрия, некоторое время владел Картлийской областью; однако после его смерти в Абхазском царстве началась борьба за престол. В результате воцарилась новая династия Шавлиани, представители которой Иоване и Адарнасе владели абхазским престолом около 20 лет.

[5] Т. е. в начале 60-х годов IX в.; выше источник сообщает о междоусобицах в Тао-Кларджети с участием Ашота, Гуарама и его братьев.

[6] Начиная отсюда, текст представляет собой позднюю вставку, которая встречается лишь в некоторых списках «Жития Грузии» («Картлис цховреба»). См.: Картлис цховреба (История Грузии), т. II (грузинский текст, установленным по всем основным рукописям С. Г. Каухчишвили). Тбилиси, 1955. С. 258.

[7] В 70-х годах IX в., во время правления в Абхазском царстве Иване и Адарнасе Шавлиани, за господство в Картли соперничали, и основном, Армянское царство Багратидов и Абхазское царство. Правители Тао-Кларджети Насра и Гурген выступали в союзе г эгрисцами и абхазами; а картлийский эристав Давид и клдекарский феодал Липарит помогали армянскому царю.

АЛЫТАИР

Воцарение Баграта, сына Дмитрия, и его борьба за Картли[1].

Баграт[2], сын абхазского царя Дмитрия, пребывал в Греции, в Константинополе; и дал [ему] царь греков войско, и отправил морем и на кораблях прибыл в Абхазию; и убил [он] Адарнасе[3], сына Иоване, и овладел Абхазией. И женился на его[4] супруге, дочери Гуарама; и вывел Баграт, царь абхазов[5], Насру, брата своей жены из Греции и дал ему свое войско. Насра же захватил в Самцхе три крепости: Одзрхе, Джварис-цихе и Ломсиамта, построенные Гуарамом же.

Прибыли[6] Гурген и Адарнасе, сын Давида; помогали [им] армяне, сразились [они с абхазами] на Куре и абхазы были побеждены, убили Насру и Бакатара, владетеля осетин, также эристава абхазов[7].

Абхазское царство в борьбе за Картли при Хонстантине Багратовиче[8].

В то время выступил Константин[9], царь абхазов, овладел Картли, и начал враждовать с ним царь армян Сумбат Исповедник (Тиезеракал); предпринял [он] поход с большим войском и осадил Уплисцихе; сняли вьючные седла [с животных], сложили их доверху и взяли крепость хитростью. Однако мирно договорились Сумбат и Константин, и вернул [Сумбат] обратно [Константину] Уплисцихе и всю Картли.

После этого пришел эмир агарян по имени Абул-Касим, сын Абу-Саджа, которого прислал Амир-Мумн с большим, бесчисленным войском, которое не вмещала страна. А прибыл он сперва в Армению, и разорил всю

[1] В конце 80-х годов IX в. в Абхазском царстве с помощью византийцев воцарился Баграт, сын Дмитрия, находившийся в эмиграции в Константинополе; он положил конец династии Шавлиани. Царь Баграт вызвал из Константинополя Насру, шурина своего; дал ему свое войско и помог занять некоторые крепости южной Грузии. Абхазские войска во главе с одним абхазским эриставом в союзе с византийцами и осетинами предприняли поход на Картли; однако союзники были вытеснены объединенными силами картлийцев, таойцев и армян (Подробно об этом см.: З. В. Анчабадзе. Указ. соч., с. 145 – 146).

[2] Приблизительные годы царствования Баграта – 882 – 893.

[3] Адарнасе Шавлиани.

[4] Т. е. Адарнасе.

[5] Абхазов и картвелов

[6] Т. е. выступили в поход.

[7] Принято считать, что эти события произошли в 888 году (см.: З. В. Анчабадзе, указ. соч., с. 146).

[8] В последней четверти IX и начале X в. Картли захватывали то Армянское, то Абхазское царство. Соперничеству между ними был положен конец нашествием арабов в 914 году. После этого царство Армянских Багратидов было ослаблено. Абхазское же царство продвинулось дальше в Восточную Грузию, овладев основной частью Кахетии и Эрети. После же смерти царя Константина фактически завершилась эта гегемония, т. к. началась борьба за власть между его сыновьями.

[9] Константин Багратович царствовал в 893 – 929 годах (З. В. Анчабадзе) или в 893 – 922 гг. (Картлис цховреба (История Грузии), т. II (грузинский текст, установленным по всем основным рукописям С. Г. Каухчишвили). Тбилиси, 1955. С. 265). По мнению И. А. Джавахишвили, его выступление имело место в 904 г.

Армению – Сюник, Вайоц-Дзор и Васпуракан. И Сумбат, царь армян, не устоял от страха перед ним, бежал оттуда, устремился в горы Абхазии, и находился там[1]. ...Снялся оттуда[2] [Абул-Касим] и пошел на город Двин[3]. Явились [к нему люди] и сказали, что царь Сумбат[4] вступил в крепость Капоэти[5]; поспешно собрался и объявил своему войску, чтобы каждого человека, кого найдут живым, приводили к нему. Пришел и осадил крепость Капоэти; и домочадцев защитников крепости, которых нашел вне крепости, захватил. Поэтому сдали крепость и был схвачен Сумбат; повез в Двин, повесил на шесте и скончался.

После того прошло несколько лет, отстроилась страна; тогда хорепископ[6] Квирике призвал царя абхазом Константина; вступили [они] в Эрети[7] и осадили крепость Вежини. Царь абхазов с верхней стороны, а Квирике – с нижней. И уже должны были взять [крепость], как явился патрик Адарнасе[8] и в крестовую пятницу заключил [с ними] перемирие, передал царю абхазов Ариши и Гавазни[9], а Квирике – Орчоби. Как только заключили мир и возвратились, прибыл Константин, царь абхазов, помолился в Алаверди святому Георгию и отделал его икону золотом. Большую же часть своего войска отправил по окружному пути, и оказал ему большие почести хорепископ Квирике, и отправился [царь абхазов] в страну свою.

Спустя несколько дней скончался Константин, царь абхазов, и пребывала в смятении страна Абхазия некоторое время. Ибо у царя Константина были два сына... Старшего звали Георгий, младшего, которого родила вторая жена, – Баграт[10]. И была между ними борьба ожесточенная, о которой подробно сказано в их истории[11].

Этот Баграт[12] был зятем эриставт-эристава Гургена; помогал [ему] Гурген всеми силами своими. Пока не умер Баграт, не было спокойствия. Только после его смерти царствование над абхазами полностью получил царь

[1] Далее опускаем текст, где речь идет о разорении Кахетии и Картли арабами.

[2] Т. е. из крепости Квели.

[3] Двин – столица Армянского царства.

[4] Сумбат Багратуни – армянский царь, царствовал в 891 – 914 гг. (М. Лордкипанидзе).

[5] Крепость Капоэти находилась в Абхазии, но точно не известно в каком месте; возможно, речь идет о какой-то крепости на Бзыби.

[6] Кахетинский правитель (хорепископ) Квирике I – 893 – 918 гг. (М. Лордкипанидзе).

[7] Эрети – одно из грузинских раннефеодальных политических образований в Восточ. Грузии, в долине р. Алазани.

[8] Адарнасе Багратиони – царь Эрети. По мнению Т. Г. Папуашвили и М. Д. Лордкипанидзе, годы правления его – 906 – 943.

[9] Крепости в Эрети.

[10] Георгий был от первого брака с дочерью Адарнасе; Баграт – от второго брака с армянской царевной (З. В. Анчабадзе. Указ. соч., с. 128).

[11] В IX – X вв. составлялась, по-видимому, недошедшая до нас отдельная летопись, о которой упоминается здесь. В «Летописи Картли» («Матиане Картлиса») при изложении политических событий VIII – X вв. использованы, как видно, сообщения этой хроники, условно названной в науке «Жизнью абхазов».

[12] Баграт – сын Константина, зять таойского эристава Гургена.

АЛБТАИР

Георгий[1]. Был он наделен всеми благами, храбростью и статностью; был боголюбив, строитель, больше всех славился строительством церквей, милосердный к нищим, щедрый, скромный и преисполненный благородства и доброты. Он устроил и упорядочил все дела вотчины и царства своего: построил храм Чкондидский, учредил [там] епископию и украсил его множеством мощей праведных мучеников.

Мятеж царевича Константина против своего отца Георгия II.

А Георгий, царь абхазов, передал Картли своему старшему сыну Константину[2]...

Пятидесятый царь Картли Константин, сын царя абхазов[3].

И после трехлетнего пребывания [царем Картли] Константин начал враждовать со своим отцом и домогаться царствования [в Абхазии]. И когда раскрылось дело его, укрепился он в Уплисцихе и присоединились к нему тбетцы и многие другие азнауры.

Царь Георгий, удостоверившись в отложении своего сына, выступил со всеми силами своими, вывел таойских царей и хорепископа Фадлу[4] и осадили Уплисцихе. И сражались в течение многих дней, но никакого вреда причинить крепости не смогли, ибо в ней стояло много [защитников].

Порою сражались [они] верхом, иногда же пешими.

Тогда царь Георгий начал подстрекать азнауров [из рода] Сазуерели [уговорить царевича]: «Выходи, мы поведем тебя в Абхазию, ты стань царем, а отец твой пусть останется в стороне».

Он поверил и доверился, хотя те азнауры, которые были с ним, отговаривали от подобного поступка, а он не послушался их. Вышел ночью на плоту по Куре, и когда отплыл от берега Куры, [те] не вытерпели и напали [на него], чтобы схватить. И когда догадался о их вероломстве, повернул плот, чтобы войти опять в крепость.

Не смог [он] подчинить плот и спрыгнул там, где причалили плоты. Поднялся шум, выступили царь и все войско; оцепили крепость. И на рассвете начали разыскивать. А он, [оказалось], вышел из воды, забрался в расщелину скалы и скрывался там. Нашел его человек, на которого нельзя было положиться; схватили и представили царю, и царь наказал его жестоко: сначала выжгли глаза, затем оскопили, от чего и скончался. А тех азнауров, которые стояли в крепости, вывел, внушив им доверие, и тбетцев отпустили мирно и отправили в Васпураган.

---

1 Георгий II царствовал в 929 – 957 годах (З. В. Анчабадзе Указ. соч., с. 128).

2 Около 930 года царь Абхазии Георгий II своего старшего сына Константина поставил правителем Картли.

3 Это оглавление имеется в большинстве вариантов «Жития Грузии» (см.: Картлис цховреба (История Грузии), т. II (грузинский текст, установленным по всем основным рукописям С. Г. Каухчишвили). Тбилиси, 1955. С. 267).

4 Хорепископ Фадла II – правитель Кахети.

Воцарение в Картли Баграта III.

В то время[1] пришли кахетинцы и осадили Уплисцихе. В ту пору эриставом Картли был Иване Марушисдзе, человек могущественный и обладающий многочисленным воинством.

Он отправил посланника к Давиду Куропалату[2] и призвал его выступить в поход со своими силами и занять Картли: либо удержать ее самому, либо передать Баграту, сыну Гургена, сыну дочери царя абхазов Георгия, которому принадлежали наследственно по материнской линии Абхазия и Картли. Этот же Иване Марушис-дзе добивался воцарить Баграта. Как только услышал предложение Иване Марушисдзе, Давид Куропалат отправился со всеми силами своими, и прибыл в Картли. И когда кахетинцы узнали о его прибытии, ушли, подобно беглецам, уступив ему Картли.

Прибыл Давид Куропалат, расположился в Куахврели; встретил [его] эристав Картли Иване Марушисдзе, принял от него[3] Уплисцихе, и передал ее Баграту и его отцу Гургену, ибо не было сына у Давида Куропалата, а Баграта, сына Гургена, воспитывал как сына своего[4].

И возвращаясь оттуда[5], оставил в Уплисцихе Гургена и его сына Баграта. К тому времени Баграт еще был несовершеннолетним, поэтому соправителем [при нем] оставил отца его Гургена. Собрал [Давид] картлийских азнауров и повелел: «Сей [Баграт] есть наследник [царей] Тао, Картли и Абхазии, сын и воспитанник мой, а я являюсь его попечителем и подмогой; ему повинуйтесь все». И пробыв [в Картли] немного времени, отправился в Тао.

Гурандухт – мать Баграта III.

В то время[6] Уплисцихе и Картли владела царица Гурандухт. Сия царица Гурандухт была дочь царя абхазов Георгия и матерью Баграта.

Провозглашение Баграта III царем абхазов.

Между тем прошло три года[7], как в Абхазии царствовал Феодосий Слепой. Разложилась сия страна и изменились все обычаи и порядки, введенные первыми царями. Видя все это, знатные той страны пребывали совместно в большой печали.

---

1 Т. е. после воцарения в Абхазии Феодосия.

2 Правитель Тао-Кларджети.

3 Т. е. от картлийского правителя Иване Марушис-дзе.

4 Далее опускаем текст, где речь идет о деятельности таойского правителя Давида Куропалата и оказанной им византийцам помощи против восставшего Варды Склира.

5 Речь идет о возвращении Давида Куропалата из Картли в Тао.

6 Выше этого «Матиане» сообщает о том, что вскоре после воцарения Баграта в Картли в 975 г. некоторые картлийские азнауры в союзе с кахетинцами выступили против царя; Баграта вместе с матерью Гурандухт и отцом Гургеном схватили. Только силами Давида Куропалата удалось освободить их и вернуть им политическую власть.

7 Т. е. с 975 г. – после воцарения Баграта в Картли.

АЙТАМИР

Этот же Иване Марушис-дзе захотел привести Баграта царем Абхазии. Вместе с ним все знатные, эриставы и азнауры Абхазии и Картли испросили Баграта себе в цари у Давида Куропалата. И тот очень нехотя, насилу, выполнил их просьбу, ибо, я уже говорил о том, что бездетным был Давид Куропалат, и воспитал он Баграта как сына и [будущего] властителя обеих частей Тао. Однако, когда земли Картли и Абхазии оказались без наследника [престола], отдал им [Баграта] по уговору, взяв заложников.

Повели его в Абхазию, благословили на царство, и все подчинились его повелениям, поскольку был уже совершеннолетним.

По прошествии двух лет после сего, заботливо правя страной, исправил все дела, подобно деду своему, великому царю Георгию...[1]

Отправил царя Феодосия, брата матери своей[2], в Тао к Давиду Куропалату, ибо так посчитал лучшим, дабы у всех людей, больших и малых, вера в добро, либо страх за бесчинство были бы перед ним.

Деятельность Баграта III в Абхазии.

Царь абхазов Баграт[3]... отобрал крепость [Уплисцихе] у матери своей, пробыл [в Картли несколько] дней, частично управился с картлийскими делами; [затем] взял мать свою и отбыл в Абхазскую страну. И подобно искусному кормчему, упорядочил все дела Абхазии: ибо понижением разоблачал всех, кого находил непокорным, и вместо них возвеличивал благонадежных и верных ему.

«Абхазское войско».

Прогневался Баграт, царь абхазов и картлийцев. И Куропалат в то время[4] находился в Дливи, ибо занимался делами Тао и Картли; а Тао он владел самолично после смерти отца-царя царей Гургена. Поспешно послал человека [Баграт] и призвал войска Абхазии и Картли; а сам отправился с верхними войсками, прошел через Триалети, перешел мост Мцхеты. И присоединились к нему абхазы[5] и картаийцы. Расположился [царь Баграт] в Тианети, и начал разорять Кахети. Не мог противостоять ему Давид[6], т. к. силы его были бесчисленны; начал завоевывать крепости и в то же время покорил страну Эрети; назначил ее владетелем Абулала и возвратился обратно.

Бедийский храм.

Этот же великий царь[7] построил Ведийский храм и учредил [в ней] епископскую кафедру, заменил им Гудаквское епископство; пожертвовал много

[1] Далее опускаем текст, где говорится о деятельности Баграта.
[2] Т. е. дядю.
[3] Здесь опускаем сообщение о мятеже картлийских азнауров и его подавлении.
[4] Описанные здесь события имели место в 80-х годах X века, когда царь Баграт III вел борьбу за присоединение Кахети и Эрети к своим владениям.
[5] Т. е. войска собственно абхазов грузинского поселения Западной Грузии вместе.
[6] Хорепископ Кахети.
[7] Т. е. Баграт III Багратиони (975 – 1014).

сел со всеми ущельями и землями, обеспечил полным распорядком, убрал церковь всевозможными украшениями, освятил и посадил [там] епископа. Если же кто-либо изъявит желание испытать и разуметь степень величия его, пусть в первую очередь узреет великолепие Ведийской церкви, и по ней поймет, что не было другого подобного ему царя в стране Картли и Абхазии[1].

Этот Баграт, царь абхазов и картлийцев, превзошел всех государей по совершенству правления [государством].

Баграт III похоронен в Бедна.

После того[2] царь Баграт объехал все царство свое – Абхазию, Эрети и Кахети; вернулся и перезимовал в долинах Тао; и когда наступило лето, прибыл в ту же крепость Панаскерти на третьем году, там же скончался сей царь Баграт[3].

Царствовал тридцать шесть лет и увенчанный сединой прекрасной преставился в хроникон двести тридцать четвертый[4], мая месяца седьмого [числа] в пятницу. В дни кончины своей был в Тао.

И повез прах его эристав эриставов Звиади и предал земле в Бедиа.

Передача Анакопийской крепости Византии.

Между тем в Анакопии пребывал другой сын[5] царя Георгия[6], [который был] от второй его жены, дочери осетинского царя. И через азнауров между ними велись [какие-то] переговоры[7], отрок по имени Дмитрий был мал. Не сумели воцарить его, хотя кое-кто надеялся; не смогли и переманить к себе его ни царь Баграт, ни мать его, ни крупные вельможи этого царства. И не выдержал [Дмитрий], отправился из этого царства, обратился к царю греков и отдал ему Анакопию.

С тех пор и поныне Анакопию утратили цари абхазов.

Попытка возвращения Анакопии около 1044 г.

Стояла весенняя пора и Баграт[8] находился в Абхазии; подступил к Анакопии и был близок уже к взятию [ее].

[1] Далее опускаем текст, повествующий о деятельности Баграта вне Абхазии.
[2] Т. е. после захвата кларджетских правителей Сумбата и Гургена, сыновей Баграта Артануджели.
[3] Весь вышеприведенный текст представляет собой более позднюю взятую из «Хроники» Сумбата Давитас-дзе (III. 283).
[4] 1014 г. н. э. (780 + 234 = 1014).
[5] Дмитрий, брат Баграта IV.
[6] Георгий I (1014 – 1027), царь Грузии.
[7] Слухи о свержении Баграта и воцарении Дмитрия.
[8] Грузинский царь Баграт IV (1027 – 1072).

АЛЫТАИР

Явились [к нему] тбилисские старейшины, поскольку перед этим скончался тбилисский эмир Джафар[1]. Обещали [Баграту] город и призывали его поспешно. Отправился он, приставив к Анакопии Куабулела Чачас-дзе Отаго с абхазскими войсками.

Возвращение Анакопии.

После того[2] господь даровал [нам] захваченные насильно греками крепости. Отвоевал[3] у греков Анакопию[4], главную из крепостей Абхазии, как и многие крепости Кларджети, Шавшети, Джавахети и Артани.

Затем еще помилосердствовал бог и [царь Георгий] захватил город Кари, крепость и страну, укрепления Ванада и Карнифора, бежали турки из тех земель.

Картлис цховреба (История Грузии), т. II (грузинский текст, установленным по всем основным рукописям С. Г. Каухчишвили). Тбилиси, 1955. С. 251-283, 295, 299, 317.
Картлис цховреба (История Грузии), т. II грузинский текст подготовил к изданию, но всем основным рукописям проф. С. Г. Каухчишвили), Тбилиси, 1959. С. 261.
Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии. Сост. Г. А. Амичба. Сухуми, 1986.

1.5 Сумбат Давитис-дзе. История и повествование о Багратионах. (Извлечения). XI в.

XI в.

Абхазский царь Баграт и его дядя Наср в борьбе за Картли и Тао.

И скончался Ашот[5], сын Баграта Куропалата, в хроникон 105[6].

После этого выехал Наср из царства[7] и прибыл в Абхазию[8]. И был тогда царем абхазов Баграт[9], сын сестры Насра, и помог ему большим поиском он – царь абхазов, и оттуда[10] отправился Наср в Самцхе и собрал другие войска бесчисленные.

1 Тбилисский эмират еще подчинялся арабам, находился вне власти грузинского царя.
2 Выше описано сражение Георгия II с султаном Малик-шахом и правителем Гандзы Сарангом.
3 Речь идет о грузинском царе Георгии II (1072 – 1089).
4 Возвращение Анакопии произошло в конце 80-х годов XI века.
5 Правитель Тао-Кларджети.
6 885 (780 гг.+ 105 = 885).
7 Имеется в виду Византийское царство т. к. выше говорится, что Наср из-за убийства своего дяди Давида находился в Константинополе.
8 Речь здесь и ниже идет об Абхазском царстве.
9 Баграт Дмитриевич (882 – 892).
10 Т. е. из Абхазии.

Адарнасе, сын убитого Куропалата (Давида), выступил в поход против него, и на помощь Адарнасе пошли Куропалат Гурген и его сыновья. Имели сражение и большую войну против Насра[1].

Баграт III – племянник абхазских царей.

У этого Гургена[2] был сын Баграт, по матери племянник[3] абхазских царей Дмитрия и Феодосия[4]. Прежде чем воцарился Гурген, этот Баграт стал царем в Абхазии, и поэтому Гурген назван был царем царей...

И выступил в поход Василий, царь греков, и азнауры передали ему крепости Давида[5], и овладел Василий страной Давида Куропалата. И явились к нему царь абхазов Баграт и отец его Гурген...

Скончался этот Гурген, царь царей, сын грузинского царя Баграта, в хроникон 228[6] и оставил сына своего Баграта, царя абхазов, великого Куропалата[7], и овладел он Тао, вотчиной своей, и покорил весь Кавказ самодержавно от Джикети до Гургена[8].

Абхазия, Эрети и Кахети – царство Баграта III.

После того[9] объездил Баграт все царство свое – Абхазию, Эрети и Кахети, прибыл и перезимовал в ущельях Тао. С наступлением лета третьего года [после этого] прибыл в ту же Панаскертскую крепость. И там же скончался этот Баграт в хроникон 234 (1014), в месяце мае седьмого, в пятницу.

Картлис цховреба (История Грузии), т. II (грузинский текст, установленным по всем основным рукописям С. Г. Каухчишвили). Тбилиси, 1955. С. 379, 382-383.
Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии. Сост. Г. А. Амичба. Сухуми, 1986.

1 Аналогичное сведение содержит и «Летопись Картли» (III 260 – 261), где более, подробно сказано о различных группировках сил в борьбе за Картли в конце 80-х годов IX века. Известно, что Наср, опиравшийся, в основном, на войска абхазского царя, потерпел поражение, следовательно, и его племяннику Баграту Дмитриевичу не удалось занять Картли, а также Тао.
2 Таойский владетель Гурген, который умер в 1008 г. н. э.
3 Буквально: «сын сестры».
4 Абхазские цари Дмитрий (967 – 975) и Феодосии (975 – 978) – сыновья Георгия II (929 – 957).
5 Речь идет 6 времени после смерти таойского царя Давида Куропалата в 1001 г., воспитателя царя Баграта III.
6 1008 (780 + 228 = 1008).
7 Царь объединенной феодальной Грузии Баграт III (978 – 1014).
8 Гурген или Гурган – Каспий (Каспийское море).
9 Выше речь идет о деятельности царя Баграта, направленной на укрепление центральной власти, на борьбу против феодалов.

АЦЫТАМІР

1.6 Летопись монгольского времени. (Извлечения). XIII – XIV вв.

Участие абхазов при взятии Гандзы[1].

Царь же имел [войско] только четыре тысячи человек[2]; большинство их составляли месхи; с одной стороны стояли Мхаргрдзели[3], с другой стороны – эры, кахи и сомхитцы, картлийцы и торийцы; отдельно абхазы, дадиан-бедианы и [все] залихские [войска], следуя друг за другом.

Пребывание Георгия Лаша в Абхазии.

Так в преуспевании и спокойствии пребывал царь[4] и отовсюду поступали подарки и дары от данников царскому двору. В веселом настроении объезжал он царство свое для ведения дел. Переходил ниже в Аджамети, охотился в Цхуми и Абхазии, и ведал тамошними делами. И осенью вступал в Тбилиси, зимой же останавливался в Дуре, [что] в Сомхити, и оттуда воевал с гандзийцами. Летом поднимался в верховья Куры и останавливался в Кола. И приходили к нему данники с дарами из Хлата и Греции[5].

Воцарение Давида, сына Русуданы, в «Абхазии».

Подвергшаяся тем бедствиям[6] царица Русудана, находясь в Кутаиси[7] и во всей Абхазии[8], когда сыну ее Давиду[9] исполнилось пять лет, пожелала воцарить сына своего. Когда же отправила [Русудана] сына брата своего[10] в Грецию[11], призвала все войска свои, абхазов[12], Дадиан-Бедианов, рачийского эристава и католикоса Абхазии[13], и провозгласили царем Давида, сына

[1] В десятых годах XIII в. – царь Георгий Лаша принимал меры по подчинению отложившихся от Грузии турецких вассалов, в первую очередь против гандзийского (гианджийского) атабага, прекратившего платить дань царю. Грузинские войска, в числе которых было немало абхазов, вторглись в пределы Гандзы; атабаг этой страны, оказавшийся в безвыходном положении, подчинился Георгию Лаша (см.: История Грузии, т. 1, с др. времен до 60-х годов XIX века. Учебное пособие. Тбилиси, 1962, с. 207).

[2] Георгий Лаша (1213 – 1222) и его войско.

[3] Вероятно, речь идет о братьях Захарии и Иоане Мхаргрдзели.

[4] Георгий Лаша.

[5] Видимо, в данном случае летописец имеет в виду не собственно Византию, а турецкие султанаты в Малой Азии – на территории Византии («Греции»).

[6] Имеется в виду то тяжелое положение, которое создалось в Грузинском царстве после установления монгольского господства.

[7] Известно, что в конце 30-х годов XIII в. Восточная Грузия была завоевана монголами. Царица Русудан (1222 – 1245) из Тбилиси перешла в Кутаиси и пребывала там до конца 1242 года.

[8] «Вся Абхазия» означает Абхазию и Зап. Грузию вместе.

[9] Сын Русуданы – Давид в 1243 г. был послан в Каракором для утверждения на царство. В 1248 – 1249 гг. монголы вместе с Давидом Улу (сын Георгия Лаша) утвердили царем и сына Русуданы, получившего имя Давида Нарини.

[10] Т. е. сына Георгия Лаша – Давида, известного затем как Давид Улу (старший).

[11] Здесь автор имеет ввиду Эрзинкский султанат, образовавшийся на территории Византии («Греции»), Султан Киас-эд-дин был женат на дочери Русуданы –Тамаре.

[12] Собственно абхазы.

[13] Каталикосат Абхазии охватывал Абхазию и всю Зап. Грузию.

Русуданы, благословили на царство в Кутаиси и возложили ему на голову корону[1].

Участие абхазов в Болнисском сражении.

Услышав об этом[2], царица Русудана призвала все войска свои, имеров и амеров мандатуртухуцеса[3] Шанше, амирспасалара[4] Авага, мсахуртухуцеса Варама, эров и кахов, сомхитцев, джавахов, месхов, таойцев, Дадиана Цотне, человека знатного и благочестивого, абхазов, джиков и всех из Имерского царства, о которых не время говорить по отдельности; и раскрыли врата Дарьяльские и вывели осетин, дурдзуков, и вместе с ними всех горцев. Собралось в Начармагеви[5] бесчисленное множество [их] и послала царица [всех] на войну с хорезмийцами[6].

Полководец Шервашидзе Дардын[7].

Прежде, чем отправила царица [Русудан] своего сына[8], пожелал [хан] выступить в поход против султана Киасдина[9], родом сельджука, владевшего Грецией, чтобы подчинить [его]. И отправили Бичо-Нойона, и взял [он] с собой великих вельмож Грузии. Достигнув страны Севастии и Эзинка[10], [они] начали разорять [ее]. Тогда султан Киасдин призвал все войска свои и собрал воинов своих сорок [раз] десять тысяч человек, что есть четыреста тысяч; и назначил [султан] предводителем войска абхазца Шарвашис-дзе, по имени Дардын, которого за его храбрость прежде сильно возвысил, и твердо держался он за веру; вместе с ним и Парадовлу, сына Торели Шалвы Ахалцихели, бежавшего [раньше] к султану, человека мужественного и в войнах прославленного; их сделал [Киас-эд-дин] полководцами, определив в авангарде... И завязалась беспощадная битва, и пало бесчисленное множество воинов султана, где и прославленный Шарвашис-дзе Дардан, абхазец, полководец их, был убит, и бежали войска султана.

Участие абхазов в антимонгольском заговоре[11].

[1] Сначала Давида провозгласили царем Зап. Грузии в 1240 или 1241 году, затем для утверждения на царство во всей Грузии» послали к монгольскому хану Мангу.

[2] Т. е. о повторном нашествии Джелал-эд-дина в 1228 г.; известно, что Хорезмшах в 1225 г. под Гарниси нанес поражение грузинским войскам.

[3] Администратор царского двора, на которого возлагалось наблюдение за выполнением ряда придворных церемоний и других функций.

[4] Министр вооружения, главнокомандующий.

[5] Начармагеви – село Каралети в Горийском районе.

[6] Как известно, болнисскую битву 1228 года выиграл Джелал; он опять овладел г. Тбилиси. В источнике далее описываются эти события.

[7] Вскоре после переселения царицы Русуданы из Кутаиси в Тбилиси, приблизительно в конце 1243 года, монголы и грузины предприняли совместный поход в Малую Азию против отложившегося эрзинкского султана Киат-эд-дина. В этом походе, где командовал Бичо-Нойон, участвовали, как видно, и абхазы. Особенно интересно сообщение, что на службе и у эрзинкского султана находились грузины и абхазы; некоторые из них являлись даже высокопоставленными командирами в армии султана.

[8] Имеется в виду отправление Давида к монголам для утверждения на царство.

[9] Т. е. султана Киас-эд-дина.

[10] Речь идет об Эрзинкском султанате.

[11] В период межцарствия в Грузии, в частности, около 1247 года, крупные грузинские фео-

АЛБТАМИР

Решили воевать, и назначили время для сбора в Картли и разъехались. Пребывающие дальше всех абхазы, Дадиани Цотне и Бедиани, человек благородный и вполне знакомый с духовными и мирскими делами, и рачинский эристав – все они уехали для приготовления.

Картлис цховреба (История Грузии), т. II грузинский текст подготовил к изданию по всем основным рукописям проф. С. Г. Каухчишвили), Тбилиси, 1959. Сс. 153, 156, 179-180, 182-183, 192-193, 215. Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии. Сост. Г. А. Амичба. Сухуми, 1986.

1.7 Бери Эгнаташвили. «Новая история Грузии». (Извлечения).

XIV – XVII вв.

Участие абхазов в сражениях между грузинским царем Багратом и Дадиани.

Этот царь Баграт[1] был могущественным и прославленным. Ему принадлежали Картли, Сомхити, и служили [ему] питиахши Лоре, Кахети, Ширвана и Самцхе, подчинялись имеры, одишцы, гурийцы, абхазы, сваны, джики и горцы кавказские.

Между тем отложились Дадиани и Гуриели, и склонили отложиться одишцев и абхазов; объединились вместе и перестали служить царю Баграту[2]. Прогневался царь, собрался [в поход] и дошел до [реки] Цхенис-цкали и расположился [там]; оттуда они[3] подошли с войском и сразились. Богу было угодно и Дадиани и одишцы бежали. Картлийцы [их] убивали, пленили, истребляли, [затем] преследовали и заняли их земли, сожгли и разрушили крепости. Возвратились с победой и привели с собой пленников, заложников[4].

Абхазы и грузинский царь Константин.

После[5] же смерти Баграта вместо него сел на трон сын его Константин[6] в 1461 году после [рождества] Христа. В то время католикосом был Давид. А царствовал [Константин] благополучно и не было беспокойства со стороны татар. Привел [он] в послушание имерцев, одишцев, абхазов; служил

далы собрались в Кохтаставской крепости и решили организовать выступление против монголов; как известно, этот заговор потерпел поражение.

1 Грузинский царь Баграт V.

2 Время их отложения точно не известно; вероятно, оно имело место в 70-х годах XIV века.

3 Т. е. одишцы, гурийцы и абхазы.

4 Приведенное сообщение содержится в первом и третьем сочинениях «Новой истории Грузии».

5 Описывая положение Грузии перед окончательным ее распадом, первое сочинение «Новой истории Грузии» сообщает о мероприятиях грузинского царя Константина во второй половине XV в. по сохранению единства страны.

6 О личности царя Константина II см.: Картлис цховреба (История Грузии), т. II грузинский текст подготовил к изданию по всем основным рукописям проф. С. Г. Каухчишвили), Тбилиси, 1959. С. 667.

атабаг[1] и подчинялись также ему кахетинцы. Нигде не обижали христиан; был мир и покой[2].

* * *

В хроникон 166 (1478) воцарился внук царя Александра, сын Дмитрия, Константин; и царствовал [он] благополучно: не было беспокойства со стороны татар; привел он в повиновение имеров, одишцев и абхазов; ему служил атабаг, подчинялись и кахетинцы; нигде не беспокоили христиан; царило спокойствие и мир.

Владения Дадиани и Шервашидзе в конце XV в.

Дадиани владел низовьями [реки] Цхенис-цкали. Ниже Лечхуми, по сию сторону Сванетского хребта, выше Абхазии. И Абхазией до Джикети владел Шарвашидзе, и этот Шарвашидзе подчинялся не всем повелениям Дадиани. Дадиани принадлежали также морское побережье и территория по ту сторону [реки] Риони.

Абхазы в войсках Одишского владетеля Леванда I Дадиани[3].

В то время Дадиани собрал свое войско и абхазов, отправился [в поход], остановился в Рионской гавани.

* * *

Тогда Дадиани собрал всех абхазов и одишцев и отправился... Дадиани же в то время стоял у устья Риони.

Участие абхазов и джиков в междоусобной борьбе Одиши и Гурии.

В то время[4] умер Дадиани[5] при следующем обстоятельстве: на охоте Джаиани столкнулся с ним верхом, и умер Дадиани. Тогда посадили дадианом старшего сына его – Георгия[6].

Узнав об этом, Гуриели[7] склонил на свою сторону младшего его брата Мамиа[8], привел и Гурию и поженил на своей сестре. Вскоре с ним высту-

1 Правитель Самцхе.

2 Ниже приводится аналогичное сообщение, сохранившееся в третьем тексте «Новой истории Грузии»; в нем содержится конкретная дата и сделаны некоторые уточнения.

3 Около 1545 года Леван I Дадиани (1532 – 1572) вместе с абхазцами выступил на помощь гурийскому владетелю, сражавшемуся в Чанети с турками. Однако успешному осуществлению совместной антиосманской экспедиции помешали имеретинский царь Баграт (1510 – 1564) и его брат Вахтанг; мегрелы и абхазы вернулись обратно, не приняв участия в сражении. Турки воспоспользовались этим и овладели побережьем Чанети. Здесь приводятся маленькие отрывки этих двух аналогичных сообщений, содержащихся в первом и третьем сочинениях «Новой истории Грузии».

4 70-е годы XVI века.

5 Речь идет о Леване I Дадиани (1532 – 1572).

6 Георгии III Дадиани умер в 1582 г. (Картлис цховреба (История Грузии), т. II грузинский текст подготовил к изданию по всем основным рукописям проф. С. Г. Каухчишвили), Тбилиси, 1959. С. 647).

7 Гуриели Георгий.

8 Дадиани Мамиа IV (1572 – 1590).

АЛЫТАИР

пил в поход Гуриели, отправился и сам [Мамиа], и прибыли в Зугдиди. Сразились [с Георгием Дадиани], и победу одержал Гуриели, свергли Георгия Дадиани, и посадили брата его Мамиа дадианом, а сам Гуриели возвратился к себе.

Между тем Георгий Дадиани нанял войска абхазов, джиков и черкесов. Гуриели же опять отдал войско своему зятю Мамиа, и сразились. И на сей раз победил Мамиа и обратил в бегство Георгия Дадиани[1].

Пицундский храм – место рукоположения католикоса Абхазии.

В хроникон 217 (1529) январи [месяца] десятого скончался Герасимэ Кутатели. И том же году сел [на епископский престол] его племянник (сын брата) Симон, который отправился и Бичвинтский (Пицундский) храм и был рукоположен там. И тот же хроникон царь царей Баграт[2], по повелению католикоса Абхазии[3] Абашидзе, Лихтимери разделил на три епископства. Богом венчанный царь царей Баграт и царица цариц Елена захотели Меликседека Сакварелисдзе епископом великого и равного небесам храма Гелатского, [этого] нового Иерусалима, вечная память им!

В то же время тот же государь хонским епископом назначил Маннуила Мчхетис-дзе рукоположением того же католикоса Абхазии в Бичвинтском храме; в хроникон 217 мы направились для рукоположения в Абхазию июня двадцатого, вернулись [оттуда] июля двадцатого.

Поход одишцев и гурийцев в Джикети.

В хроникон 221 (1533) Дадиани Мамиа и Гуриели Мамиа отправились в поход по морю на кораблях в Джикети; сражение произошло января месяца тридцатого. В первый день эти[4] одержали победу; на второй день, в пятницу, прогневался бог на одишцев, была измена и отступили, оставив Дадиани, Гуриели и войско Гуриели; джики напали на них и сразились: Дадиани, Гуриели, и войско Гуриели истребили многих. Были убиты сын Гуриели Георгий и его дворяне. Изнуренных сражением предал проклятый Цандиа Иналдипа[5]; раздели Дадиани, догола раздетыми изрезали Гуриели и трех его братьев, епископов, а войско его взяли в плен. Туда направился католикос Малакия и вызволил живых, а мертвых выкупили за деньги.

Католикос Абхазии Евдемон Чхетидзе. Шарвашидзе Русудан.

В хроникон 266 (1578) появилась звезда с хвостом, никогда подобной ей никто не видывал...

[1] Аналогичный текст содержится и в третьем тексте «Новой истории Грузии» (Картлис цховреба (История Грузии), т. II грузинский текст подготовил к изданию по всем основным рукописям проф. С. Г. Каухчишвили), Тбилиси, 1959. с. 503).

[2] Баграт III, повелитель Имерети (1510 – 1564), сын Александра II (Картлис цховреба (История Грузии), т. II грузинский текст подготовил к изданию по всем основным рукописям проф. С. Г. Каухчишвили), Тбилиси, 1959. с. 638).

[3] Т. е. всей Зап. Грузии и собственно Абхазии.

[4] Т. е. одишцы и гурийцы.

[5] По всей вероятности, Инал-ипа.

В тот же хроникон[1] скончался католикос Абхазии Евдемон Чхетис-дзе.

В тот же хроникон, месяца мая 22-го, скончался Баграт, сын царя царей Георгия[2]. И мать его, царица Русудан, урожденная Шарвашидзе, скончалась августа [месяца] 4-го.

Картлис цховреба (История Грузии), т. II грузинский текст подготовил к изданию по всем основным рукописям проф. С. Г. Каухчишвили), Тбилиси, 1959. Сс. 342 (477 – 478), 343 (480), 349, 360 (502), 361– 362 (503), 493, 497, 521.
Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии. Сост. Г. А. Амичба. Сухуми, 1986.

1.8 Парсадан Горгиджанидзе. История Грузии. (Извлечение).

XIV в.

Разорение Абхазии Тамерланом.

Темур государь[3] Ивана Атабага[4] и брата царя Константина[5] с войском из Самцхе напустил на Абхазию[6].

Атабаг Иване и Константина, брат царя, с тюркскими и месхскими войсками напали на Абхазию. Кто [заблаговременно] узнал и скрылся, те уцелели, а кто не смог скрыться – некоторых истребили, некоторых взяли в плен, сожгли Абхазию, разрушили [ее], возвратились победоносно; явились к государю Темуру и доложили похвалу царя Георгия[7]: предоставление дороги и отдачу провизии[8].

Саисторио моамбе (Исторический вестник). Кн. II, издание С. Какабадзе, Тбилиси, 1926. С. 310.
Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии. Сост. Г. А. Амичба. Сухуми, 1986.

[1] Т. е. 1578.

[2] Имеретинский царь Георгий II (1510 – 1664) и его сын Баграт (1564 – 1585).

[3] Тамерлан (Тимур), который в 1386 – 1403 годах совершил восемь разорительных набегов на Грузию.

[4] Правитель Самцхе – Саатабаго (Южной Грузии) из рода Джакели.

[5] Как видно, речь идет о грузинском царе Георгии VIII (1393 – 1407) и его брате Константине (1407 – 1411).

[6] Все это предложение в сочинении дано как оглавление данного сообщения.

[7] Видимо, речь идет об имеретинском царе Георгии I (1389 – 1399).

[8] Описанное событие имело место, как видно, в 90-х годах XIV века.

АЛТАЙР

1.9 Сулхан-Саба Орбелиани. Путешествие в Европу. (Извлечения). 1713 – 1714 гг.

1713 – 1714 гг.

Грузины и абхазы на острове Мальта.

Видел[1] [я] и грузин; некоторые [были] абхазы, некоторые– имерцы, гурийцы, мегрелы, которых [мальтийцы] отняли у татар[2]. Язык [свой] все еще хорошо знали. Почему абхазец знал по-грузински, тому я удивился.

Пленный абхазец на острове Мальта.

Мальтийцев знатного происхождения будет три тысячи [человек]. Имеют они четыре тысячи солдат. Когда я прибыл [на Мальту], скачали [что у них] двенадцать тысяч пленных. И сто семь [душ] привезли в мою бытность. Кого из, христиан находят, тех не превращают в пленных, хотят – отпускают, хотят – оставляют у себя. Пленных татар держат. Один абхазец, четверо гурийцев, один Гугунава, сын Сехнии [были там]. И женщины гурийки и мегрелки пребывали там. Содержат их в хорошем почете. Хотели выехать [на родину]. Я отсоветовал [им].

Смятение в Абхазии.

Выехав из Константинопольского пролива[3]... мы на десятый день прибыли в Атина к его[4] дому[5]... Четыре дня держал он нас там. Затем сказал нам: «Я не могу повести корабль в Гурию; абхазцы пришли в смятение, боюсь; и если хотите, то поезжайте на маленьких лодках, либо на Гурию, либо на Ахалцихе.

Состояние христианства среди абхазов и черкесов[6].

...Намерение того царя[7] еще больше. Он желает дать миссионерам действенные средства, чтобы заставить Черкесию принять эту веру, которая соседствует с Грузией, и на одной из дочерей ее владетеля он женился...

Сие большое путешествие я предпринял только для спасения тех народов[8] и прибыл (сюда), чтобы пасть у ног старшего сына церкви...

Вслед за той милостью[9], о которой я осмелюсь просить для Вахтанга всемогущественного императора Франции, у меня остается еще предста-

[1] Это было во время возвращения Сулхана-Саба Орбелиани из Европы на родину, в октябре 1714 года.
[2] То есть у турок.
[3] Далее опускаем небольшой отрывок.
[4] Речь идет о кораблеводителе.
[5] Далее опущен текст, не имеющий отношения к нашей теме.
[6] Грузинский дипломат во время пребывания в Париже (1714 г.) составил меморандум на имя французского короля Людовика XIV; по просьбе патриарха Западной Грузии Григола Лордкипанидзе в него был внесен пункт об отправлении католических миссионеров в Черкесию и Абхазию для восстановления и упрочения христианства на Западном Кавказе.
[7] Речь идет о восточногрузинском царе Вахтанге VI, который в то время, по указанию шаха, был оставлен в Персии.
[8] Т. е. черкесов, абхазов и некоторых других народов Западного Кавказа.
[9] В своем меморандуме грузинский дипломат просил французское правительство об оказании помощи в освобождении Вахтанга VI и получении денежной помощи.

вить ему[1] покорнейшую просьбу патриарха Мегрелии[2]. Этот прелат[3], которого я давно знаю как благого человека, при проезде через его владение настоятельно просил меня выпросить восемь-десять миссионеров у его превосходительства, признанного во всем Леванте[4] покровителем и поддерживающим все миссии. Намерение того патриарха – присоединиться к святому престолу папы[5] и действовать вместе с этими миссионерами для обращения абхазов в христианство; [в качестве] подтверждения правдивости своих слов он отправил вместе со мной надежного монаха по имени Давид, который должен повезти ему миссионеров, если его величество[6] изволит добро и пожалует [их] ему[7].

Орбелиани Сулхан-Саба. Путешествие в Европу. Сочинения, т. I. Тбилиси, 1959. С. 231, 238, 243.
Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии. Сост. Г. А. Амичба. Сухуми, 1986.

1.10 Вахушти Багратиони. История Царства Грузинского. (Извлечения). XVIII в.

XVIII в.

Правители Абхазского царства[8].

Первый царь Леван царствовал 20 лет. Воцарившись, этот Леон, овладев всей Эгриси, назвал ее не Эгриси, а Абхазией, и разделил сию Эгриси, а отныне Абхазию, на восемь эриставств:

1. Посадил [эристава] абхазов и дал ему Абхазию и Джикети до моря и Хазарской реки;

2. Посадил [эристава] в Цхоми и дал ему территорию за Эгриси – Анакопию с Аланией;

[1] Т. е. императору Людовику XIV.
[2] Григол Лордкипанидзе.
[3] Католический епископ.
[4] Т. с. Средиземноморье.
[5] Римским папа.
[6] Т. е. французский император.
[7] Цит. по работе: И. Тапагуа. «Посольство Сулхана-Саба Орбелиани но Франции». Журн. «Мацне», 1965, № 3, с. 83 – 84 (на груз. яз.).
[8] В разделе «Истории Грузии», который называется «Житие Эгриси. Абхазии или Имерети», Вахушти, используя, в основном, текст анонимного сочинения XI в. «Летопись Картли» («Матиане Картлиса»), коротко изложил деятельность правителей Абхазского царства IX – X вв., начиная от Леона до Феодосия Слепого и воцарения Баграта III. Материал этот интересен тем, что некоторые сообщения ранних источников ученый комментирует по-своему, приобщая к ним частично дополнительные сведения и хронологические данные, особенно годы правления царей и т. д.

АЛЫТАИР

3. Посадил [эристава] в Бедиа и дал ему восточную часть [реки] Эгриси до Цхенис-цкали;

4. Так как к тому Леону присоединились доставшиеся Одзрахосу земли с юга от Чорохи, отложившись от эристава Одзрахоса, назвал [эту землю] Гурией и посадил там эристава своего;

5. Посадил [эристава] Рачи-Лечхуми;

6. Посадил [эристава] Сванети;

7. Посадил [эристава] в Шорапани [владетель] всей Аргвети к востоку от [реки] Риони и Ханис-цкали до Лихи;

8. Посадил в Кутаиси [эристава] Ваке, Окриба, земель к западу от Ханис-цкаля до Гурии и западнее Риони до Цхенис-цкали.

Он же построил город и крепость Кутатиси и сделал [там] резиденцию царя абхазов; как и Анакопию, сделал сей Кутатиси вторым стольным [городом]. Надо предположить и освобождение им же Абхазского католикоса с соизволения же греков.

Тот Леон закрепил за собой Абхазию и управлял [ею], и после благополучного царствования скончался христианской [эры] в 806 [году], грузинский [хроникон] 26; и остались у него сыновья: Феодосий, Георгий и Дмитрий.

Второй царь Феодосий, царствовал 39 лет[1]**.** Воцарился после Леона сын его Феодосий. Он еще больше упорядочил [дела] Абхазии; сей Феодосий был зятем Ашота Куролалата. Он же помог Ашоту Куропалату против кахетинского владетеля Григола. Он сразился с царем Багратом, братом своей жены, и [воевал] с Бугой Турком со своим войском в Кверцхоби. Затем, бежав через Двалети, прибыл в Абхазию. После благополучного царствования умер христианской [эры] в 845 [году], грузинский [хроникон] 65.

Третий царь Георгий царствовал 15 лет. После царя Феодосия сел царем брат его Георгий. Этот Георгий овладел Картли и посадил в Чиха эриставом Тинена, сына брата своего Дмитрия; и после благополучного царствования умер царь Георгий христианской [эры] в 877 году, грузинский [хроникон] 97.

Четвертый царь Иоанн царствовал 14 лет. После же царя Георгия царем стал сын его Иоанн. Однако царица, мать Иоанна, намерилась еще больше укрепить царствование сына своего, и так как не было в живых Дмитрия, брата царей Феодосия и Георгия, захватила сына Дмитрия – Тинена, эристава Чиха и убила его, а младшего сына Дмитрия, Баграта малолетнего, сослала, а в пути Баграта сбросили в море. Однако бог спас его, и достиг Константинополя. А царь Иоанн привел своему сыну жену Адарнасе, дочь Гуарама – сына Ашота Куропалата, и поженил их. После того умер царь Иоанн христианской [эры] в 879 году, грузинский [хроникон] 99.

[1] Эти оглавления принадлежат самому Вахушти Багратиони.

Пятый царь Адарнасе царствовал 8 лет. И стал царем Адарнасе, сын царя Иоанна. Спустя восемь лет после его воцарения, вернулся из Константинополя сосланный Баграт, сын Дмитрия, с войском кесаря и овладел Абхазией. Тот Баграт схватил Адарнасе и убил его в 887 году христианской [эры], грузинский [хроникон] 107.

Шестой царь Баграт царствовал 19 лет. Сел сей Баграт царем. Он привел жену царя Адарнасе, дочь Гурама Мампали и женился на ней. Тот же Баграт вывел Насре, брата своей жены, и оказал ему помощь войском против царя Адарнасе. После царствования умер Баграт в 906 году христианской [эры], грузинский [хроникон] 126.

Седьмой царь Константин процарствовал 15 лет. Сел царем абхазов сын царя Баграта Константин. А сей Константин и армянский царь Сумбат воевали из-за Картли. Однако потом заключили перемирие. Константин овладел Картли; после же нашествия Абул-Касима кахетинский хорепископ призвал этого царя Константина. И он, придя туда, разрушил эретские крепости, после же этого заключили мир Квирике [хорепископ] кахетинцев, царь Константин и царь эров. Возвращаясь, царь Константин оправил золотом и богато украсил икону Алавердского великомученика Святого Георгия, затем прибыл в Абхазию. Но после царствования Константин умер в 921 году христианского [летоисчисления], грузинский [хроникон] 141.

Восьмой царь Георгий царствовал 39 лет. Воцарился сын царя Константина Георгий. Против него выступил брат его Баграт, и было смятение полтора года, и не было мира между ними. После же умер Баграт, и [Георгий] занял всю Абхазию. А этот царь Георгий был богобоязненным и набожным, статным, храбрым, мужественным, милосердным, щедрым, строителем церквей, оказывавшим милосердие сиротам и вдовам. Он свою дочь Гурандухт выдал за Гургена, сына царя Баграта Глупого. Этот же царь Георгий после смерти царя Адарнасе Куропалата захватил Картли и посадил [там] сына своего Константина; однако этот Константин стал враждовать с отцом, вывел его из Уплисцихе царь Георгий и оскопил. Тот же царь Георгий прибыл в Кахети, пленил кахетинского хорепископа Квирике и захватил Кахети, а затем было так, как описали выше. А после благополучного царствования умер христианской [эры] в 955 [году], грузинский [хроникон] 175.

Девятый царь Леон царствовал два года. Стал царем в Абхазии Леван, сын царя Георгия. Тот Леван помирился с хорикозом[1] Квирике, породнившись с ним; выдал свою дочь замуж за Давида, сына хорикоза Квирике. Однако после смерти своей дочери опять начал враждовать царь Леван с хорикозом Квирике, и во время похода заболел в Базалети; вернулся обратно

[1] Т. е. хорепископ Кахети.

АЛЫТАИР

и прибыл в Кутатиси и скончался там царь Леван в 957 году христианской [эры], грузинский [хроникон] 177.

Десятый царь Дмитрий царствовал 22 года. После царя Леона сел абхазским царем брат Леона Дмитрий. Этот царь Дмитрий был храбрым, мужественным, отважным и безбожным. Поэтому изменили ему абхазы и привели из Константинополя брата царя Дмитрия, Феодосия. Однако не смогли свергнуть царя Дмитрия, и царь Дмитрий помирился со своим братом Феодосием, благодаря хорепископу Квирике и посредничеством [храма] Светисцховели и восседающего там католикоса. Однако Дмитрий нарушил данное слово и выжег глаза у брата своего Феодосия; и через некоторое время царствования скончался царь Дмитрий [год] 979 христианской [эры], грузинский [хроникон] 199.

Одиннадцатый царь Феодосий процарствовал шесть лет. После царя Дмитрия попавшие в безвыходное положение из-за прервания наследственности своих царей абхазы – ибо не было никого другого – вывели Феодосия Слепого и посадили царем абхазов; однако после шести лет царствования Феодосия, из-за того, что и его царствовании нарушились всякие порядки абхазов, вместо него попросили царя Давида Куропалата [дать] царем абхазов Баграта, сына Гургена, сына дочери абхазского царя Георгия. Дал он [его], привели в Абхазию и короновали в Кутатиси в 985 [году] христианской эры, грузинский [хроникон] 205; и от сего Баграта началось царствование Багратионов в Абхазии. А царствовали те цари абхазов в Абхазии 199 лет. Со времени царствования того Баграта первого до царей Давида, сына Лаша (Георгия) и Давида Нарини, сына Русуданы, вся Абхазия находилась под единодержавием. От воцарения Багратионов до разделения царства, между этими двумя Давидами прошло 274 года.

Мероприятия Георгия V в Абхазии.

Царь Георгий[1] подступил к Кутатиси[2]... Увидев это, Дадиани Мамиа и Гуриели, эристав сванов, как и Абхазии – Шервашидзе, явились к нему с большими дарами и благословили его царствование в Имерети и всей Георгии[3]. Затем [он] вступил в Одиши, оттуда – в Абхазию; распорядился о [делах] тамошних и крепости занял сам; а Цхомское эриставство передал Бедиели[4], так как первенство принадлежало Цхомскому (эриставству); вернулся [царь Георгий] обратно, объехал Гурию, распорядился и о [делах] тамошних и прибыл в Самцхе.

[1] Георгий V Блистательный (1313 – 1346), который проводил объединительную политику, в Зап. Грузию вступил в 1330 году.
[2] Далее опускаем текст, где говорится об отношениях между царем Георгием и владетелем Кутаиси Багратом.
[3] Т. е. Грузии.
[4] Речь идёт о владетеле Бедийской области, который именовался «Бедиели», то есть «Ведийским».

Поход в Абхазию одишского владетеля Мамиа Дадиани.

После того вместо царя Константина[1] воцарился «его племянник, сын царя Георгия, Александр[2]. Он забрал тело Константина и предал земле в Вардзии. Между тем, Мамия Дадиани[3], увидев сии обстоятельства, пожелал покорить абхазов; в том же году[4] [он] собрал войско одишских мегрелов и выступил [в поход]. По прибытии в Абхазию сразился с ним Шервашидзе с абхазцами из [своих] укреплений. Истребили мегрелов, убили Мамиа Дадиани, а остатки войск обратили в бегство, и бежавшие прибыли в Одиши.

Царь Александр, услышав об этом, собрал свои войска и отправился. По прибытии царя в Одиши вышел ему навстречу сын Мамиа Дадиани Липарит и просил прощения за то, что согрешил его отец. И простил царь, ибо был он мягким и милостивым и никому никакого вреда не причинял; и того Липарита возвел в сан [его] отца. После [царь] отправился в Абхазию, взяв с собой и Липарита Дадиани. Встретил [его] Шарвашидзе, который подчинялся его повелениям, как и при первых царях; привел в порядок дела тамошние, умиротворил их[5] и прибыл в Кутаиси.

Нашествие османов на Абхазию.

В 1451 году христианской [эры], в грузинский же [хроникон] 139, прибыло пятьдесят катарг, полных воинами султана Мурада, сына Махмада; разорили и опустошили Цхоми, Абхазию и морское побережье. Повернули и уехали обратно. Узнав об этом, царь Георгий[6] поспешно направился туда, но уже никого не догнал. Все же он там заселил [сторожевых] из местного населения, построил им укрепления; распорядился [делами] тамошними и вернулся в Гегути.

Джикети и Абхазия в V в. н. э.

В малолетство Вахтанга Горгасала греки отняли [у него] Эгриси и берег моря до Цихе-Годжи; однако впоследствии Вахтанг же, придя из Осетии, десницей своей взял у греков Джикети вместе с Абхазией в пределы свои.

Мурван отступал из Анакопии[7].

Первым названием этой реки [Цхенис-цкали] является река Такуери, а когда утопили в ней лошадей отступавшего из Анакопии [Мурвана] Глухого и 60 000 его воинов, тогда назвали Цхенис-цкали[8].

[1] Царь Грузии Константин (1407 – 1411).
[2] Грузинский царь Александр (1412 – 1443), сын Георгия VII.
[3] Дадиани Мамиа II (1396 – 1414), сын Вамека Дадиани.
[4] Т. е. в 1414 году.
[5] Т. е. владетелей Одиши и Абхазии.
[6] Грузинский царь Георгий VIII (1446 – 1466).
[7] При описании урочищ рек Цхенис-цкали и Абаша и этимологизации этих гидронимов историк упоминает об отступлении арабов из Абхазии в 736 – 737 годах.
[8] То есть Лошадиная река.

АЙТАИР

* * *

Ту [Чкондидскую церковь] построил восьмой царь абхазов Георгий[1]..., западнее нее течет река Абаша, сперва именовавшаяся под другим названием. Затем, когда отступил Мурван Глухой из Анакопии, из расположенных здесь лагерем [воинов] утопилось 80 000 абашев, и с того времени [река] называлась Абаша.

Илорская церковь. Река Моква.

Севернее этой Дадис-цкали течет Эгрисис-цкали, названная из-за Эгроса, сына Таргамоса. Берет начало у Кавказа, течет к западу и впадет в море у Илори. А на берегу моря, на западном берегу этой реки, стоит Илорская церковь Святого Георгия. Восточнее от нее протекает Эгриси, к западу – река Мокви, с юга расположено море, а с севера – равнина. Сия церковь бескупольная, малая, богато украшенная. Из-за песчаности [этого места], чтобы церковь не оседала, привезли большие камни, плиты [песчаника], и на них построена вся церковь. Ежегодно 10 ноября сюда приводят быка, которого закалывают и распределяют меж собой царь и знатные. И является [сия церковь] воистину чудотворной. Османы же подожгли Илорскую церковь в 1733 году христианской [эры], в 421 году грузинского [летоисчисления].

Ведийский, Моквский, Драндский храмы. Цхумское, Бедийское и Абхазское эриставства[2].

У этой реки Эгриси, в горах, находится Эгри, куда впервые пришел Эгрос, сын Таргамоса и построил здесь город, занял свое владение. Однако его после назвали Бедней, так как когда первый [грузинский] цярь Парнаоз возвел в эриставы западнее Риопн Куджи, нашел [он] счастье[3].

А затем абхазский царь Леван[4] разделил страну так, что Цхумский эриставство был отдельно, Бедийский – отдельно, Абхазский – отдельно; так [и было] до царицы Тамары. После же Русуданы[5] эриставом Одиши был Дадиани, а Бедиели – остальной территории, Цхумского же [эриставства] не стало. Здесь же в Бедии, пятьдесят четвертый царь Баграт[6] построил большую и великолепную купольную церковь и украсил ее весьма богато. Поэтому и писано: «Кто, желает [узнать] о величии и богатстве пятьдесят четвертого царя Баграта, посмотри Бедийскую церковь и по ней познаешь [все о нем].

[1] Георгий II (921 – 955), сын Константина.

[2] Вахушти разделяет и повторяет сообщение Леонтия Мровели о происхождении народов Кавказа, об Эгросе и его владениях, в частности. Однако здесь более значительными являются описания им Бедийской, Моквской и Драндской церквей, сообщение о политико-административных единицах Абхазии раннего и зрелого средневековья, об истории Цхума, Анакопии, о границах Абхазии и т. д.

[3] От грузинского слова «беди», означающего счастье; топоним «Бедна» Вахушти этимологизирует, видно, как счастье.

[4] Вахушти имеет в виду Леона II, объединившего Абхазию и Эгриси во второй пол. VIII века.

[5] Речь идет о дочери Тамары – Русудане (1222 – 1245).

[6] Баграт III (975 – 1014).

Посадил он [здесь] одишского епископа; сидит он и поныне, являющийся пастырем земли между реками Дадис-цкали и Мокви. Сюда доставил [прах] того же царя Баграта Звиад эристави и захоронили. К западу от той реки Эгриси течет с севера на юг река Мокви. Берет начало с Кавказских гор и впадает в море у Илори[1]. В верховьях этой реки, на горе, стоит купольная великолепная Моквская церковь. Построил [ее] девятый царь абхазов Леон[2], богато украсив ее. Сидит [в ней] епископ, пастырь земель между рекой Кодори и рекой Мокви. А эта река Мокви течет до Мокви с востока на запад. К западу от реки Мокви течет река Кодори. На берегу этой реки, в Дранде, в горах стоит купольная, прекрасная, величественная церковь. Сидит [в ней] епископ, пастырь местностей между Кодори и Анакопией. Однако ныне в обеих этих [церквах] нет епископов из абхазов. Кроме того, река Кодори, текущая из (гор) Кавказа, до Дранды течет с востока на запад, а от Дранды до моря – с совера на юг. Получила [она] название свое от села Кодори, которое расположено выше Дранды, у этой реки, в горах.

К западу от той реки Кодори течет Цхомская река, берущая начало с Кавказа и впадающая в море с севера. У этой реки, на горе расположен Цхоми, и от него так и называется эта река. Цхоми был городом и эриставством, ныне же поселок. Западнее того Цхоми расположена Анакопия и ее маленькая река, которая вытекает с Кавказа и впадает в море так же с севера. Восточнее той реки, на берегу моря находится город Анакопия.

Ее построили греки. Здесь же кесарь Ереклеос[3] посадил эристава абхазов, [владевшего землей] западнее реки Эгриси до моря. Был [сей] город превосходным, красивым, построенным над морем, затем особенно он был возвеличен Багратионами, около сорока колонн его и сегодня виднеются в море. Однако теперь [он] опустел; и граница между Одиши и Абхазией [проходила здесь]. К востоку от сей Анакопии, от моря до гор, обнес большой стеной Леван Дадиани[4], для того, чтобы [сюда] не переходили абхазы, но (она) теперь бездействует. Одиши в длину простирается от отрогов Кавказа до моря и от Цхенис-цкали до моря, и еще – от Эгрисис-цкали до Анакопии. Ширина же ее – от реки Риони до реки Эгриси, и далее – от моря до отлогов Кавказа.

...[Это] паства католикоса Абхазии.

В настоящее время [земли] до реки Эгриси занимают абхазы, а за ней – юго-восточной стороной [владеет] Дадиани.

Природа, памятники и обычаи северо-западной Абхазии.

[1] Историк здесь допускает неточность: близ Илори в море впадает Галидзга, а не Мокви.

[2] Речь идет о Леоне III, абхазском царе (957 – 967), которому «Летопись Картли» приписывает строительство Моквской церкви.

[3] Византийский император Ираклий (610 – 641).

[4] Владетель Одиши Леван Дадиани (1611− 1657).

АПБ ТАИР

Об Абхазии.

Запад от Анакопии есть Абхазия, первоначально именовавшаяся также Эгриси, ибо удел [земли] Эгроса простирается до моря, потому и была названа так. Однако после [ее] отпадения [от Эгриси], когда греки заняли [эту страну], они назвали ее «Абаса», а грузины [именовали] «Апхазети». Однако более вероятно предположить, что так она была названа сыновьями или внуками Эгроса.

Границы Абхазии следующие: с востока – маленькая гора западнее Анакопии, спускающаяся с Кавказа до моря; с западной стороны – море и река Капоети; далее на запад – пределы Джикети до моря; с севера [Абхазию] граничат Кавказские горы, с юга – Черное море. Простирается она в длину – от Анакопии до реки Каппети, либо до моря; ширина – от моря до Кавказских отологов. К западу от Анакопии течет река Агаца, которая берет начало с Кавказа и с севера впадает в море. Западнее этой реки Агаца течет река Зупу; она берет начало с Кавказских гор, течет на юг, и с севера впадает в море. Зупу является как бы маленьким городом, с дворцом, местом пребывания Шарвашидзе, который владычествует над абхазами и не зависим ни от кого. Западнее того Зупу течет река Муца, берущая начало в Кавказских горах и с севера впадающая в море. К западу от реки Муца, на берегу моря в Бичвинта (Пицунда) стоит большая, величественная и весьма превосходная купольная церковь. Ее построил и богато украсил кесарь Юстиниан[1]. Первоначально [она] была епископской. Во времена абхазских царей стала католикосской, а ныне является престолом Абхазского католикоса, но теперь [осталась] при единственном священнике, ибо абхазы более не подчиняются церковным законам и вере [Христовой]. Это, думаю, и есть Никопсия, церковь же в ней потому построена, что в Никопсии похоронен апостол Симон Кананит.

Западнее этой Бичвинты (Пицунды) течет река Капоети, большая и быстротечная; она течет с Рачинских гор, у Кавказа, протекает через Сванети, Аланию и ниже нее между двумя [горами] Кавказа, и здесь с севера впадает в море.

А [страна] эта – Абхазия изобилует всевозможными плодами и климатом и произрастают [в ней] всякие зерновые [злаки], фрукты, виноградники, водятся животные, [дикие] звери, пернатые и рыба во множестве. Кроме того, коза здешняя весьма породиста, с тонкой и пестрой шерстью, длинноногая, рослая, рога высокие, около полутора аршин, с длинной бородой ниже колен. В Абхазии много лесов, рощ, кустарников, но мало. лугов, в горной части – дачные места. А люди [абхазцы] похожи на мегрелов, но более проворные, статные, стройные, занимаются разбоем; плавают по морю на лодках, на которые садятся по сто, двести и триста [человек], нападают на судна османов, лазов и больше всего на Одиши и Гурию. В сражении [на суше] они робкие,

[1] Византийский император Юстиниан Великий (527 – 565).

быстро отступают, но в море сильны и могущественны. По вероисповеданию являются христианами, хотя ничего в вере не понимают и причисляются к идолопоклонникам, ибо своих покойников не хоронят, а кладут в гроб вместе с утварью и доспехами, одеждой и устанавливают на дерево; если тот мертвец просвистит с помощью дьявола, тогда считают его умершим. Однако признают родство, одноженство, пост, чтут священников. Запрещается у них прелюбодеяние, блуд, так как согрешивших сжигают. Любят и почитают гостя, принимая его с большим почетом. Имеют свой собственный язык, но знатные люди владеют также грузинским. Усаживаются на скамьи и едят с таблы[1]. Весьма преданы своим владетелям и покорны им.

Описание Джикети.

О Джикети.

Территорию за сей Абхазией к западу от реки Каппети со времен Багратионов и по настоящее время называют Джикети; но история Горгасала[2] Джикетией называют [лишь] северную часть Джикети, расположенную по ту сторону Кавказских гор до моря.

Границы теперешней Джикети следующие: с востока – река Каппети, с запада – Черное море, с юга – то же море, с севера – Кавказские [горы]. Сия страна по всему абхазская: растениями и животными, обычаями [народа] и поведением. Однако люди [здесь] больше звероподобны[3]. Раньше являлись христианами, ныне [вера] не известна им. Знаемо, что одежда, вооружение и снаряжение абхазов и джиков[4] те же, что у черкесов, которые иногда по привычке носят и имеретинцы.

Река Каппети[5].

Посредине сей [Сванети] протекает ее река, которая образуется ниже Каппети, вытекает из Рачинских гор Кавказа и течет между западом и севером.

Гурия и абхазский царь Леон.

Гурия же является уделом не Эгроса, а Картлоса[6]. Однако, когда воцарился Леон абхазский, тогда они[7] не захотели подчиняться эриставу Одзрахе[8] – Адарнасе и его сыну Ашоту, которые были сыновьями Степаноза Багратиони. Отложились от них и присоединились к Леону.

Цхумское и Абхазское княжества в 20-х годах XIV в.

[1] Табла (груз.) – длинная деревянная доска-столик на четырех ножках, по-абх. – аишва.

[2] Историк имеет в виду сочинение автора XI в. Джуаншера «Житие и деяния Вахтанга Горгасала».

[3] В данном случае, как видно, Вахушти находится под влиянием древней легенды о путешествии апостолов, где джики характеризуются также отрицательно из-за того, что они плохо встретили Андрея Первозванного и Симона Кананита и не приняли христианскую проповедь.

[4] Речь идет о садах.

[5] Вахушти и при описании Сванети упоминает сванетскую реку и Каппети, будто текущую через Рачинские горы. Под Каппети он подразумевает, вероятно, реку Бзыбь.

[6] Эгрос и Картлос – сыновья легендарного Таргамоса.

[7] Т. е. гурийцы.

[8] Одзрхе, Одзрахе – город и крепость в Южной Грузии, в современном Абастумани.

АЛЫТАИР

Видя создавшееся между ними положение[1], Дадиани Георгий захватил и Цхомское эриставство и сам занял всю Одиши до Анакопии. И Шарвашидзе также [овладел] Абхазией, Гуриели – Гурией, сванский эриставъ – Сванетией, закрепили [они] их за собой и не подчинялись царю по-прежнему.

Попытка отложения от грузинского царя Баграта V в конце XIV в.

Договорился Александр[2] с Дадиани, Гуриели, Шарвашидзе и сванами; однако [они] не согласились, ибо боялись еще Баграта[3] и были верны ему. Александр же занял некоторые крепости Имерети, кроме Кутаиси. Спустя некоторое время скончался царь Александр в 1389 году христианской [эры], в 77 году грузинского [хроникона].

Абхазский католикос, бедийский, моквский и драндский епископы на собрании руководителей церковных центров Грузии.

В то время[4], которое рассматриваем, в Имерети начали отпускать жен, убивать людей, тайно торговать пленными и заниматься многими несовместимыми с [христианской] верой делами. Из-за этого собрались Картлийский католикос Малакия, Абхазский католикос Евдемон[5] и все имеретино-одишские епископы. А епископы те были следующие: Кутатели Свимон, Генатели Антон, Чкондидели, Бедиели, Моквели, Драндели Филипе, Цагерели Козман, Хонели Закариа, Никорцминдели Иоаким, Цаишели Квирике[6]. Они постановили в отношении злодеев надлежащую кару, записали и предали проклятию занимающихся этим делом [лиц], как извещает об этом написанное ими.

Абхазы при Гочораульском сражении.

Леван[7] [Дадиани], достигая успеха и делах, дружил с абхазами, джиками и сванами, чтоб оказывали ему помощь; его порадовала вражда между Гуриели[8] и царем[9], ибо был порочным; выдал сестру свою за Симона, сына Гуриели[10], и Симон сыграл свадьбу в 1621 году христианской [эры], в груз. [хроником] 309.

---

1 Выше этого Вахушти сообщает, что брат имеретинского царя Константин I (1293 – 1327) Микаел приблизительно в начале 20-х годов XIV в, захватил Рача-Лечхуми и Аргвети, из-за чего между братьями долгое время шла война.

2 Речь идет об Александре I (1372 – 1389) Багратовиче, эриставе и царе Имерети.

3 Царь Грузии Баграт V (1360–1395), внук Георгия V.

4 Начало XVII века.

5 Католикос всей Западной Грузии вместе с Абхазией Евдемон I Сакварелидзе (1543 – 1576), именовавшийся Абхазским католикосом.

6 В тексте перевода без изменения оставляем древнегрузинские формы титулов и имен духовных лиц; в русской форме они выглядят примерно так: Кутаисский Семен, Гелатский Антоний, Чкондидский, Бедийский, Моквский, Драндский Филипп, Цагерский Кузьма, Хонский Захарий, Никорцминдский Иоаким, Цаишский Кирияк.

7 Владетель Мегрелии Леван II Дадиани (1611 – 1657).

8 Мамиа Гуриели (1600 – 1625). сын Георгия Гуриели.

9 Имеретинский царь Георгин III (1604 – 1639).

10 Владетель Гурии Мамиа.

Царя Георгия огорчило объединение Дадиани и Гуриели, и начал враждовать [с ним]. Затем царь Георгий собрал войско свое, выступил [в поход] и остановился в Гочораули. Прибыл туда и Леван Дадиани с одишско-абхазско-джикским войском; и произошло жестокое сражение в 1623 году христианской [эры], в груз. [хроникон] 311; погибло множество [воинов]. Царь Георгий был побежден и бежал. А Дадиани пленил многих знатных и простого люда, взял добычу, трофеи и отправился в Одиши.

Обострение отношений между Леваном Дадиани и абхазами.

Дадиани Леван собрал войско и начал враждовать с абхазами, [доходя] до их покорения[1]. Разбогател сильно, ибо грабил судна морские, и помощником своим сделал Каихосро Гуриели, стал открыто выступать против царя Георгия по совету Пааты Цуцки[2]...

...Ненавидела супруга[3] Дадиани Паату Цуцки, и он с ней враждовал. Поэтому же Леван Дадиани обвинил свою жену в прелюбодействии с его кравчим, схватил ее с детьми, положил в пушечный ствол и выстрелил, разбросал [ее тело] по частям.

Заключение мира между имеретинским царем и владетелем Абхазии в 1709 году.

Сыновья Липаритиани[4] – Кациа и Бежан убеждали царя[5], подступившего к Навардзети[6], чтобы царь помог бы им свергнуть их отца и овладеть Одиши. Послушался царь, приставил к Навардзети Квели Церетели, сам отправился в Одиши. Липаритиани оказался не в силах противостоять и бежал в Абхазию. И те овладели Одиши и вступили в Абхазию; тут им сопротивление оказал Шарвашидзе; заключили с ним перемирие, возвратились в Одиши и посадили [там] Кациа дадианом. Затем царь прибыл в Имерети.

Свидетельство о браках между фамилиями Гуриели и Шарвашидзе (Чачба).

Умер Гуриели Георгий[7], сел [на престол владетеля Гурии] сын его, Мамиа[8], сын дочери Шарвашидзе; скончалась и супруга эристава, царевна Мариам[9].

---

1 Как видно, Леван Дадиани, после победы над имеретинским царем Георгием, начал выступать против своих бывших союзников – абхазов и гурийцев, которых хотел подчинить себе.

2 Паата Цулукидзе (см.: Картлис цховреба (История Грузии), т. IV. Грузинский текст. Вахушти. История царства Грузинского. (Подготовил к изданию по всем основным рукописям проф. С. Г. Каухчишвили). Тбилиси 1973. С. 856).

3 Вахушти не называет личность супруги Левана II Дадиани, но по другим источникам известно, что она была дочерью владетеля Абхазии Путо Шарвашидзе (см.: Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии, с. 262 – 265).

4 Владетель Мегрелии Георгий Липаритиани.

5 Речь идет об имеретинском царе Георгии V (1701 – 1720), сыне Александра.

6 Крепость в Имерети, принадлежавшая крупным феодалам Абашидзе.

7 Гурели Георгий (1714 – 1726), сын Мамиа Гуриели.

8 Мамиа Гуриели (с 1726 г.), сын Георгия. В тексте оригинала о нем написано букв.: «рожденный от дочери Шарвашидзе».

9 Мариам – супруга эристава Шошиты дочь царя Александра.

АЛЫТАИР

Отношения между османами, имеретинцами, одишцами и абхазами в 30-х годах XVIII века.

Скончалась супруга царя[1], дочь Бежана Дадиани[2], и после траура царь женился на дочери Левана Абашидзе и сыграл свадьбу в 1732 году христианской [эры], в грузинский [хроникон] 420; царь же свою дочь, рожденную от княжны Дадиани, выдал замуж за Гуриели Мамиа. Увидев это, Дадиани, эристав[3] и Зураб Абашидзе побудили против царя Мамуку, брата его. Дадиани привел его и поженил на своей сестре. Собрал одишцев, абхазов и прибыли в Имерети. Присоединился [к ним] также эристави, и вместе все расположились в Гегути; там присоединились [к ним] и аргветцы[4] и опустошили страну[5]...

Собравшийся Дадиани подступил к Кутаиси; однако царь [Имерети] не вышел сражаться, и те не решились напасть из-за опасения османов, и опечаленные разошлись; Александр же закрепил за собой имерцев вместе с Цулукидзе[6]. В это же время прибыл в Поти другой паша с войском, чтобы подчинить непокорных [жителей] на морском побережье до Азова. Тот призвал Александра с войском; царь собрался и путь, намереваясь служением османам и с их помощью подчинить себе непослушных имеретинцев; и когда он прибыл в Одиши, Дадиани уговаривал не ходить к османам: «Ибо ничего благого нам не предвещает овладение ими морским побережьем». Однако царь не послушался, потому что все те места принадлежали Дадиани, и ему [царю] не подчинялся Дадиани. Явился царь Александр к паше, тот принял его с почестями; отправились они в Одиши, но одишцы все укрывались [в безопасных местах] вплоть до Абхазии, ибо Дадиани не был на стороне паши. Османы и имеретинцы разоряли [Одиши] и пленили всех, где бы кого ни находили. Вошли османы в Илори. Однако иконы, кресты и другую церковную утварь заблаговременно спрятали [от неприятеля]. Развели они огонь и подожгли церковь, содрали крышу из свинцовой черепицы и уничтожили стенную роспись. Затем отправились [оттуда] и прибыли в Абхазию. Тогда Шарвашидзе с абхазами не примкнули к ним, и османы разграбили и захватили все, где что нашли. Однако после этого и Шарвашидзе примкнул к ним, и сделали его и всех его приближенных магометанами. И когда перешли реку Кодор, паша уговаривал царя следовать с ним в Джикети и затем в Азов. Это встревожило Александра и имеретинцев; в ту же ночь [они], оставив всю тяжелую ношу, возвратились обратно; шли двое суток и дошли до реки Эгриси. Там их настигли османы вместе с абхазами, но имеретинцы укрепили берег реки.

1 Имеретинского царя Александра (1721 – 1752), сына Георгия.
2 Дадиани Бежан (1715 – 1728), владетель Лечхуми.
3 Рачинский эристав Григол, сын эристава Шошиты.
4 В тексте оригинала «маргуелли» – жители области Аргвети.
5 Т. е. земли Имерети.
6 Рачинский эристави Цулукидзе Мераб.

Затем царь со своими знатными [людьми] перешел реку, а всех оставшихся османы захватили в плен. Прошли они через Одиши и, истребляемые в пути одишцами, прибыли в крепость Кацо. Узнав об этом, Дадиани[1] с войском подступил к крепости [и осаждал] три дня, а после заключили мир. Царь отдал Дадиани заложников, потом отправились в путь, прибыли в Имерети в 1733 год от рождения Христа, в груз. [хроникон] 421. А абхазы захватили поклажу имеретинцев. Однако между ними и османами тоже возникли ссоры; абхазы отступились от них и начали по ночам грабить, убивать их людей, нападать на османов. Увидев это, паша вернулся в Одиши; тогда абхазы напали [на них] и уничтожили лагерь османов, обратили их в бегство; паша бежал морем; большую часть их истребили, либо утонула в море и в реке, взяли премного их имущества, оставили магометанство, и вернулись абхазы к своей вере. Эту победу приписывали чудотворению Святого Георгия Илорского, ибо в ту ночь он велел абхазам выступить и придавал им силу в сражении.

Картлис цховреба (История Грузии), т. IV. Грузинский текст. Вахушти. История царства Грузинского. (Подготовил к изданию по всем основным рукописям проф. С. Г. Каухчишвили). Тбилиси 1973. Сс. 257 – 258, 278, 284, 748, 776, 779 – 780, 783 – 786, 786 – 787, 789, 795 – 801, 803, 824, 826, 828 – 830, 869 – 870, 884, 885 – 888.

Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии. Сост. Г. А. Амичба. Сухуми, 1986.

1.11 Пейсонель М. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря (Извлечение).

1750 – 1762 гг.

Берег абазинцев.

Абазы принадлежат к числу народов, населяющих пространство между Черкесией и Грузией. Они разделяются, как черкесы, на несколько племен, управляемых своими беями. Между племенами ведется постоянная война. Религия абазинцев представляет собою смесь христианства с пантеизмом; тем не менее, народ признает себя благочестивыми христианами. Порта назначает в эту страну своего бея, называемого беем абазинцев, который, однако, пользуется только титулом начальника без всякой власти. Резиденция бея находится в Сухуме. Главное начальство в этой местности принадлежит паше Черноморского побережья, но абазинцы не повинуются ни ему, ни турецкому бею, и лишь одна сила может привести их к покорности и повиновению. Кубанский сераскир делает иногда на них набеги,

1 Дадиани Отиа (1728 – 1758) сын Бежана Дадиани.

АЛТАМИР

отбирая у них мелкий скот, лошадей и рабов. В этой стране имеется два главных порта – Сухум и Кодош.

Сухум – небольшой городок, расположенный в бухте, на берегу Черного моря, куда пристают суда всякого размера, но зимовать там не могут. В Сухуме есть две мечети, баня и числится около 3 000 жителей; больших судов нет, но жители имеют около 20 маленьких, которые совершают рейсы по берегу моря. Бухта оберегается маленькой крепостью с четырьмя бастионами, вооруженными 50 пушками; гарнизон состоит из янычар под командою двухбунчужного паши…

Ввозная торговля абазинцев.

Большие суда, отправляющиеся в Абазу, нагружаются обыкновенно солью, которая составляет в этой стране самый важный предмет торговли. Соль покупается преимущественно в Крыму, на солеварнях в Геслеве и Керчи, где можно нагружаться только по ханским фирманам. Сапа соли стоит от 4 до 6 пиастров. (Кебе равняется 100 сапам, сап-80 кило, кило 17-18 ок.).

Прочие суда доставляют к абазинцам вино, приобретаемое в Синопе, Триполи и некоторых других местах Анатолийского берега.

К числу прочих товаров, имеющих наибольший сбыт у абазинцев и которыми дополняется нагрузка судов, принадлежат следующие: сафьян и крашенные овечьи кожи красного, желтого и черного цветов из Константинополя и Крыма, мелкие железные и медные вещи, ружья и пистолеты, ятаганы, называемые кинжалами, персидские ситцы, астраские полотна, ситцы или окрашенные полотна и покрывала из Ямболи. Сухум – единственное место, где потребляют небольшое количество сукна, Скиоских материй, мыло и некоторых других предметов, которые продаются там в очень ограниченных размерах.

Вывозная торговля абазинцев.

Самый значительный предмет вывозной торговли абазинцев составляет буксовое дерево (пальма), которое приобретается в обмен на соль, вес на вес, так что груз соли дает груз букса. Поэтому, для успешного выполнения подобного рода операций, требуется очень большие суда, чтобы иметь возможность взять насколько возможно большее количество букса. Обмен на вино производится не на вес, а на особых условиях, вполне зависящих от обстоятельств. Из Абазы вывозится громадное количество воску, приобретаемого по очень выгодной и крайне низкой цене. Купцы, производившие эту торговлю и обогатившиеся на ней, уверяли меня, что не раз покупали мед ниже 20 пара за ок. Воск продается неочищенным и при очистке его около 20% на 100 идет на убыль.

У абазинцев имеется также для сбыта запасы различных мехов, именно: рыси, называемой вашак, куницы, каменной куницы, бельчьи.

Можно было бы произвести весьма выгодную торговую операцию в этой стране, нагрузив возвращающиеся оттуда суда свиным салом и ветчиною. Свиньи в Абхазии крайне дешевы, но для того, чтобы воспользоваться этим продуктом, необходимо отправить туда сведущих мастеров, умеющих солить и приготовлять свиное мясо в таком виде, чтобы можно было доставлять его оттуда в хорошем состоянии к христианским народам.

Торговля рабами также очень выгодна, потому что в Абазии цены на них очень низкие. Главный контингент рабов образуется из людей, попадающих к беям в плен во время междоусобиц и взаимных нападений, которые почти никогда не прекращаются в этой стране. Порода людей здесь гораздо хуже, чем в Черкесии и поэтому за раба абаза дают только половину того, что предлагается обыкновенно за рабов из Черкесии.

Определить с желаемой точностью цены ввозных и вывозных предметов нет никакой возможности, ибо здесь все продается на обмен. Я знаю только, что едва ли существует в целом мире страна, где торговля была бы настолько прибыльна, как в Абазии. О выгодности ее можно судить по буксу, продаваемому в Константинополе по 3 пиастра за центнер, между тем соль, в обмен на которую приобретается это дерево, стоит в Крыму не дороже 10 пара за центнер…

Для торговых операций с Абазией надобно набирать большие хорошо вооруженные корабли и с надежным многочисленным экипажем; впрочем, больших судов требует и самый род торговли в этой стране, как уже говорено было выше. Если судно имело несчастье быть захваченным, то оно подвергается разграблению, а все находящиеся на нем люди обращаются в рабство. Абазы надевают козий мех на голову каждого пленника и ведут их в горы, чтобы они не могли найти потом дорогу, по которой пришли. Абазы заставляют пленников стеречь свиней, которых очень много в этой стране. Однако же избавиться от такого рабства не трудно. Сами абазы стараются получить выкуп за своих пленников и охотно предлагают их купцам, пристающим к берегам Абазии. Поэтому легко можно получить свободу за какую-нибудь сотню пиастров в товарах. Почти невозможно найти судно на фрахт для торговли с Абазией, вследствие этого плавание сюда производится отдельно, частично предпринимателями, по взаимному соглашению. В таких случаях поставщик товаров получает одну часть прибыли, хозяин судна другую, а третья идет экипажу; так обыкновенно делится всякая прибыль за исключением издержек, которые всецело падают на поставщика товаров. Часть, причитающаяся экипажу, подразделяется следующим образом: рейс и хозяин имеет 3 части, кормчий – 2 части, письмоводитель – 2, хозяин шлюпки – 1½ и каждый матрос – 1. Путешествие к абазскому берегу совершается только раз в год; туда

АЛБТАИР

отправляются обыкновенно при открытии навигации на Черном море, т. е. в начале апреля и возвращаются оттуда в конце лета.

Пейсонель М. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря. Краснодар. С. 29 – 31.

1.12 Из записи ст. сов. Князя Амилахвари.

1769 г.

При берегах Черного моря пристани и гавани корабельные хотя имеются в Имеретии, однако, оные все во владении у князей только Дадиана и Гуриела, да в Абхазии у владельца, именуемого Шервашидзе. Сей владелец со всем своим родом содержит православную веру; но, выключивши малое число той нации ему последующих, протчую, самую большую часть, составляют ныне идолопоклонники разных сект, который прежде православного же были исповедания.

Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии. Под. ред. А. А. Цагарели. Т. I. СПб, 1891, с. 33.

1.13 Из рапорта кап.-пор. Львова президенту коллегии иностранных дел графу Н. А. Панину.

25 января 1771 г.

…Между тем князь, Абхазинский владетель[1], изъясняет через князя Дадиани, что он в отношении нашего табуна не виновен… Сей же Абхазинский князь, по верным известиям, и ближний родственник начальнику в турецкой крепости, Аку называемой, лежащей в Абхазии…

Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия… Под. ред. А. А. Цагарели. Т. I. СПб, 1891, с. 279.

1.14 Из представления имеретинского царя Соломона I Екатерине II.

Февраль 1771 г.

… Когда турки в здешней стране начали усиливаться и завладели столичным Апхазским городом Анакопиею, а после того и всею Апхазиею, то Дадян[2], воспользовавшись сими смутными тогда здесь обстоятельствами, от подданства Имеретинского царя отложился…

Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия… Под. ред. А. А. Цагарели. Т. I. СПб, 1891, с. 289.

[1] Речь идет о Леване Шервашидзе (Чачба) – самурзаканском владетеле.
[2] Дадиани.

1.15 Из рапорта гвардии капитана Н. Д. Языкова.

27 февраля 1771 г.

3 числа получил я от (Имеретинского) царя Соломона письмо, в котором уведомлял меня, что абазинцы[1] собираютца итить к крепости Поти на помощь; в рассуждение чего, со согласия (светлости) графа Тотлебна, тот день для точнейшего разведания я к царю Соломону поехал. По приезде моем к царю, он мне подтвердил, что абазинцы действительно собираютца, почему я ево и просил, чтоб он взял все предосторожности и войско бы собрал.

Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия… Под. ред. А. А. Цагарели. Т. I. СПб, 1891, с. 292.

1.16 Из письма имеретинского посла, главного распорядителя царских доходов и расходов З. Церетели президенту военной коллегии Г. А. Потемкину.

8 июля 1785 г.

Подал князю Потемкину от имени своего письмо, в котором изъяснял выгоды приобретения Имеретии. Он обещал устроить из имеретинцев полк, на службе императрице[2], на казенном содержании; покажет следы к устранению крепости при береге Чернаго моря, в Кинтише (или Кинтрише) или Цихис-Дзире, которая несравненными своими выгодами будет полезна потому, что Имеретии, Абхазетии, Мингрелии, Гурии совершенно служить будет непроходимою цепью, и все оные места учинит России крепко подвластными, а Имеретии будет полезна.

(Бутков П. Г.). Материалы для новой истории Кавказа, ч. 2. СПб, 1869. с. 139.

1.17 К реляции чрезвычайного и полномочного министра в Константинополе Я. И. Булгакова Екатерине II о подготовке восстания против имеретинского царя.

1 (12) августа 1785 г.

Живущего здесь с давнаго времени в Скюаре Грузинского Кюр-бея, также сказывают, вознамерилась Порта вскоре отправить в Батум к тамошнему Паше, дабы он соединился с Цулукидзе и неким Келеш-беем, живущим в Фазу, и шел с ним в Имеретию против царя Давида. Чинимая от Порты Цулу-

[1] Русские источники XVIII – начала XIX века часто так именуют и население Абхазии – абхазов или абхазцев – (Г. Д.).
[2] Екатерина II.

АЛБТАИР

кидзе ласка сказывает произошла через поданные от него Порте посредством Келеш-бея уверения, коими будто бы он обещает, что ежели она снабдит его только порохом и свинцом, то он покорит под власть Порты отшатавшихся имеретинцев, выгонит оттуда Давида и попрежнему станет ей платить дань отроковицами, за несколько лет уничтоженную. Вследствие чего якобы Порта и отправляет туда Кюр-бея, на одной Мелексе стоящей теперь в каваках посылает свинец и порох к Келеш-бею, рекомендуя оному, дабы весь тот груз доставил от себя Цулукидзе яко своему приятелю, о добрых коего к Порте склонностях он засвидетельствование подал. Царь Давид напротив с своей стороны предвидя, что восставшая между им и Цулукидзею ссора добро не прекратится, отправил своего сына с первым казначеем и другим неким тамошнего католикоса чиновным в Россию, но на какой конец неизвестно.

АВПР. ф. Сношения России с Турцией. д. 656. лл. 14 об – 15. Подлинник.

1.18 К реляции чрезвычайного и полномочного министра в Константинополе Я. И. Булгакова Екатерине II о выступлении абхазов против турецкого владычества.

1 (12) августа 1785 г.

Сегодня приехал из Суджака татарин поколения буджаков, находящихся на суджакской земле, с армагзаром от имени оного поколения и от живущих в Суджаке, в коем представляется, что абазинцы, неповинующиеся Порте, не хотят никоем образом терпеть оных татар на своей земле и ежедневно их бьют; а так как не в силах противиться, то просят прислать корпус войск как для охранения крепости, так и для защищения их от насилия абазинцев. Недавно отправленные отсюда в оную крепость с бинаеминием сто янычар только выехали из пролива принудили судно пристать в Ираклии, где с него сошли и все разбежались, включая 13 человек с офицером, кои отправились к своему месту.

АВПР. ф. Сношения России с Турцией. д. 656. л. 60. Подлинник.

1.19 Из секретной докладной записки имеретинского посла Виссариона Габаонова (Габашвили) президенту военной коллегии Г. А. Потемкину с просьбой о принятии Западной Грузии в покровительство России.

16 сентября 1787 г.

Исторгнуть же отечество наше от рук иноверов и опрокинуть совершенно вражия их на те места покушении, також распространить с той стороны силы Российские, зависит от обладания Апхазетиею, куда с божею помощью силами нашими надеемся Российским силам доставить беспрепятственный путь и занять Апхазетию, а сил все трудности преодолены быть имеют потому, что Апхазетия сама по себе склонна к христианскому исповеданию. Многие из них хранят христианской обряд, а наипаче фамилиарные чиновники их.

ЦГАДА. Госархив. разр. XV (ф. 15). д. 192. лл. 9 – 12. Перевод с грузинского.

1.20 Абхазы.

1788 г.

Абхазы – вольный и многочисленный народ, живущий в Кавказских горах, язык коих ни с каким другим из известных, как только с черкасским некоторое, но и то небольшое сходство показывает. Земля, на которой живет народ сей, на собственном их языке Абсне называется; тапереж турки и черкасы называют ее Абаза, а грузины Абхазети. Новые географы ее Абхазиею именуют, и уповательно императора Константина Абасгия таж самая будет. В рассуждении прежнего и нынешнего состояния закона, об них можно сказать, что в Абхазии несколько тверже вкоренилась христианская вера, нежели между Черкассами. В прежние времена жил народ сей только по западной, к Черному морю примыкающейся стороне Кавказских гор, по рекам прямо в сие море между Кубанью и Енгури впадающим. Последняя река отделяет его от мингрельцов. Большая часть народа живет и доныне в сей стране и составляет уезды: Хирпис, Чаши, Садс, Айбга и Ахшипсе, кои черкасам под общим именем Кушгашин, т.е. загорных, известны. Сими владеют некоторым образом турки посредством одного паши, который живет в лежащей к Черному морю небольшой крепости Сохум-Кала называемой, и выбирается из княжеской абхазской фамилии Мудавия. Один из прежних пашей назывался Абай, для того назвали грузины сей Абаю поданный уезд, по правилам языка Сабай; из сего у россиян произошел народ Сабайцы. За сими уездами, кои полуденно-западную часть Абхазии составляют, следуют на северозападе уезды: Туби, Убух, Шаши и Шапсих, которые с черкасскими уездами Бжана и Гатукай граничат. Надо сими содержат турки в небольшой к Черному морю лежащей крепости Сочук-Кале надзирателя; но ему сии абхазы столь мало повинуются, что прежнюю свою вольность в лесистых и гористых своих жилищах почти еще в целости сохраняют. Язык сих северозападных уездов от языка, каким говорят в выше помянутых полуденно-западных, приметно отличен. Третья малая часть абхазского народа есть та, которая в прежнем столетии на северную сторону гор пе-

АЛТАИР

решла, где она между черкасскими уездами Кабардою и Безленом реку Куму, верхние части Кубани и впадающие в Кубань реки, Инджик и Уарпа или Арпа занимает, и живет по линии Георгиевской до Ставропольской крепости на полдень параллельно. Деревни сей части суть: Бабукт на левой стороне Малка в 40 верстах на полдень от Георгиевской крепости; Жентемиркт на левой стороне малой Кумы в немногих верстах на западе от первой; Трамкт – небольшая деревня в пяти верстах от правой стороны Кумы, при северо-западной подошве горы Бештау, в 20 верстах на с.в. от Георгиевской крепости; Кличкт при ручье Калмурза Жилгазе недалеко от правого берега Кубани; Кетшее – несколько повыше непосредственно на сем берегу Кубани; Трамкт при ручье Теберте на левой стороне Кубани, к коему вышепоказанная также называемая деревня принадлежит; Лаукт при ручье Карданих; Арзланкт при ручье Хсаут; Биберт при ручье Марух, который также, как и обе теперь упомянутые, в правую сторону в реку Кичи-Инджака впадает, на левой стороне которого лежит Дударуквакт. Все сии упомянутые деревни общим именем черкасами и абхазами Тапанта, а татарами Алте-Кезек, т.е. шесть кусков называются, потому что в оных находится шесть княжеских фамилий, кои происходят от одного Ашахмата. За упомянутыми абхазскими деревнями следуют к западу еще четыре уезда: Зиди при Улу-Инджик, Барекай, Шеграй и Башилбай при Уарпе; все сии между Камою и Уарпой живущие абхазы суть поданные большой Кабарды, и ей дань платят, потому кабардинцы прежние свои жилища, отступя сами далее на восток к Баксану и Тереку, им уступили. Язык сих северных абхазов с языком полуденных совершенно сходствует. Все сии народы по большей части магометане, но столь не сведущи во всем, что и о законе своем едва понятие имеют. Некоторые из них производят хлебопашество, но большая часть питается скотоводством, разведением винограду и других древесных и земных плодов.

"Новый и полный географический словарь Российского государства", часть I. Москва. 1788. С. 2 – 5.

1.21 Из докладной записки имеретинского посла Виссариона Габаонова (Габашвили) президенту военной коллегии Г. А. Потемкину.

Сентябрь 1789 г.

О пользе Апхазетии, служащей преградою и обузданием Кубани, на желание их быть в покровительстве под Российским императорским двором, что благоволит ваша светлость.

ЦГАДА. Госархив. разр. XV (ф. 15). д. 192. лл. 3 – 4. Перевод с грузинского.

1.22 Из докладной записки имеретинского посла Виссариона Габаонова (Габашвили) президенту военной коллегии Г. А. Потемкину о занятии русскими корабельной пристани в Абхазии.

5 декабря 1789 – 5 декабря 1790 г.

Абхазию оставить по себе, которые[1] туркам незавоеваны, дать им волю. О коих мы знаем, что все согласятся перитить в христианскую веру и они, как и мы, приидут под Российское покровительство. Также упомянуть, чтоб в Абхазии корабельную пристань занять для торговли российских кораблей и от сего может увидеть немалую прибыль.

ЦГВИА. ф. 52. оп. 194. д. 20. ч. V. лл. 49, 51. Перевод с грузинского.

1.23 Из фирмана турецкого султана Селима III к некоторым кавказским правителям, призывавшего их к войне против России

1798 г.

Да вручится сей фирман сугумскому[2] Келеш-Бию, затем владельцу Атажуке Атажукову[3], а оттуда в Дагистан, к акушинскому князю, а потом списать с сего список и объявить всем тамошним мухаметанцам.

(Бутков П. Г.). Материалы для новой истории Кавказа. Ч. 3. СПб. 1869. с. 245.

1.24 Документ, поданный имеретинским послом князем Семионом Габаоновым (Габашвили) президенту военной коллегии князю Г. А. Потемкину. (Извлечение).

3 декабря 1791 г.

… 5. Апхазетии доставить независимость от Порты, и оной в ее внутренние и религии принадлежащие дела не мешатся. Я, ведая о склонности сего народа, обнадеживаю, что они вскоре предадутся христианству и покровительству Российскому. Словом, без перенесения к ним победоносного российского оружия изъявять свое России повиновение, и дабы Российское купечество и в их, Апхазетинских, пристанях свободное имело пристанище и полезную торговлю, то обстоят оные.

Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия… Под. ред. А. А. Цагарели Т. II. ч. II. СПб, 1902. с. 71. Оригинал см.: АВПР. ф. Сношения России с Грузией, 1774 – 1804 гг., кн. 18. лл. 137 – 138.

[1] Абхазы.
[2] Сухумскому.
[3] Владетель Большой Кабарды – (Г. Д.).

АПБТАИР

1.25 Рапорт командира кавказского гренадерского полка Ф. Ф. Симоновича командующему войсками в Грузии ген.-м. И. П. Лазареву.

15 октября 1802 г.

Получено письмо кап. Бартеневым от князя Семена Абашидзе, живущего в Вахане, что к владельцу Дадиани пришло вспомогательного войска против имеретинского царя абхазов 20 000 чел. с 3-мя пушками[1].

АКАК. Т. I. с. 577. №752.

1.26 Из рапорта командира кавказского гренадерского полка Ф. Ф. Симоновича «правителю» Грузии ген.–м. С. А. Тучкову.

11 ноября 1802 г.

Сейчас получил я от князя Зураба Церетели из Имеретии письмо, в котором он мне пишет, что царь (Имеретии) якобы по взятии всех крепостей у Дадиани, кроме 2-х, и по постановлении в них своих гарнизонов, взял из завоеванной земли амонатов и возвратился в Кутиас, а войска распустил; но как Абхазцы пришли в Одиши к Дадиани на помощь, то царь собирается вновь туда отправиться с войсками, куда и его, Церетели, потребовал.

АКАК. Т. I. с. 578. № 755.

1.27 Письмо имеретинского царя Соломона II к Ахтальскому митрополиту.

18 ноября 1802 г.

(Письмо царя Соломона к Ахтальскому митрополиту, от 18-го ноября 1802 года.)

(Поздравляя вас с милостию великаго Монарха лобызаем святую вашу десницу. Хотя мы и сожалеем о вашем от нас удалении, но чувствуя отеческую вашу к нам любовь, уверены, что усиление наше вам будет приятно.) При помощи Божией мы завладели Лечгумом и всею его провинциею, также всеми крепостями, замками и даже горами; когда мы совершили это покорение и усмирили жителей то появился с Абхазскою армиею Келешбек, пришедший на помощь к Григорию Дадиани, и расположился в Бебатской крепости; но мы, собрав Имеретинские и Лечгумские войска, остановились лагерем при реке Цхени, и когда готовы уже были вступить в сражение с Абхазцами и их разбить, тогда Келешбек прислал к нам родственника своего Бежана Шервашидзе с прошением пощады и мира, покоряясь во всем

[1] В рапорте того же Симоновича от 6 ноября 1802 года ген.-м. Тучкову говорится: «… Дадиани, усилясь помощью абазинцов (абхазов – Г. Д.), взял у (имеретинского) царя обратно потерянных своих крепостей, а равно людей и лошадей…». (Там же. С. 753). – (Г. Д.).

нашей воле; в чем Келешбек, будучи от нас обнадежен, 15-го сего месяца возвратился обратно в свое владение. (Мы же теперь находимся в Одиши для усмирения тамошнего народа, а что случится впредь, будем уведомлять вас письменно. Подробнее же о всем разскажет вам отправляемый нами моурав ваш.)

АКАК. Т. I. с. 578. №756.

1.28 Из рапорта Командующего войсками в Грузии ген.-м. И. А. Лазарева Главноуправляющему в Грузии ген.-м. К. Ф. Кноррингу[1].

23 ноября 1802 г.

От стороны Имеретии за достоверные известия получил я те, что князь Дадиани, усилясь абхазинцами, сделался царю Имеретинскому весьма опасным и одерживает над ним победы…

АКАК. Т. I. с. 630. № 867.

1.29 Из рапорта главноуправляющего в Грузии ген.-м. К. Ф. Кнорринга Александру I

30 ноября 1802 г.

Сюда же из-за Кубани дошло сведение, что на помощь Дадиани против имеретинского царя отправилось немалочисленное войско из обитающих по берегам Черноморья Абазинцев, под предводительством владеющего в Турецкой крепости Согум – Келеш-бея.

АКАК, Т. I. с. 579, № 759.

[1] В «Высочайшем манифесте 12-го сентября 1801 года» Александра I говорилось: «Ни для приращения сил, ни для корысти, ни для распространения пределов и так уже обширнейшей в свете империи приемлем Мы на себя бремя управления царства Грузинского. Единое достоинство, единая честь и человечество налагают на Нас священный долг, вняв молению страждущих, в отвращение их скорбей, учредить в Грузии правление, которое могло бы утвердить правосудие, личную и имущественную безопасность и дать каждому защиту закона. А посему, избрав нашего генерал-лейтенанта Кнорринга быть главнокомандующим посреди вас, дали Мы ему полные наставления открыть сие правление особенным от имени Нашего объявлением и привести в силу и действие предначертанное от Нас постановление, к исполнению коего приобщая избранных из вас по достоинствам и по общей доверенности, уповаем, что вы, вверясь правлению сему, несомненно под сенью оного начально спокойствие и безопасность обрящете, а потом и благоденствие и изобилие» (*АКАК. Том 1. Тифлис, 1866. С. 432).* Александр I «Рескрипт от 12 сентября 1801 года» адресовал «Нашему ген.-л., главнокомандующему в Грузии Кнорингу» (*АКАК. Том 1. Тифлис, 1866. С. 433) – (***сост.***).

АЛЫТАИР

1.30 Письмо главноуправляющего в Грузии П. Д. Цицианова владетелю Мегрелии Григорию Дадиани о намерении абхазского владетеля Келешбея Шервашидзе принять покровительство России.

30 июня 1803 г.

(Письмо кн. Цицианова к кн. Григорию Дадиани, от 30-го июня 1803 года).

(Посланные в. св., как они сами потом объявили, дворяне Кайхосро и Ростом Квинихидзе достигли до меня, но к крайнему моему сожалению без всяких ко мне писем; ибо они, быв замечены в Имеретии, отобраны у них оныя. По словам же их известился я, что содержание препорученных в. с. им писем было сообразно прежним вашим письмам…).

Дворяне Квинихидзе объявили мне, что якобы Келеш-бек Шервашидзе, Абхазский владетель, ищет покровительства Всероссийского престола, желая войти на вечные времена со всем владением своим в подданство Е. И. В., моему Государю, и что будто он никак не зависел от блистательной Порты Оттоманской и якобы помянутый Келеш-бек просит в. св. употребить ваше ко мне по предмету сему посредство. Если все сие правда, то желал бы я, чтобы в. св. посоветовали ему, дабы он для такового случая или прислал бы ко мне нарочитого человека со всеми изъяснениями такового его желания, или бы исполнил сие письмом, но ясными однако ж показаниями, что он желает подвергнуть себя со всем владением в подданство Всероссийскому престолу, а паче с изъяснением того, что г. Поти он охраняет своими людьми не по найму от Порты Оттоманской, а как собственное свое владение, которое также подвергает в вечное подданство Е. И. В., всемилостивейшему Государю моему, так как и Анаклию. Сие все принято во уважение и сказанный владелец обретает в войсках е. в. во всех случаях свою защиту.

АКАК, т. II, с. 536.

1.31 Донесение главноуправляющего в Грузии П. Д. Цицианова министру иностранных дел А. Р. Воронцову о готовности абхазского владетеля Келешбея Шервашидзе принять подданство России.

27 октября 1803 г.

(Донесение кн. Цицианова гр. А. Воронцову, от 27-го октября 1803 года, № 766).

(Из всеподданнейшаго моего донесения к Е И. В. о успехе моей негоциации с владетельным кн. Дадиани в с. усмотреть изволите, что он просит об исходатайствовании принятия сына его (по Азиятскому обычаю) в знак верности к России, почему приемлю смелость почтеннейше донести в. с.,

что сколь ни унизителен по мнению моему сей образ утверждения верности как для дающаго, так и для бравшаго аманата, но здесь в Азии весьма обычаен и верно, – следовательно и нужно было бы, как кажется мне, сына кн. Дадиани под предлогом воспитания взять в Россию.)

...Сколько из слов посланцев и слога писем, кн. Дадиани ко мне писанных, заключить я могу, то радость его и всего народа искренна и безмерна, провидя блаженство свое во всероссийском подданстве. Сие тем вероятнее, что турецкое правление беспечностью своею по отдаленности предало их на жертву силе их соседей.

Посланцы сии уверяли, что сосед их владетельного князя Келеш-бек, владениями своими покрывающей берег Черного моря от Поти к стороне Анапы до Анаклии и включительно онаго, ждет прибытия российских войск в Одиши[1], чтоб им предаться со всем своим владением; но я, несмотря на выгодное приобретение его владения для России по-местному онаго положения и, хотя бы он формально о том стал просить, решительного ответа не дам, доколе получу от в. с. по сему предмету наставления...

(Между тем, долгом почитаю коснуться здесь истории сего Келеш-бека и его владения. В XV веке и именно до 1414 года от Рождества Христова, когда Иверия не была разделена, оный Келеш-бек известен был под именем кн. Ширвашидзе; владение его составляло одну из провинций Иверии. В сказанном же году царь Александр, разделив детям своим царство свое, раздроблением онаго отнял у него силу его поддерживающую. Турки потом, до воздвижения Черноморского нашего флота, господствуя над оным морем, предков его, яко побережных владельцов, притеснили и завладели, но последствием времени ослабла власть Порты над ними до той степени, что они ждут только сильной подпоры, чтобы вовсе отложиться от Порты, не будучи ни защищаемы, ни деятельно покровительствуемы ею. Впрочем остатки христианства видны еще в подданных Келеш-бека, соблюдающих Великой пост и некоторые дни праздников; также несколько князей его

[1] Еще 30-го января 1805 года, находившемуся в аманатах у Келешбея Чачба, Левану Дадиани была дарована Высочайшая грамота Алексадра 1. В документе было, в частности, сказано: «Как донесено Нашему И. В. от Нашего ген.-от-инф. и главнокомандующего в Грузии кн. Цицианова, что вы, Наш любезно-верный подданный, яко законный наследник Мингрельской земли, шествуя по стопам в Бозе почивающего родителя вашего в преданности к высокому Престолу Нашему, желаете равномерно оказать достаточные опыты, то сим соизволением, утверждаем и признаем вас, Нашего любезно-верного подданного, владетельным князем Мингрельских областей и в знак сердарства Всемилостивейше пожалованный Нами светлейшему родителю вашему знамя и саблю жалуем вам и повелеваем хранить во славу дома вашего и в память Нашей Императорской к вам милости и благоволения… За сим поручаю вам управлять Мингрельским народом с кротостью и правосудием и … Императорским Нашим словом обещаем вас и весь народ Мингрельский, яко верных Наших подданных, и всех будущих после вас преемников охранять от неприятелей ваших, будучи Мы уверены, что вы и наследники ваши, как в преданности вашей к Нашему Престолу, так и в точном выполнении обязанностей ваших пребудете непоколебимы». (АКАК, Том 6. Часть 2. Тифлис, 1875. С. 826-827).

АЛБТАИР

дома с своими владениями сохраняют во всей непоколебимости исповедание веры христианской.).

АКАК, т. II, с. 463.

1.32 Отношение министра иностранных дел А. Р. Воронцова главноуправляющему в Грузии П. Д. Цицианову о готовности владетеля Абхазии Келешбея принять подданство России. (Извлечение).

23 декабря 1803 г.

(Отношение гр. Воронцова к кн. Цицианову, от 23-го декабря 1803 года.)

... По поводу уведомления вашего о готовности владельца Келеш-бека вступить в подданство России должен я согласиться, м. г. мой, на те же самые рассуждения, о коих сообщал вам в прежних отношениях моих, касательно дружественных связей наших с Портою, не позволяющих нам ни под каким видом посягнуть на точную собственность империи Оттоманской; под оною разуметь можно и области сего соседственного с Мингрелиею владельца. Избегая излишнего повторения тех рассуждений моих, остановлюсь, однако ж я на том, что писал вам о Крыме.

(Когда по заключении Кайнарджинскаго мира постановлено было между нами и Портою о совершенной независимости Крымских и Буджадских Татар, тогда не входило и в помышление наше, чтобы присвоить себе полуостров Крымский.)

Стечение благоприятных обстоятельств в непродолжительном времени представили нам удобный случай присоединить Крым к Империи, без всякого, так сказать, потрясения. Рассуждение сие отнести можно и к провинции Келеш-бека, поелику судьба оной по занятии Имеретии и Мингрелии уже в руках наших находиться будет. Посему и нет надобности спешить сим делом, которое представить можно до удобного времени. Между тем от опытности вашей в делах ожидаем мы, что если по вступлении войск наших в Мингрелию владелец Келеш-бек учинит вас формальное предложение поступить в подданство России, то в ответе вашем будете вы уметь согласить заботливость нашу не встревожить Порту и желание наше не лишить его всей надежды...

АКАК, т. II, с. 1016.

1.33 Письмо Главноуправляющего в Грузии ген.-м. князя П. Д. Цицианова ст. сов. П. М. Литвинову. (Извлечение).

30 сентября 1804 г.

(Письмо кн. Цицианова к с. с. Литвинову, от 30-го сентября 1804 года, № 396.)

… Ответ на вопрос относительно Анаклии.

Анаклия построена предками Дадиани и служила пристанью древним дадианам, как повествует нам и грамота их, но по переменчивости обстоятельств оставалась впусте. Во время же возстания Имеретии и Одиши Келеш-бек возымел смелость и воставил там человека…

Когда же Манучар, сын Кациа Дадиани, восстал противу закона, пошел в Абхазию и умолял Келеш-бека, чтоб сделал его дадианом, обещав ему Анаклию и прочие прибрежные места Абхазии, – вследствие чего Келеш-бек собрал Абхазское войско и явился на окраину Мингрелии, требуя себе Анаклию; то Григорий Дадиани ради умиротворения отдал ее Келеш-беку, в 1794 году, предложив ему условие, чтобы в Анаклии не производилось пленопродавства, и чтобы от Анаклии Мингрелия не имела никакой опасности. Но Келеш-бек нарушил условия, умножил пленопродавство в тех местах и сделался врагом Григорию Дадиани, как Соломон царь Имеретии, и Дадиани был всячески тревожим со стороны и того и другого. Когда же Келеш-бек увидел вполне коварство царя, то отступился от него и присоединился опять к Дадиани и если бы не случилось несчастие через смерть господина и патрона нашего Дадиани, то он имел желание возвратить ему опять Анаклию за нарушения условия.

АКАК. Т. II. с. 480. № 938.

1.34 Из предписания главноуправляющего в Грузии ген.-м. Князя П. Д. Цицианова ст. сов. П. М. Литвинову

14 ноября 1804 г.

О Келеш-беке скажу только то, что сколько бы преданность его к России ни мало была надежна, но всем верить нельзя, как и прежде относиться о том, – и тем непонятнее для меня, что на вас собирается напасть, а к ген. Рыкгофу относится с дружественным предложением, зная, что вы одного Государя и что одного бить и другого ласкать он не может, будучи при том уверен, что один за другого вступится, – да и я не знаю, где те 2 роты, которые по последним вашим данным донесениям должны были быть при похоронах покойного Дадиани.

АКАК. Т. II. с. 416. № 812.

АЛТАМИР

1.35 Литвинов П. М. Описание Имеретии и Мегрелии. (Извлечение).

1804 г.

… Одиши по положению своему находится еще между тремя: абхазы, гуриелы и потийские жители не упускают захватывать поселян и ребят обоего пола, для продажи далее туркам. К сим несчастьям должно присоединить междоусобия князей, которые друг у друга похищают подданных для продажи туркам, удовлетворяя сим образом свое мщение и корыстолюбие…

Царь Соломон, названный великим, чувствовал, что продажа пленных туркам истощевало его владения. Вспомоществуемой Российским Двором, употребил все силы свои, чтобы прекратить столь вредный и постыдный торг, отчего Имеретия более населена нежели Дадиани владения, где и до сих пор вывоз пленных через Поти и Абхазию продолжается в весьма значительном количестве…

Царь по связи своей с Ахалцихом имеет также большое влияние в Поти и у Келеш-бека, Абхазского владельца: они следуют по всем его внушениям, а особливо в злодействе против русских. Заговор не впускать русских в Поти и к Келеш-беку был сделан царем по вступлению его в подданство России… Но Дадиани, несмотря ни на что, остался верен своему слову, дал способ на своем берегу учредить новую пристань и тем самым открыть путь к сообщению Черным морем…

Соседство: вражда и сила Имеретии противу Дадиани заставили его искать помощи Абхазского владельца Келеш-бека; противность вере не воспрепятствовала им соединить себя родством. Дадиани выдал дочь свою за его племянника. Пособия людьми и денгами, Дадианом от Келеш-бека в разные времена полученные, утвердили зависимость Дадиани: он не смеет обнаружить прав своих на завладенные хитростью или предательством князей своих земли и пристани.

Анаклия, – пристань при устье Ингура находящаяся, перешла к Келеш-беку не более четырех лет и остается в беспрепятственном владении…

Главнейший в сем роде промышленник – князь Пхеидзе; чтобы не бояться наказания и удобнее производить грабеж, взял Дадианова второго сына в аманаты, а старейший (Леван) аманатом у Келеш-бека[1], который похищенных людей принимает…

АКАК. Т. II. с. 408 – 410.

[1] В 1804 г. Александр II подписал Высочайшую грамоту о принятии Мегрелии в состав Российской империи, по которому Григорий Дадиани был признан правителем Мегрелии и верноподданным Мегрелии. После этого российское командование на Кавказе, по просьбе владетеля Мегрелии, потребовала от Келешбея вернуть, взятого им в заложники Левана Дадиани, а также передать крепость Анаклию Мегрелии, т. е. Российской империи.

1.36 Рапорт Главноуправляющаго в Грузии ген.-м. князя П. Д. Цицианова Александру I.

Тифлис, 12 апреля 1805 г.

Спешу всеподданнейше донести в. и. в., что Келешбек абхазский владелец, имевший в аманатах наследника Мингрелии князя Левана (Дадиани)[1], сколько не упорствовал в выдаче его, но видя невозможность противиться силе высокославного оружия в. и. в. потому, что для освобождения Левана вооруженною рукою послал я отряд под командою шефа Белевского мушкетерского полка генерал-майора Рыкгофа с 3-ю ротами, весьма успешно там действовавшими, принужден был уступить нашим требованиям и 2-го числа сего месяца Леваном от него выдан. Сие при первом так столь успешное действие непобедимых войск в. и. в. в том крае долженствующее поселить страх и уважение к российским войскам во всех соседних Мингрелии владениях, сколь ни обрадовал меня, но меньше однако ж встревожен я сверх чаяния моего случившимся происшествием, что генерал-майор Рыкгоф, столь славно выполнивший данное ему поручение, не известен будучи, о политических наших обращениях с Оттоманскою Портою, без моего на то повеления взял с тремя ротами пристань Анаклию, хотя и принадлежащую Келешбеку, но состоящую в зависимости от Порты и имеющую в себе турецкий гарнизон. Но к сему навояще побужден он был упорством его и тем, что ослушался даже Севт Агмет Эрип Эфенди, от турецкого двора приезжавшего под видом обозрения того края и привезшего фирмана на пропуск судов наших мимо пристани Поти к берегам Мингрелии, который склонял его к добровольной выдаче Левана.

Впрочем, долгом считаю всеподданнейше донести в. и. в., что, стараясь поправить сие дело без воли моей случившееся, предписал я генерал-майору Рыкгофу вытребовать только всех мингрельских аманатов тотчас отдать опять крепость турецкому начальству и немедленно возвратиться назад, внуша турецкому начальству в оном крае находящему-

[1] Еще 30-го января 1805 года, находившемуся в аманатах у Келешбея Чачба, Левану Дадиани была дарована Высочайшая грамота Алексадра 1. В документе было, в частности, сказано: «Как донесено Нашему И. В. от Нашего ген.-от-инф. и главнокомандующего в Грузии кн. Цицианова, что вы, Наш любезно-верный подданный, яко законный наследник Мингрельской земли, шествуя по стопам в Бозе почивающего родителя вашего в преданности к высокому Престолу Нашему, желаете равномерно оказать достаточные опыты, то сим соизволением, утверждаем и признаем вас, Нашего любезно-верного подданного, владетельным князем Мингрельских областей и в знак сердарства Всемилостивейше пожалованный Нами светлейшему родителю вашему знамя и саблю жалуем вам и повелеваем хранить во славу дома вашего и в память Нашей Императорской к вам милости и благоволения… За сим поручаю вам управлять Мингрельским народом с кротостью и правосудием и … Императорским Нашим словом обещаем вас и весь народ Мингрельский, яко верных Наших подданных, и всех будущих после вас преемников охранять от неприятелей ваших, будучи Мы уверены, что вы и наследники ваши, как в преданности вашей к Нашему Престолу, так и в точном выполнении обязанностей ваших пребудете непоколебимы». (АКАК, Том 6. Часть 2. Тифлис, 1875. С. 826-827) –(**сост.**).

АЛТАИР

ся, что оно сделано против воли начальства и единственно для того, что Келешбей ослушался Эрип Эфендия внушением о выдаче сказанного Левана.

О чем имев счастье донести, предаю все сие высочайшему в. и. в. благоусмотрению.

Генерал от инфантерии князь Цицианов.

АВПР, ф. Главный архив, 1 – 7, 1804 г., д. 1. лл. 55 – 56. Подлинник.

См. также: АКАК. Т. II. с. 510, № 995.

1.37 Из письма правительницы Мегрелии Нины Георгиевны Дадиани главноуправляющему в Грузии князю П. В. Цицианову.[1]

6 мая 1805 г.

Да будет известно в. с., что Анаклия отдана Келеш-беку Григорием Дадиани за разные обещания, Келеш-беком данные Дадиани, из коих ни одно не выполнено Келеш-беком, почему прошу о сем учинить решение и оставить оную (т. е. Анаклию) за нами, ибо весьма нужно она владению Мингрельскому и для некоторой часть Абхазии.

АКАК. Т. II. с. 517. №1009.

1.38 Из рапорта ст. сов. П. М. Литвинова главнокомандующего в Грузии князю П. В. Цицианову.

Мартвили, 7 мая 1805 г.

Анаклия, при устье Ингура лежащая и не более 12 лет Келеш-беку предшествовавшим Дадианом уступленная, служила до прихода русских войск притоном пленопродавства. Абхазцы и мингрельские князья отвозили туда пленных и продавали оных туркам. Пресечение сего торга должно уничтожить существование Анаклии, которая без хлебопашества, без окрестных людей, перепродажею пленных и грабительством существующих, останется бесполезною для Келеш-бека и он не пременет возвратить место сие за весьма умеренную цену, а с терпением можно получить его и даром, ибо оно кроме убытка на содержание гарнизона выгод ему принести не может… Границы Мингрелии определяются течением Ингура, выходящим из гор, отдаляющих Абхазию от Большой Кабарды и протяжение свое верст на 60 имеющих.

АКАК. Т. II. с. 519. № 1011.

[1] По Высочайшей грамоте от 30 января 1805 г. Александра I ген.-от-инф. кн. П. В. Цицианову было повелено до достижения Леваном Дадиани 20-летнего возраста учредить для управления Временной Совет, и именем Российской империи княгиня Нина Георгиевна объявлялась попечительницей Левана и правительницей Мегрелии - (**сост.**).

1.39 Письмо владетеля Абхазии Келешбея Чачба-Шервашидзе командующему русскими войсками в Мегрелии ген.-м. И. И. Рыкгофу.

Начало июня 1805 г.

Письмо в. пр. я получил, коим изволили вы объявить мне о возвращении нам кр. Анаклия, по повелению кн. Цицианова. Перед сим я доносил Оттоманской Порте о занятии вами оной крепости и теперь также довел я до сведения оной Порты о возвращении опять нам кр. Анаклии, и когда я получу высочайшее повеление или от визиря, то потому и приму оную. Теперь жители Анаклийские все разсеяны и жилища их сожжены; буде они придут туда, что они там могут делать? Я ожидаю высочайшего повеления, ибо крепость оная принадлежит султану, и я его слуга, – какое я получу приказание, по оному выполню.

АКАК. Т. II. с. 539.

1.40 Проект письма товарища министра иностранных дел А. А. Чарторыйского командующему русскими войсками в Мегрелии ген.-м. И. И. Рыкгофу

25 июня 1805 г.

Его императорское величество указать мне соизволил препроводить к вам прилагаемую при сем копию с высочайшего рескрипта данного генералу от инфантерии князю Цицианову с тем, чтобы ваше превосходительство, по получении оного, не дожидаясь повеления по команде немедленно сдали обратно, по ошибке, взятой вами город Анаклею, в руки абхазского владельца Келешбека, и вывели оттуда российские войска, буде вы сего не исполнили по первому приказанию, данному вам от князя Цицианова.

Выполняя сим высочайшую волю государя императора, с истинным почтением пребываю.

Помета Александра I: «Быть по сему июня 22 дня 1805 (г.)». Подписано и отправлено к посланнику в Константинополе Италинскому для отправления далее. Июня 29 1805 г. с фельд-егером Куличковским.

АВПР, ф. Главный архив, 1 – 13, 1805, д. 3. лл. 4 – 4 об. Подлинник.

1.41 Рапорт Главнокомандующего в Грузии ген.-м. князя П. Д. Цицианова товарищу министра иностранных дел А. А. Чарторыйскому.

Елисаветополь, 13 августа 1805 г.

Почтеннейшее вашего сиятельства от 18-го июня с приложением высочайшего на имя мое рескрипта, я имею честь получить и считая, что ваше

АЛЬТАИР

сиятельство изволили уже получить прежнее мое отношение от 10-го июля, в коем я имел честь извещать, что абхазский владелец Келешбек отказался от принятия обратно крепости Анаклеи под предлогом, что он доведя до сведения Порты о таковом возвращении не смеет принять ее без особого на то от Султана позволения; долгом ставлю присовокупить, что дошедшее уже как должно думать до сведения Турецкого двора известие от Келешбека об уступаемой ему обратно крепость Анаклей и действия министра нашего в Константинополе господина Италинского без сомнения уже полученного сведения о всех обстоятельствах сего неожидаемого происшествия, должны успокоить совершенно турецкое министерство обратившее в том большую важность сие малозначущее происшествие от одной ошибки генерал-майора Рыкгофа случившееся. А чтобы больше еще подать повод Порте не сомневаться в чистосердечии наших намерений; то по мнению, по-моему, кажется не малое бы действие возымело отставка генерал-майора Рыкгофа поступившего на сие без моего повеления. Из сего турецкий двор мог бы заключить поступок сей действительно сделан противу воли начальства. Его же по отзыву в Россию можно бы было чем-либо другим вознаградить.

Изложа о сем перед вашим сиятельством долгом ставлю сообщить сведения, полученные мною от Министра нашего в Константинополе г-на Италинского по коим нельзя иначе думать, как что Порта по-видимому так много встревоженная взятием Анаклеи, случай сей имеет только одним предлогом ее неудовольствия поддерживаемому недоброжелателями России и французами. Сведения они довольно тревожные состоят в том, что с одной стороны некоторые из недоброжелательных нам важные члены правительства, а с другой французы раздражают на нас Порту, старающуюся под рукою снабдить Измаил сильным гарнизоном и которая посылает туда лучшего своего Полководца бывшего визиря, предводительствовавшего турецкою армиею в Египте противу французов. И сему то действию должно как я думаю приписать и военные приготовления в Карсе, о коих я имел честь вашему сиятельству сообщить. Важнейшее же из сих известий есть приезд из Парижа французской службы генерала Гомье, который по наружности прожив в бездействии дел недели в Константинополе отъезжает в Алеп. По точнейшим же известиям г-на Италинского нашлось, что он эмиссар Бонапартиев посланный в Персию к Бабахану для поддержания его в войне с Россиею и что он же все время имел ночные свидания с верховным визирем, о коих г-н Италинский предполагает, что может быть сей французский генерал предложениями своими хотел обратить внимание Порты на Грузию и заставить ее заниматься со стороны сего края военными приготовлениями. В протчем господин Италинский присовокупляет, что здравая часть Султанова Министерства старается о непоколебимости прежней мирной системы. В заключении же прибавляет, что слух есть якобы из Персии прибыл посол к султану; но о том он не имеет еще верного известия.

При сем долгом ставлю сообщить вашему сиятельству, что сейчас получил я рапорт действительного статского советника Литвинова о прибы-

тии в Поти турецкого Мубатира посланного по уведомлению меня господином Италинским от турецкого двора для приобретения на месте подлинных сведений о происшествии взятия Анаклеи, и для свидания, с которым г-н Литвинов отправляется ко взморью.

Наконец не могу я не сожалеть и о том, что переписка моя с нашим министром в Константинополе безмерно медлительно переходить должна страшные пространства Земли, а именно: письмо идет из Моздока Дубоссары и от толь уже к нему: я ныне по эштафете в Дубоссары посылаю.

В протчем с отличным почтением и совершенного преданностию имею честь быть милостивый государь мой вашего сиятельства.

Покорнейший слуга князь Цицианов.

Получен с эстафетою 8 сентября 1805 (г.).

АВПР, ф. Главный архив 1 – 13, 1805 г., д. 3, лл. 1л – 11. Подлинник.

1.42 Из отношения главнокомандующего в Грузии ген.-м. князя П. Д. Цицианова товарищу министра иностранных дел А. А. Чарторыйскому о вручении грамоты и наград мегрельскому князю Л. Дадиани.

29 августа 1805 г.

Имея честь представить при сем для подписания Е. И. В. всеподданнейшее донесение мое о торжественном вручении владетельному Мингрельскому кн. Левану Дадиани 9-го июля Высочайшей грамоты, знамени ордена св. Анны 1-го кл. и сабли, всемилостивейше ему пожалованных[1], долгом ставлю присовокупить осчастливение дому его толико ясными знаками Высочайшего Е. И. В. благоволения столь большое имело влияние над умами даже и самих тех, кои наиболее оному враждовали, что они после всего сего, видя слабость свою, к нему же обратились и присутствовали в собрании при поднесении регалий д. с. с. Литвиновым. В числе сих был даже и сам Манучар Дадиани, брат покойного кн. Григория Дадиани, доселе никогда не являвшийся ни в одно собрание и наиболее всех недоброжелательствовавший Левану по праву им присваиваемого на владение Мингрелию, а теперь не только присутствовал при торжестве поднесения грамоты, но учинил при всем собрании присягу на верность Е. И. В. и владетельному кн. Левану, вместе с зятем покойного кн. Дадиани Манучаром Шервашидзе и его родным братом Леваном, – Абхазскими владельцами, из коих сей последний, до вступления ген.-м. Рыкгофа в Абхазетию с отрядом, не считал себя в зависимости от Мингрельского дома, причинял на границе Мингрелии немалыя беспокойства. Но сие новое Высочайшее Е. И. В.

[1] Еще 30-го января 1805 года, находившемуся в аманатах у Келешбея Чачба, Левану ДадианиЭти награды и поларки были пожалованы Левану Дадиани Высочайшей грамотой Александра 1 от 30 января 1805 г. – (**сост.**).

АЙТАИР

благоволение к сему дому, доселе раздираемому несогласием, совершенно оный между собою сблизило.

Высочайшая грамота и все регалии приняты были кн. Леваном с неописанною радостию всего его дома и всеми при том торжестве находившимися Абхазскими владельцами и Одишскими князьями. Из Лечгумских же, по рапорту ко мне д. с. с. Литвинова, ни один при оном не был, что, по мнению моему, должно ни к чему другому отнести, как к новому коварству царя Соломона.

АКАК. Т. II. с. 527.

1.43 Письмо Таяр-паши Главноуправляющему в Грузии князю П. Д. Цицианову о готовности владетеля Абхазии Келешбея Чачба – Шервашидзе принять подданство России.

1806 г.

Когда я был в Арзруме начальником, то имел с вами дружеское сношение; теперь же смотря, что при высочайшем турецком дворе неприятели мои страшные взоели на меня клеветы, через что лишен я своего наследства и начальства над Арзрумом, которое отдано визирю Юсуп-паше, также ферман от двора прислан, чтобы снять с меня голову и присланы на кораблях Бексни, почему я бежал в Абхазию в дом Келешбека; все же имение мое ограблено войсками на кораблях прибывшими. А как я и покойный отец мой от высочайшего российского двора были покровительствуемы, то в сих обстоятельствах, не имея другого покровительства кроме России, хочу ехать в Крым; но не имею возможности – почему писал я к г-ну генералу, командующему войсками в Мингрелии, письмо, на которое он мне отвечал, что доложит о том вашему сиятельству. Почему покорнейше прошу приказать начальникам приезжающих сюда кораблей, чтобы они меня приняли и отправили в Крым, также прошу принять меня под высочайшее российское покровительство. Сверх того, надеясь на Его Императорское Величество хочу оказать службу высочайшему двору. И для того я имел разговор с Келешбеком и абхазскими беками, и они уже все согласились служить российскому двору и хотят подданства России. Я же буду за их верность порукою, если угодно Его Императорскому Величеству принять их в подданство, и ежели вы согласитесь на сие, то извольте написать ко мне письмо. Хотя мне совестно представить вашему сиятельству, однако осмелился поднести из моего владения два ружья, которые прошу покорно принять.

Верно: генерал от инфантерии П. Цицианов.

АВПР, ф. Главный архив. 1 – 10, 1805 г. д. 1, лл. 9−9 об.
Перевод с турецкого.

1.44 Рапорт командующего войсками в Закавказье И. В. Гудовича министру иностранных дел А. Я. Будбергу о миссии князя Америджибова в Абхазию.

Георгиевск, 16 сентября 1806 г.

Милостивый государь мой
барон Андрей Яковлевич!

Имею честь уведомлять ваше высокопревосходительство об отправлении к абхазскому владельцу Келешбеку грузинского князя порутчика Амереджибова с письмами к нему от генерал-лейтенанта Глазенапа и 1000 рублями на удовлетворение анакрсих жителей за убытки, понесенные ими при занятии сей крепости нашими войсками; долгом считаю уведомить также, что сказанный порутчик Амереджибов исполнил с успехом данную ему порученность возвратился уже в Тифлис с ответом Келешбека и распискою от него в получении тысячи рублей. Я препровождая при сем два перевода с письмом сего владельца к генерал-лейтенанту Глазенапу и генерал-майору Несветаеву, также записку словесных его поручений данных князю Амереджибову; прошу покорнейше ваше высокопревосходительство по содержанию оных уведомить меня, какое я должен держать с Келешбеком обращение на случай моих с ним сношений и каких либо со стороны его требований, пребывая с отличнейшим почтением и преданностию.

Ваше высокопревосходительство покорнейший слуга граф князь Гудович.

Получ(ено) 28 сентября. (1806 г.).

АВПР, ф. Главный архив, 1 –10, 1806 г., д. 2, л. 24, Подлинник.

1.45 Письмо владетеля Абхазии Келешбея Чачба – Шервашидзе и. д. Главноуправляющего в Грузии ген.-м. Г. И. Глазенапу о верности России.

28 сентября 1806 г.

Получил я от вас два письма, одно с двумя печатями, а другое с одною. Доволен содержаниями оных. И получил также от грузинского князя Амереджибова тысячу рублей серебром. Я верноподданным его императорскому величеству быть желаю, о чем и вашему превосходительству известно. Теперь паша имел назад тому несколько времени от российского государя императора повеление о владении мною по-прежнему землею лежащая по реке Абкару, которою и древние наши старики владели. Почему и прошу ваше превосходительство об отдаче мне оной земли и здешняго края начальнику приказать, дабы в наши дела не вмешиваться. В протчем я како-

АЛЫТАИР

вое приказание от вашего превосходительство будет, то во всем выполнять должен без отговорочно.

На подлинном приложена печать абхазского владельца Келешбека.

Верно: правитель канцелярии коллежский советник Лебедкин.

Получ(ено) 28 сентября (1806 г.).

АВПР, ф. Главный архив, 1-10, 1806., д. 2, л. 25.
Перевод с турецкого.

1.46 Записка Таяр-Паши генерал-губернатору Новороссийского края Э. О. Де-Ришелье о предложениях владетеля Абхазии Келешбея Шервашидзе вступить в Российское подданство. (Извлечение).

13 октября 1806 г.[1]

В Абхазской области находящимися народами обладает не кто другой, как только один Келеш-бей. Его отец во время царствования султана Ахмеда IV, предавшись Порте, принял мухаммеданскую веру; его султанским величеством жалован он двухбунчужным пашею и именован был Ахмед-пашею; потом его султанское величество для него построил крепость Боты[2] называемую, к обезопасности и с определением каждогодного жалования 10 000 левов. По смерти Мамед-паши Келеш-бей, сын его, пользовался тем с воли султана несколько времени, впоследствии какового, неизвестно по каким причинам, с воли султана принято было убить Келеш-бея. Он, узнавши о том предварительно, принял к защищению себя осторожность; с того времени получение жалованья прекратилось и повелений султана не исполнял, управляя своим народом. А прошлого года, во время моего несчастия, когда я от отечества моего в усердном моем намерении отправился, чтобы вечно быть всероссийскому престолу верноподданным и когда я преследуем был посланным за мною военным кораблем, не имев в виду сокрытия куда, – по давнишней знакомости с ним, прибыл к нему; вслед за тем и присланный от его султанского величества чиновник на военном корабле прибыл и, явясь у Келеш-бея, требовал допущения снять голову мне, изъясняя, будто бы султан пожалует за то Келеш-бею третий бунчук и другие достоинства.

Келеш-бей воспретил чиновнику сему исполнить повеленное. И так, быв привязанным к России, писал он впоследствии времени к управлявшему Грузиею С. Цицианову, что он, ведав мое намерение ехать в Россию, не дал чиновнику тому и что он готов вспомо – С к е России абазинских народов, – сколько числом, знать не могу, а примерно пологая будет до 30

[1] Дата документа устанавливается по письму Ришелье от 31 октября 1806 года барону Будбергу (См.: АКАК, т. III, с. 193).

[2] Поти.

000 мужского пола. Они очень привязаны к Келеш-бею … преданы будучи таким образом Келеш-бею, исполняют его повеления. Келеш-бей, быв удачливым там и почетнейшим, кроме абазинских народов уважаем весьма грузинскими и черкесскими. Во время моего там нахождения, уведав чрез старание познакомиться с разными там дворянами столь важные обстоятельства, я с моей стороны предлагал Келеш-бею о пользе быть Российским подданным, изъясняя мое служение в оной и полученную награду. Келеш-бей, согласясь предаться Российскому престолу, написал прошение е. и. в. и с моим вместе чрез своего человека, нарочно наряженного, послал чрез Крым. Пред отъездом моим собрано было у Келеш-бея общество и, советуясь о том, утвердили – что будет сделано Келеш-беем, последуют всему; а Келеш-бей дал мне конверта, один на высочайшее имя, а другой в. с. о доверенности ходатайствовать мне изъявление, в 8-ми пунктах заключающееся:

1) О удостоверении российский престол, что все военные и невоенные абазинцы верны будут и служить готовы всегда и чтобы е. и. в. благосоизволил принять и назвать своими С к е ти.

2) По принятии же Келеш-бея российским престолом в подданство, быть над ними начальником Келеш-бею.

3) По достоинству же его от щедрот е. и. в. милостивейшее награжден бы был таковым же чином и жалованьем.

4) Из 6 сынов его Келеш-бея, большой Сефер-бей также не оставлен был достойным чином и жалованьем; 2-го сына для уверения о верном подданстве под залог отправит Келеш-бей в С.-Петербург, прося у е. и. в. соизволения выучить грамоте и другим российским наукам.

5) Из абхазских дворян только 30 человек от щедрот е. и. в. не были бы лишены награждения.

6) Он, Келеш-бей, в кр. Боты пребывая, в случае от Порты нападения запасти провиантом.

7) В кр. Боте хотя имеются большие пушки, но по прибытии туда российских войск имелось бы российских малых хотя 2 и с канонирами для того нужными.

8) В России запрещено покупать ясыров, то чтоб не было им запрещено, потому что без обращения сего не могут жить.

Когда сей 8-й пункт угодно е. и. в. не воспретить, то они удосто С к е : 1) что Ачик-Баш-хана, который доныне всероссийскому престолу не повинуется, по грузинском горам бродя, в тех же пределах находящиеся российские войска всегда имеют от того беспокоиться, отклонять от того; а буде в том не успеют, то возьмут тогда силою и без сомнения в Россию доставят, яко сын к отечеству. 2) Он, Келеш-бей, с верными своими героями, коих числом до 6 000, по границам в Грузии и около Тифлиса будет продолжать Российскому престолу искреннюю службу. 3) В абазинских местах весьма

АПБТАИР

способен и редкий лес есть на построение кораблей, если благоугодно строить корабли в тех местах или доставлять куда благоугодно для того. 4) При том объявляют, что есть мест несколько, которые весьма способны для гаваней и они почти к тому и теперь годны, но несколько надобно исправить и будет для российского флота в зимнее время убежищем. Наконец просили, какой на то последует ответ, немедленно его уведомить.

АКАК, т. III, С. 191 – 192.
Перевод с турецкого, современный документу.

1.47 Проект депеши министра иностранных дел А. Я. Будберга генерал-губернатору Новороссийского края Э. О. Де-Ришелье об отношении Александра I к предложениям владетеля Абхазии Келешбея Шервашидзе о вступлении в подданство России.

9 ноября 1806 г.

Письмо, которое в. пр. мне направило 13 октября, мной было получено вместе с приложенной к нему памятной запиской, в которой изложены предложения Келеш-бея по вопросу его подчинения России; я не пременул ознакомить императора с этими предложениями и по его велению спешу ответить на него.

Не вызывает сомнение, что приобретение такого человека как Келешбей следует, разумеется, считать очень важным вопросом, имеющим большое значение для наших границ в Грузии, и то, что Вы, господин герцог, говорите по этому вопросу, полностью одобрено е. в. Следовательно, оно поэтому уполномочивает Вас, не теряя времени, начать официальные переговоры с Келеш-беем через посредничества Таяр-паши и даже подписать предварительный акт с ним на основе положений, изложенных в отправленной Вам памятной записке и с учетом некоторых замечаний, которые Вы найдете в этой депеше, а также тех, которые Вы, может быть, сочтете необходимым еще добавить, и при этом следует особо уточнить выгоды, которые мы в результате этого получим.

Е. и. в. присваивает Келеш-бею чин генерал-лейтенанта своей армии с жалованием, соответствующем 10. 000 пиастрам, которые он получал от Порты, и оставляет его пожизненным правителем Абхазии. Е. в. присваивает его старшему сыну чин полковника с жалованием, соответствующим этому званию. Е. в. разрешает ему отправить сюда его младшего сына, где ему будут представлены все возможности как в отношении его содержания, так и воспитания.

Этот пункт должен быть изложен Келеш-бею так, чтобы он понял, что если император соглашается допустить его сына в свою столицу, где его будет содержать и воспитывать за счет империи, то он должен считать такую

привилегию как особую милость е. и. в. и проявление особой благосклонности по отношению к нему и его другу Таяр-паше. Вообще этот пункт является для нас основным, ибо именно лишь это условие послужит для нас залогом верности Келеш-бея. Поэтому нужно постараться, чтобы его второй сын был отправлен как можно скорее, и даже, если это возможно, сразу же после подписания предварительного соглашения.

Все другие пункты, содержащиеся в памятной записке, полностью одобрены, но что касается самого последнего пункта, относящегося к разрешению покупать рабов, то это условие так противоречит человечности, что е. в. не может согласиться на представление такого права без ограничений. Этот пункт Келеш-бей изложил как самый важный и поэтому будет очень трудно склонить его полностью отказаться от этого условия, но, во всяком случае, нужно постараться, насколько это возможно, внести в него изменения, необходимые для рабов-христиан, чтобы со времени можно было бы полностью отменить его; следует в последнем пункте указать, что мы оставляем за собой право внесения поправок в некоторые из принимаемых сейчас статей или даже можем их заменить, но при этом интересы Келеш-бея и его народа будут всегда соблюдаться и им будут представлены достаточные компенсации; когда Вы заключите это соглашение и отправите его сюда, Вы также соизволите передать одну копию господину генералу Гудовичу, как генерал-губернатору Грузии, отныне он и будет заниматься Келеш-беем и от него же этот паша будет получать все указания, поэтому он уже предупрежден, что в. пр. находит /нужным/ изменение этого договора.

Вследствие неопределенности, еще существующей в наших отношениях с Портой, мы в данное время должны относиться к ней с некоторой осторожностью, и с этой точки зрения, следуя необходимости, вести эти переговоры под покровом большой секретности; но в ожидании их окончания, при развитии событий, тем или иным образом, мы в состоянии заявить публично о протекции, которую е. в. пожалует Келешбею.

Впрочем, е. в., зная Ваше усердие, господин герцог, на его службе, не сомневается в том, что Вы приложите все усилия для того, чтобы ускорить эти переговоры и что Вы включите в соглашение все, что только будет возможно, для соблюдения наших интересов.

Помета Александра I: Быть по сему.

Высочайше утвержден ноября 2 дня 1806 г.

АВПР, ф. Главный Архив, 1– 10, 1806 г., д. 2, пл. 45 – 48 об.
Перевод с французского, современный документу.

АПСТАМИР

1.48 Из отношения таврического гражданского губернатора Д. Б. Мертваго министру внутренних дел В. П. Кочубею.

3 января 1807 г.

Вашему сиятельству известно, что находящийся в Симферополе Мегмет Тайяр-Бей, бывший в Анатолии трехбунчужным пашею, наследовавший сие звание после многих его предков, представил о желании владеющего абазинцами Келеш-Бея быть со всем его народом российскоподданным. Сие милостиво его императорское величество принять и вследствие того отправил Тайяр-Бей нарочных уведомить Келеш-Бея, и чтобы прислал он с ними своего сына для отправления в Петербург.

С подлинным от г. Мертваго отношением.

Верно: кол(лежский) сов(тник) Баккаренич.

АВПР, ф. Главный архив, 1 – 10, 1806 г., д. 2 л. 55.

1.49 Письмо Таяр-Паши владетелю Абхазии Келешбею Шервашидзе о приеме его в русское подданство и отправлении сына аманатом[1] в Петербург.

9 января 1807 г.

М. г. мой, батюшка Келеш Бей!

Приятнейшим долгом почитаю свидетельствовать нижайшее почтение мое и желаю от искреннего моего сердца вам блага. Быв облагодетельствован от вас, никогда не забуду благодарить; в доказательство чего поисправив о себе дела принялся и о вас. Прошение ваше в восьми пунктах, заключавшееся в четырех службах российскому престолу вами предпринемаемых, посылал я к херсонскому военному губернатору Дюку ре-Ришелье. Военный губернатор представил оное на благоусмотрение государю и императору и ныне получено известие, что е. и. в. внял тому милостиво, а с нисходя на прошение от монаршей его милости пожалованы вы в чин генерал-поручика и пансиону каждогодно по 10000 левов, оставляя и начальником абхазскинского народа, старший сын ваш Сефер Бей полковником с жалованьем по чину, и семь пунктов уважены во всем.

Сына, которого вы обещались прислать в Санкт-Петербург для наук, поспешайте прислать – о сем я 10 декабря г. губернатором секретно извещен. Я счастливым почитаю себя, что я мог вам пособить и приняты вы российским престолом с таким награждением. Итак, позвольте м. г. поздравить с столь великою монаршею милостью пожалованный вам чин генерал-поручика в России есть великий, и можно сказать не малая сие милость, удивляться достойно уже тем более, что и природные россияне так жалованы

[1] Заложником.

почти не были никогда – вы теперь второй после находящегося в Грузии г. генерала Гудовича, с коим будете иметь удовольствие знакомиться и дружбу политическую вести. Во время прежнего моего нахождения в России и я был пожалован полковничьим чином, каковым сын ваш Сефер Бей ныне пожалован. Весьма я не надеялся столь великую милость получить. Однако всемилостивейшего монарха удостоились. В делах наших принимает великое старание херсонесский военный губернатор де-Ришелье и крымский гражданский губернатор Мертваго.

Поспешайте милостивый государь прислать сына своего и вскоре все совершится, написав при том письма свои к нам с сим к вам Абдуллу посылая, покорнейше прошу не задержать его более трех дней у себя, и отправьте с сыном своим сюда. Какое прошение я по делу вашему послал е. и. в. в С к е посылаю. Против сего прошения вы, написав таковое в семи пунктах, кроме последнего восьмого о яссырстве, на разрешение к его благовеление монаршаго не последовало, и утвердив своим подписом и печатью надпишите на имя его императорского величества, потом вручите для доставления с сыном сюда, а отсель будет отправлен сын, куда назначено ему.

По прибытии в Петербург вашего сына я надеюсь, что всемилостивейшего государя будет благословение и в рассуждении яссыр. Я советовал бы вам прислать из сынов ваших Батал Бея. Он ближе, как кажется мне, к понятию о науках, впрочем, есть воля ваша. Когда пришлете его, то кроме вам явленных от монарха милостей еще можно надеяться. О последствиях я буду уведомлять с поспешностию через нарочного. Повторяю, покорнейшую мою просьбу о скорейшем исправлении изъясненного.

АВПР, ф. Главный архив, 1 – 10, 1806 г., д. 2, лл. 58 – 59.
Перевод с турецкого, современный документу.

1.50 Отношение Командующего войсками на Кавказе И. В. Гудовича министру иностранных дел А. Я. Будбергу об испытании преданности владетеля Абхазии Келешбея Чачба – Шервашидзе Российскому престолу. (Извлечение).

15 марта 1807 г.

Долгом считаю уведомить также в выс.-о, что и Абхазский владелец Келеш-бек, как видно по рапорту ген.-м. Рыкгофа, не надежен и откланяется равномерно от всякого – со стороны своей содействия, ибо по нескольким моим внушениям ему через ген-м. Рыкгофа и по-моему письму, на которое я не получил ответа, доселе не выслал в помощь своей конницы и допускает усиливаться в Поти Турецким войскам, не смотря на то, что Потийский муселим должен быть ему предан, так как он им самим недавно постановлен с низвержением прежнего. Основываясь на сем, я решился

АПБТАИР

еще испытать преданность к России Келеш-бека, поручив ген.-м. Рыкгофу чрез вернейшего человека снестись с ним, дабы он в доказательство истинного усердия своего к Высочайшему престолу И. Е. В. употребил все средства схватить Потийского муселима и завладел Поти, если ж бы сие было невозможно, то по преданности к нему муселима наклонил бы его к сдаче сей крепости, обещевая ему денежную награду и что не только он не будет оставлен, но принят будет в высокое покровительство России, останется навсегда комендантом в Поти и щедро будет награжден. Не полагая однакоже, чтобы со стороны Келеш-бека мог быть предпринят таковой подвиг, я потому, при начатии моих действий на Ахалцих, предпишу в то же время ген-м. Рыкгофу сделать предприятие на и Поти, дабы отрезать всякое сообщение с Ахалцихом. Из сего я, выс. – о усмотреть изволите, что предполагаемые быть моими союзниками Карский Мамед-паша и Абхазский владелец Келеш-бек оба весьма не надежны. А остается у меня теперь одним верным союзником неограниченное мое усердие и храбрость войск Е. И. В.

АКАК. Т. III. с. 706.

1.51 Рапорт Командующего войсками на Кавказе И. В. Гудовича министру иностранных дел А. Я. Будбергу о ненадежности владетеля Абхазии Келешбея Чачба – Шервашидзе.

Арапчай, 26 июля 1807 г.

Абхазский владелец Келеш-бек несколько уже лет показывающий наклонность предаться во всероссийское подданство, но неоказывающий еще никакого опыта усердия и остающийся выгоде в сношении с турками, пишет ко мне, что на сих днях султан Селим свергнут (о чем давно уже носятся здесь слухи с прибавлением того, что он уморил себя ядом), на место же его возвещен султан Мустафа его племянник, который по некоторой связи и условиям с Таиер-пашою, прислал к нему Келешбеку верных людей с письмом к его императорскому величеству и с другим письмом к Таиер-паше для отправления оных людей просил Келешбек от меня чиновника присоединяя притом, что естьли такового не будет, то он решится и одних сказанных людей отправить. Затем пишет, что хотя прежде сего дня распоряжения его владением просил он из Мингрелии войска, но получил ответ, что войска отрядить нельзя, разве от меня приказано будет; почему извиняя обещание свое усердствовать и служить высочайшему российскому двору просит моего приказания, чтобы, когда он будет иметь надобность и потребует помощи, то неотказано бы ему было в том; и оканчивает письмо прося, чтобы я не забывал его.

Ставя долгом довести сие до сведения вашего высокопревосходительства, имею таковой же присоединить, что я в ответе моем к Келешбеку дал

выразуметь, что неизвестен будучи ни с которой стороны чрез его посредство султаном Мустафою людей к его императорскому величеству и Таиер паше не могу согласиться на отправление своего к нему человека; естьли же он находит сей случай согласным с тем желанием, которое объявил на верность всемилостивейшему и великому государю императору нашему и полезным для себя, то отправил бы тех присланных людей прямо в Крым к господину адмиралу маркизу Детраверзе в рассуждении подачи ему помощи, то на сие сказал я, что во все время нынешних наших действий противу турок, он не сказал никакого ответа усердия своего к высочайшему его императорского величества престолу и не помогал нашим войскам действиями противу турок, а еще падает на него сумнение, что он под рукою воспособляет им; естьли же он непременно предан и желает служить государю императору, то показал бы тому на самом деле опыт вспоможения нашим войскам в Мингрелии находящимся и не принимал в свои владения турок; тогда в случае покушения их на него, прикажу я генерал-майору Рыкгофу подавать ему помощь и охранять его и владении, что ныне тем для меня удобнее, что главные турецкие силы под командою арзрумского сераскира Юсуп паши мною на турецкой границе при реке Арапчае совершенно разбиты и рассеяны. К тому пожелал, чтобы он познал блаженство свое, поверг себя со всем его владением пред высочайшим престолом всемилостивейшего и великого государя императора и оставался бы затем уверен, что тогда он и его владение будет охраняемо от вторжения турков.

С особливейшим почтением и совершенною преданностию честь имею быть, Вашего высокопревосходительства искреннейший слуга граф князь Гудович.

Получ(ено) 23 авг(уста) 1807 (г.).

АВПР, ф. Главный архив, 1 – 10, 1806 г., д. 2 лл. 34 – 35 об.

1.52 Из отношения таврического гражданского губернатора Д. Б. Мертваго министру внутренних дел В. П. Кочубею.

15 августа 1807 г.

Получа предписание чрез находившегося в Семферополе Таяр-бея известить Келеш-бея абазинского о высочайшем е. и. в. к нему благоволении, отправил посылаемых от Таяр-бея людей с письмами в Абхазию и Анатолию, последовал я совету Таяр-бея, написав Келеш-бею, послал в подарок табакерку, еще зрительную трубку…

Верно: с. с. Лудковский.

АВПР, ф. Главный архив, 1 – 7, 1807 г., д. 1. лл. 85 – 86. Копия.

АЙТАМИР

1.53 Донесение командира Требаки «Константин» Ф. Я. Скирневского главному командиру Черноморских портов И. И. Траверсе[1] об Абхазии и ее владетеле Келешбее Шервашидзе. (Извлечение).

25 августа 1807 г.

При отправлении моем от берегов Мингрелии с Редута-Кале минувшего июля 22 дня был мне от г-на генерал-майора Рыкгофа офицер Белевского мушкетерского полка для доставления его в Сухум с конвертном к владетелю абазинскаму Келеш-бею. 23 числа, приближаясь к Сухуму и вошедши в губу, лежа в дрейфе на расстоянии от крепости антретном[2] до 5 миль, послал на берег гребное судно под белым флагом с помянутым офицером и пакетом к Келеш-бею. По прибытии гребного судна к берегу крепости Сухум на том же судне прислан чиновник Келеш-бея поздравить с прибытием и объявил себя лоцманом. Тогда я, снявшись с дрейфа и пришедши на глубину 18 сажен, положил якорь на такой дистанции от крепости и берега, чтобы пушки судну не вредили, и салютовали из 7 пушек, на что и нам равным числом ответствовано, но весьма медлительными выстрелами. Прислан другой чиновник, и именем Келеш-бея объявлено, что лично желает со мною видеться.

По выходе моем на берег встречен сыном Келеш-бея с толпящеюся толпой народа, между коими множество было и оруженосцев, препровожден в крепость, представлен Келеш-бею, видя перед ним предстоящих подобной первой толпе, и сидящих с ним было 15 человек. По отдании взаимных учтивостей вопрошаем был о долговременности плавания, встречаем ли был крепкими ветрами, о скорости хода судна и о экипаже на оном, а между тем оказываемо было гостеприимство, кофе, варенье, дыни и ликер. Предстоящие и сидящие удалились, кроме Келеш-бея, меня и офицера, приехавшего со мною служащего за переводчика. Во-первых, сказано, что к в. выс. пр. не имел он удобностей иметь переписки и что будет писать. Во-вторых, ожидает нетерпеливо уведомления, когда примут в подданство к России. Третье, коль скоро верность подданного исполнит, то и сына 16-летнего для принятия военной службы отправит в Санкт-Петербург.

Получая доверенность тайн Келеш-бея, предварил я его, что в. выс. пр. особым знаком приязни примете, когда позволит он осмотреть верфь сухумскую.

Лет 5 уже тому, как 74-пушечный корабль построен, теперь там все разобрано, и оная в лимане реки Сухума и от его крепости езды на 3 часа. Узнав дальнее расстояние, но, не имея кому судна препоручить, и затем и не был на верфи.

[1] На основании этого донесения в октябре 1807 г. Военным министерством была составлена записка для представления Александру I (См.: ЦГВИА, ф. ВУА, 18490, лл. 1-4).

[2] Приблизительное, определенное на глаз.

Спросил я позволения, могут ли суда нашего флота, терпящие бедствие, войти на рейд сухумский. Отвечал: буде угодно в. выс. пр. и получить с сем предварительность Вашу, то он согласен.

Сим разговоры кончены, и я уехал на судно. Ввечеру же привезено от Келеш-бея команде вола и вина.

После полуночи в 6 часов прислан был на судно Келеш-бея сын с приглашением меня на берег, что депеши готовы. При последнем свидании с Келеш-беем получил я 2 конверта на имя в. выс. пр. со вложением шали, один г-ну губернатору Мертваго и два к Таяр-паше, и мне подарены часы.

Крепость древняя, каменная, с зубцами, стоит на равнине, одна стена морем окружена, не имеющая регулярного построения, четвероугольная, вышина до 18 фут; с трех сторон окружена равелином, от веста зарос тиною, от норда и оста свежая течет вода, узок и неглубокий; поставлены на углах по 4 пушки, из коих 12 медных и 4 чугунных, чертежу средней длины, калибра 3-фунтового, вместо станков лежат на брусах.

Строения в крепости, занимающие(ся) жителями, стеснены, домы деревянные, покрытие черепицею, улицы тесные, только могут двое проходить, и те в беспрепятственных излучинах; мечеть одна, дом Келеш-бея новый, построен на з/юйдовой/ стене крепости, снаружи предвещает чистоту и великость, и во оном содержится харем; площади нету, фонтан один.

От остовых ворот начинается форштат: первая – сделанная каменная возвышенность, и поставлено 3 пушки чугунные, калибра 3-фунтового; вторая – мечеть и домы форштата, строение обветшее, стесненное, площади нету, улицы так же, как и в крепости узкие, домов до тысячи может быть.

По вестовую и нордовую крепости сторону и форштата равнина, но болотистая, покрытая лесом, коя есть подошвою Кавказских и окружающих Сухум гор.

Был я в арсенале, где хранятся луки, стрелы, ружья, пистолеты, палаши, кинжалы и дротики, бурки, кафтаны серые и шапки, все лежит в кучах, не разобрано. Хранитель арсенала сказывал, что оружием видимым укомплектовать может 5000 человек, но, по моему мнению, и по одной вещи давать, то недостанет.

Видел я сделанный один лафет, а другой, оканчивающийся, к полевым орудиям, регулярного чертежа, калибра 3-фунтового, и к ним ящики картузные – плотничное, токарное и кухнечное художество, мало прочности и чистоты имеющее. Как я слышал, чертежи делал и рабочими управляет нашей бывшей службы отставной артиллерии офицер, и то еще, что Келеш-бей войска может иметь 8000 человек.

Келеш-бей имеет лет до 60-ти, мужествен, росту высокого, состав костей и мускулы показывают крепкого человека, лицо, волосы красноватые и твердые.

АЙТАМИР

Видимый мною там народ без изъятия смугловат, лицом худощав и бледножелтоват, одеты бедно, в серые полукафтаны и босы, в таком одеянии и оруженосцы. Кажется, что подвержены лихорадкам.

Как я мог видеть с судна, в окрестностях Сухума земля гористая, покрытая лесом (годный к корабельному строению), имеющая между оными долины с левадами, на коих и хлебопашество производится. Сеют они пшено сорочинское, ячмень и кукурузу. Скот рогатый малого росту, кости высунувшиеся, глаза имеют быстрые и сердитые, мясо вкусное и жирное.

Судов больших не было мореходных, кроме чектырмей до десяти, вытащенных на берег, на коих и торговлю производят разным лесом, а более пальмовым, и наподобие бакаута, бумагою хлопчатою, часть шелку, пшено сороченское, ячмень и кукуруза. К себе привозят из первейших вещей соль, железо и шерсть овечью.

Воздух сыроват, горы покрыты облаками, дожди часто проливные и с непрерывным ударением громов.

Внешняя политика России XIX и начала XX века. Серия I, т. IV. М.: 1965, С. 49 – 51.

См. также: АВПР, ф. Главный архив, 1 – 10, 1806 г., д. 2, лл. 71-74.

1.54 Выписка из донесения командира требаки «Константин» флота лейтенанта Ф. Я. Скиренвского Главному командиру Черноморского флота адмиралу де Траверсе об Абхазии и ее владетеле Келешбее Чачба – Шервашидзе.

26 августа 1807 г.

При отправлении моем от берегов Мингрелии с Редута-Кале минувшего июля 22-го дня, дан был мне от г-на генерал-майора Рыкгофа офицер Белевского мушкетерского полка для доставления его в Сухум с конвертом к владетелю Абазинскому Келеш бею. 23-го числа, приближаясь к Сухуму и вошедши в губу лежа в дрейфе на расстоянии от крепости Антретоном до 5-ти миль, послал на берег гребное судно под белым флагом с помянутым офицером и пакетом к Клеш бею. По прибытии гребного судна к берегу крепости Сухума на том же судне прислан чиновник Келеш бея поздравить с прибытием и объявил себя лоцманом; тогда я, снявшись с дрейфа и пришедши на глубину 18 сажен, положил якорь на такой дистанции от крепости и берега, чтобы пушки судну не повредили, и салютовали из семи пушек, на что и нам ровным числом ответствовано, но весьма медлительными выстрелами. Прислан другой чиновник и именем Келеш бея объявлено, что лично желает со мною видеться.

По выходе моем на берег встречен сыном Келеш бея с толпящейся толпою народа, между коими множество было и оруженосцев, препровожден

в крепость, представлен Келеш бею, видя пред ним предстоящих подобной первой толпе и сидящих с ним было пятнадцать человек, по отдании взаимных учтивостей, вопрошаем был о долговременности плавания, встречаем ли был крепкими ветрами, о скорости хода судна и о экипаже на оном, а между тем оказываемо было гостеприимство, кофе, варенье, дыни и ликер; предстоящие и сидящие удалились, кроме Келеш бея, меня и офицера, приехавшего со мной служащего за переводчика: Во-первых, сказано: «что к вашему высокопревосходительству не имел он удобностей иметь переписки и что будет писать. Во-вторых, ожидает нетерпеливо уведомления, когда примут в подданство России. Третье, коль скоро верность подданного исполнит, то и сына 16-тилетнего для принятия военной службы отправит в Санкт-Петербург.

Получа доверенность тайн Келеш бея, предворил я его, что ваше превосходительство особым знаком приязни примите, когда позволит он осмотреть верфь сухумскую.

Лет пять уже тому как 74-х пушечный корабль построен, теперь там все разобрано, и оная в лимане реки Сухума и от крепости езды на три часа, узнав дальное разстояние, но, не имея кому судно препоручить, и затем и не был на верфе.

Спросил я позволения могут ли суда нашего флота, терпящие бедствие, войти на рейд Сухумский, отвечал: будет угодно вашему высокопревосходительству и получить о сем предворительность вашу, то он согласен.

Сим разговоры кончены, и я уехал на судно. В вечеру же привезено от Келеш бея команде вола и вина.

После полуночи в 6-ти часов прислан был на судно Келеш бея сын с приглашением меня на берег, что депеши готовы. При последнем свидании с Келеш беем получил в два конверта на имя вашего высокопревосходительства со влажением шали, один к г-ну губернатору Мертваго, и два к Таяр Паше, и мне подарены часы.

Крепость древняя каменная с зубцами, стоит на равнине, одна стена морем окружена, не имеющая регулярного построения, четвероугольная, вышина до 18-ти фут, с трех сторон окружена равелином… поставлены на углах по четыре пушки, из коих 12-ть медных и 4 чугунных, чертеж средней длины калибра трех фунтового, вместо станков лежат на брусах. Строения в крепости, занимающие жителями, стеснены, дома деревянные, покрытые черепицею, улицы тесные, только могут двое проходить и те в безпрерывных излучинах; мечеть одна, дом Келеш бея новый построен на стене крепости, с наружи предвещает чистоту и великость и в оном содержится харем; площади нету, фонтан один.

От остовых ворот начинается форштат, первая, сделанная каменная возвышенность и поставлены три пушки чугунные, калибра трех фунтового, вторая, мечеть и дома форштата, строение обветшее стесненное, площади нету, улицы также как и в крепости узкие, домов до тысячи может быть.

АЛЫТАИР

Повестовую и нордовую крепости сторону и форштата равнина, но болотистая покрытая лесом, коя есть, подошвою кавказских и окружающих Сухум гор.

Был я в арсеонале, где хранятся луки, стрелы, ружья, пистолеты, палаши, кинжалы и дротики, бурки, кафтаны серые и шапки, все лежит в кучах неразобрано; хранитель арсеонала сказывал, что оружием, видимым укомплектовать может пять тысяч человек, но, по моему мнению, и по одной вещи давать, то не достанет.

Видел я зделанный один лафет, а другой оканчивающийся к полевым орудиям регулярного чертежа калибра трех фунтового и к ним ящики картузные; плотничная, токарная и кузнечное художество мало прочности и чистоты имеющее – как я слышал чертежи делал и рабочими управляет нашей бывшей службы отставной артиллерии офицер, и то еще что Келеш бей войска может иметь восемь тысяч человек.

Келеш бей имеет лет до 60-ти, мужествен, росту высокого, состав костей и мускулы показывают крепкого человека, лицо, волосы красноватые и твердые.

Видимой мне там народ без изъятия смугловат, лицом худощав и бледно-желтоват, одеты бедно в серые полукафтаны и босые, в таком одеянии и оруженосцы, кажется, что подвержены лихорадкам.

Как мог я видеть с судна, в окрестностях Сухума земля гористая, покрытая лесом (годный к корабельному строению), имеющая между оными долины с ливадами, на коих и хлебопашество производится: сеют они пшено сорочинское, ячмень и кокорузу. Скот рогатый, малого росту, кости высунувшиеся, глаза имеют быстрые и сердиты, мясо вкусное и жирное.

Судов больших не было мореходных, кроме чектырмей до десяти вытащены на берег, на коих и торговлю производят разным лесом, а более пальмовым и на подобие бакауту, бумагою хлопчатою, часть шелку, пшено сорочинское, ячмень и кокоруза. К себе привозят из первейших вещей соль, железо и шерсть овечью.

Воздух сыроват, горы покрыты облаками, дожди часто проливные и с непрерывным ударением громов.

АВПР, ф. Главный архив, 1 – 10, 1806 г., д. 2, лл. 71 – 74. Копия.

1.55 «Сведения об абазинской провинции и владетеле ее», составленные в военном министерстве для преставления Александру I.

Октябрь 1807 г.

О сведениях, полученных об Абазинской провинции и владетеле ее.

Главный командир Черноморского флота доносит, что командир одного из посылаемых в Мингрелию судов наших, флота лейтенант Скирневский, имев при обратном отправлении оттоль поручение от ген.-майора Рыкгофа доставить в Сухум к абазинскому владетелю Келеш-бею конверт, при выполнении оного сделал некоторые замечания, относительно учиненного ему Келеш-беем приема и происходивших при том разговоров, а также и о состоянии Сухумского порта и окрестностей оного, о коих и выписка от него главного командира препровождена ко мне.

Примечательнейшее из сих замечаний я долгом поставил довести до высочайшего вашего и. в. сведения в следующем:

По прибытии лейт. Скирневского в Сухум представлен был он Келеш-бею, где принят с особенною учтивостью, потом в продолжении разговоров Келеш-бей объяснился ему, что нетерпеливо ожидает уведомления, когда принят будет в российское подданство и что коль сие последует, то он сына своего, имеющего 16 лет от роду, отправит в Петербург для определения в военную службу. Лейт. Скирневский между прочим спрашивал его позволения, могут ли суда наши, претерпевающие во время плавания бедствия, входить на рейд Сухумский и получил в ответ, что если сие угодно будет главному командиру флота и о сем от него получит он предварительное отношение, то он охотно согласиться на то. На другой день лейт. Скирневский получил от него 2 конверта на имя адмирала маркиза де Траверса, также один к таврическому губернатору Мертваго и 2 к Таяр Паше, причем и ему подарены часы, а для команды послана была часть свежей провизии.

Касательно состояния Сухумской крепости лейт. Скирневский заметил, что оная уже древняя, стоит на равнине, каменная с зубцами, и одна стена со стороны моря нерегулярного построения вышиною до 18 фут., с прочих же 3-х сторон обведена равелином, на углах коего поставлено по 4 пункта, из них 12 медных и 4 чугунных средней длины 3-х фунтового калибра, которые вместо станков лежат на брусьях. Будучи в арсенале, он видел один готовый, а другой оканчивающийся лафет к полевым 3-х фунтовым орудиям регулярного чертежа и к ним ящики картузные. Для сих лафетов чертежи делал и производством работ управляет (как он слышал) службы нашей отставной артиллерийский офицер.

При входе в губу, на коею крепость сия лежит, глубина до оной простирается грядами, берег низменный, песчаный, не имеющий камней и отмелей, губа сия у самых берегов имеет глубины до 4-х футов.

На рейде тамашней он не нашел судов больших мореходных, кроме чектырмей 10-ти коих и торговля производится разным лесом, а более пальмовым и наподобие бакауту, также бумагою хлопчатою, некоторой частию шелку, пшеном сорочинским, ячменем, кукурузою, привозят же к себе в числе первейших вещей соль, железо и овечью шерсть.

В окрестностях Сухума земля гористая, покрытая лесом, годным для корабельного строения, имеющая между оными долины с ливадами, на коих производится хлебопашество, состоящее из сорочинского пшена, яч-

АЛБТАИР

меня и кукурузы. Воздух там сыроват, горы покрыты облаками, дожди частые, проливные с сильным ударением грома.

Народ тамошний без изъятия лицом смугловат, худощав и бледно-желтоватый, одет бедно в серые полукафтаны и босиком, в каковом одеянии и самые оруженосцы, коих, по уверению жителей, Келеш-бей может иметь до 8 тыс. человек.

ЦГВИА, ф. ВУА, 1807 г, д. 18490, лл. 1 – 4. Черновик.

1.56 Донесение командующего войсками в Закавказье И. В. Гудовича Александру I об убийстве владетеля Абхазии Келешбея Шервашидзе и положении в крае.

Саганлуг[1], 19 мая 1808 г.

По рапорту ко мне ген.-м. Рыкгофа, сейчас полученному, дерзаю всеподданнейше донести в.и.в. о следующем происшествии.

Состоявший прежде под зависимостию Порты Оттоманской, абхазский владелец Келеш-бек, коего владение прилежит к границам Мингрелии, 2-го числа сего месяца убит родным его сыном Арслан-беком. Сей многолетний старец, как известно уже в.и.в. по прежним всеподданнейшим донесениям, с самого вступления войск российских в Имеретию и Мингрелию показывал всегда чистосердечное расположение свое быть под покровительством и в подданстве в.и.в., которого он еще в третьем году искал через выехавшаго в Россию Таяр-пашу, сына Батал-паши, и с которым постановление о принятии его в вечное покровительство и подданство Всероссийской империи, по высочайшей воле в.и.в., предоставлено было военному херсонскому губернатору, ген.-л. дюку де-Ришелье, но об окончании которого и на каком основании оно поставлено, мне не известно, так как ни от кого не получено мною о сем уведомления.

Убийца его с давнего времени был в неповиновении к отцу своему и искал его смерти, но все покушения его оставались безуспешными. Наконец под личиною чистосердечнаго раскаяния и повиновения отцу своему он успел приобрести его доверенность, а вместе с тем и найти удобный случай к исполнению своего зверского предприятия. Воспользовавшись отлучкою из дома отца своего, который до полуночи провел время в собрании своих приверженцев, он приготовил все к приведению в действие своего намерения и когда Келеш-бей возвратился домой, в сопровождении сына своего Батал-бея, того самаго, который был им назначен для отправления в Россию аманатом, в залог его верности и подданства в.и.в., то в самом своем доме встречен был пистолетным выстрелом, которым вместо его отчаянно ранен помянутой Батал-бей, а потом 4 выстрела из ружей повергли

[1] Деревня близ Тифлиса.

и самого Келеш-бея. Вместе с ним убиты также сыновья его Ростом-бек и другой новорожденный, коего и имя еще неизвестно. Келеш-бей, умирая, но будучи еще в памяти, словесно представил право на владение Абхазиею раненому вместе с ним его сыну Батал-бею, поручая ему следовать его намерениям и быть в повиновении в.и.в. Бывший же при сем зрелище отцеубийца Арслан-бек, подойдя к умирающему отцу своему, довершил свое злодейство, изрубив его саблею, и потом с партиею ему приверженною заперся в кр. Сухуме, которая теперь обложена войсками, преданными Сефер-Али-беку, старшему сыну Келеш-бея, имеющему полное право на наследство Абхазии.

Неприятное известие сие доставлено ген.-м. Рыкгофу от сего самого Сефер-Али-бека чрез письмо, присланное к нему с его чиновником Реджеб-агою. В письме сем, коего перевод я с сею же эстафетою отправил к иностранных дел министру в.и.в., он, уведомляя о случившемся присшествии просит помощи и содействия войск в.и.в. к наказанию убийцы за злодейский поступок его и обещает как самого себя, так и все Абхазское владение предать в вечное покровительство и подданство в.и.в. Я однако же, зная священную волю в.и.в., объявленную мне чрез иностранных дел министра, дабы сколь можно стараться продолжить перемирие, мною заключенное с бывшим эрзерумским сераскиром Юсуф-пашею, и с моей стороны не начинать в краю здешнем ничего такого, что могло бы подать повод к разрыву перемирия Порте, которая без сомнения Абхазию признает еще своею принадлежностию, а особливо имея еще другое высочайшее в. и. в. поручение относительно Имеретии и находясь в нерешительном еще положении с турками, чем окончится продолжающееся с ними перемирие; также, занимая одним Белевским полком Имеретию и Мингрелию, охраняя границу Имеретии от Ахалциха и защищая с другой стороны Редут-Кале, я никак не могу отделить еще из сего полка часть людей в Абхазию, лежащую назади занимаемых ныне мест в Имеретии и Мингрелии, дабы чрез такое разделение не ослабить ген.-м. Рыкгофа на случай разрыва перемирия и открытия военных действий с Портою и чрез то не подвергнуть его каким-либо неудачам, почему и предписал ген.-м. Рыкгофу под разными благовидными предлогами отклониться от вспоможения ему войсками самым действием противу его брата, доколе явно не обнаружится окончательное решение продолжающегося перемирия между Империею в.и.в. и Портою Оттоманскою, либо заключением полнаго мира или возобновлением неприятельских действий.

Между тем поручил ему обнадежить Сефер-Али-бека в том, что он может быть уверен в сильной помощи и покровительстве в.и.в., даже предписал ему в страх убийцы Арслан-бека и его приверженцев сделать некоторое оказательство, что он готов ему вспомоществовать, но, впрочем, не вступать в настоящее действие. Манучару же Шервашидзе, родному зятю

АЛЫТАИР

правительницы Мингрелии, который равномерно связан родством и с домом абхазского владельца, я позволил содействовать войсками Сефер-Али-беку для наказания сего убийцы, который по рапорту ген.-м. Рыкгофа уже и подвинулся с своими войсками в границу Абхазии, дабы сим движением привести в страх бунтовщиков, могущих передаться на сторону убийцы Арслан-бека. Равным образом уведомил и правительницу Мингрелии, дабы она по просьбе к ней Сефер-Али-бека с своей стороны доставила ему помощь войсками. Таким образом, Сефер-Али-бек, законный Абхазии наследник, коему все почти абхазские князья и почетные дворяне преданы, имея на своей стороне превосходнейшее число войск, может и без помощи войск в.и.в. наказать и выгнать из Сухума своего брата, которого поддерживают одни только сухумские жители и первый соучастник ему в убийстве Келеш-бея Бежан Шервашидзе, родной брат Манучара Шервашидзе, склонивший и всех подвластных своих к содействию Арслан-беку и который находится вместе с ним в Сухуме.

Всеподданнейше донеся о сем в.и.в., приемлю смелость также присовокупить, что комендант кр. Анакры (Анаклии) состоявший под властию Келеш-бея и ему преданный, отправясь до сего происшествия в Сухум для взятия оттоль жены своей и детей, остался там задержанным от Арслан-бека, почему, не имея теперь в сей крепости преданного России начальника, можно ожидать, что жители Анакры по неприязненному расположению своему к Мингрелии могут в случае разрыва с Портою сделаться нашими неприятелями и нанесть вред Мингрелии. В таких обстоятельствах ген.-м. Рыкгоф и полагает теперь весьма удобным воспользоваться нынешним положением, чтобы кр. Анакру занять войсками в. и. в. Я однако же, имея основанием высочайшую волю в.и.в., чтобы не подавать Порте никакого повода к разрыву перемирия и в особенности вышеупомянутые причины, предписал ему сего не предпринимать. Но почитая впрочем весьма полезным иметь там начальника, который бы расположен был к нашей стороне, дозволил Манучару Шервашидзе, имевшему при жизни Келеш-бея большое влияние и власть над сею крепостью, определить туда комендантом человека способного по его выбору и ему преданного, что сим и исполнено, как уведомляет меня ген.-м. Рыкгоф.

О всем сем донеся всеподданнейше в.и.в., я буду иметь счастье ожидать высочайшего в.и.в. разрешения меня относительно желания, изъявленного Сефер-Али-Беком, предать себя и все абхазское владение в вечное подданство и покровительство в.и.в.

АКАК, т. III, сс. 198, 199.

1.57 Дадиани Н. Картвельта Цховреба (История Грузии или жизнь грузин). (Извлечение).

1808 – 1821 гг.

… Около этого времени Аслан-бег Шарвашидзе разгневал бога и, забыв нежное отношение сына к отцу и изменив ему, убил своего отца Келайш-Амед-бега в крепости Аку и овладел Аку и городом, и всем имуществом своего отца, а нужно заметить, что Келайш-Амед-бег был очень богат. Вследствие этого старший сын Келайш-Амед-бега Сафар-бег, зять Дадиани, который был женат на сестре Григория и по воле отца жил в Хупу, ушел и прибыл к Леону Григорьевичу Дадиани, прося, чтобы он такое злодеяние отомстил брату его Аслан-бегу. Тогда Леон Дадиани отправился с мингрельскими войсками; мы прибыли в Аку и расположились на берегу Бесилы, но не могли окружить крепость, так как не имели ни приготовленной артиллерии, ни других орудий для блокады крепости. Поэтому мы взяли супругу Келайш-Амед-бега, урожденную Маршания, Рабию-Ханум, и сына ее Батал-бега Шарвашидзе, которых держал в плену злой Аслан-бег; освободили их и, взяв заложников с населения, всю Абхазию… отдали Сафар-бегу и таким образом благополучно вернулись в Одиши.

Но злой тот отцеубийца Аслан-бег, живя опять в крепости Аку, не давал покою брату своему Сафар-бегу, привлекал к себе его подданных и мутил. Поэтому Сафар-бег снова приехал к Леону Дадиани и просил помочь ему, чтобы русский император принял его под свое покровительство и подданство, как принял владетеля Дадиани. Тогда Леон Дадиани всеподданнейше просил русского императора Александра I Павловича принять под покровительство и подданство Сафар-бега Шарвашидзе….

В то время государь император привел в исполнение свое обещание Сафар-бегу Шарвашидзе: прислал морем войско, которое подступило к Сухумской крепости и в продолжении восемнадцати часов взяло ее. Отцеубийца Аслан-бег с оставшимися в живых приверженцами бежал, а крепость и город, полные всякого богатства, остались за русскими, которые расположились в городе, а Аслан-бег со срамом уехал в Джикетию...

После этого времени умер владетель внутренней Абхазии Сафар-бег Шарвашидзе в 1821 году по Р. Х., 6 февраля…

Тогда государь император, извещенный о смерти Сафар-бега, назначил владетелем Абхазии сына его Димитрия, который воспитывался в С.-Петербурге и которого взяла в Россию дочь карталинского царя, мингрельская дедопали Нина… Его вывели из училища, дали чин подполковника и много других милостей и прислали в Абхазию владетелем…

Но через три дня мы привели к присяге Димитрию всю Абхазию, поздравили его с назначением мтаваром с церемониею и оставили для защиты

АЛТАМИР

войско и майора Ракоцу; поступив таким образом, мы вернулись и снова прибыл в Аку, т. е. в Сухум…

Но без малого через год после своего княжения владетель Димитрий Сафар-бегович Шарвашидзе заболел и, к несчастью абхазцев, умер в 1822 году по Р. Х., и похоронили его русские с большими почестями в придворной церкви лихунского дворца. Между тем главноначальствующий Грузии Ермолов призвал младшего брата Димитрия Михаила; его сделали владетелем Внутренний Абхазии и дали ему чин майора, так как он пока еще был малолетний...

Перевод Е. С. Такайшвили.

СМОМПК, 1902, вып. 31, с. 80 – 81, 83, 88, 93, 99 – 147.

1.58 Из предписания Командующего в Грузии ген. А. П. Тормасова Командующему в Имеретии ген.-м. князю Д. З. Орбелиани о категорическом отказе Асланбею Чачба – Шервашидзе в российском подданстве.

17 июня 1809 г.

Что касается до Сефер-Али-бея Келеш-беева сына, уже прибывшего в Редут-кале, то я снова подтверждаю в. с. иметь с ним обращение отличное пред другими Абхазскими князьями, как с владельцем, покровительствуемым от Е. И. В. и который, статься может, в непродолжительном времени будет Высочайше утвержден законным владетелем всея Абхазии. Отцеубийце же брату его Арслан-бею, чрез письмо просившему вас о принятии в подданство Всероссийской Державы, не только подавайте ни малейшей надежды, чтобы он после безчеловечного и зверского поступка, им сделанного над почтенным и престарелым отцом своим Келеш-беем, мог когда-либо быть принят под покров всемилостивейшего Российского Монарха, но напротив того старайтесь искусным образом возставить против него всех частных владельцев Абхазии, имеющих сколько-нибудь силы и влияния в народе.

АКАК, т. IV. с. 413, № 554.

1.59 Из рапорта Командующего в Имеретии ген.-м. князя Д. З. Орбелиани Командующему в Грузии ген. А. П. Тормасову о занятии русскими войсками крепости Поти.

Поти, 15 августа 1809 г.

От 12-го числа о выступлении моем я имел честь донести в. выс.-у моим рапортом; 13-го прибыл на правый берег Риона, где того же числа переправил часть моего отряда на другую сторону, который 14-го, под ко-

мандою майора Шелкочева, с помощью Мингрельских и Абхазских войск, послал я занять место в 3-х верстах от Поти, а сам с последним отрядом и орудиями спустился к тому месту на сделанных паромах по Риону, для того что той дорогой, где проходил майор Шелкачев, пушек провезть было невозможно за сильной водой и болотом, и того же числа остановился там на ночлег. Мингрельцы и Абхазцы собрались к тому же месту: занятие форштата отложил я до другого дня, потому что сильный дождь и сближение ночи не позволило исполнить того.

Не могу умолчать и об отличном усердии, оказанном при занятии форштата, полк. Николая Дадиани, а особенно кн. Манучара Шервашидзе, который отважностию своею, сопряженною с усердием, заставляет меня за сей его поступок просить у в. выс.-ва изъявления благодарности ему. К занятию форштата с малым уроном не мало споспешествовали 2 брата Гуриели Вахтанг и Давид с войсками своими…

АКАК, т. IV. с. 390 – 391, № 520.

1.60 Из рапорта Командующего в Грузии ген. А. П. Тормасова министру иностранных дел Н. П. Румянцеву об исследовании жалованья бывшего владетеля Абхазии Келешбея Чачба – Шервашидзе.

Тифлис, 14 октября 1809 г.

По многим и верным изведываниям генерал-майора князя Орбельянова чрез абхазских князей, мингрельского митрополита Чконителя и самой правительницы Мингрелии, находящейся в родственной связи с домом Келешбея отовсюду согласно утверждают, что он определительного жалования от Порты не имел, а получал онаго ежегодно более или менее смотря по надобности и обстоятельствам, но никогда самая большая пропорция не простиралась свыше 50 кис. Когда же кис составляет 120 руб. российскою монетою и, следовательно, не свыше 6000 серебром, из коих он содержал в Сухумской крепости малый гарнизон и употреблял на приласкание и на подарки разным горским князьям.

АВПР, ф. Главный архив, 1 – 10, 1808 г., д. 1 лл. 45 – 46. Копия.

АЛЫТАИР

РАЗДЕЛ II.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ, ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ, ТРАДИЦИОННОЕ ПРАВО АБХАЗИИ С 1810 ПО 1863 ГГ.

(период сохранения внутренней автономии в управлении Абхазией)

2.1 Из рапорта Командующего в Грузии ген. А. П. Тормасова министру иностранных дел Н. П. Румянцеву.

11 января 1810 г.

Между тем вменяю себе в обязанность довести до сведения вашего, что я тот час по получении от в. с. уведомления, от 28-го мая прошлого года о последовавшем высочайшем утверждении владетелем Абхазии Сефер-Али-бея и о принятии его со всем абхазским народом в вечное покровительство и подданство России, объявил ему сие всемилостивейшее благоволение к нему Г. И. и уведомил в тоже время, что как и Высочайшая на утверждение его владетелем Абхазии грамота, так и знаки, означающие его достоинство в скором времени будут к нему доставлены; а сие и имело те следствия, что Сефер-Али-бей употребил все способы привлечь к себе Абхазский народ и успел до того, что воинственные Абхазцы не только не делали никакого вспоможения осажденной кр. Поти, принадлежащей к Абхазии, но еще часть их войск находилась в соединении с нашими и дрались отлично при разбитии Шериф Паши.

АКАК, т. IV. с. 417, № 559.

2.2 Из рапорта Командующего войсками на Кавказе И. В. Гудовича министру иностранных дел Н. П. Румянцеву о желательности скорейшей присылки Сафарбея Чачба – Шервашидзе.

11 января 1810 г.

Милостивый государь граф Николай Петрович!

С сим же фельдфегерем отнесся я к господину министру морских сил и просил сделать зависящия от него распоряжения, дабы на будущую весну из Черноморской флотилии назначено было несколько военных судов для того, что с занятием нашими войсками Анапы и Поти уже поставлены гарнизоны, остается еще между ними три крепости с гаванями Анаклея, Сухум и Суджук Кале. Первая из них, как зависящая ныне от Мингрелии и ближайшая к оной будет занята гарнизоном, который я приказал уже с оной поставить. Вторая, Сухум, хотя принадлежит Абхазии, вступившей в вечное подданство Российской империи, но так как в оной заперся убийца Келеш Бея Арслан бей не повинующийся старшему брату[1] своему Сефер

[1] Младшему брату - (Г. Д.).

Али беку высочайше утвержденному от его императорского величества владетелем всея Абхазии, то и неможно оную считать в наших руках; в протчем есть удобность занять и ее со стороны Грузии нашими войсками и содействием одного же Черноморской флотилии по чрезвычайно трудному к ней проходу сухим путем.

Последняя же Суджук Кале по отдаленности и за неимением к ней отсель дороги не иначе может быть занят как от Кавказской линии по покорении закубанских народов восстановленных против России действиями Порты. И так чтобы пресечь всякое сообщения туркам с горскими народами, которое они и могут только иметь через посредство пристаней Сухумской и Суджук Кале необходимо потребно иметь в Потийской гавани несколько военных судов, которые бы занялись промером гавани и берегов Черного моря, крейсируя около оных в одну сторону к Анапе и в другую к Трапезонту, чем может заградить сообщение турок с закубанцами…

Между тем вменяю себе в обязанность довести до сведения вашего милостивый государь, что я тот час по получении от вашего сиятельства уведомления от 28-го мая прошлого года о последовавшем высочайшем утверждении владетелем Абхазии Сефер Али бека и о принятии его со всем абхазским народом в вечное покровительство и подданство России объявил ему сие всемилостивейшее благоволение к нему государя императора и уведомил в то же время, что как и высочайшая на утверждение его владетелем Абхазии грамота, так и знаки означающие его достоинство в скором времени будут к нему доставлены. А сие и имело те следствия, что Сефер Али бей употребил в способы привлечь к себе абхазский народ и успел до того, что воинственные абхазцы не только не успели никакого вспоможения осажденной крепости Поти принадлежащей к Абхазии, но еще часть их войск находилась в соединении с нашими и дрались отлично при разбитии Шериф Паши… Для спокойствия сего народа и устройства между оным весьма полезно было бы скорее осчастливить Сефер Али Бека присылкою высочайшей утвердительной грамоты и знаков, означающих достоинства владельца…

Получ(ено) 4 февр(аля) 1810 (г.).

АВПР, ф. Главный архив, 1 – 10, 1808 г., д. 1, лл. 47 – 49.

2.3 Грамота Александра I владетелю Абхазии Георгию (Сафарбею) Шервашидзе о принятии его в подданство России.

16 февраля 1810 г.

Нам любезно верно подданному абхазские земли владетелю князю Георгию Шарвашидзе наша императорская милость и благоволение. Снисходя на прошение ваше поступить в вечное подданство Российской

АЛБТАИР

империи, и не сомневаясь в преданности вашей к высокому нашему престолу, изъясненной в обязательном письме вашем на высочайшее имя наше присланном, утверждаем и признаем вас нашего любезноверноподданного наследственным князем абхазского владения под верховным покровительством державою, и защитою Российской империи, и включая вас и дом ваш и всех абхазского владения жителей в число наших верноподданных, обещаем вам и преемникам вашим нашу императорскую милость и благоволение. Приняв также за благо все статьи, изъясненные от слова до слова в том прошении вашем, которое в копии с российским переводом в сей нашей жалованной грамоте прилагается, утверждаем оные императорским нашим словом за нас и высоких преемников наших по всей силе на вечные времена ненарушимо и вследствие того соизволяя ознаменовать вас особою нашею к вам милостью, определяем вам жалованье серебром по две тысячи пятисот рублей в год, а любезной княгине родительнице вашей по тысячи пятисот рублей в год серебром же, которое как вам, так и ей, со дня учинения вами на верность подданства присяги, и будет доставляемо от главнокомандующего в Грузии из казны нашей по третьям года. В вящее же изъявление Вам императорской нашей милости жалуем вам и преемникам вашим знамя с гербом империи Российской, повелевая хранить оное наследственно в доме Вашем, да сверх того всемилостейше жалуем вас кавалером ордена св. Анны 1 го класса, коего знака при сем же препровождая повелеваем возложить на себя и носить по установлению. Преемники же ваши имеют на достоинство князя абхазского владения, испрашивать высочайшего утверждения нашими императорскими грамотами, которые, как и сия, по неизреченному милосердию нашему и будут всемилостивейше им доставляемы.

За сим поручая вам управлять народом абхазские земли с кротостью и правосудием, уверены мы, что вы и наследники ваши как в преданности своей к нашему престолу, так и в точном исполнении воспринятых вами на себя обязанностей пребудете непоколебимы. В таком надеянии и в залог монаршей нашей к вам и ко всему абхазскому народу милости, дана сия императорская наша грамота за собственноручным нашим подписанием и с приложением государственной печати. В престольном нашем граде св. Петра.

Февраля 17-го дня лета от р. х. 1810-й, а царствования нашего в десятое.

Александр I.

Государственный канцлер граф Румянцев.

Материалы и записки по вопросу о владетельских и имущественных правах потомков свет, князя Михаила Шервашидзе, последнего владетеля Абхазии. Венден, 1913, сс. 5 – 7.

2.4 Из письма Главнокомандующего в Грузии ген. А. П. Тормасова полковнику Н. Г. Дадиани о приготовлениях русских войск к захвату Сухум-Кале.

1 июня 1810 г.

Наконец о Сефер-Али-бее, Абхазском владельце, имею в обязанности уведомить в. св., что он удостоен от Е. И. В. утверждения законным владельцем Абхазии с всемилостивейшим пожалованием ему Высочайшей грамоты, знамени с гербом Российской Империи, ордена св. Анны 1-го класса и пенсиона в год 2,500 р., которые к нему от меня уже отправлены. Следственно, после сих знаков Высочайшего к нему благоволения Е. И. В. он может быть твердо уверен, что ему оказана будет всякая помощь и защита противу отцеубийцы брата его Арслан-бея и Г. И. по всеподданнейшему моему представлению Высочайше соизволил уже повелеть части Черноморской флотилии отправиться к Поти для употребления оной против Сухумской крепости, когда наступит благоприятное к сему время и я не упущу воспользоваться оными к завладению сей крепости, обратив на оную свои силы со стороны моря и сухим путем, о чем в свое время я не премину сделать нужных распоряжений и предворить о том как в. св. или в отсутствие ваше светлейшего сына вашего кн. Левана, так и Сефер-Али-бея, для общаго содействия в успехах сего предприятия. Между тем военныя суда, у Мингрельских берегов стоящия, не допустят Арслан-бея исполнить его намерения, чтобы из Сухума переселить семейство в Батум, переведя оные туда на судах, от Порты Оттоманской к нему присланных, и всемерно ему в том воспрепятствуют.

АКАК, т. IV. с. 396.

2.5 Из рапорта главнокомандующего в Грузии И. В. Гудовича министру иностранных дел Н. П. Румянцеву о захвате русской армией Сухум-Кале.

6 августа 1810 г.

Милостивый государь граф Николай Петрович!

Командующий Черноморским флотом, и вице-адмирал Языков отношением своим от 21-го июля уведомил меня, что капитан-лейтенант Додт с эскадрою по высочайшему повелению назначенного для военных операций против крепостей Сухума и Суджук-Кале, 9-го числа прошлого июля месяца пополудни в 4-м часу подошедшие к крепости Сухум открыли из судов канонаду, а на другой день пополночи взял оную крепость, найдя в ней около 60 пушек, ее защищаемых…

Спеша почтеннейше донести вашему сиятельству о сем радостном происшествии, вменяю в совершенное для себя удовольствие поздравить

АЛЫТАИР

Вас милостивый государь с сим новым приобретением под державу е. и. в. Сухумской крепости, владычествующей над всем народом Абхазии и до сего приобретенным в подданство России, и превосходной гавани, делающий нас теперь полными властелинами того берега Черного моря…

Получ(ено) 25 авг(уста) 1810 (г.).

АВПР, ф. Главный архив, 1 – 13, 1810 г., д. 2, лл. 5 – 5 об. Подлинник.

2.6 Выписка из донесения флота кап.-л. П. А. Де-додта о занятии Сухума.

7 августа 1810 г.[1]

По прибытии 8-го числа июля к крепости, желал иметь с крепостью и жителями переговор и для того поднял белый переговорный флаг и, держа его до ночи, надеялся получить ответ, но подойдя ближе, усмотрел, что жители выбрались в горы, а оттуда вышли вооруженные войска и вступили в крепость и форштат и наконец с перваго бастиона начали из пушек палить ядрами в корабль и на весь отряд; почему он по причине наступавшей ночи и неотыскания удобной глубины, чтобы расположиться на шпринге для действия противу крепости, лавировал всю ночь под парусами, а на другой день за маловетрием и штилем не мог подступить к крепости и уже буксиром подошли в надлежащую дистанцию, в 3 часа по полудни, и открыли противу крепости действие со всех орудий батальным огнем и при захождении солнца усмотрено, что крепостные и на бастионах амбразуры развалились, у всех почти пушек подбиты лафеты и неприятель редко стал палить из пушек, а только безпрерывно продолжал из ружей и тромбонов.

Почему, дабы неприятель не мог в ночи исправиться, и с отряда продолжаема была пальба с бросанием бомб и брандскугелей; на рассвете 10-го числа открылась с крепости пальба, почему и с отряда открыт батальный огонь, которым разбиты и развалены брустверы и амбразуры и каменьями почти все пушки завалены, а остальныя с лафетов упали. Неприятельских войск на стенах и бастионных не видно было, тоже и на форштате, при котором стоявшая суда все потоплены и некоторые дома загорелись и падали, от чего неприятель пришел в великий страх и замешательство; почему принято намерение высадить десант на форштат, который в 10-м часу вышел на берег в числе 3-х рот с 2 полевыми пушками, и хотя из-за лесу с горы спустилась неприятельская конница и пехота и стремилась напасть на десант, но когда из корабля пущено в них несколько бомб и ядер, то оные рассыпались и бежали в горы. Между тем свезена еще резервная рота и когда подошли под стену крепости и старались разломать ворота, которыя были затворены, то на крепости стали махать флагами и, прекратив пальбу,

[1] Дата получения.

взошли на стену и просили помилования, почему наши войска в 11-ть часов вступили в крепость и, заняв оную, подняли русский флаг.

По разбирании неприятельских тел нашли убитых неприятельских войск 300 чел., пленных взято чиновников 2, рядовых 76 чел, из которых от тяжелых ран умерло 5; взято нашими крепостной флаг 1 и знамен 8, пушек 62, фалконетов 2, пороху 1080 пуд, ядер и прочих военных припасов и также мелкаго оружия довольное количество. С нашей же стороны убитых в отряде и в десанте обер-офицеров 1, нижних чинов 22; раненых штаб-офицеров 1, обер-офицеров 5, нижних чинов 80, – всех убитых и раненых 109 чел. По взятии крепости и по обозрении оказалась оная совсем разбитою, а особливо с морской стороны и по сим обстоятельствам оную крепость починить и поправить почти невозможно было, да и пушки отчасти оказались заклепанные, запалы и лафеты под всеми были разбиты, почему пушки забраны на суда, а остальное укрепление намеревались подорвать и оставить вовсе разоренным. Того же месяца 12-го числа о взятии крепости чрез посланный в Поти фрегат «Назарет» донесено было главнокомандующему сухопутных войск ген. от кав. Тормасову, с прошением, буде за благо найдено оную оставить под российским флагом, то для занятия оной прислать гарнизон. Но командиру фрегата Белевскаго мушкетерскаго полка от полк. Мерлини объявлено, что на случай прибытия судна предоставлено словесно от ген. Тормасова амбаркировать в Сухум из Редут-Кале войск одну роту, для чего 19-го числа при благополучном ветре снялся с якоря и следовал в Редут-Кале, но по снятии с якоря, спустя не более однаго часа, равно 20-го и 21-го чисел были весьма жестокие шквалы и противубурные ветры, при чем действовали во множестве тифоны, продолжалась великая мрачность и сильный безпрерывный дождь, от чего, фрегат сильно уклонялся от берегов потийских и носился по морю по произволу сильных ветров и великого волнения, а усмотрел когда несколько очистился горизонт, берега Сухума, к коим по способности ветра спустился и прибыл в Сухум 21-го числа по полудни в 2 часа; а потому в то же время для взятия роты отряжен фрегат «Воин», которая и привезена 25-го числа.

А между всем сим временем, получено командующим отрядом от правительницы Мингрелии и владетельницы Одиши Нины Дадиани письмо, писанное от 12-го, да также и от 14-го числа от полк. Мерлини сношение, в коих объяснено, что Сефер-Али-бей должен прибыть в Сухум для приятия своего наследственного владения, коего должно принять в покровительство и защиту, а более всего, что живущие в окрестности Сухума жители приходили во множестве и просили покровительства, желая при том быть вечно в подданстве России, да также и родныя братья Сефер-бея Батал и Хасан-бей со всем своим родством прибыли и изъявили свою преданность к России, а в скором времени и сам Сефер-бей прибыл в Сухум: то по сим обстоятельствам, несмотря на вящую опасность в разсуждении весьма худаго рейда,

АПБ ТАИР

командир отряда приступил к исправлению крепости и для скорейшаго успеха во все время послано для работ по 1,000 чел. и сделано укрепление, бруствер с амбразурами земляной и одетой дерном, – высота бруствера внутренная 6 фут, наружная высота онаго 5,5 фут, толстота онаго нижняя 13 фут, верхняя толстота крон-бруствера 8 фут, на которую и поставлено снятых с отряда, вверенного Додту, пушек 16 и к оным принадлежность, также и снаряды, а к присланной для гарнизона под командою кап. Агаркова одной роте еще оставлено из 4-го Морского полка 2 роты с полковою пушкою, под командою пор. Козарскаго, в подкрепление же оной крепости 2 канонирские лодки под командою мичмана фон-Бурмистра и для разъездов на гребные суда отпустил с корабля «Варахиила» из имеющих однофунтоваго калибра 2 пушки; имевшийся же на отряде для продовольствия крепости гарнизона сухопутный провиант муки 550 четв., круп 412 пуд. 20 фунт, отдал кап. Агаркову.

АКАК, т. IV, сс. 424 – 425.

2.7 Броневский С. М. Об абхазах и Абхазии. (Извлечение).

1810 г.

Абхазия Большая и северозападная. Число дворов или семей 50 000…

Согум Кале, древняя крепость… В крепости и в предместии 19 пушек, из коих 12 медных, все трехфунтового калибра и без станков. В губе Согумской для купеческих и военных небольших судов изрядная пристань. В лимане реки Согумы есть корабельная верфь, лежащая на три часа езды от крепости, где находился в 1802 году выстроенный, но неоснащенный турецкий корабль с 74 пушками. В городе и предместии заключается более тысячи домов, большею частью деревянных и крытых черепицею, две мечети и один фонтан. От крепости на северо-запад находится вышеупомянутое местечко Пичунта. Согум-Кале есть местопребыание абхазского владельца Ахмат Келеш Бея, сильнейшего из абхазских владельцев, который убит в 1808 году, по случаю возмущения, произведенного сыном Арслан-Беком, как будет ниже упомянуто…

Келеш-Бей содержал всегда свой собственный гарнизон из абхазов; но когда был в дружбе с турками, то называл войска турецкими…

В настоящем смысле крепости и замки, где есть турецкие гарнизоны, принадлежат туркам; остальная часть земель, наипаче во внутренности гор, пользуются совершенною независимостью; по крайней мере, в рассуждении черкесов и абхазов власть Порты всегда была сомнительна. Для наказания их за шалости турецкие начальники не смеют посылать малые отряды в горы; для наблюдения войска или умножения единомышленников, принуждены действовать деньгами и подарками, на каковое употребление расходятся все доходы, собираемые от пошлин, и сверх того присылаются по временам из Константинополя знатные суммы денег как для починки крепостей, так и для заплаты турецким и наемным войскам… Первый узел, соединяющий турок с горскими народами, есть продажа пленных… Во время императора Юстиниана I абазги или нынешние абхазы скопили мальчиков для продажи в Константинополь, где евнухи продавались дорогою ценою…

Религия. Абхазы хотя с недавнего времени начали принимать магометанский закон, но частию держатся еще древних языческих обрядов, причем и знаки христианства обнаруживаются в соблюдении постов, в употреблении свиного мяса и в почитании, оказываемом к развалинам церквей. О языческом их богослужении известно только, что они соблюдают отличное уважение к старым дубам и всякое колено имеет у себя таковой дуб на примете. В известные дни, наипаче перед начинанием какого важного дела, как то перед походом против неприятеля, они становятся хороводом вокруг священного дерева, втыкают в него саблю, и другие отправляют обряды, за коим следует пир. Сих языческих обрядов держатся наипаче горские абхазы. Прибрежные жители Большой Абхазии и абазинцы шестиродные (алтыкесек) исповедуют магометанской закон, о коем не имеют точного понятия, не зная грамоты и примешивая к тому, как сказано, остатки христианства с древними языческими суевериями…

Приморские абхазы разбойничают в лодках по Черному морю, нападают на оплошных корабельщиков или на тех, коих постигнет несчастие сесть на мель. Сверх того, беспрерывную ведут войну между собою, побуждаясь к тому наипаче корыстию, получаемою от продажи пленников, коих захватывают друг у друга… Одежда их похожа на черкесскую, но короче покроем в сверх того ближайшие к Мингрелии абхазы носят шапки имеретинские и мингрельские, то есть круглый лоскут черного сукна… Оружие употребляют: ружья, пистолеты, сабли, кинжалы, стрелы. В домашнем быту живут бедно… Домы строят из плетня, обмазанного глиною, также деревянные из толстых досок с соломенною крышею; в больших деревнях не живут, но рассеяны по горам и косогорам малыми усадьбами по два и три двора…

Абхазы упражняются в скотоводстве и хлебопашестве; держат лошадей, рогатый скот и овец; сеют пшеницу, ячмень, турецкую пшеничку (кукурузу) и особливый род просы, называемый грузинами гоми… В полуденной Абхазии делают также виноградное вино. Но главнейшая промышленность их состоит в похищении и продаже пленников, как выше показано…

Абхазы живут по берегу Черного моря, начиная от реки Енгури… до Геленчинского залива и немного далее. Сия часть, будучи расположена на юго-западной стороне Кавказа, называется Югозападная или Большая Абхазия. Прочие жилища абхазов простираются во внутренность по вершинам кубунских рек и речек… Сия часть лежит по северному и северо-западному наклонению гор, названа Северною или Северо-восточною Абхазиею…

АЙТАМИР

Большая Абхазия… славится благорастворением воздуха и изобилием всяких произведений… Земля удобна к хлебопашеству и садоводству. Яблоки, груши, сливы, каштаны, квиты, персики, абрикосы, грецкие орехи, дикий виноград, тутовые ягоды и прочие плоды произростают в лесах без всякого присмотра. Из строевого леса известен дуб, клен, бук, чинар, тис и самшит, несвойственно называемый пальмовым деревом… употребляемый в столярную роботу и составляющий предмет отпускного торга…

В обеих сих частях изобильнейшие произведения, составляющие народную промышленность, суть: мед, воск, лисьи и куньи шкуры, самшитовое дерево и грубые изделия жителей, бурки и толстое сукно. Селитру сами делают и умеют приготовлять из нее порох. Нуждаются в соли.

Абхазский мед заслуживает примечание. Он есть произведение диких пчел, живущих в расселинах каменных утесов. Цвет его внутри и снаружи полевый, воск и мед составляют почти одно кристаллизированное существо вкусом приятное, ароматическое, которое для употребления в пищу ломают как леденец, не отделяя воску, находящегося в весьма малом количестве. Липкости, свойственной обыкновенному меду, оный имеет гораздо в меньшей степени, так что его можно носить в кармане, и, по уверениям, сохраняется несколько лет в том же виде. Таковой же мед находится в Черкесской области и в Имеретии. Его привозят иногда в Грузию и на Кавказскую линию, и отправляют как редкость в Константинополь. Чаятельно по вышесказанным качествам русские назвали его каменным медом. Другой мед не менее примечательный, называемый пьяный или бешенный мед, который горские народы примешивают в напиток свой бузу, находится во многих странах Кавказа, равно как и в Абхазии...

Известия о Согумском владении

Согумское владение простирается по берегу Черного моря от Пичунты до Анаклии при устье реки Енгури… Согумская и Искурийская пристани, будучи способнейшие по всему Северо-восточному берегу Черного моря, привлекает сюда турецкое купечество для торговли с абхазами, отчего Согум-Кале соделался знатнейшим городом всей Абхазии. При устье реки Согумы земли низкие и болотистые, но окрестности города с других сторон гористы и покрыты лесом. Воздух здесь сырой и туманный, часто бывают проливные дожди с сильными громовыми ударами. По долинам между селениями производится хлебопашество. Сеют сорочинское пшено, ячмень и турецкую пшеницу (кукурузу). Держат более коров и коз, нежели овец. Рогатый скот около Согума малого роста, имеет кости высунувшиеся, глаза быстрые и сердитые, но мясо вкусное и жирное. Жители здешние смуглы, худощавы: цвет лица имеют бледно-желтоватый, одеты бедно в серые полукафтаны и ходят босые. Не в лучшем представляются вид и оруженосцы согумского владельца Келеш-бея; торгуют лесом буковым, пальмовым, отчасти шелком, хлопчатою бумагою, сорочинским пшеном, ячменем и покупают первейшие предметы своих потребностей, соль, железо и овечью шерсть. Здесь бывают знатные ярмарки для торга пленниками, равно как и в Искури. Зажиточные люди в Согуме употребляют кофе, варенье, ликеры и вино привозное и тамошняго произведения. Но полагать должно, что сии черты роскоши принадлежат турецким купцам, а не коренным жителям, за исключением может быть князей и владельцев…Имея около себя до 10 000 вооруженных абхазов, он мало заботился о выполнении фирманов, от Порты посылаемых. Однакож в удовлетворении гордости Дивана называл свои войска турецкими, как между тем употреблял оные для собственных своих видов. Расширяя таким образом свою власть и владение, он соделался наконец повелителем всей полуденной Абхазии посредством приобретенного им влияния между разными коленами абхазов горских и побережных, прибегающих под его покровительство. Мы видели, что в 1806 году, когда Порта, негодуя на Келеш-Бея за то, что дал у себя убежище Таяр паше требизонскому, послала для наказания его флотилию с войсками к Согуму, у Келеш-Бея было тогда в собрании до 25 000 вооруженных черкесов и абхазов, вследствие чего турецкая флотилия удолилась без всяких предприятий. Однако известно, что собственного войска он может собрать не более как от 10 до 12000; остальные были наемные или участные (контингентные), вероятно на сей чрезвычайный случай приглашенные…

Мая 2 дня 1808 года Келеш-Бея прекратил жизнь через ужасное злоумышление и даже от руки сына своего Арслан-Бека. В то же время убиты два сына его Рустан-Бек и новорожденный младенец, а третий Батал-Бей тяжело ранен...

Оставленные Пейсонелем сведения о торговле, производимой на абхазских берегах, хотя обветшали, совершенно сходствуют с известиями о нынешнем положении сей торговли. Разность может быть только в том, что весьма уменьшился торг пленниками…

Пальмовое дерево или самшит меняют на соль равным весом, и нагрузив оным мореходные суда, отправляют большею частию в Константинополь, где с великим борышем продается сие дерево для столярной работы. Второй предмет отпускного из Абхазии товару мед и воск, отправляется в знатном количестве в Тавриду, Требизонт, Константинополь и в другие турецкие порты; туда же отпускаются и прочие предметы.

Взамен того жители получают: соль, вино, сафьян разных цветов, железные мелкие изделия в большом количестве, ружья, пистолеты, кинжалы, выбойки, сталь, свинец, несколько сукон и шелковых материй.

Соль доставляется из Крыма и есть важнейший предмет привозных товаров…

(Броневский С.) Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. 1, М., 1823, с. 58, 259, 297, 303 – 304, 306, 322– 329, 344 – 348, 350 – 351.

АЛЫТАИР

2.8 Рапорт командующего кавказским гренадерским полком ген.-м. Ф. Ф. Симоновича главнокомандующему в Грузии ген. А. П. Тормасову о сведениях протопопа Иоселиани о ситуации в Абхазии.

Кутаис, 6 мая 1811 г.

Княгиня Нина, возратясь ныне из Абхазии, прислала ко мне с письмом протопопа Иосилиани для личного объяснения; содержание письма и изъяснения Иосилиани следующия:

1. В бытность правительницы в Абхазии виделась она с мачехою Сефер-Али-бея Ребиа-ханум, которая будучи сестрою первому цебельдинскому кн. Маршания, имеет большое влияние на помянутый народ и обещалась ей склонить как брата, так и народ, чтобы они согласись быть нашими подданными. Правительница тогда же привела к присяге на верность нам братьев Сефер-Али-бея, Сослан-бея и Али-бея, и знатнейших из их подвластных, взяв как от первых, так и от последних аманатов.

2. Батумские жители, привыкшие иметь начальников из фамилии Шарвашидзе, приглашают Сослан-бея, чтобы он; женясь на оставшейся вдове Кучук-бея, ими управлял. Сослан-бей, соглашаясь на сие, желает быть нам подвластным на том же основании, как брат его Сефер-Али-бей, для чего и намерен будто-бы сдать нам Батум, когда придет к оному наша флотилия; только нужно, чтобы она прежде пришла в Сухум и оттоль, взяв Манучара Шарвашидзе, подошла бы к Батуму, где Шарвашидзе должен будет снестись с Сослан-беем о сдаче города. По взятии же Батума нужно иметь сильный гарнизон.

3. Сефер-Али-бей изъясняет, что брат его Арслан-бей находится у Хазнадар-оглу и оттоль намерен притти с Турками и, присоединив к себе партию бунтующих, действовать против Сухума; почему полагает он нужным усилить там гарнизон, я же средств к тому не имею по малости здесь войск. Затем просит он прислать как ему, так и мачехе его следующия за прошлое время пенсионныя деньги, о чем и я прошу в. выс.-о как равно о доставлении таковых же Гуриельской владетельной княгине Марине и протопопу Иосилиани, так как посылать за оными в Тифлис поверенных они затрудняются.

АКАК, т. IV. с. 429.

2.9 Отношение Главнокомандующего в Грузии ген. А. П. Тормасова министру иностранных дел Н. П. Румянцеву о присвоении воинского звания Садзскому князю Левану Цанба и его награждении.

31 мая 1811 г.

Абхазия, приобретенная в подданство Е. И. В., простирающаяся вдоль по берегу Черного моря от границ мингрельских до самой Анапы, составляя один народ, не все однако же находится в непосредственной зависимости кн. Георгия Шарвашидзе, всемилостивейшее утвержденного законным владельцом Абхазии, но есть в горных местах несколько небольших обществ, не признающих ничьей зависимости и управляемых собственными их князьями. Из числа таковых Джихетский кн. Леван Цанубая стараниям правительницы Мингрелии и владетельного абхазскаго кн. Георгия Шарвашидзе, преклоненный обнадеживаниями в неизреченной благости и милостях е. и. в. к своим подданным, отдал себя добровольно Всероссийской империи со всеми его подвластными, состоящими слишком в 500 семействах, и в знак своей зависимости от абхазского владельца, которую он признал, дал ему аманатов. Почему, в воздаяние расположения и усердия к России джихетского кн. Левана Цанубая, я обращаюсь к в. с. с покорнейшею моею просьбою об исходотайствовании ему от щедрот монарших всемилостивейшего пожалования в чин подполковника и об украшении его золотою медалью, осыпанную бриллиантами, на голубой ленте, с надписью на турецком и российском диалектах; за усердие и преданности к Всероссийской империи.

Каковое ознаменование высочайшей к нему милости послужит примером другим независимым обществам также искать покровительства и подданства е. и. в. и постепенно соединить весь абхазский народ под одну власть, открыв чрез то спокойствие в сем новоприобретенном нами владении на берегах Черного моря с доставить существенныя выгоды для империи, кои со временем иметь можно от сего народа в разных соотношениях.

АКАК, т. IV. с. 429.

2.10 Письмо главнокомандующего в Грузии ген. А. П. Тормасова владетелю Мегрелии князю Левану Дадиани о необходимости переговоров владетеля Абхазии Георгия Чачба – Шервашидзе с Геленджикским правителем.

28 августа 1811 г.

Командующий военными судами, крейсирующими у берегов Мингрельских и во всех побережных местах, начиная от Анапы до Батума, донес мне, что владелец Геленджикской бухты, соседний с владением родственника в. св. Абхазского владельца кн. Георгия Шервашидзе, состоящего в подданстве Е. И. В., вновь оную укрепляет пушками, кои недавно нашею морскою артиллерию были сбиты, и не перестает иметь сношений с Турками. Почему, зная усердие ваше к пользам службы всемилостивейшего нашего Г. И., я в сем случае обращаюсь к вам с препоручением, дабы вы постарались чрез Абхазского кн. Георгия Шервашидзе преклонить владельца Геленджикской бухты ко вступлению с народом его в подданство Всерос-

АЛТАИР

сийской Империи, обещая ему чрез нарочно посланного верного человека независимое и наследственное утверждение Е. И. В. удельным владельцем с предоставлением ему всех прежних прав и преимуществ, также всемилостививейшее пожалование его в приличный чин с жалованием и многия другия Монаршия милости. Сей-же самый посланный должен будет ему внушать, что ему никоим образом в своем укреплении удержаться невозможно, потому что он по обе стороны сей бухты имеет важныя Российския крепости и что при упорстве непременно будет атакован с земли и с моря. А потому, следуя здравому разсудку и собственным своим пользам, ускорил бы своею покорностию, ища покравительства и сильной защиты от Е. И. В., не доводя себя и подвластный ему народ до совершеннаго разорения, наипаче-же прервал-бы всякое сообщение с Турками, будучи в полной уверенности, что все потребности для его земли он всегда будет получать из Российских портов морем. Впрочем, к сим внушениям кн. Грегорий Шервашидзе может чрез своего посланного по известности ему о положении Геленджикского владельца присоединить еще другие приличныя убеждения. Успех-же в сем преднамерении отнесется единственно к усердию вашему и деятельности на пользу службы, равно и к истинной преданности Шервашидзе.

АКАК, т. IV. с. 409.

2.11 Рапорт владетеля Абхазии Георгия Чачба – Шервашидзе Александру I о необходимости присылки в Абхазию дополнительного контингента русских войск.

(28 августа 1811 г.)

Его императорскому величеству

генерал-майора и кавалера Шервашидзе

По получении мною предписания от грузинского военного губернатора о замирении с Портою Оттоманскою родственники мои, состоящие в магаметанской вере о возвращении Порте крепости Сохум, склоняя некоторую часть азнауров и приглася часть турков, стараются произвести бунты, а с своей стороны, предвидя опасность, представлял грузинскому военному губернатору, и просил вспомощесвование, но не получа на представление мое решение, осмеливаюсь всеподданнейшей представить в высокомонаршее благоусмотрение в. и. в. следущее:

Дабы усмирить бунтовщиков, предпринявших намерение вооружиться против меня, которые в (И)меретии убили полковника Мамиа, я всеподданнейше прошу в. и. в. назначить в командование мое регулярного войска по крайности две роты, к которым присовукупа войско под командой моего состоящее, наверно можно усмирить бунтовщиков и покорить под всеавгустейшие в. и. в. подданства.

Для преграды и защищении границ со стороны турков и черкесов, здесь необходимо нужно иметь шесть или восемь лансонов, по здешнему обыкновению на коих может находиться состоящие под командою моею абхазское войско, но не имея при себя орудия на постройку лансонов материалов кроме однаго леса, представляя о том в. и. в. всеподданнейше прошу о доставлении ко мне для лансонов откуда-либо материалов и орудие в. и. в. повеление.

Граничущий с абазинским народом владетель черкесов Леван Чанбобей[1] по приглашению моему желает принять христианскую веру и принял присягу на всероссийское подданство в. и. в. с двумя тысячами вооруженными своими подданными, соединив вместе со мною обязывается защищать границы и сражаться с неприятелем. Во владении сего бея находится в берегах моря не в отдаль Сохума маленькая старая крепость, которая для защищения границ весьма выгодна и оные подвергает стопам в. и. в. он также обязывается со стороны своей делать все вспомоществовании снабжать корабельным лесом, который у него для сей надобности есть весьма хороший и другими материалами во владении его имеющимся.

Я, подвергая сие донесение мое чрез находящегося при мне российскоподданного грека Константина Диспотули, всеподданнейше прошу в. и. в. по знанию его на четыре языка греческой, турецкой, и русской, (и) тальянской части читать и писать может, которой будучи употребляем, был мною во многие разные дела, которые во исправлял со всякою усердностью, расторопности и успехом и во всем со отличностью, и по его знанию был всегда для переводов, также и в других случаях находился. Наградить его, Дистопули, чином и определить ко мне адъютантом.

АВРП, ф. Главный архив, 1-10, 1808 г., д. 1, лл. 118 – 119. Черновик.

2.12 Известия внутренние.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 6 ДЕКАБРЯ 1811 г.

Прибывшая сюда правительница Мингрелии княгиня Нина Георгиевна была в минувшее воскресение 3 числа представлена их величествам государю императору и государыне императрице Елисавете Алексеевне вместе с сыном своим Георгием и малолетним сыном Абхазского владельца Дмитрием. Правительница сия есть та самая дщерь покойного царя Георгия, об отличных подвигах коей на пользу службы его императорского величества свидетельствовал главнокомандующий в Грузии генерал от кавалерии Тормасов от 30 мая сего года, сверх попечительности о внутреннем устройстве Мингрелии, в чем она совершенно преуспела, усердие ее ознаменовано многими полезными деяниями. Известно уже, сколь храбро и успешно она

[1] Речь идет о джигетскои князе Леване Цанба – (Г. Д.).

АЛЫТАИР

и сын ее, князь Леван Дадиан, подобный ей в усердии к его императорскому величеству, содействовали нам при взятии крепости Поти, в экспедициях на Имеретию и на Ахалцых, и в приобретении граничащей с Мингрелиею Абхазии в подданство всероссийской империи. Для приведения же в устройство внутренних дел Абхазии, она отправляла туда части войск своих, с помощью коих владелец Абхазский и зять ее Георгий Шарвашидзе, успел не только вытеснить мятежного брата своего Арслан-бека, удалившегося в Трепизонт, но и привесть в подданство России и повиновение себе несколько независимых Джихетских обществ. Не ограничиваясь сим, ее светлость предпринимала весьма трудный путь в крепость Сохум-Кале, и чрез благоразумные внушения примирила с Абхазским владельцем двоюродных его братьев Сослан-бека и Али-бека, довольно сильных в Абхазии и враждовавших против него в сообществе с Арслан-беком. Посредством сего примирения восстановлено в Абхазии спокойствие, а притом ее же соглашением Сослан-бек, ближайший родственник скончавшегося батумского владельца, когда призываем был обитателями Батума принять над ними правительство, сдал нам оный купно со всем владением своим. Сверх того, стараниям ее светлости, родительница Абхазского владельца Ребия-Ханум, согласилась отправиться к соседственным с Абхазиею Цебельским князьям Маршаниибовым1, родным ее братьям, управлявшим независимыми обществами воинственного Цебельского народа, с тем, чтобы преклонить их вступить в подданство России и признать над ними зависимость Абхазского владельца.

«Северная почта» или «Новая Санкт-петербургская газета», декабря 6 дня 1811, №97.

2.13 Известия внутренние.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 9 ДЕКАБРЯ 1811 г.

...В дополнении к сказанному нами в последнем месте сей газеты о правительнице Мингрелии княгине Нине Георгиевне не излишним почитаем присовокупить еще выписку из донесения главнокомандующего в Грузии генерала от кавалерии Тормасова от 11 января 1810 года. «В особенности же заслуживают справедливого внимания подвиги правительницы Мингрелии и владетельного гурийского князя Мамия. Первый потому, что единственно неограниченной преданности ее к России и усердным ее стараниям должно отнести наклонение Сафар-Али-Бека вступить со всем Абхазским владением в вечное покровительство и подданство России. По сей причине Абхазский народ не участвовал во вспоможении осажденной крепости Поти, принадлежащей к Абхазии.

«Северная почта» или «Новая Санкт-петербургская газета», декабря 9 дня 1811, №98.

2.14 Из донесения Главнокомандующего в Грузии ген. Н. Ф. Ртищева военному министру князю А. Горчакову.

8 августа 1812 г.

Наипаче-же ставить меня в нерешимость возвращение побережной на Черном море кр. Сухум-кале и всего Абхазского владения, ибо крепость сия составляет резиденцию Абхазского владельца Сефер-Али-бея; Абхазское-же владение, ему принадлежащее, во время войны с Турками не оружием нами приобретено, но по доброй воле самого владельца, искавшего покровительство е. и. в., вступило на вечныя времена в подданство Российской империи по примеру Имеретии, Мингрелии и Гурии трактатом, в 1810 году Высочайше утвержденным, с обязательством владельца стараться о распространении между его подвластными христианской веры, которая около 100 лет тому назад существовала в Абхазии и которую немалая часть жителей втайне исповедовала во время владения Турками Абхазиею. Нынеже, следуя примеру самого владельца, многия семейства явным образом начали признавать христианскую веру, а другие по временам продолжают обращаться в оную.

АКАК, т. V. с. 780. № 918.

2.15 Рапорт Главнокомандующего в Грузии ген. Н. Ф. Ртищева министру иностранных дел Н. П. Румянцеву о недопустимости передачи крепости Сухум-Кале туркам.

Тифлис, 3 января 1813 г.

Милостивый государь граф Николай Петрович!

Что же касается до возвращения под власть Турок побережней крепости Сохум-Кале, принадлежащей Абхазскому владению, о которой также вступили ко мне требования от Трапезондского владетеля Сеид-Слейман-паши: то я решительно отложил исполнение сего до будущей весны, по следующим причинам, кои имею честь представить на благоусмотрение в. с.:

Законный абхазский владелец Сафар Али-бек (в святом крещении нареченный Георгием Шарвашидзевым) со всем своим владением добровольно покорился скипетру его императорского величества и принят в вечное подданство России в 1810-м году, будучи всемилостивейшее пожалован высочайшею грамотою с инвеституроюи другими владельческими отличиями, в ознаменование неотступного покровительства ему от всероссийского государя императора. Следовательно, по смыслу предписания Вашего сиятельства, никакие притязания со стороны Порты Оттоманской на сие владение, как добровольно присоеденившееся к Российской империи, не будут мною от турецкого правительства приняты, но по силе того же предписания

АЛЫТАИР

крепость Сохум-Кале, всегда составлявшую резиденцию владетелей Абхазии, я должен возвратить туркам, потому что только одна сия крепость, по вступлении Георгия Шарвашидзева в подданство России, быв захвачена отцеубийцею братом его Арслан-беком и защищаемая турецким гарнизоном, недобровольно покорились нам и завоевана в третьем годе российским оружием. В сей крепости и ныне имеют свою резиденцию законный владелец Георгий Шарвашидзев. Известно же совершенно, что воинственный и не менее того своевольный абхазский народ издревле имеет всегдашнее обыкновение признавать над собою власть и считать себя под зависимостию тех только владельцев, в чьих руках будут находиться главные их земли крепость Сохум-Кале. Почему нет сомнения дабы Порта Оттоманская, получив теперь оную в возврат, не вверила ее под власть преданного ей отцеубийцы Арслан-бека, который и теперь еще имеет в Абхазии важные партии ему преданные, доселе удерживаемые одним страхом и силою российского оружия. Без сомнения, также Порта не упустит в пользу Арслан-бека и свою собственную употребить всех обольщений в абхазском народе, дабы подвигнуть оный следуя древнему обыкновению предаться владетелю Сохумской крепости и отпасть от законной власти нынешнего их владетеля. Ибо нельзя, чтобы Порта Оттоманская могла обирать спокойным оком на то, что в Абхазии при ее власти над сим народом господствования магометанская вера, теперь начала ослабевать, с принятием самим нынешним владельцем Георгием Шарвашидзиевым христианской веры, коего пример многие уже семейства в Абхазии также обратил к исповеданию сия веры, некогда бывшей общею в Абхазии, что доказывают многие развалины храмов божьих и некоторые христианские обряды между народом сохраненные. Следственно причины и обольщения Порты, соединяясь с владением какое имеет на Абхазию отцеубийца Арслан-бек так же с лишением главнейших выгод, Абхазского народа, который все свои потребности получил единственно из Сохум-Кале, как портового места, кои тогда могут для них быть пресечены и наконец с преимущественною силою, какую Порта будет тогда иметь владея главнею крепостию и резиденциею Абхазии, без сомнения произведет те последствия, что народ Абхазский по необходимости должен будет отложиться от законного своего владельца, начавшая только возникать христианская вера в Абхазии, будет подавлена и несчастный Георгий Шарвашидзиев, полагавший всю свою надежду на защиту и неотступное покровительство его императорского величества, лишится своего владения удержать же народ в повиновении ему силою войск российских, не имея во власти нашей крепости Сохум-Кале и пристани, связующей сообщение сей земли с Крымом, есть дело наизатруднительнейшее. Ибо кроме того, что на пространстве более 1000 верст в окружности Абхазии должно было бы содержать там весьма знатную часть войск в том уважении, что народ Абхазии весь воинственный, что сверх того местоположение везде чрезвычайно гористое и что все сие владение окружено многими не зависящими обществами народов обращающихся в хищничестве: одна только мысль, что продовольствие тех войск через перевозку провианта сухим путем должно бы было зависеть от Мингрелии, куда доставка провианта из Крыма сопряжена и без сего с величайшими трудностями, делает меру сию почти невозможною, тем паче, что с сею отдаленною частию войск, по препятствиям самой натуры и хищных горских народов, никогда без особенных усилий и пожертвований, не можно было бы иметь свободной коммуникации.

Итак, по всем сим обстоятельствам и ображенным мною с неприятностью последствий, кои неминуемо случиться могут с абхазским владельцем Георгием Шарвашидзиевым, когда крепость Сохум-Кале будет уступлена под власть Порте, и не менее того оставаясь в нерешимости следует ли возвращать Порте сию резиденцию, того владетеля, который со всею землею и народом своим вступил добровольно в подданство Российской империи, я вменил себе в непременную обязанность, отклонив сколь можно далее сдачу туркам крепости Сохум-Кале, представить все сии обстоятельства опытному соображению вашего сиятельства и вместе с тем просить вас покорнейше о исходатайствовании мне по сему предмету высочайшего решения.

Между тем, дабы отклонение мое в сем случае прикрыты перед турецким правительством благовидным предлогом я на сих днях отправляю письмо от меня к трапезонтскому Сейд Сулейман-Паше, в коем для успокоения его представлю, что его императорское величество ничего столь не желает, как утвердить всеми мерами доброе согласие с Портою Оттоманскою, что российская империя известна всему свету, по святости сохраняемых ею правил дружбы и ненарушимости трактатов чему доказательством служит возвращенные уже мною под власть турецкого правительства, завоеванные в здешнем краю крепости Ахалкалак и Поти, и что наконец в силу мирного трактата, я не замедлил бы равным образом дать повеление мое и о сдаче присланному от него чиновнику Сохумской крепости есть ли бы от него заблаговременно были ко мне о чем требования, то есть в такое время, когда навигация на Черном море не была еще прервана зимними непогодами и когда я имел бы способ российский гарнизон занимающий крепость Сохум-Кале и все казенное имущество перевезть на судах в Крым. Теперь же при всем моем расположении удовлетворить его требования заставляет меня необходимость остановиться сим до будущей навигации. Ибо сухим путем в Крым или в Мингрелию, также по позднему времени отправить российского гарнизона по чрезвычайно дальнему, трудному и опасному пути не можно без того, чтобы не подвергнуть войск недостатку в продовольствии, разным болезням от холоду и опасности от многочисленных хищных и горских народов, составляющих независимые общества и непризнающих над собою власть

АЛИТАИР

самой Порты Оттоманской и за некоторых в случае какого-либо несчастия происшедшего российским войскам от их своеволия, Порта Оттоманская не может ни ручаться, ни ответствовать, почему не могу я пожертвовать гарнизоном видимой опасности и совершенной гибели, тем более, что я обязан перед его императорским величеством ответствовать за целость и безопасность войск моему начальству вверенных в протчем Порта через столь краткое время своего ожидания, ничего не потерпит из своей собственности, оставив на три или четыре месяца крепость в руках искренних ее друзей и союзников, быв при том уверена, получить оную во всей целости, при первом открывшемся судоходстве по Черному морю.

С подлинным верно:
правитель канцелярии
коллежский советник Могилевский.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2889, лл. 101 – 105 об. Копия.
См. также: АКАК, т. V. с. 785-786. д. 926.

2.16 Из предписания Главнокомандующего в Грузии ген. Н. Ф. Ртищева Командующему Кавказским гренадерским полком ген.-м. Ф. Ф. Симоновичу о недопустимости передачи крепости Сухум-Кале туркам.

16 мая 1813 г.

Высочайшая воля Е. И. В. есть та, чтобы резиденцию Абхазского владельца Сефер-Али-бея, кр. Сухум-кале, не взирая ни на какие домогательства Порты Оттоманской, не отдавать во власть ея, так как непосредственно никогда Туркам не принадлежавшую и потому, что отдать оной иначе нельзя, как решившись в то же время потерять всю Абхазию и лишить прародительскаго достояния законного владельца сей земли Сефер-Али-бея, который добровольно покорился скипетру Е. И. В. и торжественно удостоверен в неотступном ему покровительстве Г. И., да и что-бы тогда подумали другие народы, подвластные нам в здешнем крае, если-бы увидели, что Россия не захотела защитить и того владельца, который вверил российскому Г. И. не только жребий свой, но и малолетнего сына своего наследника, и что Россия отдает Порте не по точным словам трактата с нею заключенного, но из одного только снисхождения к ея домогательствам, – ту самую столицу, где сей питомец Императорский должен иметь свое пребывание, и те самыя владения, для управления коих он при Российском Дворе образуется.

АКАК, т. V. с. 504-505. № 595.

2.17 Из письма владетеля Мегрелии Левана Дадиани полковнику Н. Дадиани.

Сухум, 19 августа 1813 г.

Секретно

Убийца отца своего Аслан-бек в прошлом месяце, набрав войска из турок, водяным путем прибыл в Апхазию в Гудац и разгласил всем апхазским жителям будто турецкий султан отдал ему Сохумскую крепость, таким разглашением склонил к себе всю Апхазию. Я узнав о сей неприятности, тот час уведомил главнокомандующего в Грузии, а сей прислал мне вспомогательное войско, которее я присовокупив к моему вошел в Апхазию, и с божьею помощью принудил Аслан-бека бежать так, что он только с десятью человеками спасся в Джикетский округ; а вслед за тем, усмеря всех жителей того владения, поручил управление Апхазиею зятю нашему Сафарбеку по прежнему…

Леон Дадиани
Перевод (с грузинского)
коллежский ассесор Годерзий Фиралов

АВПР, ф. Главный архив, 1-7, 1806 г., д. 1, лл. 204-204 об.

2.18 Из рапорта командующего кавказским гренадерским полком ген.-м. Ф. Ф. Симоновича главнокомандующему в Грузии ген. Н. Ф. Ртищеву о мятеже Асланбея Чачба – Шервашидзе.

24 сентября 1813 г.

Отряд посланный полк. Мерлини с присоединенными к оным войсками владельца Мигрелии ген.-м. Дадиани, при майоре 15-го Егерского полка кн. Кутиеве, пройдя труднейшие проходы и переправы чрез реки и речки, скорым вступлением своим в Абхазию собравшияся там войска Турецкия и мятежников с бунтовщиком Арслан-беем, устраша, заставил их разбежаться, не действуя; каковым случаем пользуясь, владелец Дадиани и майор Кутиев стремились, в таковом безпорядке занимая сию провинцию, не дать им время собраться. Сим внезапным успешным проходом устрашенный, и бунтовщик Арслан-бей с 10-ю чел. ему приверженных бежал и скрылся в соседственных с Абхазией горах, а народ оставленный, явясь с раскаянием и покорностью, присягнул на верность подданства Г. И. и повиновение законному их владельцу кн. Георгию Шарвашидзе; равно мать его Ребиа-ханум[1] присягнула, что впредь будет верна ему, в доказательство чего отдала меньшего сына своего ему, Шарвашидзе, в аманаты.

АКАК, т. V. с. 506. № 597.

[1] Ребиа-ханум Маршания – третья жена Келешбея Чачба – мачеха Георгия Чачба – Шервашидзе – (**сост.**).

АБТАМР

2.19 Из письма Главнокомандующего в Грузии ген. Н. Ф. Ртищева сераскиру Эрезрума Ахмед-паше.

29 ноября 1813 г.

… Затем Абхазское владение, соседнее с Мингрелеию, также издревле имевшее у себя своего самовластного владельца, в сие самое время искало чрез законного своего владетеля, покойнаго Келеш-бея, добровольно предать себе в покровительство и подданство Всероссийской империи, каковое желание Келеш-бея не было отвергнуто и постановление с ним трактата было совсем уже окончено, как злодейская рука отцеубийцы сына его Арслан-бея изменнически прекратила жизнь сего долголетнего старца. Но другой сын его Сефер-Али-бей, при жизни еще отца своего утвержденный законным наследником всей Абхазии, остался под покровительством Российской Империи, будучи после того, на основании сделанных Келеш-беем постановлений, принять особым трактатом в вечное подданство России со всем его владением и народом.

АКАК, т. V. с. 805. № 940.

2.20 Из донесения посланника в Константинополе А. Я. Италинского управляющему министерством иностранных дел К. В. Нессельроде.

13 (25) марта 1815 г.

… Порта хотела бы владеть всем побережьем от устья Фазиса до Анапы. Наше противодействие этим притязаниям основывается на добровольном подчинении России княжеств Имеретинского и Мингрельского, которые никогда не входили в состав Оттоманской империи. Как внутренние, так и прибрежные районы этих княжеств принадлежат теперь нам. На побережье мы владеем также частью Абхазии, где расположен порт Сухум-Кале. Владетель этой земли передал ее нам задолго до того, как война закончилась Бухарестским договором[1], а его сын даже принял христианскую веру.

… Я добавил к этому сообщению, что значение, придаваемое Портой всем этим землям, объясняется легкостью, с какой оттуда можно наносить нам вред в случае войны, так как жители их делали бы в это набеги на Россию, как это случается, впрочем, и в мирное время. Никаких иных выгод из этих стран Порта не извлекает, дикое население их вовсе не поставляет войск для турецкой армии и не платит Турции никаких налогов.

Внешняя политика России XIX и начала XX века.
Документы Российского Министерства иностранных дел.
Серия. I. т. VIII. М., 1972, с. 246, 248.

[1] Был заключен по итогам русско-турецкой войны (1806-1812).. – (**сост.**).

2.21 Клятвенное обещание Цебельдинских князей в верности Российской империи.

Сел. Окум, 29 ноября 1815 г.

Мы, нижеподписавшиеся, владельцы Цебельдинской области князья Маршаниа подносим сие письмо вам, светлейшему владетелю Дадиани Леону, в том, хотя отцы и деды наши были послушны и верны вашим предкам, но по некоторым случайным тревогам отдалились один от другого; ныне-же, так как вы желаете нашего сближения, с возобновлением любви и милости к нам по прежнему, то и мы верим таковому истинному слову вашему и клянемся на сем св. Алкоране – прежде всего, не быть ни в чем противниками Е. В. Российскому Г. И. Александру Павловичу и поставленным от Него в здешних странах правителям, чрез посредство ваше; быть покорными и вашим велениям, по нашей силе и возможности, равно сопротивляться всеми путями врагам России и в. с., ни в чем ни соглашаться с ними ни словом, ни делом, быть в добром соседстве с вашими владениями: Самурзаканью, частью Абхазии и Одиши с их обитателями, не принимать противников Высочайшего Российского Престола и в. св., ни кого либо из беглых, ни чинить нам никакого злодейства во владениях России и в вашем собственном: ни похищении в плен, ни иного чего. А тех наших домочадцев, которых нет здесь, мы также постараемся привести в повиновение, согласно настоящему обещанию нашему. После таковой клятвы целуем св. Алкоран, в подтверждение нашей присяги, с приложением рук:

Кн. Мисост сын Учардиев Маршаниа;
кн. Саралуф сын Тлапсиев Маршаниа;
кн. Зерепсу сын Омаров Маршаниа.

Так как эти князья Маршаниа не умели писать, то по их просьбе подписался двора е. св. владетеля Леона Дадиани протоиерей Иоанн Иосилиани.

При присяге князей Маршаниа находился Циашский митрополит Григорий (приложена печать).

Находились архимандрит Георгий и протоиерей Иоанн Иосилиани.

АКАК, т. V. с. 508.

2.22 Из рапорта ген.-м. Курнатовского ген.-м. Сталю о неустойчивом положении владетеля Абхазии Георгия Чачба – Шервашидзе.

9 мая 1818 г.

Кн. Георгий Шарвашидзе, извещая меня о явном ему неповиновении своего народа, просил Мингрельского и Имеретинского войска для приведения онаго в послушанье. Желая испытать миролюбныя средства к должному окончанию сего дела, я посылал в Абхазию полк. кн. Николая Дадиани с поручением седлать тамошнему народу надлежащее внушение

АЙТАМИР

насчет повиновения владельцу. По испытанному усердию к службе, известной твердости духа и благоразумию князь сей вместе с владельцем успел некоторых из Абхазцев склонить к повиновению; но некоторые остались непреклонными, что в. пр. усмотреть изволите из представляемого у сего подлиннаго ко мне письма Абхазского владельца, коим просит он, как и прежде, дать ему Мингрельцев и Имеретинцев для приведения непокорных к повиновению.

Обстоятельство сие передовая рассмотрению и решению в. пр., долгом ставлю присовокупить по местным моим сведениям, что Абхазский владелец на самом деле еще слабее в управлении своим народом, нежели как сам о себе пишет, так что не смеет почти показаться народу, не хотящему ему повиноваться. Главнейшая причина такового неповиновения есть та, что настоящий владелец утвержден в сем звании без дальнейшего изследования о преданности к нему Абхазцев, – народа горского, вольнаго и воинственного и с коими управиться трудно и тому, в ком нашлось бы более твердости и благоразумия. К сей причине, по всей вероятности, можно присовокупить и ту, что Абхазцы более привержены к меньшому по отце брату владельца Хасан-бея, – твердому, предприимчивому и храброму, как все слухи удостоверяют, человеку, который, неповинуясь сам своему брату, подстрекает может быть тайными пружинами к тому и народ.

Как-же настоящий владелец в звании своем Высочайше утвержден и имеет неотъемлемое право на наше покровительство и защиту, то и полагаю я необходимо нужным удовлетворить его требование насчет дачи войска из Мингрельцев и Имеретинцев, для водворения тишины и спокойствия в принадлежащем ему владении, с коими надеется он без всякого кровопролития в том успеть. Насчет же того, сколько и в каком именно месте нужно иметь во владении том Русскаго войска, коего владелец просит, я не могу присовокупить своего мнения по не совершенной еще известности мне тамошних мест и положения дел, – о чем, полагаю, должен иметь полное сведение начальник Корпусного Штаба ген.-м. Вельяминов, осматривавший лично край тот в прошлом 1817 году.

АКАК, т. VI, ч. I, с. 644. № 926.

2.23 Из предписания главноуправляющего на Кавказе ген. А. П. Ермолова начальнику штаба кавказского корпуса ген.-м. Вельяминову о недопустимости уступки Абхазии туркам.

30 июня 1820 г.

Препровождаю к в. пр. копии с двух отношений ко мне управляющего Министерством иностранных дел.

Сообщая по предмету сего нужныя сведения и от вас ожидая таковых, по известности вам обстоятельств и самого края, всего делали вы обозрение, я не сделал еще ответа. Я совсем противнаго мнения, чтобы в Абхазии допустить пребывание турок и потерпеть власть их над народом воинственным, который и при владетельном князе, нам покорствующем, оказывает непослушание и бывает причиною беспокойств; доказательством служить может одна ничтожная кр. Поти, отовсюду нашими землями окруженная, сколько вредны влияния оной на умы легковерных и к мятежу склонных со страны народов. Нельзя также не чувствовать, сколько неприятное произведет впечатление на соседственных владетелей, добровольно покорившихся России, а паче на все христианские народы, из коих есть таковые, которые ожидают распространения на них владычествования России. Турки, управляя Абхазиею, всегда будут иметь возможность нападать на Мингрелию и даже верхнюю часть Имеретии. Лечгум, составляя часть воинствующего всего населения Мингрелии, – теперь не всегда послушный получа небольшое от Турок вспомоществование, не будет повиноваться владельцу и обратится в совершенный ему вред. В земле гористой и почти неприступной невозможно будет удержать порядка или умножить надобно войска и без всякой пользы сносить раззорительныя издержки, неизбежныя потому, что сообщение с Черным морем для нас необходимо.

Тогдашний владетель не оставит добровольно земли своей, ибо скорее всего ожидать возможно, что он обратится к вере мусульманской, неоднократно прежде показывая, что закон христианский не доставил ему выгод. Итак, надобно насилие, чтобы взять его и для чего же? Чтобы землю вверенную им покровительству и защите Государю Российского предать Туркам, коих не перестаем порицать злодейскую власть, грубость и невежество.

Прошу в. пр. доставить мне ваши замечания, составя оныя и на такой случай, если-бы правительство, не внемля представлениям нами делаемым, должно было уступить обширнейшим соображениям, имея в виду достижения важнейших выгод.

Сообразите по знанию земли, какая в таком случае может быть удобнейшая для нас граница для охранения Мингрелии? Вам известна р. Кодор и по краткости течения ея кажется она мне представляющею линию легчайшую для обороны, ибо на некотором пространстве не имеет бродов и вообще затруднителен для переправы; прошу на все обстоятельства разборчивого вашего соображения.

Пришлите ко мне копию с рапорта моего начальнику Главного Штаба Е. В. в 1818 году относительно до Абхазского владения, ибо у меня нет онаго. Ожидаю вашего ответа.

АКАК, т. VI, ч. I, с. 654. № 933.

АЙТАМИР

2.24 Из отношения Главноуправляющего на Кавказе ген. А. П. Ермолова министру иностранных дел К. В. Нессельроде о последствиях для России сдачи Абхазии туркам.

16 июля 1820 г.

На два сообщения в. с., заключающия в себе вопросы в рассуждении Абхазии и Сухум-кале, имею честь ответствовать:

Во всеподданнейшем рапорте моем Е. И. В от 28-го марта 1818 года изображены выгоды, какия может доставить нам Абхазия и Сухум-кале, если для достижения того употребит правительство некоторыя меры. В теперешнем же состоянии Абхазия доставляет нам безопасную во всякое время года для судов станцию в Сухумской бухте и Мингрелия почти не подвержена набегам, ибо сколько-нибудь Абхазцы удерживаются в обуздании страхом.

При первом взгляде выгоды сии покажутся весьма ограниченными, но взирать надлежит на те неудобства и вред, кои произойти должны если Абхазия отдана будет Туркам…

Участь Абхазского владетеля кн. Георгия Шарвашидзе произведет весьма худое впечатление; по чрезвычайной привязанности жителей здешних стран к месту рождения, он не оставит земли своей и первая жертва, принесенная им новому правительству в знак приверженности, будет христианская вера. Но едва-ли и сие спасет его, ибо Турки не простят ему прежнюю перемену закона и вступление под покровительство христианского Государя…

Абазинцы, – народ подвластный Турции, теперь уже в большом количестве имеют вооруженныя лодки и производят около берегов разбои. Если новые сии корсары будут иметь для пристанища удобную Сухумскую бухту и так называемую Бичвинтскую, то при равнодушии с нашей стороны к сему предмету в короткое время купеческия суда наши не будут сметь приходить в Редут-кале, и мы лишимся подвоза из России провианта, которого, не имея здесь на земле, не в состоянии будем защищать владения наши и тогда не одной Абхазии лишиться можем.

Если не довольно сильно умел я выразить все описанные мною неудобства и если не могу надеяться склонить внимание правительства к моим разсуждениям, я присоединяю убедительнейшую просьбу: для чести правительства, для успеха в здешней стране для наших, не отдавать Туркам Абхазии, ниже какой-либо части оной. Не все предвидел я могущия от того произойти последствия, но знаю из четырехлетних внимательных наблюдений моих, что, если Турки владеть будут какою-нибудь частью полуденной покатости Кавказских гор, не взирая на прозорливое благопопечение Г. И., значительно усилившаго войска здешняго Корпуса, их будет недостаточно, государству умножение их тягостно, содержание разорительно. Возстанут

народы, доселе удерживаемые страхом, ни откуда помощи не ожидающие. Дадут им оную Турки и тогда всякая внешняя война повлечет за собою неисчетныя неудобства и самыя опасности. Трудно будет или паче невозможно удержаться в Мингрелии, Гурии и Имеретии, и если еще некоторое время сохраним их в зависимости, то оне будут служить развратом прочим владениям нашим, ибо, конечно, не в состоянии будем употреблять над ними власти и надобно будет управлять вредными угождениями.

Карты всей Абхазии не имеются и снять оную не иначе возможно, как войдя в землю довольно с сильным отрядом войск; но берега сняты с достаточной верностью в 1817 году от Редут-кале до Сухум-кале и нанесены на карту Грузии, в прошедшем году изданную.

Если же уважение каких-либо мне неизвестных обстоятельств, не смотря на последствия, должно решить участь Абхазии или только Сухум-кале, я прошу в. с. исходатайствовать Высочайшее соизволение Г. И. в милостях ко мне неистощимого, дабы исполнение того возложено было на другого, ибо я; будучи начальником в здешней стране, много потеряю в общем мнении тому способствуя.

АКАК, т. VI, ч. I, с. 652 – 654.

2.25 Записка о приеме владетеля Абхазии Дмитрия Чачба – Шервашидзе в Павловском дворце.

7 августа 1821 г.

7-е августа, в воскресенье, абхазский наследный князь Дмитрий имел счастье быть представленным государыне императрице Марии Федоровне в Павловском дворце. По поручении управляющего Министерством иностранных дел графа Нессельроде правитель Церемониальных дел уведомил помянутого князя накануне о назначенным представлении, а того дня заехал за ним по утру в 7-м часу и отправился с ним в Павловск в нанятом экипаже; во дворце отведены были для него покои внизу, где и придал казначейского представления. После обедни правителем Церемониальных дел сопровожден был в верхние апартаменты дворца возле Греческой залы в боковую комнату; при выходе государыни императрицы был обер-камергером представлен ее величеству, введен же правителем Церемониальных дел, который и находился во время представления в той комнате.

Помянутый князь Дмитрий равно и правитель Церемониальных дел приглашены были к обеденному столу ее величества, князь сидел противу ее величества поодаль возле г-на обер-камергера, а после обеденного стола в Греческом зале в собрании ее величества удостоила вторично подойти к князю и всемилостивейше пожелать ему благополучного пути. По окончании собрания князь возим был в дворцовой линейке по саду и показываемы

АЛЫТАИР

были все достопримечательности в оном, а потом с правителем Церемониальных дел отправился обратно в столицу. Переводчик грузинский г. Фиралов, ездивший для кампании и составления свиты имел обеденный от двора стол в комнатах, занимаемых князем Дмитрием.

АВПР, ф. Главный архив, I – 7, 1821 г., лл. 23 – 23 об.

2.26 Письмо Главноуправляющего на Кавказе ген. А. П. Ермолова владетелю Абхазии Дмитрию Чачба – Шервашидзе о надобности скорейшего отбытия в Абхазию.

21 августа 1821 г.

Г. И., назначая в. св. владетелем Абхазии на правах, покойному родителю вашему предоставленных, по всеподданнейшему представлению моему Всемилостивейше пожаловать вас соизволил чином полковника, о чем в. св. сообщаю.

Объяснив вам словесно, сколько необходимо ускорить вам отсюда отъезд, нужным почитаю присовокупить, что о том предупрежден командующий в Грузии ген.-л. Вельяминов 1-й, к которому по приезде вашем в Тифлис вы изволите явиться.

От него получите наставление, когда и каким образом отправиться в Абхазию и желание мое, чтобы на встречу вам выехали знатнейшие люди, приверженные покойному родителю вашему, дабы примером сим внушить народу обязанности должного к вам повиновения.

В. св. надобно особенное внимание обратить на состояние дел в земле, управлению Вашему вверенной, ибо известный убийца Арслан-бей, возвратясь из бегства, производит в оной возмущения.

Верность и усердная служба Г. И. есть благонадежнейший залог счастливого вашего управления землею, ибо начальство в Грузии вменит себе в обязанность вспомоществовать вам всеми средствами от него зависящими. Во всех нуждах ваших извольте обращаться к начальству с доверенностью и буде-бы могли встретиться случаи, требующие скорой решительности, то отнестись к командующему в Кутаисе генералу.

АКАК, т. VI, ч. I, с. 657. № 938.

2.27 Прокламация князя Дмитрия Чачба – Шервашидзе в связи с его вступлением в права владетеля Абхазии.

Сухум, 20 октября 1821 г.

Сиятельные Абхазские князья, почтенное духовенство и весь народ!

Всем и каждому из вас известно, что И. Е. В., державнейший и могущественный Всероссийский Г. И., приняв в высокое свое покровительство и вечное подданство Абхазскую землю, Богом дарованную власти моих предков, Всемилостивейшее соизволил утвердить владетелем оныя блаженной памяти родителя моего, светлейшего кн. Георгия Шервашидзе. Рановременная однако-же кончина его, поразившая скорбью владетельный дом наш, подала повод некоторым неблагонамеренным людям, врагам покойного родителя моего и врагам общего вашего спокойствия, воспользовавшись моим отсутствием, посеять в Абхазии своеволие, мятеж и отпадение от покорности светлейшей родительнице моей княгини Тамаре, а чрез то подвергнуть вас на измену и самой могущественной Всероссийской Империи.

Извещенный о таковых неустройствах, великий Г. И., жалея о несчастном заблуждении Абхазского народа, благоволил Высочайше утвердить меня, как единственного и законного наследника Абхазии, во всех правах и преимуществах покойного моего родителя и вместе с тем повелел мне, оставя счастливую и блистательную столицу Его Империи, отправиться в Абхазию, принять бразды правления, Всемилостивейшее над вами мне вверенного, и возстановить спокойствие любезного Ему Абхазского народа. Таким образом, высказанный неисчетными милостями августейшего Российского монарха, возвратился я ныне к наследию моих предков.

С самих отдаленнейших времен Абхазский народ отличался всегда верностью и преданностью к своим владельцам. Итак, на сем народном благородном духе основываю я призвание, знаменитые князья, духовенство и весь Абхазский народ, обратиться к священным обязанностям, к верности законному владельцу, и оставя нарушителя вашего спокойствия, отцеубийцу Арслан-бея, явиться ко мне с раскаянием и покорностью.

Неужели в обуявшем вас ослеплении забыли вы, что божеские и человеческие законы, рано или поздно, навсегда неизбежно карают отцеубийц страшною гибелью, поражая бедствиями и их сподвижников? Неужели также не предусматриваете, что упорство в измене могущественной Российской Империи может навлечь на мятежников праведный гнев всесильного Монарха и силой непобедимых Его войск истребить их с лица земли, подвергнув тому-же жребию и чад ваших?

Я требую, чтобы почетнейшие из князей и духовенства Абхазского немедленно явились ко мне и в знак искрянного своего раскаяния представили бы благонадежных аманатов. Таковая покорность возвратить моему народу всю нежность сердца, болезнующего ныне о его заблуждении.

И я в таком случае торжественно перед лицом всеведующего Бога обещеваю быть пред российским правительством ревностным ходатаем о предании всего прошедшего вечному забвению и дабы жизнь, собственность и права каждого из раскаявшихся искренно оставлены были неприкосновенными, с моей стороны для таковых верных и покорных моих подданных, посвятя всю свою жизнь на усердие их счастья, я буду в их спокойствии и благоденствии искать единой моей славы и собственного блага.

АЛЫТАИР

Напротив того, злых и непокорных мятежников не укроют ни леса, ни горы от праведной казни. Славное воинство покровительствующей мне России уже вступило в Абхазию на преследование изменников и конечное их повсюду истребление.

Одно благоразумие теперь укажет вам верный путь к счастью или погибели вашей.

АКАК, т. VI, ч. I.

2.28 Из «записок» А. П. Ермолова о событиях в Абхазии.

1821 – 1824 гг.

...В то же самое время сделано государю представление, чтобы, если присланы будут из России два батальона пехоты, то, успокоив совершенно Абхазию, можно будет для черноморского флота доставить неистощимые корабельные леса наилучшего качества. В пример поставлены строящиеся, при тамошних берегах, большие купеческие суда турецких подданных, потому что нигде за столько ничтожную цену сделать таковые невозможно. Предположено в бухте, именуемой Пицунда, лучшей по всему восточному берегу Черного моря, сделать заведение, в котором бы хранились заготовляемые леса для отправления по назначению. Охранение сего заведения, как и устроение на границе Абхазии крепости при урочище Гагра, для пересечения путей, от стороны Анапы, делающим набеги горцам, подданным Порты, должен возлежать на сих двух батальонах, и по расчету, их для того весьма достаточно...

В начале (1821) года приметны были готовые возвратиться в Абхазии беспокойства. Владетель области сей, князь Шервашидзе, молодой человек, воспитывавшийся в Петербурге, в Пажеском корпусе, назначен будучи в достоинство владетеля, не понравился знатным людям своей земли; ибо, сделавши отвычку от их обычаев, забыл даже природный язык, будучи при том весьма средственного ума, не умел взяться с твердостью за управление и отличить тех, кои привыкли пользоваться большим уважением. Аслан-бей, убийца отца своего, некогда также владетель Абхазии, укрывавшийся после сего преступления во владениях турецких, собрал многочисленную шайку горцев и готовился напасть на Абхазию. Молодой князь Шервашидзе не имел людей приверженных, которые бы его остерегли, напротив многие были со стороны убийцы и скрывали его намерения, но узнал обо всем правитель Имеретии, ген.-м. кн. Горчаков и, собрав небольшой отряд войск, пошел поспешно в Абхазию.

Владетель прибег под защиту гарнизона нашего в крепости Сухум-Кале, которую неприятель, не будучи в состоянии взять, пошел на встречу князю Горчакову, с намерением препятствовать ему в следовании. Дорога

от границ Мингрелии на довольно большое расстояние лежит по низменному песчаному берегу моря, по коему, не прерываясь, протягается весьма густой лес. Неприятель занимал оный и в одно время вел перестрелку с авангардом и ариергардом его. Но храбрые войска наши и в сем положении умели рассеять оное и даже с весьма незначительною потерею. Дорогу очищала артиллерия, распространяющая ужас между народами, к ней не приобыкшими. В лесу и наши стрелки не хуже здешних...

Неприятель бежал, не видя возможности противостать войскам нашим; ген.-м. кн. Горчаков, взял из крепостцы Сухум-Кале владетеля, последовал за бегущими, привел в покорность возмутившихся подданных, взял аманатов из лучших фамилий, и цебельдинское, никому не повиновавшееся общество, довольно сильное и воинственное, привел в зависимость. Аслан-бей скрылся в горах, спасаясь от самих сообщников его, которые негодовали на него за потерпевший ими урон и обманутые надежды на добычу и приобретение пленных.

Кн. Горчаков, оставивши две роты в месте пребывания владетеля, в селении Соуксу, возвратился в Имеретию.

Спустя несколько времени после сего, Аслан-бей обольстил обещаниями легковерных и еще нашлись многие, пожелавшие испытать счастья. В больших силах напал он на селение Соуксу, но войска наши, находясь в замке, к которому присоединили некоторые укрепления, защищаясь храбро и вспомоществуемые действием артиллерии, причинили неприятелю урон, какого он никогда не испытывал, и он, бросивши тех, спасся стремительным бегством.

При сем последнем происшествии подданные владетеля не изменили своим обязанностям и, находясь с меньшим его братом, усердно сражались...

Вскоре по возвращении моем в Тифлис[1], в Абхазии начались некоторые неудовольствия соседственных горцев. Молодой владетель[2] не мог прекратить их, мать его, женщина глупая и своеобычная, напротив умножила их своею неловкостью, и ближайших селений жители прежде спокойные, начали производить разбои.

Часть находящегося в Сухуме гарнизона (должна была) сделать нападение на одно из селений. Оно было разорено, но войска, возвращаясь, встретили скрывавшегося в лесу неприятеля и при начале перестрелки убит подполковник Михин, храбрый офицер, командовавший отрядом. Вероятно, что за сим последовал некоторый беспорядок, и он был причиною потери нашей, ибо убито и ранено 42 человека, что не весьма обыкновенно.

Вскоре за сим возгорелся общий мятеж, и неудовольствия на фамилию владетельного князя вооружили против него и самих соседей. Он удалил

[1] В 1824 году.
[2] Михаил Шервашидзе.

АЙТАМИР

мать свою в Сухум, под защиту войск наших, сам, оставшись в доме своем в селении Соуксу, где находилось до 300 человек пехоты при двух орудиях, содержался в тесном облежании более полутора месяца. Недостаток в укреплении воды и необходимость запасаться оною понуждала делать вылазки, но потеря со стороны нашей не достигла даже и десяти человек.

Начальствующий в Имеретии, ген.-м. кн. Горчаков с 1400 человеками пехоты и двумя орудиями пошел для освобождения находившегося в Соуксу отряда.

При реке Ингур неприятель был в небольших силах и не мог воспрепятствовать переправе, хотя она была весьма затруднительна, но далее к Сухум-Кале сделал во многих местах завалы, собравшиеся толпы были многочисленны и дрались упорно. Войска, рассеяв их, дошли до Сухума.

От сего места до селения Соуксу 30 верст[1], но дорога тесная лежит по берегу моря между утесистыми скалами, покрытыми лесом почти непроходимым, и здесь-то ожидал неприятель с большими выгодами встретить войска наши.

Ген.-м. кн. Горчаков, сделав обозрение дороги и усмотрев, что невозможно без чувствительной потери выгнать многочисленного неприятеля из мест, по природе твердых и, сверх того, тщательно укрепленных, решился сделать высадку.

Первоначально с 800 человеками пехоты вышел он на берег в пяти верстах от Соуксу, овладел прилежащим лесом и устроил небольшое укрепление. Действие артиллерии с судов не допустило неприятеля затруднить высадку, и она совершилась с ничтожным уроном. Вскоре прибыло из Сухума еще 25 человек пехоты. Сих оставил он в укреплении, а с первыми пошел в Соуксу. Неприятель делал усилия не допустить его, но не мог устоять. Находившийся в укреплении отряд усмотрев, что главнейшие неприятельские силы обратились против войск, идущих от берега, сделал вылазку, сжег ближайшие к укреплению строения, в которых укрывались мятежники, и заставил их удалиться. Между тем неприятель побежал, потеря его была значительна и войска, беспрепятственно соединившись, возвратились обратно.

Военные суда в достаточном количестве, из Крыма присланные, способствовали успеху высадки и предприятия. Ген.-м. кн. Горчаков благоразумно сделал распоряжение к действию столько же решительному, как и смелому.

Владетель Абхазии непоколебим в верности императору и с семейством выехал в Мингрелию к родственнику своему ген.-м. кн. Дадяну[2], который, собрав милицию свою, содействовал войскам нашим. Но оказались

[1] Около 45 км.
[2] Дадиани.

ничтожными пособия его; ибо народ его, не без основания разумеется, весьма робким между жителями здешней страны.

Ермолов А. П. Записки. Ч II. 1816 – 1827. М., 1868. сс. 7, 129 – 130, 159 – 160.

2.29 Правила для торговых сношений с Черкесами и Абазинцами.

17 января 1822 г.

& 1. Польза учреждения торговых сношений с народами Закубанскими и особенно с Черкесами и Абазинцами, обитающими на берегах Черного моря, доказана уже на самом опыте. Дабы возбудить сколько можно более сношения сии и посредством деятельности и выгод торговли внушить народам сим пользу ея и приучить к употреблению наших продуктов и изделий, определяются для сего особыя пункты, на кои в известных правилах торговли сия может быть обращена. Пункты сии назначаются в Керчи и Бугазе, из коих в первой устроятся полный портовой карантин и таможня. А в последнем меновой двор с очистительными пакгаузами.

& 2. В Керченском порте принимать произведения Черкесии и Абазии, морем привозимые, а в Бугазе те-же самыя произведения, сухопутно туда достовляемыя для мены на товары и произведения Российския.

& 3. Товары и произведения Черкесии и Абазии, кои дозволяется для мены провозить морем в Керчь и сухопутно в Бугаз, показаны в особой росписи, при сем приложенной. Никакие другие товары и произведения горских народов не должны у нас быть принимаемы.

& 4. На вымен сих произведений горских народов отпускать им все по тарифу к вывозу дозволенные товары, за исключением только всякой золотой, серебряной и медной монеты, как Российского чекана, так и иностранного, Российских банковых ассигнаций и всякого огнестрельного и холодного оружия, пороха и свинца, как в деле, так и в кусках или слитках.

& 5. Полагая, что учреждением сей торговли можно будет приучить горские народы к выгодам общежития и образованности и тем самым преодолеть их дикость и дух хищничества, дозволить принимать в Керчи и Бугазе произведения их, к привозу дозволенныя беспошлинно, равно как и отпускать им на вымен сих товаров все Российские товары и произведения по тарифу, за исключением только поименованных в & 4-м, также беспошлинно в течение десяти лет, считая со временем открытия Керчинского порта и менового двора в Бугазе.

& 6. Ежели суда, плывущие от берегов Черкесских и Абазинских с их произведениями будут занесены бурею к другим портам или берегам нашим Черного моря, то, подать им всякое возможное пособие с предписанными в уставе карантином осторожностями, обращать их по назначению в

АЛТАМИР

Керчь. Но ежели шкипер, или хозяин товара не пожелает туда отправиться, то дозволить принимать судно его во всяком другом порте и по надлежащим карантином очищении взимать с товаров, на оном привезенных, узоконенную пошлину на общем положении; на обмен сих товаров отпускать им также на общем положении все по тарифу к вывозу дозволенные, кроме поименованных в & 4 –м.

& 7. Ежели таковое судно, быв унесено бурею к другим нашим Черноморским берегам, разобьется или повредится так, что отправление его к Керчинскому порту признано будет опасным, то в таком случае береговая стража, подав надлежащее пособие, обязана немедленно извещать о том начальника ближайшего порта, по распоряжению коего товары и экипаж разбитого или поврежденного судна на основании карантинных правил подвергаются очищению; потом, ежели шкипер, или хозяин товара пожелает, то, погрузив опять оные или на то-же исправленное и по карантинным правилам очищенное судно, или на другое нанятое, отправляется таким образом в Керчь. В сем случае судна для избежания вторичного очищения снабжаются при отправлении их надлежащими свидетельствами о безопасности и стражею для препровождения туда на правилах, в уставе карантинном наложенных. Пассажиры, ежели случатся на таковых судах и не пожелают отправиться в Керчь, могут во всяком порте быть приняты с их имуществом.

& 8. Дабы с одной стороны дать лучшее покровительство торговли с Черкесами и Абазинцами, а с другой оградить присовенныя ей выгоды от злоупотреблений и не допустить безпошлинного вывоза товаров в другия места, равно не принимать безпошлинно, под видом Черкесских и Абазинских произведений, товаров, из других мест привозимых, то определить для наблюдения за сим особого чиновника в звании попечителя торговли с Черкесами и Абазинцами, с нужным числом помощников, назначив ему самому пребывание в Керчи, а из помощников его: одному – в Бугазе, а двум – в Черкесии и Абазии на тех пунктах, на коих обратится торговля их с Керчинским портом.

& 9. Должность попечителя возлагается для лучшей удобности в исполнении на того чиновника, который от Министерства иностранных дел будет там употреблен для разных могущих быть сношений с Закубанскими народами. В случае отсутствия его по делам службы, обязанности его по торговле возлагается на одного из старших чиновников, при нем находящихся. Чиновники сии и помощники попечителя определяются также от Министерства иностранных дел, которое и снабдит их надлежащими по своей части инструкциями.

& 10. Попечитель торговли, когда нужным признает, может по делам оной присутствовать в карантинной конторе и в таможне в той и другой занимает он после председательствующего первое место, защищает права

по торговле сей, купечеству предоставленныя, ходатайствует об удовлетворении справедливых просьб и требований их и подписывает журналы того заседания. В случае несогласия его с решением карантинной конторы или таможни он подает особое мнение свое, которое вместе с делом представляется на разрешение градоначальника.

& 11. Помощник попечителя, находящийся в Бугазе, исполняя там-же обязанности по тамошней торговле, извещает попечителя о всех могущих встретиться затруднениях или притеснениях, а сей ходатайствует о немедленном прекращении их в карантинной конторе, таможне или у градоначальника.

& 12. Все суда из Черкесии и Абазии в Керчь приходящие, должны иметь от одного из помощников попечителя сей торговли надлежащие виды в том, что товары, на оных привезенные, суть действительно произведения Черкесии и Абазии. Ярлыки товаров сих с показанием количества, меры и веса должны быть также им подписаны.

& 13. Ежели о товарах из Черкесии и Абазии в Керчь привезенных, не будет представлено упомянутых в & 12-м доказательств в том, что они суть точно их произведения, то по надлежащем карантинном очищении передавать их в таможенное ведомство, которое, ежели в продолжении шести месяцев не получит удостоверения в том, что они действительно произведения горских народов, то, взыскивая по тарифу пошлину с тех, кои дозволено привозить из Черкесии и Абазии, возвращает их хозяевам, а прочие, оттуда ввозом запрещенные, конфискует.

& 14. Ежели на судах, из Черкесии и Абазии пришедших, окажется большое количество товаров, нежели показано в ярлыках, утвержденных помощником попечителя торговли, то со всего излишняго количества взыскивать узаконенную пошлину, ежели товары будут к привозу из тех мест дозволенные. Но ежели окажутся товары к привозу из Черкесии и Абазии недозволенные или вывозить по тарифу в Черноморские порты вовсе запрещенные, то все количество таковых товаров, как запрещенных к привозу, конфисковать.

& 15. Товарам и произведениям, отправляемым из Керчи в Черкесию и Абазию, составлять также реестры или ярлыки с показанием их количества, меры и веса и за подписанием попечителя сей торговли вручит хозяину товаров, который в продолжении шести месяцев обязан доставить таможне обратное свидетельство от одного из помощников попечителя, что товары сии в полном количестве их прибыли и выгружены в том месте или порте, куда по назначению своему были отправлены.

& 16. Ежели шкипер или хозяин товаров, отправленных из Керчи в Черкесию и Абазию, не представит в определенное время обратнаго свидетельства в том, что товары сии действительно туда прибыли или не докажет утвердительно, что по какому либо несчастному случаю лишился их

АПСТАМИР

на пути своем к морю, то на все таковые товары взыскивать с хозяина оных двойную против тарифа на пошлину.

Исполнение правил сих возлагается на министров: внутренних дел, финансов и иностранных дел, коим и поставляется в обязанность сделать сообразныя с сим предписания и наставления, местным начальствам употребить все попечение об усилении торговли сей чрез соблюдение строжайшей справедливости в делах с народами Закубанскими и снисхождение им в тех случаях и упущениях, кои не заключая в себе важных преступлений, могут происходить единственно от грубости и необразованности.

О всех по предмету сему обстоятельствах, заслуживающих уважения или требующих разрешения, представлять исключительно Комитету министров.

На подлинном написано собственною Е. И. В. рукою тако:

«Быть по сему. – АЛЕКСАНДР».

В С. – Петербург, Января 17-го дня 1822 года.

АКАК, т. VI, ч.II, с. 484 – 485.

2.30 Записка о бегстве Асланбея Чачба – Шервашидзе и о нападении его на русский отряд при с. Лыхны.

Около мая 1822 г.

22-го февраля 1822 года ген.-м. кн. Горчаков представил корпусному командиру два рапорта подполк. Михина: 1) что вскоре после разбития войсками нашими Аслан-бея с скопищем его он из Абхазии бежал в границы Черкесии, а Черкесы, с ним бывшие, в тоже время не останавливаясь в Абхазии, ушли в отечество свое и на дороге при кр. Гагры произвели междоусобную брань, в кое перебито до 60-ти чел., что князья Ростом-бей и Таир-бей с дворянином Аслан-Гер-Чуруком, проводив заграницу Аслан-бея, возвратились на прежнее жительство свое и что все Абхазцы, уважавшие отцеубийцу и вместе с ним участвовавшие в злодеяниях, в чрезвычайном унынии, особенно князья и дворяне, и 2) что взятые в сражении в Соук-су 2 Черкеса померли, пленный же дворянин Лакри-баиа для излечения раны отдан на поруки кн. Кацо Марганиа. Ген.-м. кн. Горчаков пишет, что рапорт подполк. Михина ясно доказывает немалочисленную потерю шайки Асланбея, что известия им, кн. Горчаковым, собранные, удостоверили его в полной мере, что вторжению Аслан-бея в Абхазию наиболее способствовало малодушие владельца, коего неблагонамеренные, устрашив ложными слухами, склонили к бегству в Сухум, и тогда уже по прошествии целого месяца отцеубийца вступил в Соук-су и что во время нахождения кн. Дмитрия в Сухуме, Саралоп Маршания с дворянами Война и Али-беем Шервашидзе с 200-ми чел. конницы шли к нему, но встретив его у самых ворот Сухумских, когда он отправлялся в Кутаис, и видя что сам он оставляет область свою, разошлись по домам.

Ген.-м. кн. Горчаков при означенном представлении приложил копию с предписания его подполк. Михину о мерах склонить Абхазского владельца возвратиться в Соук-су и способствовать ему к сформированию приверженной партии, чтобы поймать или выгнать Ростома и Таир-бея, или хотя узнать место их пребывания, узнать о поведении Георгия Инали, равно всех тех, кои дали аманатов при вторжении Аслан-бея, и чтобы с Соук-сускими жителями поступить по усмотрению, но что большей части их можно даровать прощение, а главнейших мошенников истребить.

На представление сие от корпусного командира писано к ген.-м. кн. Горчакову 7-го марта: 1) по собрании достоверных сведений о поведении князей, давших нам аманатов, если некоторыя из них обнаружатся изменниками, аманатов их прислать в Тифлис для отправления в Россию; 2) дворянина Лакри-баиа как изменника повесить в Соук-су; 3) представить об отличившихся в Соук-суском деле офицерах, но по строгом выборе и не многих; 4) что кн. Али-бей Шервашидзе, доказавший приверженность свою к России при вторжении Аслан-бея в пределы Абхазии, представлен к награждению чином поручика; и 5) к кн. Теймуразу Анчабадзе послано письмо о похвальной верности его.

15-го марта ген.-м. кн. Горчаков представил список об отличившихся офицерах и ведомость о числе нижних чинов, заслуживших знаки военного ордена; посему сделаны чрез начальника Главного Штаба Е. В. представления, удостоенныя Высочайшего утверждения.

25-го февраля полк. кн. Бебутов донес, что при нападении на отряд наш в сел. Соук-су Черкесов и Зубских жителей под предводительством Абадзинского кн. Аслан-бея, в перестрелке с 31-го января по 3-е февраля, убито рядовых 5, ранено: унтер-офицера 2 и рядовых 5.

О сем донесено 1-го апреля начальнику Штаба Е. В. с присовокуплением, что кроме бунтующих собственно Абхазии жителей, нападения делают подданные Турции, как кажется, самим правительством возбуждаемые, а 30-го апреля испрошены Высочайшия награждения двум офицерам и нижним чинам, в деле сем отличившимся.

АКАК, т. VI, ч. II, с. 437.

2.31 Рапорт командира полка полковника князя В. О. Бебутова Начальнику штаба Кавказского корпуса ген.-л. Вельяминову о мерах по предотвращению возмущения в Абхазии.

27 октября 1822 г.

По словесному приказанию корпусного командира, объявленному мне кн. Горчаковым, хотя и предписал я и. д. Сухумского коменданта подполк. Михину о возвращении отряда, при доме владетеля Абхазии находящего-

АЙТАИР

ся и состоящего из двух рот вверенного мне полка; но получив известие о смерти владетельного князя Абхазского полк. Дмитрия Шарвашидзе, я почел за нужное вместе с сим предписать подполк. Михину оставить отряд в Соук-су, в прежнем его распоряжении, впредь до особого разрешения, ибо народ Абхазский в сем случае легко может взволноваться и вызвать даже отцеубийцу Арслан-бея, в Трапизонде находящегося, который в прошлом году, взяв к себе аманатов от Абхазских жителей, вероятно имеет с ними и по сие время сношения.

Из представляемого при сем в оригинале на имя кн. Горчакова письма в. пр. усмотреть изволите, что княгиня Тамара, опасаясь касательно Абхазских дел по смерти владетеля кн. Дмитрия Шарвашидзе, требует к двум ротам в Соук-су расположенным еще добавления войск. Так как корпусным командиром предписано было возвратить две сии роты обратно в Имеретию, то я без дальней необходимости не нахожу нужным сделать какое либо добавление.

Донося о сем в. пр., осмеливаюсь присовокупить, что если благоугодно будет оставить отряд по прежнему в Соук-су, в таком случае всепокорнейшее прошу снабдить меня в скором времени вашим повелением, чтобы заблаговременно можно было бы распорядиться об обезпечении отряда провиантом и боевыми снарядами на случай в Абхазии возмущения.

АКАК, т. VI, ч. II, с. 660, № 943.

2.32 Рапорт командира полка полковника князя В. О. Бебутова Начальнику штаба Кавказского корпуса ген.-л. Вельяминову о членах абхазского владетельного дома.

Кутаис, 3 ноября 1822 г.

О членах Абхазского владетельного дома при делах канцелярии правителя Имерети списка не оказалось и потому, составив таковой с надлежащими отметками из собранных мною сведений, честь имею представить при сем на благоусмотрение в. пр. и должность, что ближайший наследник владения сего есть, по мнению моему, брат умершего кн. Дмитрия Михаил, который хотя еще не имеет совершенных лет, но преданность его к Российскому начальству и личныя достоинства примечены в нем более нежели в других.

СПИСОК ЧЛЕНОВ АБХАЗСКОГО ВЛАДЕТЕЛЬНОГО ДОМА[1]

Вдовствующая княгиня Тамара, дочь Мингрельского кн. Дадиани, бывшая в супружестве за Абхазским владетелем кн. Георгием Шервашидзе, 40 лет; дети ея: 1-й, прап. Михаил – 16-ти лет, предан Российскому начальству и против дяди своего бунтовщика Арслан-бея находился при Русском войске в Соук-су, во время нападения на оныя; 2-й Константин 10-ти лет и 3-й, Александр 4-х лет, – по малолетству ничего еще нельзя заключить о них. – Дочери: 1-я за Гурийским кн. майором Вахтангом Эристовым; 2-я за Цебельдинским князем Маршания; 3-я сговорена за Черкесскаго князя; 4-я и 5-я, рожденныя после Михаила и имеющия от роду не более 12-ти и 14-ти лет. Братья умершего кн. Георгия Шервашидзе: 1-й Арслан-бей 35-ти лет, известный отцеубийца и буновщик против России, находится в бегах под покровительством Турок; 2-й Батал-бей – 35-ти лет, женат и имеет одного малолетнего сына, показывает себя преданным России, но особых услуг никаких еще не оказал; 3-й Хасан-бей – 25-ти лет, женат и дети его в Абхазии, по подозрению в неблагонамеренности против России удален в Сибирь; 4-й Таир-бей, 22-х лет, во время бунта оказал себя неблагонамеренным России и потому до ныне находится в бегах и 5-й Ростом-бей 18-ти лет, во время бунта был в бегах, но после прощен и позволено водвориться в доме его.

АКАК, т. VI, ч.II, с. 660.

[1] Список не полный и не все сведения о возрасте членов Абхазского владетельного дома верны – (**сост.**).

2.33 Письмо княгини Тамары Шервашидзе Главнокомандующему на Кавказе А. П. Ермолову о ситуации в Абхазии.

28 ноября 1822 г.

После 10-го ноября отправилась я из Соук-су в Сухум по предмету тому, который остался у сына моего Дмитрия еще не исполненным относительно примирения цебельдинских Маршаниев и послала к ним депутата, но они не приехали в Сухум. Почему я, выехав из Сухума с князьями и дворянами моими, расположилась там, где граница цебельдинская, и при помощи божий силою нашего великого государя всех привела в покорность, взяв и аманатов, и какой закон сын мой Дмитрий установил в Абхазии, сообразно тому я подтвердила; день ото дня все народы моего владения усердны к нашему великому государю и ко мне.

Между тем вторительно уведомляю в. выс-во, что отцеубийца Арслан-бей находится в Трапизонте; я слышала, что он намерен ехать к черкесам, но, наверное, не знаю. Я по себе так думаю, что он не посмеет что-либо сделать; но кто знает, что народ предпримет или что может случиться. С помощью же вашею я в доме своем имею государево войско, и оно меня защищает; но если владение мое будет иметь в чем-либо надобность, то поспешному уведомить о том правителя в Кутаисе, коему прошу в. выс-о дать ваше предписание об оказании мне помощи. Все прочия обстоятельства наши донесут вам сей усердный вам князь мой Темурко Анчападзе и Тлапсу Марганиа.

Перевод (с грузинского) князь Бебутов.

АКАК, т. VI, ч. I, с. 661.
АВПР, ф. Главный архив, 1 – 7, 1821 г., д. 1, лл. 45 – 45 об.

АПБ ТАИР

2.34 Письмо Главнокомандующего на Кавказе А. П. Ермолова княгине Тамаре Шервашидзе о достоинствах Михаила Чачба – Шервашидзе.

11 декабря 1822 г.

Дав письма ко мне в. св. через присланных от вас князей Анчападзе и Марганиа я имел удовольствие получить и имею таковое же на оныя вам ответствовать, что будучи искренне ко всему дому покойнаго супруга вашего кн. Георгия Шарвашидзе и уважая память его за усердие и преданность к всемилостивейшему нашему Г. И., я не оставил сделать моего представления об утверждении сыну вашему кн. Михаилу, яко законному наследнику Абхазского княжества, всего того права, которое принадлежало покойному отцу его, сколько в угождение ваше и всего Абхазского народа, столько и во внимание к засвидетельствованию правителя Имеретии кн. Горчакова, весьма с хорошей стороны отзывавшегося насчет отличных способностей, смелости и усердия молодого кн. Михаила, подающего о себе приятную надежду, что он при мудрых наставлениях в. св. еще более может отличить себя хорошим управлением Абхазским владением и непоколебимою верностью к великому нашему Г. И. Весьма мне приятно при том похвалить усердие и заботливость в. св. кои употреблять изволите к успокоению Абхазского народа, и я остаюсь в твердой уверенности, что вы не оставите и впредь принимать все те меры, которыя могут только относится до спокойствия и благосостояния Абхазской земли и вместе с тем подкреплять сына вашего кн. Михаила по молодым его летам нужными вашими наставлениями.

АКАК, т. VI, ч.I, с. 662.

2.35 Рапорт Главнокомандующего на Кавказе А. П. Ермолова Александру I с просьбой об утверждении Михаила Чачба – Шервашидзе владетелем Абхазии.

14 декабря 1822 г.

Возведенный В. И. В. в достоинство владетеля Абхазии полк. кн. Шарвашидзе умер от болезни. После него принадлежит достоинство сие брату его кн. Михаилу Шарвашидзе; мать его просит о утверждении его в оном, князья и народ того желают и прислали ко мне с просьбою одного из князей изведанной к вам приверженности. Я осмеливаюсь всеподданнейше просить В. И. В. о утверждении его в достоинстве владетельного князя с произведением в майоры и жалованьем по 1, 000 р. с. По званию его он нередко должен делать некоторыя издержки. Приличные же подарки можно сделать из экстраординарной суммы моего распоряжения.

АКАК, т. VI, ч. I, с. 662.

2.36 Рапорт дежурного генерала Главного штаба А. А. Закаревского Главнокомандующему на Кавказе А. П. Ермолову.

С.–Петербург, 23 февраля 1823 г.

По предписанию вашего высокопревосходительства от 14 декабря минувшего 1822 года Государь Император, назначив возвести в достоинство владетеля Абхазии князя Михаила Шервашидзе на место умершего брата его полковника князя Дмитрия Шервашидзе, всемилостивейшее соизволил пожаловать его указом от 14 сего февраля в майоры с ежегодным жалованьем по тысячи руб. серебром.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 33 – 669. л. 2.

2.37 Из рапорта командира полка полковника князя В. О. Бебутова Главнокомандующему на Кавказе А. П. Ермолову о принятии некоторыми абхазскими феодалами российского подданства.

Кутаис, 14 марта 1823 г.

Исполняющий должность коменданта крепости Сухум-Кале подполковник Михин донес мне, что абхазские и цебельдинские князья и дворяне, не повинующиеся доселе ни российскому правительству, ни абхазскому дому, дали в всегдашней верности на подданство России и послушание абхазскому владетелю…

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 33 – 669.

2.38 Рапорт командира полка полковника князя В. О. Бебутова Главнокомандующему на Кавказе А. П. Ермолову о расследовании обстоятельств смерти владетеля Абхазии Дмитрия Чачба – Шервашидзе.

17 мая 1823 г.

И. д. коменданта в кр. Сухум-кале подполк. Михин, от 21-го марта, донес мне, что княгиня Тамара Шарвашидзе письмами своими и лично уверяла его, что сын ея, бывший владетелем Абхазии, кн. Дмитрий умер от отравления ядом из числа прислуг его одним Абхазцем Лаквари Урусом; почему он, Михин, и взял его под караул. По донесению сему предписал я подполк. Михину произвести строжайшее изследование, узнав, как можно подробнее причину сего зла и бывших в сем разе соучастников помянутого преступника. Ныне Михин доставил ко мне допрос, снятый с означеннаго Лаквари Уруса, из коего видно, что он в злодеянии чинит запирательство, напротив же того, княгиня Шарвашидзе удостоверяет, что точно он виновник смерти сына ея, а его владетеля.

АПБТАИР

Поелику снятый допрос с Абхазца Уруса не составляет настоящего изследования, то я о сем заметив коменданту Михину и дав ему к произведению онаго и открытию преступника надлежащее наставление, долгом считаю об оном донести до сведения в. выс.–а, с присовокуплением, что о последствиях сего дела я буду иметь честь особо донести.

АКАК, т. VI, ч.I, с. 663. № 955.
ЦГВИА, ф. ВУА, д. 33 – 669. л. 8.

2.39 Отношение тит. сов. Ведомства министерства иностранных дел кодинца попечителю керчинской и багуазской торговли колл. сов. Р. А. Де-скасси о гибели коменданта Сухумской крепости подполковника Михина.

Керчь, 1 июня 1824 г.

Честь имею донести вашему высокоблагородию, что командиры судов транспортной флотилии, доставляющей провиант в мингрельские крепости, сообщили здесь многие весьма важные происшествия, случившиеся в окружностях Сухум-Кале, между нашими войсками и абазинцами. Начало сих несогласий приписывают тому, что комендант крепости Сухум-Кале похитил назад тому два года одного из абхазских князей, известного своею породою и старостью к мятежам, и отправил его к г. главнокомандующему в Грузии. С того времени абазинцы всячески старались мстить русским и в особенности коменданту Михину. Причиняемые беспокойства крепости дошли до сведения командующего в Имеретии генерала князя Горчакова, который прибыл в Редут-Кале в Сухум с целью прекратить неистовства абазинцев. Для сего в половине июня месяца послал он помянутого коменданта Михина с ротою солдат разорить абазинское селение, более других беспокойное.

Михин предпринял путь ввечеру, полагая селение сие в весьма близком расстоянии от Сухума и намереваясь сжечь его ночью; но вышло, что селение сие было весьма далеко, так, что едва только на рассвете мог достичь оного и предавши его огню должен был возвращаться в крепость днем. Между тем слух о сем нападении разнесся мгновенно между абазинцами. Они засели в ущельях, коих невозможно было миновать отряду нашему на их обратном пути и как только оный приблизился, то абазинцы открыли по нему огонь; комендант Михин был первою жертвою сего коварства абазинцев, за ним убиты четыре офицера и тридцать рядовых, последние возвратились в крепость, куда на другой уже день успели привезти тело коменданта.

Прибывшие вчерашнего числа из Сухум-Кале суда транспортной флотилии привезли известия, что абазинцы, ободренные сим успехом, в недавнем времени окружили местечко Соуксу, соседственное Сухум-Кале, где находятся две роты наших войск. Сие обстоятельство было причиною, что генерал князь Горчаков по воле высшего начальства отправился туда для усмирения абазинцев с 200 наших войск и с 4 000 имеретинцев, приверженных вдове князя Сифир-бея.

Какие были последствия сего предприятия еще неизвестны.

АВПР, ф. Главный архив, II – 3, 1824 г., д. 6, ч. I. лл. 88-89.
Подлинник.

2.40 Рапорт командующего в Имеретии ген.-м. Горчакова главнокомандующему на Кавказе А. П. Ермолову о ситуации в Цебельде.

5 июня 1824 г.

В дополнение донесения, сделанного мною в. выс-у 24-го мая, № 749, из Сухума, присовокупить честь имею, что жители истребленной дер. Акопо поднесь никаких покушений не делали, а до моего отбытия из Абхазии совершенно готовы были готовы к побегу заграницу, что, вероятно, теперь уже и исполнено. Водвориться намерены они у горцев, именуемых Псху, имеющих с князьями Маршания кровную связь и жительствующих по обеим сторонам снегового хребта, в направлении от горы Эльбрус к Черному морю.

Цебельдинцы приезжали на переговоры к крепости; но аманатов не иначе соглашались мне дать, как по выпуске арестованного убийцы кн. Хим Куруша Маршания, на что согласиться я не мог, почему и они объявили мне, что расположены равномерно переселиться к вышеупомянутым горцам. Намерение сие приняли они по внушениям первенствующей между ними фамилии князей Маршания, кои почти все, за исключением одного Саралопа, питают к нам безпредельную ненависть. Всего в Цебельде считать можно до 800 домов, из коих к зиме безсомненно удалиться большая часть, ибо при неповиновении их Российскому правительству и при мщении фамилии Шарвашидзе за кровь Ростом-бея, оставаться им будет на старом месте жительства невозможно, особенно потому, что зимою скот их в Цебельде продовольствия никакого находить не может, а доселе выгонялся на низменность в поместья Али-бея и Ростом-бея Шарвашидзе.

Вместе с объявлением Цебельдинцев разрешил я всех Абхазских князей делать на них нападения, отбивать скот и вообще действовать против них оружием.

АКАК, т. VI, ч.I, с. 665-666.

АПБ ТАИР

2.41 Рапорт Командующего в Имеретии ген.-м. Горчакова Главнокомандующему на Кавказе А. П. Ермолову.

8 июня 1824 г.

По сведениям, полученным мною от 3-го числа сего месяца от и. д. Сухумского коменданта, донести честь имею, что оставшихся после истребления дер. Акопо мятежников приняли к себе Цебельдинцы; что сии имели общее собрание, на коем еще не решено удалиться им заграницу или покориться Российскому начальству; сказывают, что все старики желают остаться, а молодые бежать в горы.

В перестрелке близ Акопо из числа Акопских князей ранено 3: Салама Хрдарипа, Кизылвак и Леван Маршания. Два последние – главнейшие бунтовщики и первые зачинщики возникших беспокойств. Укрепление около Сухумского форштата окончено.

АКАК, т. VI, ч. I, с. 666.

2.42 Отношение министра иностранных дел статс-секретаря К. В. Нессельроде генерал-губернатору Новороссии и наместнику Бессарабской области М. С. Воронцову.

Царевщина, 10 (22) сентября 1824 г.

Господин граф!

Во время своего пребывания в Петербурге коллежский советник Скасси имел случай несколько раз представить в министерство донесения, поступившие к нему от его комиссионеров в Черкесии[1]. Я довел до сведения е. и. в. те из них, которые могли бы представить для императора наибольший интерес, поскольку в них правильно обрисованы состояние связей, которые завязываются у нас в этих краях, и заметные успехи в их развитии, а равно и некоторые досадные обстоятельства, замедляющие, вопреки нашим желаниям и усилиям, достижение результатов… миролюбивой системы…

Ввиду изложенного е. и. в. был вынужден уделить особое внимание рассмотрению причин, препятствующих окончательному установлению на побережье Великой Абхазии мира и безопасности, благотворно влияющих на торговлю и добрососедские отношения.

Внешняя политика России XIX и начало XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. Серия II, т. V (XIII). М., 1982, с. 617.

[1] Р. А. Скасси, которому К. В. Нессельроде поручил содействовать установлению и развитию торговых отношений с горскими народами, населяющими Черноморское побережье Кавказа, направлял к ним комиссионеров, в задачу которых входило заключение торговых сделок с местными жителями Черкесии и Абхазии, уведомление через Скасси российских купцов о названиях и количестве требовавшихся товаров, а также обеспечение через дружественных горских князей безопасности этой меновой торговле (- Г. Д.).

2.43 Письмо Главнокомандующего на Кавказе А. П. Ермолова управляющему министерством внутренних дел В. С. Ланскому о возвращении Гасанбея Чачба – Шервашидзе из ссылки.

15 января 1827 г.

Вместе с смертью владетельного кн. Абхазии, ген.-м. Георгия Шервашидзе, в 1821 году последовавшей, возник мятеж в княжестве, произведенный и поддерживаемый братьями покойного, домогавшимися соделаться властелинами, пользуясь малолетством сына умершаго, – прямого и законнаго по отце наследника.

Один из претендентов сих, Хасан-бей, захвачен был и выслан на жительство в Томск, о чем извещен от меня и предместник в. выс-а, от 27-го июня 1821 года, № 69.

Убеждаясь многократными просьбами теперешняго владетеля Абхазии, майора кн. Михаила Шервашидзе, о возвращении на родину дяди его, и ожидая от удовлетворения просьбы сей того, что, быть может, Хасан-бей, излеченный от мечты обладания княжеством шестилетним почти отлучением из онаго, восчувствуя признательность к ходатайствовавшему за него, соединить себя узами искренности с пользами дома владетельного и успеть по прежнему на умы влиянию прекратить бунт деятельно поддерживаемый одним из его родственников, Арслан-беем, по умерщвлении отца своего Келеш-бея явно впоследствии владения княжеством, – я прошу покорнейше вашего распоряжения о дозволении Хасан-бею возвратиться на родину и о выдаче ему с одним находящимся при нем прислужником подорожной и прогонов по положению и на путевыя издержки.

АКАК, т. VI, ч. I, с. 665.
ЦГАОР, ф. 109, 1 экспед., 1821, д. 18, лл. 32 – 33. Подлинник.

2.44 Отношение министра иностранных дел статс-секретаря К. В. Нессельроде главноуправляющему в Грузии И. Ф. Паскевичу.

4 июня 1827 г.

Начальник Главного штаба сообщил мне доставленное в. выс. – м известие, что абхазцы раскаялись в своем возмущении и изъявили желание по-прежнему быть под верховным покровительством Г. И.

Счастливое это событие было весьма приятно е. в., и должно надеяться, что мало-помалу народ этот почувствует преимущество мирной жизни перед неустройствами и внутренними мятежами, и тем самым воздержится на будущее время от всякаго подвига неблагонамеренного. Говоря об Абхазии, я не могу скрыть от вас, что о возмущении, в оной последовавшем, я не имел никаких до сего сведений. Абхазия, и Большая и Малая, признавали себя подвластными Порте Оттоманской, которая только в последнее

АЛЫТАИР

время Аккерманскою конвенциею[1] согласилась уступить нам Сухум-кале, крепостцу, в Малой Абхазии лежащую и служившею местопребыванием князя оной земли. Тою-же конвенциею поставлено в IV ст. в течении двух лет распорядиться для условия о лучших средствах охранять в тех местах спокойствие и ограждать безопасность обоюдных подданных.

Из сего вы заключить можете, сколь необходимо мне знать о всем там происходящем, дабы я мог заблаговременно снабжать наставлениями посланника нашего в Константинополе, ибо, при положении его досель, если бы Турецкое министерство вошло с ним в объяснение о делах в Абхазии, он нашелся бы в крайнем затруднении отвечать удовлетворительным образом.

На сей конец я обязанностью себе вменяю просить вас сообщать мне по временам о происходящем в Абхазии и о тех устройствах, кои вами приказано будет там вводить. Равномерно весьма желательно бы иметь мне карту небольшую, как морскаго берега, так и протяжения внутрь земли, с отметкою лежащих на границах этой части Абхазии, которую мы признаем своею, главнейших селений, речек и гор.

АКАК, т. VII, ч. I, с. 401.

2.45 Письмо Самурзаканского князя Темруквы Ачба – Анчабадзе командиру полка полковнику князю В. О. Бебутову о желательности введения в Самурзакане русского управления.

1827 г.

Касательно здешних дел уведомляю вас, что они находятся в Самурзакани в самом смутном положении в отношении пленопродавства, грабежа между собою и раздора. В сей земле существует безначалие, ибо Дадиани, ниже кто-либо из фамилии Шарвашидзе, не могут управлять и распоряжаться здесь. Я осмеливаюсь довести о сем до вашего сведения, потому что на верность Г. И. я присягал и, будучи верноподданным, обязан говорить правду, что если начальству угодно будет, то можно объявить Самурзакань казне принадлежащею; ибо все здешние князья и дворяне желают, чтобы их взяли в казну, говоря, что их находится до 3 т. дворов и начальство напрасно их упускает. Между жителями Самурзакани есть четыре двора Шарвашидзе, кои имеют между собою раздор, грабят и убивают друг друга. Бежан Шарвашидзе продал туркам одного моего человека; из сего можно судить о его уме. До рождества я не могу по слабости ехать верхом, а после онаго приеду к вам и лучше объясню все. До тех пор надобно, чтобы ни Дадиани, ни же кому-либо из Шарвашидзе Самурзакань решительно не поручат.

[1] Аккерманская конвенция была подписана Российской и Османскими империями 25 сентября 1826 года, по которому очередной раз была признана присоединение Абхазии к России, восстановлена автономии Сербии и Дунайских княжеств – (**сост.**).

Тада не возвратил поныне мне принадлежащего и на ваше письмо к нему мне ничего не отвечал. Прошу все сии обстоятельства донести генералу[1], а Самурзакань лучше взять в казну.

Я не могу скрыть пред вами, ни пред генералом того, что увижу для казны полезное, а потому прошу письмо сие содержать в секрете.

АКАК, т. VII, ч. I, с. 396. Перевод с грузинского.

2.46 Рапорт управляющего Томской губернией И. Соколовского Николаю I о разрешении Гасанбею Чачба – Шервашидзе в Абхазию.

Томск, 16 декабря 1827 г.

Высочайшее вашего Императорского величества повеление, объявленное мне господином генерал-адъютантом Бенкендорфом о возвращении в Абхазию нынешнняго владетеля оной князя Шервашидзе, дяди Гассан-бея, 9 текущего декабря я имел счастье получить и по нахождению Гассан-бея, в Иркутской губернии, для объявления ему высочайшей вашего императорского величества милости, отнесся я к тамошнему господину Иркутскому гражданскому губернатору.

О сем вашему императорскому величеству имею счастье всеподданнейше донести.

ЦГАОР, ф. 109, 1 экспед, 1821, д. 18, лл. 46 – 46 об. Подлинник.

2.47 Рапорт управляющего Главным штабом императора А. И. Чернышева Главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом И. Ф. Паскевичу о мероприятиях по охране Кавказских берегов от происков Турции.

Гатчина, 15 июля 1830 г.

Секретно.

Я всеподданнейше представлял государю императору отношение вашего сиятельства ко мне от 21 минувшего июня за № 372, коим, между прочим, изволите уведомлять, что турки, прибывающие к берегам Черного моря, не перестают, по приказанию трапезондского паши, распускать слухи между жителями Абхазии о скором прибытии туда турецких войск и о возвращении снова им Анапы, Сухум-Кале и Поти[2], и что, по словам их, из

[1] Гр И. Ф. Паскевичу – командующему в Грузии – (Г. Д.).

[2] Сухум был освобожден от турок в 1810 г., Поти – в 1828 г. Тогда же была занята русскими войсками крепость Анапа. По Адрианопольскому мирному договору между Россией и Турцией (1829) право владения этими городами окончательно было закреплено за Россией – (Г. Д.).

АБТАКИР

Трапезонда отправляют к берегам черкесским несколько мулл для проповедывания корана и с намерением устроить там мечети, школы для обучения молодых черкесов турецкому языку, равно и о том, что в течение нынешней весны приплыло к черкесским и абхазским берегам 20 судов турецких и, по слухам, должны были прибыть еще 17, и что на судах сих находятся всякого рода красные товары, а также соль, железо, сталь, свинец, сера и порох.

Е. И. В. по поводу сих известий соизволил на упомянутом отношении вашего сиятельства написать собственноручно:

Первое: «Уведомить кн. Ливена, чтоб было сейчас предписано г. Рибопьеру, чтоб объявил турецкому правительству, что так как я имею уверение от него, что им послано приказание всем своим чиновникам не являться более к абхазским берегам, то я не почитаю более турками тех, кои против воли султана, мне объявленной, продолжают туда прибывать, а как разбойников, против коих велел действовать оружие».

Второе: «Гр. Паскевичу повелеть, чтобы флот наш, крейсирующий у Черноморских берегов, осматривал без изъятия все суда, пристающие к берегам между Анапою и Редут-Кале, и поступал с оными на следующем основании: а) те суда, на которых найдутся военные снаряды, брал в плен, как военную добычу; б) подобно сему поступать и с теми судами, которые не дадут себя осматривать; и в) те же суда, на коих, при осмотре оных не окажется военных снарядов, беспрепятственно пропускать для торговли, учредив однако же за ними строгий и бдительный надзор».

Третье: «Не смотреть ни на какие представления турок, находящихся между черкесами, ибо не только они не должны мешаться в дела черкесские, но даже и само турецкое правительство не имеет никакого права держать их там. Почему, в случае их защищения вместе с горцами, или нападения на наши войска, поступать с ними, как с бунтовщиками или ослушниками своего правительства, потому что и сие было бы совершенно противно и мирным трактатом и неоднократным уверениям самого турецкого правительства, что сего никогда быть не может и не должно».

Таковую волю его величества, объявив с сиим вместе управляющему Министерством иностранных дел генерал-адъютанту кн. Ливену к зависящему от него исполнению, я имею весть донести об оной и вашему сиятельству на сей же конец.

Управляющий Главным штабом генерал-адъютант гр. Чернышев.

Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сборник документальных материалов. Тбилиси, 1953. с. 17 – 18.

2.48 Статистический взгляд на Абхазию.

1831 г.

Краткие исторические сведения об Абхазии

Народ, живущий в Абхазии, был известен в древности греческому писателю Страбону под именованием Chaliberi или Armeno Chalibes. Но какого он происхождения, сами абхазцы в том числе не согласуются: иные считают своими родоначальниками армян, другие же выходцев из Египта, а может быть и из Абиссинии, потому что они сами себя называют Абсне.

Бывши под владычеством разных держав, Абхазия, наконец, в половине 18-го столетия считалась данницею турецкого султана. В 1770 году, во время пребывания в сем крае генерала графа Тотлебена с российскими войсками, действовавшими против турок, владетельный князь Леван, происходивший из знатного рода Ширвашидзе, просил графа Тотлебена о принятии его под покровительство Российской империи, но переговоры не состоялись, были прерваны нападением буйных абхазцев на табун лошадей, принадлежавший российскому отряду. Спустя после сего несколько лет Леван Ширвашидзе принял магометанскую веру и получил от Порты в управление крепость Сухум-кале.

По смерти князя Левана Абхазия разделилась на уделы между детьми его. Но вскоре старший из них Келеш-бей, одаренный от природы умом, телесными силами и предприимчивостью, умел соединить в своих руках управление всем княжеством и обратить на себя внимание и благорасположение турецкого султана. Силою оружия он покорил себе джигетский народ, обитающий по берегу Черного моря, от монастыря Гагры до селения Мамая. Имев всегда при себе готовую к бою стражу от 400 до 500 ратников и некоторое число хорошо вооруженных галер, он держал в страхе всех жителей морского берега от Геленчицкого залива до Батума, находящегося в Турецкой Гурии и которым также управлял по родственным связям своим с пашою трапезонским. В 1779 году он занял крепость Анаклию и принудил князя мингрельского Григория Дадиана уступить ему оную, а дабы упрочить сии приобретения и иметь всегдашнюю поверхность над Мингрелию, он вслед за этим захватил старшего сына, владевшего тогда в Мингрелии князя Григория и наследника дома Дадианов, малолетнего князя Левана под предлогом будто берет его в аманаты. Но российское правительство заставило его возвратить сего молодого князя. В 1806 или 1807 году Келеш-бей по связям дружбы и родства дал у себя пристанище отрешенному Портой трапезонскому Теер-паше, сыну известного в истории Кавказской линии Батал-паши. Султан требовал выдачи его, но Келеш-бей, отговариваясь невозможностью нарушить право гостеприимства, ограничился только тем, что выслал его из своих владений, давши ему однако же все средства уйти в Россию. Порта, чувствуя себя не в состоянии наказать ослушника,

АЛТАИР

вооружила против него собственного сына Аслан-бея, обещав сему последнему за голову отца обладание княжеством и другие почести. Желание независимости и самовластия сделало Аслан-бея отцеубийцею 2-го мая 1808 года 2. Не имея однако же в народе достаточного числа приверженцев, с помощью коих он мог бы завладеть браздами правления, и видя себя в крепости Сухум-кале, где он заперся по совершении преступления, атакованным русскими, под защиту коих прибегло несчастное семейство Келеш-бея, он бежал к черкесам.

Старший брат его Сафар-бей, поддерживаемый российским правительством, признан владетелем, а для обеспечения его прав крепость Сухум-кале занята российскими войсками. Сафар-бей с семейством своим принял христианскую веру, старший же сын его, Димитрий, был взят в Санкт-Петербург и помещен в пажеский корпус.

Подстрекаемые Портою и Асланбеем абхазцы взбунтовались в 1821 году по смерти Сафар-бея, но сын его князь Димитрий, пожалованный государем императором в чин полковника, был восстановлен в своем владении российскими войсками. Дмитрию наследовал брат его, нынешний владетельный князь Михаил.

Аслан-бей, скрываясь попеременно то у турок, то у черкес, продолжал всячески возмущать абхазцев, и наконец в 1824 году пламя бунта вспыхнуло вдруг по всей Абхазии. Для спасения себя с семейством мать владетельного князя, княгиня Тамара, принуждена была оставить свое местопребывания селение Соуксу 3 и искать убежища в крепости Сухум-кале, а князь Михаил заперся в небольшом укреплении близ Соуксу вместе с находившимися там двумя ротами российских войск, кои были оставлены для охранения владетельного дома. Неудачное нападение сухумского коменданта подполковника Михина с одною ротою на жителей села Акопы 4, лежащей в 15 верстах от Сухума, с намерением захватить укрывающихся в оной бунтовщиков и потерпенная при сем случае во время отступления наших войск чрез густые леса потеря до 60 человек убитыми и раненными[1], еще более придали дух непокорности мятежникам и бунт сильнее распространился. Для усмирения оного был послан отряд из 1400 человек пехоты и 3 орудий, под начальством генерал-майора князя Горчакова. Ему содействовал на левом фланге, со стороны моря, один фрегат и два брига, а на правом фланге – небольшой отряд мингрельского ополчения. От реки Кодары генерал Горчаков был беспрестанно тревожим партиями мятежников, но он преодолел все препятствия и достиг крепости Сухума. Здесь представились новые затруднения, кои считались мятежниками непреодолимыми: дорога от Сухума до Соуксу, всего расстоянием 30 верст, была совершенно испорчена и заграждена завалами. Генерал князь Горчаков, видя пагубные последствия, которые могли бы произойти от неудачи сей экспедиции, и

[1] В числе сих последних был и сам подполковник Михин.

получив известие, что Соукский гарнизон, доведенный до крайности, не в силах даже противиться мятежникам, решился сделать десант в Пицунтской бухте, таким образом, минуя все препятствия, с другой стороны достиг селения Соуксу. Хотя экспедиция стоила большого пожертвования /сто человек одними убитыми/; ибо принуждены были предпринять оную в самое невыгодное время, то есть в июне, когда густота леса способствовала укрытию мятежников, а разлитие рек от дождей и таяния снегов усиливало их оборонительные средства, цель предприятия совершенно исполнилась. Бунтовщики, видя все планы расстроеными, прекратили неприятельские действия и смирились, а Аслан-бей снова принужден удалиться к закубанским черкесам, где и поныне скитается. С тех пор права настоящего владетеля подполковника князя Михаила Ширвашидзе признаются всеми абхазцами, но как увидим ниже власть его над народом, особенно над исповедающими магометанскую веру, кои составляют около двух третей населения, весьма ограничена.

А. ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЗЕМЛИ

Физическое положение оной

Положение ее на земном шаре

Абхазия лежит между 42 и 44 северной широты 57 и 59 восточной долготы.

2. Границы

Граничит к северу с хребтом кавказских гор, отделяющих от оной земли разных горских народов; к востоку с Мингрелией, к югу и к западу с Черным морем, а к северо-западу с черкесами, от коих отделяется рекою Гагрыпш и отраслями кавказских гор.

3. Пространство

Она простирается от самой северо-западной оконечности до юго-восточной на 120, а от восточной до западной на 150 верст. В окружности имеет около 8000 квадратных верст.

4. Горы

Хребет кавказских гор, простирающийся по верхней границе Абхазии от востока к северо-западу, сперва приближается нижними своими отраслями к морскому берегу только на верст 40, а потом постепенно суживает долину Абхазии так, что от крепости Сухум-кале до монастыря Бичвинда или Пицунта приметно сближается с берегом; от монастыря же до северо-западных границ Абхазии в некоторых местах врезается в море.

АЛЫТАИР

5. Свойство гор

От вершины главного хребта вниз верст 9 и более горы скалисты, круты и покрыты почти вечным снегом; далее показывается зелень и кусты между гранитными скаламм, кои спускаются ниже, постепенно начинают заключать в себе известь с песчаником, облеченным глинистым слоем, а ближе к подошвам состоят местами совершенно из известкового камня, – покрыты же вообще густым лесом, который постепенно к вершинам становится реже, потом превращается в кустарники, и наконец вовсе исчезает.

6. Воды

Черное море, которое с одной стороны омывает берега Абхазии, простирающиеся на значительном протяжении, в торговом отношении приносит важную пользу сей стране, служа средством к сбыту ее произведений и приобретению чужеземных, в коих жители терпят нужду.

Главная и самая выгодная бухта при крепости Сухум-кале. В оной самые большие суда могут стоять на якоре в расстоянии от берега от 200 до 400 сажен. Сия бухта с трех сторон защищена от ветров и подвергает суда сильной, но непродолжительной зыби. Дно морское – песок с илом. Пресной воды здесь достаточно и леса для строения и варения пищи изобильно... Вторая бухта, не столь выгодная, находится близ монастыря Пицунта или Бичвинда и доставляет военным судам довольно безопасное якорное стояние, за исключением того, что совершенно открыта со стороны юго-запада. Дно морское – ил и местами песок с илом. При высадке русских войск в 1824 году фрегаты останавливались на якоре в полверсте от берега: из чего заключить можно, что маленькие суда, углубляясь в бухте, могут стоять совершенно спокойно. Пресная вода и лес годный к кораблестроению находится здесь в изобилии.

Озера:

а) Ачар-дзе. Небольшое озеро близ моря, от реки Абсты в версте с половиною, изобилует рыбою разного рода.

б) Энкит имеет около двух верст в длину и одной версты в ширину; находится близ моря, между монастырем Пицунта и рекою Бзыбь. Сие озеро также изобильно рыбою.

Реки. Все реки, протекающие в Абхазии, вытекая из Кавказского хребта, имеют направление от севера к юго-западу и впадают в море. Течение большей части рек весьма быстрое, и потому судам почти невозможно входить в устье оных, заносимые также весьма часто морским щебнем или илом. Вообще постель рек камениста, а берега круты и скалисты. Вода в больших реках годна для питья, в притоках или малых речках нездорова. Постоянное разлитие вод бывает здесь в исходе марта и в апреле, от таяния горных снегов и частых дождей. В сие время самые малые речки делаются непроходимыми. В июне также воды усиливаются от таяния снегов в верхних полосах гор. Броды находятся или при устьях, или при истоках; первые во время полноводия, а последние почти всегда удобны. Главнейшие реки в Абхазии суть следующие:

Галадзга – составляющая нынешнюю границу с Мингрелиею, или, как правильнее сказать (как будет объяснено ниже), с владением самурзаканским.

Маркула – по малой глубине и каменистому грунту не судоходна; примечательна тем, что в оной ловится множество белуг и осетров.

Кодор – исток в самом хребте Кавказа. Протекает в направлении от северо-востока к юго-западу по глубокому ущелью. Принимает в свои берега множество горных рек и за селением Цхоби или Дранди, впадает в море двумя рукавами, из коих южный имеет течение довольно медленное. Представляет возможность входить в оный с небольшими лодками.

Келасур – впадает в море близ крепости Тхобун. Имеет медленное течение, отчего вход в оную небольших лодок удобен, хотя и не на дальнее расстояние.

Гумиста – впадает в море близ развалин крепости Старый Сухум, к плаванию лодок неспособна.

Абста – вытекает из кавказской горы Ахи-боху или Плов-даг и хотя имеет быстрое течение, но с небольшими лодками можно входить в оную вверх на 4 версты.

Хапыта или Хапсти-цхали выходит из кавказской горы Хорча, впадает в Пицунтскую бухту, к сожалению, по причине быстрого своего течения не представляет возможности для входа в оную с лодками.

Мачиш – впадает тоже в Пицунтскую бухту; на несколько верст вверх к входу с малыми лодками удобна.

Бзыбь – примечательна тем, что несмотря на ее несудоходность, черкесы иногда входят в оную с небольшими лодками и скрываются в скалистых берегах ее, а в удобное время делают набеги на Абхазию.

Севадзе – за несколько верст до своего устья проходит чрез болото и от того ниже сего места заключает в себе воду для питья нездоровую.

Гагрипш – отделяя Абхазию с северо-запада от черкес, впадает в море близ развалин монастыря Гагры.

7. Качество земли

Южная обитаемая часть Абхазии, т.е. до крепости Сухум-кале, образует обширную долину, ограждаемую с севера кавказскими горами, покрытую дубовым и фруктовым лесом. Ближе к морю находятся большие болота, между коими и берегом моря растет лавровый куст, а все пространство от Сухум-кале до развалин крепости Гагры или до западной границы Абхазии, покрыто большей частью горами, усеянными лесом. Почва Абхазской долины, прилегающая к морю болотиста, а примыкающая к горам глиниста и камениста.

АЛЫТАЙ

8. Климат

Таковая разность в местоположении делает различие в климате. Вообще южная Абхазия считается весьма нездоровою, как по причине больших жаров, так и вредных испарений, подымающихся из болот, кои будучи укрыты лесами, никогда не высыхают. Но наоборот, воздух в северной части, за исключением берега Черного моря, считается самым благорастворенным, и жители сих мест резко подвергаются болезням. Жары в первой простираются до 38', а во 2 части до 25', морозы же в первой до 8', а во 2-й до 15'; небольшой снег выпадает в сей части в январе месяце.

9. Естественные произведения

Из царства животного: рогатый скот, овцы и всякого вообще рода домашние животные и птицы, в достаточном количестве, за исключением индеек, кои редки; дикие звери и птицы, как то: барсы, медведи, волки, кабаны, олени, каменные бараны, джираны, козы, куницы, бобры; фазаны, дрофы, стрепеты, перепелки и проч.; всякого рода рыба, коею наполнены реки и озера; разные насекомые, в особенности пчелы.

Из царства прозябаемого:

кукуруза, гоми, небольшое количество пшеницы; лес и всякого рода фруктовые деревья.

Из царства ископаемого:

свинец, добываемый в горе, находящийся близ истока реки Гумисты и в горе Иезвюст против деревни Анакуа. Из южных гор Абхазии, которые вообще известкового свойства, достают глину для сосудов, известь, точильные камни, жернова и плиты.

II. Разделение Абхазии

Абхазия состоит из 4 обществ: 1-е – Абживцкаго или Абшивскаго, находящегося между реками Галадзгою и Кодором; 2-е – Цыбельдинскаго, занимающего места по реке Келасур, в самых неприступных горах; 3-е – Абхазское, простирающееся до реки Гумисты, наконец 4-е – Зубцкое или Бзыбское, заключающее в себе остальное пространство Абхазии по реку Гагрыпш.

К сим четырем присовокуплялось прежде общество или владение Самурзаканское, ныне вошедшее в состав Мингрелии по следующему обстоятельству: князь Манучар Ширвашидзе, родственник Абхазского князя и владетель Самурзакана, имел в супружестве сестру нынешнего мингрельского князя Левана Дадиана. По смерти Манучара мингрельский владелец как сильнейший успел обделать дела так, что удел Самурзаканский остался вдовствующей княгине под покровительством и главною его опекою.

Примечательнейшие места в Абхазии суть:

Крепость Сухум-кале, выстроенная на берегу моря из дикого камня на извести, она состояла из четырех четвероугольных бастионов, на кои можно ставить до пяти орудий. Бастионы соединены прямыми куртинами, длиною от 50 до 60 сажен, вышиною в 4 сажени и толщиною 5 футов. Сии куртины имеют узкие банкеты и бойницы для ружейной обороны. Два южных бастиона примыкают к морю, другие же два – к болоту, покрытому кустарником на 150 сажен от крепости, а далее густым дубовым лесом. К востоку от крепости находится поляна, на расстоянии 450 сажен оканчивающаяся горами, покрытыми лесом. Крепость имеет двое ворот – к востоку и к западу. Водою снабжает ее канава, проведенная из двух ближайших речек: кроме сего, имеется в крепости два колодца, на форштат, против восточных ворот также два; в сих четырех колодцах вода несколько солена, но употребляется без вреда как для питья, так и для пищи.

Развалины крепости Гагры, которые можно назвать, по справедливости, ключом Западного Кавказа. Место сие находится вблизи весьма тесного прохода по вдавшейся в море скале, служащей как бы оконечностью Кавказским горам.

Остальной берег Черного моря, простирающийся от Абхазии до крепости Анапы, занят черкесами, кои разделяются на многие независимые друг от друга поколения. Из них более известные, следуя от границ Абхазии к Анапе, суть джикеты (Пшихоави и Ясхыписвы), убыхи и гуаи. Они до сего времени признавали над собою верховную власть Оттоманской Порты, коей однако ж повиновались, в то время когда паши анапские, к управлению которых они сопричислялись, могли поддерживать требования своим оружием. Но как уже с давнего времени политический упадок Турецкой империи не дозволил султану содержать больших сил в сей дикой и необразованной стране, отделенной морем и чуждыми землями от прочих его владений, то паша анапский в последствии времени, не думая более о приведении их в покорность, довольствовался тем, что они не покушались ни на какие неприязненности против анапского гарнизона и споспешествовали сухопутными и морскими разбоями постыдной торговле турок людьми. Ныне, по заключенному с Турцией мирному договору, необузданные сии племена вместе с Анапою поступили во владение Российской империи. Но привыкши к своевольству и безначалию и по невежеству своему, не постигая выгод мирной и спокойной жизни, под защитою кротких и человеколюбивых законов, вероятно, употребят все усилия дабы воспрепятствовать прочному занятию их земли нашими войсками; к чему их столько же поощрять будут прежние удачи в ослушании против турецкого правительства, сколько тому споспешествует неприступность их жилищ в стране гористой и покрытой лесами.

Б. СОСТОЯНИЕ НАРОДА

Народонаселенность

1. Число народа

В Абхазии ныне считается 8720 дворов и около 52320 душ обоего пола, полагая по 6 душ на каждый двор именно:

АЛЫТАИР

1. Абживцкое или Абшавское общество состоит из 18 деревень, в коих насчитывается 1760 дворов, т.е. около 10560 душ обоего пола.

2. Цибельдинское заключает в себе до 30 деревень, в коих находится 2500 дворов, т.е. около 15 тыс.душ.

3. Абхазское состоит из 15 деревень, в коих числится 1340 дворов, т.е. около 8040 душ.

4. Бзыбское содержит в себе 33 деревни, в коих находится 3120 дворов и до 18720 душ. В укрепленной деревне сего общества Соуксу, имеющей 400 дворов и около 5 тыс.душ обоего пола, находится место пребывания владетельного князя подполковника Михаила Ширвашидзе.

Примечание. В Самурзаканском владении, ныне состоящем под владением Мингрелии, находится 1798 дворов и до 10788 душ.

2. Отношение народонаселения к пространству земли

Из сего отношения мы получим почти следующую пропорцию: 63/4, т.е. на каждые четыре версты причитается по 27 душ обоего пола.

3. Разделение народа по сословиям

Народ абхазский состоит из 3-х главных сословий: 1-е – крестьян, к коим причисляются рабы или пленные; 2-е – дворян и 3-е – князей, поместных и владетельных. Кроме сих трех сословий, есть еще 4-е называемое чинакма, которое составляя телохранителей владетельных князей, хотя и происходит из крестьян, но пользуется правами дворянства.

4. Свойства народа

Абхазцы имеют отличный от черкесов и менее правильный склад лица, смуглы, черноволосы, сухощавы, среднего роста, но стройны... они жестоки, недоверчивы и мстительны: питают кровавую вражду к соседственным горским народам; не имея законов и не страшась своего князя, они надеяются на одно только свое оружие, которое никогда не оставляют, впрочем, подобно всем горским народам гостеприимны и суеверны.

5. Одежда

Абхазцы одеваются подобно черкесам: носят полукафтан, под которым имеют ахалух, штаны узкие, сверх которых надевают суконные чулки, подвязывая их под коленами разноцветными лентами; на голове носят башлык, обматывая концы оного в хорошую погоду вокруг головы наподобие чалмы; некоторые князья надевают низкие суконные шапки с меховым околышем. Вместо сапог имеют сандалы, многие ходят босиком.

6. Жилища

Абхазцы живут в домах, выстроенных из переплетенного хвороста и обмазанных глиною. Сии дома об одном этаже, из коих каждый принадлежит особому семейству, построены в недалеком расстоянии друг от друга; они окружены невысоким забором из хвороста и колючки; двор состоит из поляны, на которой нарочно оставлено несколько больших деревьев, под тенью коих семейство беседует летом.

7. Вера

Сохранившиеся до сих пор развалины многих церквей и монастырей доказывают, что абхазцы исповедывали издревле христианскую веру. Но турки, с давних времен, имея влияние на горские народы, старались посредством высылки мулл – проповедников корана, истребить христианский закон и наконец совершенно в том успели. Абхазцы, отставшие от христианства и не понимая достаточно закона Магометова, сохранили также и признаки идолопоклонства. Отец нынешнего владетельного князя принял христианскую веру со всем своим семейством, а за ним окрестилась некоторая часть народа, но дядя владетеля и почти все князья и дворяне пребывают в магометанстве и оным оправдывают свои притязания на непокорность. Во всей Абхазии находится только одна церковь и один священник в деревне Соуксу при владетеле.

I. НАРОДНОЕ БОГАТСТВО

1. Земледелие и хлебопашество

Абхазец обрабатывает только такое пространство земли, которое могло бы прокормить его в течение года, ограничивая все свои нужды одним настоящим временем. Место занимает где ему нужно, ибо разделения земель вовсе нет и споров в сем отношении не бывает.

Кукуруза и гоми, вот главнейшие и единственные роды хлеба, кои засевают в Абхазии; пшеницы весьма мало, и ячменя почти вовсе нет. Подробные сведения о количестве пахотной земли, посева урожая и тому подобное до сих пор не могли быть собраны; известно, что абхазцы не только не нуждаются в чужеземном хлебе, но еще кукурузу продают и выменивают на соль купцам, приходящим с разных мест Турции.

Вообще земля довольно плодородна, особенно в долинах и в местах, открытых для солнца.

Во всей Абхазии находится только одна мельница в селении Соуксу, а во всех других местах мелют хлеб жерновами.

2. Скотоводство

Скотоводство состоит большею частью из рогатого скота, который вообще небольшого роста, имеет почти высунувшие глаза, быстрые и сердитые, но мясо вкусное и жирное. Для хлебопашества употребляют по большей части волов, весьма немного буйволов, которых в Абхазии вообще мало. Овцы здесь отличной доброты и козы из лучших по западной части

АПСТАМИР

Закавказского края. Лошадей абхазцы имеют небольшое количество и употребляют их в поездках. Для перевозки вьюков имеют ослов.

Под луга абхазцы никогда не обращают полей и, несмотря на часто случающуюся суровость зимы: совсем не заботятся о запасе сена, отчего у них нередко бывает падеж скота.

Пастбища суть общие. В апреле месяце показывается трава и стоит до поздней осени в изобилии и отличной доброты.

3. Лесоводство

Леса в Абхазии состоят из дуба, сосны, клена, бука, чинара, тиса и самшита, несвойственно здесь называемого пальмовым деревом. Лес, находящийся близ развалин крепости Гагры, около монастыря Пицунтского и в окрестностях Сухум-кале годен для кораблестроения. Известно, что в 1816 году в бухте Пицунтской, с позволения владетеля, выстроен был греком бриг длиною в 120 футов, в котором киль был из целого дерева, что показывает редкую величину леса. Кроме сих деревьев, абхазские леса состоят из фруктовых и кустарников – яблоки, груши, сливы, каштаны, квиты, персики, абрикосы, орехи, тутовые ягоды, кизил и дерен, барбарис, виноград и проч. произрастают без всякого присмотра. Фрукты очень вкусны, в особенности яблоки.

4. Виноделие

Виноградная лоза растет изобильно, хотя и в диком состоянии везде на низменных отлогостях гор и равнинах. Виноград некрупный, но довольно сладкий. Народ добывает из оного очень крепкое вино в большом количестве. Из сего вина промышленники армяне гонят крепкую и довольно приятную водку.

5. Пчеловодство

Абхазцы охотно занимаются пчеловодством, и мед их отличен от нашего. Он есть произведение диких пчел, живущих в расселинах каменных утесов; цвет его внутри и снаружи палевой; воск и мед составляют почти одно кристаллизированное вещество, ароматом и вкусом приятное и ломаемое для приготовления в пищу как леденец, без отделения воска, находящегося в весьма малом количестве, липкости, свойственной обыкновенному меду, имеет гораздо в меньшем количестве[1].

6. Рыболовство

Рыбою изобильны все реки и озера, находящиеся в Абхазии, и в сем отношении жители совершенно удовлетворяют свои нужды, хотя рыболовство не составляет особенной ветви промышленности.

[1] Таковый мед, называемый каменным медом, находится во многих местах Кавказского края, но иногда бывает зеленого цвета.

Примечание. Шелководством абхазцы не занимаются, но тутовые деревья произрастают на их земле.

7. Рудные промыслы

Нет сомнения, что в горах абхазских скрываются металлы всякого рода, особенно железо. С давних времен найдена свинцовая руда в горе, около истока реки Гумисты и разрабатывается до сих пор: отломав камень, нужно только перетопить его один раз, и получается свинец отличной доброты. Такого же свойства и таким же образом достается свинец, содержащийся в горе Иезвюста, против деревни Анакуа. Сии руды никому особенно не принадлежат, но всякий, по мере надобности, отламывает из них нужное себе количество.

8. Мануфактуры

Ружья, кинжалы и сабли делаются во многих местах Абхазии из железа, получаемого от турок или из Сухум-кале. Сие железо абхазцы отлично выделывают и приготовляют высокой доброты сталь. Есть мастеровые, кои искусно чернят серебро и золото для украшения оружий. Во всяком доме приготовляют для домашнего употребления толстое сукно серого и желтого цвета, также бурки и полотно из хлопчатой бумаги, доставляемой из Турции.

9. Торговля

Главнейший привоз товаров из турецких городов Батума и Трапезонда состоит в железе, соли, оружия всякого рода, шелковых, бумажных материях, сафьяне разных цветов и в порохе, в котором абхазцы чрезвычайно нуждаются. Сии товары вымениваются на кукурузу, буковое и так называемое пальмовое дерево, мед, воск и часто на пленников, захваченных у русских около крепости Сухум-кале или у мингрельцев. Главный торг производится на устье южного рукава реки Кодор, куда приставали большие турецкие лодки. Но с 1827 года абхазцы начали приходить на сухум-кальский базар, где покупают соль, железо и разные красные товары, привозимые из Редут-кале промышленниками армянами.

Абхазцы не имеют собственной монеты; ходячие у них деньги суть турецкие золотые и серебряные; весьма недавно начали они принимать и российскую серебряную монету.

В. СОСТОЯНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА

1. Система управления

Абхазия в нынешнем своем положении представляет народную массу, разделенную на 4 округа, из коих Цыбельдинский составляет особое воль-

АЛЫТАИР

ное общество, не признающее над собою никакого владетеля[1], а остальные три Абшавское7, Абхазское и Бзыбское, хотя и признают по наружности общего владетеля, поставленного Россией, полковника[2] князя Михаила Ширвашидзе, но власть его не распространяется далее собственного Бзыбскаго удела. Абхазский же округ повинуется родным дядям его Баталу-Тееру и Гасану беям, из коих последний имеет наибольшее влияние на народ; а Абшавский подвластен их двоюродному брату Али-бею. Приверженность сих владельцев к России доказана многими опытами. Но между дворянами и муллами находится немалое число преданных туркам, с коими их связывает вера и торговые отношения. Большая же часть народа не имеют решительной привязанности ни к тем, ни к другим и буйную свою свободу считают всего дороже.

Древние обыкновения

Весь кодекс абхазский заключается в следующем: за смертоубийство, по древнему обычаю, преступник должен вознаградить родственников убитого 15-ю душами крестьян, лучшей лошадью с седлом, саблею или шашкою, ружьем и пистолетами. Если он же не в состоянии сего исполнить, то родственники убитого лишают его жизни и дальнейшего мщения не бывает уже со стороны родных. За воровство платится обиженному вдвое против цены украденных вещей, и кроме того, виновный должен отдать владетелю одного человека, если не имеет крестьян, то сам должен служить рабом.

Впрочем, между исповедующими магометанскую веру муллы решают дела по Корану, когда оные не подлежат решению самого владетеля.

2. Подати

По требованию владетеля или господина народ платит сколько он назначит, и отбывает всякого рода повинности. С собственных крестьян князья ежегодно берут по одной корове, по одному кувшину с вином и третью часть урожая хпеба.

3. Военная сила и образ вооружения

Судя по числу дворов и положа со двора два человека, можно считать вооруженных около 17500 душ. Вооружение их состоит: в ружье, шашке и кинжале, многие имеют пистолеты.

[1] Оно было завоевано Келеш-беем, а теперь совершенно отклонилось от владетеля Абхазии, и, надеясь на свое богатство и неприступные горы, старается возмущать и другие общества. Цебельдинцы даже между собою не признают никакого владетеля, и только богатая фамилия князей Моршани имеет на них некоторое влияние.

[2] Выше напечатано подполковник ошибочно.

ПЕРЕЧНЕВАЯ ВЕДОМОСТЬ О ЧИСЛЕ ДЕРЕВЕНЬ И ДВОРОВ В АБХАЗИИ

1) Общество Абшавское (Абживцкое)[1].

№	Название деревни	Количество дворов	№	Название деревни	Количество дворов
1	Урти (8)	60	10	Маркула	60
2	Кортмал	80	11	Жигерда	100
3	Пятгуа	80	12	Квитаур	20
4	Ешкит	60	13	Кендых	60
5	Поквеш	120	14	Самахарю	80
6	Губ	100	15	Тамыш	80
7	Чилоу	30	16	Пшьяк	50
8	Тхиноко	110	17	Атара	100
9	Мокв	80	18	Нярзык	40

ИТОГО: 1760.

2) Общество Цыбельдинское.

№	Название деревни	Количество дворов	№	Название деревни	Количество дворов
1	Чижеуш		16	Абгалавира	
2	Чочорем		17	Абшдзир	
3	Моранба		18	Авушта	
4	Октипур		19	Арахумви	
5	Жахас-Кер		20	Ангара	
6	Антхел		21	Жика	
7	Када		22	Тахика	
8	Горгеул		23	Абвидуквара	
9	Чапа		24	Судатал	
10	Жинпал		25	Науш	
11	Амзара		26	Цихваликст	
12	Вардак		27	Апанча	
13	Дал		28	Жумашта	
14	Вишкаран		29	Куджаахабла	
15	Агаш		30	Горгеул	

Неизвестно в подробности, сколько каждая деревня заключает в себе дворов, во всем Цыбельдинском обществе считается их 2500.

[1] Таблицы 1 – 4 составлены З. Яхтаниговым в полном соответствии с источником.

АЛБТАИР

3) Общество Абхазское.

№	Название деревни	Количество дворов	№	Название деревни	Количество дворов
1	Кодор	240	9	Эйбахудзе	40
2	Хегрыпис	40	10	Ашхел	40
3	Дранда-Цхоби	100	11	Багстган	60
4	Пшап	40	12	Акапа	200
5	Багаз-яшта	40	13	Абжакуа	60
6	Парнаут	30	14	Бырц	20
7	Гурлытли	60	15	Гума	120
8	Мархеул	200			

ИТОГО: 1290.

4) Бзыбское

№	Название деревни	Количество дворов	№	Название деревни	Количество дворов
1	Ешара	100	18	Звандрыпис	200
2	Дзиета	65	19	Квадкамуа	50
3	Цацхаура	32	20	Джаджирпин	30
4	Акуа	79	21	Ордапырхуа	5
5	Анакуа	180	22	Буча	40
6	Адцы	200	23	Одхера	35
7	Аджинжара	90	24	Чабалурхуа	100
8	Мицара	60	25	Папза	30
9	Куланурхуа	80	26	Мхерети	60
10	Соуксу	400	27	Барансиц	75
11	Архуа	40	28	Блабхуа-Кал-дихвора	140
12	Оберпахуа	60	29	Пицунда-Бочвин-ти	100
13	Дрыпис	100	30	Шимера	70
14	Дудрыпис	180	31	Азердан	9
15	Ута	100	32	Воса	80
16	Чагургуа	30	33	Аспа	30
17	Апуцхуа	100			

ИТОГО: 3120.
ВСЕГО: 8720.

Газ.»Тифлисские ведомости», 1831, № 24 – 29.

2.49 Рапорт Начальника отряда и транспортных судов Абхазской экспедиции капитана второго ранга Н. Амтилова Командующему Отдельным Кавказским корпусом ген.-л. Панкратьеву о задержании английского судна, везшего боеприпасы Черкесам.

Шлюп «Диана», 31 мая 1831 г.

Командир брига «Орфей» капитан-лейтенант Скрятин, следуя из Анапы в Сухум с донесением, 25-го мая встретил у местечка Сучали, под английским флагом, купеческое судно «Адольфо», под управлением шкипера итальянца Луи Цицима. При спросе сего судна оказалось, что оно шло в Вардан с солью и пассажирами – турками, имеющими с собой разные товары для продажи черкесам, матросов на оном (судне) 14 человек, пассажиров – турок: мужчин – 38, женщин – 23; детей обоего пола – 6. Исполняя инструкцию крейсеров, командир брига послал на сие судно офицера с 20 человеками вооруженных матросов и 27 мая привел его в Сухум. При опросе сего судна с военной сухумской брандвахты, шкипер объявил, что он имеет шесть боченков пороху, а как в столь большом количестве не имеет оного и военные наши транспорты, то и полагаю, что шкипер сего судна вез его для продажи черкесам. Из предъявленных шкипером пашпортов видно, что судно и груз адресованы в Абхазию из Константинополя. Пассажиры – турецкие подданные как по собственной бедности, так и от недостатка в Сухуме жизненных припасов, терпят во всем крайнюю нужду и при дальнейшем их здесь задержании скоро вовсе не будут иметь средств содержать себя. О чем имея честь донести вашему высокопревосходительству, покорнейше прошу не оставить меня разрешением: отпустить ли обратно в Константинополь пассажиров и судно; или отправить их в один из наших портов.

Командующий Черноморским флотом г. вице-адмирал кавалер Патаниоти 1-ый в инструкции, изданной им для крейсеров, предписывает: все суда, какие будут найдены в местах между Редут-Кале и Анапой, где нет карантинных и таможенных заведений, взяв, приводить в Сухум и о дозволении им следовать по их желанию, просить разрешения от правителя Имеретии. Для конвоирования таковых судов в Сухум, крейсеры по необходимости оставляют часто пост свой без всякого надзора, а шкипера, в ожидании разрешения, терпят убытки и притеснение в торговле. В отвращение сего на будущее время не благоугодно ли будет вашему высокопревосходительству дополнить инструкцию крейсеров следующим: все суда, какие найдены будут в местах, запрещенных для торговли, по строгом их осмотре, буде не имеют огнестрельных снарядов и оружия, отгонять от берегов, помечая на судовых пашпортах о запрещении производить торговлю с горцами. Буде же за сим какое судно

АЙТАМИР

вторично возвратится к сим берегам, таковое взяв, приводить в Сухум, а равно и те суда, на коих найдется оружие и огнестрельные снаряды.

Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сборник документальных материалов. Тбилиси, 1953. с. 25-26.

2.50 Рапорт командира Отдельного Кавказского корпуса Г. В. Розена военному министру А. И. Чернышеву о его встрече с Михаилом и Гасанбеем Чачба – Шервашидзе.

Тифлис, февраль 1832 г.

Озабочась о благоустройстве разных частей обширного высочайше мне вверенного края, я с приездом моим в Тифлис обратил особое внимание на Абхазию, могущую по положению своему на берегу Черного моря и богатству естественных произведений достигнуть высшей степени благосостояния. Дабы иметь точное понятие о настоящем положении оной я вызвал сюда одного из значительнейших тамошних князей подполковника Гассан-Бея Ширвашидзе, с ним вместе прибыл сюда и сам владелец полковник князь Михаил Ширвашидзе. Из разговоров с ними и имеющихся при делах сведений я увидел следующее:

Фамилия Ширвашидзе с давнего времени первенствует в Абхазии, один из князей оной обыкновенно признавался главным владельцем, но степень власти его совершенно соответствовала личным его достоинствам и вообще владельцы мало вмешивались в внутреннее управление частных уделов других князей, коих власть также ограничивалась почти только собственными их поместьями, подвластные же им князья весьма мало оказывали им повеление.

В подобном положении Абхазия находится и поныне, оная теперь разделена на 4 уезда или общества: Бзыбь, Абадзе, Абжуа и Цебельда, пятое абхазское общество Самузакано со времени присоединения к нам Мингрелии отошло к владельцу оной. Обществом Бзыбь урпавляет владетель Абхазии князь Михаил, обществом Абадзе дядя его подполковник Гассан-Бей, обществом Абжуа родственник владетеля Али-Бей, в Цебельде ни один из князей и не имеет решительного перевеса над другим, но первенствует фамилия князей Маршания.

Вообще абхазцы народ добрый, маловоинственный и не изъявляет к нам неприязненного расположения. Главные князья нуждаются в нашей помощи для поддержания власти своей, но другие по сему самому не доверяют нам.

После возмущения бывшего в Абхазии в 1824 году, страна сия находится в довольно спокойном положении, выключая небольших хищничеств, производимых черкесами и цебельдинцами. До 1830-го года мы занимали один Сухум-Кале, в коем в продолжении турецкой войны расположена была только одна рота 44-го Егерского полка, впрочем, посылаемые за дровами из Сухум-Кале команды иногда имели небольшие перестрелки со спускавшимися с гор хищниками.

В 1830-м году для прочного утверждения нашего в Абхазии и для уничтожения влияния турок расположены войска наши кроме Сухум-Кале, в Бамборах, Пицунде и Гагре. Сии четыре пункта ныне заняты 44-м Егерским полком. Сообщение с Гагрою производится только морем, но до Пицунды и сухим путем посылаются бумаги и следуют проезжие с небольшим конвоем из казаков и жителей. Гарнизон Гагры имеет частые перестрелки с ближайшими черкесами, в других же местах, занимаемых нами, довольно беспокойно.

Турки, а наиболее сардинцы, греки и другие европейские мореходы продолжают иметь сношения с абхазцами и черкесами, минуя наши таможенные пункты доставляют порох, свинец, соль и другие нужные им припасы, от них же получают разного рода лес, меха, кукурузу и пленных. Князья, исключая Михаила, получают значительные выгоды от сего недозволенного торга, и потому трудно ожидать от них усердного содействия к уничтожению оного, впрочем, они и не имеют довольно для сего власти. Занимать нам сухопутно все пункты на коих могут подходить к берегу иностранные суда, а особливо мелкие люди невозможно, для крейсерства употребляется небольшое число морских судов, кои не могут достаточно наблюдать за всем восточным берегом Черного моря от укрепления св. Николая до кр. Анапа, состоящим более 600-т верст расстояния, небольшие же турецкие и абхазские плоскодонные длинные лодки, называемые качермами, никак не могут быть настигнуты нашими крейсерами, немогущими по мелководью приближаться к берегу.

Предшественник мой генерал-фельдмаршал князь Варшавский, граф Паскевич Эриванский обращался в морской главный штаб е. и. в. об устроении для Абхазской эскадры особенных судов на подбор абхазских турецких лодок, без коих крейсеры не могут надлежащим образом исполнить обязанности своей. Морской штаб от 18-го февраля прошлого 1831-го года за № 423-м отозвался, что по неимению в Черноморском флоте таковых судов высочайше повелено иметь предмет сей в виду, когда представятся к тому способы, но до того будут употреблены для сего палубные канонерские лодки и другие мелкие парусные суда. По отзывам морских офицеров и других чиновников, бывших в Абхазии, наши легкие морские суда никак их не могут настигать кочерм.

По сему для прекращения непозволительного торга на восточном берегу Черного моря необходимо кроме морских крейсеров иметь достаточное количество особенных плоскодонных лодок для беспрестанного осмотра берегов, по крайней мере, в местах, занимаемых нами, а именно в Гурии,

АЛЫТАИР

Мингрелии, Абхазии и между Геленджиком и Анапою. Полагаю, что было бы удобно для сего отдать в ведение тамошнего начальства морскую команду с тем, чтобы по распоряжению г. министра финансов были приобретены для оной означенные лодки. Пространство же между Гаграи и Геленджиком, будучи нами не занято, может быть наблюдаемо только посредством крейсерства морских судов.

Полковник князь Михаил и подполковник Гассан-Бей уверяли меня, что хотя абхазам известно, что турки отказались от владычествования на восточном берегу Черного моря, но они сами не знают точных намерений и требований Русского правительства: по сему князья сии просят отправить в Абхазию доверенного и значительного чиновника, дабы собрав князей всех обществ объяснить им непременную волю государя императора о признании князя Михаила главным владельцем, об оставлении общества Самурзаканского под зависимостью владетеля Мингрелии, о прекращении непозволительного торга и других предметах, спросить вместе с тем о нуждах и желаниях абхазцев и прекратить дружелюбным разбирательством взаимного их несогласия. Мера таковая объяснив нам настоящее положение края сего, убедить жителей в попечительном к ним внимании правительства и по уверении владетеля и Гассан-Бея может иметь весьма полезные последствия.

Я намерен вскорости отправить для сего генерал-лейтенанта, князя Багратиона, который по знанию обычаев здешних и языка удобнее может сблизиться с абхазскими князьями: для облегчения его в сем я пригласил сопутствовать ему дядю владетелю Мингрелии генерал-майора князя Дадиана, в Абхазии особенно уважаемого, совершенно нам преданного и к подобным поручениям весьма способного.

Для возвышения владетельного дома в глазах абхазского народа, оба означенные князья просили меня ходатайствовать для матери полковника князя Михаила княгини Тамары орденский знак св. Екатерины, и назначение в Соуксу место митрополита владельца, архиерея греко-российской церкви с приличным сану его содержанием, ибо абхазцы как христиане, так и магометане имеют большое уважение к высшему христианскому духовенству, о сем начали уже сношения с обер-прокурором Святейшего Синода моего сюда прибытия, равно как и с евзархом Грузии всемилостивейшее же внимание е. и. в. к матери владетеля, женщине весьма благонамеренной, преданной российскому престолу и уважаемой во всей Абхазии, было бы весьма полезно для возвышения в общем мнении и самого владетеля.

Полковник князь Михаил просил меня походатайствовать ему дозволение отправиться в С.Петербург для представления е. и.в. так как присутствие его ныне нужно при предполагаемой командировке генерал-лейтенанта Багратиона, и с другой стороны поездка его в С. Петербург будет сопряжена с довольно значительными издержками, то я полагаю полезнее отложить сие до удобнейшего времени. О последствиях командировки в

Абхазию князя Багратиона не премину сообщить Вам, милостивый государь, своевременно.

С истинным почтением…

ЦГИАГ, ф. 548, оп. 3, д. 19, лл. 1 – 3 об. Копия.

2.51 Рапорт командира Отдельного Кавказского корпуса Г. В. Розена военному министру А. И. Чернышеву о Гасанбее Чачба – Шервашидзе.

16 февраля 1832 г.

Абхазский князь подполк. Хасан-бей Шарвашидзе, как известно в. с., был сослан на жительство в Иркутск; в 1828 году, по высочайшему повелению, оттуда возвращен и за оказанныя им услуги при занятии Абхазии войсками нашими награжден настоящим чином. При арестовывании его в кр. Сухум-Кале в 1821 году вместе с прочими вещами, по показанию его, была отобрана бывшим там комендантом майором Могилянским сабля, доставшаяся ему по наследству от предков, по доброте и древности своей весьма дорого ценимая и известная во всей Абхазии. По возвращении из Сибири, Хасан-бей особенно просил о возвращении ему сего оружия, весьма им уважаемого.

АКАК, т. VIII, ч. I, с. 444.

2.52 Из предписания командира Отдельного Кавказского корпуса Г. В. Розена ген.-л. Багратиону об освоении и благоустройстве Абхазии.

Тифлис, 7 марта 1832 г.

Озабочиваясь о благоустройстве разных высочайше нам вверенного края, я обратил особенное внимание на Абхазию, могущую по положению своему на берегу Черного моря и богатству естественных произведений достигнуть высшей степени благосостояния.

Дабы иметь точное внимание о настоящем положении оной я вызвал сюда полковника князя Михаила и подполковника Гассан-Бея. Они между прочим уверяли меня, что абхазы знают, что турки отказались от владычествования на восточном берегу Черного моря, не питают к нам никакой неприязненности, но не зная точно намерений и требований Российского правительства, не имеют к оному полного доверия, почему князья сии просили меня отправить в Абхазию доверенного и значительного человека, дабы собрав князей всех обществ объяснить им волю правительства, узнать желания и нужды абхазского народа и стараться дружелюбным разбирательством прекратить взаимные их несогласия.

АЛЫТАМИР

Для исполнения сего я избрал в. с., будучи уверен, что по знанию языка, обычаев, благоразумию и опытности Вашей Вы успеете приобрести доверенность абхазцев, убедите их в необходимости исполнять волю правительства, имеющего в виду единственно благоденствие многочисленных подвластных ему народов, а вникнув в настоящее положение абхазского народа доставите возможность принять надлежащие меры к обеспечению будущего благосостояния оного.

Для руководства Вашего излагаю следующее:

1) Намерение Российского правительства в рассуждении Абхазии те же как и в отношении всех подвластных оному стран: ненарушимое сохранение прав каждого, соблюдающего долг верности и повиновения могущественному и всемилостивейшему г. и. нашего внутреннего и внешнего спокойствия и доставления всех возможных средств к умножению благосостояния народного.

2) Согласие и единство составляют силу народную и обеспечивают общую безопасность сообразно с сим г. и. благоугодно, чтобы все абхазские поколения, сохраняя права и обычаи не противные общему благоустройству, составляли одно целое общество под управлением владетеля, который чрез то имел бы достаточно власти до сохранения в Абхазии внутреннего спокойствия и для отражения всех покушений внешних неприятелей, в чем правительство не оставит ему содействовать как наградами и поощрениями для людей благонамеренных так и наказанием нарушителей общего спокойствия.

3) Правительству угодно, чтобы владетель и другие князья старались прекратить все взаимные несогласия, хищничества и разбои и отнюдь не допускали продажу похищенных людей, ибо сие ведет к взаимным раздорам и несчастиям.

4) Всеми образованными народами карантинные предосторожности признаны необходимыми для отвращения внесения черной заразы, столь часто опустошающей азиатские страны, где не существует карантинство и почти никогда не существующей между европейцами более осторожными. Сообразно с сим учреждены карантины и таможни в Абхазии, Мингрелии и Гурии. Государю императору благоугодно, чтобы никто не имел никакого сообщения с иностранными судами иначе как в возможных на то местах. Все иностранные правительства, не выключая и Турцию, запретили сие своим подданным, которые за нарушение такового постановления будут наказываться по принятым между образованными народами правилам…

5) Есть ли бы некоторые князья изъявили желание об обратном присоединении к Абхазии самурзаканского владетеля, то решительно объявится, что сие невозможно, ибо оно упрочено навсегда владельцу Мингрелии за постоянную верность и преданность российскому правительству, между тем как в Абхазии неоднократно возникали беспокойства.

6) В разбирательство взаимных несогласий и споров князей абхазских не иначе входите как по общему приглашению обеих сторон, а действуйте в сем отношении как беспристрастный посредник, представляя владетелю и князьям исполнение сделанных постановлений.

7) Правительство желает всеми возможными средствами содействовать благосостоянию абхазского народа и потому старайтесь вникнуть во все, что может содействовать к достижению столь благонамеренной цели; узнайте желания и нужды князей и других сословий абхазского народа, взаимные их отношения, расположение к нам, состояние каждого сословия, главнейшие лица, имеющие влияние на народ, словом все, что объясняет настоящее положение края сего и средства к улучшению оного.

8) Управляющий Абжуйским обществом князь Али-Бей несколько раз уже просил о занятии войсками нашими Кодора и Илор. Ген.-м. Вакульский находит возможным в сей последний пункт перевести две роты, расположенные в Атангелах в Самурзаканском округе, ибо пост в Илорах мог бы иметь влияние на спокойствие как Самурзаканского, так и Абжуйского общества. Рассмотрите, удобно ли сие привести в исполнение, какие войска наши найдут помещение в Илорах и не будет ли губителен для них климат сего места.

9) По дошедшим до меня сведениям в последнее время много турок поселились в Мингрелии на землях Дадиани и в Абхазии около Сухум-Кале, где принимает их Гассан-бей. Люди сии не имеют постоянной оседлости, занимаются мелочною торговлею, обманывая необразованных жителей, даже способствуют продаже пленных, входя в родство с жителями поддерживают преданность их к магометанскому закону и отклоняют от сближения с нами. Рассмотрите в какой степени сие справедливо и изыщите средства прекратить на будущее время переселения к нам турок, а между тем склоните Гассан-бея более не принимать их к себе, как людей худо расположенных к русским, объявив ему, что сделав сие по собственному произволу он покажет новый ответ преданности своей к правительству и искренности желания своего поспешествовать всем видам оного.

10) При сем обратите особенное внимание на положение войск, занимающих Абхазию, состояние укреплений наших, удобство жилищ…

11) Особенно узнайте обращено ли должное внимание на положение батальона, занимающего Гагру…

12) Ныне от Редут-Кале до Пицунды проезжают с небольшим конвоем из казаков и жителей, постарайтесь продолжить таковое сообщение до Гагры…

13) Весьма важно иметь сведение о народах, сопредельных с абхазцами, особенно обитающих на берегу Черного моря севернее от Анапы до Абхазии, и особенно от Гагры к Геленджику…

14) Для письмеводства на русском языке прикомандировывается к Вам Кавказского саперного батальона штабс-капитана Бартенев, бывший

АЛЫТАИР

уже на берегах Черного моря и который с пользою может быть употреблен для собирания нужных сведений об абхазском народе….

Генерал-губернатор барон Розен.

ЦГИАГ, ф. 548, оп. 3, д. 19, лл. 36 – 41 об. Подлинник.

2.53 Рапорт ген.-л. Багратиона командиру Отдельного Кавказского корпуса Г. В. Розену о поездке в Абхазию.

Квитаули, 14 июня 1832 г.

Вашему высокопревосходительству почтеннейше донести честь имею, что я, счастливо окончивши в Абхазии поручение Ваше, предписанное инструкциею, нахожусь теперь на обратном пути в Тифлис, куда буду стараться прибыть столь скоро, сколько только изволит мне нынешняя моя слабость здоровья от болезни, приключившейся мне в Пицунде.

Подробное изложение всех обстоятельств, требующего много времени, беспрестанно составляется теперь во время пути, и будет представлено в. в-ству в Тифлисе.

Все цебельдинские князья дали присягу е. и. в. Ныне, в обратный проезд мой через Квитаули, жилище князя Али-Бея, главнейшие из них выехали опять ко мне с изъявлением почтения. Они очень сделались покойны и послушны. Они намерены послать некоторых из среды своей в Тифлис, чтобы иметь честь представиться к Вам от имени их общества.

Я постараюсь, чтобы для сего были избраны также, которые бы хорошо знали места и могли бы сообщить верные сведения о соседних с ними племенах, живущих по ту сторону Кавказа.

Вообще же можно сказать, что в Абхазии делается ныне, – не взирая на летнее, прежде всегда самое беспокойное, время года, – очень смирно и что сами жители ее уже поняли и дорожат тишиною. В очевидное доказательство могу привесть собственную просьбу некоторых, из числа их главных, чтобы приказано было тайно схватить четырех самых вредных разбойников, двух братьев Маргани и двух братьев Лакербаия, которые и поныне еще тревожат народ своими хищничествами. Я говорил об этом на словах владетелю Абхазии в Соуксу, и потом из Квитаули, устроя и согласясь, каким образом должно будет взять их удачнее, написал к нему формальное отношение, чтобы он приказал сие исполнить. Копию с его отношения моего я также буду иметь честь представить в. в-ву.

Только от Пицунды до Гагры все еще нет безопасного сухопутного сообщения, ибо там находятся пастбища садзов, соседственных с Гагрой, и потому что тамошние абхазцы, по связям с садзами, менее еще усмирились, но и для этого уже сделаны мною некоторые предварительные распоряжения.

Я подробно осмотрел Гагру и убедился в важности сего пункта, совершенно необходимого в военном отношении и для безопасности Абхазии. Продовольствие гарнизона ее и мере о соображении здоровья солдат были главным предметом моих стараний. Что касается до климата Гагры, то по всему можно заключить, что он не так вреден, как прежде полагали, и что бывшая смертность там происходила от причин случайных, которые ныне по возможности будут более и более отстраняться.

Последним делом моим относительно Абхазии будет формальное, публичное объявление всем главным самурзаканцам о том, что Самузакано совершенно уже причисляется к Мингрелии. Хотя частным образом большая часть из них уже знают сию волю в. в-ва, но тем не менее я заметил и слышал, что есть и такие, которые все еще думают, что принадлежат к Абхазии. Объявление сие сделано будет в Илори, куда приказано им собраться и ожидать моего приезда.

Генерал-лейтенант князь Багратион 1-й.

ЦГИАГ, ф. 548, оп. 3, д. 19, лл. 34 – 34 об. Подлинник.

2.54 Из рапорта командира 3-й бригады 22-й пехотной дивизии Г. В. Вакулинского командиру Отдельного Кавказского корпуса Г. В. Розену о нападении черкесов на абхазские селения.

15 марта 1833 г.

Командир 44 Егерского полка, полковник Пацовский, от 7 сего марта за № 24, донес мне, что 3 числа того же месяца на рассвете, черкесы, в значительном количестве, напав на деревню Бзыбского округа Хопи[1], принадлежащую порутчику Кацо Марганиа, состоящую в числе девяти домов, расстоянием от сел. Соуксу в 18 верстах и в продолжении не более двух часов, убили абхазцев пять, взяли в плен мужского пола 13 человек, женщин 16, детей обоего пола 8, сожжено домов 6, угнано коз сто штук, и при обратном следовании убит из ближайших к деревни Хопи селений абхазец один, ранены: трудно тавад Исмаил Емухвари (который уже умер), дворянин Соломон Маргания, и абхазцев три человека. Из партии черкесов убито абхазами два человека. По собранным сведениям, от ближайших жителей дер. Хопи оказывается, что нападение было сделано под предводительством черкесского кн. Берзил-Аджи Дагваипа[2], который имеет свое пребывание в дер. Пехво, за укреплением Гаграми в горах, расстоянием от Гагр на четыре дня верховой езды. Люди, бывшие с ним, собраны были с разных окрестных деревень в числе от 800 до 1000 человек, проходили по снеговым горам выше Гагры на двухсуточное расстояние для пешеходца и

[1] С. Хуап – **(сост.).**

[2] Убыхский князь Хаджи- Берзек Адагуа-ипа – (**сост.**).

АЛЫТАИР

должны были находиться в пути не менее восьми дней, имея отдых в двух деревнях – Аибга и Ахчипсы, лежащих по следуемой ими дороге. Упомянутый черкесский кн. Берзил-Аджи Дагваипа и в прошлом 1830 году, при нападении на укрепление Гагры, августа в 16 день предводительствовал черкесами и был ранен нашими в грудь пулею навылет.

О каковом происшествии честь имею почтительнейше донесть в. в. пр-ву, долгом считаю присовокупить, что, если и можно было бы при сем случае дать пособие со стороны наших войск из Пицунды или Бомбор, но кроме того, что нападение сие сделано было черкесами внезапно, без всякого предварительного о сем сведения со стороны абхазцев, нельзя было бы к тому приступить по весьма ограниченному числу войск.

Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сборник документальных материалов. Тбилиси, 1953. с. 36-37.

2.55 Из рапорта командира 3-й бригады 22-й пехотной дивизии Г. В. Вакулинского командиру отдельного кавказского корпуса Г. В. Розену о распространении в Абхазии местными турками провокационных слухов в пользу Турции.

19 апреля 1833 г.

Исполняющий должность сухумкальского коменданта, капитан фон-Клуген, от 1-го сего апреля за № 3 донес командиру Абхазского отряда полковнику Пацовскому, что при посещении им 31-го числа истекшего марта кн. Гассан-бея в Келасурах, (последний) при первом приветствии удивил его неожиданным вопросом: справедливы ли слухи, дошедшие к нему, будто бы из Кутаиса, что египетский паша занял с войсками турецкую столицу Константинополь, в коем умер чрез несколько дней турецкий султан политическою смертью. Но капитан фон-Клуген сколько мог старался убедить князя о несправедливости сего, уверяя, что слух сей есть вымысел турок, проживающих в Абхазии, который они, распуская между народом, стараются привести оной в волнение, и просил его воспретить рассеивать подобные нелепости, похожие более на сказку, чем на истину. Между тем г. фон-Клуген узнал от посторонних, что будто бы кн. Гассан-бей получил письмо от египетского паши, или от другой какой-либо почетной особы, в коем уведомляет кн. Гассан-бея о известниях вышеизложенных и просит его содействия в случае прибытия с войсками в наши пределы египетского паши, но справедливо ли показание сие – он не утверждает, пока не узнает обстоятельнее о сем.

О чем полк. Пацовский от 5-го же сего апреля за № 57 донеся мне присовокупляет, что владетель Абхазии полковник кн. Шервашидзе объявил ему, что все, прописанное в рапорте кап. фон-Клугена, при проезде его чрез

округи Абживский и Абхазский он слышал сам от жителей Абхазии, и кроме того еще и то, что будто бы флот наш, отправленный в Константинополь, погиб, каковые слухи жители принимают за верные…

Генерал-майор Вакулинский.

Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сборник документальных материалов. Тбилиси, 1953. с. 37.

2.56 Дюбуа Де Монперэ Ф. Путешествие по Кавказу. Сведения об Абхазии.

Июнь 1833 г.

Гагры по середине дефиле служили воротами, его замыкавшими… Приобретая верховную власть над Абхазией, Россия вынуждена была охранять Гагринское дефиле. Сюда перевели батальон полка, предназначенного для Абхазии, с девятью новыми пушками; это означало отправить его в самую ужасную ссылку. Представьте себе, что целый батальон тесниться на этом меленьком пространстве в несколько сот шагов на жгучем пляже, не смея пошевельнуться; солдаты не могут выйти из крепости, не подвергаясь опасности быть убитыми или захваченными в плен; лесистые горы настолько господствуют над крепостью, что даже и в стенах ее нельзя чувствовать себя в безопасности…

Какое чудо поэтому, что спустя три года оставалось еще сто человек, которые и представляли весь батальон в 1833 году.

Правительство, осведомленное о смертности, царившей в Гаграх, отправило туда для исследования ее причин полковника Бомера, который одновременно произвел стратегический осмотр всех бухт и крепостей морского берега…

Уверяют, что в верхней части долины Бзуббе основывалась колония русских беглецов; им удалось сохранить свою независимость и заставить своих соседей уважать себя…

Рота солдат, которая стоит в Пицунде, основалась в огороде церкви, где выстроили хорошие деревянные казармы; сюда приходят продавать фрукты и овощи абхазы из маленького поселка недалеко от церкви…

Я сошел на берег у завода Пшандзы и смотрел, объятый восхищением, на эти столетние клены, стволы которых, ровные, как у сосны… Большая часть этих деревьев более трех футов толщины…

Бамбор построенный на берегу этого ручья, находится в двух верстах от моря. Я не нашел, чтобы крепость эта, сооруженная из земли и глины, была в лучшем состоянии, чем геленджикская; но она лучше расположена, и ее защищают от пятисот до шестисот солдат с 12-ю пушками…

При виде этих замечательных лесов генерал Вакулинский и полковник, сейчас генерал Пацовский, бывший в то время командиром полка, стоявше-

АПСТАМИР

го в Абхазии, напали на прекрасную мысль, а именно побудить француза Жана Баптиста Деманжа выстроить на берегу Хипсты на средства полка лесопильный завод. Деманж был из трех рабочих, которых Гамба привез в Имеретию для того, чтобы там основать свое предприятие; он прекрасно знал свое дело и за короткое время построил на небольшом расстоянии от Бамборы самую удобную и простую лесопильню… Место, где он решил построить лесопильню, представляло самую непроходимую лесную чащу; необходимо было отвести рукав от Хипсты, вырыть канал и облицевать его; ничто не могло его остановить.

Когда постройка лесопильни была закончена, он сам обучил солдат, соорудил особые повозки с большими колесами для того, чтобы удобнее было перевозить самый громадный лес… В короткое время выстроили прекрасные, обширные и удобные казармы, хороший лазарет и дом офицеров… Местность здесь необыкновенной красоты и своим великолепием может поспорить с самыми прекрасными пейзажами Швейцарии…

На северо-запад от крепости, на небольшом от нее расстоянии, раскинулось местечко с базаром, с каждым днем все больше разрастаясь; старались поощрить тех, кто желал поселиться там. Многие офицеры имели уже в этом местечке дома с садами…

Михаил-бей, владетельный князь Абхазии, под сюзеренитетом России, обитает в Лыхны, в трех верстах на север от крепости…

Из Бамборы это восхитительная прогулка. Вскоре вас уже окружают во всем великолепии владения Loukhin. Европеец, живущий в более умеренной зоне, не может составить себе никакого представления о живописной роскоши пейзажей Абхазии или Мингрелии, этой земли, благословенной небесами. Неизмеримой высоты древние липы и клены…, поля маиса и проса, деревянные или слепленные из глины хижины, такие убогие и хрупкие, рассеянные то там, то здесь под сенью деревьев; неожиданно открывающиеся виды один другого живописней, – вот то, что видел я, проходя по дороге, которая привела меня к воротам владения Михаил-бея.

Князь выстроил себе недавно жилище у подножия старой башни, венчающей возвышенность и совершенно одинакового типа с теми, которые строят себе самые богатые и могущественные князья в Мингрелии, Имеретии и Гурии.

Дом поддерживается на высоте первого этажа деревянными сплошными стенами или столбами с врубленными в них перекладинами; внизу находится конюшня; вокруг дома проходит галерея, выступающая над нижней частью строения.

Внутри дом состоит из нескольких довольно больших комнат, с дощатым полом и просто отделанными стенами; комнаты меблированы громадными массивными диванами, покрытыми коврами, и несколькими стульями, в виде редкого исключения.

Главное украшение составляет камин из голубого диорита довольно изящной турецкой работы…

Мы застали князя Михаил-бея в состоянии полной растерянности. Князь был занят сооружением вокруг дома ограды из толстых бревен в десять футов высоты. На верхушке старой башни устанавливали деревянную вышку…

Князь Михаил-бей – высокого роста и хорошо сложен, у него длинный грузинский нос и черные волосы… Когда он принимал нас, на нем была надета грузинская одежда. Находясь в Тифлисе, он надевает форму Преображенского полка, одним из полковников которого он состоит…

Одну из главных отраслей торговли абхазов составляли некогда рабы, и они не бросали этой дурной привычки и под сюзеренной властью России. Но абхаз, так же, как и черкес, не продает в рабство своего соотечественника, опасаясь закона возмездия. Самый бедный, последний крестьянин расправился бы с своим собственным князем или самим Михаил-беем, если бы тот или другой осмелился продать в рабство кого-либо из его близких…

Этот ужасный торг прекратился бы совершенно, если бы Михаил-бей и Гассан-бей не были сами его первыми зачинщиками…

В состав современной Абхазии входят пять следующих абхазских племен:

1) племя бзубцев (Bsoubles), распространяющееся от Гагр до Анакопии и состоящее из 18. 700 человек;

2) племя собственно абхазов, расположенное от Анакопии до реки Келасури, равное 8. 100 человек;

3) племя цебельдинцев (Tstldiens), населяющее горные долины реки Кодор и состоящее из 15.000 человек;

4) племя абшавов (Abchaves), распространяющееся от реки Гализги до реки Кодор и насчитывающее 10.500 человек.

Таким образом, все население Абхазии равно 52.300 жителей. Я не присоединяю сюда пятого племени самурзаканского, так как оно находится под властью князя мингрельского.

Вот остаток населения, которое было некогда, без сомнения, несравненно значительнее…

Одна или тем более две коровы большое богатство для абхазов; только князья владеют целыми стадами скота. Быки и коровы довольно хорошей породы, хотя и малорослы. Их хозяйства довольно похожи на черкесские, но беднее; так же как у черкесов, у них много овец и коз. Баранье мясо хорошего качества, но шерсть простая. Маис, просо и род турецких бобов составляют главную основу их пищи…

Мы застали на рейде Бамбора генуэзское судно под командой Поля Бозо; генуэзский капитан получил разрешение нагрузить здесь свое судно самшитом; это по-прежнему один из главных предметов торговли в Абхазии; нигде нельзя найти самшита прекраснее, в таком изобилии и по такой

АЙТАМИР

дешевой цене. Самшит растет, как я уже сказал, в лесах Бамбора до самого берега моря, но самый лучший идет из ущелий внутри страны и с подножий гор. Абхазы доставляют самшит на берег моря, где его взвешивают и обменивают из расчета тридцати фунтов соли за центнер; его обменивают также и на железо…

Самшит так же изобилен и прекрасен в Сухуме, как и в Бамборе…

Внутри (Сухумской) крепости только несколько полуразоренных строений, – некогда резиденция пана Келеш-бея; здесь теперь живут комендант и офицеры крепости. Солатские казармы весьма жалкие… Гарнизон, состоящий из ста человек, изнемогает, чахнет от болезней…

В Сухуме сейчас жалкий маленький базар, где можно купить вина, мяса и какую-нибудь мелочь.

В Бамборе и здесь уже начинается район вина, район изобилия этой драгоценной влаги… Иногда встречаются лозы чудовищной величины…

Абхазы сохраняют свое вино в больших кувшинах, зарывая их в землю…

Нет страны более богатой лесом всевозможных пород, чем Абхазия. Такой лес можно достать по всему прибережью, начиная от Сухума до устья Енгура, в особенности за мысом Искурия и в Илори.

Кроме самых обыкновенных пород, – дуба, граба, бука, сосны и ели, – здесь имеются также роскошные ясени, громадные тисовые деревья с красной древесиной, клены, груша необыкновенных размеров, самшит, каштан и т. д.

Митридат, Страбон, Хосрой, Амурат III – все хорошо знали ценности этих богатств, но они потеряны для абхазов…

Гассан-бей представил нам своего восемнадцатилетнего сына от одной из его жен, дочери князя Нарчука, с берегов реки Бзыби. Молодой князь, по обычаю, воспитывался вне дома своего отца, в Мингрелии, под присмотром князя Дадиани. Теперь, когда он достиг уже возраста женитьбы, Гассан-бей просил ему в жены одну из дочерей Дадиани. Мингрельский князь согласился уступить свою дочь…

Уже с давних пор ходили слухи о том, что в окрестностях Сухума залегает серебреная и свинцовая руда. Русское правительство поручило Гассан-бею за большое вознаграждение провести в эти местности двух русских инженеров. Один из этих инженеров был майор Гурьев.

26 июля незадолго до захода солнца из Сухума увидели на море две абхазских галеры, нагруженные людьми; пересекая сухумскую бухту во всю ее ширину, они быстро шли на веслах по направлению к мысу Кодор.

Цебельдинцы, как и все горцы Кавказа, любят свободу; известные некогда под именем кораксинцев, они ни в чем не изменили, со времен Страбона, своего способа управления: сохраняя свою независимость, они имеют совет старейшин, избираемых среди людей самых могущественных в стране. Семья Хирипс или Хирипси – самая влиятельная и знатная, и ее старший сейчас играет здесь первую роль.

Главные деревни Цебельды – Да, и Варда, Отинпур, Амткет, Макранба и другие.

Со времен глубокой древности и нравы этих горцев остаются неизменными… Селение Да было самым главным в горной долине реки Кодор; Гюльдештедт называет его селение Дал…

Я говорил уже, что Али-бей (Шервашидзе) слишком слабый, чтобы устоять против цебельдинцев, которым он не мог преградить выход из кодорского ущелья, удалился на берега реки Тамуиш (Тамыш), третьей из речек, орошающих равнину, начиная от реки Искури до Маркулы, которая также, как и Кодор, течет из горных снежных долин. Али-бей построил себе в устье реки Тамуиш маленький деревянный дом; великолепные деревья укрывают его своими зелеными арками. Между тем его обычное жилище в селении Тамуиш, расположенном в четырех или пяти верстах от берега моря…

Князь Али-бей умер осенью 1833 г. Хотя он и покорился России, но в действительности, он не был лучше своего сюзерена Михаил-бея. Его владения составляли крайние прелелы Абхазии; эта местность населена, главным образом, абжуйцами (Aljouazs). Границей земель Али-бея была река Гализга, которая отделяла его от Самурзакани…

Внутри Самурзакань весьма мало известна. Жители – грузины и абхазы; они говорят как на том, так и на другом языке. Везде здесь рассеяны руины и следы древней культуры – остатки греческих колоний и древнего абхазского царства.

Дюбуа де Монперэ. Путешествие вокруг Кавказа, т. I., Сухуми, 1937. с. 95 – 97, 101, 112 – 118, 120, 123, 128, 133, 141 – 143, 152 – 153, 155 – 158.

2.57 Рапорт командира 3-й бригады 22-й пехотной дивизии Г. В. Вакулинского командиру отдельного кавказского корпуса Г. В. Розену о намерении черкесов напасть на Абхазию.

Кутаис, 28 июля 1833 г.

За отсутствием командира 44 Егерского полка, майор Орел от 23 июня, № 91, согласно рапорту к нему, находящегося в Пицунде штабс-капитана Ачкалова, донес мне о полученном им, Ачкаловым, известий от черкесского дворянина Уруса, прибывающего из Черкесии, что черкесы решительно хотят сделать нападение на всю Абхазию, для чего и намерены разделиться на три отряда: морем, горами и берегом. Вместе с сим донесением получено два рапорта и от командира 44 Егерского полка полковника Пацовского, коими доносит: первым от 9 числа сего месяца, за № 97, что по прибытии его в Бамборы 8 числа сего же июля и при свидании с владетелем Абхазии полковником кн. Шервашидзиевым, узнал от него следующее известие: что

АЛЫТАИР

цебельдинский кн. Хрипс Маршания, отправившийся в черкесские селения после случившихся неудовольствий между владетелем и подполк. кн. Гассан-беем по происшествию с сим последним в сел. Пуквашах 3 марта, от имени кн. Гассан-бея склоняет черкесских тавадов, азнауров и народ к большому сбору войск и нападению на укрепления наши в Абхазии, уверяя, что подполк. кн. Гассан-бей явно уже отложился от нашего правительства, и уверяет черкесов, что цебельдинцы, народ абхазский, азнауры, тавады и даже сам владетель Абхазии, будучи недовольны пребыванием наших войск в Абхазии, примут участие в нападении черкесов; вследствие чего черкесский тавад Берзин-Аджи Дагваипа, собрав в множественном числе черкесов в селении Птохи, от коего до Гагр для пешеходцев три перехода, приводил неоднократно к присяге и согласил[1] находиться под главным его предводительством, дабы сделать решительное нападение на Гагры, Пицунду, Бомборы и даже на всю Абхазию, к чему ожидает еще большего сборища черкесов из других мест в то же сел. Птохи морем, чтобы оттуда сделать вдруг на все пункты нападение сухим путем и морем на галерах, коих имеет он в сборе во всей готовности не менее 30, из коих в каждой поместиться может до 60 человек и более.

Владетель Абхазии полковник кн. Шервашидзе, получивши письменное известия о всем вышепрописанном от ближайших к укреплению Гаграм тавадов Беслана и Джигва Ардбаевых и Аслан-бей Гачбаева, и проживающих за Мамаем тавадов Берзин Гарандихва и Берзин Януа и азнауров Ходжи Гассана, Хвинджа Османа и Джав Холдая, отправил в черкесские селения бзыбского тавада капитана Нарчука Иналишвили, с тем, чтобы объявил известившим его тавадам и азнаурам, равно и другим, собирающимся напасть на Абхазию, черкесам, что народ абхазский, азнауры, тавады и сам владетель не примут участия в предполагаемом черкесами нападении на наши укрепления, и что, напротив, все они готовы встретить черкесов как неприятелей, в случае вторжения сих последних в Абхазию, будут питать к ним всегдашнюю вражду и прервут с ними всякое сношение; между тем пока капитан Нарчук Иналишвили оттуда возвратится, владетель делает при своем доме в сел. Соуксу укрепление с палисада и предполагает сделать на левом берегу р. Бзыбь завал для воспрепятствования вторжению черкесов в Абхазию сухим путем; также распространяет между народом слухи, что ожидаются в Абхазии войска наши в большом количестве. А для склонения кн. Гассан-бея на свою сторону, если справедливо полученное известие, что он хочет быть соумышленником в предприятия черкесов, 10 числа сего июля имеет отправиться для свидания с Гассан-беем и, переговоря в сел. Итиры[2], находящемся близ р. Гумисты, мать владетеля вдовствующая княгиня Тамара, и вслед за нею намерен отправиться и сам владетель, чтобы также видеться с кн. Гассан-беем в сел Анухве и пригласить его к себе в Соуксу для общего совещания по предмету ожидаемого от черкесов нападения. И вторым от 14 сего же июля, № 100, по донесению к нему находящегося в Гаграх майора, вверенного ему полка Малинского, что 10 сего июля, следуя из Черкесии в Абхазию, абхазский дворянин Гассан Маргания, житель сел. Джерфа[1], находившийся в Черкесии более двух месяцев для отыскания захваченных черкесами двух его крестьян, объявил, что черкесы, быв собраны во множественном числе в сел. Свеча[2] (от коего ходу до Гагр пешему полтора дня), находятся под предводительством посланного к ним кн. Гассан-беем цебельдинского кн. Маргания Херпиши[3], который 3 числа сего месяца, распустив их всех по своим домам, приказал собраться в то же сел. Свеча через 10 дней. Намерение черкесов есть сделать нападение прежде на Абхазию, а потом, когда удачно исполнится их предприятие, то на Бамбору, Пицунду и Гагры, и что в сел. Свеча имеется до 30 галер, помещающих до 30 и до 40 человек.

О чем вашему высокопревосходительству почтеннейше донесть честь имею.

Генерал-майор Вакулинский.

Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сборник документальных материалов. Тбилиси, 1953. с. 38 – 39.

1 Так в тексте – (**сост.**).
2 Сел. Эшера – (**сост.**).

2.58 Подробное описание. Составлено из лучших сведений об Абхазии.

1834 г.

Народонаселение. Народонаселение Абхазии можно определить только по показаниям владетелей приблизительно, проверить же оное мы еще не имеем возможности. Во всех пяти округах, причисляемых к Абхазии положить можно от 10-ти до 12-ти тысяч семейств, которыми заселены 117 деревень, а именно:

В округе Самузакано, ограничиваемой реками Ингуром и Галидзгою, считается 21 деревня, в коих около 1800 дворов, деревни занимают большею частью низменное и ровное место.

В абжубском округе … деревень 18 и дворов до 1750, деревни, как и в первом округе расположены большей частью на равнинах. Цебельдинский округ, определяемый хребтами гор, начинающимися в 15 верстах от устья реки Кодор и Келасур, простирается до самой вершины Кавказского хребта. Жители сего округа, обитая гористые и неприступные места, менее нежели в других округах подчинены нашему влиянию. Деревень здесь полагается до 30, а число дворов неизвестно.

1 Сел. Джирхуа (Джирхва) – (**сост.**).
2 Швача, Шъача, Сочи – (**Г. Д.**).
3 Маршан Хрипс – (**сост.**).

АЛЫТАИР

Сухумский округ занимает пространство между Кодором и Гумистою, деревень здесь 15, а дворов около 1350; деревни большею частью находятся на нижних горах кавказских.

В бзыбском округе, занимающем от берега моря до вершины хребта, пространство, занимающееся между реками Гумистою и Гагрыпень, находятся 33 деревни, в которых дворов полагается 3120…

Число вооруженных и образ вооружения. Судя по числу дворов, полагая со двора по два человека, можно считать вооруженных до 12 тысяч, выключая цебельдинцев, которых полагать до 5 000 человек равно и общество Самузаканское, которое может выставить до 3000.

Абхазцы вооружены ружьем, саблею, называемою шашкою, которую носят чрез плечо, и кинжалом, многие имеют пистолет позади за поясом.

Вера. Развалины многих церквей и монастырей, а также уцелевшие храмы в Мокве, Дранде и великолепный в Пицунде доказывают, что в Абхазии некогда была исповедуема повсеместно христианская вера. Турки, имея с давних времен влияния на горские народы, старались о распространении Алкорана, и, хотя успели уничтожить христианскую веру, но о магометанской народ получил весьма недостаточные понятия; ныне религиозные верования абхазцев самые сбивчивые, неопределенные; есть остатки немногих обрядов христианских, как то особенное почитание храмов, совершение празднеств и прочие, которые смешены с правилами магометанской веры и разными грубыми суевериями. Но и таковые верования абхазцев не везде одинаковы, пример владетеля в Соуксу и частые сношения Бзыбского округа с Мингрелиею причиною, что здесь более оказывается предпочтения христианской религии; в округах Сухумском, имевшем частые сношения с турками, Цебельдинском – с горцами, преимуществует магометанская религия. Со времени поступления Абхазии в подданство России магометанская религия ослабевает; часто случается, что ревностнейшие мусульмане отдают на воспитание детей своих христианам, которые получают чрез то право крестить их.

Законы. За смертоубийство по древнему обычаю преступник должен платить родственникам убитого 15-ть душ крестьян – лучшую лошадь с седлом, саблю и шашку, ружье и пистолет. Если он не в состоянии сие исполнить, то родственники лишают его жизни.

За воровство платят обиженному вдвое за украденные вещи и кроме того виновный обязан владетелю отдать одного человека, по неимению крестьян он сам должен служить рабом. Впрочем, между исповедующими магометанскую веру муллы решают дело по Корану, когда дело не подлежит решению самого владетеля.

Хлебопашество. Главный засеваемый хлеб есть… пшеничка или кукуруза, большой род проса, называемой гоми, очень мало пшеницы, а ячменя вовсе не сеют. Редкий абхазец обрабатывает более земли, нежели ему нужно для готового пропитания, ибо разделения земель вовсе нет и споров в сем отношении, по причине обширности малого занятия полей не бывает.

Скотоводство. Скотоводство состоит большею частью из рогатого скота, вообще небольшого роста. Овцы здесь отличной доброты и козы из лучших на юго-западной части Кавказа; лошадей абхазцы имеют в небольшом количестве, они употребляют их только в поездках, для возки вьюков имеют ослов, для хлебопашества – волов и немного буйволов…

Пчеловодство. Абхазцы занимаются пчеловодством. Здешний мед заслуживает примечания…

Руды. Нет сомнения, что в горах Абхазии находятся рудники разных металлов, но оные неизвестны народу, кроме свинцовой руды в недавнем времени открытой около истоков реки Гумиста, из которой абхазцы добывают свинец следующим образом: отложив камень перетапливают один раз и получается металл отличной доброты. Такового же свойства свинец достают из горы Развюста, напротив деревни Амакуа. Сии руды никому особенно не принадлежат, но всякий по мере надобности из них отливает.

Промышленность. Ружья, кинжалы и сабли делаются во многих местах, вообще абхазцы отлично выделывают из оного особенной доброты сталь. Приготавливается также и порох, для коего абхазцы и другие горцы получают селитру из засеваемой ими с большою заботливостью травы из рода лебеды. Есть мастеровые, которые хорошо чернят серебро и золото для украшения ружья. Во всяком случае приготовляют для домашнего употребления также сукно, серого и желтого цвета из шерсти овец. Также бурки, а полотно из хлопчатой бумаги, доставленной из Турции…

Главнейший привоз товаров из Турции, из городов Батума и Трапезонда, состоял в железе, соли, оружиях всякого рода, шелковых и бумажных материях, сафьяне разных цветов и в порохе.

Сии товары абхазцы выменивали на кукурузу, буковое и пальмовое дерево…

Главный торг производится в устье южного рукава реки Кодор, куда приставали большие турецкие лодки. Черкесские лодки также нередко приставали против деревни Соуксу. С 1827 года абхазцы начали приходить к Сухум-кальскому базару, где покупают соль, железо и разные красные товары, из Редут-Кале привозимые промышленниками из армян. Абхазцы не имеют собственной монеты, ходячие деньги у них турецкое золото и серебро. Недавно начали принимать российскую монету….

Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, рукопис. отд., ф. 1000 собр. ед. пост. д. 553 лл. 11 – 11 об, 12 об. – 14 об.

АЛЫТАИР

2.59 Из предписания командира отдельного кавказского корпуса Г. В. Розена владетелю Абхазии Михаилу Чачба – Шервашидзе.

2 мая 1834 г.

Турецкоподданный Аслан-бек-Хаджи-оглы, доставленный от владетеля Мингрелии в Редут-Кальский карантин для выдержания карантинного термина, 11-го числа сего апреля бежал из оного с 6-ю своими служителями.

Ныне я получил верное известие, что означенный турок, по учинении побега, пробрался в Абхазию и скрывается у известного разбойника Хасана Маргания, который, с дозволения в. св. построив себе дом в урочищ. Очемчирах, близ моря, имеет безпрерывное сношение с Турецкими разбойниками, пристающими к берегу на кочермах, и занимается продажею пленных.

АКАК, т. VIII, ч. I, с. 448.

2.60 Из отношения командира отдельного кавказского корпуса Г. В. Розена военному министру А. И. Чернышеву о побеге Александра Чачба – Шервашидзе в Цебельду.

Тифлис, 12 июля 1834 г.

На сих днях я получил донесение от упр-щего Имеретиею ген.-м. Ахлестышева, что во время отсутствия владетеля Абхазии полк. кн. Михаила Шервашидзе, находившегося по требованию моему в Тифлисе вместе с дядею своим подполк. Гассан-беем, для личных с ним объяснений о делах, до Абхазии относящихся, меньшой 15-летний брат владетеля кн. Александр Шервашидзе 17 прошлого июня оставил тайным образом, с несколькими приверженцами, дом свой с намерением отправиться к цебельдинцам, никогда не признававшим над собою власть абхазских владетелей. Причиной такой отлучки были внушения некоторых неблагонамеренных к своему владетелю абхазцев и цебельдинцев, уверивших его, что владетель, успевший чрез происки удалить в Россию другого брата своего кн. Константина, намеривается сделать то же самое и с ним. Мать владетеля Абхазии княгиня Тамара Кациевна, известная постоянною преданностью своею нашему правительству, хотя и принимала всевозможные меры, но старания ее остались тщетными и кн. Александр скрылся от происков матери своей и не внимая ее требованиям и советам удалился, как полагать должно, в Цебельду.

По всем вероятиям, неблагонамеренный поступок сего неопытного молодого человека не повлечет за собой никаких неблагоприятных последствий для правительства, и что с возвращением кн. Михаила, уже отбывшего туда из Тифлиса, отлучившийся младший брат его к нему возвратится. Между тем я требую от владетеля, чтобы кн. Александр непременно был

выслан ко мне в Тифлис, и как ему не более 18 лет от роду, то дав ему некоторое образование впоследствии буду просить о отсылке его на службу в Россию…

Бар. Григорий Розен.

Помета: Доложено е. в. 30 июля 1834 г. гр. А. Чернышев.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6282, 1833 г., лл. 7 – 8. Подлинник.

2.61 Отношение военного министра А. И. Чернышева командиру Отдельного Кавказского корпуса Г. В. Розену.

25 июля 1834 г.

Отношение в. выс-а от 5 июля за № 557, я имел счастье доводить до сведения г. и.

Его величество прочитав оное с особенным вниманием и разделяя вполне мнение в. выс-а о необходимости собственными средствами прочно утвердиться в Абхазии, не полагаясь на тамошних владетелей, хотя нам преданных, но бессильных, высочайше соизволил одобрить предварительные распоряжения, сделанные вами, м. г., для проложения в нынешнем году по Абхазскому берегу сухопутного сообщения от Военно-Имеретинской дороги чрез Сухум-Кале к Бамборам и далее к Гаграм.

Вместе с тем е. в. разрешает, согласно представлению в. высокопрев-а, войскам назначенным в сию экспедицию, со дня выступления их с мест расположения выдавать нижним чинам винную и мясную порции, по заграничному положению, а гг. генералам, штаб и обер офицерам рационы лошадей и сверх того обер офицерам по фунту в сутки и по солдатскому пайку в месяц[1].

Подписал: военный министр ген. – адъют. гр. Чернышев.

Скрепил: директор Брискорн.

Верно: секретарь Соколовский.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6312, 1833 г., лл. 25 – 25 об. Подлинник.

2.62 Отношение командира отдельного кавказского корпуса Г. В. Розена военному министру А. И. Чернышеву о возвращении князя Александра Чачба – Шервашидзе в Лыхны.

Тифлис, 13 сентября 1834 г.

Отношением от 12 истекшего июля за № 377 я имел честь сообщить в. с-ву для доведения его и. в. сведения о поступке меньшего брата владетеля Абхазии, кн. Александра Шервашидзе.

[1] Отчеркнуто карандашом.

АПБ ТАИР

Ныне получил донесение, что по возвращении из Тифлиса в Абхазию владетеля гвардии полк. кн. Михаила Шервашидзе брат его кн. Александр прибыл к нему на другой же день, 20 июля, для свидания, а 22 числа переехал жить по-прежнему в дом. По объявлению самого владетеля, поступок брата его был следствием внушения недоброжелательных людей владетелю, кои уверили кн. Александра, будто бы средний брат Константин сослан в Сибирь происками владетеля, и что сам владетель задержан мною в Тифлисе до тех пор, пока он, Александр, не доставится сюда из Абхазии. Сими уверениями склонили его уйти от матери, а впоследствии внушили ему требовать от брата раздела имения, советовали и настаивали, чтобы делал нападение на Сухумский форштат и деревни. По возвращении же своем к владетелю кн. Александр раздела имения от него не требовал, сознался, что был обманут и что сие открылось тогда, когда приближенные его начали давать советы о нападениях, которых он не принял.

Уведомляя о сем в. с-во, имею честь присовокупить, что хотя поступок помянутого кн. Александра Шервашидзе и не имел никаких последствий, но за всем тем я требую от владетеля высылки его ко мне в Тифлис, дабы удалить его от сообщества с неблагонамеренными из абхазцев, и, дав ему некоторое образование, приготовить на службу.

С совершенным почтением … бар Григорий Розен.

Помета рукой А. И. Чернышева: е. и. изволили читать 28 сентября.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6282, 1833 г., лл. 9 – 9 об.

2.63 Памятная записка командира Отдельного Кавказского корпуса Г. В. Розена для поручика Каца Манн – Маргания о требованиях к владетелю Абхазии.

22-го декабря 1834 г.

1) Чтобы владетель устроил в Абхазии из своих почетных князей и дворян правление, обязанность которого будет разбирать разного рода просьбы и жалобы жителей и защищать от притеснения сильных.

2) Так как Бзыбский округ должен быть образцовым для прочих округов Абхазии и чтобы пользу благоустройства могли видеть жители Абхазии, а потому для внутреннего порядка и устройства разделить его на несколько частей или моуравств по усмотрению владетеля и назначить в сих участках по несколько нацвалов, для исполнения обязанностей земской полиции.

3) Запретить всем жителям брать несоразмерные проценты и иметь за сим строгий надзор.

4) За воровство с виновного взыскивать не более, как вдвое вещей или денег, т. е. за украденную одну лошадь взыскивать два, а не так, как сие теперь взыскивается, в семеро, восьмеро и более. От сего виновный

приходит в бедность и разорение, чем и вынуждается быть разбойником и грабителем.

5) Прекратить откуп одному лицу на кукурузу, ибо владетель от сего получает ничтожный доход – 150 р., а жители ропщут и видимо беднеют; при том же откуп сей начался только с нынешняго года, а прежде такового никогда не было.

6) Строго воспретить кровомщение, а равно наблюдать, чтобы из мести и личной злобы никто не осмеливался делать друг на друга нападение для разорения деревень и домов. Преступников за смертоубийство и грабеж отсылать к суду в Сухум-Кале или Кутаис.

7) Наблюдать, чтобы турецкия кочермы без карантинного очищения не приставали к Абхазским берегам.

8) Беглых турок, какого бы они звания не были, в Абхазии вовсе не принимать.

9) Непременно схватить и доставить в Кутаис или Сухум-Кале разбойника Хасана Марганиа, для удаления его вовсе из Абхазии.

10) К имеющимся лугам около Бамбор я прошу владетеля прибавить еще таковых, ибо по малости оных казачьи лошади кормятся папоротником, отчего каждый год бывает большой падеж на лошадей.

11) На вновь устроенных казачьих постах, как-то: в Бамборах, Сухуме, Драндах, Катаулах, чтобы безотлучно находились на каждом по 5-ти чел. конных абхазцев для провожания почт и проезжающих.

12) Вообще оказывать надлежащее пособие войскам, расположенным в Абхазии, о чем строго подтвердить всем жителям, приказав им при том продавать русским все жизненные припасы; в противном случае я буду иметь полное право думать, что сам владетель старается не допускать абхазцев к сближению с русскими.

АКАК, т. VIII, ч. I, с. 450 – 451.

2.64 Евецкий О. Статистическое описание Абхазского княжества.

1835 г.

Абхазское княжество, простираясь от самой северо-западной оконченности до юго-восточной на 120, а от восточной до западной на 150 верст, заключает всего пространства около 6 000 квадратных верст. Жителей считается около 52,300 душ и именно в обществах: Абшивском 10,500, Цыбельдинском 15,000, Абхазском 8,100 и Бзыбском 18, 700.

Примечание. 1) Народонаселение состоит из абхазцев…

Абхазское княжество в нынешнем своем положении, разделяется на четыре округа, из коих Цебельдинский составляет особое вольное общество, не признающее над собою никакого владетеля. Абхазский и Абшивский округа

АЛЫТАИР

хотя и признают, по наружности, общего владетеля, поддерживаемого российским правительством, полковника князя Михаила Ширвашидзе, но повинуются: Абхазский округ родным дядям Ширвашидзе Баталу, Тееру и Гассан беям, из коих последний имеет наибольшее влияние на народ, а Абшивский двоюродному их брату Алибею. Один только Бзыбский округ, как собственный удел Ширвашидзе, действительно признает власть сего князя.

Примечательные места в Абхазии суть: укрепленное селение Соуксу, местопребывание владетеля, с 5 000 жителями и церковью, и крепость Сухум-Кале, выстроенная на морском берегу из дикого камня. Она состоит из четырех четырехугольных бастионов, хорошо вооружена и имеет непреступное местоположение. Сухум-Кале есть также главное торговое место в Абхазии.

(Евецкий О.). Статистическое описание Закавказского края, ч. II, СПб, 1835, с. 172 – 173.

2.65 Торнау Ф. Ф. Воспоминания Кавказского офицера. Ч.1. Об Абхазии и абхазах. (Извлечения).

1835 гг.

… Настоящая граница Абхазии начиналась на правом берегу Ингура. Гализга служила прежде только для разделения двух абхазских округов Самурзаканского и Абжельского. По причинам, которых я не мог никак понять ясным образом, Самураканский округ был причислен нами к владению князя мингрельского, и абхазская граница отодвинута с Ингура к Гализге. Последствием этого отчисления было то, по крайне мере в мое время, что самурзаканцы, избавленные от послушания своему природному князю, отказывались также повиноваться и новому владетелю; а независимое направление своего образа мыслей принялись обнаруживать воровством и разбоями.

Илорский редут, если только можно назвать этим именем неправильные кучи грязи, означавшие места, на которых следовало находиться брустверу, вмещал в своей окружной части роту Грузинского гренадерского полка. Солдаты, жившие в балаганах, построенных из жердей и из камыша, буквально утопали в грязи. Ротный цехгауз, провиантский магазин, конюшни и кухни не имели места в укреплении…

В полухристианской, полумагометанской Абхазии следовало беречь подобного рода памятники христианской старины, к которым сами абхазцы-мусульмане питали неизъяснимое чувство благоговения, основанное на темных преданиях о святыне, осенявшей веру их праотцов… Число больных в батальоне Грузинского гренадерского полка, зимовавшего в Драндах, не превышало обыкновенно двенадцати человек из семисот. Это был

замечательный факт между кавказскими войсками, которые обыкновенно страдали и гибли несравненно более от болезней, чем от неприятельского оружия…

Не доезжая пяти верст до (Сухумской) крепости лежало на пути абхазское селение Келассури, в котором жил Гассан-бей, дядя владетеля. Его рубленный деревянный дом, имевший вид широкой четвероугольной башни, стоял на высоких каменных столбах. Крытая галерея, охватывавшая весь дом, на которую вела узкая и чрезвычайно крутая лестница, облегчала его оборону. Двор был окружен высоким палисадом с бойницами, в котором открывалась тесная калитка, способная только пропустить одного человека или одну лошадь. Довольно было взглянуть на постройку дома, на окружающий его палисад, на эту маленькую, плотно затворенную калитку, чтобы понять всегдашнее состояние опасения, в котором Гассан-бей проводил свою жизнь…

Против его дома, под самым морем, находился длинный ряд деревянных лавок, принадлежавших туркам, перешедшим из Сухума в Келассури, когда крепость досталась русским… Гассан-бей, управлявший Сухумским округом на правах удельного князя, считался не без причины самым закоренелым покровителем турок, проживавших в Абхазии… Турецкие купцы платили ему значительную пошлину за право торговли и сверх того доставляли ему все редкие товары, которых нельзя было найти в целой Абхазии…

Абхазия, подчинявшаяся России в лице своего владетеля, занимала морской берег от Ингура до Бзыба и делилась на четыре округа; Самурзаканский, Абжельский, Сухумский и Бзыбский. Самурзаканский округ, как я прежде упоминал, был нами отчислен Мингрелии. Кроме того, находилось в горах между источниками Бзыба и Кодора, независимое общество, составленное из абхазских выходцев, именуемое Цебель и долженствовавшее, по своему географическому положению между снеговым хребтом и абхазским прибрежьем, составить пятый округ Абхазии, но которое всегда отказывалось повиноваться владетелю[1], находясь в неприступности занимаемого им местоположения достаточную защиту от его претензий. Когда русские войска занялись в Абхазии разработкой дорог, цебельдинцы воспользовались этим обстоятельством для того, чтобы беспрестанно тревожить нас, угонять порционный скот, лошадей и убивать одиночных солдат, удерживаясь, впрочем, от нападений открытой силой…

Малочисленная Цебельда, состоявшая, по нашим тогдашним сведениям, не более как из восьми сот или тысячи семейств, служила неприятною помехою для наших дел в Абхазии…

Подъехав к дому, я остановился и, не называя себя, послал узнать, желает ли Гассан-бей видеть у себя проезжего. Эта одна из выгодных сторон

[1] Цебельда не повиновалась владетелю, но находилась под его влиянием и старалась сколько можно более сохранить его доброе расположение.

АПСТАИР

кавказского гостеприимства. Чужого человека принимают, не спрашивая кто он, откуда и куда едет, пока он сам не сочтет необходимым объявить об этом, иногда только за тайну, одному хозяину, имея причины скрыть свое имя и свои дела от посторонних людей… Наконец калитка отворилась, и Гассан-бей вышел ко мне на встречу. Я увидел в нем плотного человека, небольшого роста, одетого в богатую черкеску, с высокою турецкою чалмой на голове, вооруженного двумя длинными пистолетами в серебряной оправе; один из них он держал в руке готовый для выстрела. Как только знавал Гассан-бей, но помнит его без этих пистолетов, спасавших его раза два от смерти, и из которых он стрелял почти без промаха…

Сухум произвел на меня самое неблагоприятное впечатление. Базар, находившийся перед крепостью, состоял, не более как из двадцати грязных духанов-кабаков, в которых были выставлены для продажи без всякого разбора: вино, водка, табак, седла, оружие, говядина, соленая рыба, овощи и самые простые турецкие материи. Хозяева были греки и армяне. По единственной топкой улице этого рынка прохаживались лениво несколько абхазцев с винтовками за спиною, с башлыками на голове, повязанными в виде чалмы, и перебегали матросы в своих холощенных брюках и темнозеленых куртках, заглядывая в лавки и торгуясь с купцами. Только из одного духана раздавались веселые голоса; в его открытом окне виднелись эполеты и фуражки наших морских офицеров. Это был духан Тогонеса, избранный ими для постоянного пристанища на берегу, единственное место отдыха в Сухуме… Тоганесова лавка отличалась от других духанов поставленною перед ее дверьми гипсовою статуей с транспорта, потерпевшего кораблекрушение посреди сухумской бухты.

Крепость, построенная из дикого камня в виде четырехугольника, около ста саженей по фасу, с башнями по углам, имела вид развалины. Внутри ее помещались две ветхие, деревянные казармы, госпиталь, артиллерийский цейхгауз, провиантский магазин и дом коменданта. Сухумский гарнизон составляли две пехотные роты и команда крепостной артиллерии. Люди имели болезненный вид несчастных жертв, обреченных на вечную лихорадку, от которой половина их ежегодно умирала. Они знали это и, нельзя сказать с спокойным духом, но безропотно несли свою участь, не переставая исполнять тяжелую службу с покорностью, свойственною русскому солдату. Побеги случались между ними очень редко… Кроме нескольких десятков турецких чектерм, качавшихся на воде, около десяти русских военных судов разной величины, начиная от красивого фрегата до уродливой толы, лежали на якоре перед Сухумом. Тяжелые баркасы и легкие шлюпки перерезывали бухту по всем направлениям, сообщаясь с берегом и с судами, на которых кипела работа…

В Бамборах, где должен был иметь свое постоянное пребывание, помещались: батальон 44 егерского полка, полковой штаб и все главные военные

заведения и склады для войск, занимавших Абхазию. Генерал Пацовский, командир егерского полка и начальник всех войск во время отсутствия генерала А., жил в Бамборах, занимая длинный, низенький дом с небольшим садиком впереди, стоявший возле гауптвахты, на обширной площади. Укрепление имело вид большого бастионированного параллелограмма и состояло из земляного бруствера обыкновенного размера. Внутренность его, разбитая на шесть правильных кварталов, обстроенных небольшим, чисто выбеленными домами, длинными казармами и магазинами была опрятна и не наводила тоски, свойственной другим абхазским укреплениям. Возле крепости находился небольшой форштат с неизбежным базаром, населенным армянскими и греческими торгашами. Сюда абхазцы, а под их покровительством и незнакомые неприятельские черкесы, приходили, менее для торговли, чем для того чтобы узнать новости и высматривать что делается у русских. Положение Бамборы в широкой и правильной долине реки Пшанды, в трех верстах от морского берега и почти в таком же расстоянии от селения Лыхне, или Соук-су, как его называли турки, местопребывание владетеля Абхазии, давало этому пункту значение, которым Пацовский воспользовался весьма искусно для сближения с нами абхазцев и для распространения на них, сколько было можно, нашего нравственного влияния…

На берегу моря, недалеко от укрепления, занимали: батальон Грузинского гренадерского полка и артиллерийская батарея, принадлежащие к абхазскому действующему отряду. Это обстоятельство служило к немалому оживлению Бамборского общества…

Ермолов не ошибся в Пацовском. В тридцатых годах он высадился в Абхазии с десятью ротами своего полка… занял Гагры, Пицунду и Бамборы, и не переставал трудиться с этого времени над устройством порученной ему части… Укрепив Пицунду и Гагры и построив в них необходимые помещения для гарнизонов, Пацовский успел в четыре года полковыми средствами возвести Бамборское укрепление… Абхазцев он сумел привлечь к себе и овладеть их доверенностью, приноравливаясь к их понятиям... Они верили ему безотчетно и приезжали к нему за советом и за помощью… Пильная мельница на Мцыште служила одним из главных способов сближения абхазцев с своими русскими соседями… Мало-помалу они стали приезжать на Мцышту, выменивать и выпрашивать доски у Пацовского, которые он им давал под разными условиями… Значение, которое Пацовский умел приобрести в глазах абхазцев, отзывалось на всех русских… Говоря о хороших отношениях, существовавших в Бзыбском округе между русскими и абхазцами, надо отдать справедливость владетелю, прилагавшему со своей стороны все старания поддержать эти отношения…

Вскоре после моего прибытия в Бамборы, я поехал с Пацовским в Лехне представиться владетелю, имевшему в то время звание полковника лейб-гвардии Преображенского полка, уставленной тополями, шелковичными и

АЛТАИР

ореховыми деревьями, повитыми до самой вершины необыкновенно толстыми лозами, составляющими одно из главных богатств абхазских поселян. От винограда, растущего в изобилии на этих лозах, получается очень порядочное вино, добываемое в Абхазии самым первобытным способом. Жители делают для этого яму в земле, обкладывают ее глиною и потом обжигают сколько можно, разложив в ней огонь. Вытоптав виноград ногами в этой яме, из нее вычерпывают вино, когда сок перебродил, и хранят его в глиняных кувшинах, зарытых в земле…

Дом владетеля нет причины описывать подробно. Архитектурою он был много похож на дом Гассан-бея и отличался от него только размерами, будучи несравненно выше и просторнее. Палисад заменялся высоким плетенным забором, огораживавшим чрезвычайно обширный двор. Вместо тесной калитки отворялись для приезжего широкие ворота…

Михаил Шервашидзе, абхазский владетельный князь, носивший у своих имя Гамид-бея, был тогда красивый молодой человек лет двадцати четырех, пользовавшийся всеми качествами, имеющими высокую цену у черкесов, то есть был силен, стрелял отлично из ружья, ловко владел конем и не боялся опасности. Как правитель, он был, несмотря на свою молодость, далеко не хуже, если не лучше других, много хваленных кавказских владельцев. В отношении русских он держал себя как следует… Как настоящий горский князь, Михаил исполнял правила гостеприимства в самых широких размерах…

Пацовский, заботясь, сколько было возможно; облегчить для меня сношения с абхазцами, назначил поручика своего полка, абхазского уроженца Шакрылова, находиться постоянно при мне в звании переводчика. Шакрылов говорил равно хорошо по-русски, по-абхазски и по-турецки, знал основательно свою родину, и к этим качествам… присоединял еще и большую смелость... Он и другой абхазец, Цонбай, первые решились вступить еще молодыми людьми в русскую военную службу. Пацовский, желая этим способом составить новую связь с абхазцами, и приманить их выгодами службы, взял Шакрылова и Цонбая к себе в дом на воспитание, и в несколько лет образовал из них прекрасных офицеров, не в чем не отстававших от своих русских товарищей…

С шестого по шестнадцатый век весь абхазский народ исповедовал христианскую веру. Церковью управлял независимый католик, имевший пребывание в Пицундском монастыре; в Драндах находилось епископство, и кроме того вся Абхазия была усеяна церквами, развалины которых я встречал на каждом шагу. Турки, обратившие абхазцев в магометанскую веру, не успели совершенно уничтожить в них воспоминаний о христианской старине. В абхазском магометанстве не трудно было заметить следы христианства, в соединении с остатками язычества. Когда Себер-бей принял христианскую религию, примеру его последовали некоторые абхазцы; другие крестились позже при его наследниках…

В Сухуме я проводил почти все мое свободное время на судах нашей эскадры, или на квартире у доктора К., с которым я познакомился очень близко, находя всегда у него готовую квартиру…Он, хороший доктор и очень умный человек, пользовался уважением всего сухумского общества, состоявшего почти исключительно из наших моряков, и имел один только недостаток, он был беден и своими трудами не мог ничего нажить, не имея в Сухуме другой практики кроме военного госпиталя…

Восточный берег Черноморья населен двумя совершенно различными племенами: от Анапы до реки Саше живут натухайцы и шапсуги, принадлежащие к племени известному у нас под именем черкесского, или Адыге, как они сами себя называют; от Саше до устья Ингура морской берег занят абазинцами, называющими себя «абсаци». Последние делятся на джигетов или садзов, живущих между реками Саше и Бзыбь, и на абхазцев, составляющих отдельное владение. Черкесы и абазины говорят на двух различных языках, не имеющих между ними никакого сходства. Трудно определить число абхазского народонаселения: в мое время нам не удалось еще нигде пересчитать горцев точным образом. Все цифры того времени, которыми означали кавказское население, брались приблизительно, можно сказать, на глаз. По понятиям горцев считать людей было не только совершенно бесполезно, но даже грешно; почему они, где можно было, сопротивлялись народной переписи… В мое время, то есть в тридцать пятом году, считали в Абхазии около сорока тысяч голов мужского пола, цифра, которая, я повторяю, не позволяя себе ручаться за ее точность.

Все абазинское племя воинственно несколько менее черкесов. Занимая весьма лесистую и гористую местность, абазины дерутся преимущественно пешком и пользуются славой отличных стрелков. В домашней жизни, в одежде и вооружении они совершенно сходны с черкесами, и отличаются от них в этом отношении только двумя особенностями, весьма приметными для горцев. Кафтан с патронами на груди, составляющий общую горскую одежду на всей северной стороне Кавказа, они носят гораздо короче черкесов, и кроме того, имеют привычку обвивать башлык чалмою около шапки, когда концы его не распущены по плечам против дождя, чего не делают черкесы.

Прибрежные абхазцы занимаются рыбною ловлей. Устья горных речек, впадающих в море, изобилует лососиною, которая составляет весьма лакомую пищу и здешнему обычаю жарится обыкновенно на вертеле. Берега посещаются летом несчетным количеством дельфинов, которых абхазцы ловят для вытапливания из них жиру, закупаемого турками и греками. Ловля дельфинов весьма любопытна. В хорошую погоду они имеют привычку держаться на поверхности моря, подпрыгивая беспрестанно колесом. Тогда абхазцы выезжают на самых маленьких каюках, выдолбленных из дерева, обхватывают довольно большое пространство длинною сетью, имеющего футов шесть ширины, с поплавками наверху и с тяжестью внизу, застав-

АЛЫТАИР

ляющими ее принять в воде вертикальное положение. Два или три каюка въезжают во внутренность обхваченного сетью пространства, и ловцы начинают бить баграми находящихся в нем дельфинов. Этот способ ловли не безопасен, потому что каюки иногда тонут под тяжестью убитой рыбы, и опрокидываются, когда дельфины ударяют в них кружась в воде, но абхазцы не боятся этого, плавая не хуже дикарей островов Южного океана.

Хлебопашество находится в Абхазии, как и во всех горах, в самом первобытном состоянии и ограничивается небольшим посевом «гоми», кукурузы, ячменя, фасоли и табаку. Пшеницы сеют очень мало. Русские научили абхазцев разводить капусту, картофель и некоторые другие овощи. Абхазия чрезвычайно богата виноградом и разными фруктами, в особенности грушами, сливами и персиками, растущими без всякого ухода. В лесах господствуют – дуб, бук, чинара, орех, каштан и шелковица. Около Сухума встречается в больших размерах буксовое дерево и растет лавр. Скотом абхазцы беднее прочих горцев. Лошади их небольшого роста и не отличаются силою; ослы в большом употреблении. Дичи так много в горах и абхазских лесах, что хлебопашцы не знают как уберечь от нее свои поля. Чаще всего встречаются дикие козы, серны и кабаны. Последние производят весьма убыточные опустошения в полях… Из диких зверей водятся медведи, волки, лесные кошки, лисицы, куницы и шакалы в несметном количестве. Иногда случается охотникам ловить барсов…

Прибрежные черкесы и абазины, живущие на севере от Абхазии, имели действительно обыкновение отправляться на морской разбой в узких, длинных и чрезвычайно легких лодках, вмещавших от тридцати до пятидесяти человек. Эти лодки, названные нами галерами, были уже известны византийским грекам под именем «камар». Быстрота их удивительна, и они так легки, что люди выносят их из воды на своих плечах, прячут в лесу…

Через три недели после несчастной кончины Шакрылова было положено его семейством совершить поминки по нем… Я поехал на место собрания, назначенного около домов, принадлежащих семейству Шакрыловых, между Бамборами и владетельским домом. Вся поляна была покрыта людьми и лошадьми, расположенными живописными группами под тенью высоких шелковичных дерев, обвитых виноградными лозами. Народу собралось более двух тысяч. В открытом поле стояли подмостки с кроватью, убранною по-прежнему коврами, материями и платьем, принадлежавшим покойнику. Возле подмостков сидела вдова под черным покрывалом, окруженная множеством молодых и очень хорошеньких женщин в самых ярких нарядах. Недалеко от нее братья покойника держали под устцы трех лошадей, оседланных резными седлами, детским, щегольским с серебряными украшениями и боевым.

Когда я приехал, все еще были заняты утренним угощением. Груды вареного мяса и баранины истребляли с неимоверною скоростью, котлы с

просом кипели во всех местах, вино, разносимое в глиняных узкогорлых кувшинах, лилось ручьем. Когда все насытились, народ собрался в одно место и образовал круг, в середину которого внесли первую лошадь с детским седлом. Возле нее шел импровизатор, рассказывавший рифмованным напевом как рос Эмин в детстве на радость отца и матери. Когда привели лошадь с седлом из яркого сафьяна, украшенного серебренным галуном, тот же человек пел народу о красоте и ловкости покойного и рассказывал как на него заглядывались и как вздыхали о нем абхазские красавицы. При появлении лошади с боевою сбруей, он привел на память его военные достоинства, храбрость, хитрость, и рассказал его несчастный конец. Под конец каждой фразы народ отвечал на его слова громко выкрикивая и ударяя себе по лицу, в знак скорби сожаления. Это прославление покойника продолжалось в течение трех дней каждое утро, между тем как жена его сидела неподвижно под своим покрывалом. После того стреляли в цель из ружей разными способами, с присошек и с руки, в неподвижную и в подвижную мишени, и кружок, поднятый на высоком месте, и в живого орла, привязанного к вершине его на длинной веревке. За удачные выстрелы раздавались призы разного достоинства, начиная от огнива и поясного ремня до пистолета в серебряной оправе. Выстрелы гремели весь день до позднего вечера, пока народ не принялся опять пировать при свете многочисленных огней. Женщины отправились потом ночевать в Лехне, а мужчины заснули на месте, укутавшись в бурки по кавказскому обычаю.

На третий день была назначена скачка, которою всегда кончается тризна по умершему. Эта скачка представляла самый оживленный и самый любопытный эпизод празднества. Скакали на тридцати лошадях мальчики двенадцати и четырнадцати, имея под собою черкесские седла без подушек, для того, чтобы не сидеть, а стоять в стремнях, с места поминок к Пицундскому монастырю и обратно, через горы по чрезвычайно тесной и каменистой дороге. Расстояние, которое они должны были проскакать, составляло около сорока восьми верст. Хозяева скаковых лошадей следовали за ними на переменных лошадях, расставленных по дороге, имея право возбуждать их голосом и хлопаньем, не касаясь только плетью. Вся эта ватага, состоявшая более чем из сотни ездаков, неслась, подобно вихрю, с криком, гиком и хлопаньем нагаек, через бугры и рытвины, по полям и по лесу, на гору, под гору, нигде не сдерживая лошадей, с одной мыслью перегнать один другого и взять призы, состоявшие в прекрасной кабардинской лошади с седлом и в богатом ружье, пожертвованными владетелем на поминки Шакрылова. Я ничего не видел в Абхазии более увлекательного этой скачки…Редкая скачка подобного рода обходится без несчастья. Мальчики очень часто падают с лошадей, убиваются, и за одними поминками следуют другие, кончаясь теми же головоломными скачками…

А. Абазинское племя

АЙТАМИР

Не останавливаясь на бесполезном разборе сказаний древних источников и баснословных народных преданий, я берусь только означить первое место, занятое абазинами на Кавказе. Оно находилось бесспорно в нынешней Абхазии, между морем и горами, ограничиваясь на юге Ингуром и на севере Бзыбом. Внутренние раздоры, кровомщение и недостаток удобной земли, в особенности пастбищных мест, заставили небольшую часть абазин переселиться во внутренность гор, к источникам Кодора, Бзыба и Мзымты, и образовать там вольные общества, после того как они столкнулись с черкесами на реке Соче, распространяясь по берегу моря на север. Не находя довольно средств для своего существования и в этих местах, некоторые семейства перешли через снеговой хребет на северную сторону гор и поселились там в недальнем между собой расстоянии. Старшие линии всех значительных абазинских родов Цебельды, Медовея и северной стороны гор, можно было найти в Абхазии, чем совершенно оправдывается мое мнение. В языке абазин, перешедших за снеговой хребет, произошло слабое изменение, сравнительно с чистым абхазским языком, заметное, впрочем, только для привычного уха, а именно – утраты буквы А, прибавляемой в начале каждого существительного. Вместо адомдей, ачгун, ашкуаки, апхюс, ахюс – на северном говорят: домбей, чгун, шкуаки, пхюс, хюс и т. д. К абазинскому племени принадлежат следующие владения и общества:

а) На южной стороне гор:

1. Абхазия от устья Ингура до Бзыба, владение фамилии Шервашидзе – около 80 000 жителей.

2. Цебельда, Херпыс-куадж или Цымпар, около верховья Кодора, вольное общество, в котором первенствующая фамилия князей Маршанием, – до 8 000 жителей.

3. Псхо, у источников Бзыба и Апсты.

4. Ачипсоу, Айбога и Чужгуча, на верховьях Мзымты, Псоу и Мцы. Последние четыре селения известны у черкесов под одним общим названием Медовей. В них господствовали Маршани, разделившиеся на две отрасли Богоркан-ипов и Мас-ипов. Жителей в Медовее можно было считать не более 10 000.

5. Садзы, или джигеты, на морском берегу от Гагр до реки Сочи, – 11 000 душ. Они разделились на множество вольных обществ.

6. Саша, на реке Соче, под властью княжеской фамилии Облагу. Жителей до 10 000; в том числе есть отчасти черкесы и убыхи.

в) На северной покатости хребта:

1. Башилбай, на верховье Урупа, под властью Маршаниев, – 1 800 душ.

2. Там, недалеко от источника Большой Лабы, – 550 жителей, повиновавшихся узденям Заурум-ипа.

3. Кылызбек, между Большой и Малой Лабою, на реке Андрюк, – 550 душ, господствующая фамилия – Маршани.

4. Шегрей, в начале Малой Лабы – 600 душ, под властью узденей Шлокум.

5. Бач, на реке Ходзе, у подошвы горы Амишбог (имя произошло от дворянской фамилии, владевшей этим аулом), – 600 душ.

6. Баракай, на реке Будее, – 1250 жителей, повиновавшихся двум дворянским фамилиям Лях и Анчок.

7. Ловов аул, на Куме, по правую сторону Кубани, – 1 800 жителей.

8. Дударуков аул, на левом берегу Кубани, против станицы Баталпашинской, – 1. 700 душ.

9. Биберов аул существовал на Урупе до 1829 года, когда он был совершенно разорен русскими войсками, под командой генерал-майора Фролова, и жители его отведены в плен.

Всего можно было полагать на Кавказе абазинского племени около 128 000 душ.

Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. Ч. I. с. 20, 22 – 24, 26, 28 – 33, 35 – 37, 39 – 41, 49, 56, 61 – 62, 67, 76 – 78, 113 – 114.

2.66 Торнау Ф. Ф. Воспоминания Кавказского офицера. Ч. 2. Об Абхазии и Абхазах.

1835 гг.

Кавказ богат красотами природы, но я помню мало мест, которые бы могли равняться по живописному виду с долиною Мзимты. Пролегая на расстоянии тридцати пяти верст, от главного хребта до гребня Черных гор, идущего параллельно морскому берегу, она ограничивается с двух сторон рядами высоких неприступных скал, защищающих Ачипосу с севера и юга. В этой глубокой котловине течет быстрая Мзимта, образующая бесчисленное множество водопадов. По обе стороны реки раскиданы купы домов и хижин, окруженных темною зеленью садов, виноградниками, посевами кукурузы, проса, пшеницы и свежими бархатными лугами. По мере удаления от берегов, постройки и обработанные участки земли заменяются вековым лесом, который окаймляет бока гор упирающихся в красноватые зубчатые скалы…

Не далеко от Ачипсоу находятся еще два селения, Айбога на реке Псоу и Чужгуча на реке Чужипсы, составляющие все вместе одно общество, известное под именем Медовей. Жителей в нем не более десяти тысяч. Они не богаты скотом, мало имеют пахотной земли; но зато пользуются изобилием фруктов: персиков, абрикосов, груш и яблок, превосходящих величиной и сочностью все подобные плоды, какие можно встречать в других местах по берегу Черного моря. Горы покрыты каштановыми деревьями, дающими пропитание большей части бедного населения, у которого очень часто

АЛЫТАИР

не достает пшена и кукурузы. Жители сушат каштаны на зиму, и разварив потом в воде, едят их с маслом или с молоком. В Ачипсу имеется отличный мед, добываемое от горных пчел, гнездящихся в разселинах скал. Этот мед очень душист, бел, тверд почти как песочный сахар, и весьма дорого ценится турками, от которых медовеевцы выменивают необходимые им ткани исключительно на мед, воск и на девушек…

В Медовее только все Маршани и некоторые второстепенные дворянские фамилии исповедуют магометанскую веру; простой народ склоняется к язычеству, и не имеет определенных верований, в случае беды обращают свои молитвы к некоторым скалам и к святым деревьям, и к шайтану питает непреодолимый детский страх. Женщин медовеевцы не имеют обыкновение скрывать…

На другой день мы отправились в Чужгучу, переехав через Мзымту по висячему мосту, устроенному с большим искусством из жердей, досок и виноградной лозы. Подобных мостов я насчитал через реку около пяти для пешеходов и два для лошадей…

Из Чужгучи мы переехали в селение Чужи, лежавшее на реке Худапсы. Число наших проводников увеличилось до двадцати человек, принадлежавших к разным абазинским обществам, княжествам и республикам, существовавшим по близости моря. Все они враждовали между собою и соединялись только против своего общего врага…

От князя Ислам-Бага, принявшего нас в Чужи, мы переехали в селение Чуа, на реке Мце, по совершенно удобной дороге, не препятствовавшей нам пользоваться лошадьми. По мере приближения к морю, горы, понижаясь, представляли богатую растительность, посевы умножались и народонаселение становилось гуще. Вправо и влево от дороги тянулись, с небольшими промежутками, отдельные группы домов, окруженных посевами гоми, кукурузы, пшеницы и табаку. Стали показываться также фруктовые деревья, обвитые виноградными лозами…

Напротив, наш путь на север по берегу моря, мы через полчаса приехали благополучно в Сочипсы к князю Облагу… Облагу был от Бзыба до Шахе самый значительный владелец и, подобно Гассан-бею абхазскому, ревностный мусульманин и покровитель турок, имевших в Сочипсах постоянный склад товара. Дом его, окруженный частоколом, стоял на краю селения, расположенного вдоль реки Сочи и закрытого со стороны моря густым лесом…

Я мог поэтому осмотреть на свободе поляну Лиеш, известную у нас под именем мыса Адлер или Ардиллер. Со стороны моря она закрывалась густым, но весьма неглубоким лесом, перед которым находился длинный завал, прочно сложенных из огромных дерев, камней и глины. Правый фланг завала упирался в вековой лес, тянувшийся верст на десять до подножия гор, ограничивавших долину с востока. Примыкая тылом к лесу, ряд

небольших аулов: Кирека, Абаза, Бабтерипш, Учуга, Хытхорипш, Кота и Джанхота, составляли полукруг, перед которым лежала совершенно ровная и открытая местность…

Вообще участь гагринского гарнизона была в то время очень незавидна. Горы командовали укреплением с трех сторон, с четвертой стороны оно примыкало к морю. Черкесы били солдат из ружей внутри Гагр, дрова и фураж доставались гарнизону не иначе как с бою. По целым месяцам он кормился одною солониной и хлебом, крупою и картофелем. Овощи, свежее мясо и живность считались за величайшую радость. Женщин не существовало в Гаграх; о них знали только по преданию. Сухим путем Гагры не имели сообщения с Абхазией и получали провиант морем в известные сроки. В мой приезд имелись в укреплении из домашней птицы только один петух и две курицы. Участь солдат была бы еще тягостнее, если бы не существовали огромные собаки, приученные открывать неприятеля, следить за ним и караулить укрепление по ночам.

Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. Ч. II. с. 39-43, 47, 50, 53, 59-60. «Русский вестник», 1969, №2, с. 39-41.

2.67 Из рапорта поручика Ф. Ф. Торнау начальнику штаба отдельного Кавказского корпуса В. Д. Вольховскому о намерении разведать дорогу от Гагры до Геленджика.

Укр. Бамбора, 20 февраля 1835 г.

Вследствие приказания, данного мне вашим превосходительством, я по прибытии своем в Абхазию немедленно занялся изысканием способа к проезду от Гагр к Геленджику для осмотра дорог, пролегающих между сими местами.

Сколько я мог узнать от людей бывших в тех местах, береговое сообщение между Гагрою и Геленджиком действительно существует; прерывается оно только в одном месте и несколько выше Гагры, скалами вдавившимися в море, но и тут находится объезд по горе, проходимый для конного. Проехать по этой дороге русскому офицеру, хотя бы он был переодет, весьма трудно, по причине бдительности и недоверчивости живущих около нее горских племен, в особенности со стороны Абхазии, откуда они ныне ожидают вторжения русских войск.

Между тем я нашел средство, кажется мне верное, осмотреть эту дорогу, проехав Абхазию за Снеговой хребет кавказских гор и оттуда к мысу Адлеру или Геленджику, смотря по обстоятельствам, и потом следуя вдоль берега Черного моря… Соломон Микамбай – абхазский почетный дворянин, уважаемый в народе по старости лет и по уму до сего времени, хотя и не вредил русским, но не сближался с ними. Неприятность места, в кото-

АЛБТАИР

ром он живет, отдаленность его от занятых нами пунктов и зажиточность казались ему до сего времени достаточными признаками к сохранению совершенной независимости. Видевшись с ним в Келасурах, у Гассан-бея, я старался его привлечь ласками и обращением принаравленным к обычаям здешнего народа. Старания мои остались не без успеха. На другой день поутру он явился ко мне в Сухум с предложением мне услуг и с приглашением ехать к нему в деревню. Через несколько дней после того он приехал ко мне вторично, в Бамборы, и откуда провел в деревню Акуача (место жительство его, лежащую выше д. Анухвы), у входа в ущелье, по которому пролегают дороги в Псу, Агипсу , на Линию и в Цебельду. Дорога, ведущая через Псу на Линию, проходима для конного и зимой и летом. Обстоятельство это заставляет обратить на нее внимание, тем более, что от берега моря к с. Акуача по горе, на которой построена Анакопия, может быть устроена дорога, которая, хотя и потребует сначала значительной разработки, но после уже, по свойству каменистой почвы своей будет всегда проходимою, без особенного поддержания.

Деревня Акуача в Абхазии считается самым неприятным местом, и Соломон Микамбай, проводив меня к себе, сделал это, убедившись в необходимости сблизиться с русскими. Человек этот, имея родство у черкесов и в Кабарде, может мне много способствовать к выполнению возложенного на меня, вашим превосходительством, поручения.

Посредством его я могу осмотреть дороги из Абхазии в Псу, Ачипсу и на Линию ведущие. От него же я узнал о людях, которые меня могут провести по береговой дороге, от Геленджика к Гаграм, и по другим сообщениям в горах…

В докладной записке, поданной мною господину полковнику, ныне генерал-майору Пацовскому, я объяснил возможность склонить кого-либо из соседственных Гаграм владельцев служить мне проводником к Геленджику. Основывался я в сем на желании Аредбиев покориться русскому правительству поразведав обстоятельнее об отношениях их к соседственным им убыхам, я узнал, что они едва ли на это могут решиться, будучи гораздо слабее своих соседей, которыми они беспрерывно побуждаются к неприязненным действиям против русских, часто даже против собственного их желания.

Теснимые с одной стороны убыхами и ожидая с другой нападения русских, в чем их уверяет приближение действующего в Абхазии отряда, живущие от Гагры до мыса Адлера джигеты, не раз изъявляли, некоторые из абхазцев находящимися с ними в сношениях, желание покориться русскому правительству… Занятие мыса Адлера, при содействии Аредбаевых, десантом, сколько я могу судить, доставит значительные выгоды, хотя оно и будет сопряжено с потерею; отрезав живущих до того места джигетов от убыхов он их отдаст в руки правительства без кровопролития и немало

послужит к обезопасению сухопутного сообщения Бамбор с Гагрою. Дорога может быть разработана после уже и вероятно будет стоить гораздо меньше людей и трудов, чем когда и убыхи и джигеты в одно время станут противиться проложению оной… Слухи о разорении живущих вблиз Анапы и Геленджика горцев дошли и до Цебельды, которая крайне опасается вторжения русских войск. Не соглашаются цебельдинцы на предложения Мисоуста Маршания, не доверяя ему после поездки в Тифлис. Вообще сколько я мог узнать, цебельдинцы после смерти Хирпса Маршания никого не слушают в особенности и хотя Мисоуст и остался старшим в роде, но он имеет противников равняющиеся с ним в влиянии на народ. Сыновья Дарукуа Маршания, Хинкуарс, Алибей, Шамбат и Эшсоу, также Аламбей Маршания, зять Гасанбея Шервашидзе, успели приобрести силу в народе…

Поручик барон Торнау.

Получ(ено) 5 апреля 1835 (г.).

ЦГИАГ, ф. 416, оп. 2, 1835 г., д. 23, лл. 10 – 15. Подлинник.

2.68 Из письма поручика Ф. Ф. Торнау и. о. обер-квартирмейстера отдельного Кавказского корпуса Х. Х. Фон Дер Ховену о трудностях, встретивших его в поездке по Абхазии.

Бамбора, 20 февраля 1835 г.

Недавно я возвратился из деревни Акуача, крайней к горам абхазской деревни, в которой первый раз был русский. Хозяин принял меня хорошо, угостил по своему и убив в честь первого русского, его посетившего, козла с огромными рогами, повесил их над очагом в память того происшествия. Нашел у него случай вызвать из Кабарды беглых князей Ловов, которые мне помогут быть весьма полезными при переезде от Гагр к Геледжику, я на счет сего отношусь рапортом прямо к Владимиру Дмитриевичу, как давшему мне приказание на счет сего. Рапорт сей Вам объяснит в подробности все дело.

Не без труда, не без поддержек и не без опасностей я дошел до сего. Опасность здесь и от пули, и от разлившихся речек, которые часто необходимость меня заставляет проезжать, несмотря ни на что, и без проводника, знающего броды. В понедельник я еду в Пицунду, в Гагры мне обещался проводить один из Иналишвили; возвратившись оттуда, проеду разными дорогами до Катаул. Недостаток у меня большой в деньгах. По здешнему обычаю, как и в Турции, каждая поездка в гости должна быть сопровождена подарками; правда, дарят и мне, но только для того, чтобы получить обратно вдвое; отказаться по здешним обычаям нельзя, и я издерживаюсь на свой страх в надежде будущих и благ и того, что наконец увидят необходимость мне прибавить содержания или с меня снять обязанность…

ЦГИАГ, ф. 416, оп. 2, 1835 г., д. 83, лл. 9 – 9 об.

АЛЫТАИР

2.69 Из рапорта поручика Ф. Ф. Торнау и. о. обер-квартирмейстеру отдельного Кавказского корпуса Х. Х. Фон Дер Ховену о «главнейших лицах» между садзами (джигетами).

Укр. Бамбора, 6 мая 1835 г.

… С самого приезда в укр. Бамбора я занимался… собранием сведений обо всем восточном береге Черного моря от Редут-Кале до Анапы, поставляя себе между тем первою обязанностью отыскание способа к проезду от Гагр к Геленджику…

Главнейшие лица между джигетами:
Беслан, Соусран, Чигуа Аредбаевы

Асланбей Абатухуа
Мисоуст Абатухуа Гечь

Эрыдбей, Салама,
Матриша Цанбаев, в с. Цандрыпш.
Мамсерипа Соусран,

Лаз Анчабадзе в с. Хысха .
Хаджидлы Чу в с. Хамышляр (Хамышыркуа)…

ЦГВИА, ф. 548, оп. 3, д. 21, лл. 103 – 104.

2.70 Из отношения командира Отдельного Кавказского корпуса Г. В. Розена военному министру А. И. Чернышеву о нападении горцев на укрепление Гагры.

Тифлис, 16 июля 1835 г.

В отношении моем от 26 июня за № 407 я имел честь сообщить в. с-ву о нападении черкес на Гагры, ныне ген.-м. Ахлестышев о происшествии сам доносит следующее: Джигетцы и другие прибрежные горские племена, обитающие по ту сторону Гагр до сел. Мухушу, собрались в числе около 3-х тысяч человек с намерением овладеть Гаграми; разделяясь на две части в 2 ч. утра 10 июня подкрались они скрытно к самому укреплению: одна часть со стороны моря, а другая через ущелье, отстоящее на ружейный выстрел от Гагры, и сделав залп из ружей, бросились на штурм, одни рубили палисад, другие лезли на туры и в амбразуры, но гарнизон, поспешно занявший бонкет, штыками и прикладами поражал черкес, стремившихся с отчаянием вторгнуться в укрепление и, очистив батареи, открыл по толпам неприятеля сильный картечный и ружейный огонь.

Изумленные столь мужественным сопротивлением черкесы отступили от укреплений на некоторое расстояние, прилегали к земле, потом опять с

ужасным криком бросились на укрепление и таким образом возобновили свои нападения, но всякий раз были мужественно отражаемы гарнизоном. Наконец, на рассвете они вовсе отступили, будучи поражены из укрепления огнем артиллерии и ружейным…

Ген.-м. Ахлестышев, услышав сильную канонаду в стороне Гагр, поспешил туда с 6-ю ротами Грузинского гренадерского полка, но прибыв на место, уже не застал неприятеля.

Здесь он узнал о подробностях сего дела, а чрез преданных нам горцев о числе неприятеля, положившего на себя клятвенный обет непременно овладеть Гаграми…

Ген. – адъютант бар. Розен.
Нач-к штаба ген.-майор Вольховский.
Помета: Доложено е. в. 29 июля 1835 г. гр. А. Чернышев.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6312, 1834 г., лл. 74 – 76 об. Подлинник.

2.71 Из отношения командира отдельного кавказского корпуса Г. В. Розена военному министру А. И. Чернышеву.

Тифлис, 25 июля 1835 г.

… Ночью противу 21 июня цебельдинский хищник князь Кацы Маршания, с шайкой по 300 человек, угнал на пастбище близ дер. Абхазской Акупо[1], лошадей на речке Баслата, более тысячи штук рогатого скота, принадлежащего абхазскому кн. Бесланбею Маршания, и убил одного пастуха.

Ген-адъют. Розен.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6297, 1835 г., лл. 16-17. Подлинник.

2.72 Отношение командира Отдельного Кавказского корпуса Г. В. Розена военному министру А. И. Чернышеву о сведениях поручика Ф. Ф. Торнау и управляющего Имеретией А. Г. Пацовского о ранее не исследованных областях Кавказа.

Тифлис, 28 января 1836 г.

В отношении от 6 августа 1835 г. за № 528, я имел честь сообщить вашему с-ву о данном мною поручении ген. штаба поруч., что ныне штабс-кап. бар. Торнау, обозреть доселе недоступный нам восточный берег Черного моря от Гагры до Геленджика, и что при всем старании он встретил совершенную невозможность исполнить сие опасное поручение и только с величайшим трудом успел, перейдя из Абхазии через Кавказский хребет, достигнуть Кавказской линии.

[1] Акапа – (**Г. Д.**).

АЛЫТАИР

После того офицер сей, по разрешению моему с содействием ком. Кубанскою линиею полк. Засса отправился обратно в горы для исполнения вышеупомянутого поручения.

Беглый кн. ногайский Карамурзин, ищущий прощения и пользующийся большим уважением между горцами, взялся быть проводником бар. Торнау. Князь сей, дабы отклонить подозрение горцев, сделавшихся чрезвычайно осторожными и недоверчивыми с открытием военных действий за Кубанию, назвал бар. Торнау своим гостем из чеченцев, коих язык вовсе не известен за Кубанью, а предлогом поездки к берегу Черного моря объявил продажу невольницы и намерение бежать в Турцию. Бар. Торнау в сопровождении 19-ти спутников кн. Карамурзина отправился из места жительства его в Шингировском ауле, лежащем у подошвы Кавказского Хребта на верховьи Лабы. Перейдя в продолжении 8-ми дней высоты хребта большею частию по опасным тропинкам, они спустились на южную покатость оного у истока р. Мдзимты, вниз по течению коей на 5-ти вер. расположен медовеевский аул Ачипсу, из сего аула бар. Торнау отправился через медовеевский аул Чужгуча и земли общества абазинских к устью р. Саше или Соче, отделяющей абазинцев от убых. Дорога на сем пространстве проходит в чаще леса по гористой местности, приметно понижающейся по мере приближения к морю.

Вражда с убыхами людей, способствовавших кн. Карамурзину в сем проезде, не позволяла бар. Торнау следовать от р. Саше к Геленджику, почему кн. Карамурзин, объявив прибрежным жителям о намерении своем повидаться перед отъездом в Турцию с живущими близ Сухум-Кале подполк. кн. Гассан-беем Шервашидзе, отправился по берегу моря в Абхазию и через 3 дня с бар. Торнау и частию спутников своих, прибыл в Гагры.

От устья р. Саше до р. Багрыпши, на расстоянии 68-ми вер. проходит густым лесом по песчаному морскому берегу дорога, при морских ветрах большею частию затопляемая волнами. От Багрипши на 1 1\2 вер. пролегает тропинка по скалам, вдавшимся в море, по которым с большим трудом можно провести лошадь, далее до р. Агис 3 вер. дорога у подошвы скалистых гор продолжается по песчаному берегу, заваленному в одном месте на 30 саж. обрушившимся с гор каменником. От Агиса 2 1\2 вер. оная идет над самым берегом моря у подошвы скал и бывает проходима только в совершенно тихую погоду. Сие последнее пространство, по причине морской зыби, бар. Торнау с проводниками прошел босыми ногами, цепляясь по крутизнам скал с опасением на каждом шагу оборваться в море.

По усмирении сего края и по подробном обозрении местности от Гагр до Багрипши, по мнению штабс-кап. бар. Торнау найдется возможность проложить дорогу, для обхода опасных на сем пространстве мест.

Прибрежная полоса земли, осмотренная сим офицером, идущая от Гагр между хребтом и берегом моря до р. Саше, состоит из покрытых

сплошным лесом гор, постепенно понижающихся к берегу моря, прорезанных ущельями, по коем стремятся большею частию в крутых берегах горные реки, удобные для перехода вброд в обыкновенное время, но весьма затруднительные во время полноводья и сильных дождей.

Отлогие берега рек, долины и вообще места удобные для заселения заняты джикетами, разделенными на мелкие общества. По всему берегу сему устроено множество завалов в особенности по скалам от Багрипши к Гаграм. Берег сей служит притоном для турецких контробандистов, куда для продажи доставляются невольники самыми отдаленными горцами.

Исполнение сего трудного и полезного предприятия, доставившего нам необходимые сведения для дальнейших действий противу горцев со стороны Абхазии, о местах, где до сего времени никто не бывал из русских, я отношу к особенной расторопности кн. Карамурзина, ревностно содействовавшего благоразумной решимости штабс-кап. бар. Торнау, для пользы службы отважившегося на все опасности, неизбежно угрожавшая ему в случае открытия кем-либо из полудиких жителей, что он переодетый русский офицер.

В то же время по поручению моему ком. войсками в Абхазии ген.–майор Пацовский на военном судне, обозрев лично в близком расстоянии морской берег от Гагр до р. Саше, донес мне следующее: от Гагр до р. Багрипши представляется с моря неудоприступный покрытый лесом берег, образуемый обрывистыми скалами Кавказского хребта, упирающегося здесь в Черное море.

От р. Багрипши до мыса Адлера (Гечь-Рибна) горы к берегу понижаются, далее до речки Худапса плоский берег покрыт частым лесом, глубина моря в расстоянии одной версты от берега до р. Псу доходит от 28-ми до 35-ти саж, а далее до мыса Адлера на том же удалении от берега не доставали дна 60 саж.

Это обстоятельство, по объяснению морских офицеров, делает возможным якорную стоянку от мыса Адлера до р. Багрипши только на короткое время, ибо по недельному расстоянию от берега и большой глубине при снятии с якоря в крепкий ветер, судно неизбежно подвергнется опасности быть выброшенным на берег прежде, нежели навертит якорь.

От мыса Адлера до р. Худапс на расстоянии 12-ти верст простирается низменность, закрытая от берега полосою леса в ширину около 200 саж. Это пространство по хорошему климату, открытому местоположению и обилию воды почитается лучшим на всем берегу от Гагры до р. Саше. Прибрежная глубина на сем протяжении от мыса Адлера постепенно уменьшается и у речки Хоста в 2-х вер. от берега только 20 саж. глубины. Хотя на сем берегу и не имеется бухты, но из всего пространства, осмотренного ген.-майором Пацовским, место сие можно полагать удобнейшим для десанта.

От р. Худапса до р. Саше или менее приближаются к берегу отроги гор, отделяющиеся от главного хребта, покрытые густым лесом, из коих изред-

АПСТАМИР

ка находится жилища горцев. Прибрежная глубина здесь от 5-ти до 10-ти саж., первая глубина находится на пушечный выстрел от берега, а последняя в 4-х вер. Весь берег от Гагр до устье р. Саше, обозренный ген-майором Пацовским, занят черкесским племенем джигетов, которых по снятой им карте он разделяет на 3 общества: 1) Цендрипш, 2) Гечь и 3) Ясхрипа.

Все здесь изложенное, а равно карту вышеупомянутого пространства, имея честь сообщить вашему сият-ву для доведения до выс. г. и. сведения, покорнейше прошу Вас, м. г., во уважение примерного самоотвержения штабс-кап. бар. Торнау для пользы службы, не оставить ходатайством Вашим о всемилостивейшем пожаловании ему награды, назначенной в прилагаемом по форме списке, не взирая на недавнее производство в настоящий чин, за опасность и труды, перенесенные им при переходе из Абхазии через Кавказский хребет на линию.

Кн. Карамурзину и более всех других ему содействовавшему беглому нагайцу Имам Хази Балялову, дано мною приличное денежное награждение. О последнем вместе с сим особенно отношусь к вашему с-ву, Карамурзин же обещал доставить возможность обозреть неосмотренную еще часть берега Черного моря от р. Саше до Геленджика и если сие исполнит, то полагаю тогда приличнее будет ходатайствовать о всемилостивейшем его награждении, и ожидание сего может поощрить его к большому усердию исполнить волю начальства.

Ген-адъют. барон Розен.

Помета А. К. Чернышева: Его величество изволил читать это донесение с особенным удовольствием. 14 февраля (1836 г.).

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6302, 1835 г., лл. 14-18 об. Подлинник.

2.73 Сафонов С. В. Поездка к восточным берегам Черного моря. (Извлечение).

Июль 1836 г.

Мы пришли в крепость Гагра. Вообразите себе, у подошвы двух высоких, отвесных гор, притиснутое к самому морю небольшое четырехугольное строение, не более 60 сажень длины в одном фасаде, обнесенное деревянным забором с плетневыми турами и с деревянными по углам башенками; посреди этого – строения, несколько домиков, мазанок, балаганов, это крепость Гагра, отделенная от всяких сообщений сухим путем, окруженная горами, с которых горцы пускают прямо в середину крепости пули, – защищается двумя ротами солдат…

Жители Гагры с одной только стороны спокойны, именно со стороны моря… В начале прошлого года до 400 горцев внезапно напали на Гагру… В одной из деревянных угловых башен мы нашли английскую пушку,

которую наши войска отняли у турок… Среди крепости Гагры находятся прекрасные остатки древнего храма, служащего теперь магазином артиллерийских снарядов. Эта была христианская церковь. Церковь эта сохранила свою форму… На верху церкви выстроена деревянная сторожевая башня…

Богатство разного рода леса здесь (в Пицунде) удивительно. Кроме орехов, платанов, дубов и сосны, здесь растет в большом количестве, так называемое, пальмовое дерево и дерево негной красного цвета; из первого мы достали много хорошо выработанных ложек; из второго – палки, мебели и проч. Последнее очень красиво, особенно в отделке. Дикий виноград необыкновенной величины и некоторые корни имеют до двух вершков толщины… Ни величественные картины Суджук-Кале, ни угрюмые красоты Гагры не помешали Пицунде поразить нас прелестями природы и таинственностью своего храма…

Крепость (Бамбора) окружена земельным валом с батареями. Внутри нее нет других построек кроме казарм, госпиталей и некоторых еще крепостных зданий. Здесь бригадная квартира войск, расположенных в разных местах Абхазии. Тотчас подле крепости находится форштат, также обнесенный большим земельным валом; в нем находятся лавки и живут купцы… приезжающие сюда из Кутаиси и других мест. Вся здешняя торговая промышленность ограничивается небольшим потреблением местных произведений и необходимых для жизни предметов… За обыкновенные абазинские кинжалы мы платили, можно сказать, весом золота…

Не вдалеке от Бамбор, в деревне Соуксу, живет владетельный князь Малой Абазии Михаил Шервашидзе, полковник русской армии. Он выстроил там красивую деревянную церковь и живет со своим семейством; ему принадлежат обширные земли вокруг Бамбор, покрытые большею частью лесом. Эти пространные земли и леса он отдает чужим и подвластным ему абазинцам на разных условиях, из коих в большом употреблении есть то, по коему половина произведений из взятой земли идет владельцу, а другая, взявшему землю.

Вообще здесь видно более торговой деятельности и разного рода промышленности, нежели в других местах этого берега. Плодоносные равнины, богатства леса, близость Кутаиса и Тифлиса придают здешнему месту особый род жизни и деятельности и делают его одним из важнейших пунктов, занятых нами в 1830 году. Мы поражены были огромностью некоторых буковых деревьев, из коих иные так толсты, что во внутренности их могут поместиться несколько человек. Вообще лес мог бы сделаться важным предметом торговли в Мингрелии и Абхазии… Это такое богатство, которое природа приготовила щедрою рукою для наших черноморских портов…

(Сафонов С.). Поездка к восточным берегам Черного моря на корвете Ифигения в 1836 году. Одесса. 1837, с. 30 – 34, 40, 63 – 65.

АЛЫТАИР

2.74 Из всеподданнейшего рапорта Новороссийского генерал-губернатора М. С. Воронцова Николаю I о посещении Абхазии.

Алупка, 26 августа 1836 г.

… 16-го (августа) … мы бросили якорь возле укрепления Гагры… Здесь начинается граница Абхазии… Край сей считается для нас мирным… Служба гарнизона в Гагре довольно тяжела, и самое положение сего укрепления у подошвы величайшей горы, далеко от всякой помощи, окруженной густыми лесами и почти непроходимыми кустарниками… Гарнизон не может выходить ни на пол версты без всяких военных предосторожностей. Климат здесь считается нездоровым…Года три тому назад укрепление сие было сильно и внезапно атаковано в ночное время большим числом собравшихся со всех сторон черкесов… В окрестностях Гагры находятся пространные дикие лавровые рощи…

Осмотрев Гагру, прошли около р. Бзыб и дошли до прекрасного залива у Пицунды, где и вышли на берег… Укрепление поставлено версты 1½ от берега, на месте очаровательной красоты, среди великолепных лесных и фруктовых деревьев, покрытых диким виноградом и кругом старинной большого размера красивой церкви, выстроенной, по преданиям и по мнению людей ученых по сей части, во времена Юстиниана. Рисунок сего любопытного здания, вместе с некоторыми другими мест нами посещенных, снят г. Чернецовым… Командовавший в Пицунде, равно как и гарнизон Гагры, состоят под ведением отрядного командира в Бамборах. Сии три места уже зависят от главного начальства в Имеретии; но Гагра и Пицунда не могут иначе сноситься, как морем; из Бамбор же, по мере отдаления от опасных мест, сношение бывает иногда и сухопутно…

По изобилию здесь прекрасных лесов, особливо дубовых… ни в каких других местах мне видеть не случалось, производится заготовление строевого леса и досок для других наших укреплений. Здесь для оных же заготавливается и кирпич; возле крепости… в двух верстах от берега находится довольно хорошее селение с базаром, где живут некоторые купцы и промышленники из Грузии и Имеретии и стекаются с разных мест жители Абхазии для обмена своих изделий и получения всего им нужного.

Верстах в двух или трех далее в лесу живет один весьма богатый землевладелец, называемый князь Михаил Шервашидзе.

Сношения его с нашими войсками самые дружеские, и он постоянно во всем им помогает. Равнины, окруженные горами и покрытые богатейшим лесом, с богатыми полями, при изобилии воды, представляют вид наиприятнейший. Нельзя без сожаления видеть, что такая превосходная местность остается почти без жителей и следственно без пользы. Окрестности Бамбор, после прекрасной долины, на 15 верст простирающейся от Суджук-кале до Геленджика, показались мне одним из пунктов, в коих более всего желательно бы заводить колонии из хороших хлебопашцев, садовников, виноделов и пастухов: климат превосходный, всякого рода растения и полуденные деревья растут и процветают, и с некоторыми усилиями и искусством давали бы большой доход. Здесь мы нашли в сих же окрестностях сделанное вино, довольно хорошее и похожее на имеретинское; во всех местах, прежде нами посещаемых, никакого еще нет виноделия, хотя климат и почва земли совершенно на то способны. У владельца можно за весьма дешевую цену купить или нанимать земли, от которых он теперь почти ничего не получает. Здесь я узнал также обстоятельство весьма любопытное, доказывающее смелость горских разбойников и недостаток теперешних наших способов по берегу. В недавнем времени несколько сот черкесов вышли на лодках из долины Пшадской или соседственной с оной, высадились ночью в лесу верстах трех от Бамбор и внезапно бросились прежде рассвета на базарное поселение; при крепости лежащее. При первой тревоге гарнизон был в готовности, и часть оного тотчас пошла отбивать базар; черкесы прогнаны, но не прежде, как когда уже некоторым промышленникам нанесен был большой вред.

Документ был опубликован А. Л. Зиссерманом под названием «Воронцовский «Перипл» Черного моря (1836)». «Русский архив», 1894, № 6, с. 223, 224, 226.

2.75 Рапорт управляющего Имеретией ген.-м. Д. Д. Ахлестышева командиру отдельного кавказского корпуса Г. В. Розену о прибытии к горцам англо-турецких агентов.

15 октября 1836 г.

Командующий войсками в Абхазии генерал-майор Пацовский от 13 минувшего сентября за № 1578 доносит, что подполковник кн. Гассан-Бей Шервашидзе 11 числа упомянутого м-ца сообщил ему сведение, полученное сим последним от джигетского тавада Беслана Ардбаева, бывшего недавно у владетеля Абхазии, что два франка, прибывшие в округ Ясхипши или Лияш, ездили оттуда сухим путем далее Геленджика к непокорным нам горцам и делали им те же внушения, какие изъяснены в донесении к вашему высокопревосходительству за отсутствием моим подполковника Черникова от 29 июля за № 4282[1], откуда возвратились они обратно в Лияш в последних числах июля или в начале августа, и на той же кочерме, на которой прибыли в означенный округ, отправились в Трапезонд, где их ожидал пароход, на коем отплыли в Константинополь. Из вышепоясненных двух франков один знал весьма хорошо турецкий язык и с ними был неизвестный по прозванию человек, принадлежащий черкесскому (племени) кн. Сефер-Бей Зан-оглы, каковой князь в последнюю с турками войну, по

[1] См. настоящее издание док. № 137 – (**сост.**).

АЛЫТАИР

занятия крепости Анапы был у нас в плену и находился в Крыму, а по освобождении пленных, он отправился в Константинополь, где и ныне находится. Он ездил один раз к горцам и проживал в окрестности Анапы и других местах в 1832 и 1833 годах более года, и во все время проживания там, его предметом было внушать непокорение к нам горцев. Вышесказанные же франки при следовании своем из Константинополя к черкесским берегам, имели третьего товарища, но сей в Трапезонде заболел и отправился в Константинополь обратно.

О чем вашему превосходительству в дополнение рапорта подполковника Черникова за № 4282 почтеннейше честь имею донесть.

Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сборник документальных материалов. Тбилиси, 1953. с. 89 – 90.

2.76 Отношение командира Отдельного Кавказского корпуса Г. В. Розена военному министру А. И. Чернышеву о неблагонадежности владетеля Абхазии Михиала Чачба – Шервашидзе.

Тифлис, 3 декабря 1836 г.

В дополнение прежних отношений моих к в. с-ву о неблаговидных поступках владетеля Абхазии полк. кн. Михаила Шервашидзе по донесении управляющего Имеретиею ген.-майора Ахлестышева имею честь сообщить следующее:

Командующий войсками в Абхазии ген.-майор Пацовский после личного общения с кн. Михаилом, о коем я изъяснял в отзыве моем к вам, м. г., от 18 прошлого ноября за № 1232-м, имел вторичное с ним свидание, причем князь сей подтвердил ген. Пацовскому, что он не имеет намерения нападать на Мингрелию, но что младший брат его прап. Александр Шервашидзе собрал в Абживском округе несколько абхазцев, дабы в случае надобности оказать вспомажение беглому мингрельскому кн. Георгию Дадиани, о коем объяснено мною в отношении за отсутствием в. с-ва ген.-адъют. Адлербергу от 18 июня сего года. Сверх того кн. Михаил уверял, что находившиеся на р. Псырта[1] джикеты на другой день будут им отправлены обратно.

В тот же самый день, когда происходило это объяснение кн. Михаил чрез посланного своего объявил ген. майору Пацовскому, что он получил неприятные известия по делу упомянутого кн. Георгия Дадиани и выехал в Абжуйский округ. Генерал сей немедленно отправился в Соуксу, местопребывание владетеля Абхазии, где от матери его, Тамары, и от других абхазцев узнал, что кн. Михаил взял с собой всех джикетов и приказал собраться абхазцам Бзыбского округа у деревни Ануха близ р. Псырта, и что брат его с собранными им цебельдинцами и абхазцами занимает дороги до р. Галузги.

[1] Псырдзха – (Г. Д.).

На другой день кн. Михаил узнал, что беглый кн. Георгий Дадиани, получив прощение от владетеля своего ген.-лейт. кн. Дадиани, отправился в Мингрелию, почему и сам возвратился в Соуксу, распустил абхазцев, коих было в сборе до 600 человек и отправил из Абхазии прибывших к нему джикетов. О чем честь имею покорнейше просить в. с.-во довести до выс. г. и. сведения, как новое доказательство неблагоразумности владетеля Абхазии кн. Михаила, решившегося по частным своим видам собрать вооруженных людей против столь отлично преданного правительству владетеля Мингрелии, пригласив к тому непокорных нам цебельдинцев и джикетов, между тем, как сам уверял, что будто бы между последними существует чумная зараза.

Ген.-адъют. бар Розен.

Нач-к штаба ген.-майора Вольховский.

Изложение резолюции Николая I: Высочайше повелено принять к сведению. 20 декабря 1836 г. Гр. А. Чернышев.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 42 – 601, 1834 г., лл. 15 – 16. Подлинник.

2.77 Спенсер Э. Путешествие в Черкессию. (Извлечение).

1836 г.

Здесь начинается знаменитое ущелье, называемое Джагры, при входе в которое русские имеют поселение, состоящее из немногих домов и развалин церкви и монастыря, причем последний обращен в барак, но черкесы владеют верхней частью ущелья и горами, которые господствуют над фортом, так что военные люди моментально подвергаются их нападению…

Первой заботой графа было осмотреть госпиталь, который к несчастью был полон больными и умирающими солдатами. Медицинский дежурный информировал меня с большой серьезностью, что болезнь, свирепствующая с таким раковым результатом в Вордане, была лихорадкою, столь господствующей в некоторых частях Америки и Западной Индии…

По уничтожению византийской империи турками можно было думать, что эти фанатики, завладев Пицундою, разрушили бы монастырь, но благодаря благочестивому вмешательству жителей или на страх гнева народа церковь была пощажена и теперь остается одним из самых интересных архитектурных памятников в этих странах. Столетия прошли с тех пор как она играла роль храма христианской веры, к несчастью она достаточно пришла в ветхость, однако в рукописи, орнаментах, утвари она с благочестием сохранена туземцами. Я понимаю почему император Николай дал приказ, чтобы она была приведена в полный порядок. Хотя большинство населения и приняло веру Магомета, оно еще смотрит с глубочайшим почтением на христианское здание. Чувства тут доведены до такой крайности (и основан-

АПСТАИР

ные очевидно на древнем обычае), что самый большой вредитель находит в ее стенах ненарушенную святыню…

Тут было несколько базаров, кишащих азиатскими торговцами, наполненные грубыми русскими мануфактурами, замечательными только их мишурными крестами вместе с немногими блестящими безделушками для крестьян, а также солью и табаком.

На одном из базаров мы наблюдали местного дворянина, который спустился с гор, чтобы произвести какую-нибудь мелкую торговлю. Он был полностью вооружен, и, по обычаю этого народа, его сопровождал оруженосец. Казалось, что они были более вдохновлены обменом в верности русским…

Мы купили у местных жителей и у армянских купцов в Бамборе много великолепных сабель и кинжалов очень тонкой ручной работы и очевидно значительной древности, но хорошо сохранившихся, которые выглядели, как если бы только вчера вышли из рук оружейника: на некоторых клинках были выгравированы или инкрустированы золотые буквы…

Мы нашли гарнизон Бамбор подобно таким же в каждой русской крепости, которые мы посетили в этих провинциях, жестоко страдающим от лихорадки и, конечно, ужасная смертность, господствующая в армиях Кавказа, является объектом будущего размышления…

Мы не можем опустить упоминание о жалких сараях, приспособленных к усилению болезни, которые в соединении с другими пагубными условиями создают возможность того, что солдат найдет при приеме в госпиталь скорее паспорт на небо… ордер на исправление в армии Кавказа рассматривается военными властями России как равносильной гражданской ссылке. Мы не можем удивляться этому чувству, когда мы вспомним, что те лишения, которым подвержены гарнизоны, являются наказанием…

Короче говоря, мы нашли весь народ с оружием в руках сражающимся за свою независимость с непреоборимою храбростью. Русские гарнизоны ежедневно уменьшались от заразы и меча.

Spenser E. Travels in Circassia, Krim Tartary, vol I. London, 1838, с. 320, 322, 325 – 327.

2.78 Командиру «Абхазского отряда» полковнику А. Г. Пацовскому о ссоре Гасанбея Чачба – Шервашидзе с Цебельдинцами.

2 января 1837 г.

26-го числа прошлого месяца побочный брат князя Гассан-бей (Шервашидзе), имея при себе несколько Маршаниевых, с шайкою из цебельдинцев до 30 человек, поссорившись с Гассан-беем, захватил в принадлежавшей ему деревне Гульрипш две души крестьян. Извещенный об этом Гасан-бей пустился за ним в погоню до самой границы Цебельды, но не настиг его.

В возмездие захвалил несколько человек пастухов и около трехсот баранов цебельдинских. Узнав об этом, я послал нарочного к князю Гассан-бею с тем, чтобы он со своей стороны прекратил всякое неприязненное действие и ограничивался только оборонительным положением, потому что через это мог вооружить противу себя цебельдинцев, которые немало бы нанесли вреда Абхазии. Между тем, узнав ныне, что цебельдинцы в отмщение за взятых Гассан-беем людей и баранов собрались в значительном числе с тем, чтобы напасть на селение, принадлежащее Гассан-бею, я с завтрашнего числа отправляюсь в Келасуры, чтобы заставить цебельдинцев розойтится или в противном разе строго наказать их.

Также целью моей поездки есть и то, чтобы прекратить беспорядки в деревне Джгерды, где с будущих при сыне княгини Кессарии Григория ранили одного человека и убили лошадь, в то время, когда Григорий (Шервашидзе) хотел взять человека, данного отцу его покойному Алибеку в поруку за долг.

О чем поставляю долгом уведомить Ваше превосходительство.

Верно: генерал-майор (подпись).

ЦГИАГ, ф. 548, оп. 3, д. 177, л. 3. Копия.

2.79 Рапорт управляющего Имеретией ген.-м. Д. Д. Ахлестышева командиру отдельного кавказского корпуса Г. В. Розену о столкновении Гасанбея Чачба – Шервашидзе с Цебельдинцами.

Кутаис, 21 января 1837 г.

После донесения моего к вашему высокопревосходительству от 18 числа сего месяца за № 95, основанного на таковом же ко мне исполняющего должность Сухум-Кальского коменданта майора Масалова, командующий войсками в Абхазии генерал-майор Пацовский от 5 числа сего месяца за № 22, согласно полученного им от командира Черноморского линейного 88 батальона майора Ачкасова сведения, доносит мне, что 27 декабря прошлого 1836 года князья: цебельдинский Шабат Маршания и абхазский прапорщик Беслан Инал-Ипа, с 24 человеками цебельдинцев, прибыв в селение Келасуры за каким-то долгом к подполковнику князю Гассан-бею Шервашидзе, который, несмотря на все неприятности, сделанные ему Маршанием и Инали-Иппом, отвел им в селении квартиру и просил их дождаться другого дня, чтобы рассчитаться, но они в полночь уехали в Цебельду, захватя при том с женою и детьми хозяина дома, в котором они оставались на ночлег в Келасурах. На другой день, т. е. 28 декабря, князь Гассан-бей с 75 человеками абхазцев отправился в погоню и 31 числа возвратился с 12 человеками нынешних цебельдинцев и с четырьмястами овец и почти в то же время сын княгини Кессарии Шервашидзиевой отбил у цебельдинцев

АЛБТАИР

двести овец, причем со стороны цебельдинцев и абхазцев ранено по одному человеку.

О чем вашему высокопревосходительству в дополнение рапорта моего от 20 числа сего генваря за № 227 почтеннейше донесть честь имею.

Генерал-майор Ахлестышев.

Адъютант штабс-капитан (подпись).

ЦГИАГ, ф. 548, оп. 3, д. 177, лл. 4 – 4 об. Подлинник.

2.80 Рапорт командира отдельного кавказского корпуса Е. А. Головина военному министру А. И. Чернышеву о подарке княгини-Тамары Шервашидзе русским войскам в Абхазии.

18 августа 1838 г.

Командующий действующим отрядом со стороны Абхазии генерал-майор Симборский доносит мне, что вдовствующая владетельница Абхазии княгиня Тамара (Шервашидзе) прислала в подарок войскам нашим 30-ть штук рогатого скота и 60 ведер водки, кои и розданы войскам не в зачет получаемого ими довольствия.

Изъяснив в письме моем благодарность княгине Тамаре за таковой знак усердия ее, долгом считаю почтительнейше довести о сем до сведения вашего сиятельства.

Генерал-майор Головин.

Высочайше повелено объявить княгине Тамаре высочайшее благоволение.

Потсдам, 11\23 сентября 1838 (г.). Генерал-адъютант Чернышев.

ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 839, д. 192, л. 1. Подлинник.

2.81 Согум-Кале (из путевых записок о Кавказе).

1839 г.

Крепость Согум-Кале, принадлежавшая до 1810 года Турции, была столицею Абхазии и местопребыванием Келиш-бея и Цефер-бея 9. Князь Келиш-бей, турок по религии, но душою преданный русским, искал нашего покровительства, нашей защиты и желал передать нам крепость с превосходною бухтою и со всею Абхазиею. Сын его, Аслан-бей, преданный туркам и ненавидевший русских, не хотел видеть в руках наших свою столицу, почему и решился употребить ужасное средство для спасения столицы и едва ли не более из честолюбия и корысти – убить своего отца. Несколько безуспешных попыток не отвлекли его от отцеубийства. Злодейские замыслы его долго таились с ним в глубине лесов Абхазии, наконец ему и его сообщникам удалось избрать удобную минуту и напасть врасплох на старика-отца в то время, когда он выходил из своей дворцовой бани. Вторгшись в крепость вместе со своими единомышленниками, Аслан-бей поразил отца пистолетною пулею. После этого он не мог оставаться в крепости и тотчас Цефер-бей, второй сын, заступил место отца, сделался владетелем Абхазии и пашою крепости. Управляя Абхазиею, он столько же славился своею храбростью, как и мудростью по всему берегу Нодхаджи (так называют черкесы весь берег от Гагр до Анапы и до шапсугов). В честь его, один из холмов у рубежей Абхазии с Нодхаджи назван «шапкою Цефер-бея». Ему не смели противиться ни возмутительные цебельдинцы, ни черкесы: первые платили дань свою исправно, а вторые не делали набегов на пограничные его аулы. Все были им довольны. Абазинцы 10 не покидали своих аулов во время его управления, не переселялись в горы, и не искали ничьей посторонней защиты; даже самые черкесы желали его покровительства, и многие из них прибегали в его аулы.

В это время брат его Батал-бей занимался набегами и грабежами соседей – черкесов: он никого не страшился, а его, напротив, боялись все. Теперь он покоится у своего меньшого брата, Гассан-бея. Я часто видел его сидящим среди оруженосцев под плакучими ивами на площади перед дворцом Гассан-бея: он слушает рассказы узденей и сам рассказывает про былые дни, про свои проказы молодчества, отпускает остроты, курит турецкий табак из своей коротенькой абазиночки с маленьким янтарным мундштучком и ходит в черной плисовой черкеске с шашкою, которой ручка оправлена вороненым серебром. Этот добрый старик от души предан русским, и готов пожертвовать для них всем, т.е. остатком своего здоровья от ран – свидетелей былого удальства, покрывающих все его тело. И в самом деле, нет места на его теле, где бы не было раны. Кто помнит последнее покушение русских отомстить... абазинцам за их проказы при князе Г., кто помнит случай, в котором мы потеряли коменданта согумской крепости, нашего полковника М., и почти целую роту солдат, тот вспомнит и Батал-бея, когда он страшным, могучим заклятие своим: «Месть тому вечная, кто осмелится пустить пулю в русских: кто пускает в них пулю, тот пускает ее и в меня,» – остановил буйное неистовство раздраженных абазинцев, засевших в кусты по согумскому ущелью и поражавших со всех сторон градом пуль нашу роту. И теперь, бежит ли наш матрос или солдат к горцам, утащат ли абазинцы русского, князь Батал-бей должен отыскать его и найдет непременно, если только дадут ему знать вовремя.

Цефер-бею не совсем понравилось владычество турок, он тоже от души желал покровительства России, и в 1810 г. эскадра русских судов без всякого сопротивления со стороны крепости, без всякой потери с собственной своей стороны высадила десант, занявший крепость. Кн. Цефер-бей удалился в Сауксы, в гарнизон турецкий и все турки убежали в Требизонд; 300 человек турецкого гарнизона взяты военнопленными, а форштат и кре-

АЛЫТАИР

пость были разграблены. Цефер-бей сделался впоследствии владетелем замиренных абазинцев, получил чин генерал-лейтенанта и орден св.Анны 1-й степени и перенес свою столицу в Сауксы. По смерти его сделался владетелем Абхазии сын его, теперь полковник Михаил-бей, а младший брат Цефер-бея, оставшийся ребенком после отца, Гассан-бей Шервашидзе владеет среднею Абхазиею под влиянием своего племянника, князя Михаила.

* * *

Столица князя Гассан-бея, владетеля средней Абхазии, находится в 8-ми верстах от Согум-кале: это деревня Келасуры, расположенная по берегу моря при начале цебельдинского ущелья. Дворец Гассан-бея у входа в ущелье закрыт ореховыми деревьями, плакучими ивами и огородами владельца. Подвигаясь по ущелью, увидите на левой стороне широко разлившуюся речку, на правом берегу которой разбросано на горе несколько саклей. На противоположном берегу в самой долине между саклями и огородами стоит княжеский дворец; своею архитектурою и внутренним расположением, он напоминает порядочный домик какого-нибудь жителя Тобольской или Оренбургской губернии. Вы найдете в нем тоже высокое крыльцо с лавками и перилами, те же большие сени с лавками по сторонам, одну горницу и потом опять крыльцо, вроде балкона. К стороне сеней и горницы примыкают клеть и кладовая, где живут жены владетеля; в горнице найдете две скромные сосновые софы, иногда прикрытые простыми персидскими коврами и подушками, да несколько стульев и в углу стол из простого дерева; только мангал, устроенный между двумя окнами в стене, выходящей на двор, напоминают о востоке.

Сидя на этих диванах, я часто слушал рассказы и воспоминания князя Гассан-бея о России. Он с особенным удовольствием отзывался мне о Казани, о казанском обществе, о тех удовольствиях, какие были доставлены ему предводителем дворянства покойным Д.И. Н-м и об игре на фортепиано Е.А. А-ной: приятная, беглая игра ее чрезвычайно нравилась ему, и он до сих пор не может забыть ее. Гассан-бей просил меня непременно написать к нашим общим знакомым в Казань и поклониться Е.А., что было весьма приятно исполнить мне. Ему очень нравится Россия и в особенности гостеприимное общество Казани. Разлив Волги напоминал ему о море, сосновый бор деревни Кулаевой – о лесах Кавказа. Я вполне верю ему, что он охотно променял бы свою дикую природу на красивые окрестности Казани, с ее добрым, радушным и тоже несколько азиатическим обществом. Он часто провожал меня в ущелье, занимаясь вместе со мною ловлей насекомых. Иногда я встречал его в кругу черкесов и абазинцев, приезжавших к нему за решением своих тяжебных и судебных дел: тут переходил он от одной толпы к другой, делал наставления одним, подавал другим советы, нередко проводя таким образом целый день. Иногда я находил его с гостями черкесами или ногайцами, которых он угощал своим столом. Видел, как абазинцы, бывшие у него в ауле в гостях, приходили к нему прощаться, причем они становились на колено и целовали полу его платья. Иногда же заставал его, как он, в простой одежде, в туфлях без чулок, беседовал с оборванными своими оруженосцами.

Забуду ли и вас, мои милые собеседники и проводники, Шёкал и Далтук? Шёкал, пастух Гассан-бея, веселый абазинец, которого и сам князь называет естественным плутом, часто забавлял меня своим искусным, совершенно натуральным шекалочьим криком и рассказами про марушек. Далтук, мой драгоман, вассал Гассан-бея, сопутствовал мне в моих прогулках; я посещал с ним сакли абазинцев и турок, составляющих главную свиту оруженосцев князя – верную и храбрую его защиту во всех случаях. При Гассан-бее довольно турок, которые вместе с абазинцами ведут торг разными турецкими материями: это и выходцы из Требизонда, которые, как уверяют, были даже в числе янычар или остатки тех турков, которые переселились в Анатолию, вслед за покорением Согума и Анапы.

В абазинских саклях я встречал совершенную простоту и даже бедность. Сакля их, сплетенная из хвороста, обмазанная снаружи глиною и часто выбеленная, разделяется на две части, из коих меньшая принадлежит женщинам; в мужской половине устроены по сторонам нары, усланные рогожами, пол в них глиняный, как в хатах у наших украинцев; в сакле находятся маленькие стулья, подобные тем, какие встречаются у сибиряков; посредине разложен огонь, где варят баранов, просяную кашу и пекут кукурузу.

Абазинцы очень гостеприимны и ласковы, но чрезвычайно бедны; угощение их ограничивается дикими плодами, кукурузою и т.п. Они весьма обязательны, но при всем том, горды; мне нередко случалось слышать от них следующее: «ты меня так обязал тем, что вылечил меня, что я теперь считаю тебя своим братом; я старший брат, а ты младший, все, что я имею твое...» Я часто ездил верхом из Согума в Келасуры на присылаемом за мною сивом рысаке владетеля. Дорогою я встречался с абазинцами и абазинками, им приятно было слышать от меня: «уамшу бзи, угу бзи (здравствуй, здоров ли?)», и, по сказанным мною двум словам, они заключали и дивились, что я говорю по-абазински. Их жены не только не убегали [от] меня и не закрывались чадрою при встрече со мною, но часто даже нарочно шли тою дорогою, где бы им можно было пройти около меня. Абазинки носят точно такой же костюм, как турчанки, только вместо покрывала на голове, которым турчанки окутываются совершенно, оставляя открытыми глаза и нос, они покрывают лицо чадрою, род дымки, которая опускается сверху на лицо и падает к ногам. Я был в большой доверенности у абазинцев благодаря моему званию медика, потому что носящий его считается между... [ними] священною, неприкосновенною особой.

АЛЫБТАИР

Дорога к Келасурам пролегает то густым лесом, то полями, засеянными пшеницею, кукурузою, просом, то выходит на берег моря. Перед Келасурами, по сию сторону речки, есть небольшой аул, расположенный на горе; Гассан-бей переселил туда часть жителей из большой своей деревни, для того, чтобы устроить чрез это самое защиту от враждебного ему племени цебельдинцев. На средине дороги виднеются остатки развалин; это, вероятно, был небольшой храм во времена генуэзцев. Кругом Келасур к Цебельдинскому ущелью найдете множество огородов с кукурузою, которую сеют тут, во-первых, для того, чтоб иметь ее вблизи аулов, и во-вторых, для того, чтоб она могла служить препятствием цебельдинцам в случае их попытки сделать набег на Келасуры; за огородами поставлено несколько возвышенных будок, где ночью укрывается стража Гассан-бея для воспрепятствования набегам цебельдинцев. На горе, с правой стороны, есть старинное генуэзское укрепление; стены его тонки и поросли плющем, гранатовыми и другими деревьями. Близ этой крепости растет несколько кустов дикого жасмина. Посредине самой деревни есть источник с превосходною водою, а ближе к морю улица, состоящая из двойного ряда духанов, совершенно в турецком вкусе. Проходы между духанов закрыты сверху от солнца; тут всегда увидите собрание абазинцев из всех соседних аулов: турки курят здесь наргиле, абазинцы – имеретинский табак из своих абазинок.

Абазинцы вообще, как и все жители Востока, любят кейф. Главная забота их состоит в том, чтобы только добыть оружие: шашку, винтовку, пару пистолетов, нож, также трубку и табак; остальное не состоит в числе примечательных вещей. Абазинец нередко пролеживает по целым суткам и более под кустом на своем лоскутке бурки без куска хлеба; часто найдете и таких, которые скрываются по неделе в лесах для охоты без всякого хлебного запаса. Летом и осенью стол их составляют груши, яблоки, виноград и другие плоды, а весною, с мая месяца, незрелая лыча (род слив). Они охотно едят все дикие неспелые плоды.

Надобно сознаться, что тамошние плоды, особенно виноград, достойны всякого внимания; из их винограда испытывали выделывать прекрасные шипучие вина: хорошо вымороженный и отстоянный чихирь (красное согумское вино из красного винограда), без сомнения, предпочтется всем обыкновенным винам. Я заметил, что все употребляющие в Согуме довольное количество чихиря, чрезвычайно полнеют и чувствуют себя совершенно здоровыми, что весьма естественно, потому что чихирь не содержит в себе никакой посторонней примеси. На вопрос мой Гассан-бею: от чего абазинцы не делают никакого запаса фруктов и огородных овощей на зиму? Он отвечал: «Что к этому трудно их приучить, потому что плоды сохраняются свежими до глубокой осени и даже до зимы (в январе еще можно находить хорошо сохранившиеся свежие яблоки).

Здесь вообще зелень является рано: в феврале и даже в конце января показывается новая зелень, а февраль уже богат цветами, в апреле можно собирать свежий виноградный лист, жирную траву и лычу, из чего наши делают хороший борщ для солдат, которым виноградный лист, жирная трава и лыча заменяют всякую зелень из крестообразных огородных растений. Хотя из огородной зелени можно бы очень успешно делать значительный запас на зиму, однако ж, не знаю почему, даже наши русские строго придерживаются в этом случае абазинских обычаев: вообще запасы зелени на зиму недолго держатся в крепости. Да и много ли можно сделать запаса из этих ничтожных ротных огородов, расположенных позади крепостных духанов? Напрасно обвиняют добрую землю в том, что она не хочет ничего производить в огородах: г. А-с и, в последствии, г. Ш-ский и другие из крепостных жителей имели кое-что в своих огородах, между прочим, даже хорошие дыни и арбузы; имели, по крайней мере, столько зелени сколько с избытком нужно было для них; при всем неумении обрабатывать землю и рассаживать зелень, однако ж, и малые труды их награждались хорошо.

* * *

Я расскажу теперь, что такое крепостной форштат и сообщу понятие о том духане, который был моею месячною квартирой.

Форштат крепости состоит из одной улицы духанов, в которых живут грузины, мингрельцы, имеретины и отчасти турки, торгующие чихирем, водкою, ромом и всякой всячиной.

Духаны обыкновенно строятся из тонких досок, подобно тем лавочкам, которые воздвигаются у нас для мелочных ярмарок. Духаны разделяются на две, три и более частей; в одной части, в подвале, сложены бочки с вином, а по стенам развешаны кабаньи окороки и прочие припасы; другая часть устроена в виде кабака, где есть полки с разными мелочными вещами и вином, а на потолке висят небольшие головки сахара; третья часть, где лежат разные материи, устроена в виде лавочки, открытой на улицу. Есть также духаны и с отдельною горницею, как например, образцовый духан имеретинца Михелки, где обыкновенно собираются проводить время крепостные и флотские офицеры. Но всего чаще духаны состоят из двух частей: кабака и подвала, где к одной стороне приделываются нары для посетителей.

Мой духан, принадлежащий богатому турку Редзепу, состоит из четырех частей: большая часть или подвал, занята лазаретом, где помещались на устроенных из хвороста нарах до 15-ти больных цингою, желчною горячкою и перемежающеюся лихорадкою; вместо госпитальных тюфяков, там были набросаны древесные листья и трава, что прикрывалось тюфяком или шинелью матроса за недостатком госпитальных принадлежностей; другая часть, смежная с первою и называемая кабаком, занята была аптекою и другими вещами; сам же я занимал остальные два отделения, т.е. лавочку, в которой

АЛЫТАИР

прежде складывались красные товары и горницу, где некогда жил сам почтенный Редзеп. Пол моей горницы состоял из горбылей и полусгнивших досок, стены ее были обиты полусъеденным молью сукном, а стены лазарета парусиной. Все это нисколько не защищало нас от ветра, крепкого, холодного N0, постоянно дувшего каждую ночь из Согумского ущелья; сукно моей горницы отдувалось при этом случае в виде опухоли от стены, пропускало ко мне резкую струю воздуха. У меня было окно без стекол... Кровля моего духана, вместо драни, покрыта была сухим папоротником и хворостом, отчего во время дождя, в комнате моей было хуже, чем под открытым небом. Двери духана отворялись в виде корабельных полубортиков; на нижней доске, откинутой на улицу, я нередко принимал моих абазинцев, которые часто собирались ко мне и певали здесь свои песни; сюда же они приносили мне свои гостинцы: простоквашу буйволиц, яйца, сыр и проч.; я угощал их в свою очередь водкою, ромом и вином, до чего они большие охотники.

Хакуц, абазинец в полтора аршина ростом, с обнаженною головою, детина с лишком тридцати лет, часто забавлял меня своими песнями, иногда под скрыпку, сделанную из куска дерева, и на которой вместо струн, были натянуты лошадиные волосы: мой абазинский бард дарил меня своими песнями. Песни его состояли из описания старинных подвигов абазинцев, их князей, узденей; в похвале храбрости, оружию, коням; в описании набегов, в рассказах о любовных приключениях, о ревности мужей, о насмешках над обманутыми в любви. При воспевании подвигов Гассан-бея, мой Хакуц приходил в восторг, пел гораздо громче и выразительнее и, наконец, заключал свою песню обыкновенным припевом айриша, повторенным несколько раз. Затем следовала другая сцена: весельчаки, молодые духанщики, производили всеобщий смех, обливши бедного певца водою с крыши духана. Для абазинцев эта шутка была чрезвычайно потешна.

Иногда я забавлял и борьбою абазинцев: поверженный всегда приходил в особенную ярость и нередко раздражался до того, что готов был поразить своего противника первым оружием. Иногда смотрел я, как абазинцы и мингрельцы хвалились бросанием значительно больших камней: тому честь и слава, кто бросил камень далее других; эта игра употребительна и между греками. Иногда я должен был слушать музыку балалайки приятеля моего и соседа, беззубого булочника в два аршина ростом и вдобавок хромого; он целый день просиживал на откинутой крышке двери своего духана и наигрывал, изредка напевая одну и ту же песню; концерт его прерывался по временам покупщиками кукурузных его булок. Вечером, после ужина духанщиков, который состоял из гоми, куска курицы или мяса, кукурузы, кукурузного хлеба, кислого молока, фруктов и большого количества вина, я часто отправлялся к турку Амеру, весьма известному в этом краю, и всегда почти находил у него общество духанщиков. Выпивши по значительной порции чихиря, они принимались за свои песни, которые право, я слушал

не без удовольствия: они довольно выразительны, разнообразны и нередко поются очень приятно, только всегда чрезвычайно громко. Иногда я проводил у Амера вечер вместе с абазинцами и князем Батал-беем, который часто ночевал у этого турка.

Форштат и крепость окружены болотом, гнездом согумских болезней. По всему форштату и далее до самого карантина, на пространстве более версты, доныне сохранились остатки турецкой каменной дороги для пешеходцев; на некоторых местах за форштатом, к холму Согумского ущелья, называемого Трапециею, также видны следы турецкой дороги. За карантином вытекает речка с прелестною водою. Весь форштат окружен был каналом, по которому проходили в 1810-м году турецкие чектармы и галеры с грузом; теперь этот канал засорен и местами пересох: в нем обыкновенно находят защиту от жары буйволы и крепостные свиньи. К самой стене крепости, за каналом и возле северного фаса стены удивительная нечистота и вечная грязь... На запад за крепостью, к старому Согуму, есть следы полузасоренных каналов, где тоже укрываются от жары буйволы Гассан-бея и его телохранителей. Пространство около крепости к западу, к востоку и отчасти к северу далеко покрыто болотами, поросло лесом и служит неиссякаемым источником убийственных согумских недугов: перемежающейся лихорадки, желчной горячки, а за ними цинги, водяной и, наконец причиною смерти. Сколько народу погибло от этого неприятного болота. Нет ни одного человека, который, побывав или только переночевав в Согуме, не получил бы в июле месяце желчной горячки, а в августе и сентябре перемежающейся лихорадки. Не думаю, чтоб до 1810 года это болото было так гибельно: тогда все пространство за крепостию, до самой речки, за карантином было застроено духанами в две улицы с каменною дорогою посредине, а кругом с хорошим, чистым каналом; теперь же вместо этого, вместо двух улиц с каналом, найдете небольшой ряд весьма дурных духанов и вокруг них, с одной стороны, болото, а с другой море, на котором вместо чектарм и галер стоит отряд согумской экспедиции военных судов.

Согумский залив или бухта значительно обширен и может вместить в себе большой отряд военных кораблей; он открыт только южному ветру, который мало беспокоит здесь суда.

Крепость окружена толстою четырехугольною, довольно высокою каменною стеною, которая от времени и обстоятельств местами рассеялась, а местами развалилась, как например, южный угол – бастион, открытый к морю. При занятии крепости в 1810 г. считалось в ней до 500 турецких домов, а теперь тянутся по южному фасу магазины, построенные в 1833-м году, и старое дворцовое здание, превращенное тоже в магазины: в нем сохранился еще купол бани, принадлежавшей дворцу пашей. По западному фасу уцелела часть общего здания, тоже принадлежащая дворцу: вверху квартируют там офицеры, а внизу одно отделение или одна комната, занята

АЛЫТАИР

для гаупвахты, а другое для складки материалов. Близ южного угла виден домик с полусгнившим крыльцом, где помещается таможенный чиновник с канцеляриею.

Подле западной стены к углу находится крепостной лазарет с ветхим крыльцом и полом. Два отделения или две палаты лазарета разделены проходными сенями; в каждой палате вдоль стен положены больные на деревянных койках, тесно поставленных по две в ряд.

К северной и отчасти к восточной стене примыкают казармы, комендантская квартира и домики для прочих офицеров. Между казармами есть две комнаты с нарами, которые покрыты рогожами, набитыми травою и древесными листьями: комнаты сии назначены для больных солдат в околодке. Посреди крепости стоит деревянная церковь, а за нею возвышается дерево, которое было посажено отцом Гассан-бея для своего сына Баталбея; оно приносит прекрасные груши. Вправо от церкви сохранилась могила отца Гассан-бея, сложенная из простых камней. Как дерево, так и могилу указывал мне сам Гассан-бей. Надобно было читать его чувства в то время, когда он смотрел на эту могилу и на это дерево, между которыми возвышается русский храм...

И. И.

Газ. «Одесский вестник», 1839 г., №№ 30, 31, 33.

2.82 Отношение военного министра А. И. Чернышева командиру отдельного кавказского корпуса Е. А. Головину об учреждении Черноморской береговой линии.

5 апреля 1839 г.

Г. и., выслушав представление ваше от 21-го марта, № 565, о новом устройстве Черноморской береговой линии, Высочайше повелеть соизволил:

1) Подчинить ген.-л. Раевскому все укрепления на восточном берегу Черного моря, от устья Кубани до Мингрелии, а также Абхазию и Цебельду, с войсками, там расположенными, присвоив ему звание начальника Черноморской береговой линии.

2) Разделить всю береговую линию от устья Кубани до Мингрелии на две части: к 1-му отделению отнести пространство от устья Кубани до форта Александрии, а ко 2-му – от этого укрепления включительно до границы Мингрелии[1].

3) Назначить состоящего в свите Е. В. контр-адмирала Серебрякова начальником 1-го отделения Черноморской береговой линии, укр. Новороссийска и устраиваемого там порта, а состоящего по армии ген.-м. Ольшевского – начальником 2-го отделения.

[1] Позже, в 1840 г., было выделено 3 отделение Черноморской береговой линии, и. д. начальника которого был оставлен бывший в то время начальником 2 отделения линии Н. Н. Муравьев – (**сост.**).

4) Начальнику 2-го отделения береговой линии присвоить власть командующего войсками в Абхазии, с сохранением прежних отношений к владетелю сего края в Цебельде, и за сим упразднить ныне существующую должность командующего войсками в Абхазии.

5) Местопребыванием начальника 1-го отделения назначить укр. Новороссийск, а 2-го – Сухум-Кале.

6) По управлению 1-ым отделением береговой линии оставить ген.-л. Раевского в той зависимости, в кое он ныне находится от командующего войсками на Кавказской Линии и в Черномории[1], подчинив его по 2-му отделению непосредственно вам.

7) Предоставить начальнику 2-го отделения береговой линии, чтобы он относился прямо к вам и от вас получал приказания во время пребывания ген.-л. Раевского в Керчи, с 1-го ноября по 1-е марта, и порядок этот сохранял и в прочее время года, когда необходимость того потребует, с тем, чтобы во всяком случае начальник 2-го отделения доносил в то же время и начальнику всей береговой линии.

8) Назначить в Сухум-Кале капитана над портом на тех же основаниях, как сие уже сделано в Геленджике и Новороссийске.

9) Учредить в Сухум-Кале запасной магазин морской провизии для крейсирующей эскадры.

О сей высочайшей воле уведомляя вас к надлежащему исполнению, прошу приступить ныне же к составлению штатов управления начальника Черноморской береговой линии и доставить оные ко мне, сколь возможно в непродолжительном времени, для представления на высочайшее г. и. утверждение.

АКАК, т. IX. ч. I. с. 460 – 461, № 404.

[1] Черноморие – территория Черноморского казачьего войска, которое охраняло Черноморскую кордонную линию. Черноморская кордонная линия – цепь укреплений по правому берегу Кубани от поста Изрядный (в 17 верстах ниже впадения Лабы в Кубань) до Черного моря. Основана в 1793 г. для защиты от набегов горцев и входила сначала в состав правого фланга линии. В 1833 г. была выделена в отдельный участок и доходила от Геленджика и Анапы до границ Кавказской области. Кавказская область – в 1822 г. Кавказская губерния с центром было преобразовано в Кавказскую область с центром в Ставрополе. С образованием Черноморской береговой линии часть Черноморского побережья вошла в ее состав. В 1850 г. кордонная линия простиралась от Усть-Лабы до Вареникoвской пристани. В 1856 г. линия вошла в состав правого фланга Кавказской линии – (**сост.**).

АЛЫТАИР

2.83 Рапорт начальника 2-го отделения Черноморской береговой линии М. М. Ольшевского начальнику Черноморской береговой линии Н. Н. Раевскому о работах в Сухуме.

Сухум, 11 июля 1839 г.

Милостивый государь
Николай Николаевич!

Приехавши в Бомборы, я нашел там подрядчика, который взялся построить: два пороховых погреба, офицерский флигель, артиллерийскую казарму и исправить артиллерийский цейхгауз. Он жаловался, что ему не отводят место под строения, и что рабочие остаются без дела. Это заставило меня на другой день поехать в Сухум-Кале. Осмотревши местность, я приказал разбить пороховые погреба. Но другия строения нельзя разбивать, надобно ломать стария; сделавши это, не в чем будет жить зимою. Я доношу об этом вам рапортом и представляю дела, планы, сметы и контракты. Возвратите их мне поскорее. Я не успел снять ни копий, ни планов.

Отправляю к вам прапорщика Кобылянского с делами, представленными генералом Эспехо. Другого офицера Эспехо оставил у себя, желая оттягать. Заступитесь за меня Николай Николаевич. Вы знаете как я беден офицерами.

Посылаю Вам записку об осмотренной высоте. Ежели я найду на ней воду, то это будет бесценное место. Я купил дом и перенесу его на высоту. Сад у меня готов. Это остатки Келешбея[1]. Когда в августе месяце вы приедете в Сухум, то я приму вас в моем летнем дворце.

Мой Сухумский гарнизон ни к черту не годится. Надобно его хорошенько распечь. Для этого я приеду сюда на несколько недель.

Кажется вы забыли потолковать с начальником штаба об наших столовых деньгах. Без них я бегу от вас: ей богу нечем жить. На частые переезды много выходит лишних денег. Вы знаете, что я по уши в долгах.

Я располагаю ехать в Гагры на корвете «Оресте». Но не знаю, на чем я пришлю к вам Шлегеля. Нельзя ли прислать в Бамборы какой-либо тендер?

Сейчас был у меня Дмитрий[2]. Ему не очень нравится, что я хочу занять гору Келешбея. Но я мало обращаю на это внимания. Завтрашняго дня начнутся на горе работы.

Вы приказали возвратить поскорее пароход. Если бы не имел этого приказания, то поехал бы на нем в Гагры.

Швендер располагает ночью сняться с якоря. Спешу отправить к нему это письмо.

С особенным уважением и преданностью честь имею быть, Милостивый Государь, Вашего превосходительства покорнейшим слугою.

Марцелин Ольшевский.

Архив Раевских. т. III, СПб, 1910, с. 178 – 180.

[1] Ольшевский имеет в виду сад, принадлежавший Келешбею Чачба – (**сост.**)
[2] Дмитрий Гассанбеевич Шервашидзе – (**Г. Д.**).

2.84 Из рапорта командира отдельного кавказского корпуса Е. А. Головина военному министру А. И. Чернышеву о нападении горцев на укрепление Навагинское.

19 октября 1839 г.

16-го числа нынешнего месяца получен от начальника 2-го отделения Черноморской береговой линии, ген.-м. Ольшевского рапорт, в котором он доносил, что владетель Абхазии, ген.-м. кн. Шарвашидзе, узнав, что близ Константиновского мыса стоит Турецкая кочерма, на коей должен будто был отплыть в Турцию англичанин Белль, проживающий у черкес, отправил прап. Марганиа с 4-мя галерами, чтобы захватить кочерму. Прап. Марганиа открыл ее, но она была на несколько верст заведена в реку и стояла в безопасном месте, близ большого аула, где проживал шкипер и все пассажиры; а потому, не видя возможности захватить ее, чиновник кн. Шервашидзе отправился к Соче (укреп. Навагинское), откуда он возвратился в Бомборы и объявил следующее:

Перед рассветом 28-го (должно полагать, минувшего сентября) горцы в значительном числе подошли скрытно к укр. Навагинскому, поставили лестницы к стенам со стороны оврага и ворвались в укрепление. Они бросились прежде всего к офицерскому дому, где убили воинского начальника, кап. Падгурского и 2-х офицеров, которых фамилии не знает рассказывавший чиновник. Между тем, по сделавшейся тревоге, люди с оружием выскочили из казарм, и видя укрепление занятым черкесами, а офицеров, кроме одного, перебитыми, ударили в штыки и в мгновение опрокинули горцев в овраг; затем артиллеристы открыли из орудий огонь и Черкесы с поспешностью удалились, оставив внутри укрепления более 20-ти тел и одного раненного. С нашей стороны потери состоят, кроме офицеров, из 12 нижних чинов.

Упомянутый прап. Марганиа в укр. Навагинском на 4-й день после описанного происшествия, где видел горцев, приезжавших за телами, но не мог от них узнать о понесенной ими потере.

АКАК, т. IX. ч. I. с. 462, № 407.

2.85 Из рапорта командира Отдельного Кавказского корпуса Е. А. Головина военному министру А. И. Чернышеву о решимости дальцев восстать против царизма.

Тифлис, 23 января 1840 г.

По временам дальцы собирались и занимали караульные тропы, ведущие из нижней Цебельды, опасаясь вторжения войск наших, занимавшихся постройкой там укрепления. Очевидно было, что, надеясь на недоступность своего горного ущелья и помощи соседственных горских племен,

АЛЫТАИР

дальцы решились вновь восстать и, с оружием в руках отказаться от всякой покорности правительству.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6392. л. 26 об. Подлинник.

2.86 Записка Начальника Черноморской береговой линии Н. Н. Раевского о женитьбах владетеля Абхазии М. Г. Чачба – Шервашидзе.

Январь 1840 г.

В 1829 году княгиня Тамара, следуя мысли покойного мужа Сефербея, женила владетеля на обрученной уже ему невесте, дочери Джигетского кн. Беслангура Арид-бея. Владетель в первый раз увидел свою жену после венца, и взаимное отвращение скоро отдалило их друг от друга. Княгиня Тамара согласилась на развод и по обыкновению Грузии, Мингрелии, Имеретии и Абхазии развод совершен в 1831 году духовником княгини, без разрешения высшей духовной власти.

Княгиня Тамара, происходя от Мингрельского владетельного дома, желала, чтобы ея сын избрал себе невесту из ея семьи, и в добром намерении, употребляя женскую хитрость, навлекла на своего сына новое несчастье.

Владетель Абхазии, возвращаясь из Кутаиса в 1831 году, был приглашен на пир к кн. Николаем Дадиани (выше сказано, что Абхазцы подозревают Николая в умерщвлении Самурзаканского правителя); пир продолжался двое суток со всею роскошью края, где достоинство угощения соразмеряется по количеству выпитого вина. На второй день, среди шумного веселья, подвели владетелю Абхазии невесту, – дочь хозяина; явился священник и кн. Михаила, не дав ему опомниться, обвенчали; но второпях забыли, что тогда был великий пост и обряд венчания совершался попом, отрешенным от священнодействия. Владетель Абхазии, опомнившись, предложил разводную, но владетель Мингрелии сему воспрепятствовал и кн. Михаил уехал на 3-й день, не взяв с собою второй своей жены.

В 1836 году владетель Абхазии познакомился с дочерью Георгия Дадиани, проживающей в доме тети своей, управляющей Абжуйским округом, княгини Кесарии Шарвашидзе. Последствием взаимной любви была третья женитьба владетеля Абхазии. Николай Дадиани, отец второй жены кн. Михаила, вошел с прошением, требуя вознаграждения за бесчестие своей дочери, и бывшее Главное управление Грузии приостановило выдачу пенсиона владетелю Абхазии, тогда как по узаконению в подобных случаях определяется только половина. На счет троекратной женитьбы владетеля я представляю следующие обстоятельства:

Отец его Сефер-бей, приняв христианскую веру, сохранил своих трех жен и, назначив каждой из них местопребыванием один из трех округов Абхазии, по очереди ездил к ним жить.

Первая жена нынешняго владетеля еще в 1832 году вышла замуж за Черкесского кн. Гечь Эдир-бея, от которого уже имеет несколько детей.

Если признавать незаконным третью женитьбу владетеля и детей, и которые могут родиться от сего брака, то мы унизим владетеля в глазах Абхазцев; кроме того, Абхазцы, называя себя мусульманами и следуя сей вере, по крайне мере относительно многоженства, почтут это за оскорбление своему владетелю. Абхазцы не имеют религиозного фанатизма и даже склонны к принятию христианской религии. Например, одно из главных лиц в Абхазии, майор Каци Марганиа, имеет от первой жены детей, которыя как мать и отец их, мухаммедане; вторая же жена Каци Марганиа христианка и воспитала своих детей в правилах нашей веры.

Я полагаю лучшим средством решить сей затруднительный вопрос утвердить развод владетеля со второй его женой, назначить сей последней в вознаграждение половину пенсиона, получаемого владетелем от правительства, а последний брак владетеля Абхазии и детей, могущих от него родиться, признать законными.

АКАК, т. IX. ч. I. с. 180.

2.87 Из записки начальника Черноморской береговой линии ген. Н. Н. Раевского о торговле с горцами и переселении на восточный берег.

Февраль 1840 г.

Новороссийску предстоит важность, как военной гавани; но не менее важности приобретает Сухум торговлею…

Вот настоящее его положение: народонаселение разбежалось, сады вырублены, строения до единого развалились; ручей Гандар, текущий из ущелья Берчь, при мелкой русле, в пологих берегах, во время полноводия и тающих снегов, разливается и затопляет окрестности укрепления. Гнилая вода, в которой тлеют развалины домов, не имеет ската и остается до тех пор, пока не испарится от сильных жаров. То же действие производит каждый сильный морской прибой, который запружает реку. Канавы, по которым стекала вода, развалились и заросли кустарником. Вокруг Сухума находится множество родников прекрасной воды: не имея стока, они соединяются в низких местах и увеличивают болота. Для довершения всего, не далее, как в прошедшем году, я нашел, что крепостной ров, едва ли чищенный со времени занятия Сухума, наполнился всеми нечистотами крепости, которыя до того времени бросались туда через амбразуры, и, находясь в беспрестанном брожении, наполнили воздух гнилыми испарениями.

По Высочайшей воле, недавно предписано приступить к осушке болот в Сухуме, который, в продолжении 30-ти лет, не обратил на себя внимание местного начальства.

АЙТАИР

Но Сухуму представлено быть, как и при Турках, центром торговли с окружающими его горцами, а именно: Убыхами, Джигетами, Псхувцами, Абхазцами, Цебельдинцами и Самурзаканцами. Я уже сказал, что при Турках он ограничивался только этою местною торговлею, потому что Грузия и Каспийская область принадлежали Персиянам. В настоящем положении дел он прекрасный и единственный порт для торговли западной России с Закавказским краем, Персиею и восточной частью Азиатской Турции. Посему развитие торговли в Сухуме неминуемо превзойдет развитие Новороссийска и Геленджика в сем отношении.

В настоящем положении вещей, Сухум представляет еще выгоды, которых по сие время не имеют ни Новороссийск, ни Геленджик. Абхазия покорна и владетель ею ревностно в ней распространяет христианство. Десятилетнее спокойствие и мирныя сношения улучшили состояние края и сблизили жителей с Русскими. Переселенцы найдут безопасность и возможность приобретать земли. Край изобильно производит виноград, шелковицу, оливку, рис и хлопчатую бумагу; некоторые опыты дают надежду, что там будут произрастать: пробочный дуб, апельсинное, чайное, камфорное деревья, индиго и лен Новой Зеландии.

От Севера и Востока Абхазия заслонена Кавказским хребтом; от соседства моря, жара в ней несравненно сноснее, чем в южной части Каспийской области, а зимою холода несравненно меньше, потому что сия последняя не закрыта от востока.

По сем вышеизложенным причинам, я осмеливаюсь просить распространить на Геленджик и Сухум переселение и льготы для торговли, которыя предполагается предоставить Новороссийску…

В окрестностях Сухума можно заниматься вышеназванными предметами садоводства. Есть, однако же, отрасль промышленности, которая может быть немедленно введена на восточном берегу и заслуживает всего поощрения правительства: – это рыбная ловля…

Для населения и развития торговли и промышленности в трех портах, ныне учрежденных, а именно: Новороссийске, Геленджике и Сухуме, по примеру преимуществ данных другим городам, необходимо:

1) Желающих записаться в купцы, мещане и цеховые и водворяться прочным образом в Новороссийске, Геленджике и Сухуме, уволить на 25-тилетний срок от платежа в казну всех вообще податей и отбывания рекрутской и других повинностей, под какими бы оне наименованиями не существовали.

2) Всем желающим водвориться прочным образом в Новороссийске, Геленджике и Сухуме, разрешить приобретать законно всякую собственность, даже земли у горцев; но сии последния – с позволения начальника Черноморской береговой линии. Они безусловно должны пользоваться всеми местными выгодами и туземными богатствами края, на поверхности земли добытыми.

3) Всем водворившимся прочным образом в Новороссийске, Геленджике и Сухуме предоставить право заключать условия, поручительство и договоры…

По несчастию, занимаясь исключительно военными действиями, мы весьма мало обратили внимания на торговлю с горцами и еще не знаем, какие отрасли может она представить…

8) На всем пространстве между Геленджиком и границею Азиатской Турции мы имеем один только рейд, который может служить для самых мелких и самых больших судов безопасным убежищем во всякое время: – это Сухум. Рейд сей обширен и закрыт от морского ветра; грунт его надежен: на нем спокойно устояли суда во время гибельной бури 30-го мая 1818 года. Сухум есть порт Закавказского края и также важен для Закавказья, как Новороссийск для Кавказской области: ему предназначение, как выше я сказал, быть путем торговли западной России с Персиею и Азиатскою Турциею. Там есть теперь карантины…

Обозрев весь восточный берег Черного моря, относительно его морских и сухопутных сообщений и карантинов, которые там должно иметь, остается выбор места для центрального карантина. От Новороссийска, где должно начаться сухопутное сообщение с Черноморием, до Николаевской крепости на Турецкой границе, Сухум занимает почти центр линии карантинов. Из единственных трех портов восточного берега: Новороссийск, Геленджик и Сухум, последний имеет ближайшее и безопасное сухопутное сообщение с Тифлисом. В Сухуме, прежде нежели в других двух портах, могут быть получены сведения о прорыве чумы на всей сухопутной границе Закавказского края, и могут быть приняты меры, чтобы не допустить ее прорваться на восточный берег; наоборот; из Сухума скорее, чем из других портов могут быть получены сведения в Тифлисе о появлении чумы на Черноморской береговой линии. Как порт Закавказского края, Сухум есть пункт, к которому суда более всего будут направляться. Из трех названных пунктов, Сухумский ближе других к Турецкой границе: из Сухума легче и удобнее надзор за карантинами в кр. Николаевской и в Лихаури. Вот с излишним достаточныя причины, чтобы сделать Сухум местом центрального управления карантинами восточного берега…

В Сухуме должен быть учрежден центральный карантин, которому необходимо подчинить все названные выше карантины и карантинныя заставы…

В Сухуме имеется таможенная застава, и она отдана в ведение начальника Черноморской береговой линии; но Сухум – порт Закавказского края и его важность описана выше; в нем необходимо иметь, на место заставы, центральную таможню, которой был бы препоручен надзор всех таможен береговой линии. Из трех единственных портов восточного берега, а именно: Новороссийска, Геленджика и Сухума, сей последний занимает центральное положение и один только имеет сухопутное безопасное сообщение с Тифлисом. От транзита родились некоторыя торговыя связи с Редут-кале; и по привычке, еще иногда суда там пристают; между тем ни одно не является в Сухум…

АКАК, т. IX. ч. I. с. 470 – 480.

АРБТАМР

2.88 Из рапорта начальника 2-го отделения Черноморской береговой линии М. М. Ольшевского начальнику Черноморской береговой линии Н. Н. Раевскому об усердии владетеля Абхазии М. Г. Чачба – Шервашидзе в «покорении» джигетских и убыхских князей.

Укр. Бомбора, 10 марта 1840 г.

В земле джигетов, в вершинах реки Хошупсе, впадающей в море между укреплениями Св. Духа и Гагрою лежит деревня Хышха. Она имеет около 200 дворов и принадлежит князьям Анчабадзевым[1]. Доступ к этой деревне весьма труден. Конная тропа идет от укрепления Гагр по горе. По этой тропе от Гагры до Хышха считается 5 часов ходу.

Абхазцы захватили у князей Анчабадзевых двух крестьян. Когда эти Анчабадзевы прибыли к владетелю Абхазии для выкупа означенных крестьян, то е. св., выставивши им все выгоды, коими пользуются подданные г. и., успел уговорить князей Анчабадзевых покориться и вступить в подданство России со всеми принадлежащими им подвластными.

Вследствие чего князья Состан-Газ (один из самых преданных и надежных), Кван, Лаз, Сосран, Хаджала, Шахиль, Решит-пана, Халил, Соломон и Шорахмед Анчабадзевы, с несколькими почтенными своими подвластными, присягнули в присутствии владетеля Абхазии и временно командировавшего вверенным мне отделением полковника Козловского на верность подданства г. и. и выдали четырех аманатов…

Покорениеи Анчабадзевых мы обязаны отличному усердию владетелю Абхазии, который все свое старание употребляет на пользу нашего правительства и хотя имеет весьма ограниченное состояние, но не щадит своих собственных издержек…

Усердие владетеля этим не ограничивалось. Общество убыхов есть одно из самых злейших нам врагов. Главный старшина Аджи Берзек есть из первых представителей партий, собираемых для действий против нас. Владетель Абхазии воспитывался в доме Аджи Берзека, старался через посланных уговорить его: покориться нашему правительству…

Несмотря на отказ Аджи Берзека и его племянника Генартука[2] (одного из самых храбрых предводителей) стараться уговорить убыхов покориться, они оказали нам следующую услугу – убыхи узнавши, что князья Анчабадзевы покорились нашему правительству, вознамерились их разорить. Но Аджи Берзек и Генартук удержали их от сего…

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6411. л. 2 – 3. Подлинник.

[1] По записке, составленной генерального штаба полк. Филипсона о джигетах, показано в Хишхе 100 дворов, но по уверению владетеля Абхазии и самих Анчабадзевых, это деревня имеет около 200 дворов и может выставить 600 человек хорошо вооруженных.

[2] Керантух – **(Г. Д.).**

2.89 Рапорт начальника Черноморской береговой линии г. военному министру от 16 марта 1840 года за № 2.

Начальник 2 отделения вверенной мне Черноморской береговой линии, генерал-майор Ольшевский донес мне, что в октябре месяце прошлого года в укреплении Св.Духа приезжал владетель аула Лиаш, князь Арид Донигеа и объявил воинскому начальнику, что в первых числах октября англичанин Белль отправился с пленными и бумагами в Константинополь на контрабандной кочерме. Как и надобно было ожидать, Белль уверял горцев, что едет для испрошения у султана войск в помощь им против русских.

Владетель Абхазии генерал-майор князь Шервашидзе объявил генерал-майору Ольшевскому, что еще не имеет обстоятельных сведений о бегстве Белля, а зная лично князя Арид Донегеа, мало ему доверяет. Я предписал начальнику 2 отделения узнать сколько вернее о выезде Белля.

Вследствие сего, рапортом от 20 ноября, за № 42, он донес мне, что по собранным достоверным сведениям, известие князя Арид Донигеа об отъезде Белля в Константинополь оказалось справедливым и что кочерма, возившая его, уже возвратилась, а куда высадила, неизвестно.

Белль в письмах своих убеждает горцев не покоряться русским и обнадеживает в помощи султана.

В последнее время я было совершенно потерял следы Белля. Зная, что голова его оценена и ежеминутно опасаясь измены горцев, Белль беспрестанно переменял место и распространял о пребывании своем самые противоречащие слухи. Надежда горцев на иностранную помощь весьма поколебалась, а как на этой надежде основан кредит Белля, то сей последний искал всеми мерами спастись бегством от грозившей ему опасности. Теперь ему это удалось и нет сомнения, что он уже более не возвратится.

Я не имею никакого известия о пребывании в горах никаких других иностранцев и полагаю, что теперь их там нет, – да и мало вероятности, чтобы кто-нибудь, узнав от Белля об опасности их положения у горцев, решился к ним ехать.

Между тем, у самих горцев усиливается несогласие. Хаджи-Берзек с большою партиею убыхов и шапсугов до 2000 человек ходил к джигетам для собрания положенного общею присягою штрафа с тех, которые имели с нами сношения. Владения князей Геча и Ареда, как менее сильные и ближайшие к убыхам, заплатили этот штраф. Но Хаджи-Берзек напрасно пробыл более месяца в сандрипшском владении князей Цумбаевых15 и смежном с Абхазиею. Владетель Абхазии, генерал-майор князь Михаил Шервашидзе, зная важность сего обстоятельства, употребил чрез людей ему известных и преданных все средства, чтобы склонить жителей Сандрипша воспротивиться сему взысканию. Это вполне удалось и таким образом, торжественная присяга, доселе свято исполнявшаяся между горцами, в первый раз открыто нарушена. Прибрежные джигеты, шапсуги, натухайцы более прежнего обнаруживают желание покориться, но в этом главное, до сих пор непреодоли-

АЛЫТАИР

мое препятствие составляют убыхи и горные джигетские общества Аибга и Ахчипсоу. Глава этой враждебной партии – Хаджи-Берзек, старик богатый, предприимчивый и имеющий большое влияние в народе. Его аул в 10 верстах от укрепления Навагинского, на левом берегу реки Сочи. Доступ к нему удобен, но, к несчастию, Хаджи-Берзек весьма хорошо знает малочисленность прибрежных наших гарнизонов и совершенное неимение других войск для наступательных действий, даже самых ничтожных.

О всех сих обстоятельствах имею честь почтительнейше донести вашему сиятельству во исполнение повеления от 2 июля 1839 года, за № 4009. Подписал генерал-лейтенант Н.Н.Раевский.

Материалы собрал Е. Д.Фелицын. Газ.»
Кубанские областные ведомости», 1889г., №50.

2.90 Рапорт командира отдельного кавказского корпуса Е. А. Головина военному министру А. И. Чернышеву о принятии русского подданства цандрипшскими и Псхувскими князьями.

30 мая 1840 г.

Бывший начальник 2-го отделения Черноморской береговой линии ген.-м. Ольшевский, доносит, от 11-го мая, что по убеждению кн. Михаила Шервашидзе, Цадрипшские князья Омар, Беслан и Ислам Цанбеевы вступили в подданство России и дали в том клятвенное обещание.

Означенные князья Цанбеевы имеют до 150-ти дворов и живут на р. Хошпсе, в земле Джигетов, называемой по имени урочища Цандрипш. Хотя не весь род князей Цанбеевых покорился и князья, принявшие подданство России, немногочисленны, но пример их может иметь хорошее влияние на Цандрипшских князей, сильнейших между Джигетами. Владетель Абхазии старается склонить их вступить в подданство России. Тогда укр. Гагры и Абхазии не будут подвержены опасности нападения со стороны Джигетов. Покорность князей Цанбеевых тем более заслуживает внимания, что она случилась в то время, когда все горцы, живущие между устьем Кубани и Абхазии, возстали портив нас и, ободренные своими успехами, не перестают угрожать нашим укреплениям.

Ген.-м. Ольшевский доносит также об изъявлении покорности Псхувским кн. Пшемако с подвластными ему дворянами и крестьянами, в числе 100 дворов, составляющих третью часть всего народонаселения.

С самого вступления моего в управление Кавказским краем я обращал особенное внимание на приведение к покорности племени Псху, но разныя обстоятельства заставляли отложить это предприятие. Приведении к покорности этого небольшого племени, сопредельного с Цебельдою и Абазиею с одной стороны, а с другой с горными черкесским племенами, тем важно, что оно после покорения Цебельдинцев только одно из племен, обитающих

по сю сторону Гагринского хребта, не признает нашей власти, открыто производит торг пленными, дает убежище разбойникам и другим преступникам из соседних к ним наших провинций. Покорение одного князя Пшемако, хотя не ведет к обладанию всем племенем Псху, но некоторым образом обезпечивает Абхазию от вторжения непокорных горцев, всегда в этом случае проходящих через земли Псхувцев. Кн. Пшемако один не воспретил им вторгаться, но уведомляя нас заблаговременно о следовании горцев, дает возможность отражать их набеги в самом начале.

При том же можно надеяться, что пример его увлечет за собою и прочих князей Псхувских, из одной фамилии происходящих, чему много будут способствовать постоянныя убеждения владетеля Абхазии.

Ген. от инф. Головин 1-й

Помета: Донесено е. в. 17 июня.

АКАК, т. IX. ч. I. с. 448.
ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6381. л. 42 – 44. Подлинник.

2.91 Обзор политического состояния Кавказа 1840 года[1].

6 июня 1840 г.

Горские народы, обитающие на Западном Кавказе по Черноморской прибрежной линии противу правого фланга и центра Кавказской линии.

Наименование владений, племен и обществ		Места, ими занимаемые	Народонаселение				Вера, политическое состояние, степень покорности и образ правления
			по-корных	полунепо		всего	
				ппок	ккор.		
11	Абхазия Округи: Абжива, Абхазский, Бзыбский	Занимает по берегу Черного моря пространство земли, заключающейся между реками Галидзгою и Бзыбом.	31,100			31,100	Абхазия состоит в заведывании начальника 2-го Отделения Черноморской береговой линии, совершенно покорна, часть жителей исповедует христианскую веру, остальные магометане. Податей абхазцы не платят, кроме владетелю, которого власть в народе поддерживается пребыванием в крае русских войск. – Укр. Дранды, Сухум, Бамборы и Пицунда, обеспечивают владычество России над Абхазиею.

[1] «Обзор» был составлен обер-квартимейстером ген.-м. Мендом.

АЛЫТАИР

22	Самурза кань	По берегу Черного моря, южнее Абхазии от реки Галидзги до реки Ингура	8,900			8,900	Самурзакань, составлявшая прежде округ Абхазии, ныне подчинена владетелю Мингрелии, власть коего весьма слаба; повинуется правительству. С 1840 года управляется прис-тавом из русских офицеров, стоящим во введении управляющего Имеретиею. Самурзаканцы предполагают впрочем заниматься мелким хищничеством, податью не обложены.
33	Цебельда	Расположена на юго-западном скате Кавказ-ских гор по реке Кодору и по близлежащим к ней ущельям.		5000		5000	Цебельдинцы в 1837-м году покорились русскому правительству и, с того времени довольно спокойны. Управляются приставом имеющем пребывание в Цебельде (в Марамбе), который состоит в ведении начальника 2-го отделения Черноморской береговой линии, власть его постепенно утвер-ждается. Большая половина исповедуют учение Магомета, остальные язычники; подати не платят.
4	Садзень или джики	Обитают по берегу Черного моря от укрепления Гагр до реки Сочи.			1200	1200	Садзень или Саша непокорны, и в настоящее время с упорством защищают свою независимость, – народ воинственный. Дабы положить начало покорению и прекратить сообщение их с турками и неблагонамеренными иностранцами, в 1837 году воздвигнуты на мысе Адлер, укр. Св. Духа, в 1838 году

55	Саша	Саша же на реке Сочи					на реке Соче форт Александровский, наименованный в 1839 году Навагинским. Небольшое число Садзень магометане, остальные идолопоклонники. В Саше строгие последователи исламизма. В 1840 году князья Анчабадзе владетели дер. Хамыш племени (садзень) с подвластными своими до 600 хорошо вооруженных покорились.
Итого			40,000	5000	12000	51000	

Наименование племен, владений и обществ		Места ими занимаемые	Народонаселение			
			покор-ных	по лу-по-кор-ных	непо-кор-ных	все-го
		перенос	40000	5000	12000	57000
6.	Медовей а) Псоу или Псху б) Ачипсоу в) Айбога с) Чужгуча	Обитают скалистыя ущелья юго-западной покатости хребета Кавказских гор, по верховьям рек Бзыба, Псоу и Мдзымты			8000	8000
7.	Баракаи	Обитают на северном скате Кавказских гор по верховью реки Губс			800	800
8.	Баг	На вершине реки Ходзь			400	400
9.	Шепугей	По верховью малой Лабы			400	400
10	Казылбек	У верховья реки Андрюк			300	300
11	Там	У верховья большой Лабы			350	350
12	Башилбай	По верховью Урупа			950	950
13	Дударуков аул	Расположен по левому берегу Кубани против станицы Батал-пашинской	870			870
14	Ловов или Кечев	Поселены на правой стороне реки Кубани на реке Кум.	1000			1000
Итого абазин			41870	8900	20000	70070

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6382, лл. 1 – 3 об.

АЛТАМИР

2.92 Рапорт командира Отдельного Кавказского корпуса Е. А. Головина военному министру А. И. Чернышеву о восстании в Цебельде.

20 июня 1840 г.

При покорении в 1837 году Цебельды, четыре брата одной из главных тамошних княжеских фамилий Маршания разделены были на две партии, одна, главой коей были князья Шабат и Эшсоу Маршания, противилась принять покорность и действовала против нас: другая – под влиянием Ханкероса и Батал-бея Маршания и родственника их Зосхана Маршания, известного Г. И. по служению своему в гвардейском горском полуэскадроне, приняла присягу подданства. Для приведения всей Цебельды в покорность барон Розен видел необходимость схватить кн. Шабата. Братья его, Ханкерос и Батал-бей, рожденные от другой матери, находившиеся в давней с ним вражде, заарестовали Шабата и представили барону Розену. После сего Цебельда успокоилась и приняла подданство, Шабат был отвезен в Тифлис и посажен в Метехский замок, где я его нашел по прибытии моем в Закавказье.

Во время заточения Шабата, более года продолжавшегося, почетныя князья Цебельдинские, и даже сами Ханкерос и Батал-бей, безпрерывно просили меня об освобождении его. Местное начальство в Абхазии также свидетельствовало, что водворившееся спокойствие в Цебельде не нарушится присутствием Шабата и что освобождение его не будет иметь невыгодных последствий для края.

По этим удостоверениям, кн. Шабат Маршания был освобожден и в порывах чувства благодарности просил дозволения участвовать в одной из экспедиций, дабы кровью омыть свой необдуманный поступок. Он был послан в отряд, действовавший в 1838 году в Дагестане, под командою ген.-л. Фезе, где заслужил всеобщее удивление подвигами необыкновенной храбрости и самого блистательного мужества, за что и был награжден чином прапорщика.

Возвратясь в Цебельду, хотя не предпринимал ничего против правительства, но вражда и ненависть к братьям Ханкеросу и Батал-бею им вновь овладела, и он постепенно начал опять собирать своих приверженцев на истребление братьев.

В прошлом году вспыхнула между ними ссора, но пристав благоразумными мерами, с приверженными нам Цебельдинскими князьями, прекратил междоусобие и остановил кровопролитие.

Ныне я получил донесение от и. д. начальника 2-го отделения Черноморской береговой линии, подполк. Козловского, что несогласие братьев Маршания, имевшее в начале вид междоусобия, обнаружилось теперь возмущением против правительства; что Шабат, склонив на свою сторону всю Нагорную Цебельду и призвав к себе на помощь непокорных Псхувцев, при

посредстве Сванетского кн. Михаила, находящегося с ним в родстве, напал на братьев своих, нам преданных Батал-бея и Ханкероса; первого успели обманом схватить, а второго осадили в укрепленном доме его, требуя, чтобы он также отложился от подданства и выдал им в заложники родного своего сына и племянника, сына Батал-бея. Ханкерос решительно отказал и, запершись в крепком своем доме, защищается. В то же время другая шайка этих разбойников, состоявшая из 60-ти чел., напала ночью 9-го числа июня на жилье нашего пристава, Черноморского линейного батальона подпор. Лисовского, который хотя мужественно защищался с 6-ю Донскими казаками и 5-ю семейством освобожденных Русских пленных при покорении Цебельды, находившихся при нем, но раненный в голову пулею и двумя ударами шашкою в щеку и в нижнюю челюсть, непременно бы погиб, если бы на помощь ему не подоспели Цебельдинские князья пор. Зосхан и прап. Мисоуст. Жилье пристава сожжено и все имущество разграблено, три человека из русских пленных убиты, один спасен с приставом. После сего дерзкого поступка, мятежники уничтожили мосты на р. Кодоре, чем прервали сообщение Нижней Цебельды с возмутившеюся Нагорною.

Семь Цебельдинских князей, оставшихся нам верными, в том числе пор. кн. Зосхан, более всех действующий в пользу нашу, присягали на Алкоране не изменять данной им присяге Г. И. и по вызову подполк. Козловского явились в Сухум, где объявили ему о намерении своем вооружиться против мятежников, если только Козловский с отрядом войск наших двинется к ним на помощь.

Вследствие сего, он составил один сводный батальон – 439 чел. – из двух рот от батальона, в Бомборах расположенного, других двух из числа трех, в Сухуме находящихся, присоединил к ним одно боевое орудие, два горных и несколько кегорновых мортир. Абхазский владетель, всегда ревностный и готовый на деле доказать свое усердие, собрал 2.280 чел. милиции и выступает с подполк. Козловским.

Получив о сем происшествии донесение, я направил, чрез Сванетию, в возмутившуюся Цебельду с нагорной ея стороны 600 чел. милиции Имеретинской и Мингрельской, к коим должна присоединиться милиция Сванетских князей Михаила и Николая. Отряд этот я поручил состоящему при мне по особым поручениям подпол. Зорину. Кроме того, для подкрепления подпол. Козловского, ген. Эспехо отправил в Абхазию только что высаженную в Редут-Кале из фортов Навагинского и Св. Духа две роты Мингрельского егерского полка. Хотя отряд подполк. Козловского весьма слаб, но надеяться можно, что с пособием Цебельдинских князей, оставшихся нам верными, и владетеля Абхазии, Цебельда будет приведена в повиновение, так как, по моему мнению, источник этих волнений проистекает от кровной вражды четырех братьев Маршаниевых; в противном случае, столь незначительного числа войск было бы недостаточно для приведения в покор-

АЛЫТАЙ

ность возмутившихся горцев, обитающих в вертепах едва доступных. Этот случай вновь убеждает в необходимости иметь в Абхазии более войск, не только для подкрепления горнизонов на Черноморской береговой линии, но собственно для Абхазии и полу-покорных ея соседей. Теперь мы благодарны контр.-адм. Юрьеву, что подполк. Козловский нашелся в возможности собрать хотя 439 чел., ибо он высадил с двух фрегатов, находящихся в Сухуме, 150 матросов для занятия караулов.

АКАК, т. IX. ч. I. с. 490 – 491.

2.93 Рапорт Начальника Черноморской береговой линии Н. Н. Раевского военному министру А. И. Чернышеву о событиях в Цебельде.

Туапсе, 15 июля 1840 г.

6-го июня произошла в Верхней Цебельде, называемой Дал, ссора сыновей Дадаруковых князей Маршнаниевых, прапорщика Шабата и Эшсоу с прапорщиком Химкоросом и Баталбеем. Ссора эта сначала имела вид семейной вражды между братьями по разделу имения, но вскоре обнаружилась и настоящая цель действий Шабата и Эшсоу Маршаниевых. Они стали волновать народ, отторгая его от покорности Русскому правительству. В Дале один только прапорщик князь Химкорос остался преданным нашему правительству, и окруженный бунтовщиками, защищался в укрепленном своем доме. В шайке Шабата и Эшсоу было несколько сванетов. В ночь с 8-го на 9-е июня партия злонамеренных сделала нападение на деревню, в которой жил цебельдинский пристав, и сожгла ее; при этом убито трое русских поселян; уведены три мальчика, разграблены скот, лошади и все пожитки, а сам пристав цебельдинский подпоручик Лисовский ранен шашкою два раза в щеку и в бороду с правой стороны. Нападение было сделано под начальством князя Хелиль-Бея Катмас Ипа; из цебельдинских князей остались верными Мисоус и Засхан, принявших к себе раненного подпоручика Лисовского. После всего злонамеренная партия послала доверенных людей в Ахчипсу и Аибга с приглашением тамошних жителей на помощь для нападения на укрепление Дранды, а к убыхам с уведомлением о своих намерениях.

Временно командующий 2-м отделением Черноморской береговой линией подполковник Козловский, получив известие о беспокойствах в Цебельде, сделал распоряжение о сформировании сводного батальона, взяв для сего по две роты из гарнизонов Бомборского и Сухумского; к нему он придал два горных единорога, одно полевое орудие и две кегорновые мортиры на вьюках. Об этом подполковник Козловский донес владетелю Абхазии, прося его светлость прибыть с милицией в Келасуры.

Для усиления гарнизона в Сухуме, по распоряжению командующего крейсирующего эскадрою контр-адмирала Юрьева 2, высажена команда в

числе 150 нижних чинов с приличным числом офицеров из экипажей фрегатов Бургас и Агатопль, стоящих на Сухумском рейде.

11-го июня владетель Абхазии прибыл в Сухум-Кале; Абхазцы конные и пешие со всех сторон стягивались в Келасуры. По общему совещанию владетеля Абхазии и подполковником Козловским, предположено о сборе милиции и сформировании батальона, выступить 13-го июня к границам Цебельды, вызвать оставшихся верными князей, брать аманатов и через то обеспечивать дальнейшее движение отряда. Укрепление Дранды обеспечить расположением конных отрядов по дорогам, между тем посылать скрытно партии абхазцев для нанесения вреда злонамеренным цебельдинцам и дальцам.

В тот же день, то есть 11-го июня, по вызову подполковника Козловского, прибыли в пограничное абхазское селение Мерхаули, цебельдинские князья Маршании и несколько дворян; но не нашедши там полковника Козловского, трое из них, поручик Зосхан и Хирит Цукве-Ипа князя Маршаниевы и дворянин Тумурква Кобан-Ипа Шхуаца, приехали в Сухум вместе с израненным подпоручиком Лисовским. От них получено известие, что при сборе всех князей Маршаниев и многих цебельдинских дворян, после долгих совещаний все приняли присягу на Алкоране, что не принадлежат к мятежу. Сему много способствовало личное присутствие подпоручика Лисовского и убеждения его сохранить свято данную прежде присягу верности. Цебельдинцы уехали, а подпоручик Лисовкский остался в Сухуме для перевязки ран, с тем, чтобы отправиться оттуда вместе с отрядом.

Подпоручик Лисовский сообщил, что в Цебельде голод и потому мятежники не в состоянии будут долго содержать людей, которые бы захотели придти к ним на помощь; при том же Бзыбь, при настоящем полноводии, не представляет никакой возможности к переправе: обстоятельство важное потому, что оно обеспечивало Абхазию от внезапного вторжения соседних горских племен.

По всем этим обстоятельствам прежнее намерение отменено и предположено двинуться с отрядом прямо в Цебельду.

13-го июня владетель Абхазии выступил из Сухум-Кале. Майор Кацо Маргани, с милицией Абживского округа, получил приказание действовать отдельно по левую сторону реки Кодора. 14-го числа, отделив 500 человек из числа командуемой им милиции, он направил их через горы в Дал, по дорогам едва проходимым и приказал им спуститься прямо к дому прапорщика Хинкороса; сам же с остальною милицией, в числе 700 человек отправился по берегу Кодора к пограничной деревне Амзара на покатости Панавского хребта.

В то же время цебельдинский пристав подпоручик Лисовский имел с прапорщиком Шабатом переговоры, а 15-го числа и личное свидание в селении Джиша, куда Шабат прибыл по вызову цебельдинского пристава.

АЛЫТАИР

Прапорщик Шабат в присутствии других князей и дворян цебельдинских, объявил здесь, что он ожесточенный насмешками и происками брата своего Баталбея, потерял терпение и в исступлении гнева посадил его на цепь; когда же после сего распространились на его счет невыгодные слухи, то опасаясь взыскания за поступок с Баталбеем он принял только меры предостережения для личной своей безопасности, не замышляя об общем восстании против правительства, доказывая это тем, что он не принимал никакого участия в нападении и разорении селения, где жил цебельдинский пристав. Он изъявил готовность подтвердить все это присягою, а равно принять вновь присягу на верность службы е. и. в., как это сделали другие цебельдинские старшины 11-го июне в Цебельде, а 13-го в Сухум-Кале в присутствии владетеля Абхазии.

19-го числа, отряд под начальством владетеля Абхазии прибыл к цебельдинскому селению Горзаул; милиция Абхазского округа, составлявшая авангард, заняла гору Апианча, по дороге ведущей к Марамбе; регулярные же пехота с артиллериею и милициею Бзыбского округа, расположились лагерем у подошвы горы, близ селения Горзаул. При занятии горы Апианча, авангард был встречен ружейными выстрелами цебельдицев, залегших в небольшом числе на крутом лесистом подъеме, но быстрым движением авангарда неприятель был рассеян и гора занята без всякой с нашей стороны потери. Владетель Абхазии, заметив на вершине горы, вправо от дороги, новую толпу цебельдинцев, послал объявить им, что б они не осмеливались препятствовать движению отряда. Вслед за этим к командовавшему авангардом подполковнику Козловскому явился от цебельдинцев князь Зураб Тлапс Ипа Маршани с просьбою, чтобы отряд не двигался далее, до возвращения цебельдинского пристава подпоручика Лисовского, отправленного в тот же день с абхазскими и цебельдинскими князьями в деревню Амткель. Сообразно прежде сделанным распоряжениям, отряд остался в занятом им расположении у селения Горзаул, а Зурабу Маршанию приказано объявить цебельдинцам, что отряд наш идет не разорять их, а восстановить спокойствие и порядок за несколько дней ими нарушенные. Неприятельские толпы разошлись по домам и с тех пор со стороны цебельдинцев не было ни одного выстрела.

Того же дня, то есть 19-го июня, прибыл нарочный от майора Кацо Марганиа с уведомлением, что движение его в Дал увенчалось совершенным успехом: 500 милиционеров заняли дом Хинкороса, а Кацо Марганиа с остальною милициею занял гору, угрожая вторжением в Дал. Оба эти отряда были встречены незначительною перестрелкою со стороны дальцев; с нашей же стороны никаких неприязненных действий против жителей Дала предпринято не было, и майору Кацо Марганиа вменено было в обязанность не приступать к ним без особых побудительных причин.

В тот же день возвратился в лагерь из Амткела подпоручик Лисовский с абхазскими и цебельдинскими князьями: они вызывали прапорщика Шабата из Дала на урочище Багаду, взяли от него аманатов и поручителей в безусловной его покорности; сам же Шабат возвратился в Дал с намерением собрать почетнейших старшин и явиться с ними в лагерь для принятия присяги и точного исполнения требований начальства, которое по ходу сего дела окажутся необходимыми.

Между тем по первому донесению о беспорядках, возникших в Цебельде, по распоряжению его высокопревосходительства, г-на командира Отдельного Кавказского корпуса направлен через Сванетию в верхнюю Цебельду, именуемую Дал, отряд из 600 человек Имеретинской и Мингрельской милиции под командой подполковника Зорина, к которой должна была присоединится Сванетская милиция; кроме того направлены были в Абхазию две роты Мингрельского егерьского полка.

По изменившимся обстоятельствам владетель Абхазии, находя движение Мингрельской милиции более ненужным, послал нарочного остановить ее следование.

Отряд остановясь в прежнем расположении приступил к разработке дороге и далее к Марамбе.

24-го числа явились в лагерь при Горзоуле, собранном Шабатом почтеннейшие из жителей Дала 9 человек и принесли присягу на Алкоране в безусловной покорности правительству; Шабат и Эшсоу с почетнейшими старшинами обязались явиться для принятия присяги к подполковнику Козловскому в лагерь на Марамбе.

25-го числа прибыли две роты Мингрельского егерского полка.

Соображая с одной стороны все затруднения, которые могли бы представить при дальнейшем движении в Дал с средствами отряда, а с другой совершенную готовность цебельдинцев и жителей Дала к безусловной покорности, подтвержденной присягою, выдачею аманатов по собственному назначению владетелем Абхазии, возвращением захваченных в плен русских поселян с обязательством удовлетворить сих последних за все разграбленное у них имущество, и обещанием не давать приюта лицам, бывшими главными при нападении 9-го июня на селение Марамбу, – владетель Абхазии решился прекратить дальнейшее движение всего отряда. Он приказал подполковнику Козловскому с двумя ротами Мингрельского полка, одним горным единорогом и двумя кегорновыми мортирами, при 16-ти донских казаках и 50-ти милиционерах, следовать в Марамбу для скорейшего выполнения цебельдинцами и жителями Дала принятых на себя условий и для устройства там укрепленного жилища цебельдинскому приставу. Сам же владетель Абхазии, проводив подполковника Козловского до Марамбы, возвратился в лагерь при Горзоуле, и потом распустил свою милицию, а сводный линейный батальон отправил в Сухум.

Вечером 22-го июня я получил в Керчи первое донесение временно командовавшего 2-м отделением вверенной мне линии подполковника Коз-

АЛЫТАИР

ловского о смятениях в Цебельде. Это донесение от 12-го июня было адресовано в отряд на Туапсе; но посланное на парусном судне замедлилось от противных ветров. Утром 23-го июня я отправился на пароходе в отряд на Туапсе. Из донесения подполковника Козловского я увидел, что владетель Абхазии, дабы решительнее и скорее подавить мятеж в самом начале, собрал до 2500 абхазцев и тем совершенно обнажил нашу границу; а в то же время воинский начальник укрепления Св. Духа майор Посыпкин доносит, что Хаджи Берзек с большим сборищем убыхов, находится близ Цандрипша и замышляет вторжение в Абхазию. Чтобы защитить этот край и наши крепости, оставшиеся с весьма малыми гарнизонами, я решился взять из отряда на Туапсе 3-й батальон Прагского полка и две горных единорога с прислугою. 25-го июня я перевез их на трех пароходах в Бомборы. Там я нашел только что прибывшего начальника 2-го отделения полковника Муравьева, получил все изложенные выше сведения, и узнал, что абхазская милиция уже возвращается по домам; сводный батальон следует в свои укрепления, а подполковник Козловский остался в Цебельде с двумя ротами Мингрельского полка и одним горным орудием. Так как возвращение милиции Бзыбского округа обеспечивало уже нашу западную границу, то я перевез 3-й батальон Прагского полка из Бамбор в Сухум, с тем чтобы оттуда направить его в Цебельду; сам же я немедленно отправился к отряду при селении Марамба расположенному, куда и прибыл 28 июня.

Я нашел отряд подполковника Козловского лагерем при Марамбе, бывшем местопребывании пристава. Здоровье нижних чинов не оставляет ничего желать лучшего: до сих пор не было ни одного больного.

Дела цебельдинские я нашел в следующем положении: жители собственной Цебельды изъявили совершенную покорность, возвратились со всеми семействами в свои дома, возвратили все похищенное при нападении на дом пристава и на русских поселян. Одним словом, с Цебельдою дела кончены удовлетворительно. Главные фамилии изъявляют готовность исполнить все требования начальства; но это отчасти и потому, что видят в центре своей земли русские войска. Дела Верхней Цебельды или Дала далеко на так удовлетворительны, и до сих пор еще находятся в сомнительном положении.

Дал составляет нагорное общество по верховьям Кодора. Народонаселение его незначительно, но жилища находятся в неприступных почти ущельях.

В 1837 году генерал-адъютант барон Розен с восьмитысячным отрядом без выстрела покорил Цебельду, где простоял полтора месяца. Но как оказывается из нынешних обстоятельств, это покорение было мнимое, по крайне мере нисколько ненадежное. При этом сделана куча ошибок: 1. от цебельдинцев и жителей Дала взято мало аманатов, не из главных фамилий, да и те скоро были отпущены; 2. вместо того, чтобы прочно утвердиться в

Цебельде, там оставлен пристав с шестью казаками, совершенно на жертву; 3. вместо того, чтобы употребить полтора месяца для разробатывания восьмитысячным отрядом дороги из Сухума в Цебельду, ее оставили по-прежнему трудною вьючную тропу, по которой движение войск затруднительно, а провоз тяжестей и даже полезной артиллерии невозможен.

На чем же основывалась уверенность в покорности Цебельды, когда не имели с ней удобного сообщения, не имели там укрепления, не имели под рукой никакого резерва в Абхазии, и не имели аманатов?

Наконец все ошибочные распоряжения начаты в 1836 году, т. е. еще до покорения Цебельды, действием, которое больше нежели ошибка и которое понять трудно. В Дале единственная, а в Цебельде главная фамилия – Маршани. Эта фамилия имеет обширные связи с Псху, Ахчипсоу и Аибга, народами непокорными, между коими, и особливо Ахчипсоу, Маршани имеют много близких родственников. В Дале теперь пять братьев этой фамилии: Шабат, Эшсоу, Хинкоросу, Бейсангур и Баталбей, – почему-то первый показался нам опаснее других. Чтобы избавиться от него подкупили чрез родных его братьев, чтобы эти изменнически выдали его в наши руки. Они это исполнили: Шабат Маршани сидел два года в Тифлисе в Метехском замке, и наконец отпущен на родину, дав присягу не искать на своих братьях за их измену. Он держал свое слово до первого случая, который скоро представился по причине спора между братьями за неразделенное имение. Шабат соединился с Эшсоу, посадил изменою на цепь Бейсангура и Баталбея, но ему не удалось сделать того же с Хинкоросом, которого успели предупредить. Шабат и Эшсоу прибегнули к открытой силе; к ним присоединились дальцы, кажется не совсем расположенные к Хинкоросу, потому что он женат на сестре владетеля Абхазии и был из первых действовавших в нашу пользу в 1837 году для склонения своего народа к добровольной покорности, в которой вся Цебельда и по ныне упрекает себя тайно и явно.

Волнение в Дале достигло и Цебельды. Не было, кажется, общего замысла отложиться от покорности, но это само себе явилось. Вражда Шабата с Хинкоросом приняла по необходимости вид политический, потому что Хинкорос известен по своей преданности к русским, потому что он женат на сестре владетеля, наконец может быть и потому что цебельдинцы и дальцы не забыли его измену, за которую он получил русское золото. Шабат и Эшсоу послали немедленно к убыхам, Ахчипсоу и Псху, звать их на помощь своей партии: это было известно во всей Цебельде, и от того смятение еще увеличилось. Хаджи Берзек с 2 тысячами убыхов и джигетов явился в Цандрипш недалеко от границы Абхазии: не знаю наверное было ли тут соглашение, или это сделалось случайно. Если убыхи и не хотели идти в Цебельду, то по крайней мере угрожая Абхазии, они надеялись не допустить владетелем двинуть в Цебельду значительную милицию. К счастью, что полноводье р. Бзыба, прикрыв Абхазию, позволило владетелю

АПСТАМИР

собрать до 2500 милиции и соединить с подполковником Козловским, который обессилив совершенно абхазские укрепления, составил сборный батальон с тремя орудиями. Все это решительно двинулось в Цебельду.

Между тем толпа разной сволочи бросилась на дом пристава, который едва не сделался жертвою, и быв раненный вырван из рук неприятеля, несколько семейств поселян разграблены и взяты в плен; дом Хинкороса окружен. Если бы не решительное движение отряда и абхазцев, то кончилось бы без всякого сомнения открытым мятежом во всей Цебельде; наконец если бы не прибытие 2-х рот Мингрельского полка, то все начатое и приобретенное было бы потеряно, потому что на Бзыб стали оказывать угрозы и необходимо было немедленно возвратить из Цебельды Абхазцев и сводный линейный батальон.

Главные князья и дворяне цебельдинские и дальские явились в отряд, принесли присягу на верность и выдали аманатов по нашему назначению; но главные виновники, Шабат и Эшсоу Маршани еще не явилялись. Они приезжали к приставу подпоручику Лисовскому в аул Заусхана и уверяли, что готовы в точности исполнить все требования начальства; выдали и аманатов, но как ни тот, ни другой не имеют детей мужского пола, то владетель по необходимости назначил от них в аманаты детей их главных дворян.

В таком положении я застал дела, прибыв в Марамбу 28 июня. 29 и 30-го Шабат и Эшсоу не являлись, а от Хинкороса получено из Дала два письма и несколько нарочных со словесным объявлением, что жители Ахчипсу идут по первому приглашению Шабата в Дал, что дальцы, жертвуя своими аманатами, хотят уничтожить Хинкороса и всех его приверженцев.

При ближайшем рассмотрении этого дела я совершенно убедился, что в Цебельде есть одно только средство упрочить наше владычество – в настоящее время иметь хотя небольшой отряд и построить небольшое укрепление на одну роту. Из этого само собою истекает необходимость разработать дорогу из Сухума в Цебельду, так чтоб по ней можно было ездить на повозках.

Близ селения Марамба, где жил пристав цебельдинский, назначено поселить русские семейства, вырученные от цебельдинцев. Я осматривал это место во всей подробности и нашел, что выбор его сделан весьма хорошо. Не только 30 семейств, там можно поселить их до 500, со всеми возможными удобствами, прикупив только несколько окрестной земли, что не встретит затруднений и будет стоить недорого. По счастливому случаю оказалось, что это место находится в самом центре нижней Цебельды и во всех отношениях выгодно для расположения там укрепления, которое в одно время выполняло бы две цели: прикрывало бы поселение и жительство пристава, и удерживало бы в повиновении Цебельду. Сверх того, это место находится на соединении всех удобопроходимых дорог через Цебельду. Правда, что Дал останется в стороне от этого укрепления и довольно далеко, но оно совершенно отделит его от Псху или по крайней мере затруднит вредные

для нас сношения цебельдинцев и особливо дальцев с непокорными племенами, – зло, которое до сих пор мы должны были по неволе терпеть.

В полном убеждении о необходимости безотлагательно принять самые деятельные меры к упрочению навсегда покорности Цебельды, я осмелился сделать по этому все распоряжения, чтоб не потерять времени, и в уверенности, что ближайшее мне начальство удостоит их утверждением.

Эти распоряжения состоят в следующем:

1-е. Я выбрал место и разбил в Марамбе укрепление на одну роту. Оно будет состоять из сплошного частокола с бойницами, земляным банкетом и рвом. На противоположных углах сделаны два бастиона для фланговой обороны, каждый с двумя орудиями. Линия огня всего укрепления имеет 100 саженей, т. е. столько именно внутреннего пространства, сколько нужно для помещения необходимых зданий.

2-е, Для помещения гарнизона назначил построить: две солдатские казармы, каждую на сто человек, офицерский дом, пороховой погреб, гауб-вахту, цейхгауз и кухню, три последних здания в одной связи.

3. Для помещения пристава приказал построить дом со службами под ружейными выстрелами из укрепления, дав ему, впрочем, и собственную оборону.

4. Все строения и полисад я предписал возвести из местных материалов с прикупкою разных железных и других вещей, коих нельзя добыть на местах. На это я разрешил употребить деньги из суммы ассигнований на устройство поселения в Цебельде.

5. К двум Мингрельским ротам я присоединил еще привезенный мною в Сухум 3-й батальон Прагского полка и две горных орудия 20-й артиллерийской бригады. Как заведывание отрядом, так и все другие распоряжения, я возложил на полковника Муравьева, но как дела не позволят ему постоянно быть в Цебельде, то я разрешил ему в отсутствие свое поручить отряд и все распоряжения в Цебельде, подполковнику Козловскому.

6. Предписал немедленно приступить к постройкам укрепления, а между тем, пользуясь присутствием отряда, настоятельно требовать от цебельдинцев и дальцев русские семейства, которые положено поселить в Марамбе.

7. По мере прибытия этих семейств, я приказал устраивать им помещения на местах, указанных мною, вокруг холма на котором будет укрепление и совершенно по его защитою.

8. Разрешил довольствовать отряд в Цебельде по заграничному положению наравне с гарнизоном укрепление Бомборы. На перевозку провианта вьюками приказал употребить лошадей 8, 9 и 10-го батальонов, а как этого недостаточно, то выдал полковнику Муравьеву тысячу рублей серебром на наем вольных вьючных лошадей для усиления перевозки по мере надобности. Деньги я взял заимообразно из других казенных сумм в моем распоряжении находящихся.

9. По окончании работ укрепления и поселения сколько это окажутся нужным, я приказал употребить отряд на разработку самых трудных мест дороги, ведущей из Сухума в Цебельду.

АЛИТАМИР

Почтительнейше донося о сем вашему сиятельству, честь имею присовокупить, что я просил уже г-на командира отдельного Кавказского корпуса об утверждении сих распоряжений, которые осмелился я сделать в полном убеждении в невозможности отложить их до будущего года и в необходимости этой меры для спокойствия Цебельды, и даже Абхазии. Разрешение по сему предмету я еще не получил от его высокопревосходительства.

Генерал-лейтенант Н. Н. Раевский.

Генерального штаба полковник Филипсон.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6417. л. 7 – 17.

2.94 Из рапорта Начальника Черноморской береговой линии Н. Н. Раевского военному министру А. И. Чернышеву о готовности джигетов принять подданство России.

16 июля 1840 г.

Секретно.

… На пространстве, составляющем 2-е Отделение Черноморской береговой линии, обитает пять племен одного происхождения и говорящих одним языком: Самурзакань, Цебельда, Абхазия, Джигеты и Убыхи. Абхазия и Самурзакань покорены в 1810 году, Цебельда в 1837-м. Земля джигетов делится на две части: горную и береговую. Первая включает в себе: Псху, Аибга и Ахчипсоу. Сие последнее племя имеет в своей земле несколько перевалов чрез Кавказ, часто спускается для грабежей на северную покатость и известно на Кавказской линии под именем медовеевцев. Береговая часть джигетов заключает в себе: Цвиджа, Бага, Ареда, Гечи и Цандрипш. Тесные связи родства соединяют джигетов с Абхазией. Пользуясь сим и влиянием владетеля Абхазии, я имею большие сношения с береговыми джигетами, которые все готовы к покорности, но опасаются убыхов и ахчипсоу…

Народонаселение убыхов состоит из тринадцати тысяч семейств, население джигетов из семи тысяч семейств. Абхазия имеет только восемь тысяч семейств…

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6411. л. 14 – 15. Копия.

2.95 Рапорт начальника Черноморской береговой линии Н. Н. Раевского командиру отдельного кавказского корпуса Е. А. Головину о создании Псхувского приставства.

16 июля 1840 г.

В бытность мою в Цебельде я узнал, что князья, дворяне и все почетные люди из народа Псху прибыли в Бомборы в большом числе для изъявления совершенной покорности за весь свой народ.

11 июля, когда я прибыл в Бомборы, псхувцы явились ко мне, десять главнейших князей по фамилии Маршани, пять дворян и до 150 простолюдинов принесли на Коране торжественную присягу на верность и вечное подданство е. и. в. самодержцу всероссийскому за себя, весь народ свой и потомство.

В обеспечение искренности своей покорности, псхувские князья выдали аманатов из главнейших семейств и приняли управления ими пристава по моему назначению.

На первое время, пока представится возможность послать туда русского офицера, я назначил приставом в Псху князя Хутуни Шервашидзе, которого для сего нарочно взял из Самурзакани. Князь Хутуни весьма дальний родственник владетеля Абхазии, жил всегда в Самурзакани, христианин и известен по своему усердию к нашему правительству.

Таким образом, покорилось добровольно общество Псху, живущее в вершинах Бзыба и бывшее с давних времен причиною больших беспокойств в Цебельде и Абхазии. Это обстоятельство весьма важное для нас во многих отношениях. Река Бзыбь от вершин до устья составляет теперь нашу границу и вместе с тем заграждает проход убыхам к горным джигетам (Ахчипсоу), которые обыкновенно вторгались в Абхазию через верхние части Бзыба. Положение Цебельды и самой Абхазии будет надежнее, потому что Псху до сего времени служило прибежищем всех злоумышленников и беглецов. Наконец, с покорением Псху нам открывается прямая и одна удобная дорога в Ахчипсоу, от коего зависит прочная покорность все джигетских обществ.

Вашему высокопревосходительству имею честь почтительнейше донести об этом событии, присовокупляя, что и в этом случае, равно как во многих других, мы обязаны усердию и сильному влиянию на горцев владетеля Абхазии князя Михаила Шервашидзе. Настоящее изъявление покорности народом Псху тем более замечательно, что с самого начала последних смятений в Цебельде, псхувцы отвергли всякое пособие, которое от них требовали неблагонамеренные люди из числа цебельдинцев, и тем весьма способствовали и восстановлению там спокойствия. В этом случае псхувцы подвергались сами большой опасности, потому что Хаджи-Берзек с 2500 убыхами и ахчипсоу был тогда близ Бзыба, намереваясь пройти через их земли в тыл Абхазии, которой милиции были употреблены в Цебельде.

В то же самое время явились в Абхазию еще девять князей из общества Цандрипш для изъявления покорности за себя и своих подданных. Зная близость сборища убыхов от их собственных жилищ, они не оставили своего намерения, но напротив, прибыв к отряду в Цебельде, присоединились к Абхазской милиции и во все время участвовали с нею во всех действиях.

11 июля я привел цандрипшских князей в Бомборах к присяге на верность и вечное покровительство е. и. в. и взял от них аманатов.

Верно: Генерального штаба полковник (подпись).

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 71. л. 6 – 7.

АЛЫТАИР

2.96 Рапорт командира отдельного кавказского корпуса Е. А. Головина военному министру А. И. Чернышеву о намерении убыхов вторгнуться в Абхазию.

17 октября 1840 г.

И. д. начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии, полк. Муравьев, донес мне, что в исходе прошедшего сентября месяца Убыхи, в соединении с другими горцами, собрались на Сочи в числе около 7. 000 чел., под предводительством известного Хаджи-Берзека, с намерением вторгнуться в Абхазию и овладеть одним из укреплений наших, в том крае находящихся; но на пути своего следования остановились на р. Цандрипше, для разорения жилища преданного нам кн. Цанбеева.

В то же время обнаружились опять волнения в Цебельде. Жители верхней Цебельды, подстрекаемые князьями Батал-беем, Шабатом и Эшсоу Маршаиевыми, готовы были со вторжением Убыхов в Абхазию поднять оружие против правительства и вторгнуться туда же с другой стороны.

Промедление Черкес на Цандрипше и колебание цебельдинцев, не решавшихся возстать против правительства до вторжения Убыхов, дали время и возможность и. д. начальника 3-го отделения полк. Муравьеву приготовиться к встрече неприятеля с малыми средствами, в распоряжении его находящимися. Оставив в Цебельдинском укреплении достаточный гарнизон, он взял оттуда 2 роты Мингрельского егерского полка и, присоединив к ним 2 же роты Черноморского линейного № 9-го батальона, приготовил в Бомборах батальон к выступлению на Бзыбь, при 4-х орудиях, и в Самурзаканском округе предписал собрать до 1000 чел. милиционеров и направил их в Абхазию. Со своей стороны, владетель ген.-м. кн. Шарвашидзе успел собрать милицию Абхазского округа и во многих местах на Бзыбе, против бродов, устроить завалы.

Вероятно, что известие о мерах, принятых к защите Абхазии, лишило черкесс надежды на успех и побудило их отказаться от своего предприятия.

Полк. Муравьев донес мне, что сборище их разошлось и из Цандрипша возвратилось в свои дома.

Желая наказать Убыхов за намерение их вторгнуться в Абхазию, владетель оной отправился с 500 отборных милиционеров на 10-ти галерах, для набега на близкие к морю Убыхские аулы, но поднявшаяся сильная буря принудила его в тот же день возвратиться назад.

Возмущение Цебельды также не имело места, хотя, впрочем, многие из князей Маршаниевых, по достоверным сведениям, готовят измену при первом удобном случае.

По неимению теперь в Абхазии достаточных средств для преследования злонамеренных, я предписал полк. Муравьеву, не оказывая им недоверчивости, не терять их между тем из вида, дабы предупредить замыслы их.

Когда же усиление войск в Абхазии позволит действовать решительнее, то я полагаю необходимым для спокойствия, как всей страны, так и Цебельды, схватить князей Батал-бея, Шабата и Эшсоу Маршаниевых и наказать их как изменников.

До получения еще донесения об успокоении Цебельды, я дал владетелю части Сванетии майору кн. Михаилу Дадиашкелиану разрешение отправиться со своими подвластными в Цебельду для усмирения непокорствующих дальцев и для склонения по собственному вызову Сванетского владетеля кн. Эшсоу Маршания, его зятя к совершенной покорности правительству.

О чем имею честь донести в. с. для доклада Г.И., обязываюсь присовокупить, что вторжение Убыхов в Абхазию может иметь для нас самыя невыгодныя последствия, так как на преданность к нам абхазского народа положиться нельзя, и власть владетеля, поддерживаемого нашим оружием, оттого будет сильно потрясена.

АКАК, т. IX. ч. I. с. 449 – 450.

2.97 Из рапорта начальника Черноморской береговой линии Н. Н. Раевского командиру отдельного кавказского корпуса Е. А. Головину о Шабате Маршания.

2 ноября 1840 г.

Единственная причина всех бед в Цебельде и Дале есть следующая: Когда Цебельда покорилась, ген.-ад. бар. Розену единогласно представляли, что сей край не буден покоен, пока в нем останется кн. Шабат Маршания. Сей последний был захвачен и содержался Тифлисе. В. выс. прев. было угодно его выпустить, но он милость сию не понял. Буйный нрав Шабата, и сверх того его ожесточение против русских увлекли его взбунтовать нынешним летом, а теперь войти в сношения с Хаджи Берзеком. К нему присоединились его братья Баталбей и Эшсоу: они трое глава всего, что происходит в Дале.

Полковник Муравьев, по неимению средств, не мог ничего предпринять против дальцев вооруженною рукою. Дал, или горная часть Цебельды, составляет вдоль Кодора тесное ущелье в 50 верст длины, где разбросаны четыреста семейств, могущих поставить под ружье 800 человек. Доступ к Далу хотя из Цебельды и возможен, но чрезвычайно труден и идет большею частью по крутым тропам, прорезанным по карнизам скал…

Верно: Генерального штаба полковник Филипсон.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6392, лл. 8 – 8 об. Копия.

АЛБТАИР

2.98 Из рапорта начальника Черноморской береговой линии Н. Н. Раевского военному министру А. И. Чернышеву.

Керчь, 27 декабря 1840 г.
Секретно.

… Господин кавалер Отдельного Кавказского корпуса, предписанием от 3 декабря № 1363, требовал от меня, по высочайшей воле, соображения о торговле с горцами и поселении в г. Новороссийске.

Во исполнение я составил предложение, при сем копии прилагаемое, которое я представил гг. командиру Отдельного Кавказского корпуса и новороссийскому и бессарабскому генерал-губернатору.

Я сейчас получил полное предположение его сиятельства графа Воронцова с предположениями действительного статского советника Марини. Ваше сиятельство изволите его получить прямо от графа Воронцова и мне остается только сказать, что оно заключает все условия для успешного распространения торговли с горцами. Предложение это служит развитием и пополнением всех предыдущих моих действий.

Впрочем я того мнения, что подобный предмет требует тщательного осмотра и что не должно довольствоваться, для общего соображения, одними соображениями. Г. Марини, Г. Вяльно – русский помещик (греческого происхождения), значительный капиталист, он взял вдруг многие подряды, между прочим, более чем на два миллиона, для береговой линии, – и все их выполнил с совершенным успехом. Кроме того, у него есть собственные суда, для внутренней и иностранной торговли, а с зафрахтованными для перевозок в сем году на береговую линию, он имел более 200. Я ожидаю его предложений, чтобы их представить Вашему сиятельству, гг. командиру Отдельного Кавказского корпуса и графу Воронцову.

Но теперь же можно решительно сказать, что торговля на береговой линии не может открыться, если не будет разрешен беспошлинный подвоз предметов иностранной торговли и если право это не будет распространено на всех лиц, поселившихся на восточном берегу; это право ни в коем случае не должно быть частною привилегиею.

Подобное предложение не влечет за собою возобновление транзита через Грузию, хотя я убежден, что его уничтожение нам сделало огромный политический вред. Уничтожение сие было причиной основания Трапезондской Английской компании, которое создала для Англии, на Черном море, противные нам торговые интересы; между тем, как если б английская торговля была направлена через Грузию, мы имели бы общие с нею интересы. С уничтожением транзита, мы передали Англии всю народность, которую нами была приобретена на Востоке.

Беспошлинный ввоз иностранных товаров можно ограничить на пространстве между Кубанью и Ингуром со стороны Закавказья, заключающем

в себе береговую линию. Таким образом из сей привилегии будут исключены с северной стороны вся Кавказская линия, а с южной – Мингрелия, Гурия, Имеретия, Грузия, Каспийская область – одним словом весь Закавказский край, посему свобода торговли будет допущена только с одними горцами. Кубань и Ингур не представляют бродов и весьма легко учредить таможенный присмотр на немногих пунктах, где есть переправы. Подобные привилегии были предоставлены Бессарабии, хотя Днестр не столь надежная преграда, и были причиной блестящего ее развития. Сия привилегия должна быть, как для Одессы, дана на 30 лет. Если бы не было в будущем столько времени для развития торговли, Одесса не сделалась бы тем, чем она есть теперь.

В заключение я мнением полагаю: немедленно утвердить льготы для переселенцев на восточный берег и дозволить беспошлинный ввоз иностранных товаров на береговую линию в Новороссийск, Геленджик и Сухум. Потом можно на досуге рассмотреть предложения гг. Марини, Вяльно и многих других, которые неминуемо явятся. Я опять повторяю, что мы еще не умеем оценить важность приобретения восточного берега Черного моря. Оно удвоило пространство принадлежащих нам берегов сего моря. Его протяжение обширнее берегов Франции на Средиземном море; соседство моря даст со временем сему краю первенство над Кавказскою областью и Закавказским краем. Суда найдут надежное убежище в Новороссийске, Геленджике и Сухуме. Сии пристани не уступают пристаням Франции на Средиземном море. Долины восточных берегов лежат под столь же теплым небом и изобильно орошены истоками ледяных гор и заключают обширные луга и богатые нивы. Горы, образующие сии долины, покрыты мачтовым и строевым лесом, и по свидетельствам древних, там находятся в недрах земли другие источники богатства.

Верно: губернский секретарь (подпись).

ЦГИАГ, ф. 1396, д. 70. лл. 10 – 12. Копия.

2.99 Из «выписки обзора Черноморской береговой линии и предложений для лучшего ее устройства».

1840 г.

3. В Сухуме приступить в течение зимы, т. е. в феврале месяце будущего 1841 года к осушке болот возобновлением водосточных каналов.

Крепость, пришедшею в ветхость, исправить, усилить ее оборону и казармы устроить на 800 человек гарнизона…

Бомборы. В Абхазии теперь все спокойно и владетель оной не престает показывать усердие и покорность свою нашему правительству, но в земле, где полудикие жители все вооружены, нельзя полагаться на постоян-

АЛЫТАИР

ное спокойствие. Самый ничтожный и непредвидимый случай может быть причиною общего возмущения, которого не в состоянии будет остановить и сам владетель, как это ныне произошло в Цебельде. Среди подобного народонаселения мы должны быть готовы во всякое время не только с верным успехом защищать наши укрепления, но и быть в состоянии подавить вспыхнувшее возмущение прежде чем оно сделается опасным. Посему для защиты Бомбор необходимо иметь комплектный батальон… В нынешнем году смуты в Цебельде заставили построить там укрепление, дабы покорность сего народа была не мнимая, а действительная…

Сухум. Это важный для нас приморский пункт с самою безопасною на всем протяжении берега бухтою, нужно… укрепить прочным образом… Последние происшествия в Цебельде показали, как необходим резерв в Абхазии…

Верно: генерал-лейтенант (подпись).

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6390, лл. 137, 165 – 167.

2.100 Из рапорта начальника Черноморской береговой линии Н. Н. Раевского военному министру А. И. Чернышеву о ситуации в Дале.

23 января 1841 г.

Донесениями моими, от 20-го июня, № 671, и от 9-го июля, № 760, о положении дел в Цебельде, в то время, как беспорядки в этой стране потребовали присутствия там войск наших, я имел честь доводить до сведения в. с., что с появлением отряда все смирилось, почетнейшие старшины собственной Цебельды и нагорной части оной, именуемой Дал, снова присягнули на верноподданство, выдали требуемых заложников и исполнили все прочие требования начальства; но их главный виновник возстания, кн. Шабат, хотя и покорился, он не переставал, однако же, волновать народ против правительства, а кн. Эшсоу отправился даже к Убыхам звать их на помощь.

Потом доносил я в. с., от 17-го октября, № 1190, что когда скопище Убыхов, под предводительством Хаджи-Берзека, собиралось вторгнуться в Абхазию, в Дале снова обнаружилось волнение и жители, подстрекаемые кн. Батал-беем, перешедшим на сторону своих братьев, Шабатом[1] и Эшсоу Маршаниевыми, готовы были с вторжением убыхов в Абхазию поднять оружие против правительства. Но сборище Убыхов разошлось, не исполнив своего намерения, и Цебельда осталась спокойною, хотя с достоверностью можно было полагать, что упомянутые князья Маршания готовят измену при первом удобно случае.

[1] Сначала было написано: «Шабат убит Черноморского линейного № 11 батальона рядовым Софроном Родзиевским, получившего за это знак отличия военного ордена», затем это зачеркнуто и оставлено: «Шабат Маршани был убит в октябре 1840 г.» – **(Г. Д.).**

Отношения сих князей к Русскому правительству становились все неприязненнее: они не исполняли его требований и продолжали свои тайные сношения с соседственными непокорными племенами, преимущественно с племенем Ахчипсоу, приглашая их к себе на помощь для действий против нас. По временам Дальцы собирались и занимали караулами тропы, ведущие из Нижней Цебельды, опасаясь вторжения войск наших, занимавшихся постройкою там укрепления. Очевидно было, что надеясь на недоступность своего горного ущелья и помощь соседственных горских племен, Дальцы решились вновь возстать и с оружием в руках отказаться от всякой покорности правительству. В недавнее время случившееся убийство двух казаков, везших бумаги из Сухума в Цебельдинское укрепление, людьми кн. Батал-бея и нападение на абхазское сел. Мерхаули, еще более доказывали всю дерзость и самонадеянность Дальцев…

Что же касается до мнения полк. Муравьева о заселении Дала Русскими, то это требует еще внимательнейшего соображения, ибо страна эта подвержена нападениям Карачаевцев и других ближайших к ней враждебных племен.

АКАК, т. IX. ч. I. с. 496 – 497.

2.101 Клятвенное обещание джигетов в верности Николаю I[1].

25 апреля 1841 г.

Мы, джигетские жители, князья: Зураб Хамыш и Гечь Гасан, дворяне: Осман Чуу, Омар Осван, Омар Цвамбая, Яков Цвамбая, Хуссеин Чуу, крестьяне: Болихуху Авздахва, Мустаф Абада, Жи[2] Хуссеин, Бгазв[3] Мусва, Взеда Жусуф, Чани[4] Согуш, Очиба Еслам, Терим Кваташа, Цвей[5] Тахуху, Тигней Наурза, Хвинапши Болихуху, Инагу Мусса, Абгажаа Жусуф и Абаш клянемся перед всемогущим богом, святым его пророком и алкораном за нас самих, за наших подвластных крестьян и потомков наших, в том, что мы:

1) Признаем себя на вечные времена верноподданными великого г. и. Николая Павловича самодержца всероссийского и его и. в. всероссийского престола наследника его и. выс. цесаревича вел. кн. Александра Николаевича.

2) Клянемся его и. в. великому нашему государю быть верными и нелицемерными, о всех злонамеренных предприятиях противу правительства немедленно объявлять и повиноваться постановленными над нами властям.

[1] Приложение к рапотру И. Р. Анрепа от 6 мая 1841 года за № 133.
[2] Жиба – **(Г. Д.)**.
[3] Багажба(?) – **(Г. Д.)**.
[4] Чанба (?) – **(Г. Д.).**
[5] Цвейба – **(Г. Д.)**.

АЙТАМИР

3) Клянемся не участвовать ни в каких разбоях и хищничествах и не давать у себя пристанища разбойникам и преступникам, кои будут преследуемы российским правительством.

4) Пленных и беглых клянемся не покупать, не продавать, у себя не держать, но представлять к русскому начальству, за что нам будет выдаваемо за каждого солдата по 10 руб. сер.

5) Для прекращения несогласий и обид, случающихся между нами и соседними подданными г. и., не употреблять оружия и самоупорства, но обращаться для разбирательства к русскому начальству. Если же кто из нас нарушит эту клятву, то да постигнет его страшный гнев бога в сей и будущей жизни, да обратятся на главу его все несчастия, до восстанут против него братья его, родной сын да поднимет меч на главу его, и чтобы все родные и соотечественники чуждались такового клятвопреступника и бегали от него как от позора. В подтверждение сей нашей клятвы целуем священные слова алкорана 1841 г. апреля 25 дня.

По сему клятвенному обещанию князья: Зураб Хамыш и Хасан Гейчабая, дворяне: Осман Чуу, Омар Осван, Омар Цвамбая, Яков Цвамбая, Хуссеин Чуу, крестьяне: Болихуху Авздахва, Мустаф Абада, Жи Хуссеин, Бгазв Мусва, Взеда Жусуф, Чани Согуш, Очаба Еслам, Терим Кваташа, Цвей Тахуху, Тигней Наурза, Хвинапши Болихуху, Инагу Мусса, Абгажаа Жусуф и Абаш присягу выполнили, а за неумением их грамоте порукоданной их просьбе руку приложил и к присяге приводил Омар Ефендий. При приводе вышеозначенных лиц к присяге присутствовал владетель Абхазии ген.-майор кн. Шервашидзе.

Верно: ген.-майор Коцебу.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6435, 1841 г., лл. 5 – 6 об.

2.102 Рапорт и. д. начальника Черноморской береговой линии И. Р. Анрепа командиру Отдельного Кавказского корпуса Е. А. Головину о присяге князей и дворян джигетского племени Хамыш на верноподданство России.

6 мая 1841 г.

С древних времен находившиеся под влиянием владетеля Абхазии князья, дворяне и народы хамышские, одно из племен джигетских, обитающие недалеко от берега моря между укреплениями Св. Духа и Навагинское, со времени общего разрыва между всеми горскими племенами, по ту сторону Гагринского ущелья обитающими, и Абхазиею, отторглись из под ведения владетеля Абхазии и вместе с тем сделались враждебными нашему правительству, подобно всем своим соседям джигетам и убыхам.

Преследуя врагов нашего правительства везде, где только обстоятельства и случай тому способствует, ген.-майор кн. Шервашидзе с жителями

своего владения делал неоднократные нападения, с согласием и содействием местного начальства, на прибрежные неприязненные к нам селения и между прочим в 1839 г. сделал нечаянное и весьма удачное нападение на племя хамышское. В. выс-во изволите уже знать, что непокорные джигеты изъявили с некоторого времени общую наклонность покориться, недели 3 тому назад, значительнейшие князья, дворяне и жители хамышские, как бывшие в прежние времена по влиянием владетеля Абхазии и наиболее устрашаемые наказанием ими уже испытанным, первые из всех джигетов, прибегли к представительству кн. Михаила, для принятия их в верноподданство государя нашего и под могучее его покровительство. По совещании об этом с и. д. начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии, полк. Муравьевым, находя такой пример принесения покорности жителей хамышских весьма полезным для всех их соседей, кн. Михаил привел их к присяге и взял в аманаты сына кн. Зураба Хамыша, главнейшего из тамошних князей.

Представляя в. выс-ву клятвенное обещание, данное племенем хамышским, имею честь присовокупить, что ген.-майор кн. Шервашидзе, одарив, по обычаям народным князей и дворян хамышских, по совещанию с полк. Муравьевым, к которому они являлись как к местному их нач-ку, отпустил их обратно на место жительство, оставив у себя выданного ими аманата.

Донося об этом событии, имею честь представить вниманию вашего выс-ва сие новое доказательство постоянного усердия владетеля Абхазии, ген.-майора кн Михаила Шервашидзе к пользам нашего правительства.

На препроводительной бумаге помета рукой А. И. Чернышева: е. и. изволил читать 2 июня.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6435, 1841 г., лл. 2 – 4. Копия.

2.103 Рапорт и. д. начальника Черноморской береговой линии И. Р. Анрепа командиру отдельного кавказского корпуса Е. А. Головину о присяге на верность джигетских и убыхских дворян.

25 мая 1841 г.

От 6 мая за № 133 я имел честь доносить вашему высокопр-ву об изъявлении покорности джигетским обществом Хамыш. Теперь имею честь донести, что все приморские джигеты и часть убыхов присягнули на вечные времена на подданство его и. вел. и выдали аманатов.

Считая себя особенно счастливым, что могу донести вашему высокопр-ву о таком событии, прошу позволения представить подробности и ход этого дела, обещающего весьма важные последствия.

Народ, живущий на пространстве между убыхами и Абхазиею называется Саадзен, а у грузинских племен известен под именем Джигетов.

АЛЫТАИР

Джигеты говорят абхазским языком, и в обычаях более сходны с абхазцами, чем с другими соседями своими, убыхами. С древних времен владетели Абхазии имели на них влияние и пользовались большим уважением этого народа. Главные княжеские и дворянские фамилии Абхазии в родстве с джигетскими. Самое общественное устройство обоих народов одинаково: княжеские и дворянские фамилии составляют сильную партию, в руках которой находится власть, никем не оспариваемая.

Со времени покорения Абхазии, союз между сею землею и джигетами уничтожился, а в последние годы обратился во вражду. Джигеты, столь же воинственные, как и убыхи, соединились с сими последними и участвовали с ними во всех движениях против Абхазии, или против наших укреплений. Джигетов можно разделить на две главные части: на горных, т. е. Ахчипсоу, Аибга и Псху, и на приморских, т. е. Хишха, Цвандрипш, Геча, Ареда и Хамыш.

Первых можно считать до 2 тыс., вторых до 3 тыс. домов.

Горные джигеты живут в верховьях рек: Мдзымты, Псоу и Бзыба, в крае бедном и доступном только по немногим трудным путям. С давнего времени эти места сделались убежищем всех людей беспокойных и преследуемых нашим правительством или мщением своих одноземцев. Между окрестными народами, горные джигеты не пользуются славою храбрости и особенной воинственностью, но они самые неутомимые и предприимчивые разбойники. На северной покатости Кавказа они известны своими хищничествами, под именем медовеевцев.

Земля приморских джигетов пересечена высокими отраслями гор, особенно на пространстве между реками: Бзыб и Псоу, но между этими горами много долин, удобных для хлебопашества и вообще этот край богатый и весьма населенный. Близость моря и торговля приучили приморских джигетов к некоторым удобствам жизни, а потому занятие нами берега и усиленное крейсерство имели на них непосредственное действие. С другой стороны укр. Гагры заграждало лучший путь в Абхазию и для всех предприятий против сего края, джигеты должны были идти чрез снеговые горы, путем трудным и ненадежным.

Несколько лет тому назад Хаджи-Берзек, потеряв там 700 человек, занесенных метелью, дал клятву никогда не ходить горами в Абхазию. Между тем мы имели все средства ко вторжению в землю джигетов, нередко грозили этим, а иногда по возможности и выполняли свои угрозы. Еще в 1838 г. собиралась экспедиция для покорения Псху, общества имеющего 300 дворов, разбросанных по верховьям р. Бзыба. Обстоятельства помешали этому движению, но в 1839 г. псхувцы покорились сами. Вслед за этим в начале 1840 г. покорилось общество Хишха (150 дворов), принадлежащее князьям Анчабадзе, и несколько деревень в Цвандрипше, ближайших к Абхазии. Эта покорность, хотя была искренняя, но совсем ненадежна,

пока остальные джигеты не только не были покорены, но возбуждаемые слабостию тогда наших гарнизонов, вместе с убыхами были главными виновниками общего восстания черкесских племен[1]. Осенью прошлого года покорившиеся деревни в Цвандрипше и Хишха, были ограблены партиею Хаджи Берзека, который, кроме штрафа, взял с них присягу не входить в сношение с русскими.

Между тем в конце 1840 г. дела наши на восточном берегу приняли другой вид: укрепления приведены в лучшее оборонительное состояние, гарнизоны усилены, в Абхазии образован резерв, двухкратное движение в Цебельду и особенно уничтожение Дала, считавшегося недоступным, заставили джигетов подумать о своей безопасности, а как приморские жители, первые подверглись действиям войны, и сверх того более других терпели от настоящего положения дел, то естественно, что они сделали первый шаг к покорности.

Но я спешу доложить вашему высокопр-ву, что главным виновником покорения джигетов был владетель Абхазии ген.-майор кн. Михаил Шервашидзе, которого ревность к пользам нашего правительства превосходит всякую похвалу. В последние годы он не упускал никакого случая, чтобы действовать на джигетов или силою оружия или убеждениями. Удачные внезапные высадки его на неприязненный берег, при содействии местного начальства, распространили страх между прибрежными жителями, а в то же время он не щадил никаких издержек, чтобы склонить на нашу сторону самых значительных людей между джигетами.

Совершенное знание обычаев и языка, издревле сохранившееся почтение к дому владетелей Абхазии, и, наконец, личные достоинства кн. Михаила давали особенную силу его убеждениям. При том же он мог, в подтверждение своих слов, указывать на пример Абхазии, которая в подданстве его и. в., сохранив все свои права и обычаи, достигла небывалого прежде благосостояния.

Прибыв в Бомборы, я получил донесение кн. Михаила от 29 апреля за № 67 о принесении покорности джигетским обществом Хамыш (250 дворов), живущим на границе убыхов, и в то же время узнал, что джигеты, и даже убыхи приглашают владетеля Абхазии в укр. Св. Духа для переговоров о мире. Я воспользовался этим случаем, и посетив все абхазские укрепления и Марамбу отправился с нач-ком 3-го отделения полк. Муравьевым, в укр. Св. Духа, взяв с собою на пароход кн. Михаила, подполк. Каци Маргани и несколько других почетных дворян абхазских.

На другой день после нашего прибытия, т. е. 9 мая, начали собираться в большом количестве князья и дворяне джигетские и убыхские, с последними прибыл Хаджи Берзек Догумоко и племянник его Берзек-Керентух, человек лет 35-ти, известный предводитель партий во всех предприятиях

[1] Весной 1840 года – (**Г. Д.**).

АПСТАМР

против Абхазии, наших береговых укреплений и на северной покатости Кавказа. Владетель Абхазии немедленно вошел с ними в переговоры, которые производились на картечный выстрел от укрепления. Кн. Михаил, по общему обычаю в сем крае, воспитывался в доме Хаджи Берзека, где жил до 9-летнего возраста: эти связи у горцев столь же священные, как кровное родство, кн. Михаил с особенною пользою употребил, чтобы склонить на нашу сторону своего старого воспитателя. В обоих Берзеках не видно было никакого ожесточения, но тут были другие убыхи, с Вардане и из окрестностей укр. Головинского, которые поддерживали закоренелую вражду своих соплеменников и противились всякой мысли о миролюбивых сношениях.

Переговоры длились еще 2 дня, в продолжение которых многие счастливые обстоятельства имели влияние на расположение горцев. В Гаграх собрался отряд, в то время как одни высаживали там войска, другие доставили 14-й резервный батальон в Сухум и укомплектование в укрепления Вельяминовское, Лазарева, Навагинское и Св. Духа. Суда военные и купеческие двигались беспрестанно, азовские ладьи переезжали из одного укрепления в другие я имел честь доносить вашему высокопр-ву о недавних отважных предприятиях этих деятельных крейсеров[1]. Вообще горцы видели большое движение на море, усиление гарнизонов, сбор войск, и особенно джигеты, боялись экспедиции в их землю, чем распространил слух полк. Муравьев. После долгих переговоров все остальные джигетские приморские общества, как то: Цандрипш, Геча и Ареда (2500 дворов) единодушно согласились покориться, а к ним пристал и убыхский кн. Аубла-Ахмет, которого владения простираются между устьями рек Мыца, Соче и Псаха и состоят из 700 дворов. Это родило в сборище раздоры, многие убыхи говорили о нарушении общественной клятвы и грозили наказать изменников силою оружия, но джигетские князья и Аубла-Ахмет с своей стороны обязались соединиться между собою для взаимной защиты, в случае неприязненных действий убыхов против кого-либо из них. Берзеки не предпринимали ничего решительного. Старый Хаджи, опасаясь потерять все свое влияние на народ, говорил в собрании против мирных сношений с русскими, но с другой стороны, выслушав все обещания владетеля тайно дал ему слово, что не будет противиться покорности убыхов, если они на оную решатся. Хаджи Берзек в тот же день уехал со своими дворянами из собрания, не согласившись даже со мною видеться. Племянник его Керентук сделал гораздо более: зная, что он с дядей в большой дружбе, джигеты и убыхи спрашивали его совета, или почти позволения принести покорность и получили знак, из которого могли заключить, что он не будет тому противиться. Он был у меня в укреплении и дал мне и владетелю Абхазии слово за себя и за дядю, что у убыхов не будет такого сборища, которое бы могло быть опасно покорившимся. Вообще Керентук показался мне человеком

[1] На полях рукой гр. А. И. Чернышева: «Об этом представляется особое донесение» – (**Г. Д.**).

замечательным и могущим впоследствии быть для нас весьма полезным. Я не нашел в этом человеке ожесточения против русских, но, к сожалению, увидел чрезмерную недоверчивость, рожденную опасением измены, которой, говорят, были примеры. Большого труда стоило мне уверить его, что никогда русский царь не одобрит того, что в 1839 г. голова Хаджи Берзека была оценена. Между тем видно, что эта ошибочная мера имела дурное влияние на наши отношения с горцами.

12 мая убыхский кн. Аубла Ахмет первый принес торжественную присягу за себя из всех подвластных ему дворян и простолюдинов на вечное подданство его и. в. государю всероссийскому и обязался выдать в аманаты сына своего и 2-х сыновей значительнейших дворян своих. За ним следовали все джигетские князья и дворяне приморских обществ: Цвандрипш, Геча и Ареда. Присяга совершена на Коране, под открытым небом, близ укрепления, в присутствии большого стечения народа. Каждое из 3-х обществ обязалось выдать по 3 аманата из малолетних детей главных князей и дворян.

Присяга джигетов и их покорность имели весь вид искренности, ее прочность будет зависеть от того, останутся ли в покое убыхи, абадзехи и шапсуги, или всеми силами будут немедленно действовать против покорившихся. Между тем важный шаг уже сделан, и теперь от нас зависит не только удержать приобретенное, но и заставить других непокорных последовать тому же примеру. Для этого сильная сухопутная экспедиция в земле убыхов в сем году еще более нужна, чем прежде, с тою только разницею, что покорение джигетов подвинуло нас на целый год к цели и дозволит располагать способами этого края, при действии непосредственно в земле убыхов, т. е. в центре силы враждебных нам племен. Горные джигетские общества, т. е. Ахчипсоу и Аибга (до 1700 дворов), если не покорятся до движения отряда в их земли, то по крайне мере это покорение силою оружия не оставит никакого затруднения.

Между тем для заведывания покорившимися джигетами и убыхами я назначил им приставом состоящего при мне по особым поручениям Гусарского его величества короля витембергского полка, поручика кн. Александра Шервашидзе. Как брат владетеля Абхазии, знающий язык и обычай народа, этот офицер вместе с тем весьма приятен и джигетам, которых князья приходили меня за оный благодарить.

По окончании таким образом всех дел, владетель Абхазии ген.-майор кн. Михаил Шервашидзе с полк. Муравьевым и несколькими офицерами, в сопровождении князей и дворян джигетских, отправились сухим путем из укр. Св. Духа в Гагры, по дороге, где доселе еще никогда не были русские.

Всем присягавшим князьям и дворянам я дал подарки вещами и деньгами, не в виде награды, но чтобы сообразоваться с обычаями этого народа, жадного к корысти. Я полагаю такую раздачу потому важною, чтобы привлечь других непокорных горцев последовать тому же примеру. Сумма, ро-

АЛЫТАИР

зданная мною, в сложности простирается до 39-ти червонцев и 2311-ти руб. сер., но из представляемого при сем подробного списка ваше высокопр-во изволите усмотреть, что в частности эти подарки были весьма малы. По неимению у меня на это денег, я занял их из казенных сумм Черноморского линейного № 8 батальона и осмеливаюсь покорнейше просить ваше высокопр-во о приказании возвратить мне эти деньги, или о дозволении вывести их расходами из сумм, ассигнованных мне в сем году на инженерные постройки по береговой линии, из коих я надеюсь сделать некоторые сбережения.

Вместе с сим имею честь представить вашему высокопр-ву список князей и дворян убыхских и джигетских, кои при настоящем случае и прежде того оказывали особенную ревность к пользам нашего правительства. Вообще это люди, имеющие наиболее влияние в своем народе, чины, которые я осмеливаюсь им ходатайствовать, будут служить видимым знаком их обязанностей в отношении к правительству и возбудят в них полезное соревнование. Я с намерением ходатайствую о назначении им весьма малого жалованья, дабы иметь случай входить с представлениями об увеличении оного тем, кои окажут впоследствии особенные услуги.

Я уже докладывал вашему высокопр-ву выше, что главный виновник этого счастливого события есть владетель Абхазии ген.-майор кн. Шервашидзе, коему принадлежит весь успех сего дела. Во всем, что может относиться к пользам нашего правительства, в нем всегда можно найти самого ревностного и полезного сотрудника. Осмеливаюсь покорнейше просить ваше высокопр-во ходатайствовать о пожаловании ему ордена св. Анны I-й степени.

При этом долгом считаю обратить внимание вашего высокопр-ва на заслуги и нач-ка 3-го отделения полк. Муравьева, достоинства этого отличного штаб-офицера вам лично известны и я могу только сказать, что он исправляет ныне свою должность, несмотря на расстроенное от раны здоровье, стою же неутомимою деятельностью, которая его всегда отличала. Полк. Муравьев, предшествовавшими распоряжениями и сношениями своими, имел весьма важное влияние на настоящую покорность джигетов и убыхов.

Вообще я не могу иметь лучшего себе помощника в этом крае, требующем большой деятельности и разнообразных способностей.

Мне остается только просить милостивого ходатайства вашего высокопр-ва о награде абхазского жителя подполк. Каци Маргани. Несмотря на престарелые лета свои, он беспрестанно находится на службе при владетеле Абхазии и при нач-ке 3-го отделения. При всех движениях в Цебельду и Дал, подполк. Каци Маргани был с полк. Муравьевым и командовал милициями. Ваше высокопр-во изволите знать, какой вес имеет этот старик не только между абхазцами, но и между окрестными непокорными племенами. При настоящем случае он был самым деятельным помощником владетеля Абхазии и во все время оказывал самое похвальное усердие и деятельность, несоразмерную с его престарелыми летами. Имею честь

почтительнейше просить ходатайства вашего высокопр-ва о производстве подполк. Каци Маргани в следующий чин с состоянием по кавалерии при Отдельном Кавказском корпусе.

Верно: Генштт. полк. Филиппсон.

На препроводительной бумаге (л. 7) резолюция Николая I: «Слава Богу! преважное дело и лучше всякой победы оружием. На все просимое согласен; ген. Анрепу объявить рескриптом совершенное удовольствие за благоразумные действия, а полк. Муравьева в ген.-майоры». Помета рукой А. И. Чернышева: «Немедленно заготовить исполнение, уведомив ген. Головина, что е. в. угодно было при чтении копии с донесения ген. Анрепа к нему собственноручно отметить эти награды; то же самое написать и ген. Анрепу. О производстве Муравьева сообщить немедленно дежурному генералу. Весьма нужное».

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6435, 1841 г., лл. 8 – 10 об. Копия.

2.104 И. д. Начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии полковника Н. Н. Муравьева в землю джигетов.

Секретно.
Керчь, 30 мая 1841 г.

Вчера получил я рапорт нач-ка 3-го Отделения, полк. Муравьева, от 22 мая за № 147 о происшествиях в земле убыхов и джигетов.

Покорные джигетские князья 20 мая дали знать полк. Муравьеву, что убыхи, собравшись в значительном числе, арестовали покорившихся Аубла-Ахмета и Зураба Хамыша, и сверх того несколько других лиц из убыхов, имевших с нами переговоры, в бытность мою в укр. Св. Духа. Между сими последними были: Хаджи Берзек, племянник его Керентук и Мурад, житель долины Вардане, известный между убыхами свою храбростию. Князья Ахмет и Зураб Хамыш вынуждены были отречься от принесенной ими присяги, и тогда только освобождены из-под ареста. Задержание Хаджи Берзека продолжалось недолго, и он тотчас же начал делать распоряжения о сборе всех убыхов для действий против покорившихся джигетов.

Все эти известия были тотчас же сообщены полк. Муравьеву воинскими нач-ками укреплений Навагинского и Св. Духа, а между тем покорные джигетские князья убедительно просили дать им помощь в угрожающей им опасности. Видя, с одной стороны, усердное их желание остаться верными принесенной ими присягой, а с дрогой – будучи убежден, что отказ в помощи мог бы заставить их последовать примеру князей Аубла-Ахмета и Зураба Хамыша, полк. Муравьев немедленно двинулся в укрепление Св. Духа из Гагр, где оставил гарнизонам и для безостановочного продолжения работ 2 полка черноморских казаков. Князьям джигетским полк. Муравьев

АЛЫТАИР

приказал собраться поголовно для защиты своих жилищ, а сам в 5 ч. утра 22 мая выступил из Гагр с 2-мя батальонами Тенгинского полка, 2-мя ротами Гагринского гарнизона, командою сапер (25 человек) и 50-ю пластунами 6-го и 7-го пеших казачьих полков.

Движение отряда по земле джигетов было торжественным шествием: князья и старшины различных обществ встречали его на пути с величайшей радостию. 5 азовских ладий с тяжелыми войсками и с 2-мя горными единорогами сопутствовали отряду в этом переходе.

В 6 ч. пополудни полк. Муравьев прибыл с отрядом в долину р. Мдзымта и расположился лагерем впереди укр. Св. Духа. Чрезвычайная трудность дорог и переправы в брод через 2 глубокие и быстрые реки нисколько не изнурила войск, отсталых не было, усталых, по прибытии на место, оказалось только 5 человек из всего отряда.

Так совершено первое движение войск наших по берегу Черного моря от заветной границы – Гагр. Не говоря уже об обстоятельствах, бывших тому причиною, самое это движение произведет для нас весьма выгодное влияние на племена, еще непокорные. Для усиления отряда, при укр. Св. Духа расположенного, полк. Муравьев присоединил к нему 2 роты Мингрельского егерского полка, здесь находящиеся, еще 4 горных единорога и перевез из Сухума несколько артиллерийских лошадей. Вместе с тем он просил владетеля Абхазии собрать сколько можно в короткое время милиции и прибыть с ним также к Адлеру, а ком-щего крейсирующею эскадрою просил выслать сколько можно военных судов для перевозки войск в Соче или обратно в Гагры.

Ком-р транспорта береговой линии Кодос, привезший это донесение, сказывает, что когда он снимался с Адлерского рейда, там бросили якорь фрегат, корвет, 2 тендера, транспорт Адлер и было 8 азовских ладий, долина р. Мдзымты вокруг укр. Св. Духа кипела народом, джигеты собрались поголовно и вместе с нашими войсками представляли грозную силу. Слышно было, что владетель идет с абхазцами.

Полк. Муравьев доносит мне, что в укр. Св. Духа он приведет к присяге некоторых цандрипшских князей, еще не присягнувших и изъявляющих к тому полную готовность и желание, а м. б. должен будет заставить покориться силою оружия некоторые джигетские селения, доселе еще не покорившиеся, о чем его просят убедительно князья Гечь, Арибавы и Цамбаевы.

Пароход «Могучий» готов был отправиться по линии, когда я получил эти известия и потому вчера же написал полк. Муравьеву, чтобы он не предпринимал ничего важного против убыхов, потому что в настоящее время всякая неудача может иметь дурное влияние на успех предполагаемой в землю убыхов сильной сухопутной экспедиции. Впрочем, вполне хваля кипучую деятельность и распорядительность полк. Муравьева, я уверен, что он не пустится необдуманно ни в какое предприятие, превышающее его способы.

Новое доказательство верности и искренности покорившихся джигетов заслуживает особенного внимания и должно быть принято в соображение при всех предстоящих действиях. Я доносил вашему с-ву, что на время летних жаров, т. е. июль и август месяцы, отряд из Гагр должен быть переведен в Цебельду, преимущественно для сбережения войск. Г. корпусный ком-р изволил одобрить вполне мое предложение и приказал мне привести его в исполнение.

Теперь представляется к тому важное значение: когда резервный № 14 батальон и весь действующий отряд будут переведены в Цебельду, т. е. за 1700 вер. от долины Мдзымты, то в продолжении 2-х месяцев джигеты будут так сказать, в руках убыхов. Таким образом мы можем опять потерять плоды последних счастливых событий и, вероятно, даже отказаться от надежды на важные последствия предполагаемой против убыхов сильной экспедиции.

Поэтому, если только в сем крае не произойдет какой-либо коренной перемены в нашу невыгоду, я на время летних жаров отправлю Гагринский отряд не в Цебельду, а вверх по р. Мдзымте верст на 25 от укр. Св. Духа. Продовольствие этого отряда я легко устрою, а перевозку от моря до предполагаемого лагеря легко производить под прикрытием части нашей пехоты и с джигетской милициею. Между тем войска могут быть исподволь заняты разработкою дороги по р. Мдзымте и к стороне убыхов, дороги, по которой пойдет в сентябре м-це главный отряд по соединении в сем же месте со всеми нашими милициями. Влияние этого 2-х месячного пребывания войск наших на границе Ахчипсоу будет неисчислимо, как на непокорных джигетов, так и на большее утверждение покорившихся, которые видя у нас готовую силу, отбросят последние опасения убыхов и будут действовать против них со всею решимостью.

При рапорте вашему с-ву от 25 мая за № 143 я представил копию донесения моего г. корпусному ком-ру за №142, в коем ходатайствовал между прочим о наградах знатнейшим джигетским князьям и дворянам, бывшим главными виновниками принесенной этим народом покорности. В настоящих обстоятельствах я осмеливаюсь обратить милостивое внимание вашего с-ва на это ходатайство и почтительнейше докладываю, что всемилостивейшее дарование сих наград немедленно было бы чрезвычайно важно для большего укрепления джигетских князей в покорности и преданности русскому правительству и для привлечения обществ, еще не покорившихся последовать их примеру. Я тем смелее ходатайствую об этих наградах, что лица их действительно вполне заслужили, как-то можно видеть и в поведении их в последних обстоятельствах.

Почтительнейше донеся о сем вашему с-ву, на основании предписания мне г. корпусного ком-ра от 26 апреля за № 108, имею честь доложить, что хотя полк. Муравьев в то же время донес обо всем прямо г. нач-ку Штаба

АПБ ТАИР

Кавказского корпуса, но я вместе с сим представляю его высокопр-ву копию сего донесения моего, при рапорте за № 171.

Ген.-майор Анреп.

Ген. шт. полк. Филиппсон.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6435, 1841 г., лл. 42 – 46 об. Подлинник.

2.105 Грамота Николаю I владетелю Абхазии М. Г. Чачба – Шервашидзе о его награждении орденом Св. Анны первой степени.

3 июня 1841 г.

Божьею милостию мы Николай первый, император самодержавец всероссийский и проч., и проч., и проч. Владетелю Абхазии нашему ген.майору кн. Шервашидзе I-му.

В справедливом внимании к постоянной ревности вашей к пользам службы, вновь доказанной нам участием вашим в склонении прибрежных джигетов и части убыхского племени к добровольному изъявлению покорности правительству, всемилостивейше жалуем вас кавалером ордена св. Анны первой степени.

Препровождая при сем орденские знаки, пребываем к вам благосклонны.

На подлинной собственною его и. в. рукою подписано: Николай.

Верно: нач-к отделения (подпись)

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6435, 1841 г., лл. 27 – 27 об. Копия.

2.106 Записка директора канцелярии военного министерства М. М. Брискорна заведующему инспекторским департаментом военного министерства П. А. Клейнмихелю о пожаловании знамени джигетскому народу.

12 июня 1841 г.

Г. и. в изъявлении монаршего благоволения ко вновь покорившемуся джигетскому народу, оказавшему особенную преданность нашему правительству, – всемилостивейше соизволил пожаловать этому горскому племени знамя.

Директор канцелярии военного мин-ва, по приказанию мин-ра, имеет честь уведомить о сем с-во гр. Петра Андреевича, для зависящих распоряжений к изготовлению этого знамя, согласно выс. воле, сколь можно скорее и отправления оного к и. д. нач-ка Черноморской береговой линии ген.-майору Анрепу, который предварен об этой милости его вел.

Подписал статс-секретарь Брискорн.

Верно: секретарь Петров.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6435, 1841 г., лл.48-48 об. Копия.

2.107 Приказ военного министра А. И. Чернышева о награждении джигетских и убыхских князей.

Г. Петергоф, 13 июня 1841 г.

Г. и., в награду усердия и услуг, оказанных правительству, всемилостивейше соизволил произвесть: убыхского кн. Аубла Ахмата в капитаны. Джигетских князей: Сосрана, Аридбаева и Цан Омара в подпоручики.

Хамыш Зураба, Пата Аридбаева, Ислама Аридбаева, Гечь Алтхуа Асланбея, Геч Эдырбея, Геч Гасана, Цан Батыршаха, Цан Якуба, Учаи-Ипа Мисоуста, Учан-Ипа Беслана, Состангаза Анчибадзе, Лазу Анчибадзе и джигетского дворянина Дишануха Аридба в прапорщики.

О таковой монаршей милости объявляю по военному ведомству к сведению и должному исполнению.

Подписал: ген.-адъют. кн. Чернышев.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6435, 1841 г., лл. 49 – 49 об.

2.108 Справка о положении в Абхазии, составленная в военном министерстве.

Не ранее 8 января 1844 г.

В августе месяце 1843 г. командир Отдельного Кавказского корпуса доносил о усилении в 3-м отделении Черноморской береговой линии партии абреков и о распространении влияния их на Абхазский и Абживский округи. Для восстановления в том крае спокойствия местное начальство признавало необходимым дать абрекам разрешение снова поселиться в Цебельде и Дале, обеспечив покорность этих людей взятием от них аманатов. Но чтобы снисхождение это не было принято за слабость с нашей стороны, то объявить это дозволение абрекам в то время, когда в Сухуме соберется отряд наших войск.

По всеподданнейшему о сем докладу, г. и. выс. повелеть соизволил: объявить цебельдинским абрекам всемилостивейшее прощение, – с дозволением им поселиться в Цебельде и Дале, на вышеозначенных условиях, но с тем, однако же, чтобы мера эта приведена была в исполнение не прежде как по собрании войск в 3-м отделении Черноморской береговой линии.

Выс. воля сия сообщена ген.-адъют. Нейдгарту 9 сентября 1843 г. за № 7712.

По объявлении оной ген.-майору Будбергу, он донес, что удаление абреков на ту сторону Кавказа лишает его возможности исполнить сие повеление. Между тем, они через переговорщика предлагали свою покорность с условием, что Цебельда и Дал им будут отданы, а укр. Марамба уничтожено, но несообразное это требование было отвергнуто.

АЛБТАИР

Начальник Черноморской береговой линии, донося, что без принятия решительных мер беспорядки в Цебельде и Абхазии могут возобновиться, признавая необходимым: предпринять экспедицию в землю Псху, через которую проходят все партии абреков, имея там пристанище и соучастников, – с тем, чтобы в то же самое время было произведено движение против абреков со стороны правого фланга Кавказской линии.

Командир Отдельного Кавказского корпуса, соглашаясь с мнением ген.-майора Будберга о пользе, которую может принести экспедиция в землю Псху, одобрил сделанные им по сему предмету распоряжения, что же касается до прилагаемого содействия со стороны Кавказской линии, то оно не могло быть оказано, потому что войска, действовавшего на правом фланге отряда, по позднему времени года, были уже распущены.

Экспедиция в землю Псху совершена прошедшею зимою с желаемым успехом; племя это изъявило покорность, обязалась выдавать всех беглых русских и абхазцев и выставлять, в случае надобности, по требованию начальства милицию, в залог же исполнения сего, выдала аманатов.

Помета: Его с-во изволил приказать иметь в виду.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6541, 1844 г., лл. 35 – 36.

2.109 Рапорт владетеля Абхазии М. Г. Чачба – Шервашидзе и. д. начальника Черноморской береговой линии А. И. Будберга о результатах экспедиции в Псху.

8 января 1844 г.

Секретно.

Предписанием от 23 ноября минувшего 1843 г. ваше пр-во поручили мне привести в послушание псхувское племя, которое, изменив присяге на верноподданство в 1842 г. не переставало с тех пор содействоват, всеми своими средствами абрекам и другим хищническим партиям, ходившим через их землю, на разбой в Абхазию и Цебельду.

26 числа минувшего декабря, я выступил из Бомбор, в поход с отрядом, состоявшим из одного батальона Мингрельского егерского полка, одного сводного линейного батальона, 4-х горных единорогов, команды донских казаков и 3 700 милиционеров моих владений.

В первый же день, регулярные войска подошли к дер. Ачандар, лежащей у подошвы хребта, а 2000 милиционеров, шедшие в голове колонны, поднялись на высоту. Со 2-го дня, мы вышли в ущелье р. Апсты и следовали далее по левому ее берегу. Тут явились: пропасти, утесистые подъемы и крутые спуски, глубокий по пояс снег и все те препятствия, представляемые местностью и временем года, для преодоления которых нужны были труды, терпение, предприимчивость и пламенное усердие, одушевлявшее весь отряд.

29 декабря с вершины горы Ацхахуа, чтобы уменьшить по мере возможности затруднения к дальнейшему следованию, были отправлены в Бамборы, под прикрытием одной роты линейного батальона, 2 орудия и все лошади верховые и вьючные, кроме принадлежащих артиллерии, остававшиеся в действовавшем отряде. Люди взяли на себя 8-ми дневную пропорцию сухарей.

Весьма скоро мы испытали всю пользу такой меры, затруднения увеличивались на каждом шагу, в немногих только местах можно было провозить орудия и зарядные ящики и то поставив первые на сани, почти постоянно солдаты тащили их на себе, лошади либо проваливались в снег, либо, скользя, падали в овраги.

Милиционеры, следуя впереди отряда, лопатами прокладывали себе узкую, в одного человека тропинку.

С самого рассвета до захода солнца отряд не успевал пройти более 4-х или 5-ти вер. В продолжении 4-х суток не было воды, и солдат снегом утолял жажду и смачивал сухарь. Но ни на одну минуту не были заметны в войсках беспорядок, уныние и даже усталость.

Регулярные войска, спускаясь 30 и 31 числа, достигли подошвы последних возвышенностей, заслоняющих жилища псхувцев. Между тем полк. Кацо Маргани[1] с 1 500 милиционерами следовал впереди колонны в расстоянии на несколько часов, а в ночь с 30 на 31 декабря подпоруч. Гассан Маргани с 500 абхазцами, приняв от общего направления вправо, поднялся по ребрам едва преступных скал в обход неприятелю, ожидавшего нас в 13-ти крепких и весьма хорошо расположенных завалах. Передовые обходы наткнулись на секрет неприятельский и поменялись с ними несколькими пулями, причем один псхувец убит, а другой ранен.

В это самое время полк. Кацо Маргани явился перед первыми завалами и, как ему было приказано вступить в решительный бой только по истощению всех других мер, могущих образумить дерзкого неприятеля, то он послал объявить псхувцам, что они уже обойдены, что за ним следуют русские батальоны с артиллериею и что им остается положить оружие или с оным умереть.

Псхувцы увидели с одной стороны милицию, так сказать, висящую над головами и отделяющую их от домов и семейств, а с другой стороны наступавшую на них грозную силу, они еще накануне услышали выстрел нашей зоревой пушки и поняли, что для них нет спасения вне безусловной покорности. Из сидевших в завалах, некоторые в первом испуге бросились в овраги, но главнейшие старшины, двигатели всего в земле псхувской, а именно: кн. Пшемако Маршани, почетный житель Джерипа Кемыш и некоторые другие пожалели быть отведенными ко мне, в лагерь. Они явились с повинными головами, в полном смысле этого выражения, и не прибегая

[1] Подчеркнуто карандашом. На полях рукой А. Чернышева: «75-летний старик», рукой Николая I: «Я его лично знаю» – (**док.**).

АЛЫТАИР

ни к каким тщетным оправданиям, признавали себя виновными и просили пощады не для себя, а для народа, вовлеченного ими в преступления. Эти старшины заслуживали немедленного наказания, но сообразуясь с благостью великого монарха и с кротостью, свойственною победоносному русскому воинству, я их простил, и, оставив их до времени в лагере, я потребовал, чтобы немедленно были высланы из Псху те аманаты, которых я сам, по имени, назначил из известных мне семейств и чтоб вслед за тем, были исполнены следующие же условия, но не отменные приказания:

1) В их земле не должны проживать и через оную проходить все люди нам недоброжелательные.

2) Все беглые русские и абхазцы должны быть выданы и впредь выдаваемы.

3) Должны быть выданы все пленные, как русские, так и покорных нам племен.

4) Псхувцы возвращают всю добычу, ими взятую в Абхазии со времени их первого покорения.

5) По требованию начальства псхувцы должны выставлять безоговорочно, соответствующее их населению число милиционеров.

6) Чиновники, посылаемые в Псху, должны быть там прилично принимаемы и совершенно безопасны.

Псхувцы преклонив головы, обещали исполнить свято все эти приказания и уже 2 генваря были приведены потребованные мною аманаты[1].

Того же числа, отряд тронулся с места и переправившись через реку Апсту, он шел обратно по правому ее берегу.

Войскам предстали затруднения нового рода: пошел проливной дождь, узкая по скату горы тропинка покрылась грязью, стекающая с гор вода образовала рытвины, промоины и орудия, которые тому 2 дня назад везлись на санях, утопали теперь в грязи. Но все эти испытания были бодро перенесены, и русские благополучно опустившись 5 числа на долину, доказали, что в каком бы то ни было времени года, они могут побывать в горах.

6 числа отряд прибыл в Бомборы, в нем было заболевших только 7 человек. Милиция распущена в тот же день.

Поход в Псху не ознаменовался сечами и перестрелками, но это подвиг терпения, бодрости и твердости духа. Русским не нужно доказывать, что они храбры и умеют бить врага, но здешние хищнические народы нуждались в уроке зимнего против них похода. Отныне, между ними решено: кто летом заслужит гнев русских, тот зимою, когда ему негде скрыть ни семейства, ни имения, – увидит их у себя в гостях.

Я мог истребить Псху и не оставить в ней камня на камне, но я принял к руководству, во-первых – мудрые и благотворные виды правительства, желающего не истребления, а прочной покорности кавказских племен и во-

[1] 20 человек, из коих 7 князей Маршания. Они содержались в укр. Бомборы – (**док.**).

вторых – что псхувская земля по отдалению своему и трудным к оной дорогам, не может быть с выгодою постоянно занята русскими, а вследствие этих данных я почел лучшим иметь в Псху население, обязанное служить верно и за которое я теперь могу ручаться почти так же, как за собственный свой народ, нежели, оставить ее пустым притоном, для какого-либо нового сброда хищников.

Дорога, по которой абреки всегда опускались в Абхазию и наичаще в Цебельду, отныне для них не существует, и польза этого будет ощутительна с будущей же весны.

Поход в Псху устрашит соседние ей непокорные племена, они видят меч, висящий над их головами: то, что сбылось с псхувцами, может случиться с ними еще в конце зимы. Эта возможность сделалась теперь очевидною, что главнейшие князья, лучшие воины моих владений и добросовестно присоединившиеся к милиции, некоторые джигеты, убедившись, что ни злейшие дороги, ни ненастья не останавливают русских с артиллериею, неотступно просили меня вести их на Псху, в Ахчипсо и Айбгу «с этим молодецким отрядом, говорили они, мы пойдем везде».

Скажу утвердительно, с опытностью и знанием здешнего уроженца: в Абхазии и окрестных землях, через 50 лет будут вспоминать, что зимою русские с артиллериею прошли в Псху.

Остается мне всепокрнейше просить ваше пр-во, чтоб войска, так хорошо служившие под моим начальством и принесшие столь положительную пользу, не остались без возмездия. Я не могу верить, чтобы не беспримерный труд, не терпеливое самоотвержение, увенчанные полным успехом, а только одно кровопролитие, давало право на милости и отличия.

Устройство, в котором войска совершили трудный поход, доказывает не временное, или не случайное напряжение сил и желаний, а давно заведенные и постоянно в них соблюдаемые – дисциплину и порядок во всех отношениях.

С гордостью, мне в этом случае позволительною, я похвалю своих абхазцев за пламенное усердие к службе царской: я сел на коня, и за мною последовали все верные князья и дворяне, все добрые воины моих владений, оставив свои дома и семейства, они на своем иждивении пошли в поход, и им досталась доля нелегкая, я ссылаюсь на русских: абхазцы были или нет их достойными товарищами в перенесении трудов и соблюдении порядка? Я был бы непризнателен к истинным заслугам, если бы не поручил особенному вниманию начальства тех из моих подчиненных, которые наиболее содействовали совершенному успеху дела, а потому имею честь покорнейше просить, как об особенной для меня милости, о производстве в следующий чин: престарелого, но всегда готового на службу полк. Кацо Маргани, ротмистра кн. Александра Шервашидзе, адъютанта начальника Черноморской береговой линии, штабс-к. Колюбакина, подпоруч. Гассана Маргани и правителя Абживского округа подпоруч. Григория Шервашидзе.

АЙТАМИР

Шервашидзевы и Марганевы, кроме заслуг в настоящей экспедиции, постоянно по моим указаниям ведут своих соотечественников по пути полезных преобразований и верного служения г. и., адъютант Колюбакин, исполняя должность дежурного штаб-офицера отряда, заслужил уважение как регулярных войск, так и милиции.

Я еще покорнейше прошу, чтоб мне было позволено представить к награде нач-ков частей и других лиц наидостойнейших поощрения.

Не знаю, должен ли я говорить о бывшем при отряде нач-ке 3-го отделения, но во всяком случае хвалить ген. Муравьева значило бы мне хвалить самого себя, ибо мне и ему, ему и мне одинаково принадлежат заботы и распоряжения, увенчавшие успехом порученное мне дело.

Ген.-м. кн. Шервашидзе.

На препроводительной бумаге резолюция Николая I: «Кн. Шервашидзе 2 ст. Владимира при рескрипте и на просимое им согласен. Помета Чернышева: «1) Донесение ген.-майора кн. Шервашидзе очень замечательно. 2) 5 февраля немедленно исполнить».

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 65, 1844 г., лл. 2 – 8 об. Подлинник.

2.110 Рапорт и. д. начальника Черноморской береговой линии А. И. Будберга командиру отдельного кавказского корпуса А. И. Нейдгарту о необходимости оставления аманатов в Абхазии.

1 апреля 1844 г.

От 23 февраля за № 238, ваше высокопр-во изволили предписать мне, между прочим отправить в С. Петербург значительнейших из аманатов, выданных обществом Псху и впредь наблюдать постоянным правилам, дабы при выдаче аманатов от горских племен, значительнейшие из них были посылаемы в С. Петербург.

Из представляемого при сем списка 21-му аманату, выданным псхувцами, ваше высокопр-во изволите усмотреть, что:

1) В числе аманатов находится 7 княжеского, 12 дворянского рода и 2 детей крестьян.

2) В числе аманатов княжеского рода находится девица 9 лет и из крестьян девица 7 лет.

3) Из числа всех аманатов 11 находятся в Бомборах на казенном содержании, а остальные 10 отданы на воспитание в значительнейшие дома Абхазии, по выбору владетеля.

4) Из числа 19 аманатов мужского пола 12 находятся в самом детском возрасте и требуют попечений женщин.

Не имея положительных указаний вашего высокопр-ва о том, следует ли отправлять в С. Петербург аманатов женского пола, равно малолетних

обоего пола, каким образом отправлять, какие для сего могут быть назначены средства и из какой суммы, принимая при том в соображение, что вообще следование аманатов до Петербурга в такое время года будет гибельно для их здоровья и самой жизни, я приостановился немедленным исполнением сего предписания. Почтительнейше испрашиваю дальнейших разрешений, осмеливаюсь представить на благоусмотрение вашего высокопр-ва, по предмету отправления аманатов в С. Петербург, некоторые соображения, основанные на убеждении всех лиц, знающих характер и понятия здешних горцев.

Весьма естественно, что отправление аманатов покорившихся племен в Петербург, есть не что иное, как новый знак монаршего внимания и сострадания к дикому состоянию этих племен. Малолетние аманаты получат там воспитание, которое по возвращении на родину поставит их выше своих полудиких соплеменников, совершеннолетие в службе его и. в. найдут обширное поприще для почестей и наград, приобретенных действительными заслугами. Но эта мера не может быть понята в настоящем смысле необразованными и до крайности недоверчивыми горцами. Несмотря на все надежды, которые может внушать им местное начальство, родители детей, отправляемых в таковое отдаленное и неизвестное место, будут считать их совсем для себя потерянными. Религиозные опасения, возбуждаемые фанатиками магометанства и людьми неблагонамеренными; устрашат самых доверчивых людей мыслью, что дети их после долговременного пребывания вдали от своей родины изменят вере своих предков, или в кругу неверных сделаются к оной равнодушными. При таком превратном понятии горцев, аманаты, отправляемые в С. Петербург, не только не будут служить ручательством в верности своего племени, но послужат поводом к общему ропоту, особенно вредному, если аманаты, как и быть должно, взяты из семейств, имеющих в народе большое влияние.

К этому должно присовокупить, что принятие за постоянное правило, отправлять аманатов в С. Петербург, непременно будет иметь неблагоприятное влияние на непокорные племена, отдалить некоторых от решимости покориться, а других заставить уклониться от выдачи аманатов. Это обстоятельство может быть не важным для других частей Кавказа, где достаточные силы позволят настоятельно требовать аманатов безусловно, здесь же на восточном берегу, всякое недоразумение при изъявлении покорности каким-нибудь народом, или обществом может быть тем более вредным, что эта покорность достигается большею частию не силою оружия.

Без сомнения, бесполезно было бы брать аманатов от покоряющихся племен с одной целью кормить тунеядцев без всяких дальнейших видов, тем более, что и горцы уверены в их совершенной безопасности, даже в случае измены того племени, которого верности он и служат ручательством. Предместник мой ген.-адъют. Анреп имел честь представлять вашему высокопр-ву подробное соображение касательно учреждения на береговой

АЛБТАИР

линии школ для обучения в оной детей туземцев и аманатов. Сих последних ген.-адъют. Анреп предполагал брать преимущественно в детском возрасте, дабы получив воспитание сообразно с видами правительства, они могли в свое время передать соплеменникам понятие о порядке и благоустройстве под защитою законного правительства. С своей стороны я имею честь докладывать вашему высокопр-ву, что, по мнению моему, это единственное средство, которое мы с пользою употребить можем, чтобы образовать между горцами новое поколение, могущее принести в дела народные понятия менее дикие, большую доверенность и видам правительства и менее шаткую признательность за полученные благодеяния.

Хотя на учреждение школ на береговой линии не получено еще разрешения, но в убеждении о необходимости этой меры, я пользуюсь сим случаем, чтоб возобновить о сем ходатайства моего предместника, и всепокорнейшее просить ваше высокопр-во об испрошении выс. соизволения, чтоб аманатов как псхувских, так и тех, кои впредь будут взяты от племен восточного берега, оставлять в этих школах для воспитания, отправляя в С. Петербург только достойнейших, в виде особой награды, по достижении известного возраста и не иначе, как с согласия родителей.

Если ваше высокопр-во не изволите признать нужным обратить предлагаемую меру в постоянное правило для Черноморской береговой линии, то я долгом считаю покорнейше просить ходатайства вашего высокопр-ва, собственно об оставлении здесь псхувских аманатов. Они были взяты до последования распоряжения об отсылке их в С. Петербург, и владетель Абхазии обещал народу, что эти аманаты будут находиться в Бомборах, в глазах своих родителей. Нарушения этого обещания подвергнет владетеля и местное начальство не совсем справедливому упреку и может иметь неблагоприятное влияние на умы окрестных племен, из коих многие весьма склонны к покорности.

Верно: Нач-к штаба свиты вел. ген.-майор Траскин.

Сверял: Старший адъют. подполк. (подпись)

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6540, 1844 г., лл. 20 – 24 об. Копия.

2.111 Из рапорта и. д. начальника Черноморской береговой линии А. И. Будберга командиру отдельного кавказского корпуса А. И. Нейдгарту о раздорах среди убыхов и принесении из рап. «Покорности» джигетскими общинами.

18 апреля 1844 г.

… Еще в Керчи, я получил донесение владетеля Абхазии от 14 февраля №12, что шапсуги, живущие между долинами Джубе и Агуа, имея желание покориться, прислали владетеля от своего общества, для переговоров одного из почтеннейших людей, Горкоз Хаджикуа Магомета. Хваля его благое намерение, ген.-майор кн. Шервашидзе, предложил им избрать от себя почтеннейших лиц для переговоров и принесения присяги. Они хотели для сего прибыть в Абхазию, около половины марта. Для окончания этого дела владетель просил меня прибыть туда к тому же времени. На пути и в Абхазии я узнал, что часть горных джигетов желают также принести покорность, а между убыхами сильная партия, коей главою Берзеки, ищет нашего покровительства против своих соотечественников.

Уже несколько месяцев тому назад, как у убыхов начались раздоры и междоусобия. Частное дело в фамилии Берзек послужило поводом к общему волнению. Простолюдины, сильные числом и поддерживаемые некоторыми Берзеками, восстали против остальных Берзеков и другой сильной в крае дворянской фамилии Дзияш. Предметом общих укоризн и обвинений сделались особенно Хаджи Берзек и племянник его Керентух. В начале февраля, в одном собрании убыхов дело дошло до оружия: с той и с другой стороны несколько человек убито и ранено; в конце того же м-ца на другом собрании положено было взыскать обычный штраф с Керетуха Берзека за сношение с нами и доброжелательство к русским. Обиженный упреками, Керентух с призрением отвечал, что штрафа взять не позволит, и уехал из собрания. Между тем, он и Хаджи, сами видят, что их влияние на народ весьма упало и что противная партия их сильнее. Опасаясь чтобы ожесточенные не решились употребить насилие, Керентух, с согласия старого Хаджи, ездил в Абхазию, чтобы искать защиты или убежища на случай крайности[1]. Рассказав откровенно свое положение, он просил у ген.-майора Муравьева помощи или дозволения выселиться с своими приверженцами на пространство между укр. Гагры и р. Бзыбью, вступая предварительно в подданство его и. в. Если бы дело до того дошло, с Берзеками на этом пространстве поселилось бы до тысячи семейств. Но я далек от того, чтобы считать это обстоятельство для нас благоприятным. С народною партиею мы ничего не сделаем, – особливо если дворяне и вообще люди значительные, удаляясь, оставять ей полную свободу действовать в крае. Если нужно кого-либо поддерживать, то конечно дворян, чрез которых мы можем надежнее действовать на народ, чем обратно. Это особенно относится к убыхам, у коих разность в силе партий еще не весьма велика, а давно уже Берзеки и другие дворянские фамилии желают с нами сближения, которому народ противится.

Поэтому Берзекам объявлено, что если они искренне имеют желание вступить в подданство его и. вел., то должны оставаться в своем крае, стараться усилить свою партию и что, в случае крайности, они могут надеяться на помощь наших войск. Они хотели выслать в укр. Св. Духа доверенных людей для окончательных переговоров по сему предмету, но непредвиден-

[1] Материал об убыхах публикуется здесь лишь в той степени, в какой он связан с событиями в Абхазии – (**Г. Д.**).

АПБТ АИР

ное обстоятельство тому помешало. Эта была новая частная вражда, приведшая как это здесь часто случается, в волнение весь народ. Убыхский дворянин Фагу, в ссоре убил одного Берзека, из семейства Хахуп. Долго скрывавшись от мщения родственников убитого, Фагу приехал к Мураду Дзияшу и просил его гостеприимства. По обычаям горцев, в этом отказать невозможно. Приняв убийцу, Мурад сделался сам предметом ненависти Хахуповых. Они собрали значительную толпу, окружили дом Мурада, требовали выдачи убийцы и грозили взять его насильно. Двое Хахуповых сделали выстрели по гостю Мурада, и тем вовлекли сего последнего в кровомщение.

Народное собрание, созванное для разбора этой ссоры, заключило 2-х стрелявших Хахуповых в оковы: убийцу Мурад не выдал. Но тут дело в том, что эта ссора имеет близкое отношение к общему положению главных партий между убыхами. Хахуповы суть Берзеки и принадлежали к партии Хаджи, равно как и Мурад Дзияш, человек храбрый, всеми уважаемый и брат по оружию с Керентухом Берзеком. Собрание, в коем народная партия имела значительный перевес, воспользовалась этим случаем, чтобы поселить раздор в противной партии и еще более ослабить оную, она сначала и достигла этой цели, но, кажется, ненадолго, потому что общая опасность и с часу на час увеличивающееся ожесточение между противниками скрепили союз между Берзеками, Дзияшами и некоторыми другими дворянскими фамилиями. Хаджи не говорил уже теперь о переселении на границы Абхазии, но это новое волнение не дозволило его партии, согласно прежнему намерению, начать с нами окончательные переговоры.

Но уже одно желание Берзеков искать нашего покровительства, сделавшись всем известным, имело для нас положительную пользу. Джигетские общества, пограничные с убыхами и Ахчипсоу, и оставшиеся непокорными, не опасаясь ныне убыхов, решились вступить в подданство его и. в. Старшины обществ: Сумхрипш, Буцрипш, Микяльрипш и Цвиджа, явились ко мне укр. Св. Духа, принесли присягу верноподданства за себя и народ свой и дали поручителей в том, что назначенные нами аманаты будут немедленно доставлены в Бомборы. Пограничное с убыхами джигетское общество Хамыш, покорившееся еще в 1841 г., но которого поведение было более чем двусмысленно, при движении отряда нашего в землю убыхов, в 1841 г. прислало также старшин, которые просили забыть прошедшее и обязались выдать назначенных нами аманатов. Наконец, князья Гечь-Доканиповы с своими подвластными, тоже покорились. В 1836 г. эта фамилия имела кровомщение с фамилиею князей Цамбаевых за убийство. Доконипoвы должны были оставить свои земли и скитались с своими подвластными горными джигетами, т. е. Ахчипсоу и Аибга. Бездомная жизнь вовлекла многих из них в безумные предприятия, многие были между абреками и участвовали в прошлом году в их разбоях в Цебельде и Абхазии. Наконец,

наскуча беспрестанными тревогами, а м. б., предвидя, что скоро и горные джигеты, между коими они нашли пристанище, принуждены будут последовать примеру остальных своих соплеменников, князья Доканипа решились покориться с своими подвластными. Они прибыли в укр. Св. Духа и просили разобрать их дело медиаторским судом. Посредником с их стороны был избран штабс-кап. кн. Гечь – кн. Аптхуа – Асланбей, а со стороны Цамбаевых – ген.майор Кац – Маргани. Дело это тянулось несколько дней и кончилось тем, что убийца и его родственники Доканиповы обязались заплатить Цамбаевым штраф, определенный обычаями и взаимным согласием. По устранению этого препятствия князья Гечь-Доканиповы приняли присягу на верноподданство его и. в. и дали от себя аманатов.

Число всех покорившихся джигетов простирается свыше 500 семейств; непокорные остались только Ахчипсоу и Аибга, коих будет вместе до 1200 семейств.

По принесении присяги вновь покорившимися, я счел нужным, по обычаю края, дать некоторые подарки главным лицам, могущим иметь влияние на своих соплеменников.

В продолжении 7-ми дневного пребывания моего в укр. Св. Духа, никто из шапсугов ко мне не явился. Ген.-майор Муравьев ходил на пароходе до Тенгинского укр., но привез только известие, что они в сборе, а никто для переговоров в наши укрепления не приезжал. Причиною этого могло быть прибытие в их землю Хаджи Магомета, или вернее, медленность, с которую горцы обыкновенно приступают ко всякой общей и довольно важной мере.

В Абхазии, Цебельде и Самурзакани все спокойно. В половине февраля кн. Ростом Хан Маршани, скрывшийся в Псху и принужденный оставить это пристанище, пробрался в Цебельду с небольшою шайкою разбойников, его заметили в ущелье Аушты, но если он и не будет там схвачен, то по крайней мере в настоящее время не может сделать никакого вреда. Абреки могут явиться в Дале и Цебельде, и в более значительных силах не прежде, как в конце апреля или мае месяце, а между тем сделано распоряжение, чтоб 15 апреля 2-й батальон Мингрельского егерского полка двинулся к уроч. Мерхаул, в 8-ми вер. от Келасур, на дороге в Марамбу. Оттуда он будет конвоировать вьючные транспорты, на коих будет перевозиться годичное продовольствие для Марамбинского гарнизона. Я имел честь донести вашему высокопр-ву, что контракт на эту перевозку заключен и к ней будет приступлено с возможною поспешностью. В свободное время, по крайне мере до того, как появление абреков потребует частных движений сего батальона, он будет исподволь поправлять дорогу между Келасуром и Мерхеулом: а когда к нему прибудет назначенное и ожидаемое укомплектование, батальон сей перейдет на уроч. Герзеул, у подножия горы Апиянчи и там останется все лето, если обстоятельства не заставят изменить этого распоряжения…

Верно: Ген. штаба. полк. Филиппсон.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6541, 1844 г., лл. 47 об–53 об. Копия.

АПСТАМР

2.112 Из рапорта и. д. начальника Черноморской береговой линии А. И. Будберга командиру отдельного кавказского корпуса А. И. Нейдгарту о разработке дороги в укр. Марамба и голоде в Цебельде.

24 июня 1844 г.

В земле джигетов все было спокойно и ничего не произошло особенного.

В укр. Св. Духа, 13 мая, р. Мдзымта, разлившись от дождей, сильным напором воды окончательно уничтожила шпунтовый палисад, устроенный в прошлом году впереди 5-го батальона, разрушила самый бруствер бастиона и находящийся в сем последнем пороховой погреб и сырцевого кирпича. Орудия с барбетов свезены; порох, заряды и артиллерийские припасы вынесены из погреба, все палисады и материалы спасены. На основании прежде данных мною приказаний, сзади 5-го бастиона устроен абшнкит из туров и палисадов и за ним поставлена артиллерия. Теперь я приказал усилить работу нового каменного погреба со сводом, строящегося в наименее опасном от воды месте, а когда спадет вода, возобновить прошлогоднюю работу для отвода русла реки.

В Пицунде 27 мая пропал без вести один рядовой с парою буйволов, на коих он ехал из укрепления к казенному кирпичному заводу. Владетель Абхазии, узнав, что в окрестностях бродит небольшая шайка из Ахчипсоу и Аибга, тотчас послал на галере подпоруч. Гассана Маргани с 15-ю абхазцами в Гагры, для пресечения дороги хищникам, коих имена известны. Маргани, хотя и прибыл в тот же день, но по тщательным обыскам этого пространства, удостоверился, что разбойники прошли горами в Аибга. Впрочем, об этом происшествии я предписал произвести следствие.

В Абхазии, Цебельде и Самурзакани спокойствие не было нарушено.

Ген.-майор Врангель ездил в Цебельду с прап. кн. Зоусханом Маршани и несколькими вооруженными туземцами. Он нашел гарнизон укр. Марамбы в весьма хорошем состоянии.

При этом случае ген.-майор Врангель осматривал все дороги, ведущие из Марамбы в Сухум, и, избрав окончательно лучшее направление, приказал 2-му батальону Мингрельского егерского полка, по оному разрабатывать исподволь дорогу. Прап. кн. Зоусхан Маршани вызвался показывать это направление сему батальону, который расположен был тогда на Мерхеуле, и до 8 мая успел разработать дорогу на протяжении до 8 вер., впрочем, не в трудном месте. Далее эта работа пойдет гораздо медленнее, потому что наступят летние жары, самая работа будет гораздо труднее и, наконец, батальон этот занят беспрестанным конвоированием вьючных транспортов в Марамбу, для чего потребуется гораздо сильнейшие прикрытия при первом появлении абреков большими шайками. Для облегчения конвоирования

транспортов и разработки дороги, ген.-майор Врангель выслал из Сухума к устью р. Маджары гренадерскую роту № 16 батальона и к Келасурам команду от № 11 батальона; им поручено разработать до наступления жаров часть дороги от Сухума до участка, разработанного Мингрельским батальоном.

На обратном пути из Редута, я взял на пароход в Илорах 213 нижних чинов, следовавших на укомплектование 2-го батальона Мингрельского егерского полка, и перевез их со всеми их тяжестями в Сухум, откуда они отправятся немедленно к батальону. Подъемные же лошади, следовавшие с ними, посланы сухим путем под прикрытием 40 рядовых.

Перевозка продовольствия в Марамбу производится медленнее, чем предполагалось. С 8 на 9 мая, около Келасур, абхазцы отбили у черводаров 2-х лошадей; это напугало мингрельцев, нанявшихся для сей перевозки и живо помнящих потери прошлого года. Они отказались от перевозки и ушли в свои дома. Подрядчик должен был искать новых черводаров. Особым рапортом я имел честь доносить вашему высокопр-ву, что я приказал заплатить за отбитых лошадей по 25 руб. сер. из жалованья владельца Абхазского округа лейб гвардии корнета кн. Шервашидзе, т. к. этот разбой сделан близ Келасур, где он имеет постоянное пребывание. Впрочем, я не сомневаюсь, что перевозка назначенного в Марамбу продовольствия будет произведена без особенных неудобств, тем более, что до сего времени значительных партий абреков в Цебельде не появлялось. В прошлую суровую зиму они лишились большей части бывшего у них скота и теперь претерпевают с семействами большой недостаток в продовольствии. Значительные между ними лица обратились к владельцу Абхазии с просьбой об исходатайствовании им прощения и о дозволении поселиться в Цебельде и Дале. На это они получили ответ, как и прежде им было объявлено, что искренним раскаянием и безусловною покорностию они могут надеяться получить всемилостивейшее прощение и дозволение поселиться в Цебельде, но что Дал им ни под каким видом возвращен быть не может.

Небольшие хищнические партии бродят теперь в Цебельде и воровством снискивают себе скудное пропитание, в котором крайне нуждаются и вообще все цебельдинцы, переселившиеся в 1842 г. в Абхазию. Эти люди, несколько раз ограбленные абреками, теперь без постоянного хозяйства, расстроились до чрезвычайности, так что многие не имеют совершенно средств к прокормлению. Абхазцы, если бы и желали, не могут им помочь, потому что неурожай прошлого года как в сей области, так в Мингрелии и Гурии, поставил их самих в большое затруднение.

Крайность могла бы заставить цебельдинцев и часть жителей Абхазского округа присоединиться к абрекам, чтобы разбоем и воровством избегнуть голода. Поэтому ген.-майор Врангель рапортами от 3 июня № 2317 и 4 июня № 65, представлял мне о необходимости выдать цебельдинцам до 500 чт. муки из казенных запасов без возврата, и владельцу Абхазского

АЛЫТАИР

округа до 200 чт. с возвратом от него денег по цене, обошедшейся в казну с доставкою.

Принимая в рассуждение необходимость этой меры, особенно в настоящее время, пока еще абреки не явились и, следовательно, пока такое вспомоществование не может быть прочтено нашей слабости, я принял на себя смелость разрешить такую выдачу, и вместе с сим донося об этом вашему высокопр-ву особым рапортом, имею честь испрашивать вашего утверждения.

Рапортом от 4 июня № 65, ген.-майор Врангель доносит мне, что при посещении Цебельды, он убедился в совершенной необходимости иметь при отряде, назначенном для конвоирования транспортов в Марамбу, несколько человек туземцев, хорошо знающих край, привычных к здешней войне и движениям. Для этого он пригласил прап. кн. Зоусхана Маршани с 26-тю из своих подвластных находиться постоянно при отряде для движения в Цебельду. Кн. Зоусхан переселился со своими подвластными из Цебельды в 1842 г. во время нападений абреков, причем он потерял почти все свое имущество. Теперь он единственный житель долины Магары, по коей разрабатывается дорога в Цебельду. Он всегда был известен примерною преданностию нашему правительству и нередко оказывал весьма важные услуги, в настоящем случае он принял предложение ген. Врангеля с готовностью, представляя вполне усмотрению начальства назначить им содержание, дабы, оставя свои дома и хозяйства, они с семействами не были приведены в совершенную крайность.

Признавая эту меру необходимою и неотложную, я взял на себя смелость дозволить ген. Врангелю производить этим милиционерам жалованье и содержание. На это потребуется с 1 июня по 1 октября до 1200 руб. сер. Вместе с сим особым рапортом я доношу о сем вашему высокопр-ву и почтительнейше испрашиваю вашего благосклонного утверждения.

Копию сего донесения я вместе с сим предоставляю его с-ву г. военному мин-ру при рапорте № 78.

Верн: Ген. штаба. полк. Филипсон.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6541, 1844 г., лл. 92 – 98 об. Копия.

2.113 Из рапорта и. д. начальника Черноморской береговой линии А. И. Будберга командиру отдельного кавказского корпуса А. И. Нейдгарту относительно голода в Самурзакане.

4 июля 1844 г.

… ген.-майор Врангель, получив донесение пристава о возрастающей крайности, отправился в Самурзакань, где его встретили печальные вести о страшном голоде, которые терпят жители сей провинции и особенно на-

горных селений. Многие, израсходовав последние остатки зернового хлеба питались, где имели, одним молоком, другие, лишенные даже сего средства, употребляли в пищу незрелые плоды, а по истощении и сего источника, утоляют мучительный голод одною травою без соли. Ген.-майор Врангель застал в сел. Окуме многочисленный сбор почтеннейших жителей самурзаканских. Они подтвердили ему единогласно все вышеизложенное. По распространении вести о прибытии нач-ка 3-го отделения, жители окрестных мест стекались в Окумы и умоляли его спасти их с семействами от угрожающей им голодной смерти. Эти опасения были не преувеличены. В одной сакле, несколько отдаленной от селения, найдено было случайно подошедшими соседями, целое семейство из пяти человек при последнем издыхании от голода. Из них один тут же умер, а четверо, получив пособие, подают надежду к сохранению жизни.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6541, 1844 г., лл. 107 – 113. Копия.

2.114 Рапорт воинского начальника форта головинского подполковника янчина начальнику Черноморской береговой линии А. И. Будбергу о намерении убыхов захватить форт.

1 февраля 1845 г.

Джигетский пристав майор Званбай отношением от 16 истекшего января № 810 уведомил, что находящиеся в убыхской земле по своей надобности некоторые джигеты доставили господину майору Званбаеву известие, что Ваше пр-во при последнем обратно проезде своем при посещении вверенного мне форта, что на изъявлении своей покорности некоторых убыхских и шапсугских племен и почетных князей изволили объявить мне, что в следующий раз при осмотре вверенной Вашему пр-ву линии примет от них покорность и залог оной аманатов.

Убыхи и шапсуги, пользуясь сим составили, по рассказам джигетов, следующий план: по прибытии Вашего пр-ва во вверенный мне форт они намерены явиться под видом принесших покорность и в залог дать аманатов, но аманаты сии не из детей почетных князей и дворян, а из невольников, купленных ими на этот предмет, а потом уже расположившись в обличии форта под видом покорных людей и выбрав удобный случай днем или ночью броситься на форт с намерением овладеть оным.

О чем имею честь почтительнейше донести в. пр-ву.

ГАКК, ф. 260, оп. 1, д. 558, лл. 1 – 2.

АЛБТАИР

2.115 Выписка из рапорта Начальника Черноморской береговой линии А. И. Будберга главнокомандующему Отдельного Кавказского корпуса А. И. Нейдгарту о привлечении убыхов и джигетов к земляным работам в укр. Св. Духа.

Керчь, июнь 1845 г.

Желая доставить хотя некоторым из джигетов способы к пропитанию, сколько это зависит от собственных моих средств, я приказал склонить их производить за дешевую плату земляные работы в укрепление Св. Духа по отводу реки Мдзымты и насыпке отмытого ею бастиона. Нужды и голод заставили джигетов преодолеть отвращение свое к наемному труду и в день приезда моего в это укрепление нанялось их 18 человек, а несколько спустя, на обратном проезде в Керчь, я увидел, к полному моему удовольствию, что работою занималось уже до 200 человек…

В Сухум-Кале работы по осушению болота продолжаются с посредственным успехом, по непривычке к делу работающих туземцев…

ГАКК, ф. 260, д. 560, лл.32 – 33. Копия.

2.116 Из рапорта и. д. Военного начальника укр. Св. Духа майора С. Т. Званба начальнику 3-го отделения Черноморской береговой линии ген.-и. К. К. Врангелю о суеверии джигетов.

Укр. Св. Духа, 14 июня 1845 г.

В Джигетской земле ныне почти в течение двух месяцев не было дождей: хлеба, засеянные, в особенности в низменных местах, почти выгорели. Пользуясь сим обстоятельством, какой-то нам недоброжелатель уверил джигетов, что русские в укреплении Св. Духа, чтоб истребить голодом джигетов, зарыли кусок какого-то металла под названием абырлаш, сила которого удерживать идти дождю с неба, отчего сделалась засуха. Народ, поверив этой нелепости начал гласно роптать на нас. Услышав я об этом начал уверять, что это вздор, вероятно кто-нибудь смеялся и они поверили этому; напротив, русские стараются доставить им случай, чтобы они достали себе пропитание и при том же нам самим необходимо нужно, чтоб шел дождь, ибо у нас на покосе трава и на огороде овощи выгорели. Сими доводами я успел совершенно уверить в нелепости претензии их и тем успокоил.

После того, во время бытности моей с в. пр. в форте Навагинском, к джигетам явился из Убыхской земли мулла Азат, который объявил им, что он по силе Алкорана может выбросить с неба дождь и собрал народ 6 числа сего месяца на берегу реки Мдзымты, приказал набрать 1000 камешков с реки и насыпать оными корзинку вместе с несколькими лоскутками бумаги исписанных по-арабски и прочитал несколько стихов из Алкорана, опустил корзинку в воду. После 7 на 8 числа был сильный дожь, через что

на реке Мдзымте прибыла вода и вероятно от сильного течения воды корзина унесена. На счет этого кто-то уверил их, что русские подкупили одного джигета за 15 р. с., который украл корзину с камнями и доставил русским, которые оную сожгли, отчего и перестал дождь. Народ, уверившись в этой нелепости, ропщет на нас сильно, хотя и стараюсь уверить их в не справедливости этого, но видно, что они сильно убеждены в справедливости нелепой выдумки и остаются в своем мнении, особенно чернь.

Несмотря на все эти нелепые уверения, вчера было на работе горцев до 200 человек и 9 часу утра кузнец подметал кузницу, вынес сор за укрепление и выбросил около работающих горцев. Вдруг горцы, увидев выброшенный кузнечный сор, бросили лопаты и мешки и с криком бросились бежать от работы, я тот час выбежал на их крик и застал у ворот укрепления только человек 20 горцев, которые объявили, что их хотели отравить, бросив около них ядовитое вещество, но я начал уверять их, что это совершенно вздор, чтоб они не верили подобным нелепостям и к этому времени подъехали ко мне джигетские князья: подпоручик Якуб Цанбаев, прапорщик Сусоип Анчабадзе и Асланбей Тапдалипа Арыдбаев, с помощью которых я успокоил этих 20 человек, которые остались на работе, а остальные побежали по своим домам. После этого я узнал, что кто-то им говорил, что кузнец каждый день выбрасывает около них зловредное вещество, через что они могут получить вред, но кто именно это им говорил они не могли объяснить мне…

ГАКК, ф. 260, д. 558.

2.117 Из рапорта начальника Черноморской береговой линии А. И. Будберга главнокомандующему отдельного кавказского корпуса А. И. Нейдгарту об изъявлении покорности России жителей Аибги и Ахчипсоу.

Керчь, 8 июля 1845 г.

В дополнение к обозрению о состоянии Черноморской береговой линии, изложенному мною в рапорте от 20 минувшего мая, № 62, имею честь почтительнейше донести в. си-ву, что с прибытием последнего парохода получил я донесение об окончательном обращении к долгу верноподданнической покорности цебельдинских и дальских абреков и о готовности также жителей ахчипсхоу принести покорность России, а впрочем отовсюду получены неблагоприятные известия, что посланные Шамиля везде имеют большие успехи между племенами натухайцев, шапсугов и убыхов…

Из 2 и 3 отделений получены также неблагоприятные известия. Начальник 2 отделения доносит, что в горах появилось большое число эмиссаров Шамиля, а начальник 3 отделения генерал-майор Врангель известился от Хаджи Берзека и племянника его Керентуха Берзека, а также потлазутчиков, что посланные Шамиля, особенно Хан Ухве Скагум, знатного кабар-

АЛЫТАИР

динского происхождения, приобретя большой вес между абадзехами и убыхами, обязали их присягою не брать у натахайцев, шапсугов и выставить от себя до 10 тысяч конницы и возможно большее число пехоты; разными путями двинуть эти вооруженные массы на Кавказскую линию; соединиться там в означенном месте с отрядом 10 тысячным и несколькими орудиями, которые будут высланы им Шамилем на встречу, и открыть действия против кабардинцев или против джигетов Абхазии. Такие обширные действия, конечно, придуманы посланными Шамиля для вернейшего восстановления народа, но последствием их весьма легко может быть большой сбор горцев, для нападения на укрепления и набегов на Абхазию и землю джигетов, если сбору этому не воспрепятствует голод. Эти неблагоприятные известия побудили владетеля Абхазии отложить свою поездку к Кавказским минеральным водам, о которой я имел честь донести Вашему Сиятельству в предыдущем моем обозрении состояния Черноморской береговой линии…

В. си-ву известно из предшествующего донесения моего, что владетель Абхазии генерал-лейтенант князь Шервашидзе открыл совещания по делам цебельдинских и дальских абреков. Совещания эти начались в половине прошлого месяца в деревне Ацы и кончились 1-го числа сего месяца. Многочисленность дел, имевших соприкосновение с делом абреков, а больше всего недоверчивость их к обещанному помилованию, продолжили переговоры не допустили ранее 1 июня принять от них присягу и аманатов. Присяга на верноподданство Государю Императору произнесена была всеми абреками в присутствии начальника 3 отделения вверенной мне Черноморской береговой линии, генерал-майора Врангеля, при стечении многочисленного народа. Вслед за тем была объявлена всемилостивейшее прощение, предание забвению все прежних дел и уничтожения самого имени абреков, для чего отдан был и приказ по 3 отделению. Аманаты, выданные от князей Маршаниевых: Батал-Бея, Эшсоу, Басслатура, Ростом-Хана, Ширин-бея и Состангаза, взяты на поруку почтеннейшими абхазскими князьями и дворянами; самурзаканские же князья Анчабадзевы и другие, бывшие в абреках, отправлены домой, вместе с предписанием тамошнему приставу взять от них аманатов и поручителей, и прекратить потом все преследования по прежним делам их. За особенный и принятый долг свой почитаю почтительнейше доложить в. си-ву о заслугах лиц, споспешествовавших покорению абреков. Главными виновниками этого полезного дела были владетель Абхазии генерал-лейтенант князь Шервашидзе и начальник 3 отделения генерал-майор Врангель. Первый не упускает ни малейшего случая доказать Правительству беспредельную свою преданность, а последний, снискав расположение жителей вверенного ему округа, в тех местах, где они покорны, внимание к нуждам их, справедливостию и постоянною заботливостию, внушил к себе при переговорах доверенность и абреков. По засвидетельствованию владетеля Абхазии и генерал-майора Врангеля, особенно содействовали им в успешном исполнении и окончании дела абреков: состоящий при кавалерии генерал-майор, князя Маргани, Гусарского его величества короля Виртембергского полка майор князь Шервашидзе, лейб-гвардии казачьего полка поручик князь Шервашидзе, Черноморского линейного № 11 батальона прапорщик Зданович, и находящийся при владетеле Абхазии подпоручик князь Давид Гуриел, и подпоручик Осип Шотадзе. Я буду иметь честь войти с особенным представлением о удостоении к наградам лиц, оказавших заслуги, на милостивое внимание Вашего сиятельства.

В прошлом году владетель Абхазии склонил жителей Аибга на мирное к нам расположение, которое они с того времени старались по возможности сохранять, прекратив все враждебные действия с нашими войсками и уклоняясь от сношений с непокорными племенами. Успех этого предприятия поселил в нем желание убедить и жителей долины Ахчипсхоу обратиться к покорности. Долина эта населена воинственным народом, одноплеменным джигетам и аибговцам, в числе до 1500 дворов. Старания владетеля Абхазии и здесь не остались безуспешными. Знатнейшие Ахчипсхоувские князья из дома Маршаниевых, в сопровождении 8 человек почтеннейших дворян, обвязались владетелю Абхазии, 2 июня, в Соуксы, честным словом, вести себя, в отношении войск наших и покорных нам племен, и как следует верно-подданый и. и. принести присягу, выдать аманатов и вообще покорность свою сделать гласною они в настоящее время не могли, из опасения навлечь на себя лишение убыхов и других племен, которые по внушениям посланных Шамиля, угрожают всем племенам, изъявляющим к нам расположение. Владетель Абхазии в особенности полагается на благородство старшего из Маршаниевых, Аибга-Толупар-Мусадзе[1], недозволяющее сомневаться в искренности чувств его, и надеется, что содействием его все жители Ахчипсхоу, изъявившие уже готовность к покорности, будут исполнять принятые обязательства. Во всяком случае, в настоящее смутное время, миролюбивое расположение Ахчипсхоу, как и покорность абреков, возвышают заслуги князя Михаила Шервашидзе и хотя несколько обеспечат нас прикрытием страны прибрежных джигетов…

Верно: Штабс-капитан (подпись).

ГАКК, ф. 260, оп. 1,, д. 560, лл. 34 – 47.

2.118 Выписка из рапорта начальника Черноморской береговой линии А. И. Будберга главнокомандующему отдельного кавказского корпуса А. И. Нейдгарту о поездке по линии.

Керчь, 16 августа 1845 г.

В земле джигетов князья неоднократно жаловались мне на простых джигетов, нанимающихся для работ в укр. Св. Духа, что по возвращении

[1] Мусса – ипа – (**сост.**).

АПБ ТАИР

из укрепления ночью по домам, они портят засеянные поля. Для отвращения таких жалоб положено было принимать рабочих не из разных аулов одновременно, а по очереди, с распределением в какие дни и из каких аулов могут они наниматься, чем, в случае порчи посевов, скорее можно было бы открыть виновных. Беспорядки от этого уменьшились, но не прекращались совершенно. В последний объезд мой береговой линии поспевала кукуруза и я почел необходимым уступить убедительной просьбе князей отказать джигетам в работе на несколько времени, объявив им, что они сами причиною лишения этого средства к приобретению денег на пропитание…

Работа по осушке болот в Сухум-Кале прекращена на время, потому что работавшие мингрельцы не согласились продолжать ее летом и возвратились по домам. Устройство водопровода продолжается с посредственным успехом, чему причиною болезнь большей части нанявшихся положения водопроводных труб греков, опытных в этой работе.

ГАКК, ф. 260, д. 560, лл. 113 – 114. Копия.

2.119 Письмо владетеля Абхазии М. Г. Чачба – Шервашидзе начальнику Черноморской береговой линии Е. П. Врангелю о запрете торговли людьми.

С. Соуксу, 28 сентября 1845 г.

В следствие почтительнейшего отзыва в. пр-ва от 27-го числа сего сентября № 32, спешу уведомить Вас, м. г., что исполняя волю высшего начальства я строжайше воспретил торговлю людьми в моем владении и постоянно, несмотря на ропот приверженцев старины, стараюсь искоренить эту постыдную отрасль промышленности и всеми силами поддержать человеколюбивые меры правительства.

Сколь ни тягостно было таковое запрещение для многих лиц, находивших в торговле этого рода большие выгоды, сколь не значительны были их потери, но ни один до сего времени из подвластных мне жителей Абхазии не решился нарушить объявленного мною всенародно постановления и подвергнуться за таковое нарушение неизбежному взысканию.

Что же касается до обстоятельства, поясненного в рапорте г. помощника начальника Главного штаба войск на Кавказе, находящихся господину начальнику береговой линии от 24 минувшего августа № 808, то я вовсе оного не опровергаю. Одна из турецких лодок, на которой, как я узнал впоследствии, находилось несколько человек черкесских невольников, действительно в начале весны настоящего года держалась на якоре у очамчирских берегов, но это продолжалось так короткое время, что обстоятельство это не может доказать участие жителей Очамчирского порта в противоуказанной торговле людьми.

С истинным почтением…

Подлинно подписал: к(нязь) Михаил Шервашидзе.

Верно: Штаба капитан (подпись).

ГАКК, ф. 260, оп. 1,, д. 1611, св. 199, л.46.

2.120 Из рапорта начальника Черноморской береговой линии А. И. Будберга главнокомандующему отдельного кавказского корпуса М. С. Воронцову о раздорах внутри фамилии Маан.

Керчь, 2 июля 1846 г.

Из замечательнейших происшествий в горах была смерть убыхского старшины Хаджи Берзека, умершего по выезде из Мекки, на возвратном пути на родину…

В Абхазии, в Бзыбском округе, раздоры между разными отраслями фамилии Моргани продолжались до последнего времени с ожесточением, убийствами и поджигательствами. Владетель Абхазии переехал из Очемчир в Соуксу, чтобы вступить в разбирательство причин их несогласий и положить предел беспорядкам. Один из них, ранивший, с 5-ю своими подвластными, племянника генерал-майора Кацо Моргани, прапорщик Соломон Моргани был арестован в Соуксу семейством владетеля Абхазии и отправлен в Бомборы, где содержался на гауптвахте до приезда моего туда, а теперь находится в Керчи под караулом, о чем я вместе с сим вхожу с особенным представлением к в. с. …

По осушению Сухум-кальских болот продолжается работа в очищении кустарников и в усовершенствовании канавы, имеющей назначение собирать воды окрестных высот для отвода их в реку Джонкопу.

ГАКК, ф. 260, оп. 1,, д. 650, лл. 89 – 100. Копия.

2.121 Из рапорта начальника Черноморской береговой линии А. И. Будберга главнокомандующему отдельного кавказского корпуса М. С. Воронцову о нововведениях, учиненных владетелем Абхазии.

7 сентября 1846 г.

…Нововведенное владетелем Абхазии в подвластном ему крае постановления взамен старых изустных законов и обычаев, имели благоприятное влияние в народе, особенно в низшем классе, который принял их с восторгом. Я имел честь представить на благоусмотрение в. с. отзыв ко мне владетеля Абхазии при надписи от 6 августа № 790. Прежние изустные законы и обычаи давали полную своду своеволию дворянства, низший класс народа ставили ни во что и при всех раздорах между собою князей и дворян, сопровождаемых

АЛЫТАИР

убийствами и поджигательствами по обычаям кровомщения, народ терпел. Мщение князей и дворян не ограничивалось личным вредом своим врагам, но и распространялось на их подвластных. Целые аулы были уничтожены, жатвы истреблялись, народ оставался без крова и пищи и не был огражден против таких бедствий никакими условиями общественной жизни, потому что все это считалось законным мщением. Низший класс народа не смел оказать ни малейшего сопротивления князьям и дворянам под опасением строгих наказаний. Простолюдин, убивший или ранивший князя, пойманного в воровстве, платил большой штраф, разорявший его наконец, а последний считался правым. Владетель Абхазии, смело коснувшийся 4-х главных предрассудков, имел в виду пресечь зародыш всех беспорядков в самом корне, оградить народ от бедствий и, охранив его собственность, приохотить к труду и улучшению своего быта. Запрещением кровомщения во всех его видах, воровства, считавшегося даже между князьями удальством, а не пороком, ограничением права продажи крестьян и невольников целыми семьями, а не порознь и запрещении обычаев гостеприимства, доведенного до крайней степени нелепого, при которых в один день истреблялся труд целого года, тунеядцы питались на счет трудолюбивых, преступники укрывались под защиту князей, и крестьяне отходили от своих помещиков под покровительство других, – цель предположения владетелем Абхазии может быть вполне достигнута. Учреждением судов и сельских старшин из дворян вроде земской полиции и постановление строгих наказаний за нарушение новых законов дает возможность к действительному их применению. Князья и дворяне, утомленные прежними раздорами, понявши пользу от введения порядка и находя поприще для своего честолюбия в установлении новых должностей, с радостью приняли эти постановления, предложенные им владетелем Абхазии, и 8 июля, в Соуксу, в народном собрании и присягнули следовать им свято, а народ еще более выиграл. Первыми последствием этих постановлений было мгновенное прекращение беспорядков, бывших в Бзыбском округе.

Самурзаканцы начинают увлекаться примером Абхазии и по предложению начальника 3-го отделения ген.-м. Гогенбаха намерены составить народное собрание о принятии новых абхазских постановлений…

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6597, ч. 8, лл. 84 – 95 об. Копия.

2.122 Из рапорта начальника Черноморской береговой линии А. И. Будберга главнокомандующему отдельного кавказского корпуса М. С. Воронцову о рождении сына у владетеля Абхазии М. Г. Чачба – Шервашидзе.

5 ноября 1846 г.

… Из Абхазии получил я важное известие, что у владетеля, кн. Михаила, не имевшего до сих пор детей мужского пола, родился сын. Событие это

упрочивает настоящее положение дел в Абхазии, усугубит рвение владетеля к преобразованию обычаев и нравов народных и увеличивает надежду на успех его усилий направить жителей к гражданственности, без которой прекрасный край этот, обильный богатыми дарами, остается в запустении, почти не возделанным…

Верно: Ген. штаба подполк. (подпись).

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6597, 1846 г., лл. 104 – 109.

2.123 Выписка из журнала кавказского комитета.

6 мая 1847 г.

Слушали два отношения наместника кавказского: от 31-го августа 1846 года, № 726, и от 15-го марта 1847 года, № 450, о закрытии портов в Абхазии и о вознаграждении за это владетельного Абхазского дома, и отзыв по этому делу министра финансов.

Комитет вполне соглашается с мнениями наместника Кавказского и министра финансов, что порты в Абхазии непременно должны быть приняты в карантинно-таможенное ведомство, и что дальнейшее оставление их в настоящем положении, совершенно открытыми не только для контрабанды, но и для чумы, во всех вообще отношениях вредно и неудобно, а потому ни как не может быть допущено. Но с принятием сих портов в карантинно-таможенное ведомство, Комитет признает совершенно справедливым, вознаградить владетельный Абхазский дом, во внимание к его преданности нашему правительству, производством ежегодно таковой суммы, которая равнялось бы ныне получаемому сим домом с означенных трех портов доходу. В сих видах Комитет положил:

1) Порты в Абхазии, именуемые Очемчири, Келасури и Гудави, принять в карантинно-таможенное ведомство, распространив на них по всей силе карантинно-таможенный надзор, существующий в прочих наших портах восточного берега Черного моря.

2) В Очемчири открыть порт и с этою целью учредить там карантинно-таможенную заставу, в таком же составе, как предположено иметь заставы в Геленджике и Анапе. Приход судов в Келасури и Гудави решительно воспретить для чего учредить там карантинно-таможенные посты. Очемчирскую заставу и сии посты ввести на общий штат карантинно-таможенного ведомства за Кавказом.

3) Как владетельный Абхазский дом от принятия означенных трех портов в карантинно-таможенное ведомство должен лишиться получаемого им ныне от сих портов дохода, то, в ознаменование особого всемилостивейшего внимания Е. И. В. к этому дому, за его преданность и усердие, производить членам оного: владетелю Абхазии ген.-л. кн. Михаилу Шер-

АЛЫТАИР

вашидзе 9,500 р., а брату его кн. Дмитрию[1] 2,500 р. – обоим же вместе 12 т. р. с. за год.

4) Деньги, на это потребныя, отпускать по распоряжению наместника Кавказского, частью из 10% отчисляемых по указу 14-го декабря 1846 года в пользу края из таможенных доходов онаго, а частью из экстраординарных сумм, отпускаемых наместнику; если же этот расход не может быть вполне удовлетворяем из того и другого источника, то недостающую сумму обратить на томоженныя доходы учреждаемой в Очемчири карантинно-таможенной заставы и, наконец,

5) С приведением этого предположения в действие обязать владетельный Абхазский дом не допускать, всеми зависящими от него средствами, тайной и контрабандной торговли на всех других пунктах Абхазского берега, дабы побудить сей владетельный дом к точному и непременному выполнению этого условия, по мнению Комитета, было бы весьма полезно, в случае нарушения онаго, прекратить производство исчисленных в п. 3 денежных сумм, если только наместник Кавказский, по военным и политическим обстоятельствам края, не найдет к тому какого-либо препятствия и затруднения.

Г. и. на журнале Комитета Высочайше соизволил написать собственноручно: «Исполнить».

АКАК, т. X., ч. I, с. 268.

2.124 Письмо владетеля Мегрелии Левана Дадиани наместнику Кавказа М. С. Воронцову о крестьянских перебежчиках из Мегрелии в Самурзакань.

Горды, 3 августа 1847 г.

Между подвластными моими и самурзаканцами возникают споры о крестьянах, которые перебегают из Мингрелии в Самурзакань хотя о возвращении обращался я к начальству Береговой линии, но оно отзываясь в некоторых бумагах, что крестьяне перешли по собственной воле, оставляет без удовлетворения просителей. Последствием такового невнимания к требованиям справедливым служит то, что безбоязненно несколько семейств подвластных моих в продолжении последних годов перешли и поселились в Самурзакани.

Ныне, желая устранить затруднения, встречающие местным начальством при разборе подобных выше сего дел и стараясь с своей стороны возможно сохранять доброе согласие между подвластными моими и самурзаканцами, я необходимым нахожу представить Вашему Сиятельству мое мнение. Если только оно удостоится утверждения Вашего для руководства с обоих сторон на будущее время.

[1] Имеется в виду Дмитрий Гассанбеевич – (**сост.**).

1. Со дня принятия Самурзакани правительством всех бежавших крестьян владения моего в Самурзакань или из самурзаканцев в Мингрелию возвратить немедленно на прежнее жительство. Если только докажется переход их по отделении Самузакань от Мингрелии, не принимая никаких жалоб до переселения их прежним же претендателю представить иск по закону царя Вахтанга, прежде в Самурзакани существующего в том судебном месте, где будет проживать крестьянин.

2. Все решения по каким делам бы ни было кроме уголовных, покойного родителя моего владетеля Мингрелии вместе с тем и Самурзакани, оставались в такой силе как они были до отделения Самурзакани от Мингрелии, ибо Самурзакань состоя у моего дома в непосредственном владении еще до открытия в Закавказском краю русского правительства и права гражданского управления, будучи осеняема высочайшим е. и. в. утвержденным ныне неприлично за прошедшее время отвергать решения не только по тем спорам, которые относились к Мингрельцам, но и к Самурзаканцам, причем из этого должны быть изъяты только те дела, которые получив начало во время владения Самурзакани нами, следует быть рассмотрено своим порядком. Естли в Мингрелии отыскивают имения и крестьян, то в верховном Мингрельском правлении в Самурзакани же в тамошнем суде, на основании законов прежде тем существующих и не на каких-то обычаев, которые введены там начальством Черноморской береговой линии, изложив выше сего мнение мое и испрашивая у в. с-ва на то согласие, надеюсь, что Вы найдете в оных желание мое подчинить некоторым правилам те возникающиеся споры между подвластными моими и самурзаканцами, которые обменяют в последнее время правительство.

Какое будет вам угодно сделать по сему распоряжения буду иметь
честь ожидать почтеннейшего уведомления Вашего.
С глубочайшим почтением и совершенною преданностью имею честь
быть Вашего Сиятельства.
Всепокорнейший слуга к. Л. Дадиани

ЦГИАГ, ф. 4/30 д. 652, лл. 4 – 6. Подлинник.

2.125 Отношение наместника Кавказа М. С. Воронцова к военному министру А. И. Чернышеву о происшествии в селе Пахулани.

20 декабря 1847 г.

В 1840 году, при отчислении Самурзакани от владения владетеля Мингрелии, оставлено было кн. Дадиани одно селение этого округа, Пахулани, лежащее на правом берегу р. Ингура; на это селение распространяли свои права и князья Шарвашидзе, жители Самурзакани; но после решения этого дела ген. Головиным они прекратили свои домогательства.

АЛЫТАИР

В настоящем же году, а именно 4-го прошлого июня, подпор. кн. Кациа Шарвашидзе с родственниками его – прапор. Паатой и не имеющими чинов Манучаром, Антоном, Зурабом и Нико Шарвашидзе, собрав толпу своих подвластных и других самурзаканцев, заняли внезапно сел. Пахулани, расположились там, требуя продовольствия от жителей, и не хотели оставлять селение, несмотря на настойчивые требования владетеля Мингрелии.

Бывший самурзаканский пристав, шт.-к. Габаев, по получении известия об этом, отправился в Пахулани; но князья Шарвашидзе не впустили его в селение и когда шт.-к. Габаев, несмотря на то, хотел въехать в оное, то по нем произведены были даже несколько выстрелов.

АКАК, т. X., ч. I, с. 249.

2.126 Отношение военного министра А. И. Чернышева наместнику Кавказа М. С. Воронцову о наказании самурзаканских князей Чачба – Шервашидзе.

3 января 1848 г.

Отношение в. с., от 20 декабря, № 1697[1], о поступках князей Шарвашидзе, позволивших себе самовольно и насильственно занять принадлежащее владетелю Мингрелии сел. Пахулани, в Самурзаканском округе, и оказавших сопротивление местному начальнику, требовавшему оставления ими этого селения, я во всей подробности представлял г. и.

Е. в., одобряя меры, принятые нами по этому делу, согласно представлению в. с. высочайше соизволил повелеть:

1) Высланных, по распоряжению Вашему, в Ставрополь, за самовольство, насилие и неповиновение власти пор. кн. Кациа Шарвашидзе и брата его кн. Манучара Шарвашидзе, отправить для жительства в г. Воронеж, назначив на содержание их обоих по 1 р. 50-ти к. с. в сутки, с отводом квартир от города; в случае же невозможности дать им квартиры в натуре, производить им квартирныя деньги, и

2) Срока оставления князя Шарвашидзе на жительство в г. Воронеже не назначать; но предоставить в. с., прямо по сношению с воронежским гражданским губернатором, возвратить их на Кавказ тогда, когда вы признаете это возможным и удобным.

АКАК, т. X., ч. I, с. 250.

[1] См. данное издание док. № – (**сост.**).

2.127 Рапорт кутаисского военного губернатора, управляющего и гражданской частью наместнику Кавказа М. С. Воронцову о взаимоотношениях Самурзакани и Мегрелии.

Кутаис, 24 марта 1848 г.

Ваше сиятельство от 27 августа 1847 г. № 4777 изволили препроводить к предместнику моему представление владетеля Мингрелии[1] относительно необходимости принять меры к прекращению возникающих беспрестанно споров за крестьян, переходящих самовольно на жительство из Мингрелии в Самурзакнь и оттуда в Мингрелию и предложили войти в ближайшее рассмотрение сего предмета и представить об этом мнение. По сношению с владетелем Мингрелии, он в дополнения и разъяснения представления его к вашему сиятельству уведомил, что мингрельская и самурзаканская провинции в прежнее время составляли между собой неотдельные части, были в непосредственном управлении и владении Мингрельского владетеля.

Все дела спорные и тяжебные между жителями подчинялись одному лишь верховному правлению его светлости и решались по местным законам царя Вахтанга, по отделении же Самурзакани от Мингрелии, которое следовало в 1840 году, в Самурзакани принято правилом разбирать и оканчивать спорные дела по каким-то обычаям, с распространением их на подвластных мингрельскому владению, следствием чего, при допущении подобного разбора, кроме многих злоупотреблений, происходит в высшей степени беспорядок, так что самурзаканцы не будучи удерживаемы в границах законами определенных и придерживаясь обычаю между ими существующими, выходят из границ повиновения всему тому, что для благоустройства края требуется и через все это подвластные Мингрельскому владетелю жители терпят явные несправедливости и обиды, для отвращения каковых по делу между самурзаканцами и подвластными ему владетелю Мингерелии полагает;

1) Все те спорные и тяжебные дела, которые возникли между самурзанцами и мингрельцами, по отчислении Самурзакани от Мингрелии, разобрать в тех судах и расправах Мингрелии и Самурзакани, которым из них подсуден ответчик, но решить не иначе как на основании законов царя Вахтанга, а на обычаях самурзаканцев ныне существующих, которые если допускаются могут служить в подобных случаях, только между ими самими, а не с другими народами, что установить правилом, и на будущее время, по могущим возникнуть подобного рода делам.

2) Все дела, возникшие между жителями при владении в общем составе Мингрелии и Самурзани, до отчисления Самурзакани от Мингрелии разбирать и решать по закону царя Вахтанга в Мингрельском верховном правлении, ибо его светлость с своей стороны полагает неудобным под-

[1] С. данное издание док. № – (**сост.**).

АЛТАМИР

чинять новому рассмотрению, перерешению других мест или лиц как самых распоряжений, так и решений владетелей Мингрелии и верховного их правления, тем более, что это повело бы к бесконечным тяжбам и убыткам самих спорящихся, а через то к обременению других мест и лиц, к числу таковых дел между мингрельцами и самурзаканцами должно отнести и те, которые могут встретиться по времени до отчисления Самурзакани от Мингрелии, таким образом рассмотрению и решению Мингрельского верховного правления будут подлежать дела о праве собственности, о маловажных личных обидах или полицейских поступках обоих провинций (не касаясь уголовных преступлений) таких дел по настоящее время имеется ввиду до семидесяти. Дела эти остаются неоконченными некоторые за неявкою ответчиков, а другие за несобрание справок для удовлетворения просителей.

3) Главным основанием установить правила, чтоб самовольно переселяющиеся из Мингрельского владения жители не были в Самурзакане принимаемы и поселяемы. Причем его светлость препроводил и два списка крестьян, переселившихся из Мингрелии в Самурзакань сколько время и возможности позволило приблизительно узнать о таковых крестьянах.

Донося в. св-у о вышеизложенном, имею честь почтительнейше доложить, что по соображению прописанных обстоятельств, я полагал бы для окончания спорных дел, возникших между мингрельцами и самурзаканцами до 1840 году учредить особую комиссию с тем, чтобы она при решении таковых дел руководствовалась законами царя Вахтанга, спорные же дела, возникшие после 1840 года по мнению моему надлежали бы предоставить разбирательству местным полицейским местам по законам нашим.

При этом имею честь представить и подлинное представление владетеля Мингрелии за № 881; равно как и полученные от него списки о мингрельцах, перешедших в Самурзакань.

Генерал-майор (подпись.)

Советник (подпись).

Секретарь Котлубей.

ЦГИАГ, ф. 4/30, д. 652, лл. 2-3. Подлинник.

2.128 Из рапорта начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии К. К. Гогенбаха и. д. Начальнику Черноморской береговой линии Л. М. Серебрякову о территориальных спорах владетеля Абхазии с князьями Маршан.

Укр. Бамбора, 30 марта 1848 г.

При сборе штрафов в настоящему году за преступления с жителей Абхазии, назначенные для этого владетелем Абхазии лица, требовали уплаты таковых и от жителей селения Джгерды, принадлежащего князьям Маршаниевым.

Князья Маршаниевы воспротивились распоряжению этому владетеля Абхазии, доказывая, что селение Джгерды к Абхазии не принадлежит и что с давних времен считалось одним обществом с Цебельдою. По получении об этом известии я просил владетеля Абхазии разобрать это дело по народным обычаям, но е. с. утверждая, что селение это находится в Абхазии, не противуреча, впрочем, что земля на коей оно расположено принадлежит Маршаниевым, на предложение мое не согласился, а предоставил только на волю жителям Джгерды оставаться на месте или переселиться в Цебельду. В настоящее время из селения этого перешло уже в Цебельду и скитается там около 60 семейств; по востребованию же владетелем аманатов в том, что штрафы будут уплачены, около 100 семейств приготовляется тоже прейти в Цебельду.

Не имея в делах вверенного мне управления никаких сведений о границах между Абхазиею и Цебельдою, я делал о том сношение с Генеральным штабом Отдельного Кавказского корпуса и получил уведомление г. обер-квартирмейстера от 10 текущего марта № 390, что границы Абхазии определены только со стороны Самурзакани. Между тем цебельдинский пристав собрал на месте следующие сведения, основанные на показаниях одних только цебельдинцев: селение Джгерды начинается с хребта гор отделяющих Даль по направлению горы Атаранджа против горы Кячь, выше реки Дгамышь до селения Келасур и занимает все пространство между абхазскими селениями Атара, Тумуш, Чилоу, Моква и Меркула. Первые граничат с сел. Джгерды от реки Кодор, а последние от реки Цхеницхар и ни одно из них не проходит чрез Джгерды, а все они остаются по обе стороны оного. На верность сведений этих цебельдинский пристав не может полагаться, так как при обзоре им сделанном не было никого со стороны Абхазии, потому, что, как я выше имел честь доложить, владетель Абхазии не соглашается подвергнуть спор этот разбору.

Причиною спора этого есть неопределенность границ между Абхазией и Цебельдою; поэтому я имею честь покорнейше просить в. пр. не оставить своим ходатайством у господина главнокомандующего о назначении офицера для определения тех границ. Меру эту я признаю тем более необходимою, что на пространстве, на котором не определены границы между Абхазиею и Цебельдою, кроме селения Джгерды, находятся еще и другие, на кои простирают совместно свои права цебельдинские князья и владетель и поэтому надобно полагать, что число выходцев со временем увеличится; люди эти не имея никакого средства к пропитанию непреминут заняться грабежом и хищничеством, хотя в предупреждение всех беспорядков я предписал цебельдинскому приставу дозволить остаться в Цебельде только тем, которые там поселятся на постоянное жительство.

Генерал-майор Гогенбах.

Получ(ено) 10 мая 1848 г.

ГАКК, ф. 260, оп. 1,, д. 761, лл. 1 – 3. Подлинник.

АЛБТАИР

2.129 Из рапорта помощника начальника генерального штаба кавказского корпуса ген.-м. И. И. Гогеля начальнику Черноморской береговой линии А. Я. Будбергу о Соломоне Маан.

3 февраля 1849 г.

Родной брат подсудимого прапорщика Соломона Моргани, Тетаршоу, в великий пост прошлого 1846 г. был убит крестьянином двоюродного брата его, Кадырбея, Агырбаевым; Соломон Моргани, по существовавшему в то время в Абхазии обычаю кровомщения, в то же время убив Агырбаева, отправился в имение Кадырбея, сжечь дома убийцы и некоторых принадлежащих Агырбаеву крестьян….

Подсудимый Соломон Моргании, сознаваясь в убийстве крестьянина Агырбаева и сожжении нескольких домов в имении двоюродного брата своего Кыдырбея, показал, что когда он ехал в селение Куланерхва, то двоюродный брат его, Гусейн, встретясь с ним, выстрелил в него из ружья и пистолета, но дал промах…

Крестьяне, бывшие в это время с Соломоном Моргани, не спрошены, за отсылкою на службу в отдельный Сибирский корпус.

По объявлении подсудимому Моргании приговора комиссии военного суда, он, Моргани, находясь за болезнею в новороссийском госпитале, в ночь на 17 число марта 1847 года вновь бежал, и как видно из мнения в. прва в настоящее время проживает у неприязненных нам убыхов…

ГАКК, ф. 260, оп. 1,, д. 665, лл.41 – 45. Копия.

2.130 Письмо военного министра А. И. Чернышева министру иностранных дел К. В. Нессельроде о предполагаемой поездке владетеля Абхазии М. Г. Чачба – Шервашидзе в Петербург.

С.-Петербург, 26 апреля 1849 г.

Г. и. по всеподданнейшему докладу ходатайства главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом высочайше изъявить соизволил свое согласие на прибытии сюда состоящего при упомянутом корпусе владетеля Абхазии генерал-лейтенанта князя Шервашидзе, согласно его желании.

О сем высочайшем распоряжении сообщив по принадлежности генерал-адъютанту князю Воронцову, имею честь уведомить о том и ваше сиятельство для надлежащей известности.

Князь Чернышев.

(Получено) 28 апреля 1849 (г.).

АВПР, ф. Главный архив, 1-б, 1849, д. 1, лл.1-1 об. Подлинник.

2.131 Список лиц, отправившихся с владетелем Абхазии в Петербург.

(апрель 1849 г.)

Состоящийся при владетеле Абхазии Черноморского линейного № 10 батальона подпоручик Рославлев.

Князья: Штабс-капитан Григорий Шервашидзе
Халибей Маршани
Куджмахан Анчабадзе

Дворяне: Прапорщик Кудж Кяго
Таго Маргани
Керт Таго
Пилия Мисоуст
Семен Эшба

Крестьяне: Иосе Габуния
Джуго Джинджолия
Захар Нигоридзе

Казенный денщик Ларион Главадцкий.

Подписал генерал-адъютант Будберг.

Верно: начальник отделения (подпись)

АВПР, ф. Главный архив, 1-б, 1849 г., д. 1, л. 3. Копия.

2.132 Письмо товарища военного министра ген.-адъют. Князя Долгорукова управляющему министерством иностранных дел о поездке владетеля Абхазии М. Г. Чачба – Шервашидзе в Петербург.

С.-Петербург, 2 июля 1849 г.

Начальник Черноморской береговой линии уведомил, что 9-го минувшего июня с высочайшего разрешения отправился из Керчи в С. Петербург владетель Абхазии генерал-лейтенант князь Михаил Шервашидзе в сопровождении абхазских князей, дворян, крестьян в прилагаемом при сем списке поименованных, а равно состоящего при нем Черноморского линейного № 10 батальона подпоручика Рославлева.

О чем имею честь уведомить Ваше превосходительство в дополнение отношения к г. государственному канцлеру иностранных дел от 26-го минувшего апреля № 3854[1].

За военного министра
генерал-адъютант князь Долгоруков.
Директор свиты е. и. в. (подпись)

АВПР, ф. Главный архив, 1 – 6, 1849, д. 1, лл.2 – 2 об. Подлинник.

[1] См. данное издание док. № 224 – (**сост.**).

АЛБТАИР

2.133 Из «записки об устройстве части дороги между кр. Сухум-Кале и Пятигорском…» инженера капитана Иогеля и топографа капитана Рябова.

12 июня 1850[1] г.

Земледелие в Цебельде заключается в обработке малого количества земли под кукурузу и гоми в долинах Марамба и Абгалахвара.

Скотоводство заключается преимущественно в баранах, которых мясо чрезвычайно вкусно; коровы имеются только у князей, дворян и зажиточных людей…

Алчность к деньгам, эгоистические виды, желание извлечь всевозможные материальные выгоды из русского правительства, и наконец наклонность к смутам с той же целью, замечены нами только в князьях.

Простой народ крепко желает спокойствия и не принимает живого участия в ссорах и междоусобицах князей, так что теперь, в случае надобности, не встретится препятствий в удалении самых беспокойных князей.

ГАКК, ф. 260, оп. 1 д. 749, лл. 172 – 194.

2.134 Из рапорта начальника Черноморской береговой линии А. И. Будберга наместнику Кавказа М. С. Воронцову о нападении князя Эшсоу Маршан на села гуп и члоу.

Керчь, 10 августа 1850 г.

… В половине июля цебельдинский абрек кн. Эшсоу Маршани перешел Кавказский хребет и спустился в Абхазию и Абживский округ со стороны Сванетии с партиею в несколько сот человек. Напав на селения Гуп и Чилоу, он отбил до 4000 штук баранов и взял в плен 15 человек пастухов. В стычке, происшедшей при этом случае ранен абхазский житель прап. Заусхан Маршани. В Цебельде пред вторжением в Абхазию Эшсоу известно было, что он собирает партию. Ожидая нападения на свой край, цебельдинцы собрали милицию под начальством поруч. кн. Баталбея Маршани. Когда стало известно о вторжении Эшсоу в Абхазию, то цебельдинцы поспешно вступили в Абхазию на перерез пути Эшсоу, но последний известный об угрожающей ему опасности, бросил стада и начал поспешно отступать, увлекая с собою пленных. Прямая дорога за Кавказский хребет была отрезана поручиком кн. Баталбеем Маршани, и потому партия Эшсоу рассеялась по окольным путям, ведущим к Сванетии…

Верно: за заведующего штабом, ген. штаба полк. Карлгоф.

АВПР, оп. 272, 1850 г., св. 126, д. 206/11, лл. 61 – 61 об.

[1] Дата устанавливается по рапорту Иогеля и Рябова на имя начальника Черноморской береговой линии от того же числа (*ГАКК, ф. 260,оп. 1 д. 749, лл. 156-159)* – (**Г. Д.**).

2.135 Из рапорта начальника Черноморской береговой линии А. И. Будберга наместнику Кавказа М. С. Воронцову об опасениях джигетов в связи с появлением Магомета Амина у убыхов.

22 ноября 1850 г.

Появление Магомета Амина у убыхов произвело тревожные опасения между джигетами. Они обратились к джигетскому приставу с просьбой поддержать их войсками и объявили, что без того не в состоянии будут защищать себя сами против наиба и убыхов, тем более, что после кровавой вражды, происходившей в последние годы между главнейшими джигетскими фамилиями, все они стали между собой врагами и не могут быть соглашены на общее предприятие. Я имел ввиду в случае надобности поддержать джигетов двумя или тремя ротами сверх гарнизона укр. Св. Духа и абхазскою милициею, но в настоящее время года чрезвычайно трудно перевозить войска морем и невозможно за разлитием больших рек, как Бзыбь и Мдзымта, провести сухим путем милиции. Кроме того, встретится большое затруднение в продовольствии этих войск. Неизвестно еще какой оборот примут дела Магомета Амина у убыхов, которые созвали по случаю его прибытия большое народное собрание в Вордане. Впрочем, почти нельзя сомневаться, что Магомет Амин, имея много деятельных поборников в народе из значительных лиц, которым с новым устройством открываются пути к честолюбию, будет иметь полный успех между убыхами. Осторожность его во всем, что касается до народных и частных интересов и основание всех его действий – религия, легко склоняют к нему народ при внушениях честолюбивых людей. Дворянство и сильнейшие фамилии из свободного сословия, приведенное сначала в справедливое опасение за последствия для них учения наиба, имеющее скрытным основанием духовное самовластие, уничтожение наследственных властей и прав и провозглашения мусульманского равенства, успокоились потом, когда Магомет Амин не коснулся их прав, конечно, до времени, и начал давать им почетные поручения. Нет надобности говорить о необходимости подать возможную помощь джигетам. Кроме невыгодного влияния от оставления беззащитными покорного нам племени, успехи Магомета Амина между джигетами принесли бы тот большой вред, что из этого абхазского племени мюридизм легко мог бы постепенно распространиться во владении абхазском, которого народонаселение наполовину состоит из мусульман. Если будет возможно что-нибудь предпринять в настоящее время года для защиты джигетов, то я приму свои меры, но одно усиление гарнизона укр. Св. Духа не может принести пользу в этом деле…

Верно: Заведывающий штабом Генштаба полк. Карлгоф.

АВПР, оп. 272, 1850 г., св. 126, д. 206/11, лл. 115 – 116 об. Копия.

АЙТАМИР

2.136 Выписка из представления обер прокурора святейшего синода об учреждении архиерейской кафедры и духовной миссии в Абхазии.

15 декабря 1850 г.

Святейший Синод, рассмотрев все обстоятельства сего дела, с своей стороны полагает:

1) Для распространения в Абхазии христианской веры восстановить древнюю архиерейскую кафедру в укреплении Пицунде, прежнем местопребывании католикоса, с возложением на эту кафедру всех обязанностей, какие предлагалось возложить на миссию.

2) По особенности учреждения сей кафедры, не назначая ей пределов епархии, управление там духовными делами поручить епископу, с зависимостью от экзарха Грузии, по особой инструкции, которая дана будет от Святейшего Синода по требованию обстоятельств края.

3) Епископа новоучреждаемой паствы именовать абхазским.

4) Число лиц, имеющих составлять служебные чины при кафедре и их звания и способы содержания определить штатом, проект которого представлен экзархом.

5) Как все они имеют особенное предназначение служения, то и их обязанности имеют быть определены соответственною тому инструкцию.

6) Духовные должности в проекте штата назначенных, за исключением трех: 1-го иеромонаха, 1-го иеродиакона и 1-го монаха, на первый случай заместить лицами из грузинского духовенства, знакомыми с наречием абхазским, а должности переводчиков туземцами.

7) В число суммы 6 000 руб. сереб., назначенные на содержание епископа и прочих членов 4750 руб. и 26 пайков, производить на счет казны, а 1250 руб. сер. из экстраординарной суммы, состоящей в распоряжении наместника кавказского.

ГАКК, ф. 260, оп. 1 д. 1203, св. 151, лл. 2, 5. Копия.

2.137 Из рапорта начальника Черноморской береговой линии А. И. Будберга наместнику Кавказа М. С. Воронцову об удержании джигетов от связей с Магаметом Амином.

Керчь, 18 декабря 1850 г.
Копия.

… Магомет Амин приводит к присяге убыхов и намерен перейти от них к джигетам. Он требовал к себе джигетских старшин, и некоторые отправились к нему для переговоров. Верность правительству в большой части джигетского народонаселения сомнительна по страху, наведенному на них Магометом Амином и по мусульманским понятиям. Более твердые в

свих правилах и в данной правительству присяге отправляют семейства свои и имущество далее в горы и говорят, что если придет к ним Магомет Амин, то они сами зажгут свои дома и станут под защиту укрепления. Раздоры сильнейших джигетских фамилий, поставившее их в такое положение, что они находятся одни к другим в отношениях кровомщения, не допускает им созвать общее народное собрание, необходимое в таких важных обстоятельствах, но совершенно невозможное, потому что встреча врагов неизбежно поведет за собою кровопролитие. В последние 3 года, я употреблял напрасные усилия, чтобы помирить их, много раз разбирались они между собою судом посредников, который у горцев составляет единственное установление для положения предела фамильным кровомщениям. Посредники, избираемые по соглашению обоих сторон, определяют пеню за кровь, по уплате которой честь фамилии признается удовлетворенною и не налагает на них более обязанности продолжать мщение. Но на всех сходах джигетских фамилий посредники не могли согласить их своими решениями, и не одна из них оканчивалась кровопролитием, подававшим новый повод к кровомщениям. При таких неблагоприятных обстоятельствах нельзя ожидать, чтобы джигеты соединились против Магомета Амина, а потому недостаточно поддержать их слабым отрядом, как поступил я в 1843 г. весною, когда угрожала та же опасность от предшественника Магомета Амина, Хаджи Магомета, а только сильный и самостоятельный отряд, независимый от джигетской милиции, был бы в состоянии их защитить.

В прошлом донесении я излагал все затруднения для сбора такого отряда по продовольствию его, перевозке войск морем и по системе медления, принятой Магометом Амином, которая не оставляет другого выбора, как предприятия сильной экспедиции в страну убыхов для защиты джигетов. Может быть, даже одной экспедиции недостаточно будет для того, чтобы преклонить убыхов в недоступных их вертепах и остановить между ними сильное религиозное движение. Бесполезность сбора малого отряда в укр Св. Духа при разногласии и сомнительном расположении умов джигетов и крайние затруднения в перевозке войск морем в нынешнее бурное время года поставили меня в печальную необходимость предоставить дело джигетов до весны будущего года естественному ходу обстоятельства…

Верно: заведывающий штабом, Ген. штаба полк. Карлгоф.

Помета на сопроводительной бумаге: г. и. соизволил читать. кн. А. Чернышев.

АВПР, оп. 272, 1850 г., св. 126, д. 206/11, лл. 121 – 122 об. Подлинник.

АЛЫТАИР

2.138 Письмо владетеля Абхазии М. Г. Чачба – Шервашидзе главнокомандующему на Кавказе М. С. Воронцову о планах Магомета Амина вторгнуться в Абхазию и необходимости воспрепятствовать этому.

24 марта 1851 г.

Агент Шамиля Мегмет Амин намерен, как слухи носятся, вторгнуться чрез Карачай в Цебельду или же чрез землю джигетов в Абхазию. Вторжение это при настоящем состоянии сих наших войск, расположенных по Восточному берегу Черного моря, в особенности 3-го Отделения, может иметь весьма вредное влияние на горские племена, покорные нашему правительству. Из ниже следующих обстоятельств Ваше сиятельство усмотреть изволит, в каком затруднительном положении находятся эти племена в отношении внешней защиты своей от неприятеля.

Непокорное убыхское племя, которое до настоящего времени хотя по величине и силе своей заставляло обращать на себя внимание соседственных покорных нам племен, но как во всем этом племени было основано много враждующих между собою партий, то это обстоятельство и служило безопасностью соседственным племенам, а как в бытность свою в земле убыхов Мегмет Амин успел примирить эти партии и обязать их послушными его приказаниям, то в таком виде убыхи являются самостоятельным и сильным племенем. Мысль Мегмет Амина основать там свое местопребывание, если только приведена будет в исполнение, то повлечет за собою большие труды в отношении защиты покорных нам племен и усугубит трудность привести в покорность враждующих против нас горцев, обитающих на покатостях гор Восточного берега Черного моря. С водворением власти Мегмет Амина в земле убыхов, он намерен покорить землю джигетов, что не составит ему большого труда, если джигеты будут оставлены нами на произвол судьбы. Племя это по малочисленности народонаселения и по положению местности своего края, решительно не в состоянии сопротивляться и вынуждено будет или оставить край или же, что всего вернее, покориться безусловно власти Амина. Таким образом, имея на своей стороне сильное племя убыхов и покорную землю джигетов, он без труда может составить значительный отряд и сосредоточив силы в джигетском селении Цандрипша предпримет движение в Абхазию. Хотя подвластный мне край и в состоянии будет отстоять свою независимость, но эта независимость купится дорогою ценою. По местности своей Абхазия представляет весьма удобный спуск неприятеля в пределы края по всему пространству гор, окружающих ее; при ожидании вторжения неприятеля обыкновенно занимаются сильнейшими отрядами те места, которые более удобны для прохода неприятеля, а в местах менее удобопроходимых располагаются секреты или пикеты, величина которых зависит от важности пунктов занимаемых

ими. Но естьли только неприятель атакует край в нескольких местах, то при таком раздроблении сил защита его будет весьма затруднительна.

Поэтому я предлагал бы в предупреждение подобного вторжения в Абхазию необходимым поддержать джигетов. С моей стороны я во всякое время могу служить от 1500 до 3000 милиции, естьли к этому присоединить имеретинскую или гурийскую милиции и дать небольшой отряд русских войск с четырьмя горными орудиями, тогда можно будет надеяться на успешное отражение неприятеля; помощь данная джигетам усугубит преданность их к нам, а успешное отражение сил Мегмета Амина поколеблет преданность горцев к нему.

В предупреждении же на будущее время от подобных тревог, возникающих чрез пришельцев как Мегмет Амин, который у нас на Восточном берегу не первый и вероятно не последний, я весьма важным нахожу в местах, которые служат как-бы ключом для сообщения народов, обитающих по ту сторону Кавказских гор с горцами, живущими на покатости Восточного берега Черного моря основать два укрепления, места эти находятся в земле абадзехов, между реками Большая и Малая Лаба, а именно: Пстилия и Чегерия Лаба. Естьли в этих пунктах основать по одному укреплению или по крайне мере одно укрепление в Псамш, то этим совершенно прекратится путь тамошних горцев к Восточному берегу и это послужит к совершенному благосостоянию племен покорных нашему правительству и будет служить большим успехом к скорейшему приводу в покорность враждующих противу нас горцев. Места эти на кавказской карте не обозначены, но естьли Вашему сиятельству угодно будет принять в уважение мой проект, то я могу дать средства к указанию этих мест.

Представляя на благоусмотрение Вашего сиятельства настоящее мое письмо я льщу себя надеждой, что Вы обратите внимание на обстоятельства здесь изложенные, руководством которым была одна только мысль, быть сколько-нибудь полезным правительству. Будучи наслышан; что Ваше сиятельство намерены быть в Ахалцихе, на Минеральных Водах я с особенным нетерпением ожидаю этого времени, чтобы иметь удовольствие видеть Вас и лично переговорить об этом предположении.

Подлинное подписал Владетель Абхазии
генерал-адъютант князь Шервашидзе.

ГАКК, ф. 260, оп. 1 д. 1202, св. 151, лл. 2 – 4.

2.139 Отношение начальника Черноморской береговой линии А. И. Будберга начальнику главного штаба отдельного кавказского корпуса П. Е. Коцебу.

Керчь, 29 апреля 1851 г.

На отзыв в. пр-ва от 10-го апреля № 541, имею честь уведомить, что еще в прошлом году я доносил г-ну главнокомандующему о необходимости

АПБ ТАИР

защитить джигетов от влияния Магомета Амина, просил и получил разрешение е. св. на сбор Абхазской милиции. Тем более необходимо не допустить наиба вторгнуться в Абхазию. Но по мнению моему он не решится войти открытою силою в этот край, населенный наполовину христианами и имеющий феодальное устройство общества, не составив прежде в нем достаточно сильной для себя партии единомышленников. В Абхазии есть три главных доступа: 1) из земли джигетов в обход укрепления Гагры по трудным горным тропам, неудобным для конных; 2) через Псху в Абхазский округ к селениям гуммы и Акапы и 3) через Цебельду.

Последние две пути и менее важные промежуточные между ними ведут через высокие и неудобопроходимые горные хребты. По ним могут пройти конные партии, а пешее ополчение должно быть чрезвычайно сильно, чтобы отважиться открытою силою вступить в вооруженный край и не опасаться совершенного истребления в случае неудачи при отступлении. При том же такое решительное и отважное действие открытою силою не в духе системы действий Магомета Амина. Если Абхазии может угрожать действительная опасность, то это от постепенного распространения учения мюридизма в мусульманской части ея народонаселения. Учение это доставит Магомету Амину ревностных поборников и тогда только он в состоянии будет войти в край, но не открытою силою с ополчением, а с небольшим числом телохранителей. Для успеха такого действия нужно время довольно продолжительное.

Из трех путей, ведущих в Абхазию самый опасный, по моему мнению, Псхувский. Непокорное нам общество жителей Псху управляется в форме аристократической республики князьями Маршани. Абхазского округа селение Акапы принадлежит другим князьям Маршани, родственникам псхувских и связанных с ними фамильным союзом по обычаям края. Сомнительный дух жителей этого селения, тайные их притязания на независимость от владетеля Абхазии, положение селения в центре Абхазии, и наконец, родство владельцев ея с псхувскими Маршани составляют основания моего убеждения, что отсюда может угрожать опасность Абхазии, но не от близкого вторжения и от внесения в нее учения мюридизма. Из Псху можно также спуститься в Бзыбский округ несколькими путями. Вообще если псхувцы признают над собою власть Магомета Амина, то Псху будет на южной покатости Кавказа притоном его, опасным для спокойствия Абхазии. В таком случае необходимо будет предпринять экспедицию против Псху. На владельцев Цебельды из рода князей Маршани, покорных правительству, в настоящее время можно совершенно положиться. С этой стороны только происки абрека князя Эшсау Маршани и его партии нарушают спокойствие Цебельды и Абхазии. Для охранения Абхазии от внесения в нее учения мюридизма лучшее средство распространения в ней христианства и в этом смысле возобновление Пицундского храма и монастыря с учреждением духовной при них миссии обещает большую пользу.

По изложенным выше соображениям я не вижу близкой опасности для Абхазии от Магомета Амина. Во всяком случае нам надобно быть на все готовыми, особенно на защиту края джигетов, которому угрожала действительная опасность еще в прошлом году. Мне не известно достоверно ли сообщение г-ну главнокомандующему владетелем Абхазии, что Магомет Амин намерен основать постоянное местопребывание в земле убыхов. Если это справедливо, то будет чрезвычайно трудно охранить джигетов, которые занимают край, открытый для вторжения убыхов. Невозможно же будет содержать постоянно при укреплении Св. Духа отряд достаточный для защиты всего края. Тогда останется только один возможный способ охранения этого края от власти Магомета Амина: сильная экспедиция в страну убыхов. Но для такого предприятия отряд не может быть менее 8-10 тысяч человек. Впрочем, я сомневаюсь, чтобы наиб решился перенести постоянное свое местопребывание с северной покатости Кавказского хребта, которая для него важнее земли убыхов по превосходству ея народонаселения и обширности края. При временных же появлениях наиба в стране убыхов защита джигетов небольшими силами для нас легче. Весной 1843 года я подкрепил джигетов двумя ротами и с помощью этого небольшого отряда они не допустили Хаджи Магомета вторгнуться в их край. Главное дело будет состоять в том, чтобы своевременно доставить им подкрепление…

Примите уверение…

А. Будберг.

ГАКК, ф. 260, оп. 1 д. 1202, св. 151, лл. 8 – 11. Подлинник.

2.140 Отношение наместника Кавказа М. С. Воронцова начальнику Черноморской береговой линии А. И. Будбергу об учреждении архиепископской кафедры в Абхазии.

Тифлис, 18 мая 1851 г.

Г. и., рассмотрев журнал кавказского комитета, по представлению обер-прокурора Святейшего Синода, об учреждении в Абхазии архиерейской кафедры и Духовной миссии высочайше соизволил повелеть:

1) Предположение Святейшего Синода, изложенное в записке 15-го декабря № 8104, об учреждении в Абхазии архиерейской кафедры, а также приложенный к этой записке проект штата утвердить.

2) Согласно желанию владетеля Абхазии и представлению как Просвещенного экзарха Грузии, так и моего духовника, владетеля архимандрита Германия посвятить в сан епископа.

3) Для состава на будущее время Духовной миссии в Абхазии, согласно заключению Святейшего Синода, готовить теперь уже учеников.

О таковой высочайшей воле сообщая в. пр-ву., препровождаю при сем к вам, милостивый государь, выписку из представления обер-прокурора

АЛИТАИР

Святейшего Синода от 15 декабря 1850 года № 8104 об учреждении в Абхазии архиерейской кафедры и копию с проекта высочайше утвержденного для оной штата.

Наместник Кавказский и генерал-губернатор Новороссийский и Бессарабский (подпись).

Управляющий канцеляриею (подпись).

Получ(ено) 31 мая 1851 года.

ГАКК, ф. 260, оп. 1 д. 1203, св. 151, лл. 1 – 6. Подлинник.

2.141 Игнатьев Н. П. Кавказский край (Военная география). Извлечение из курса лекций, прочитанного в военной академии генерального штаба.

1852 г.

III

Черноморская береговая линия

… Третье отделение Черноморской береговой линии простирается от мыса Вардане до Ингура на 225 верст…

Главный пункт третьего отделения и местопребывания начальника его Сухум-Кале, портовый город, обнесенный каменными турецкими стенами, с гарнизоном из двух батальонов.

Севернее Сухума расположены по берегу 5 укреплений: Навагинское, Св. Духа, Гагры, Пицунда и Бомборы. От Бомбор проложена уже дорога через Сухум, Зугдиди и далее в Кутаис. На этой дороге устроено 4 поста , и на всех станциях расположены казачьи команды. Кроме того, внутри края, в верстах в 16 к зап. от Сухума, есть еще укр. Марамба…

Укрепления Навагинское, Св. Духа и Гагры находятся почти точно в таком же положении, как все пункты 2-го отделения, т. е. не имеют между собой иного сообщения кроме морского, и гарнизоны не смеют выходить из стен крепости. Впрочем в этой части гор живет племя Абхазское, не столь враждебное к русским, как племена Адыге. Джигеты или Садзы отличаются от Шапсугов и Убыхов не только меньшею воинственностью, но и самым бытом: у них есть княжеские и дворянские фамилии, так же как в Абхазии. Некоторые из этих фамилий, со всеми подвластными своими, признали себя покорными России; иные только остаются в мирных к нам отношениях. Отдельные общины, живущие в верхних нагорных котловинах Мзымты и Бзыби (Ахчипсу, Псху, и друг., известные под общим именем Медовеевцев), не имеют с нами никаких сношений и остаются в своих недоступных ущельях.

От укр. Гагров начинается Абхазия, покорившаяся России еще в 1810 году. Население этой страны частию христианское, частию магометанское. Со времени присоединения Абхазии к России оставлено было владетельской фамилии (Шервашидзе) право управлять страною по народным обычаям; но владетель, будучи по делам внутренним полновластным правителем, подчинен однакоже высшим распоряжениям местного русского начальства. Абхазия, разделенная на три округа, сохранила доныне устройство вполне феодальное. Домашние междоусобные распри между аристократическим фамилиями, вследствие пагубного обычая кровомщения, соперничество между христианами и магометанами, неограниченный произвол владетельных князей, беспрерывные ссоры их за право наследия, – все эти исторические причины оставили и доныне глубокие следы. Если б не вкоренилась в народе привычка к распрям и тунеядству, то Абхазия могла бы сделаться одною из самых цветущих и богатых стран.

Абхазцы населяют также Самурзакань и Цебельду. Обе этих страны состоят под укреплением русских приставов. Впрочем, в верхних ущельях Цебельды досель часто находят убежище шайки абреков или хищников, занимающихся грабежом по обеим сторонам хребта кавказского.

Малочисленные войска русские, расположенные в Абхазии, достаточны только для занятия укрепленных пунктов. Но в случае даже каких-либо частных беспокойств, русское начальство принуждено прибегать к пособию туземных милиций. Подкрепления не могут скоро прибыть, ни сухим путем – из Грузии, ни морем – из Первого Отделения береговой линии.

Положение русских войск на Черноморской береговой линии.

Вообще положение наших войск на Черноморской береговой линии весьма невыгодно, особенно же в средней ее части. Линейные батальоны, расположенные поротно в укреплениях, составляют постоянные их гарнизоны….

Гарнизоны малых укреплений, запертые безвыходно в тесные пределы, не смея выказаться даже на ружейный выстрел, несут самую тяжкую службу. Они находятся постоянно в тревожном положении, ежеминутно ожидая нападения предприимчивого и храброго неприятеля. Такой образ жизни, естественно, имеет вредное влияние и на здоровье войска, и на его дух…

ЦГАОР, ф. 730, оп. 1, д. 21, лл. 85 – 87.

2.142 Из отчета и. д. начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии Н. П. Колюбакина по гражданскому управлению за 1851 год.

1852 г.

Народное здравие

Местная в г. Сухум-Кале болезнь главная, и можно сказать единственная, есть лихорадка разных родов от легкой простудной до самой жестокой со спячкою, которая свирепствует в особенности в июле, августе и сентябре

АЛЫТАИР

месяцах… Заболевающие жители редко и только в крайних случаях прибегают к медицинскому обслуживанию. Это происходит от закоренелого предрассудка, что болезнь можно превозмочь. Желающие лечиться поступают, за неимением городской больницы, в лазареты Черноморских линейных № 11 и 16 батальонов. Таковых было в течение 1851 года 29… человек обоего пола: из них выздоровело 20 умерло 9.

В течение 1851 года появилась в г. Сухум-Кале оспа, но мерами принятыми ближайшим начальством вскоре прекращена. Заболевших было 24, из них выздоровело 20, умерло 4…

Повинности

Земская повинность введена в г. Сухум-Кале с прошлого 1850 года.

Казенные здания

В г. Сухум-Кале состоит 33 казенных зданий разных ведомств, 11 каменных, 22 деревянных. В том числе вновь отстроено каменных 4, из досок 6. В числе последних считается только карантин гражданского ведомства, остальные все военного….

Дороги, мосты, переправы

Для сообщения сухопутного г. Сухум-Кале с Редут-Кале прокладывается на пространстве этом дорога, по распоряжению наместника кавказского, офицерами корпуса Путей сообщения… Мост, устроенный на р. Беслетке, между городом и карантином, хотя не окончен, но выдержал уже несколько полноводий равно как и сваи для моста р. Келасуре. Прочие сообщения между Сухумом и смежными укреплениями, как-то: Бамборами и Марамбою доступны только для вьюков; первое из них никогда и никем не поддерживается… на реках по дороге к Бамборам мостов не имеется. Проезжающие, ровно как и летучая почта переправляются в брод, что во время полноводья сопряжено с опасностью…

Торговля

Главная отрасль торговли сухумских жителей состоит в произведениях из-за границы предметах, находящих употребление в домашнем быту. Из России выписывают только предметы, необходимые для построек, как то: железо, известь, кирпич и тому подобное. Из местных произведений поступают в продажу: пальмовое и отчасти ореховое дерево, кукуруза, гомия, мед, воск, греческие орехи. Все эти предметы находят сбыт и за границею… Главною отраслью местных произведений есть виноград, растущий дико. Выделываемое из него вино в значительном количестве разводится по Черноморской береговой линии. Некоторые сорта вин, выделываемые с винограда этого, довольно хороши, и могли бы иметь большой сбыт, если бы за виноградом был надлежащий уход и выделывающие вино лучше знали свое дело…

Образование и воспитание

Служащие в г. Сухум-Кале отправляют детей своих для воспитания в Россию или в училища, находящиеся в Закавказском крае. Большая же часть, не имея для этого средств, оставляет детей без всякого почти образования. Образования жителей г. Сухум-Кале стоит на очень низкой ступени. Большая часть из них безграмотные. Знающие же грамоту имеют только первоначальные понятия о счетоводстве…

Виды, предложения

Сухум-Кале стоит на оконечности морских путей европейской торговли в Азию, и потому с проложением дороги в Грузию он будет замечательным пунктом складочным для транзитной торговли между двумя частями света. С проложением же дороги через хребет, Цебельду и Далы на Кавказскую линию, Сухум будет точкой опоры для торговли Европы и Азии на линию, где она будет в Пятигорске или Георгиевске как бы встречаться с нашею русскую торговою деятельностью, направляющейся через Нижний. Одно известие о прокладываемой дороге в Редут оживило уже Сухум. Некоторые из лиц, не приписывающихся к городу и не обязанные здесь иметь прочную оседлость, строят дома и магазины и об отводе мест под таковые постройки вновь поступают просьбы…

И. д. начальника 3 отделения Черноморской береговой линии полковник Колюбакин.

Правитель канцелярии штабс-капитан Завадский.

ЦГИАГ. ф. 1396, д. 89. лл. 6 – 11. Подлинник.

2.143 Из рапорта начальника Черноморской береговой линии Л. М. Серебрякова главнокомандующему отдельным кавказским корпусом М. С. Воронцову о необходимости оказания помощи джигетам против убыхов.

Керчь, 20 июня 1852 г.

… На Черноморской береговой линии одни убыхи вновь обратились к наибу[1] и приглашают его прибыть к ним для введения между ними благоустройства. Такая решимость убыхов встревожила джигетов. Племя это само по себе слабое, раздираемое внутренними раздорами и населяющий край, доступный для убыхов и по положению своему неудобный как для постоянного содержания в нем такого числа войск, какое необходимо для его защиты, так и для подания во всякое время скорой помощи из других мест, легко могло бы сделаться жертвою убыхов, управляемых волею одного человека при первом пребывании между ними Магомета Амина, если бы убыхи сами не отклонили того с целью сохранить для себя в укр. Св. Духа торговый пункт. Но в настоящее время убыхи озлобленные неудачами во всех своих действиях против нас и стесненные в торговом отношении, может быть не удержатся прежним расчетом и будут содействовать Магомету

[1] Магамет Амину – (**Г. Д.**).

АЛЫТАИР

Амину в подчинении его власти джигетов. Для отвращения этой опасности важнее всего было примирить между собой враждующие джигетские фамилии и предложить им ввести порядок, способный к предупреждению на будущее время внутренних беспокойств, чтобы сделать их самостоятельными для собственной обороны и отвратить внушения тайных приверженцев наиба между джигетами, что только одна твердая власть Магомета Амина может водворить в крае спокойствие. Для этой цели и. д. начальника 3-го отделения полк. Колюбакин вызвал в укр. Св. Духа депутатов от джигетского племени и предложил им собрать суды и назначить постоянных старшин для надзора за полицейским порядком, а для обеспечения верности правительству всего племени требовал выдачи аманатов из малолетних, с тем, чтобы определить их в открытое уже в Сухуме училище для обучения детей туземцев. Депутаты, хотя и согласились на все эти предложения, но дело это еще не окончено…

Верно: Заведывающий штабом, Ген. штаба полк. Карлгоф.

Помета на сопроводительной бумаге: г. и. изволили читать 20 июля 1852 г. кн. Долгоруков.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 35 – 692, лл. 76-77. Копия.

2.144 Из рапорта начальника Черноморской береговой линии Л. М. Серебрякова главнокомандующему отдельным кавказским корпусом М. С. Воронцову об удержании джигетов в покорности и защите их от убыхов и о событиях в селе Акапа.

Керчь, 8 июля 1852 г.

После донесения моего от 20 июня[1] № 91 я получил сведение в бытность мою на береговой линии, что Магомет Амин уже прибыл к убыхам по их приглашению и находится в 25-ти вер. от форта Навагинского. До прибытия наиба было возобновлено жителями укрепленное судилище в Вордане (мягкаме), разрушенное ими во время всеобщего восстания прибрежных жителей против власти Магомета Амина. Джигеты показались мне весьма сомнительными. Они просят об отпуске им соли в неограниченном количестве, с дозволения свободной торговли невольниками и о пересмотре условий, на которых покорились они правительству, приводя должные доводы, что пересмотр этот необходим по прошествии довольно значительного времени, протекшего после изъявления джигетами покорности правительству, в которое многие из лиц, участвовавшие в переговорах, умерли…

Джигеты понесли невознаградимую потерю смертью одного почетного и здравомыслящего старшины кап. Аслана бея Геча, который умел удерживать их своим влиянием от неблагоразумных поступков, направлять

[1] См. данное издание док. № 239 – (**сост.**).

полудиких своих соотечественников к исполнению долга к правительству и прекращать междоусобные их распри. За ним умерло небольшое число других достойных уважения старшин, и народ остался теперь без хороших руководителей. Последствия этих потерь не замедлили обнаружиться возникшими фамильными раздорами, которые до того разъединили и ослабили народ, что он не в состоянии противопоставить и сопротивление сильнейшему соседу своему, убыхам. Убыхи, всегдашние противники джигетской покорности, в последнее время терпели ее по личным расчетам…

Убыхи, считая джигетов для себя необходимыми, не только терпели покорность их правительству, но и не допустили в 1850 г. Магомета Амина подчинить их власти своей, из опасения потерять последний торговый пункт в укр. Св. Духа, в котором после отложения джигетов необходимо прекратилось бы торговля. Не подлежит никакому сомнению, что только одна эта причина удержала наиба от покорения джигетов и что многие из них находились в тайных сношениях с ним. Теперь этой причины уже не существует. Воспрещение вашей светлости продажи соли непокорным и ограничение отпуска этой потребности мирным и покорным горцам, усиление строго надзора за джигетами для прекращения торговли невольниками и оказываемого ими содействия убыхам во всяком роде торговли, равно и другие меры совершенно стеснили убыхов…

Говоря вообще о джигетах, я должен, однако же отдать справедливость некоторым из них действительно преданных правительству. К числу последних должно отнести князей Анчибадзе, которые одни только исполнили требование и. д. нач-ка 3-го отделения: выдали аманата, помещенного теперь в Сухумскую школу, а сверх того просят дозволения переселиться в Абхазию…

Владельцы абхазского сел. Акапы, отстоящего от Сухума в 15-ти вер. князья Моршани, почти не признавали над собою власть владетеля и с подвластными своими не исполняли обязанностей в отношении к нему всех абхазских князей. Нынешний владелец кн. Кизильбек Моршани, был во вражде с некоторыми из цебельдинских князей и, недавно устроив засаду, напал и убил подвластного кн. Ширинбея Моршани. Как этот случай, так и некоторые другие, вынудили, наконец владетеля решительно требовать, чтобы он подчинился общему порядку. В Абхазии и Цебельде враги общественного спокойствия удаляются в глубину гор, когда им приходится худо и действуют оттуда неприятельски с тем, чтобы вынудить жителей войти с ними в миролюбивые сношения и получить дозволение возвратиться на свои земли, что у нас известно под названием «удалиться в абреки». Кн. Кизильбек Моршани таким же образом бежал в горы и намерен был увести с собою всех своих подвластных, но он не был до того допущен. Ротмистр кн. Дмитрий Шервашидзе, собрав милицию своего округа и подкрепленный цебельдинцами под начальством подпоручика кн. Ширинбея Моршани,

АЙСТАИР

преследовал Кизильбека, и хотя не мог его настигнуть, но удержал его подвластных от бегства, истребил дома, собственно владельцам принадлежащие, и принял меры для подчинения общему порядку жителей Акапы. Кн. Дмитрий, действуя с быстротою, исполнив это поручение владетеля ввиду Кизельбека и сыновей его, а потом далеко преследовал их по горам и имел с ними перестрелку, в которой 2 человека с его стороны ранены. Для поддержания кн. Дмитрия полк. Колюбакин вышел из Сухума с 3-мя ротами и одним горным орудием, прошел через Гуммы и Акапы, провел там ночь и на другой день возвратился в Сухум. Жители непокорного общества Псху, опасаясь угроз наших, не приняли Кизильбека, который вследствие того должен был перейти на северную покатость главного хребта, соединился с известным цебельдинским абреком кн. Эшсоу Моршани, и намерен, собрав по более единоплеменников, поселиться с ними на другой стороне Псху в ущелье Заадам. Кн. Эшсоу Моршани вошел в сношение с Магометом Амином и, как носятся слухи, получил от него приглашение принять начальство над сильною партией, в замышляемом наибом предприятии овладеть Карачаем. Уверяют, что наиб объявил, будто бы это предприятие необходимо для открытия Шамилю свободной дороги к Абхазии, а также для предварительного распространения влияния своего на этот край…

Верно: Заведывающий штабом, полк. Карлгоф.

Помета на сопроводительной бумаге: Доложено е. в. 26 июля 1852 г. кн. Долгоруков.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 35 – 692, лл. 8 – 92 об., 96 – 97 об. Копия.

2.145 Из рапорта начальника Черноморской береговой линии Л. М. Серебрякова главнокомандующему отдельным кавказским корпусом М. С. Воронцову об опасности вторжения убыхов под руководством Магомета Амина в Абхазию.

Керчь, 1 августа 1852 г.

… Смутное состояние Абхазии, Цебельды и джигетов, внутренние у них несогласия, набеги беглых князей, их раздоры с одноплеменными обществами Ахчипсоу и Аибга, разъединяют силы абхазского племени и подвергают его опасности со стороны убыхов. Убыхи, всегда опасные соседи для абхазцев, по превосходству перед ними в воинственном духе, по предприимчивости, способности к перенесению трудов и по особенной военной организации своей, приспособленной к местным требованиям и установившейся вследствие продолжительного навыка к набегам, будут еще опаснее, если соединят силы свои под власть Магомета Амина, располагающего также частию сил племени абадзехов. Нельзя предвидеть, к чему может повести пребывание наиба между убыхами, но должны быть

готовыми на все и особенно на защиту Абхазии от властолюбивых его замыслов. Обстоятельства могут потребовать сбора значительного числа абхазской и вызова мингрельской милиции.

Помета на сопроводительной бумаге: г. и. изволил читать. Петергоф. 17 августа 1852 г. кн. Чернышев.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 35 – 692, лл. 105 – 108 об. Копия.

2.146 Из рапорта начальника Черноморской береговой линии Л. М. Серебрякова главнокомандующему отдельным кавказским корпусом М. С. Воронцову о ситуации в Абхазии.

Керчь, 14 августа 1852 г.

… Сухум по положению своему в мирном и покорном крае не подвергается опасности в спокойное время, но за постоянную его безопасность никак нельзя ручаться. Не говоря уже о крайнем случае всеобщего восстания жителей Абхазии, чему был пример в двадцатых годах, тем более опасным, что тогда оно не только было направлено против русского владычества, но имело вместе с тем преимущественно характер революции низших сословий против господствующего класса Абхазии, Сухум должен охранять также от частых восстаний и набегов неприятельских племен…

Продолжительное спокойствие в Абхазии, Цебельде и соседственных обществах абхазского племени и уверенность в содействи нам господствующего класса, посредством которого мы легко могли держать край в порядке, были причиною, что мы не имели особенной надобности заботиться об улучшении укрепленных пунктов наших в Абхазии и могли свободно пользоваться этим временем для усиления укрепления в местах опасных…

В доказательство тому, как мало безопасен Сухум, в случаях даже частных беспорядков и восстания можно привести, что во время возмущения Цебельды в начале сороковых годов нельзя было с наступлением вечерней темноты проходить без конвоя от крепости до горы, занятой гарнизоном…

ГАКК, ф. 260, оп. 1 д. 745, лл. 14 – 22. Подлинник.

2.147 Рапорт начальника Черноморской береговой линии Л. М. Серебрякова главнокомандующему отдельным кавказским корпусом М. С. Воронцову о переговорах с джигетами относительно их защиты от убыхов.

Керчь, 4 сентября 1852 г.

После донесения моего от 12 августа[1] № 117, Магомет Амин продолжал приводить в такое же устройство внутреннее управление в земле убы-

[1] См. данное издание док. № 242 – (**сост.**).

АПБ ТАИР

хов, какое введено Шамилем в Дагестане и собирал штрафы с лиц, обвиненных в сношениях с нами в разных преступлениях и в противодействии новому порядку вещей. Большинство народа показывает большую преданность наибу, но есть и партия недовольных. Люди, присужденные к уплате штрафов, тайно поджигают сено и строения у лиц, обличенных властью Магометом Амином. Не довольствуясь властию над одними убыхами, наиб старается распространить ее и над другими соседственными племенами воззванием к религиозному чувству мусульман и страхом оружия. К северу подчинилась ему часть шапсугов почти до форта Лазарева и устроила мягкеме в ущелье Чухухе, находящимся между фортами Лазаревым и Головинским, но далее он встретил решительное сопротивление от жителей. Даже на этом пространстве общество Кишмей, живущее в горах против форта Головинского на реке того же наименования, впадающей в р. Шахе и состоящее из 600 дворов, объявило, что не примет его и будет драться с убыхами. К югу от земли убыхов подчинились наибу племена абхазского происхождения Хамыш, Цужа, Аибга, Ахчипсоу до самых джигетов, на которых наиб также имеет виды.

В таком положении нашел я дела по прибытии моем 18 августа в укр. Св. Духа. Часть джигетов, по-видимому колебалась и медленно выполняла требование о выдаче аманатов, исполнение которого поставлено было им непременным условием падания им с нашей стороны помощи. Джигеты живут на обоих берегах р. Мдзымты, впадающей в море при укр. Св. Духа. На левом берегу этой реки до укр. Гагры живут 3 джигетских фамилии – Геч и Цанбай при реке и князь Анчибадзе между ними и укр. Гагры. Правый берег населяют ближе к укр. Св. Духа четвертая джигетская фамилия Аридбай и выше непокорное общество Цужа, которое еще недавно вело с нами переговоры о желании своем покориться правительству, но после прибытия к убыхам Магомета Амина прекратило переговоры и, наконец, подчинилось ему. На верховье Мдзымты в малодоступных горах находится общество Ахчипсоу и смежено с ним на верховье р. Псху, впадающей в море между укр. Св. Духа и Гагры, общество Аибга.

По географическому положению 4-х джигетских фамилий более всех подвергается опасности от убыхов фамилия Аридбай, неприкрытая никаким естественным препятствием, живущая на расстоянии одного перехода от убыхов и окруженная непокорными обществами Хамыш, Цужи и Ахчипсоу, подвластными наибу. Фамилии Геч и Цанбай имеют естественное прикрытие, хотя и слабое, в р. Мдзымте, которая при обыкновенном состоянии вод во многих местах проходима в брод, но при полноводии стремится разрушительным потоком. Наконец, фамилия князей Анчибадзе находится пока вне круга настоящих действий.

Рассеянный образ населения джигетов, живущих в одиночных домах, а не селениями и кровавые раздоры между фамилиями ставили их в положение не надежное для сопротивления воинственному племени убыхов, особенно при том единстве последних, которое должно быть следствием подчинения их власти Магомета Амина. Чувствуя грозящую опасность три джигетские фамилии примирились между собою, а четвертая Аридбай, не могла или не хотела согласиться с прочими и склонилась на сторону убыхов. Старшины ее, страшась ли подпасть под первые удары убыхов или по религиозному убеждению, сами призывали к себе Магомета Амина..

Верно: Заведывающий штабом генерального штабы полк Карлгоф.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 35 – 692, лл. 115 – 122. Копия.

2.148 Расписка крестьянина Джуку Джинджолия, данная им князю Кадырбею Чачба – Шервашидзе.

17 октября 1852 г.

Я, нижеподписавший крест Джуку Джинджолия, даю сию подписку Вам Кадырбею Алмасхановичу, сыну Шервашидзе в том, что получив от вас потомственно принадлежавшего Вам крестьянина Квацаджи Джинджолия, который уже в преклонных летах, с его движимым и недвижимым имением, обязываюсь содержать его из имения, а по смерти означенного крестьянина я должен без всяких возражений, возвратить обратно имение его, в чем и ставлю крест +

Подписал и был свидетелем этого Ростом Чхеидзе.

Что действительно подписка эта дана вышеозначенными Лицами в том удостоверяю. Помощник пристава князь Леван Шервашидзе. Князь Кадырбей Шервашидзе.

Переводил[1] *Соломон Иванов.*

ЦГАА, ф. 57, д. 5, 1879 г., л.55.

2.149 Из донесения начальника Черноморской береговой линии Л. М. Серебрякова главнокомандующему отдельным кавказским корпусом М. С. Воронцову о переходе джигетских князей на сторону Магомета Амина.

Керчь, 10 ноября 1852 г.

… Магомет Амин требовал также и от джигетов определенного числа всадников по соразмерности народонаселения для движения в землю прибрежных шапсугов. Отложившая от нас фамилия Аредбей выставила всадников, но внезапная смерть одного из первостепенных старшин их, участвовавшего в описанном ниже деле при форте Лазаревском 27 октября, вызвала их обратно в свой край для предания его тела земле с обычною

[1] Оригинал на грузинском языке (см.: ЦГАА, ф. 57, д. 5, 1879 г., л.56-56 об.) – (**Г. Д.**).

АЛТАИР

у них торжественностью. Из других фамилий только в небольшом числе князья Цанбай отправились к Магамету Амину, а прочие не обнаруживают еще открыто образа своих мыслей…

Верно: Заведывающий штабом генерального штаба полк. Карлгоф.

Помета на сопроводительной бумаге: Доложено е. в. 29 ноября 1852 г. кн. Долгоруков.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 35 –-692, лл. 171 об. –172. Копия.

2.150 Выписка из рапорта и. д. начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии Н. П. Колюбакина начальнику Черноморской береговой линии Л. М. Серебрякову о необходимости нововведений у джигетов.

4 декабря 1852 г.

Что же касается до Джигетов, то между отложившимися заметно раскаяние и многие просят считать их по прежнему подданными России; но мне кажется, что нам не должно принимать покорностей частных, а со временем можно будет склониться к принятию покорности общей, не иначе как на условиях, которые были бы основаниями порядка прочного; одним из этих условий было бы конечно, во-первых, предварительное окончание междоусобных распрей, разделяющих народ на партии и, во-вторых, соединение если не всего народонаселения в деревни, то хотя устройства некоторых больших деревень на известных пунктах. Надеюсь, что основания этого нововведения будет положено преданным нам князем Рашид Гечем, который склонился убеждением нашим поселиться, для примера другим, по близости укрепления и для того, я приказал теперь же перевести туда для него, два досчатые духана, принадлежавшие турку Аридбаевых; когда же он склонит к переселению некоторое число людей своих, то я сам прибуду в Адлер для распланирования деревни.

Верно: Старший адъютант подполковник (подпись).

ГАКК, ф. 260, оп. 1 д. 1417, л. 4. Копия.

2.151 Из записки начальника Черноморской береговой линии Л. М. Серебрякова о религиозной ситуации среди абхазов и их веротерпимости.

11 декабря 1852 г.

В прибрежном крае восточного берега Черного моря, собственно в пределах Черноморской береговой линии, начиная от Анапы и почти до р. Ингура, откуда начинается уже Кутаисская губерния, обитают три племени: Черкесы (адиге), убыхи и абхазцы. Первые две племени имеют де-

мократическое устройство и следуют учению Мухаммеда. Абхазцы, как подвластные владетелю Абхазии, так и независимые от него, а именно: Цебельдинцы, самурзаканцы, псхувцы, ахчипсхувцы, аибга и джигеты имеют аристократическое устройство и небольшая часть жителей, собственно во владении Абхазском, исповедуют христианскую веру, а большая часть – мухаммедане. В местах более диких, горных, в разных частях восточного прибережья Черного моря, есть общества, которых верования должно причислить язычеству, хотя они и не поклоняются идолам…

Собственно во владении Абхазском святое учение принято владетельным домом и низшими сословиями, а прочие аристократические фамилии, за весьма редким исключением небольшого числа дворян, преданы мусульманству… Самая знаменитая из всей фамилий, князей Шервашидзе, проникнута светом истинной веры и что в абхазском племени мусульмане не имеют духа фанатизма и отличаются веротерпимостью. Веротерпимость там обоюдная между христианами и мусульманами. Те и другие вступают в брачные союзы без различия веры, и хотя впоследствии почти всегда жена принимает веру своего мужа, но это бывает добровольно. В некоторых семействах одни дети следуют христианству, другие – мухаммеданскому учению, без всяких семейных раздоров, и именно тех, в которых муж и жена не одной веры…

Веротерпимость абхазских христиан, проявляющаяся в такой сильной степени, что они даже не чуждаются браков с мусульманами, показывает, однако же, что они не имеют горячего усердия к своей вере… Правительство устроило в Сухуме школу для воспитания детей туземцев, которая в нынешнем году уже открыта, и назначило сумму на постройку здания в Соук-су для духовного училища, в котором предполагается обучать детей, приготовляющихся и не для духовного звания…

Абхазия отделяется от земли абадзехов главным снегов и от убыхов – едва проходными хребтами… Чрез эти пределы еще не переступило учение мюридизма в сторону абхазского племени. Джигеты и жители Ахчипсхоу, находящиеся вне этих пределов, со стороны убыхов, подвергались влиянию соприкосновения с этою сектою…

АКАК, т. X, ч. I, с. 233, 237, 238.

2.152 Из рапорта начальника Черноморской береговой линии Л. М. Серебрякова главнокомандующему отдельным кавказским корпусом М. С. Воронцову об осложнении ситуации в Абхазии.

18 марта 1853 г.

Секретно.

На другой оконечности береговой линии также неспокойно. 26-го февраля беглый абхазский князь Кизыл-бек Маршания с разноплеменною

АЛБТАИР

партиею напал в 10-ти верстах от Сухума на сел. Есшира, принадлежащее князьям Дзапш, с которыми Маршания находится в кровной вражде, и увел в плен до 40 душ женщин и детей. По первому известию о нападении высланы были из Сухума 500 чел. пехоты, под начальством майора Вельямовского, для пресечения хищникам обратного пути в горы. Войска спешили беглым шагом к Гумскому ущелью, через которое вошла в Абхазию партия хищников. К ним присоединялась отовсюду Абхазская милиция, собиравшаяся с окрестных мест, под начальством полк. кн. Дмитрия Шарвашидзе. Ущелье было занято своевременно, но хищники, узнав о том, обошли позицию, занятую войсками в виду абхазских деревень, и поднялись на хребет по Псыртскому ущелью. Хотя милиция кн. Дмитрия Шарвашидзе преследовала их, успела настигнуть и вступила с ними в перестрелку, но хищникам удалось уйти, впрочем, не без потери. Слухи носятся, что Кизыл-бек набирает новую партию для вторжения в Абхазию и что в предприятии его намерены принять участие: другой беглый цебельдинский князь Эшсоу Маршания и Убыхи. В Цебельде начинаются новые смуты. 7-го марта открыт в ней постоянный суд и начал свои действия. Первое дело, представленное на его разбирательство, сначала шло хорошо, но потом козни некоторых лиц, не желающих водворения порядка в крае, и сплетение посторонних обстоятельств воспрепятствовали окончанию этого дела, важного в том отношении, что некоторые князья одной из двух тяжущихся сторон до представления дела суду намерены были уйти в абреки, чтобы вынудить своих противников к уступкам набегами, и остановились только надеждою окончить дело миролюбиво по суду. Для прекращения возникших по этому случаю беспорядков принимаются надлежащие меры.

АКАК, т. X, ч. I, с. 694.

2.153 Предписание начальника Черноморской береговой линии Л. М. Серебрякова и. д. начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии Н. П. Колюбакину об изыскании средств к освобождению мальчика Плука и девочки Сеймы от неволи.

23 июня 1853 г.

В бытность мою на Береговой линии дошло до меня и следующее сведение: при посещении корнетом князем Эдирбеем Цанбаевым полковника князя Дмитрия Шервашидзе в Келасурах из числа нескольких невольников, находящихся там для продажи в Турцию двое, одни мальчик Плук, принадлежащий князю Эдирбею Цанбаеву и другая девушка Сейма, крестьянка родственника Цанбаева, взятые в плен во время вторжения Магомета Амина в земли джигетов, прибегали к князю Эдирбею и со слезами просили освобождения от неволи. Когда корнет князь Цанбаев начал говорить с турком, покупщиком невольников, об этих крестьянах и о запрещении

правительства отправлять их на продажу в Турцию, то он был окружен келасурскими турками, которые имели дерзость утверждать, что несмотря на запрещение г-на главнокомандующего они будут продолжать торговлю невольниками. Бывшие в то время с князем Эдирбеем 4 солдата советовали ему уйти, говоря, что они все подвергаются опасности быть атакованными турками в кинжалы. По жалобе своей об этом полковнику князю Дмитрию Шервашидзе князь Эдирбей Цанбаев не получил никакого удовлетворения.

Во всем настоящем деле заметно потворство князя Дмитрия Шервашидзе к туркам, занимающимся торговлею невольниками, а как он и сам сознался мне, что до сего времени торговля невольниками производилось в Келасурах и обещал, что впредь этого не будет, но сообщая вышеизложенное Вашему высокоблагородию, покорно прошу Вас предупредить полковника князя Дмитрия Шервашидзе, что если он на будущее время не прекратит названной торговли, то будут приняты самые строгие меры против него и для уничтожения притона келасурских контрабандистов. Касательно же поименованных мальчика Плука и девушки Сеймы покорно прошу в выс-ие изыскать средства к освобождению их от неволи и возвращению к корнету князю Эдирбею Цанбаеву, а о последующем буду ждать Вашего уведомления.

Верно: старший адъютант штаба начальника Черноморской береговой линии по части генерального штаба, подполковник (подпись).

ЦГИАГ. ф. 1116, д. 28. 1853 г., лл. 4 – 5. Копия.

2.154 Расписка князя Зураба Аимхаа – Эмухвари князю Тагоу Ачба – Анчабадзе.

11 октября 1853 г.

За неграмотностью своею, я, нижеподписавший крест, князь Зураб Тлапсов сын Эмухвари, даю сию подписку Вам, Тагоу Зурабов сын Анчабадзе в том, что хотя собственно тебе принадлежащие крестьяне Тыква и Маджи были проданы, но так как они были мои воспитатели, то отправился к ним, выкупил их и владел ими. Ныне же мы между собою помирились и я от тебя удовлетворен; почему и даю тебе означенных крестьян, и никто не в праве оспаривать у тебя и никогда не скажу, что они мною выкуплены и принадлежат мне, в чем и ставлю крест +

При этом были свидетели Самурзаканского словесного суда князь Асланбей Эмухвари + и прапорщик Кация Маргания.
Подписал и был при этом свидетелем письмоводитель….
Переводил[1] Соломон Иванов.

ЦГАА, ф. 57, д. 5, 1870 г., л. 62.

[1] Оригинал на грузинском языке (см.: ЦГАА, ф. 57, д. 5, 1870 г., лл. 61-61 об.) – (**Г. Д.**).

АЙБТАИР

2.155 Рапорт начальника Черноморской береговой линии Л. М. Серебрякова главнокомандующему отдельным кавказским корпусом М. С. Воронцову о невольничестве арапов в Абхазии.

г. Керчь, 19 октября 1853 г.

От подвластного полк. кн. Дмитрия Шервашидзе дворянина Чирика[1] выбежал 18 минувшего августа в Сухум-Кале арап Тах-та и просил местное начальство освободить его из невольничества. Бывший и. д. начальника 3-го Отделения вверенной мне береговой линии полк. Колюбакин основываясь на письме к нему кн. Дмитрия Шервашидзе от 19 август № 256, в том, что постановления об освобождении арапов из рабства в Абхазии не объявлены, приказал поименованного арапа возвратить кн. Дмитрию, до получения окончательного решения предмета этого высшим начальством.

Ныне ген.-м. Миронов донося мне о вышеизложенном в рапорте от 24-го прошлого сентября № 638, вместе с тем просит разрешения как поступать в подобных случаях.

Почтительнейше представляя это на благоусмотрение и разрешение в. св., имею честь доложить, что у частных владельцев в Абхазии находится, как мне известно, довольно много приобретенных ими покупкою в Турции арапов, которым пример освобождения из неволи вышепоименованного Тах-та, без сомнения дал бы повод также домогаться свободы, но дабы отобранием их от названных владельцев не навлекать не удовольствие на нас последних, я полагал бы полезным при настоящих обстоятельствах оставить их во владении тех лиц, кому они принадлежат, отбирая их у таких только владельцев, которые будут вести себя неблагонамеренно против правительства подобно тому, как исполняется это с крестьянами Закубанских черкесов.

Между тем для прекращения невольничества арапов в Абхазии я полагал бы объявить тамошним владельцам строгое воспрещение правительства впредь покупать арапов и что после этого объявления каждый вновь ввезенный в край арап будет отбираем у владельца и объявлен свободным.

Подлинный подписал вице-адмирал Серебряков.

Верно: старший адъютант полк. (подпись.

ГАКК, ф. 260, оп. 1 д. 1212, лл. 2, 4. Подлинник.

2.156 Чернышев К. Еще об Абхазии. Извлечение из письма К. Чернышева к А. П. Берже.

1854 г.

... Абхазцы берегут их [жен] в своей родине, гордятся их нравственностью и красотою, и ни под каким видом, ни за какие деньги не выпускают женщин или девушек за границу Абхазии: эти существа, по их понятиям,

[1] Чирикба. – (**Г. Д.**).

тесно связаны с родиной, которую они любят. Чистота нравов между женами необыкновенная. Ни рабство, ни тяжкие труды и работы не могут заставить жену забыть свой долг и изменить мужу. На это является, впрочем, мало охотниц и охотников, может быть и потому, что смерть от руки мужа неминуемо ожидает и жену, и ее обольстителя; а это верный сигнал к бесконечному ряду убийств; по врожденному в абхазце чувству мести, которое в Абхазии также сильно развито, как и между другими народами Кавказа.

Надобно, однако отличить жизнь абхазца по различию его состояния. Князь или богатый дворянин действительно проводит жизнь среди лени и бездействия; простолюдин же работает, и если он, невзирая на труды свои, остается беден, то это проистекает не от лени, а в отношения бедного, низшего класса к высшему, который грабит, разоряет его, на основании народных обычаев.

В Абхазии существует три главных сословия: крестьяне, дворяне и князья. Крестьяне разделяются на три разряда: 1. Обязанные доставлять известный доход с произведений своей землевладельцу; они не несут никаких служб, лично, своею особою; это что-то вроде наших обязанных крестьян; 2. Обрабатывающие землю своего владельца, не имея собственной; эти исполняют все работы в доме господина, исключая черной, и соответствуют нашим крестьянам и дворовым, и 3. Неимеющие право носить оружие, исполняющие все черные работы при доме владетеля; это рабы, которых господин имеет право убить, продать, променять; они или состоят из взятых в плен горцев, или про исходят от перекупленных лиц разных племен, часто провозимых через Абхазию для продажи в Турцию; или из рабов, вышедших из Турции, или наконец из беглых мингрельцев, поселившихся в Абхазии. Кроме сказанных трех родов крестьян, еще есть четвертый, похожий на крестьян, но пользующийся уважением почти равным дворянам: это жители поселения около Соук-су – родового имения владетеля Абхазии; на обязанности их лежит служба дому владетеля, что-то вроде придворного его штата. Некоторые из них имеют даже крестьян и пользуются правами дворян.

Дворяне – лица, имеющие право владеть землею и крестьянами. Они не несут никакой повинности, кроме обязанности являться вооруженным по зову владетеля, для суда и защиты родины. Дворяне пользуются доходами с земель, им принадлежавших, и частию доходов с земель своих крестьян. Происхождение абхазских дворян весьма темно. Они или переселенцы из разных стран, заслужившие с древних времен особенное уважение туземцев, по своему богатству или собственными заслугами; или же пожалованные в это звание владетелем за верную службу его дому. Самая сильная дворянская фамилия в Абхазии – Маргани. Она пользуется и ныне особенным уважением народа и имеет на него большое влияние; но влияние это было бы гораздо важнее, если бы между членами фамилии Маргани не велась давняя родовая месть. Князей в Абхазии три рода: князья обыкно-

АЛЫТАИР

венные, князья владетельного дома Шервашидзе и сам владетельный князь. Первые, кроме прав дворян, имеют еще право владеть дворянами, которые несут относительно к ним ту же службу, какую несут крестьяне дворянам, исключая работ своею особою.

Князья владетельного дома не имеют никакой собственности, а зависят вполне от ласк и внимания владетеля Абхазии; пользуются только от народа особыми наружными знаками уважения, целованием пол их платья и т.п. Исключение составляет князь Дмитрий Шервашидзе, который, как потомок настоящих владетелей Абхазии, имеет свою недвижимую и движимую собственность, своих князей, дворян и крестьян, и только в делах общих, касающихся родины, находится в зависимости от владетеля.

Владетель – это неограниченный властитель Абхазии: слово и ум его – закон для всей страны. От личного характера и отношений его к соседям зависит влияние его на народ и соседей, и отношения их к Абхазии. Обязанность его – судить и рядить всех абхазцев по существующим обычаям. Власть владетеля не простирается только на жизнь его подвластных, потому что смертная казнь не существует в Абхазии. Однако и тут отец 25 нынешнего владетеля переступил свою власть, казнив за ослушание и неповиновение двух князей из фамилии Дзапш-ипа. Народ не только не роптал, но смотрел на эту меру, как на меру необходимости, и все влияние этой фамилии, прежде сильной и влиятельной, ныне совершенно уничтожилось совершившимся над ее членами наказанием...

* * *

И действительно, кроме разности прав по земле, все сословия имеют равные права на свободу мнений, действий и уважение в народе. Особенным влиянием пользуются лица, заслужившие уважение личными заслугами, достоинством, умом или по своим летам и опытности, – так что голос старика-крестьянина стоит выше голоса молодого, неопытного князя.

В делах народных никто не имеет голоса и веса; все они решаются словом и волею владетеля; но и тут власть владетеля не неограниченна. В случае неприязненных действий или отношений владетеля с соседними Абхазии народами, пограничные к ним абхазские фамилии никогда не поднимут противу них оружия в следствии родственных связей своих; они скорее пожертвуют родиною, нежели решатся участвовать в опустошении земель своих иноземных родственников. Родство, феодальная связь в Абхазии так же важна, как и у прочих племен Кавказа. За обиду, насилие, честь, рану или смерть родного, – вся фамилия поднимает оружие и платит ужаснейшею местью врагу или обидчику.

Родовая месть развита в Абхазии, как и между другими племенами; но в этой стране она имеет свои оттенки. Так, тотчас после убийства, родовая месть может быть остановлена вмешательством других фамилий, если они

предложат в деле примирения свое посредничество. Тогда уже дело переходит на обсуждение народного суда.

Народный суд составляется из избранных обеими сторонами судей, известных по своему красноречию, уму, беспристрастию и пользующихся добрым мнением народа. Эта народные судьи называются медиаторами, и самый суд медиаторским.

Все затруднение посредников состоит в том, чтобы убедить враждующие стороны в выборе медиаторов и согласить их в этом выборе; но, когда это препятствие устранено и судьи избраны, тогда самое производство суда идет весьма быстро.

Обе враждующие стороны собираются в избранном судьями месте (большею частию на обширной поляне около Соук-су – имения владетеля), располагаясь в противоположных углах и разделенное группой судей. На суд обе враждующие стороны являются невооруженными, во избежании пролития крови в случае жарких споров.

Медиаторы, находясь посредине, вызывают к себе первоначально со стороны обвинителей избранного ими оратора, который обязан изложить подробно весь ход дела. Потом выслушивают обвиненных. Ораторы обязаны говорить громко, чтобы обе стороны могли слышать слова и делать потом возражения. Эти лица обыкновенно выводят свои обвинения и оправдания с самых отдаленных времен, вставляют в свою речь обстоятельства, вовсе не относящиеся к настоящему делу и не жалеют в своих обвинениях ни чести, ни имени своих врагов. Выслушав обе стороны, судьи удаляют из своего круга ораторов и остаются одни, разбирают все обстоятельства, касающиеся только настоящего дела и постановляют решение, касающееся только настоящего дела, которое объявляется судящими чрез старейшего по летам медиатора. Объявление производится тем же порядком; но прежде старец-медиатор излагает вновь пред тяжущимися ход дела, объявляет, что нашли судьи достойным внимания и что не касающимся дела, и спрашивает, не имеет ли какая-нибудь из сторон, что-либо добавить, не упущено ли что-либо медиаторами из виду, и когда получают в ответ, что тяжущиеся высказали все и не имеют ничего более прибавить, – тогда медиатор-оратор излагает им мнение суда и его решение. Противу медиаторов нет апелляции; судом их прекращается право мести и дальнейший иск пред владетелем.

В случае разногласия мнений между медиаторами дело излагается одним из них пред владетелем, который уже решает их недоразумения. Тяжущимся это разногласие не объявляется и до решения дела все диспута судей остаются тайною для тяжущихся. Подобным образом решаются все тяжебные, исковые и уголовные дела. Только нужно отличать состав медиаторского суда. Тяжебные дела и исковые не необыкновенной важности, разбираются судьями, избираемыми только тяжущимися. Уголовные же дела и тяжбы важные, например по владению недвижимою собственностию,

АЛЫ ТАЙР

разбираются утверждаемыми владетелем медиаторами; важные уголовные дела и дела родовой мести – медиаторами из «самых важных княжеских фамилий, и из стариков дворян и крестьян., под личным председательством владетеля.

За преступления существуют наказания: 1) денежная пеня (ее берут и произведениями земли, лошадьми, рогатым скотом и т.п.): а) в пользу невинного и оправданного судом; и б) в пользу владетеля (за воровство), 2) лишение свободы, 3) закование в цепи, и наконец, 4) изгнание из родины (вроде лишения политической жизни, или остракизма у древних греков).

Замечательно, что воровство, считающееся у других народов Кавказа удальством, здесь порок, который наказывается весьма строго, а именно: с вора взыскивается в пользу хозяина тройная стоимость украденного им, и кроме того, за воровство сто рублей штраф – в пользу владетеля. Это строгая мера была причиною, что воровство в Абхазии случалось редко; но в настоящее время порок этот усилился именно потому, что коренные абхазские законы вообще начали терять свою силу. Замечательно еще и то, что воровством в Абхазии занимаются не столько низшие, сколько высшие члены общества, которые не имели достаточных средств к жизни и считая труд стыдом, для прокормления своего семейства пускаются в воровство.

Если для обвинения виновного нет ясного доказательства, то судьи прибегают к присяге. Этот обычай существует издавна; но вследствие неясного, темного понятия о святости присяги, она потеряла свою силу. Ныне верят еще присяге пред образом Божией Матери в стволе дуба (на Холодной Речке близ Бомбор). Народ до того чтет святость этого дуба, что даже владетель не имеет права взять силою безоружного, бежавшего под сень этого дуба и покровительство его святой иконы...

Я сказал выше, что между прочими наказаниями за преступление, существует у абхазцев обычай, вроде греческого остракизма – лишение политической жизни. Этот обычай заключается в том, что все родные отказываются от обязанности родовой мести за то лицо, которое подвергается изгнанию; каждый стыдится даже отвечать ему на обиду обидой или местью; избегает разговора и даже встречи с ним. Изгнанный, однако пользуется правом гостеприимства. Это радушие ему должно казаться хуже явного преследования законом. Хозяин каждой сакли сажает его за особый стол во время обеда и ужина в углу сакли. В его присутствии вымывается стол, на котором обедал, – выбрасываются остатки его трапезы собаке, причем говорится: «от собаки собаке». В случае ночлега хозяин в его присутствии сжигает клочок войлока или бурки, на котором изгнанник спал, и явно, при каждой встрече или слове, выказывает ему свое презрение и пренебрежение.

Это изгнание продолжается до тех пор, пока не найдется сострадательное лицо, которое примет его под свое покровительство, и, лично своею особою не поручится пред родными изгнанного в его поведении и искренним его раскаянии. Тогда отверженный вновь принимается в общество, вступает в свои права и принимает прежнюю фамилию.

К? Чернышев. Тифлис, 6-го октября 1854 г. Газ. «Кавказ», 1854 г., № 82, 83.

2.157 Пушкарев С. Абхазия и абхазцы. (Извлечение).

1854 г.

...Я делился с вами впечатлениями; произведенными на меня шапсугами; я знакомил вас сколько мог, с их горами и образом жизни; теперь, на сон грядущий, я расскажу вам, что видел и узнал, подвинувшись дальше в Закавказье – в землю абхазцев, наших давнишних приятелей. И думаю, что теперь в особенности может интересовать вас Абхазия, как страна, сделавшаяся одним из пунктов, открытых со стороны моря для посягательств англо-французского флота, бродящего по Черному морю, и, от нечего делать бомбардирующего то ту, то другую из оставленных нами, или неукрепленных местностей.

От северо-востока на юго-восток, берегом Черного моря, миновав земли шапсугов и убыхов, вы въезжаете в Абхазию и на самой границе ее, за величественным отрогом кавказского хребта, составляющим у Гагр естественную преграду от воинственных убыхов и джигетов, вам представляется другой мир, другая, более привлекательная свежестью ландшафта, картина: там вы видели угрюмый, скалистый берег, пересекаемый многими ущельями, и почти обнаженные горы, кажется, спорящие за каждую малейшую площадку и готовые раздавить ее; здесь хребет Кавказа удаляется от морского берега и дает место плодоносным равнинам; на них вы видите вечно-неувядаемую зелень, особенно яркую в первые летние месяцы; даже высокие отроги Кавказа, спускающиеся к морю, здесь обременены растительностью и дышат свежестью...

Абхазия – один из прекраснейших уголков Закавказья; чем не наделена она от природы? И горы с покрытыми снегом вершинам, и вечно зеленеющие долины, и бездонные пропасти с неумолкаемыми водопадами, и непроходимые леса с бесчисленным множеством ручьев и речек и, наконец, вечно шумливое море с прекраснейшею, всегда безопасною Сухум-кальскою бухтою, и все это в пределах Абхазии, на каких-нибудь ста двадцати верстах в длину и верстах на тридцать в ширину, если не менее. Любитель картин природы на каждом, так сказать, шагу будет тешить взор свой; у сельского хозяина, посвященного в таинства своего быта, разбегутся глаза при виде разнообразных источников к благосостоянию; минералог и даже археолог, не без пользы могут постучать молотом в абхазские горы и опустить заступ в приморские равнины. Для всех званий и для всякого труда

АЛЫТАИР

найдется здесь обильная и полезная пища. Но – грустно сказать – этот прекрасный уголок, освещаемый южным благодатным солнцем и освежаемый изобильными потоками, морем и близостью в настоящее время, в строгом смысле, ничто другое, как прекрасная картина, созданная великим живописцем – природою. Человек не позаботился еще оставить на фоне этой картины ни капли трудового пота: он здесь дитя природы и собирает на потребу себе только приготовленное самою ею. Так, табуны лошадей и стада рогатого скота и овец привольно разгуливают летом на горных возвышенностях, ища прохлады от зноя, а зимою в низменных долинах, защищаясь горами и лесом от стужи, и человек, хозяин их, не заботится, как у нас на Руси, ни о зимних сараях, ни о сене, ни о летнем водопое. Так, земледелец здешний не спешит с наступлением весны взяться за плут или соху, чтобы вспахать свое поле и засеять его; он не боится неурожая, он знает.., что и на этой пол-десятине Бог дарует ему кукурузы и гоми весьма достаточно на годовую пропорцию для всей его семьи. Садовод не делает вокруг сада изгородей, не сажает деревьев, не укрывает их на зиму и весной с ножом в руке не очищает их от усохших ветвей. И без этих хлопот в вековых лесах Абхазии зреют вкусные яблоки и груши; густой виноградник, отяжеленный полновесными гроздьями, сам собою просится в саклю; волошские орехи, каштаны, винные ягоды, гранаты и другие плодоносные деревья, составляющие богатство и заботу русских садоводов, в таком изобилии и оттого в таком небрежении, что ставятся на одну степень с нашим дровяным лесом. И вы думаете, что абхазцу нечем полакомиться? Ему стоит только взобраться на дерево с дуплом взять из него сколько нужно сотового меда, приготовленного без всякого даже со стороны его желания. А рыбный стол разве редкость для него? В любом ручье он закинет сеть и вытащит десяток вкусных форелей... И так абхазцу не для чего трудиться; он обеспечен насущным куском хлеба, а за большим, по природе своей, и не гонится, и Абхазия, достойная лучшей участи, из века в век остается такою же, какой создал ее Господь Бог.

История Абхазии довольно темна. Народ ее хотя и говорит особенным самобытным языком, но не имеет письмен, стало быть у него нечего искать летописей, раскрывающих проявление народной жизни в отдаленные от нас эпохи, с свойственным сему проявлению переворотами, изменяющими иногда на несколько веков, если не навсегда, судьбу самого народа. Краткие указания древних историков, слишком темные народные предания и часто противоречивые умозаключения некоторых позднейших писателей, выводимые из соображений, не всегда имеющих непреложность истины, слабо освещают исторические судьбы Абхазии и, оставляя во мраке аллегорических сказаний первоначальное население и ряд последующих веков его жизни, приподнимают завесу на немногие события. Мы узнаем, однако ж, что еще в отдаленной древности, при ближайших потомках Ноя, Абхазия является отдельным царством под именем Иниохия. Еще за VI веков до Р.Х. приморские берега ее заселяются выходцами с островов Греческого архипелага, привлеченные, подобно предкам своим – аргонавтам, выгодами торговли; здесь возникают значительные в свое время города: Севастополь или Диоскурия, в центре Абхазии; Никопс (Анакопия, Анакопир) при речке Гумиста, Питиус и другие; но пришельцы, обладая всеми выгодами положения страны и произведениями ее, не имели державного влияния на туземцев: абхазцы продолжают иметь своих правителей[1]. Едва только род человеческий получил возможность искупления, запечатленного смертью и воскресением Господа нашего Иисуса Христа, как Св.Первозванный Апостол Андрей спешит в Абхазию и возвещает ей Евангелие. Спасительное слово вдохновенного свыше сеятеля падает не на бесплодную почву: низвергаются языческие кумиры, строятся храмы Божии, учреждается епархия в Никопсе: христианство поет песнь победную... В половине пятого века грузины покоряют Абхазию и чрез сто лет уступают ее Византии; под ее протекторством цари абхазские простирают свое владычество на древнюю Колхиду и восседают на престоле грузинском, но чадолюбие царя Александра 1-го губит Абхазию: в XV века она отпадает от Грузии и, управляясь независимым владетелем, вскоре, при распространившемся владычестве турок на Кавказе, стонет под их игом. Приморские колонии греческие гибнут, монастыри и храмы Божии разрушаются и на пепелищах их мы видим теперь только следы счастливых дней Абхазии. Наконец, в первые годы нашего столетия она присоединяется к закавказским владениям России, оставаясь до настоящего времени, в отношении внутреннего управления, в непосредственной зависимости собственного владетеля.

Четырехвековое владычество турок в Абхазии не только изгнало неглубоко вкоренившееся здесь христианство, но не оставило и малейших следов просвещения, которое могло проникнуть к туземцам от греческих поселенцев – образованнейшего по тогдашнему времени народа. В религиозном отношении абхазцы делятся, в наше время, на три разряда: православных христиан, магометан и не исповедывающих никакой религии. Последний разряд многочисленнее двух первых. Не имея Священного писания на собственном языке и не понимая грузинского, на котором обыкновенно совершаются здесь обряды церковные, абхазцы, естественно, не могли быть проникнуты духом истинной веры и окрепнуть в ней; преследуемые же распространителями закона Магомета и не поддержанные христианскими соседственными нациями, испивавшими в то же время горькую чашу за Христа Спасителя, они не могли не последовать учению пророка. Но если христианство, при всех невыгодных условиях по своему существованию

[1] Замечательный факт в истории народов. Во все века и во всех других странах мы видим, что или пришельцы сливаются с туземным народонаселением, подчиняясь его управлению и образу жизни, или туземцы подпадают под иго первых. И чрез ряд веков утрачивают свою самобытность.

АЛЫТАИР

и распространению между народом, пришло в упадок, то и магометанство не имело и не имеет между ним ревностных поборников, несмотря на материальность этой религии, ласкающую грубого азиатца, скорее склонного к чувственным, нежели духовным наслаждениям. Как установления нашей церкви, так и коран Магомета плохо соблюдаются абхазцами: они редко являются в церковь, еще реже показываются в мечетях... Из древних православных храмов уцелело до настоящего времени два, в деревне Соуксу и Илорах; в них отправляется богослужение грузинскими и имеретинскими священниками. Последний храм древнее первого, говорят построен еще в IV веке и богат древними иконами[1]. В нем время от времени совершается и поныне чудо Св. Великомученика и Победоносца Георгия; в день, посвященный памяти сего святого воина, чтимого почти всеми кавказскими горцами, 10-го ноября, перед утреннею, является иногда, Бог весть откуда, в запертой церковной ограде, оберегаемой стражею, священный бык с золоченными рогами. По благословению священника, по окончании церковной службы, бык этот закалывается и куски его мяса раздаются вроде артоса прихожанам, собирающимся для сего не только из всех мест Абхазии и Самурзакани, но даже из Мингрелии и Имеретии. Говорят, что мясо это спасительно от всех болезней и никогда не портится. Явление священного быка служит предзнаменованием спокойствия и хорошего урожая в продолжении следующего года и потому народ торжествует и празднует этот день с увлечением, по-своему: составляются игры, скачки на лошадях и проч.; но, если бык не явится, – народ расходится в унынии день 10-го ноября, составляющий эпоху для абхазца-христианина, проходит незаметным[2]. В Пицунде сохранился опустевший храм огромных размеров. По распоряжению и пожертвованиям нашего правительства, он приводится в первобытное благолепие и предназначен для кафедры абхазского епархиального епископа. В разных местах Абхазии есть еще несколько церковных развалин, но замечательнее всех, мне кажется, храм на высокой конусообразной горе близ развалин древнего Никопса, с уцелевшею еще неподалеку, на той же горе, башнею. Нужно было много усердия и неимоверных трудов для постройки сего храма, и существование его на такой значительной высоте, труднодоступной пешеходу, можно объяснить только гонениями на христианство, от которых оно искало убежище на неприступных возвышенностях, или дремучих лесах и глубоких пропастях. Мне не случилось осмотреть этих развалин, но я слышал рассказы, что никто из любопытных, посещавших внутренность их, не возвращался оттуда: он поражается невидимою силою. Если рассказы справедливы, то не действие ли это убийственного

[1] Кратковременное пребывание мое в Илорах, составляющих центр христианского населения Абхазии, не позволило мне осмотреть в подробности древностей Илорского храма, но я увидел в нем древние иконы Божией Матери и Св. Георгия, с богатыми украшениями и принесенными в дар первой двумя старинными кинжалами, осыпанными дорогими каменьями.

[2] Последнее явление быка было в 1851 году, после двухдневного ожидания.

газа, исходящего из горы, имеющей, как говорят, на самой вершине большую трещину?..

* * *

Но гостеприимство также свято соблюдается абхазцем, как и прочими кавказскими горцами Его кунак или только отрекомендованный ему гость, может быть уверен в совершенной безопасности под кровлею сакли; он будет успокоен и накормлен, как только позволяют средства хозяина, и хозяин горит со стыда, когда не имеет возможности помочь в нужде своему гостю. Мне случилось однажды выехать из Сухума налегке, морем, на небольшой лодке; отъехав верст более десяти, мы встретили сильный противный ветер и принуждены были пристать к берегу: скучно было сидеть на нем в ожидании погоды, в обществе двух неразговорчивых матросов, и я решился идти пешком на ближайшую почтовую станцию. День был, как нарочно, самый жаркий, а путь не короткий – верст более пятнадцати. На дороге я встретил абхазца, между нами завязался пантомимный разговор, и он предложил мне идти за ним в ближайшую деревню, версты за две в сторону от почтовой дороги, чтобы взять там верховую лошадь и доехать до станции. Устав до изнеможения, я охотно согласился и пошел вслед за абхазцем; мы углубились по едва заметной тропинке в чащу леса, шли около часу и наконец я был введен в абхазскую саклю и отрекомендован хозяину. На просьбу мою дать мне лошадь, он отвечал готовностью служить мне и, сказав что-то стоявшему вблизи оборванному мальчику, который тотчас скрылся, засуетился угощением меня: вынес под навес сакли низенький круглый столик, кое-как сколоченный из не выструганных досок, положил на него порядочную кучу сваренной в воде гомии, небольшой ломоть собственного сыру – нечто иное, как завяленный кусок заквашенного молока, вынес из сакли кувшин кислого и мутного вина и, дав мне умыть руки, пригласил откушать его хлеба-соли, хотя ни хлеба, ни соли тут вовсе не было. Долг вежливости требовал не брезгать радушным угощением, и я принялся за предложенный стол, с трудом пропихивая в горло гомию и сыр, размачивая их вином, от которого драло горло... Хозяин присел на корточках недалеко от меня, вместе с собравшимся тут же порядочным кружком абхазцев, и кое-как отвечал на мои нехитрые вопросы. У меня в дорожном мешке случилась хорошая паюсная икра и я вздумал поподчивать ею моих собеседников, начиная с хозяина; он долго и со вниманием рассматривал ее и только после убедительных уверений моих, что это хорошая русская закуска, взял небольшой кусочек в рот, но в ту же минуту с отвращением выплюнул; другие же присутствующие, после него, не решились и попробовать моей икры. Поспешив закончить трапезу, я вновь обратился к моему амфитриону с просьбой о лошади: он опять повторил, что она скоро будет приведена и, попросив меня отдохнуть, сам исчез между саклями: вместе с ним исчез и рекомен-

АЛАТАМИР

датор мой. Долго мне пришлось отдыхать после абхазского обеда; начинало вечереть, а ни хозяина моего, ни лошади не являлось; наконец истощив терпение, я отправился в другую саклю по соседству: меня встретил старик довольно благовидной наружности вопросом: «Тебе нужна лошадь, и ты ждешь ее целый день?»

– Да. Сделай милость, помоги моему горю. Хозяин мой уже три часа не является и на него, кажется, мало надежды.

– «Зачем ты не пришел ко мне прежде? Ты давно был бы уже в дороге. Твой кунак услал свою лошадь в другой аул, но так как он не в ладах с соседями, то ему достать другую очень трудно. Вот он из стыда, что не может служить тебе лошадью, скрылся от тебя и явится не прежде, как отыщет лошадь, может быть завтра.»

С этими словами старик мигом оседал две лошади: одну для меня, другую для себя, и мы пустились на станцию...

Ближайшие к Сухуму поселяне могли бы обогатиться доставкою туда одних дров и строевого леса; им была предложена почти двойная плата противу получаемой имеретинами и мингрельцами, единственными в Абхазии работниками, но и эта привилегия на них не подействовала. Вся торговля абхазцев, если это можно назвать торговлею, заключается в сборе и продаже винограда ими на винные заводы греков и мингрельцев, в приносе на базары Сухум, Келасуры и Очамчиры кур, свежих фруктов, звериных кож и воску в незначительном количестве. О древней торговле пенькою и льном нет и помину. Шелководством занимаются только поселяне деревни Илор и то в незначительном размере, и шелк, по дурной размотке, выходит низшего качества[1]. Абхазцы водят табуны лошадей, стада рогатого скота и овец, и об улучшении выродившейся породы нисколько не заботятся. Лошади н особенно коровы малы ростом, но первые отличаются неутомимостью в езде и всходят на скалы, как серны. Вся выгода абхазца от скотоводства ограничивается удовлетворением собственных потребностей, и он не помышляет, что мог бы извлечь более пользы, если бы занимался им рачительно и приводил бы на продажу свой скот хотя и на базар в Сухумкале. В лесах водятся медведи, волки, свиньи, олени, дикие козы, лисицы, куницы, выдры и бесчисленное множество шакалов; иногда попадаются барсы. Абхазцы приносят на базар кожи этих зверей, особенно куньи, которые имеют хороший сбыт в Турцию, Грузию и даже Россию.

Абхазец немного заботится о своем жилище и не гонится за комфортом; для него достаточно заплести из хвороста квадратную или круглую, смотря по вкусу, клетушку в два отделения – мужское и женское и покрыть ее кукурузными листьями, папоротником или тростником, чтобы проваляться в ней около очага и зиму, и лето, на войлоке или бурке. Жилища

[1] Впрочем, абхазки ткут из него порядочную материю – дараи, употребляемую преимущественно на рубахи. Кусок этой материи, мерою в 7 аршин длины и s аршина ширины продают они от 70 коп. до 1 руб. 30 коп. серебром.

князей и известных дворян отличаются, впрочем, некоторым удобством: у них стены дома рубленные, потолки досчатые, устраиваются нары (тахты), заваленные одеялами и подушками и, вместо костров, камины.

О воинских доблестях абхазцев я скажу немного... Были примеры, что при ежегодных почти нападениях убыхов на пограничные селения абхазцев, нападениях скрытных н нечаянных, они отражали первых с значительным для них уроном. Абхазец, как и все кавказские горцы, от десятилетнего возраста до конца жизни, всегда вооружен кинжалом за поясом, шашкою у бедра и ружьем за плечами...

Постоянный костюм его состоит из оборванной черкески, вечно дырявой... из грубого сукна – изделия жен своих, такого же узкого и короткого нижнего платья с ноговицами другого цвета, островерхой шапки, всегда прикрытой башлыком, из которых приготовляемые в деревнях близ Очемчир славятся добротою отделкою, и самой плохой рыжей бурки; на ногах, не всегда однако ж, пастолы, – что-то среднее между русским лаптем и турецким башмаком, с тою разницею, что абхазский башмак – из сырой кожи, прикрепляется к ногам ремнями и вооружен шпорою. Князья носят черные иди красные чевяки. Впрочем, всякий порядочно одетый человек в Абхазии – князь. И здесь по платью встречают! ... Все достоинство женщины в глазах материального азиатца сосредотачивается в ней самой, в ее наружности, и потому удивительно ли, что на Востоке они и чистоплотнее и опрятнее, нежели мужчины? Но абхазские женщины – христианки, магометанки и язычницы – все одинаково, мне кажется, стоят выше многих. Турчанки, например, если и аккуратны, то потому, что весь век свой проводят в гаремах, не подвергаясь полевым и домашним черным работам; напротив, абхазки вскапывают землю под посевы, собирают плоды, заведывают всем домашним хозяйством, – и в тоже время вы видите на них чистенькие ситцевые платья, покроем на манер европейских, и белые, как снег, покрывала; вне работы на базарах и в праздники на тамашах (гуляньях) многие из них одеваются в шелковые платья и многие не без вкуса. Волосы заплетают в косу, повязывают платком, носят шали или греческие курточки; обуты в аккуратно сшитые чевяки, собственной работы. Хорошеньких личек своих, защищаемых от зноя зонтиком, и черных острых глазок, при встречах с мужчинами они не прячут под ревнивые покрывала. И вообще, абхазки, не чуждаясь мужского общества, в ряд с мужчинами ловко ездят верхом на мужском седле, может быть потому, что об экипажах, кроме двухколесной арбы, мужья их не имеют понятия.

Сухум-Кале.

С. Пушкарев Газ. «Кавказ», 1854 г., № 60, 61.

АЛЫТАИР

2.158 Из отношения управляющего гражданской частью на Кавказе ген. Н. А. Реада военному министру В. А. Долгорукову о выводе войск из Абхазии.

17 марта 1854 г.

Секретно.

… По переписке с начальником 3-го отделения Черноморской береговой линии, ген. Мироновым, и с владетелем Абхазии, усматривая, что нельзя рассчитывать на теперешние средства к сохранению наших гарнизонов и что усилить войска в Абхазии мы не имеем средств, я решился приступить к выводу оных из абхазских укреплений сухопутно… Далее откладывать дела этого я не могу, ибо… неоднократно выражено было желание г. и. усилить этими гарнизонами Гурийский отряд…

Гарнизоном укр. Гагры, скрепя сердце, надлежало пожертвовать. Укрепление это запирает важнейший горный проход от непокорных горцев в Абхазии. Если оставить эти ворота, то неминуем сильный прорыв в Абхазию скопищ Мухаммед-Емина, который воспрепятствовал бы войскам нашим выйти из Абхазии и подверг бы их всем случайностям неравного боя, на местности в высшей степени неудобной.

АКАК, т. X, ч. I, с. 699.

2.159 Из отношения военного министра В. А. Долгорукова командующему отдельным кавказским корпусом Н. А. Реаду о выводе войск из Абхазии.

29 марта 1854 г.

Секретно.

Вы изволили сообщить мне, что 17-го марта № 65, что вы приказали очистить абхазские укрепления, кроме Гагринского. Вместе с тем кн. Барятинский доставил мне копию с письма к нему владетеля Абхазии, кн. Шарвашидзе, от 4-го числа сего месяца, № 21.

По всеподданнейшему моему докладу этих отзывов, г. и. изволил выразить, что, сколь ни прискорбно оставить Абхазию и жертвовать Гагринским гарнизоном, то меры эти, без сомнения, приняты вами по самом внимательном обсуждении местных обстоятельств и совершенном убеждении, что настала крайняя и безотложная в том необходимость; затем остается уменьшить, по возможности, неблагоприятное впечатление, которое это событие должно произвести на весь край, и обнадежить абхазцев всех сословий, что те из них, которые пребудут верными своему долгу, получат соответствующее вознаграждение за их потери и достойное возмездие за их преданность.

АКАК, т. X, ч. I, с. 269. № 280.

2.160 Донесение владетеля Абхазии М. Г. Чачба – Шервашидзе управляющему гражданской частью на Кавказе ген. Н. А. Реаду о выводе русских войск из Абхазии.

6 апреля 1854 г.

Войска е. и. в, находившиеся в моем владении, я вчерашнего числа перепроводил через р. Ингур и передал начальству над ними ген.-м. Миронову. Исполнив поручение это, считаю обязанностью представить вам полный отчет моих действий:

19-го числа минувшего марта, приняв команду над войсками, я того же числа отправился в укр. Пицунду, дабы наблюсти лично за исполнением моих распоряжений относительно снятия этого укрепления. Недостаток перевозочных средств, постоянно продолжавшаяся бурная погода в море и ограниченное время для исполнения столь важного поручения заставили меня пожертвовать всем, что находилось в укреплении. Семейства и больные перевезены были в Бомборы на азовских баркасах 20-го числа, гарнизон выведен 21-го. Кроме вышеизложенных причин, побуждавших меня ускорить снятие укрепления, меня беспокоил еще сбор горцев около Гагр. Пешие переправились было через Гагрибшу и готовы были двинуться к Пицунде по первому признаку отсутствия там наших войск. Толпа эта, если бы не помешало отступление гарнизона, то могла бы завязать перестрелку, которая не обошлась бы без жертв. Избегая этого, я после вывода гарнизона приказал занять укрепление моими подвластными предать его ночью огню, т. е. с таким расчетом во времени, когда гарнизон зделает, по крайней мере, верст пятнадцать. Распоряжение это исполнено ночью с 21-го на 22-е число. Оставлен только древний храм и архиерейский дом. Пощажен был тоже по моему приказанию запас провианта, в надежде приискать средства к перевозке онаго в Редут-Кале; но, когда, по прибытии моем в Бомборы, погода испортилась и не подала никакой надежды на приискание судна, то я приказал сжечь и провиант.

Приготовления к снятию укр. Бомбор заняли гораздо более времени, так как тут увеличилось число семейств и больных, доставленными из Пицунды, и при этом погода не переставала свирепствовать; но как только окозалась малейшая возможность впустить гребные суда, то на них посажены были семейства и больные и направлены в Сухум-Кале. Гарнизон выведен мною лично и прибыл в Сухум-Кале 29-го числа.

Хотя вывод войск из Сухума храним был в совершенной тайне, которая не была даже сообщена ни Сухум-кальскому коменданту, ни командирам батальонов, однако же, после снятия двух первых укреплений прибытие мое в Сухум-кале было как бы сигналом для горцев. Жадные на добычу, сии начали стекаться с Ахчипсхоу и Аибга и к ним присоединились Цебельдинцы. Мне оставалось одно средство отвлечь их от Сухума: распустить слух, что тут положено защищаться до последней крайности. Дабы поддержать

АЛЫТАИР

более слух этот, я приказал делать приготовления к решительной обороне и собрал свою милицию из окрестных жителей; сам же удалился в Очемчири, под предлогом еще сбора милиции из Абживского округа. Все эти меры не обеспечивали еще вполне нашего отступления. Нам угрожали шайки с Гумского ущелья, со стороны Цебельды по Кодорскому ущелью, и по дороге за Кодором. Для предосторожности от хищника я выслал немедленно один батальон в Келасури и присоединил его к моей милиции, там расположившейся, вслед за этим двинул две роты батальона № 11 на р. Кодор; остальных же разместил в Очемчири и на Гудави, под предлогом разработки дороги. Охранение Сухума со стороны Гумского ущелья поручено было мною кн. Мисоусту Анчабадзе, коему дана была от меня часть милиции. Таковое размещение войск по дороге от Сухума до Гудави имело двойное назначение: предохранение отряда от попыток хищников и вместе с тем составляло вооруженные пункты, к которым должны были приставать суда, следовавшия с семействами, больными и разным грузом, в случае если бы появились в море неприятельския эскадры.

Дерзость цебельдинцев дошла до такой степени, что они осмелились препятствовать отступлению Марамбинского гарнизона, и даже завязали с ним перестрелку и похитили малолетнего сына подпоручика Черноморского № 11 батальона Пшесмыцского; но шт.-к. кн. Григорий Шервашидзе и кап. кн. Баталбей Маршани провели гарнизон до Сухум-кале. В перестрелке при этом отступлении потеря наша состояла только в одном убитом рядовом; со стороны же цебельдинцев убито 3 и ранено 4 человека. Похищенного мальчика я надеюсь скоро выручить.

В промежутке этого времени приготовления к отступлению из Сухума производились с самою усиленною деятельностью. Кроме 500 больных, лишенных всякой возможности следовать за отрядом, нагружены на суда семейства всех служащих как военного, так и гражданского ведомства, архивы присутственных мест, воинския канцелярия, провиант и все, что только необходимо было вывести. Пребывание мое в Очемчири и постоянно распространяемый слух, что мы приготовляемся в Сухуме к самой отчаянной защите, произвело на горцев желаемое впечатление. Они начали сомневаться в своих видах на добычу. По докладу мне исправляющим должность дежурного шт.-офицера, кап. Завадским, о сделанных приготовлениях к отступлению, я приказал немедленно приготовиться войскам к походу. К таковой поспешности побуждало меня еще наступившее время разлития р. Кодора, которой полноводие продолжается обыкновенно несколько месяцев и чрез которую во все это время нет никакой возможности переправить самый ничтожный отряд. Послав приказание чрез кап. Завадского приготовиться войскам к выступлению, я лично не мог прибыть в Сухум-Кале, дабы не привлечь туда толпы горцев, но на разсвете встретил войска при выступлении их.

Отступление войск совершилось благополучно; но от поспешности не было возможности перевести столько провианта в Редут-Кале, сколько бы я желал; все орудия, служившия вооружением укреплений, необходимо было испортить, или бросить в море; огнестрельные припасы тоже уничтожены. С отрядом я мог взять только 4 горные единорога и переслать на баркасах в Редут-Кале тела двух горных же единорогов, коих лафеты устроены были по прежнему образцу.

АКАК, т. X, ч. I, с. 271.

2.161 Письмо владетеля Абхазии М. Г. Чачба – Шервашидзе командующему отдельным кавказским корпусом Н. А. Реаду о высадке турецких войск в Сухуме.

Зугдиди, 4 мая 1854 г.

Вам уже известны некоторые сведения из Абхазии. По прибытии моем в Зугдиди я получил об этих сведениях большие подробности от самурзаканского пристава и капитана кн. Григория Шарвашидзе.

В Сухум-Кале прибыли два парохода, на которых привезены турецкие войска: около 1,500 чел. с артиллериею, 36 орудий, с нужным числом прислуги, под начальством пашей: старшего – Зан-оглы Сефер-бея, и другого, младшего.

Зан-оглы – уроженец натухайский, из хорошей фамилии, пользуется уважением горских народов и знает, кроме языков стран, прилегающих к Черному морю, и русский язык. В последнюю турецкую войну он был взят нами в плен; но получив по Адрианопольскому миру свободу, отправился в Константинополь, откуда письмами волновал умы горцев, вооружая их против нас. В 1840 году я известил об этом бывшего начальника Черноморской береговой линии ген. Раевского, который представил его на благоусмотрение бывшего военного министра. Министр иностранных дел, извещенный кн. Чернышевым о том, тотчас вошел в сношение с Турциею, и Зан-оглы был выслан из Константинополя в Адрианополь, где и проживал частным лицом до настоящей войны, назвавшись моим родственником.

Турецкое правительство, имея это в виду, предполагало, что ему легче других удастся убедить меня признать власть султана в Абхазии и, сознавая при том влияние его на народ земель северо-восточного берега Черного моря, дало ему звание паши и отправило туда для сбора горцев и для склонения меня в пользу Турции.

По прибытии в Сухум Сефер-бей желал прежде всего видеться со мною и переговорить; но, узнав о моем отъезде в Тифлис, оставался ожидать моего возвращения в Абхазию.

Между тем, он послал младшего пашу, в сопровождении хана (бывшего уже в прошлом году в земле убыхов), на одном из пароходов к убы-

АПСТАКИР

хам. Сделав сигнальные выстрелы из орудий, он ожидал сбора туземцев. Жители, узнав о прибытии хана, объявили, что они в стране своей всегда действовали свободно и защищали свою веру, не по чужому влиянию, а, по собственному убеждению, но как хан распоряжался у них самовластно, не спрашивая вовсе их мнения, уехал самовольно в Сухум и оттуда в Турцию, не сообщив им ни цели, ни спрашивая их совета, – то ныне они не только не желают ему повиноваться, но не принимают его даже к себе и убьют его, если он выйдет на берег. Младший паша, видя ненависть убыхов к хану, объявил им о своем присутствии и вышел на берег, где был встречен народом с радушием и полною готовностью исполнять его требования.

Влияние Зан-оглы чрезвычайно сильно. Как прежде я был совершенно уверен, что хану никогда не вооружить горцев против нас, так ныне я вполне убежден, что Зан-оглы, зная характер, нравы и обычаи края, при своей известности народу, всегда достигнет этой цели. Уже по первому его воззванию, со всех сторон стекаются полчища убыхов, абадзехов, шапсугов и других народов и, по слухам, сборы эти простираются до 60-ти т. пехоты и столько же конницы.

Уверенный, что число это слишком преувеличено, я, однако же, должен сознаться, что нынешние сборы далеко превосходят все прежде бывшие, я нахожусь в весьма неприятном положении, потому что, не смотря на все усилия мои, я сомневаюсь успеть уничтожить влияние Сефер-бея между народами и расстроить их сборы.

Далее, свидание мое с ним неминуемо. Избегнуть этого невозможно. Оно же, принося с одной стороны пользу, если мне удастся расстроить план его нашествия на нас, иметь, с другой, и свой вред, по сильному влиянию, какое оно будет иметь на умы народов не только абхазского, но и Самурзакани и Мингрелии.

Уповая на помощь всемогущего, я, по получении ответа от вас, надеюсь вступить в переговоры не лично, а чрез доверенных лиц. Этим я, приобретая выгоды первого, уничтожаю в то же время вред другого случая – свидания личного.

Между тем вы будете иметь время приказать собрать отряд, для движения его к р. Кодору, занятия там укрепленной боевой позиции и, согласно высочайшей воле е. в., удержания этой границы моих владений.

До движения же отряда к Кодору, я полагал бы полезным, для поддержания духа народов Мингрельского и абхазского, иметь этот отряд готовым к выступлению на левом берегу р. Ингури.

Это будет иметь сильное моральное влияние и на Самурзакан, где уже проявились разные беспорядки, как мне доложили самурзаканский пристав и кн. Григорий Шарвашидзе. Для восстановления порядка, я предложил первому отправиться с сотнею его милиции в Самурзакан, объехать всю страну и привести жителей к присяге. Дав ему надлежащие наставления,

я, с своей стороны, буду ему в том содействовать, как своим влиянием на народ, так и помощью сил.

АКАК, т. X, ч. I, с. 274 – 275.
ЦГВИА, ф. 482, д. 110, лл. 72 – 76 об. Копия.

2.162 Из отношения военного министра В. А. Долгорукова командующему отдельным кавказским корпусом Н. А. Реаду.

7 мая 1854 г.

Секретно.

Я всеподданнейше представлял г. и. отношение ваше ко мне, от 22-го апреля, № 115 и приложенное к оному донесение владетеля Абхазии об упразднении абхазских укреплений.

Отдавая полную справедливость примерному усердию и распорядительности, с коими ген.-адъ. кн. Шарвашидзе исполнил эту меру, е. в. всемилостивейше пожаловать ему соизволил орден Белого Орла. Вместе с сим, г. и. благоугодно было назначить награды лицам, которыя, по свидетельству кн. Шарвашидзе, наиболее содействовали успеху его распоряжений и поименованы в препровождаемом при сем списке. В числе их кап. Завадский удостоен производства в следующий чин…

По отзыву Завадского, кн. Шарвашидзе пользуется большим уважением между убыхами и другими непокорными племенами и надеется, посредством старшин этих племен, разстроить виды Мухаммед-Эмина на Абхазию, или, по крайней мере, отклонить выдачу ему аманатов. В случае же высадки десантных войск, кн. Шарвашидзе намерен держаться в Абхазии до последней крайности и только по истощении всех средств сопротивления оставить эту область…

АКАК, т. X, ч. I, с. 275 – 276. № 289.

2.163 Рапорт командующего отдельным кавказским корпусом Н. А. Реада военному министру В. А. Долгорукову о положении в Абхазии.

24 мая 1854 г.

Отношение в. с от 7-го сего мая[1], № 7212, имел я честь получить 17-го числа, и обязуюсь сообщить вам, для всеподданнейшего доклада г. и., о положении дел в Абхазии, в той постепенности, как я том получал сведения.

Из отношения моего, от 10-го сего мая, № 166, в. с. известно, что, согласно уведомлению кн. Шарвашидзе, черкесския племена вторглись в

[1] См. данное издание док. № 264 – (**сост.**).

АЛЬТАИР

Бзыбский округ Абхазии и, что кн. Шарвашидзе, если не успеет возвратить их посредством переговоров, намерен двинуться к р. Кодору.

Вслед за этим уведомлением, кн. Шарвашидзе сообщил мне, что командующий Батумским корпусом, Мухаммед-Селим-паша, прислал к нему письмо, от 21-го апреля, в Очемчири; в котором он приглашает кн. Шарвашидзе возстать против Русского правительства, обещая ему за это полное вознаграждение Порты Оттоманской. Оставляя то письмо без ответа, владетель Абхазии прислал его ко мне в подлиннике, а сам поспешил на Кодор, чтобы подготовить жителей Абживского округа к обороне этой линии, хотя, при теперешнем чрезвычайном полноводии Кодора, до спадания воды и нельзя ожидать вторжения неприятеля с этой стороны.

Пока все это происходило в Абживском округе, в Бзыбский округ прибыл некто Зан-оглы (уроженец или Кумыкского владения или Казикумыхского ханства), один из первых агентов Мухаммед-Эмина, долгое время проживавший в Турции. Он старался склонить на свою сторону тамошних Абхазцев, которые не могла или не хотели противиться пребыванию у них Зан-оглы, тем более, что в его же распоряжении состояли прибывшия в Бзыбский округ Черкесския скопища, о которых выше упомянуто. Кн. Шарвашидзе, узнав об этом, употребил все свои старания, чтобы, чрез посланного от него в Сухум и далее кап. Батал-бея Маршания, вселить у жителей Бзыбского округа недоверие к Зан-оглы и его скопищам, в чем он успел, потому что черекесския скопища разошлись, а Зан-оглы отправился морем в Батум.

Этими и подобными мерами кн. Шарвашидзе, по-видимому, удалось хотя на время отсрочить дальнейшее развитее беспокойств в том крае; но когда, по прибытии в первых числах мая нескольких англо-французских судов на Сухумский рейд, адмиралы их спрашивали про местопребывание владетеля Абхазии, то кн. Шарвашидзе, зная, что невозможно отклонить их намерения теми средствами, какие он с успехом употребил против Черкесских скопищ, и не имея средства действовать силою против намерений начальников англо-французских судов, счел за лучшее выехать на короткое время из Абхазии к ген.-л. кн. Андронникову, в Мингрелию; а будучи там, прибыл 19-го числа в Тифлис, чтобы переговорить лично со мною о положении дел в Абхазии и о мерах, которыя необходимо будет принять там для противудействия неприятелю.

Всемилостивейше пожалованный ему орден Белого Орла в высочайшую на оный грамоту, равно и письмо в. с., которое вы изволили прислать ко мне при отношении, от 7-го мая[1], № 7212, отправил я с полк. Бартоломеем по назначению к кн. Шарвашидзе; с глубочайшим благоговением получил он их на дороге, едучи сюда.

Здесь кн. Шарвашидзе говорил мне, что до выезда его из Абхазии 7-го мая, собственно в крае все было спокойно, объясняя при том, что в настоящее время, при полноводии Кодора, неприятель не может вторгнуться с той стороны в Абживский округ, что верховья этой реки, по чрезвычайно гористой местности, непроходимы, и что поэтому он не сомневается в том, что одною Абхазскою милициею удержит линию Кодора за нами, если только неприятель не обойдет морем устье этой реки. По спадении же воды в Кодоре, по мнению кн. Шарвашидзе, надобно усилить способы для охранения этой линии; он полагает для этого необходимым к этому времени, т. е. половине июля, направить туда возможно большее число милиции Абхазской и Самурзаканской, и сколько можно будет уделить Мингрельской и Имеретинской; а для поддержания этой милиции он желает, чтобы прислан был отряд из регулярных войск. Как дороги от Кодора в Самурзакан весьма неудобны и для следования артиллерии представляют большия неудобства, то кн. Шарвашидзе полагает: резерв из регулярных войск не располагать на Кодоре, а на границе Самурзакани и Абхазии, подавая его, по возможности, ближе к горам дабы хоть до некоторой степени избегнуть вредного влияния климата на низменностях Самурзакани; выдвинуть же этот резерв к Кодору думает он только тогда, когда, по ходу дел, представится к тому удобный случай. Для большого единства в действиях, кн. Шарвашидзе объяснил мне, что он готов подчиниться кн. Андронникову, хотя последний моложе его в настоящем чине. В этом я, впрочем, не вижу никакой необходимости, потому что оба будут в безпрерывных сношениях между собою и без всякого затруднения могут по оным согласовать свои действия.

Относительно Абхазской милиции, кн. Шарвашидзе говорил мне, что он собирет оной от 500 до 600 конных и не менее 1,500 чел. пеших и, не желая вводить казну в расходы на содержание ея, не видит надобности производить ей какое-либо содержание, пока она может быть размещена по деревням, близ Кодора лежащим; но впоследствии, если милиции придется быть в сборе продолжительное время и вне деревень, то нужно будет отпускать ей содержание. О чем он тогда меня уведомит.

Находя все объяснения кн. Шарвашидзе по этим делам весьма основательными и уважительными, я просил его, согласно его же предложению, собрать теперь столько Абхазской милиции, сколько сочтет нужным для охранения Абживского округа; а впоследствии, ко времени спадения воды в Кодоре, я поручу кн. Андронникову сделать распоряжение о присоединении к Абхазской милиции, сколько окажется возможным, милиции Самурзаканской, Мингрельской и Имеретинской, равно о составлении на границе Абхазии и Самурзакании резерва из регулярных войск, из числа состоящих ныне в распоряжении кн. Андроникова. Состав и численность этого резерва будут зависеть от положения тогда дел в Гурии и в той части края вообще.

Все эти предложения, по мнению кн. Шарвашидзе, могут иметь места только в случае, если неприятель будет пытаться прорвать линию Кодора с

[1] См. настоящее издание док. № 264 – (**сост.**).

АПБ ТАИР

суши; но если он, при содействии соединенной эскадры, обойдет устье этой реки морем, переправляя лошадей вплавь, то кн. Шарвашидзе находит возможным отстоять Абживский округ только против незначительных партий горцев. Если же сделает это наступление сам Мухаммед-Эмин, то в таком случае кн. Шарвашидзе не признает возможным держаться в Абживском округе, потому что Мухаммед-Эмин приведет с собою немалозначительныя скопища, а, полагать надобно, не менее 15-ти т. или 20-ти т. чел, и в таком случае кн. Шарвашидзе принужден будет очистить всю Абхазию. На этот случай он даже спрашивал меня, куда ему тогда лично явиться? По мнению его, единственное средство предупредить это заключается в том, если Мухаммед-Эмин будет занят на севере военными действиями.

После этих личных со мною совещаний, при которых, по приказанию моему, присутствовал и помощник начальника Главного Штаба, ген.-м. Индрениус, кн. Шарвашидзе, спеша обратно в Абхазию, выехал туда из Тифлиса 22-го числа, с намерением видеться с кн. Андронниковым, если к тому представится возможность.

Перед отъездом своим, кн. Шарвашидзе просил меня о присылке к нему полк. Бартоломея на время сбора отряда, о присылке к нему теперь же Черноморского линейного № 7 батальона пор. Арнольда, находившегося при владетеле Абхазии и до вывода оттуда наших войск, равно о назначении к нему в отряд дежурным штаб-офицером состоящего по армии майора Завадского, по возвращении его сюда из С.-Петербурга. К удовлетворению этих просьб сделано будет распоряжение.

В заключение имею честь присовокупить, что супруга владетеля Абхазии, которая в самом непродолжительном времени ожидает разрешения от бремени, находится в Абживском округе и кн. Шарвашидзе говорил мне, что он вывезет ее оттуда в Мингрелию или Имеретию только в случае совершенной крайности, потому что отъезд ея из Абхазии, при теперешних смутных обстоятельствах, сделал бы невыгодное впечатление на тамошнее народонаселение. Сын же владетеля Абхазии и дочь находятся в Мингрелии, у своей бабки.

АКАК, т. X, ч. I, с. 277-278.

2.164 Из отношения военного министра В. А. Долгорукова к наказному атаману войска донского.

23 июля 1854 г.

Вашему высокопревосходительству известно желание государя императора, дабы главные на Кавказе начальники старались ослабить влияние Магомет-Амина возбуждением недоверчивости к нему других старшин и склонением сих последних на нашу сторону.

По последним известиям из Абхазии прибыл в Сухум-кале с званием турецкого паши известного в горах Сафар-бей, который, вероятно, уполномочен турецким правительством войти в сношение с Магомет-Амином для соглашения действий мятежных горцев с замыслами на них врагов. Между тем Сафар-бей, имея притязание на происхождение из княжеского рода, владевшего будто бы частью натухайского племени, едва ли может вполне разделять виды Магомета-Амина, который по примеру Шамиля, стремится к уничтожению власти дворян и тем привлекает к себе простолюдинов….

Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сборник документальных материалов. Тбилиси, 1953. с. 404.

2.165 Из рапорта командующего отдельным кавказским корпусом Н. А. Реада военному министру В. А. Долгорукову об отказе убыхов сотрудничать с Магометом Эмином.

24 июля 1854 г.

Владетель Абхазии уведомляет меня, от 20-го сего июля, что дела между убыхами и соседними с ними племенами принимают благоприятный для нас оборот, объясняя это следующим:

При свидании владетеля Абхазии с убыхским старшиною Хаджи-Берзеком и другими, которые были вызваны кн. Шарвашидзе в начале минувшего июня месяца, еще до прибытия его в Мингрелию, кн. Шарвашидзе, желая поколебать влияние Мухаммед-Эмина, задел слабую сторону горской гордости и упрекал их в том, что они готовы подчиниться каждому пришельцу, который умеет выказывать себя важным лицом. Старшины эти, возвратясь в свои общества, начали громко и с умыслом обсуживать этот упрек. Это имело желаемый успех. Народ, как бы желая оправдать себя в этой слабости, объяснял, что если Мухаммед-Эмин пользовался по настоящее время влиянием в народе, то только потому, что принявшия его племена были теснимы нами, и что при тогдашних обстоятельствах все чувствовали необходимость подчиниться одному лицу, потому что разния мелочныя несогласия отвлекали и народ и старшины от общей цели, т. е. от единодушного сопротивления нашим политическим и военным действиям, а как в настоящее время влияние наше на ту сторону прекратилось, свободное сообщение с Турциею открыто и действия всех горских племен ни чем не связаны, то они не нуждаются уже в посторонних начальниках и могут быть управляемы по принятым в каждом племени обычаям, так, как это было до прибытия Мухаммед-Эмина.

В заключение своего письма кн. Шарвашидзе присовокупляет, что влияние Зан-оглы, о котором упоминается в отношении моем к в. с., от 24-

АЛЫТАИР

го мая[1], № 185, совершенно уже уничтожено, и что он потерял первую свою важность.

Собственною е. в. рукою написано карандашом: «Очень хорошо».

АКАК, т. X, ч. I, с. 279.

2.166 Из донесения начальника главного штаба войск на Кавказе временному командующему войсками кавказской линии и Черномории Е. П. Врангелю.

7 сентября 1854 г.

В последнее время Сафир-бей паша, желая выказать свою деятельность перед турецким правительством, вознамерился покорить Самурзакань. Для достижения этой цели, он послал одного из подчиненных ему пашей по имени Бахчат с Ибрагимом-ханом к Магомет-Амину, чтобы уговорить его собрать партию горцев, привести ее в Сухум-Кале. Магомет-Амин отвечал, что считая себя обиженным невниманием к нему турецкого правительства, в пользу которого одним нравственным влиянием на горцев он сделал в тамошнем крае гораздо более, чем турецкий уполномоченный с материальными способами, и потому он до объяснения с высшим турецким правительством не может более употреблять своего влияния на горцев, а еще менее способствовать к прославлению чужого имени. Этот ответ подействовал и на самого Ибрагим-хана, который не столько в тайне, не менее Магомет-Амина негодует на турецкое правительство за оказанное им предпочтение Сафир-бею паше, которому он против желания должен подчиняться. После этого Магомет-Амин имел секретный разговор с Ибрагимом-ханом и потом вместе с ним отправился в Сухум-Кале, а оттуда в Константинополь.

Сафир-бей – природный черкес из фамилии Занеипа, имеет в горах сына по имени Карабатырь, который приобрел личными достоинствами влияние на своих одноземцев и пользуется их доверием. На нем-то Сафир-бей остановил свое внимание и решился испытать, не может ли сын для него сделать, то о чем отказал ему Магомет-Амин.

С этого повода Сафир-бей отправил к Карабатырю одного из Кавас-Башей, но Магомет-Амин, вероятно, предвидев это обстоятельство, уезжая взял с убыхов слово – до его возвращения из Константинополя не предпринимать никаких походов по предложениям Сафир-бея-паши. Убыхи сдержали данное ими обещание Магомет-Амину, и Кавас-Баши должен был возвратиться, не успев ни в чем.

Потеряв всякую надежду на помощь убыхов, Сафир-бей все еще не хотел отказаться от своего намерения покорить Самурзакань и стал рассчитывать на те силы, которые имел под рукою, т. е. на абхазцев и цебельдинцев, но и в этом не имел успеха.

[1] См. настоящее издание док. № 265 – (**сост.**).

Таким образом, план главного представителя Турции в Абхазии, относительно покорения Самурзакни, расстроился. При этом в то же время Сафир-бей получил от Мушира Селим-паши предписание не предпринимать никаких наступательных движений до получения от него разрешения. Вместе с тем Мушир сообщил ему, что турецкие войска, в соединении с союзными, отправлены к Севастополю с целью произвести, вблизи этой крепости высадку. До результата этой высадки и сам Селим-паша намерен оставаться в бездействии.

Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сборник документальных материалов. Тбилиси, 1953. с. 413-414.

2.167 Рапорт командующего кавказским отдельным корпусом Н. А. Реада военному министру В. А. Долгорукову о поведении князя Александра Чачба – Шервашидзе.

декабрь 1854 г.

Секретно.

Владетель Абхазии, прибывший на днях в Тифлис, дал следующее объяснение по вопросу о том, действительно ли состоящий по кавалерии генерал-майор Кацо Маргания гусарского е. в. короля Витембергского полка майор князь Александр Шервашидзе и милиции поручик Гассан Маргани передались туркам?

Поведение первого, генерал-майора, ген.-ад. князь Шервашидзе не оправдывает…

Что касается до брата владетеля Абхазии майора князя Шервашидзе, то ген.-ад. кн. Шервашидзе, как он лично объяснял мне еще при первом моем свидании с ним в мае месяце… считал полезным оставить его в Абхазии, и хотя по-видимому князь Александр исполняет все требования турецкого правительства, но на самом деле действует он сколько возможно по указанию брата своего, владетеля Абхазии, и сохраняет в том крае понятие о законной наследственной его власти. Ген.-ад. кн. Шервашидзе, в видах правительственных, находит пребывание кн. Александра Шервашидзе в Абхазии не только для нас полезным, но и необходимым.

Николай Реад.

ЦГВИА, ф. 482, д. 110, лл. 145-146 об. Подлинник.

АЛЫТАИР

2.168 Из рапорта самурзаканского пристава майора Микеладзе командующему войсками, расположенными между реками Хопи и Ингуром, ген.-м. Дадиани.

май 1855 г.

…Самурзаканцы хотя и преданы душевно русскому престолу, но некоторые из жителей Самурзаканского округа за ненахождением здесь войска постепенно начинают выходить из повиновения полицейской власти, в особенности набакеевского участка почти все…

Донося об этом вашей светлости, честь имею покорнейше просить не оставить вашим ходатайством о присылке в Самурзакань трех сотен казаков и двух сотен имеретинской милиции, а без этого я не могу водворить между самурзаканцами должного порядка…

ЦГВИА, ф. 956, гр., оп. 1. 1854 г., д. 6, лл. 45-46. Подлинник.

2.169 Из доклада временно управляющего кавказским краем ген. В. О. Бебутова главнокомандующему отдельным кавказским корпусом Н. Н. Муравьеву о вознаграждении Михаила и Дмитрия Чачба – Шервашидзе за утрату таможенных пошлин.

Тифлис, 17 июня 1855 г.

До 1847 года на всем протяжении Абхазского берега имелось только одно таможенное учреждение в Сухум-Кале, где пропуск товаров и производился с большим ограничением, от того, что абхазские жители продолжали получать нужные им заграничные товары мимо таможни, через посредство мелких турецких судов, избиравших для прихода и выгрузки своих товаров береговые пункты, называемые: Очемчиры, Келасуры и Гудава, и принадлежавшие владетельному абхазскому дому...

По отзыву начальника Черноморской береговой линии, Очемчиры и Гадава принадлежали владетелю Абхазии ген.-л. кн. Шервашидзе и приносили ему в год дохода: Очемчиры – от 6-ти до 8-ми т. р., а Гудава – от 1000 до 1500 р., Келасуры же принадлежали брату владетеля, кн. Дмитрию, и приносили ему доход $2^{1/2}$ т. р. в год.

Когда же предположено было изменить в Закавказском крае всю таможенную систему, тогда бывший наместник Кавказский признал необходимым для общей связи этого предположения закрыть и вышеозначенные три порта, но, вместе с тем, приняв в соображение, что одно только соединение видов правительства с выгодами местных владетелей и подвластных им жителей может ручаться за успех мер, принимаемых относительно прекращения противозаконных сношений турецких судов с прибрежными жителями Абхазии, ген.-адъют. кн. Воронцов предложил определить владетельному абхазскому дому из таможенных доходов, в вознаграждение за доходы, получавшиеся им от упомянутых трех портов, 12 т. р., из коих 9 500 р. ген.-л. кн. Михаилу Шервашидзе, а 2 500 р. брату его, кн. Дмитрию, и вошел в Кавказский Комитет с представлением об испрошении на это высочайшего государя императора соизволения.

Вследствие сего, по журналу Кавказского Комитета, на котором государь император, 4-го мая 1847 года, соизволил написать собственноручно «исполнить», определено следующее:

1) Порты Абхазии, именуемые: Очемчиры, Келасуры и Гудава, принять в карантинно-таможенное ведомство, распространив на них во всей силе и карантинно-таможенный надзор, существующий в прочих наших портах восточного берега Черного моря. 2) В Очемчирах открыть порт и с этой целью учредить там карантинно-таможенную заставу в таком же составе, как предложено иметь заставы сии в Геленджике и Анапе. Приход судов в Келасуры и Гудаву решительно воспретить и для сего учредить там постоянные посты. Очемчирскую заставу и сии посты внести в общий штат карантинно-таможенного ведомства за Кавказом. 3) Как владетельный абхазский дом от принятия означенных трех портов в карантинно-таможенное ведомство должен лишиться получаемого им ныне от сих портов дохода, то в ознаменовании особого всемилостивейшего внимания е. и. в. к этому дому, за его преданность и усердие, производить членам оного: владетелю Абхазии ген.-л. кн. Михаилу Шарвашидзе 9 500 р., а брату его, кн. Дмитрию Шервашидзе, 2 500 р., – обоим же 12 т. р. с. в год.

Производство владетельному Абхазскому дому определенного вознаграждения за принятые от него в карантинно-таможенное ведомство порты в Абхазии началось с 1-го января 1848 года и продолжалось по 1-е января 1855 года, всего 7 лет. Вознаграждение это получали ген.-адъют. кн. Михаил Шервашидзе и брат его полк. кн. Дмитрий Шервашидзе. Они получили всего: первый – 66 500 р., и последний – 17 500 р.

В прошлом 1854 году начальником Главного Штаба войск, на Кавказе находящихся, передан в канцелярию наместника в копии отзыв военного министра к командовавшему Отдельным кавказским корпусом от 26-го сентября, № 14369, что владетель Абхазии, ген.-адъют. кн. Михаил Шервашидзе, пожертвовал, в числе других сумм, на военные надобности на все продолжение настоящей войны вышеозначенные 12 т. р., и что государь император соизволил разрешить принять сие пожертвование.

В бытность в. выс-пр. в Кутаисе в апреле сего года начальник Гурийского отряда, кн. Багратион-Мухранский, подал вам докладную записку, изъяснив следующее: 1) Гв.-полк. ки. Шервашидзе с выходом наших войск из Абхазии также покинул эту родную страну свою против всех убеждений и даже угроз со стороны своих единоплеменников и родных и, оставив там на произвол судьбы престарелую мать свою и имущество, явился в ряды

АЛАТАИР

русских воинов; мать едва находит пропитание, а имущество разграбили до тла; а он затем с блестящими отличиями участвовал в делах против неприятеля, начальствуя всею конницею. 2) Начальник Гурийского и Ахалцихского отрядов, ген.-л. кн. Андронников, ходатайствовал о вознаграждении его за это отличие, но неизвестно почему это ходатайство не имело успеха…

АКАК, т. X, ч. I, с. 848 – 849.

2.170 Отношение военного министра В. А. Долгорукова главнокомандующему отдельным кавказским корпусом Н. Н. Муравьеву.

18 июня 1855 г.

Государь император по всеподданнейшему моему докладу ходатайства генерал-адъютанта Реада от 21 февраля сего года за № 21 высочайше повелеть соизволил: находящегося в г. Чернигове под надзором полиции абхазского дворянина Соломона Балахуха-ипа Званбая возвратить на Кавказ в распоряжение владетеля Абхазии князя Шервашидзе.

О таком монаршем соизволении, объявленном вместе с сим министру внутренних дел для зависящего распоряжения, имею честь уведомить Ваше высокопревосходительство.

ЦГИА, ф. 1268, оп. 8, д. 187, 1855 г., л. 2. Копия.

2.171 Из отношения главнокомандующего отдельным кавказским корпусом Н. Н. Муравьева военному министру В. А. Долгорукову.

18 сентября 1855 г.

… По известиям, получаемым мною из Батума, видно, что на 10-е число сентября высадилось там около 15-ти т. войска, из которого часть отправилась во внутренность края. Омер-паша был 4-го числа в Сухуме и приглашал к себе на свидание владетеля Абхазии, который, однако, к не нему не прибыл, отзываясь, что ему в том препятствует разлитие рек. После того Омер-паша отправился обратно в Батум, назначив кн. Шервашидзе прибыть туда к 15-му числу с Абхазским ополчением. К тому же числу должны собраться в Сухум черкесы; но неизвестно – послушаются ли те и другие Омер-паши…

АКАК, т. X, ч. I, с. 95.

2.172 Письмо полковника дмитрия Чачба – Шервашидзе командующему турецкими войсками в Абхазии Омеру-паше об отказе перейти на сторону Османской империи.

15 (27) сентября 1855[1] г.

Позвольте мне отвечать без обиняков, на письмо коим Вы меня удостоили.

Отечество мое, связанное с Россиею событиями давно совершившимися, произвольно вступило в семью христианских племен Кавказа, которые пользуются покровительством и благодеяниями Русского правительства. Временные впечатления не могут отклонить честного человека от путей начертанных ему собственными его убеждениями.

Мои понятия об обязанностях абхазца и о цели Вашего вторжения совершенно противны Вашему взгляду на сей предмет.

Я недоступен заразе, называемой дурными примерами и нахожу, что отечество мое там, где пребывает законное мое правительство. Как офицер русской армии, я не могу допустить мысли об оставлении знамен моего государя и конечно не заслужил бы выражений, которыми вашему превосходительству угодно одобрить мои военные достоинства, если бы я обратил оружие свое против тех, в победах которых я не один раз участвовал. Всегда и везде позорен побег и уклонение от своих знамен.

Признаю великодушие Ваше в отношении к моему семейству и имению; и я ожидал того от возвышенных чувств, знаменующих правила Вашего превосходительства.

Горжусь приветствием врага Вам подобного; сожалею, что убеждения мои не позволяют мне прежде окончания войны воспользоваться Вашею дружбою и желал бы не лишиться ее в свое время.

Примите…

Князь Дмитрий Шервашидзе.

Полковник Гвардейской императорской кавалерии.

Муравьев Н. Н. Война за Кавказом в 1855 году. Т. II, СПб., 1877, с. 387 – 388. (Перевод с французз. яз.).

2.173 Из письма кутаисского военного губернатора Н. П. Колюбакина временному управляющему кавказским краем ген. В. О. Бебутову о прибытии Омер-паши в Сухум.

Кутаис, 26 октября 1855 г.

…19-го числа, поутру, Омер-паша прибыл в Сухум на пароходе. Одновременно пришло шесть больших судов с войсками, артиллериею и лошадьми. Он сошел на берег, окруженный блистательным штабом, в кото-

[1] Дата установлена по АКАК, т. XI, с. 131, № 97 – (**Г. Д.**).

АЛЫТАМИР

ром были заметны офицеры европейские и между ними один французский генерал. Омер был в ботфортах, коротком полукафтане, богато вышитом, и феске. На шее и груди блистали бриллиантовые звезды. У пристани ждал владетель Абхазии, в простом, серого сукна, черкесском наряде; за ним стояло до двадцати старшин разноплеменных, из коих наиболее известны Хаджи Герендук Берзек (убых) и Хасан Маргани. Он хотел поклониться по обычаю турецкому, т. е. опустить руку к земле, но Омер остановил его, пожал ему руку и сказал по-русски: «Здравствуй, Михаил!». После сего турецкий главнокомандующий сел на коня и поехал к ожидавшим его войскам. Владетель шел некоторое время возле него; но, увидев, что с ним не говорят и не обращают на него внимания, повернул к занимаемому им дому.

Войско приветствовало Омера с одушевлением. Численность его может быть определена приблизительно числом судов, в которых оно пришло. В первый раз, не знаю которого числа, прибыло пять больших судов; во второй, или 19-го числа, шесть. Итак, приняв в расчет лошадей и артиллерию, можно определить силу войска, находившегося в Сухуме 19-го числа в 12 000 пехоты и кавалерии…

В Сухуме все говорили, что на днях должны прибыть из Крыма еще 25 000 чел.

Чтобы разом определить все средства военные, которые Омер-паша имел 19-го числа под рукою, скажу, что на рейде Сухумском было до 20-ти судов разного ранга; что общее внимание было привлечено пятью пароходами английскими, совершенно новыми, красивыми, очень быстрыми, размером почти равных с нашими казачьими баркасами, – должно быть канонирские лодки.

Наконец, тут место упомянуть, что гора, отстоящая в ¾ верст от моря и командующая бухтой, сильно укреплена и что в Сухум свезены значительные запасы продовольственные…

АКАК, т. XI, с. 134 – 135.

2.174 Из «подробного описания дел, бывшего 25-го октября 1855 года на реке Ингур при вторжении омер-паши в Мингрелии», составленного начальником гурийского отряда И. К. Багратион-Мухранским.

(1855 г.)

К концу сентября дальнейшие намерения неприятеля обозначились более явственно. Войска, прибывшие в Батум, перевезены были – частью в Кабулеты, а частью в Редут-Кале; наибольшая часть их, равно как продовольственных и военных запасов, свезены были в Сухум-Кале. Не оставалось сомнения в том, что вторжение будет произведено в Гурию и Мингрелию, в последнюю сторону – главною частью сил…

По самым умеренным показаниям, число регулярной пехоты, собранной Омер-пашею в Абхазии, во второй половине октября простиралось от 25-ти до 30-ти т. чел…

Верстах в $1^{1/2}$ ниже Кахатской переправы начинается часть течения Ингура, представляющая на небольшом протяжении несколько переправ. Здесь местность перерезана многими неглубокими протоками Ингура, покрыта более или менее густым кустарником, также разбросанными саклями с окружающими их заборами. Для охранения этого опасного пространства, вблизи переправ поставлен был Черноморский линейный № 11-й батальон под начальством подполк. Званбая, с взводом легкой № 1-й батареи, несколько назади две роты Грузинского № 1-й батальона, под начальством полк. Иоссилеани, с взводом батарейной № 1-й батареи…

Главное начальство над всеми частями, предназначенными для обороны всех переправ, возложено было мною на гвардии полк. кн. Шарвашидзе…

Но это блистательное отражение дорого нам стоило! Не заботясь о себе, думая лишь о поражении неприятеля, начальники и подчиненные вырвались из-за завалов на самый берег и представили собою широкую цепь для турецких штуцеров и турецкой картечи. Командир Черноморского № 11 батальона, храбрый полковник Званбая, был убит штуцерною пулею в голову; большая часть орудийной прислуги и артиллеристских лошадей была перебита…

Изложенный мною ход боя, как я смею надаяться, красноречивее всяких похвал показывает, с каким геройским мужеством, с каким упорством сражались наши войска против много-крат сильнейшего неприятеля. Черноморский линейный № 11-й батальон кровью своею и кровью врагов записал имя свое в летописях славы русского воинства. Все части, бывшие в деле, соперничали взаимно в мужестве; но, по ходу самого боя, в наибольшем блеске обнаружили это качество части, оборонявшие Норманнские переправы.

АКАК, т. XI, с. 107 – 108, 110.

2.175 Предписание главнокомандующего отдельным кавказским корпусом Н. Н. Муравьева временному управляющему кавказским краем ген. В. О. Бебутову.

Тифлис, 16 декабря 1855 г.

Военный министр в письме от 20-го ноября, № 288, пишет мне, между прочим, что доставленная к е. с. копия с ответа полк. кн. Шарвашидзе на письмо Омер-паши[1] делает честь правилам и чувствам кн. Шарвашидзе, что государь император соизволил разрешить мне объявить ему за его похвальный поступок высочайшее е. в. благоволение, если только признаю это совместным с настоящими обстоятельствами; ибо последние события в

[1] См. настоящее издание док. № – (**сост.**).

АЛБТАИР

Мингрелии могли иметь влияние на расположение умов в том крае и доставить новый случай испытать верность многих лиц.

Сообщая о сем в. с., покорнейше прошу вас объявить кн. Шарвашидзе высочайшее государя императора благоволение, если вы, как выше указано, по последним событиям в том крае, признаете его того достойным. О последующем буду ожидать вашего уведомления, для доведения до высочайшего е. в. сведения.

АКАК, т. XI, ч. I, с. 193.

2.176 Рапорт временно управляющего кавказским краем ген. В. О. Бебутова главнокомандующему отдельным кавказским корпусом Н. Н. Муравьеву.

27 декабря 1855 г.

В исполнение письма в. выс-пр., от 16-го декабря[1], № 313, имею честь донести, что гв.-полк. кн. Димитрий Шарвашидзе, во все время наступательных действий Омер-паши, находился при войсках наших и вел себя прилично верноподданному и достойному штаб-офицеру. В деле на р. Ингур он командовал тою частью войск, которая расположена была для обороны Кахатской, Нормансокой и Кокской переправ и куда неприятель направил главные свои силы. В подробном донесении об этом деле, бывший начальник Гурийского отряда, ген.-м. кн. Багратион-Мухранский, отозвался с особенною похвалою о полк. кн. Димитрии Шарвашидзе.

По этим соображениям, объявив, согласно приказанию вашему, полк. кн. Дмитрию Шарвашидзе высочайшее благоволение за похвальный ответ его на письмо Омер-паши, я имею честь о том донести.

АКАК, т. XI, ч. I, с. 203.

2.177 Рапорт главнокомандующего отдельным кавказским корпусом Н. Н. Муравьева военному министру В. А. Долгорукову о выделении пенсии княгине Тати Шервашидзе.

Тифлис, 6 января 1856 г.

В 1854 году, когда войска наши, по обстоятельствам войны, выведены были из укреплений восточного берега Черного моря, брат владетеля Абхазии лейб-гвардии казачьего полка полковник князь Димитрий Шервашидзе, движимый верноподданническими чувствами к престолу, оставил также родной свой край и последовал в пределы Кутаисской губернии, где поступил в ряды войск Гурийского отряда исполнять обязанности службы с полным рвением и отличается мужеством и храбростью в делах против неприятеля. Мать этого штабс-офицера вдова подполковника Гассанбея Шервашидзе, Тати, по неотвратимым причинам, осталась в Абхазии и князь Димитрий заботясь об участи престарелой родительницы, могущей претерпеть притеснения от турок за преданность сына, просит дозволения вывести ее из Абхазии и как он оставил на родине все свое имущество, дать средство для приличного ее содержания.

[1] См. настоящее издание док. № 282 – (**сост.**).

Принимая во внимание положение, в каком находится ныне вдова княгиня Тати Шервашидзе в Абхазии, лишась единственной опоры в сыне своем Дмитрии и содержания, которое определено было ей по высочайшему повелению, объявленному в отзыве управляющего военным министерством от 23-го июля 1842 года за № 5583 по 300 руб. в год и которое прекращено производством потому, что она находится в крае, занятом неприятелем, а также непоколебимую преданность правительству полковника князя Димитрия Шервашидзе и храбрость его в военном деле, я имею честь покорнейше просить в. с-во подвергнуть все это на милостивое г. и. и испросить соизволение е. и. в. на пожалование вдове княгине Тати Шервашидзе пенсии сверх определенных уже ей 300 руб. еще на семисот рублей серебром в год, на то время пока обстотельство войны не дозволят возвратиться в Абхазию.

Генерал-адъютант Муравьев.

Высочайше повелено исполнить согласно ходатайству генерал-адъютанта Муравьева.

21 февраля 1856 года.

Князь Долгоруков.

ЦГВИА, ф. 482, д. 110, лл. 213 – 214. Подлинник.

2.178 Из рапорта главнокомандующего отдельным кавказским корпусом Н. Н. Муравьева военному министру В. А. Долгорукову о поведении владетеля Абхазии во время ее оккупации турецкими войсками.

27 февраля 1856 г.

В бытность в Имерети кн. Бебутов вошел, с моего дозволения, в непосредственную переписку с владетелем Абхазии. После первых коротких записок, кн. Шарвашидзе написал, наконец, 22-го января сего года из сел. Очемчири, к кн. Бебутову пространное письмо, в котором он старается объяснить и оправдать свое поведение.

Сущность его письма заключается в следующем:

Он начинает жалобою, что оставили его без всякого назначения праздным, как человека неспособного. После годичного ожидания он решился возвратиться в Абхазию, чтобы поддержать там порядок и если представится случай, то доказать оттуда, что он не бесполезен Г. И. Затем он

АЛБТАИР

описывает, как он успел воспрепятствовать туркам в наборе из Абхазии, Цебельды и у горцев рекрут для регулярных войск их и возвратить в Кобулети тех новобранцев, которые были уже туда отправлены. Вскоре потом он расстроил, по словам его, вызванное Мустафою-пашею горское ополчение, которое последний намерен был направить в Самурзакань для завоевания этого края.

Об отношениях своих к Мустафа-паше и потом Омер-паше он пишет, что вначале тот и другой приняли его сурово и объявили, что пребывание его в Абхазии для них не приятно, но потом он успел: первого успокоить приветливыми словами, а второму, предлагавшему ему впоследствии во владение все земли, какие завоюют в этом крае турки, если он искренне присоединится к ним, объявил, что не может поднять своего оружия против той державы, которая защищала и возвысила его, что довольствуется одною наследственною своею землею и что покорится туркам не прежде, как Абхазия уступлена будет султану, чтобы не оставалось на его совести измена своему государю при временных смутных обстоятельствах.

Потом кн. Шервашидзе переходит в письме своем к рассказу, что он расстроил присоединение к корпусу Омер-паши горцев при наступательном движении его в Мингрелию; что это стоило ему до 25-ти т. р.; что он убедил турецкого военноначальника прекратить грабеж, начатый в Мингрелии небольшим числом следовавших за ним горцев, и что он доставлял сведения и посылал полезные советы ген.-м. кн. Багратион-Мухранскому, но что они не были им приняты.

Распоряжения свои в Самурзакани, о подчинении себе этого края, кн. Шарвашидзе объясняет тем, что он желая ввести там какой-нибудь порядок, чтобы не допустить туркав воспользоваться бывшим там безначалием для покорения народа и направления его против нас. При этом случае, утверждая, что слухи о получении им фирмана от султана на дарование ему Самурзакани ложны, кн. Шарвашидзе прибавляет, что никогда не искал возвращения себе этого края от султана, тем более, что никому неизвестно – останется ли Самурзакань за Турциею, чего сам он не полагает, и что он никогда не терял надежду получить ее от г. и.

В заключение кн. Шарвашидзе пишет, что ему известно, что человек его звания не должен жить между нашими врагами, но что он не мог оставаться праздным между Русскими войсками, особенно потому, что люди ниже его стоящие возвысились над ним доверием, и что если он правительству нужен, то по первому требованию выедет из Абхазии с семейством, но повторяет, что не может оставаться в праздности.

Кроме самолюбия кн. Шарвашидзе, по которому он полагал себя в состоянии командовать регулярными войсками, я вижу из письма его не заслуживающия уважения причины, приводимые им для оправдания отъезда своего в Абхазию, в нарушение моего приказания и пребывание его потом среди

наших неприятелей; заблаговременные и корыстные указания его о вознаграждении впоследствие за сделанные будто бы расходы до 25-ти т. р. на то, чтобы расстроить сборы против нас горцев; притязание на возвращение ему Самурзакани по делу уже окончательно решенному и, наконец, объявление о готовности его возвратиться по первому требованию, – из чего заключить должно, что он сам по совести не признает себя в праве возвратиться к нам и домогается через это как бы обеспечения на случай приезда своего.

Из предшествовавших моих отзывов вы изволите знать, что я предлагал кн. Шарвашидзе, во время нахождения его в Тифлисе в марте месяце прошлого года, прибыть в действующий на турецкой границе корпус, и он изъявил на это согласие. Не отвергая в нем способностей, я думал приучить его постепенно к войскам и сделать его со временем полезным на военной службе; но он, как кажется, желал для себя только одного назначения – начальником Гурийского отряда, а этого желания невозможно было исполнить по недостатку в нем познаний и опытности в командовании отдельным отрядом по враждебным его поношениям к Мингрельскому дому, во владении которого был расположен Гурийский отряд.

Во время бытности моей потом в Мингрелии, в апреле месяце, кн. Шарвашидзе просил позволения моего ехать в Самурзакань и оттуда в Абхазию, дабы противодействовать там намерениям неприятеля. Отклоняя эту поездку, я повторил ему предложение прибыть в действующий корпус на турецкой границе или переехать на жительство в Тифлис или Кутаис. На то и другое он изъявил согласие.

Уклонившись между тем от исполнений этих предложений, он сам себе создал то положение бездействия в Мингрелии, на которое жалуется и в котором может упрекать только самого себя.

Самовольный отъезд его потом в Абхазию и прямое сношение с турецкими начальниками он сам сознает неприличными его званию и чину, хотя и старается оправдать это мнимою необходимостью и желанием принести пользу русскому правительству. Я не верю, чтобы неуспех турок в наборе горской милиции принадлежал стараниям и денежным расходам кн. Шарвашидзе. Горцы неохотно идут воевать вне пределов своей земли, и особенно на долгое время, и одинаково ненавидят владычество турок, как и наше, так что и не нужно было особых усилий для отклонения их от услуг нашим неприятелям. Если бы и допустить, что кн. Шарвашидзе мог принести нам какую-либо косвенную пользу пребыванием своим при неприятельском войске, – пользу, которой я вовсе не верю, то полагаю, что нам должно бы отвергнуть такую мнимую заслугу, ни в каком случае не оправдывающую поступка лица столь высоко поставленного. Безукоризненно было бы поведение кн. Шарвашидзе, если бы, вместо советов, подаваемых из неприятельского лагеря кн. Мухранскому, он явился в ряды войск своего государя.

АЙТАМИР

В действиях владетеля Абхазии я вижу двуличное поведение против нас и турок, происходящее от волнующих его сомнений: за кем из воюющих держав останется Абхазия. Он не имеет искренней привязанности ни к одной стороне, но желает сохранить свое владение и считает себя в праве держать род нейтралитета, забывая свое высокое звание генерал-адъютанта е. и. в. …

АКАК, т. XI, с. 52 – 53

2.179 Из отношения военного министра Н. О. Сухозанета главнокомандующему отдельным кавказским корпусом Н. Н. Муравьеву.

С. –Петербург, 16 июня 1856 г.

… Что касается до укреплений[1] в Абхазии, то е. и. в. угодно, чтобы прием оных от турок был непременно возложен на владетеля этой области, ген.-адъют. кн. Шарвашидзе, подчинив ему впоследствии и войска в Абхазии, занимаемые как для восстановления и упрочения его влияния в народе, так и для того, чтобы дать ему случай водворением спокойствия в этой стране заслужить милостивое внимание государя императора. Его величество признает, что сим средством облегчится обратное занятие нами края и даже уменьшится потребность в войсках, необходимых для исполнения этого предприятия…

АКАК, т. X, ч. I, с. 296. № 281.

2.180 Рапорт владетеля Абхазии М. Г. Чачба – Шервашидзе главнокомандующему отдельным кавказским корпусом Н. Н. Муравьеву о положении в Абхазии после ухода турецких войск.

Тифлис, 24 июня 1856 г.

Получив личное приказание в. выс-пр. осмотреть дороги, ведущие в Абхазию, и укрепления, занимаемые нашими войсками до вывода их из Абхазии, я, по прибытии в Сухум, нашел крепость Сухум-Кале полуобрушенною; казарма в оной, где помещался Сухум-кальский артиллерийский гарнизон, сгорела; остальные в крепости казенные здания остались целы, но из них расхищены двери, оконные рамы и печные приборы; в нагорном лагере и самом городе казенные здания остались также целы и в таком же виде, как и в крепости, но частные дома в городе подверглись еще большему разрушению. Мост на Беслете, или так называемой Карантинке, остался

[1] В связи с началом Крымской войны гарнизоны укреплений Черноморской береговой линии были эвакуированы. Однако уже в мае 1856 г. Барятинский направил императору предложения о восстановлении этих укреплений, которые и были одобрены Александром 2. – (**сост.**).

цел, некоторые здания карантинно-таможенного управления остались в полуразрушенном состоянии, а другие совершенно уничтожены. Мосты и переправы по всей дороге в Абхазии уничтожены до основания. Укрепление Бомборы не оставило по себе следов; в укреплении Пицунде древний храм остался цел, но с оного снят крест; дом, построенный для миссии, стоит без крыши; более никаких зданий не осталось, – все истреблено. Укрепление Гагры превращено в груды развалин и пепла. Турок на всем протяжении береговой линии нигде нет, почему и письмо, данное мне на имя командующего турецкими войсками в Сухуме, препровождено мною при рапорте обратно к г. командующему Гурийским отрядом.

О чем в. выс-пр. почтительнейше донести честь имею.

АКАК, т. X, ч. I, с. 297. № 282.

2.181 Из рапорта главнокомандующего отдельным кавказским корпусом Н. Н. Муравьева военному министру Н. О. Сухозанету.

Уроч. Коджоры, 10 июля 1856 г.

Надобно предполагать, что в Сухуме будут предстоять значительные работы по возобновлению зданий для гарнизона; судя по письму владетеля Абхазии к ген.-л. кн. Бебутову, от 24-го июня, в котором он уведомляет, что 27-го прошлого мая турецкие войска очистили Сухум, оставив его в весьма дурном состоянии. Кн. Михаил Шарвашидзе к тому прибавляет, что хотя еще до того он сделал распоряжение, что по выходе из Сухума турок поставлены были караулы для охранения всех казенных и частных домов (охраняемых с того же числа несколькими дворянами с их крестьянами), но известно, что абхазцы затрудняются в продовольствии себя при продолжительном пребывании на одном и том же месте.

АКАК, т. XI, с. 300, № 289.

2.182 Письмо главнокомандующего отдельным кавказским корпусом Н. Н. Муравьева графу Орлову о достоинствах князя Дмитрия Чачба – Шервашидзе.

31 июля 1856 г.

По случаю отправления в Москву, для присутствия при священном короновании их императорских величеств, полк. кн. Дмитрия Шарвашидзе, избранного для сего владетелем Абхазии, который сам в Москву поехать не мог, будучи занят особо возложенным на него делом, я долгом считаю довести до сведения в. с. об отличной службе во время последней войны сего штаб-офицера.

АПБ ТАИР

Покинув вместе с нашими войсками Абхазию, престарелую мать и имение, полк. кн. Дмитрий Шарвашидзе до самого окончания войны не переставал сражаться с общим врагом в рядах наших, несмотря ни на какие внушения и приглашения, делаемые ему с разных сторон.

Таковые действия его, преданность и самоотвержение в трудных для нас обстоятельствах, а не менее того боевые его достоинства заслуживают всякого одобрения, а потому прошу в. с. не оставить обратить на оного всемилостивейшее внимание государя императора.

АКАК, т. X, ч. I, с. 713.

2.183 Из отношения штаба отдельного кавказского корпуса к директору канцелярии наместника Кавказа о статусе Абхазии в составе Российской империи.

13 сентября 1856 г.

Край, зависящий от начальника Черноморской береговой линии и начальника 3-го ее отделения, состоял из следующих частей: 1) Абхазия, 2) Цебельда и 3) земли Джигетов.

К северу и северо-востоку от земли Джигетов в пределах бывшего 3-го отделения береговой линии обитают непокорные правительству жители – убыхи, натухайские переселенцы и племена абхазского происхождения, из которых последние занимают Псху, Ахчипсхоу, Аибгу, Багагу и Цвиджу.

По изъявлении покорности Абхазиею, в августе месяце 1808 года, всемилостивейшее дарована роду князей Шервашидзе монаршая грамота от 17-го февраля 1810 года, по которой предоставлено им внутреннее управление Абхазиею наследственно, с высочайшего утверждения каждого вновь вступающего владетеля по смерти его предшественника. Копии со всеподданнейшего прошения первого владетеля, покорившегося России, кн. Георгия Шервашидзе, от 12-го августа 1808 года и с высочайшей грамоты 17-го февраля 1810 года при сем прилагаются.

На основании 4-го из просительных пунктов кн. Георгия Шервашидзе, утвержденных высочайшей грамотою 1810 года, начальник Черноморской береговой линии и 3-го отделения ее не имели права вмешиваться во внутреннее управление в Абхазии. Как начальники войск, расположенных в том крае, они были обязаны иметь политический надзор за Абхазиею и имели право употребления, в случае необходимости, силы оружия. В этом смысле они дозволяли себе вмешиваться во внутренние дела такого рода, которые могли вести к нарушению спокойствия в Абхазии или в сопредельных с нею покорных племенах, в каком случае они обращались к владетелю с просьбами о принятии мер к прекращению беспорядков, но не распоряжались сами.

Цебельда и Джигеты управлялись русскими военными приставами по народным обычаям, которым предоставлено было им сохранить при изъявлении ими покорности правительству. В том и другом крае жители составляют аристократические республики. По свойству народных учреждений их приставы были более посредниками между правительством и народом, а также посредниками между аристократическими фамилиями и их подразделениями, чем правителями края. В последние годы в Цебельде был устроен народный суд, в котором члены избирались народом на определенный срок и получали содержание от правительства.

АКАК, т. XI, с. 240.

2.184 Из записки главнокомандующего отдельным кавказским корпусом А. И. Барятинского военному министру Н. О. Сухозанету «о частом появлении на восточном берегу Черного моря английских пароходов и о сношении их с горцами».

Тифлис, 14 ноября 1856 г.

Владетель Абхазии генерал-адъютант князь Михаил Шервашидзе доводит до моего сведения от 28-го октября, что 26-го числа того же месяца прибыл на Сухумский рейд английский коммерческий пароход Кенгуру, следовавший в Трапезунд из Вардане…, где высадил на берег Магомета Амина, возведенного турецким султаном в звание паши, и 80 человек горцев, бывших вместе с ним в Константинополе. Известие это подтверждается консулом нашим в Трапезунде…

В том же донесении от 28-го октября владетель Абхазии уведомляет меня, что по прибытии в Сухум-кальский рейд пароход Кенгуру не предъявил коменданту никаких документов и на вопрос, зачем он приставал к неприятельскому нам берегу, ответил, что, по Парижскому трактату, плавание в Черном море для коммерческих судов всех наций объявлено свободным, и что в скором времени он опять придет в Вардане за грузом. Генерал-адъютант князь Шервашидзе присовокупляет, что другого груза кроме невольников и невольниц не может быть с Черкесского берега и, что таким образом постыдная торговля людьми возобновится, при содействии английского шкипера.

При донесении своем владетель Абхазии приложил опрос, снятый с кутаисского жителя, русскоподанного Компокасса, который прибыл из Трапезунда на пароходе.

Генерал-адъютант Н. Сухозанет.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6662, лл. 3 об-5. Подлинник.

АПБ ТАИР

2.185 Из донесения главнокомандующего отдельным кавказским корпусом А. И. Барятинского министру иностранных дел К. В. Нессельроде.

Тифлис, 14 ноября 1856 г.

Владетель Абхазии генерал-лейтенант князь Михаил Шервашидзе доводит до моего сведения от 28 октября, что 26 го числа того же месяца прибыл на Сухумский рейд английский коммерческий пароход «Кенгуру», следовавший в Трапезунд из Вардане (близ бывшего укрепления Навагинского, где высадил на берег Магомета Амина, возведенного турецким султаном в звание паши, и 80 человек горцев, бывших вместе с ним в Константинополе. Известие это подтверждается консулом нашим в Трапезунде…

В том же донесении от 28-го октября владетель Абхазии уведомляет меня, что по прибытии в Сухумский рейд пароход «Кенгуру» не предъявил коменданту никаких документов … Генерал-адъютант князь Шервашидзе присовокупляет, что другого груза кроме невольников и невольниц не может быть с Черкесского берега, и что таким образом постыдная торговля людьми возобновится при содействии английского шкипера.

АВПР, ф. Азиат. департамент, оп. 729, д. 6, лл. 25 об – 26 об. Подлинник.

2.186 Из «записки о военных действиях гурийского отряда за время командования ген.-м. Багратион-Мухранским», составленной начальником штаба этого отряда полковником П. К. Усларом.

1856 г.

Чтобы затруднить неприятелю движение из Абхазии чрез Ингур, кн. Мухранский обратил внимание на Самурзакань и успел склонить тамошнее народонаселение на нашу сторону; кв.-полк. Бартоломей, посланный в эту страну, сделал непроходимыми все дороги, ведущие из Абхазии, и сформировал милицию. Нельзя было наедяться, чтобы она с фронта могла удержать неприятельское вторжение, и потому ей приказано было в таком случае отступить в горный Саберийский участок, где находясь в совершенной безопасности, она угрожала бы тылу неприятеля, переправляющегося чрез Ингур…

В общей системе Кавказской военной политики Абхазия играет весьма важную роль. Страна эта, вместе с Цебельдою, на большом протяжении границ своих, соприкасается с землями непокорных черкесов, врезываясь в наименее доступные части Кавказа. Абхазия должна служить оплотом для западной части Закавказья и проводником нашего влияния в Черкесию. Но для достижения как той, так и другой цели, необходимым условием должно быть прочное водворение благоустройства в самой Абхазии, где еще происходит борьба меду христианством и исламизмом, между развитием гражданственности и горским необузданным своеволием. Весьма понятно, что при таком брожении разнородных элементов, в Абхазии не может быть еще введено окончательно какой-либо образ управления; к несчастью, настоящий, на который нельзя смотреть иначе, как на переходный, в себе самом заключает источник бесконечных внутренних волнений и распрей. Всякое управление непременно должно быть согласовано с существующим уже устройством края, если только нет средств, без разрушительного потрясения, изменить все разом. Такое условие не соблюдено в Абхазии. Страна эта не составляет целого политического тела: она разделена на три округа: Бзыбский, Абхазский и Абживский, владетели которых все принадлежат к фамилии Шарвашидзе, управляют, на основании прежних обычаев, каждый своим округом самостоятельно, и в этом отношении совершенно равны между собою. Таким образом, говоря с Абхазской точки зрения, признанный нами владетель Абхазии есть не более, старший между равными, посредник между русским правительством и двумя другими, – повторяю еще раз, – равными самому владетелю князьями. Очевидно, что это понятие вовсе не соответствует понятию, которое возбуждает в нас титул: владетель Абхазии. Между ним и владетелем Мингрелии существует огромная разница; последний есть действительно владетель своей страны, ограниченный в правах своих только вассальством своим России…

До начала восточной войны кн. Михаил Шервашидзе пользовался громкою репутациею, как единственный человек, в котором соединены все условия для противодействия враждебным замыслам черкесских племен и для сохранения порядка в Абхазии. Здесь не место разбирать, до какой степени справедливо такое мнение, но нельзя не сказать, что кн. Михаил поддерживал его весьма искусно, всячески препятствуя вмешательству других правительственных лиц в дела Черкесии или Абхазии. Это была одна сторона его политики: другая, как уже сказано, заключалось в стремлении сделаться владетелем целой Абхазии не по одному лишь имени. Первоначальные военные события не имели прямого отношения к кн. Михаилу; участие его в ходе дела начинается только с весны 1854 года, когда решено было очистить Абхазию от наших войск. Это возложено было на кн. Шервашидзе, который вывел войска и сам последовал за ними. Поведение его в это время было совершенно безукоризненно: всеми средствами старался он доказывать преданность свою России, в окончательном торжестве которой над врагами еще он, повидимому, тогда не сомневался. Тем не менее, положение его вскоре сделалось весьма затруднительным…

АКАК, т. X, ч. I, с. 234, 237.

АЛЫТАИР

2.187 Берже А. П. Краткий обзор горских племен на Кавказе (Извлечение).

1857 г.

Название племен	Число душ
I. Абхазское племя	
1. Абхазия	94,023
2. Самурзакань	9,896
3. Цебельда (Замбал)	9,327
4. Садзен (Джигеты) а) Псху б) Ахчипсоу в) Айбуга г) Цандрипш д) Кечьба е) Аредба ё) Цвиджа ж) Бага	16,923

В настоящее время Абхазское племя составляют:

1. АБХАЗЦЫ (Абсуа), которые занимают пространство по берегу Черного моря от р. Ингура до р. Бзыба.

Абхазия управляется туземным владетелем из древнего рода Ач (Шарвашидзе), который, при содействии Русского Правительства, имеет большое влияние на народ. С покорением Цебельды и части Псху, Абхазия успокоилась от внутренней вражды и волнений. Главные укрепления здесь Сухум-Кале, Бомборы, Пицунда и Гагры. Они все, за исключением Бомбор, построены по берегу Черного моря.

Неопределенность отношений владельцев к владетелю порождает иногда несогласие, и общество Гумми (в округе Сухумском, в стороне Цебельды), по гористому своему местоположению, служа притоном беспокойных людей, отваживаются на беспорядки и хищничества. Владелец округа не в состоянии их усмирить и сам владетель Абхазии не может приняться за это иначе, как вооруженною рукою.

Главная промышленность состоит в продаже пальмового дерева в Турцию и виноград грузинам и армянам. Земледелием и скотоводством занимаются весьма мало. Податей нашему правительству никаких не платят.

2. САМУРЗАКАНЦЫ, на берегу Черного моря южнее Абхазии, от р. Охури до р. Ингура.

Самурзакань, обитаемая однородным с абхазцами племенем, считалась прежде округом Абхазии, а позднее вошла в состав управления владетеля Мингрелии, но власть его над Самурзаканью была столь слаба, что

не могла прекратить беспорядков и внутренних несогласий. Страна эта несколько лет сряду была предметом споров между владетелями Абхазии и Мингрелии. Присоединение Самурзакани к нашим владениям наконец свершилось в 1839 году, а в 1840 последовало высочайшее повеление о причислении ее к землям, состоящим в непосредственном заведывании Правительства. В том же году назначен был пристав из русских офицеров, состоящий в ведении начальника 3-го отделения Черноморской береговой Линии. Большая часть жителей Самурзакани христиане, податью обложены, совершенно покорны, не смотря на свой воинственный характер, но не отвыкали еще от маленького воровства и разбоев. В Самурзакани были построены крепости Илори и Анаклия, но они в последствии упразднены, так как особенной необходимости в них не представлялось.

3. ЦЕБЕЛЬДИНЦЫ (Замбал). Цебельду черкесы называют Хирпс-Куадж, т. е. аулом Херпса, по имени родоначальника цебельдинцев Херпсеа Маршания. Страна эта расположена на юго-западном скате Кавказского хребта, по верховью р. Кодора и ближайшим к ней ущельям.

Цебельда покорилась нашему Правительству в 1837 году и с тех пор управляется приставом. Верхняя Цебельда (Дал), лежащая по верховьям р. Кодора, весьма гориста и трудно проходимая, служила убежищем людей беспокойных, находивших содействие в разных непокорных племенах, как то: Псху, Ахчипсоу и Айбуга. Возмущение цебельдинцев в 1840 году побудило построить на урочище Марамба укрепление и взять у них аманатов. Этою мерою и покорением Псху было водворено спокойствие Цебельды, но для прочного порядка необходимо было усмирить Верхнюю Цебельду (Дал), что и было сделано в декабре 1840 года; тогда часть народонаселения с верховьев Кодора переселена в Абхазию и Цебельду. Но как впоследствии все эти переселенцы бежали, то, чтобы утвердиться в Дал, в 1842 году было предположено устроить на вершинах Кодора военное послание из 200 семейств. Предложение это удостоилось высочайшего утверждения.

4. САДЗЕН (Садзуа или Джигеты). Земля их граничит на восток р. Бзыб, на з. и ю. Черным морем, на с. Кавказским хребтом.

Джигетов составляют:

а) Псху. Племя это обитает на верховьях р. Бзыба и Меджиты. Оно весьма склонно к хищничеству и производит торг пленными, забираемыми преимущественно в Абхазии. Часть его в 1840 году покорилась, выдала аманатов и приняла к себе пристава. Другая часть общества Садзуа (Джигетов), живущая в окрестностях укреплений Св. Духа, в 1841 году изъявила тоже покорность и отказалась от содействия убыхам в набегах на наши пределы. Впрочем, во время возмущения цебельдинцев в 1840 году племена эти оставались совершенно спокойными, что и подает надежду на их покорность.

б) Ахчипсоу, живут по верховьям рр. Псху и Мдзымта. Никому непокорные, они отличаются духом воинственным, отважным и находятся

АЛЫТАИР

в тесной связи с убыхами. Крайне гористая местность, при значительном народонаселении, затрудняет их покорение. Единственная вьючная дорога к этому племени идет через землю Псху, со стороны же моря к нему нет доступа. Покорением Ахчипсоу может быть решен вопрос о покорности всего племени Садзуа, и откроется путь в землю убыхов.

в) Айбуга, обитают между обществами Ахчипсоу, Псху, Цандрипш, на пространстве между рр. Псху и Бзыбом и выше верховья реки Хашупсе.

Это – небольшое разбойничье общество, производящее преимущественно грабежи в Абхазии.

Все упомянутые три общества: Псху, Ахчипсоу и Айбуга, известны у черкесов, живущих на северной стороне Кавказских гор, под общим именем Медовеевцев, которые ведут с ними открытую вражду.

г) Цандрипш, живут по берегу Черного моря от устья реки Бзыба до устья реки Хашупсе, во внутрь же края простираются до Ахчипсоу и Айбуга.

Общество Цандрипш составляет владение князей Цан и Цанбеев; часть Цандрипша и небольшое общество Хышха (в верховьях Хашупсе), принадлежащее князьям Анчабадзе, покорилось в 1840 году и выдало аманатов; но покорность эта ненадежна по влиянию на это общество беспокойных соседей – убыхов, которые в конце 1840 года разорили князей Цанбеевых за преданность их нашему Правительству.

д) Кечьба, владение князей Кечь, лежащее между рр. Мдзимта и Хашупса; и

е) Аредба, владение князей Аред, находящееся между рр. Мдзымта и Хоста, на берегу Черного моря до границ убыхского общества Саше.

Два эти общества, как и вообще приморская Джигетская, расположены к покорности, но удерживаются страхом Убыхов и Ахчипсоу, покорение сего последнего повлекло бы за собою и покорность всех приморских обществ.

ё) Цвиджа и ж) Бага, между реками Хоста и Мдзымта и обществами Ахчипсоу и Аредба.

Два небольшие общества, не имеющие самостоятельности, потому что состоят из пришельцев и людей свободного состояния. Они находятся под сильным влиянием убыхов, а в особенности князей Берзековых.

Кавказский календарь на 1858 год, Тифлис, 1857, с. 259, 272 – 275.

2.188 Контракт, заключенный князьями Батом, Алмасханом и Кацом Аимхаа – Эмухвари с коллежским регистратором Карлом Звиноградзким о продаже ему самшитового (пальмового) леса.

Окум, 27 апреля 1859 г.

Подпоручик Бата сын Болехуху, прапорщик Алмасхана сын Тлапса и Каци сын Асланбея Эмухвари… заключили настоящий контракт с коллежским регистратором Карлом Острожев Звиноградзким о продаже нами сему последнему пальмового леса на нижеследующих условиях:

1) Г. Звиноградзкому предоставляется право рубить пальму во всех лесах, принадлежащих князьям Эмухваровым за условленную плату двадцать копеек серебром за кантар ($3^{1/2}$ пуда), полагая плату эту за те только бревна, которые будут годными и которые Звиноградзкий вывезет из лесу, на случай же окажения после срубки дерева испорченным червями или же с трещинами и дырами внутри, то за оное Звиноградзкий не обязан ничего платить, как равно овершья и ветви, которые тоже негодны.

2) Так как Звиноградзкий платит с весу, то ему предоставляется право рубить в размерах длины и толщины таких, какие он найдет для себя удобным.

3) Расчеты за все пальмовое дерево будет производить Звиноградзкий с одним только лицом, избранным из среди нас, именно с подпоручиком Бата Эмухвари.

4) Платеж денег будет производиться тот час же по приведении в известность сколько вырублено и вывезено из лесу.

5) Настоящий контракт имеет силу в продолжении трех лет со дня его составления, ежели Звиноградзкий начнет рубку леса в настоящем году, но ежели вовсе не начнет рубить в настоящем году, то контракт этот считается недействительным.

6) В продолжении того времени, когда Звиноградзкий будет рубить лес, никто более не имеет право заниматься рубкой ни из Эмухваровых, ни из посторонних лиц, а напротив того мы Эмухваровы обязываемся оказывать всякое пособие г. Звиноградзкому.

Контракт этот с обоих сторон обяжемся сохранять свято и ненарушимо, в том подписываемся собственноручно.

Коллежский регистратор Карл Острожев Звиноградзкий.

За неграмотностью князей Эмухвари контракт подписал некий Давитая.

Документ был составлен на русском и грузинском языках.

ЦГАА, ф. 57, д. 5, 1870 г., л. 53 об.

2.189 Письмо начальника главного штаба кавказской армии Карцова владетелю Абхазии М. Г. Чачба – Шервашидзе об отклонении его просьбы по передаче управления Абхазией его сыну.

10 декабря 1863 г.

М. г. кн. Михаил Георгиевич! Отсутствие мое из Тифлиса было причиной, замедлившей ответ на письмо в. св. от 21 октября за № 38.

Письмо в. св. по важности его содержания я счел долгом прочитать е. и. выс. командующему Кавказской армией. Болезненное состояние ваше

АЛТАИР

огорчает в. кн. вдвойне – и в отношении вас лично и в отношении края, составляющего ваше владение. Его выс. считает своей обязанностью пещясь об интересах и пользах абхазского народа столько же, как и о других подданных г. и., вверенных высочайшей властью его управлению, и потому очень озабочен происшедшими в прошлое лето в Абхазии беспорядками и просит в. св. принять все меры к водворению в крае спокойствия.

Сына в. св. кн. Георгия в. кн. приказал теперь же вызвать из Кубанской области с тем, чтобы потом уволить в отпуск до апреля месяца для свидания с вами. Что же касается до выраженных вами предположений – поручить ему управление Абхазией, то его выс. изволил отозваться, что допущение его к управлению народом превышает права наместника и требует высочайшего разрешения и что, сверх того, кн. Георгий по молодости лет своих, по малому знакомству его с теми требованиями, которым должен удовлетворять правитель народа, – едва ли может в настоящее время исполнять обязанности эти с пользой для края.

Сообщая в. св. по приказанию в. кн. этот отзыв е. выс., прошу вас верить чувствам глубокого моего к вам уважения и неизменной преданности, с коими имею честь быть[1]…

ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 180, л. 1. Копия рукописная.
Документы по истории Грузии. Т. 1. Ч. 1. (Под ред. Ш. К. Чхетия).
Тб. 1954. С. 635 – 636.

2.190 Из сведений о действиях владетеля Абхазии М. Г. Чачба – Шервашидзе и о положении края.

1863 г.

Все сведения о поведении в минувшую кампанию ген.-ад. кн. Шервашидзе были сообщаемы покойным ген.-лейт. кн. Бебутовым и ген.-ад. Муравьевым в отзывах их к военному министру для всеподданнейшего доклада.

В этих сведениях объяснялось, что кн. Михаил Шервашидзе, по выходе наших войск из Абхазии, спрашивал разрешения где ему находиться во время войны. По всеподданнейшему об этом докладу, еще в бозе почивающий, г. и. изволил выразить желание, чтобы кн. Шервашидзе находился в Тифлисе, на что, впрочем, обстоятельство должно быть определено по прибытии на Кавказ главнокомандующего ген.-ад. Муравьева.

Ген.-ад Муравьев при свидании своем с кн. Михаилом Шервашидзе, передал лично ему, что для него самое удобное будет находиться в Тифлисе или в войсках действующего на Кавказско-турецкой границе корпуса. Но кн. Шервашидзе оставался после того около года в Мингрелии у своего тестя кн. Георгия Дадиани, а потом без разрешения высшего начальства, отправился в Абхазию, занятую турками, где и оставался до окончания кампании.

[1] Слева на поле документа помета карандашом: «С просьбой от имени е. и. выс. командующего армией принять меры к прекращению беспорядков в Абхазии и с извещением о разрешении е. выс. отпустить молодого кн. Георгия Шервашидзе для свидания с родителем, но не с тем, чтобы ему было передано управление Абхазией, для чего е. выс. находят кн. Георгия слишком неопытным, и разрешение сего превышает данную командующему армией власть» – (**док.**).

О поведении его в это время получались самые разноречивые сведения: по одним источникам он совершенно предался в руки турецкого правительства, а по другим, и как сам Шервашидзе объясняет, что цель его пребывания в Абхазии была сохранить свое владение от разорения и присутствием своим употребить все влияние к отклонению абхазцев и горцев от сбора для действий против русских; находиться же среди русского воинства в бездействии и видеть как менее его достойные возвышаются над ним доверием, кн. Михаил считал несовместимым с его достоинством.

В одном из своих отзывов 27 февраля 1856 г. № 73 ген.-ад. Муравьев выразил мнение, что в действиях владетеля Абхазии обозначается двуличное поведение против нас и турок, происходящее от волнующих его сомнений за кем из воюющих держав останется Абхазия. Он не имеет искренней привязанности ни к одной стороне, но желает сохранить свое владение и считает себя вправе держать род нейтралитета, забывая свое высокое звание ген.-ад. е. и. в. Окончательным же приговором, в поступках кн. Михаила Шервашидзе, ген. Муравьев полагал повременить до более удобного времени.

Г. и., одобрив мнение ген.-ад. Муравьева о поступках кн. Михаила Шервашидзе, высочайше соизволил утвердить предположение об отложении до более благоприятного времени произнесение правосудия над сим человеком, который в то время мог причинить нам вред, употребив во зло свое богатство и свое влияние.

По заключении мира ген.-ад. Муравьев вошел с представлением о произнесении приговора над кн. Михаилом Шервашидзе, излагая мнение о том, что он полагает: кн. Шервашидзе, устранив от управления Абхазиею, отправить на жительство в одну из отделенных от Кавказа губерний, с назначением ему достаточного содержания, и затем определить, должен ли оставаться в Абхазии прежний порядок управления, на основании высочайше дарованной в 1810 году грамоты владетельному дому кн. Шервашидзе, или же за измену владетеля устранена будет и фамилия его от наследства краем и последний отдан будет в военное управление.

По такому представлению последовало высочайшее повеление о том, что е. и. в. в действиях кн. Михаила Шервашидзе не изволит находить прямых доказательств преднамеренной и с сознанием цели рассчитанной измены, а потому г. и., не входя в тайные побуждения кн. Михаила, изволил считать последовавшее о нем в видах высочайшего милосердия решение об оставлении этого дела без последствий, неподлежащим никакому изменению.

АЛЫТАИР

Вместе с тем, кн. Шервашидзе поручено было введение наших войск в Абхазию после выхода турок, дабы тем дать ему случай водворением спокойствия в этой стране, заслужить милостивое внимание г. и. (как это сказано в отзыве военного министра от 16 июня 1856 г. № 315).

Вскоре по занятии нашими войсками Абхазии к осени 1856 г. были учреждены должности кутаисского генерал-губернатора и командующего войсками в Абхазии. Назначенные на эти места ген.-лейт. Гагарин и ген.-м. Миронов, будучи заняты приведением в порядок расстроенных наших дел в этой части края, после минувшей кампании и возведением укреплений на восточному берегу Черного моря, не могли близко следить за положением дел в Абхазии, а потому от них не было сообщаемо по этому предмету сведений. Но вступивший в 1858 году в командование войсками в Абхазии, ген.-м. Лорис-Меликов, ознакомившись с краем, в записке от 3-го октября 1858 года сообщил следующее:

В сентябре месяце 1858 года стали являться к ген. Лорис-Меликову старшины убыхов, с изъявлением готовности вступить в мирные и близкие сношения с нами, но в этом главною помехою служила ложная политика и непонятное убеждение, существовавшее в фамилии кн. Шервашидзевых. Все они, почти без изъятия, уверены в том, что непосредственно вслед за подчинением России земель, окружающих Абхазию, значение их и почет, коим они пользуются от нашего правительства, должны будут прекратиться. Убеждения эти до того вкоренились в Шервашидзевых, что всякое старание уверить их в противном сопряжено с огромными затруднениями или оказывалось невозможным.

Владетель Абхазии, воспитанник убыхов, пользуется в этом племени влиянием совершенно исключительным. Что он у убыхов сильнее Магомета-Амина и прочих проповедников, в том нет сомнения и, при искреннем желании его, дело подчинения власти нашей джигетов, убыхов, псхувцев и ахчи-псхувцев потребовало бы с нашей стороны немногих усилий.

Так, например, псхувцы, боясь наказания за хулиганство, произведенное летом 1858 года в окрестностях Сухума, являлись к владетелю с изъявлением покорности и соглашались дать аманатов.

Кн. Михаил Шервашидзе еще больше, чем прочие члены его фамилии, вкоренил в понятия свои вышеприведенные убеждения и потому влияние свое на горцев употребляет в видах личного интереса.

Таким образом, когда сильные княжеские фамилии в Абхазии, составляя отдельные оппозиции против владетельного дома, угрожали ниспровержением его власти или восстанием в Абхазии, тогда кн. Михаил, в числе прочих мер, оставаясь сам в стороне, направлял партии убыхов для разорения наиболее сильных вассалов своих и этой системой дошел до того, что в настоящее время нет князя, который был бы в состоянии поднять голос против деспотизма владетеля.

Стремления кн. Шервашидзе заключаются в том, чтобы держать горцев в отношении к правительству нашему в двусмысленном положении и стараться, чтобы всякое начатое дело, предпринятое без посредничества его, оканчивалось безуспешно. Но ежели владетель замечает в горцах намерение к серьезному предприятию, могущему угрожать безопасности всей Абхазии, то спешит тотчас принять меры к расстройству их планов. Так, когда в 1858 году Магомет-Амин, прибыв к убыхам, стал вводить у них народные суды и убеждать племена северо-восточного берега Черного моря соединиться в одно целое, владетель не замедлил принять меры противодействия и старания ген. Лорис-Меликова склонить его к этому не сопровождались усиленными просьбами; он видел ясно, что упрочение власти Магомет-Амина произойдет в ущерб его собственному влиянию. Небольших трудов стоило ему убедить горцев остерегаться набегов, не принимать его, так что Магомет-Амин, встреченный неласково и, опасаясь за свою целость, поспешил обратным уходом.

В 1858 году кн. Михаил стал часто болеть и вести жизнь более уединенную, такому его бездействию ген. Лорис-Меликов и приписывает вступление убыхов в прямые сношения с нами, которые как последствия показали, остались без всякого результата, невзирая на то, что желание это выражалось неоднократно.

Кутаисский генерал-губернатор ген.-лейт. кн. Эристов в записке, приложенной при письме бывшему начальнику Главного штаба армии от 17 декабря 1858 года за № 728, подтверждает приводимые ген. Лорис-Меликовым доводы.

По делу о междуусобиях в Цебельде, ген.-лейт. кн. Эристов описывает следующий случай, бывший в Цебельде в присутствии его и командующего войсками в Абхазии ген.-м. Бартоломея.

В Цебельде, в фамилии Маршаниевых, кроме прежних раздоров, ведется спор о небольшом клочке земли, но ничтожный этот предлог был достаточен, чтобы раздражить самолюбие спорящих.

В верстах 1 ½ от укрепления Цебельдинского ген. Эристов и Бартоломей, прощаясь с цебельдинцами, услышали в шагах десяти, два пистолетных выстрела. Цебельдинцы всполошились и поскакали в разные стороны, один из Маршаниевых по имени Саат-бей был убит, а другой Шерин-Бей легко ранен.

Из общих отзывов народа в Абхазии и Цебельде оказывается, что спор о земле мог быть только придиркою происшествия, наверное известно, что умысел против фамилии Шерин-Бея заранее был приготовлен. Шерин-Бея хотели убить, как преданного нам человека и бывшего воспитанника кн. Дмитрия Шервашидзе, врага владетеля. Положительно уверяют, что все делалось по наущению из Абхазии и под влиянием высших лиц того края. В числе тех, которые стреляли, один Мегмед-Гирей был племянник владетеля.

Вслед за этим было происшествие, что двое солдат из батальона, разрабатывающего дорогу, были смертельно ранены двумя абхазцами.

АЛИТАИР

В заключение ген.-лейт. кн. Эристов говорит, что из всего этого можно понять, какое вообще существует направление в том крае и кто первый причиною беспорядков. Дальские Маршани всегда были главными виновниками беспокойств в Цебельде, и как племянник владетеля Мегмед-Гирей, так и другой убийца Саат-Бея, Алмасхеит, проживают и во время убийства находились в Дале.

Потом кн. Эристов, описывая распри, существующие в Цебельде со времени покорения ее с 1837 года выставлял, что административные меры никогда не оказывались в этом случае действительными и что, к крайнему сожалению, в том крае есть люди и люди влиятельные, которые, пользуясь настоящими обстоятельствами, разжигают страсти безумной молодежи, для приведения в исполнения своих замыслов..

Виновные в совершенных преступлениях почти никогда не обнаруживались, или, если были открыты, то никогда не выдавались: так например, по описанному здесь случаю командующий войсками в Абхазии донес, что для открытия виновных он каждый раз относился с просьбою к управляющему Абхазиею кн. Константину Шервашидзе, настоятельно требуя выдачи их в руки правосудия, но по всем этим просьбам он не получал никакого ответа и не замечал даже, чтобы были принимаемы какие-либо деятельные меры со стороны местного начальства к прекращению на будущее время подобных случаев в Абхазии.

Поэтому ген.-лейт. кн. Эристов полагал, управление в Абхазии подвергнуть коренному преобразованию, поделить на округи и участки, с убийцами поступить по всей строгости законов, а за укрывательство их старшин или виновных содержанию под арестом, денежному взысканию или высылке из края. Но ген.-ад. кн. Барятинский, не согласившись на эти преобразования, 12 ноября 1859 года сообщил обо всех этих злодеяниях, воровствах и убийствах владетелю Абхазии и просил его доставить соображения, какие он полагает принять меры к прекращению подобных беспорядков.

В ответ на это ген.-ад. кн. Шервашидзе уведомил главнокомандовавшего, что уже 18 месяцев, как он лежит в постели и управление Абхазиею поручено им брату его Константину, который по мере сил, кажется, добросовестно исполняет свою обязанность. Злодеяния, воровства и убийства, хотя действительно и случались, но виновные, если по исследованию, они оказывались абхазцы, немедленно выдавались начальству, большинство же беспорядков происходит от непокорных горцев.

Во всяком случае, говоря по совести, подобных беспорядков случается гораздо более и в других частях Кутаисского генерал-губернаторства, г. генерал-губернатор волен доносить, что ему угодно.

В заключение владетель пишет, что для охранения общественной безопасности в крае и для скорейшего выполнения всякого требования высшего начальства, он употреблял все средства и более еще ничего предпринять

не может, ввести же новый порядок в Абхазии и принять какие угодно к этому меры совершенно в воле е. с-ва г. главнокомандующего.

Но после того ген.-лейт. кн. Эристов сообщил, что дела в Абхазии не изменились, отношения между собою братьев владетеля недружественны, так что с отъездом кн. Михаила в отпуск, все три брата Константин, Александр и Григорий опасаются беспорядков; Константин даже просил дать в его распоряжение две роты, в чем ему кн. Эристов отказал, а предложил командующему войсками в Абхазии, в случае беспорядков, угрожающих войскам и спокойствию края, принять немедленно меры и взять непосредственно на себя управление Абхазиею впредь до особого распоряжения.

Генерал-майор Корганов, вступивший после ген. Бартоломея в командование войсками в Абхазии, в переписке с бывшим начальником Главного штаба, сообщал следующие сведения о положении дел в Абхазии:

1) В письме от 3 февраля 1860 года в Абхазии действие нашей православной епархии совершенно парализовано. Турецкий элемент, развившейся во время войны и поддерживаемый контрабандою, оставил здесь глубокие следы…

2) От 16 марта 1860 г. посетившая владетеля Абхазии в то время серьезная болезнь послужила к совершенному расстройству внутреннего управления Абхазии, и к тому же недостаток наших морских средств были причиною развития контрабанды, а некоторые пункты Абхазии сделались притоном турецких агентов и проповедников…

Настоящий командующий войсками в Абхазии полк (ныне ген.-м.-р) Шатилов, по вступлении своем в эту должность в 1861 году, не мог долго оставаться бессильным зрителем случаев убийства и увода в плен солдат во всех пунктах вверенного ему края. Учащение этих происшествий и совершенная безнаказанность виновных убеждают в том, до каких гибельных результатов может довести следование принятой системы во внутренних делах Абхазии.

Полк. Шатилов в рапорте от 29 сентября 1861 года за № 14, выставляя печальную картину положения нашего в Абхазии, выражается следующим образом: хотя Цебельда и Абхазия находятся в отдельных условиях, но события в них идут рука об руку, как бы повинуясь одной воле, невиданно для нас направляющейся к известной цели. Далее, из донесения полк. Шатилова видно, к чему привела нас эта система: не решив сами по себе ни одного вопроса, касающегося внутреннего управления в Абхазии, не выказав ни одного самостоятельного распоряжения, не показав своей силы, мы заставили смотреть на себя народ, как на слепое орудие управляющего им человека. Народ видел, что по преставлению владетеля ссылаются в Сибирь его враги, что войска русских охраняют его безопасность и что владетелю дано право на введение тяжких монополий в торговле. Не подлежит сомнению, что следствием этого было отчуждение от нас народа.

АЛЫБТАИР

С другой стороны владетель чувствовал необходимость для личной даже безопасности, приобретение сильного авторитета в народе; занятие нами края, непонимание населением наших целей и стремлений, дали кн. Михаилу Шервашидзе средство стать в глазах народа защитником его прав и единственною опорою обычаев и вольностей. Торговля людьми, турецкая пропаганда… запрещенная торговля и бессилие наше в прекращении различного рода беспорядков в Абхазии, ставили нас в затруднительное положение.

С 1857 года, редкий месяц проходил без какого-нибудь кровавого эпизода, жертвою же этих беспорядков преимущественно были наши солдаты, они беспрестанно падали как в колоннах, так и в отдельных командах и вблизи укреплений. Полк. Шатилов, также как его предшественники, убедился, что эти беспорядки перешли и в Цебельду, где главными двигателями их были дальские князья, ближайшие родственники владетеля Абхазии.

Приезд г. и. в край и лично выраженная владетелю Абхазии воля е. в., нет сомнения, могла иметь влияние на временное исправление дел; по крайней мере, кн. Михаил Шервашидзе при личном объяснении с полк. Шатиловым, выразил неодобрение действий дальских князей и сочувствие всем мерам, могущим водворить порядок и спокойствие в крае. Но командующий войсками в Абхазии, не вполне полагаясь на эти уверения, с своей стороны, также как и его предместник, представил кутаисскому генерал-губернатору соображение о мерах к прекращению этих беспорядков.

Ген.-м Колюбакин, по вступлении своем в исполнение должности кутаисского ген.-губ., отправился в Абхазию для принятия личного начальства над собранным отрядом, для проложения дороги в общество Псху, но предварительно он счел долгом войти в подробное рассмотрение положения тамошнего края и сопредельных с ним народов.

По внимательном убеждении ген. Колюбакина, точно также как и его предместник, нашел край совершенно обессиленным внутренними междоусобиями. Говоря о положении убыхов и джигетов ген.-лейт. Колюбакин объясняет, что они колеблются в нерешимости принятия подданства русскому правительству между двумя противоположными влияниями: с одной стороны, силою русского оружия, а с другой, коварными внушениями внутренних и внешних явных и скрытых противников могущества России на Кавказе, вообще, а в том крае в особенности. И если в землях непокорных нам существует это двоякое влечение, то нельзя сказать того же о земле покорной нам, которую ген. Колюбакин не желает назвать. Здесь к несчастью выказывается только одно начало: произвол, сосредоточенный в одной личности, и потому страна эта не может там служить базисом операционных наших действий, как это подтвердилось на самом деле при движении отряда в Псху.

Продолжая разработку дороги и движение отряда в это общество, ген. Колюбакин получил известие, что часть псхувцев с союзниками различных

племен, преимущественно абхазского происхождения, перевалились через хребет Дау, для нападения на отряд, а из приморских торговых пунктов закупают порох и свинец. Действительно первый раздавшийся выстрел 30 июня 1861 года в солдата, фуражировавшего в виду отряда, возвестил, что известие это справедливо, и что мы покорных псхувцев и землю абхазскую должны считать нашими врагами.

Следующие обстоятельства доказывают враждебное расположение к нам населения Абхазии: по пути следования отряда воды оказывалось недостаточно; а между тем на месте расположения отряда найден был колодец, как видно, умышленно засыпанный: в одном месте найдено 28 цилиндров, пробуравленных в камнях и тщательно забитых землею и глиною. В виду нашего лагеря, неприятельские партии сообщались с абхазскими аулами и, наоборот, некоторые туземцы, находящиеся в лагере положительно утверждали, но под величайшею тайною, что большая часть участвовавших в перестрелке с отрядом были абхазцы, ибо по стезям, ведущим к аулам абхазским, видны были следы крови, истекавшей из переносимых раненых; в отнятых у неприятеля патронташах оказался порох турецкий и английский, тайно продаваемый во всех прибрежных базарах Абхазии; нельзя было рассчитывать с полной уверенностью ни на одного лазутчика, ни на одного переводчика из местных жителей. Абхазцы, желающие нам добра, боятся заявить свое сочувствие.

После того, само собой разумеется, что подобные неожиданные препятствия должны были изменить самый характер нашего предприятия; вместо дорожных работ приходилось войска употреблять для собственной защиты.

А потому, после нескольких жарких перестрелок, ген. Колюбакин, видя невозможность продолжить начатое дело, принужден был предпринять отступление и поспешить обратно в Абхазию, где по личному его соображению и по убеждению оставшегося старшим в Абхазии, гвардии полк. Шервашидзе, присутствие его казалось необходимым, ибо в тылу наших войск население абхазское по р. Гумисте, получив известие об отступлении нашего отряда, выслала семейства свои в безопасные места и рассылалось с оружием в руках, но только угрозы ген. Колюбакина – сжечь и истребить все дома их, могли восстановить нарушенный порядок.

Сам владетель находился в это время в отсутствии в Боржоме.

После смут в Дале и движения нашего туда отряда, в 1860 году волнения в Цебельде прекратились; цебельдинцы стали сознавать наши средства, они совершенно покойны и вполне повинуются нашим властям. Напротив того, в Абхазии дела по-прежнему находились в весьма неудовлетворительном состоянии, там началась усобица между князьями и даже владетельного дома.

Таким образом, в начале 1863 года Бзыбский округ был разорен в отмщение за убийство кн. Чачаги Иналипова, а в июне месяце того же года, по случаю убийства племянника владетеля кн. Хирита Дзяпш Ипы, один

АЛЫТАИР

из крестьян подвластных кн. Григорию Шервашидзе, было нападение родственников убитого на имения кн. Григория, окончившееся сожжением домов, убийствами, грабежам и захватом в плен жителей. Нападение это до того встревожило всех жителей Абживского округа, что старшины этого округа явились к ген.-м. Шатилову, прося его участия к восстановлению спокойствия.

Не имея права, без приглашения со стороны абхазских властей, употребить вооруженную силу для прекращения беспорядков, ген. Шатилов старался убедить управляющего Абхазией кн. Александра Шервашидзе изыскать другие меры к успокоению края, но после того сам кн. Александр с семейством и сестрою владетеля княгиней Русуданою, возвращаясь с богомолья, подверглись нападению кн. Маджары и Гида Шервашидзе, в отмщение за разорение имения кн. Григория.

Владетель в это время находился в отсутствии из Абхазии.

В 1861 году, в бытность на Кавказе, г. и. изволил лично возложить на владетеля Абхазии проложение дороги в Псху. Работы должны были начаться с весны 1862 года.

Так как владетель собирался ехать за границу, то бывший командующий армиею поспешил войти с ним в соглашение касательно времени поездки его в отпуск и предстоящей экспедиции, предоставляя в сем последнем случае в его распоряжение все средства и войска, находящиеся в Кутаисском генерал-губернаторстве, о чем просил его войти в соглашение с ген.-губ-ом.

Ген.-лейт Колюбакин в свою очередь, не ожидая уведомления от ген.-ад. кн. Шервашидзе, сообщил ему, что в его распоряжение могут быть назначены 6 батальонов и 4 орудия (т. е. войска, расположенные в том крае, кроме гарнизона).

Не дав ответа ген. Колюбакину, владетель написал начальнику Главного штаба письмо, в котором выразился, что он находит с своей стороны неловким, хотя только по летам своим, входить в прямое сношение с ген.-губ-ом, а потому если невозможно устранить эти сношения, то он представляет командующему армией, для исполнения возложенного на него поручения, назначить кого будет угодно его сиятельству.

Вслед за тем кн. Шервашидзе, собираясь в поездку в Константинополь на два месяца, просил о выдаче всей пожалованной ему аренды 10 т. руб. в год, что составляло за 18 лет 180 т., – под предлогом употребления этих денег на обновление одного древнего храма, стены которого еще сохранились.

Вместе с тем владетель требовал, для исполнения возложенного на него поручения, назначить 8 батальонов в полном комплекте, 1000 человек милиции, роту сапер, одну батарею, 50 казаков и 350 черводарских лошадей.

В ответ на это ему было препровождено исчисление о количестве процентов, подлежащих по закону к вычету из пожалованной ему аренды, в

надежде, что он, увидевши размер вычета, изменит свое намерение. По назначению же в его распоряжение просимого им числа войска, выставлена было вся невозможность исполнить его требование. Кроме того, для убеждения его в этом, а также в необходимости входить в прямые сношения с ген.-губ-ом касательно возложенного на него поручения, командирован был к владетелю ген.-квар. ген.-м. Зотов, все убеждения которого не принесли никакой пользы, и кн. Шервашидзе остался непреклонен в своем желании относительно числа войск; ненависть же свою к ген. Колюбакину выражал ген. Зотову в самых неприличных словах[1].

Вследствие сего пришлось отказаться от предположенной экспедиции и в 1862 году предположено было ограничить наши действия рекогносцировкой горных путей, ведущих из Сухума через общество Псху на северную сторону Кавказского хребта – посредством наряда особой комиссии, которая как принятая под покровительство владетеля Абхазии, совершила беспрепятственно переход через главный хребет, хотя ходила первоначально по тому же пути, по которому следовал отряд ген.-м. Колюбакина, с небольшим прикрытием из туземной милиции и была встречена на пути 3 т. ахчи-псхувцев и убыхов, возвращавшихся с ранеными и убитыми, по отбытии их от ст. Псеменской.

С 1857 года владетель стал постоянно болеть и отсутствовать из края, а в прошлом году в письме начальнику Главного штаба выражал желание оставить управление краем и просил командировать к нему старшего сына его и наследника кн. Георгия, прап. лейб-гвардии Преображенского полка, адъютанта е. и. выс. командующего армиею, для приучения его к управлению краем под руководством своим.

Документ без подписи.

ЦГИАГ, ф. ОВД, д. 48, л. 1 – 21.
Документы по истории Грузии. Т. 1. Ч. 1. (Под ред. Ш. К. Чхетия).
Тб. 1954. С. 636 – 646

[1] Ненависть эта, должно полагать, происходит от того, что сын Дмитрия Шервашидзе, врага владетеля воспитывался у жены Колюбакина за границею; других поводов к этому не было – **(док.).**

АПБТАИР

РАЗДЕЛ III.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ, СИСТЕМ ВЛАСТИ, ТРАДИЦИОННОГО ПРАВА АБХАЗИИ С 1864 Г. ДО НАЧАЛА XX ВЕКА

(период нахождения в составе Российской Империи в статусе административно-территориальной единицы – 1864 –1917 гг.)

3.1 Из письма наместника Кавказа вел. князя М. Н. Романова Александру II о положении Абхазии и ее владетеле М. Г. Чачба – Шервашидзе.

Тифлис, 23 марта 1864 г.

… Отправляю курьера теперь же собственно для того, чтобы написать тебе о делах Абхазии и успеть получить твое решение до моего отъезда в Сухум-Кале…

… По мере успеха военных действий наших на Восточном берегу Черного моря и приближения отрядов к земле убыхов, поведение владетеля Абхазии становится все более странным и двусмысленным: тесные почти дружеские отношения кн. Михаила с убыхами выражаются тем, что почетнейшие из них постоянно к нему приезжают за советами, а самый влиятельный Хаджи Берзек даже жил зимою в его доме; кроме того, владетель не только непретил своим подвластным помогать убыхам и выходцам абадзехским и шапсугским, столпившимся на их земле и терпящим голод и всякие лишения, но даже обложил абхазцев налогом хлеба в пользу наших врагов. Ходят даже слухи, что абхазцы готовятся восстать против нас в помощь убыхам. В прошлом феврале кн. Михаил обратился с письмом к князю Мирскому, с просьбой исходатайствовать увольнения своего от действительной службы, говоря, что крайнее расстройство его здоровья препятствует ему заниматься делами. (Копия этого письма препровождается также к военному министру). Я приказал дать владетелю уклончивый ответ, предлагая лично объясниться со мною по прибытии моем в Сухум и разъяснить в чем именно заключается его желание. Если беспристрастно взвесить на сколько управление Абхазиею теперешнего владетеля было полезно для России, то едва ли возможно иначе отвечать как отрицательно. Независимое положение Абхазии имело смысл покуда восточный берег Черного моря был населен враждебными нам племенами, ибо тогда между владениями последних и нашими было выгодно нам иметь полуподвластный народ, заграждавший возможность убыхам беспрепятственно беспокоить наши границы, тем более, что большая часть наших вооруженных сил была отвлечена упорною войной для покорения восточного Кавказа. Но теперь благодаря богу существовавшие обстоятельства совершенно изменились. Во время Восточной войны поведение кн. Михаила было крайне загадочное… не наступило ли

время удалить навсегда владетеля Абхазии с его потомством от управления страною, разумеется обеспечив твоими щедротами его существование?

В делах Главного Штаба находится письмо князя Михаила, писанное еще в 1847 году, к князю Воронцову, в котором он уже тогда просил уволить его от управления; кн. Михаил Семенович отклонил его просьбу, что по тогдашнему положению наших дел весьма понятно. Эти два письма составляют два важных документа, коими по моему мнению следовало бы нам теперь же воспользоваться, чтобы разом покончить с Абхазиею и образовать из нее вместе с Цебельдою, особый военный округ, и если в Абхазии окажется достаточно свободной земли, то поселить на ней казачье население, связанное с Кубанским войском…

ЦГАОР, ф. 678, оп. 1, д. 805, лл. 61 – 64. Подлинник.

3.2 Из записки наместника Кавказа вел. князя М. Н. Романова «о положении Абхазии».

(март 1864 г.)

В виду близкого осуществления высочайше одобренных предположений о заселении казачьими станицами Восточного берега Черного моря от устья Кубани до р. Бзыби, представляется необходимость решить вопрос о будущем положении Владения Абхазского: должна ли Абхазия оставаться в настоящем ее положении, т. е. под безотчетном управлении князя Михаила Шервашидзе, или же в ней должно быть введено управление, устроенное на других началах.

Шестьдесят лет прошло с тех пор как Абхазия признала верховную власть российского государя и отец князя Михаила Шервашидзе признан был наследственным ее владетелем. Страна эта…, раздираемая междоусобиями различных княжеских фамилий, постоянно подвергавшаяся насилиям турок… со времени присоединения к России получила от русского правительства внешнюю защиту.

Занятое упорною войною на всем пространстве от Каспийского до Черного моря, правительство русское не могло в то время отделить достаточных средств для того, чтобы взять эту страну в полное подчинение для водворения в ней внутреннего порядка, ограничивалась только поддержкой власти владетеля, в надежде на то, что власть эта не упустит употребить сообщенную ей силу для блага народа и будет с благодарностью относиться к России, как к источнику своего существования. На основании этих соображений, предоставлены были владетелю безотчетный суд и расправа во всем крае. Правительство наше осыпало его щедрыми наградами, награждало всех, кого он желал, без суда отправлял в ссылку тех, кто казался ему вредным. Благодаря этой поддержке, власть князя Шервашидзе, прежде весьма шаткая и неопределенная, сделалась вполне неограниченною; но, к сожалению, не привела Абхазию к тому, на что вправе было рассчитывать русское правительство.

АЛЫТАИР

Народ абхазский, занимающий самую лучшую часть Кавказского края, упал до последней степени нищеты…

Уничтожение такой власти, которая, умышленно, или неумышленно, сделала столько зла и так долго делало это зло, составляет обязанность нашего Правительства. Существование такого управления, какое было в Абхазии, и без того служит нам укором. Но до сих пор мы имели некоторое оправдание в военных обстоятельствах края; мы могли, хотя сами обманывая себя говорить, что без пособия власти владетеля, не имели бы сил держать Абхазию в повиновении и ограждать себя от убыхов; мы представляли Абхазию краем, прикрывающим другие наши земли, более важные. Но теперь уже и этого оправдания не существует. Теперь уже нет причины оставлять целый народ под таким управлением, которое может служить образцом зловредности, при котором еще недавно, в глазах наших, происходили грабежи и междоусобная резня и продано в рабство мусульманам несколько десятков христианских семейств.

Если изложенные причины будут признаны достаточными, чтобы решить абхазский вопрос в пользу России и абхазского народа, т. е. уничтожить безотчетную власть владетеля, то представляется необходимость обсудить каким образом и когда это исполнить: постепенно ли ограничивать власть владетеля учреждением при нем административного совета, или сразу заставить его отказаться от власти…

По всем изложенным причинам всякие переходные меры для преобразования управления Абхазии в настоящее время должны считаться вредными и вопрос этот всего выгоднее решить тотчас же по окончательном покорении горцев и очищении Восточного побережья.

Главными основаниями при решении я полагал бы принять следующее:

1) Владетеля и наследника его склонить отказаться от права владения.

2) Назначить владетелю и наследникам его содержание их обеспечивающее.

3) Из Абхазии образовать военный округ, который вместе с Цебельдою подчинить особому военному начальнику на правах Начальника отделов в областях с подчинением кутаисскому генерал-губернатору.

4) Если количество свободных земель дозволит, то водворить вдоль берега до устья Ингура казачьи поселения, которые вместе с поселениями по р. Бзыби, могли бы составить Абхазское казачье войско под управлением начальника Абхазского военного отдела.

и 5) Границею между Кубанским и Абхазским войском назначить хребет, замыкающий Гагринскую теснину и отделяющий теперь Абхазию от земли джигетов.

Генерал-фельдцейхмейстер Михаил.

ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/268, св. 877, 1864 г., лл. 8 –14 об

3.3 Из Записки члена Кавказского комитета Буткова наместнику Кавказа вел. кн. М. Н. Романову о вознаграждении владетеля Абхазии М. Г. Чачба – Шервашидзе в связи с предполагаемым упразднением автономии Абхазии.

1 мая 1864 г.

Г. и. по представлению е. и. выс. наместника кавказского, находя необходимым теперь же ввести в Абхазии русское управление, освободив ее совершенно и навсегда от власти ее владетеля кн. Михаила Шервашидзе и его наследников, вместе с тем изволил признать справедливым оказать кн. Михаилу вознаграждение за потерю тех денежных выгод, которыми он пользовался, обеспечив существование его и его наследников в будущем.

В сих видах его величеству благоугодно было повелеть: составить предварительные соображения о том, в какой именно мере это вознаграждение, согласно с бывшими примерами, может быть оказано князю Михаилу Шервашидзе.

Для составления сих соображений признано необходимым в настоящей записке изложить: 1. Права и выгоды, коими владетель Абхазии ныне пользуется; 2. Вознаграждения, кои были оказаны другим подобным лицам, и 3. Соображения о том, какое вознаграждение можно было бы оказать кн. Михаилу Шервашидзе за потерю выгод, коими он пользуется теперь.

1) О правах и выгодах, коими владетель Абхазии ныне пользуется.

Из сведений, имеющихся в делах Кавказского комитета, видно, что в Абхазии всего считается до 70 т. жителей обоего пола. Все абхазцы разделяются на тавадов или князей, дворян, крестьян и рабов. Вообще эта страна имеет феодальное устройство. Власть владетеля зависит более всего от его личных достоинств и от того влияния, которое он приобрел на народ. Князья в Абхазии двух родов: из них, первый составляют члены фамилии Шервашидзе, вообще, небогатые и вполне зависящие от милостей владетеля. Прочие же князья владеют большей частью значительными поместьями и даже дворянами и не платят никаких податей. Дворяне также не несут никаких повинностей, за исключением обязанности являться по приказанию владетеля для суда и защиты. Сильные по своим поместьям князья и дворяне часто противодействуют власти владетеля, который не всегда решался бороться с необузданностью своих подвластных.

Владетельный князь имеет родовые уделы, состоящие из селений Соуксу, Очемчиры и других. Кроме того он пользуется правом сбора различных пеней или штрафов. Пространство родовых его уделов, доводы с них получаемые, а также доходы, коими пользуются владетель, вообще, – неизвестны; также неизвестны и расходы, кои он отделяет от своих доходов на содержание окружающих его лиц, его стражи и вообще на все управление Абхазиею.

АЛЫТАИР

Настоящий владетель Абхазии кн. Михаил Шервашидзе имеет чин ген.-лейт., в который он произведен в 1845 году, и звание ген.-ад., пожалованное ему в 1849 году. Он имеет ордена: Св. Александра Невского с алмазами, Белого Орла, Св. Владимира 2ст., Св. Анны 1 ст. с короною и Св. Станислава 1 степени. Последнюю награду алмазы на орден Св. Александра Невского, он получил в 1861 году. Семейство кн. Михаила составляют жена и сын. Князь Михаил Шервашидзе был сначала женат на дочери князя Николая Дадиани, одного из самых богатых помещиков в Мингрелии, но между ними вскоре после брака прекратились всякие сношения, а кн. Михаил без церковного расторжения первого брака, вступил во второй брак, тоже с княжною Дадиан, – но другого дома. Союз этот некоторым образом признан нашим правительством, так как вторая его жена в 1840 году, пожалована кавелириственною дамою ордена Св. Екатерины меньшего креста, а родившийся от нее князь Георгий пожалован в прапорщики гвардии. Сын сей состоит ныне в чине подпоручика и находится в должности адъютанта при е. и. выс. наместнике кавказском.

У кн. Михаила Шервашидзе есть два родные брата: Константин и Александр, кои имеют свои незначительные имения в Абхазии, но ни о семействах сих лиц, ни об их имениях сведений здесь не имеется.

Кн. Михаилу Шервашидзе оказаны были нашим правительством следующие милости и пособия:

1. В 1847 году, по случаю поступления в каратинно-таможенное ведомство 3 портов Абхазии (Очемчиры, Келасуры и Гудава), от которых владетельский абхазский дом имел прежде большие выгоды, произведя торг контрабандою, высочайше утвержденным положением Кавказского комитета разрешено: членам сего дома, в ознаменование особого всемилостивейшего внимания к этому дому за его преданность и усердие, производить: владетелю Абхазии, ген.-ад. кн. Михаилу Шервашидзе 9500, а двоюродному брату его кн. Дмитрию (ныне умерший) 2500, обоим же вместе 12000 руб. сер. в год. По смерти в 1858 году кн. Дмитрия, производство сих 2500 руб. разрешено продолжить его сыну малолетнему князю Георгию Шервашидзе. Тем же положением Кавказского комитета 1847 г. определено: с приведением этого постановления в действие, обязать владетельный абхазский дом не допускать всеми зависящими от него средствами тайной и контрабандной торговли, кроме упомянутых выше и на всех других пунктах абхазского берега; в случае же нарушения этого условия, прекратить производство означенных выше денежных сумм, если только наместник кавказский, по военным и политическим обстоятельствам края, не найдет к тому какого-либо препятствия и затруднения.

2. В 1854 году ген.-ад. кн. Шервашидзе всемилостивейше пожалована аренда в 10 т. р. с. на 24 года. Срок сей кончится в 1878 году. Во время последней войны с Турциею, кн. Михаил Шервашидзе сообщил командующему Отдельным кавказским корпусом, что от турецкого султана был прислан к нему фирман о назначении его главнокомандующим всеми корпусами турецких войск в Азии и на Кавказе и о признании его владетелем всего восточного берега от Николаевска до Анапы, и что он, отвергнув предложение это в присутствии посланных и своих подвластных, бросил фирман на землю. В бозе почивший г. и. Николай Павлович, ценя такие доблестные чувства кн. Михаила, изъявил ему, в особом рескрипте, искреннее благоволение, и вместе с тем, во внимание, что он при тяжких событиях, постигших Абхазию, был временно лишен большей части своего достояния, пожаловал ему означенную выше аренду в 10 т. р. с. на 24 года.

3. С 1823 года производится кн. Михаилу Шервашидзе пенсия по 1000 р. с. в год. Пенсия эта назначена ему по особому высочайшему повелению и отпускается ныне из местных доходов Закавказского края.

Из сведений, доставленных Комиссариатским департаментом Военного министерства, видно, что князь Михаил Шервашидзе ни по чину ген.-лейт., ни по званию ген.-ад. никакого содержания от казны не получает.

2) О вознаграждениях, оказанных лицам владетельных родов на Кавказе …

3) О тех вознаграждениях, кои можно было бы оказать кн. Михаилу Шервашидзе.

Из всех вообще вышеприведенных сведений оказывается, что:

… Применяя эти общие основания к вознаграждениям кн. Михаила Шервашидзе, и его наследников за те выгоды, коих он лишится по введении в Абхазии русского управления, с освобождением оной вовсе от власти владетеля и его наследников, необходимо:

1. Сохранить кн. Михаилу Шервашидзе аренду в 10 т. р., которая ему пожалована в 1854 году на 24 года, и срок коей кончится в 1878 году, а также пенсию в 1 т. р. с., которая ему ныне производится.

2. Разрешить: следует ли оставить навсегда во владении кн. Михаила и его наследников те уделы, кои владетельный дом имеет в Абхазии, с тем, чтобы он владел сими уделами на общих правах, как и другие тамошние князья и пользовался доходами с оных по-прежнему. Обстоятельство это требует обсуждения и разрешения преимущественно в политическом отношении, так как с оставлением уделов во владении кн. Михаила Шервашидзе, он может сохранить некоторое влияние на дела Абхазии в будущем.

3. Если будет признано неудобным оставить уделы сии во владении кн. Михаила и его наследников, тогда необходимо принять сии уделы в казну с тем, чтобы доход, какой будет с оных исчислен, был обращен кн. Михаилу и его наследникам в потомственную пенсию.

Размер этого дохода неизвестен, а потому невозможно теперь определить: какую именно потомственную пенсию следует в этом случае назначить кн. Михаилу и его наследникам.

АЛИТАИР

4. Те 9500 т. р. с. в год, кои производятся кн. Михаилу в числе 12 т. р., определенных в 1847 году за поступившие в карантинно-таможенное ведомство порты в Абхазии, сохранить кн. Михаилу пожизненно, в виде особой монаршей милости, так как эти деньги назначены ему не потомственно, а скорее пожизненно, что видно из переписки о назначении 2500 р. брату его Дмитрию, а после смерти сего последнего оставленных, по особому высочайшему повелению, его сыну. Само собой разумеется, что от правительства будет зависеть по смерти кн. Михаила означенные 9500 р. с. сохранить его сыну, если сей последний своею службою России приобретет право на внимание и милость к нему правительства.

5. С введением в Абхазии русского управления, все доходы, кои получает ныне владетельный там дом не с своих уделов, и кои, принадлежа к разряду доходов правительства, на содержание вновь учреждаемого русского в Абхазии управления. За потерю сих доходов никакого вознаграждения кн. Шервашидзе назначать не следует; впрочем, если впоследствии окажется, что он часть этих доходов уделял на содержание себя и своей семьи, то взамен их, можно будет назначить ему соответственную пенсию, пожизненно, в виде добавки к той пенсии, какая ему ныне производится.

6. В случае назначения кн. Михаилу Шервашидзе потомственной пенсии, можно будет впоследствии капитализировать оную на том же основании, как капитализированы потомственные пенсии членам бывших царских домов: грузинского и имеретинского.

7. С освобождением кн. Михаила и его наследников от управления Абхазиею необходимо будет, сохранив ему звание ген.-ад-та е. и. в., пригласить его по этому званию иметь жительство или в С. Петербурге, или в Москве, объяснив ему, что до окончательного устройства русского управления в Абхазии пребывание его там и вообще на Кавказе будет неудобно.

8. При всех мерах, кои будут разрешены относительно владетельного абхазского дома, необходимо иметь в виду, что обеспечение будущего существования членов сего дома должно касаться не одного только князя Михаила и его сына, но еще его братьев и племянника, если они не имеют в Абхазии таких уделов и поместий, коими может быть обеспечена их будущность.

ЦГИАГ, ф. ОВД, д. 48, л. 52-68.
Документы по истории Грузии. Т. 1. Ч. 1. (Под ред. Ш. К. Чхетия). Тб. 1954. С. 646 – 654.

3.4 Из рапорта кутаисского генерал-губернатора Д. И. Святополк-Мирского наместнику Кавказа вел. князю М. Н. Романову о выселении жителей села Псху.

Кутаис, 5 сентября 1864 г.

… В Абхазии совершено спокойно, жители показывают полное послушание нашим властям…

Войска продолжают разрабатывать дорогу от Сухума в Псху. Ген. Шатилов делает движение в Псху и к перевалу, поднявшись от Сухума, он опустился по другому направлению, к Гудаутам. Оказалось, что к псхувцам присоединились многие ахчипсувцы и некоторые аибговцы. С появлением войск все это народонаселение спустилось к морю и отправилось в Турцию. Только часть псхувцев, живущих в трущобах по Бзыби, намерена была оказать сопротивление, но движение из разных сторон небольших частей войск заставило их отказаться от этого намерения…

Присутствие мое в Абхазии необходимо для устройства временного управления и для того, чтобы покончить с князем Шервашидзе… Употребляю все старания, чтобы склонить князя Шервашидзе к выезду из Абхазии. Было бы весьма прискорбно для нашего достоинства употреблять насилие против человека, носящего звание генерал-адъютанта… Во всяком случае, мерам насилия против князя Шервашидзе должны бы, мне кажется, предшествовать лишение его содержания и, наконец, звания генерал-адъютанта. Нет сомнения, что оставлять его в Абхазии не следует. Хотя пребывание его там, в настоящее время не имеет никакой важности. Но в случае каких-либо внешних столкновений, присутствие его отозвалось бы, вероятно, самым вредным образом. Все, что от меня зависит будет сделано, чтоб уладить это трудное дело…

ЦГАОР, ф. 649, оп. 1, д. 409, лл. 2 – 6. Подлинник.

3.5 Отношение генерал-квартирмейстера кавказской армии начальнику главного управления наместника Кавказа ст. сек. Барон А. Николаи об образовании Сухумского военного отдела в составе кутаисского генерал-губернаторства.

16 сентября 1864 г.

Его и. выс. главнокомандующий армией, признав необходимым с переходом Абхазии в непосредственное русское управление образовать в кутаисском генерал-губернаторстве особый военный отдел и, решив окончательно, что в состав этого отдела, кроме Абхазии, должны поступить Цебельдинское и Самурзаканское приставства, изволил приказать для подробного рассмотрения представленного кутаисским генерал-губернатором проекта положения и штатов военного отдела, с целью как определить самые начала, на которых, применительно к другим, существующим на Кавказе военно-народным

АЛТАМИР

управлениям, должны быть учреждены управления отдела и составных его частей, так и в частности проекта согласить с местными потребностями и с духом действующих по каждому предмету военных или гражданских законоположений, образовать особую комиссию из лиц военного и гражданского ведомства. В состав этой комиссии е. и. выс. приказал назначить председателем ген.-м. Бартоломея; членами – д. ст. сов. Барановского, камер-юнкера бар. Остен-Сакена, полк. Рославлева, над. сов. Леванду и подполк. Черкесова, разрешив к занятию в комиссию приглашать также отставного ген.-м. Карганова, если он будет находиться в Тифлисе.

Но так как введение в Абхазии правильного управления есть дело неотложной необходимости, то главнокомандующий армией 14/21 августа, № 1668, предложил кутаисскому генерал-губернатору, не ожидая сообщения к исполнению положения, которое будет утверждено е. и. выс. по проекту означенной комиссии, учредить немедленно временные управления как военного отдела, так и составляющих его 3-х округов (с оставлением управления Цебельдинского приставства в настоящем его составе) сообразно с проектированными ген.-ад. кн. Святополк-Мирским штатами и положением.

На издержки по содержанию новых управлений с 1 – го сентября по 1-ое января будущего 1865 года, согласно прилагаемому при сем соображению, е. и. выс. изволил назначить из остатков общих провиантских сумм на нынешний год по 5 т. руб.

О вышеизложенном приказании е. и. выс. в. кн., за отсутствием и по поручению начальника Главного штаба, имею честь уведомить в. пр-во.

Документы по истории Грузии. Серия I. Т. I. Ч. I. Тбилиси, 1954, с. 565.

ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 77, лл. 1 – 2.

3.6 Из письма наместника Кавказа вел. князя М. Н. Романова Александру II о введении в Абхазии нового управления.

23 сентября 1864 г.

… В Абхазии все благополучно и новое управление введено беспрепятственно и без всяких столкновений, несмотря на присутствие еще самого кн. Михаила Шервашидзе; но он до такой степени ведет себя скромно и отстраняется от всякого вмешательства в дела, что пребывание его в крае совершенно незаметно; слава богу! Тем не менее во исполнение твоей воли, совершенно согласной с моим взглядом, я положительно подтвердил кн. Мирскому объявить бывшему владетелю, что 1 октября назначается крайним сроком для его выезда и пригрозить ему, что если он к назначенному числу добровольно не выедет, то мы будем вынуждены употребить против него силу, и что в таком случае я буду ходатайствовать о лишении его звания генерал-адъютанта, как ослушника твоей воли. Надеюсь, что эта угроза будет иметь желательный результат…

ЦГАОР, ф. 678, оп. 1, д. 805, л. 92 об. Подлинник.

3.7 Рапорт командующего войсками в Абхазии полк. Коньяра кутаисскому генерал-губернатору Д. И. Святополк-Мирскому об аресте кн. М. Г. Чачба – Шервашидзе.

5 ноября 1864 г.

Предписания в. св-а, от 31 октября за №№ 9 и 10, мною получены, через подполк. гр. Кутайсова, в ночь с 1 на 2 ноября. В этот день назначалась нагрузка 2-х батальонов лейб-гренадерского Эриванского полка на суда для отправления их в Поти.

Так как одна сотня казаков была уже в Очемчирах, то, чтобы не терять времени на присоединение другой, расположенной в Бзыбском округе, и сохранить до времени в тайне сделанное мне поручение, я предположил употребить для выполнения его эриванские батальоны очемчирскую сотню. По причине дурной погоды на море погрузка войск замедлилась до 3 ½ часов по полудни 3 ноября. В Очемчири суда прибыли около 11 часов вечера; в тот же день и ночью производилась их выгрузка.

Около 5 часов по полуночи 4-го, я мог направить сотни казаков и 2 роты пехоты с подполк. гр. Кутайсовым в сел Кваски, где находился кн. Михаил Шервашидзе; колонну сопровождал исправляющий должность начальника Абживского округа майор Кишельский, а в 6 ¼ часов выступил сам с 2 батальоном лейб-гренад. Эриванского полка, две же роты этого полка оставлены были в сел. Очемчири.

Колонна подполк. гр. Кутайсова не застала в Кваски кн. Михаила Шервашидзе, который около 3 часов ночи, получив сведение о прибытии пароходов с войсками, бежал, бросив свои вещи и даже значительную сумму денег (17 тысяч на столе).

Вскоре по прибытии моем в Кваски (около 11 час. пополуночи) было получено сведение, что кн. Шервашидзе бежал через Гуп (на 5-верстной карте Гуф) по направлению к дальским горам, и что приверженцы его распускают слухи, что войска будут разорять край, забирать почтенных людей, что некоторые из них уже заарестованы в Сухуме и тому подобное. Последствием этих тревожных слухов было оставление селений жителями, которые начали скрываться в леса. Приняв меры к успокоению обманываемого народа и вызвав старшин сего числа я выступил с войсками в Гуп.

При следовании через гупские поселения прибыл к исправляющему должность начальника Абживского округа м. Кишельскому, посланный от ген.-ад. кн. Шервашидзе с объяснением причин его бегства на Кваски и приглашением посетить его в сел. Тхина, куда он успел переехать; посланный добавил к этому, что Михаил Шервашидзе намеревается отправиться в Кутаис.

Вследствие этого я распорядился отправить с майором Кишельским подпол. гр. Кутайсова, как доверенное лицо, предназначавшееся даже к исполнению распоряжений вашего сиятельства в случае, ежели бы я не имел

АЛЬТАИР

возможности выполнить их лично, поручив ему выставить кн. Шервашидзе крайнюю необходимость немедленного прибытия его в Кутаис, – поручение это выполнено им успешно и спустя 2 ½ часа, я получил от подпол. гр. Кутайсова извещение, что ген.-ад кн. Шервашидзе выезжает в сопровождении его в сел Кваски, чтобы следовать оттуда далее согласно распоряжения вашего сиятельства. Я тотчас же двинулся с войсками к этому селению, где уже застал кн. Михаил Шервашидзе, прибывшего часом ранее.

При свидании с ген.-ад. кн. Шервашидзе, он оправдывал свое бегство паническим страхом, вследствие внезапного движения войск без всякого предупреждения с моей стороны, – высказал мне, что он совершенно подчиняется распоряжениям начальства и просил только дать ему время собрать и перевести к Очемчирам необходимую часть своего имущества. Я снова подтвердил ему о необходимости немедленного отправления в Кутаис и объяснил, что в глазах народа ему неудобно будет оставаться под надзором войск. Тогда он попросил меня оставить сотню казаков и отпустить пехоту в Очемчири, давая честное слово выполнить ваши приказания относительно выезда из края.

Положиться на слово его светлости я счел себя не вправе, имея в виду предписание вашего сиятельства за №№ 9 и 11, – но согласно сделанному мне подполк. гр. Кутайсовым докладу о том, чтобы не объявлять ген.-ад. кн. Шервашидзе ареста, если он подчинится сделанным в отношении его распоряжениям, я не сказал его светлости, что он арестован, полагая возможным сделать это снисхождение, так как, находясь под надзором войск, в действительности он подвергнут аресту.

В заключение имею честь доложить, что я озабочусь, чтобы подполк. гр. Кутайсов мог доставить ген.-ад. кн. Шервашидзе в Кутаис сколь возможно поспешнее.

Полк. Коньяр.

ЦГИАГ, ф. ОВД, д. 48, лл. 129-132.
Документы по истории Грузии. Т. 1. Ч. 1. (Под ред. Ш. К. Чхетия). Тб. 1954. С. 654 – 655.

3.8 Объяснение М. Г. Чачба – Шервашидзе кутаисскому генерал-губернатору Д. И. Святополк-Мирскому о его намерениях, послуживших причиной его ареста.

6 ноября 1864 г.

Ваше сиятельство, Дмитрий Иванович! В небытность мою в доме, ген. Шатилов прибыл в дом мой с войском, а на другой день приехал ко мне адъютант ваш гр. Кутайсов, который объявил волю в. кн. И передал ваш совет, я тогда же отправился вместе с ним к Шатилову. Подобное обращение со мною меня удивило. Причиною было то, что я требовал пароход из Константинополя с целью отправиться в Иерусалим. Я никак не полагал, что это будет для правительства противно, тем более, что я писал наместнику о дозволении отправиться в Иерусалим, если нельзя было оставить меня в Абхазии.

В. с-во поверите, что я не воображал, что это будет противно, и не было секрета. Подумайте сами, можно ли было это скрыть, и не было надобности, и можно ли было уехать секретно такому состоятельному лицу, как я. За что считать меня таким неблагоразумным. Засим, что за моя жизнь[1].

Будучи в таком жалком положении, не стану вас более беспокоить. Все предоставляю вашей воле; старость моя помрачена. Вашего сиятельства покорнейший слуга

Михаил Шервашидзе.

ЦГИАГ, ф. ОВД, д. 48, л. 133.
Документы по истории Грузии. Т. 1. Ч. 1. (Под ред. Ш. К. Чхетия). Тб. 1954. С. 656.

3.9 Рапорт полк. В. А. Коньяра кутаисскому генерал-губернатору Д. И. Святополк-Мирскому об отправке кн. М. Г. Чачба – Шервашидзе в Новороссийск.

7 ноября 1864 г.

В дополнение к рапорту моему от 5 ноября[2] за № 2151, и во исполнение предписания переданного мне шт. кап. Добржанским, доношу в. с-ву, что бывший владетель Абхазии ген.-ад. кн. Михаил Шервашидзе сего числа доставлен в Очемчири и в 5 ½ часов пополудни отправлен на корвете «Сокол», в сопровождении шт. кап. Добржанского, в Новороссийск.

С тех пор как кн. Шервашидзе прибыл в сел. Кваски и до посадки на пароход, его светлость подчинялся безусловно всем распоряжениям, и потому я не имел надобности прибегать в отношении его к каким-либо понудительным мерам. Некоторое волнение, или вернее выразиться, смятение в народе, вызванное бегством кн. Михаила Шервашидзе, при движении войск из Очемчири в Кваски 4 ноября (о чем я доносил от 5 ноября за № 2151) весьма скоро было уничтожено обыкновенными административными распоряжениями. Вообще в народе не было заметно особенного участия к положению бывшего своего владетеля и даже лица из высших сословий, хотя и собрались в значительном числе между прочим из Сухумского и Бзыбского округов, но достаточно было объявления некоторым из них, что те только имели право прибыть для последнего свидания с кн. Шервашидзе, которые получили разрешения от окружных начальников, чтобы остальные возвратились обратно. Не менее того было однако, хотя и весьма ограни-

[1] Так в тексте – (**сост.**).
[2] См. наст. том док. № 10.

АЛЫТАИР

ченное число, личностей, компрометировавших себя участием в бегстве кн. Шервашидзе, но я не счел нужным подвергать их взысканию, так как по близким отношениям, в которых они находились к кн. Михаилу, взыскание это могло быть сочтено наказанием за привязанность и расположение к бывшему их владетелю; кроме того некоторые бежали только потому, что находились вместе с кн. Михаилом в Кваски во время движения войск и действовали подобно ему под влиянием чувства страха.

В заключение считаю обязанностью засвидетельствовать пред в. с. в особенно полезном содействии, оказанном мне в исполнении возложенного на меня поручения, ген. штаба подпол. гр. Кутайсовым и о существенно полезной деятельности по управлению Абживским округом м. Кишельского, в весьма короткое время успевшего приобрести заметное влияние в народе и доверие к основательности его распоряжений. Равноверно постановляю себе долгом представить на внимание вашего сиятельства отлично усердную службу, выказанную в настоящее время со стороны командующих эриванскими батальонами м. Завриева и Кобиева, и старшего адъютанта военного управления Абхазии шт. кап. Измайлова, отличившегося разумным и точным выполнением делаемых ему поручений.

Покорнейше прошу ходатайства вашего о вознаграждении, в пример другим похвальной деятельности поименованных гг. офицеров.

Полк. Коньяр.

ЦГИАГ, ф. ОВД, д. 48, лл. 134-135.
Документы по истории Грузии. Т. 1. Ч. 1. (Под ред. Ш. К. Чхетия). Тб. 1954. С. 656 – 657.

3.10 Шифрованная телеграмма Александра II наместнику Кавказа вел. князю М. Н. Романову.

Гатчина, 11 ноября 1864 г.

Распоряжение твои насчет Шервашидзе одобряю. Для дальнейшего буду ожидать подробного донесения.

Александр.

ЦГАОР, ф. 728, д. 2732\а, л. 122. Подлинник.

3.11 Записка наместника Кавказа вел. князя М. Н. Романова Александру II об отстранении М. Г. Чачба – Шервашидзе от владения Абхазией.

Не позднее 12 ноября 1864 г.

В марте месяце настоящего года, в виду предвидевшегося уже тогда скорого окончания войны на Западном Кавказе, я через военного министра, всеподданнейше донося г. и. о бедственном и анархическом состоянии Абхазии под властью кн. Михаила Шервашидзе; и о двусмысленном или явно направленном ко вреду правительства и народа, образе действий самого владетеля, повергал на высочайшее воззрение соображения свои о необходимости, тотчас вслед за окончанием войны, приступить к устройству дел в Абхазии, приняв за главное основание этого устройства удаление владетеля, с потомством его от управления страною и учреждение в ней непосредственной русской администрации.

Излагая действительные причины, обуславливающие настоятельность этой меры, я вместе с тем, как удобный повод, которым надлежало, по мнению моему, воспользоваться для осуществления ее, приводя заявление самого кн. Шервашидзе, который в письме кутаисскому генерал-губернатору в конце февраля месяца просил ходатайства кн. Святополк-Мирского об увольнении его, владетеля, от действительной службы, так как он чувствует себя более не в силах заниматься никакими делами.

Затем я испрашивал высочайших указаний, для руководства при предстоящем решении вопроса об устройстве управления в Абхазии.

Вскоре после того, до получения еще разрешения на это представление, кн. Михаил Шервашидзе, представляясь мне, во время пребывания моего в Сухуме, выразил лично, что если только потребуют виды правительства, то он готов отказаться от своего владения, в надежде, что г. и. не оставит его и потомство его без достойного вознаграждения и обеспечения.

Обстоятельство это было также доведено мною до высочайшего сведения, в дополнение к упомянутому выше представлению, на которое, вскоре после того и именно – отзывом от 1-го мая военный министр уведомил меня, что г. и. предоставляет мне объявить кн. Михаилу Шервашидзе о высочайшем соизволении на увольнение его с потомством от управления навсегда Абхазией, с оставлением в звании ген.-ад. и с предоставлением ему избрать себе местопребывание в Петербурге или в Москве.

Одновременно с этим, управляющий делами Кавказского комитета сообщил мне, для моих соображений составленную по высочайшему повелению записку с предположениями о том – на каких основаниях и в какой мере, по бывшим примерам, могло бы быть оказано вознаграждение кн. Шервашидзе и его потомству за оставляемое владение.

По получении высочайшего повеления, желая объявить его лично кн. Шервашидзе и узнать при этом собственное его желания и намерения – а вместе с тем для того, чтобы вызвать его из Абхазии, с целью устранить повод к беспорядкам, могшим возникнуть при бытности его в стране – во время введения в ней нового управления, я приказал начальнику главного штаба пригласить кн. Шервашидзе для выслушивания, касающегося до него высочайшего повеления особой важности – прибыть в Кутаис к 3 июня, т. е. ко времени обратного проезда моего через этот город после экспедиции и осмотра вновь покоренного прибрежья.

АЛЫТАМР

На это приглашение владетель отвечал ген.-ад. Карцову (письмом через зятя своего, отставного штаб-капитана кн. Николая Дадиани, доставившего его уже на другой день пребывания моего в Кутаисе), что он по крайнее расстроенному состоянию здоровья не может исполнить моего желания, так как для него тронуться в таком положении в путь – значило бы явно рисковать жизнью. Затем владетель выражался следующим образом: «Что же касается желания моего и просьбы об увольнении от действительной службы, то я просил по расстроенному здоровью, чтобы сын мой, кн. Георгий, был мне помощником в управлении, а я по слабости своей, имел бы более свободы от занятий». Письмо свое владетель окончил повторением просьбы о присылке к нему сына и об исходатайствовании им обоим паспортов на заграничный отпуск, которым он воспользуется в том случае, если по дальнейшему ходу его болезни, лечение заграничными минеральными водами окажется для него необходимым.

В этом ответе нельзя было не видеть обыкновенных, характеризующих кн. Шервашидзе свойств – уклончивости и притворства, что подтвердилось и расспросами зятя его, который не скрыл, что владетель вовсе не так болен, как выставляет в письме своем, и что он по получении письма начальника главного штаба, сначала собирался было отправиться в Кутаис, но накануне назначенного для того дня – переменил намерение и сказался больным.

Тогда я решил послать к владетелю адъютанта своего, полк. гр. Левашова – с поручением дать понять кн. Шервашидзе к каким неблагоприятным для него последствиям поведет его уклонение от моего требования, последовавшего в силу высочайшего повеления, склонить его к добровольному и скорейшему выезду в Кутаис, или, по крайней мере, узнать в чем именно состоят его желания и намерения.

В отношении выезда из Абхазии кн. Шервашидзе отозвался, что дурное состояние его здоровья делает это невозможным и выразил затем, что желание его состояло и состоит в том, чтобы управлять Абхазией до своей смерти, но что, если непременная воля государя лишит этого права, то он готов повиноваться и оставаясь в Абхазии не будет противиться исполнению высочайшего повеления, но в таком случае просит: чтобы за вознаграждение за доходы от владения и замен получаемого им от казны содержания, выдан был ему капитал около миллиона рублей сер. и чтобы за ним были оставлены уделы и частные имения его в Абхазии.

Видя затем, что кн. Шервашидзе положительно уклоняется от выполнения желания моего относительно выезда в Кутаис, и что дальнейшие меры снисхождения к нему не приведут к желаемому результату и только продлят то неопределенное и весьма вредное для упрочения правительственной власти положения Абхазии, в коем она находится, я, рескриптом от 24 июня, сообщил кн. Шервашидзе, что имея в виду выраженную самим

его, в письме кутаисскому генерал-губернатору, просьбу ходатайствовать об увольнении его, кн. Шервашидзе, от действительной службы, – с другой стороны, приняв во внимание продолжительность и упорство болезни его и настоящее положение края, нуждающегося в правильной и деятельной администрации, для развития в нем гражданственности, е. и. в. соизволил на увольнение, его, кн. Шервашидзе, с потомством от управления навсегда Абхазией – с оставлением в звании генерал-адъютанта.

Вместе с тем я упомянул, что г. и. благоугодно было повелеть мне представить соображение относительно обеспечения и вознаграждения его, владетеля и членов его семейства за оставляемое владение.

Кутаисскому же генерал-губернатору одновременно с этим предписал объявить кн. Шервашидзе:

1. Что по выслушивании просьб его, переданных мне полк. гр. Левашовым, я согласен ходатайствовать перед г. и. о назначении ему особого денежного вознаграждения за те доходы, какие он получал в Абхазии по праву владетеля, с вычетом издержек, каких будет требовать управление этим краем. Определение размеров вознаграждения, долженствующего заменить владельческие доходы, будет поручено особой комиссии. Если разность между доходами и издержками по новому управлению окажется недостаточной для полного обеспечения кн. Шервашидзе и его семейства, то я буду ходатайствовать о соразмерном увеличении вознаграждения, впрочем, в том только случае разумеется, если кн. Шервашидзе исполнит беспрекословно требования правительства.

Капитализация же вознаграждения за доходы может быть исполнена в то время, когда позволит это состояние финансовых средств государства.

2. Что до тех пор, пока будет определен кн. Шервашидзе постоянный отпуск денежного вознаграждения, – ему будет предоставлен пользоваться:

а) 9500 руб. в год, получаемых им доселе взамен таможенных сборов в абхазских портах, б) арендою по 10 т. р. в год, пожалованного в 1854 г., и в) пенсию в 1000 р. в год, пожалованной в 1823 г.

3. Что буду также ходатайствовать об оставлении за ним и его наследниками тех имений, какими он владеет на праве частной собственности.

4. Что дальнейшее пребывание кн. Михаила Шервашидзе в Абхазии до окончательного введения там нового порядка управления признается не только неудобным, но и положительно вредным; и так как о выезде его состоялось высочайшее повеление, то он должен немедленно выехать из Абхазии, причем до испрошения на этот предмет особого высочайшего повеления ему предоставляется самому избрать место жительства лишь это не было в непосредственном соседстве с Абхазией.

Я приказал объявить владетелю повеление о выезде в этом смысле без указания на Петербург или Москву, как на место его будущего жительства – потому, что частным образом известился, что кн. Шервашидзе особенно

АЛЫТАИР

пугает мысль о жизни на севере, в местах и климатом и всеми другими условиями отличных от его родины, и потому что не находя в сущности особого неудобства и вреда от дозволения кн. Шервашидзе поселиться в одном из пунктов на Кавказе, я имел в виду ходатайствовать о высочайшем на то соизволении.

По получении вышеизложенного предписания моего, кутаисский генерал-губернатор, в конце июня, лично отправился в Сухум для введения в присутствии своем нового управления в Абхазии и для того, чтобы настоять на месте на неуклонном и скорейшем исполнении бывшим владетелем состоявшихся в отношении его высочайших повелений.

Кн. Шервашидзе находился в то время в горах, на минеральных источниках, в Ткварчели, в сорока верстах расстояния от Очемчир. В день приезда своего в Сухум, кн. Мирский послал к владетелю состоящего при себе поручика, кн. Дадиани с упомянутым выше рескриптом моим и с официальным письмом от себя, в котором просил владетеля уведомить его – какой порядок он находит более удобным для передачи ему, кн. Мирскому, внутреннего управления в Абхазии и когда намерен из нее выехать.

Вместе с кн. Дадиани, ген.-ад. кн. Мирский отправил к владетелю командира Кавказского линейного № 34 батальона подполковника Завадского с частным письмом, в котором старался объяснить кн. Шервашидзе его положение и убедить его, насколько немедленный выезд его из Абхазии необходим для его же пользы. Подполк. Завадскому, пользующимся некоторым доверием его, поручено было дополнить написанное словесными объяснениями и убеждениями.

Подполк. Завадский и пор. кн. Дадиани, возвратясь в Сухум, привезли генерал-губернатору уклончивое письмо кн. Шервашидзе от 1 июля, но передали на словах, что владетель просит оставить его в Абхазии до 1 августа, а если это невозможно, то готов выехать 10 июля для чего просит выслать к тому числу в Очемчиры пароход, а также, что он намерен собрать абхазцев, для объявления им высочайшего повеления и лично при этом передаст генерал-губернатору управление страною.

Так как все это было заявлено кн. Шервашидзе словесно через других лиц, письменно же он сам не ответил вовсе на сделанные ему генерал-губернатором официально категорические вопросы, то кн. Мирский послал к нему вновь подполк. Завадского с письмом и поручил настоятельно потребовать положительного ответа. Подполк. Завадский возвратился вторично в Сухум 8 июля с ответом от владетеля от 6-го.

В письме своем кн. Шервашидзе говорит только о порядке передачи управления, а о выезде из Абхазии не упоминает вовсе, но подполк. Завадский объяснил словесно, что кн. Шервашидзе отказался от прежде сказанных слов, уверяя, что он никогда не говорил, что готов выехать 1 августа, а тем более 10 июля, и просил его, Завадского написать от него письмо

генерал-губернатору с просьбой ходатайствовать о дозволении остаться в Абхазии до 1 октября, чтобы поправить свое здоровье, устроить домашние дела и хозяйство, но Завадский уклонился от написания этого письма.

Между тем, согласно обещанию своему, выраженному в письме генерал-губернатору от 6 июля, кн. Шервашидзе объявил абхазцам высочайшее повеление об увольнении его от управления страною и прислал к 12 числу в Сухум почетнейших жителей и старшин всех 3-х округов Абхазии, для выслушивания от кн. Мирского дальнейших приказаний.

Свидетельствуя передо мною о том, что таким образом передача Абхазии в русское управление была совершена не только без всякого сопротивления, но и с положительным содействием самого бывшего владетеля, кутаисский генерал-губернатор ходатайствовал о снисхождении к кн. Шервашидзе за его уклонение от выезда из Абхазии, тем более, что при его настоящем поведении, неудобство от пребывания его в крае отчасти утратило свое значение и, что с другой стороны, при болезненном состоянии кн. Михаила, его разбросанном хозяйстве, огромном количестве движимого имущества и семейных обстоятельствах (дети его находятся на воспитании у разных лиц в Абхазии), ему весьма трудно собраться с выездом в короткий срок. Хотя и с своей стороны я признавал, что образом действий в отношении передачи владения в русское управление, кн. Шервашидзе до некоторой степени заслуживает того, чтобы поступок его, объясненный также несколько и его душевным болезненным настроением и раздражением был судим с меньшей строгостью, тем не менее полагал невозможным дозволить ему уклониться более от выполнения объявленной ему высочайшей же воли под тем или другим вымышленным предлогом, а потому предписал кутаисскому генерал-губернатору учредить за кн. Шервашидзе строгий надзор как для наблюдения за его поступками, так и для того, чтобы при малейшем облегчении его болезни, сделать распоряжение об его удалении из Абхазии; до осуществления этой меры прекратить отпуск от казны всех денег, следующих кн. Шервашидзе на основании предшествующих высочайших повелений.

В начале сентября я сообщил кн. Мирскому, что назначаю 1 октября крайним сроком пребывания кн. Шервашидзе в Абхазии и желаю знать к какому времени можно ожидать его выезда. Вследствие этого кн. Мирский отправился в Абхазию и поехал прямо к кн. Шервашидзе, чтобы при личном свидании узнать положительно о состоянии его здоровья и его намерениях и убеждениями и даже угрозами понудить его к немедленному выезду.

Ген.-ад. кн. Мирский нашел бывшего владетеля в глубоком ущелье Ткварчели с небольшим числом домашней прислуги в постели, и, сколько ему показалось, действительно в весьма плохом состоянии здоровья. Старания кн. Мирского склонить его к безотлагательному выезду и предостережения о последствиях его упорства на него не подействовали. Он объя-

АЛЫТАИР

вил, что считает незаслуженным оскорблением высказанное ему недоверие в передаче Абхазии в русское управление и несправедливостью настойчивость и торопливость, с которыми гонят его из Абхазии, не объявляя даже где будет назначено место его постоянного жительства. Несправедливость эту он не возносит до г. и., а приписывает местному начальству, потому что не допускает, чтобы государь хотел поступить несправедливо и жестоко. Если государь приказ и удалить его из Абхазии, то вероятно вследствие донесения, что пребывание его там вредно и опасно, и по незнанию сколько это повредит его здоровью и частным его интересам. Но пребывание его в Абхазии не вредно, а полезно для правительства – и дело местного начальства в этом удостовериться и довести до сведения государя. Передав по воле государя правительству безусловно потомственное свое владение, он признает за собой заслугу и на этом основании считает себя вправе ожидать высочайшей милости, а не гнева государя.

Объяснение свое с генерал-губернатором кн. Шервашидзе заключил просьбою исходатайствовать ему дозволение проживать в Абхазии, где пребывание его, он ручается, принесет пользу правительству; если же это не может быть исполнено, то просит разрешения жить зимой в Кутаисе, а летом в Рачинском уезде, но так как он не может обойтись без собственного хозяйства, то желал бы чтобы ему был отведен участок земли в Кутаисском уезде и небольшое место в Раче для постройки дачи; в таком случае, после 1 января он готов выехать в Кутаис. Если же и эта просьба его не будет уважена, то представляя государю судьбу своих детей, он просит паспорта для выезда в Иерусалим, где будет ожидать смерти у гроба господня. «В противном случае», заключил он, «тащите меня отсюда силою и пускай вест мир любуется вашей несправедливостью и жестокостью».

Между тем, прежде нежели кутаисский генерал-губернатор довел о вышеизложенном до моего сведения, я, 17 сентября, получил отзыв военного министра от 3 сентября, в котором сообщалось мне, что г. и. благоугодно, чтобы высочайшая воля о выезде ген.-ад. кн. Шервашидзе из Абхазии была исполнена непременно и не позже 1 октября. Вследствие чего, я немедленно дал предписание кутаисскому генерал-губернатору, предлагая ему принять все меры, в каких по ходу обстоятельств ни представилось бы надобность к тому, чтобы означенная высочайшая воля была безотлагательно приведена в исполнение.

Но получив вслед за тем донесение ген.-ад. кн. Мирского, в котором он, изложив приведенное выше объяснение свое с бывшим владетелем, в заключение удостоверяет, что кн. Михаил находится действительно в расстроенном состоянии здоровья, препятствующем ему – без явной опасности выехать из Абхазии, что с другой стороны он живет совершенно уединенно, не вмешиваясь ни в какие дела, и что новое управление повсюду вводится беспрепятственно и с полным успехом и что поэтому, ни в поведении кн. Шервашидзе, ни в положении страны нет достаточного повода, могущего оправдать употребление силы оружия, к которому придется прибегнуть для понуждения его к выезду, – я не мог не принять во внимание такого засвидетельствования и ходатайства главного местного начальника и имея в виду скорый затем личный приезд свой в Сухум и возможность, узнать ближе и обсудить обстоятельства дела на месте, и с другой стороны, опасаясь, чтобы настоянием на буквальном и безотлагательном выполнении высочайшего повеления не сделать именем государя несправедливости и напрасного насилия, я телеграммою от 24 сентября, разрешил генерал-губернатору до прибытия моего не приводить в исполнение упомянутого выше предписания.

По прибытии в Сухум, 11 октября, я нашел там письмо бывшего владетеля от 9 октября, в котором он снова просил об оставлении его на жительство в Абхазии, повторяя, что пребывание там будет служить не ко вреду, а скорее к пользе правительства, или же об увольнении его с семейством навсегда в Иерусалим.

Вместе с тем ген.-ад. кн. Мирский представил мне присланное владетелем при отношении к нему форменное прошение на высочайшее имя от 9 октября об увольнении его, кн. Шервашидзе, по расстройству здоровья, вовсе от службы без именования военным званием.

Смотря на подачу этого прошения преимущественно, как на следствие болезненного его раздражения, я не придал этому поступку особенно важного значения и счел, что обстоятельство это не должно служить причиною неблагоприятного для кн. Шервашидзе изменения видов правительства в отношении устройства его положения, хотя саму просьбу об его увольнении в отставку и полагал бы на этот раз исполнить, тем более, что во всяком случае не представляет для правительства никакой выгоды.

Что же касается до письма кн. Шервашидзе и вообще до решения вопроса о дозволении ему остаться в Абхазии, то в настоящем случае мне представились следующие соображения:

При упорном уклонении кн. Шервашидзе от добровольного выезда из Абхазии, удаление его оттуда могло, казалось, быть достигнуто только силою; но было ли бы удобно и прилично прибегнуть к этой крайней мере в отношении лица, так недавно еще доказавшего перед светом покорность свою воле государя беспрекословною передачею в руки правительства потомственного своего владения, против лица, обличенного почетным званием ген.-ад. и течение продолжительного управления своим владением, и между прочим еще так недавно, отличного многими знаками монарших щедрот и внимания.

Такой крутой образ действий против человека в летах, звании и положении кн. Шервашидзе, по моему мнению, мог бы быть оправдан и иметь место только в том случае, если бы ход обстоятельств и настоятельная

АЛЬТАИР

польза края того требовали; – но так как поведением своим после передачи владения кн. Шервашидзе не давал ни разу новым местным властям повода быть им недовольным, а притом и положение Абхазии в отношении спокойствия и успехов водворения вновь вводимого порядка не возбуждало никаких опасений, то я с своей стороны, считал возможным и даже до некоторой степени справедливым, чтобы г. и, соизволил взглянуть снисходительно на поступок бывшего владетеля, тем более, что самый этот поступок больше всего следует объяснить с одной стороны болезненным состоянием его, действительно существующим, хотя, впрочем, судя по новым достоверным сведениям, и в такой значительной степени как он желает в том уверить, и с другой стороны, боязнью быть сосланным на жительство вне Кавказа на север, что в самом деле было бы для него пагубно.

По внимательном обсуждении хода и всех оттенков этого дела, я пришел к заключению, что при настоящем положении его, было бы всего приличнее разрешить кн. Шервашидзе именем г. и. оставаться в Абхазии до просимого им срока, т. е. до 1 января будущего года, или даже до наступления весеннего времени; а между тем ходатайствовать о высочайшем соизволении на назначение кн. Шервашидзе место жительства в пределах Кавказского края – и преимущественно в Кутаисском и Рачинском уездах.

В случае воспоследования такого соизволения, я полагал, что затем по истечении срока, можно было бы принудить кн. Шервашидзе к выезду из Абхазии, не принимая в уважение никаких причин и отговорок – в том внимании, что самый выбор места, назначенного для его водворения, состоялся бы согласно собственному его желанию и просьбе.

В этом смысле и имел в виду объявить свое решение кн. Шервашидзе и войти на высочайшее имя с представлением, тотчас по возвращении моем в Тифлис из предпринятой мною по приезде из Крыма кратковременной поездки по Закавказскому краю.

Между тем, в отсутствие мое, 29 октября получена была в дипломатической канцелярии моей телеграмма от посланников нашего в Константинополе, извещавшая, что в Порте поступила просьба главы Абхазии Хамид-бея (имя, под которым кн. Шервашидзе известен в Турции и вообще на востоке) о разрешении ему прейти в Турцию и о присылке за ним парохода в Сухум, – и что ген.-ад. Игнатьев, настоял чтобы исполнение просьбы этой было на несколько времени отсрочено для того, чтобы иметь возможность предупредить кавказское начальство.

По передаче временно исправляющим должность начальника главного штаба, ген.-м. Лимановским, содержания этой депеши кутаисскому ген.-губ. ген.-ад. кн. Святополк-Мирский тотчас же послал состоящего в распоряжении генерального штаба подполк. гр. Кутайсова к командующему войсками в Абхазии ген.-м. Шатилову с предписанием немедленно направить войска в местопребывание бывшего владетеля – и, объявив ему, что он

арестован, доставить его в Сухум, и ожидать дальнейших указаний. Между тем я возвратился в Тифлис и утвердив распоряжения ген.-ад. кн. Мирского, приказал ему отправить кн. Шервашидзе на пароходе в Новороссийск, а оттуда в Ставрополь, где он будет ожидать дальнейших относительно его распоряжений, имеющих последовать в силу высочайших г. и. повелений. Для сопровождения кн. Шервашидзе я отправил из Тифлиса одного из состоящих при мне офицеров – капитана кн. Амираджибова.

Вечером 9 числа я получил от кутаисского ген.-губ. следующее телеграфическое донесение: «Бывший владетель Абхазии 7 ноября на корвете «Сокол» отправлен в Новороссийск в сопровождении шт. кап. Добржанского. Амираджибов опоздал и поедет вслед за ними. Сопротивления не было. Абхазия спокойна».

По получении от кн. Мирского сведений об обстоятельствах, сопровождавших задержание кн. Шервашидзе, и о том какие объяснения он даст в свое оправдание, я не замедлю представить обо всем событии чрез военного министра всеподданнейше г. и. донесение; причем выражу и мнение свое о том, как полагал бы поступить в отношении князя Шервашидзе[1].

Наместник Михаил.

Документы по истории Грузии. Серия I. Т. I. Ч. I.
Тбилиси, 1954, с. 657-667.
ЦГИАГ, ф. ОВД, д. 48, лл. 138-155.

3.12 Из отношения наместника Кавказа вел. князя М. Н. Романова военному министру Д. А. Милютину о выселении М. Г. Чачба – Шервашидзе из Абхазии.

Тифлис, 15 января 1865 г.

Секретно.

… Как в. прев. усмотрите из прилагаемых при сем двух выписок из рапортов командующего войсками в Абхазии к кутаисскому генерал-губернатору, задержание князя Шервашидзе и удаление его из Абхазии совершилось без всякого фактического сопротивления со стороны прежде бывшего под властью его населения и почти не имело влияния на состояние общественного спокойствия в стране…

ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 877, 1864 г., д. 31. л. 45 об.
Подлинник.

[1] Внизу документа на правом листе приписка нач. Кав. Горского управления Старосельского чернилами: «Записка эта была представлена е. и. выс. г. и. при собственноручном письме от 11 или 12 ноября 1864 г.» – (**док.**).

АЛЫТАИР

3.13 Из отношения военного министра Д. А. Милютина министру иностранных дел о выселении М. Г. Чачба – Шервашидзе в г. Воронеж.

С. Петербург, 2 февраля 1865 г.

Секретно.

Вследствие предписания е. и. выс. наместника кавказского об удалении из Абхазии князя Михаила Шервашидзе, г. и. утвердил все сделанные е. выс. по сему предмету распоряжения, высочайше повелеть соизволил: генерал-адъютанта князя Михаила Шервашидзе уволить от службы; местом жительства назначить ему Воронеж, возложив на воронежского губернатора наблюдение за безвыездным там пребыванием князя Шервашидзе и его дальнейшим образом действий.

На содержание князю Михаила Шервашидзе е. и. в. благоугодно было повелеть, согласно ходатайства вел. к. – наместника продолжать производство высочайше пожалованной князю Шервашидзе аренды в 10 т. руб. и пенсии в 1000 руб.…

ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 877, 1864 г., д. 31. л. 82. Копия.

3.14 Сообщение военного министра Милютина главнокомандующему кавказской армией М. Н. Романову об увольнении со службы кн. Шервашидзе и высылке его в г. Воронеж.

2 февраля 1865 г.

Секретно.

По всеподданнейшем докладе представления в. и. выс. об удалении из Абхазии кн. Михаила Шервашидзе, г. и., утвердив все сделанные в. выс. по сему распоряжения, высочайше повелеть соизволил: ген.-ад. кн. Михаила Шервашидзе уволить от службы (без объяснения причин), местом жительства назначить ему Воронеж, возложив на воронежского губернатора наблюдение за безвыездным там пребыванием кн. Шервашидзе и его дальнейшем образе действий.

Содержание кн. Михаилу Шервашидзе и членам его семейства, е. и. в. благоугодно было назначить, согласно представлению в. и. выс.

О таковой монаршей воле, сообщенной вместе с сим министру внутренних дел, имею честь довести до сведения в. и. выс. с покорнейшей просьбой приказать сделать распоряжение об отправлении кн. Шервашидзе из Ставрополя на жительство в Воронеж.

Военный министр ген.-ад. Милютин.

ЦГИАГ, ф. ОВД, д. 48, л. 181. Подлинник, рукописный.
Документы по истории Грузии. Т. 1. Ч. 1. (Под ред. Ш. К. Чхетия). Тб. 1954. С. 672.

3.15 Отношение министра внутренних дел главному начальнику III отделения собственной Е. И. В. Канцелярии.

6 февраля 1865 г.

Вследствие представления е. и. выс. наместника кавказского об удалении из Абхазии князя Михаила Шервашидзе, государь император утвердив все сделанные е. выс. по сему предмету распоряжения, высочайше повелеть соизволил: генерал-адъютанта князя Михаила Шервашидзе уволить от службы, местом жительства назначить ему Воронеж, возложив на воронежского губернатора наблюдение за безвыездным там пребыванием князя Шервашидзе и его дальнейшим образом действий.

На содержание князя Михаила Шервашидзе е. и. в. благоугодно было повелеть, согласно ходатайства вел. кн. наместника, продолжать производство высочайше пожалованной князю Шервашидзе аренды в 10 т. руб. и пенсии в 1000 руб.…

О таковом высочайшем повелении, сообщенным мне военным министром и объявленном министру финансов и начальнику воронежской губернии, имею честь уведомить в. сият. для сведения.

ЦГАОР, ф. 109, 1 экспед., 1865 г., д. 55, л. 1. Подлинник.

3.16 Опись по оброку и повинностям, лежавших на самурзаканских крестьянах.

3 марта 1865 г.

№№ число статей крестьян	Звание статей крестьян	
1	2	3
1	Шинагма	Шинагма обязан при первом же требовании помещика отправляться на своей лошади в полном вооружении к своему помещику, который посылает его куда-нибудь за делом, или же прикажет ездить за собою за помещиком, и куда не поедут, везде крестьянин должен прислуживать точно так, как будет сказано ниже во 2 пункте о пиошах.
2	Пиоши	Пиоши обязаны по требованию помещика работать помещику все, что ему вменяется помещиком в обязанность исполнять или делать. Если же во время полевой работы не придет крестьянин или же не дождавшись окончания работы отлучится самопроизвольно, то помещик в праве подвергнуть такого крестьянина взысканию штрафа, состоявшего в отнятии коровы. Кроме того, ежегодно должен платить своему помещику по одному рогатому скоту,

АЛЫТАИР

1	2	3
		т. е. некоторые корову, некоторые теленка, некоторые барана или козла, за неимением рогатых кабана, платят также ягненка и козлят, одним словом, начиная с поросенка до коровы; этого рода крестьяне пиоши должны платить своему помещику сыру, кислое молоко (мацони) и обыкновенное свежее молоко и мед; крестьяне должны без требования помещиков сами принесть, в случае же требования крестьянин, если у него есть, не должен отказать помещику своему ни в чем, т. е. ни в кукурузе, ни в вине, ни в сене. Сколько раз к помещику не приехали бы гости верховые или пешие, помещик в праве отправлять гостей своих в дома крестьян-пиош, где крестьянин должен стараться поподчивать гостей своего помещика всеми возможными средствами до тех пор, пока будут гостить. В случай крайней нужды, помещик волен отдать своего крестьянина в залог на два, три и более лет, и за это в продолжении нахождения крестьянина в чужих руках под залогом, оставшиеся в доме этого крестьянина не в праве отказать помещику в должных повинностях. В праздничные дни, во время так называемой шерки (шеркою у туземцев называется день, который называется для поминков умершего и в который бывают: и пиршество, и плач вместе, а также конская скачка, называемая у них же «Марум»), свадьба при исполнении данного богу обета по какому-либо случаю (это у туземцев называется «сагто или сагоронто», т. е. и веселием) в эти особые для них дни крестьянин должен сверх возложенных на него повинностей, принести своему помещику так называемый «Мосакитхи» (это значит навещать в прямом значении слова) в доказательства повиновения и доброжелательства. Мосакитхи состоит в принесении от крестьянина помещику своему в подарок бедра с ребром того животного, которое было зарезано в доме крестьянина, один батман вина (батман есть мера и жидкости и сыпучих тел и тяжести, соответствующей четырем русским манеркам). Во время жатвы крестьянин обязан принести своему помещику новую кукурузу, так же дыню, огурцы, тыкву и различные фрукты. Помещик имеет, когда угодно ему, право с семейством своим в каждый год по несколько раз отправиться к крестьянину своему в дом, где крестьянин обязан зарезать ему по возможности своей, какого-нибудь скота и поподчевать разными поднесениями (этот обычай у туземцев называется «Самадзело» или Мачкамерии) в постные дни посылает помещику чего-нибудь постного. На пожатые поля свои крестьянин не имеет права, под опасением взыскания, пускать коровы и скот прежде помещичьего. Если помещик, по какому-либо случаю подвергнется мести за кровь, вследствие причиненного им кому-нибудь убийства, то крестьянин этого помещика должен внести за помещика своего из собственных своих имений от 10 до 30 руб. по мере возможности деньгами.

1	2	3
3	Постоянный слуга или «Мойноле»	Если в доме крестьянина есть несколько душ, или есть две, три души работников (мужского пола), то с каждого дыма один постоянно и неотлучно день и ночь должен находиться в доме помещика, другой из этого же дыма по три дня в каждую неделю должен проработать в пользу помещика без пренебрежения. При выдаче дочери помещику жертвует крестьянин от 10 до 20 руб. При этом все повинности крестьян-майноле должен отправлять наравне с пиошами, изложенными во 2 пункте. Если в доме крестьянина одна только душа мужского пола, то этот в неделю 3 дня работает для помещика, а в остальные дни для себя; но оброк и всякие повинности сполна выдает помещику своему.
4	Дворовый крестьянин или Моджалабе	Дворовый крестьянин или Моджалабе обязан, чтобы из своего дома всегда отпускал к своему помещику одного парня, называемого по туземски «бича» и одну девку – свою дочь, которые постоянно и всегда должны в доме помещика служить; из других же, если в доме одного моджалаба несколько душ мужского пола, один всегда находится в своем доме, а другие остальные в каждую неделю по три дня должны работать для помещика. Когда же находящиеся у помещика крестьянская или моджалабская дочь достигнет совершеннолетия, тогда помещик разрешает крестьянину выдать свою дочь замуж и по выдаче ее замуж крестьянин дает помещику 30 руб. за позволение или освобождение дочери. Если у этого крестьянина будет другая дочь, то этою дочерью заменяет первую, находящуюся прежде у помещика, если заменяющая настолько велика, что в состоянии служить за сестру. Может случиться, что крестьянин бездетен, в таком случае этот крестьянин обязан по три дня в каждую неделю работать для помещика, а в остальные дни для себя. Наконец, помещик имеет право избрать для езды с собою хоть из пиош или из других остальных, которые в его власти посылают куда помещику заблагорассудится. Из описанных здесь крестьян, некоторые больше других платят, а некоторые меньше.

Верно: и. д. Начальника Сухумского военного отдела, полковник (подпись).
Перевод с грузинского, современный документу.

ЦГИАГ, ф. 220, оп. 1, д. 877, лл. 50 – 55. Копия.

АЛЫТАИР

3.17 Прошение самурзаканских князей Начальнику Самурзаканского и Абжуийского военного округа майора Кишельскому о своих правах в отношении, принадлежащих им крестьян.

Окум, 3 марта 1865 г.

Тотчас по вступлении вашего высокоблагородия в округе, с давних времен существовавшего Самурзаканского приставста, нам обществу самурзаканских князей и дворян, собравшимся по случаю Вашего приезда, было объявлено Вами между других наставлений и распоряжений новых, что как будто принадлежащие нам крестьяне, называемые «пиошами» (слово пиоши будет ниже пояснено) должны пользоваться в Абхазии званием свободных крестьян.

На это мы все князья и дворяне Самурзаканского округа имеем честь обстоятельно доложить Вашему Высокоблагородию, что крестьяне наши, называемые «пиошами», по ограниченности на них лежащих податей и повинностей, не должны называться свободными, так как крестьяне наши, как во времена наших предков, равно так и в наши времена делятся на четыре степени, из которых каждой степени определена и присвоена своя повинность в отношении к своему помещику.

Первая степень крестьян, так называемых пиош, должна платить помещику своему ежегодно определенную ему подать и должны они заработать все, что только нужно помещику на целый год, одним словом все годичное продовольствие, крестьяне – пиоши должны приготовлять для помещиков с привезением на дома помещиков.

Что же касается того, что из каждого дыма крестьянин один постоянно всегда неотлучно должен находиться в доме своего помещика, то для этого есть вторая степень крестьян, которые в отличие от пиошей носят по-туземски особое название «мойноле», что по-русски означает: прислуга или служитель домашний постоянно.

Третья степень крестьян по-туземски моджалабе, что по-русски означает так называемый дворовый крестьянин. Эти моджалабевы или дворовые крестьяне исполняют всевозможные в полном смысле повинности и служения своему, существующия по сие время на целом Кавказе.

Наконец четвертая степень крестьян, называется по-туземски «шинакма», ни подчиняется никакой из вышеизложенных повинностей и податей, а считается свободным от платежа подати; но не освобождается от повиновения и послушания своим помещикам. Шинакмы эти, пользуясь званием дворянским обязываются только быть по приказанию помещика своего в разъездах по помещичьим делам и надобностям, или же, в случае требования от помещиков они должны постоянно ездить за помещиками.

Получая такой порядок служения от своих крестьян и считая очень достаточным все их повинности, ни наши предки, ни мы вовсе считали из-

лишним набор прислуг с каждого дыма крестьян и держать их у себя дома, а это по нашему мнению доказывает, что крестьяне, называемые пиошами, не только должны быть свободными, но даже доказывает то, что они собственно принадлежат нам и не имеют права называться свободными; а что некоторым пиошам облегчены платежи повинностей и податей, а также и число работ, то это не от чего другого не зависит, как только произошло от того, что некоторые из этого рода крестьян по мере возможности своих средств получили от своих помещиков облегчение за деньги или по-туземски «кртами» в платежах податей, на что и имеются бумаги или документы.

Что же касается того, что в этом отношении нас князей и дворян самурзаканских сравнивают с Абхазскими князьями и дворянами и ставите нас на одной с ними доске, то это мы принимаем за обиду и уничтожение как достоинств наших, так и наших с давних времен закоренелых в нас христианских чувств. Когда же по высочайшей воле Его Императорского Высочества крестьяне наши выйдут из нашей зависимости на свободу, мы как люди неученые и для нашей жизни не имеющие средства приобретать кусок хлеба, убедительно просим Вашего у Высшего начальства, чтобы обратя на нас милостивое внимание, дали нам средство к другой новой жизни. Подлинное прошение подписали:

Подполковник князь Леван Шервашидзе,
майор князь Зураб Чкотуа,
штабс-капитан князь Бита Шервашидзе,
тавад (также князь) Кадрбей Шервашидзе,
тавад Леван Чкотуа,
дворянин Кваджи Лакербаия,
тавад Манучар Анчабадзе,
тавад Манучар Анчабадзе,
тавад Манучар Чкотуа
и другие князья и дворяне числом 12 человек.

За неграмотностью князей и дворян выше означенных по их просьбе подписывали тавад Леван Чкотуа и азнаур…Маргания.

ЦГИАГ, ф. 220, оп. 1, д. 877, лл. 50 – 52.

3.18 Письмо председателя комиссии по описи и оценке имений и доходов бывшего владетеля Абхазии ген.-м. Е. Понсэ в главный штаб кавказской армии.

С. Лыхны, 19 июля 1865 г.

Отношение г. исполняющего должность генерал-квартирмейстера от 12-го июня за № 1231 получено сегодня.

20 мая Комиссия по делам бывшего владетеля Абхазии прибыла в сел. Лыхны (тоже Соуксу) в Бзыбском округе.

АЛЫТАИР

Описаны нижеследующие земли Бзыбского округа и границы их; в большей части из них составлены списки жителей разных сословий и подробные ведомости доходам имений.

Имелись в виду по сведениям, полученным чрез Командующего войсками в Абхазии от Бзыбского окружного начальника земли:

1. Лыхны (тоже Соуксу) 385 дворов
2. Аквaскемца
3. Чугурхва
4. Папцва

Обнаружены комиссиею на месте посредством расспросов:

5. Кукубархуа
6. Сисинурхуа
7. Аргун-рквaца
8. Виноградник в Звандрипше
9. Хинт-рху
10. Бганба-ивара
11. Абагба-адгил
12. Реюта
13. Арква
14. Элчан-иху
15. Воу
16. Чхик-ипа

Расследована принадлежность князю Михаилу Шервашидзе земель:

17. Эберных
18. Чичба
19. Гунаа
20. Гумбаа

Собраны сведения о повинностях и сборах

А. О повинностях:

1. Атача или абагар
2. Ажидз
3. Ахшбир
4. Ачма

Б. О сборах:

1. Айбар
2. С местных произведений
3. С привозных товаров
4. С местных виноделов
5. С пальмового дерева
6. С поминок

Предстоит осмотреть и описать земли Бзыбского округа: Асланбек-инхарта, Чалмаз-арха, Тамквач-ипа, Тасраква, Таркил, Ацы; составить списки

жителей имений: Мцарта, Багба, Акыртаа, Анухва, Псырдзых, описать торговое местечко Гудаут и кончить расследование о некоторых сборах.

Топограф Глухов, командированный в комиссию, согласно отзыва г. исполняющего должность генерал квартирмейстера от 8 июля за № 1128, прибыв в Лыхны 16-го июля и приступил к съемке владетельских земель 18-го июля.

Генерал-майор Понсэ.

ЦГИАГ, ф. 545, д. 76, лл. 79 – 80. Копия.

3.19 Рапорт Начальника Сухумского военного отдела ген.-м. П. Н. Шатилова Кутаисскому генерал-губернатору Д. И. Святополк-Мирскому о сословных отношениях в Абхазии с их владельцами и существовавших прежде, при освобождении, обычаях.

24 сентября 1865 г.

Во исполнение предписания от 24 августа сего года за № 1160, представляю в. с-ву соображения мои насчет правил, которые должны на будущее время служить основанием при освобождении из рабства лиц, неправильно закрепощенных. Считаю не излишним предпослать этому краткое изложение об отношениях крепостных сословий в Абхазии к их владельцам и о существовавших прежде при освобождении обычаях.

По народному обычаю в Абхазии освобождение из зависимости бывает полное и неполное.

В первом случае освобождаемый делается человеком совершенно свободным и никому никакими податями, взносами и услугами не обязан. Во втором – освобождаемый переходит из одного зависимого сословия в другое.

Для полного освобождения из всякого рода зависимых сословий нет никаких определенных правил или известных поводов: оно зависит исключительно от произвола владельцев или патронов зависимого человека и нисколько от него самого.

Освобождаемый таким образом «азат», представляет вообще весьма редкое явление в здешнем обществе и получает свободу по какому-нибудь особенному случаю и для душеспасительной цели.

Для неполного освобождения есть в обычном праве некоторые особенные правила и определенные случаи, применяющиеся особо к каждому роду зависимых сословий: 1. Ахашала – раб, лишний, к составу общества непринадлежащий, 2. Ахуэ (агырва) – крестьянин, дворовый человек, повар и 3. Анхайве – вольный житель, обязанный хлебопашец.

Неполное освобождение ахашала (раба) совершается переходом в сословие агырва (дворового); он приобретает это сословие только по воле своего владельца и считается агырва, когда получит жену, право жить в особом

АЛЬТАИР

доме, право на известный участок земли для возделывания и право иметь свою собственность. Права эти приобретаются постепенными заслугами и определяются по мере того сближения, которое устанавливается временем между рабом и его владельцем.

До введения в Абхазии нашего управления многие семейства ахашала из пленных оставались на праве рабов, отдавали почти все произведения своего труда и не могли протестовать против продажи своих собственных детей. Холостые же вовсе не имели права собственности. За этих людей «ахашала» никакого выкупа не полагалось, а назначалась простая продажная цена. Со введением нашего управления продажа семейных ахашала врозь безусловно запрещена; всякая возможность захвата в плен, обращения в рабство за долги и т. п. пресечена. Потому сословие ахашала можно считать прекращающим свое существование. Все семейные ахашала должны считаться перешедшими в агырва и получить права этого состояния, остальные же, небольшая их часть; состоящая из бобылей и сирот, неимеющих или непомнящих своих родственников, перепровождается по-прежнему из рук в руки. Потому для окончательного уничтожения сословия рабов в Абхазии, было бы полезно и вполне соответственно народным обычаям, принять за правило наблюдать, чтобы эти люди не оставались бы преднамеренно по достижении совершеннолетия в безбрачии, получили бы земли и чтобы их право собственности сохранялось бы неприкосновенным.

Другое сословие, в котором возникают дела об освобождении, составляют агырва или ахуэ. До освобождения таких людей по народным обычаям:

1. Допускается особый род выкупа и, кроме того, 2. существует то правило, что всякое семейство агырва, в доме которого воспитывается родственник владельца, освобождается от повинностей и когда даже со всеми своим остальными родственниками, т. е. целым родом.

Освобождение это в том и в другом случае может быть также полное и неполное; но зависит исключительно только от произвола владельца, для которого в этом отношении в народных обычаях не существует ничего обязательного. Инициатива выкупа принадлежит только ему одному. Он имеет право приказать своему агырва выкупиться; не спрашивая на то его согласия и когда он сам оного захочет; агырва ни потребовать выкупа, ни отказаться от него не имеет права и, по получении приказания выкупиться, обязан не только передать все свое имущество владельцу, но и принять присягу в том, что передается именно все сполна и ничего не скрыл. Таким образом, говоря вообще, в обычном праве нет для сословия агырва ни выкупа, не нормальной выкупной цены, но в действительности примеры освобождения очень многочисленны. Кроме особенных случаев, обыкновенно главною причиною освобождения из этого сословия служила трудность при свободе употребления оружия и возможность переселений и побегов, обеспечить подчинение тех агырва, которые со временем вошли в

обширные родственные связи и при зажиточности получили возможность отыскать сильных покровителей. Такие люди, если и не имели права на освобождение, всегда могли вынуждать к тому своего владельца, поставив его в такое положение, что он не мог колебаться при выборе одного их двух: или получить все имущество освобождаемых и приобрести на оное выгодных во всех отношениях рабов, или лишиться и людей и их имущества. Кроме того, при несостоятельности владельца, агырва сами себе отыскивали покупщиков, у которых нередко выговаривали себе предварительно освобождение. Во всяком случае, известно, что цена семейства крестьян в несколько душ равняется цене одного ахашала. Факт этот служит лучшим объяснением вопроса об отношении агырва к их владельцам. Бывал даже и тот случай, что несостоятельный владелец предлагает своим агырва удовлетворить своих должников и дает обязательство освободить их по уплате долгов; разумеется, это делается тогда, когда у агырва нет имущества, достаточного для покрытия долга помещика, но есть кредит; иногда сверх уплаты долгов помещика агырва выплачивает ему предварительно условную стоимость, хотя сам не имеет всего необходимого для выкупа имущества, но пользуется поддержкою родственников.

При неполном освобождении агырва он делается анхайве, подвластным своего прежнего владельца. Размеры повинностей определяются по существующим примерам и редко превышают существующую в данной местности норму.

Примеров освобождения из сословия анхайве нет. Всякий спор в этом отношении был бы спором за количество повинностей, но не об личной зависимости. При освобождении от податей анахйве делается азатом, но не переходит в привилегированное сословие, хотя был бы богат и силен. Освобождение в азаты в большей части случаев делается за воспитание детей привилегированного сословия. При этом замечательно следующее обязательство. Если подвластный какому-нибудь дворянину, состоящему, в свою очередь, в зависимости у патрона высшего разряда, получил бы на воспитание сына последнего, то считал бы себя уже совершенно независимым от подвластности своему непосредственному владельцу и был бы уже свободен в отношении обоих своих патронов, – это и есть «азат». На основании этого правила, чей бы подвластный не был анхайве, воспитатель члена абхазского владетельного дома, – он делался уже свободным (например анхайве Гумба).

При неполном освобождении может возникать вопрос о том, вправе ли освобождающий оставлять освобождаемого в облегченной зависимости. Полная сословная иерархия может представлять следующий род зависимых людей: тавад, его аамыста, его анхайве, его агырва, его ахашала. При неполном освобождении ахашала он делается агрыва, но остается в зависимости у агырва; таким же образом, в свою очередь, человек из сословия агырва при неполном освобождении делается анхайве, но остается в зави-

АЛЫТАИР

симости такого же анхайве, как я сам. Из народной переписи можно видеть, сколько есть ахашала у агырва. Особенно много ахашал и агырва у анхайве. Все существующие между этими подвластными и владельцами повинности еще не расследованы и не определены. Но есть много примеров того, что агырва, платящий повинности, берет сам с своего агырва, освобожденного из ахашала, посылает его за себя на работу и т. п. еще больше примеров тому, что анхайве платит анхайве же повинности по местной норме после своего освобождения из агырва; таким образом, при освобождении зависимых сословий могут происходить споры и должны также в этом отношении быть установлены нами особые правила. Обычное абхазское право опускает допущение в рабство и кабалу людей свободного состояния. Пленные, выкупленные из плена, несостоятельные должники, неисправимые преступники, изменники, женщины, впавшие в прелюбодеяние, и т. п. люди обращались в рабов навсегда с потомством, хотя бы и принадлежали к привилегированным сословиям; однако, при всем разнообразии подобных законных причин к владению и завладению людьми свободного происхождения, в числе потерявших права состояния (ахашала, агырва) много таких людей, которые потеряли свободу чрез предательство, насилие, обман, т. е. незаконно. Еще больше потомков таких неправильных из свободных сословий закабаленных людей, впавших в рабство не слишком давно и на памяти: людей посторонних или родственников.

На основании вышеизложенного я полагал бы на будущее время принять к руководству нижеследующие правила:

1. Объявить, что каждый владелец раба обязывается дать ему жену и землю и во всяком случае не требовать от него других повинностей, кроме установленных обычаем для сословия агырва.

2. Дела об освобождении лиц лично по каким-нибудь законным в прежнее время причинам, лишенных свободы, решать административным...

ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1862 – 1865, д. 1010, лл. 1 – 4.

3.20 Рапорт Начальника Сухумского военного отдела ген.-м. П. Н. Шатилова Кутаисскому генерал-губернатору Д. И. Святополк-Мирскому о необходимости создания Комиссии по упорядочению социальных отношений в Абхазии.

Сухум, 22 ноября 1865 г.

1-го истекшего октября окончился год нашего управления Абхазией. Хотя в этот короткий промежуток времени сделано уже много для водворения порядка в крае, но на действия наши во всем, что касается введения гражданственности можно смотреть не иначе, как на опыт, в чем именно должна заключаться деятельность наша на этом поприще.

Только со времени поступления Абхазии в непосредственное управление наше мы получили возможность изучать быт, внутреннее устройство и экономическое положение ее и хотя в течение истекшего года и делались некоторые попытки с этой целью, но они, к сожалению, не дали положительных и верных результатов…

Представляется необходимым для местной власти просить об оказании ей посторонней помощи в деле сбора всех… данных и сведений и на этом основании решаюсь ходатайствовать перед вашим сиятельством о составлении особой комиссии, на обязанность которой была возложена поверка и исправление народной переписи и сбор сведений о существующих в Абхазии различных порядках землевладения, об отношениях между лицами разных сословий в каждой отдельной общине и затем систематическая обработка собранных ею данных, на основании которой можно было бы приступить к окончательному разрешению той запутанности, которая поныне заметна в этого рода делах и которой никакие другие меры не в состоянии устранить… Я положительно утверждаю, что старания наши в Абхазии останутся бесплодными до тех пор, пока мы не уничтожим существующей здесь тесной взаимной зависимости сословий. Этот порядок передает экономическую судьбу всего населения в руки немногих лиц вышепоставленных прежним правлением, подчиняет их вполне влиянию этих немногих избранных и никакие старания наши не в состоянии уничтожить этого первенства, об удерживании которого привилегированные сословия заботятся тем более, что оно, кроме нравственных выгод, составляет для них главный источник увеличения доходов своих. Низшие классы, при всей поддержке с нашей стороны, не только не в состоянии освободиться из под этого влияния, но даже не решаются приносить на него жалобы, так как условия их жизни и поземельного пользования сделают его совершенно неизбежным.

Итак, изменение этого порядка составляет предмет первой важности, но так как безусловная отмена его и разрешение поземельного вопроса на основании простого… повело бы к совершенному уничтожению высших сословий и лишило бы их всех преимуществ, установленных в их пользу вековыми обычаями и так как подобный образ действий не согласен с намерением правительства и даже противоречит смыслу положительного закона… то необходимо вместе с прекращением обязательных сословных отношений установить размер вознаграждения высших сословий за теряемые ими преимущества. Вознаграждение это должно быть строго соразмерно с экономическими утратами, вызванными преобразованиями правительства и потому может быть определено не иначе, как приведением в положительную известность всех тех повинностей, которыми пользовались привилегированные сословия в разных случаях. Изучение, или лучшее подробное исследование этих обязательств и должно составить главный предмет за-

АЛЬТАИР

нятий комиссии, и я полагаю, что чем скорее мы воспользуемся плодами трудов ее, тем лучше.

Абхазия, хотя и смотрит на нас с недоверием покоренного, но смутно сознает в нас возможность улучшения ее быта и ожидает его от нас. Чем более мы будем откладывать исполнение необходимых преобразований, тем более вера народа в нашу состоятельность будет слабеть, тем более недоверие его к нашим намерениям будет возрастать, создавая нам все более новые затруднения в будущем. Польза края и наша собственно одинакова настойчиво требуют скорейшего выполнения тех нравственных обязательств, которые мы приняли на себя, подчинив страну своему управлению.

ЦГИА, ф. 545, д. 180, лл. 1 – 6. Подлинник.

3.21 Выписка из следственного дела о принадлежности земель, расположенных между р. Бзыбь и г. Гагры.

10-15 декабря 1865 г.

1865 года декабря 10 дня подвластный тавада Тита Инал-ипа Кумач Хакуши, бывший анхае аамсты Апстаа, между прочим, показал: земля за р. Бзыбью принадлежит Абхазии до уроч. Апсырпара. Ею распоряжался бывший владетель, и кому где указывал жить там и жили. Землю эту Инал-иповы не могут считать своею собственностью, но им представлено было собирать с этой местности ажидз, который делился между тавадами Инал-иповыми, аамста, анхае и даже агыруами. Также Инал-иповы не смели продать ни земли, ни леса. Правом пастьбы на этой местности пользовались все жители Мчыш-нырц. Доходами от порубки пальмы пользовался владетель, также представлялось и Инал-иповым брать с порубщиков часть доходов, которою они обязаны были делиться со своими аамстами, анхае и даже агыруами…

1865 года декабря 11 дня анхае Маджгута Джюсукк-ипа Ампар (лет 55 или 60) между прочим сказал: Нарчоу Инал-ипа я знаю, он был человек хороший, но земля за Бзыбью как при отце моем и при мне считалась абхазская. Земли эти никто себе не присваивал, на ней рубили по распоряжению владетеля пальму, за которую он брал деньги сколько следовало, а остальное получали Инал-ипа, аамста и их хорошие анхае. Ажидз там собирали Инал-иповы и делали между собою и их подвластными. Инал-иповы землю продать не могли. Один лишь Чачба мог это сделать, и если бы Инал-иповы захотели продать ту землю, на которой живут то и на это не имеют права…

1865 года декабря 10 дня тавад Зоусхан Инал-ипа между прочим сказал: Очень давно джигетские князья Цамбаевы за убийство одного из тавадов Инал-ипа отдали землю по ту сторону р. Бзыбь до уроч. Апсырпара. С этого времени вся фамилия наша пользовалась сбором на той земле

ажидза, которым делилась со своими и по желанию своему с почетными анхае. Порубка пальмы и леса на той местности делалась всегда с разрешения рода Чачба (владетелей) и за это Чачба получали доход, часть которого представлялась фамилии Инал-ипа в виде вознаграждения и этой частью Инал-ипа обязаны были делиться со своими аамиста. Без разрешения же владетеля никто не имел права заключать никаких условий с порубщиками пальмы и леса.

В прошении, поданном мною Учаном и Титом Инал-иповыми командующему войсками в Абхазии, мы назвали землю по ту сторону р. Бзыби своею, собственно по непониманию нашему, и прошением мы желали только объявить, что той землею ни князья Инал-иповы и никто не имеет права пользоваться, и ею мог распоряжаться только один владетель. На местности этой, сколько я помню, раз только рубил лес какой-то турок, вырублено было 100 корней. Порубку дозволил Учан Инал-ипа и взял с корня по 1 рублю серебром. Владетель узнав об этом взыскал пошлину, и сколько таковой было взыскано знает аамиста Соломон Лакер, бывший тогда сборщиком владетельских пошлин. Чтобы кто-либо из джигетских князей Цамбаевых был убит Инал-иповыми, я не знаю. Ажидз на местности от р. Бзыби до Апсырпара собирался Инал-иповыми, беспрепятственно; старались собирать таковой и до Гагр, так как владетель считал и те земли своими, но там встречал со стороны джигетов препятствие…

1865 года декабря 11 дня судья Бзыбского народного суда анхае Хамхаев Хаки (лет 80) показал: О том, что земля за р. Бзыбью отдана была князьями Цамбаевыми тавадам Инал-ипа в уплату или в залог, я не знаю, но знаю в свою память и слышал от своих родных, что вся эта земля за Бзыбью до Гагр принадлежала Чачба, а Инал-иповы в виде вознаграждения пользовались частью дохода по рубке пальмы и леса, а также сборами ажидза. Из этой части доходов Инал-ипа обязаны были делиться со своими аамистами. Тавады Инал-ипа землю эту продать не имели права, тоже самое не имеют права называть ее своею собственною, так как она была и есть владетельская…

Независимо от той милости, которая Чачбой была представлена Инал-ипам, Чачба на этой земле предоставил бесплатную пастьбу скота всем жителям Мчиш-нырц.

Никто кроме владетеля не только, что за Бзыбью, но и в целой Абхазии, где только есть лес, не имел права отдавать оный в порубки и заключать на это контакты. Пользование же представленной частью дохода от порубщиков было только тогда, когда производилась рубка лесов с дозволения владетеля.

Составлена членом Сухумской сословно-поземельной комиссии А. Н. Введенским.

ЦГАА, ф. 57, д. 5, лл. 89 – 96. Подлинник.

АПБТ АИР

3.22 Рапорт Начальника Сухумского военного отдела полковника В. М. Коньяра Кутаисскому генерал-губернатору Д. И. Святополк-Мирскому о повинностях, отбываемых крестьянами в Абхазии.

13 декабря 1865 г.

Вследствие отзыва Управления от 23 ноября № 623, препровождаю при сем составленные окружными начальниками вверенного мне края ответы на вопросы, изложенные в отзыве бывшего генерал-квартирмейстера Кавказской армии от 28 февраля и 10 мая сего года № 389 и 876, причем считаю долгом присовокупить, что по причинам, изложенным в рапорте моем кутаисскому генерал-губернатору от 22 минувшего ноября, содержащиеся в прилагаемых ответах сведения должны считаться далеко неполными, неверными и отнюдь не могут служить положительным основанием к разрешению крестьянского вопроса во вверенном мне крае. Так, например, из различных собранных мною при случае данных, я пришел к личному убеждению, что повинности отбываются зависимыми сословиями не за землю, отводимыми им землевладельцами, а составляют налог, уплачиваемый за покровительство и защиту, оказываемую сильным слабейшему.

Такой взгляд я основываю на том, что лицо, признавшее себя однажды подвластным другого лица, продолжает отбывать ему установленную повинность даже тогда, когда по каким бы то ни было причинам переселится на земли другого владельца; последний же в этом случае не пользуется никакой повинностью или платой и считает нового поселенца за гостя (азат); такие взаимные отношения продолжают существовать целыми поколениями и веками.

Далее, количество и вид повинностей, отбываемых подвластными разных наименований, бесконечно разнообразны и можно почти с полной достоверностью утвердить, что не только нет общины, которая в этом отношении не отличалась бы от своих соседей, но даже в одной и той же общине члены ее несут совершенно разнородные повинности. В большей части случаев это зависит от большего или меньшего личного значения патрона, с одной стороны, и подвластного – с другой. Обобщение фактов может быть допущено единственно, относительно повинностей и положения крепостных людей (ахуе и агырва), которые повсеместно более или менее схожи.

В заключении считаю обязанностью обратить внимание и на то, что и самая численность зависимых сословий, показанная в настоящих ведомостях, не может считаться вполне точной.

Полковник Коньяр.

ЦГИАГ, ф. 545, д. 181, лл. 113 – 115. Подлинник, рукописный.
Документы по истории Грузии. Серия II. Т. I. Ч. I.
Тбилиси, 1954, с. 497 – 498.

3.23 Описание сословных отношений в Самурзакане.

1865 г.

№ по порядку селений	Название селений и на этой земле живет подвластный	Название подвластных сословий	Обязанности пиошей, майнол, шинакма и моджалабов к помещикам
1	2	3	4
1.	Селение Бедия, у князей Шервашидзиевых	Шинакма	По просьбе помещика шинакма ездит с ним в дорогу в случае надобности, он посылает его и вместо себя, куда следует.
		Пиош	Обязан работать помещику в год три раза: первый, когда производится посев кукурузы, второй – при очищении ее, и третий – при сборе; на работе в это время пиош находится только по одному дню и на своей скотине, если таковая есть. Ежели пиош не явится в это время на работу, то князья Шервашидзевы, по праву сильного, налагают на него штраф, состоящий из одной коровы или быка. Ежели несколько князей из фамилии Шервашидзевых живут отдельно, то пиош, живущий на их земле, также по праву сильного, работает каждому по три дня в год. Оброчная плата пиоша помещику заключается в одной козе или баране в год; за неимением же барана или козы платит по 1 руб. серебром; кроме того, по обычаю края, пиош приносит гостинец на праздник пасхи или рождества помещику – заднюю половину зарезанной им скотины, но это не вменяется им в обязанность. На земле, где живет пиош, помещик не может поселить другого пиоша. Переходить от одного помещика к другому пиош может, ежели только помещик будет притеснять его. Или же не имеет достаточное количество земли.

АЛЫТАИР

1	2	3	4
		Моджалаб	Обязан работать по три дня в неделю помещику, но ежели их в семействе несколько душ, то один из них остается дома, остальные же выходят на работу. Помещик из семейства моджалаба может выбрать одного себе, собственно для езды, или для домашней прислуги берет сына или дочь. При выдачи моджалабом дочери своей в замужество, он, или кто женится на ней, обязан заплатить помещику 1 быка или 10 рублей серебром, а некоторым из помещиков платят по 25 рублей серебром.
		Мойноле	Мойноле из своего семейства, если у него есть 2, 3 и более душ мужского пола, дает одного в постоянные слуги (бичо) помещику, из остальных же членов семейства один постоянно дома, а прочие работают 3 дня в неделю помещику и 3 дня себе, а ежели один в доме, то также работает 3 дня помещику и 3 дня себе; за выкуп себе платит от 100 до 150 рублей серебром.
2. 3.	Селения Патрахуцы и Сачина у дворян Званбаевых и Марганиевых	Пиош	Обязан работать помещику 4 дня в год: 1-й во время посева кукурузы, 2-й во время очистки от сорных трав, 3-й во время уборки винограда и 4-й – когда у помещика есть какая-либо работа; штрафа за неявку на работу не платят; а в остальном то же самое, что у пиошей кн. Шервашидзевых
		Мойноле	Мойноле служат точно так же, и мойноле кн. Шервашидзевых и при замужестве дочери жених платит помещику корову или 10 р. серебром.
		Моджалаб	Дает в постоянные прислуги сына или дочь и кроме того работает по 3 дня в неделю: понедельник, вторник и среду, ежели в эти дни будет дурная погода, то помещик не вправе требовать взамен их других дней; за замужество дочери платится помещику по 2 быка или по 20 руб. серебром.
4.	Селение Река у князей Сотишвилиевых	Пиош	Обязанности пиошей к помещикам те же самые, как в сел. Патрахуцы.

1	2	3	4
5.	Сел. Эшкеты у дворян Эшбаевых	Пиош	Обязанности пиоша, как выше сказано, с той разницей, что свой скот он не может пускать на место, где только что снял кукурузу раньше того, как помещик позволит; в противном случае помещик налагает штраф – 1 корову.
		Мойноле	Обязанности мойноле те же, как и выше сказано; но ежели пожелает выкупиться, то отдает помещику все имение, какое есть, и, получая свободу, вступает в разряд пиошей.
		Моджалаб	Обязанности моджалаба те же, что под № 3, с той разницей, что в услужение к помещику дают только дочь и за замужество ее жених платит 10 рублей серебром.
6.	Сел. Сагургулия у дворян Гургулиевых	Пиош	Те же, как в селении Река под № 4, с той разницей, что вместо одной козы или рубля серебром платится по 2 руб. в год.
7.	Сел. Гудавы у дворян Марганиевых	Пиош	Те же обязанности, как у прочих помещиков.
		Мойноле	Дает помещику постоянную прислугу из мужского пола, но остальные члены семейства больше ничего не отрабатывают помещику и этот постоянный слуга по пятницам работает на себя, прочие же мойноле, не дающие прислугу, работают помещику по три дня в неделю.
		Моджалаб	Моджалаб исполняет те же обязанности, что у Шервашидзевых в Бедиа, с тою разницей, что после замужества первой дочери моджалаба помещику дается в услужение другая, если таковая есть; за замужество дочери дается помещику один бык или 10 руб. серебром.
8. 9. 10.	Сел. Баргеты, Отобая, Тагелон, Кабари у князей Анчабадзе	Пиош	Пиоши работают от 2 до 3 дней в год на своей скотине, платят от 1 до 2 рублей или же в натуре барана или козу; штраф за неявку на работу не платят. Чтобы выкупиться с землею, достаточною на целое семейство его, то платит помещику от 200 до 230 руб.; при выкупе из моджалабов в пиоши за каждую душу платится от 100 до 200 рублей. Пиош освобождается от повинностей, заплативши от 60 до 100 руб. серебром.
9.		Мойноле	Работает по три дня в неделю, некоторые дают по одному мальчику в постоянную прислугу, а другие нет, а также не все из них дают по одной козе в год.

АЛЫТАИР

1	2	3	4
10.		Моджа-лаб	Работает три дня в неделю; тот, кто из семейства дает в постоянное служение мальчика или девочку, барщины не несет.
11.	Сел. Набакеви	Пиош	Пиош обязан служить во всем так, как пиош в селении Патрахуцы, с тою разницей, что если по первому требованию помещика не явится на работу или раньше уйдет с работы, то помещик отнимает у него корову. Если же он пожелает освободиться от повинностей, то с каждой души платит от 60 до 80 руб. серебром.
12.	У дворян Чикватиевых	Пиош	Работают Чикватиеву, как старшине церкви, 4 дня, а кн. Левану Шервашидзе, на земле которого живут, 3 дня в год; кроме того последнему и в церковь на воск платят по 1 руб. серебром в год; дают как помещику, так и на церковь по 8 аршин белого холста. Чтобы выкупиться из пиошей, он должен заплатить за каждую душу по 100 руб. серебром.
13. 14. 15.	Чубурхижи, Сел. Аквавы, Чхончхумуля у дворян Акватавовых	Мойно-ле	Мойноле обязан давать помещику постоянную прислугу, но ежели с семейства один мужчина, то он только работает 3 дня помещику, платит по козе или по 1 руб. серебром в год; за переход из мойноле в пиоши должен заплатить 100 9.рублей за каждую душу, а из моджалабов в 10.мойноле – 50 руб.
16.	Сел. Саберии у кн. Шерва-шид зевых и у кн. Чкотуовых	Пиоши	Пиоши отбывают повинности по фамилиям; некоторые из них выходят на работу один и два раза в год; за землю все платят по одной козе или барану, а за неимением, по 1 руб. серебром в год. За переход из моджалабов в пиоши по 200 руб. с души; те из них, которые выходят на работу 1 и 2 раза в год, дают помещику по 2 батмана вина и столько же гомии.
		Мойно-ле	Дают постоянную прислугу, работают по 3 дня в неделю и платят по козе или по 1 рублю, а некоторые, кроме постоянной прислуги, дают еще и 4 батмана вина и 2 батмана гомии.
		Моджа-лаб	Дают в постоянную прислугу девочку или мальчика, если есть; работают 3 дня в неделю; при выдаче в замужество дочери моджалаба, жених платит помещику одного быка.

1	2	3	4
17.	Сел. Окумы у кн. Эмухваровых	Моджа-лаб	Некоторые дают постоянную прислугу помещику – сына или дочь, некоторые же вовсе не дают; все работают три дня себе и три дня в неделю помещику; за замужество дочери платят помещику – или отец или жених – от 10 до 30 рублей серебром, деньгами или вещами; взамен же выданные замуж девки некоторые дают в услужение помещику другую, если есть. Ежели в семействе моджалаба несколько душ мужского пола, то один из них остается постоянно дома, а остальные идут к помещику на урочную работу. Остальные зависимые сословия имеют те же самые обязанности, как в селении Патрахуцы.

И. д. начальника Сухумского военного отдела полковник Коньяр.

Документы по истории Грузии. Серия II. Т. I. Ч. I. Тбилиси, 1954, с. 488-492.

ЦГИАГ, ф. 220, д. 877, лл. 42 – 49.

3.24 Ответы на вопросы, предложенные Кутаисским генерал-губернатором Д. А. Святополк-Мирским и. д. начальника Абжуйского округа и управляющего Самурзаканью майору Кишельскому о зависимых сословиях и выполняемых ими повинностях в Абжуйском округе и Самурзаканском приставстве.

1865 г.

1. Какие виды зависимых сословий существуют в Абхазии и Самурзакани.	1. В части Абхазии (в Абживе) вольные жители и моджалабы. В Самурзакане шинакма, пиоши, мойноле – пиоши и моджалабы.
2. О правах зависимых сословий на ту землю, на которой оные водворены или которую обрабатывают.	2. Прав никаких не имеют.

АЛЫТАИР

3. О количестве и видах денежных и натуральных повинностей, которые эти зависимые сословия отбывают своим владельцам на основании местных обычаев.	3. В Абхазии вольные жители платат помещику в год козу или барана, и летом – козленка или барашка; работают по просьбе помещика в год от 3 до 4 раз. Моджалаб дает в постоянные прислуги у некоторых помещиков сына и дочь, у других же сына или дочь, работает 3 дня себе 3 дня помещику. За замужество дочери платит отец или жених от 5 до 10 коров. Некоторым помещикам моджалаб на рождество делает обед у себя или в доме помещика и раз в год приносят часть зарезанной скотины. Заготавливают и приносят постоянно дрова в дом помещика. В Самурзакани пиош платит в год одну козу или барана, а за неимением (таковых) от 1 до 2-х рублей сер.; работает исключительно от 3-х до 4-х дней в году. Мойнале, если один в доме, работает владельцу 3 дня в неделю; ежели двое мужского пола, то один до женитьбы служит постоянно помещику, а другой себе. Есть и такие, что ежели в семействе мойнале трое мужского пола, один у помещика, другой дома, а третий отбывает 3 дня помещику и 3 дня для себя. Моджалаб обязан работать 3 дня в неделю помещику, но ежели их в семействе несколько душ, то один из них остается дома, остальные отбывают трехдневную в неделю работу. Одни из моджалабов дают в постоянные прислуги до женитьбы сына, а другие дочь, а есть и такие, что обязаны дать и сына, и дочь. При выдаче дочери моджалаба в замужество жених платит помещику в виде выкупа быка или от десяти до двадцати пяти руб. деньгами.
4. О размере средних цен, существующих у разных племен при продаже и при найме земли.	4. По обычаю края, до сих пор не было принято продавать землю или же отдавать в наймы.
5. О размере выкупной суммы, которую вносят люди разных зависимых сословий при выкупе на волю, равно как и о размере средних продажных цен, по которым на основании народных обычаев покупщики приобретают для себя людей различных видов несвободных сословий.	5. В Абхазии моджалабы за освобождение оставляют помещику все, что у него есть движимое и недвижимое. В Самурзакани пиоши до освобождения от повинностей платили владельцу от 100 до 200 руб. сер. за душу мужского пола. Моджалабы платили за освобождение личности от 200 до 300 руб.; в настоящее время выкуп прекратился.

6. О тех обычаях, на основании которых несвободные люди могут приобретать свободу.	6. Посредством выкупа.
7. О численности лиц зависимых сословий по племенам и по частям управления.	7. Численность зависимых сословий: В Абживском округе Вольных жителей: муж. 2526, жен. 2367 Моджалабов: муж. 853, жен. 721 По Самурзакани Пиоши: Православного муж. 8926, жен. 8001; Магометанского муж. 7, жен. 9; Всего муж. 8933, жен. 8010 Майнале: Православного муж. 762, жен. 635; Магометанского муж. –, жен. –; Всего муж. 762, жен. 635 Моджалабы: Православного муж. 1700, жен. 1352; Магометанского муж. 2, жен. 3; Всего муж. 1702, жен. 1355
8. О том, имеют ли лица зависимых сословий, какую-либо лично им принадлежащую собственность.	8. Кроме земли, движимое и недвижимое принадлежит лицам зависимых сословий.

И. д. начальника Абживского округа и управляющий Самурзаканью м-р Кишельский.

Документы по истории Грузии. Серия II. Т. I. Ч. I. Тбилиси, 1954, с. 511-513.

ЦГИАГ, ф. 545, д. 181, лл. 93 – 95.

АЛЬТАИР

3.25 Ответы на вопросы, предложенные Кутаисским генерал-губернатором Д. А. Святополк-Мирским и. д. начальника Цебельдинского приставства капитану Канашевичу о зависимых сословиях и выполняемых ими повинностях в Цебельдниском приставстве.

1865 г.

1. Какие виды зависимых сословий существуют в Цебельде?	1. В Цебельдинском приставстве три вида зависимых сословий: дворяне, вольные жители и крестьяне.
2. О правах зависимых сословий на ту землю, на которой оные водворены, или которую обрабатывают.	2. Право пользования землей зависимых сословий простирается только до того времени, пока на ней живут; с переходом же на другое место земля остается за помещиком, потому что в Цебельде, за исключением князей Маршани, прочие сословия земли не имеют.
3. О количестве и видах денежных и натуральных повинностей, которые эти зависимые сословия отбывают своим владельцам.	3. Вольные жители за право пользование землей отбывают помещикам следующие натуральные повинности: 1) помогают при обработке полей, посеве и сборе хлеба; 2) каждый дым дает по одной копне сена или чалы и меру кукурузы весом в пуд; 3) у имеющих баранту берется весной по барашку, а зимой по барану. Крестьянин работает помещику три дня в неделю; ежедневно приносит два раза по оберемку дров и пасет скот. Крестьянка варит пищу и мелет кукурузу. При выходе дочери крестьянина замуж помещик получает от жениха калым ценой от 10 до 15 руб.
4. О размере средних цен, существующих у разных племен при продаже и при найме земли.	4. Цебельдинские помещики на настоящее время земли не продавали и внаймы на отдают.
5. О размере выкупной суммы, которую вносят люди разных зависимых сословий при выкупе на волю, равно как и о размере средних продажных цен, по которым на основании народных обычаев покупщики приобретают для себя людей различных видов несвободных сословий.	5. Крестьянин, желающий выкупиться от помещика, отдает ему все свое состояние: скот, баранов, оружие, постель и даже котел, в котором варил себе пищу. Если же помещик, вынужденный долгами сам предложит крестьянину за плату получить свободу, то последний пользуется случаем и оставляет из имущества необходимую часть для себя, а остальное отдает помещику. Князья, дворяне и вольные жители на основании народных обычаев покупают людей несвободных сословий на меру, т. е. считая рост человека по четвертям, так что 5 четвертей мальчик или девка продаются: первый не дешевле 400 р., а последняя, смотря по качеству, в 500 или 600 руб.; с уменьшением меры роста покупаемого человека уменьшается и цена его на каждую четверть.

6. О тех обычаях, на основании которых несвободные люди могут приобретать свободу.	6. По народному обычаю помещик обыкновенно перед смертью ради душеспасения увольняет крестьянина на волю, преимущественно детского возраста с тем, чтобы он, выучившись грамоте со временем, мог быть муллой и молиться за своего благодетеля.
7. О численности лиц зависимых сословий по племенам и по частям управления.	7. В Цебельде число лиц зависимых сословий:
8. О том, имеют ли лица зависимых сословий, какую-либо лично (собственность).	8. В Цебельде, за исключением рабов, все лица зависимых сословий могут иметь свою собственность, кроме земли, принадлежащей исключительно кн. Маршани.

И. д. Цебельдинского приставства кап. Канашевич.

Документы по истории Грузии. Серия II. Т. I. Ч. I. Тбилиси, 1954, с. 504 – 505.

ЦГИАГ, ф. 545, д. 181, лл. 103 – 105.

3.26 Ответы на вопросы, предложенные Кутаисским генерал-губернатором Д. А. Святополк-Мирским и. д. начальника Сухумского округа капитану де Кацману о зависимых сословиях и выполняемых ими повинностях в Абхазии.

1865 г.

1.Какие виды зависимых сословий существуют в Абхазии?	1. Между жителями Абхазии в Сухумском округе существуют три вида зависимых сословий, как-то: вольные жители (анхаве) и дворовые крестьяне, с подразделениями на живущих собственным хозяйством (ахуе) и содержимых помещиками (агырва).
2. О правах зависимых сословий на ту землю, на которой оные водворены или которую обрабатывают.	2. Зависимые сословия собственных земель не имеют, а живут на землях, принадлежащих их помещикам, и за права пользования ею ежегодно отбывают своим помещикам условленные повинности, состоящие из определенных работ и взноса частей сельских произведений, а также приплода от скота.

АЛЫТАИР

3. О количестве и видах денежных и натуральных повинностей, которые эти зависимые сословия отбывают своим владельцам на основании местных обычаев.	3. Повинности за пользования землей зависимыми сословиями отбываются своим помещикам в следующих видах: 1) Каждое отдельное семейство вольного сословия обязано ежегодно уплатить своему помещику летом по одному барашку, а зимой по барану или козлу; за неимением их платят стоимость их чем могут; от совершенно бедных семейств помещики платы не требуют. 2) Каждое семейство вольного сословия обязано три дня в году отработать помещику на его полях: первый день с наступлением весны, когда настанет время заняться посевом хлебов, то каждое семейство вольного сословия по приказанию помещика обязано выслать к нему одного взрослого человека, а другого мальчика, а также если имеется в хозяйстве рабочий скот, то выслать пару буйволов или пару быков, чтобы вспахать и потом засеять земли помещика (его зерном). Во второй день назначается от каждого семейства по одному человеку для подбивки кукурузы и очистки ее от посторонних растений (когда она вырастает на значительную вышину). Третий день, когда на полях созреют хлеба и если помещик не имеет у себя столько крестьян, чтобы мог ими убрать свои поля и доставить хлеб в свои амбары, то в таком случае просит об этом вольное сословие людей. Во время сказанных работ каждый помещик обязывается кормить рабочих на свой счет два раза в сутки. Кроме сказанной повинности, каждое семейство вольного сословия ежегодно платит помещику от 5 до 8 мер кукурузы. При выдаче дочерей вольных жителей замуж, отец или брат невесты обязаны дать помещику одну корову, но в таких случаях принято между помещиками их отдаривать. В случай постигшей смерти в семействе вольного сословия всех лиц мужского пола, находящееся в том семействе имущество поступает в пользу помещика, за исключением небольшой части, выдаваемой в таких случаях оставшимся в семействе женщинам.
	При выезде помещика из деревни вольные жители, имеющие лошадей, обязаны по его назначению следовать за ним и составлять собой его конвой во время поездки. Жители вольного сословия, живущие на землях, принадлежащих фамилии кн. Шервашидзе (внуки кн. Бекер-бея, не из владетельной фамилии в Абхазии) платят свои повинности помещикам в большом размере, чем жители, живущие на землях прочих князей, так напр., вольное сословие жителей обязано собственными средствами вспахать землю помещика, засеять ее и когда созреют хлеба убрать их и доставить на своих подводах к дому помещика.

	В случае же по каким-либо обстоятельствам земля помещика останется необработанной, то с каждого семейства вольного сословия берется по одной арбе неочищенной кукурузы. Каждое семейство вольного сословия обязывается доставить помещику ежегодно по 16 ведер вина или же по 16 руб. деньгами. Каждое семейство обязано дать ежегодно помещику по одной корове. Дворовые крестьяне, живущие свои хозяйством, за право пользования землями отбывают следующие повинности: каждое семейство крестьян в рабочее время года обязано три дня в неделю со своим скотом работать в пользу помещика, а остальное же время года мужской пол исполняет мелкие работы помещика по его указанию. Женский пол постоянно обязан по очереди приготовлять пищу для помещиков в их домах. Если у крестьян имеется в хозяйстве дойный разного рода скот, то они обязаны половину получаемого ими количества молока отдавать своим помещикам ежедневно. Кроме того, крестьяне обязываются смотреть за стадами и отарами, принадлежащими их помещикам и охранять их от пропажи. Дочери крестьян должны служить в доме своих помещиков до замужества; при выходе их замуж, следуемый народному обычаю, калым с жениха поступает в пользу помещика; плата за невесту из крестьянского сословия бывает от 8 до 20 коров, смотря по достоинствам девушки: в этом случае принято у абхазцев корову считать стоимость (в) 12 руб. Если женится крестьянин, то часть следуемого с него калыма за невесту платит его помещик. Кн. Шервашидзе за крестьянок своих калыма с женихов не берут, но за то крестьянки без согласия их не могут выйти замуж и большей частью поступают в приданное за дочерями или сестрами своих владельцев. Каждое семейство крестьян кн. Шервашидзе обязано в зимнее время прокармливать у себя в продолжение двух недель пару помещичьих лошадей и при них одного человека. К третьему виду зависимых сословий принадлежат дворовые крестьяне, не имеющие у себя никакой собственности, и содержатся своими владельцами. Это сословие обязано трудиться всю жизнь в пользу владельцев и до сего времени не имело никаких человеческих прав, так что владелец их мог в порыве своего гнева убить такого крестьянина, не давая в том никому отчета и совершенно безнаказанно. Крестьяне эти назывались прежде в народе рабами и находятся до настоящего времени в зависимости у князей, дворян, шинакма, вольных жителей и даже у семейных крестьян, живущих своей собственностью

АЛБТАИР

	вообще. Люди эти приобретались покупкой или поступали за долг от одного к другому владельцу. Каждый владелец такого крестьянина, женивши его на подобной ему крестьянке, имел всегда право продавать детей их по своему произволу, так же, как и разлучать мужа с женой посредством продажи их, если уплаты ими долгов разным лицам; в настоящее время владельцы прав этих не имеют.
4. О размере средних цен, существующих у различных племен при продаже и при найме земель.	4. Земля в Абхазии принадлежит князьям, дворянам и частью шинакмам. Князья и дворяне получили свои земли по наследству, а шинакма получили свои земли в подарок от бывшего владетеля за свою службу при его доме (шинакма считается в народе выше вольного жителя и женится всегда на дворянке). Земля в Сухумском округе до сего времени не продавалась.
5. О размере выкупной суммы, которую вносят люди разных зависимых сословий при выкупе на волю, равно как и о размере средних продажных цен, по которым на основании народных обычаев покупщики приобретают для себя людей несвободных сословий.	5. До введения русского управления в Абхазии семейство дворовых крестьян выкупалось от владельцев стоимостью от 50 до 80 р., смотря по численности семейства. Если же владелец отдавал семейство крестьян за свой долг или продавал его, то в этих случаях стоимость крестьян ценилась в 50 коров (принимая корову по цене 12 руб.). Женщины при покупке ценились по красоте и знанию работ. В настоящее время цены на крестьян значительно уменьшились и ограничиваются стоимостью от 40 до 55 коров за большое семейство. Причиною тому послужили распространившееся слухи между абхазцами об освобождении крестьян в Мингрелии, а также и примеры в Абхазии по делу освобождения крестьян местным начальством, принадлежащих к фамилиям вольного сословия людей и попавших по разным случаям в крестьянство.
6. О тех обычаях, на основании которых несвободные люди могут приобретать свободу.	6. В настоящее время несвободный человек может приобретать свободу за определенный выкуп от своего владельца ценой от 20 до 30 коров. Если же несвободный человек заявит местному начальству, что он прежде принадлежал к фамилии вольных жителей, то он освобождается народным судом от своего владельца бесплатно следующим образом: по заявлении жалобы крестьянина народному суду члены суда, если знают сами все обстоятельства дела сказанного крестьянина и случай, чрез который он из вольного сословия попал в зависимость, и при этом, если будут убеждены, что крестьянин этот происходит из фамилии вольных людей, то в таком случае судьи объявляют прямо крестьянину свободу, с условием что освобожденный должен удовлетворить по суду все справедливые претензии на него бывшего его владельца, состоящие большей частью всегда из долгов. В случае, если судьи встретят препятствия к освобождению лица,

	заявившего жалобу, за давностью времени и неясностью дела, то в таком случае искавший свободу должен с 12 человеками разного сословия в числе коих должно быть не менее 4-х человек ближайших его родственников, принять очистительную присягу в том, что отыскивающий свободу действительно происходит из такой-то фамилии вольного сословия и попал в крестьянство по такому-то случаю. После принятия сказанной присяги крестьянину объявляется свобода.

7. О численности лиц зависимых сословий в Абхазии.	Какого исповедания		Вольные жители				Дворовые крестьяне
			живущие своей собственностью		не имеющие своей собствен-ности		
	муж	жен	муж	жен	муж	жен	
Право-славного	1526	1294	321	185	121	76	3523
Магоме-танского	5168	4599	787	682	355	307	11893
Итого	6694	5893	1108	867	476	383	15421

7. Численность лиц зависимых сословий в Сухумском округе:

8. О том, имеют ли лица зависимых сословий какую-либо, лично им принадлежащую собственность.	8. Лица зависимых сословий, как-то вольные жители и дворовые семейные крестьяне имеют свою собственность, состоящую из запасов хлеба на целый год для прокормления своего семейства; имеют свои дома, свой скот, смотря по состоянию – оружие, а также многие их них имеют у себя собственных купленных или дворовых крестьян. Дворовые крестьяне, живущие при домах своих владельцев и купленные ими за деньги, собственности никакой у себя не имеют и весь труд их принадлежит владельцам.

И. д. Сухумского окружного начальника кап. Бутми де Кацман.

Документы по истории Грузии. Серия II. Т. I. Ч. I. Тбилиси, 1954, с. 498-503.

ЦГИАГ, ф. 545, д. 181, лл. 106 – 112.

АЛТАМИР

3.27 Ответы на вопросы, предложенные Кутаисским генерал-губернатором Д. А. Святополк-Мирским и. д. начальника Бзыбского округа капитану Синокову о зависимых сословиях и выполняемых ими повинностях в Бзыбском округе.

1865 г.

1. Какие виды зависимых сословий существуют в Бзыбском округе?	1. Виды зависимых сословий в Бзыбском военном округе составляют: а) князья (тавады) и дворяне (амыста), живущие на землях владельцев и пользующиеся их покровительством; б) шинакма, живущие на землях бывшего владетеля и составляющие его двор и почетную стражу; в) вольные жители (анахаве): 1) необязанный натуральной повинностью к своему владельцу и 2) несущие определенную дань в виде податей за землю, ими обрабатываемую; г) крестьяне (ахуе), отдельно живущие при домах владельцев и дворовые крестьяне, не имеющие своих хозяйств, а так называемые бездомные (агырва) и ж) вольные жители и крестьяне, живущие на земле церковной, считающиеся крестьянами церковными.
2. О правах зависимых сословий на ту землю, на которой оные водворены, или которую обрабатывают.	2. Точно определенных прав на землю, занимаемую всеми сословиями, никто почти не имеет. Владелец, получив в дар или во временное пользование от бывших владетелей или, наследовав от своих предков землю, не получил на то никаких письменных документов, а предания устные слишком искажаются и не могут представлять положительных сведений. Много случаев, что подпавшие немилости и даже капризу владетеля иногда за какие-либо преступления безвинно лишались своей земли и она передавалась другим лицам, от коих снова отнималась впоследствии; поэтому нет ни одного такого владельца, который бы с удалением владетеля не оспаривал границы земли со своими соседями, и вопрос как о праве владения землей каждого землевладельца, так и о раздельности ее между собой фамилиями одной отрасли – весьма трудный и многосложный. Взгляд правительства на права и действия бывших владетелей послужит важным значением при разрешении поземельных споров. Что же касается зависимых сословий, то в отношении их обычное право народа устанавилось на следующих данных: владелец, заняв землю раздает оную подвластным ему жителям, которые, расселяясь на указанных местах, очищают оные от леса, приспособляя для посева кукурузы и гоми, а вокруг своего жилища насаждают виноградные, ореховые и другие фруктовые деревья. Земля эта, оставаясь в пользовании жителя,

	составляет как бы его собственность, которую он имеет право продавать с согласия владельца другому жителю (своему соседу), подвластному тому же владельцу, но не человеку постороннему; главную цену при продаже такого участка составляла земля, возделанная для сада. В случае смерти жителя, не оставившего после себя наследников, участки эти делались достоянием владельца даже в том случае, когда земля считалась неразделенной между фамилией князей и дворян, – словом, труд жителя, подвластного владельцу, принадлежал ему в целости.
3. О количестве и видах денежных и натуральных повинностей, которые эти зависимые сословия отбывают своим владельцам на основании местных обычаев.	3. Количество и виды натуральных повинностей, отбываемых зависимым сословием, довольно многоразличны. Видоизменяемость зависела от степени важности и значения владельцев из фамилий княжеских и дворянских, приобретенных ими в глазах владетелей, следствием чего являлось несоразмерность повинностей в сравнении с другими жителями селений, поневоле принужденными платить то, что владелец признавал для себя нужным увеличить. Рассмотрев разряд повинностей по сословиям, находим: а) князья и дворяне – не землевладельцы, живущие со своими подвластными крестьянами на помещичьей земле, не несли ему никакой дани, а считали себя в зависимости от их покровительства или так называемого подвластия. Люди эти употреблялись владельцами для разных посылок, сопровождали их в поездках, служили за столом и неизбежно толпились в его доме; подвластных же таким лицам жителей владелец имел право приглашать (приглашения эти выражались в виде просьбы на свои полевые работы); б) шинакма, это люди, происходящие большей частью из крестьян, возведенные владетелями в звание шинакма за преданность, составляли род прислуги и почетной стражи при дворах владетелей; на них возлагались различные поручения, в том числе и хозяйственные: заведывание вином, отпуск мяса, присмотр за складом, запасом хлеба и т. п.; в) вольные жители подразделялись на два класса: к 1-му из них присвоены были следующие обязанности в отношении к владельцу: служить в доме помещика во время приезда гостей, провожать и служить ему в поездках (за неимением лошади владелец давал жителю лошадь и оружие); каждый житель при выдаче своих дочерей замуж должен был являться к помещику с подарком коровы, а самый бедный – с бараном; три раза в год, во время посева, очистки и уборки хлеба по одному со двора собираться для работы владельца по его просьбе и приглашению; во второй разряд того же сословия, сверх всего этого от каждого двора приносил (житель) помещику:

АЛЫСТАНИР

	от 5 до 10 пудов кукурузы или гоми, от 1 до 3-х кувшинов вина (каждый в 1 ½ ведра), по одному барану, а весной – одному барашку, а для продовольствия лошадей и скота жители некоторых селений доставляли по 2 и по 3 арбы чалы; г) крестьяне – обязанностью их было: от каждого двора по очереди один приготовлял для владельца гоми или кукурузу, приносил ежедневно дрова, по 3 дня в неделю работал помещику; от каждого двора помещик мог требовать одну дочь для услуги в доме; за каждую из дочерей владелец получал «ачьму» или калым; при выдаче замуж – от 6 до 10 коров с добавлением на каждую корову по 1 рублю и смотреть за лошадьми господина; со смертью крестьянина без наследников имущество его поступало к владельцу. Самый низший зависимый разряд прислуги были крестьяне дворовые или бездомные: они, находясь при домах владельцев, употреблялись на все работы и исполняли волю господина во всей ее неограниченности, от которой зависела судьба этого человека; ж) крестьяне церковные – названы этим именем потому только, что имели обязанностью охранять храм, находящийся в Пицундах, но не давали в пользу его никаких сборов и жили вполне людьми независимыми; жители эти давали со двора подарок или приношение: ежегодно по одному барану соседям своим кн. Иналиповым (коих считали как бы своими покровителями).
4. О размере средних цен, существующих у разных племен при продаже и при найме земель.	4. Цены при продаже земли, какая обозначена во 2-м пункте, были до сих пор самые незначительные: за долг 1 или 2-х коров (от 10 до 20 руб.) покупался кусок земли, имеющий до 20 деревьев виноградных и несколько ореховых. Наем земель собственно для покоса, если и представлялся, то преимущественно вблизи мест расположения войск, с платой от 5 до 10 коп. за пуд сена, собранного попечением нанимающего или же назначалась особо условная плата за место.
5. О размерах выкупной суммы, которую вносят люди разных зависимых сословий при выкупе на волю, равно как и о размере средних продажных цен, (по) которым на основании местных обычаев покупщики приобретают для себя людей различных сословий.	5. Размер суммы, вносимой зависимым сословием при своем выкупе, был безграничен и весьма определительный. Крестьянин, желавший освободиться, должен был отдать владельцу все, что только имел из своего имущества, показав оное по присяге, не оставляя при этом даже пояса, который, снимая с себя, отдает владельцу. Владелец соглашался на увольнение своего крестьянина в том случае, когда видел его достаточность присоединить его имущество к своему, – поэтому среднюю цену выкупа определить с точностью трудно. В недавнее время, до поступления Абхазии в наше управление, семейство их 4-х душ состоящее (муж, жена и 2-е детей) выкупившись, уплатило владельцу:

	22 коровы, 4 буйвола, 4 лошади, 90 штук баранов, одного мальчика и весь свой запас хлеба и остального хозяйства, что составит сумму до 1400 руб. В этом состояло все имущество крестьян, отдав которое владельцу получили от него обратно как бы из милости на свое обзаведения 1 корову, лошадь и 4-х баранов. Продажа людей несвободного состояния делалась в крайности, когда владелец или нуждался в деньгах для расплаты с долгами, или по каким-либо причинам желал сбыть своих крестьян. Продажные цены в этом случае были значительно ниже цен выкупных и такое семейство, как выше значится, можно было бы купить рублей за 800 или того менее.
6. О тех обычаях, на основании которых несвободные люди могут приобретать свободу.	6. Кроме поясненных в пункте 5 оснований, люди несвободных сословий приобретали свободу, или за какие-либо особенные услуги и преданность владельцу, или же по принятому обычаю владельцы давали свободу одному человеку, а иногда целому семейству после смерти отца, матери, братьев своих, делая это посвящение в память умершего.
7. О численности лиц зависимых сословий по племенам и по частям управления.	Зависимое сословие составляет одно преобладающее абхазское племя; затем остается небольшое число людей из племени: убых, джигетов, псхувцев и др., купленных жителями в разное время…

Какого исповедания	Вольных жителей	Крестьян	Итого
Православного	1814	1093	2907
Магометанского	10866	4987	15853
Всего	12680	6080	18760

8. О том, имеют ли лица зависимых сословий какую-либо лично им принадлежащую, собственность.	8. К числу собственности крестьян и вольных жителей сверх принадлежащего им имущества следует отнести право владения тем и другим сословием крестьянами и рабами, купленными или захваченными в плен.

И. д. начальника Бзыбского округа кап. Синоков.

Документы по истории Грузии. Серия II. Т. I. Ч. I. Тбилиси, 1954, с. 506-511.

ЦГИАГ, ф. 545, д. 181, лл. 96 – 102.

АЛЬТАИР

3.28 Рапорт пристава Цебельды Канашевича и. д. начальника Сухумского военного отдела полковнику В. М. Коньяру о повинностях Анхаю и Ахою (Агырва).

Укр. Цебельдинское, 22 февраля 1866 г.

Вследствие предписания Вашего от 5 ноября прошлого года за № 1568, имею честь донести, что во вверенном мне приставстве подвластные в отношении к владельцам исполняют повинности в следующих размерах:

Анхаве обязаны подымно ежегодно давать ажидз весною барашка (1,1 руб.), зимою барана (2 р. 50 коп.), при выходе дочерей анхаве замуж жених дает помещику ахшбыр, дарит одну корову (10 руб.), сверх того анхаве обязаны помогать в работе при обработке и засеве полей и сборе хлеба.

Агырва отбывают атачи или абагыр исключительно 3 дневной в неделю работой и сверх того ежедневно приносит к дому по два оберемка дров. При выходе дочери агырва замуж жених платит помещику ачма от 10 до 15 коров. Жена агырва варит пищу и дочь до совершеннолетия прислуживает в доме.

Ахашала с него за исключением повседневной работы помещик ничем не пользуется.

ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, д. 181, лл. 155 – 155 об.

3.29 Рапорт пристава Цебельды Канашевича и. д. начальника Сухумского военного отдела полковнику В. М. Коньяру о стоимости рабов и повинностях отдельных крестьянских категорий.

Укр. Цебельдинское, 22 февраля 1866 г.

По предписанию Вашему от 5 ноября прошлого года за № 1572, собраны мною от жителей следующие сведения:

1. Стоимость ахашала обоего пола до запрещения продажи их врозь зависела от меры роста и телесных качеств. Так четырех четвертей ахашала стоило 30 и 5 – ть четв. – 35 и 6 чет. – 40 коров. Женщина красивая доходила ценностию до 50 коров и даже выше.

2. Стоимость дыма агырва из 5-ти душ, теперь, по случаю большого понижения на них цен, положительно определить невозможно; в прежнее же время семейство в 5-ть душ покупалось с таким расчетом, что за каждую душу агырва приходилось пол цены, определенной выше на ахашала.

3. Агырва никаких доходов владельцам не приносит, за исключением калыма, получаемого с женихов по выходе дочерей агырва замуж.

4. Взамен платы за право на повинности с дыма анхаве владельцы получают баранами, хлебом и сеном.

5. Средний доход с дыма анхаве простирается до 4 руб. 45 коп. в год.

ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, д. 181, лл. 156-156 об.

3.30 Докладная записка ген.-лейт. Г. Дадиани начальнику главного управления о распространении крестьянской реформы и на селение Пахулани.

Февраль 1866 г.

Из личных объяснений кутаисского генерал-губернатора, ген.-ад. кн. Святополк-Мирского я известился, что по поводу предстоящей крестьянской реформы в Мигнрельском владении, управляющей Мингрелиею входил к нему с представлением о распространении действия Комиссии, учрежденной в Зугдиди по крестьянскому делу, и на населенное мое имение Пахулани, состоящее в пределах Самурзакани, но что он, кн. Мирский, признал невозможным удовлетворить это представление потому, что вопрос об окончании крестьянского дела в Самурзакани имеет быть рассмотрен отдельно от мингрельского владения.

С первого взгляда для меня должен быть безразличен порядок, на коем совершится определение будущих моих отношений к населенному моему имению Пахулани: совершится ли оно теперь или впоследствии, через посредство мер, принятых по гражданскому ведомству, или же по военному ведомству (по состоянию Самурзакани в военном ведомстве); в обоих случаях я должен питать уверенность, что определение моих прав будет произведено по существу их и с полною справедливостью.

С этой стороны я не имею никакого повода к возражениям против правильности распоряжения ген.-ад. кн. Мирского, но тем не менее, не могу не предвидеть, не только важного ущерба для моих прав, но и больших затруднений при приведении в исполнение крестьянских положений, если, при разрешении крестьянского дела, отделить пахуланское имение от Мингрелии, с которою оно составляло и составляет одно нераздельное целое касательно поместного права и присоединить его к Самурзакани, с которою оно не имеет ничего общего в сем отношении.

Считаю неизлишним войти в некоторое разъяснение того особенного положения, которое Пахуланское имение занимает в Самурзакани.

Река Ингур отделяет Самурзакань от Мингрелии, первая лежит на правом, а вторая на левом берегу.

Самурзакань, составляя особую провинцию, принадлежала мингрельскому владетелю, от которого она отобрана и поступила в непосредственное ведение и управление правительства в 1841 году.

На правом берегу Ингура, у владетеля были два смежных между собою имения: сел. Пахулани и Джвари (часть последнего расположена на левом берегу, в пределах Мингрелии). Сел. Пахулани первоначально было пожаловано прадедом моим владетелем Кациа, брату своему Николаю, от которого оно было возвращено вновь владетелю, который взамен его пожаловал сел. Джвари, находящиеся по ныне во владении наследников Николая Дадиани. Пахулани же по грамоте покойного владетеля Давида, брата моего, пожаловано

АЛЫТАИР

мне в удел. Основания поместного права на сии оба селения, как прежде, так в настоящее время совершенно одинаковы с теми, кои действуют в Мингрелии; вследствие чего еще при кн. Барятинском с высочайшего разрешения мне дозволено было заложить это имение со всеми землями и угодьями и живущими в оном на крепостном праве крестьянами, в Закавказском приказе общественного призрения по оценке в 204 т. руб. по правилам приказа.

Поместное право в Самурзакани совершенно отличается от такового, существующего в Мингрелии.

Основания, на коих имеет быть определено в будущем поместное право в пределах Самузакани, вероятно будут одинаковы, так как за исключением Пахулани, в остальных частях этой провинции само поместное право утверждено везде на одних и тех же началах.

При таком коренном отличии оснований поместного права в Мингрелии и Самурзакани, не удобнее ли подчинить разрешение крестьянского дела в пахуланском имении тем мерам, кои предпринимаются для имений, находящихся в одинаковом с ними положении во всех отношениях. Географическое положение сего имения в пределах Самурзакани должно служить к тому препятствием, так как и часть селения Джвари, смежная с ним, также находится на правом берегу Ингура, между тем как она причислена к составу Мингрельского владения.

Независимо от сего важного удобства – единообразия правительственных мер – одновременное разрешение крестьянского дела в пахуланском имении и Мингрелии представляет и ту выгоду, что этим предотвротятся не основательные ожидания, какие неизбежно породятся в жителях пахуланских, если устройство их быта подчинится ведению самурзаканских властей. Эту меру они истолкуют себе в превратном виде и будут думать, что они сравниваются в поземельных отношениях к помещику с прочими поселянами самурзаканскими; а при невежестве жителей в этой отдаленной части края, вразумление крестьян после неправильно возбужденных в них надежд, едва ли достигнется без употребления материальной силы.

Для отклонения всех неизбежных затруднений, казалось бы, наиудобнейшим средством, подчинить пахуланское имение по разрешению крестьянского дела общим мерам с имением джварским, с ним смежным и сходственным в отношении поместного права. Было бы еще последовательнее ввести его в состав мингрельского управления с сел. Джвари.

Представляя обо всем этом в. пр-ву. имею честь покорнейше просить не оставить повергнуть ходатайство мое на благоугодное разрешение е. выс. в. кн. Наместника.

Ген-лейт. Дадиани.

ЦГИАГ, ф. 220, д. 877, лл. 23 – 26. Подлинник рукописный. Документы по истории Грузии. Т. 1. Ч. 1. (Под ред. Ш. К. Чхетия). Тб. 1954. С. 458 – 460.

3.31 Представление управляющего Мегрелией г. Властова кутаисскому генерал-губернатору об отмене крепостного права в имениях кн. Дадиани.

18 марта 1866 г.

Вследствие предложения в. с-ва от 25 февраля № 25 (из Тифлиса) я снесся с подполк. Кишельским, прося его назначить время для прибытия в Пахулани, и получив от него ответ, просил кол. сов. Деспот-Зеновича отправиться к 9-му числу марта для описания Пахулани. Сегодня, 18 марта, кол. сов Деспот-Зенович за своей подписью и за подписью присутствовавшего при описании подполк. Кишельского, представил мне описание имения Пахулани, из которого видно:

1. Что 42 дыма азатов, тависупали, нельзя ни в коем случае причислять к крепостному состоянию и отнять у них право перехода по желанию на другие земли, но считая оброк, на них положенный, за ренту за землю, – они должны неуклонно платить сии повинности до тех пор, пока они пользуются землею помещика.
2. Точно также сомнительно крепостное право кн. Григория Дадиани на 4 дыма Ма(м)пория, права которых на азнаурское достоинство может быть обсуждено лишь в Комиссии разбора прав.
3. Рассматривая повинность называемых себя пиошами, я не вижу другого различия от всех крестьян Мингрелии, кроме платежа ими повинности в виде денежного оброка, назначенного взамен повинностей, по случаю залога имения в Приказе общественного призрения. Самое название пиошей, которое присваивают себе крестьяне, не может иметь особого значения в виду самого факта платежа повинностей, в числе которых встречается плата вином, гоми, кукурузою, сыром, козлами, кормление господских лошадей с конюхом и, наконец, надоба (барщина).

Право перехода их на другие земли не подтверждается никакими доказательствами или фактами, а принадлежность их на помещичьем праве одному из членов владетельской фамилии Дадианов и пожалование их в удел взамен другого имения, находящегося по левой стороне Ингура, служит доказательством, что они находились в тех же отношениях к владельцу земли, как и другие крестьяне Мингрелии. Затем, обращаясь к способу приведения в исполнения положения, я полагал бы поставить в обязанность кн. Григорию Дадиани, допустить выкуп земли крестьянами в собственность, что облегчается, во-первых, тем, что в его непосредственном владении нет вовсе земли в Пахулани, а во-вторых, денежным образом, заменяющим повинность. Этим только способом я полагаю возможным обеспечить долг Приказу, лежащий на имении Пахулани, ибо все пахуланские земли будут оставлены крестьянами, то не предвидится возможности выручить за одну землю выданной ссуды.

АЛТАМИР

В заключение, я должен прибавить, что разрешение в этом смысле вопроса о Пахулани никак не может служить примером для Самурзакани вообще, ибо не в географическое положение, на право или левом берегу Ингура, и не административное положение имения определяет права землевладельца, а то обычное в этом крае право, которое было одинаково для всех населенных имений князей Дадианов, находящихся в пределах их владений, в числе которых было всегда включено Пахулани. Этот взгляд подтверждается еще тем, что владетелем кн. Дадиани были приобретены покупкою ненаселенные земли в Самурзакани под названием Оцарце; земли эти населены арендаторами-пришельцами и за них взыскивает Управление делами опеки лишь моди, что составляет резкое различие между наймом земли и крепостным правом, и на этих пришельцев Опека и не заявляет права крепостного владения.

Представляя обо всем этом в. с-ву., имею честь представить: а) переписку, присланную мне при предложении вашем от 25 февраля № 25, б) описание имения Пахулани, и в) поданное мне прошение управляющего имениями кн. Григория Дадиани шт.-кап. кн. Бахва Пагава[1].

Дейст. ст. сов. Г. Властов

ЦГИАГ, ф. 220, д. 877, лл. 27 – 28. Подлинник рукописный. Документы по истории Грузии. Т. 1. Ч. 1. (Под ред. Ш. К. Чхетия). Тб. 1954. С. 461 – 462.

3.32 Из отношения начальника VIII отделения главного штаба военного министерства поручику Баумиллеру о поручении сопровождать тело покойного М. Г. Чачба – Шервашидзе в Абхазию.

С. – Петербург, 18 апреля 1866 г.

С высочайшего соизволения тело покойного князя Михаила Шервашидзе, умершего в Воронеже 16 сего апреля, должно быть перевезено в Абхазию для погребения на родине. Одновременно с этим должны быть отравлены на Кавказ и малолетние дети князя: сын 8 и дочь 10 лет согласно по просьбе для передачи их на попечение родной бабки, супруги князя Георгия Дадиани, находящейся в Мингрелии.

Ваше благородие назначаетесь для сопровождения как тела умершего, так и его семейства, а потому предлагаю вам с получения сего отправиться в г. Воронеж, где и явиться к губернатору, действ. статск. советнику князю Трубецкому, которому предоставлено уже сделать все предварительные распоряжения по вышеозначенному отправлению, как-то заказать гроб и приобрести дорожный экипаж…

ЦГВИА, ф. 400, Аз. ч., оп. 259/909, д. 39, лл. 16 – 16 об. Копия.

[1] См. наст. том, док № (предыдущ).

3.33 Рапорт начальника Сухумского военного отдела в. Коньяра кутаисскому генерал-губернатору Д. И. Святополк-Мирскому о настоянии гр. Дадиани на проведение крестьянской реформы в его имении Пахулани одновременно и на одинаковых с Мегрелией основаниях.

28 апреля 1866 г.

При предписании от 5 апреля № 579 в. с-во. препроводили на мое заключение переписку, возникшую по поводу домогательства ген.-лейт. кн. Дадиани о том, чтобы в принадлежащем ему имении Пахулани, находящемся в пределах Самурзакани, крестьянский вопрос был разрешен одновременно на одинаковых с Мегрелией основаниях.

Домогательство это кн. Дадиани основывает на том, что в сказанном имении основания поместного права как прежде, так и теперь совершенно одинаковы с теми, кои действуют в Мингрелии, и что население пахуланского имения находится к помещику своему в отношениях совершенно отличных от тех, которые существуют в остальной Самурзакани.

При сравнении препровожденного ко мне описания имения Пахулани с описанием отношений между самурзаканскими помещиками и их подвластными, составленным при поступлении Самурзакани в Состав Сухумского военного отдела, и прошением, поданным в то же время самурзаканским дворянством, оказывается, что подвластные кн. Дадиани, называющие себя пиошами, находятся в положении совершенно одинаковом с пиошами в прочих самурзаканских имениях, они отбывают помещику одинаковую барщину и выплачивают ему однородные повинности; но только последние взимаются с них в размере значительно большем, чем с крестьян других помещиков.

Это последнее обстоятельство побудило управляющего Мингрелией признать этих крестьян за крепостных людей, принадлежащих кн. Дадиани, на общем с Мингрелией помещичьем праве. По моему же мнению, различие в размере и способе взимания повинностей в настоящем случае, не может изменить сущности вопроса, потому что оно должно быть признано отличительной чертой местных сословных отношений и составляет незаконный плод того права сильного, которое в весьма недавнем еще прошедшем господствовало в здешнем крае и давало некоторым лицам возможность совершенно произвольно увеличивать повинности, установленные вековым народным обычаем, имевшим в сущности силу закона. Подобные примеры встречались и в других самурзаканских имениях, в этих случаях новый усиленный размер повинностей тяготел над подвластными до тех пор, пока общественное положение помещика не изменялось и пока на его стороне оставалось одинаковая сила, но прекращался вместе с упадком влияния и общественного значения этой личности.

АЛЫТАИР

В описании имения Пахулани примечание (3), являет пример такого произвола, повторившегося в очень недавнее время, и мне кажется, что правильно организованная власть отнюдь не может признать такого факта нормальным и основывать свои выводы исключительно на них.

Далее, сходство пахуланских крестьян с пиошами в других имениях явствует из заявленного ими права свободного перехода. Д. ст. сов. Властов опровергает это право, как неподтвержденное никакими доказательствами, но я со своей стороны нахожу, что это опровержение еще менее подкреплено доказательствами, нежели заверение самих крестьян, которое, напротив, подтверждается отчасти тем, что в недавнее еще время из пахуланского имения 14 дымов выселились к другим самурзаканским помещикам, и, наоборот, один дым переселился в Пахулани из имения Саберии, принадлежащего князьям Шервашидзевым, и что ни один из заинтересованных помещиков не заявил претензии против такого переселения. Из представленных у сего приложений – лит. А и Б – в. с-во изволите усмотреть, что относительно этого вопроса и во всей остальной Самурзакани происходит препирательство между помещиками и пиошами, а это обстоятельство подтверждает еще более сходство взаимных отношений в имении Пахулани с отношениями в остальных имениях Самурзакани.

Не имея никаких сведений о положении крестьян в Мингрелии, я не могу судить, насколько население в Пахулани находится в одинаковом или различном с ними положении; но все вышеизложенное утверждает во мне положительное мнение, что между положением пахуланских крестьян и крестьян в имениях остальной Самурзакани никакой существенной разницы нет, что поэтому вопрос об них должен быть разрешен на одинаковых основаниях, и что нет основательной причины делать исключение в пользу кн. Дадиани в то время, когда еще не разработаны и не приведены в достаточную ясность факты, на основании коих крестьянский вопрос мог бы быть разрешен с соблюдением той беспристрастной справедливости, на которую имеют одинаковое право как помещики, так и их подвластные.

Сами самурзаканцы считают, что имение Пахулани находится в совершенно тождественном с другими имениями положении; если в имении этом крестьянский вопрос будет разрешен на одинаковых с Мингрелией основаниях, то все остальные самурзаканские помещики будут иметь законное основание требовать, чтобы и в их имениях вопрос был бы разрешен на таких же точно основаниях. Уже теперь одно только заявление кн. Дадиани такой претензии, возбудило в них волнение и желание достигнуть той же цели, такой добивается владелец имения Пахулани. Показание, сделанное ими кол. сов. Деспот-Зеновичу, явно клонится к этой цели и должно послужить для них как бы подготовительным действием к тем требованиям, которые они, без всякого сомнения, предъявят, как только вопрос о Пахулани будет разрешен в пользу кн. Дадиани. Тогда уже будет трудно отклонить

требования их, имеющие законное основание; правительство будет вынуждено разрешить крестьянский вопрос в ущерб интересам целого народа и, быть может, своим собственным.

Сверх того, можно опасаться, что такое разрешение вопроса возбудит общее волнение в народе, который увидит в нем нарушение прав, по его мнению, искони ему принадлежащих. Права эти оспариваются у него помещиками, но постоянно отстаиваются ими несмотря на то даже, что, как видно из дел, и наше прежнее управление постоянно выказывало наклонность поддерживать сторону помещиков, ссылаясь в этом случае или на наши, или на законы царя Вахтанга, тогда как ни те, ни другие на Самурзакань никогда не были распространяемы. В настоящее время масса население надеется, напротив, восстановить всецело права свои при помощи правительственной поддержки. Кн. Дадиани упоминает о том волнении, которое будет возбуждено в имении Пахулани, если там со временем придется разрешить крестьянский вопрос на одинаковых с остальной Самурзаканью условиях, но такая случайность весьма сомнительна, и даже если допустить возможность ее, то не благоразумнее ли будет рисковать ею, чем направить столь важное дело по пути, который неминуемо поведет к общим беспорядкам во всей Самурзакани.

Ссылка кн. Дадиани на имение Джвари не может иметь влияния на разрешение вопроса о Пахулани. Джвари – местность, удаленная от остальной населенной части Самурзакани, она населена исключительно мингрельцами, и самурзаканцы не считают и никогда не считали селение это принадлежащим к Самурзакани; к разрешению там крестьянского вопроса в том или другом смысле, население Самурзакани относится с полным равнодушием, как к постороннему для него делу. Не то будет относительно Пахулани; как и самую местность, так и население этого имения самурзаканцы всех сословий считают родными, – как помещики, так и народ убеждены в тождественности положения дел в этом имении с тем, что существуют и в остальной Самурзакани. Поэтому помещики сочувствуют всей душой кн. Дадиани, тогда как народ со страхом ожидает окончательного разрешения возбужденного в настоящее время недоумения.

Имение Пахулани заложено в Тифлисском приказе, разрешение в нем крестьянского вопроса в том смысле, какого домогается кн. Дадиани, конечно, облегчит последнему уплату этого долга, и с этой стороны могло бы служить некоторым обеспечением для казны. Но едва ли достижение подобной цели может служить достаточным основанием для того, чтобы в виду ее подвергнуть целую страну опасности смут и волнений.

Крайняя осторожность в разрешении крестьянского вопроса в Самурзакани еще необходима, что сословные отношения в этом крае имеют весьма близкое, если не полное, сходство с взаимными отношениями, существующими в Абхазии, и потому случайности, которым может подвергнуться

АЛИБТАЙР

крестьянский вопрос в Самурзакани, должны отозваться и неминуемо отзовутся и в Абхазии[1]…

И. д. начальника Сухумского
военного отдела полк. Коньяр.

ЦГИАГ, ф. 220, д. 877, лл. 35 – 40. Подлинник рукописный. Документы по истории Грузии. Т. 1. Ч. 1. (Под ред. Ш. К. Чхетия). Тб. 1954. С. 463 – 466.

3.34 Из рапорта Начальника Сухумского военного округа Б. Кульмана и. д. начальнику Сухумского военного отдела полковнику В. М. Коньяру о видах повинностей, взимавшихся с зависимых крестьян Абхазии.

31 мая 1866 г.

Согласно предписанию в. выс. от 5 ноября прошлого года, имею честь донести, что состоящие в Сухумском округе все абхазские князья фамилии Анчебадзе, Маршани, Чабалухва, Дзыпш-ипа, так же, как и все дворяне фамилии Эристоу, Маргани, Званбай, Арюйтаа, Цымба, Чирик-бай, Куджабай и Блыб пользуются одинаково повинностями (ахаза) от своих подвластных (анхайве), семейных крестьян (агырва), и покупленных крестьян (ахашала), за исключением князей Шервашидзе (внуков Бекир-бея), не из владетельской фамилии, которые пользуются повинностями более других князей, что можно видеть из следующего:

Повинность ахаза подразделяется на 13 главных категорий, а именно:

Ажидз – подать, которая берется владельцами скотом или же стоимостью его.

Атача – подать вином и кукурузой.

Ачма – калым, получаемый владельцами при выходе дочери агырва замуж от жениха, которому отчасти помогает в этом случае его владелец.

Ахшбыр – калым в виде подарка при выходе дочерей анхайве, состоящий из платы владельцу одной коровы.

Апкара – обязательное число дней в году работы анхайве в пользу владельца земли.

Ацыхтвы – если по случаю смерти в доме анхайве не останется совсем мужского пола, то все имение поступает к владельцу за исключением незначительной части, которая выдается оставшимся в семействе женщинам.

Анхайве рпизба, ацнуквара.

[1] На основании переписки, возникшей по этому вопросу, 17 февраля 1867 г. начальником Главного управления бар. Николаи был подан наместнику доклад о проведении крестьянской реформы в Пахулани на одинаковых с Мегрелией основаниях, на который наместник наложил следующую резолюцию: «Согласен с заключением, с тем чтобы Пахулани было причислено в административном отношении к Мингрелии. Михаил». (ЦГИАГ, ф. 220, д. 877, л. 56) **– (Ш. Ч.).**

При выезде владельца куда-либо из деревни, по назначению его, анхайве, имеющий у себя лошадь, обязан провожать его во время поездки.

Ачныр – если агырва нанимается в пастухи к постороннему лицу, то обязан половину получаемой платы за то отдавать своему помещику.

Ахш итойт – если у агырва имеется дойный какой-либо скот, то половину количества получаемого им молока, через день должен отдавать помещику.

Ахта пересба – дочери агырва обязаны служить в доме помещика до своего замужества.

Ачтакра – вимчибжа – у князей Шервашидзевых каждое семейство агырва обязано в продолжении двух недель в году кормить у себя двух помещичьих лошадей и при них одного человека.

Амчаагара – обязанность агырва доставлять в дом помещика дрова и строевой лес, по его приказанию и смотря по потребности.

Ацынахара – кажда жена агырва обязана приготовить в доме помещика (для него) пищу, чередуясь с другими женами агырва.

Каждое семейство анхайве отбывает ежегодно повинность за право пользования землею, следующую:

1. Ажидз, состоящий из платы одного барана или барашка или деньгами 4 руб.
2. Атача, состоящий из 8 мер кукурузы или деньгами 2 рубля.
3. Апкара, состоящий из трах дней в году работы владельцу земли во время посева и уборки хлеба своим скотом, т. е. с быками или буйволами.
4. Ахшбыр, но эта повинность иногда отдаривается в свою очередь владельцами.
5. Анхайве рпызба, ацнуквара и
6. Ацыхту.

Примечание: Если анхайве пожелает откупиться от уплаты повинностей владельцу за право пользования землею, то платит ему от 15 до 40 коров.

Анхайве, живущие на земле, принадлежащей князьям Шервашидзе, исполняют в числе вышесказанных повинностей, повинности ажидз, атача, и апкара, в больших размерах, а именно 1. подвластные из анхайве обязаны ежегодно собственными средствами обрабатывать землю помещика, назначенную для посева, засевать ее, а когда поспевают хлеба, собирать их и доставлять на своих подводах в дом владельца. Если же по каким-либо причинам земля помещика не обрабатывалась, то в таком случае с каждого семейства анхайве берется по одной двухколесной арбе неочищенной кукурузы. 2. Каждое семейство анхайве должно дать владельцу ежегодно по 16 ведер вина, или по 16 руб. сереб. 3. В число повинностей ажидза платится владельцу от каждого семейства анхайве ежегодно по одной корове.

Общая повинность агырва.

АЛЫТАИР

Каждое семейство крестьян отбывает своему помещику повинности:

1. Апкара, состоящее в том, что все семейство в рабочее время года обязано работать помещику три дня в неделю вместе со своим рабочим скотом, а остальное же время года мужской пол должен исполнять мелкие работы помещика, по указанию его; женщины же в то время исполняют повинности ацынахара.

2. Ахш итойт. 3. Ахта пересба. 4. Ачныр. 5. Ачма и 6. Амчаагара – плата за невесту в этом сословии бывает от 8 до 15 коров.

Князья Шервашидзе со своих агырва вышесказанной повинности ачма не берут, но повинность эта у них тоже существует в другом виде. Они не берут калыму за свою крестьянку с ея жениха, но зато крестьянка их не может выйти замуж без согласия и поступает большею частью в приданное за дочерьми или сестрами владельцев. Кроме общих повинностей агырва, каждое семейство агырва князей Шервашидзевых обязано отбывать повинности ачтакра вимчибж.

Ахашала (покупные крестьяне) не имеют у себя никакой собственности, живут в домах у своих владельцев и ими содержатся. Повинность их заключается в безусловном почти повиновении своему владельцу и исполнении всех возложенных на них работ и обязанностей до перехода их в семейные крестьяне.

ОЦЕНКА ОБЩИХ ПОВИННОСТЕЙ
Повинность:
Анхайве
Ажидзь равняется 4 рублям.
Анхайве рпизба.
Атача 8 мер кукурузы 2 рубля
Апкара.
Ахщбырь 10 рублей.
Ацнуквара.
Ацыхту.
И т о г о

Повинность агырва
Апкара
Ацинахара
Ахш итойт
Ачныр
Ачма с 60 до 150 рублей
и амчаагара
Повинность анхайве, живущих на землях князей Шервашидзе:
Ажидз равняется 14 рублям.

Атача – 16 р.
Апкара
Ахшбыр – 10 р.
Анхайве рпизба
Ацунквара
Ацыхтву
И т о г о

Повинность агырва:
Апкара
Ацынахара
Ахш итойт
Ахта пересба
Ачныр
Амчаагара
Ачтакра вимчабж
Ачма
И т о г о

Ахашала службою своему владельцу равняется годичному работнику. Нанятый работник в Абхазии получает в год … рублей.

Примечание: Цены некоторых повинностей неопределенны вследствие неодинаковой стоимости их, которые большею частью зависят от обязательств.

ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 10, 13, лл. 1-4. Подлинник.

3.35 Сведения об отношениях в Абжуйском округе подвластных крестьян к своим помещикам.

Июль 1866 г.

В Беслахубе	Анхайве	Анхайве или вольный житель платит владетелю в год зимою козла или барана, стоящего 2 руб. (справочные цены в деревне), а летом – козленка или барашка, стоящего 1 руб.; цена большего барана 3 р., а маленького 2 руб. и, кроме того, убирали канаши. На наем рабочего человека в день в селе цены не существует. Жители сел. Беслахуба, как считались людьми владетельскими, то и обязанности их вообще были не ограничены и требования владетеля выполнялись беспрекословно.

АЛЬТАИР

	Крепостной или абхазское название – агырва (в Абживы же называется еще ахуие).	Если у владетеля два или три дыма крестьян, то они служат три дня в неделю помещику и три дня для себя. Если же в доме крестьянина есть девочка или мальчик, то служат помещику: первая до замужества, а последний до женитьбы; в последнем случае мальчик ничего не платит до женитьбы; при выходе же девочки замуж жених ее платит стоимость ста руб. Кроме того, каждый дым агырва поочередно варит гоми, т. е. тот, кто оставляет варение гоми, приводит в дом помещика козла и режет его там. Мальчик когда женится из дома помещика, то последний за выкуп жены дарит ему одну корову; при женитьбе мальчика и при выходе девочки замуж, если есть у них брат или сестра, то последние должны поступить на место их в дом владельца. Если же у помещика только один дым крестьян, то он постоянно варит гомию, работает три дня в неделю помещику и 3 дня себе; если есть у него сын или дочь, то они поступают в постоянную прислугу помещику; при женитьбе мальчика и при выходе девочки замуж производится та же самая плата, как выше сказано. Старики же в доме агырва от всякой работы избавляются. Обязанность постоянной прислуги – нести свою домашнюю службу.
В Акваскаx	Анхайве	В этом селении анхайве (вольные жители) все владетельские и служба их одинакова с жителями сел. Беслахуба.
	Агырва	Агырва служит помещику 3 дня в неделю, варит постоянно гомию и дает в постоянные прислугу девочку, если она есть, которая служит до замужества, и при выходе в замужество помещик берет с жениха ачма 5 коров и более, смотря по условию; если же у помещика несколько дымов крестьян, то они варят по очереди гомию. Вместо девушки, отслужившей определенный срок, поступает другая, если есть. Старики в доме агырва также освобождаются от работ. Доход в год с дыма агырва – до 300 руб. сер. Обязанность постоянною прислугою так же, как и в Беслахубе.
В Эшкетах	Анхайве	Анхайве при посеве владельцем кукурузы, гоми, а также при очищении и уборке ее и при сборе винограда по призыву его должен выйти на работу или выслать кого-либо вместо себя и оставаться там до тех пор, пока не кончится нужная работа. Это продолжается день-два, иногда и более. В случае нужды, то анхайве является на работу со свей скотиной, если она у него есть.

		При первой потребности владельца анхайве должен исполнить ту обязанность, которую он на него возложит. Кроме того, каждый анхайве платит помещику аджидз, зимою козла или барана, а летом козленка или барашку, что называется «ажидз». При выходе в замужество дочери анхайве жених платит помещику 1 быка. Плата эта называется «ахшбыр». Когда анхайве собираются на работу к владельцу, то приносят с собою, если у кого есть сыр, молоко, а помещик режет для них что-либо из рогатого скота. Ежели же владельцу нужна лошадь или нужно будет послать куда-либо, то это лежит исполнение на анхайве.
	Агырва	В Эшкетах служба агырва та же самая, как и в Акваскаx, с тою только разницею, что в постоянные прислуги помещику дается мальчик и девочка из дома агырва, если они есть. При женитьбе и выходе в замужество помещик берет ту же самую ачму или плату, как и в Акваскаx, а некоторые берут более и менее, смотря по условию. Если же в семействе 3 мужчин, то один служит постоянно, другой – три дня себе и три для помещику, а третий службы помещику никакой не отбывает. Постоянная прислуга по пятницам от всякой службы освобождается и может идти к себе на дом на работу. Доход в год тот же самый
	Ахашала или купленный крепостной	Ахашала служит в доме помещика до женитьбы, исполняет все его приказания. Женившись, ахашала по усмотрению помещика отдаляется, или с женою остается постоянным служителем в доме помещика и исполняет все его требования. За жену платит помещик ачма, но плата эта бывает различная. Если ахашала по своей услуге или по знакомству найдет девушку по сходной цене, то помещик платит только от 7 до 15 коров; в противном же случае – от 30 до 40 коров. Если же ахашала, женившись, отделяется, то он отбывает все повинности, какие потребует от него помещик. Дети же ахашалы поступают в постоянное услужение в дом помещика, а сам отбывает в то время повинность агырва или крепостного. При выдаче помещиком дочери в замужество дает в приданное дочь ахашалы, если таковая у него есть. При выдаче в замужество дочери ахашалы помещик берет ачму, т. е. стоимость которая отдана за жену ахашала по знакомству или по особой какой-либо услуге.

АЛЫТАИР

		На ахашала и остальных крестьян, находящихся в доме помещика, лежит вся домашняя служба. Помещик же обязан одевать ахашалу.
В Поквешах	Анхайве	Обязанности или служба так же, как и в Эшкетах, с разницею, что собранный виноград обязаны доставить в то место, где укажет помещик, и кроме того, анхайве обязан доставить помещику строевой лес и папоротник для крыши сакли. Если вольный житель или анхайве был воспитателем помещика или же кого-либо из его родных, то при выдаче дочери замуж должен подарить помещику корову или быка, стоимость которых равнялось бы 10 руб. Подарок этот называется «ахшбыр». При поминках в доме владельца анхайве должен прислать 1 или $1^{1/2}$ батмана вина и переднюю часть зарезанной скотины, ежели таковая у него будет.
	Личная услуга	Если анхайве или вольный житель имеет лошадь, то должен ездить с помещиком; последний может посылать его где ему вздумается; кроме того брать у него лошадей на случай, если у помещика не достает. На рождество и в день пасхи каждый вольный житель должен делать «ахваагара» – подарок, т. е. принести кур, барана, козла или что-нибудь. Когда умрет кто-либо из помещиков, то лошадей его держат лучшие из вольных жителей. Имеет абхазское название – «ачадгылара» В прежнее время помещик помогал анхайве делать нападение и мстить за кровомщение, как равно и анхайве обязан в свою очередь помогать в таком случае и помещику. Кто из вольных жителей покупает или продает крестьянина, тот дарит помещику корову или быка.
	Агырва	Агырва служит помещику 3 дня в неделю и если один дым, то постоянно варит гомию; если же несколько, то по очереди; в постоянную прислугу дает или мальчика или девочку, если же нет ни мальчика, ни девочки, то служит сам крестьянин. Девочка служит помещику до замужества, жених платит помещику ачма от 3 до 10 коров. Мальчик же, если не будет заменен другим кем-либо из дома агырва после его женитьбы, то он остается служить в доме помещика до тех пор, пока сам не извлечет средства заменить себя кем-либо или же не отпустит его сам помещик. Постоянная прислуга кроме обыкновенной службы в доме, варит еще и гомию.

		Остальные дымы агырва по-очереди мелят кукурузу и доставляют в дом помещика. Помещик постоянной прислуге мужского пола обязан давать: когда зарежет что-либо из рогатого скота, то ноги, внутренность, шею и голову; если же козла или барана – ноги, внутренность, шею, голову и шкуру. Если помещик дарит кому-либо лошадь, то подарок с другой стороны поступает в пользу мальчика (постоянной прислуги). Если же агырва будет дурно служить владельцу, то он обязывает его служить так, как угодно. Купленный дым агырва несет те обязанности службы, какие он нес на прежнем месте его жительства. Кроме того, агырва доставляет помещику дрова на своей скотине, если таковая есть у него. Доставка же строевого леса лежит на обязанности крепостных, если они будут в состоянии доставить таковой; если же нет, то обязанность эту выполняют вольные жители (анхайве)
	Агырва к вольным жителям	В с. Поквеши агырва служит 3 дня в неделю, варит постоянно гомию, а если у владельца несколько дворов, то гомию варят поочередно, дают в постоянную прислугу мальчика или девочку, если есть, которые остаются до женитьбы, а девочка до замужества; в последнем случае жених платит за невесту ачму от 5 до 15 коров. Мальчик, женившись, отдаляется в свой дом, а вместо его заступает другой брат его, если есть. При женитьбе мальчика владелец дает ему на выкуп невесты ½ ачмы. Если же нет ни мальчика, ни девочки, то агырва служит только три дня и варит гомию. Служба агырва к вольным жителям в Поквешах везде одинакова.
	Ахашала	Служба ахашалы так же, как и в Эшкетах.
В Гупе и Ткварчелах	Анхайве	Вольный житель или анхайве служит здесь так же, как и в Поквешах, с разницею, что владелец может за дом свой отдать на время аманата анхайве.
	Агырва	Агырва служит помещику своему 3 дня в неделю со своею скотиною, если таковая есть, дает в постоянную прислугу мальчика или девочку: первый из них имеет по пятницам свободу, а последняя нет; оба они служат до женитьбы и при выходе девочки замуж помещик берет с жениха ачма в 5 коров.

АЛЬТАИР

		Мальчик, женившись, сменяется братом или сестрой, если же таковых нет, то трехдневная служба агырва не изменяется, а в случае нужды, то несколько дней сряду. Агырва один дым варит постоянно гомию, если же их несколько дворов у помещика, то поочередно; также на обязанности их лежит доставка дров зимою 3 раза, а летом – 1 раз в день. Помещик за службу эту дает постоянной прислуге, если он зарежет быка или корову: шею и голову (по-абхазски ахуда, ахы), внутренность (амгуа), и шкуру (ацва). Когда барана, то шкуру не берет, а только шею и голову.
	Ахашала	Ахашала так же служит, как и в Поквешах, с разницею, что если ахашала женится и если у него будут дети, то тотчас же отделяется; за неимением же детей он остается в постоянном служении в доме помещика; жена покупается ему помещиком от 15 до 20 коров, и, когда у ахашалы будет дочь и выйдет замуж, то владелец берет с жениха ту плату, какую он дал за жену ахашалы; а потом этот самый ахашала остается на правах крепостных. При выдаче в замужество другой дочери, жених платит помещику, как и все крепостные Маршаниевых и Анчабадзевых, 5 коров и эта плата называется ачма. Взамен дочерей ахашала, вышедших замуж, поступают в услужение помещику другие дочери, если есть. Когда ахашала в доме помещика, то последний его одевает и если помещик дарит кому-либо – лошадь, буйвола и ружье, то он получает по 2 руб.
В Падгу	Анхайве	Анхайве здешним помещикам отбывают одинаковую повинность с гупскими анхайве.
	Агырва	Агырва или ахуйе служит во всем одинаково с гупскими крестьянами, с разницею, что в постоянные прислуги дают помещику только девочку. Мальчика же нет. Если девочки нет, то вовсе не дают постоянной прислуги. Кроме того, на обязанности агырва лежит ежедневная доставка дров по вечерам и на новый год или рождество. Каждый должен сделать для помещика обед…, где должно быть вино, говядина или баранина или козлятина и все необходимое для туземного обеда.
В Тхинах	Анхайве	Служит одинаково с гупскими анхайве.
	Агырва	Те же обязанности агырва, как и в сел. Гуп, с разницею, что на обязанности крепостных лежит доставка дров один раз в день.

В Меркуле	Анхайве	Анхайве служит своему помещику так же, как и в Гупе, с разницею, что на праздник приносит заднюю часть зарезанной скотины, а при поминках – чурек.
	Агырва	Агырва или ахуйе служат помещику 3 дня в неделю, варят поочередно гомию и дают в постоянное служение некоторые девочку, а некоторые мальчика. Оба эти пола служат до брака и при выходе девочки замуж жених ее платит помещику за невесту ачма; у дворян Марганивых – по 1 быку, а у прочих владельцев – от 3 до 5 коров. На обязанности агырва лежит и доставка дров по одному разу в день, как летом, так и зимою. Вольный житель сам покупает для своего крепостного невесту и платит за нее 16 коров.
	Ахашала	Служит так же, как гупские ахашала.
В Джали	Анхайве	Служит так же, как и меркульские анхайве.
	Агырва	Крепостные в сел. Джали служат своему помещику во всем одинаково с меркульскими крепостными, с разницею, что жених платит за невесту ачма – стоимость 24 руб. сер. Крепостные вольных жителей платят ачму за невесту, если они сами покупают ее, то по 5 коров, если же помещик покупает, то берет с них 10 коров.
В Илорах	Анхайве	Анхайве одинаково служат, как и в Эшкетах.
	Агырва	Служит так же, как и в Поквешах с тою разницею, что ачму за замужество платит от 4 до 15 коров, и мальчик, женившись, уходит из дома помещика, ежели бы он и заменен другим не был.
	Ахашала	Ахашала служит своему помещику как и в поквешах. Стоимости рабов (ахашал) в Абживском округе и дыма агырва в настоящее время не существует, так как после разнесшегося в Абхазии слуха об освобождении крестьян покупатели не являются. В прежнее время мальчик или девочка 4 четверти стоили 25 кор. или 250 руб., 5 четвер. стоили 30 коров или 300 р., 8 четвер. стоили 40 коров или 400 р…. Стоимость дыма агырва в 5 душ существовала в прежнее время от 800 до 1300 р., в настоящее же время таковой не существует по неимении покупателей. Средний доход с дыма агырва простирается от 200 до 300 р. в год. Плата за право неповинности с дыма анхайве в настоящее время не существует, в прежнее время – от 100 до 200 р. в год. Средний доход с дыма анхайве – от 25 до 50 руб. в год.

АЛЬТАИР

В Джгерде		Судьи – князь Салыбий Анчабадзе, Хусейн Чирикбай. Общинный старшина – Хасан Тапшипа Маршания. Выборные – аамыста Дадин Рыфта, анхайве Мусса Амичба, Мурзакул Иванба, Саат Ашуба. Агырва – Коблух Харания. … Из дома агырва все взрослые мужчины должны выходить на работу, если агырва не имеет своего скота, то остается один день для присмотра за скотом. Владелец не может заставить агырва смотреть за скотом его. Зимою дров приносит 2 вязанки, а летом – одну, если жена не варит кашу. Ни в какой праздник поздравительного приношения не делают в Джгерде. В Джгерде есть обычай, что если гости входили так часто, что владелец два дня режет скот, то на третий должен зарезать агырва для гостей… В Джгерде анхайве ахшбар не платят тавадам обязательно, как платят им тогда только, если их семейство связано воспитанием… Работа анхайве в Джгерде 3 дня… С горных пастбищ в Джгерде три рода фамилии Маршани собирают по-очереди три года и для членов своего рода потом. Аамста в горах должны тоже платить за горные места князьям. При разделе двух братьев анхайве владельцы ничего не дают. В Джгерде тавады не получали вознаграждения за кровь, убийство и раны оплачивали убийством, а анхайве давали своим владельцам из оплаты за кровь от 6-ти до 10-ти коров…

С. Баратов. Сведения об отношениях в Абживском округе подвластных крестьян к своим помещикам. Труды Сухумского педагогического института им. А. М. Горького, вып. XV, 1962. с. 159 – 163.

3.36 Из приложения к рапорту Председателя Комиссии «приводящей в известность владетельские имения в Абхазии» ген.-м. Е. Понсэ о мнении Комиссии «относительно прав членов владетельского дома на участие во владетельских имениях и доходах».

2 июля 1866 г.

Доходы бывшего владетеля составлялись из разных статей, которые с введением в Абхазию русского управления частью отменены, частью поступили в казну, и размер которых может быть дознан лишь приблизительно. К ним принадлежат:

Продажа леса, преимущественно пальмового дерева, пошлина «абаджь» (рахтарная пошлина) – за вывоз абхазских произведений и невольников.

Таможенная пошлина – за ввоз иностранного товара. Эта пошлина считалась отмененной с 1848 года, с учреждением на Абхазском берегу таможен от правительства.

Взамен нее владетель получил от казны ежегодно 9500 рублей, и кн. Дмитрий Шервашидзе, за Келасурскую пристань – 2500 рублей. Но ввоз товаров продолжался контрабандою, и пошлина взималась по-прежнему, до введения русского управления;

Айбар – взыскание по приговору суда, за преступления, преимущественно за воровство.

Комиссия считает вероятным, что эти статьи составляли большую часть владетельского дохода и что меньшая часть его получалась от так называемых владетельских имений, в виде повинностей от подвластных людей и холопов, дохода от садов и других земельных угодий. Эта последняя часть дохода получалась в произведениях, которые шли исключительно на содержание владетельского дома, обращаясь в деньги…

Членами владетельского дома Комиссия считает лиц, происходящих от Келиш-бея, которых взаимное родство может быть дознано, за исключением других князей Шервашидзе…

Члены владетельного дома.

Из членов владетельского дома имеются в виду:

Жена владетеля Михаила Шервашидзе:

1. Мария, дочь кн. Николая Дадиани, вторая жена бывшего владетеля, получала 500 руб. ежегодно из казенного содержания его… Живет в Мингрелии, сел. Сенаки.

Замечание: Кн. Михаил был женат в первый раз на дочери Беслана Арыдба, магометанке, в начале двадцатых годов.

Дети кн. Михаила Шервашидзе, сына Сефер-бея, сына Келеш-беева, от третьего брака, с Александрою, дочерью кн. Георгия Дадиани.

Сыновья:

2. Георгий, поручик гвардии – родился около 1846 года.

3. Михаил – родился в 1854 году, находится при отце.

Дочери:

4. Нина – родилась около 1851 года, девица, воспитывается в доме дяди, кн. Александра Шервашидзе.

5. Варвара – родилась около 1857 года, девица, находится при отце…

Братья:

6. Константин, майор, родился около 1811-1813 года. В Абхазии ничем не был наделен, но с 1861 или 1862 года получает по 1500 рублей в год из казенного содержания владетеля, также жалование по чину…

АЛТАИР

7. Александр, подполковник, родился около 1815 года. В 1841 г. получил надел в деревне Аацы Бзыбского округа, которым пользуется и теперь. Впоследствии владетель предоставил кн. Александру еще разные доходы, теперь большею частью отмененные, приносившие, по его мнению, от 5000 до 6000 рублей в год. За них требует вознаграждения. Получает жалование по чину.

Сестры:

8. Фатма–ханум (Мария), старшая сестра владетеля, умершая, была замужем за гурийским князем Вахтангом Эристовым. Сын ее, штабс-капитан Константин Эристов по праву матери требует часть из владетельских имений.

9. Фида-ханум (Нина), шестая сестра по старшинству, вдова поручика кн. Георгия Гуриеля; требует выдела законной части владетельских имений вместо 3000 руб., которые выплачивал ей владетель ежегодно…

Двоюродная сестра:

10. Ашэ-хаум, дочь Халыл-бея, девятого сына Келешбеева, девица, сирота. Была на попечении двоюродного брата, кн. Дмитрия Шервашидзе, после его смерти – на попечении владетеля, до выезда его из Абхазии…

Двоюродные племянники:

11. Самсон, ротмистр Кутаисского конно-иррегулярного полка;

12. Прокофий, юнкер кавказской гренадерской е. и. в. вел кн. Михаила Николаевича артиллерийской бригады;

13. София, жена кн. Тариела Дадиани; дети кн. Левана (он же Бего) Шервашидзе, сына Мехмед-бея, одного из трех старших сыновей Келешбеевых. В Абхазии ничем не владеют; дед их, Мехмед-бей, жил в Анаклии…

14. Георгий, сын кн. Дмитрия Шервашидзе (Сеид-бея), сына Гассан-бея, шестого сына Келеш-бея, родился около 1847 г. Дед и отец его жили в Келасури Сухумского округа и получали там доходы… Сколько известно, имение поступило в опеку владетеля, после смерти кн. Дмитрия в 1858 году. Кн. Георгий не предъявлял своих прав, имеется только в виду ходатайство его воспитательницы г-жи Колюбакиной.

Дочь и сестры или их дети, не предъявившие претензий:

15. Тамара, старшая дочь владетеля, жена Николая Дадиани.

16. Инджа-ханум (Русудан), вторая сестра владетеля, по старшинству, вдова Бабиша Маршани. После смерти мужа осталась на попечении владетеля…

17. Рабиа-ханум (Екатерина), третья сестра по старшинству, жена Шерин-бея Маршани.

18. Асма-ханум (Елисавета), четвертая сестра по старшинству, умершая, была замужем за мингрельским князем Георгием Джаяни.

Сын Константин.

19. Дуда-ханум (Анна), пятая сестра по старшинству, жена имеретинского князя Георгия Цулукидзе.

От лиц, не принадлежащих к владетельному дому, предъявлены споры на имения и денежный иск:

1. Кн. Георгий Шервашидзе, именем своим и братьев его, Мажара и Гид, оспаривает селения Очамчир и Поквеш в Абживском округе, между реками Галзга (Галидзга) и Мыркула, предъявляет наследственное право на весь Абживский округ, между реками Адзапша (Адзыбжа) и Охур, и за доходы в этом округе, принадлежавшие ему с братьями, требует вознаграждения…

2. Самурзаканские тавады Анчабадзе, Мурзакан, Тада и Квяджи, оспаривают часть Гинза-Эцерского леса, в Самурзакане.

3. Житель Бзыбского округа Соломон Лакер, бывший откупщик разных владетельских пошлин, предъявил иск на 24649 рублей, за пальмовое дерево, сложенное в Сухуме, на которое был наложен секвестр, по требованию владетеля в 1862 году…

По обычному праву Абхазии, женщины не учувствуют в наследстве, но девицы и вдовы призреваются ближайшими родственниками, последние только в том случае, если они не остаются на жительстве у родственников мужа; жены, оставленные мужьями, могут требовать вознаграждения. Поэтому из лиц женского пола выше названных могли бы иметь право на пенсии и вознаграждения за владетельские имения…

Притязания кн. Константина.

1. Князь Константин предъявляет личное право на имение Очамчир (селения Очамчир и Поквеш), на том основании, что оно назначалось ему или было ему подарено отцом его, Сефером, купившим это имение у тавадов Ачба Тугуатпа…

По обычному праву имение, т. е. подвластные, холопы и рабы, должно делиться по равным частям между сыновьями, если отец при жизни не наделил их по своему усмотрению. Старший сын получает отцовский дом, имеет права выбора лошади и других предметов из движимого имущества. Но обычай этот – или не распространялся на владетельный дом, или владетели не подчинялись ему, при распределении своих имений между сыновьями или братьями. Из немногих известных примеров пользования имениями членов владетельного дома видно только, что некоторым из них, при вступлении в брак, давалось место для жительства и уступалась повинность с известного числа владетельских подвластных, для кормления. Надел этот (поместье) вовсе не имел значение наделения или пожалования землею, как объяснено будет ниже. Повинность подвластных отбывалась и отбывается не деньгами, а скотом и другими произведениями земли, которые не продаются, а идут единственно на продовольствие для дома владельца.

Размер надела или поместья не определялся никакими правилом или обычаем; он зависел от воли владетеля, как и те выгоды или участие в владетельских доходах, которые владетель хотел предоставить тому или другому лицу. Непокорного родственника владетель считал себя в праве вы-

АЛЫТАИР

теснить из Абхазии, и лишить его всякого участия в имениях. Так именно поступил последний владетель с кн. Константином. Наоборот – некоторые члены владетельного дома получали не соразмерные доходы без всякого права (как Гассан-бей), потому только что умели захватить и удержать их силою, пользуясь смутами и слабостью владетелей.

Примеры использования имениями или наделами членов владетельного дома.

О времени, предшествовавшем Келиш-бею нет известий. Сохранились только предания, редкие и сбивчивые.

Места жительства родственников владетеля Зураба.

В Бзыбском округе живут тавады Чачба Тоулаховы (Тоулах-ипа), которых также называют старыми Чачба, в отличии потомков Келиш-бея… Тоулаховы происходят от Бажа, родственника (по некоторым – брат) владетеля Зураба, с которым он был в постоянных раздорах. Бажа жил в Лыхны (Соуксу), по близости владетельской усадьбы. Сын его, Леван, получил в подвластность не многочисленный род Айба в деревне Отхара. Правнуки Левана живут и теперь в этой деревне, в крайней бедности и унижении. Подвластные частью оставили их, видя их слабость и перешли в подвластность владетеля.

Болхух и Хохлеба Чачба, также родственники Зураба, жили в деревне Мерхеуле Сухумского округа. По преданию у Зураба было несколько братьев. По некоторым известиям, двум из них было назначено местожительство в Батуме, при вмешательстве турецкого правительства, по случаю ссор их с владетелем. Может быть Шервашидзе (Чачба) имели прежние уделы в Батумской области. Там живет и теперь отрасль этого рода.

Степень родства между Зурабом и приемником его, Келиш-беем, положительно известна. Внуки Келиш-бея говорят, что отец его, Сулейман-бей или Сулейман-паша, который был турецким начальником в Сухуме и который по-абхазски назывался Манча, был родной брат Зураба. Другие полагают, что родство было менее близкое, и что Сулейман-бей был родом из Батума.

Места жительства сыновей Келишбеевых – братьев владетеля Сефер-бея.

Из девяти сыновей Келиш-бея только старшие были наделены при жизни отца.

Сефер-бей жил в Лыхны, управляя Абхазиею, за отца. Сам Келиш-бей под старость жил в Сухуме.

Аслан-бей – в Мерхеуле, выморочном имении, доставшемся Келиш-бею после смерти Болхуха и Хохлаба Чачба.

Махмед-бей (дед Самсона и Прокофия Шервашидзе) – в Анаклии.

Остальные сыновья Келиш-беевы были еще детьми или очень молоды, в год смерти их отца (1808).

Кучук-бей умер в молодости (в сел. Лыхны), без надела.

Батал-бей, Гассан-бей, Таир-бей с матерью, рожденною Маршани, получил для жительства Мерхеул от Сефер-бея, после занятия Сухума русскими и изгнания Аслан-бея. В то же время турки, вышедшие из Сухума, населили урочище Тхубын, а на устье речки Келашюр (Келасур), где до того жилья не было, и перенесли туда свою торговлю. Впоследствии Гассан-бей получает пошлину на новой Келасурской пристани и другие доходы в Сухумском округе и является противником владетелей Дмитрия (Омар-бея) и Михаила, его племянников. Доходы он удерживает несмотря на временную ссылку в Сибири за возмущение против владетеля, и после его смерти они переходят к его сыну Сеид-бею (Дмитрию).

В то же время братья Гассан-бей, Батал-бей и Таир с ним в общем мнении, живут в его усадьбе, на его хлебах, то в Мерхеуле, то на Келасуре, получая лишь то, что им уделяет Гассан-бей. Батал-бей, израненный убийцами Келиш-бея, отказался от всяких притязаний, Таир-бей не переставал спорить с братом за келасурские доходы. Наконец, по смерти этих братьев, без мужского потомства, предполагаемые части их в общем имении которые, как вымороченные; должны были возвратиться в имение владетеля – остаются в руках Гассан-бея или его сына.

Отношение Гассан-бея к владетелям и к братьям представляют резкий пример отсутствия всякого права или обычного правила и преобладания личностей, в пользовании владетельских родственников наделами и доходами. Один изо всех сыновей Келиш-бея, Гассан-бей пользовался независимым положением, влиянием и в следствие того исключительными доходами, в ущерб владетелям. Он был обязан ими личным своим качеством и разным благоприятным обстоятельствам, между прочим опоре цебельдинцев, его воспитателей, родственников по матери и по одной из жен и вместе с тем данников Келасурского базара.

Ростом-бей – один из младших сыновей Келиш-бея – умер в молодости, в Сухуме. Надела не имел; временно жил также в Мерхеуле. Мать его, рожденная Ачба, была в первом браке за Бекир-беем, дедом кн. Григория Шервашидзе.

Халыл-бей – девятый, меньшой сын Келиш-бея. Законность его рождения оспаривалась. Надела не имел, жил в Келасуре у Гассан-бея.

Сыновья Сефер-бея, братья владетеля Михаила.

Из сыновей Сефер-бея, три младших – оставшись детьми после смерти отца – не имели наделов, ни при нем, ни при старшем их брате, – Омар-бее (Дмитрии), наследовавшем отцу. Когда кн. Михаил (Гамид-бей) вступил во владетельские права (1822) ему было около шестнадцати лет, кн. Константину (Хуршид-бею) – лет десять.

С 1825 года кн. Константин был на воспитании в России и на службе. В 1838 году он стал требовать Очамчирское имение, обращаясь к содействию русского начальства. Несогласия с владетелем, вследствие спора об

АЛЫТАИР

этом имении, были, кажется, причиною нового удаления кн. Константина из Абхазии.

Кн. Александр был на службе до 1840-41 года. Женившись около этого времени, он получил в пользование, в деревне Аацы Бзыбского округа, повинности сорока или пятидесяти семейств владетельских подвластников (анхаё, в официальной переписке – вольные жители). Повинность отбывалась в различной мере козами, кукурузою и другими продовольственными припасами, и рабочими днями. Сверх того, владетель подарил кн. Александру три холопских семейства (агыруа – обязанные всякого рода работой в доме и в поле).

Такой же надел, вероятно, получил бы и кн. Константин и пользовался бы доходами, какие впоследствии были представлены его младшему брату, если бы он сохранил мирные отношения к владетелю.

Кн. Александру постепенно были предоставлены различные льготы. В 1846 году – позволение занять место в деревне Тасраква для летнего жилья, где до того жил Кац Маан (известный Кацо Маргания, генерал-майор). Около того же времени – исключительное право продажи пальмового дерева из владетельского леса в ущелье реки Аапсы.

Пошлина «абаджь» (так называемая рахтарная) в селениях Аацы и Тасраква, т. е. позволение взимать пошлину с местных произведений, скупаемых в этих деревнях для вывоза за морем и нагружаемых на суда на протяжении берега, лежащего против сказанной местности, между устьями реки Аапсы и речки Ацквара. Пошлина эта взималась со скупщиков или отдавалась им в откуп, вместе с исключительным правом скупки произведений в известной местности. Большею частью они выменивали произведения на бумажные ткани. Главною статьею вывоза была кукуруза, облаженная пошлиной в 15 копеек с меры в 21 оку (около 65 фунтов), затем вино, орехи, хурма. Доход этот несколько уменьшился с 1854 года, вследствие болезни винограда, почти уничтожившей урожаи, хотя пошлина на вино в тоже время была увеличена (25 коп. с батмана – 18 фунтам, около 2/3 русского ведра). Таможенный (контрабандной) пошлины кн. Александр не получал. Владетель строго наблюдал за целостью этого дохода. Контрабандные суда обязаны были выгружаться в Гудауте (несмотря на присутствие казенной таможенной заставы); суда, пристававшие в других местах, подвергались двойной пошлине.

Кн. Александру уделялось часть «айбара» – взыскания за преступления, преимущественно за воровство в Бзыбском округе.

В 1856 году он получил позволение взимать еще с сорока или пятидесяти дворов жителей сел. Аацы, рода Отырба, по одной козе с двора. Люди эти в то же время подвластны и несут повинность мелким дворянам Багба (аамыст-кяч – короткие дворяне).

Наконец, из владетельской повинности «ажидз», отбываемой козами перед пасхой, кн. Александру уделялось от 30 до 50 коз, среднею ценою около 1 рубля 50 коп.

В течение двадцати пяти лет число подвластных кн. Александра увеличилось переселением людей и другими путями. Теперь он получает повинности с 150 или 160 дворов, которые могут быть оценены приблизительно со включением рабочих дней или произведения этой работы и небольшого скотоводства в 1100-1300 рублей. Этою суммою, получаемой произведениями, ограничивался прямой доход кн. Александра от надела или поместья. Все припасы – мясо, кукуруза, вино, просо, сено и проч. по обычаю страны шли на продовольствие семейства и гостей. В особенности кн. Александр, как брат владетеля и окружной начальник, обязан был принимать множество гостей – абхазцев и приезжающих из соседних обществ. К этим же припасам следует причислить ежегодный подарок ажидзними козами, стоимостью от 45 до 75 рублей.

Остальные свои доходы, вышеназванные, за которые он просит вознаграждения, кн. Александр оценивает в совокупности в одной докладной записке – 4-5000 руб., в другой – 5-6000 рублей, не определяя, впрочем, в этих бумагах, что давало ему каждая статья дохода в отдельности…

Пальмовое дерево покупают промышленники – турки и греки, которым представляется рубка и доставка дерева к берегу, затем плата получается с веса при нагрузке на суда для вывоза. Цена эта постепенно увеличивалась по мере уничтожения пальмы, несмотря на возрастающий труд добывания ее в верхних частях ущелий и несмотря на таможенную пошлину по 5 коп. с пуда (около 17 копеек с кантара), наложенную на это дерево после войны. В 1854-56 годах кн. Александр получал за кантар пальм, содержащей 44 ока, или около 3 пуд. 16 фунтов, 100 турецких пара, около 12 ½ коп. В 1857-8 годах – 25 коп. С 1859 или 60-го до 1864 года – 45 коп.

Количество вывоза зависит от цены дерева в Константинополе и других случайностей. Из расспросов оказывается, что из ущелья Аапсы вывозилось один или две судовых груза в год, но иной год ничего не вывозилось. Турецкие суда, занимающиеся перевозкою пальмы, берут обыкновенно от 3000 до 3500 кантаров этого дерева. Ежели принять средний годовой вывоз в 3000 кантаров, цену от 30 до 45 копеек, кн. Александр получал от продажи пальмы в последние годы (до 1864) от 900 до 1350 рублей. Нужно заметить, что этот источник дохода истощился или близок к истощению. По отзыву промышленников, пальмы для вывоза остается очень мало в ущелье реки Аапсы, и только в верховьях ущелья, в местах малодоступных.

Доход от пошлин «абаджь» на местные произведения в сел. Аацы и Тасраква также не может быть определен в точности. Из распросов известно, что один раз, до войны, т. е. до начала виноградной болезни, статья эта была отдана за 1500 рублей; после войны, с 1856 до 1864 года – от 1100 (Жвани и Абакели) до 1300 (Сол. Лакер). В остальной части Бзыбского округа откупщик этой пошлины платил владетелю от 5 до 6000 рублей.

Размер «айбара» – взыскания за воровство – определялся владетелем различно, при каждом отъезде суда – от 100 до 400 рублей. Суд объезжал

АЙТАИР

округ, также по назначению владетеля, в неопределенные сроки, прежде один раз в несколько лет, потом чаще, сколько известно – ежегодно. Взыскание уплачивалось скотом, по определенной цене (корова за 10 руб., коза за 2 руб. и проч.), но большею частию виновные не могли платить огромных взысканий. Они обращались в холопство (агыруа) или недоплаченное оставалось за ними в долгу. Часть сбора отдавалась судьям и сборщикам. По всем этим причинам нельзя сделать никакого заключения о значительности сбора. Часть его владетель раздавал в виде подарков, т. е. предоставлял тем, которым дарил взыскать недоимки с воров, потом эти недоимки опять дарились или переуступались другим лицам при расчетах. Такой подарок получал обыкновенно и кн. Александр, но он сам не может определить приблизительной стоимости той части сбора, которая ему уступалась. Из расспросов известно, что один раз владетель отдал ему весь сбор, около 1857 года, чтобы дать ему возможность сделать обычные подарки Гечь Решиду за воспитание сына, в другой раз половину сбора. Если предположить произвольно, ежегодно средним числом, по пяти айборов, т. е. от 50 до 200 недоимочных коров, которым условная цена, в обыкновенных расчетах, 10 рублей, но которые в этом случае могут цениться не более 6-7 рублей, потому что взыскать их было нелегко, а часть взыскания пропадала, получится ежегодная стоимость айборов, уступаемых кн. Александру – от 300 до 1400 руб.

Из приведенных данных выводится средний годовой доход кн. Александра, в последние годы владетельского управления, сверх продовольственных припасов, получаемых от поместья, и пренебрегая незначительной стоимостью ажидзных коз:

Продажа пальмы из ущелья реки Аапсы	900 – 1350
Абаджь – пошлина на местные произведения в сел. Аацы и Тасраква	1100 – 1300
Часть айбара	300 – 1400
	2300 – – 4050

Две последние статьи отменены правительством.

Остается только продажа пальмы, которая, как сказано, должна кончиться, за оскудением этого дерева в ущелье Аапсы. Но и этим доходом кн. Александр пользуется не вполне, потому что с введения русского управления пальмовое дерево из ущелья Аапсы обложено казенною пошлиною – сверх таможенной, существовавшей уже прежде, которая уменьшает цену дерева на половину. Взимание пошлины с пальмы, вывозимой из названного ущелья, предоставленной владетелем в беспошлинное пользование кн. Александра, не имеет основания и могла произойти только от недоразумения со стороны местного управления.

Из приведенных примеров можно заключить, что члены владетельного дома не имели определенных обычаем долей во владетельских имениях;

что по обычному праву, если такое существовало, они могли получать наделы для кормления, размер которых зависел от воли владетеля; что некоторые из них пользовались частями владетельских доходов, уступленными им или самовольно захваченными; что, следовательно, они не могут опираться на наследственное право, ни в отношении размера наделов, ни в отношении участья в владетельских доходах.

Кн. Александр получил сначала надел едва достаточный для прокормления его семейства. Остальные доходы и преимущества были ему предоставлены постепенно, не по какому-либо праву, как и сам он полагает, а в следствии его приязненных отношений к владетелю, которые он поддерживал безусловною покорностью. Между прочим, около 1851 года он получил на воспитание дочь владетеля, Нину, что по обычаю давало ему право на покровительство и милости.

Нельзя установить различия между доходами владетеля как частного лица и теми, которыми он пользовался по праву владетеля. Сам он, по-видимому, смотрел на владение как на личное имение, из которого он старался извлекать все возможные доходы, не различая их семейства. Но нельзя не иметь в виду, что владетели Абхазии оказывались бессильными охранять владение от врагов внутренних и внешних, и что они несколько раз принимали из рук правительства утраченное наследие, на которое теперь их родственники с самоуверенностью заявляют права. Право наследования Сефер-бея оставалось, как рожденного в неравном браке (мать его была из недворянского роды Лейя, деревни Мгудзырхва Бзыбского округа).

Признанный русским правительством, он утвердился при помощи русских войск, выгнавших Асланбея и турок из Сухума. Со смертью его возникли новые смуты вследствие появления в Абхазии того же Аслан-бея и убыхов. До 1824 года Омар-бей (Дмитрий), владетельница Тамара и Гамид-бей (Михаил) охранялись русским гарнизоном, занимавшим владетельскую усадьбу в Лыхны. В этом году возмущение абхазцев принудило кн. Михаила оставить Абхазию; лыхненский гарнизон (2 роты 22-го егерского полка), и сам владетель, осажденные абхазцами и убыхами, были выручены отрядом кн. Горчакова. До 1830 года кн. Михаил жил в Мингрелии со всем владетельским семейством, на казенном содержании. Военное занятие Абхазии, постройка укреплений Бамборы, Пицунды и Гагра, возвратили ему владение; только присутствие войск и поддержка правительства позволили ему пользоваться доходами более тридцати лет, точнее – создавать доходы, небывалые или ничтожные при прежних владетелях, и умножить число своих подвластных.

Если справедливо, что владетели Абхазии только русскому правительству были обязаны имениями и доходами, возможностью пользоваться ими и умножать их, то правительство, конечно, имеет основательное право располагать их достоянием и только по своему усмотрению уделять части членам владетельного дома или распределять между ними вознаграждение.

ЦГИАГ, ф. 545, д. 76, лл. 180-198. Подлинник.

АЙТАМИР

3.37 Краткие заметки Тит. сов. А. П. Черепова о сословиях и взаимных отношениях жителей Бзыбского округа Абхазии.

15 – 22 июля 1866 г.

Для уяснения себе строя Абхазского Общества надо обратиться к этнографии других племен Западного Кавказа, ныне уже там не существующих, но сведения о которых сохранились в записках Беля, Карлгофа, Лапчинского, Торнау и Люлье.

Первобытные формы общественного устройства общие всем племенам Западного Кавказа, благодаря непреступной местности не могли стереться не под какими внешними влияниями, как сильны и многочисленны они не были. Горцы северо-восточного берега Черного моря сталкивались со всеми народами, игравшими первостепенную роль в судьбах человечества: они имели дело с древними греками колонистами, с персами, совершенно потухшего, исламизма пустившего неглубокие корни, да огнестрельного оружия, они ничего не заимствовали и по составу внутренней жизни во все времена оставались тем, чем были и не могли стать выше и перейти на иную ступень, куда напрасно пытались поставить их соседи. Разнообразие этих внешних влияний, взаимное их противодействие, парализующее укоренение всякого прочного начала цивилизации, имели здесь конечным последствием своим выработавшееся и полнейшее равнодушие горцев ко всяким чужим им формам общественной жизни. Нет сомнения, что крепкая, неприступная местность прибрежного края играет во всем этом первостепенную роль, раздробляя всякую политическую целость на отдельные, легко отстоящие одна от другой части, и в то же время представляющие почти везде безопасные приюты для скопищ и сосредоточений людей, злоупотреблявших свободой. Нельзя не заметить, что на привольных местах Западного Кавказа жилось небезопасно и наоборот: где вполне обеспечена была безопасность природою, там, по большей части, встречался крайний недостаток средств к жизни. Чтобы разбогатеть здесь, нужно было жить на опасном месте, чтобы жить в безопасности, нужно было забиться туда, где приобрести из земли нечего. Здешнее население спокон веку переходя из одной крайности в другую, не могло выбиться из этого заколдованного круга и выйти на прямую дорогу к чему-нибудь лучшему. Нелегко было жить таким образом в самом независимом, недоступном для соседних народов обществе, но еще труднее было жить там, где общества подчинялись внешней власти, представители которой, существуя на их счет, заботились преимущественно о сохранении антагонизма враждебных частей, находя это выгодным для своего корыстолюбия.

Сама по себе Абхазия конечно никогда не могла быть самостоятельной политической единицей, как по ничтожной численности племени, так и по разобщенности местности: находясь в середине между племенами, с одной

стороны, сложившимися в демократическую форму (Джигеты, Псхувцы), а с другой – устройством феодальным (Мингрелия, Имеретия), Абхазия по внутреннему быту с первыми, силою обстоятельств должна была уступить внешней форме феодализма. Народ сделался жертвою прискорбной необходимости: быть под властью чуждого его коренному быту, терпеть стеснение своего общественного устройства формами, занесенными извне. Прежний быт его во многом должен был измениться под влиянием владетелей и созданной ими аристократии. И если самый быт выселившихся ныне горцев Западного Кавказа представлял собою чрезвычайно оригинальный и самородный образчик демократического союза с резким развитием отдельной личности, изучение которого в высшей степени интересно и трудно, то тем интереснее становится изучение одного из таких союзов, который дал место в среде своей постороннему элементу – аристократическому. Сочетание этих двух начал – демократического и аристократического – в обществе, только что рождавшемся для гражданственности, положило самые разнообразные и запутанные формы общественных состояний и отношений, к разъяснению которых да послужат хотя отчасти настоящие отрывочные заметки.

Предания о прежних владетелях. В памяти народа, не имеющего письменности, прошедшее сохраняется или в виде фактов или преданий. Факты сохраняются весьма непродолжительное время, обыкновенно не более ста лет, а об текущих событиях далее этого срока, совершившихся многие народы, забывают бесследно, если события эти не принадлежат к числу народных бедствий, к удачным подвигам, или если не увековечены памятниками, сохранившимися на земле.

Жители Бзыпского округа о владетелях Абхазии (апсши) сохранили воспоминания, относящиеся до половины XVIII столетия. Таким образом известно, что в прошлом веке владетелями были Дешгешия, а за ним Зураб. Дешгешию помнят, как человека необыкновенно доброй души и время его управления считают замечательным собственно потому, что при нем вовсе не было набегов горцев (азух) на Абхазию. Про Зураба ходят рассказы, доказывающие, что народ сохранил воспоминания только о последних годах его долговременной жизни. Его представляют дряхлым, слабым стариком, который доживал свой век в Лыхны и был бессилен управлять как следует. Ближайшими родственниками Зураба в Бзыпском округе считаются Чачба Тоулах-ипа, происходящие от брата Зурабова, Бежа, который при жизни Зураба делал нападение на Лыхны и был убит Гасаном Шакрыл. Бежа имел двух сыновей: Тоулаха и Левана, но за покушение их отца на Зураба, последний не передал ни одному из них власти, а вызвал из Сухума (ахуа) Келиш бея, сына бывшего там пашею Манчи, он же Сулейман, усыновил его, вверил управление Абхазией, который (Келиш бей) и был признан в этом звании турецким правительством. Иные считают Келиш-бея особою отраслью дома Чачба, проживавшею в Батуме.

АЛЫТАИР

Существует также следующий рассказ, приписываемый умершему в 1864 году старику 100 лет ген. майору Кацо Маргани (Маан).

«Зураб имел двух братьев: Сулеймана и Ширвана. Все три брата, после смерти их отца, имя которого неизвестно, а по другим Росто или Рогито, назывались владетелями Абхазии и не уступали друг другу власти. Они были тогда в пору юношества и предавались со всей необузданностью молодости полной свободе действий. Между прочим, они насиловали красивых женщин и довели народ до того, что он, собравшись в Лыхны, потребовал от братьев выбрать из среды своей одного главу (Ахы), а потом, когда никакое соглашение не оказалось возможным, выслал их всех трех в Стамбул к султану, который в то время признавался верховным правителем Абхазии. Султан принял изгнанников и в особенности был расположен к Зурабу, отличавшемуся необыкновенною телесною силою: в Стамбуле братья были обращены в мусульманство и до того прониклись духом новой веры, что никто уже из них не соглашался принять на себя управление Абхазцами, как народом исповедовавшим тогда поголовно христианскую веру, пившим вино и питавшимся свининой. Султан, узнав об отказе, приказал братьям Чачба жить в Батуме. Как только сделалось об этом известным Абхазцам, они послали в Батум пять галер с выборным от народа и с подарками. Получивши на свое предложение – принять управление Абхазией – отказ от всех трех братьев, абхазцы, уговорили двух старшин, Ширвана и Сулеймана, выслать младшего Зураба на берег к галерам для принятия подарков и прощения, что и было уважено. Зураб был схвачен силою и высажен на Абхазский берег в Абживском округе. Здесь ему обрили бороду, выкрестили его и объявили владетелем. Сын Сулеймана, Келиш-бей впоследствии от Порты посланный комендантом в Сухум, имел ссору с Зурабом, который для противодействия Келиш-бею вызвал из Батума сына Ширванова, Бекир-бея, другого своего племянника, и назначил его управляющим (ахалапшюю) в Абживском округе.

Наконец живой свидетель житель общины Сберипш, Халиль Абтлагипа, сын турецкого воина, находившегося в составе Сухумского гарнизона, человек лет восьмидесяти, еще бодрый, обладающий хорошею памятью, лично знавший Келиш-бея, рассказывал, что Келиш-бей родом из Кизилбашей (Персии), которого прислал султан Турецкий комендантом в Сухум, где он выдавал себя родственником рода Чачба, потомком старой отрасли Абхазского владетельного дома.

Как бы то ни было, но факт несомненный, что Келиш-бей был владетелем Абхазии. Он имел от пяти жен сыновей: Мешмеда, Аслана, Сефера, Батала, Гасана, Таира и Хилила. Из них оставили потомство: Мешмед, Сефербей (принял подданство России в 1807, а 17 февраля 1810 года утвержден владетелем, с пожалованием титула – светлейшего князя), Гасан и Халиль. Сведения о значении и влиянии владетелей на дела края, до и после присоединения Абхазии к России, составит предмет особых заметок.

Представители и предметы власти. При крайней небезопасности всего края, окружавшегося соседями голодными и хищными, существовала и внутренняя небезопасность, основанная на крайнем неуважении к собственности, личности и свободе людей. Как лучшее противодействие такому злу, чувство самосохранения породило у всех привычку – покоряться личности. Установившиеся отношения от напряженного состояния общественных уз выражаются словами: ахалапшюю – заступник, патрон и хипшы – состоящий под покровительством.

Ахалапшюю – от ахи – глава, ала – глаза, пши – видеть, ои – ум, – есть принадлежность каждой общины (акыта). Звание это в некоторых фамилиях составляет родовую принадлежность и само собой всегда переходило в руки одного из многих не по старшинству, а по личному достоинству каким бы путем человек не достиг первенства, для него всегда в понятиях и равных и подчиненных готово это место. Считаясь первым между равными ахалапшюю собирал сходки (айбобара) для обсуждения мер к сохранению союза (азилар), так равно и каждого члена, принимал участие в устранении несогласий между хипшы, предводительствовал в набегах, когда обстоятельства требовали действий сообща, ходатайствовал пред владетелем о назначении народного суда по делам кровной мести и т. п.

За исполнение таких обязанностей обычай предоставлял ахалапшюю право: получать имущество хипшы, умиравшего без роду и племени; приглашать на помощь (ауахюура) во время полевых работ два дня в году, причем обязан в такие дни угостить призванных мясом и вином в изобилии. Независимо от этого всякий вступивший в брак с дочерью хипшы приводил в подарок корову, что называется ахшбыр, от ахш – молоко, быр – частица, заменяющая при слове ахш предлог: на, для. Подарком таким заменялось приглашение на свадьбу. Имеющие отары дают козу, что носит название ажидз, от ажы – мясо и дз – свежий, также вертель, и в дни пасхи, приходя с поздравлениями; хипшы приносят яйца, сыр, кур, что называется ашарпхы, от шарпы – рассвет первого дня воскресенья Христова. Всем этим ахалапшюю пользовался лишь в месте его постоянного жительства. Но ежели он не жил в общине, признавшей патронат, то, в силу обычая, не мог ни от кого ничего требовать за все то время, которое провел вне общины. Независимо того ему оказывали почет внешними знаками, сопровождали в поездках во время отлучек по делам, у кого имелись лошади.

Пользовавшихся известностью ахалапшюю признавали патронат нередко многие общины, усыновляя и принимая на воспитание детей и родственников патрона. В таких связях обе стороны находили свою долю выгод: ахалапшюю увеличивали влияние на дела края числом общин, состоявших под их покровительством, готовых во всякое время поддержать значение союза силою оружия, а хипшы в нравственном влиянии и той силе, какою располагали патроны для охранения безопасности каждого союза.

АЛЫТАИР

Ахалапшюю, патронат, которого признавали многие общины, имел по обычаю право переезжать с семьей в зимнее время из одной в другую, недели на два на три и кормиться в них, что носит название атача, от ата – пребывание в доме другого и ча – пища.

Все вышепоименованные обычные установления имели обязательную силу и для владетеля.

Класс Хипшы – покровительствуемых – представляет собою совокупность родов всех сословий: привилегированные роды также покоряются личности, как и простые смертные. В этом случае кастовые отличия не имеют мест. Князь, живущий в общине, в которой ахалапшюю из сословия дворянского, считается таким же хипшы, как и все другие, из хипшы, по численности, сословие анхае (земледельцы) преобладают над прочими. В последнее время всех хипшы из анхае стали называть подвластными, придавая этому слову значение принадлежности. Принадлежность лица другому означается словом дейптукк и относится к сословию агыруа или ахуе и ахашала.

Привилегированные роды по старшинству. Тауады. 1. Чачба, потомки прежнего владетельного дома; 2. Ачба (Анчабадзе); 3. Инал-ипа; 4. Чаабалырхуа и 5. Шервашидзе (Чачба) – князья, новая отрасль Абхазского владетельного дома.

Вышепоименованные четыре фамилии причисляются бзыпчанами (абзыбкуа, так называют абхазцы жителей между реками Бзыпь и Гумысы) к старым родам, их называют просто по фамилиям без всяких приставок, означающих достоинство или отличие. Шинакмы и другие прислужники, прибывшие в Бзыпский округ с княжною Тамарою Дадиан, бывшею в супружестве за Сефер-беем, впервые стали называть Чачб, Ачб, Иналиповых и Чаабалырхуа – тавадами, а до того времени приставка эта к названным фамилиям вовсе не была известна Бзыпчанам. Тавад – слово грузинского корня и происходит от тави-каци – старшина, в смысле старости. Абхазцы из тавад сделали утуад.

Аамыста. 1. Зжан (Званбай), 2. Маан (Маргани), 3. Лакир (Лакирбай), 4. Акыртаа (Кыртбай), 5. Баг (Багбай), 6. Эши (Эшбай), 7. Мыкан (Мыканбай), 8. Цыш, 9. Куламба, 10. Фирсоу. 11. Барас и другие. Первые три считаются более старыми, а прочие менее. Все они либо выходцы из Турции, либо пришельцы с северных обществ, заселявших Кавказские горы. О времени переселения в Абхазию указывают на владетелей Джигешию, Зураба и предшественника их Кана или Элькана, которого в рассказах упоминается лишь имя, но преданий о нем никаких не сохранилось в памяти народа. Все исчисленные фамилии имеют приставку аамыста, ахыамыста, аоомыста, что в переводе слово в слово означает: аамыста: – аа – ремень и мыста – мастер, ахямыста – ахы – голова и (мыста); аоомыста: аоо – человек и мыста от турецкого уста – мастер.

По объяснению народа, аамыста суть владетельские слуги, обязанности их состояли в присмотре за сбруей, лошадьми, псарней, убирали покои, топили камины, таскали дрова, воду, сопутствовали владетелю в поездках и вообще исполняли различные поручения, сообразно способностям. Ремесло продолжают доселе – единственный род занятий и многие недурно выделывают седельные ремни, приготовляют плети. Эльмирза Маан Бажавой отрасли, Шахан Маан Абдурахмановой отрасли, Цыш Леван, Маан Джемлет (…) Некоторые делают хорошие Арчаки: Лакир, Реджеб Якуб. Замечания достойно, что никто их анхае во всем Бзыпском Округе не занимается этими изделиями.

Отправляя обязанности слуг при владетелях, предки аамыста втирались в доверие, в награду за долговременную службу получали дозволение жить в указанных местах, где как люди более развитые и понятливые сумели влиять на простых до крайности дикарей, оказывая им одолжения. Пользовавшиеся особым расположением владетелей при соучастии последних, аамыста вступали в брачные связи с старыми абхазскими родами и этим усиливали свое значение. Когда же наступило время междоусобиц после убийства Келиш-бея от домогательства власти и уделов его от пяти жен наследниками, привлекавшими для достижения цели всех мало-мальски влиявших на народ лиц, значение аамыста усиливалось тем, что общины признавали их патронат. В первые годы управления Абхазией Сефер-беем класс аамыста значительно увеличился от присвоения претендентами на власть приставки аамыста своим приближенным, чему подражали и старые роды, как Инал-ипа, возводя в это звание Фирсоу, Барасов. Фирсоу, Барасов, Куламба и подобных народ в насмешку называют аамыста гячь, т. е. аамыста – короткий).

Все они не могли находиться при владетеле, которому по придании непонятного для него величия и семью дома приходилось до самой смерти кормить попрошайством и насильственными поборами. А между тем смуты длились своим чередом. Чтобы избавиться от лишних дармоедов и приобрести более число сторонников, Сефер-бей рассылал аамыста на жительство в общины и на мелкие их несправедливости и своеволия смотрел сквозь пальцы.

Наследник Сефер-бея, старший его сын Омар-бей (Дмитрий) был отдан на воспитание в Пажеский корпус в таких летах, что когда за смертью отца вступил в управление Абхазией, то не знал языка родины и объяснялся с подвластным ему народом через посредство переводчиков. Молодость его и вынесенные убеждения из среды, в которой понятия о достоинствах получили определенность, препятствовали ему уразуметь отчетливо знание и положение класса амыст, всех членов коего он называл дворянами в сношениях с начальствующими лицами раз, а во-вторых, желание создать вокруг себя нечто подобное величию владетельных особ Европы. Амысты сначала

АЛЫТАИР

не понимали того положения, в какое неопытность двадцатилетнего юноши владетеля их сразу поставила. Но как скоро вразумили преимущества слова: дворянин – стали кичиться и мало по-малу уверили русских, что они, амыста, десятками поколений считаются дворянами, ссылаясь на цену крови (ашя), как на неопровержимое подтверждение превосходства своего происхождения. А между тем самое ядро населения смотрит на аамыста как на людей, обязанных службою владетелю, людей, за которых время, как слуг владетельских, с соизволения последних, определило половины цены за кровь (15 мальчиков) против членов владетельного дома и старых родов (30 мальчиков) в том внимании, что, убив владетельского слугу, оскорблялась, так сказать, честь самого владетеля.

Ашнагмуа. Шинакмы – слуга: лица этого звания впервые появились в Бзыпском округе при Тамаре, Мингерельской княжне из дома Дадиани, бывшей в супружестве за Сефер-беем. Они имели те же обязанности, какие и аамыста. Шинакма абхазцы переделали в ашнагмуа. Все отличие шинакм от аамыста состоит в цене за кровь. За убийства аамыста плата равняется 15, и за шинакму 12 мальчиков. При последнем владетеле к показанной цене за аамыст прибавлен один мальчик и в видах возвышения старых слуг пред новыми.

Имущество тавадов, аамыст, шинакм, умиравших без наследников мужского пола, и живших в разделе, хотя бы у них были отцы и братья, переходило к владетелю.

Анхае. Анхае – составное слово из ани – место и хаоои – труд, что по нашим понятиям всего ближе можно выразить словом земледелец. Анхае – класс самый многочисленный, так сказать, соль земли Абхазской. Живут они большею частью целым родом, состоящим часто из 50 и более семейств. Как люди, снискивающие пропитание трудами рук своих, нуждаясь в защите для обезопасения личной свободы, анхае с себе подобными односословцами составляли союзы и отстаивали все права, какие оспаривались другими сословиями. Во всех обыденных делах каждый анхае и по обращению, и по правам, и по силе есть равноправный гражданин. По численному превосходству своему, по понятии о достоинстве своего звания, анхае были сильнее старых рабов и аамыст, всегда знали, что могли с ними справиться, видели примеры и последствия открытой борьбы этих классов в соседних горских племенах и потому нисколько не были закабалены высшими классами, но, находясь в условной сделке с лицами привилегированными, обуславливались: признанием над собою патронатными отношениями, как объяснено выше в очерке «представители и предметы власти», т. е. добровольными приношениями, кои с течением времени, именно по водворении князя Михаила во владении, откуда он был изгнан в начале двадцатых годов (1824 г.) и семь лет со своим семейством прожил в Редуте, стали принимать вид обязательной дани во всех тех случаях, когда патрон, считая себя

сильным и ссылаясь на примеры, делался требовательным, а благосостояние покровительствуемого (хипшы) позволяло. От такого насилия и других причин сословие анхае делится на две категории: платящих и не платящих, вернее: обязанных повинностями и необязанных. Размер отбываемых анхае повинностей не одинаков. Для примера укажу на несколько случаев. Чугбары дают братьям по курице со двора. Жители урочища Ахрух-адзык, урочища Сэрух-адзых, общины Бача, род Харазия, дают потомкам старого владетельного дома Чачба-Тоулахиповым – мясо козы без головы, ног, кожи и внутренностей, а некоторые из рода Ай – по козьему бурдюку вина в урожайные годы. Общины Апыдзхуа роды: Аттер, Дбар и другие, буде имеют отары и пожелают, по козе с двора Маану Муты-Абдурахмана-ипа. Самая большая повинность состоит из козы, козленка, 8 мер кукурузы и 2 дней работы, но таких сравнительно немного, наиболее же встречается по козе со двора и 2 дня полевых работ. Повинность высшего размера отбывают либо выкупившиеся из агыруа; либо за долги, по настоятельности учинить расчет, либо за выкуп из плена, за плату штрафа и т. п., и наконец, многие по беззащитности и раздробленности рода подверглись такому насилию. Как платящие, так не платящие анхае располагают всем своим имуществом по личному усмотрению. Имеют право переходить на жительство в другую общину, не испрашивая на это согласия ни ахалапшюю, которому подчинялся по доброй воле, ни того, от кого состоял в зависимости по дани, прекращавшейся с переходом. Если получатель повинности позволял себе какое-либо насилие в отношении к зависимому от него анхае, то обязательные отношения тотчас прекращались и могли восстановиться лишь по удовлетворении обиженного. За посягательство ахалапшюю на собственность хипшы все анхае восставали. Был случай в 20-х годах, что Нарчу Инал-Ипа хотел обложить общины, признавшие его патронат, кукурузой, но куда сборщики не являлись, их выпроваживали, а кошолки ломали. Получатель повинности мог уступить это право другому в таком случае, ежели плательщик был на это согласен.

Многие роды анхае, сильные по численности, никому никаких повинностей не отбывают, хотя и признают себя состоящими под покровительством какого-либо известного лица.

Агырцы, ахуе. Агыруа – мингрелец. Словами агыруа, ахуе, дейптукк обуславливалось понятие принадлежности лица другому. Бзыпчане рассказывают, что в былые годы они имели галеры, на которых, плавая по побережью Черного моря, чинили нападения на соседей, по преимуществу мингрельцев, называемых по-абхазски агыруа и гурийцев – агуруа. Презрение к этим племенам было так велико, что приобретаемых путями разбоев и грабежей невольников из означенных местностей не удостаивали даже называть именами, оставляя за ними племенное название: агыруа или агуруа, смотря по местности родины раба.

АЛЫТАИР

Класс агыруа довольно многочислен, за ними время укрепило особые права, а именно: агыруа можно продать другому не иначе, как в составе целой семьи и притом с личного его, агыруа, согласия, без чего никто не в праве принудить его принадлежать другому. Приобретатель агыруа заключает с последним договор при свидетелях насчет тех услуг, какие агыруа обязан исполнять. При нарушении обязательств владельцем агыруа последний прекращает всякие обязательные отношения впредь до окончательного удовлетворения, или уходит под покровительство церкви, Дидрипша (священное место), либо влиятельного лица, откуда владелец, по обычаю, не имеет права его требовать, пока не последует между ними примирения. Агыруа имеет право иметь у себя таких же агыруа, как сам, равно приобретает ахашал (рабов) и всякое имущество, право пользования землею, садами, усадьбою и проч., и все приобретенное таким путем составляет неотъемлемую его собственность, которою он располагает по произволу. Имеет право выкупиться, т. е. отдать все свое имущество владельцу и прейти в сословие анхае, обязанных повинностями, но в таком лишь разе, ежели владелец изъявит свое согласие. Может принимать асасов (гость), не испрашивая ничьего на это согласия. Может заплатить ачму[1] за дочь и выдать ее в замужество за анхае.

Обязанности агыруа в отношении к его владельцу различны, что зависит от условий: с иного двора должны работать три дня в неделю – общее правило все члены семьи мужского пола, другие при составе семьи из отца и двух сыновей, высылают либо отца, либо обоих сыновей, а отец остается дома. Вообще при покупке агыруа подробно оговаривается, должны ли дети м. п. по достижении 6 четвертей роста выходить на работу, или таковые обязательны для них после вступления в брак; имеет ли право владелец агыруа дочь последнего дать в приданое при выдаче своей дочери в замужество или нет, кто обязан платить ачму при женитьбе агыруа, сам он, или его владелец.

Кроме трех дней работы агыруа обязан день принести вязанку дров; давать владельцу молоко через день с апреля по сентябрь месяцы, прислуживать гостям владельца и в зимнее время присматривать за скотом владельца.

[1] Ачма – от ач – мошна и ма – имеющий, установление ачмы давнее. Рассказывают некоторые, что прежде существовал обычай, по силе которого вступивший в брак агыруа обязан был уступить новобрачную на первую ночь своему владельцу. Предание указывает на два случая плачевных последствий такого права: Апыдзхуа и 61 хшкы, где в первой общине из рода Дбарь, а во второй из рода Чан или Чанбо за посягательство воспользоваться варварским обычаем были умерщвлены владельцы этих родов мужьями жертв обычая. Дбарь по совершении преступления прибег под покровительство церкви в Лыхны и этим избавился мести, а Чанбо жил в разных горских обществах и только третьим поколением возвратился на старое пепелище после выселения горцев. Ачма прежнего времени заменялась платою коров, и величина ее различна: ачма, получаемая сословием анхае, менее ачмы, получаемой старыми родами. В большей части случаев ачма не превышает шести коров и 6 р. Рубли стали брать по занятии русскими Бомбор, а до того к коровам надбавлялось 43 куруша (куруш – 5 коп. турецким деньгами).

Жена агыруа обязана каждый день сварить котел гоми (абиста) из владельческого проса или кукурузы (аджикурей), причем при подаче пищи откладывает себе лапотку, ложек не употребляют. Имеют право получать от гостей варенное мясо в подарок. При окончании года она обязана в последний день зарезать курицу, каплуна или козленка, смотря по достатку и угостить владельца. Ежели у владельца несколько семейств агыруа, то жены их приготовляют пищу владельца погодно по очереди. Никаких других работ жена агыруа не отбывает.

Дочери агыруа по достижения 6 четвертей роста служат при доме владельца до выхода замуж. Владельцы таковых девочек обязаны кормить и одевать. На ночь девушки уходят к родителям. При выходе таких девушек в замужество владелец получает ачму от жениха, либо женихова владельца. После смерти мужа – агыруа жена последнего может жить и не жить у владельца даже в таком случае, если у нее будут малолетние дети.

Ежели при выходе дочери агыруа замуж ачма за нее было заплачено мужем, то в случае смерти мужа владелец обязан возвратить половину ачмы отцу или братьям умершего. Но если у такой вдовы ни отца, ни братьев нет, делается свободною, т. е. причисляется к сословию анхае. Но ежели ачма уплачена владельцем ее первого мужа, то при вступлении в новый брак вдовы, второй муж обязан возвратить владельцу первого ее мужа половину ачмы.

Азат. Азат – отпущенник. По значению своему слово азат тождественно с мингрельскими: азаты, азатуры, азнауры, коими выражается различная степень обязательных отношений к тому, чью первоначально составлял принадлежность в смысле крепостного права. В Абхазии этот малочисленный класс обязан свободе и независимости религии. Еще во время Моисея у евреев был установлен закон отпускать рабов в год субботний и юбилей (субботним годом назывался каждый седьмой год, а юбилеем – седьмой из субботних). Заботясь об успокоении души за гробом, люди имущие, предчувствуя кончину, или подвергаясь тяжким недугам, отпускают раба (агыруа, ахашалу) для спасения души, исцеления тела. Обычай древний, завещанный предками, свято исполняется многими и поныне как христианами, так равно магометанами и язычниками.

Отпущенному доставляются средства выучиться грамоте для чтения молитв по благодетелю. Но ежели книжная мудрость не поддается усилиям азата, то на обязанности его блюсти за охранением могилы усопшего – вот все, что обычай требует от азата.

Азаты всю жизнь проводят в той общине, где могила благодетеля. Личность и имущество азата неприкосновенны: с него никто ничего не берет и брать не смеет. Только за неимением прямых наследников мужского пола и

АЛЫТАИР

близких родственников имение азата переходит в род того, кто даровал первоначально свободу. В каждой общине найдется азат, что легко узнать по опрятности могил тех немногих, кои думали под конец земного существования о загробной жизни. Такие могилы сохраняют потомству по нескольку десятков лет имя усопшего, большею частью отличавшегося воровством, разбоями и никогда мирною жизнью, таков обычай здешнего люда.

Ахашала. Ахашала – лишний, не принадлежащий к составу семьи. Ахашала по преимуществу пленные, краденные, купленные служат вместо монетной единицы ценности. Попавшийся в плен, оторванный от семьи и родины в раннем возрасте ахашала исполняет разные обязанности, но всего чаще присматривает за стадом коз, либо домашней скотиной. Так жизнь его проходит до тех пор, пока неведомые силы природы не пробудят в нем желаний познать грех и когда ахашала в силу обычая в праве требовать от его владельца дать ему жену, которую предварительно показывают и испрашивают возможного согласия на брачную жизнь. Но ежели владелец не позаботится удовлетворить желание ахашалы, последний требует продать его другому, который обяжется достать для него жену. В случае неисполнения настояний раба владелец может быть уверен, что его ахашала оправдает название, то есть как лишний уйдет под чье-нибудь покровительство, что ведет либо к примирению и исполнению требования, либо к окончательной потере. Женившийся ахашала переходит в сословие агыруа, получает от владельца быка, корову, сад, стоимостью равною корове, и котел. Все это дается и агыруа, когда его покупают. Но дети его, по постижении установленного обычаем возраста, работают на владельца, который дочерей такого агыруа имеет право отдавать в приданое при выдаче собственной дочери в замужество. Взрослого ахашалу покупают как и агыруа, с его личного согласия.

Асас. Асас – гость. Словом асас называется всякое постороннее, не принадлежащее к общине лицо. Обычай исконный оказывать гостеприимство всякому пришельцу, не спрашивая, кто он, откуда, зачем пришел, так уважается, что никому не отказывалось в приюте, был ли пришелец преступник и искал защиты от преследователей, или добровольный изгнанник, не уживший с нуждою и горем на родине. Всякий общинник, к какому бы сословию он не принадлежал, вменял себе в непременный долг не только принять гостя, но ежели гость желал остаться на жительство, оказывать ему защиту и покровительство, пока асас будет вести себя не оскорбительно в отношении к патрону и его семье. На право принятия асаса не испрашивалось никакого ни от кого позволения. Этот, свято соблюдавшийся по преданиям старины, народный обычай последствиями своими оказывал благодетельное влияние на обязанных повинностями анхае, удерживая владельцев повинностей от чересчур стеснительных требований из опасения потерять все. С достоверностью можно допустить, что этому обычаю – право принимать асасов – агыруа обязаны установившемуся правилу, по которому

не может быть совершена продажа агыруа без его согласия и на условиях, определяющих взаимные отношения. Нет общины, в которой бы не было нескольких, иногда десятков, асасов и даже целых родов, проживающих по два, по три поколения, с сохранением прав, классу этому принадлежащих. А права асаса немного сложны, с него никто ничего не берет и брать не смеет, он пользуется защитой наравне с прочими общинниками и сам участвует в потребных случаях в защите союза. За оскорбление асаса мстит не только лицо, под чьим покровительством находится асас, но весь род покровителя и даже вся община.

Асасы бывают всех сословий, и личность каждого из них, соответственно сословному положению, защищается свято.

Абхазские единицы ценности:

Мальчик 6 четвертей росту – 40 коров;

Мальчик 5 четвертей росту – 30 коров;

Мальчик 4 четвертей росту – 20-25 коров.

Девочка 8-10 лет – 40 коров, но ежели наружные качества выходят из ряда обыкновенных, цена возрастает до 120 коров.

Корова:

- 10 рублям;
- 5 баранам;
- 1 ишаку;
- 6 козам с козлятами;
- 6 овцам и ягнятами;
- 40 меркам кукурузы.

Бык:

- 2 коровам;
- Тельной корове и 2-летней телке.

Буйвол – 4 коровам.

Буйволица – 3 тельным коровам.

Кобыла – 2 коровам.

Катер – 5-10 коровам.

Баран – 12 меркам кукурузы.

Овца – 10 меркам кукурузы.

Барашек:

- 4 меркам кукурузы;
- 1 козленку;
- 1 рублю.

Коза:

- 1 теленку;
- 8 меркам кукурузы.

Баран – 2 козам.

Овца – 1 козе с козленком.

АЛЫСТАНИР

2-летняя телка:
- 4 рублям;
- 2 козам с козлятами;
- 1 овце с барашком;
- 12-16 меркам кукурузы.

Мерка кукурузы (по 10 ½ ок.) – 25 коп.
Око гоми (особый вид проса) – 3 ф. – 5 коп.
Арба гомийной чалы (просяная солома) – 4 меркам кукурузы
Арба сена – 4 меркам кукурузы
Арба дров – 35-40 коп.
Шкура кунья:
- 1 барану;
- 2 р. 25 коп. и 2 р. 20 коп.

Лошадь определенной цены не имеет.
Курна вина – 4 руб.
Батман – 40 коп.
Курна вина – 5 ведрам.
Абхал (кувшин) – 13 ½ бутылок по измерению комиссии.
Курица:
- 2 цыплятам большим;
- 4 цыплятам маленьким;
- 20 копейкам.

ЦГИАГ, ф. ОВД, д. 40, лл. 20-38. Подлинник.
ЦАУГ, ГИА, ф. ОВД, д. № 41, лл. 20-36, ф. 414, 1866 г., д. 1032 на 62 лл., док. на лл. 1 – 17, 19-68.
Антелава И. Г., Дзидзария Г. А., Олонецкий А. А. Из истории крестьянской реформы в Абхазии. – Исторический архив. Т. 5 М.–Л., 1950, с. 400 – 414.

3.38 Из докладной записки и. д. начальника Сухумского военного отдела полковника В. М. Коньяра Кутаисскому генерал-губернатору Д. И. Святополк-Мирскому о поземельных отношениях в Абхазии.

Не позже июля 1866 г.

Как землевладение, так и пользование землей находится в Абхазии еще в самом первобытном состоянии; народная жизнь не выработала никаких законов или постоянных обычаев, которые бы выяснили с некоторой точностью права землевладельца или определяли бы взаимные отношения землевладельцев к правительственной власти, так и населения к землевладельцам.

Чем ближе вглядываешься в существующий в этом деле порядок, тем ярче выступает предположение, что в сущности вся земля в Абхазии составляла не так давно еще государственную собственность; государство предоставляло населению пользоваться этой землей на бесконечно разнообразных условиях, устанавливавшихся различными обстоятельствами, и таким образом создало класс населения, известный под именем анахаве (вольный житель), которые одни и составляют коренное население Абхазии.

По мере умножения населения возрастала трудность управления и защиты его от соседственных враждебных народов и потому оказалось необходимым для главы государства искать себе помощников, которые разделяли бы с ним правительственные заботы. Обязанность эта естественным образом возлагалась на личности, сумевшие снискать чем-либо доверие правительства, и выпадала на долю или лиц из числа коренных жителей, или же на разных пришельцев из других стран.

При подобных назначениях правительственная власть, в виде вознаграждения за труды, предоставляла в пользу избранников своих все те подати или повинности, которыми сама она пользовалась от населения, сохраняя за собой одну только верховную власть над ним и, таким образом, она создала в крае класс покровителей, из которого образовались нынешние высшие сословия, т. е. дворянские и княжеские фамилии, так как время, обстоятельства и обычаи содействовали к тому, что право покровительства сделалось наследственным в известных родах.

В последнее уже время многолетняя привычка столкновения с народами более развитыми, в особенности с нами, и некоторое ознакомление с гражданским устройством нашим развили между абхазцами понятия о видах поземельной собственности, существующих в других странах. Применяя их к себе, роды, дававшие покровителей общинам, стали незаметно присваивать себе право собственности над землями, находившихся в пользовании их подвластных, и начали проводить в народе мысль, что отбываемые ими повинности составляют вознаграждение за право пользования землей, принадлежащей этим высшим сословиям. Они успели настолько в этом, что в настоящее время народ действительно признает за ними некоторые права на те земли, хотя каждый абхазец вместе с тем убежден, что никто не в праве лишить его того участка земли, который перешел к нему от предков и который он обрабатывает до тех пор, пока сам он не покинет его, или пока взамен отбираемого у него, с его же согласия, участка, ему не будет указан другой.

Сама правительственная власть, существовавшая в Абхазии в последнее время, никогда не признавала законность поземельных прав в том широком смысле, с какой представляются они нашему уму, но не была настолько сильна, чтобы открыто оспаривать притязания высших сословий и тем самым способствовать к вящему укоренению в этих сословиях уверенности в законности и неоспоримости присваиваемых ими прав.

Из этого краткого очерка о состоянии поземельной собственности в Абхазии в настоящее время видно, что прошедшее не дает никаких юриди-

АЛБТАИР

ческих фактов, на основании которых вопрос этот мог бы быть разрешен. В сущности, в строго юридическом смысле, никто в Абхазии не может быть признан землевладельцем; вся земля составляет собственность государства, которое в праве распорядиться ею полновластно, по своему усмотрению и согласно с видами своими; но если бы мы вздумали разрешить поземельный вопрос на этих основаниях, то, без сомнения, возбудили бы общий ропот и подвергли бы себя обвинению в несправедливости, в своекорыстных и угнетательских намерениях. А потому я полагаю, что вопрос этот мы должны разрешить, нисколько не задаваясь теми основаниями, которые, по нашим юридическим понятиям, могут быть извлечены из ныне существующего порядка владения и пользования землей, и руководствоваться лишь такими соображениями, которые всего проще могут привести нас к благовидному конечному результату.

При таком взгляде, прежде всего представляется вопрос, какая должна быть конечная цель наших действий, т. е. желаем ли мы сохранить существующий ныне в Абхазии строй общества, прировняв его, в чем следует с тем строем, который существует в остальных частях империи, или же задача наша заключается в том, чтобы изменить все существующее и создать новый порядок, которым всякое различие сословий отменялось бы и за всяким абхазцем признавалось бы право на одинаковый надел землей. Последнее так несовместно с духом нашего правительства, что невозможно допустить, чтобы оно захотело применить такой порядок к Абхазии и потому было бы излишне говорить о мерах, посредством которых достижение такого результата было бы возможно. Основанием же для рассмотрения обсуждаемых вопросов должно служить лишь первое предположение, и тут исходной такой является необходимость обеспечить, прежде всего, возможность существования высших сословий.

Достигнуть этого можно не иначе, как утверждением за ними такой поземельной собственности, которая доставляла бы им средства к осмысленному труду и к жизни, соответствующей их общественному положению. Но вместе с тем необходимо освободить и остальные сословия от той зависимости, в которой они находятся, и для этого необходимо укрепить и за ними, в полное владение каждого, такое количество земли, которое доставляло бы каждой семье средства пропитанию.

На основании этого взгляда составлено в общих чертах следующее предложение о разрешении поземельного и сословного вопроса в Абхазии.

1. Все земли, находящиеся в пользовании подвластных в момент объявления настоящего положения, признаются собственностью этих подвластных и закрепляются за каждым отдельным дымом в вечное и потомственное владение. В надел этот входят безразлично как усадебные, так и пахотные земли, сады и другие угодья, за исключением лесов. Вознаграждения за этот надел не полагается никому и ни от кого. Остальные затем свободные земли каждой волости составляют неотъемлемую и личную собственность

той фамилии, в номинальном владении которой находилось все поместье, или лучше – под покровительство которой находилась вся волость.

2. Раздел земель между членами одной фамилии производится обыкновенным порядком, по заявлении соучастниками о желании раздела.

3. Споры о границах между разными владельческими владениями разрешаются обыкновенным судебным порядком, но не могут касаться тех участков, которые отошли в собственность подвластных той или другой фамилии.

4. Леса составляют исключительную собственность землевладельцев, которые пользуются или по своему усмотрению, но обязаны предоставить прежним подвластным своим право вырубить в них потребное для домашнего обихода количество дров.

5. Все зависимые отношения подвластных к прежним патронам прекращаются, а последние взамен тех повинностей, которыми они пользовались, получают денежное вознаграждение, размер которого определяется нижеследующими постановлениями.

6. Повинности, отбываемые подвластными всех наименований, приводятся в известность особо по каждой волости, переводятся на деньги по существующим ценам и особо определенной оценке, и затем определенный этим путем годовой доход капитализируется из 6 процентов. Исчисленная капитальная сумма выплачивается по принадлежности казной за освобождение подвластных, которые погашают эту ссуду ежегодными взносами в течение 49 лет.

В тех случаях, когда о подвластности вотчины существует спор между двумя или более фамилиями, причитающееся по настоящей статье денежное вознаграждение выдается не прежде, как по разрешении спора судом, и, конечно, тому лицу, в пользу которого состоится судебное решение.

7. Крепостные крестьяне (агырва, ахуе), имеющие и в настоящее время право на поземельный надел, сохраняют этот надел в вечную и неотъемлемую собственность и освобождаются от крепостной зависимости, с уплатою вознаграждения не только за отбываемые ими доселе повинности, но и за освобождение свое. Размер последнего имеет быть установлен особо и выплачивается казною в виде ссуды, которая имеет быть погашаема ежегодными взносами освобожденного в течение 49 лет.

8. Дворовые люди (ахашала), не имеющие в настоящее время никакого поземельного надела, освобождаются от крепостной зависимости с уплатою за них вознаграждения владельцам в размере, который имеет быть определен особо. Так как люди эти поземельного надела не получают, то и выплаченная за них сумма не подлежит взысканию с них. Мера же эта представляется крайне необходимой, потому что дворовые люди составляют главное богатство свободных сословий и приобретались ими до последнего времени с значительными часто пожертвованиями; что освобождение без всякого вознаграждения пало бы слишком большой тяжестью на владельцев, тогда как для казны выкуп составит незначительный расход по малочисленности сословия дворовых людей.

АЛЫТАМИР

9. Одновременно с разрешением поземельного вопроса и с прекращением личной зависимости сословий, все без исключения собственники облагаются поземельным в пользу казны налогом, размер которого определяется тою же комиссией, на которую возложится окончательная обработка настоящего положения.

10. Для составления подробного проекта об окончательном разрешении рассматриваемых вопросов, в Абхазии учреждается комиссия под председательством начальника Сухумского военного отдела, состоящая их 4-х членов от правительства и 8-ми членов выборных от народа (по два от каждого округа, и из числа их по одному из высших сословий: (тавады и азнауры) и по одному от сословия вольных жителей (анхайве или пиош).

ЦГИАГ, ф. 545, д. 180, лл. 15-23. Копия рукописная. Документы по истории Грузии. Серия II. Т. I.Ч. I. Тбилиси, 1954, с. 513 – 517.

3.39 Из письма и. д. начальника Бзыбского округа З. Измайлова и. д. начальника Сухумского военного отдела полковнику В. М. Коньяру об отказе населения дать сведения.

с. Лыхны, 19 июля 1866 г.

… Жители Мчиш Нырц отказались дать какие-либо показания на месте. По тем сведениям, которые я успел собрать, подобное упорство я встречу в большей части населения Бзыбского округа, и ежели верить дошедшим до меня слухам, причина следующая: так как все зависимое сословие, согласно инструкции, предупреждается о том, что выкуп будет произведен на их счет, то они признали за лучшее не согласиться на те требования, с которыми к ним обратятся, и объясняя себе так: «Сначала заставят нас откупиться от самих владельцев, а затем обложат податью казны и тогда не будет уже возможности освободиться»…

Хотя сопротивление выказано и будет выказываться со стороны анхае и агыруа, но, наверное, можно думать, что тавады и аамысты участники этого дела.

ЦГИАГ, ф. 545, 1866 г., д. 2784, лл. 7 – 8. Подлинник.

3.40 Рапорт и. д. начальника Сухумского военного отдела полковника В. М. Коньяра кутаисскому генерал-губернатору Д. И. Святополк-Мирскому.

23 июля 1866 г.

20-го числа настоящего месяца мною получено донесение Начальника Бзыбского округа о том, что 15-го числа Чиновник Черепов, командированный Кавказским Горским управлением, приступил к собранию сведений по делу о зависимых сословиях во вверенном мне Отделе и что окончив занятия свои в общине Ладзаа, 18-го числа прибыл в общину Мчищнырц, которая единогласно и положительно отказалась отвечать на предложенные вопросы, утверждая, что она не может исполнить этого требования иначе как по предварительном совещании с остальными жителями округа; тот же самый ответ получен и в общинах: Апыдзхуа, Мугудзырхуа и Чаабалрхуа, с той разницею, что в некоторых из них заявлено при этом, что зависимым сословиям выкупать самим себя нет ни надобности, ни желания, и что если Правительство хочет освободить их, то оно само обязано принять на себя и выкуп. Приписывая такой образ действий какому-нибудь недоразумению, я 21-го числа отправился в Бзыбский округ с тем, чтобы лично разъяснить народу благие намерения Правительства и склонить их к исполнению требований наших. По прибытии в Соук-су, я был встречен известием, что во всем округе замечено сильное волнение, но что по заверению старшин и почетных стариков, соседняя община Берипш в волнении этом не принимает участия и готова исполнить требования Начальства, а потому немедленно отправился в сказанную общину, где и приступил к рассуждениям с собравшимся обществом. К крайнему сожалению, заверения старшин оказались не основательными, в ответ на мои увещания я получил просьбу не начинать дела с этого общества, а с какого-нибудь другого, так как оно может исполнить наши требования не иначе, как убедившись, что и другие жители округа признают исполнение их возможным. Ни увещания, ни угрозы не могли заставить общину отступиться от этих требований и когда я потребовал, чтобы крепостные крестьяне отделились от толпы с тем, чтобы можно было переписать их, то все общество разошлось, не обращая более никакого внимания ни на чьи увещания.

Не имея в распоряжении своем ни одной вооруженной силы, кроме конвоировавших меня 12 казаков и 10-ти милиционеров, я не решился принять тут же какие-либо понудительные меры против вооруженного сборища из 300 человек, в которых я заметил явную готовность, в случае надобности, оказать сопротивление, тем более, что опасался, что чрез падание однажды повода к открытой борьбе весь край мог быть вовлечен в вооруженное восстание, которого мне необходимо было избежать по одному тому уже, что для отпора у меня имелось не более двух рот в составе 225 человек, находящихся далеко от места действия. Тем не менее, я имел в виду в ночь с 21-го на 22-е число заарестовать коноводов общины Берипш; но получил достоверное сведение, что предвидя возможность этого, в обществе приняты меры для вооруженного сопротивления, почему на основании вышеизложенных причин отказавшись от этого намерения, хотел вызвать к себе старшин и почетных лиц от всех обществ, с тем чтобы переговорить с ними и стараться вразумить их, а чрез них все население; но должен был

АЛЫТАИР

отказаться и от этого предположения, потому что с разных сторон получил достоверные сведения, что утром 22-го числа в трех пунктах округа были сборища, на которых жители приняли взаимную присягу по требованиям начальства являться не иначе как всем населением разом. Убедившись, что состояние умов в округе таково, что необходимо прибегнуть к крайне энергическим мерам, к выполнению коих у меня не имеется средств, и зная при том, что в подобных обстоятельствах всякая мера, коей успех не вполне обеспечен, может только ухудшить положение дела, я счел за полезное прекратить на время всякое настояние к выполнению со стороны народа каких-либо требований, относящихся до настоящего вопроса, желая таким образом сократить число провинившихся открытым ослушанием, потому что убежден, что такой образ действий значительно облегчит нам задачу подавления настоящего волнения. Нет сомнения, что когда народ увидит, что мы не отступаем от крайних мер и что предпринимаем их с достаточными силами, те общины, которые еще не высказывали открытого сопротивления будут тем более рады случаю высказать свою покорность, что они, не будучи открыто виновными, будут иметь право рассчитывать на снисхождение, и таким образом нам придется прибегнуть к силе оружия только против обществ, высказавших уже не повиновение; остальные же вероятно останутся зрителями борьбы и частью даже окажут нам свое содействие.

Представляя все это на благоусмотрение Вашего Сиятельства испрашиваю ходатайства Вашего о возможно скорой присылке в Абхазию, если возможно двух батальонов и двух орудий, с которыми я могу приступить к водворению порядка, не опасаясь даже минутного неуспеха.

Возможныя подробности о настоящем деле будут доложены Вашему Сиятельству командируемым мною майором Красницким; я же в заключении считаю долгом донести, что о причинах, возбудивших настоящее волнение, ходят самые разнородные слухи, из которых, по-моему, мнению, заслуживает более вероятия тот, что волнение возбуждено влиятельными лицами разных сословий, владеющими крепостными людьми, так как эти лица рассчитывали, что крестьяне их будут освобождены не иначе, как с вознаграждением от казны. Увидевши ошибочность этого расчета, им легко было убедить даже самых крестьян, что, налагая выкуп на их самих, Правительство не только не улучшит их положение, но даже отягощает его, так как независимо от выкупа, они взамен настоящих повинностей будут платить государственную подать.

Более виновные в подстрекательстве мне уже известны и к обнаружению остальных приняты меры.

Верно.

ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 74, лл. 112 – 116 об. Фотокопия.

3.41 Рапорт и. д. начальника Сухумского военного отдела полковника В. М. Коньяра кутаисскому генерал-губернатору Д. И. Святополк-Мирскому.

23 июля 1866 г.

Сегодня жители вверенного мне округа сделали народную тревогу; тревога поднята со стороны общины Дберипш по распоряжению Смела Лакера совместно с Солахом Мааном.

По тревоге прибыли в м. Ажичимгра: все жители общин: Дберипш, Джирхва, Багардын и Хоапи.

Чтобы узнать с какой целью сделан сбор народа, был послан от меня народный судья Титу Маан, который воротившись объяснил, что он из всех расспросив узнал следующее:

1. Народ выражает не удовольство, что помимо их желания удален владетель их.

2. Народ выражает не удовольство, почему Правительство не хочет спросить желает ли он детей бывшего владетеля допустить остаться в Абхазии на помещичьих правах.

3. От чего Правительство помимо их желания хочет освободить всех от зависимости, и

4. Требовать от окружного начальника выдачи всех арестантов, содержащихся за разные поступки в округе.

Все эти заявления и требования будет сделано, как только соберется весь округ, и по их расчету все жители округа соберутся завтра или же непременно в понедельник, то есть 25-го сего июля.

О вышеизложенном донося Вашему Высокоблагородию испрашиваю Вашего приказания: какие я должен принять меры, если вся возмущающаяся толпа решиться напасть на гауптвахту чтобы освободить арестованных, т. е. следует ли сопротивляться несмотря на ничтожную сравнительно с жителями округа силу (50 казаков) за исключением больных и командированных или же во избежание помехи, как только толпа будет требовать освобождения арестованных и бросится на гауптвахту часовым отступить без всякого сопротивления.

ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 74, лл. 117 – 118 об. Фотокопия.

3.42 Рапорт ст. сов. капитан-лейтенанта Карганова Начальнику Кавказского горского управления Д. С. Старосельскому о прекращении работы по собиранию сведений в Цебельде в связи с восстанием в Бзыбской Абхазии.

Укр. Цебельдинское, 26 июля 1866 г.

Начатые мною занятия по собиранию сведений в Цебельде, приказано остановить вследствие беспорядков, происшедших в Бзыбском округе,

АЙТАМИР

которые ожидают, что может распространиться на все соседнее мусульманское население.

А потому полагаю выждать некоторое время и если движения не успокоятся, то для выиграния времени начать занятие в Абживском округе.

При сем имею честь донести Вашему Высокоблагородию, что в Цебельде население совершенно спокойно. Сухумское же начальство в предупреждении беспорядков в Цебельде приказало князю Михаилу (Алмахсейду) Маршани собрать дружину.

Капитан-лейтенант Карганов.

ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, д. 181, л. 92.

3.43 Рапорт майора С. Г. Баратова в Кавказское горское управление о своей командировке в Сухумский округ для сбора сведений.

29 июля 1866 г.

10-го июля я вместе с титулярным советником Череповым прибыл в Сухум-Кале: 14-го числа Черепов выехал в Бзыбский округ, а я в самую дальнюю общину Сухумского округа, по расстоянию от Сухума, в Ачапару. 17-го же, прибыв на место с здешним окружным начальником, майором Бутми де Кацманом, и с двумя членами окружного суда и в полном собрании жителей общины, объявив цель возложенного на меня поручения, как и самое поручение, я открыл заседание надлежащим действием по сообщению нужных сведений. По окончании занятий моих в с. Ачапаре, я последовательно переезжал в общины: Тхин, Челов, Джгерда и наконец 25-го числа я прибыл в Адзюбжа. Таким образом, с 17-го по 25 июля мною собраны сведения более 1/3 числа жителей Сухумского округа, о чем донесено мною исправл. должность начальника Сухумского военного отдела от 25 июля № 3 для сообщения в Кавказское горское управление.

Сообщение и дача сведений со стороны жителей Сухумского округа, благодаря полному соревнованию окружного начальника, шло превосходно и без малейшего сопротивления жителей, принимавших нас везде с полным радушием, не смотря, что с 22 числа нам уже было известно, что в Бзыбском округе дела шли очень нехорошо.

Но во время нахождения моего в Адзюбже пред рассветом с 26-го на 27-е число начальник округа получил с одним нарочно посланным туземцем из Сухума от своего адъютанта записку следующего содержания: «Бзыбское волнение кончилось тем, что Коньяр убит и все чиновники истреблены. Бзыбцы с большим сборищем идут с намерением напасть на Сухум, – идите спасать нас». Прочитав эту записку я и окружной начальник принуждены были, покинув в Адзюбжа канцелярии, кроме собранных мною сведений, все наши вещи и пару моих вьючных лошадей, тотчас же

на легках отправиться в Сухум, куда прибыли около 11-ти часов и застали его в осадном положении.

С этой поры занятия мои прекращены и не знаю когда придется продолжить их.

О чем долгом считаю донести.

Майор кн. Баратов.

ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, лл. 91 – 91 об.

3.44 Из телеграммы Наместника Кавказа вел. князя М. Н. Романова военному министру Д. А. Милютину о восстании в Абхазии.

Боржом, 29 июля 1866 г.

Бунт в Абхазии принимает серьезные размеры: энергическими распоряжениями надеюсь вскоре подавить; одною из причин без сомнения неорганизация местной администрации…

Прошу испросить теперь высочайшего утверждения проекта положения и штатов и разрешении ввести оное немедленно.

ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 879, 1865 г., д. 1²-г, л. 135.
Подлинник.

3.45 Телеграмма Наместника Кавказа вел. князя М. Н. Романова Александру II о восстании в Абхазии.

Боржом, 29 июля 1866 г.

Государю Императору!

С прискорбием доношу в Абхазии бунт. Полковник Коньяр с начальником округа и сотнею казаков окружены значительною толпою в Соук-су. Сведений об их участи не имею; половина Сухума сожжена, войска туда направлены из Поти, Кутаиса, Константиновского; кн. Мирской сегодня туда же отправился, подробностей не имею никаких, причины совершенно не известны; буду своевременно доносить о ходе дел.

Михаил.

Верно: майор Новгородцев.

Отправлено 29 июля 1866 г 11. 45 по п.н.

Получено в Александрии в 6 часов по п.д.

ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 74, л. 2.
Фотокопия.

АЛЫБТАИР

3.46 Из телеграммы Кутаисского генерал-губернатора Д. И. Святополк-Мирского Наместнику Кавказа вел. князю М. Н. Романову о событиях в Абхазии.

Поти, 30 июля 1866 г.

Сейчас прибыл в Поти Кульман, пишет: полковник Коньяр, Измайлов, Черепов, сотня казаков, бывшие при Окружном управлении, как дознано, погибли в доме владетеля Абхазии; неприятель напал на Сухум, сжег большую часть слободки, казармы и лазарет на Трапеции и несколько домов в самом городе… Перестрелка продолжается с 3 часов по полудни 27 по настоящее время… пополнение прибыло; неприятель из города вытеснен, военные пароходы много помогли обстреливанием берега; ожидается новое нападение с усиленным подкреплением… Если Цебельда тоже взбунтуется, нужен будет отряд с той стороны города..

Князь Мирский.

ЦГАОР, ф. 649, оп. 1, д. 409, лл. 26 – 26 об.
Подлинник.

3.47 Телеграмма Наместника Кавказа вел. князя М. Н. Романова Александру II.

Боржом, 31 июля 1866 г.

Государю Императору!

Искренно благодарю за милое письмо, в Соук-су погибли полковн. Коньяр с бывшими при нем лицами и казаками. Нападение на Сухум возобновлялось 4 дня сряду; неприятель отбит с чувствительным уроном, войско вело себя молодецки, потеряли убитыми 20 нижних чинов, раненными три Офицера, 55 нижних чинов. Военные суда много содействовали своим огнем отражению. Князь Мирский прибыл туда 30 ч. Так же два батальона из Поти.

Елизаветпольский полк сегодня отправляется морем в Сухум, остальные полки 39 Дивизии направляются в Абхазию, Мингрелию форсированным маршем под начальством Тарханова. Артиллерия вызвана из Гори и Екатеринодара. Отправляю фельдъегеря по получению подробнаго донесения кн. Мирскаго. В Дагестане полагают совершенно конченым, ибо новых донесений не получал.

Михаил.

Верно: майор Новгородцев.

Получено в Александрии 1 августа 1866 г. 6 ч. 42 м. по. п. н.

ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 74, лл. 3 – 3 об.
Фотокопия.

3.48 Из рапорта Начальника Сухумского отряда полковника фон Кульмана Кутаисскому генерал-губернатору Д. И. Святополк-Мирскому о действиях отряда по подавлению восстания в Абхазии.

31 июля 1866 г.

26 числа этого месяца, в 8 часов вечера, я получил от начальника Сухумской морской станции, кап. 1-го ранга Гавришева, уведомление, что шхуна «Соуксу», на которой полк. Коньяр отправился 24 числа в Гудауты для прекращения беспорядков в Бзыбском округе, возвратилась и привезла сведение, что Гудаутская карантинно-таможенная застава сожжена абхазцами, а спасавшиеся на баркасе нижние чины и чиновник заставы доставлены на шхуну и что из числа их ранено на баркасе 3 человека и 1 убит.

Вследствие таких обстоятельств я тотчас принял на себя командование всеми войсками, в Сухуме расположенными, а кап. 1-го ранга Гавришев изъявил готовность послать по моему требованию транспорт «Воин» и шхуну «Редут-Кале» в Поти и Гагры, для принятия находящихся там войск, причем я предписал начальнику потийской рабочей колонны прибыть немедленно в Сухум с подведомственными ему войсками, а командиру кавказского линейного № 33 батальона выслать из Гагр стрелковую роту и 400 молодых солдат маршевого батальона; пицундскому же воинскому начальнику предложить принять всевозможные меры предосторожности в случае нападения на укрепление возмутившихся горцев.

Для обороны жителей г. Сухума сделаны мною следующие распоряжения: 1) через коменданта приказано всем жителям перебраться с семействами и имуществом в крепость и на военные суда, 2) трем стрелковым и одной линейной ротам №№ 34, 35 и 36 батальонов приказано занять позиции на главных входах в город, на церковной площади иметь резерв при трех орудиях и занять посты в сухумской крепости, 3) перевести с трапеции больных с лазаретов до 500 человек, разместив их частью на судах и частью в крепости и адмиралтействе.

27 числа, в 3 часа пополудни, неприятель в числе двух тысяч человек конницы и пехоты, под предводительством Тамишука и Мустафы Маргания, стремительно бросился на подгорную слободку и, заняв ее, стал жечь дома…, стараясь при этом главными своими силами оттеснить наших стрелков, упорно отстаивавших городские строения и незабранное жителями имущество, которое они, по неожиданности внезапного нападения и по недостатку в городе перевозочных средств, не могли захватить с собою в крепость. Наступательные действия неприятеля войска наши отражали более десяти раз штыками и только пламя подожженных строений нередко заставляло их отходить назад к центру города. Находившийся на трапеции лазарет № 34 батальона, казармы № 37 батальона и прочие постройки были

АЛЫ ТАМИР

также сожжены неприятелем. Всю ночь войска оставались под ружьем и вели сильную перестрелку. По поверке людей оказалось, что в деле этом ранено обер-офицеров 2, нижних чинов 17, убито нижних чинов 5 и из местных жителей Сухума – 1. Потеря же неприятеля была наиболее значительная: кроме 40 тел, подобранных нами на местах боя, как говорят лазутчики, самим неприятелем прибрано убитых и раненных до 150 человек. Такому значительному поражению много способствовало взятая из резерва артиллерия и, конечно, хладнокровье и благоразумная расспорядительность командира ее, пор. Маевского.

Утром 28 числа неприятель, получив подкрепление, снова повел атаку на наши войска, стараясь оттеснить их к морскому берегу, дабы занять и заграбить лавки и магазины, но таковое стремление наши стрелки отразали метким ружейным огнем, а артиллерия – картечью, вместе с тем некоторые дома приходилось брать штурмом, горцы гибли в них, но не сдавались, кроме однако же 3-х человек, захваченных нами в одной из засад.

Перестрелка продолжалась весь день и ночь. Неприятель, зная, что мы слабы в силах, старался до прибытия подкрепления взять над нами перевес и завладеть городом. Находившаяся в крепости на четырех бастионах артиллерия из полевых орудий действовала весьма удачно как картечными, так и гранатными выстрелами, направляемыми в толпы неприятеля и дома, в которых он имел засады. Кроме того корвет «Вепрь» и шхуна «Соуксу», крейсируя по берегу, обстреливали фланги города и толпы горцев, находившихся расположенными в более отдаленных от крепости местах. В 3 часа пополудни прибыл из Поти транспорт «Воин» и доставил весь 37-й батальон и 2 роты Кавказских линейных №№ 31 и 32 батальонов. Войска эти тотчас по высадке направлены были в дело, разбили горцев на всех занятых ими пунктах. Ночью хотя и продолжалась перестрелка, но довольно слабая. В деле этом потеря наша простиралась до 3-х убитых и 14 раненных нижних чинов.

29 числа неприятель пытался снова занять город, но попытка его была отражена с полным успехом. Вообще действия неприятеля были при этом весьма слабы. С нашей стороны потеря заключалась в двух раненных офицерах, трех убитых и девяти раненных нижних чинах.

30 числа с рассветом неприятель густыми толпами и со всех сторон стремительно бросился на войска, стараясь прорваться в город, но и в этот раз, как и прежде, не имел успеха, – атака его была отражена на всех пунктах и при этом отбит значок. Хотя затем сильная перестрелка продолжалась более 4-х часов, но к вечеру прекратилась совершенно. В этот день было убито 3 человека, ранено 16 нижних чинов…[1].

В заключении долгом считаю доложить Вашему Сиятельству, что Сухумский окружной начальник майор Бутми де Кацман действием своим

[1] Здесь текст документа обрывается. Последний абзац восстановлен по фотокопии оригинала (ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, № 74, лл. 22-27 об.) – (**сост.**).

удержал от присоединения к мятежником около 2\3 населения вверенного ему округа и, успев собрать из преданных туземцев милицию, первым бросился на неприятеля, задержал его стремление при вторжении в город и подал тем возможность жителям, запоздавшим в своих домах, укрыться благополучно в крепости и на суда. Кроме того названный штаб-офицер сообщая мне постоянно верные сведения о намерениях неприятеля, способствовал мне к принятию своевременно необходимых мер предосторожности.

Полк. фон Кульман.

Документы по истории Грузии. Серия II. Т. I. Тбилиси, 1954, с. 60 – 68.

ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, д. 2784, лл. 9 – 13.

3.49 Из телеграммы Александра II наместнику Кавказа вел. князю М. Н. Романову.

Александрия, 1 августа 1866 г.

Ожидая с нетерпением дальнейших известий из Дагестана и Абхазии, надеюсь, что все нужные меры уже приняты для водворения порядка и наказания виновных…

Александр.

ЦГАОР, ф. 728, д. 2732/а, лл. 288. Подлинник.

3.50 Из телеграммы Кутаисского генерал-губернатора Д. И. Святополк-Мирского Наместнику Кавказа вел. князю М. Н. Романову о событиях в Абхазии.

Сухум, 1 августа 1866 г.

… Бзыбский округ, самый многочисленный из трех округов Абхазии, после убийства полк. Коньяра в полном возмущении, за исключением христианского народонаселения, простирающегося до пятисот дворов. Эти последние разбежались по лесам. Часть Сухумского округа, прилегающая к Бзыбскому, в таком же положении; остальная часть Сухумского округа и Абживский в большом волнении, но открыто не восстали…

ЦГАОР, ф. 649, оп. 1, д. 409, лл. 20 – 23. Подлинник.

3.51 Донесение генерального консула ст. сов. Мошнина в императорскую миссию.

1 августа 1866 г.

Печальные события произошли в последние дни в Сухуме и по всему Абхазскому прибрежью. Все Абхазское народонаселение возстало и напало

АБЫТАИР

в расплох на наши власти и казаков. Командующий в Сухуме Коньяр, все его семейство и состоящие при нем Офицеры и Казаки изрезаны в куски. Спаслись только два молодых сына покойного владетеля Абхазии, которым взбунтовавшиеся говорили, что они мстят за смерть князя Михаила. К счастью Кавказское начальство распорядилось очень быстро.

В течение четырех дней военные суда и пароходы общества успели перевести войска в Сухум из Поти и первые три сотни солдат, взятые с работ Потийского порта, отстояли Сухум-Кале. Взбунтовавшихся Абхазцев считают до 15 тыс. На днях ждут в Поти Великого Князя Наместника, который едет с Великим князем Константином Николаевичем в Крым. Причины возстания неизвестны, но многие приписывают это проискам известного Хасан-Маргана, который был будто бы орудием иностранной интриги, тем более, что в числе взбунтовавшихся находится его сын. Насколько мне говорили лица доверенныя, Хасан-Марган недели три тому назад выехал секретно на Французском пароходе в Батум, где как Вашему Превосходительству небезызвестно поселены вышедшие из Абхазии переселенцы. На этом же пароходе случайно или нет находился так же известный Вам Ребуль. Вчера одно лицо очень близкое к г. Ребулю уверяло меня в разговоре, что все это французская интрига и лишь только известие о возстании было привезено сюда Французским пароходом, пришедшим 29 числа из Поти, как шефер, Французский консул отправился к паше и имел с ним личное совещание по этому делу.

Все эти слухи заслуживают некоторого внимания, особенно если мы припомним отправку к нашим пределам Французских инженеров, чтобы привести наскоро в порядок укрепление Карса и Баязида.

Сейчас только вышел от меня преданный нам турок и объявил мне, что в бытность его в Батуме около месяца назад находясь туда приезжал на Французском пароходе Хасан Марган и имел много совещаний с Абхазцами, жившими в Батуме и с некоторыми другими, которые с этой целью приехали из Абхазии к нему на свидание. В числе сих других был некто Мустабей очень влиятельный в своем крае, который, по мнению турка, руководил возстанием.

Хасан Марган сейчас прислал гонца узнать подробности и принять вознаграждение.

Мошнин.

Верно: П. Иванов.

ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 74, лл. 50 – 51 об. Фотокопия.
Сельское хозяйство и аграрные отношения. Том второй. (Сост. П. В. Гугушвили). Тб. 1950.

3.52 Телеграмма Наместника Кавказа вел. князя М. Н. Романова Александру II.

Боржом, 2 августа 1866 г.

Государю Императору.

Князь Мирской доносит из Сухума сегодняшнего утра: тяжелое время для Сухума миновалось, послезавтра надеемся перейти в наступление; из Цебельды и Пицунд хорошие известия. Завтра должен прибыть батальон Крымского полка, из Дагестана прибыть курьер, в Кайтаге порядок водворен. Виновные примерно наказаны, три зачинщика повешены, остальные части Дагестана покойны.

Благодарю за депешу. Рады обещанному приезду к нам Кости, поездка в Крым зависит от хода дел в Абхазии. Обнимаем.

Михаил.

Верно: Корба.

Получено в Лигова 2 августа 1866 г. 12.20. по п. н.

ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, № 74, л. 4. Фотокопия.

3.53 Из рапорта воинского начальника укрепления Гагры Берты де Лагарда Кутаисскому генерал-губернатору Д. И. Святополк-Мирскому о намерении старшин Гагринского поселения эмигрировать в Турцию и об их имуществе.

4 августа 1866 г.

27-го числа прошлого июля месяца старшины Гагринского поселения, известив о случившемся 25-го июля в Гудаутах и восстании абхазцев, поклялись мне, что скорее положат свои головы в реке Бзыбь, нежели пропустят через нее хоть одного абхазца к своему поселению, следовательно и к укр. Гагры.

Сего дня те же старшины заявили мне свое желание переселиться в Турцию со всем своим имуществом на кочермах и переезд свой намерены делать через месяц или полтора, смотря по тому, как успеют собрать свои недозрелые посевы кукурузы.

Жена же поручика князя Эдербея Цамбаева, находящегося при кутаисском конно-иррегулярном полку, объявила, что она без мужа своего не может ничего сказать мне по этому предмету.

Последнее заявление Гагринских поселенцев меня крайне удивило, и я нашел нужным узнать причину, вызвавшее такое их намерение, но они отвечали мне, что они это задумали давно и даже объявили о том полковнику Коньяру и что цель их переселения собственно та, чтобы жить в Турции со своими родными, но я узнал…, что к переселению их в Турцию побудило

АПСТАИР

объявление окружного начальника, что у них отберут всех крестьян и рабов, а через это распоряжение они лишатся рабочих рук, а с этим и средств к своему существованию, в Турции же хотя и плохо им будет, но все-таки у них останутся их крестьяне и рабы, которые трудами рук своих будут доставлять им пропитание.

Со стороны каждого из четырех старшин были у меня 12-ть человек из крестьян, которые также заявили свое желание переселиться в Турцию со своими господами.

С в е д е н и я о численности Гагринского поселения, имеющемся у них движимом имуществе

Имена и фамилии старшин	Число их крестьян		Живого скота с приплодом сего года всех годов				
	мужского пола	женского пола	Быков и коров	Лошадей	Буйволов	Баранов	Коз
Князь Якуб Цамбаев	112	108	60	16	15	640	1040
− Сесенгазе Анчабадзе	111	72	62	16	2	660	80
− Ислям Цамбаев	55	49	20	7	5	100	350
Поручик князь Эдирбей Цамбаев	52	47	12	11	7	370	230
Дворянин Гусейн Абиш	6	4	Скот свой уже продал				
Всего	336	280	154	50	29	1770	1760

Примечание: Число крестьян и имущества сего офицера внесено в график единственно для видимости, ибо за отсутствием его в полке, мне неизвестно о намерении его к переселению в Турцию.

ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1866 г., д. 191, лл. 7 – 8. Копия.

3.54 Телеграмма Наместника Кавказа вел. князя М. Н. Романова Александру II.

Боржом, 9 августа 1866 г.

Государю Императору.

Очень благодарю за депешу от 6 полученную только сегодня; из Абхазии известия лучшие, Бзыбцы прислали старшин объявить: что сопро-

тивляться не будут, и принимают всякое наказание, потребовано возврата ограбленного и выдача главных виновников; не могу еще поручиться чтобы кровопролитие не возобновилось, хотя по-видимому дела приняли более благоприятный оборот. Завтра вечером выезжаю в Сухум для встречи Константина и свидания с князем Мирским; по остальному краю благополучно.

Михаил.

Верно: майор Новгородцев.

Получено в Александрии 10 августа 1866 г. в 5. 30. по п. н.

ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 74, л. 6. Фотокопия.

3.55 Отношение Главнокомандующего Кавказской армией вел. князя М. Н. Романова военному министру Д. А. Милютину О восстании в Абхазии и принятых в связи с ней мерах.

Боржом, 9 августа 1866 г.

По возвращении моему с генерал-адъютантом князем Святополк-Мирским из поездки по Кутаисской губернии, я получил 27 числа прошлого месяца первое известие о возмущении, вспыхнувшем в Абхазии, в Бзыбском округе, но без всяких подробностей, выясняющих дело.

Тем не менее однакож, командировав тотчас князя Мирского в Сухум для принятия ближайших мер к подавлению бунта, в то же время, я отдал приказание направить туда форсированным маршем полки 39 пехотной дивизии и 9 рот линейных батальонов, бывших на дорожных работах в Зекарском ущелье. Со стороны Кубанской области по распоряжению моему направлены в Абхазию две сотни казаков Кубанского казачьего войска через Шиплипский перевал, а на всех прочих сообщениях, ведущих из Абхазии через главный хребет в эту область, выставлены в виде кордона еще несколько сотен, дабы не допустить мятежников укрыться под защиту непреступной местности; от полков 19 пехотной дивизии 2 батальона и 4 горных орудия 19-й бригады посланы с возможной скоростью в Новороссийск для дальнейшего отправления их морем в Сухум; кроме того, собран отряд из 5 батальонов и 2-х сотен кубанских казаков близ ст. Сторожевой, назначение которого будет состоять в оказании энергического содействия в случае надобности войскам Кутаисского генерал-губернатора, с которым он должен войти в связь и также прикрыть границы Кубанской области в верховье Бзыби.

Полученные мною сведения о случившихся событиях, хотя еще весьма неполные, заключаются пока в следующем: начальник Сухумского отдела полковник Коньяр, в сопровождении своего адъютанта, Бзыбского окружного начальника, члена комиссии, назначенной для сбора статистических сведений, двух князей Шервашидзе (брата и сына покойного владетеля) и конвойной команды казаков выехал из Сухума в дер. Соуксу, где был оса-

АЛЫТАИР

жден взбунтовавшимся народом в числе около 5000 душ и погиб от руки убийцы с сопровождавшими его лицами, за исключением князей Шервашидзе, которые задержаны были в плену и нескольких конвойных казаков, успевших спастись. На следующий день тою же огромною партиею произведено было нападение на г. Сухум, но было отражено горстью наших храбрых войск, с значительным уроном для мятежников.

Причины, вызвавшие настоящее возмущение, пока еще не разъяснены удовлетворительно во всей подробности, но по дошедшим до меня известиям, я могу заключить, что они возникли главным образом из-за недоразумений и ложных толков касательно распоряжений местной администрации по поводу собрания предварительных сведений для решения крепостного вопроса; также несоответственностью вообще существующих административных учреждений в этом крае, с сложившимися привычками народа под управлением бывшего владетеля, между тем как вновь составленное положение об «Управлении Абхазиею» на иных началах не введено было еще в действие.

При сем препровождаю к вашему высокопревосходительству копию с донесения полковника фон Кульмана[1].

Ген.-фельдц. Михаил.

Доложено е.в. 19 августа в Москве.

ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, Аз. ч., 1866 г., д. 54, лл. 19 – 21. Подлинник.
ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 74, лл. 19 – 21. Фотокопия.

3.56 Письмо Наместника Кавказа вел. князя М. Н. Романова военному министру Д. А. Милютину о восстании в Абхазии.

Боржом, 10 августа 1866 г.

Дмитрий Алексеевич!

Получив сейчас с новым курьером письма от князя Святополк-Мирского и адъютанта моего ротмистра Философова с подробными и более обстоятельными известиями о настоящем положении дела в Абхазии и о всем случившимся во время мятежа, я спешу поделиться ими с в. прев.: 25 июля полковник Коньяр получил от начальника Бзыбского округа поручика Измайлова формальное извещение, которым он его уведомлял об огромном сборище народа, собирающимся с оружием в руках для заявления своих претензий и жалоб на русское правительство.

Из этого рапорта, находящегося теперь в моих руках видно – что претензии заключались в следующем: 1-е, народ выражает неудовольствие, что помимо его удален владетель, 2-е, выражает неудовольствие, почему правительство не хочет просить, желает ли народ детей бывшего владетеля допустить остаться в Абхазии на помещичьих правах, 3-е, отчего правительство помимо его желания хочет освободить всех от крепостной зависимости и 4-е, что народ требует от окружного начальства выдачи всех арестантов, содержащихся за разные поступки в Округе.

[1] См. данное издание **док.** № 54 – (**сост.**)

Полковник Коньяр решил ехать на место сборища в Соуксу и пригласил с собой князей Георгия и Александра Шервашидзе, рассчитывая по-видимому их влиянием обуздать толпу. Утром 26 числа Коньяр потребовал к себе все сборище, простиравшееся до 5000 человек.

Один из народа произнес речь, переведенную поочередно всеми переводчиками, – сущность которой уже приведена была в донесении Измайлова, и в заключении от имени народа просил позволения отправиться депутатам в Тифлис. Коньяр настойчиво требовал, чтобы народ разошелся; в это время один из князей дал знак, толпа, выхватив оружие бросилась на русских, успевших скрыться в одной из комнат владетеля; народ требовал выхода обоих князей Шервашидзе, и когда они, по приказанию Коньяра, вышли к народу, чтобы с ними говорить, их тотчас арестовали, и затем вся масса раздраженного народа ворвалась в комнату и умертвила Коньяра и свиту его. Бывший с ним казачий конвой успел запереться также в конюшне и потом человек 30 с офицером укрылись в церковь, где держались несколько дней, теперь все они спасены и находятся в Сухуме. Вот подобности гнусного злодейства, продолжавшегося на следующий день поджогом и штурмом Сухума. Из войск, прибывших уже в город, составился весьма сильный отряд и ожидаются еще новые подкрепления. Сообщение с Цебельдой в наших руках и население ее совершенно спокойно. Можно положительно сказать, что мятеж уже подавлен: 6 числа вечером являлись к князю Мирскому депутаты от возмутившегося народа и просили одной милости не наказывать их всех, а наказать виновных, которых они готовы выдать и в доказательство своей покорности освободили князя Георгия Шервашидзе. Что касается до обстоятельств, побудивших весь Бзыбский округ восстать, то можно полагать с уверенностью, что они заключаются в ошибках лиц, пострадавших в этой катастрофе, не умевших примениться к обычаям и понятиям народа; еще сильнее подтверждает это поведение жителей в двух других округах, в которых окружные начальники держали себя с большею осмотрительностью.

К этой, по-видимому, главной причине надо прибавить еще и следующее: в Абхазии относительно нашего правительства существуют две партии: одна враждебная нам по фанатизму или вследствие потери своих интересов, утраченных вместе с удалением владетеля и другая, на стороне которой было большинство народа, легкомысленно поддалась влиянию первой.

Обо всем этом прошу Вас донести до сведения г. и.

Помета: г. и. соизволил читать 19 августа.

ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 74, лл. 28-30 об. Подлинник.

АЛЫТАИР

3.57 Указ императора с положением об управлении Абхазиею[1].

11 августа 1866 г.

Государь император, утвердив журнал Кавказского комитета, последовавший по представлению е. и. выс. главнокомандующего Кавказской армией, в 11 день августа сего года, высочайше повелеть соизволил:

1. Управление, командующего войсками в Абхазии и гражданскую канцелярию его по управлению гор. Сухумом, Сухумскую городовую ратушу, Сухумское комендантское управление, а также приставские управления в Цебельде и Самурзакане упразднить.

2. Затем из земель Абхазии, с гор. Сухумом, Самурзакани и Цебельды образовать особый Сухумский отдел, на основании прилагаемых при сем приложении и штата, высочайше утвержденных в виде временной меры на три года.

3. Для исполнения полицейских обязанностей в отделе учредить из туземцев земскую стражу в составе 5 урядников и 20 всадников, взамен временной полиции, ныне находящейся при начальнике войск в Абхазии, и 65 чапар, несущих постовую и конвойную службу в Абхазии.

4. Временные правила для устройства судебной части в Сухумском отделе, при сем также прилагаемые, ввести в действие на первое лишь время, предоставив е. и. выс. великому кн. составить новый проект правил судебной части отдела, который и должен быть представлен на окончательное утверждение установленным порядком.

5. Требующуюся по штату на содержание Сухумского отдела сумму 60299 р. 85 к. и на покрытие установленных с чинов вычетов в количестве 1869 р. 93 коп. – всего 62.169 руб. 78 коп. отпускать, начиная с 1 января 1867 г. по смете Главного интендантского управления, с тем, чтобы из этой сметы были исключены 24869 р. 65 к., отпускаемые теперь на упраздняемые управления и внесены в нее доходом 37300 р. 13 к., из податных сборов с состоящего в военном управлении населения Кавказского края.

6. Для покрытия же расходов по содержанию всех управлений отдела в настоящем году обратить:

а) суммы, ассигнованные на содержание упраздняемых, ныне существующих управлений, по расчету 24869 р. 65 к. в год.

б) доходы г. Сухума на содержание полицейского городского управления – 4.042 руб.

в) особый сбор с жителей округов отдела – 18.480 р., который должен быть установлен со дня введения в действие настоящего положения и

г) из свободных остатков интендантских сумму Кавказской армии, по расчету 14.778 р. 13 коп.

[1] В варианте документа для публикации, наейденном в архиве Г. Дзидзария имелся, только указ императора, а положение об управлении Сухумским военным отделом добавлено нами – (**сост.**).

П о л о ж е н и е

О б щ и е о с н о в а н и я

1. Сухумский отдел составляют Абхазия с гор. Сухумом, Смурзакань и Цебельда.

2. Управление Сухумским отделом вверяется особому начальнику, которому присваивается звание начальника Сухумского отдела.

3. При нем состоят: два чиновника по особым поручениям и канцелярия по штату.

4. Начальник Сухумского отдела по всем частям вверенного ему управления подчиняется кутаисскому генерал-губернатору и о всех делах, превышающих власть военных губернаторов, входит к нему с представлениями.

5. В порядке административном Сухумский отдел разделяется: на Управление гор. Сухумом и четыре округа, Цебельдинский, Пицундский, Драндский, Окумский.

6. Для заведывания портовым городом Сухумом назначаются городничий и при нем полицейское управление.

7. Округа управляются окружными начальниками, которые подчиняются начальнику отдела по всем частям управления.

8. При каждом из окружных начальников состоит Военно-окружное управление.

П р и м е ч а н и е: Окружные управления принимают к совершению и явке разного рода крепостные акты, кроме купчих, закладных и дарственных записей.

9. Для наблюдения за благочинием и порядком в селениях, в каждом из них, по выбору от общества и с утверждением начальника округа, назначается старшина, который, вместе с тем, есть и сборщик податей.

10. Учреждения по судебной части следующие: словесные суды в округах, Главный суд – в Сухуме.

П р и м е ч а н и е: В селениях незначительные споры, возникающие между туземцами, решаются третейским судом.

11. Окружной словесный суд состоит под председательством окружного начальника, а в случае его отсутствия или болезни под председательством его помощника, из четырех депутатов, по выбору от населения округа: одного от высшего, а трех от низших сословий.

12. Сухумский главный суд состоит из председателя и двух членов по определению от правительства. К составу суда, в некоторых случаях, именно: когда рассматриваются в нем дела, перешедшие в Главный суд из Окружных судов, присоединяются восемь выборных лиц из туземного населения отдела, по два из каждого округа, один по выбору от высшего, а другой от низших сословий.

Порядок определения в должности чинов управлений отдела.

13. Начальник Сухумского отдела избирается главнокомандующим армиею и утверждается в должности высочайшим приказом и указом Правительствующему сенату.

АЛТАМИР

14. Чины Сухумского полицейского управления, а равно члены и прочие чины Сухумского главного суда избираются и утверждаются в должностях порядком, указанном в приложении к 12 ст. II т. II части Свода зак. учрежд. кавк. и в циркуляре наместника кавказского от 11 октября 1858 года.

15. Окружные начальники, помощники их и прочие чины управлений Сухумского отдела избираются местным начальством и утверждаются в должностях, по представлениям кутаисского генерал-губернатора, главнокомандующего армиею, порядком, установленным для соответствующих должностей военно-народных управлений Терской и Дагестанской областей.

16. Депутаты окружных словесных судов и Главного суда избираются обществами и утверждаются в должностях порядком, указанным в особой инструкции главнокомандующему армиею.

Права и преимущества.

17. Чиновники управлений Сухумского отдела, как гражданского ведомства, так и военного, пользуются общими правами и преимуществами, предоставленными чиновникам, служащим в Закавказском крае; все же военные чины, служащие в управлениях отдела, сверх общих прав, предоставленных им по роду оружия, пользуются всеми правами и преимуществами, предоставленными военным чинам, служащими в военно-народных управлениях Терской и Дагестанской областей, по высочайше утвержденному 29-го апреля 1861 г. (36931) положению Кавказского комитета (Свода воен. пост. ч. 2 кн. 2 ст. 17, примеч. 2 и ст. 1105 примеч., ч. 4 кн. 3 примеч. 1 к ст. 170) по 2 Прод. (и приказ по Кавказской армии 1862 года № 101).

П р и м е ч а н и е: На депутатов судов: окружных и главного, а равно и на переводчиков из туземцев распространяются права, предоставленные этим лицам из туземцев в Терской и Дагестанской областях (приказы военного министра 18 марта и 7 октября 1862 года 38029 и 38728)

Ответственность.

18. Чины всех управлений отдела, окружных и главного судов, а равно все служащие по выборам, за преступления по должностям подлежат суду на основании гражданских законов.

Права кутаисского генерал-губернатора по управлению Сухумским отделом и чинов, входящих в состав оного.

19. Кутаисский генерал-губернатор по делам, касающимся населения отдела, действует на основании инструкции, помещенной в приложении к 456 ст., (примеч.) Свода зак. т. II учрежд. Закавк. по продолжению 1863 г.), по управлению же туземными населениями право и обязанности его определяются особою инструкциею главнокомандующего армиею.

20. На этом основании и по всем вообще делам гражданского населения отдела, требующим высшего разрешения, кутаисский генерал-губернатор входит с представлениями, установленным порядком, к наместнику кавказскому, по делам же, касающимся туземцев, он представляет Главнокомандующему Кавказской армией непосредственно или чрез Кавказское горское управление.

21. Начальник отдела по внутреннему управлению отдела и по части судебной пользуется правами, предоставленными военным губернаторам в Закавказском крае; сими же правами определяются и отношения его к войскам и учреждениям военного ведомства.

П р и м е ч а н и е 1: По делам тяжебным и исковым между туземцами, рассматриваемым в Сухумском главном суде, начальнику отдела предоставляется право, когда он признает нужным, по важности дела, принять на себя председательство; в сем случае он пользуется только правами председателя суда.

П р и м е ч а н и е 2: Войска, расположенные в отделе, обязаны безотлогательно исполнять требования начальника отдела относительно оказания вооруженного содействия к подавлению восстания и устранения всякого беспорядка, грозящего нарушением общественного спокойствия.

П р и м е ч а н и е 3: Сухумская морская станция подчиняется начальнику отдела но основаниях, изложенных в положении об этой станции (приказ по Кавказской армии 30 января 1856 г. № 33).

П р и м е ч а н и е 4: Начальник отдела управляет гор. Сухумом на правах, установленных вообще для градоначальников в империи, с примечанием их к правам и обязанностям военных губернаторов, управляющих гражданской частью в Закавказском крае.

22. Сухумский городничий и Сухумское полицейское управление состоят в тех же отношениях к начальнику отдела, как городская полиция губернских городов за Кавказом к губернскому начальству.

23. Предметы ведомства Сухумского полицейского управления суть также же, так и уездных полицейских управлений Тифлисской и Бакинской губерний.

П р и м е ч а н и е: На сие же управление возлагается обязанность принимать к совершению и явке разного рода крепостные акты, кроме купчих, закладных и дарственных записей.

24. Окружные начальники суть непосредственные блюстители и хранители спокойствия и законного порядка в округах. Им подчиняются все чины окружных управлений.

25. Начальнику округа предоставляются: а) по внутреннему управлению – права уездного начальника; б) по судебной части – право взыскания по бесспорным обязательствам и договорам всякого рода и на всякую сумму и право решения спорных дел лиц нетуземного происхождения до 100 руб. окончательно; по спорам же свыше этой суммы он отсылает тяжущихся к разбирательству в Главный суд; все же спорные дела, касающиеся туземцев, без ограничения суммы, передает на рассмотрение в Окружной словесный суд; в) по отношению к подчиненным ему военным чинам – право полкового командира.

АЛЫТАИР

П р и м е ч а н и е: Войска, расположенные в округе, обязаны исполнять безотлагательно все требования окружного начальника относительно оказания вооруженного содействия к подавлению восстания и устранению всякого беспорядка, угрожающего нарушением общественного спокойствия.

26. Распределение дел по судебным местам округа и самый порядок судопроизводства, впредь до окончательного преобразования судебной части вообще, устанавливаются на основании особых временных правил.

ПСЗРИ, Т. XLI, ст. 43551, лл. 1022 – 1025.

Документы по истории Грузии. Серия II. Т. I. Ч. I. (под ред. Ш. Чхетия). Тб., 1954, с. 630 – 634.

3.58 Из телеграммы Кутаисского генерал-губернатора Д. И. Святополк-Мирского Наместнику Кавказа вел. князю М. Н. Романову.

Гудауты, 18 августа 1866 г.

Бзыбцы не стреляют… Убежден в необходимости самых решительных мер… Вчера похоронил с почестями мертвых и сжег дома в Соуксу.

Князь Мирский.

ЦГАОР, ф. 649, оп. 1, д. 409, л. 54. Подлинник.

3.59 Показания штатного переводчика управления Сухумского военного отдела милиции поручика Г. Ткецишвили о причинах и ходе восстания в Бзыбской Абхазии[1].

август 1866 г.

Июля 21-го полк. Коньяр отправился в Бзыбский округ и приказал мне сопровождать его. Как я потом узнал, причиною отъезда полк. Коньяра в Бзыбский округ было то обстоятельство, что в имении кн. Иналиповых народ отказался дать сведения по крестьянскому вопросу чиновнику Черепову. Я слыхал, что собирание сведений в Бзыбском округе сначала шло хорошо. Чиновник Черепов сперва начал собирать эти сведения в селе Пицунде, где поселяне дали беспрекословно все требуемые от них показания и объявили себя принадлежащими Пицундскому храму. Потом чиновник Черепов с окружным начальником Измайловым и с судьями отправились в смежное имение кн. Иналиповых. Когда здесь собрались владельцы и подвластные им, то чиновник Черепов сделал подвластным следующий вопрос: «Кому вы принадлежите?». Народ объявил, что они издавна подвластны кн. Иналиповым. Г. Черепов начал укорять их, говоря, что они врут и показывают по наущению князей; что он сам хорошо знает отношения подвластных ко владельцам, обычаи и нравы абхазцев и сем ейный их быт и даже всю подноготную от первой до последней туземной женщины.

В этом разговоре чиновник Черепов употреблял, кроме общих оскорбительных выражений, и частные для кн. Иналиповых так как, например: он говорил, что Иналиповы вовсе не князья, а потомки ахалапшюю (народной старшина), который был выбран их предками старшиною, а теперь присваивают над ними помещичью власть и княжеское достоинство, что слово Инал значит кузнец и предки Иналиповых были ни что иное как простые кузнецы.

Услышав все это князья Иналиповы объявили, что после таких слов чиновника Черепова, они не могут дать никаких сведений, так как он отрицает все их права и объявляет, что сам хорошо знает отношение подвластных к владельцам.

Вслед за тем они ушли домой и просили, чтобы показания были сняты с подвластных.

Окружной начальник Измайлов убеждал г. Черепова не оскорблять князей, собирать сведения миролюбивым путем, но г. Черепов настойчиво, не переменяя своих грубых манер, требовал от окружного начальника, чтобы он принял принудительные меры и заставил население дать требуемые сведения. Г. Измайлов на это не согласился и уехал в Соуксу один, оставив на месте чиновника Черепова. Как только кн. Иналиповы отказались дать сведения, подвластный им народ объявил Черепову, что они не могут дать показаний без присутствия своих владельцев и разошелся по домам. После этого г. Черепов приехал в Соуксу в Окружное управление. Из Соуксу шт. кап. Измайлов и чиновник Черепов донесли полк. Коньяру о таком положении дела.

Между тем известие о том, что в имении кн. Иналиповых народ отказался дать показания и о причинах этого отказа распространилось по всему Бзыбскому округу.

Шт.-кап. Измайлов и чиновник Черепов полагали поправить дело перенесением своего места в другое селение и приступить к собиранию

[1] Сноска приведена из сборника документа «Сельское хозяйство и аграрные отношения». Т. Второй (**Сост.** П. В. Гугушвили). Тб. 1950. С. 554 прим.: «В препроводительном письме этого документа от 21 августа 1866 г. вел. кн. М. Романов военному министру ген.-ад. Милютину между прочим пишет: «…Впредь до сообщения вашему высокпр. подробных сведений по абхазским делам, считаю нужным препроводить к Вам в копии показание переводчика Управления Сухумского военного отдела, милиции поручика Георгия Ткецишвили, бывшего свидетелем событий 26-го июля в дер. Соуксу». На этой бумаге рукою Милютина: «Госуд. имп. изволил читать 1 сентября». (ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, Аз. часть, дело № 54, **док.** на л. 31)… В действительности в связи с восстанием в Абхазии только в 1867 году было выселено в Турцию 3358 семейств (дворов) – 19342 душ (См. С. С. Дмитриев. «Хрестоматия по истории СССР», 1948, М., 3, стр. 238) – (**П. Г.**).

АЛБТАИР

сведений в селении Дврибши, где население считается более послушным начальству.

Как только мы высадились в Гудауте, шт.-кап. Измайлов доложил полк. Коньяру, что народ как дворяне, так и подвластные их собраны в Дврибше, и мы сейчас отправились верхом прямо в это селение. При полк. Коньяре в деревне Дврибше находились: чиновник Черепов, начальник Бзыбского округа Измайлов и окружные судьи. Здесь полк. Коньяр сам объявил собравшимся, что правительство намерено освободить зависимые сословия от свободных и что предварительно до освобождения желает знать, какую повинность несли своим владельцам зависимые от них сословия, прислал чиновника для собирания сведений. Затем объявил: 1-е, что они должны сообщить эти сведения чиновнику Черепову верно со всею точностью, чтобы по ним можно было впоследствии определить выкупную плату зависимых сословий, 2-е, – выкуп должен быть из собственностей зависимых сословий, переоцененной из натуральных повинностей на деньги, но когда этот выкуп последует с соизволения г. и., это ему не известно, однако как бы велика или мала ни была выкупная сумма – она будет с рассрочкою так, что правительство не допустит народ разориться.

Тогда народ отвечал, что это распоряжение и вообще вопрос об освобождении подвластных для них очень рано и есть народы одного с ними состояния по образованию, до которых эти вопросы не коснулись, а именно самурзаканцы и мингрельцы, но если бы даже эти области были уже заняты этим вопросом и уже освобождены у них крепостные, то и тогда бы следовало дать некоторое время Абхазии; однако, и если этого не хотело сделать начальство, то по крайней мере надобно было начать собрание сведений с какого-нибудь конца Абхазии, а не с середины.

Полк. Коньяр приказал им безоговорочно давать Черепову сведения, и что если они добровольно не дадут, он заставит их сделать это силою оружия, но несмотря на угрозы они видимо отказались и даже заметно было, что также прикладывались к оружию.

Потом полк. Коньяр уехал в Сухум. На другой день прибыл к нему Черепов и доложил, что не дают ему никаких сведений. На третий день полк. Коньяр позвал меня в кабинет, где находились только жена его, приказал быть готовым к четырем часам, что он поедет в Бзыбский округ для наказания жителей, но спустя некоторое время, он взял вместо войска только кн. Георгия и Александра Шервашидзе (сына и брата бывшего владетеля), чиновника Черепова и меня и мы приехали в Соуксу. В Соуксу Коньяр тотчас же спросил Измайлова о том, что делается в его округе и последний доложил, что в течении нескольких дней все собираются, начиная от князей до последнего, вместе и намерены высказать вам какие-то народные просьбы и просить вашего ходатайства.

Тогда Коньяр послал Титу Маргания дать знать собравшемуся народу о том, что он приехал и просит прийти к нему и сказать свои намерения. После короткого времени Титу Маргания вернулся обратно и доложил полк. Коньяру, что они просили отложить сбор к нему до завтрашнего утра. Между тем как, по-видимому, Коньяр успокоился, ко мне явился один простолюдин и сказал мне, что сборище в эту ночь намерено напасть на нас и вырезать всех. Я тотчас же секретно доложил о том г. Коньяру, но он рассердившись выгнал меня. Тогда я сказал Измайлову и Измайлов тоже пошел объяснять, что мой доклад не безоснователен, но полк. Коньяр позвал меня вторично и распек меня, что я верю подобной глупости.

На другой день 26 июля полк. Коньяр в 1-м часу пополудни отправился говорить с народом, который собрался со всего Бзыбского округа и численность которого, по моему мнению, можно полагать более 7000 человек. По предложению полк. Коньяра как высший, так и простой класс народа выбрали из среды себя 8 человек[1], которые должны были говорить от имени народа и передать ему желание народа, сам же полк. Коньяр говорил прямо с народом через переводчика. Все эти выборные были из простого народа, т. е. из подвластных. Во время этого переговора полк. Коньяра с народом, на поляне при нем находились: адъютант е. и. выс. в. кн. наместника кавказской гвардии пор. Георгий Шервашидзе, подполк. Александр Шервашидзе, Бзыбский окружной начальник шт.-кап. Измайлов, тит. сов. Черепов, адъютант окружного начальника подпор. Суринович, один хорунжий Кубанского казачьего войска, окружные судьи, подпор. Титу Маргания, дворянин Маги Пшимаер, крестьяне: Иван Годжигарипа и Камгаза Хагба, переводчики: я (пор. Георгий Ткецишвили), корнет кн. Толпар Анчабадзе и дворянин Соломон Лакербая. Полк. Коньяр с находившимися при нем чиновниками стоял на середине, а народ вокруг него.

Сначала стали говорить выборные из народа. Речь держал один из них Шама Осман; он начал говорить, что прежде абхазцы находились под верховною власть турецкого султана и имели своим владетелем кн. Келиш-бея Шервашидзе. Этот Келиш-бей был магометанин и имел большие связи и родство с горскими кавказскими народами и этим самым он охранял народ свой от их нападений. Сын его Сафар-бей принял христианство и подданство российских императоров вместе со своим народом. С этого времени начались частые нападения горцев на Абхазию, так как мы были подданные России, а они воевали с нею, также стесняли нас горцы и при наследнике Сафар-бея Михаиле.

Последние владетельные князья, видя наши стеснения, постоянно обнадеживали нас, что русское правительство скоро покончит с горцами, накажет их и будет милостиво к нам.

В 1864 году г. и. благоугодно было взять из Абхазии владетеля Михаила и здесь установлено было русское управление. При этом нам было объ-

[1] Переводчик пор. Ткецишвили не знает имен и фамилий всех этих выборных личностей, но знает из каких они деревень и помнит их физиономии – (**док.**).

АЛЫТАИР

явлено от имени е. выс. в. кн. наместника кавказского, что правительство будет к нам милостиво и благосостояние наше с каждым годом будет возрастать. Но со вступлением вашим, т. е. полк. Коньяр в управление Абхазиею, вы давите и притесняете нас. Вы подвергаете нас тяжким наказаниям за малейшие наши проступки. Такие взыскания не могут быть налагаемы даже на образованных людей внутри самой России, где преступление делается с полным сознанием и едва ли там народ стерпел бы это, тем более мы не можем выносить этого. Мы народ необразованный и незнакомый с законами русскими и непонимающий взгляда правительства на различного рода преступления. Вы столько стесняли и оскорбляли нас, что сердце наше переполнилось терпением и мы не в силах больше терпеть. Довольно и того, что случилось, не прибавляйте нового огорчения. Мы уверены, что вы любите бога и преданы г. и. и просим вас сжалиться над нами и сохранить нас для г. и., может быть вы действительно желаете нам добра и стремитесь к этому, но по нашему понятию все ваши действия направлены к вреду нашему. Откровенно должны сказать вам, что мы не верим, что г. и. в. кн. наместник кавказский соизволил освободить крестьян в Абхазии таким образом, как вы нам передаете. Мы подозреваем, что вы, сами повели так это дело, чтоб заслужить внимание высшего начальства. Мы знаем, что г. и. всемилостив к подвластным своим народам и желает их благосостояния и мы уверены, что если бы е. в. и августейший брат его в. кн. наместник кавказский знали наше стесненное положение, то обратили бы на нас милостивое свое внимание, облегчили бы тяжкое наше состояние и отсрочили бы у нас разрешение крестьянского вопроса. Как мы слышали, разрешение крестьянского вопроса идет постепенно, сначала в Грузии, потом в Имерети и Гурии; если в этих краях уже окончено это дело, то все-таки еще остается Мингрелия и Самурзакань, где оно должно кончиться раньше нас. При том же мы не понимаем такого освобождения крестьян, как вы нам объясняете. У нас нет собственных средств выкупиться от помещиков, как вы нам предлагаете. В Абхазии и прежде существовал обычай, по которому крестьянин, если хотел откупиться от помещика, оставлял ему часть своего имения и делался вольным. Если правительству угодно освободить крестьян от помещиков, то мы надеемся, что государь будет к нам милостив, обратить внимание на нашу бедность, выкупит нас крестьян, а наших помещиков не оставит без вознаграждения от себя, а не из нашей собственности. Если же этого нельзя сделать, то пусть оставят нас в нынешнем положении и в тех отношениях к помещикам, в каких мы теперь находимся. Наша зависимость от помещиков нисколько не тяжела для нас. Мы просим вас, полковник, позволить нам выбрать из среды нас нескольких личностей и отправить их к в. кн. наместнику кавказскому, которые должны довести до сведения е. выс. нашу просьбу. Если же этого нельзя сделать, то убедительно просим вас не пожалеть для нас лист бумаги и довести нашу просьбу до высшего начальства

и до получения ответа отложить крестьянское дело и оставить нас в покое. Если же просьба наша не будет уважена высшим начальством, то просим Вас испросить нам разрешение выселиться в Турцию.

Эти слова выборного лица были передаваемы полк. Коньяру мною (переводчиком Ткецишвили) по периодам. По произношении каждого периода выборное лицо обращалось к народу с вопросом, так ли я передал ваши мысли. Народ постоянно выражал криками одобрение и согласие. После того, как я (Ткецишвили) потерял голос, ответ полк. Коньяра переводил переводчик корнет кн. Толпар Анчабадзе. Когда и у него отнялся голос от громного разговора, то переводить начал гвардии пор. кн. Георгий Шервашидзе.

Когда выборное лицо кончило говорить, полк. Коньяр дал им ответ следующего содержания:

В Российской империи везде освобождены крестьяне, остались только Самурзакань и Абхазия, где еще не окончено это дело. Государь император желает, чтоб нигде не существовало крепостное право, чтоб жители имели своими господами только бога и государя. Дело это никоим образом не может быть отложено. Никто из нас не знает положительно, когда г. и. благоугодно будет освободить крестьян в Абхазии; сведения же об отношениях подвластных к владельцам собираются раньше с тою целью, чтобы правительство ознакомилось с положением этого дела в Абхазии и на основании этих сведений решило бы крестьянский вопрос. Когда г. и. соизволит освободить крестьян в Абхазии, тогда в скором времени трудно будет собрать эти сведения и потому они должны быть собраны заранее. Для собирания этих сведений присланы из Тифлиса в Абхазию три чиновника, один из них прислан к вам в Бзыбский округ, другой послан в Сухумский, а третий в Цебельду. Когда они окончат свои поручения в этих местностях, тогда приступят к собиранию сведений по крестьянскому делу в Самурзакани. Что же касается до ваших жалоб о строгости наказаний, которым мы вас подвергаем за ваши преступления, то я вам прежде говорил и теперь повторяю, что мы не можем оставить преступление без наказания, чтобы искоренить в крае те беспорядки, воровства, грабежи и вообще самоуправства, к которым вы были приучены прежде и которые разоряют край и составляют причину его крайней бедности.

Правительство наше желает водворить спокойствие в крае, обеспечить собственность и безопасность всех жителей. Оно не может терпеть дурных людей. Вы достойны более строгих наказаний, потому что вы неоднократно давали слово исправиться, а между тем на деле нисколько не исправляетесь; я объявляю всенародно, что буду строго преследовать всех дурных людей и если бы все абхазцы оказались преступными и достойными наказания, то я употреблю все усилия и исходатайствую у высшего начальства разрешение выселить всех их в Россию, а не в Турцию, как это вы желаете; ибо выселиться в Турцию вы сами желаете, а дурные люди достойны, чтобы их

АЛЫТАИР

наказали, а не исполнили их желания. Подозрение ваше о том, что будто я сам без разрешения высшего начальства приступил к собиранию сведений по крестьянскому вопросу, совершенно неосновательно. В Российской империи не может быть никакого важного распоряжения без соизволения г. и.

Что же касается до желания вашего, чтоб вам дозволено было отправить депутацию к в. кн. наместнику кавказскому или доложено было от меня е. выс. высказанная вами просьба, то я должен вам объявить положительно, что этого не сделаю, пока вы сами не исполните приказания е. и. выс. Вы должны беспрекословно исполнить волю е. выс. в. кн., дать сведения по крестьянскому вопросу чиновнику Черепову и приступить к этому делу в моем же присутствии.

Когда же вы исполните мое требование, я со своей стороны после доложу е. выс. наместнику кавказскому вашу просьбу. Воля г. и. должна быть священная и распоряжение августейшего его брата наместника кавказского должно быть исполнено беспрекословно.

Если вы добровольно не исполните этого, я заставлю исполнить его силою. Вам будет плохо, но тогда не пеняйте на меня.

Когда полковник окончил говорить, то выборное лицо обратилось к полковнику со следующими словами: «Нет, полковник, мы не можем исполнить вашего требования, довольно. Сердце наше переполнилось терпением, мы больше не можем терпеть, оставьте нас в покое». При этом он по-русски произнес следующие слова: «Нет, полковник, нет, полковник!». Потом обратился к народу и сказал: «Так ли, ведь вы не соглашаетесь на требования полковника?». Раздался громкий крик всего народа: «Так, мы не соглашаемся».

В это самое время молодой кн. Заурбег Дзапшипа, единственный человек в целой массе народа, который сидел на лошади, произнес обращаясь к народу: «Наступила пора для исполнения нашего замысла».

Народ выхватил ружья и бросился на полк. Коньяра и его окружающих, произошло страшное смятение. Князья и дворяне, стоявшие впереди толпы близ Коньяра, стали между ними и народом и начали кричать народу, как будто желая спасти нас: «Что вы делаете, не губите себя», а нам говорили, «Бегите, спасайтесь, видите, как народ озлоблен на вас». Мы побежали к двухэтажному дому, где остановился Коньяр; князья и дворяне вслед за нами, а затем народ.

Нужно заметить, что этот дом отстоит от того места, где происходили переговоры с народом, на 10 сажень. Как только мы взобрались по лестнице на балкон, раздались выстрелы по нас со всего народа, как со стороны князей и дворян, так и простого класса.

Мы бросились в первую комнату. В этой комнате вместе с полк. Коньяром находились гвардии пор. кн. Георгий Шервашидзе, подполк. кн. Александр Шервашидзе, подпор. Титу Маргания, я (пор. Ткецишвили), шт.кап.

Измайлов, подпор. Суринович, тит. сов. Черепов, хорунжий Кубанского казачьего войска, дворянин Соломон Лакербая, армянин Оганес Кот-оглы, который был в Соуксу по торговым делам и случайно попал в сумятицу. Во время пребывания в первой комнате полк. Коньяр обратился к подпор. Титу Маргания и просил его спросить народ, что это они делают.

Один из толпы закричал: они стреляют за то, что арестанты понапрасну заключены в тюрьме и требовал, чтобы они были выпущены на волю. Полк. Коньяр приказал Измайлову бросить народу ключ от тюрьмы и вместе с тем отдал приказание, чтоб казаки сняли караул с тюрьмы и не стреляли в народ. Четыре казака, караулившие тюрьму, оставили свой пост и бросились к нам в комнату. Стрельба по нас все это время продолжалась. Мы перешли из первой комнаты, где было очень опасно, во вторую, а оттуда в третью, где было более безопасно. Между тем народ бросился в первые две комнаты, умертвил денщика полк. Коньяра, повара и денщика шт.кап. Измайлова, четырех казаков и начал грабить вещи полк. Коньяра, шт. кап. Измайлова и других лиц. В это самое время происходила стрельба по кубанским казакам, которые находились при Бзыбском окружном управлении. Сначала казаки не стреляли, как им было приказано от полк. Коньяра, но когда абхазцы начали стрелять но ним, они бросились в конюшню и оттуда начали в свою очередь стрелять в народ. В этой перестрелке они положили около 20 человек абхазцев. Тогда абхазцы подожгли конюшню. После того как пламя обняло это строение, казаки начали выбегать из него, но почти все поодиночке были перебиты ружейными выстрелами, спаслись только один офицер и 4 или 5 казаков, которым удалось пробраться из конюшни в древнюю соусксинскую каменную церковь и, как говорят, до сих пор еще живы и скрываются в ней. Кроме этих казаков еще два успели убежать из Соуксу в Гудауты и оттуда на баркасе прибыли в Сухум. Стрельба в нашу комнату со двора продолжалась во все это время. Пули через окна сыпались градом в нашу комнату, но никого не моли ранить. Кн. Георгий Шервашидзе подошел к окну и закричал оттуда народу: «Что вы делаете сумасшедшие, зачем вы убиваете нас?». Из народа несколько голосов отвечали: «Это тризна по твоем отце, ты должен радоваться этому, а не жалеть». Ограбивши две первые комнаты, толпа подошла к дверям нашей комнаты, которая была заперта нами и стала требовать выдачи кн. Георгия. Сначала полк. Коньяр не отпускал его, но потом отпустил и поручил ему успокоить народ. Как только вышел кн. Георгий, народ поднял его на руки и понес на поляну. Вслед за ним начали требовать кн. Александра Шервашидзе и подпор. Титу Маргания, которые были также отпущены полк. Коньяром. Когда эти лица были выведены из комнаты, народ стал вламываться в дверь и требовать от нас, чтобы мы отворили дверь и вышли во двор, – в противном случае угрожали сжечь дом. Так как мы не тронулись с места, то народ стал ломать дверь, но она была очень крепка и потому сначала успели вы-

АЛЫТАИР

ломать только одну ореховую квадратную доску, которая была вставлена по середине ее, после этого начали стрелять в комнату, из этого отверстия, но никого не могли ранить. Утомленные криками и волнением некоторые из нас выползли из выломанного отверстия к народу.

Так поступили подпор. Суринович, хорунжий Кубанского казачьего войска и тит. сов. Черепов. Все они безжалостно были умерщвлены народом. Потом толпа настойчиво требовала, чтоб и мы вышли из комнаты, но так как мы не трогались с места, то с особенною силою стала ломать дверь и наконец успела выломать ее совсем и ворваться в нашу комнату. Впереди толпы шли два брата дворяне Эльмурза и Пшмаф Маргания. Они подошли с обнаженными кинжалами прямо к полк. Коньяру и нанесли ему смертельные удары; толпа же бросилась на Измайлова и умертвила его[1].

В эту самую сумятицу вбежали в нашу комнату родные братья и родственники Соломона Лакербая, увидели его за дверью, взяли его, а также и меня по его просьбе. Вслед за ними вышел из той комнаты армянин Оганес Кот-оглы.

Окруженные дворянами Лакербаями, мы были невредимо проведены сквозь толпу, прошли некоторое пространство, а потом сели на лошадей, которые приготовлены (были) дворянами Лекербаями и прибыли в дом Соломона Лакербая в деревню Дврибши.

Кн. Георгий Шервашидзе, узнав, что мы спасены, прислал мне секретно бумагу и просил поскорее отправиться в Сухум и доставить ее кутаисскому генерал-губернатору кн. Святополк-Мирскому.

В эту же самую ночь я и Соломон Лакербая отправились в Гудауты, там сели на турецкую фелюгу; на море вскоре мы встретили пароход «Редут-Кале», идущий из Сухума в Гагры, пересели в него и на нем на другой день прибыли в Сухум.

Бумагу от кн. Георгия Шервашидзе к ген-ад. кн. Святополк-Мирскому я передал полк. фон-Кульману в Сухуме.

ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, Аз. ч., д. 54, лл. 32 – 47. Копия.
ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 74, лл. 32 – 47 об. Фотокопия.
Документы по истории Грузии. Серия II. Т. I. Ч. I. Тбилиси, 1954, с. 60 – 68.

3.60 Из телеграммы Александра II наместнику Кавказа вел. князю М. Н. Романову.

Петровский Дворец, 22 августа 1866 г.

Известия из Абхазии меня крайне огорчают. Надеюсь, что все меры будут приняты для водворения порядка.

Александр.

ЦГАОР, ф. 728, д. 2732/а, лл. 233. Подлинник.

[1] Полк. Коньяр и ш. кап. Измайлов были умертвлены вечером перед закатом – (**док.**).

3.61 Телеграмма Главнокомандующего Кавказской армией вел. князя М. Н. Романова военному министру Д. А. Милютину.

Боржом, 24 августа 1866 г.

В наказание за возмущение признал полезным для примера один Кайтахский аул до 200 обоего пола выселить немедленно в Россию и направил их в Астрахань. Прошу исходатайствать Высочайшее утверждение, а также по соглашению с министром внутренних дел, разрешение водворить ссылаемых в одно из отдаленных губерний, кроме сибирских. Ту же меру нахожу полезною относительно абхазцев – испрашиваю разрешения выселить, если по ходу дела признается нужным, до тысячи семейств отправляя партиями морем на Ростов.

Михаил.

Высочайшее повелено исполнить
Д. А. Милютин, 27 августа.

ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 74, л. 3. Фотокопия.

3.62 Из письма Наместника Кавказа вел. князя М. Н. Романова Кутаисскому генерал-губернатору Д. И. Святополк-Мирскому о наказании Бзыбских повстанцев.

Боржом, 24 августа 1866 г.

Желал бы в отношении бзыбцев так поступить: по отобрании у них всего оружия, применить к ним, хотя частично, ту меру, которая исполнена была ныне с аулом в Кайтаге Шеляги, т. е. сожжение аула и поголовное выселение в Россию (шелягинцы уже отправлены). Не найдете ли возможным и полезным хотя несколько или даже одну деревню в Соуксу или окрестностях немедленно сжечь и отправить в Ростов? Убежден, что подобные меры сильнейшим образом подействуют на все абхазское население… Хорошо бы кажется было всех остальных бзыбцев тоже немедленно выселить… в Ставропольскую губернию…

Весьма важно раскрыть истинные причины восстания! По всем слухам, доходящим ко мне с разных сторон, дело возмущения (не убийства) готовилось уже давно и скрытно; Абхазия кипела, не доставало только удобного повода… крестьянский вопрос послужил этим недовольным… Старосельскому поручено подробно переговорить с Вами о дальнейшем ходе крестьянского дела в Абхазии. В виду случившихся прискорбных событий считаю совершенно невозможным приостановить собрание сведений по этому вопросу

ЦГАОР, ф. 649, оп. 1, д. 230, лл. 9 – 11. Копия.

АЛЫТАИР

3.63 Отношение и. д. Тифлисского коменданта Начальнику Кавказского горского управления Д. С. Старосельскому об аресте трех активных участников восстания в Абхазии.

Тифлис, 26 августа 1866 г.

Преступники, участвовавшие в Абхазском возмущении, а именно жители Бзыбского округа Учан Дзяпш Ипа и Наурыза Шакрыла и Абживского округа Мисоуста Пилиа, в город Тифлис ко мне доставлены, помещены в Метехском замке каждый в отдельной камере для содержания под арестом, сделано распоряжение иметь за ними строгий и внимательный надзор и не дозволять им между собою и ни с кем посторонним переговаривать и переписываться.

И. д. тифлисского коменданта подполк. (подпись).

ЦГИАГ, ф. 545, 1866 г., д. 2784, л. 53. Подлинник.

3.64 Телеграмма военного министра Д. А. Милютина Наместнику Кавказа вел. князю М. Н. Романову.

27 августа 1866 г.

Высочайше разрешено предположенное Вашим Высочеством выселение из Кайтаха и Абхазии привести в исполнение. Надлежащия распоряжения по министерствам внутренних дел и государственных имуществ будут сделаны.

Милютин.

Верно.

ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 74, л. 16. Фотокопия.

3.65 Из письма Кутаисского генерал-губернатора Д. И. Святополк-Мирского Наместнику Кавказа вел. князю М. Н. Романову об обезоружении населения Абхазии.

Сухум, 30 августа 1866 г.

… Высадив десант у Псырта, я сам прибыл в Гудаут 16-го августа и 17-го двинулся в Соуксу для похорон и сожжения домов, где происходило происшествие… Жителям было приказано встретить войска без оружия, что ими исполнено… Сожжение домов сделало большое впечатление и привлекло толпы жителей…

В настоящее время дело находится в следующем положении: почти все жители Бзыбского округа выдали оружие, ружей принято от них около трех тысяч. Нет сомнения, что некоторые спрятали оружие, против этого принимаются административные меры…

Кончив в Бзыбском округе, я намерен послезавтра приступить к обезоружению той части Сухумского округа, которая приняла участие в возмущении, т. е. до Кодор. Вместе с сим будет объявлено всем жителям Сухумского военного отдела строгое приказание, под опасением ссылки ходить и ездить с огнестрельным оружием…

ЦГАОР, ф. 649, оп. 1, д. 409, лл. 60 – 69. Подлинник.

3.66 Из телеграммы Кутаисского генерал-губернатора Д. И. Святополк-Мирского Наместнику Кавказа вел. князю М. Н. Романову.

Поти, 1 сентября 1866 г.

Обезаружение Бзыбского округа окончено. Завтра приступаю к обезоружению Сухумского до Кодора. В Цебельде думаю обезоружить несколько деревень[1], прилегающих к Сухумскому округу…

Князь Мирский.

ЦГАОР, ф. 649, оп. 1, д. 409, л. 71. Подлинник.

3.67 Предписание наместника кавказского М. Н. Романова Кутаисскому генерал-губернатору Д. И. Святополк-Мирскому об организации следственной комиссии по выяснению причин восстания в Абхазии и привлечении к уголовной ответственности участников восстания.

6 сентября 1866 г.

Известясь из донесений в. с-ва и из доклада помощника моего ген.-ад. Карцова, об результате мер, принятых вами для подавления мятежа в Сухумском отделе, считаю приятным долгом выразить вам искреннюю мою признательность за ваш благоразумный и зрело обдуманный образ действий, благодаря чему как водворение в стране нарушенного порядка, так и выполнение такой важной правительственной задачи, как общее обезоружение виновного в мятеже населения достигаются и почти уже окончательно достигнуты без того, чтобы население сочло возможным оказать какое-либо вооруженное сопротивление, при котором достижение тех же результатов потребовало бы, конечно, гораздо большего времени и стоило бы правительству лишних пожертвований.

Общее обезоружение горских населений нужно естественно считать одною из вернейших гарантий для сохранения в этих обществах спокойствия и для предупреждения прискорбных событий, подобных случившемуся

[1] Было обезоружено всего 500 дворов (см. ЦГАОР, ф. 649, оп. 1, д. 409, л. 72) – (Г. Д.).

АЛЫТАИР

в Абхазии. С этой точки зрения было бы может быть уместно воспользоваться настоящим положением дел для того, чтобы меру эту распространить на все население Сухумского отдела, или, по крайней мере, на все, за исключением Самурзакани, не принимая в соображение, что к жителям Бзыбского округа обезоружение применяется как вид наказания, а не как мера политической предосторожности, я нахожу что сравнение в настоящем случае с населением, виновном в возмущении, тех жителей, которые не приняли в нем участия, а тем более тех, кои употребили оружие не против, а для защиты правительственных интересов, могло бы быть перетолковано, как доказательство того, что правительство не ценит оказываемых ему заслуг и преданности и поступает одинаково стнеснительно с людьми верными, как и с людьми ему враждебными, а равно могло бы всеми остальными горскими населениями на Кавказе быть сочтено знаком принятого правительством решения подвергнуть их всех обезоружению и послужит поводом, если не к общему восстанию, то к серьезным частным беспорядкам в различных частях края, а потому я признаю необходимым ограничиться отобранием оружия в Абхазии только от жителей Бзыбского и тех селений Сухумского округа, которые участвовали в возмущении; а равно в Цебельде не отбирать оружия от жителей Дала и от тех семейств собственно Цебельды, члены которых были в составе милиции, собранной кн. Хирипсом Маршания и сохранившей верность правительству. Всем этим семействам должны быть на право сохранения у себя огнестрельного оружия выданы билеты за подписью окружного начальника с прописанием в каждом билете наличного числа ружей и пистолетов. Больше этого числа означенные семейства оружия приобретать не должны.

Что касается до того, следует ли за тем жителям Абхазии и Цебельды (с Далом), которые на основании вышеизложенного будут избавлены от обезоружения, сохранить право не только иметь, но и носить оружие, то решение этого вопроса я представляю ближайшему вашему усмотрению, сообразно с теми данными, которые вы извлечете на месте для этого решения. Желательно, конечно, достигнуть того, чтобы и это население перестало носить оружие, но я полагаю, что в настоящее время по тем соображениям, которые изложены выше, мера эта может быть объявлена к исполнению только в том случае, если по настроению умов можно будет заключить, что она не возбудит особенно сильного неудовольствия и раздражения и что население, которое ей подвергнется, будет видеть в этой мере все-таки существенную разницу от совершенного отобрания оружия. Во всяком случае однакоже, население это, все без исключения (кроме служащих милиционеров и лиц, имеющих офицерские чины) не может вовсе носить огнестрельное оружие, при посещении тех местностей, жителям которых запрещено иметь оное. Применение этого правила к Цебельде представляю ближайшему вашему усмотрению.

Жителям тех мест, кои подверглись уже, или должны подвергнуться обезоружению, должно быть от имени моего объявлено, что не только за ношение оружия, вопреки настоящему запрещению, но и за утайку у себя оружия и невыдачу оного сполна виновные будут немедленно высылаемы для поселения в Россию.

Прошу в. с-во строго наблюсти, чтобы это объявление не было одною пустою формальностью и угрозою, а было точно и неуклонно выполняемо. Разрешаю вам, по вашему усмотрению, назначить срок представления оружия, которое могло быть скрыто жителями, выдача оружия в течение этого срока должна избавить владельцев оружия от наказания. После же этого срока должно быть преступлено к поверке и к отысканию, не только явными, но и тайными способами сокрытого оружия и, в случае обнаружения хотя одного ружья или пистолета в каком-либо семействе, все это семейство без исключения должно быть немедленно отправлено в Ростов, впредь до дальнейшего с моей стороны распоряжения. Для того, чтобы больше гарантировать полную выдачу оружия, надлежит в каждой общине назначить особых ответственных старшин, из которых каждое должно отвечать за 15 или 20 семейств своих соседей. Эти лица обязаны доставить окружным управлениям, или кому от вас поручено будут, сведение, какое именно семейство сколько сдало и кто не сдал оружия, открытие утаенного оружия кроме ссылки владельцев оного, должно подвергать наказанию, и того старшину, под чьим наблюдением виновные находились, за первый случай денежному взысканию или аресту, а за второй – ссылке в Россию (на срок, без семейства).

По прошествии некоторого времени, когда в. с-во будет считать отобрание оружие делом оконченным, прошу вас представить ведомость, в которой отдельно по каждой общине показать численность населения по семейственно и по душам сданного оружия.

Из отобранного оружия, в. с-во прикажите выбрать от ста до 200 (по вашему усмотрению) ружей и настолько же пистолетов и передадите их в распоряжение начальника Сухумского отдела, для выдачи их, в качестве казенного оружия, служащим при управлении отдела милиционерам, а также и караульным командам, в случае их сформирования. Для караульных и для пастухов может быть дозволено в каждой общине оставить несколько ружей, с выдачей на каждое ружье особого билета из окружных управлений. Сколько именно будет таким образом оставлено оружий, вы прикажете отметить в упомянутой выше ведомости.

Все остальное затем сданное жителями оружие в. с-во распорядитесь отправить в Тифлисский арсенал, где с ним будет поступлено на основании указаний, которые от меня последуют.

Независимо от отобрания оружия, которое послужит наказанием для всего виновного в мятеже населения, должны, само собой разумеется, под-

АЛЫТАИР

вергнуться наказанию смертной казнью или ссылке в арестантские роты или на житье в Сибирь и в Россию, те лица, которые по расследовании окажутся наиболее виновными как в непосредственном участии в преступных действиях, коими обнаружилось возмущение, так и в подстрекательстве к этому возмущению. Полагаю необходимым показать в этом случае самую большую строгость для того, чтобы и справедливо воздать виновным за совершенное ими злодейство, и произвести на умы возможно большое нравственное впечатление. Для такого расследования тайных участников преступления и степени виновности каждого из них, поручаю вам составить особую следственную комиссию, под председательством одного из штаб-офицеров по вашему выбору. Хотя очень желательно было бы, чтобы наказание виновных, в особенности тех из них, кои подлежат смертной казни, совершилось как можно скорее, но так как показания их могут быть необходимыми Комиссии для обнаружения других виновных, то наказание следует привести в исполнение только тогда, когда после подробных опросов главных преступников и сличения показания их с показаниями других опрошенных лиц, Комиссия удостоверится, что нет особой необходимости в дальнейшей отсрочке казни преступников. В этом случае по обнаружении следствием несомненных доказательств совершения виновными таких преступлений, которые должны подвергнуть их смертной казни, я предоставляю вам таких виновных предавать немедленно суду по полевому уголовному уложению и, утверждаю вашей властью приговоры суда, тотчас не приводить их в исполнение. Затем, по окончании следствия, на возможно скорейшее производство которого прошу вас обратить все ваше внимание, дав Комиссии все нужные средства, в. с-во доставите мне следственное дело с выпиской из оного и с мнением вашим о том, кого из виновных следует предать суду и кого подвергнуть наказанию без суда административным порядком, в отношении последних лиц в. с-во представите и мнение ваше о самом размере взысканий, которым следует их повергнуть. Упомянутая выше Комиссия, по самому свойству своего назначения, долженствующая руководствоваться только точными данными и только их одни, без всяких своих соображений и догадок, представить на усмотрение начальства, естественно обратить внимание на расследование преимущественно самого факта возмущения и фактического проявления преступности, участвовавших в нем лиц, касаясь только видимых ближайших причин восстания. Но так как я считаю весьма важным, для соображения для будущей правительственной деятельности в Сухумском отделе знать, не было ли кроме последних частных поводов, вызвавших возмущение, каких-либо других, обусловивших оное причин, как лежащих в самом существе отношений, в которые поставлено было правительству абхазское население, со времени введения непосредственного русского управления (напр. в свойстве общественного устройства и сословных отношений и в несоответственности их

с теми началами, на которых основана система нашей администрации, в недовольстве некоторых сословий вследствие потери прежних прав, основанных на силе и произволе, и пр.), так и причин порожденных влияниями случайными, независимыми от самой сущности положения дел (напр. происками каких либо партий или отдельных личностей, живущих внутри или действующих извне страны, частными ошибками административных лиц, различными неблагоприятными слухами о видах и намерениях правительства и пр.) словом, так как я считаю полезным выяснить по возможности характер и смысл восстания и всю совокупность причин, породивших оное, то и прошу в. с-во для этого расследования и представления мне соображений, к которым могут привести имеющие обнаружиться факты, составить особую комиссию, независимо от той, которая будет назначена собственно в видах предания виновных суду и подвергнутия их наказанию. Обе комиссии имеют предметом своих занятий одно и то же дело: расследование восстания, но конечные цели, к коим они должны придти, различны: одна должна расследовать только степень участия разных лиц в преступных деяниях, коими проявилось восстание, представляя начальству только одни факты, открытые следствием; другая – руководствуясь равным образом фактами, которые разными путями и из разных источников собирет сама, должна из всестороннего обсуждения и критического разбора этих фактов вывести соображения свои, не о степени виновности лиц, а о сущности побуждения, руководивших виновными лицами причин восстания. Свойство этого последнего поручения требует внимания при выборе лиц, на которых оно будет возложено.

Полагаю, что состоящий временно в вашем распоряжении, ген. штаба подполк. Павлов удовлетворяет всем условиям такого назначения, а потому прошу вас возложить на него звание председателя комиссии, в число членов представляю в. с-ву назначить одно из лиц по вашему усмотрению, но если не встретится особых препятствий, то я бы очень желал, чтобы вы избрали для этого подполк. гр. Кутайсова, затем я назначаю в состав комиссии еще адъютанта моего шт.кап. Толстого.

Труды комиссии, по окончании поручения ее, в. с-во представте мне с вашим заключением.

Для полноты единства дела было бы удобнее всего возложите исследование причин восстания на ту же комиссию, которая будет собирать фактические доказательства виновности участников преступления, но я не делаю этого собственно в том предположении, что производство этого последнего расследования, требующее соблюдение всех форм и обрядностей и выяснения дела до юридической точности, может продлиться долго и на все это время отвлечь подполк. Павлова и гр. Кутайсова от других лежащих на них обязанностей. Тем не менее, если бы по ближайшему соображению вашему, вы признали на то время, пока исследования причин восстания будет требо-

АЛЫБТАЙИР

вать пребывания обоих означенных штаб-офицеров в Сухуме, слить обе комиссии в одну под председательством подполк. Павлова, то разрешаю вам исполнить это, с тем, чтобы подполк. Павлову предоставлено было только направлять действия комиссии собственно по формальному исследованию степени виновности лиц, и принимать участие в самом производстве занятий комиссии только в тех случаях, когда по важности предмета занятий этой он признает это нужным, а в остальное же время комиссия производит допросы под председательством другого лица по вашему усмотрению. В случае отъезда подполк. Павлова ранее совершенного окончания формального следствия, это лицо может быть назначено председателем комиссии. В действиях своих обе комиссии, будут ли они существовать отдельно или сольются в одну, – должны подчиниться непосредственно в. с-ву и я предоставляю вам самим определить отношения их к начальству Сухумского отдела.

В заключении, имея в виду, что по важности и многосложности обязанностей ваших, по званию генерал-губернатора, едва ли вы будете иметь возможность оставаться в Сухуме столько времени, сколько нужно для окончательного приведения в исполнение всех мер военного характера, могущих потребовать поддержки военной силы, как-то окончательного отобрания оружия, поимки и наказания преступников, возвращения на места жительства или ссылки в Россию тех жителей, кои по всей вероятности еще скрываются в лесах и горных трущобах, и пр., признаю полезным оставить в Абхазии ген. м. Геймана с отрядом его, возлагая исполнение всех исчисленных выше мер и вообще сохранение спокойствия в стране на прямое его попечение и ответственность. В. с-во снабдите ген. Геймана нужными инструкциями для выполнения его поручения и возложите на обязанность местного начальства Сухумского отдела доставлять ген. Гейману все нужные сведения и оказывать ему полное содействие, причем собственно по выполнению исчисленных выше военных мер, окружные управления должны быть поставлены ген. Гейману в полную подчиненность.

ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, д. 2784, лл. 60 – 73.
Документы по истории Грузии. Серия II. Т. I. Тбилиси, 1954, с. 68 – 74.

3.68 Письмо министра внутренних дел военному министру Д. А. Милютину.

12 сентября 1866 г.

Господину военному министру!

По поводу ходатайства Его Императорского Высочества Наместника Кавказского о высылке с Кавказа в Астрахань жителей Кайтахского аула в числе 200 душ обоего пола для водворения в одной из отдаленных губер-

ний, кроме Сибирских, а равно о выселении из Абхазии до 1000 семейств, если по ходу дел, это признается нужным, Ваше Высокопревосходительство от 28 минувшего Августа за № 91, изволили сообщить мне, для определения мест водворения выселяемых горцев, по взаимному соглашению с министром государственных имуществ, что Государь Император Высочайшее повелеть соизволил: предположенное Великим Князем Наместником выселение привести в исполнение, с тем, чтобы для водворения ссылаемых были выбраны места для Кайтахцев – в приволжских южных губерниях, а для абхазцев преимущественно в Новороссийском крае.

Генерал-Адъютант Зеленый в своем отзыве ко мне по настоящему предмету, находит, что помянутые 200 душ направляемые с Кавказа в Астрахань в виду объясненной Его Императорским Высочеством необходимости в немедленном их выселении, удобнее всего водворить на имеющихся в Царевском уезде Астраханской губернии свободных участках казенной земли.

Что касается Абхазцев, то принимая во внимание, что Великий Князь Наместник не выразил необходимости неотложной их высылки и что, при отправлении переселенцев всегда наблюдалось, чтобы выпускать в путь с таким расчетом времени, чтобы они, по прибытии на новые места водворения, могли немедленно приступить к обрабатыванию полей и постройки для себя домов, Министр Государственных Имуществ полагает полезным, применив этот порядок к Абхазцам, приступить к выселению их, – если только это выселение будет признано нужным, – с открытием будущей весной и отправлять их в путь партиями.

Разделяя с своей стороны, таковое мнение генерала Зеленого и уведомляя о сем Ваше Высокопревосходительство, в ответ на помянутое отношение за № 91, я имею честь покорнейше просить Вас, не изволите ли, Милостивый Государь, почтить меня предварительным сообщением, когда именно будут отправлены с Кавказа предположенные к переселению горцы для своевременных со стороны Министерства Внутренних Дел распоряжений, о содействии подлежащих начальств к успешному доставлению сих переселенцев в места назначения и учреждению за ними надлежащего надзора со стороны местных полиций.

Министр Внутренних Дел,
статс-секретарь

ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 74, л. 55 – 56 об. Фотокопия.

АЛБТАИР

3.69 Телеграмма Наместника Кавказа вел. князя М. Н. Романова военному министру Д. А. Милютину.

Кутаис, 12 сентября 1866 г.

Нахожу необходимым теперь же адъютанта моего князя Шервашидзе[1] отчислить от должности, с зачислением по армейской пехоте тем же чином. Прошу исходатайствовать Высочайшее разрешение и уведомить по телеграфу. О дальнейшей судьбе Шервашидзе буду в последствии подробно писать.

Михаил.

Верно:

ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 74, л. 52. Фотокопия.

3.70 Телеграмма военного министра Д. А. Милютина Наместнику Кавказа вел. князю М. Н. Романову.

13 сентября 1866 г.

Высочайше повалено отчислить князя Шервашидзе от должности Адъютанта с оставлением по армейской пехоте тем же чином.

Д. Милютин.

Верно: коллежский советник Акимов.

ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 74, л. 53. Фотокопия.

3.71 Справка о Г. М. Чачба – Шервашидзе.

13 сентября 1866 г.

При Его Императорском Высочестве Главнокомандующем Кавказскою Армиею состоит Адъютантом Поручик л.-гв. Преображенского Князь Георгий Шервашидзе, имеющий старшинство в этом чине, полученном за отличие в делах против горцев с 19 февраля 1865 года.

По формуляру показывается сыном Владетеля Абхазии Генерал-Адъютанта Князя Шервашидзе, родившимся в сентябре 1846 г. и зачисленным л.–гв. в Преображенский полк прапорщиком 1 января 1847 года. Имеет орден Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом, которым награжден в 1864 году.

ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 74, лл. 54 – 54 об. Фотокопия.

[1] Имеется в виду Георгий Чачба – Шервашидзе – сын последнего абхазского владетеля – (**сост.**).

3.72 Рапорт Кутаисского генерал-губернатора Д. И. Святополк-Мирского Наместнику Кавказа вел. князю М. Н. Романову о ходе и подавлении восстания в Абхазии.

13 сентября 1866 г.

25-го июля на Квирильской станции в присутствии в. и. выс. правитель канцелярии начальника Сухумского военного отдела майор Красницкий вручил мне рапорт полковника Кониара от 23-го июля[1] № 1666, в копии при сем прилагаемый, с неожиданным известием об отказе зависимых сословий Бзыбского округа давать показания чиновнику, посланному от Горского управления для собрания сведений об отношениях их к владельцам. В ответ на это донесение, в тот же день вечером с разрешения в. и. выс. было мною предписано полковнику Кониару не настаивать на требовании от жителей Бзыбского округа показания по вопросу об освобождении подвластных сословий до прибытия в Абхазию достаточной военной силы, для прекращения всякого непослушания. Вместе с сим, сопротивление, выказанное зависимыми сословиями против меры, подготавливающей их освобождение, показалось фактом столь необыкновенным, что в. и. выс. угодно было вытребовать тотчас из Тифлиса в Боржом начальника Горского управления полковника Старасельского, с целью послать его в Абхазию для разъяснения очевидного недоразумения в этом деле.

Между тем события в Абхазии устремились быстро к страшной катастрофе.

24-го июля полковник Кониар получил рапорт исправляющего должность начальника Бзыбского округа штабс-капитана Измайлова от 23-го числа того же месяца[2], в копии при сем прилагаемый, с известием, что жители Бзыбского округа собираются с явным намерением взбунтоваться. Положение было весьма затруднительное. При возмущении Бзыбского округа нельзя было ручаться за спокойствие и в других округах Абхазии и Цебельды.

Окружное управление и сотня казаков, расположенные в Соуксу, должны были сделаться первыми жертвами восстания, войска же находящиеся в Сухуме (шесть рот самого слабого состава) были даже недостаточны для защиты этого открытого и разбросанного города.

Сообразив все эти обстоятельства, полковник Кониар с свойственным ему самоотвержением и энергиею, решился на отчаянный поступок, который при некоторых благоприятных случайностях, мог увенчаться полным успехом. Взяв с собою находившихся тогда в Сухуме князей Георгия и Александра Шервашидзе (сына и брата бывшего владетеля Абхазии), он 25 июля отправился на пароходе в Гудауты и оттуда в Соуксу. Без сомнения он надеялся посредством личного своего влияния и присутствия уважаемых по преданию в народе

[1] См. данное издание **док.** № 46 – (**сост.**).

[2] См. данное издание **док.** № 44 «Из письма и. д. Начальника Бзыбского округа З. Измайлова и.д. Начальника Сухумского военного отдела полковнику В. М. Коньяру об отказе населения дать сведения». Этот документ датирован 19 июля 1866 года и отправлен из с. Лыхны - (**сост.**).

АЛЫТАИР

князей Шервашидзе не только остановить начинавшееся возмущение, но и заставить жителей Бзыбского округа немедленно исполнить приказание начальства. К утру 26-го июля в Соуксу собрались все жители округа с оружием в руках. Происшествия этого несчастного дня известны нам лишь из показаний переводчиков, некоторых абхазцев, одного писаря и уцелевших казаков; к сожалению эти последние были удалены от дома, занимаемого Окружным управлением и места народного сборища и мало что знают. Показания всех этих свидетелей весьма неполны и часто противоречат одно другому в подробностях. Можно однако же из всего заключить, что 26 числа после полудня полковник Кониар, сопровождаемый князьями Шервашидзе, чинами управления и окружными судьями, вышел к собранной толпе для объяснений. Выборные от зависимых сословий в длинной речи объявили от имени народа причины их неудовольствия и, настаивая в особенности на невыгоде для зависимых сословий выкупаться от владельцев своими собственными средствами, просили остановить все меры, клонящиеся к их освобождению и дозволить им отправить депутацию к в. и. выс. для объяснения своего положения, или же отпустить их поголовно в Турцию. Когда на заявление это полковник Кониар ответил, что он может дозволить им отправить депутацию к высшему начальству и даже сам готов ходатайствовать по их делам, но что прежде всего они должны исполнить приказание начальства и давать немедленно требуемые показания, вдруг в толпе раздался выстрел и один голос закричал[1] по абхазскому обычаю тревогу. Толпа выхватила ружья из чехлов и начала стрелять. Тогда полковник Кониар с вышеупомянутыми лицами и под защитой некоторых лиц высшего сословия, отступил в дом бывшего владетеля.

Вооруженная толпа бросилась прежде всего на дом, занимаемый гауптвахтою, где освободила арестантов, а затем атаковала казачью сотню, успевшую по тревоге выстроиться возле конюшни. Когда при этой атаке был убит казаками один из дворян Марганиевых, родственники и подвластные его бросились на дом бывшего владетеля. Что тут происходило трудно узнать наверное. Ясно только, что постепенно были выведены из дома все те, которых хотели пощадить по каким-нибудь причинам, а остальные убиты. Таким образом погибли исправляющий должность начальника Сухумского военного отдела полковник Кониар, исправляющий должность начальника Бзыбского округа штабс-капитан Измайлов, адъютант окружного управления подпоручик Суринович, титулярный советник Черепов, их прислуга и несколько казаков. По сведениям главными убийцами были Эльмирза Маргани[2], Шмаф Маргани, Тамшир Маргани[3], Заурбек Дзяпш-ипа, Татластан Лакербай[4] и некоторые из их подвластных.

[1] Как уверяют единогласно, первый выстрел был сделан жителем деревни Эшери Заурбеком Дзяпш-Ипа и закричал тревогу житель деревни Псырт Лаз Гандал – (**док.**).

[2] Ранен впоследствии при нападении на Сухум – (**док.**).

[3] Ранен впоследствии при нападении на Сухум – (**док.**).

[4] Убит при нападении на Сухум – (**док.**).

Казачья сотня, видя невозможность сопротивления против огромной массы народа в открытом поле, вошла в конюшню, и оттуда отстреливалась. Вскоре однако бунтовщики подожгли конюшню и казаки перешли, защищаясь, в старый каменный дом бывшего владетеля Абхазии, где и оборонялись до вечера. Ночью они перебрались в каменную церковь и там в сравнительной безопасности провели двое суток. Впоследствии они спасены и доставлены в Сухум женою князя Александра Шервашидзе.

В сотне убито офицеров 2, урядников 2, казаков 48, кроме раненных, которые впрочем все выздоравливают. Спаслись: 1 офицер, 2 урядника и 53 казака.

В тот же день 26-го, после происшествия в Соуксу, шайка мятежников напала на Гудаутский таможенный пост, ограбила его и успела убить трех человек команды, часть команды и таможенный чиновник спаслись на баркасе, а часть скрылась в турецких лавках и впоследствии была доставлена в Сухум. Стоявшая в Гудаутах шхуна «Соуксу», на которой прибыл полковник Кониар, артиллерийским огнем прикрыла отступление баркаса и поспешила немедленно в Сухум дать знать о случившемся.

Таким образом 26-го перед вечером было получено в Сухуме известие о возмущении в Бзыбском округе и предстоящем нападении на город. Бунтовщики еще 26 двинулись с этой целью к Сухуму, но были задержаны разлитием реки Гумисты и поспели только 27-го.

Из рапорта полковника Кульмана от 31-го июля[1] № 4 в подлиннике представленного в. и. выс., известны подробности геройской защиты Сухумского гарнизона. В рапорте этом полковник Кульман забыл только упомянуть о своих заслугах. Можно утвердительно сказать, что случайному присутствию этого испытанного в боях штаб-офицера Сухум обязан своим спасением.

Возмущение Бзыбского округа незамедлительно отразиться в Сухумском округе и в Цебельде. При нападении на Сухум 27 июля, судьи и старшины Сухумского округа находились еще при окружном начальнике майоре Бутми-де-Кацмане и некоторые из них принимали даже участие в защите города, но полковник Кульман, принимая во внимание малочисленность гарнизона и опасаясь измены, приказал удалить из Сухума всех абхазцев. Тогда часть народонаселения Сухумского округа до р. Кодор более или менее явно стали принимать участие в последующих нападениях на Сухум и грабеже.

Цебельдинский пристав капитан Шавров 26-го июля находился в Сухуме и не мог уже попасть в Цебельду. Начальство в Цебельдинском укреплении, где было 60 человек гарнизона, с недостаточным числом зарядов и патронов, принял капитан-лейтенант Карганов, присланный туда для собирания сведений по крестьянскому вопросу. Получив известие о происшествиях в Бзыбском округе и заметив волнение в народонаселении, он приказал очистить приставский дом и слободку и заперся в укреплении.

[1] См. данное издание **док.** № 337 – (**сост.**).

АЙТАИР

28-го июля шайка цебельдинцев ограбила оставленные дома и затем сделала нападение на укрепление, которому угрожала величайшая опасность. Оно было спасено верностью части Цебельдинского народонаселения и в особенности дальцев. Дальский князь прапорщик Михаил Маршани (принявший незадолго перед сим св. крещение) 26-го июля находился тоже в Сухуме. Получив известие о возмущении в Бзыбском округе, он немедленно один поскакал в Цебельду, собрав дальцев, 70 человек из них ввел в укрепление, а остальными занял окрестные позиции. Примеру этому последовал цебельдинский князь Хирипс Маршани, подвластные которого находились постоянно в сборе для защиты укрепления. Князь Михаил Маршани не ограничился вышеупомянутою заслугою. Он снял и перевел в Цебельдинское укрепление сотню кутаисского конно-иррегулярного полка, находившуюся на постах по Военно-Сухумской дороге.

Наконец 29 июля шайка мятежников подошла к Пицунде, но окрестные жители не допустили ее делать нападение на укрепление. Она ограничилась сожжением баркасного… и сена.

Известие о возмущении в Абхазии застало меня в Боржоме 27 июля. Получив приказание в. и. выс., я в тот же день уехал в Сухум. В. и. выс. угодно было мне предоставить двигать по моему усмотрению войска, расположенные для работ в пределах Кутаисского генерал-губернаторства, потребовать до 4-х батальонов из Кубанской области и кроме того в случае надобности, спустить в Абхазию отряд генерал-майора Геймана, который по Вашему приказанию сосредотачивался в Сторожевой станице. Артиллерия была назначена из Кубанской области и Закавказского края.

Сделав на пути нужные распоряжения для скорейшего движения в Сухум войск, находившихся на работах в Кутаисской губернии и сбора Мингрельской и Гурийской милиции, я прибыл в Сухум 30 июля по утру и нашел дела в следующем положении.

Бзыбский округ и часть Сухумского (около пяти тысяч дворов) были в полном восстании. До остальной части Сухумского военного отдела власть наша уже не существовала и волнение угрожало разлиться по всей Абхазии и Цебельде[1].

На рассвете 30-го же июля было сделано вновь нападение на Сухум, ближайшие окрестности которого и трапеция были заняты мятежниками; перестрелка постоянно продолжалась. Жители города частью помещались в крепости, частью на военных судах, из которых один корвет и шхуна обстреливали город с северной и южной стороны. Около 50 казаков, уцелевших от побоища в Соуксу и до 100 человек нижних чинов, разбросанных по разным хозяйственным надобностям войск в Абхазии, находились среди взбунтовавшегося народонаселения. Всякое сухопутное сообщение по Военно-Сухумской дороге было прекращено. Капитан-лейтенант Корганов писал из Цебельды, что если вся Абхазия восстанет, то князь Михаил Маршани не будет в состоянии удержать дальцев и укрепление будет взято.

[1] На пути в Сухум, пройдя Гудаву, мы встретили шхуну, конвоировавшую управление Абхазского округа и сотню казаков, следовавших по побережью моря в Мингрелию. Управление это и сотня были мною немедленно повернуты на Окум с приказанием есаулу Миронову, исправляющему должность начальника округа, собрать самурзаканскую и абжибскую милиции, двинуться с ними по направлению к Сухуму и заготовить дрова на Военно-Сухумской дороге для целой дивизии войск – (док).

В это время в Сухуме находилось уже 16 рот, но весьма слабого состава; ожидались с каждым днем подкрепления, но не было ни подвижной артиллерии, ни сухарей, ни перевозочных средств.

Надлежало прежде всего обезопасить город Сухум и возвратить его к нормальному положению, –подать помощь Цебельдинскому укреплению, спасти казаков и нижних чинов, находившихся среди неприятеля, восстановить сообщение с Цебельдою и по Военно-Сухумской дороге и остановить распространение восстания.

Все это благодаря богу, было исполнено без потери одного человека.

2-го августа трапеция была занята нашими войсками, 3-го жители Сухума уже перешли в свои дома, казаки и нижние чины были постепенно доставлены в Сухум стараниями некоторых преданных лиц из туземцев и все спасены.

По неимению перевозочных средств, колонна в Цебельдинское укрепление могла выступить из Сухума только 6 августа для снаряжения взвода горной артиллерии и поднятия всех припасов, следуемых в Цебельду, пришлось взять всех частных лошадей, находящихся в Сухуме.

3-го же августа были вызваны в Сухум старшины окрестных аулов, народонаселение которых принимало более или менее явное участие в нападении на этот город. Им было объявлено, что за поднятие оружия против русских должно последовать строгое наказание, посредством военных действий, если жители окажут малейшее сопротивление, административным и судебным путем, если они окажут полное послушание. Старшины отвечали, что действительно некоторые молодые люди из их среды увлечены дурным примером бзыбцев, принимали участие в нападениях на Сухум, но что теперь все народонаселение изъявляет полную покорность и готово принять всякое наказание, которое будет назначено. Тогда старшинам было приказано, на первый раз доставить немедленно в Сухум все ограбленные вещи, не встречаться с войсками иначе как без оружия и исполнять все приказания окружного начальника. Вещи начали приносить 4-го августа и с тех пор перестрелки совершенно прекратились.

Подобное же распоряжение и с такими же последствиями было мною сделано и в Цебельде; колонна посланная в Цебельду под начальством полконика Котляревского (три батальона пехоты при двух горных орудиях[1])

[1] 2-й батальон Крымского полка, 1-й батальон Ставропольского полка, стрелковая рота кавказского линейного № 32 батальона, линейная рота № 33 батальона, три роты № 35 батальона и взвод Сухумской крепостной артиллерии – (док).

АЙТАМИР

возвратилась 10-го числа без выстрела, оставив в укреплении две роты и снабдив гарнизон всем нужным.

Во время следования к Цебельдинскому укреплению, колонна эта, дойдя 8 августа до Герзеуля, на том месте, где дорога в Цебельду отделяется от Военно-Сухумской дороги, встретилась с колонною полковника Мачавариани, двигавшеюся уже к Сухуму.

Эта последняя колонна 2-го августа в составе 8-ми сотен Мингрельской милиции, двух сотен Кутаисского конно-иррегулярного полка и двух стрелковых рот[1] переправились через Ингур и по присоединении к ней на пути казачьей сотни в Окум и Самурзаканской и Абжибской милиции[2] прибыла в Сухум одновременно с колонною полковника Котляревского.

Таким образом было восстановлено сообщение с Цебельдою и по Военно-Сухумской дороге. Войска 39-й дивизии были доставлены из Поти в Сухум морем, их подъемные средства прошли беспрепятственно сухим путем.

Затем предстояло прекратить окончательно возмущение в Бзыбском округе, наказать виновных и упрочить основательно спокойствие края на будущее время.

Для достижения этих целей представлялось два способа. Открывать немедленно военные действия против мятежников по мере прибытия войск или сосредоточить достаточные силы для принуждения абхазцев, если возможно без кровопролития, исполнить все наши требования и в случае сопротивления наказать страшно ослушников с наименьшей для нас потерею.

Первый способ соответствовал более естественному желанию скорейшего наказания мятежников, проливших русскую кровь и казался на первый взгляд скорее ведущим к цели, но по внимательному обсуждению положения дел, оказывался весьма рискованным и ненадежным.

Местность в Абхазии, в особенности в настоящее время года, представляет величайшие затруднения для военных действий. Единственная колесная дорога между Сухумом и Бзыбом пролегает до Гудаут (35 верст) по морскому берегу и под лесом, далее она идет по садам и лесам, за тем существуют только тропинки едва проходимые для конницы. Селений в настоящем смысле этого слова нет; абхазцы живут хуторами, разбросанными в лесу и также разбросаны по лесу их небольшие посевы. При таких условиях, столь выгодных для неприятеля, знающего местность и умеющего ею пользоваться, на верный успех военных действий можно рассчитывать только при больших силах, наступающих с разных сторон, совокупно и в особенности с помощью милиции. Отдельные же действия недостаточных сил могут только вести к большим потерям и неудачам. Малейшая же неудача в настоящих обстоятельствах, немногозначительная потеря с нашей стороны, тотчас преувеличенная народной молвою, не только возвысила бы

[1] Кавказских линейных №№ 30 и 31 батальонов – (**док.**).
[2] В составе 300 человек – (**док.**).

дух мятежников, но могла бы поощрить к восстанию всю Абхазию, и тогда трудно сказать, сколько бы понадобилось средств и времени для восстановления спокойствия в этом крае. Даже если бы сопротивление ограничивалось бы пределами Бзыбского округа, открытие военных действий со стороны лишь морского прибрежья имело столь же невыгодные последствия. Жители Бзыбского округа (3726 дворов) по мере наступления наших войск имели бы возможность удаляться постепенно в горные трущобы, простирающиеся на огромном пространстве до верховьев Бзыби, Мдзымты и далее. Преследовать их там было бы весьма трудной и долгой задачею.

Признавая все эти доводы, в. и. выс. угодно было одобрить второй способ действий, в сущности обещающий более скорый и действительный успех, но требующий некоторой выдержки и терпения.

Не подлежало сомнению, что наилучшей мерою наказания массы взбунтовавшегося народонаселения и обеспечения спокойствия края в будущем было поголовное обезоружение жителей. Такая мера, никогда еще не применяемая на Кавказе, представляла немало затруднений. Для успешного ее исполнения было необходимо не только выказать достаточные военные силы для очевидного убеждения горцев в невозможности сопротивления, но вместе с тем нравственным влиянием возбудить их доверие и удержать от отчаянного решения бросить свои жилища и удалиться в горные трущобы.

Поэтому решено было приступить к обезоружению постепенно, разделив пространство между Бзыбью и Кодором на несколько участков, строясь в одно время иметь дело лишь с каждым из них отдельно.

Согласно такому плану действий, 12 августа была выдвинута на позицию к р. Гумиста вся конная милиция и сводный стрелковый линейный батальон.

Затем были сделаны две высадки, одна 14 августа, восемь батальонов и дивизион горных орудий под начальством полковника Бибикова у Гудаут, другая 16-го – пять батальонов, Гурийская пешая дружина и взвод горных орудий у деревни Псыртха под начальством генерал-майор Левашева.

Прибыв лично в Гудауты 16-го августа, я вызвал к следующему дню старшин всех общин Бзыбского округа, за исключением общин Аныхва, Псырта и Эшеры.

17-го числа часть войска была двинута в Соуксу для торжественных похорон несчастных жертв происшествия 26 июля и сожжения домов, в которых происходило их убийство.

К вечеру войска возвратились в Гудаута и вызванные старшины прибыли в лагерь. Им было объявлено то же, что и жителям Сухумского округа и дан выбор между полною покорностью и послушанием или беспощадной истребительной войной. Старшины единогласно отвечали, что жители сопротивляться не намерены и готовы исполнить все приказания начальства. Я приказал им возвратить немедленно все ограбленные вещи и выдать за-

АЛЫТАИР

чинщиков бунта. Срок для исполнения моих приказаний был назначен 19 августа. Ограбленные вещи доставлялись очень усердно, но в отношении выдачи зачинщиков бунта и главных преступников старшины и почетные жители объявили, что хотя и будут о том стараться, но не могут обещать полного успеха. Зная общественное устройство и образ жизни абхазцев, их нравственное и материальное разъединение, отсутствие всякой между ними власти и послушания, мне не трудно было предвидеть, что жители Бзыбского округа не будут в состоянии выдать главных виновных и ждал только сознания их в этом, чтобы объявить приказание о выдаче оружия.

Приказание это было объявлено собранным почтенным жителям и старшинам 20 августа. Несмотря на то, что они отвечали полным согласием, ясно было видно, что исполнение такой меры весьма для них тягостно, и что можно рассчитывать на верный успех в таком только случае, если чувство страха, внушаемое жителям присутствие наших войск, еще более усилится.

Поэтому я решился передвинуть на левый берег Бзыби находящийся между Адлерами и Гаграми батальон Севастопольского полка и три сотни казаков, спустить к границам Абхазии отряд генерал-майора Геймана, перевалившего уже через перевал, и потребовать из Константиновского еще два батальона 19 пехотной дивизии.

21-го августа община Соуксу и некоторые деревни начали выдавать оружие. Положив начало этому делу и дав должные наставления полковнику Бибикову, оставшемуся за старшего в этой части края, я отправился 22 на Псыртх в колонну генерала Левашева и приказал ему объявить жителям общин Анухва, Псырт и Эшери приказание выдать ограбленные вещи и главных преступников. Здесь повторилось то же самое, что и в других частях края. Ограбленные вещи были доставлены, преступников не выдали и тогда было приступлено к обезоружению жителей.

Два батальона из Константиновского высадились в Сухуме 23 августа, Севастопольский батальон и казаки прибыли в Бомборы 24-го, к 26-му я ожидал прибытия отряда генерала Геймана в Гумм. Поэтому срок дня выдачи был назначен жителям Анухва, Псыртх и Эшери 26 августа в 9 часов утра. В случае не исполнения этого приказания, я хотел показать пример над этими деревнями и страшно их наказать. 26-го числа отдано было приказание о движении разом трех колонн: одной от Гудаут на Ацы в Анухва под начальством полковника Разумихина[1], другой от позиции генерала Левашева под его же начальством в Псыртские деревни[2], и третий от Гумисты на Эшеры под начальством полковника Мачавариани[3]. Всем этим колоннам, обхватывая упомянутые деревни, приказано было войти между собою в связь. Таким образом, я надеялся захватить не только пустые дома, но и жителей, или часть из них. Тем более, что появление отряда генерала Геймана затрудняло им значительно отступление в горы.

[1] Елисаветопольский полк, батальон Ставропольского, батальон Крымского и дивизион Горной артиллерии 19 артиллерийской бригады – (**док.**)

[2] 2 батальона Бакинского и 2 батальона Кубинского полков, Гурийская милиция, горный взвод Гренадерской артиллерийской бригады и две стрелковые роты №№ 30 и 31 батальонов – (**док.**).

[3] Батальон Крымского, батальон Ставропольского, сводно-стрелковый батальон, 3 сотни Конно-иррегулярного полка, 12 сотен конной и 1 сотня пешей милиции – (**док.**).

Генералу Левашеву, находящемуся в центральной позиции и в пункте назначенном для сдачи оружия, было предоставлено остановить движение колонн, если жители исполнят данное им приказание.

25 по полудни и 26 с рассветом, Анухва, Псыртцы и Эшерцы приступили с такой поспешностью к сдаче оружия, что генерал Левашев должен был приостановить движение колонн.

Таким образом, сдача оружия в Бзыбском округе обошлась без кровопролития. Посланные в последствии небольшие колонны войск в Анухва, Псырт и Эшери встречали только безоружных жителей, даже и в лесистой нагорной полости над этими деревнями.

Полковник Бибиков со своей стороны сделал с колонной движение к остальным деревням Бзыбского округа до Бзыби, везде жители не дожидаясь прибытия войск спешили сносить оружие в Гудауты и Пицунду.

Обезоружение Бзыбского округа было окончено 31-го августа, остались только ружья на пастухах, находящихся со стадами в отдаленных горных пастбищах.

По обезоружении Бзыбского округа, войска за исключением трех батальонов 19 дивизии, были передвинуты в Сухумский, по направлению к Цебельде, и в это время приступлено к обезоружению Сухумского округа до р. Кодора. Колонна с Гумисты передвинута 2-го сентября к Маджарскому посту. Бакинский и Кубинский полки перешли 3-го, а Дербентский и Елисаветпольский 4-го на позицию у Келасур.

2-го сентября собранным старшинам Сухумского округа от Гумисты до Кодора было объявлено приказание выдать все огнестрельное оружие, находящееся у жителей этой части края. К вечеру 5 сентября приказание это было исполнено без малейшего сопротивления.

Осталось еще обезоружить часть Цебельды, принявшую участие в восстании, а именно общины Абгалафара, Амхель и Гарзауля; всего около четырехсот дворов. Еще 3-го сентября почетные жители Цебельды и Дала, оставшиеся нам верными, просили меня не двигать войска в Цебельду и предоставить им склонить народонаселение, предназначенное к обезоружению к беспрекословному исполнению этого приказания. Согласившись на эту просьбу, я остановил войска на позициях Маджарского поста и Келасур. 7-го сентября Цебельдинский пристав капитан Шавров прибыл в Сухум с донесением, что общины Абгалафара, Амхель и Герзаул выдали огнестрельное оружие.

Отряд генерал-майора Геймана во все это время, с 27 августа оставался на Гумистинской позиции, весьма выгодный к военным отношениям и в

АЙТАМИР

отношении сохранения здоровья войска. С этого пункта он угрожал народонаселению Бзыбского и Сухумского округов и Цебельде. Нет сомнения, что появление этого отряда более всего содействовало успешному окончанию дела в Абхазии.

Таким образом, без потери одного человека с нашей стороны совершилось обезоружение пяти тысяч дворов горского народонаселения.

Вслед за окончанием обезоружения, остальным жителям Сухумского военного отдела до Ингура, запрещено носить огнестрельное оружие, исключая тех случаев, когда это будет дозволено местным начальством. Управляющему Мингрелиею предложено воспретить мингрельцам появляться с оружием в пределах Сухумского военного отдела.

Исправляющему должность Начальника Сухумского военного отдела генерал-майору Толстому предписано посредством подведомственных ему административных властей строго соблюсти за окончательным обезоружением той части края, где применена эта мера и составить подробные правила, кому, в каких случаях и кем может быть дозволено иметь или носить огнестрельное оружие в крае. По получении проекта этих правил они будут представлены на благоусмотрение в. и. выс. с подробным донесением относительно описания оружия и запрещения носить оное. К 9 сентября было уже отобрано около четырех тысяч ружей.

1-го сентября открыла свои действия Комиссия, учрежденная мною в Сухуме под председательством генерал-лейтенанта Корганова, для определения степени виновности лиц, участвовавших в восстании. Из главных виновных, указываемых общественной молвой к 9-му сентября, 8 человек находились в бегах. Приняты всевозможные меры к их поимке. Остальные или уже арестанты, или подвергаются беспрепятственному аресту, постепенно, по мере обнаружения их виновности.

В первых числах сентября тотчас вслед за обезоружением Бзыбского округа мною было приступлено к роспуску войск из абхазского отряда, насколько это позволяли морские и сухопутные перевозочные средства.

Первые отпущены все милиции, затем 37-й линейный батальон и роты 30, 31 и 32-го, 39-я пехотная дивизия выступила из Келасур в Мингрелию двумя эшелонами 6 и 7 сентября. Генерал-майору Гейману, за моим отсутствием из Сухума, поручено как можно поспешнее отправить в Кубанскую область, частью морем, частью сухим путем войска его отряда и 39-ой пехотной дивизии. На время оставляются в Абхазии кроме местных гарнизонов два батальона 19-ой пехотной дивизии, взвод горных орудий и две сотни казаков; войска эти будут там полезны до окончания суда над главными виновниками и поимки беглецов.

В заключении считаю долгом свидетельствовать перед. в. и. выс. об усердии и трудах всех сухопутных и морских чинов войск, предоставленных в мое распоряжение. Убеждение, что всякое вооруженное столкновение с жителями может только затруднить и продлить достижение предназначенной цели, возложило на меня трудную и неприятную обязанность удерживать порывы их воинской доблести, и поэтому чувствуя себя еще более обязанным высказать насколько их терпение, дисциплина и рвение содействовали успеху.

Войска отряда генерала Геймана заслуживают особого внимания. Они совершили один из труднейших переходов через горы, сохранив бодрость духа и тела.

В. и. выс. угодно было уже милостиво наградить некоторых из более отличившихся чинов Сухумского гарнизона, смею надеяться, что будет разрешено сделать представление как об остальных чинах этого гарнизона, заслуживающих награждения за участие в обороне Сухума, так и о чинах всех войск, принимавших участие в прекращении Абхазского восстания.

ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 74, лл. 98 – 111 об. Фотокопия.

3.73 Об устройстве Сухумского отдела.

10 /22/ сентября 1866 г.

Сегодня мы печатаем высочайшее поведение об устройстве особого Сухумского отдела, в состав которого входят: Абхазия, Самурзакань и Цебельда. Пользуясь настоящим случаем, считаем не лишним сказать по этому поводу несколько слов тем более, что еще недавно мы сообщали о бывших беспокойствах в Абхазии, главная сущность которых уже известна нашим читателям 34. Из тех сведений, которые были в свое время приведены нами можно видеть, что происшедший в Сухуме беспорядок не имел большой важности и далеко не заслуживает того значения, которое ему придается некоторыми газетами и преимущественно иностранными. Между тем, последние полученные известия оттуда сообщают, что жители не только исполнили все требования местного начальства, но и выдали главных виновников и зачинщиков, а войска, которые были двинуты на Абхазию в первую минуту обнаруживающегося беспорядка, уже возвратились на свои прежние места.

Неточность придаваемого значения зависит главным образом от незнания края и неточности частных сведений, которые упускают из виду подробности, могущие дать настоящее понятие о происходящем.

Надо заметить, что земли, составляющие Абхазию, Самурзакань и Цебельду, населены племенами, которые по недостатку внутренних путей сообщения и удалению от главного административного центра постоянно находились под весьма слабым надзором нашим. Существовавшие здесь временные управления, частью военные, как например в Абхазии, с участием в делах внутреннего управления владетеля ее, а частью гражданские, как в Цебельде и Самурзакани, при разной степени власти и системе дей-

АЛЫТАИР

ствий их, не могли иметь влияния на развитие гражданственности в крае и на сближение племен с русским элементом. Чтобы несколько познакомить наших читателей с подробностями, мы приведем краткий очерк страны, которая недавно была театром беспорядков.

Абхазия, входящая в состав Кутаисского генерал-губернаторства, занимает северо-западную часть кутаисского края и лежит между восточным берегом Черного моря и отрогами главного кавказского хребта. Страна эта почти сплошь покрыта скалистыми отрогами главного хребта, которые в виде лесистых обрывистых террас спускаются к берегу Черного моря, образуя возвышенные котловины и долины рек.

По природе своей страна эта одарена весьма сильною и большою растительностью, за исключением скалистых вершин горных отрогов, почти сплошь покрытыми густыми, едва проходимыми лесами; строевой лес достигает здесь громадных размеров корабельного леса, и на почве Абхазии произрастают различные фруктовые деревья и виноград, а общее геологическое строение главного хребта заставляет предполагать внутри почвы богатства ископаемые.

Этот богато одаренный природою край населяют до 80.000 человек абхазцев, принадлежащих по своему происхождению к абазинскому племени, населяющему большую часть восточного прибрежья Черного моря. Абхазцы говорят языком общим абазинскому племени, который отличается от других горских наречий и исповедуют магометанство и отчасти православную веру, придерживаясь в то же время языческих обрядов. Нравы жителей весьма грубы, а в отношении гражданского быта абхазцы держутся преданий старины и укоренившихся обычаев. В нравственном отношении абхазцы отличаются воинственностью, гостеприимством; но в то же время они мстительны, суеверны, подозрительны и беспечны, суровы и угрюмы.

В социальном отношении все абхазцы разделяются на следующие сословия: князей, дворян, телохранителей владетеля, крестьян и рабов. Князья владеют большею частию поместьями и даже дворянами; ни платят никаких податей, обязаны повиноваться владетелю и собираться для его защиты. Дворяне имеют право владеть населенными имениями и пользоваться доходами не только с своих земель, но даже частью доходов с земель принадлежащих им крестьян. Они не несут никаких других повинностей. Кроме того, существуют дворяне, принадлежащие князьям. Телохранители владетеля суть собственно крестьяне родовых уделов владетельного князя. Они пользуются правами почти одинаковыми с дворянами, иногда владеют крестьянами и составляют почетную стражу владетеля. К этому же сословию принадлежат также выходцы из различных горских земель, служащие в свите владетельного князя. Крестьяне разделяются на два разряда: владеющие землею и обязанные доставлять часть своих доходов владельцу, не неся притом личной службы, – и не имеющие земли, а обрабатывающие земли помещика, который в свою очередь обязан наделять их землею. Крестьяне, кроме того, могут иметь рабов, которые составляют полную собственность владельца, имеющего над ними неограниченную власть. Рабовладелец может продавать своего раба, менять его, как вещь и вообще распоряжаться им по своему произволу.

Из этого видно, что в отношении гражданского устройства в Абхазии господствует смесь западноевропейского феодализма с восточным рабством.

Что касается до исторической судьбы Абхазии, то подвергаясь в глубокой древности весьма частым изменениям, она до XI века была подчинена Византии, а в эту эпоху соединилась с Грузнею. В XV столетии, при распадении Грузии на отдельные владения, Абхазия отделилась от Грузии; но в скором времени попала под власть турок, под игом которых и находилась до начала настоящего столетия.

В 1808 году владетель Абхазии Сефер-бей, желая освободиться от тягостного владычества турок, добровольно принял подданство России. В 1810 году высочайшею грамотою князья Шервашидзе признаны были наследственными владетелями Абхазии и утверждены в подданстве русскому престолу. В том же году русскими войсками был занят Сухум-Кале, в котором до того времени находились турецкие войска. Турки, недовольные утверждением русского владычества в Абхазии, долгое время старались всеми мерами возбуждать абхазцев против русских.

Итак, почти 60 лет прошло с тех пор, как Абхазия признала верховную власть России, и отец недавно умершего князя Михаила Шервашидзе признан был наследственным абхазским владетелем. Страна эта, раздираемая междуусобиями различных княжеских фамилий, постоянно подвергавшаяся насилиям турок и хищничествам горцев, со времени присоединения к России, получила от русского правительства внешнюю защиту. Занятое упорною войною на всем пространстве от Каспийского до Черного моря, русское правительство не могло в то же время отделить достаточных средств для того, чтобы взять эту страну в полное свое подчинение, почему для водворения в ней внутреннего порядка, ограничивалась только поддержкою власти владетеля в надежде, что власть эта не упустит употребить сообщенную ей силу для блага народа и будет с благодарностью относиться к России, как к источнику своего существования. На основании этих соображений, русское правительство представило владетелю почти безотчетный суд и расправу во всем крае; вместе с т ем, оно оказывало правителю полное покровительство и осыпало его щедрыми наградами. Последствием этих мер было то, что княжеская власть, до тех пор весьма шаткая и неопределенная, сделалась вполне неограниченною. Опыт и время, однако, показали, что действия княжеской власти не соответствовали благим намерениям правительства. Народ абхазский, занимающий лучшую часть кавказского края, упал до последней черты нищеты; половина его успела

АЛЫ ТАЙР

в это время принять исламизм; другая же потеряла почти всякое понятие о религии; власти наши не касались внутреннего управления области; ни податей и повинностей абхазцы не несли, войска не стояли у них по квартирам, не брали подвод, словом, не пользовались ничем, а только постоянно их защищали. За все это наша власть не только не видела к себе благодарности, но не редко встречала еще и признаки нерасположения. Мы уже сказали, что во время княжеского управления страною абхазцы во множестве приняли исламизм; они не только не старались сблизиться с русскими, но даже чудились этого сближения: они не вступали ни в русскую службу, ни отдавали детей своих в учебные заведения закавказского края. В течение этого же периода времени христианское население было удалено от берегов, а во всех прибрежных деревнях селились исключительно мусульмане и преимущественно выходцы из Турции. Если к этому присоединить еще то обстоятельство, что княжеская власть облагала простолюдинов за малые проступки огромными штрафами в пользу своей казны и оставляла почти всегда безнаказанными сильных хищников и убийц, то сделается ясным, что источник и причину печального положения Абхазии нужно было искать только в княжеском управлении страною.

Оставлять дело далее в таком положении было невозможно. Поддерживать в стране власть, которая угнетала весь народ, значило заставить этот народ ненавидеть своего владетеля и вымещать свою злобу на русских, которые поддерживали эту власть... Словом, оставлять дело в таком положении было бы не только политическою ошибкою, но и не совместно с простым чувством справедливости и человеколюбия. В политическом же отношении это было бы капитальною ошибкою. Оставаясь при таком порядке дел, Абхазия всегда бы представляла готовый плацдарм и основание действий неприятеля со стороны моря; русское правительство принуждено было по прежнему держать в Сухуме в мирное время сильный гарнизон с тем, чтобы, при первом появлении неприятеля на Черном море, поспешно отводить его за Ингур. С окончанием войны против горцев, Абхазия составляла бы единственный утолок, в котором необходимо было бы двигаться целыми колоннами, посылать оказии и содержать военный кордон. Абхазия отрезывала бы прибрежное казачье население от преданного и верного нам населения Мингрелии. Если военное положение Кавказа до некоторой степени объясняло еще положение русской власти в Абхазии, то с замирением кавказского края уже не было ни малейшей причины оставлять целый народ под таким управлением, которое могло служить образцом зловредности и при котором до последнего времени происходили грабежи, междуусобная резня и торговля христианами. Вследствие всего этого, решено было заменить в Абхазии власть владетеля русским управлением, тем более, что еще в 1847 году князь Шервашидзе просил о сложении с себя владетельской власти и в 1864 году вновь повторил свою просьбу об увольнении его от

действительной службы, так как по собственным его словам он чувствовал себя не в силах заниматься какими бы то ни было делами. В январе месяце 1865 года последовало высочайшее повеление об увольнении от службы генерал-адъютанта князя Шервашидзе, который в августе прибыл на местожительство в Воронеж; в Абхазии же началась вводиться, по примеру других частей кавказского края, гражданская администрация, которая в настоящее время в виде опыта на три года удостоилась высочайшего одобрения.

Главные существенные черты нового положения об управлении Сухумским отделом состоят в следующем:

Из земель Абхазии с городом Сухумом, Самурзакани и Цебельды образовать особый Сухумский отдел, начальник которого подчиняется кутаисскому генерал-губернатору. В административном порядке. Сухумский отдел разделяется на управление городом Сухумом и на четыре округа. Для наблюдения за благочинием и порядком в селениях, в каждом из них, по выбору от общества и с утверждением начальника округа, назначается старшина, который вместе с тем есть и сборщик податей.

Учреждения по судебной части в отделе суть следующие: словесные суды в округах и главный суд в Сухуме. В селениях же незначительные споры решаются третейским судом. Окружной суд кроме председателя, в лице окружного начальника, состоит из четырех депутатов по выбору от населения округа: одного из высшего, а трех из низших сословий. Депутаты окружных словесных судов собираются обществами. Распределение дел по судебным местам округа и самый порядок судопроизводства, впредь до окончательного преобразования судебной части вообще, установлен на основании особых временных правил. Нет сомнения в том, что прочное водворение русской администрации в крае и реорганизация страны в духе гражданственности, развив в жителях дух законности отвратит на будущее время всякую возможность беспорядков, подобных недавно бывшему.

Газ. «Русский инвалид», 1866 г. 10/22/ сентября.

3.74 Докладная записка кутаисского генерал-губернатора Святополк-Мирского наместнику Кавказа М. Н. Романову о вознаграждении дома Шервашидзе.

10 октября 1866 г.

По географическому положению своему и некоторым особенностям своего внутреннего устройства, Абхазия имела весьма большое значение во все время Кавказской войны. Через эту страну, составляющую узкую полосу между морем и неприступными горами, лежал единственный путь для вторжения непокорных горских племен западного Кавказа в пределы христианского народонаселения долин Ингура и Риона. При непокорности Абхазии военная граница наша отодвинулась бы до Ингура и понадобилось

АЛЫТАИР

бы немало средств для устройства по этой реке военно-кордонной линии, на подобие других военных линий на Кавказе. Покорность Абхазии избавляла нас почти от военной границы в этой части Кавказа, и настолько сберегала наши силы и издержки.

Считая себя мусульманами и принадлежа к одному племени с соседними непокорными горцами, абхазцы без сомнения бы к ним присоединились, если бы к этому не служила препятствием особенность внутреннего их устройства. Особенность эта состояла в том, что из всех черкесских и абхазских племен, только у абхазцев сохранилась политическая власть в лице владетеля. С первых годов вступления русских в Закавказский край, владетели Абхазии, возвратившись к христианской вере, искали покровительства России и вступили в ее подданство.

Значение Абхазии в отношении военных дел на Кавказе и польза от подчинения этой страны владетелю христианину были поняты и вполне оценены как главным начальством Кавказского края, так и верховной властью. Правительство поддерживало всеми мерами власть владетеля и вместе с тем посредством материальных выгод и почестей старалось удержать его в верности и преданности России. Таким образом, последний владетель Абхазии князь Михаил Шервашидзе был удостоен звания ген.-ад., кроме денежного вознаграждения за таможенные доходы, ему была пожалована ежегодная аренда в десять тысяч рублей и старший сын его был зачислен в малолетстве офицером в лейб-гвардии Преображенский полк.

Поведение владетеля часто подавало повод к неудовольствию местных, соседних и высших властей, но и в этих случаях ему всегда оказывались снисхождение и уступчивость. Такой образ действий правительства в отношении кн. Шервашидзе был вызван политической необходимостью и отчасти глубоким чувством справедливости. Действительно, положение владетеля Абхазии было весьма затруднительно и вряд ли он мог даже при наилучших желаниях избегнуть двойственной роли, налагаемой на него силою обстоятельств; власть его в Абхазии поддерживалась в известной степени нашей силой, но поддержка эта давалась ему в силу его влияния на абхазцев и на соседние горские племена. Он должен был употреблять это влияние в нашу пользу, чтобы сохранить наше покровительство и вместе с тем во многих случаях угождать абхазцам и в особенности соседним горцам, дабы сохранить добрые отношения с ними и влияние дающие ему перед нами силу и значение.

В 1847 году князь Михаил Шервашидзе, по причине расстроенного здоровья, а может быть в сущности своего затруднительного положения, просил об увольнении его от звания и обязанностей владетеля Абхазии с тем, чтобы взамен владения Абхазского ему было отведено имение в 1500 дворов крестьян в Имеретии. Бывший тогда наместник кавказский кн. Воронцов употребил все старания, чтобы отклонить кн. Шервашидзе от такого намерения, и действительно по вышеизложенным причинам, увольнение владетеля поставило бы нас в то время, в весьма затруднительное положение.

С покорением Западного Кавказа в 1864 году положение дел совершенно изменилось и существование владетельской власти в Абхазии, стало препятствием к осуществлению того единства в управлении, которое признавалось необходимым для водворения порядка и спокойствия в крае. В этих видах еще ранней весной 1864 года в. и. выс. угодно было испросить высочайшее повеление об увольнении кн. Михаила Шервашидзе и его наследников от управления Абхазией. С своей стороны владетель, предчувствуя изменение в своем положении вследствие последних событий на Кавказе, в письме от 26 февраля 1864 года, просил моего ходатайства об увольнении его по расстроенному здоровью от действительной службы. Как впоследствии оказалось желание кн. Шервашидзе состояло в том, чтобы выйти в отставку и уехать за границу, а владение передать сыну.

Во избежание крутого поворота в обращении с владетелем и для большей уверенности в сохранении спокойствия в Абхазии при предстоящем перевороте, в. и. выс. желали склонить кн. Шервашидзе к добровольному отказу от владетельских прав. Но когда все попытки с этой целью остались безуспешными, предписанием от 24 июня № 365 вам угодно было мне повелеть передать владетелю рескрипт от того же числа, с объяснением высочайшей воли об увольнении кн. Михаила Шервашидзе и его наследников от управления Абхазией, принять эту страну в непосредственное наше управление и предложить кн. Шервашидзе выехать немедленно из Абхазии, так как пребывание его там, до окончательного введения нового порядка управления, признавалось положительно вредным.

Владетель исполнил беспрекословно и без малейшего колебания высочайшее повеление о передаче Абхазии в наше управление, но ссылаясь на свое болезненное состояние и необходимость хозяйственных распоряжений, отказался от немедленного выезда из бывшего своего владения. Вслед за сим он просил увольнения от службы и дозволения ехать за границу лечиться на водах, с тем чтобы потом поселиться в Иерусалиме.

Общественное положение, звание и лета кн. Шервашидзе и в особенности действительно болезненное его состояние (он постоянно лежал в постели), делали весьма щекотливым употребление силы для удаления его из Абхазии, и потому дело это потянулось до осени.

В конце октября 1864 года была получена телеграмма от посланника е. и. в. в Константинополе с известием, что Порта получила ходатайства от кн. Шервашидзе о переселении его в Турцию и о присылке за ним парохода в Сухум.

Тогда всякое колебание прекратилось и были двинуты войска для арестования бывшего владетеля и удаления его из Абхазии. При появлении

АЛИТАИР

войск кн. Шервашидзе сначала было бежал в горы, но на другой же день опомнился и явился добровольно в полное распоряжение ген.-м. Шатилова, командовавшего тогда в Абхазии, он был тотчас отправлен в Новороссийск, потом в Ставрополь и наконец в Воронеж, где и скончался.

Тело бывшего владетеля было перевезено в начале лета настоящего года в Абхазию. Для похорон отца и принятия движимого имущества было разрешено приехать туда кн. Георгию Шервашидзе, старшему сыну покойного.

Нет сомнения, что торжественные похороны бывшего владетеля, его оплакивание по местным обычаям и присутствие старшего его сына способствовали возмущению, вспыхнувшему в Абхазии в июле сего года. По всем имеющимся данным нельзя заключить, чтобы кн. Георгий Шервашидзе и другие члены владетельского дома, умышленно и злонамеренно содействовали возмущению. Но во всяком случае, имя их и присутствие имели влияние на это событие, и потому в. и. выс. угодно было решить удаление всех членов бывшего владетельского дома навсегда из Абхазии.

С удалением кн. Шервашидзевых из Абхазии является необходимость скорейшего и окончательного решения вопроса об обеспечении им средств существования.

В рескрипте в. и. выс. к бывшему владетелю от 24 июня 1864 года, между прочим, выражено: вместе с сим е. в. угодно было повелеть мне представить соображения относительно обеспечения и вознаграждения вас и членов вашего семейства за оставляемые вами владения. Тогда еще было решено, будут ли оставлены или нет во владении кн. Шервашидзе имения его в Абхазии. Впоследствии для приведения в известность и оценки сих имений была назначена комиссия, которая по некоторым обстоятельствам прекратила свои занятия, не окончив возложенного на нее поручения.

В настоящем положение этого дела представляются к решению следующие вопросы:

1) следует ли лишить наследников владетеля Абхазии обещанного вознаграждения за отобранное владение вследствие поведения кн. Михаила Шервашидзе при удалении его из Абхазии и обстоятельств, сопровождавших последние события в этом крае?

2) как поступить с частными имениями кн. Шервашидзе и каким способом и в каком размере обеспечить их существование?

Осмеливаюсь выразить уверенность, что г. и. взглянет снисходительно и великодушно на положение и судьбу потомков древнего владетельного дома, лишенных своих владетельских прав и изгнанных из своей родины.

Виновность покойного владетеля при удалении его из Абхазии, заключающаяся в упорстве оставаться в этом крае и желании уехать заграницу, объясняется и извиняется отчасти, раздражительным состоянием, в котором он находился вследствие болезни и утраты на старости лет прежнего своего положения.

Что же касается до последнего возмущения в Абхазии, то нет сомнения, что частные интриги некоторых кн. Шервашидзевых, происходящие от взаимной их вражды между собою, составляют одну из причин этого события. Но к обвинению их и в особенности кн. Георгия в злоумышленных намерениях против правительства, нет ни какого основания.

Упразднение власти, освещенной обычаем и веками, редко обходится без менее или более важных столкновений. Обязанное прибегнуть к подобной мере в видах единства и спокойствия государства, правительство вместе с тем обязано стараться совершить такой переворот без напрасных жертв и страданий частных интересов, – оно в особенности обязано обеспечить материальное существование лиц, терявших при этом свои права.

Поэтому, мне кажется, что по чувству справедливости и приличия, следует обеспечить материальное существование всех членов бывшего абхазского владетельного дома, согласно их званию и общественному положению. Это бы следовало сделать и в таком случае, если бы у них вовсе не было частных имений.

Если в. и. выс. угодно будет согласиться с таким взглядом на это дело, и если он удостоится высочайшего одобрения, то на этих основаниях можно бы предложить меры к практическому разрешению вопроса.

Дом бывшего владетеля Абхазии состоит из следующих лиц:

1) Кн. Мария Николаевна Шервашидзе, урожденная Дадиан, первая жена бывшего владетеля, живет в своем имении в Мингрелии. Кн. Шервашидзе уделял ей часть получаемого им от казны содержания[1].

2) Поручик кн. Георгий Шервашидзе 21 года. 3) Кн. Михаил Шервашидзе 12 лет. 4) Кн. Тамара Дадиани[2] 22 лет. 5) Кн. Нина Шервашидзе 19 лет. 6) Кн. Варвара Шервашидзе 10 лет.	Дети бывшего владетеля.

7) Подполк. кн. Александр Шервашидзе, брат покойного владетеля, имеет имение в Абхазии и многочисленное семейство, ныне в Тифлисе.

8) Майор кн. Константин Шервашидзе, брат покойного владетеля, имеет многочисленное семейство и никаким имением не владеет. Брат уделял ему часть получаемого им от казны содержания. Ныне в Тифлисе.

9) Кн. Русудана Маршани, вдова кн. Бабиша и сестра бывшего владетеля, не имеет средств к жизни кроме пенсии в 300 рублей за заслуги мужа[3], ныне в Кутаисе.

---

[1] Кн. Мария Николаевна Шервашидзе скончалась в Кутаисе во время составления этой записи – (**док.**).

[2] Так в тексте. Это опечатка: правильно Тамара Шервашидзе – (**сост.**).

[3] Другие сестры покойного владетеля находятся замужем и обеспечены – (**док.**).

АЛБТАИР

10) Кн. Георгий Дмитриевич Шервашидзе 20 лет, двоюродный племянник бывшего владетеля, имеет имение в Абхазии и получает 2500 руб. пенсии от правительства. Находится в Московском университете.

11) Полк. кн. Григорий Шервашидзе. 12) Кн. Леван Шервашидзе. 13) Кн. Николай Шервашидзе.	Троюродные братья бывшего владетеля; влвладеют имениями в Абхазии, первый имеет мнмногочисленное семейство, два другие женаты, но бездетны.

Для обеспечения существования этих лиц, принимая во внимание необходимость удаления их навсегда из Абхазии, осмеливаюсь всепочтительнейше предложить следующие меры:

1) Посредством комиссии привести в известность и оценить все имения кн. Шервашидзевых в Абхазии.

2) На основании этой оценки выдать денежное вознаграждение детям бывшего владетеля, и кн. Александру, Георгию Дмитриевичу, Григорию, Левану и Николаю Шервашидзевым.

3) Кн. Константину Шервашидзе выдать денежное вознаграждение равное тому, которое получит брат его Александр.

4) Марье Шервашидзе и Русудане Маршани назначить приличные пенсии.

5) Расход на выдачу вознаграждения кн. Константину Шервашидзе и пенсии кн. Шервашидзе и Маршани считать вознаграждением за владетельские права Шервашидзевского дома.

6) Детям бывшего владетеля и кн. Александру и Константину Шервашидзевым, до выдачи им предполагаемого вознаграждения, назначить временное пособие, достаточное для их содержания.

7) Кн. Георгию Дмитриевичу, Григорию, Левану и Николаю Шервашидзевым, пока еще не воспрещено проживать в Абхазии, но удаление их оттуда весьма полезно для спокойствия края и они сами этого желают. Можно оставить имения в их владении до выдачи им вознаграждения.

8) Определение размера временного пособия членам владетельного дома, до выдачи им вознаграждения, раздел вознаграждения между детьми бывшего владетеля, поверку оценки имений и определение размера самого вознаграждения и пенсии, поручить советнику наместника, или особой комиссии, составленной в Тифлисе, по назначению в. и. выс. из лиц разных ведомств, возложив при этом защиту интересов малолетних на опекунов, которые имеют быть назначены, согласно представлению моему от 22 сентября сего года № 1673.

Имения кн. Шервашидзевых довольно обширны, главная их ценность заключается в лесах, доходы состоят в личной службе подвластных и крестьян и в приношениях натурою. Поэтому нельзя рассчитывать на доходы с этих имений, как на источник для пополнения расходов по вознаграждению кн. Шервашидзевых, хотя эти имения получат без сомнения со временем большую ценность.

Выдача вознаграждения для обеспечения кн. Шервашидзевых есть мера необходимая, основанная на справедливости, и она должна быть отнесена на счет государственной казны.

Ген.-ад. кн. Святополк-Мирский.

ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, д. 246, лл. 3 – 17. Подлинник, рукописный. Документы по истории Грузии. Т. 1. Ч. 1. (Под ред. Ш. К. Чхетия). Тб. 1954. С. 673 – 678.

3.75 Из докладной записки кутаисского генерал-губернатора Д. И. Святополк-Мирского о стратегическом значении Абхазии.

10 октября 1866 г.

… По географическому положению своему и некоторым особенностям своего внутреннего устройства Абхазия имела весьма большое значение во все время Кавказской войны. Через эту страну, составляющую узкую полосу между морем и неприступными горами, лежал единственный путь для вторжения некоторых горских племен западного Кавказа в пределы христианского народонаселения долин Ингура и Риона. При непокорности Абхазии военная граница наша отодвинулась бы до Ингура и понадобилось бы не мало средств для устройства на этой реке военно-кордонной линии, наподобие других военных линий на Кавказе. Покорность Абхазии избавила нас почти от военной границы в этой части Кавказа и настолько сберегла наши силы и издержки.

… Принадлежа к одному времени с соседними непокорными горцами, абхазцы, без сомнения к ним присоединились бы, если бы к этому не служила препятствием особенность внутреннего их устройства.

Особенность эта состояла в том, из всех черкесских и абхазских племен, только у абхазцев сохранилась политическая власть в лице владетеля. С первых годов вступления русских в Закавказский край, владетели Абхазии, возвратившись к христианской вере, искали покровительства России и вступили в ее подданство.

Значение Абхазии в отношении военных дел на Кавказе и польза от подчинения этой страны владетелю христианину были поняты и вполне оценены как главными начальниками Кавказского края, так и верховною властью. Правительство поддерживало всеми мерами власть владетеля и вместе с тем, посредством материальных выгод и почестей старалось удержать его в верности и преданности России. Таким образом, последний владетель Абхазии князь Михаил Шервашидзе был удостоен звания генерал-

АЛЫТАИР

адъютанта; кроме денежного вознаграждения за таможенные доходы, ему было пожалована ежегодная аренда в 10 тыс. рублей, и старший сын его был зачислен в малолетстве офицером в л.-гв. Преображенский полк…

ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 1213, лл. 1–1 об.

3.76 Письмо начальника кавказского горского управления Д. С. Старосельского кутаисскому генерал-губернатору Д. И. Святополк-Мирскому о возобновлении работ по подготовке проведения крестьянской реформы в Абхазии, в терской и дегестанской областях, Кабарде, прерванной в связи с абхазским восстанием 1866 года.

Тифлис, 12/15 октября 1866 г.

Е. и. выс. главнокомандующему армиею угодно было выразить желание, чтобы сбор сведений по крестьянскому вопросу в Сухумском военном отделе, прерванный последними событиями в Абхазии вслед за успокоением края, был бы непременно возобновлен.

Ныне же за отсутствием главнокомандующего армиею, генерал-адъютант Карцов сверх означенной воли государя великого князя, имея в виду, что отложение срока сбора упомянутых сведений в Абхазии и в то же время разрешенное начальнику Кубанской области приостановить на некоторое время распоряжения по крестьянскому вопросу, могут оказать вредное влияние на успешное разрешение этого же дела в областях Терской и Дагестанской в особенности же в Кабарде, где несмотря на собственное предложение жителями условий, с некоторыми изменениями, легко приемлемых правительством, недоброжелателями дела крестьянской реформы и без того распускаются ложные слухи, поручил мне покорнейше просить в. сият. сообщить теперь же Ваше мнение относительно того, каким порядком Вы находите возможным возобновить сбор сведений об зависимых отношениях в Сухумском отделе: так, как они собирались до сих пор или же по близком соображении с местными условиями полагаете сделать изменения в порядке сбора и какие именно?

ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, д. 181, лл. 122 – 122 об.

3.77 Из записки начальника кавказского горского управления старосельского наместнику Кавказа М. Н. Романову о результатах работы следственной комиссии и о причинах восстания в Абхазии.

октябрь 1866 г.

Кутаисский генерал-губернатор ген.-ад. кн. Святополк-Мирский, представляя е. и. выс. главнокомандующему армией доклад и рапорт Комиссии[1] по исследованию настоящих причин восстания в Абхазии, представил вместе с тем и свое собственное мнение об этих причинах[2]. Заключения, к которым приходит кутаисский ген.-губернатор, в сущности те же, которые следует вывести и из доклада Комиссии, и заключения эти, по всему судя, согласны с действительностью, но так как в самых соображениях и объяснениях предпосланных им, а равно и в соображениях, изложенных в докладе Комиссии, есть недомолвки или неточность и неопределенность выражений в некоторых местах, могут подать повод к недоразумению и не вполне верному представлению о деле и о деятельности различных представителей правительственной власти, то я, по своему служебному положению, считаю себя обязанным дополнить соображения Комиссии и кутаисского генерал-губернатора приведением объяснений и фактов, могущих, по моему мнению, выставить дело в надлежащем свете и предотвратить недоразумение.

В докладе своем Комиссия, между прочим, говорит, что к концу управления бывшего владетеля кн. Михаила Шервашидзе, вследствие деспотического и корыстного его управления, опиравшегося на поддержку русской силы, Абхазия была приведена в состояние крайнего неустройства и истощения. В опровержение такого отзыва Комиссии кутаисский генерал-губернатор в начале мнения своего выражает, что в такое положение Абхазия приведена была не в следствие ошибочной системы действий с нашей стороны и не по вине владетеля, а в следствие географического положения своего и неблагоприятных для развития страны исторических причин.

Не отвергая того, что географические условия и исторические причины могли препятствовать гражданскому устройству страны и развитию ее благосостояния до присоединения Абхазии к России; допуская даже и то, что и после присоединения действие этих невыгодных влияний могло бы задерживать развитие страны при самых лучших и благоприятных для нее условиях деятельности владетеля и системе действий русского правительства, я полагаю однако же, что невозможно никаким образом опровергать и того, что если в течении целых 50 лет со времени признания над собою русской власти, Абхазия не только не подвинулась нисколько на пути гражданского и экономического развития, подобно Гурии, подобно даже Мингрелии, где действовали весьма сходственные исторические и географические причины, а напротив, перед удалением кн. Шервашидзе от управления, достигла до крайних пределов анархии и нищеты, то этому положительной и очевидной причиной были управление владетелей, особенно последнего из них, кн. Михаила, и та правительственная система, которая заставляла в течение нескольких лет не только терпеть, но даже, так сказать, поддерживать его самоуправление и корыстные действия. Я не вхожу в разбор того, была

[1] Доклад и особая записка Комиссии в деле не имеются – (**Ш. Ч**.).

[2] Мнение кутаисского ген.-губ. от 13 октября 1866 г. в данной публикации опускается – (**Ш. Ч**.). **Прим.:** Данный документ также не обнаружен и в архиве Г. Дзидзария – (**сост.**).

АЙБТАИР

ли такая система ошибочною с точки зрения общих правительственных соображений и средств по управлению Кавказом, и могло ли правительство наше при тогдашних обстоятельствах поступить иначе; но, очевидно, что в отношении собственно местных интересов страны, система эта имела бесспорно неблагоприятное влияние; очевидно также, что кн. Михаил никакими неотразимыми для него причинами, кроме собственных, не вполне чистых побуждений, не был вынужден вести управление страны так, как он это делал, и как это верно очерчено Комиссией. Если в стране, основываясь на собственных выражениях кутаисского генерал-губернатора, приведенных в этом же мнении, – не было справедливого и для всех одинаково суда, если народ был истощаем множеством всякого рода пошлин и денежных штрафов, если воровство оставалось безнаказанным, если самоуправие было законом – и такой порядок не только не встречал противудействия со стороны правителя страны, а напротив, был им поощряем и поддерживаем ради корыстных выгод, то можно ли сказать, что в порождении причин истощения и неустройства страны не было большой доли вины последнего владетеля?

Впрочем, и сам кн. Мирский, выставляя дальше благоприятные последствия первых лет, принятых для устройства страны по удалении владетеля, и употребляя выражение, что со введением нового порядка управления абхазцы «надеялись отдохнуть и устроиться после долгих бедствий и неурядицы», и что пример Цебельды, состоявшей под нашим управлением и пользовавшейся сравнительно спокойствием и порядком, действовал на них утешительно, – тем самым разрушает действие слов, сказанных в защиту административной деятельности владетеля.

Впрочем, так как из рапорта кн. Мирского нельзя вывести заключения, какую роль придает он деятельности владетеля собственно в произведении причин абхазского восстания, то я и не считал бы нужным входить в опровержение его отзыва, если бы в последнее время не приходилось слышать как бы некоторого рода сожалений о том, что правительство устранило бывшего владетеля от управления страною. Не думаю, конечно, чтобы кутаисский генерал-губернатор разделял такой взгляд и считал удаление владетеля ошибкой, но слова его, в виду не удачных, повидимому, результатов нашей непосредственной административной деятельности в Абхазии, могут послужить как бы оправданием подобных сожалений, а вместе с тем могут ввести в недоразумение и заставить думать подобным образом лиц, не близко знакомых с положением дел на Кавказе. Лица эти могут заключить, что если владетель не был виновен в печальном положении дел в Абхазии, то и незачем было лишать его наследственных его прав и что была возможность, сохранив за ним управление, ввести в этой стране гражданское устройство с большими гарантиями прочности и успеха, нежели какие достигнуты, как опыт указал, введением непосредственного русского

управления и что поэтому, следовательно, уже и самое устранение владетеля нужно поставить в число тех правительственных ошибок, которыми вызвано абхазское восстание. Но если бы восстание действительно было вызвано исключительно неудачными действиями и ошибками нашей администрации, то и тогда можно ли бы было из этого выводить какое-либо заключение в пользу бывшего владетельского управления? Наша администрация, если бы на самом деле была неудовлетворительна, не должна быть и может не быть такою; опыты же оставления управления за туманными владетелями, до сих пор повсеместно на Кавказе оказывались в полной мере несостоятельными, служа повсюду помехой народному развитию и сближению населения с русской властью. Тем не менее, хороших последствий можно было ожидать от деятельности такой личности, как кн. Шервашидзе, и удаление его было мерой безусловно необходимою и вполне справедливою не только как возмездие за недостойный образ действий его в отношении русского правительства, но, и гораздо более еще, как выполнение нравственного долга правительства в отношении попечения о пользе и благе самой страны.

Но, не будучи нисколько ошибкой, устранение владетеля, или, вернее, введение непосредственного русского управления, тем не менее, по моему мнению, действительно было первым звеном в цепи причин абхазского возмущения.

В самом деле, вникая в смысл этих причин, как они приведены в докладе Комиссии и в мнении кутаисского генерал-губернатора, нельзя не заметить, что большая часть из них группируется около одного и того же источника – неудовольствия высшего сословия на новый порядок управления, будучи какой-либо причиной, либо следствием этого неудовольствия.

Таким образом, к этой категории следует прямо отнести причины, указанные кн. Мирским в первых трех и в восьмом пунктах его заключения. Все остальные причины только потому и получили значение, что послужили орудием, которым воспользовалось высшее сословие для возбуждения неудовольствия и в низших слоях населения.

Следовательно, высшее сословие является главным виновником происшедших в Абхазии печальных событий. Но чем же возбудила администрация такую неприязнь и противудействие этого сословия?

Кн. Мирский, говоря об этом предмете, выражается, как приведено выше в выписке, что общее неудовольствие высшего сословия было возбуждено правительственными мерами, клонящимися систематически против интересов этого сословия.

Та же мысль, хотя и в другой форме, выражена в докладе Комиссии. Но какого же рода были эти интересы, в чем состояли и от кого исходили систематически направленные против этих интересов меры?

АЛИТАИР

Всем, знакомым с положением кавказских дел, известно, какого рода прерогативами пользовалось это сословие под управлением владетеля: грабеж, воровство, пленопродавство, захват людей и всякого рода другие насилия и самоуправие были отличительными занятиями преимущественно этого сословия, предававшегося им совершенно свободно и безнаказанно. Достаточно сказать, что не далее 3-х – 4-х лет назад, возможны были в Абхазии такие факты, как сбор одним из влиятельных лиц высшего сословия многочисленной партии и открытое нападение с ней на дом и имение своего врага, ограбление и разорение всего попавшегося под руку, убийство и увод в плен людей, – и все это без всякой ответственности перед управлявшей страной властью. Удаление владетеля положило конец этому «золотому периоду вольности». Если перемена была не особенно резка и заметна при ген. Шатилове, то этому, кроме мягкости этого управления, была, нужно полагать, отчасти причиной и некоторая сдержанность самого сословия, высматривавшего, так сказать, какие порядки будут введены при русских начальниках. Это могло быть причиной и той тишины и отсутствия хищнических происшествий, которыми кутаисский генерал-губернатор характеризует первое время после удаления владетеля.

Но весьма естественно, что привычка дворянского сословия к произволу и беспокойной жизни была слишком велика и продолжительна для того, чтобы сдержанность и затишье могли продолжаться долго. Вступив в управление полк. Коньяр видел уже беспрестанные проявления в среде высшего класса тех порочных инстинктов и наклонности к безначалию и беспокойной жизни, которые воспитаны в нем прежним порядком вещей. Не раз заявлял полк. Коньяр официально (и такие заявления восходили и до е. и. выс. главнокомандующего армией), о крайней распущенности и безнравственности высшего сословия, о частых случаях воровства и беспорядков, совершаемых преимущественно лицами этого сословия, и просил разрешения на принятие строгих мер и преимущественно на представление наиболее вредных и порочных лиц к высылке из края. Мог ли полк. Коньяр смотреть на дело так, а поступать иначе? Мог ли он при его энергической натуре, не желать искоренения вопиющего зла и не прибегать для того к решительным мерам? В свою очередь, могло ли высшее сословие легко подчиниться новой административной и общественной дисциплине и смотреть без раздражения и злобы на тех, от кого исходил эти строгие меры? Таким образом, независимо от тех невыгодных сторон своего характера, которыми полк. Коньяр, при всех своих замечательных дарованиях, действовал неблагоприятно на абхазское население, независимо от злоупотреблений или бестактности ближайших начальников, независимо, наконец, от всех административных мер, которыми впоследствии возбуждалось народное неудовольствие, и, по преимуществу, неудовольствие высшего класса, зародыш вражды и противодействия со стороны этого, пользующегося влиянием, класса лежал уже в самом факте введения русской администрации. Местным деятелям этой администрации предстояла задача заглушить этот зародыш и остановить его развитие, – задача невыполненная частью по собственной вине и недостаткам деятелей, частью вследствие тех препятствий, которые поставляемы были им на пути к этой цели необходимостью, в видах общего блага страны, применения различных мер, направленных против интересов высшего сословия.

В числе административных мер этой категории некоторые (весьма немногие, впрочем, как увидим ниже) исходили от высшей правительственной инстанции на Кавказе, другие, несмотря на важность были, к сожалению, применяемы по собственной инициативе и усмотрению местных властей вследствие отсутствия близкого контроля со стороны высших инстанций.

В мнении своем, очевидно, относясь к тем и другим из этих мер, указанных в докладе Комиссии, как причины народного неудовольствия, кутаисский генерал-губернатор выражает, что «стремление к упрочению нашего господства над кавказскими племенами по окончании войны вызвало в высших сферах кавказского управления целый ряд соображений и мер, затрагивающих самые сокровенные чувства и интересы горцев и возбуждающих их неудовольствие и менее или более открытое сопротивление». Мне кажется, что выражение это, будучи употреблено без более подробного развития заключающейся в нем идеи, легко может подать повод к недоразумению.

Человек, незнакомый близко с делом, прочтя это выражение, может предположить, что в высших сферах кавказского управления то и дело создаются умозрительно, без всякого внимания к потребностям и условиям настоящего духовного и общественного развития горцев, различные меры, неловко затрагивающие самые сокровенные их чувства и их неудовольствие и сопротивление. Нет сомнения, что кутаисский генерал-губернатор не думал и не хотел сказать этого и имел ввиду те, хотя бы и задевающие интересы горцев, но безусловно необходимые меры[1], принятие которых вызывалось духом времени и всеми правительственными соображениями и без которых немыслимо ни прочное утверждение нашей власти, ни успехи общественного развития горских обществ, но опасаясь, что слова кутаисского генерал-губернатора не были поняты другими в превратном смысле, я считаю долгом обратить на них внимание.

[1] Решение на Северном Кавказе поземельных вопросов, составляющих основание всякого гражданского успеха, сопряженное в некоторых случаях с ограничением основанных на произволе и праве сильного притязаний на владение землею частными перемещениями некоторой части населения, обложение горцев податьми, необходимое и в административных и в финансовых соображениях;… приступ к решению крестьянского вопроса, составляющему одну из важнейших обязанностей администрации в отношении к стране и замедление которых, по духу времени и народному настроению, может иметь такие же опасные последствия, к каким всегда нужно быть готовым и при приведении в исполнение между горским населением этой, как и всякой другой, не всеми с сочувствием принимаемой меры – (**док.**).

АЙТАИР

В отношении же собственно к Абхазии какие из подобных, так сказать, органических мер были предприняты по указанию высшей административной инстанции края?

Абхазия, несмотря на долгое состояние ее под властью России, будучи закрыта от глаз правительства ширмою владетельского управления, оставалась для нас страною почти совершенно неведомою до самого удаления последнего владетеля: нам были неизвестны даже в главных чертах на основании поземельного права, ни сословные отношения, не говоря уже о других, менее крупных данных, касающихся общественного устройства и положения страны. Кавказская администрация очень ясно сознавала необходимость изучения и разъяснения общественного строя Абхазии и утверждения затем основ его на прочных началах; вслед за собиранием статистических данных о численности населения, которое (хотя нужно сознаться, и далеко не в той полноте и подробности, как указано в мнении кутаисского ген.-губернатора) было произведено местными управлениями Сухумского отдела, предположено было приступить к разъяснению поземельных и сословных прав этого населения назначением для этого особой специальной комиссии. Его и. выс. главнокомандующий придавал скорейшему решению этих вопросов весьма важное значение и нельзя сказать, что и ген.-ад. кн. Мирский и полк. Коньяр упускали из виду необходимость осуществления этой меры и оставались к ней равнодушны. Оба они неоднократно высказывали мнения о крайней несостоятельности, и потому я считаю долгом совести сказать, что Комиссия, исследовавшая причины абхазского возмущения, впала в несправедливость, когда, очерчивая деятельность местной администрации за последнее время и указывая на меры, особо деятельно направленные против высшего сословия, начиная с 1865 г., т. е. со вступлением в должность полк. Коньяра, Комиссия эта говорит, между прочим, что при этом были оставлены без внимания вопросы о личных и имущественных правах высших сословий, всегда и везде игравших главную роль при всякой перестройке общественного быта. Нет, в отношении этого вопроса полк. Коньяр сделал все, что от него зависело, и назаначение сословно-поземельной комиссии уже давно бы состоялось, если бы не было задержано следующей причиной: в начале прошлого 1865 г. под председательством ген.-м. Понсэ составлена была комиссия для приведения в известность имений и доходов бывшего владетеля, с целью определения за них, по взятии их в казну, вознаграждения. Комиссия эта, исполняя свое поручение, естественно и неизбежно коснулось разъяснения некоторых общих оснований обычного поземельного права в Абхазии и, действуя с величайшей добросовестностью и вниманием, могла дать всегда полезные данные для соображений при составлении инструкции для действий долженствующей учредиться сословно-поземельной комиссии, или даже могла и сама быть преобразована для этого последнего назначения. Во всяком случае, е. выс.

изволил признать неудобным, чтобы две комиссии одновременно касались разработки одних и тех же вопросов в той же местности. В начале нынешнего года, видя, что занятия комиссии ген. Понсэ потребуют гораздо большего времени, нежели первоначально предлагалось, е. выс. вызвал этого генерала в Тифлис для объяснений как в отношении действий комиссии по прямому предмету ее поручения, так, главным образом, для обсуждения общих вопросов по части сословного и поземельного права, в видах скорейшего приступа к решению этих вопросов. По важности дела ген. Понсэ просил разрешения представить свои соображения письменно. Занятия эти потребовали времени и, таким образом, к учреждению комиссии не могло быть преступлено до самого взрыва абхазского возмущения.

Как Комиссия, исследовавшая причины этого возмущения, так и кутаисский генерал-губернатор приписывают действиям Комиссии ген. Понсэ долю участия в произведении причин восстания. Ген.-ад. кн. Мирский при этом выражается так: «Действие этой Комиссии, затрагивая вопросы сословной и поземельной собственности и возбуждая их разрешение, были первопричиной неудовольствий и волнения в народонаселении».

Это справедливо, хотя и можно возразить собственно против эпитета – первою. Но следует ли из этого заключить, что возбуждение неудовольствия в народе (или, вернее, в высшем сословии) должно быть отнесено к вине Комиссии ген. Понсэ? Во всяком случае и положительно нет. Всем и каждому известна редкая добросовестность и чрезвычайная, даже, может быть, излишняя осмотрительность и осторожность, с которою ген. Понсэ вел действия своей Комиссии. По убеждениям своим враг всякого пристрастия и увлечения заранее предвзятой идеей, – он не делал ни малейшего вывода прежде, нежели десятками, может быть, сотнями подтверждений не удостоверялся в его безусловной, по своему мнению, справедливости; поэтому не подлежит сомнению, что он шел к цели хотя и медленно, но обстоятельно и верно.

С другой стороны, несомненно и то, что занятия Комиссии действительно породили в населении тревожные толки. Дело в том, что изучая строй абхазского общества, Комиссия пришла к убеждению, что в Абхазии высшее сословие не имеет и не имело каких-либо определенных, преимущественных перед остальным населением, прав на землю, подобно дворянству в России или в Грузии, что земля была всегда достоянием общественным, с некоторыми особенностями, подобно тому, как это существует в черкесских и некоторых других племенах Северного Кавказа, что отношения этого сословия к вопросу об исключительном землевладении имеют скорее смысл притязания, нежели действительно права, и самая возможность подобного притязания навеяна примером соседних стран с населением грузинского племени.

АЛЫТАИР

Хотя высшее кавказское начальство ничем ни заявило, что вследствие такого вывода Комиссии, отвергает притязания высшего сословия в отношении исключительного землевладения и что не намерено поставить это сословие в этом отношении в иные условия, нежели остальное население, тем не менее опасение, что Комиссия своими исследованиями обнаружит несостоятельность его домогательств могло действительно заранее уже располагать высший класс к неудовольствию на правительство.

Затем из категорий мер, названных мною органическими, предположенных, по воле е. выс., к исполнению по отношении к Абхазии, можно указать только на… сбор сведений с целью прекращения в Абхазии крепостной зависимости….

Затем, что касается до крестьянского вопроса, послужившего, так сказать, видимой причиной восстания, то доклад Комиссии с достаточной убедительностью разъясняет, что вопрос этот, будучи видимой, в сущности, не был истинной причиной восстания.

Время и напряженность отношений между владельцами и зависимыми сословиями повсюду в горских обществах на Кавказе обусловили полную невозможность предоставлять будущему решению этого вопроса; высшая крестьянская администрация, не скрывая для себя всех затруднений и опасностей, могущих при случайном действии неблагоприятных влияний на такую восприимчивую и легко воспламеняющуюся среду, как население горских кавказских племен, вместе с тем не могла не видеть, что оставление этого вопроса нерешенным грозит, может быть, гораздо большими опасностями, если не в отношении всех, то по крайней мере, многих из племен. Таким образом, путь, по которому нужно было идти, указывался сам собою.

Тем не менее, однако же, есть мнение, что если к решению крестьянского вопроса и возможно было приступить в других местностях Кавказа, то к Абхазии применять эту меру было бы во всяком случае рановременно. Выражают при этом, что эта мера составляет слишком большой наш скачок в устройстве общественного быта Абхазии, что надлежало идти путем постепенности мер, которому мы следовали в других горских племенах и, между прочим, решить прежде податной вопрос, а потом уже приступать к крестьянской реформе.

Не мне принадлежит честь инициативы в распоряжениях по горскому крестьянскому вопросу, мало того, себя лично я не считаю свободным от упрека в том, что был неловким исполнителем этих распоряжений и повредил их успеху, но, сознаваясь в этом, я тем более признаю за собой нравственное право высказать убеждение свое в основательности своевременности самого этого благого начинания.

В самом деле, почему именно было несвоевременно приложить к Абхазии эту меру, применяемую ко всему стальному горскому населению

Кавказа? Потому, что она могла возбудить народное неудовольствие? Но нет сомнения, что такие опасения должны бы иметь гораздо больше места в деле обложения податьми; в холопском вопросе, не говоря, конечно, о недоразумениях и неожиданных случайностях, подобных происшедшим на этот раз, мы вправе рассчитывать на то, что одна из заинтересованных сторон будет поддерживать наши виды; податной же вопрос возбуждает противодействие одинаково во всем населении.

Могут сказать, что мы приступили к решению вопроса в Абхазии, не имея подлежащим для того сведений и данных, но дело в том, что все распоряжения по крестьянскому вопросу в Абхазии именно и имели целью только собирание подобных сведений и данных; к тому же те данные, которые необходимы и достаточны были для общих соображений о вопросе, были в виду Комитета, обсуждавшего предстоявшие распоряжения, прежде утверждения их е. и. выс. главнокомандующим. Таким образом, например, Комитету было положительно известно из различных источников и, между прочим, из заявлений Комиссии ген. Понсэ и официальных донесений полк. Коньяра, представленных кутаисскому генерал-губернатору, что зависимость подвластных от владельцев, выражающихся в известных, строго определенных повинностях, проистекает из чисто сословных отношений, а нисколько из пользования владельческою землей, и, следовательно, что прекращение крепостной зависимости не вызывает никаких особых соображений, собственно в силу этого факта, об устройстве положения крестьян в отношении поземельного пользования, за исключением того, немногочисленного сословия совершенно бесправных рабов, которое не имеет своей земли и живет в домах владельцев в качестве дворовой прислуги[1]. Имея в виду еще несколько подобных основных данных, ни Комитет, ни е. и. выс. лично не видели никаких существенных препятствий к применению в Абхазии меры, скорейшее осуществление которой вызывалось всякими – как политическими, так и чисто человеческими соображениями. Мера эта, вследствие побочных, не зависящих от существа ее, обстоятельств, сделалась поводом восстания; и в этом случае в высшие сферы кавказского управления может быть направлен только упрек разве только в неимении обстоятельных сведений о том настроении, в котором находилось абхазское население. Конечно, имея эти сведения, следовало бы ожидать более благоприятного времени, хотя и тогда, при самых лучших условиях,

[1] В мнении своем кутаисский генерал-губернатор говорит, что «деятели высшего сословия, для того, чтобы взволновать население, воспользовались неловким параграфом инструкции, данной чиновником, собиравшим сведения по крестьянскому делу, представляя своим подвластным предположенный выкуп ими своих повинностей, без определения поземельных отношений, как величайшее для него бедствие». Тут, видимо, кроется какое-либо недоразумение или неточность выражения. Холопы, конечно, могли бояться неопределения правительством их поземельных прав, положительно определенных обычаем, когда правительство ничего не говорило против этих прав. Из доклада Комиссии нельзя извлечь никаких данных для разъяснения этих слов – (**док.**).

АЛЫТАИР

все-таки невозможно было бы совершенно поручиться, что дело обойдется без волнения и недоразумений. В настоящем же случае ни кутаисский генерал-губернатор, ни покойный полк. Коньяр, – ближайшие блюстители страны, – не видели ничего опасного в несвоевременного и возбуждении крестьянского вопроса; по крайней мере, первый ничем не заявил перед е. и. выс. своих опасений и второй не только не видел в положении страны какого-либо препятствия к начатию дела, но тотчас по прибытию к нему чиновника Черепова и м. кн. Баратова, назначенных для сбора сведений, в собственноручном письме от 18-го июля писано мне, «что он не может выразить своего восторга» по поводу начала дела. Письмо это я имел счастье в свое время представлять е. и. выс. главнокомандующему.

Затем в докладе Комиссии в числе мер, направленных преимущественно против интересов высшего сословия и возбуждавших его неудовольствие, указываются также меры, относящиеся к религиозному вопросу, и установление ген. Шатиловым правил об отыскании холопами свободы от своих владельцев, дававших легкий доступ к удовлетворению самых неосновательных домогательств крестьян. Эти меры должны быть отнесены к категории ошибок местной администрации, допущенных без ведома и разрешения высшей власти. Вопрос распространения христианства в Абхазии действительно имеет огромное политическое значение, но может ли привлекать к христианству и содействовать его распространению применение мер, казавшихся народу непонятным для него насилием и возбуждавшим в нем неуважение и ненависть к закону и религии, во имя которых эти меры применялись. В высшей кавказской административной инстанции имелась в виду необходимость создания других мер[1] и других способов действия в этом вопросе. Еще в начале нынешнего года ген.-ад. Карцовым, с одобрения е. и. выс., возбужден вопрос о преобразовании и усилении скудных средств Абхазской духовной миссии и вообще об организации абхазского духовенства. Вопрос этот был уже отчасти обсуждаем, хотя и решен еще в Совете общества восстановления христианства на Кавказе; как же именно действовала местная абхазская администрация в этом вопросе, к сожалению, не было известно. В январе (24 числа) настоящего года получено в Горском управлении представленное кутаисским генерал-губернатором е. и. выс. со своими замечаниями мнение полк. Коньяра о тех мерах, которые следует принять к руководству Абхазии к вопросу о браках между лицами христианского и мусульманского исповедания, заключенных в прежнее время, – вопрос, к которому главным образом относятся те действия абхазской администрации, которые кн. Мирским (упомянуты) при исчислении причин восстания под именем мер по религиозному вопросу. По представлению этому, требовавшему внимательного обсуждения, в Горском управлении составлены соображения, которые и предполагались по окончании

[1] В тексте «им» – (**Ш. Ч**.).

летнего периода, передать в Совет наместника кавказского для обсуждения и представления е. и. выс. на утверждение.

Имея в виду не разрешение еще его выс. сделанного представления, весьма естественно было заключить, что местное начальство, в ожидании этого разрешения, не приступит ни к каким мерам по этому вопросу. Комиссия в докладе своем говорит: «с удалением владетеля, а, особенно, в течение последнего года, вопрос распространения христианства в Абхазии стал предметом особой заботливости и скоро, благодаря тому вниманию, которое было обращено на нее в высших инстанциях, он сделался едва ли не главнейшей заботой каждого административного деятеля Абхазии и каждого постороннего лица, видевшего в этом возможность обратить на себя внимание».

Слова эти могут породить недоразумения и дать повод заключить, что высшее начальство вполне одобряло образ действий местной администрации; поэтому я и счел нужным указать выше на степень участия высшей инстанции в этом вопросе. К этому я могу присоединить только указание на сношения Горского управления с кутаисским генерал-губернатором, которым передавались ему настояния экзарха Грузии о расторжении нескольких браков, заключенных в последнее время между христианами и мусульманами в Самурзакани, издавна уже состоящей в непосредственном управлении русской власти и под действием русского закона.

Затем из поименованных кутаисским генерал-губернатором причин абхазского восстания к числу административных ошибок также нужно причислить следующие: 1) неудовлетворительный личный состав и неправильные административные действия чинов местных управлений; 2) провоз в Абхазию тела бывшего владетеля; 3) замедление в определении прав членов дома Шервашидзе и 4) неудачный выбор чиновника Черепова и включение в инструкцию, данную ему, одного, по совершенно верному выражению кн. Мирского, неловкого пункта.

Неудовлетворительность личного состав управлений, по мнению моему, играет важную роль между причинами народного неудовольствия. Вместо того, чтобы осторожным и благоразумным образом управления смягчить и уменьшить действие враждебных правительству и порядку элементов и водворить уважение к твердости и беспристрастию власти и закона, административные лица деятельностью своей или раздражали население, или внушали к себе неуважение. Предоставление в такие руки управления народом, в гражданской жизни которого все требовало заботливого руководства и устройства, нужно сказать правду, есть важная ошибка, которая только отчасти может быть извинена неутверждением нового Положения и штатов; действительно, неутверждение штатов делало затруднение к хорошему выбору лиц, но не ставило тому неодолимого препятствия, к тому же чем менее надежны деятели, тем ближе должен быть контроль

АЛЫТАИР

за их действиями. В этом отношении обе высшие кавказские административные инстанции должны нести на себе нравственную ответственность соразмерно относительной близости подчинения им абхазских управлений.

Кутаисский генерал-губернатор ставит в упрек Комиссии, что она в докладе своем вдалась в подробное обсуждение качеств и действий административных лиц и резко выразило о них свое заключение. Мне кажется упрек этот не вполне заслуженным. Каким образом Комиссия, исследующая причины народного неудовольствия, могла не касаться личных свойств и характера деятельности управлявших лиц, когда именно эти свойства и эта деятельность сами по себе были одною из важнейших причин враждебного настроения населения? Сколько мне кажется, личности очерчены более или менее верно, и если в изображении их и есть некоторый излишек ярости красок, то излишек этот во всяком случае весьма незначителен. Личность энергическая, и полная многих задатков, служебная деятельность покойного полк. Коньяра выставлена метко и правдоподобно. Деятельности ген. Шатилова я не знал так близко, и потому не могу выразить своего заключения о верности изображения. Кутаисский генерал-губернатор не разделяет мнения Комиссии об этом лице; весьма может быть, что Комиссия и ошиблась в этом случае, – и в самом деле она указала только на слабые стороны деятельности ген. Шатилова и не упомянула вовсе о хороших ее сторонах и о многих почтенных свойствах его личного характера, которыми он сумел, до известной степени, внушить к себе симпатию населения. Нужно, однакоже, сказать, что характеристика деятельности этого генерала, которую дает сам кутаисский генерал-губернатор, в двух местах своего мнения, по несовершенному согласию обоих этих очерков между собою, представляет личность и деятельность ген. Шатилова несколько в противоречивом свете.

Разрешение привоза в Абхазию тела владетеля и погребение его с обычной торжественностью и продолжительным церемониалом нельзя не назвать ошибкой, потому что оно, бесспорно, должно было много содействовать, и по свидетельству Комиссии действительно, содействовало, усилению и оживлению в абхазском населении враждебного настроения против русского управления. Ошибка эта, конечно, не была бы сделана, если бы наше начальство имело сведения о настроении умов абхазского населения.

Замедление в определении положения членов рода Шервашидзе есть ошибка, так сказать, невольная, происшедшая вследствие замедления в окончании своего поручения Комиссией ген. Понсэ, по указанным выше причинам.

Затем перехожу к ошибке, относящейся к моей собственной вине, – неудачному выбору чиновника Черепова и к не менее неудачному помещению в инструкции статьи о выкупе зависимыми сословиями своих повинностей на свои собственные средства. Прошу позволения сказать несколько слов в объяснение тех поводов, которыми я руководствовался в том и другом случае. Чиновник Черепов более года состоял членом Комиссии ген. Понсэ; до вызова своего в Тифлис, ген. Понсэ, отдавая отчет о занятиях Комиссии, в официальном письме к помощнику главнокомандующего армией рекомендовал Черепова, как самого усердного и полезного ему помощника; по прибытии в Тифлис ген. Понсэ также и словесно с весьма большой похвалой отозвался о нем; затем из личных объяснений с Череповым о делах в Абхазии я удостоверился, что он весьма добросовестно и обстоятельно вникал в строй тамошнего общественного быта. Вскоре по прибытии Черепова в Тифлис ему было предложено место столоначальника одного из серьезнейших столов в Департаменте государственных имуществ Главного управления наместника, при котором (департаменте) он числился на службе. Получая о Черепове столько самых хороших отзывов и полагая, что он будет весьма полезным деятелем в составе предположенной сословно-поземельной комиссии, я лично ездил к директору департамента и просил его не удерживать Черепова у себя под начальством, на что директор согласился только после довольно продолжительных настояний с моей стороны. Далее, когда Черепов получил поручение по сбору сведений для решения крестьянского вопроса и вместе с кн. Баратовым, назначенным для того же поручения, прибыл в Абхазию, то покойный полк. Коньяр, извещая меня о начале занятий этих лиц собственноручным письмом, о котором я упомянул уже выше, выразился так: «Приезд Черепова и Баратова был для меня таким приятнейшим сюрпризом, что я не могу удержаться, чтобы не поблагодарить вас за него и выразить вам всего моего восторга по поводу великолепно составленной для них инструкции».

Я привожу весь этот период письма с двойной целью: во-1-х, чтобы показать, что и полк. Коньяру, у которого в крае Черепов исполнял более года весьма видное поручение, подобно тому, как и ген. Понсэ, неотлучному свидетелю его сношений с населением Бзыбского округа, не было известно, что в течение этого времени Черепов стал ненавистным этому населению, как говорит и Комиссия и генерал-губернатор, и мне кажется, что употребленное в этом случае выражение должно быть несколько преувеличено; во-2-х, что упомянутый выше пункт инструкции[1], который действительно нужно считать неловким при напряженном состоянии населения, не произвел никакого опасения в полк. Коньяре и даже не вызвал никакого от него замечания; это обстоятельство служит одним из указаний, что сам по себе пункт этот не был резко не уместен при том представлении о положении дел в Абхазии, которое мы себе, вместе с ближайшим начальством, делали.

Составлен этот пункт вследствие заявления Черепова и самого ген. Понсэ о том, что при опросе ими населения Бзыбского округа было довольно

[1] Инструкция в копии заключается в числе сведений, представленных комиссией при докладе и записках своих – (**док.**).

АЛТАИР

но много примеров, что люди свободные выдавали себя перед Комиссией за крестьян того или другого владельца, и что крестьяне показывали с умыслом, что отбывают больше против действительных повинностей; в том и другом случае, по словам Черепова, происходила стычка с владельцами собственно вследствие предположения, что казна будет платить владельцам за крестьян подобно тому, как в Грузии и Имеретии. Чем бы однакоже ни была обусловлена причина включения этого пункта в инструкцию, но так как и при вполне спокойном состоянии умов населения было бы благоразумнее избежать заключавшегося в этом пункте объявления, то я строго виню себя в сделанном промахе.

ЦГИАГ, ф. 545, д. 2784, лл. 165 – 199. Черновик.
Документы по истории Грузии. Т. 1. Ч. 1. (Под ред. Ш. К. Чхетия).
Тб. 1954. С. 83 – 97.

3.78 Из следственного дела о восстании в Абхазии.

октябрь 1866 г[1]**.**

Чиновник Черепов, имея поручение начальства собрать статистические данные, необходимые для крестьянского вопроса в Абхазии, в половине июля отправился для исполнения этого поручения в Бзыбский округ. В состав комиссии к нему, по распоряжению полк. Коньяра, были назначены исправляющий должность окружного начальника по названному округу шт. кап. Измайлов и двое из судей того округа: Тито Маргани и Комгаз Хак[2].

Действия свои Черепов начал 17-го июля с сел. Пицунд, где к тому времени, по распоряжению местного начальства, были собраны владельцы того села кн. Иналиповы, анхаве и агирва. И открыл оные речью, в которой выразил следующее: Он прислан по воле е. и. выс., для того, чтобы объявить народу, что как в России крестьяне освобождены от крепостного состояния, так и здесь они должны быть свободны, но предварительно этого освобождения он должен собрать сведения: как велика была повинность своим владельцам, даваемая разными зависимыми сословиями, сведения эти нужны для того, чтобы по ним правительство могло определить меру выкупа зависимых сословий от владельцев, выкуп же должен упасть не на счет казны, насчет выкупаемых. Затем он что-то очень темно и непонятно сказал насчет ахашала, так что было заметно всем, что он скрывает что-то и не высказывает вполне истину; потом говорил о необходимости знать, как пользуются землей, могут ли продавать ее по своему произволу как владельцы, так и подвластные в посторонние руки, и могут ли взамен проданной обрабатывать другую, где кто захочет?

[1] Дата установлена из сроков работы Комиссии – (**док.**).
[2] Так в тексте, должно быть Хахба – (**Ш. Ч.**). Прим.: Речь идет о Камгазе Хаг (Хагба) – (**сост.**)

По выборе после этого по одному депутату от каждого сословия владельцев, анхаве и агирва, Черепов стал спрашивать о повинностях. Депутаты отвечали бесспорно и согласно. Когда же дело дошло до поземельного права, то Черепов начал отвергать все права владельцев на земли, говорил, что владельцы не помещики, а ахалапшюю, завел спор с владельцами и всеми членами Комиссии, грубо выражался о кн. Иналиповых и, хотя соглашался составить обо всем акт, но этого не исполнил, а рассерженный уехал к кап. Воронову, сказав, что он у последнего соберет нужные ему сведения.

Это несогласие и раздор поселило недоверие и неуважение (к) Комиссии, послужило как бы причиной или поводом неисполнения народом дальнейших ее требований, так как, когда она потом 18 июля прибыла в м. Калдахаз, где были собраны жители сел. Мчишнерт и по объявлению того же, что было сказано в Пицунде, Черепов стал спрашивать народ, то мчищнерцы сказали, что они не могут отвечать отдельно от прочих общин Бзыбского округа, ибо имеют исстари данный обет и присягу, что ни на какие важные вопросы не давать ответов одной общине отдельно от других и при этом остались, несмотря на все усилия Измайлова и Черепова склонить народ на дачу ответов.

Тот же ответ Комиссия получила на другой день от жителей селений Абцаева, Мгудзырхва и Чаабалрхва, а один абхазец сказал, что они не намерены получать свободу выкупом за свой собственный счет и согласны считать себя государственными крестьянами, если государство на их выкуп употребит свое добро.

Потом Измайлову при содействии некоторых лиц из абхазцев удалось собрать жителей сел. Дурили[1] и он, полагая, что если в этой обширной общине, где считается до 400 дворов, будут даны удовлетворительные ответы, то везде пойдет хорошо, уведомил об этом и всем происшедшем полк. Коньяра[2], который 21 июля прибыл в м. Гудауты и послал сказать дурипшцам, чтобы они не расходились и объявил[3], что дирипшцы уже разошлись. По старанию Измайлова вновь были собраны жители Дирипши, которым Коньяр объявил: государь по своей милости желает доставить всем сословиям выгоды свободной жизни, намерен дать свободу и туземным крепостному и зависимому сословиям, но предварительно желает знать, какие повинности несут эти сословия в пользу своих владельцев, чтобы соображаясь с оными, мог освободить зависимых без ущерба владельцам. Собрание этих сведений возложено на обязанность Комиссии, которой народ должен давать ответы по вопросам; когда последует освобождение, скоро или нет, знает только государь.

[1] Дурпиш – (**сост.**).
[2] Письмо Измайлова Коньяру от 19 июля 1866 г. См.: данное издание, **док.** № 358 – (**сост.**).
[3] Так в тексте. Наверно надо: «но дурипшцы уже разошлись» – (**сост.**).

АЙТАМИР

Но и после этого народ отказался от выполнения требований Комиссии, а на вопрос Коньяра о причине отказа ответил, что он не даст ответа до тех пор, пока Комиссия не начнет своих действий, или с первой, или с последней из общин округа и не знает почему, она желает начать действия с середины.

Убеждения Коньяра в этом случае не имели никакого успеха; народ оказал явное неповиновение и даже обнажил оружие, когда Коньяр потребовал к себе одного из главных зачинщиков[1], но был удержан дворянами и членами суда, которые заслонили собой Коньяра и разогнали народ.

После того Коньяр уехал в Сухум, а народ на другой день опять стал собираться в Дирипши, с криком и горячностью выражал свое намерение идти в главное место управления и освободить дворян, которые будто бы посажены под стражу. Посланный Измайловым Тито Маргани с клятвой уверял народ, что он обманут, никто из дворян не арестован, и просил успокоиться и разойтись по домам. Народ положил теперь разойтись, а собраться 25 числа и тогда окончательно решить, что надо делать.

По донесению и личном докладе чиновника Черепова о намерении народа полк. Коньяр, взяв с собой кн. Георгия и Александра Шервашидзевых и чиновника Черепова, 25 числа прибыл в м. Гудауты, где его встретил Измайлов с казаками. Узнав, что народ собирается в м. Акваскенца, Коньяр послал одного из судей Тито Маргани объявить народу, чтобы он весь собрался и сказал, где желает им объяснение, а сам отправился в сопровождении названных лиц в м. Лыхны. Тито Маргани, прибыв в Лыхны, доложил Коньяру, что народ весь готов и явится куда прикажут.

26 июля был послан корнет Толпар Анчабадзе с приказанием, чтобы собравшиеся абхазцы прибыли в Лыхны. Толпар, встретив на дороге в Дурипшу народ уже шедшим в Лыхны, остановился и выждал пока все пройдут, при этом он заметил: а) что народ вообще был чем-то недоволен, б) что каждый из абхазцев имел при себе мешочек с провизией на несколько дней и в) проходившие последними партии псыртская, эшерская и анхойская[2] разговаривали между собой: «Полковник все таки не исполнит наших требований, между тем на объяснение с ним потребуется много времени, не лучше ли, когда подойдем к дому владетеля, прямо напасть на него?». По возвращении в Лыхны, Анчабадзе о всем, что видел и слышал, доложил Коньяру, который на это сказал, что все вздор, «вы, кажется, струсили».

Часу в 3-м пополудни полк. Коньяр с Измайловым, казачьим офицером, кн. Георгием и Александром Шервашидзе, переводчиками – Георгием Ткецишвили, Соломоном Лакербаем, Давидом Ермоловым, Толпаром Анчабадзе и некоторыми из абхазцев[1] прибыл в м. Ажириц, где ожидал его народ, стоявший по сословиям; чрез четверть часа вышли от народа восемь депутатов из вольных жителей и крестьян (по показаниям других число депутатов было 6), один из них Осман–Шама[2], с согласия прочих начал говорить перед Коньяром: речь его состояла в следующем: «Когда у нас был владетелем Келеш-бей Шервашидзе, исповедовавший магометанскую веру, все соседние народы находились с нами в дружеских отношениях и мы жили в покое и достатке. При сыне его Сафар-бее, принявшем христианство и русское подданство, мы начали терпеть всевозможные бедствия. Все соседние магометанские племена стали часто нападать на Абхазию, грабить, разорять и угонять стада. Такой же порядок вещей продолжился и при приемнике Сафар-бея, Михаиле Шервашидзе[3]. По удалении от нас последнего и введения русского правления, мы ожидали, что оно поведет нас к спокойной и независимой жизни, но напротив положение наше постепенно становилось хуже и хуже и во время вашего управления, полковник, мы особенно стали терпеть много притеснений. Что же касается до распоряжения отобрать крестьян от помещиков и сделать первых независимыми от последних, то оно просто невыносимо для нас. А потому убедительно просим дозволить нам послать депутацию к брату государя, чтобы спросить его, с воли ли государя императора все это делается, или по произволу местного начальства; если же этого не дозволишь, то просим позволения послать депутацию к генерал-губернатору; если и этого не дозволишь, то просим начать это дело с Самурзакани и потом перейти к нам…». Все эти просьбы полк. Коньяр отверг последовательно одну за другой и сказал, что он доведет о них до сведения высшего начальства тогда, когда народ исполнит его приказание. При этом Коньяр разъяснил, что освобождение крестьян составит счастье как князей и дворян, так и низших сословий, и в заключении объявил, что в народе есть заговорщики, которые подстрекают его, и что их, для спокойствия народа, необходимо выслать из края. Последнее предложение особенно не понравилось народу и тем, к кому оно относилось и кто из них был здесь. В толпе народа послышался крик: «изве аных зихуаз», т. е. все, давшие условие, подтвержденное присягой, собирайтесь; народ отхлынул назад и начал кричать и волноваться.

Полк. Коньяр, видя общий беспорядок, отправился с сопровождавшими его к м. Ажириц лицами, к которым присоединились еще судьи и приближенные кн. Шервашидзе абхазцы, в дом бывшего владетеля, и войдя на

[1] Действия его состояли в том, что когда по требованию Коньяра агырва хотели отделиться от анхаве и стать отдельно, то он схватил первого имевшего отойти и стать отдельно, и остановил его – (**док.**).

[2] Анухвинсакая – (**сост.**).

[1] Черепов и Суринович оставались в доме владетеля – (**док.**). **Прим**.: По данным переводчика Ткецишвили Черепов и Суринович находились на поляне при переговорах Коньяра с народом. См. данное издание, **док.** № 348 – (**сост.**).

[2] Так в тексте. В показании переводчика Ткецишвили – Мама Осман – (**Ш. Ч**.). **Прим**.: В варианте показания переводчика Ткецишвили, найденном в архиве Г. Дзидзария – Шама Осман. См. данное издание, **док.** № 65 – (**сост.**)

[3] Приемником Сафар-бея был Омар-бей (Дмитрий), а Михаил Шервашидзе был приемником того же Дмитрия – (**сост.**).

АЙТАМИР

второй этаж, сначала поместился во второй комнате, а потом для большей безопасности перешел в третью, называвшуюся спальней.

Народ, несмотря на действия некоторых князей, дворян и старшин, которые убеждали его не делать беспорядков и разгоняли плетьми и палками, бросился за Коньяром и сделал несколько выстрелов, прежде чем Коньяр успел скрыться в доме кн. Шервашидзе, а добежав до караульного дома, освободил арестантов, от которых снят был Измайловым караул, когда Коньяр возвращался в м. Ажириц к дому, и разделился на две неравные партии.

Из них большая бросилась на стоявшую невдалеке от дома бывшего владетеля – сотню казаков, и начала с ней перестрелку; казаки, не имея приказания защищаться, стали отстреливаться; тогда когда в рядах их упало несколько человек мертвыми, они сначала защищались на открытом месте, но потом, видя, что толпа абхазцев превышает их численностью в несколько десятков раз, заперлись в конюшню, перед которой стояли, и начали стрелять оттуда.

Абхазцы вскоре подожгли это здание, и казаки вынуждены были для своего спасения выйти из конюшни, пробиться сквозь густую толпу неприятелей и укрыться внедалеке стоявшем полуразрушенном каменном доме; абхазцы, преследуя казаков, отступили от этого дома не прежде, как убедившись в трудности успеха против казаков. Отсюда казаки вечером перебрались в церковь, где скрывались несколько дней; из церкви вывела их жена Александра Шервашидзе, посылавшая до того им провизию, привела в Гудауты и на нанятой кочерме отправила в Сухум[1].

Меньшая партия осталась возле дома, в котором находился Коньяр со свитой, и стала стрелять по дому, направляя выстрелы вверх и крышу его. Две или три пули упали в комнату, в которой находился Коньяр со свитой.

Войдя в спальню, Коньяр и бывшие при нем офицеры, переоделись в черкесское платье, которое сняли с себя и отдали им находившиеся в комнате судья и приближенные к Георгию.

Потом Коньяр послал абхазца Мусса-Агерба-Деван-ипа с письмом в Сухум, чтобы предупредить нападение. Кн. Георгий подходил к окну, хотел было стрелять в народ, но полковник удержал его от этого.

П р и м е ч а н и е: Переводчик Ткецишвили говорит, что Георгий, подойдя к окну и грозя кулаком, кричал народу: «Что вы подлецы делаете, обманули и заперли меня в доме, хотите резать что ли?» – на это народ отвечал: «Что ты, глупый, недоволен тем, что мы делаем поминку твоему отцу».

Когда в комнату, в которой находились Коньяр со свитой, попали две или три пули, то находившиеся в ней абхазцы – Мусса Гублия, Маги Шмаф и Комлат Маргани вышли на балкон и, плача, ударяя себя по лицу, объявили народу, что убит Георгий. На это некоторые отвечали: «это небольшая

[1] В рапорте кутаисского ген. губернатора от 13/9-66 г. говорится об этом событии, что: «убито офицеров 2, урядников – 2, казаков – 48, кроме раненых, которые, впрочем, все выздоравливают. Спаслись 1 офицер, 2 урядника и 53 казака» – (**Ш. Ч.**). **Прим.**: См. также данное издание **док.** № 79– (**сост.**).

беда, ведь убит же отец его»; но большая часть толпы отхлынула назад и стрельба на некоторое время было прекратилась, но потом возобновилось с большой силой.

П р и м е ч а н и е: По показанию других, названные лица вышли к народу с объявлением о смерти кн. Георгия тогда, когда был убит Алхаз Маргани и разъяренная толпа шла к дому; по всей вероятности эти оба обстоятельства: падение пуль в комнату и известие о шедшей толпе предшествовали выходу абхазцев с означенным объявлением.

Кроме того, один абхазец показал, что его послал кн. Александр уговорить народ успокоиться, но народ его прогнал.

Между тем во время перестрелки абхазцев с казаками, в рядах первых был убит дворянин Алхаз Маргани и ранен его родственник. Тогда братья и родственники убитого и раненного со своими подвластными и недовольными на русских, оставив казаков, с яростью бросились толпой к дому, в котором был Коньяр со свитой. Впереди толпы шли два брата убитого Шмаф и Эльмурза Маргани и, хотя на балконе убеждал их отец не делать преступления и, желая удержать, даже боролся с ними, но все таки вбежали с толпой на балкон и в комнаты дома и, остановившись перед дверьми комнаты, в которой был Коньяр, стали кричать: «Георгий выходи, а то убьем».

По показанию одного переводчика, Георгий, спустя несколько времени, вышел из комнаты, сказав, что он пойдет успокоить народ; вслед за ним вышел и Александр, а за Александром вышли все нерусские и Черепов с Суриновичем[1].

П р и м е ч а н и е 1. По показанию других Георгий вышел из комнаты по предложению полк. Коньяр успокоить народ.

П р и м е ч а н и е 2. По показанию прочих Георгий и Александр были выведены из комнаты ворвавшейся туда толпой, а за ним вышли и все не русские.

П р и м е ч а н и е 3. Всего вероятнее, что в это время все находившиеся в комнате потеряли полное присутствие духа, каждый заботился, как мог, о своем спасении, и Георгий, если вышел без приказания Коньяра, потому, что Коньяр прежде предлагал ему выйти, но его удержали переводчики, сказав, что если он выйдет, то их всех убьют.

Георгия и Александра приняли преданные им соусксинцы и отвели в сторону от дома к м. Ажириц, а Суринович и Черепов были убиты абхазцами.

П р и м е ч а н и е: Суринович, выйдя из комнаты, бросился на шею к одному абхазцу[2] с просьбой спасти; тот под своей защитой повел было его из дому, но один из абхазцев, вырывая кинжал у Суриновича, оторвал его от Эльмурзы, а другой в это время выстрелил в него и убил. Черепова же на

[1] Показание это заслуживает вероятия более других потому, что оно подтверждается в остальных фактах, и первое указало путь Комиссии для раскрытия обстоятельств этого происшествия – (**док.**).

[2] Эльмурза Маргани – (**док.**).

АЛАТАИР

балконе и на лестнице абхазцы били шашками и он, сойдя вниз дома, упал почти замертво.

По выходе названных лиц, в спальне остались Коньяр, Измайлов, казачий офицер, писарь и переводчик Черепова Ермолов; абхазцы кричал: «выходите остальные»; первым вышел в соседнюю комнату через пробитую перед тем в двери филенку Измайлов, за ним казачий офицер, писарь, Коньяр и Ермолов. В комнате этой было много абхазцев и вышедшие разместились в разных местах. Первым из них был убит Измайлов, потом казачий офицер и писарь. Коньяр же вошел в камин и Ермолов, закрыв его собой, стал просить стоявших возле дворян трех братьев Маргани спасти полковника, говоря, что за это будет большая награда. Маргани согласились было на эту просьбу и стали возле камина, но один из бывших в комнате абхазцев, имея месть к Ермолову, выстрелил в него, и пуля, пройдя между ног Ермолова, ранила одного из названных Маргани. Братья его взяли раненного и вынесли из комнаты. Вскоре был выведен из комнаты и Ермолов его знакомыми. Место его занял один из вошедших перед тем в комнату лыхненский дворянин по имени Шахан Маргани. Он также старался спасти Коньяра и предлагал за содействие этому подошедшему к нему абхазцу свою корову, буйволицу и кинжал, но абхазец этот, опасаясь быть обманутым, стал требовать у Шахана кинжал немедленно, когда и тот опасаясь, чтобы кинжалом этим не был убит Коньяр, не отдавал его, то абхазец бросился на Шахана и стал вырывать у него кинжал. Во время этой возни в камин одновременно были сделаны два выстрела абхазскими дворянином и крестьянином и Коньяр, раненный в ногу, выпал из камина на пол, где по нем новыми лицами было сделано еще два выстрела, которыми он и был добит.

Князь Георгий, когда вели его абхазцы из дома, говорил: «Убейте, убейте меня!», а когда был у мест. Ажириц и стоял скучный, то кн. Александр, подойдя к нему, сказал в присутствии народа: «Ужели ты думаешь, что это событие есть следствие заговора и я подвел тебя под такую неприятную историю?».

П р и м е ч а н и е: Цебельдинский кн. пор. Коншокво-Маршани показал, что ему абхазец Аджгирей Кодзба рассказывал следующее: После похорон владетеля в м. Моквах и отъезде оттуда Георгия, дворянин Омер-Гусейн Лакербай предлагал сначала кн. Георгию, а потом кн. Александру мщение русским за смерть владетеля. Они с радостью приняли предложение, в исполнении которого приняли участие воспитатель владетеля из фамилии Гумба. В заговор этот вошли многие князья и дворяне, но старик Солах Маргани, которого склоняли принять участие в заговоре, отверг это предложение. После того, Омар Лакербай, опасаясь открытия заговора Соллахом Маргани, уехал в Турцию…

Виновниками в лыхнынских преступлениях по произведенному следствию представляются следующие лица: кн. (Надаада) Заурбек-Дзиапшипа. Действия его состояли: по показаниям очевидцев: а) корнета Толпара Анчабадзе, когда партии эшерская, псыртская и анхайская шли из м. Дюрипш в Лыхны, то он был одним из числа говоривших: «Полковник все таки не исполнит наших требований, между тем на объяснение с ним потребуется много времени, не лучше ли, когда подойдут к дому владетеля, прямо напасть на него?» б) переводчиков Георгия Ткецишвили, Соломона Лакербай и моурава детей Гасана Марганиа, Дженым-Кумбым-ипа, в Лыхнах он по окончании объяснения Коньяра с депутатом от народа Османом Шамой, сидя на лошади, закричал: «теперь самое время», и первый стал воинствовать[1] толпу и в дворянина Шахана Маргания и Муссы Гублиа, по открытии в народе волнения, он выстрелил из толпы вторым.

По основанным на молве показаниям Эльмурзы Маргани, Мисауста Лакербая, Чепиак-Миканбы, Хамаша Кагли, Джесипа Трапши, Хакуца Агуша и Шамы Османа он первый стал волновать толпу, отзываясь о кн. Надааде Заурбек-ипа Маргани, как об одном из главных преступников по лыхнинскому делу, не объяснив по незнанию, в чем именно состоит его преступление.

Гидж-Отарба-Одагва-ипа. Действия его состояли: по показаниям очевидцев: а) Смела Лакербая, по окончании объяснения полк. Коньяра с депутатом от народа Шамой Османом, первый Гидж-Отарба и Шбук Дзган-ипа сделали в народу тревогу, стали его волновать и стрелять, б) Дженым Кумбым-ипа, Гидж сделал первый выстрел.

По основанным на молве показаниям: а) Эльмурзы Маргани, Гидж Шбук Дзган-ипа, первый стал волновать и стрелять; а) Хомаш Калги Гидж был участником убийств и награбил много вещей и в) Беслангур Миканба, ему сказывал Пшмаф Маргани, что Гидж выстрелил в Черепова.

Затем двенадцать абхазцев, основываясь на молве, отозвались о Гидж-Отарба-Одагва-ипа, что он в лыхнинском деле один из главных преступников.

Шбук Дзаган-ипа. Очевидцев его действий следствием не раскрыто. По основанным на молве показаниям: а) Эльмурзы Маргани и Смела Лакербая, он и Гидж-Отарба-Одагва-ипа первые стали волновать толпу и стрелять, б) Чепиак Миканба и Шамы Османа, что Шбук и Заурбек (Надаада) Джим-ипа первые стали кричать: «теперь пора волновать толпу»: в) Зафас Гумба, Шбук из первых возмутителей и убийц, г) Джесыт Трапши, Шбук один из главных бунтовщиков в Лыхнах и д) Шмаф Маги, Шбук – в числе первых стал стрелять.

Десять абхазцев, основываясь на молве, отозвались, что Шбук один из главных преступников в лыхнинском деле.

Дворянин Пшмаф Маргани. Действия его состояли: по показаниям очевидцев: а) Шахана Маргани, Пшмаф с братом Эльмурзы и другими по убийстве казаками его брата Алхаза, впереди толпы вбежал на балкон и, не-

[1] Так в тексте – (**Ш. Ч.**).

АЛЫТАИР

смотря на энергические убеждения и противудействия своего отца, вошел в комнату, где были русские, б) Смела Лакербая, Пшмаф с братом своим и другими вбежали на балкон и в комнату, где были русские, и рассказывал потом Смелу, что он, Пшмаф с Зафасом Чамбой убил главного, т. е. Коньяра, в) Георгий Ткецишвили, Пшмаф с Эльмурзой с обнаженными кинжалами первые ворвались в комнату, где был Коньяр со свитой и нанесли удары полковнику, г) Соломона Лекербая, Пшмаф с обнаженным кинжалом первый ворвался в комнату, в которой был Коньяр со свитой, д) Тито Маргани, что он, выходя из комнаты Коньяра, видел Пшмафа в соседней комнате и е) князь Тквагу Эмухвари, Пшмаф первый ударил кинжалом чиновника Черепова, когда он вышел на балкон.

По основанным на молве показаниям: а) Тито Миканба, Чимказа Лакербая, Толпара Анчабадзе и Луки Дженна, Пшмаф убил Коньяра, б) Ермолова и Аджгирея Кодзба, Пшмаф убил Коньяра и Черепова, сбросил последнего с балкона, в) Муссы Гублиа, Муссы Агердыван-ипа, Кобзачь Цехпер-ипа, Беслангур-Миканба, Джепым Кумбым-ипа, Давид Гублиа, Иван Гублиа и Шмаф Маги, что Пшмаф убил Черепова, г) Чепиак Миканба и Гид Аргун, что Пшмаф в числе первых ворвался в комнату, где были русские, и д) Зафас Гумба, Шама Осман и Ханаш Колга, что Пшмаф обвиняется в убийстве.

Затем семь абхазцев показали, что Пшмаф по народной молве представляется одним из главных преступников в лыхнинском деле.

Эльмурза Маргани. Действия его состояли: по показаниям очевидцев: а) Георгия Ткецишвили и Соломона Лакербая, Эльмурза и Пшмаф первыми вбежали в комнату, где был Коньяр со свитой с обнаженными кинжалами и нанесли кинжалами удары полковнику (последние действия показывает один Ткецишвили) и б) Шахан Маргани и Мусса Гублия, Эльмурза и Пшмаф ворвались с прочими в комнату, а выбежавшая после оттуда толпа кричала радостно, что русские все перебиты (последние действия показывает один – Шахан).

По основанным[1] на молве показаниям: а) Чимказа Лакербая, Эльмурза с Пшмафом убил Коньяра, б) Мисауста Лакербая, Эльмурза убил Суриновича, в) Толпар Анчабадзе, Лука Жвания, Зафас Гумба и Гид Аргун, Эльмурза обвиняется в убийстве и г) Кваджи-Инал-ипа и Чепиак-Микамба, Эльмурза в числе первых ворвался в комнату, где были русские.

Семь абхазцев отозвались, что народ считает Эльмурзу одним из главных виновников лыхнинского преступления. Эльмурза Маргани показал: когда народ бросился от казаков к дому, где был Коньяр, то и он присоединился к этой толпе, и вскочив в числе других на балкон второго этажа, стали требовать Георгия и Александра. При выходе этих князей к двери выломали филенку и, вскочивший в оную, Суринович бросился к нему, Эльмурзе, на шею, прося спасти его. Он, Эльмурза, обнял Суриновича и

[1] В тексте «основательным» – (**Ш. Ч**.).

старался защитить его, но дворянин Казылбек Маргани сорвал шашку с Суриновича, который при этом упал, и тогда по нем выстрелил Тапагу Чибзук-ипа. После того он, Эльмурза, отвел переводчика Ермолова к Гандиму Якуб-ипа. Во время убийств казаков и русских в доме бывшего владетеля, он, Эльмурза, был в толпе народа.

Ермолов подтвердил ссылку на него Эльмурзы. Крестьянин Ханаш Колга. Действия его по показанию очевидца Шахана Маргани, состояли в том, что он и Тагу Миканба первые сделали по выстрелу в Коньяра, когда последний стоял в камине. В этом сознался Колга на очной ставке с Шаханом, объяснив, что он и стрелял в Коньяра, но не попал в него.

Дворянин Тагу Миканба. Действия его состояли: по показаниям очевидцев: а) Георгия Ткецишвили, Тагу был в толпе, ворвавшейся в комнату, в которой находился Коньяр со свитой, б) Чимкач Лакербай и Мисауст Лакербай, Тагу обвиняется в краже из дома оружия арестованных, в) Шахан Маргани и Ханаш Колга, Тагу в одно время с последним первые сделали по выстрелу в Коньяра, когда он был в камине.

По основанным на молве показаниям: а) Мусса Гублиа, Кобзачь Цихтер-ипа, Аджгирей Кодзба, Давид Гублиа и Шмаф Маги, Тагу убил Коньяра, б) Ивана Гублиа и Гусейн Ченады, Коньяра убили Тагу и Колга, в) Джесин-Трапши, Тагу вынес шашку, где были русские и г) Чепиак Миканба, Тагу убийца.

Восемь абхазцев, основываясь на молве, отозвались о Тагу Миканба, как об одном из виновников в лыхнинском деле.

Тагу Миканба в убийстве Коньяра ни на допросе, ни на очных ставках с Шаханом Маргани не сознался, объяснив на допросе, что по удалении Коньяра в м. Ажириц в дом бывшего владетеля он пошел за лошадью, а потом кто и как убил русских не знает, на очной ставке, что он из толпы стрелял в дом, в котором были русские: когда же последние были перерезаны, то войдя в комнату, остановился в дверях на пороге, но не стрелял; войдя потом в другую комнату, взял оттуда 2 шашки и пистолет.

Тыч Маргани. Действия его состояли: по показанию очевидца Шахана Маргани, он с Татала Инал-ипа, сделали по выстрелу в Коньяра, когда последний выпал из камина и этим добили его.

По основанным на молве показаниям: а) Мусса Гублиа, Тыч и Тагу Миканба убили Коньяра, б) Иван Гублиа, Коньяра добили Тыч и Пшмаф и в) Давид Гублиа, Тыч постоянно находился в комнате, где совершались убийства и обвиняется в лыхнинском преступлении.

Два абхазца показали, основываясь на молве, что Тыч один из преступников в лыхнинском деле.

Тыч Маргани в убийстве Коньяра не сознался, объяснив, что когда он вошел в комнату, в которой спасались русские, то увидел Ермолова, который стоял у камина и стал просить его, Тыча, и его двух братьев спасти от

АПБТАИР

смерти Коньяра, стоявшего у камина, он, Тыч, с двумя братьями подошли к камину и закрыли его собой.

Чрез несколько времени на пороге комнаты показался Кизылбек Маргани и из мести выстрелил в Ермолова. Выстрел этот вместо Ермолова ранил брата его, Тыча, Якуба, которого он, Тыч, с другим братом взяли потом и вынесли из комнаты. После того в комнату, где был Коньяр, но не входил и что сделали с Коньяром не знает.

Показание о выстреле, произведенном Кизилбеком Маргани, подтвердили Ермолов, Кизилбек и брат Тыча Якуб.

Князь Татала Инал-ипа. Действия его состояли: по показанию очевидца Шахана Маргани в том, что он вместе с Тычем Маргани выстрелил в Коньяра, когда тот подстреленный в ногу выпал из камина.

По основанным на молве показаниям: а) Якуба Чичбая, что Татала с Тагу Миканба добили Коньяра, б) Ханаш Колги, что Татала много стрелял и был в комнате, где были русские, в) Зафас Гумба, что Татала взял часы с Коньяра и г) Давид Гублиа, Иван Гублиа и Кваджи Званбай, что у Таталы были часы Коньяра.

Татала на допросе показал: когда Коньяр пошел к дому, то он был в толпе народа с ружьем, в убийстве русских не участвовал и в доме не был.

Чеф Чал-ипа. Действия его состояли: по показаниям очевидцев: а) Чимкиза Лакербая, ему сознавался Чеф в убийстве русских, б) Шахан Маргани, Чеф по убийстве русских закричал: «кто молодец, пойдемте и побьем всех», и впереди толпы с Пшмафом и Эльмурзой вбежал на балкон и в комнаты дома, откуда потом толпа вышла с криком, что убиты все русские, Мусса Гублиа, Чеф вместе с другими вошел на балкон с ругательством русских, г) Смел Лакербай, Чеф хвалился ему убийством Измайлова и д) Ханаш Колга и Ермолов, Чеф был в комнате, где убиты русские.

По основанным на молве показаниям: а) Тагу и Чепиак Миканба, Чеф был в комнате, где убиты русские, б) Мисауст Лакербая, Муса Агердван-ипа, Зафас Гумба, Иван Гублиа и Гусейн Генада, Чеф убил Измайлова, г) Толпар Анчабадзе, Гид Аргун, Ханаш Колга и Шама Осман, Чеф обвиняется в убийстве, д) Хакуц Агума, Чеф убил какого-то офицера, е) Джесып Трапши, Чеф бунтовал народ.

Десять абхазцев, основываясь на молве, отозвались о Чефе, как об одном из главных преступников в лыхнинском деле.

Чеф Чал-ипа показал: увидя возле дома, израненного Черепова, он вынул кинжал и убил его, входя потом в дом, увидел труп Суриновича и на пороге встретил Ермолова, которого вел Эльмурза; он последовал за ними до дома вдовы Николадзе, а оттуда к роднику, где были Георгий и Александр.

Лаз Асадзва. Действия его состояли: по показанию Чимкиза Лакербая, ему рассказывал Лаз, что он вместе с другими резал русских.

По основным на молве показаниям: а) Мисоуста Лакербая, Лаз бунтовал народ; б) Смела Лакербая, Лаз один из главных виновников убийств; в) Джесып Трапши, Лаз после события в Лыхнах, увидя идущий по морю пароход, убеждал народ стрелять по нем, когда он остановится и г) Шмаф Маги, Лаз стал стрелять в числе первых.

Десять абхазцев, основываясь на молве, отозвались, что Лаз один из преступников в лыхнинском деле.

Зафас Чамба. Действия его состояли: по показаниям очевидцев: а) Соломона Лакербая и Тито Маргани, что Зафас вместе с братьями Маргани был в комнате, в которой перебиты русские, б) Мусса Ардыван-ипа, Зафас был впереди толпы, бросившейся в дом, в) Смел Лакербая, ему рассказывал Пшмаф, что он с Зафасом убил главного, т. е. Коньяра, г) Гид Аргун, Зафас первый стал наносить удары шашкой Черепову, которые продолжал до тех пор, пока Черепов не упал замертво; и д) Джесып Трапши, Зафас воспитатель Пшмафа находился с ним в абреках.

По основанному на молве показанию Чепиака Миканбы, Зафас обвиняется в убийстве русских в доме.

Десять абхазцев, основываясь на молве, отозвались, что Зафас один из преступников в лынинском деле.

Тапагу Чибзук-ипа. Действия его состояли: по показаниям очевидца Эльмурзы Маргани в том, что он, когда Кизилбек Маргани, срывая шашку с Суриновича, оторвал последнего от Эльмурзы, сделал выстрел в Суриновича и убил его.

Шесть абхазцев отозвались, основываясь на молве, что Тапагу один из виновников лыхнинского дела.

Тапагу показал на допросе: по выходе кн. Георгия и Александра Шервашидзе из дома, он вошел в комнату и увидел Ермолова, закрывавшего собой камин, в котором стоял Коньяр, Ермолов обратился к нему с просьбой спасти Коньяра. Он вышел на балкон и стал просить об этом стоявшую толпу. В это время вышел из комнаты Ермолова Эльмурза Маргани и он (Тапагу) присоединился к ним.

Кизилбек-Ахмет-ипа Маргани. Действия его состояли: по показаниям очевидцев: а) Эльмурзы Маргани, Кизилбек сорвал шашку с Суриновича, который от того упал и был тогда убит, б) Мусса Гублиа, Кизилбек в числе первых вышел на балкон с ругательством русских и в) Смела Лакербая, Кизилбек убил Суриновича.

По основанным на молве показаниям: а) Ермолова, Кизилбек вырвал у Суриновича кинжал, б) Шахана Маргани, Зафаса Гумбы, Тквагу Эмухвари и Ивана Гублиа, Кизилбек убил Суриновича и в) Чепиак Миканба, Кизилбек в числе первых ворвался в комнату.

Четыре абхазца с молвы отозвались: о Кизилбеке, как об одном из лыхнинских преступников.

Кизилбек Маргани показал: Войдя в первую комнату второго этажа, он увидел, что Эльмурза в своих объятиях нес Суриновича, он, Кизилбек, стал просить Эльмурзу спасти Суриновича, как прекрасного человека. Эльмурза ответил, что

АЛЫТАМИР

он и сам того желает и понес Суриновича на балкон, где толпа вырвала его у Эльмурзы и Суринович был убит. Вслед за тем он, Кизилбек, увидел около себя Давида Ермолова и из мести выстрелил в него, вышел из дома, а когда был внизу, то узнал, что выстрел его вместо Ермолова ранил Якуба Маргани.

Узбек Маргани. Его Ханаш Колга видел в комнате, где были убиты русские, и по основанным на молве показаниям: а) Ермолова, Узбек вместе с Кизилбеком бросились отнимать оружие у Суриновича, б) Смела Лакербая, Узбек убил казачьего офицера и в) Гусейн Генада, Узбек принимал участие в убийстве русских в комнате. Три абхазца с молвы показали об Узбеке, как об одном из преступников в лыхнинском деле.

Хамаш-ипа-Хакуц. По показаниям: Чепиака Миканбы и Гида Аргуна, при них и при других абхазцах говорил Хамаш, что он убил Измайлова. Аджигрей Кодзба и Шмаф Маги показали, что Хамаш говорил, (что) убил Измайлова.

Хакуц Агума показал с молвы о Хамаше, как одном из преступников в лыхнинском деле.

Хамаш ни в убийстве, ни в сознании об этом кому-либо не сознался, объяснив, что он в дом вошел, когда все русские были убиты и все было разграблено.

Гид Дбар. По показаниям: а) Чамказа Лакербая, ему сознался Гид в убийстве русских, и б) Ханаш Колга, ему сознавался Гид, что кроме грабежа, убил казака.

Якуб Чичибай показал, что Дбар признается одним из главнейших убийц.

Кобзачь-Цыхтер-ипа. По основанным на молве показаниям: а) Ермолова, он первый стал волновать народ и б) Ханаша Колги, он обвиняется в убийстве и грабеже.

Три абхазца, основываясь на молве, отозвались о Кобзаче, как об одном из преступников по лыхнинскому делу.

Кобзачь в возводимых на него обвинениях не сознался, показав, что он уговаривал народ отойти от дома.

Петр Джикия. По показанию Ермолова, был в комнате, в которой убиты русские, и три раза прицеливался из ружья в стоявшего в камине Коньяра, а по показанию со слуха Зафаса Гумба обвиняется в снятии с Коньяра золотых часов.

Петр Джикия в возводимом на него Ермоловым обвинении не сознался, показав, войдя в комнату, когда все русские, кроме Коньяра были перебиты, он увидел возле камина Ермолова, который ему сказал, что, ты забыл хлеб-соль мою? Он, Джикия, ответил: не бойся, я не могу ничего сделать и, хотя действительно вынимал ружье из чехла, но не имел намерения выстрелить в кого-либо.

Тквагу Эмухвари. По показанию Муссы Гублиа, Тквагу, войдя на балкон, закричал: «кто не женщина, за мной» и стал ломать двери.

Иван Гублиа и Кваджи Званбай отозвались о Тквагу, как одном из виновников по лыхнинскому делу.

Тквагу Эмухвари показал: когда началась перестрелка абхазцев с казаками, он подошел к стрелявшей партии и когда был убит Алхаз Маргани, то наклонился к нему, чтобы взять его; в это время подбежавший казак ударил его, Тквагу, по голове шашкой и нанес глубокую рану: по перевязке раны в доме вдовы Николадзе, он вышел на балкон дома, где были русские, и посмотрев оттуда в комнату, увидел трупы русских и толпу, знятую грабежом. При входе на балкон встретился Ермолов, которого вел Эльмурза; потом он, Тквагу, сошел с балкона и ушел в дом Дауда-Гумба.

Смел Лакербай. По показаниям очевидцев: а) Чамказа Лакербая, Мамсыр Габлиа и Якуб Беслана Маргани, уговаривал народ не давать показаний Черепову, при описи народа для крестьянского вопроса, и б) Мамсыра Габлиа, накануне происшествия в Лыхнах, уговаривал народ не к добру.

По основанным на молве показаниям пяти абхазцев, Смел обвиняется в том же, в чем показывают первые три очевидца.

Маф Арме-ипа. По показанию Шахана Маргани, Маф, сидя на дереве, первый закричал: «кто верен присяге, начнем же теперь».

Иван Гублиа и Гусейн Генада с молвы показали о Мафе тоже.

Четыре абхазца отозвались о Мафе, как одном из главных лыхнинских преступников.

Другие жители, Мамсыр и Мсжими Отарба-Адагва-ипа.

По показанию Беслангура Миканба, на другой или третий день лыхнинского происшествия, схватили двух казаков, спасавшихся из Лыхны, и продержав трое суток, зарезали потом в лесу. Это подтвердили и другие.

Мечиг-ипа Кайснагу. Рассказывал Тквагу Эмухвари, что он убил двух казаков.

По совершении убийств русских в Лыхнах кн. Александр отправился со своими подвластными в сел. Ацы в свой дом, а Георгий со своими приближенными в сел Дюришу, в дом Джигва Лакербая.

На пути в Дюрипши Камбулат Маршани просил, в присутствии кн. Георгия и Тито Маргани, Тамшука Маргани нанять кочерму, чтобы на ней Георгий с приближенными отправился в Турцию, но Тамшук не мог найти кочермы.

Из Лыхны Георгий послал в Сухум к кн. Нико Дадиани кн. Гида Иналипа и Чеф Чал-ипа, чтобы он прислал ему денег и брата Михаила. Нико Дадиани отослал Георгию денег около 3/ т. руб., а Михаила не отпустил от себя. Из этих денег Георгий дал, для поездки в Турцию, 300 руб. Соломону Лакербаю, который нашел фелюгу и, пересев с нею на шедший в то время близь Гудаут казенный пароход, прибыл в Сухум.

Из дома Лакербая Георгий послал с переводчиком Ткецишвили, письмо генерал-губернатору.

АЛБТАИР

К дому Джагвы Лакербая собрались все князья и дворяне, и объявили князю Георгию: «ты теперь наш владетель, куда ты пойдешь, туда и мы, где ты пропадешь, там и мы»; Георгий сначала ответил: «мы не в силах бороться с русскими», и когда народ сказал: «нас много», то согласился на принятие их предложения и в то же время, в присутствии его было сделано княжеское знамя, которое в первый раз было вынесено народу Шмафом и Камбулатом Маргани, Джагва Лакербаем и самим Георгием.

Абхазцы по совершению убийств и поджогов в Лыхнах и Гудаутах, разошлись по домам. В тот же вечер разосланы по селениям агенты с приказанием от имени Георгия всем идти на Сухум, а кто не пойдет, на того будет наложен штраф.

П р и м е ч а н и е: Было ли это приказание отдано Георгием или действовала тут партия именем его – следствием не открыто.

Партии из сел. Ацы, Анхоа, Псыртсхва, Яштхо и Гумм, под предводительством своих князей и дворян, прибыли в окрестность Сухума 27 июля и в тот день первые сделали на него нападение, произведя поджоги, грабежи и убийства[1].

В ночь на 28 июля партия усилилась прибытием из Бзыбского округа новых огней и с рассветом с большим ожесточением повторили нападение на Сухум, совершив при этом также грабежи, поджоги и убийства.

Когда принесли известие в Бзыбский округ, что Сухум весь взят, осталась только одна крепость, то князья Георгий и Александр с остальными бзыбцами двинулись к Сухуму, и 29 июля прибыли на Балову поляну, которая служила местом сбора всех возмутившихся абхазцев[2].

П р и м е ч а н и е: Скопище это делилось по селениям на огни, из которых каждым предводительствовали более достойные местные князья и дворяне.

По прибытии кн. Георгия и Александра на Балову поляну, Георгий был встречен как владетель. Его окружил народ, избранный последним совет из четырех лиц[3], тут стали петь ему песню, в которой восхвалялись деятели лыхнинской катастрофы, и когда пропели куплеты «когда в тебе, кн. Георгий, было четыре четверти, то русские убили твоего отца, теперь же, когда ты достиг пяти четвертей, тебе удалось отомстить русским за твоего отца», то Георгий вскочил с места и сказал: «отец мой никогда не был убит русскими, а вы, омыв руки кровью невинных (моих гостей), хотите сделать меня виновником всего этого» и рассерженный вышел из толпы.

С кн. Георгием и Александром были принесены на Балову поляну две знамени – одно княжеское, а другое народное. Каждый из абхазцев считал

[1] Причиной замедления нападения на Сухум было разлитие р. Гумисты, чрез которую могли переправиться только одни конные – (**док.**).

[2] Во время проезда кн. Георгия с приближенными чрез Гудауты ему был поднесен взятый с кочермы турецкий флаг, который предназначен потом для народного знамени – (**док.**).

[3] Члены этого совета были Маги Шмаф, Камгаз Хаг, Зафас Гумба и Лаз Лодория – (**док.**).

за счастье носить знамя. Вследствие чего из-за знамени поднялся большой спор.

Видя это, Георгий приказал советникам определить: кто достоин носить княжеское знамя? И советом было решено вручить оное дворянину Беслангуру Миканба. Тогда член совета Зафас Гумба взял стоявшее перед кн. Георгием знамя и, вручив оное Беслангуру, произнес следующее: «вручается тебе княжеское знамя, за которым последует весь народ, и мы надеемся, что при содействии и помощи божией, ты храбро отстоишь его».

После этого народ поздравляет Беслангура, а князья Георгий и Александр, благословив его, сказали, чтобы он носил знамя с честью. Народное же знамя кн. Александр отдал князю Маджаре Анчабадзе, сказав при этом[1]: «передаю это знамя жителям, которые, надеюсь, будут с честью защищать его и стыд будет народу, если оно будет отбито».

С балловой поляны Георгий в тот же день посылал кн. Халылбея-Ате-ипа Маршани в Цебельду: а) к князю Алмахситу Маршани, просить принять участие в его, Георгия, положении. Алмахсит ответил Халылбею: «проси кн. Георгия, чтобы он немедленно прибыл в Цебельдинское укрепление, начальник которого обещается принять его ласково и быть ходатаем перед кутаисским ген.-губ., если же Георгий не прекратит враждебных действий против русских, то он, Алмахсит, лишится в нем своего любезного молочного брата»; и б) к кн. Ширинбею Маршани, просить его для личных переговоров.

До прибытия Халылбея к Ширинбею, последний послал от себя кн. Кваджи Зураб-ипа Маршани к кн. Георгию, чтобы он свято исполнил договор[2], Георгий в присутствии приближенных ответил Кваджи Зурабу: «мы пока молодцами, я еще послал кн. Александра переговорить с Ширинбем, а кн. Халылбея Маршани к Алмахситу, с предложением немедленно оставить защиту укрепления».

На Баловой поляне дали знать кн. Георгию предводители цебельдинских партий, посланных кн. Ширинбеем, для нападения на Сухум, (что) кн. сел. Абжаква Беслан Чаабалырхва не допускает цебельдинцев нападать на Сухум. Беслан и дворянин Эдш-Эристо, по приказанию Георгия явились к нему. Последний сказал прибывшим к нему князю и дворянину: « вы неверные мусульмане, не понимаете, что настоящее дело предопределено свыше, и если мы все погибнем, то и вы не избегните той участи», силой вынудил их принять участие в нападении на Сухум, и приказал нападение это сделать с рассветом на другой день, со стороны р. Беслеты, присоединив к своей партии цебельдинцев и праздно-шатающихся.

В тот же день, т. е. 29 июля, обсуждался план нападения на Сухум.

[1] Кн. Маджара Анчабадзе выпросил знамя у Александра для своего народа – гумцев и передал потом Джигру Аюдзба – (**док.**).

[2] В чем состоял договор, неизвестно – (**док.**)

АЛЫТАИР

Для этого далее, по приказанию кн. Георгия и Александра, были приглашены в совет, кроме постоянных членов Тамшук, Мустафа Пшмаф Маргани, Учан, Дамлет, Дато и Кизилбек Дзиапшиповы и Мусса Гублиа. Во время совещания о нападении на Сухум каждый из названных лиц подавал свое мнение, но не одним из них князья не остались довольны, а потому сами составили план нападения на Сухум.

Нападение на Сухум по этому плану должно было произойти с трех сторон.

Главные силы, впереди которых предназначены были гумцы с народным знаменем, должны были идти на крепость, вторая часть партии должна была идти по главной городской улице и занять город, князь же сел. Абжаквы Беслан Чаабалырхва с своими подвластными, цебельдинцами и праздно-шатающимися, должен был напасть на Сухум со стороны р. Беслеты.

С рассветом 30 июля, когда партии готовы были двинуться к нападению на Сухум, кн. Георгий сел на коня и хотел лично предводительствовать ими, а когда Александр стал отговаривать его от этого, то Георгий ответил: «меня поставили в такое положение, что я не могу явиться к русским, которые меня вскормили и воспитали, предпочитаю себе смерть». Впрочем, Александр все таки успел удержать его от исполнения этого намерения.

Когда потом абхазцы двинулись с Баловой поляны для нападения на Сухум, и в них заметна была некоторая робость и нерешительность, кн. Александр, для воодушевления народа, взял ружье Георгия и, подняв оное, сказал: «вот в чем наша сила». Ответом на это были восторженные крики абхазцев, после которых они пошли с большей смелостью.

Нападение это окончилось следующим: абхазцы, назначенные к занятию города, вступив на главную городскую улицу и другие пункты, были всюду отражены и прогнаны русскими войсками, гумцы же, выйдя из принадлежавшего № 27 батальону сада и видя поражение своих в городе, отступили и оставили на месте знамя, а кн. Чаабалырхва, заняв со своей партией высоты со стороны Беслеты, не принял участия в нападении на Сухум[1].

После того кн. Георгий посылал Аджигирея Коцба к кн. Беслану Чаабалырхва с требованием, чтобы тот явился к нему с отчетом о бездействии его партии во время нападения; на это Чаабалырхва ответил, что он на стороне русских и к Георгию не явится.

П р и м е ч а н и е: Кн. Георгий и Александр посылали Узбека Маргани, Соломона Званбая, Учана Дзиапш-ипа и других в Абживский округ, подговорить владетельных лиц возмутить народ, но абживцы, зная о неудачах нападений на Сухум, отвергли их предложение..

П р и м е ч а н и е: Кн. Александр два раз посещал в Цебельде кн. Ширинбея Маршани, для совещания о нападении на Сухум и получал оттуда

[1] Цебельдинские партии в это время и прежде нападали и грабили Сухум – (**док.**).

подкрепление; на возвратном пути во второй раз из Цебельды, он посетил цебельдинские партии, находившиеся под Сухумом, убеждал их продолжать содействовать бзыбцам и предлагал[1]… (продовольствие и обувь), но они отказались от принятия[2]…, говоря, что они на это не могут согласиться без разрешения цебельдинских кн. Маршани.

После неудачного нападения на Сухум абхазцы вновь собрались напасть на оный, ожидая для этого большого подкрепления из Цебельды. В конце предполагаемого нападения были присланы в абхазский лагерь двое келасурских жителей, с приказанием ген.-губ. прекратить неприязненные действия. Мустафа Маргани выругал их за передачу такого приказания, сказав, что после этого они не могут называться мусульманами.

В наступившую ночь гумский кн. Мамзара Анчабадзе распустил слух в партиях, что войска и казаки в эту ночь нападут на абхазцев.

Это произвело на всех пунктах смятение и заставило абхазцев отступить дальше от Сухума.

После того вскоре партии отступили за Гумисту, оттуда посылали депутатов к ген.-губ. и по возвращении их разошлись по домам.

Князь Георгий при содействии кн. Адашира Маршани вышел к русским, а Александр чрез несколько дней после того уехал в свое имение Ацы.

Предводителями[3] партий, нападавших на Сухум абхазцев, были более достойные местные жители, которые видны из помещенного ниже сего списка.

С п и с о к

предводителей партий Бзыбского, Сухумского и Цебельдинского округов, нападавших на Сухум

№	Название селений	Имена и фамилии предводителей
1	Хоп	Кизилбек, Кашлат и Узбек Маргани.
2	Джирхва	Эльмурза и Шмаф Маргани.
3	Гуридуны	Эльмурза и Шмаф Маргани.
4	Хубара	Кизилбек Чапиак-ипа Маргани.
5	Чигирхо	Салыбей Маргани.
6	Эшер	Кизилбек, Дата, Джамлат, Учана, Хирипс и (Надаада) ЗаЗаурбек князья Дзиапшиповы.
7	Апхо	Чепиак, Ханыбей, Сосрак, Тагу и Беслангур дворяне ММикамба.
8	Ау[4]	Мурзакул Акорта и Агирей-Акодза, под непосредственным управлением князя Александра Шервашидзе и Маги Шмаф.

[1] После этого одно слово не разборчиво – (**Ш. Ч.**).
[2] После этого одно слово не разборчиво – (**Ш. Ч.**).
[3] В документе «производителями» – (**Ш. Ч.**).
[4] Имеется в виду сел Аацы – (**сост.**).

АЙБТАИР

9	Ачандара	Ахмет Алхаз князь Анчабадзе.
10	Эберных	Хучина Арлан.
11	Арко	Махмет Гидж-ипа-Лакербай.
12	Дюрипш	Чепиак, Смел, Махмут, Гасан Лакербай и Зафас Гумба.
13	Куланирхо	Гид, Тотлостан (убит) и Шахан Лакербай.
14	Отхара	Маджара и Эдирбай (сыновья Талаха) князья Шервашидзе.
15	Бача	Дворянин Кобзач Цыш.
16	Блабырх	Тагу и Едик убит (блаб) не участвовали, а были при защите Пицундского укрепления.
17	Калдахара	Тамшук и Питу (в Турции) князья Иналиповы.
18	Апысухо	Мут и Шаматаки Маргани.
19	Мугузирхо	Тада Теглис-ипа Маргани.
20	Чабалырхо	(Шахан и Халыл) Гасан и Кизилбек Чабалырхо.
21	Звандрыпек	Шахан и Халыл Званбаевы.
22	Лыхны Ханыш	Шакрыл, Давид Гублиа, Чичбай, Мусса Гублиа, Тагу Дурак-ипа Маргани; они находились под непосредственным управлением князя Георгия Шервашидзе.
23	Абгара	Саулах Гидж-ипа Лакербай.
24	Псырхо	Мустафа, Хамурза и Тамшук Маргани.
25	Акоскемда	Рашид Даутия.
26	Эмхы	Князь Тквагу Эмухвари.
27	Гуммы	Маджара Анчабадзе.
28	Акап	Халыбей Ате-ипа Маршани, Карабек Салах Ате-ипа Маршани.
29	Яштхва	Отдельного огня не было, так как главный сбор был в этом селении и жители присоединились к разным партиям, старшина же над этим селением кн. Чирикбай.
30	Мазихо	Тлаксином-ипа – не участвовал сам и его подвластные.
31	Партии из Цебельды	Князья Кваджи Зураб-ипа Маршани, Псхубей и Учарди Состангаз-ипа Маршани, дворяне Леван, Шерван и Состап-Схоуа, а; житель Кягус, Нахмот-Ша, Якуб-Куб-ипа. Цебельдинский кн. Тотлостан, Тенгиз-ипа Маршани находился все время в партии Бзыбского округа и неоднократно нападал на Сухум, и заслужил похвалу за свою храбрость.

Перед рассветом 28-го июля кн. Ширинбей Маршани со своими родственниками и подвластными прибыл к Цебельдинскому укреплению и занял

приставский дом, рассчитывая застать в нем и перерезать всех русских, которые еще накануне после вечерней зари были переведены в укрепление, и в ту же ночь выслал партии в Герзаул, чтоб пресечь путь русским на случай отступления их в Сухум[1]. Начальник укрепления послал к князю Ширинбею чапара Аслана, с приказанием охранять приставский дом, который на это ответил: «теперь не то время, каждый делает что хочет; прежде, когда мы, князья, не были нужны, начальство защищало не нас, а жителей; при этом рассказал случай. Один грузинский священник пришел в селение Мцыри, чтобы крестить младенца мусульманина. Народ принял священника неприязненно и стал стрелять по нем. Тогда священник, желая спасти себя, закричал: «мусульман хорошо, христианин нехорош». По освобождении после того арестантов[2], с разрешения начальника укрепления, партии Ширинбея разграбили и разбили приставский дом. На убеждения при этом кн. Коншоква Маршани остановить грабежи Ширинбей сказал: «русские защищали прежде наших подвластных в ущерб нам, владельцам, пусть же они и останавливают их сами».

По разграблении приставского дома были разграблены форштат и находящиеся при нем духаны и открыт со всех сторон по укреплению ружейный огонь.

Из укрепления отвечали огнем ружейным и орудийным[3]; что заставило партию Ширинбея и его самого отойти от укрепления на довольно далекое расстояние.

После того партия Ширинбея, построив значки и, приготовившись к нападению, бросилась к укреплению, но встречены артиллерийским огнем и отступили назад[4].

Перед этим нападением кн. Ширинбей Маршани три раза присылал в укрепление кн. Коншоква Маршани с следующими предложениями[5].

В первый раз кн. Коншоква Маршани объявил: «Если Алмахсит со своей милицией выйдет из крепости и встанет по одну ее сторону, то Ширинбей станет по другую и тогда крепость будет цела; если же Алмахсит не выйдет из укрепления, то пусть русские делают, что хотят, а Ширинбей не может удержать партии»; на это начальник укрепления ответил с улыбкой: «он преданных не выгоняет, а неверных не впускает».

Второе и третье предложения имели один смысл. Ширинбей предлагал начальнику укрепления вывести оттуда гарнизон, обещаясь конвоировать его до Сухума и предлагая в залог верности обещания аманатов, если же

[1] Путь этот на все время блокады был занят неприязненными партиями – (**док.**).

[2] Они помещались в приставском доме – (**док.**).

[3] Одновременно с этим стреляли дальцы, расположенные на высотах, но куда были направлены их выстрелы – неизвестно – (**док.**).

[4] В укреплении был ранен кн. Эмухвари – (**док.**).

[5] Кн. Кизилбек Маршани показал: «Ни одно желание народа не заявлялось без общего согласия, Коншоква же Маршани с этими предложениями был послан лично от кн. Ширинбея, без согласия народа» – (**док.**)

АЛЬТАИР

гарнизон не будет выведен, то Ширинбей не в силах удержать партии от нападений на укрепление. При передаче этого предложения во второй раз Коншоква прибавил, – если оно не будет принято, то чрез два часа будет нападение всех партий. Начальник укрепления отверг предложение Ширинбея и хотел расстрелять Коншоква Маршани, но не исполнил этого из за уважения к его седине, причем сказал Коншокве: «еще кто явится с подобными предложениями, то непременно будет расстрелян».

Когда предложения Ширинбея были отвергнуты начальником укрепления, кн. Кизилбек Маршани с частью своих подвластных выделился из общей партии; за ним Ширинбей послал своих гонцов, которым Кизилбек ответил, что Ширинбей никогда не увидит его более.

С наступлением ночи партии цебельдинцев рассыпались и по балкам и в оных скрывались в течение всей ночи.

На другой день цебельдинцы на общем собрании народа постановили прекратить нападение на укрепление и выдали в том аманатов, сказав, что народ, кроме кн. Маршани, готов выполнить требования начальника укрепления.

Несмотря на выдачу аманатов, дороги от Цебельды к Сухуму были заняты, и партии цебельдинцев, отправившись к Сухуму, участвовали в нападении и разграблении его.

Кн. Ширинбей Маршани послал из Цебельды кн. Кваджи Зураб Маршани для переговоров с кн. Георгием (об этом подробно говорится в деле о нападении на Сухум. Там же говорится о посещении Ширинбея кн. Александром).

ЦГИАГ, ф. 545, д. 2784, лл. 228 – 265. Копия рукописная. Документы по истории Грузии. Т. 1. Ч. 1. (Под ред. Ш. К. Чхетия). Тб. 1954. С. 97 – 120.

3.79 Записка капитан-лейтенанта Карганова «Сведения о взаимных отношениях Цебельдинского населения».

10 ноября 1866 г.

Население Цебельды состоит из князей Маршани, дворян, вольных жителей (анхаве), крестьян (агырва) и рабов (ахашала). За исключением крестьян и рабов все владеют землею на праве собственности до того времени, пока на ней живут и обрабатываются, с переходом же на другое место свободная земля остается в пользу князей Маршани, которые считают себя обладателями Цебельды, разделенную естественными границами между главными членами единственной княжеской фамилии Маршани. Взаимные отношения сословий суть следующие:

Дворяне. Почетные дворяне пользуются от князей особенным против других уважением, принимают участие в их делах, за отсутствием князя

встречают и угощают гостей на его счет и посылаются доверенным лицом в суде. Молодые же дворяне обязаны князю седлать лошадь, держать за стремя, составлять его конвой, прислуживать ему и его гостям. За право пользования землею дворяне ничего не платят, напротив, смотря по личным заслугам получают от князя вознаграждение. При выходе дочери дворянина замуж жених делает подарок князю, который в свою очередь должен отдарить жениха лучшими подарками.

Вольные жители (анхаве). Анхаве сословие свободное, пользуются землею как собственностью, отбывают владельцу князю Маршани: а) обязаны помогать при обработке полей, посеве и сборе хлеба, на все это положено на каждый дым три дня в году, высылая одного человека и пару волов с своими инструментами[1]; б) каждый дым дает по одной копне сена или чалы[2] и мерку кукурузы весом в 1 пуд[3]; в) кто имеет стадо баранов дает помещику весною барана или козла[4]; г) если князь куда идет, то имеет право взять на проезд лошадь бесплатно.

Владелец князь не может лишать земли или переселить на другое место против воли вольного жителя, но если сам пожелает перейти, то оставленная земля делается собственностью князя. Анхаве может иметь у себя крестьян и рабов на правах помещика.

Крестьяне (агырва). Сословие крестьян зависит от помещика и за пользование его землею отбывает своим владельцам следующую повинность: из каждого дыму два человека мужчин все время года обязаны три дня в неделю с своим скотом работать для своего владельца, а три дня для себя, ежедневно обязаны приносить в дом помещика по связке дров и присматривать за скотом. Крестьянка обязана варить владельцу пищу из его материала и молоть кукурузу; старшая дочь крестьянина при достижении пяти четвертей роста переходит в дом помещика и остается в услужении до замужества, при выходе ее замуж помещик получает от жениха калым, ценою от 6 до 10 коров[5]; помещик волен дать дочь крестьянина в приданное своей дочери, и тогда, в случае девка выйдет замуж, калым получает не помещик, а его дочь. Крестьянин, желающий выкупиться, отдает помещику все свое состояние как то: скот, баранов, оружие, постель и даже котел, в котором варил себе пищу, сверх того еще присягает, что ничего не утаил из своего имущества; если же помещик нуждается в деньгах и сам предложит за назначенную плату получить свободу, то последний пользуется случаем и оставляет из своего имущества необходимую часть для себя, а остальное отдает помещику[6]. Помещик наделяет крестьянина удобной землею в до-

[1] Повинность сия может быть оценена 3 руб. в год на дым.
[2] Может быть оценена в 1 руб.
[3] Мерка кукурузы 40 коп. сереб.
[4] Баран или козел ценится в два руб.
[5] Средняя стоимость коровы 12 руб.
[6] Откупившийся крестьянин переходит в разряд Анхаве.

АЛБТАИР

статочном количестве[1]. Крестьянин в праздник рождества обязан принести помещику своему барана или козла, или же 2 руб. деньгами. Помещик не имеет права продать крестьянский дым, но были примеры, что продавали одно лицо из семейства за проступки, как-то: за неповиновение и долги.

Раб (ахашала). Князья, дворяне и вольные жители на основании местного обычая имели право покупать рабов (ахашала); продают рабов на меру, т.е. считая рост человека по четвертям, так что за мальчика или девку в 5 четвертей, за первого брали 30 коров, а за девку, смотря по красоте, от 25 до 60 коров и более. Цебельдинцы преимущественно приобретали рабов от убых и джигет и в свою очередь красивых рабынь отправляли для продажи в Турцию. Раб не имеет никакой собственности и обязан работать все, что прикажет хозяин. Если хозяин хочет вознаградить раба за долговременную и честную службу (что весьма редко), то покупает ему жену и тогда раб поступает в разряд крестьян, а уплоченный за девку калым хозяин имеет в виду возвратить себе на будущем семействе крестьянина. Помещик освобождает также раба детского возраста ради души спасения, тогда отпускает на волю мальчика с тем, чтобы он, выучившись грамоте со временем мог быть муллой и молился бы за своего благодетеля.

Общинный старшина (ахылапшюю). Назначения и смена общинных старшин зависит от начальника округа, которых выбирают из дворян или вольных жителей (анхаве). Обязанность их заседать в сельских судах, где разбираются не значительные проступки жителей; все приказания начальника чрез старшину объявляют жителям. Старшинам вменяется в обязанность наблюдать за порядком в общине и точным выполнении всех распоряжений начальника. Ни одним из сословия не отбывается никакой повинности в пользу общинного старшины.

Обычай, называемый пхаршахя. Когда князь женится, то каждый подвластный или смотря по состоянию несколько дворов вместе обязаны дать ему по корове; если же вольный житель женится, то он дает помещику барана или козла. В обоих случаях дань эта на основании народного обычая считается обязанностью и известна под название Пхаршяхя.

Обычай народа.

Из народных обычаев главное гостеприимство. Туземец отправляясь хотя на долгое время в путь не берет с собой запасов продовольствия, равно не заботится и о том, где ему переночевать. Хозяин сакли, у которой проезжий остановится, встречает его, снимает с него оружие, радушно угощает по состоянию и дает ночлег. Князь преклонных лет и дворяне пользуются в этом отношении особенными почестями. Не соблюдения этого обычая, унижает достоинство хозяина в мнении народа.

Покровительство. Влиятельные в крае лица считают священною обязанностью покровительствовать людям всякого сословия. Каждый житель,

[1] Мышкыцыва называется пространство обработанной земли парою волов в один день; хорошая земля дает до 12 пуд, а дурная до 8 пудов кукурузы.

перешедший вследствие притеснения от одного князя в другому, рассчитывает на верную его защиту, и решившийся обидеть человека, живущего под покровительством, в прежнее время делался сам врагом князя; но теперь при настойчивых требованиях правительства, выдача людей, сделавших преступления, обычай этот можно сказать уже потерял свое значение.

Воспитание. Быть воспитателем княжеского дитяти считается в народе за большую честь, дворянин или вольный житель по званию воспитателя уважается князем как родной, воспитанника своего предпочитает собственным детям и на него одного обращает все свое внимание и попечение. Конечно, последнее делается не только из чувства любви, а с тем расчетом, чтобы по окончании воспитания благодарность князя выразилась в большом числе подарков. Жена князя считает за стыд кормить грудью своего ребенка, точно так как князь, посещая воспитателя, стыдится видеться с своим сыном или дочерью.

Цебельдинцы, подобно прочим народам азиатским, нрава вспыльчивого и мстительного, и в недавнее только время преследованием русских законов за смертоубийство уничтожен у них обычай кровомщения.

Численность цебельдинского населения

	Мужск. пола	Женского пола
Князей	95	91
Дворян	279	243
Вольных жителей (анхаве)	4084	3725
Крестьян (агырва)	622	541
Рабов (ахашала)	288	377
Итого	5368	4977

Капитан-лейтенант Карганов.

ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, д. 181, лл. 168 – 173.

3.80 Аверкиев И. С северо-восточного прибрежья Черного моря. (Извлечение).

1866 г.

Земли по юго-западным склонам главного кавказского хребта, вдоль северо-восточного прибрежья Черного моря, для нас, русских – весьма мало известны. Выселенные горцы, – занимавшие полосу земли между прибрежьем и главным хребтом, племена джигетов, убыхов, шапсугов и далее в горах обществ: Аибго, Псху, Ахчипсху и Кучба – оставили весьма мало таких сведений, из которых можно было бы почерпнуть научные данные: географические, исторические, геологические. С другой сторо-

АЙБТАИР

ны, русские, находившиеся в плену у горцев, люди большею частью мало развитые, также не могли сообщить достаточно данных о местах своего временного пребывания. Наследство наше составляет страна, богатая растительностью и вообще производительностью почвы – страна, прорезанная в различных направлениях хребтами гор, составляющими побочные ветви главного кавказского хребта с глубокими ущельями, скрывающими ложа рек, из которых многие высыхают в жаркое время и ни одной нет судоходной на большом расстоянии, хотя в устья некоторых могли заходить небольшие турецкие кочермы. Ни дорог, ни сооружений, способствующих развитию торговых отношений и устройству привычной нам жизни, мы не наследовали в местах, оставленными горцами. Жившие по преимуществу в саклях, стены которых были турлучные и редко в деревянных домах, горцы не оставили и этих памятников своего недавнего пребывания: они сожжены частью самими выселившимися, большею частью русскими, чтобы не оставлять прибежищ для скрывавшихся в горах горцев. Остались памятники надгробные, очень немногие из них каменные, вероятно, сложенные руками русских пленных; но и эти памятники по большей части без надписей и составляют мертвое свидетельство о бывших жителях; оставшиеся же нетронутыми огнем немногие деревянные памятники лишь на недолгое время сохранят память о племенах, оставивших свои земли – об их заботах относительно путников. Эти памятники, разбросанные в разных местах, устраивались по преимуществу не в дальнем расстоянии от тропинок, строились с навесом и скамейками, а недалеко от них вбивался кол для привязи коня; под крышей памятника путник, застигнутый темнотою или ненастьем, находил себе приют. При этом воспоминание обращается к гордому и мужественному, здоровому и крепкому племени убыхов, управляющемуся выборными старшинами, – образовавшемуся из выходцев из разных мест; племени – часть которого, по свидетельству лиц, имевших с ним сношения – некрасовцы. чем можно объяснить некоторое сходство языка убыхов с русским, причем многие названия предметов: скамейка, уголь и др. остались без изменения. Пришлось смириться пред силою обстоятельств некогда гордым обитателям северо-восточного прибрежья. Приводим письмо одного из выходцев в Турцию, Смел Абича, к одному из джигетских князей, раньше общего переселения, занимавшего место в Абхазии и живущего здесь. Письма писано по-турецки и по просьбе было переведено. Так Смел Абич пишет – «Скажите всем встречным и знавшим меня о моей погибели; не поезжайте! Наказание божие продолжается, над нами и жертв искупления еще много будет принесено, ты знаешь, как много уже принесли мы жертв. Бог восстал на нас. Бог отступился от нас, послал на нас голод, затем болезнь...». В 1864 г. действительно был дурной урожай кукурузы, главной пищи горцев, а потому в зиму 1865 г. чувствовался недостаток на хлеб; в то же время появилась сильная оспа. Дальше в письме Смел Абича следует

перечень князей и семейств их, погибших после переселения в Турцию, число большое, – но мы не видели необходимости перечислить их. Должно полагать, что слова письма «не поезжайте!» есть ответ на желание некоторых переселиться в Турцию...

К юго-востоку от русских поселений и постов на юго-западных склонах кавказского хребта до Черного моря живет племя абхазское. В исторической жизни народов Европы в последние три столетия что племя не принимало никакого участия и имело столкновения только с двумя народами, с турками и русскими. В виду совершающихся в Абхазии событий считаем нелишним познакомить читателей с жизнью абхазского племени. Кроме жителей собственно Абхазии к этому племени относится население Цебельды и Самурзакани; до выселения в 1864 г. горцев, живших на юго-западных склонах Кавказского хребта, на верховьях р. Мзымты и р. Бзыби были общества Аибго, Псху, Ахчипсху и Кучба, принадлежавшие также абхазскому племени, которое населяло частью и северные склоны кавказского хребта – общества: Башилбай, Шегирей, Баракай, Баг и др. В предлагаемой статье мы по преимуществу обратим внимание на жизнь собственно Абхазии; при этом считаем не лишним в кратком очерке припомнить читателям исторические события, приведшие к тому положению дел, при котором Абхазии предстоит теперь сделаться вполне русскою областью. Для нас весьма важно познакомиться с бытовою стороною жизни абхазцев и со степенью их развития, а также с географическими и климатическими условиями, под влиянием которых совершалась и будет продолжаться жизнь этого племени: обратим внимание на силы земли: какое они имели влияние на жизнь, и обратно – какое влияние имело племя на силы окружающей природы и на производительность почвы, т.е. как оно устроилось в экономии земли и воды, которыми располагало.

В конце XVI столетия турки прочно утвердились в Закавказском крае, подчинив себе Гурию, Имеретию, Мингрелию и Абхазию, а также более номинально, чем фактически завладели всем северо-восточным прибрежьем Черного моря; но несмотря на то, что турки и построили крепости в Пота, в Сухуме и в Геленджике, – горцы не признавали зависимости своей от Турции. Абхазия, на которую турки имели большое политическое влияние, чем на другие места северо-восточного прибрежья, представляла страну, раздираемую внутренними междоусобиями, к которым присоединяется еще целый ряд восстаний против власти турок. А в XVIII столетии Россия получает большое влияние на дела Закавказского края; в 1771 г. русские войска впервые появились в Мингрелии и взяли Кутаис и наконец, положение дел в Закавказье привело к тому, что к России присоединились: Грузия в 1801 г., Мингрелия в 1803 г., Имеретия в 1804 и в 1810 г подданство России приняла Гурия. Вследствие этого ряда событий русские владения пришли в соприкосновение с Абхазиею. Проследим за историческими событиями, со-

АЛАНТИР

провождавшими начавшееся влияние России на Абхазию. Князь Келеш-бей Шервашидзе, утвержденный турецким правительством в звании владетеля Абхазии вместо сухумского владетельного паши, вследствие вышедших несогласий с Портою впервые обратился к России, прося покровительства, но по проискам турок был убит старшим сыном своим, Аслан-беем, против которого младшие сыновья Келеш-бея – Сефер-бей, Ботал-бей и Гассан-бей – вооружили всю Абхазию. Аслан-бей бежал в Турцию, а Сефер-бей принял владение Абхазиею и в 1810 году отдался под покровительство России. Русские войска в 1810 г. вытеснили турок из Сухума и заняли крепость небольшим гарнизоном; тем и ограничивалось действие русских в Абхазии, которая оставалась вполне во власти Сефер-бея, по делам внутреннего управления.

По смерти Сефер-бея в 1821 г. владетелем Абхазии признан был старший сын его – Дмитрий, человек хорошо образованный и преданный вполне интересам России. По проискам турок и сыновей Келеш-бея: Аслан-бея и Гассан-бея, возобновились волнения в Абхазии и потребовали вмешательства русских войск, для утверждения владетелем Абхазии – Дмитрия, который вскоре умер, не оставив наследников. Мы не имеем точных исторических сведений об обстоятельствах, сопровождавших смерть преданного интересам России Дмитрия; молва сохранила о нем добрую память, и до сих пор в Абхазии смерть этого человека принимается близко к сердцу всеми, расположенными к России. После смерти Дмитрия вновь вспыхнувшее восстание потребовало опять вмешательства русских войск к утверждению во владении Абхазиею брата Дмитрия – Михаила, носившего между абхазцами имя «Гамид-бей». Последний был владетелем с 1824 г.. когда умер Дмитрий, до 1864 г., времени утверждения русского управления в Абхазии. В 1829 г., по Андрианопольскому миру, Турция уступила России все северо-восточное прибрежье Черного моря с землями до Кубани; но только с выселением в 1864 г. горцев, населявших уступленную область, Россия вполне утверждается в этом крае. В интересах обеспечения влияния России на Абхазию и другие горские племена северо-восточного прибрежья Черного моря, в 1830 г. наши войска заняли Бомборы, Пицунды и Гагры, а в 1831 г. – Геленджик. Это положило начало основания ряда небольших укреплений на северо-восточном берегу Черного моря или черноморской береговой линии, существовавшей до начала восточной войны.

Мы представили краткий исторический очерк состояния северо-восточного прибрежья Черного моря за последнее время и по преимуществу обратили внимание на историю Абхазии, так как с населением ее предстоит столкновение русскому племени, а другие народы прибрежья удалились со сцены прямого соприкосновения с русскою жизнью, оставив почти непочатыми богатства мест своей прежней оседлости.

Из краткого обзора внешних исторических событий жизни Абхазии мы видим, что страна была подвержена смутам и беспорядкам, находясь в

управлении турок, кроме того, другие горские племена и общества делали постоянные набеги, разоряли и грабили жителей; внутренняя вражда и междуусобия отдельных княжеских и дворянских родов и семейств еще более усиливали анархическое состояние этой страны. Исторически сложившиеся формы быта Абхазии, представляющие интересный образец политического и общественного строя жизни, в себе самих заключали условия, приводившие к постоянным междуусобиям, родовым и семейным.

Влияние местности, влияние географического положения страны и климатических условий вполне отразились в жизни Абхазии... С начала настоящего столетия Абхазия, как мы сказали, вступила под покровительство России, но оставалась при своих... средствах к развитию, вследствие того, что в период времени нахождения Абхазии под покровительством России, до 1864 г., т.е. до времени сложения владетельской власти князем Михаилом Шервашидзе и введении русского управления, влияние наше на Абхазию было исключительно политическое и частью военное, но не касалось гражданского быта.

Обратимся к политическому строю жизни Абхазии, сложившемуся в древние времена и неизменно существовавшему до последнего времени – до введения русского управления.

Во главе народного управления находился владетель, называвшийся у абхазцев «ах», власть которого была наследственна в роде князей Шервашидзе. Первые исторические известия об этой фамилии относятся к XII столетию, ко временам царицы Тамары. В бытность в Абхазии неоднократно приходилось слышать рассказы о происхождении владетельской фамилии. Мнения народа о том, какой из существующих княжеских фамилий принадлежат владетельские права, не согласны: смотря тому, кто к какой фамилии привержен – той и приписывает исключительное право на этот титул, ссылаясь, что оно принадлежало предкам ее. Вот один из подобных рассказов. Древняя владетельская фамилия была с рода князей Анчибадзе. Лет за 150 до настоящего времени она состояла из трех братьев. Старший был настоящий владетель и имел двух сыновей и дочь... Два младшие брата владетеля, желая получить по наследству право на власть владетельскую, убили сыновей старшего брата: за что последний изгнал их из страны. Один из изгнанников пошел в Джигетию, другой же образовал шайку и поселился в Самурзакани; а владение Абхазией перешло в род Шервашидзе. При этом один из рассказывавших эту историю добавил: книга, заключающая исторические сведения об Абхазии, хранится в Абхазии у князя Анчибадзе... Передаваемые изустно сказания даже о событиях последнего времени представляют часто полнейшее извращение фактов, также точно как и сказание о книге, не подтверждающиеся более точными данными.

По смерти Келеш-бея русское правительство получило политическое влияние на выбор владетелей и также поддерживало военною силою законных наследников. Власть владетеля была довольно ограниченная, особенно

АЛЫТАИР

по отношению к князьям и дворянам, которые давали ему установленные обычаем ежегодные подарки не в знак признания его власти, а только для выражения гостеприимства почетному гостю, когда он приезжал в дом. Отношения владетеля к князьям и дворянам были более личные, чем с характером зависимости последних от первого. На обязанности владетеля лежала забота о безопасности страны, а князья и дворяне обязаны были для защиты края, в случае необходимости выставлять милицию. Владетель, как и другие князья и дворяне, жил доходами с своих земель, имея крепостных людей. Кроме дохода с имений владетель пользовался частью пошлины с вывозимых из Абхазии товаров. Последние состояли по преимуществу из букового и орехового дерева, меду, воску и кукурузы. По предположению одного из бывших управляющих владетельскими имениями, доходы владетеля простирались от 50 до 60 тыс. р. сер. в год.

Владетель имел право назначения суда, когда к нему обращались за этим тяжущиеся. Владетель назначал суд по следующим делам: наследственным, семейным, по заключению взаимных условий н по делам: о воровстве, грабежах, убийствах и кровомщении. Народ, впрочем, редко обращался ктретейскому суду, а по большей части следовал закону: око за око, зуб за зуб; за воровство платилось воровством, за кровь мстилось кровью; месть эта называлась канлою, она переходила из рода в род, причем в делах мщения принимали участие не только родственники убитою, но и воспитанники, если убитый был из дома воспитателя, и обратно – воспитатели мстили за своих воспитанников; так что вражда иногда принимала большие размеры и по необходимости приходилось обращаться к суду, который присуждал виновных к плате «кровавой пени». Когда тяжущиеся обращались к владетелю за решением дела судом, то он назначал судей или старшин, называемых «бакаульцы». С оказавшихся по суду виновными в пользу владетеля взыскивался штраф, величина которого зависела от рода преступления, подлежавшего разбору суда; бакаульцы также получали определенную плату с виновной стороны; величина этой платы определялась на том же основании, как и штраф в пользу владетеля. Кроме штрафа и платы бакаульцам, с виновного в воровстве взыскивалась сумма, равная тройной цене украденного; две части шли в пользу истца, а третья в пользу бакаульцев. Большое взыскание за воровство влекло за собою обыкновенно новое преступление, чтобы удовлетворить требованию суда. Дорогой суд владетеля большею частью заставлял тяжущихся прибегать к полюбовному окончанию дела или к мести. В первом случае тяжущиеся представляли друг другу поручителей в исполнении взаимных обязательств.

Если решению суда предстояло дело о ссоре или драке, то судьи до разбора дела взыскивали с обеих тяжущихся сторон штраф в пользу владетеля по 5-ти коров и по 5-ти руб. сер., затем уже производили суд и приговаривали виновного к уплате определенной суммы обиженному.

В важных случаях тяжущиеся для решения дела обращались к суду народному; для чего каждая из тяжущихся сторон выбирала судей из лиц, пользующихся уважением в народе, называемых русскими – старшинами; от выбранных судей зависело назначение места и времени суда, на что, впрочем, необходимо было и согласие владетеля.

Для решения важных дел суд собирался в местах, считающихся у абхазцев священными. Перед собравшимся народом судьи давали присягу в что, что будут судить по совести и не отступая от народного обычая. Дело обсуждалось публично, причем выслушивали показания тяжущихся и свидетелей; затем, для взаимного соглашения и постановления решения судьи удалялись для тайного совещания; по возвращении судей к народу и до объявления решения приговора с тяжущихся бралась присяга и поручительство в исполнении ими приговора суда. По обычаю, народному, не принято допускать к присяге свидетелей, вследствие того, что свидетель не отвечает даже за ложную присягу, которая могла случаться очень часто, притом в народе доказатели пользуются дурною славою; часто случалось, что даже в важных делах судящие не выдавали свидетелей и участников, боясь получить в народе имя доказателя, и чрез это проигрывали большие спорные дела. В большинстве случаев суд производился на основании собрания народных постановлений и правил, передаваемых устно от одного поколения к другому; такой суд, производящийся по народным преданиям, носит названием адата. В тех случаях судебного разбирательства, которые не подходят под существующие постановления адата, старики и уважаемые в народе люди, знающие хорошо народные обычаи, постановляют свое решение, соответственное прежним по подобным делам решениям, бывшим на их памяти или известным по преданиям. Вследствие низменности и застоя форм внешней общественной жизни, сложившихся в самые отдаленные времена, мусульманство не пусти по глубоких корней в Абхазии, а потому и к духовному суду – шариату, основанному на коране, весьма редко обращались, и то по преимуществу члены низших сословий; так по шариа гу, все правоверные равны пред кораном, и пеня, взыскиваемая за преступление одинакова, из какого бы сословия виновный не происходил, – например – пеня за смерть князя и дворянина налагается такая же, как и за смерть крестьянина; между тем по адату, личность князя и дворянина считалась неприкосновенною, и в прежнее время за кровь князя убийца из зависимого сословия осуждался на смерть, а вместе с ним той же казни подвергайся и весь род его. С течением времени смягчились постановления по адату, и смертная казнь убийцы замечена пенею, но за смерть князя и дворянина назначалась несравненно большая пеня, чем за смерть члена зависимого сословия. Поэтому члены низших сословий искали суда по шариату, а члены независимых сословий – по адату. В преступлениях не важных допускался суд по шариату, для которого нет необходимости в приискании посредников – решение же постановляется муллою.

АЛЫТАМИР

В последнее время смертной казни не существовало в Абхазии. Пред судом князья и дворяне отвечали за преступление только своею собственностью, крестьяне подлежали такой же ответственности, но за недостатком средств для уплаты пени отверзли личною свободой; даже за отцеубийство, считавшегося важнейшим преступлением, виновный только отдавался в руки владетеля и подвергался изгнанию из страны.

Решение дела судом обыкновенно влекло за собою, как мы уже сказали, определенное по адату взыскание с виновной стороны в пользу обиженной, причем платилось: за убийство князя – 30 мальчиков, лошадь с седлом и полное вооружение горца: за убийство дворянина – 16 мальчиков, лошадь с седлом и полное вооружение горца; за убийство вольного жителя – 2 мальчика, ружье и шашка. Рост мальчика, идущего в уплату, должен удовлетворять определенной адатом мере: мерою роста служила длина ладони, причем определенному числу ладоней получателя должен был удовлетворять рост мальчика, идущего в уплату пени. Вместо мальчиков допускалось делать уплату определенным количеством скота.

Дела о долгах были весьма сложны и запутаны, если долг был не денежный, а занята какая-нибудь вещь или предмет, что весьма часто случалось, при малом обращении денег в стране. Если кто задолжал другому корову, то чрез год обязан был возвратить корову с теленком, чрез два года – две тельных коровы, через три год – две коровы и двое телят и т.п. – долг вырастал до огромных размеров. При займе денег обыкновенно платилось по 5 % в месяц...

III

Основание политического строя жизни абхазского племени составлял союз родовой 35, фамильный, под опекою которого члены союза находили защиту и покровительство против насилия посторонних, и месть за оскорбление или убийство одного из членов союза переходила в обязанность всех, составляющих родовой союз; поэтому так часто канла – месть за кровь – принимала огромные размеры. Родовым союзом в некоторой мере обеспечивалось спокойствие и безопасность отдельных лиц, так как в делах одного члена союза принимали участие и другие члены. Некоторые явления жизни абхазцев свидетельствуют о стремлении к расширению влияния родовых союзов и к взаимному их сближению, чтобы чрез общность интересов достигнуть возможной безопасности и спокойствия в стране. К таким явлениям жизни относятся: усыновление и отдача детей на воспитание из одной фамилии в другую. В случаях ссор и несогласий виновный, по решению суда в знак примирения, усыновлял обиженного или его сына. Существуют две формы усыновления; одна состоит в том, что обиженный призывается в дом нанесшего ему оскорбление и при свидетелях три раза целует грудь жены или матери хозяина дома, затем отпускается с подарками, считаясь усыновленным; по другой форме усыновления – сын обиженного живет от одного года до трех лет в доме ответчика и затем с подарками возвращается в дом отца. В обеих случаях ценность подарка определяется на основании существующего обычая, народным судом. У абхазцев, как и у других горских народов, населявших северовосточное прибрежье Черного моря, дети не живут под кровлею родительского дома, а до 14-ти летнего возраста воспитываются в чужом доме и нередко отдаются на воспитание даже в другое племя. В сословиях князей, дворян и вольных жителей этот порядок воспитания явление общее. Естественно, что между воспитываемым и воспитывающими установляется взаимная привязанность и народный обычай, считая такое чувство необходимой основой отношения этих лиц, возлагает на обязанность воспитанника и воспитателя взаимно мстить за оскорбления, нанесенные членам родовых союзов, к которым они и принадлежат. Таким образом, идея об общности интересов жизни, мира и согласия, составляющая основание родового союза, чрез усыновление и воспитание членов других союзов более и более распространялась.

Родовые союзы составляли собственно члены двух свободных сословий: князей и дворян; зависимые же от них сословия обязаны были защищать своих князей или дворян и мстить за них врагам. Князья и дворяне, покровительствуя зависимым от них людям, по обычаю народному обязаны были требовать удовлетворения от родового союза, из которого происходит обидевший подвластного им человека. В тяжбах и ссорах членов зависимых сословий князь или дворянин был прямой посредник.

Родовые союзы не обнимают всех интересов народной жизни, и между жителями данной местности или урочища, хотя и принадлежавшим к разным родовым союзам, по делам хозяйственным или в интересе взаимного обеспечения собственности и спокойствия, – из условий самой жизни возникали взаимные обязательства. По делам местного интереса жители отдельных урочищ созывались на местные собрания, для решения же важных дел, касающихся интересов всей страны, выбирались депутаты, но не от отдельных фамилий или родовых союзов, а от каждой местности или урочища. Выбор судей также вносил в страну взаимную зависимость жителей, основанную не на союзе родовом, а на началах уважения к лицам, пользующимся доброю славою и знающим законы страны, что служило также средством сближения отдельных родовых союзов.

Народные собрания, как и народный суд происходили на местах, считающихся священными; русские называют такие места «присягой». У джигетов таким местом собрания был небольшой холм, называющийся Чугурха-наха, находящийся близ р. Чугур, верстах в 15-ти от Гагр. Холм этот недалеко от берега моря окружен с трех сторон возвышенностями с крутыми склонами. На холме росло дерево, около которого валялись обломки оружия: дерево это было увешано лоскутками разных материй, а из ствола

АЛЫТАИР

его торчали вбитые гвозди, все это жертвы во имя успеха набега. Народные собрания прежде собирались также в оградах древних монастырей, которых развалины сохранились до настоящего времени. Подобные постройки уважались у абхазцев, как и у других горцев, и места их считались священными.

Во главе родовых союзов стояли князья /тавад/ и дворяне /амиста/, те и другие имели одинаковые права над зависимыми от них сословиями. Они владели крестьянами, обязаны были собираться вместе с крестьянами для защиты края и, как уже сказано, за преступления отвечали пред судом, только своею собственностью. Достоинство княжеское или дворянское были исключительно наследственны, и никто из низших сословий не мог получить права на титул князя или дворянина. Владетель никого не имел права возвышать в эти звания, но за услуги, оказанные ему собственными крестьянами или выходцами из других племен, владетель возвышал их в достоинство своих тело хранителей, называвшихся у абхазцев ашнахмуа или просто шнакма. Сословие это пользовалось правом владения землею и крестьянами; члены его были избавлены от податей, но на обязанности их лежало охранение личности и дома владетеля; по обычаю народному, шинакма имели право жениться на дворянках. В политическом строе жизни абхазцев сословие шинакма представляет, как бы зародыш среднего сословия, хотя образование его совершенно иное, чем среднего, промышленного и торгового сословия в государствах Европы.

В Абхазии существует три вида зависимых сословий: вольные жители, крестьяне, живущие своим хозяйством, и «агруа» или рабы.

Владение землею было наследственно исключительно в родах независимых сословий, а потому всякий выходец из других племен или житель Абхазии, желавший заняться хозяйством или искавший защиты от насилия и притеснения, поступал в зависимые земельные отношения к лицам независимых сословий, и таким образом составилось особое сословие вольных жителей. Члены этого сословия за землю, находящуюся в их пользовании, обязывались определенною платою и работою. Плата была различная, но у большинства владетелей вольный житель обязан был: летом принести ягненка, а зимою – барана или что может, соответственной впрочем ценности: с семейства вольного жителя также бралось от 5-ти до 8-ми мер кукурузы. У большинства земледельцев вольные жители работою обязаны были только три дня в году: весною семейство вольного жителя в один день обязано было вспахать, своим скотом и сохою, и засеять определенную часть земли землевладельца; затем летом вольный житель отрабатывал еще два дня: один: – во время полотья сорных трав и подбивки кукурузы, а другой – во время уборки хлеба. При выездах землевладельца из имения вольный житель обязан был конвоировать его. При выходе замуж женщины из семейства вольного жителя отец ее или брат обязан был сделать землевладельцу

подарок, – обыкновенно дарилась корова, за что землевладелец одаривал семейство, приносящее подарок. В случае смерти члена этого сословия и неимения наследников мужского пола, землевладелец наследовал имущество умершего, выделяя часть ценности его женщинам из семейства этого последнего.

У некоторых князей и дворян вольные жители отбывали довольно большие повинности, напр., семейство вольного жителя обязано было отработать определенное количество земли, убрать хлеб и доставить в дом землевладельца; вместо работы допускалась уплата кукурузою; а ежегодная плата не ограничивалась ягненком и бараном, а вольный житель обязан был дать корову, да определенное количество мер вина.

Дворовые крестьяне, анхаею, живущие своим хозяйством, обязаны были работать на помещика определенное число дней в неделю, обыкновенно три или четыре дня. Из достатков своих крестьянин должен был часть отдать помещику, напр., половину денного удоя молока своих коров или коз, а также обязан был пасти и беречь стада помещика. Кроме того, у некоторых помещиков, на обязанности крестьян лежало прокормление в зимнее время лошадей, а иногда и части стад помещика. Женщины, находившиеся в семействе крестьянина, обязаны были ходить в дом помещика на работы. Дочери крестьянина до замужества постоянно находились в доме помещика и большею частью поступали в приданное при выходе замуж княжеских или дворянских дочерей. Если же дочь крестьянина выходила замуж, то за нее с жениха брался выкуп или калым от 10 до 20 коров, смотря по достоинствам девушки как работницы и по наружным ее качествам. При женитьбе крестьянина часть калыма уплачивалась помещиком. У большинства помещиков холостые крестьяне не состояли в обязательных к ним отношениях. За притеснения или за обиды крестьянин имел право требовать своего владельца на суд, и в случае справедливости показаний освобождался от обязательных отношений, а для защиты себя от мщения помещика он искал покровительства у другого владельца, вступая к нему в те же отношения и обязательства, в каких был к прежнему.

Члены третьего зависимого сословия, крестьяне, не имевшие права владения собственностью и называемые агруа. обязаны были постоянно работать на помещика, составляя полную его собственность. Самая жизнь раба, существовавшего без всяких прав личных и имущественных не была ничем обеспечена: владелец мог убить агруа, продать детей его, разлучить мужа и жену. До введения русского управления в Абхазия встречалось довольно много арапов с совершенно смуглым лицом, большинство их было рабами и теперь перепродано обратно в Турцию.

Рабами имели право владеть как князья и дворяне, так равно и члены других сословий: шинакм, вольных жителей и крестьян, владевших собственностью.

АЛЫТАИР

Помещики имели право продавать крестьян и отдавать их за долги, причем крестьянин ценился обыкновенно в 50 коров. Дворовые крестьяне имели право выкупаться, но выкуп был так велик, что не очень многие могли воспользоваться этим правом, при большом семействе стоимость выкупа доходила до 100 коров. У некоторых князей и дворян в число их доходов входила часть добычи от воровства зависимых жителей; между тем, если воровство случалось в доме самого помещика или в стаде его и даже в доме, где воспитывалось дитя его, то с виновного взыскивалось 15 коров и даже более, сверх возврата украденного.

Со времени введения русского управления в Абхазии во многом изменился строй жизни народной, как в деле суда, так и в деле сословных отношений. Русское управление в короткий срок, со времени учреждения его, оказало огромнейшее влияние на жизнь Абхазии. Сущность этого влияния определятся – введением в народную жизнь власти охранительной и исполнительной. Мы не имеем данных, чтобы вполне определить все, что сделано со времени введения русского управления в Абхазии – это может составить особую статью, в очерки же наши вносим мы наиболее важные обстоятельства, замеченные во время краткого пребывания в Абхазии, по введении русского управления.

Суд в Абхазии основан по прежнему на началах народного суда: все обвинения доказываются присягою подсудимого или того, чье дело поступило на рассмотрение народного суда; по соображению выборных судей и важности разбираемого дела к присяге приводятся и более, или менее соприкосновенные к делу. Наказание за воровство изменилось: с одной стороны установлен иной размер взыскания, а с другой – в случае повторения этого преступления имеет место вмешательство административной власти, которая за воровство, совершенное вторично, не только требует возвращения украденного, но и подвергает виновного аресту, а за третье воровство преступник судится по русским законам.

За убийство вообще виновный судится по русским законам.

Поземельные споры решаются на основании показаний стариков и лиц, пользующихся уважением в народе, причем показания должны быть утверждены присягою. Законным процентом по долгам признается 4% в год. Отменою огромной платы, следовавшей с подсудимых в пользу владетеля и судей, равно и больших штрафов, введением за убийство суда по русским законам, во многом изменен строй жизни абхазцев; чему также много способствовало ограничение власти князей и дворян по отношению к подвластные им крестьянам.

Введение русского управления в Абхазии имело влияние и на сословные отношения. Уничтожено право помещиков продавать детей рабов и вообще разлучать членов их семейств. Переход крестьян в сословие вольных жителей значительно облегчился; выкуп уменьшился до 20 или 25 коров;

притом, если несвободный крестьянин попал в это сословие из сословия вольных жителей, то ему предоставлено право доказать в народном суде свое происхождение из вольного сословия, а если суд признает доказательства основательными, то по удовлетворении во всем должном помещика, крестьянин становится свободным.

IV

Жизнь семейная абхазцев, жизнь у домашнего очага, и ведение хозяйства представляют много интересного. Глава семейства, отец, пользуется большой властью; он полнейший, неограниченный властелин в доме – гордый и деспотичный; по народному обычаю, отец не должен ласкать детей; ласка считается выражением слабости характера. В некоторых случаях отец имел право жизни и смерти над женою и детьми; и если злоупотребления родительской власти отца бывали редки, то это должно отнести к тому, что во первых – дети в семействах князей, дворян и вольных жителей не воспитывались в доме родительском, а потому столкновения отца и детей были редки, – во-вторых, к тому гордому удалению отца от детей, которое так заметно в семействах абхазцев. Наружное уважение со стороны младших должно высказываться в каждом действии по отношению к отцу, к старшему брату и ко всем старшим летами; сын, даже став семьянином, не имеет права садиться в присутствии отца; младший обязан всегда уступать лучшее место старшему в почетном углу дома и пред очагом, а в толпе пропускать его вперед.

Большинство абхазцев магометане, но они редко пользуются правом иметь несколько жен, а ограничиваются одною и наибольшее – двумя женами, причем вторая поступает в дом не иначе, как с согласия первой, которая и остается главною хозяйкою 36.

Народный обычай подвергает женщину полнейшей зависимости от мужа, и она не пользуется ни уважением в семействе, ни правом голоса в более или менее важных делах, касающихся семейной жизни. Женщина, вышедшая замуж, родственниками своими защищена только от произвола мужа в делах развода, который допускается не иначе, как по обоюдному согласию. Подвергая женщину самой деспотической зависимости от мужчины 37, так что в случае замеченной неверности со стороны жены, муж имел право убить еет – не отвечая за убийство пред судом, – общество весьма снисходительно относилось ко всем уклонениям мужчины от выработанной формы семейной жизни и брачных отношений, и если дело по этому предмету доходило до народного суда, то и тогда мужчина подвергался только очистительной присяге, между тем как женщина, по народному обычаю, в случаях нарушений условий семейной жизни, по суду изгонялась из дома мужа, к своим родственникам. Человек, бывший причиною нарушения женщиною супружеской верности, обыкновенно преследовался

АЛБТАИР

мужем, как за кровное оскорбление, и закон не ставил мужу в преступление убийство противника. В первый день замужества женщина получает подарок, называемый мекях, который в случаях развода, при недоказанной неверности жены, остается при ней.

Платимый мужем мекях яснее всего выражает взгляд абхазов и других горцев на брачный союз, в основании которого была покупка женщин; последние же, в своей стороны, все достоинство свое основывали на большей или меньшей покупной цене. От этой привычной купли и происходило то равнодушие и даже циничное довольство, с которым невольницы отдавались в руки покупателей, чтобы быть снова перепроданными в гаремы турецкие, где им определялась довольно высокая цена. Трудно было бы ожидать более выработанных человеческих условий жизни для женщины в обществе, в основе которого было право сильного. Впрочем, должно отдать справедливость тишине домашней жизни абхазцев и горцев, выселившихся с северо-восточного берега Черного моря: со стороны мужа, как вполне сознающего свою силу, было снисхождение к слабому; из сознания собственного достоинства муж никогда не прибегал к побоям и ругательствам; «с домашними сценами» не была знакома семейная жизнь горцев прибрежья, а в случаях серьезных несогласий прибегали к разводу.

Вот один из примеров, который показывает, что в случаях больших семейных несогласий дело решалось без всяких насилий со стороны мужа. В одном из укреплений, занятом русскими войсками, из ближнего аула пришла абазинка, прося помощи и влияния воинского начальника, чтобы он заставил мужа ее переменить поведение, нарушающее законы семейной жизни. На вопрос: не делает ли муж насилий, не бьет ли ее, женщина с удивлением посмотрела на присутствующих и отвечая отрицательно; между тем по справкам оказалось, что муж ее действительно был дурной человек, занимался воровством, а не делами семейными и хозяйственными; общество селения, где жила женщина, помирило ее с мужем.

На всем северо-восточном прибрежье Черного моря до последнего времени шла торговля женщинами и нет сомнения, что турки вывозом молодых девушек, в течении продолжительного периода владычества в Абхазии и на всем северовосточном берегу Черного моря – много способствовали упадку цивилизации, более или менее унаследованной в этих местах от греческих и генуэзских колоний. Вывоз женщин прямо способствовал к обновлению турецкого племени. Гиббон говорит: «торг людьми произвел кажется то, что азиатские народы стали красивее; турки, потомки гуннов, которые были так некрасивы, от сношения с Кавказом теперь очень красивый народ». Расчет вел к продаже наиболее красивых девушек; все же, не имеющие хорошей цены, оставались на родине, а потому так некрасивы вообще абхазцы, происходящие из нижних сословий, и даже лица некоторых дворянских фамилий, из семейства которых девушки продавались в

Турцию. Совсем другое представляли жители горных абхазских обществ, а также убыхи, не торговавшие женщинами, как абхазцы и джигеты; красивые женщины тут встречались довольно часто так например, дочери аибгского князя Толопаря Маршани были замечательные красавицы. В обществах, где не было торговли женщинами, в самих женщинах не проявлялось рабское унижение, а напротив – они были даже одушевлены геройством; так, при занятии Аибги две девушки вышли с ружьями на плечах, готовые защищать свое пепелище. Вырождение прежнего типа низших сословий в Абхазии, вследствие продажи женщин, приводило некоторых путешественников к предположениям, что князья и дворяне в Абхазии не одного с народом происхождения, так как они отличаются от зависимых жителей крепким, здоровым и красивым телосложением.

Замужняя женщина у абхазцев ведет затворническую жизнь, но этому обычаю следуют не очень строго, даже в домах князей, наиболее придерживающихся форм магометанской религии; женщинам же низших сословий и нет возможности вести такую жизнь, вследствие обязанностей, налагаемых крепостною зависимостью от помещика, исполнение которых часто соединено с необходимостью оставлять дом. Женщины редко следуют восточному обычаю закрывать лицо и носить покрывало; а если женщина встречается с мужчиною, даже с русским, то она только показывает желание закрыться руками или платком, но не исполняет этого. Незамужние женщины ходят с открытым лицом. По обычаю абхазцев, существовавшему впрочем и у других горцев северовосточного прибрежья Черного моря, по смерти мужа жена переходит к брату мужа, если на то существует обоюдное согласие; так было; например в семействе князей Инал-ипа. Имение князей Инал-ипа, – считающихся первыми князьями абхазскими, после фамилии владетельской, – занимает великолепнейшую местность между р. Бзыбью и р.Мечища, но большинство аулов здесь разорены и сожжены Солохою Чичаго, убившим своего брата, мужа вдовы Инал-ипа. До сих пор абхазцы указывают дуб, стоящий на возвышенности в урочище Багрыпш, из-за которого по их словам «брат убил брата»; они называют дуб «Эль». В семействе Инал-ипа остался третий брат Тито, который по обычаю должен был взять в жены вдову, бывшую за двумя старшими братьями, известную в Абхазии своею красотою, сохранившеюся до сих пор, – но год тому назад еще не было выражено согласие с обеих сторон на брак, а потому не можем сказать, вышла ли вдова Инал-ипа за третьего брата. Приведенный пример подтверждает принятый в Абхазии обычай перехода жены по смерти одного брата к другому 38.

В домашней жизни на обязанности женщин лежит забота о хозяйстве в доме, но случается видеть их работающими и в поле. Интересно распределение работ и занятий между членами семейства... Но местами земля так плодородна, что без больших усилий один рабочий может прокормить че-

АЙБТАИР

ловек 15-ть, а потому так много времени остается для усовершенствования себя в наездничестве, на разъезды по другим аулам и вообще на праздное препровождение времени. Всякий случай, поминки, празднества привлекают огромное число зрителей. Представляем описание поминок у абхазцев, совершение которых берет несколько дней. По народному обычаю жена, чтоб не потерять уважения в народе, должна оплакивать смерть мужа, с выражением страшного отчаяния и самоистязаниями. Она является пред посторонними о воплями и криками, босая, с раскрытою грудью, с распущенными волосами, причем руки, лицо и грудь исцарапаны до крови. За похоронами следуют поминки, на которые собирается обыкновенно много народа и все живут несколько дней на счет родственников умершего, а потому, как бы для покрытия этих издержек, каждый из присутствующих обязан сделать вдове посильный подарок. Поминки оканчиваются обыкновенно скачкой на приз, в которой принимают прямое участие мальчики от 12-ти до 14-ти лет. Расстояние, на которое скачут, очень велико; иногда оно простирается от 30 до 40 верст по страшно пересеченной местности.

Одну из хороших сторон общественной жизни абхазцев составляет забота о бедных, причем таких нищих, каких мы привыкли видеть в других местах, там нет; бедные всегда получают коллективное пособие; например, оставшейся без средств к жизни вдове другие жители аула всегда помогут посеять и убрать хлеб, чтобы обеспечить ее существование.

По существовавшим у абхазцев законам о наследии, женщины не участвовали в доле при дележе имения; оно переходило в наследство к сыновьям или родственникам мужского пола. Дочери умершего получали до замужества пропитание от братьев или родственников покойного, которым досталось имение, причем наследовавшие обязывались дать по состоянию приданное умершего, при выходе их замуж.

Раздельность частных хозяйств, вследствие влияния местности, и богатая жатва, доставляющая возможность легко добывать пропитание, а также избыток свободного времени развили у мужского населения Абхазии стремление к бродячей жизни; мужчина не засиживается дома, а беспрестанно переезжает от одного родственника или знакомого к другому. Эти частые переезды развивали у абхазцев потребность во взаимном гостеприимстве; во имя гостеприимства и друг/дост/ и недруг находили защиту и безопасность под крышей дома хозяина, к которому приехали, причем для почетного гостя жертвовалось последнею скотиною, последнею горстью гомми и кукурузы. Для приема гостей в более богатых саклях имеется особое кунахское помещение, состоящее из отдельной комнаты, в которую вход обыкновенно со двора; против двери в земле сделано углубление, в котором разводится огонь; дым от горящих дров идет в трубу, плетенную из сучьев и обмазанную внутри глиною, смешанною с навозом. В стене, противоположной дверям проделывается окно, обыкновенно запертое ставнями, – его

назначение дать возможность по временам следить из кунахской за тем, что делается во дворе, а свет в кунахскую проходит чрез растворенную дверь. Угол комнаты наискось от входа, ближе к которому проделывается окно, считается почетным; по стенам кунахской вбиваются гвозди для вешания оружия. В более богатых кунахских на полу разостланы ковры и тюфяки, на которых разложены подушки; для омовения, по магометанскому обычаю, имеются таз и кувшин, а для совершения молитвы маленький коврик. Кушанье у абхазцев подается на низеньких столиках и представляет большое разнообразие азиатской кухни. Хозяин обыкновенно не садится за стол в присутствии гостей. Некоторые из князей и дворян имеют очень удовлетворительные постройки дома, но большинство населения живет в турлучных (плетенных из сучьев) саклях; постройка такой сакли стоит одной коровы.

Помещикам, имеющим большое количество мелкого скота, приходится иногда нанимать пастухов или атарщиков. Вот пример тех условий, которые заключаются между хозяином атары н пастухом. Пастух нанимается на несколько лет и в первые два года получает плату по барану, на третий же год половину всего приплода во время исполнения обязанности атарщика. При этом основании найма достигается хороший уход за «барантой», – ибо интерес сохранения скотины в хорошем состоянии общий для нанимателя и нанимаемого. Если издохнет баран или овца, то атарщик обязан принести хозяину атары шкуру; если волк унесет барана или овцу, то пастух старается отыскать рога, чтобы тем доказать свою рачительность в уходе за атарой, и тогда он считается свободным от ответственности, так как пропажа признается не зависевшею от его воли...

В последнее время пребывания горцев на северо-восточном прибрежье Черного моря у них начало проявляться сознание слабости их общественной организации и необходимости обновить строй жизни введением управления, более упорядочивающего гражданский порядок и племенное единство. Таким объединяющим и устроительным началом между выселившимися горцами прибрежья явился мюридизм, последователи которого признавали необходимость организованной охранительной и исполнительной власти, с распорядителем во главе, или наибом, каким у абадзехов был Магомед-Амин, посланный Шамилем. Окончательное покорение Кавказа прекратило политическое развитие и даже существование черкесского племени на северо-восточном берегу Черного моря; в жизнь же абхазского племени внесено русскими в 1864 г. более или менее организованное управление, обеспечивающее гражданское развитие страны.

V

Насколько позволили имевшиеся под рукою данные, мы представили очерки бытовой жизни абхазцев – касаясь по возможности и жизни других горских племен, оставивших земли по юго-западным склонам кавказского хребта и переселившихся в Турцию.

АЛЫТАИР

Теперь обратимся к вопросу, как устроились абхазцы в экономии земли и воды, которыми они располагают. К сожалению, для решения этого вопроса мы имеем весьма мало сведений статистических, географических, климатических сведений о богатстве почвы и о растительности. Результаты топографической съемки, бывшей в 1864 и 1865 годах для частей Западного Кавказа могут дать более или менее точное понятие о виде местности, о количестве земли удобной для хлебопашества, о количестве лесов и других угодий, но пред нами нет результатов этой съемки. Недра земли не исследованы, о характере и степени плодородности земли, также невозможно, по недостатку опытов и наблюдений, сказать достаточно полно и определенно; но насколько возможно, насколько имеем данных, постараемся хоть приблизительно разрешить поставленный нами вопрос.

По имеющимся статистическим сведениям за 1865 год, народонаселение Абхазии вместе с Цебельдою простирается до 79.190 душ об. пола. Это народонаселение по округам распределяется так[1]:

Округ	Количество дворов	Количество душ обоего пола
Сухумский	2826	16475
Бзыбский	3726	20090
Абживский	5049	32182
Цебельдинский	1436	10443
Всего	13037	79190

Все это народонаселение занимает пространство между главным хребтом и берегом Черного моря, между р. Дзы-Акуара (р. Гагрыпш, как называют русские; протекает близ укр. Гагры) до р. Ингура.

Главный хребет Кавказских гор направляясь от Эльбруса к северо-западу, вдоль берега Черного моря, крутыми террасами параллельных хребтов спускается к северовосточному берегу Черного моря, образуя неширокие долины между параллельными хребтами и узкое равнинное пространство предгорий со стороны моря; местами отдельные хребты гор круто обрываются в море; так высокий хребет гор, пересекающий р. Бзыб, идет к Гаграм и на пространстве между Гаграми и р. Хошупсе упирается в самый берег так, что проезд от Гагр к мысу Адлер на этом пространстве сопряжен с большими трудностями, а во время морского прибоя совершенно невозможен во многих местах. Хребет этих гор, наиболее возвышающихся на всем прибрежьи, носит название Гагрских гор и обращал внимание моряков, как примета скорого приближения к Гаграм, которые при движении судов из Новороссийска к Сухуму, до выселения горцев с северо-восточного берега Черного моря, представляли первый пункт стоянки. Часть этого хребта, от

[1] Таблица составлена З. Яхтаниговым в полном соответсвии с источником.

р. Бзыби до Гагр, абхазцы называют Ахохшера или горы Голубей. Продолжающийся от р. Бзыби до Сухума и далее хребет этот представляет мало удобных проходов; чрез него против селения Лехне (по-турецки Соук-су) прошли в 1864 г. жители Кучбы с князем своим Бзигяуз. Другой перевал из общества Кучба был прямо на Бомборскую равнину, но он чрезвычайно труднопроходим.

Между хребтом этих гор и берегом моря образуется равнина, пересеченная местами небольшими ветвями гор; так напр. ветвь, отделяющая урочище Багрыпш, находящееся близ р. Мечищи, от пицундской равнины. Горные реки при устьях своих образуют наносные равнины, выдающиеся в море в виде мысов; так напр. реки Бзыб и Мзымта образуют по выходе из гор большие болотистые равнины, покрытые непроходимыми лесами дуба, ясени, чинара, ольхи, ореха, каштана, черешни, шелковичного дерева и др., которые перевиты виноградными лозами и колючкой, так что образуют непроходимую чащу. Небольшие ручьи и речки скрывают ложе свое в этой непроходимой чаще лесов. Они текут в низменных берегах и, разливаясь образуют почти сплошное пространство болот на местности под лесом. Из рек, берущих начало свое на юго-западных склонах Кавказского хребта и наиболее достойных внимания по своей величине, упомянем Мзымту, Бзыб и Кодор. Первая из них по выходе из гор течет по болотистой равнине, оканчивающейся адлерским мысом. Р. Бзыб отличается быстротою изменяемости уровня и скоростью течения, так что при переправах через нее гибнет ежегодно много людей; а потому горцы называют ее бешеною рекою. С большою быстротою в полноводие выносит она в море огромные деревья, иногда в два обхвата и более, и на несколько миль от берега заметна муть от выносимою рекою в море песку и ила, а на поверхности воды далеко в море видны плавающие огромные карчи. При устье р. Бзыби собираются огромнейшие стада бакланов и рыболовов, а в море, в параллели с устьем р. Бзыби, держатся большие стада дельфинов. Р. Кодор не представляет такой быстроты течения, как Бзыбь, и в нижних частях ее находится большая равнина, оканчивающаяся кодорским мысом. Большую часть года переправа чрез эти реки возможна вброд, хотя и сопряжена с довольно большими трудностями.

К низменным местностям Абхазии вполне можно отнести следующие слова Либиха: «Если местность состоит из твердых скалистых пластов, покрытых не толстых слоем почвы, на которой растет растительность с густою листвою, то просачивающаяся через такой слой вода будет приносить местностям, лежащим ниже, много минеральных веществ, служащих пищею растениям, потому что не толстый слой почвы не может задержать их в большом количестве. Частицы такой почвы, увлекаемой дождевыми потоками и уносимые ими в долины и низменности, образуют тут почву, степень плодородия которой может быть весьма различна; она изменяется с их химическим составом, от которого зависит способность почвы извлекать те вещества, которые служат пищею для растений; но во всяком случае такая

АЛАНИЯ

почва, образовавшаяся из вынесенного ила, будет насыщена теми минеральными, питательными для растений, веществами, которые содержались в воде, из которой этот ил отсел» (Либих. Химия в приложении к земледелию, стр.78). Богатство разнообразия геогностического строения Кавказского хребта обусловливает силу и разнохарактерность растительности низменных мест северо-восточного прибрежья Черного моря, и если тучная и производительная почва закубанского края, при обилии великолепных лесов, представляет в травяной растительности такое разнообразие, что все такие растения умеренно-холодного пояса имеют здесь своих представителей, причем иногда колос пшеницы дает от 80 до 90 зерен: то каковы же должны быть разнообразие и сила растительности прибрежья при большем и более равномерно распределенном, по временам года, количестве тепла и влажности! Замеченное выше разнообразие лесов низменных мест, – причем деревья образуют не проходимую чашу, давая множеству чужеядных растений обильнейший и разнохарактерный материал для выработки питательных соков, – служит нагляднейшим доказательством той степени плодородия почвы, которой мы не привыкли видеть в других местностях России. Здесь рядом с сосною растут маслины, шелковичное дерево и другие растения теплого климата. Сосна растет не только на пицундском мысе, но и в не которых других прибрежных местах: верстах в 15 от укр. Гагр, по дороге в Адлер; от ущелья р. Бегребшты до ущелья р.Хошупсе, у самого берега по склонам гор она растет на довольно большом пространстве; так не «Бог знает какими судьбами», поселилась сосна на пицундском мысу, как говорит доктор Торопов в сочинении «Опыт медицинской географии Кавказа». Местами, при обилии тепла и влажности, деревья, разрастаясь до огромных размеров, представляют ствол, источенный небольшими червячками; при обилии соков лес трудно высушивается, и даже в изделиях из этого леса заводятся небольшие червячки, портящие их; звук, производимый работою этих маленьких насекомых, такой же, как от сверления буравом, а результаты работы их весьма мелкие стружки. Разводимые на низменных местах овощи и корнеплодные растения доходят до огромных размеров, впрочем, в ущерб их вкусу. Здесь в низменных местах нет лугов, а все пространство, не поросшее лесом, покрыто папоротником, а местами ромашкой и колючкой Знание, приложенное к обработке этой местности, без сомнения приведет к хорошим результатам, и возможно будет иметь хорошие овощи и прекрасные луга; но с меньшими усилиями, с меньшими тратами средств и времени почва низменных мест может быть занята великолепными садами, хлопчатниками, шелковицею, а также другими растениями теплого климата, могущими расти при средних годовых температурах от 7,9’ (Темрюк) до 11,6° (Редут-Кале) и при средних температурах (в тех же пределах) зимою: от 2,9° до 5° и летом до 18,5°. По некоторым, очень немногим наблюдениям можно судить о тех видоизменениях в организме животных, которые производятся влиянием низменных мест, если последние

не возделаны и не осушены. Домашняя птица скоро дохнет, причем заметно большое видоизменение внутренних органов: размеров, цвета и состава их. Представляем одно наблюдение, сделанное в низменных болотистых местах близ сел. Гадаут. У абхазцев, принесших кур из аулов, расположенных на возвышенных местах, было куплено 53 штуки, из которых 17 издохло по прошествии месяца. Распотрошив их, нашли, что печень и селезенка увеличены до 1,5 раза, а у некоторых и до двух раз; легкие и сердце были также увеличены, хотя н не в таких размерах, как предыдущие органы; цвет всех этих органов был темно-багровый; при раздавливаний кусков этих органов, между пальцами, они представлялись крупичатыми не имели той упругости, как у зарезанных здоровых кур; последние два качества внутренних органов зарезанных больных кур возбудили удивление и побудили к наблюдениям. Из 36 зарезанных кур у 12 оказались также в больших или меньших степенях указанные видоизменения внутренних органов, и только 2 курицы из 53 зарезанных в продолжении месяца, со времени покупки, были здоровы. Куры получали корм в изобилии; больные ели достаточно и только за несколько часов до издыхания начинали опускать крылья, затем садились к вечеру на жерди, на которых наутро обыкновенно находили их издохшими. Вскрытие умерших людей в Сухуме показывает подобные же видоизменения во внутренних органах. Но нет сомнения в том, что приложение знаний к направлению производительности почвы на пользу человека, осушение местности и уничтожение распространенного почти по всему прибрежью папоротника приведут к самым благоприятным результатам, – тому пример г. Сухум, Гагры, Пицунды, где с вырубкою лесов и с обработкою почвы значительно уменьшилась болезненность, а Гагры считаются даже здоровым местом жительства. Точно также несколько лет тому назад князь Дзяпшипа занял под аул местность недалеко от Сухума за р. Гумистою, которая прежде была покрыта частью болотистым лесом, частью же папоротником; в первые годы новое поселение терпело много от болезней, теперь же, с вырубкою лесов и уничтожением папоротника, местность эта весьма здорова, и кругом, на месте бывшего папоротника – отличные луга и поля, и князь Дзяпш-ипа в большом количестве мог сбывать сено в Сухум. Папоротник представляет растение с длинным стволом, вершина которого одета большими листьями. Папоротники быстро разрастаются, и так как они растут очень густо, то листья их переплетаются и образуют сплошной навес, не пропускающий солнечных лучей; таким образом почва остается постоянно влажною, а от этого остатки прошлогодних папоротников гниют, заражая воздух. Абхазцы для посевов выжигают папоротник в продолжении двух лет, кроме то как средство избавиться от этого растения, советуют скашивать молодой папоротник, повторяя эту операцию весной три или четыре года сряду. Одна из побудительных причин к скашиванию молодого папоротника может быть та, что вымоченный в растворе из поваренной соли, он считается у абхазцев отличнейшим кормом для скота, особенно для лоша-

АЛЫТАИР

дей, и только недостаток соли, стесняет их употребление его для сказанной цели. Почва, бывшая под папоротником, после нескольких весенних скашиваний может быть обращена на отличные луга. Заметим еще, что папоротник – растение весьма богатое содержанием поташа.

Склоны гор, обращенные к морю, внизу покрыты частыми кустарниками и деревьями; с поднятием в гору деревья увеличиваются в объеме; вершины же гор покрыты густыми лесами дерев огромных размеров, по преимуществу ореха, чинары, дуба и ольхи.

В ущельях и по склонам гор, их образующих, растет в большом количестве буксовое дерево и лавр, сохраняющие круглый год зелень. Буксовое дерево, растущее в низменных местах, имеет в разрезе цвет желтоватый, но поднимаясь выше по склонам, находим, что этот цвет изменяется в молочный.

До выселения горцев с северо-восточного прибрежья Черного моря нерасчетливая, без всяких хозяйственных соображений, вырубка буксового и орехового дерева по преимуществу турецкими лесопромышленниками, доходила до огромных размеров, а потому в наследие нам досталась страна с значительно расстроенным хозяйством. Турецкими лесопромышленниками по ущельям далеко в горы повырублено буксовое дерево; не говоря об ущелье р. Бзыби, по которой на каюках сплавляли буксовое дерево и нагружались большие кочермы, даже в диком гагрском ущелье вырубка производилась в довольно больших размерах, так что в 1863 г. была нагружена буксовым деревом кочерма, вмещающая его до 19 т. пудов. Кроме буксового и орехового дерева, с северо-восточного берега Черного моря вывозился и строевой лес. На р. Бегребште турецкими лесопромышленниками был устроен пильный завод, откуда по преимуществу сосновый лес в досках отправляли в Турцию. Джигеты и другие горцы до выселения своего рассказывали об этом пильном заводе, как о чуде; в действительности же техническая часть завода оказывается очень неудовлетворительною: приемник и приводы были устроены весьма дурно и грубо.

В лесах низменных встречается множество сваленных деревьев, засоряющих леса. Это происходит от того, что абхазцы не делают достаточных запасов для мелкого скота на зиму: запасы ограничиваются обыкновенно небольшим количеством челы (кукурузной соломы) для кормления крупного скота; мелкий же скот после летней пастьбы в горах, осенью сгоняется в леса низменных мест; здесь он зимою и весною питается молодыми ветками колючки; атарщики же кормят скот молодыми ветками и почками ясени, дуба, карагача, граба и др. деревьев, для чего срубают дерево, если оно не толсто, или же влезают на дерево и обкарчивают его. Срубленные деревья и большие ветви остаются гнить на месте.

Почва и климат Абхазии представляют условия для произрастания в диком состоянии персиков, абрикосов, гранатов, айвы, фигового и других плодовых деревьев. Из полевых растений абхазцы сеют кукурузу, гомми, фасоль, ячмень и пшеницу; разводят на небольших плантациях табак и

хлопчатник, последний – в очень небольшом количестве, вследствие распространенного мнения, что с разведением этого растения в стране будет постоянная засуха; впрочем, близ сел. Илори хлопчатник разводится в довольно большом количестве и очень удачно.

Урожай посевов гомми и кукурузы бывает обыкновенно большой и доходит: для гомми до 1600, а для кукурузы – до 1200; даже один из старожилов уверял, что он очень часто видел урожай кукурузы до 1500 зерен и более.

Многие абхазцы, даже фанатически предубежденные против русских, все-таки выражали желание остаться на своих местах и не переселяться в Турцию, говоря: «как несчастны горцы, оставившие благодатную землю, подобной которой не найти нигде». И так, даже фанатизм побеждался интересом сохранения за собою плодоносной земли 39.

Возделывание земли под посевы производится самыми простыми орудиями, очень часто просто заступом, местами же употребляется род сохи с деревянным лемешом; для чего вырубают дерево с изогнутым пеньком, пенек заостривают клином, а к длинному концу приделывают приспособление из веревок для тяги, и таким орудием с помощью буйволов бороздят землю. В урочище Багрыпш и частию в других местах близ р. Мечищи употребляют следующий способ пахания земли. Занимают под пашню пространство земли, покрытое папоротником, и выжигают его; довольно тонкий слой наносной земли, удобренный золою папоротника, делается очень рыхлым, затем берут несколько сучьев с ветками до одного дюйма толщиною, заостривают толстые концы сучьев и связывают их один с другим в ряд; заостренными концами бороздят землю и сеют хлеб, потом, оборотив сучья так, чтобы они ветвями касались земли, заволакивают маленькие борозды вспаханной земли.

Запасов хлеба на зиму абхазцы делают очень немного и помещают их для хранения в небольших амбарах, или – вернее – клетушках, величиною до одной куб. сажени, сплетенных из сучьев и поставленных на четырех столбах, до сажени высотою; – последнее необходимо для предохранения запасов от истребления крысами и мышами.

В Абхазии, особенно в прибрежных местах, встречается очень много дикорастущего винограда; довольно хорошие сорта его находятся на р. Псырсте 40 и в сел. Лехне (Соук-су); до оставления же береговой линии во время восточной войны считалось очень хорошим бомборское вино, получавшееся из сортов винограда, рассаженных русскими близ укр. Бомбор. При удовлетворительной выделке из абхазского винограда получается вино довольно хорошего качества, но с трудом может быть сохранено до следующего года, – до времени цветения виноград. Некоторые из жителей г. Сухума скупали у абхазцев виноград, рассортировывали его и получали очень удовлетворительное вино.

Абхазцы содержат не много домашнего скота, собственно исключительно для удовлетворения хозяйственных нужд и не для подспорья сель-

АЛЬТАИР

скому хозяйству. Земля здесь не требует удобрения. Скот абхазский очень мелок; порода лошадей довольно плохая и малосильная. За малочисленностью скота в Абхазии, для небольшого сухумского гарнизона скот пригоняли из Мингрелии. В Абхазии на 2 или 3 дыма приходится одна лошадь, и на каждый дым по одному буйволу и 2 или 3 коровы.

При домашних хозяйствах абхазцы держат птиц, по преимуществу кур, но мало – помалу распространяется также разведение индеек, гусей и уток.

Пчеловодство развито довольно слабо, несмотря на большое требование мёду и воску, как для потребности войск, расположенных в Абхазии, и для лазаретов, а также для вывоза за границу и в Россию; при большом требовании продукты пчеловодства стоят в хорошей цене. В аулах, виденных мною, средним числом на саклю приходилось от 3 до 5 колод. Улья делаются из выдолбленных обрубков до 10 дюйм, в диаметре и располагаются обыкновенно горизонтально. Из опытов разведения пчел в Гаграх можно вывести заключение о выгодности этого промысла: через год из одного улья бывало получалось пять, а каждая колода давала 10 фунт, меду и до 30 фунт, воску.

Выгодность занятия этим промыслом и возможность довести его до цветущего состояния в землях по юго-западным склонам Кавказского хребта доказывается отличным состоянием его в одном из выселенных в 1864 г. горных обществ Кучба, где по свидетельству абхазцев было до 50 дворов и до 20.000 улей; и если последняя цифра и преувеличена, то все-таки должно полагать, что в обществе Кучба действительно разведение пчел было развито, иначе оно не обращало бы большого внимания абхазцев, с которыми приходилось говорить о жителях Кучбы. В Сухуме пчеловодству много препятствует одна порода птиц, истребляющая пчел, а также небольшие насекомые, заводящиеся в самих ульях.

В очень небольшом числе аулов, по преимуществу абживского округа, разводят шелковичных червей; опыт разведения этого насекомого был сделан в укр. Пицундах. Яички были привезены из Кутаиса, и вышедшие шелковичные черви дали большие коконы, нить не тонкую и мягкую. Тутовое дерево в низменных местах растет очень хорошо. В сел. Илори жители занимаются разведением шелковичных червей в более значительных размерах, чем в других аулах, но почти исключительно для собственного, домашнего употребления, так что вообще эта отрасль хозяйства не доходит до более пли менее видных промышленных размеров. Интересно было бы проследить, до каких мест по прибрежью, от Сухума в сторону Гагр и Адлера, может расти в диком состоянии тутовое дерево, но должно полагать, что оно может быть разводимо даже близ Новороссийска; так как разность средних годовых и по временам года температур для Сухума и Новороссийска не велика и едва доходит до 2°.

Дичи в Абхазии очень много, так что трудно уберегать от птиц и небольшие поля; абхазцы не охотятся на дичь, так как порох и свинец достаются им с трудом. В начале августа бывает перелет перепелов, которые весь

месяц держатся на полях прибрежных мест; от большого количества диких голубей, водящихся по склонам гор, пересекавших р. Бзыбь и идущих к Гаграм, самые горы получили название Ахохшера, слово означающее по-русски голубь.

В абхазских лесах водятся в большом количестве дикие кабаны, медведи, волки, шакалы, лисицы, куницы, дикие козы и серны. Дикие кабаны иногда целыми стадами нападают на поля, засеянные просом и истребляют целые посевы; впрочем, абхазцы очень удачно охотятся на них и мясо убитых доставляют в Сухум и в другие пункты Абхазии, населенные русскими. Из диких зверей попадаются также барсы, так часто беспокоящие воем своим жителей укр. Пицунд и Гагр. В недавнее время куниц было очень много, а теперь они порядочно истреблены; прежде шкура куницы стоила от одного до двух рублей, смотря по достоинству, теперь же цена возвысилась до 3 р. 50 к. и даже до 4 рублей. С выселением в 1864 г. горцев с северо-восточного прибрежья Черного моря из оставленных мест перешло в населенные пункты множество волков и шакалов, искавших себе здесь добычи.

* * *

От набросанных нами, самых отрывочных очерков природы, окружающей абхазцев, и от сообщенных сведений о том, как они устроились в экономии земли, перейдем к водной экономии Черного моря, близ абхазских берегов, значение которых важно не только исключительно для Абхазии, но и для всего Западного Кавказа. До сих пор рыбный промысел близ абхазских берегов находится в руках турок, приезжающих в населенные береговые пункты на время лова сельдей и дельфинов. Привести точные цифры ежегодного улова рыбы у берегов Абхазии трудно, за неимением положительных данных, а потому и представляем такие факты, которые до некоторой степени могут охарактеризовать богатства Черного моря рыбою. В г. Сухуме турки ловят в большом количестве сельдей и жителями делаются довольно большие запасы их. О количестве улова можно отчасти судить из следующего. В Сухуме случается, что рыболовы на небольшой лодке, одною наметкою в одно утро налавливают до семи пуд сельдей; в укр. Гаграх в феврале 1865 г. тремя рабочими на небольшой лодке, двумя наметками было наловлено сельдей столько, что ими была нагружена кочерма, вмещающая до 700 пуд просоленных сельдей, а кроме того часть улова была распродана жителям укр. Гагр. Употребляемые для ловли сельдей и кефали, – также в большом количестве водящейся у берегов Абхазии, – наметки состоят из круглой сетки, до сажени в диаметре, по окружности которой привешено много небольших свинцовых грузиков. Для накидывания этой сетки на плывущую рыбу, она свертывается таким образом, чтобы брошенная могла снова развернуться на воздухе в круг; помощию привешенных грузиков круглая сетка равномерно опускается в воду; в сетке продета веревка таким образом, что она затягивает ее при вытаскивании из воды.

АЛЫТАМР

Подобными наметками ловят рыбу с лодок и с берегов, когда рыба подходит для метания икры или гонимые большими стадами бакланов; при этом случается, что кефаль в большом количестве выскакивает на самый берег. Для ловли камбулы, солдата прибрежных мест, занятых русскими расставляют прямоугольные сети, у которых по одной из длинных сторон привешены грузы, а по соответствующей другой деревянные поплавки; в этих сетях камбула запутывается спинными иглами, а также чешуею. Подобными сетями вылавливается иногда в один постав столько камбулы, что ее хватает на борщ целой роты, штук до 10 и более. В сети для ловли камбулы попадаются иногда и дельфины, водящиеся в огромном количестве у берегов Абхазии. Более тридцати небольших турецких кочерм ежегодно приходят в укр. Пицунды – для ловли дельфинов, жиром которых нагружаются кочермы.

Турки, для охоты за дельфинами, на небольших лодочках выезжают из Пицунд в открытое море на высоту пицундского мыса и устья р. Бзыби, где эти животные обыкновенно приходят в большом количестве, целыми стадами. В хорошую погоду дельфины держатся почти на поверхности воды, причем, когда они плывут, то по временам выскакивают из воды и, описав в воздухе небольшую дугу, снова затем погружаются в воду. Пользуясь этими привычками дельфинов, турки бьют их из ружей дробью, причем достаточно одной попавшей дробинки, чтобы убить дельфина. Убитый дельфин очень недолгое время держится на поверхности воды, и в это время ловцы стараются подъехать к убитому чтобы успеть втащить его в лодку до погружения ко дну. Иногда охотятся на них и другим способом: длинною сетью обхватывают пространство, где проходит стадо дельфинов, и с небольших лодок баграми бьют остановленных сетью.

Результат летнего убоя дельфинов в укр. Пицундах составляет не менее 3000 пуд. жира, причем на месте пуд жиру продается не менее как за три р. с.

Близ берегов Абхазии водится множество нырков (порода птиц), шкурки которых с хорошим пухом очень красивы и имеют большой сбыт в Турцию, где их обделывают и употребляют для подбивки теплой одежды и для обшивок.

В реках Абхазии водятся в большом количестве форель и лось-форель, так что лов рыбы в хозяйствах, прилежащих к рекам и речкам, может давать хорошие доходы.

В небольших озерах близ укр. Пицунд водятся в огромном количестве карпы, называемые здесь сазанами.

Влияние пересеченной местности отразилось и в сложении абхазцев – они великолепные ходоки и отличные стрелки, но в наездничестве уступают другим горцам. Одежда их сходна с черкесскою, но черкеска короче; башлык они не обвязывают около шапки, как делали другие горцы, но оставляет концы распущенными.

Абхазцы постоянно бывают в вооружении, причем ружье в бурочном чехле висит на ремне через плечо; откинув левою рукою чехол с приклада,

горец ловко правою рукою вынимает ружье из чехла. В местах лесистых абхазцы ходят с цалдами, т. е. с небольшими топорами, надетыми на длинную рукоятку, которыми они расчищают тропинки в лесах, заросших колючкой.

Сложение абхазцев по преимуществу костистое, рост средний; в резких чертах лица проглядывает веселость, в общем быстрота движений; они незнакомы по конструкции и образу жизни с буйволинным спокойствием. У большинства цвет лица и всего тела смуглый – от солнца и дымных саклей. Волосы на голове жестки, редки и обыкновенно спутаны. Большинство бреет волосы на голове... Для нас, русских, заметно однообразие в физиономиях абхазцев, особенно принадлежащих к низшим сословиям; тоже заметно и в самом складе их тела: в росте и в степени полноты рук и ног. Однообразие в жизни и деятельности абхазцев отражается и на домашнем скоте: овцы по преимуществу с шерстью черного цвета, очень редко с серою и еще реже с белою шерстью. Впрочем, влияние чуждых племен отразилось частию и на абхазцах; между ними даже встречаются лица чисто славянского типа...

Далеко не полную картину богатства природы Абхазии представили мы в своих очерках; но силы земли, богатство производительности почвы и свойства ее далеко не исследованы. Все береговое пространство земли представляет полную возможность развития здесь до цветущего состояния виноделия, разведения шелковичных червей и хлопчатника. В «Опыте медицинской географии Кавказа» (стр. 318 – 323) доктор Торопов прекрасно охарактеризовал силу растительности и ее разнообразие во всем западном Закавказье и прибрежье Черного моря, представляющей флору большей части Европы и Азии. Dubois de Мопрегеих в своем соч. Voyage autordu Caucase ches les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide etc. Выражает удивление насчет растительности Закавказья, особенно западных его частей. Гакстагаузен и другие путешественники и исследователи также сознавали силу и богатство растительности этих местностей. «Растительная сила здесь по всему берегу, по южную сторону кавказского хребта, так велика, что трудно определить, до каких размеров достигнет тут современная культура, – когда этою силою овладеет вполне человек. Можно только сказать одно, что теперь недалеко то время, когда край этот опять станет для грядущих поколений прежнею Колхидой и притом опять с золотым руном» (Торопов, стр. 322).

Горы и горные долины богаты лесом и лугами, представляющими возможность разведения обширных стад овец, баранов и коз. Богатства низменностей и горных мест, собранные на небольшом пространстве, составляют залог развития торговли, для взаимного обмена разнообразных местных произведений. Недалеко же за хребтом находятся плодородные предгорья Кавказа и расстилаются производительнейшие степи кубанские и ставропольские; хлебное богатство этих мест составляет новый элемент для торговли с жителями прибрежья, где многие промыслы, как напр. рыбный, развитие шелковичных червей и хлопчатника, виноделие и др. имеют

АЛЫТАМИР

все данные для развития; При благоприятных обстоятельствах прибрежье может сделаться широким торговым путем Европы с Кавказом. Производительность северо-восточного прибрежья Черного моря может идти вместе рука об руку, с производительностью южного берега Крыма и если этот берег пользуется славою прекрасного и богатого края, то нельзя отнять того же значения и от северо-восточного прибрежья; необходимо только участие испытующего ума и знаний, чтобы разумно направить производительные силы природы на пользу и богатство человека. Еще до Р. Хр. берега Черного моря, занятые греками, представляли ряд цветущих колоний; до сих пор здесь сохранились следы довольно высокой степени цивилизации греков; многие из сооружений, относимых к началу VI века, сохранились и до сих пор, как напр. драндская церковь и пицундский храм; другие же сооружения, как напр. небольшая церковь, на высотах близ берега, на половине баркасного пути из Гадаут в Пицунды, гагрская церковь, церковь недалеко от мыса адлерского, а также небольшая церковь при выходе из гор р.Бзыби и монастырь над каскадом р. Мечищи – лежат теперь в развалинах. Близ р. Псырсты, на возвышенностях сохранились следы водопровода с одной горы на другую, водопровод в укр. Пицунды уцелел вполне до настоящего времени и снабжает жителей укрепления хорошей водой. Описание развалин и следов, оставшихся со времен греческих колоний, может составить отдельную статью; в предлагаемых же очерках скажем об одной замечательной постройке, должно полагать – монастыре, находящемся под каскадом р. Мечищи. Мечища, по предположениям, составляет рукав р.Бзыби и, пробиваясь под горами, с шумом ниспадает каскадом по скалам. Над каскадом, саженях в 50 или 60, горы образуют впадину; здесь же находится монастырь, передняя стена которого, составляя как бы продолжение склонов гор, имеет три яруса окон и в уровень с нижним ярусом их небольшую дверь. К сожалению, пробраться во внутрь эти постройки не было никакой возможности, так как площадка между основанием стены и обрывом так узка, что с трудом можно проходить здесь, держась за ветви; установить же бревно одним концом в землю площадки, а другим упереть в косяк двери; чтобы пролезть по бревну, не было никакой возможности, хотя основание двери находится от площадки в расстоянии менее одной сажени,

Недалеко от входа в ущелье р Бзыб и упомянутых развалин древней церкви, по рассказам абхазцев, существует довольно большая пещера; в ней находится камень с высеченным углублением в виде чаши, из которой течет вода. Абхазцы называют этот источник воды Ахалыч-дза (камень-вода).

В средние века генуэзцы исследовали места греческих колоний и вели торговлю с внутреннею Азиею и с горскими жителями, сохранившими до выселения память о генуэзцах, – называемых «Игеноах», которые снабжали их хорошим оружием, переходившим из рода в род и сохранившимся частью до настоящего времени. Абхазцы приписывают генуэзцам постройку моста чрез реку Бзыбь в ущелье, который они называют «Владетель». По

рассказам абхазцев, мост этот переброшен с одной стороны ущелья на другую на высоте, от земли на ружейный выстрел (300 сажен) и имеет длины семь сажен. По этому мосту, по свидетельству абхазцев, был главный переход горцев чрез р. Бзыб. После цветущего состояния северо-восточного прибрежья Черного моря во времена греческих и генуэзских колоний в XVI столетии наступает упадок развившейся здесь цивилизации, приведшей к тому состоянию, в котором русские застали этот край с выселением горцев, тот край, где по выражению Форстера, «была колыбель юного человечества, где люди, не осужденные на рабство, наслаждались правами свободных существ, где не платили они трудом и истощением за право жизни».

VI

Из предыдущих очерков жизни как русских, на северо-восточном прибрежье Черного моря, так и абхазцев видим, что представленные собственным средствам, ни русский, ни абхазский элементы не имеют возможности преодолеть местных – топографических и климатических – условий, чтобы создать на прибрежье жизнь, соответственную тому большому значению, которое имеет северо-восточный берег Черного моря для развития культуры как на юго-западных склонах Кавказского хребта, так и в соприкасающихся в интересах торговли и цивилизации местностях, лежащих на северных склонах Кавказа и на его предгориях: кубанской области и ставропольской губернии. Разрешение существенно важного вопроса в развитии всего Западного Кавказа сводится на проведение здесь хороших дорог в главных направлениях. Эти главные направления дорог определяются следующими условиями:

1) Необходимо в интересах торговли и развития промышленности соединение дорогою богатых хлебом и производительностью почвы северных предгорий и склонов Кавказа, чрез хребет, с одним из прибрежных пунктов северо-восточного берега Черного моря. Этот путь удовлетворит потребности сношения закавказских колонизаторов с русскими областями на северных склонах к предгорьям Кавказа, и будет мирным путем споспешествовать к лучшему устройству взаимных сношений русских с туземцами и к взаимной племенной выработке столкнувшихся историческим путем народностей.

2) В интересах новых поселенцев, переваливших через хребет Кавказских гор, в интересах этих начатков земского движения русского племени в Закавказье – необходим хороший путь вдоль северо-восточного прибрежья Черного моря из коренных русских областей и

3) необходимо продолжение берегового земского пути в направлении к одному из более важных торговых и административных пунктов закавказского края. Этим путем в прямое соприкосновение с русской жизнью и с русским земледелием будут поставлены населения Абхазии и Цебельды, Сванетии, Мингрелии и т.д. Эти пути по справедливости могут быть названы земскими путями движения русской народности; Военно-Грузинская же

АЛЫТАИР

дорога составляет до сих пор путь административный и военный, но в значении ее нет элемента жизненного земского, которым бы соприкасалась русская жизнь с Закавказьем; этим путем не перешло в Закавказье даже русское землевладение, или вернее – влияние его слабо. Нормальный путь движения русской народности с северо-запада, где уже русское землевладение перевалило через Кавказский хребет; ведет к тому естественному столкновению народностей, при котором не физическая сила и инстинкт, а разум и знания организуют новые колонии, где при прочности их существования, вырабатываются истинно человеческие отношения между встретившимися племенами, и путем слияния аборигенов с колонизаторами улучшается раса, так как хорошие качества одного племени переходят в кровь следующего поколения. Рядом с уже существующим широким и богатым торговым путем – Черным морем, по северным берегам которого уже развилась до заметной степени русская цивилизация, проведение нового пути в Закавказье с северо-запада получает огромное значение для колонизаторского влияния России.

Что касается до пункта северо-восточного берега Черного моря, как главного центра всех трех направлений дорог Западного Кавказа, то выбор его определяется главным образом теми условиями, чтобы он был по возможности в средине протяжения всего берега и имел хорошую бухту, для устройства удобного порта. Таким условием наиболее удовлетворяет г. Сухум. В этом мнении сходится большинство русских и иностранных моряков, плававших вдоль восточных берегов Черного моря. Подробное описание сухумской бухты с проектом порта помещено в № 4 «Морского сборника» 1864 г., в статье г. Шаврова. Защищенная по своему положению от господствующее ветров, сухумская бухта; – с принятием некоторых предохранительных мер для безопасности стоянки судов, напр. с положением постоянных якорей и с устройством хорошей пристани, – может временно удовлетворять большим коммерческим предприятиям. Сухумская бухта, никогда не замерзая, отличается глубиною: дно мелкое от берега круто понижается, так что к существующей небольшой деревянной пристани, выдающейся в море не более как на 3 сажени, могут приставать небольшие коммерческие пароходы. В настоящее время существование города Сухума как в торговом, так и в промышленном отношениях обусловливается пребыванием здесь нескольких батальонов войск, потребности же абхазцев весьма невелики, так что для них нет необходимости в торговых центрах. Во время турецкого владычества на прибрежье Сухум был довольно большим городом, имел до шести тысяч жителей и назывался у турков вторым Истамбулом. Нет сомнения, что Сухуму, с проложением от него хороших дорог, предстоит хорошая будущность большого торгового центра. Ожидания проложения дороги из Сухума чрез Кавказский хребет существуют давно. Так, автор «Статистического описания Кутаисской губернии» говорит: «с улучшением превосходного от природы рейда, с проложением удобных путей сообщения во внутрь Кавказского края и в особенности, если осуществится предположение провести чрез горы прямое сообщение с Пятигорском, – Сухум со временем, по всей вероятности, достигнет весьма важного торгового значения» (стр. 287).

Мысль о проведении дороги из Сухума через главный хребет существовала еще в то время, когда владетелем Абхазии был Дмитрий, готовый, по преданиям, всеми средствами споспешествовать русским в этом важном предприятии, возбуждавшем фанатизм многих в Абхазии.

Насколько имеется данных, представим выгоды предполагаемых трех главных направлений дорог западного Кавказа.

Не имея фактов для решения вопроса: возможно ли инициативою и средствами торговых людей и капиталистов кубанской области и ставропольской губернии провести дорогу через западную часть Кавказского хребта, мы склоняемся к сознанию необходимости инициативы правительства в этом деле, весьма важном в политическом, стратегическом, земском, торговом и промышленном отношениях. Разработка дороги из Сухума к верховьям р. Бзыби в 1864 г. соединенными отрядами Псхувским и Ахчипсхувским, а также проложение в 1862 и 1863 годах тропы на Марух составляют первые приступы к разрешению вопроса о соединении г. Сухума с богатыми предгориями Кавказа. Предположения 1864 г. о проложении дороги из Сухума через Кавказский хребет не могли вполне осуществиться вследствие скорого снятия рабочих отрядов войск, часть которых перешла на работы полотна закавказской железной дороги, от Поти до Тифлиса. Как Поти составляет порт для сношения закавказского края с западною Европою, так точно и г. Сухум может быть портом для сношения русских областей северного Кавказа с западною Европою, через что и русское племя получит возможность воспользоваться выгодами этих сношений. Сознавая важное значение закавказской железной дорога, мы к этому сознанию присоединяем мысль и убеждение, что и русскому племени необходимо воспользоваться существенным пособием для своего культурного развития путем торговым и промышленным. Народ русский влиянием историческим более подготовлен к развитию цивилизации и требует меньшей затраты сил и труда для поднятия уровня ее до степени самостоятельного развития торговли и промышленности, чем народонаселение закавказского края, развитие которого поставлено в прямую зависимость от состояния цивилизации России. Влияние России на закавказский край и на прилежащие части Азии будет тем сильнее, чем более будет предоставлено русскому элементу средств к саморазвитию. Жизненное столкновение русской народности путем чрез западную часть Кавказского хребта с жителями Абхазии и Цебельды и последовательно с другими племенами закавказского края, расположенными по возрастающим степеням их политического значения, первоначально приведет к прочному и скорому утверждению русской жизни в богатом крае северо-восточного прибрежья Черного моря и затем она распространится и далее в Закавказье. При том сильном племенном влия-

АЛЫТАИР

нии, которое может иметь Россия, – пользуясь Черным морем и богатым краем, западным Кавказом, абхазское племя вряд ли сохранит настоящие формы более двух поколений. Сравнительно исторические доказательства такого предположения находим в истории столкновения русских с татарами. Кастрен, путешествуя по Сибири, около Красноярска видел деревню ясачных. Жители здесь не знают другою языка кроме русского, но выдают себя за потомков качинских татар, и один из стариков говорил, что отец его был совершенным татарином. Таких исторических примеров мною, – они подтверждают тот естественный закон племенной борьбы, по которому народности воспринимают друг от друга лучшие формы жизни и взаимно совершенствуются, если самое столкновение народностей следует разумным мирным путем; и плакаться на этот закон движения национальностей нельзя, как невозможно восставать против законов природы и жизни людских обществ. Увеличение влияния России на Абхазию в последнее время видно из сообщенного «Северной Почтою» и перепечатанного в № 78 «Кавказа» известия о принятии христианства дальским князем Алмахситом Маршани и абхазским князем Соулахом Инал-ипа; но предоставленная лишь военному и административному влиянию Абхазия долгое время будет требовать излишних расходов для поддержания военного управления страною и даже, быть может, – экстренных издержек сил и средств на обладание северо-восточным прибрежьем Черного моря. Все сказанное определит политическое значение дороги через западную часть Кавказского хребта, предоставляющего русскому племени возможность наивыгоднейшего земского влияния на северо-восточное прибрежье Черного моря и далее на весь закавказский край. В стратегическом отношении западный путь через Кавказский хребет дает возможность наступательных движений наших войск со стороны Абхазии, при военных действиях в закавказском крае, и предоставляет выгоды сохранения влияния России на прибрежье даже в случае оставления занятых в настоящее время береговых пунктов. Определить с надлежащей точностью, цифрами, значение западного пути чрез Кавказский хребет в торговом отношении весьма трудно. Можно только сказать, что богатства естественной производительности закубанского края, а также и самого хребта гор, при благоприятном выборе порта, дадут возможность обильного сбыта сырых произведений за границу, при относительно небольшом фрахте на г. Сухум. сравнительно с другими портами Черного и Азовского морей; притом г. Сухум, при исполнении предположений о проведении дороги через западную часть Казкаского хребта, может иметь свой торговый район по преимуществу в Малой Азии. Среднее расстояние для провозки хлебных продуктов со стороны северных склонов Кавказского хребта, едва превысит 250 или 300 верст, что обуславливает невысокую отпускную цену произведений земли, при обилии и дешевизне их в этих местах. С развитием торговли, при богатстве сырых материалов, в Северном Кавказе легко может возникнуть обрабатывающая, мануфактурная промышленность;

между тем как при отсутствии сбыта для сырых продуктов и удобных путей сообщений всякий род такой промышленности осужден на полный застой, и дальше культуры земледельческой народонаселение не может идти; притом самое земледелие останется при грубых способах обработки, так как земледельцам нет интереса в приложении улучшений, когда почва и так с избытком вознаграждает труды, а цены на продукты земледелия за отсутствием сбыта – стоят низко.

VII

Из Сухума проходят две тропы через Кавказский хребет: одна идет через р. Гумисту и перевал Доу к верховьям р. Бзыби и далее на перевал Абхырц и другая тропа через укр. Цебельдинское на перевал к р. Марух, впадающей в р. Зеленчук. По этим двум направлениям разрабатывались дороги к перевалам, но оценить выгоды того и другого направления в настоящее время трудно, так как в этой оценке весьма важное значение имеют топографические условия, хорошо неисследованные.

Береговой путь от Тамани или другого пункта, лежащего на берегу Черного или Азовского морей, продолженный из Сухума, есть путь для движения русской колонизации в закавказском крае вдоль берегов Черного моря; этот путь составит продолжение разрабатываемой военно-сухумской дороги из Кутаиса. Окончание военно-сухумской дороги с нетерпением ожидается, так как кроме военного значения дорога эта имеет и больше торговое значение, особенно до окончания постройки закавказской железной дороги. Постройка лишь временного порта в Поти сохраняет значение такого пункта, как Сухум, расположенного при удобной бухте. Ряд дорог, проложенных как к Поти, так и к Сухуму, в дальнейшем определит значение обоих, при полной возможности совместного их существования, так как торговые районы их различны.

Топографические условия местности вдоль северо-восточного прибрежья Черного моря, почти на всем протяжении пути из Новороссийска в г.Сухум, не представляют сравнительно с другими направлениями, больших трудностей для проложения дороги, – таких, для преодоления которых пришлось бы жертвовать большими капиталами; даже и вдоль хребта гагрских гор, наиболее возвышенных на прибрежье, разработка дороги не представит больших затруднений, что можно заключить также на основании опыта проложения тропы из укр. Гагр к устью р. Хошупсе в 1864 году, по прибрежным возвышенностям.

Из Сухума в нескольких направлениях разрабатывались дороги: на Кутаис, на Марух чрез укр. Цебельдинское и к верховьям р. Бзыби. Наблюдение за ходом разработки этих дорог приводит к убеждению в необходимости исполнения следующих условий при разработке дорог войсками: 1) после трассировки в избранном направлении настойчивое следование в дальнейших работах тому же направлению, 2) положение прочного начала делу от

АЛЫТАКИР

избранного пункта и затем постепенное продвижение разработки вперед; 3) безотлагательное шоссирование проделанного участка и не передвижение рабочих вперед ранее исполнения начисто работ в прежнем участке; 4) постройка каменных мостов и 5) назначение заведывающего работами в виде комиссара, обязанного в определенные сроки отдавать публичный отчет о ходе работ, как это делается при постройке правительством железных дорог в России, причем мы встречаем в периодических изданиях обстоятельные отчеты о ходе постройки их. Неисполнение этих условий влечет за собою обыкновенно полную неудачу самого предприятия, на что можно привести много примеров. К сожалению, в настоящее время нам нет возможности входить в подробный разбор причин, приведших к категорическому определению условий, для возможности удачи в таком важном предприятии, как постройка дороги на Кавказе.

Обратимся к соображениям касательно суммы, потребной для проложения каждой версты дороги в направлении от Сухума к верховьям р. Бзыби. Мы не имеем точных данных, чтобы составить вполне верную смету для каждой версты дороги, но руководствуясь высочайше утвержденным урочным положением и фактами, собранными на месте, представляем приблизительный расчет стоимости каждой версты дороги, причем принята профиль, выведенная из измерений, сделанных на наиболее крутых местах, по которым проходит разрабатывающаяся в 1864 г. дорога к верховьям р. Бзыби. Из 20 измеренных профилей, при 21 ф. ширины дороги, средняя вышла 171,5 кв. фут, следовательно выемка на версту будет 171,5.500,7= 600.250 куб. ф. При девятичасовой работе в день и при успехе работы 10 куб. ф. в час выходит: 150 человек произведут выемку земли на протяжении версты дороги, до следующей профили, в 45 дней; 600,250:150.9,10 = 44,46 дня, – принимаем 45 дней (150 принято, как число рабочих, которое может выставить рота).

Для шоссирования дороги придется пользоваться известняком и гравием находящимися по всему пути. Толщину засыпки щебня принимаем 3/4 фута, которого на одну версту потребуется 3/4-21.3500 = 55.125 куб.ф. или около 160 куб. саж. Для получения 160 куб. саж. щебня потребно 145 куб. саж. крупного камня, для разбивки которого в щебень 150 человекам необходимо 11 дней, а для развозки и рассыпки 2 дня. И так для разработки версты дороги одною ротою потребно 58 дней; в расчетах дальнейших примем 60 дней.

Так как при рабочих, выставляемых ротою, находятся нижние чины, не принимающие прямою участия в работе, то включая и их в расчет при вычислении ценности полотна дороги, принимаем в роте 200 чел. Полагая на каждого из участвующих в работе нижних чинов роты по 10 коп. в рабочий день, сверх получаемого содержания, получилось, что за каждую проделанную версту дороги роте следует 200.60.10 = 1200 руб. сер. Полагая еще за каждую версту, разработанную ротой, трем офицерам, состоящим при ней 150 р., инженеру, заведывающему работами по 50 р. от версты, находим,

что стоимость версты полотна дороги равняется 1400 р.с. При каждой роте необходимо иметь транспорт из двух пар лошадей с повозками, на содержание первых и на ремонт последних во время разработки версты дороги можно положить 100 руб., тогда стоимость версты будет 1500 р.с. Работа каменных мостов также не потребует больших сумм. Стоимость каменной кладки рассчитываем по следующим данным. Турки и греки занимающиеся каменною кладкою в г.Сухум, от погонной сажени стены, высотою две саж. и толщиною в 1 аршин, берут 13 р. сер., с доставкою на место кладки необходимых материалов, причем каменоломня находится версты за две от города и везти потребные материалы приходится по очень дурной дороге, так что повозка может сделать в день только два и много три конца.

Сделаем приблизительный расчет стоимости каменных работ моста с 10 пролетами в 2,5 каждый, по длине моста в 30 саж., при ширине 3 саж., при толщине 1 арш., при высоте устоев 2 саж. и толщиной их 1,5 арш. Стоимость устоев, число которых будет 11 выйдет: 1.3.1,5.13 = 643 р. 50 к. Стоимость полотна будет 30.1/2.13 = 585. Итого стоимость моста выходит 1.228 р. 50 к. с.

Турки и греки при постройке домов в г. Сухуме употребляют для кладки стен нетесаный камень, пользуясь очень хорошей известью; но принимая в расчет, что постройка мостов должна быть из тесаного камня, удвоим выделенную ценность мостов получим 2.457 р.; эта сумма не может много разниться от настоящей, потребной на постройку мостов через р. Гумисту и Бзыб, через которые проходит дорога так как, если мы и приняли довольно дешевую оценку моста в 30 саж., то все-таки, при потребных в действительности мостах на означенных реках, не превышающих ширину и 25 саженей, выведенная цифра стоимости каждого в 2.457 – будет довольно верно выражать действительную цену их и вернее превысит ее, чем будет менее настоящей. От г. Сухума до верховьев р. Бзыби до 50 верст; разлагая стоимость двух мостов чрез р. Гумисту и р. Бзыб, равную 2.457 · 2 = 4.914 р.с. на каждую версту дороги, получим 4.914: 50 = 98 р. 28 к., – принимаем 100 рубл. Кроме этого придется строить небольшие мосты на канавах, по которым могла бы направляться вода, стекающая с возвышенностей; полагая по два моста на версту, длиною до 1 саж. и шириною в 3 саж., при высоте устоев 1 саж., найдет, что цена каждого из них до 50 р., а оба обойдутся в 100 р. сер. Итак, общая цена версты дороги будет 1.500+100+100= 1.700 р. Так как местами при разработке дороги придется взрывать скалы, то допускаем удвоенную цену стоимости версты дороги, т.е. до 3.400 р.с.; тогда общая ценность всей дороги из Сухума до верховьев р. Бзыби выйдет: 170.000 р. сер.

С постройкой дороги из Сухума к верховьям Бзыби исключительно возможно заселение прекрасных равнин, которые были заняты горскими обществами Псху и Ахчипсху, и в полное обладание России перейдут местности, которые не входили во владение ни греков, ни генуэзцев. Защищенные самою природою, эти места доставляют возможность в случае

АЛЫТАИР

необходимости временного оставления Абхазии и наших немногочисленных войск здесь расположенных, сосредоточиться на прекрасных равнинах верховьев р. Бзыби и сохранить влияние России на Абхазию.

Работы дороги из Сухум до р. Бзыби вследствие климатических условий местности, по которым проходит дорога, могут производиться круглый год и, полагая всего рабочих дней в году 240 находим, что каждая рота рабочего отряда может в год проработать четыре версты, 240:60=4, а для окончания в один год дороги из Сухума до верховьев Бзыби потребно не более 12 рот рабочих, или три батальона, имеющих штаб-квартиры в г.Сухум, за исключением стрелковых рот и необходима одна рота сапер. Для обзаведения хорошим инструментом необходим предварительный расход до 500 р. на каждую роту: предоставляя ротам самим произвести закупку потребного инструмента, можно поручиться, что они, находясь под контролем заведывающего работами, приобретут хороший инструмент в Одессе.

Прочно утвердившись на верховьях р. Бзыби с заселением местностей, оставленных обществами Псху и Ахчипхсу, будет исполнена часть задачи прочного утверждения русских в Абхазии и будет положено хорошее начало для развития жизни в местностях по юго-западным склонам кавказского хребта и на богатом северо-восточном прибрежье Черного моря. С прочным утверждением в Псху возможна дальнейшая разработка дороги на перевал через главный хребет. Мысль о проложении земского торгового и промышленного пути через западную часть Кавказа, вероятно найдет полное сочувствие в жителях местностей северных склонов Кавказа, и окажутся средства для весьма выгодного экономического предприятия; одновременного проложения дороги из Сухума к перевалу Абхырц и навстречу дороги из Ставрополя или Пятигорска к Сухуму.

Газ. «Кавказ», 1866 г. №№ 70, 72, 74, 76, 77, 80, 81.

3.81 Письмо посланника в Константинополе Н. П. Игнатьева в министерство иностранных дел.

3 января 1867 г.

Недавно прибыл из Тифлиса Капитан Генерального штаба Шелковников, доставивший мне отношение г. Начальника Главного Штаба Кавказской Армией от 6 декабря за № 5/95 коим Генерал-Адъютант Карцев, извещая меня о решении Кавказского Начальства выселить до 4 ½ тыс. Абхазских семейств, просил меня истребовать согласия Турецкого Правительства на прием и поселение этих выходцев в Турции и как прежде вдали от наших границ.

Таковое требование, заявленное мною немедленно Лали-Паше, встретила первоначально значительное с его стороны сопротивление. Впрочем, иначе и быть не могло: пожелание самого Кавказского начальства мною

не однократно было сообщаемо Порте о решимости его не выселять более в Турцию кавказских горцев целыми массами. Турецкое Правительство, с своей стороны, тогда же приняло меры к предупреждению такого рода переселения на будущее время, и до сих пор всячески старалась отклонить поступившия к нему по этому предмету ходатайства находящихся уже здесь горцев. Таким образом были отвергнуты в недавнее время подобные просьбы Абхазцев и Дагестанцев. Кроме того, при нынешнем расстройстве финансов и при необходимости обратить в Кандию все военные перевозочные средства, Порта находилась ныне менее сил когда либо в возможности допустить переселение такой значительной массы выходцев и привести его в исполнение.

Имея в виду эти обстоятельства, Лали-Паша долго колебался согласиться на выселение Абхазцев в Турцию. По сему немалого труда стоило Императорской миссии, чтобы склонить его на принятие самой сущности такого требования.

Затем представлялся вопрос о месте поселения новых выходцев. Помещение их в Румелии, желаемое Портою, не говоря уже о политических для нас неудобствах таковой, меры было бы крайнее предосудительно для тамошних христиан, которые и до сих пор не могут оправиться от наплыва поселенных там мусульманских выходцев разных племен. Следовательно оставалась Малая Азия. Кавказское Начальство еще прежде выражало желание, чтобы переселенцы были помещены в дали от наших границ преимущественно между Диарбекиром и Эрзингяном. На это Турецкое Правительство возражало дурным состоянием дорог от портов до пунктов поселения и опасением столкновения между Чеченцами и Абхазцами. Нельзя было также ручаться, что условия поселения будут выполнены добросовестно, ибо Абхазцы имели всегда возможность остаться под разными предлогами близ Черноморского прибрежья или туда вернуться из Эрзингяна.

Наконец, после долгих колебаний и лишь вследствие настоятельных убеждений миссий, Лали-Паша, после тщательного обсуждения вопроса Советом Министров, объявил мне согласие Порты на выселение Абхазцев будущею весною и объявил, что они будут помещены в Сирии.

Выбор этой страны представляет ту выгоду, что отдаление оной от наших пределов предупреждает возможность возвращения выходцев в наше соседство.

Но так как Франция издавна имеет виды на Сирию, то может статься, что она будет стараться предохранить тамошния католическия население от наплыва кавказских выходцев, всегда тягостно отзывающегося на местных жителях. С другой стороны помещение Абхазцев в северной части Сирии может быть спасительно для Заетунских армян.

Сообщив о вышеизложенном г. Генерал-Адъютанту Карцеву, я предупредил его, что вообще на распоряжения Турецкого Правительства нельзя разсчитывать безусловно, что может быть впоследствии Порте придет

АДЫГЭ ИЛЫ

мысль направить абхазских выходцев в Кандию или же в другую область, дабы противопоставить такое подкрепление мусульманского элемента силам волнующихся христиан. Если бы таковое предположение оправдалось, я намерен приостановить переселение абхазцев, чтобы принудить Порту точно исполнить принятое ею обязательство.

Имею честь уведомить Ваше Превосходительство обо всем вышеизложенном для доклада господину вице-канцлеру, покорнейше прося известить меня угодно ли будет Императорскому Правительству одобрить взгляд мой на настоящий вопрос.

Н. Игнатьев.

Верно: П. Иванов.

ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 74, лл. 156 – 159 об. Фотокопия.

3.82 Из письма Наместника Кавказа вел. князя М. Н. Романова Александру II о мерах, принятых против абхазских повстанцев.

Тифлис, 9 января 1867 г.

… В Абхазии в начале декабря казнены смертью трое главных бунтовщиков; до 30 человек сослано… Вчера вернулся курьер от ген-ад. Игнатьева, которому стоило немало усилий, дабы получить согласие Порты на принятие высылаемых абхазцев; условлено начать дело в мае, турки намерены их поселить в Сирии…

ЦГАОР, ф. 678, оп. 1. 1867 г., д. 806, лл. 66 – 68 об. Подлинник.

3.83 Письмо министра государственных имуществ военному министру Д. А. Милютину.

Январь 1867 г.

Имею честь покорнейшее просить Ваше Высокопревосходительство почтить меня уведомлением состоит ли в настоящее время при Кавказской армией Полковник Лейб Гвардии Казачьего полка Князь Григорий Шервашидзе и не был ли он причастен к тем делам, которые возбуждены были в недавнее время князьями Шервашидзе.

Министр государственных имуществ
генерал-адъютант (подпись.)

ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д.74, л. 153. Фотокопия.

3.84 Письмо товарища министра иностранных дел военному министру Д. А. Милютину.

23 января 1867 г.[1].

Препровождая при сем подлинное отношение генерал-адъютанта Игнатьева от 3 января[2] № 4, по предмету переговоров его с Портою о принятии в ея пределах до $4^{1/2}$ тысяч Абхазских семейств, которых предполагает выселить Кавказское Начальство – имею честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство почтить меня Вашим заключением по содержанию отношения № 4, каковое по миновении надобности, приказать возвратить в Азиатский Департамент.

ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 74, л. 155. Фотокопия.

3.85 Справка о Григорие Чачба – Шервашидзе.

25 января 1867 г.

В донесениях Кавказского начальства об Абхазских происшествиях прошлого года, касательно участия Полковника Лейб-Гвардии казачьего полка Князя Григория Шервашидзе в этих происшествиях ничего не упоминается.

В бытность же Полковника Коньяра в Соук-су, во время его убийства при нем находились Князь Александр (брат умершего владетеля Абхазии) и Князь Георгий (сын покойнаго владетеля Шервашидзе). Последний в чине поручика Л. – Гв. Преображенского полка, состоял Адъютантом при Его Императорском Высочеством Главнокомандующим Кавказскою Армиею, и согласно ходатайству Его Высочества, в сентябре прошлого года, отчислен от этой должности с назначением состоять по армейской пехоте тем же чином.

ЦГВИА, ф. 400, оп. 1. д.74, л. 154 – 154 об. Фотокопия.

3.86 Отношение главнокомандующего кавказскою армиею М. Н. Романова кутаисскому генерал-губернатору Д. И. Святополк-Мирскому о наказании населения Цебельды.

9 февраля 1867 г.

Предлагаю Вам объявить жителям Абхазии и Цебельды, что оказанное жителями преступное сопротивление не может, конечно, изменить принятого правительством решения, и что рабы и другие зависимые сословия в Сухумском отделе будут освобождены, как это и было прежде объявлено.

Что тем из жителей, кои не пожелали покориться вполне и беспрекословно действию исчисленных выше мер, я могу оказать одну только ми-

[1] Дата получения.
[2] См. данное издание: документ № 86 – (**сост.**).

АЛЬТАИР

лость, дозволить им переселиться в Турцию с теми из подвластных, которые захотят за ними следовать.

Сообщая в. сият. изложенное к исполнению, присовокупляю, что список лиц, которых я признаю нужным подвергнуть наказанию, а равно и указания мои относительно обложения жителей податьми и собирания сведений для решения крестьянского вопроса, будут препровождены к Вам особо вслед за сим.

ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 1012, л. 20. Копия.

3.87 Из письма Наместника Кавказа вел. князя М. Н. Романова Александру II о переселении абхазов в Турцию.

13 февраля 1867 г.

… Ген.-ад. Игнатьев сообщил мне о его хлопотах и затруднениях по поводу выселения абхазцев. Частью в следствии этих заявлений, частью в следствии особенной покорности и готовности абхазцев беспрекословно исполнить требованья начальства (что я более всего приписываю впечатлению, оставшемуся в них после строгих наказаний за возмущение) мы решили не гнать силою абхазцев в Турцию, но всемерно поощрять их к выселению, начав с цебельдинцев, как магометан живущих в труднодоступных горных трущобах и имеющих сообщенье через главный хребет с карачаевцами и кабардинцами. В какой степени этот план действий удастся, не могу еще ничего сказать, но должен теперь же заявить, что я вполне доволен управлением с августа месяца Сухумским военным отделом ген.-м. Толстым… В течение этого же лета я рассчитываю, что окончательно будет выбрано направление для важнейшей дороги из Сухума через перевал в бассейн Лабы…

ЦГАОР, ф. 678, оп. 1, 1867 г., д. 806, лл. 69 об. – 70. Подлинник.

3.88 Письмо главнокомандующего кавказскою армиею М. Н. Романова военному министру Д. А. Милютину о поведении князей Георгия и Александра Чачба – Шервашидзе во время лыхненского восстания и наказании их.

23 февраля 1867 г.

Из предшествовавших отзывов моих, касавшихся хода и причин беспорядков, происходивших в Абхазии летом прошлого года, Вашему Высокопревосходительству известно уже, что старший сын бывшего владетеля, поручик Князь Георгий и брат покойного Подполковник Князь Александр Шервашидзе, во все время волнений находились в среде возмутившегося населения. Соображая, что прибытие их в сел. Лыхны, где беспорядки

получили свое начало последовало единственно вследствие приглашения самого Полковника Коньяра и не имея еще подробных сведений о поведении обоих Князей после Лыхненской катастрофы, Я в первое время не видел причины к какому-либо подозрению их в враждебных Правительству поступках. Но скоро однако стали выясняться некоторые факты, выставлявшие действия Князей Георгия и Александра в весьма неблагоприятном свете и подавшие существенныя основания к их обвинению.

Отложив окончательное решение участи обоих Князей впредь до того, пока, с восстановлением в Абхазии порядка и спокойствия, представится возможность подвергнуть поступки их подробному изследованию, Я ограничился лишь распоряжением об удалении Князей Георгия и Александра: первого – в Кутаис, а последнего – в Тифлис (где они проживают и теперь).

Вместе с тем приступлено было к следствию, для определения главных виновников происшедших безпорядков.

Ныне открытыя этим следствием обстоятельства дела и различныя данные, выяснившиеся из других официальных сведений, представляют уже возможность с достоверностью определить действительный характер поведения названных лиц во время мятежных действий народа и разъяснить главнейшия основания к обвинению их.

Соображая данные эти, Я прихожу к следующим заключениям.

1. Князь Георгий, совершенно случайно находившийся в Сухуме, также случайно единственно вследствие требования Полковника Коньяра попал в с. Лыхны.

2. Удалясь вместе с Полковником Коньяром, после уже начавшихся в толпе выстрелов, в дом бывшего владетеля, он во все время пребывания тут выказал полнейшее малодушие и дошел до такой степени нравственного расстройства, что позабыл и долг свой и свои права. Находясь под постоянным ложным опасением за свою жизнь, которой не угрожала и не могла угрожать опасность, он не решился сделать никакой попытки к спасению жертв восстания, тогда как это спасение вполне зависело от его энергического вмешательства; под тем же впечатлением он по требованию мятежников, желавших его присутствия в среде их, немедленно вышел из дому и отдался во власть предводителей восстания.

3. Во все время последовавших событий (с 26 июля по 5 августа), по малодушию и бесхарактерности своей он был пассивным орудием главных руководителей возмущения (державших его под постоянным надзором и водивших его с собой везде где он был им нужен), выполнял все их указания, лично переходя от полного нравственного уныния к какой-то ребяческой и бессознательной кичливости, доставшеюся ему ролью, но при том ни разу даже не пытался образумить народ. Есть основания верить тому, что Князь Георгий думал неоднократно покинуть мятежников и выйти в Сухум, но не рискнул однако и в этом случае, несмотря на не дальность расстояния, ни одною попыткою почти до совершенного прекращения волнения.

АЛЫТАИР

Нет ни какого сомнения, что подобное поведение Князя Георгия, в глазах населения приняло тот вид, который пожелали предать ему лица, руководившие этим делом, и что в народном сознании он являлся в настоящем случае вполне сочувствующим возмущению, в видах мести за удаление отца его.

Обстоятельство это, придающее особое значение виновности Князя Георгия, в смысле политического влияния и последствий присутствия его в рядах мятежников, не должно однако, по мнению Моему, служить причиною к увеличению обвинения – уже по одному тому, что при полном упадке нравственных сил и при врожденной ему совершенной неспособности противиться влиянию окружающих его лиц, какого бы рода влияния это не было, – его нельзя признавать в полной мере ответственным за свои действия.

Что же касается до Князя Александра, то, несмотря на то, что и он всегда был известен как человек слабого характера и ума ограниченного, – Я нахожу, что и по летам и по характеру поведения своего во время восстания он гораздо менее может иметь право на какое-либо извинение. Исследование всех действий его убеждает, что действия эти если и не были сознательно соображены и взвешены с могущими произойти от них последствиями, то все-таки были произвольны и не являлись исключительным результатом чужого влияния.

1. Находясь, подобно Князю Георгию, при Полковнике Коньяре, во время объяснении последняго с народом, а также присутствуя все время в доме, куда укрылись наши офицеры, он, подобно племяннику своему, не делал ни малейшей попытки успокоить народ, несмотря даже на положительные приглашения к тому Полковника Коньяра. Опасения, высказанные им при этом, еще менее могут быть признаны действительными, так как, по всем показаниям, он находился в совершенно спокойном состоянии духа и по выходе Князя Георгия поспешил выйти сам, уже без всякого приглашения, выразив желание узнать, что сделалось с последним. То же самое спокойствие и самообладание замечено в нем всеми видевшими его в последующие дни безпорядка.

2. Оставаясь по выходе из дома бывшего владетеля совершенно свободным и не стесненным в своих поступках, Князь Александр немедленно отправился в ближайшее имение свое, откуда на второй день присоединился с своими подвластными к мятежным партиям других селений и вместе с ними отправился к Сухуму.

3. Он принимал деятельное участие в организованиии мятежных шаек при нападениях на Сухум, выразившееся в личном вручении знамени выбранному для того лицу, в заботах о продовольствии партии и в мерах к распространению восстания в окрестном населении.

4. Входил в неоднократные отношения с Цебельдинским Князем Ширин-беем Маршани с целью привлечь к восстанию все население Цебельды. Независимо от этого Князь Александр навлекает на себя весьма сильное подозрение в предварительном знании замысла некоторых лиц произвести

восстание и в личном распоряжении отправлением особой депутации к Турецкому Правительству.

Все же показания и оправдания самого Князя Александра, то опровергающего, то сознающего факты, служащие ему обвинением, по сбивчивости и уклончивости их, не могут, по справедливости, иметь никакого значения.

В виду столь важных обвинений, падающих на обоих названных лиц, они вполне подлежали бы преследованию в том судебном порядке, которого требуют и сущность самих обвинений и воинское звание обвиняемых, но в то же время Я не могу не признать, что применение в настоящем случае порядка военно-уголовного суждения, в действительности встретило бы значительныя неудобства, так как, несмотря на полное выяснение дела, облечение его в строгую формальность, требуемую судом, потребовало бы и больше проволочки в производстве следствия и, по местным условиям, представило бы многие существенныя затруднения.

Поэтому, и имея в виду важность возможно скорейшего решения участия обоих названных князей для удовлетворения справедливым требованиям общества и закона, Я прихожу к убеждению в соответственности применение в настоящем случае решения дела административным порядком.

Переходя затем к определению надлежащего размера взысканий, коим, по моему мнению, должен быть подвергнут каждый из них, и принимая во внимание, что уже самый характер административных преследований виновных исключает, по существу своему какое-либо ограничение имущественных или сословных прав, и что в настоящем случае не представлялся достаточных поводов к такому ограничению в отношении Князя Георгия и Князя Александра, однажды что с поступлением имения их в казну устраняется непосредственное значение их в крае, Я полагаю справедливым исключить вовсе из настоящего решения вопрос имущественный и ограничиться наложением на обоих виновных соответственных взысканий лишь в порядке личной ответственности.

На этом основании, Я, с своей стороны, признаю соответственным:

1. Удалить Князей Александра и Георгия Шервашидзе навсегда из пределов Кавказа, назначив первому из них местом жительства Астраханскую губернию, а второму – Оренбургский край.

2. Князя Александра, имеющего чин Подполковника и числящегося по Армейской пехоте и при Кавказской армии, исключить из службы.

3 Князя Георгия перевести на службу в войска Оренбургского Военного округа, представив ему, будя пожелает, выйти в отставку, но, во всяком случае, без прав возвращения на Кавказ.

Сообщая о сем Вашему Высокопревосходительству считаю необходимым присовокупить, что в видах успокоения самого населения Абхазии и избежание как ныне, так и на будущее время всяких попыток со стороны членов владетельного дома к удержанию значения в среде Абхазского насе-

АЛАТАМИР

ления, Я сделал уже распоряжения к запрещению въезда в Абхазию и другому брату бывшего владетеля майору Князю Константину Шервашидзе (ныне просящему увольнения от службы) предоставив ему затем проживать где пожелает вне пределов настоящего Кутаисского генерал-губернаторства, такую же меру я полагаю нужным принять и в отношении младшего сына бывшего владетеля Князя Михаила, воспитывающегося ныне в Николаеве на попечении Генерал-Адъютанта Глазенапа. Затем, в отношении прочих членов дома Шервашидзе, проживающих в Абхазии или имеющих там недвижимую собственность, Я до времени не нахожу еще необходимым принимать меры ограничивающие права пребывания их в этой части края, главным образом вследствие затруднительности разрешения вопроса о вознаграждении их за их имения, еще не приведенныя в известность. Посему Я и полагал бы уместным решение вопроса об остальных членах дома Шервашидзе отложить до приведения в известность всех имений этих лиц. В заключении считаю нужным пояснить, что по мнению моему, все предположенные мною меры по воспрещению детьям и братьям владетеля въезда в Абхазию, не должны быть распространяемы на сестер и дочерей покойного Князя Михаила.

Прошу покорнейше Ваше Высокопревосходительство изложенные выше предположения мои повергнуть на Высочайшее Государя Императора воззрение и уведомить меня о тех повелениях, кои Его Императорскому Величеству благоугодно будет дать настоящему предмету.

Главнокомандующий Кавказскою Армиею генерал-фельдцейхмейстер Михаил.

Начальник управления генерал-майор Старосельский (подпись)

ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д.74, лл. 171– 178. Фотокопия.

3.89 Письмо главнокомандующего кавказскою армиею М. Н. Романова военному министру Д. А. Милютину о вознаграждении членов фамилии Чачба – Шервашидзе.

февраль 1867 г.

Произведенное, по распоряжению Моему, разследование причин и хода возмущения в Абхазии в июле и августе месяцах прошлого года, обнаружив прикосновенность к этому делу некоторых из ближайших родственников бывшего владетеля Князя Михаила и то вредное влияние, которое имели на массу населения взаимныя интриги членов этого семейства, приводит между прочим к заключению о положительной необходимости, для упрочения спокойствия в Абхазии, навсегда удалить из этой части края, если не всех членов фамилии Шервашидзе, к безотлагательному выполнению чего встречаются до времени некоторые затруднения, то, по крайней мере, сыновей и братьев покойного князя Михаила.

Повергая вместе с сим, особым представлением, на Высочайшее Государя Императора воззрение, предположения мои относительно мер взыскания с членов бывшаго владетельнаго дома, обвиняемых в непосредственном участии в последних смутах, Я изложил в этом представлении доводы, на основании которых полагаю в отношении их ограничиться лишь мерами личного взыскания, не подвергая и их, а тем более других членов владетельного дома, лишению или ограничению прав имущественных, т. е. не лишая их права на соответственное вознаграждение за оставшиеся в Абхазии и имеющие поступить в казну имения владетельнаго дома.

По этому, и в виду уже сделанного мною еще в истекшем году, после возмущения распоряжения о воспрещении братьям и сыновьям владетеля прибывать в Абхазии, а равно в виду того, что все бывшие имения владетеля взяты уже в казенное управление, Я счел необходимым, насколько это представляется возможным в настоящее время, решить вопрос об обезпечении членов этого семейства в материальном отношении.

Из составленной по распоряжению Моему и при сем прилагаемой особой записки, Ваше Высокопревосходительство изволите усмотреть как ход дела по предположенному в 1864 году вознаграждению бывшего владетеля Абхазии и собранных, до настоящего времени, данных относительно частных имений владетельной фамилии, так и причины, по коим представляется неудобным в настоящее время постановить окончательное решение по предмету вознаграждения наследников покойного князя Михаила и которые заставляют смотреть на определение ныне размеров обезпечения, как на меру временную, впредь до того, пока особо назначенная Его Величеством комиссия не приведет к окончанию начатого определения имущественных прав и действительных доходов бывшего владетеля, как частного владельца, и не выяснит также прав на различные имения прочих членов фамилии Шервашидзе.

Руководясь этим соображением, и считая справедливым, чтобы цифра такого временнаго вознаграждения составляла для каждого из лиц, удаляемых из Абхазии по возможности действительное обезпечение, сообразное с происхождением и условиями жизни, в которые лица эти будут поставлены, Я, с Своей стороны, полагаю необходимым назначить:

Детям бывшего владетеля

1. Старшему сыну поручику Князю Георгию Шервашидзе ... пять т. р.
2. Второму сыну малолетнему Князю Михаилу .....пять т. р.
3. Старшей дочери Княжне Нине .....две т. р.
4. Второй дочери, Княжне Варваре ..... две т. р.

Итого ..... 14 т. руб.

Братьям

5. Князю Константину .....пять т. руб.
6. Князю Александру .....пять т. руб.

Итого ..... 10 т. руб.

АЛЫТАИР

Сестрам
7. Родной сестре бывшего владетеля Княгине Русудан Маршани..... 500 р.
8. Двоюродной сестре Аше-Ханум ..... 500 р.
(обоим последним пожизненно).

А всего двадцать пять тысяч рублей в год. Сумму эту полагаю нужным ассигновать из Государственного Казначейства, с тем чтобы деньги подлежащие братьям владетеля и сестрам его выдавались им непосредственно, на общем основании, из ближайших к их будущим местам жительства Казначейств, а часть, подлежащая детьям покойного Князя Михаила, передавалась в ведение опеки над ними учреждаемой[1]; отпуск означенной суммы надлежит начать производить с 1 января настоящего года, – при чем а) с этого же времени в Государственное Казначейства из местных доходов Закавказского края те 9. 500 руб. кои Высочайшее назначены бывшему владетелю в 1847 году, взамен собиравшихся ввозных таможенных пошлин и б) обратить в казну также все доходы с имений владетельной фамилии, передачею их по мере поступления в одно из Казначейств Закавказского края.

Что же касается до особой аренды в 10 т. р. пожалованной покойному Князю Михаилу в 1854 году на 24 года, то отпуск оной детям покойного имеет быть продолжаем в ведении опеки, с тем порядком раздела этой суммы, который установлен существующими узоконениями.

Таковия предположения Мои покорнейше прошу Ваше Высокопревосходительство повергнуть на Высочайшее Государя Императора воззрение и если они удостоятся утверждения не оставить за тем соответственными сношениями для приведения в исполнение.

Приложение. Записка о вознаграждении членов владетельного дома Князей Шервашидзе.

Главнокомандующий Кавказскою Армиею генерал-фельдцейхмейстер Михаил.

Начальник управления генерал-майор (подпись).

ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 74, лл. 179 – 182 об. Фотокопия.

3.90 Записка начальника кавказского горского управления ген.-м. Д. С. Старосельского по вопросу о вознаграждении членов владетельного дома князей Чачба – Шервашидзе.

февраль 1867 г.

Вопрос о вознаграждении бывшаго владетеля Абхазии, Князя Михаила Шервашидзе, за те материальныя выгоды, коих должен был он лишиться

[1] Получение содержания Князем Георгием Шервашидзе непосредственно из Казначейства, ближайшего к месту его жительства, надлежало бы во внимание к запутанности денежных дел его, кн. Георгия, допустить не иначе, как с ведома опеки – по сношению Кавказского Начальства с департаментом Государственного Казначейства – (**док.**).

вследствии удаления его от управления этою стороною еще 1864 году, перед действительным устранением Князя Шервашидзе, представляем был на Высочайшее воззрение – особою запискою, составленную в Кавказском Комитете.

В записке этой приведя примеры обезпечения Правительством некоторых других из бывших владетельных домов на Кавказе и соображаясь с этими примерами, Кавказский Комитет полагал к вознаграждению Абхазского владетельнаго дома применить следующия основания:

1. Сохранить Князю Михаилу Шервашидзе право на аренду в 10 т. руб. которая ему пожалована в 1854 году на 24 года, а также право на производившуюся ему пожизненную пенсию в одну т. руб.

2. Если будет признано не удобным оставить во владении Князя Михаила уделы, которые владетельный дом имеет в Абхазии, то необходимо уделы эти принять в казну, с тем чтобы доход, какой будет с оных исчислен, был обращаем Князю Михаилу и его наследникам в потомственную пенсию (какую именно пенсию следует назначить Кавказский Комитет признал невозможным в то время определить по неизвестности получавшегося владетелем с уделов дохода).

Примечание. Разумел ли Кавказский Комитет под словами уделы и все имения, принадлежавшия Князю Михаилу на правах частной собственности, или же, не касаясь сих последних, имел здесь в виду исключительно уделы в собственном смысле, т. е. имения, принадлежащие стране и назначаемые на содержание членов владетельной фамилии, – положительно заключить трудно. Судя по тому, что оставление за владетелем право владеть уделами на общих основаниях с другими абхазскими Князями признавалось Кавказским Комитетом неудобным в политическом отношении, т. к. с оставлением уделов во владении Князя Михаила Шервашидзе, он мог сохранить некоторое влияние на дела Абхазии в будущем; можно было бы думать, что под словом уделы Комитет понимал без различия все имения, которыми пользовался бывший владетель, а между тем, из того, что говоря далее об обезпечении других членов владетельного дома (смот. ниже пункт 5), Комитет допускает возможность оставления за ними их уделов и поместий, можно наоборот заключить, что относясь к владению, Комитет считал необходимым решить вопрос о вознаграждении только за уделы собственно, не касаясь частных имений.

В прочем, думал ли Кавказский Комитет в первоначальном соображении своем полагать какую-либо разницу между уделами и частными имениями владетеля или нет, (…)[1] подобное разграничение может иметь значение, так как при существовавших в Абхазии понятиях о поземельном праве вообще и при значении власти владетеля – возможность разобрать ныне какия из имений составляли удел и какие принадлежали владетелю на праве частной собственности весьма мало-вероятно.

[1] В тексте документа одно слово разобрать не удалось – (**сост.**).

АЛЫТАМИР

3. Те 9. 500 руб. сер. в год, кои производятся Князю Михаилу в числе 12 т. руб. определенных в 1847 году за поступившие в каратинно-таможенное ведомство порты в Абхазии, сохранить Князю Михаилу пожизненно, в виде особой Монаршей милости, так как эти деньги и прежде были назначены ему не потомственно, а пожизненно; причем от усмотрения Правительства должно зависеть, по смерти Князя Михаила, означенные 9.500 руб. сохранить его сыну[1], если сей последний своею службою России приобретет право на внимание и милость к нему Правительства.

4. Со введением в Абхазии русскаго управления, все доходы которые получаются владетельным домом не с своих уделов и которые, принадлежа к разряду доходов Правительственных, употребляются на содержания управления, стражи и тому подобные предметы, обратить в общую массу доходов Правительства, на содержание вновь учреждаемого Русского управления. За потерю сих доходов Князю Шервашидзе никакого вознаграждения не назначать – Впрочем если бы оказалось, что он часть этих доходов уделял на содержание себя и своей семьи, то взамен их Кавказский Комитет полагал возможным назначить Князю Михаилу соответственную пенсию, пожизненно, в виде добавки к той пенсии, которая ему уже производилась.

5. Обезпечение Абхазского владетельного дома должно касаться не одного только Князя Михаила и его сына, но еще и его братьев и племянника, если они не имеют в Абхазии таких уделов и поместий коими может быть обеспечена их будущность.

Записка Кавказского Комитета, по Высочайшему повелению, передано Его Императорскому Высочеству Главнокомандующему, – для соображения при составлении предположений об окончательном решении вопроса по вознаграждению дома кн. Шервашидзе.

Так как вслед за тем вопрос относительно возможности оставления за Князем Михаилом Шервашидзе и потомством его права на владения какими бы то ни было имениями в Абхазии, как удельными, если бы они действительно существовали, так и частными, решен был в отрицательном смысле и сам Князь Михаил был удален вовсе из пределов Абхазии, то в видах определения справедливого вознаграждения за имения, фактически находившиеся во владении его и подлежавшия взятию в казну, составлена была особая Комиссия для приведения в известность доходов и общей ценности имений.

В последствии на Комиссию эту возложено также поручения собрать данные для вывода хотя приблизительного заключения о видах и количестве доходов, которые Князь Михаил Шервашидзе получал собственно по званию владетеля.

По некоторым причинам изследования Комиссии до сих пор не приведены к окончанию; между тем последния события в Абхазии породили необходимость совершенного и безотлагательного удаления из пределов этой страны многих членов дома Шервашидзе, а вместе с тем обуславливают и необходимость скорейшего разрешения вопроса о материальном обезпечении этих лиц.

В этих видах, в настоящей Записке излагаются соображения и данныя; могущие служить к решению этого дела.

[1] Кавказский Комитет не имел сведения о том, что у бывшего владетеля были, кроме сына, Князя Георгия, другие дети (**док.**).

По сущности своей, все получаемые бывшим владетелем Абхазии доходы распределялись на две категории: 1. Доходы по званию владетеля и 2. Доходы с частных имений.

1. О доходах по званию владетеля. Владетельские доходы состояли при жизни Князя Михаила из следующих статей: а) плата за лес, вывозимый из всей Абхазии за границу; б) доходы с лугов, пастбищ и пустопорожних земель; в) взносы за исключительное право покупки и продажи местных произведений в определенных районах (абадж) а также пошлина за вывоз местных произведений из страны и г) штрафы, налагаемые судом за преступления (айбар).

2. Личные доходы. Лес в Абхазии составляет общественную собственность и право пользоваться им всегда принадлежало всем сословиям безраздельно и свободно. Когда же с развитием торговых сношений начался вывоз за границу так называемого пальмового дерева, то первоначально покупщики леса, – преимущественно турецкие торговцы, – приобретали право порубки и вывоза этого леса соглашением с соседними общинами или влиятельнейшими в них личностями, но вскоре с расширением операций вывоза пальмы, владетель, в качестве единственного распорядителя общественным достоянием, в силу власти своей, предоставил себе исключительное право взимания платы за порубку леса для вывоза из страны и облек эту плату в определенные размеры. В последние годы своего пребывания в Абхазии он взимал за каждый пуд пальмового дерева по $9^{1/6}$ коп.

Принимая во внимание количество пальмы, вывезенное из Абхазии в течении 1861, 1862, 1863, 1864 и 1865 годов (по сведениям таможенного ведомства), а именно, в 1861 – 189 861 пуд, в 1862 – 94 555 пудов, в 1863 – 46475 пудов, в 1864 – 150504 пуда и в 1865 – 75390 пудов, т. е. в 1861 году на сумму пошлины в 17 400 руб., в 1862 – 8670 руб., в 1863 – 4160 р., в 1864 – 13790 руб., а в 1865 на сумму 6910 р. Можно с достоверностью принять, что эта статья дохода поставляла владетелю средним числом до 10 т. р. в год.

Такое же самое право принадлежало владетелю и относительно леса других пород при вывозе его на продажу вне Абхазии. Для каждого вида как строеваго, так дровяннаго и поделочного леса назначена была определенная такса. Как велика была ежегодная доходная сумма от этой статьи в настоящее время нельзя вывести точного заключения. На основании данных таможенного ведомства, за вышеприведенный период с 1861 по 1865

АЛЫТАМИР

год, можно заключить, что вывоз прочих сортов леса (кроме пальмового) не имел установившегося, более или менее определенного развития, и производился погодно, в весьма неоднообразных размерах. Так, в 1861 году вывозная пошлина могла составить до 160 руб., в 1862 – до 4300 руб., в 1863 – до $13^{1/2}$ т, в 1864 году вывоза леса (кроме пальмы) не было вовсе, в 1865 году, кроме пальмы, вывозились одни клепки, которыя будучи обложены Правительственною пошлиною, доставили 360 руб. На этих данных можно принять средний ежегодный доход владетеля от вывоза леса разных пород примерно в 3-4 т. р., следовательно всех вообще пошлин с лесу (как пальмового так и других сортов) владетель Абхазии мог получать от 13 до 14 т. руб. в год.

Доходы с пастбищ, лугов и пустопорожних земель. Из собранных до настоящего времени данных относительно права и порядка поземельного пользования в Абхазии, можно вывести заключение, что право частной собственности на землю приобреталось только известным трудом, потраченным на обработку оной в какой бы то ни было местности, и что затем вся остальная территория считалась достоянием всего народа, состоя однако в распоряжении главы его – владетеля. Таким образом право частной собственности в Абхазии распространяются только на усадьбы и возделанные поля и сады. Все же не обработанныя пространства, луга и нагорные пастбища на всем их протяжении разве за весьма редкими исключениями – если только исключения эти существуют, – никогда не составляли и не составляют частной собственности и разрешение пользования ими, не для возделывания или засеяния, принадлежало к правам владетеля. Доход с таких угодий составлял всегда собственность владетеля. Нет ни какого сомнения, что количество его не могло быть значительно, отчасти по трудности надзора за отдаленными нагорными пространствами, а отчасти и от недостаточных размеров народного хозяйства вообще. Наибольший и вернейший доход могли приносить луговыя поляны и постбищныя пространства по прибрежью моря, но и здесь от не достатка данных за прежнее время, нельзя вывести положительного заключения о действительном количестве такого дохода[1]; но во всяком случае, он не может не быть признан ничтожным при решении настоящего вопроса, потому что с каждого пасущегося стада овец или коз владетель брал по одной, а иногда по две головы без различия величины стада.

Доход под названием Абадж. К категории доходов принадлежащих Князю Михаилу в силу его владетельского права, следует отнести отдачу на откуп разным лицам исключительного права скупа и продажи местных произведений в определенных районах края, а также права взимания пошлин за вывоз местных произведений из страны[2] и в этом отношении право владетеля простиралась на всю территорию Абхазского владения безразлично. Для каждого из многих обложенных пошлиною произведений устоновляема была им определенная такса, еднообразная для всей Абхазии.

[1] По сведениям, собранным комиссиею, доход этот мог составлять, по Бзыбскому округу до 280 руб. в год – (**док.**).

[2] В том числе заключаются и доходы от вывоза дельфинного жира – (**док.**.).

Из сведений о доходах некоторых отдельных личностей (как напр. Князя Александра Шервашидзе) получивших, по каким-либо случаям, разрешение владетеля на взимание этого рода доходов (внутренней пошлины) в течении определенных сроков или навсегда в известных местностях в свою исключительную пользу, можно видеть, что статья эта доставляла немаловажный доход. Тем не менее, точное исчисление суммы его в настоящее время когда статья, эта отменена вовсе сделать невозможно[1]. Каковы бы однако ни были цифры прежних доходов владетеля от установления им рахтарной пошлины, нельзя не признать, что владетель, не будучи даже устранен от управления, без сомнения, должен бы был, по требованию Правительства, вовсе отменить этот обременительный и несправедливый налог без всякого вознаграждения. На этом основании какия бы начала не были приняты для вознаграждения Абхазского владетельного дома во всяком случае едва ли было бы правильно принимать этот доход в расчет вознаграждения какого то ни было, даже не значительною суммою. Точно также было бы неправильно и противузаконно давать цену притязаниям на принятие в соображение тех выгод, которыя имел владетель, допуская и поощряя, в видах корысти, правильно организованный им самим контрабандный ввоз заграничных произведений, несмотря на то, что получал от Правительства значительную сумму взамен возовых пошлин отошедших в таможенное ведомство.

Доход от штрафов, налагаемых за преступления (аибар). Столь же неопределенный как и доход от внутренних пошлин и даже завесивший совершенно от случайностей, был получавшейся владетелем и им же установленный доход от штрафов за преступления, преимущественно за воровство. Размер самого штрафа за воровство (аибара) определялся владетелем при каждом объезде суда и измерялся от 100 до 400 р. Объезды суда производил в неопределенные сроки, прежде один раз в несколько лет, потом чаще, почти ежегодно.

Взыскание уплачивалось скотом по определенной цене (корова 10 р., коза 2 р. и пр.), но большею частию виновные не могли выплачивать сполна налагаемых огромных взысканий. Часть сбора отдавалась судьям и сборщикам, часть владетель раздавал в виде подарков административным лицам.

По неимению более подробных данных, нет возможности вывести заключения о количестве сбора, достававшегося владетелю. Но во всяком случае, имея источником своим не идею наказания виновных и охране-

[1] Председатель Комиссии по приведению в известность имений и доходов бывшего владетеля полагает, что в пределах Бзыбского округа статья эта приносила владетелю до 5-6 т. в год. В отношении пошлин за вывоз произведений за границу можно получить некоторое понятие о количестве их из отчетов таможенного ведомства за 1863, 1864 и 1865 г., – приняв в основание количество вывезенных в эти годы произведений. По этим данным цифру годового дохода вывозной пошлины можно полагать не менее 6000 руб. в год – (**док.**).

АЛЫТАМИР

ния общественного права и порядка, а главным образом корыстолюбивые стремления самого владетеля, видевшего в этом одно из средств своего обогащения, доход от штрафов, подобно доходу от внутренних пошлин, как кажется, не должен был бы приниматься в соображение, каким бы взглядом ни руководствовались при решении вопроса о вознаграждении дома Шервашидзе за владетельские доходы.

Соображая все приведенные выше данные о первой категории владельческих доходов, надлежит отнести к разряду не подлежащих безусловному исключению из числа доходов, могущих, при желании Правительства, быть принятыми в соображения при определении вознаграждения владетельному дому только доходы с лесов, пастбищ и лугов, итог которых составит до 15 т. р. в год.

2. Доходы с частных имений владетеля. Комиссия, приводившая в известность имения владетеля, успела выяснить только права покойного князя Михаила в отношении зависимых от него семейств, родов и целых селений в Бзыбском округе (за исключением трех селений), определить повинности, которые подвластные эти обязаны были нести владетелю, как частному владельцу, вопрос же поземельного права владетеля, как частного лица, определение вообще той недвижимой собственности, которая принадлежала ему на этом праве и в этой части Абхазии остался еще не вполне уясненным. В делах Комиссии есть только собранные самою Комиссиею, но окончательно еще не обследованные сведения о виноградных и ореховых садах владетеля в Бзыбском округе, по каковым сведениям можно с некоторым основанием вывести цифру того дохода, который приносили бы эти сады, если бы все получаемые с них произведения были обращаемы в деньги, – чего в действительности не было, так как все собираемыя с садов произведения поступали натурою в дом владетеля и расходовались на содержание его дома. Таким же образом, никогда не продавались, а употреблялись для дома произведения собственных владетельских запашек (не весьма обширных, хотя еще не приведенных в полную известность – даже и в Бзыбском округе.),

Относительно же доходов, которые получал владетель с частных имений в остальных округах Абхазии (т. е. повинностями крестьян, сборами с садов, лавок и проч.), то сама Комиссия к приведению в известность этих доходов вовсе не приступала, и только вытребовала от Начальников бывших Сухумского и Абживского округов сведения о таких имениях владетеля. Очень может быть, что сведения эти не вполне верны, тем не менее ошибочность их не может быть настолько велика, чтобы на основании их нельзя было вывести довольно приблизительнаго понятия о доходах, которые мог получать владетель.

Таким образом, сводя все имеющаяся ныне данныя как точныя так и приблизительныя, получим следующие выводы:

1. По точным сведениям Комиссии, в 14-ти селениях Бзыбского округа владетель имел до 430 подвластных ему семейств, состоявших в различных

степенях обычной зависимости, и несших, согласно этого, самыя разнообразныя повинности, так личною работою, так и естественными произведениями; повинности эти, подробно высчитанныя Комиссиею для каждого сбора, составляют сумму до 5 т. руб. в год[1].

2. В трех остальных селениях Бзыбского округа, по сведениям полученным, но не поверенным Комиссиею, жители платали по одной козе с двора, что при 214 дворах составит сумму около 400 р.

3. Сады Бзыбского округа числом 30, по количеству лоз (числом 1415) при хорошем урожае могут дать вина около 850 апхалов (апхал 13[1\2] бут.) и 49 корзин орехов, – что, полагая апхал в 80 коп., а корзину ореха в 30 коп. (обыкновенная продажная цена в Абхазии), составит всего около 700 руб.

4. В трех селениях Сухумского округа есть владетельских подвластных около 208 дворов. Повинности, отбываемая ими, могут выразится ценностью около 800 руб. сер.

5. С подвластных своих в Абживском округе владетель мог получить примерно до 1 т. руб., до кроме того, от 72 лавок в Очамчирах, полагая плату с каждой в год 25 руб. (настоящая цена не известна) – 1800 руб.; всего же в Абживском округе 2800 руб.

Примечание. Сведения о доходах, показанные в пунктах 4 и 5 не проверены не каким точным изследованиям, тем не менее, по всем соображениям, есть основание думать, что показанныя общие цифры – не ниже действительных.

Таким образом, обращая в деньги весь доход, который получал Князь Михаил Шервашидзе в качестве частного собственника (за исключением не приведенных в известность произведений сельских посевов, шедших целиком для домашнего продовольствия), получим итог в 9700 р.

Принимая во внимание, что исчисленный доход никогда не мог поступать полностью и что часть его обращалась на содержание сборщиков и моуравов[2], шла на продовольствие рабочих, оставалась в недоимках и проч., принимая также во внимание, что некоторая часть имений оспаривается другими лицами и может быть им отсуждена, есть основание предполагать, что цифра, которая может получится при окончательном точном исчислении частных доходов бывшего владетеля не будет превышать указанной выше суммы, – и что следовательно, назначением наследникам бывшего владетеля этой суммы или, круглым счетом, 10 т. руб. за частные доходы, Правительство не мало не поступило бы несправедливо и не нарушило бы их интересов.

За сим предстоит решить какие общие начала должны быть приняты в руководстве при определении вознаграждения наследникам бывшего

---

[1] В это число около ¼ части приходится на долю повинности Ашбир и Ачма, т. е. платы владельцу при выдаче замуж дочерей его подвластных (ашбир – 6 коров и 6 коз, ачма – 1 корова и 1 корова). – Одни семейства плотят большую повинность (ашбир), другие меньшую (ачма) – (**док.**).

[2] Управляющий – (**сост.**).

АЛЫТАМИР

владетеля. Прежде всего рождается вопрос – должно ли участие некоторых членов владетельного дома в Абхазском возмущении иметь влияние на определение начал и размеров вознаграждения их. Но как нельзя не признать, что решение этого вопроса находится в полной зависимости от общего характера мер, которые Государю Императору благоугодно будет приказать принять в отношении сих лиц, то в настоящее время основанием дальнейших соображений о вознаграждении членов дома Шервашидзе могут послужить лишь права и положение каждого из них, безотносительно к бывшему в Абхазии восстанию от воли Государя Императора будет зависеть, уменьшить размер вознаграждения виновным, если Его Императорскому Величеству благоугодно будет подвергнуть их ограничению имущественных прав.

Далее, необходимо определить – что собственно должно считать предметом вознаграждения, т. е. одни ли только доходы с частных имений, или же при этом должны или могут, и в какой именно мере, быть принимаемы в расчет доходы правительственного характера т. е. получавшиеся Князем Михаила Шервашидзе собственно по званию владетеля.

В сущности право на такие доходы должно быть обуславливаемо отправлением известных обязанностей; с прекращением этих обязанностей – само собой утрачивается и право; поэтому, не было бы вовсе несправедливости в том, если бы вознаграждение дому Шервашидзе определено было только сообразно, отошедшим от него частным доходам.

Но, с другой стороны, если вознаграждения исчисленное на этом основании, оказывается недостаточным к обезпечению членов семейства бывшего владетеля, прилично их происхождению и тому общественному положению, на которое они имеют право, то Правительство не только не поступит не справедливо, но даже можно сказать, исполнит долг свой, – если, –приняв во внимание средства, которыя владетельный дом получал независимо от своих частных доходов и которые за уничтожением статьей не справедливых и притеснительных для народа, все таки могут, – если не теперь, то со временем, послужить к довольно значительному увеличению выгод государственной казны, – увеличить по собственному усмотрению цифры вознаграждения, на которые члены этого дома имеют право, до размеров соответствующих условиям действительного их обезпечения.

Для того, чтобы вывести соображение таких размеров вознаграждения и об общем итоге суммы, которая может понадобиться на этот предмет, необходимо сначала решить кого из членов владетельного дома нужно признавать имеющими право на вознаграждение.

Члены бывшего владетельного Абхазского дома и их относительныя права на вознаграждение. После смерти Князя Михаила Шервашидзе семейство его состоит из следующих членов:

I

Дети владетеля

а. Сыновья.

1. Георгий, поручик армии, 21 год.

2. Михаил, 12 лет.

б. Дочери.

1. Тамара, 22 лет (замужем).

2. Нина, 17 лет, живет в доме князя Александра Шервашидзе.

3. Варвара, 10 лет, воспитывается в Тифлисском Институте.

II

Братья владетеля

1. Константин, майор армии (семейный), в Абхазии ни чем не владеет, получал от владетеля 1500 р. в год; предъявляет спор на имение Очамчир Абживского округа.

2. Александр, подполковник армии (семейный), имеет в Абхазии подвластных, с которых получает определенный доход; подробности о его положении будут изложены ниже.

III

Сестры.

У покойного владетеля было шесть сестер из них две 1) Фатьма-Ханум (Мария) и 2) Асма-Ханум (Елизавета) умерли; были замужем: 1 – за Гурийским князем Вахтангом Эристовым, а 2 – за Мингрельским князем Георгием Джаяни. За тем остальные еще в живых: 3) Инока-Ханум (Русудана), вдова Бабиша Маршани. После смерти мужа оставалась на попечении владетеля. Получает от Правительства пенсию в 300 руб. 4) Ребиа-Ханум (Екатерина) – жена Ширин-бея Маршания 5) Дуда-Ханум (Анна) – жена Имеретинского князя Георгия Цулукидзе, 6) Феда-Ханум (Нина) – вдова князя Георгия Гуриели.

Из числа этих сестер и их наследников, заявили претензии на вознаграждение: Княгиня Нина Гуриели и сын покойной княгини Марии Эристовой Штабс-Капитан Константин Эристов. И та и другой требуют выдела законных частей наследства; причем первая ссылается на то, что владетель до смерти своей выплачивал ей ежегодно 3 т. руб.

IV

Двоюродная сестра владетеля.

Аше-Ханум, дочь Халыл-бей, младшего брата Сефербеева. Сирота, находилась все время на попечении владетеля.

АЛЫТАИР

V

Двоюродные племянники владетеля:

1) Самсон Шервашидзе, (Штабс-Капитан артиллерии).

2) Прокофий Шервашидзе, (юнкер артиллерии). Сыновья Левана Шервашидзе, сына Махмет-бея, брата Сефербеева. Такое происхождение их и родство с владетельным домом требуют подтверждения, и права их в настоящее время определены быть не могут. Сами они не пользовались никогда ни чем ни от владетеля, ни вообще в Абхазии, равно как и сестра их София (замужем за князем Дадияном). Дед их Махмет-бей имел особый удел в Анаклии и в Абхазии вовсе не жил[1].

3). Георгий, 20 лет, сын Дмитрия Шервашидзе, сына Гассан-бея, брата Сефербеева. Воспитывается в Московском университете; получает пенсию в 2500 руб. в год из числа 12 т. определенных Правительством за взятое в казну права сбора пошлин в Абхазских портах. Имеет в Абхазии подвластных, с коих получает доходы. Имения эти не приведены еще однако в полную известность.

VI

Потомки младшей линии дома Шервашидзе.

Правнуки Ширван-бея, дяди Кемил-бея[2], Сефербеева отца.

1. Григорий Шервашидзе полковник.
2. Маджара Шервашидзе (он же Леван).
3. Гид Шервашидзе (он же Николай).

Права их на владетельское наследство и на участие в правах владетельных, оспаривается всеми членами владетельного дома. Владеют довольно значительными имениями в бывшем Абживском округе, претендуя на весь округ, как на свой удел. Большая часть их имений находится в обоюдном споре между названными тремя братьями и прочими родственниками владетеля. По положению своему, в настоящее время, до решения вопроса о принадлежности им имений совершенно обезпечены.

По достоверным изследованиям известно, что владетель был распорядителем всех имений, принадлежащих его роду, и что от его произвола зависело дать членам своего дома те или другие имения, или иные какие-либо средства существования, если только какой-либо из братьев или родственников владетелей в прежнее время сам не был достаточно влиятелен и силен, чтобы оспорить с владетелем и захватить себе имения и против его воли. Члены же владетельного дома женского пола, наравне со всеми прочими женщинами в Абхазии, не могут ни владеть имениями, ни участвовать в наследстве, но

[1] Анаклия принадлежала владетелю Абхазии Келеш-бею Чачба-Шервашидзе, который назначил своего сына Мехмет-бея его управляющим. При Сафар-бее Анаклия перешла к Мегрелии – (**сост.**).

[2] Имеется в виду Келеш-бей – (**сост.**).

получают от владетеля или от ближайших родственников своих до выхода в замужество содержание, а при выходе – приданное; равным образом и вдовы призреваются[1] ближайшими родственниками или владетелем, если впрочем, оне не остаются на жительстве у родственников мужа.

Соображая изложенное выше со степенью родства членов владетельнаго дома к бывшему владетелю и с настоящим их положением, нельзя не прийти к заключению, что правом на участие в наследедстве после него и на участие в вознаграждении, которое имеет быть определено, должны пользоваться: 1) два сына и две незамужния дочери покойного владетеля. 2) брат его, Константин. 3) брат Александр. 4) сестра Русудана Маршани и 5) двоюродная сестра Аше-Ханум.

Затем у двоюродного племянника владетеля князя Георгия Шервашидзе, как сказано выше, есть собственныя частные имения. Имения эти не брались в расчет при исчислении владетельских доходов и если бы признано было нужным взять эти имения тоже в казну, то это без особого неудобства может быть отложено до окончательного разбора прав князя Георгия на эти имения. – Остальные два двоюродных племянника, внуки Махмед-бея Шервашидзе казалось бы не должны иметь права на вознаграждение, так как еще дед их выехал из Абхазии, получивший надел вне этой страны. Впрочем, им может быть предоставлено указывать права свои в последствии, судебным порядком чрез Главный Сухумский Суд; и по этому иску уже ведаться с наследниками, простирая этот иск только на часть той суммы, в которую будут оценены частныя имения и не касаясь вовсе доходов владетельских.

Полковник князь Григорий Шервашидзе и его братья равным образом не имеют права на участие в вознаграждении за доходы бывшаго владетеля.

Что же касается до претензии княгини Гуриели и князя Константина Эристова, то отвергнув эти претензии ныне, им можно предоставить доказывать их судебным порядком, на одинаковых основаниях со внуками Махмет-бея.

Обращаясь за тем к лицам, признаваемым имеющими права на вознаграждение, видно, что из числа этих лиц, князь Александр имел свои определенные доходы, которыми пользовался с разрешения владетеля и что князь Константин, по дурным отношениям свои с владетелем, имений от него вовсе не получал, и только за несколько лет до смерти владетеля, будучи по причине тех же неудовольствий, удален из Абхазии получал, вследствие настояний высшего Кавказского Начальства, 1500 руб. в год из владетельной таможенной пенсии.

Имения и доходы князя Александра не были принимаемы в расчет при исчислении доходов владетеля. В последние годы управление князем Михаила Шервашидзе, доходы и имение князя Александра состояли:

1) Из повинности с 150 дворов подвластных, в селении Аацы. Повинности эти, по свидетельству Комиссии, приводившей их в известность, могут быть оценены в 1200 руб.

[1] Берутся под опеку – (**сост.**).

АЛЫТАМР

2) Из небольшого участка земли в сел. Тасраква, предоставленного ему владетелем, для летнего жилья, оценка этой недвижимой собственности произведена не была.

3) С половины 40х годов предоставлена была князю Александру в полное распоряжение продажа пальмового леса в ущелье реки Аапсы. Облагая права рубки и вывоза пальмы из этой местности произвольною пошлиною, князь Александр получал от статьи этой в последнее время средним числом до 1100 руб. в год. Впрочем в настоящее время, лес этот почти истощается, оставаясь только в небольшом количестве в труднодоступных местах.

4) В селениях Аацы и Тасраква представлена была ему взимать рахтарную пошлину (абадж), количество которой, по изследованиям Комиссии, простиралось до 1200 руб. в год; наконец;

5) Князю Александру уделялась владетелем часть айбара (взыскание за преступление), этот доход естественно зависел от успешности сбора и весьма многих случайностей, и мог колебаться от 300 руб. до 1400 руб. сер; принимая среднюю цифру можно положить его в 850 руб. в год.

Таким образом при владетеле князь Александр получал дохода ежегодно средним числом на сумму около 4500 руб. в год.

Подобно тому как некоторые доходы (по внутренней пошлине и по взысканию штрафов) бывшего владетеля признаны были выше не подлежащими ни в каком случае соображению, при исчислении вознаграждения, должны быть исключены цифры их из вознаграждения, на которое может предъявлять право князь Александр в следствии удаления его из Абхазии и устранения от пользования имением, – а это исключение уменьшает цифру годового дохода князя Александра более нежели $1^{1/2}$ т. руб. сер. в год.

Князь Константин Шервашидзе, по удалению владетеля, предъявил право на имение Очамчир в Абживском округе, ссылаясь на то, что имение это было предназначено ему отцом его, Сефер-беем; но такая претензия не подтверждается ничем, даже свидетельством тех самых лиц, на которых указывает сам князь Константин.

Если бы право на имение Очамчир было признано за князем Константином, то нужно полагать, что оно доставляло ему доход от $1^{1\backslash 2}$ до 2 т. руб. сер.

Приведя выше все собранные до сих пор сведения о доходах, которых лишается Абхазский владетельный дом, а также высказав соображения о том, кто из членов этого дома может иметь права на вознаграждение за эти доходы, – необходимо обратиться к тому – достаточны ли все означенные данныя и соображения для того, чтобы, основываясь на них, можно было окончательно решить вопрос о вознаграждении Абхазского владетельного дома.

Хотя есть полное основание думать, что и дальнейшия, самые точныя, изследования о частных имениях владетеля никак не привели бы к определению большего годового размера этих доходов против приведенного выше; т. е. десяти, а включая частные доходы Александра Шервашидзе $11^{1\backslash 2}$ или 12 тысяч, и что, следовательно, прибавив к этой сумме сколько признается нужным – для достаточного обеспечения владетельного дома, Правительство не имело бы повода упрекать себя в несправедливости, тем не менее, собрание целой половины означенных данных порядком, не обставленным формальностями, могущими устранить со стороны наследников всякую возможность обвинять Правительство в неверности исчисления и посягательстве на их интересы, должно служить помехою окончательному, раз навсегда, решению. К тому же вопрос о праве землевладения в Абхазии не разобран еще официально, а между тем, только такой разбор может дать Правительству право или окончательно отвергнуть или утвердить претезания, высказываемые членами владетельного дома о владении землями и в том числе лесами на праве полной собственности.

По этим соображениям, вопрос о вознаграждении мог быть решен ныне окончательно только в том случае, если бы на решение изъявили согласие все лица, до которых оно непосредственно относится. И тут впрочем, малолетство некоторых из них представило бы к исполнению этого серьезные затруднения. Но так как, за невозможностью привести это дело к окончанию, наследники владетеля, устраненные от пользования всеми имениями и доходами, не могут оставаться без выдачи им Правительством необходимого обезпечения, то является сама собой потребность в определении им ежегодного содержания, в виде меры временной, впредь до окончательно решения, которое может последовать только по точному приведению в известность всех отошедших от них частных доходов – и по выяснению прав землевладения в Абхазии.

Размеры этого временного вознаграждения надлежало бы кажется определить такие, какие Правительство полагало бы назначить в том случае, если бы вопрос о вознаграждении, по имеющимся ныне данным, решался окончательно.

Руководствуясь этим взглядом и принимая во внимание некоторые частные условия положения наследников бывшего владетеля Абхазии, временное их вознаграждение можно предположить в следующем размере:

Сыновьям.

1. Старшему сыну покойного владетеля поручику князю Георгию Шервашидзе, ежегодно пять т. руб.

2. Второму сыну князю Михаилу пять т. руб.

Дочерям

3. Нине две т. р.

4. Варваре две т. р.

Братьям

5. Князю Александру, во внимание к необходимости содержать значительное семейство пять т. р.

АЦЫТАМАР

6. Князю Константину, во вниманию к семейному положению и к тому, что лишь личныя отношения его к покойному владетелю были причиною не выдела его при жизни последнего и к равноправности его в пользовании родовым наследством с князям Александром пять т. р.

7. Двоюродной сестре владетеля Аше-Ханум с прекращением пенсии в случае смерти 500 р.

8. Сестре владетеля, княгине Русудане Маршани, то же с прекращением в случае смерти 500 руб.

Итого 25 т. руб.

Имея в виду, что все вышеисчисленные доходы, как с имений владетеля, так и с имений князя Александра, если бы они даже могли быть собираемы в том количестве, как исчисленный для расчета вознаграждения, чего ожидать и требовать в настоящее время невозможно, – не будут достаточны для покрытия расходов по временному вознаграждению, оказывается необходимым, чтобы вся имеющая ассигноваться для означенной цели сумма была отпускаема из Государственного Казначейства с обращением в казну, вместо того, а) 9500 руб. Высочайше назначенных бывшему владетелю в 1847 году, взамен собиравшихся им таможенных пошлин и б) доходов со всех имений владетеля и князя Александра Шервашидзе, доходы эти, будучи собираемыми местными административными властями, по данным, имеющимся налицо и могущими еще быть приведенными в известность, могли бы быть передаваемы по принадлежности в одной из уездных казначейств, подведомственных Закавказской Казенной Палате.

Расчет уплаты временного вознаграждения надлежало бы принять с 1 го января настоящего года с тем, чтобы деньги подлежащие братьям владетеля и сестрам его, выдавались им непосредственно из ближайших к местам их жительства Казначейств, а вся сумма, подлежащая сыновьям и дочерям покойного, передавалась в ведение опеки, имеющей быть над ними учрежденной.

Само собою разумеется, что независимо от этого, уже на обязанности той же опеки будет лежат, соответственный праву наследства, раздел между членами дома всего движимого имущества и капиталов, принятых после покойного князем Георгием, и что детям покойного по тому же праву, имеет быть предоставлено в пользование аренда в 10 т. руб. в год Высочайше пожалованная князю Михаилу в 1854 году на 24 года; причем самый раздел этой аренды, а равно и всего оставшегося после владетеля движимого имущества и капитала должен быть произведен на основании общего законодательства империи.

Начальник Кавказского Горского Управления генерал-майор Старосельский.

Подполковник (подпись).

ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 74, лл. 183 – 204. Фотокопия.

3.91 Сведения о взаимных отношениях Цебельдинского населения.

Не позднее февраля 1867 г.

Население Цебельды состоит из князей Маршани, дворян, вольных жителей (анхайве), крестьян (агырва) и рабов ахашала. За исключением крестьян и рабов все владеют землею на праве собственности, до того времени, пока на ней живут и обрабатывают, с переходом же на другое место свободная земля остается в пользу князей Маршани, которые считают себя обладателями Цебельды, разделенной естественными границами между главными членами единственной княжеской фамилии Маршани. Взаимные отношения сословий суть следующая:

Дворяне. Почетные дворяне, пользуются от князя особенным против других уважением, принимают участие с его делах, за отсутствуем князя встречают и угощают гостей на его счет и посылаются доверенными лицами в суд. Молодые же дворяне обязаны князю седлать лошадь, держать за стремя, составлять его конвой, прислуживать ему и его гостям. За право пользования землею, дворяне ничего не платят, напротив, смотря по личным заслугам получают от князя вознаграждение. При выходе дочери дворянина замуж, жених делает подарок князю, который в свою очередь должен одарить жениха лучшими подарками.

Анхайве (вольные жители) сословие свободное, пользуются землею как собственностью, отбывают владельцу князю Маршани:

а) обязаны помогать при обработке полей, посеве и уборе хлеба, на все это положено на каждый дым три дня в году, высылая одного человека и пару волов с своими инструментами[1];

б) каждый дым дает по одной копне сена или чалы[2] и мерку кукурузы весом в 1 пуд[3];

в) кто имеет стадо баранов дает помещику весною барана или козла[4];

г) если князь куда едет, то имеет право взять на проезд лошадь бесплатно.

Владелец князь не может лишать земли и переселить на другое место против воли вольного жителя, но последний сам пожелает перейти, то оставленная земля делается собственностью князя. Анхайве может иметь у себя крестьян и рабов на праве помещика.

Крестьяне (агырва). Сословие крестьян зависит от помещика и за пользование его землею отбывает своим владельцам следующую повинность: из каждого дыма два человека мужчин все время годя обязаны три дня в неделю с своим скотом работать для своего владельца, а три дня для

---

1 Повинность сия может быть оценена 3 руб. в год на дым – – (**док**).

2 Может быть оценена в 1 руб. – (**док**).

3 Мерка кукурузы 40 коп. сереб. – – (**док**).

4 Баран или козел оценивается… (**в два руб.**) (восстанавливается по почти идентичному тексту документа от 10 ноября 1866 года). См. данное издание: **док.** № 85 – (**сост.**).

АЛЬТАИР

себя, ежедневно обязаны приносить в дом помещика по связке дров и присматривать за скотом. Крестьянка обязана варить владельцу пищу из его материала и молоть кукурузу, старшая дочь крестьянина при достижении пяти четверти роста приходит в дом помещика и остается в услужении до замужества, при выходе ее замуж помещик получает от жениха калым, ценою от 6 до 10 коров[1], помещик волен дать дочь крестьянина в приданое своей дочери, и тогда в случае девка выходит замуж, калым получает не помещик, а его дочь.

Крестьянин, желающий выкупиться, отдает помещику все свое состояние, как то скот, баранов, оружие, постель и даже котел, в котором варил себе пищу, сверх того еще присягает, что ничего не утаил из своего имущества; если же помещик нуждается в деньгах и сам предложит за назначенную плату получить свободу, то последний пользуется случаем и оставляет из своего имущества необходимую часть для себя, а остальное отдает помещику. Помещик наделяет крестьянина удобною землею в достаточном количестве. Крестьянин в праздник рождества обязан принести помещику своему барана или козла, или же 2 руб. деньгами. Помещик не имеет права продать крестьянский дом, но были примеры, что продавали одно лицо из семейства за проступки, как то за неповиновение и долги.

Раб (ахашала). Князья, дворяне и вольные жители на основании местного обычая имели право покупать рабов (ахашала); продают рабов на меру, т. е. считая рост человека по четвертям, так что за мальчика или девочку в 5 четвертей, за первого брали 30 коров, а за девку, смотря по красоте, от 25 до 60 коров и более. Цебельдинцы преимущественно приобретали рабов от убых и джигет и в свою очередь красивых рабынь отправляли для продажи в Турцию. Раб не имеет никакой собственности и обязан работать все что прикажет хозяин. Если хозяин хочет вознаградить раба за долговременную и честную службу (что весьма редко), то покупает ему жену и тогда раб поступает в разряд крестьян, а уплаченный за девку калым хозяин имеет в виду возвратить себе на будущем семействе крестьянина. Помещик освобождает также раба детского возраста ради души-спасения, тогда отпускает мальчика на волю с тем, чтобы он выучившись грамоте со временем мог быть Муллой и молился бы за своего благодетеля.

Общинный старшина. Назначение и смена общинных старшин зависит от начальника округа, которых выбирает из дворян или вольных жителей (анхайве). Обязанность их заседать в сельских судах, где разбираются незначительные проступки жителей, все приказания начальника через старшину объявляют жителям. Старшинам вменяется в обязанность наблюдать за порядком в общине и точным выполнением всех распоряжений начальника.

Ни одним из сословий не отбывается никакой повинности в пользу общинного старшины.

[1] Средняя стоимость коровы 12 руб. – (**док.**).

Когда князь женится, то каждый подвластный, или смотря по состоянию несколько дворов вместе обязаны дать ему по корове; если же вольный житель женится, то он дает помещику барана или козла. В обоих случаях дань эта на основании народного обычая считается обязательною и известна под названием Пхаршяхя.

Обычаи народа

Из народных обычаев главное гостеприимство. Туземец отправляясь хотя на долгое время в путь не берет с собой запасов продовольствия равно не заботится и о том, где ему переночевать. Хозяин сакли, у которой приезжий остановится, встречает его, снимает с него оружие, радушно угощает по состоянию и дает ночлег. Князь преклонных лет и дворяне не пользуются в этом отношении особенными почестями. Не соблюдение этого обычая унижает достоинство хозяина в мнении народа.

Покровительство. Влиятельные в крае лица считают священною обязанностью покровительствовать людям всякого сословия. Каждый житель, перешедший вследствие притеснений от одного князя к другому, рассчитывает на верную его защиту, решившийся обидеть человека, живущего под покровительством в прежнее время делался сам врагом князя; но теперь при настойчивых требованиях правительства выдача людей, сделавших преступления, обычай этот можно сказать уже потерял свое назначение.

Воспитание. Быть воспитателям княжеского дитяти считается в народе за большую честь, дворянин или вольный житель по званию воспитателя уважается князем как родной, воспитанника своего предпочитает собственным детям и на него одного обращает все свое внимание и попечение. Конечно, последнее делается не только из чувства любви, а с тем расчетом, чтобы по окончании воспитания благодарность князя выразилась в большом числе подарков. Жена князя считает за стыд кормить грудью своего ребенка, точно так как князь, посещая воспитателя стыдится видеться с своим сыном или дочерью.

Цебельдинцы, подобно прочим народам азиатским, нрава вспыльчивого и мстительного, и в недавнее только время преследованием русских законов за смертоубийство, уничтожен у них обычай кровомщения.

Численность Цебельдинского населения

	Мужского пола	Женского пола
Князей	95	91
Дворян	279	243
Вольных жителей (анхаве)	4084	3725
Крестьян (агырва)	622	541
Рабов (ахашала)	288	377
Итого	5368	4977

Сведения эти доставлены капитан-лейтенантом Карганов.

ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 1012, лл. 18 – 19 об. Копия.

АЙТАМИР

3.92 Письмо Начальника Сухумского военного отдела М. Толстого Кутаисскому генерал-губернатору Д. И. Святополк-Мирскому о переселении абхазов в Турцию.

7 марта 1867 г.

Майоры кн. Чавчавадзе и Бутми де Кацман по прочтении изложенного в преписании и письме в. с., относительно переселения абхазцев, изъявили готовность исполнить возложенное на них поручение.

При этом, кроме указанного в данных инструкциях, они полагают полезным объявить абхазцам: 1) что в мае тут начнется собираться с них подать, хотя теперь и неизвестно в каком размере, или за целый год, или за полугодие; 2) Что запрещено им будет жить отдельными усадьбами, а укажутся им места для устройства селений; 3) Что всех, живущих теперь в ущельях Пицундского округа, Анух[1], Псырдцха, Драндского округа, Ткварчели, Ачанары, Чалов[2] и Гуп, выселят в прибрежные места края; 4) Что у всех будет отобрано оружие огнестрельное (что касается до Драндского округа).

Все это решено объявить, смотря по обстоятельствам, во исполнение ваших инструкций и с целью обессилить край.

Представляя предложения эти на усмотрение в. сиятельства, покорно прошу сообщить мне:

a) В каком размере полагается наложить подать на абхазцев и все ли сословия будут платить одинаково.

b) При объявлении о группировке селений преимущественно их живущих в вышеуказанных ущельях, можно ли указывать на землевладетельские фамилии и преимущественно на какие;

c) Будет ли правительством указана помощь переселяющимся и в каком размере;

d) Могу ли я выдавать паспорта выселяющимся, не испрашивая предварительно на это Вашего разрешения;

e) Будет ли начальством сделано распоряжение о найме пароходов в случае, если переселение состоится в больших размерах, или же жители сами должны заботиться о своем переезде;

i) В какой из турецких портов должны быть направлены переселенцы; о результатах переговоров с капитаном Шавровым и с князем Михаилом Маршани я не замедлю сообщить в. сиятельству тот час же по приезде их в Сухум.

ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1866 г., д. 191, лл. 59 – 60. Копия.

[1] Анухва – (**Г. Д.**).
[2] Члоу – (Г. Д.).

3.93 Из письма Наместника Кавказа вел. князя М. Н. Романова Александру II.

13 марта 1867 г.

Из Абхазии поступают тоже хорошие сведения: жители Пицундского округа (быв. Бзыбский) не желают идти в Турцию, и все принимают добровольно христианство; ближайшие аулы к Сухуму, самые … ненадежные, переселяются как равно Цебельдинцы и Дальцы; последнее весьма важно, ибо эти два магометанские племени обитали очень труднодоступные горные трущобы, из коих через Карачай имели сообщенье и связь с Кабардой. Таким образом, я имею надежду, что вместо предполагавшихся к выселению 4 т. семейств уйдут около 1500 и именно магометане, живущие в горах.

ЦГАОР, ф. 678, оп. 1, 1867 г., д. 806, л. 73. Подлинник.

3.94 Рапорт помощника Главнокомандующего Кавказской армией ген.-адъют. Карцева Начальнику Главного штаба.

14 марта 1867 г.

Вследствие отзыва Помощника Вашего от 4-го февраля[1] за № 42 по возбужденному Министром Государственных Имуществ[2] вопросу о том, состоит ли на службе в войсках Кавказской Армии Лейб-Гвардии казачьего полка Полковник Князь Григорий Шервашидзе (двоюродный брат владетеля) и не участвовал ли он в безпорядках, бывших в Абхазии в прошлом году, уведомляю Ваше Сиятельство, что Князь Григорий и в настоящее время числиться при Кавказской Армии и в Абхазском возмущении не участвовал[3].

Помощник главнокомандующего Кавказскою армией ген-ад. Карцев.
За отсутствием Начальника управления полковник Павлов.

ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 74, л. 169 – 169 об. Фотокопия.

3.95 Рапорт Начальника Сухумского военного отдела М. Толстого Кутаисскому генерал-губернатору Д. И. Святополк-Мирскому о переселении в Турцию Псхувцев и джигетов.

Сухум-Кале, 10 апреля 1867 г.

6 числа этого месяца из с. Псырцха (Пицундского округа) отправились в Турцию переселенцев 19 семейств в числе 218 душ мужского и женского пола. Переселенцы эти преимущественно из племени псхувцев и джигетов, отправи-

[1] См. данное издание **док.** № 368: «Письмо министра государственных имуществ военному министру Д. А. Милютину». Документ датирован январем 1867 года – (**сост.**).
[2] См. настоящее издание **док.** №. 88 – (**сост.**).
[3] См. данное издание **док.** № 368: «Письмо министра государственных имуществ военному мин Об этом же сообщается в «Справке о Григорие Чачба – Шервашидзе» от 25 января 1867 года. См. данное издание **док.** № 90 – (**сост.**).

АЛЬТАИР

лись на трех кочермах, ими нанятых в Батуме, так как до получения предписания е. и. выс. От 3 апреля, в котором указаны пункты Анатолийского берега для высадки удаляющихся из наших пределов, еще не было получено в Сухуме.

Донеся об этом в. с. присовокуплю, что вместе с этим мною сообщено нашему вице-консулу в Батуме, чтобы он, в случае каких-либо препятствий со стороны местных властей к допущению высадки в том пункте, принял меры к направлению указанных кочерм в Трапезунт или какой-либо другой из указанных турецких портов.

ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1866 г., д. 191, лл. 115 – 115 об. Подлинник.

3.96 Письмо Начальника Сухумского военного отдела М. Толстого Кутаисскому генерал-губернатору Д. И. Святополк-Мирскому о переселении абхазского населения в Турцию.

20 апреля 1867 г.

Милостивый государь, князь Дмитрий Иванович!

Первоначально целью правительства было выселение по возможности большего числа туземцев вверенного мне края в Турцию, для чего и были приняты соответствующие меры, но теперь, согласно предписанию е. и. выс. от 3 апреля, должны выселиться поголовно жители Цебельды и Дала, в прочих же округах число удаляющихся не должно, в общей сложности с Цебельдинским округом, превышать 4 т(ысяч) семейств.

Так как для достижения первоначальной цели были объявлены по округам некоторые, более или менее стеснительные требования для остающегося населения, то в отмену их, чтобы удержать от переселения превышающее вышеозначенную норму, число изъявивших желание удалиться в Турцию, а в особенности христиан, пришлось объявить о смягчении прежних требований, по чему, кроме изложенного в названном предписании е. выс. и письме вашем от 3 апреля, я предписал конфиденциально пицундскому и драндскому окружным начальникам, во-первых, приостановить сбор крестьянских повинностей с подвластных бывшего владетеля, и, во-вторых, не требовать настойчиво уплаты подвластными их помещикам недоимок прошлых лет, а для того, чтобы жители, оставление которых в наших пределах желательно, бросили мысль о переселении и занялись полевыми работами, которыми они перестали было заниматься в Пицундском округе, я приказал князю Чавчавадзе принять принудительные меры. Чтоб офицер этот для исполнения моего приказания распорядился следующим образом:

1) Вменял в обязанности своему помощнику удержать жителей Эшера, Гумма, Акапа, Абжаква, Яшту[1] и Бырца[2] от поголовного переселения, ограничив число обязанных удалиться до 300 дворов.

[1] Яштхуа - (Г. Д.).
[2] Быцрха – (Г. Д.).

2) Объявить старшинам о приказании немедленно приступить к полевым работам и с ослушников взыскивать штраф.

3) Запретить продажу кукурузы на вывоз, дозволив ее продавать только имеющим в излишке и не иначе как по дозволительным билетам и

4) Так как между населением бродят личности, старающиеся волновать народ и распространяющие слухи о предстоящем будто-бы переселении за Кубань, то сделано распоряжение о заарестовывании их через сельских старшин.

Кроме того, для большего успокоения населения Пицундского округа, я поехал туда сам и лично объявил народу о нелепости распространенных между ними слухов неблагонамеренными людьми и приказал продолжать полевые работы.

В настоящее время, в следствии всех этих мер население успокаивается и из Пицундского округа, кроме тех, которых мы имеем в виду выслать, никто не собирается в Турцию. Жители начали сеять хлеб и князь Чавчавадзе объезжает округ с целью избрать пункты для сгруппировки селений на более доступных местах.

В Драндском округе большая часть из вписавшихся в список переселяющихся подала прошение об оставлении в Абхазии. Я приказал майору Бутми де Кацману ограничиться высылкой живущих в трущобах и людей, вредных для нас. Цебельда и Дал по-прежнему выселяются поголовно и сегодня с этой целью прибыло оттуда к морскому берегу у Келасур до 4 тысяч душ, а завтра они будут нагружаться на кочермы.

Всех отправившихся уже из Пицундского округа, как доносит окружной начальник, 184 дыма, между которыми Сухумских турок 40 дымов, псхувцев и джигетов 87 дымов, а остальные – абхазцы.

Подробности о всех обстоятельствах, касающихся до переселения и до положения вверенного мне отдела, передаст Вам адъютант е. выс. штабс-капитан Толстой.

Примите…

М. Толстой.

ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1866 г., д. 191, лл. 120 – 122. Копия.

3.97 Письмо военного министра Д. А. Милютина в Кавказский комитет о вознаграждении членов владетельного дома князей Чачба – Шервашидзе.

26 апреля 1867 г.[1]

Произведенное, по распоряжению Его Императорского Высочества Главнокомандующего Кавказскою Армиею расследования причин и хода возмущения в Абхазии, в июле и августе месяцах прошлого года, обнару-

[1] Дата устанавливается по выписке из журнала Кавказского комитета от 22 мая 1867 г. См. данное издание **док.** № 108 – (**сост.**).

АЛЫТАИР

живает прикосновенность к этому делу некоторых из ближайших родственников бывшего владетеля князя Михаила и то вредное влияние, которое имели на массу населения взаимные интриги членов этого семейства приводит, между прочим, к заключению о положительной необходимости, для упрочения спокойствия в Абхазии, навсегда удалить из этой части края, если не всех членов фамилии Шервашидзе, к безотлагательному выполнению чего встречаются до времени некоторыя затруднения, то по крайней мере, сыновей и братьев покойного князя Михаила.

На основании доводов, изложенных в особом представлении Великого Князя, прилагаемом при сем в копии, относительно мер взыскания с членов бывшего владетельного дома, обвиняемых в непосредственном участии в последних случаях, на что уже и последовало, в 15 день сего апреля Высочайше Государя Императора соизволения, – Его Высочество полагает ограничиться в отношении этих лиц лишь мерами личнаго взыскания, не лишая их, а тем более других членов семейства князя Шервашидзе права на соответственное вознаграждение за оставшиеся в Абхазии и имеющие поступить в казну имения владетельного дома.

По этому, и в виду уже сделанного еще в истекшем году, после возмущения, распоряжения о воспрещении братьям и сыновьям владетеля пребывать в Абхазии, а равно в виду того, что все бывшие имения владетеля взяты уже в казенное управление, – Его Высочество счел необходимым, на сколько это представляется возможным в настоящее время решить вопрос об обезпечении членов этого семейства в материальном отношении. Из составленной, по распоряжению Великого Князя и при сем прилагаемой в подлиннике, особой записки, усматривается, как ход дела по предположенному в 1864 году вознаграждению бывшего владетеля Абхазии и собранныя, до настоящего времени данные относительно частных имений владетельной фамилии, так и причины по коим представляется неудобным в настоящее время постановить окончательное решение по предмету вознаграждения наследников покойного князя Михаила, и которыя заставляют смотреть на определение ныне размеров обеспечения как на меру временную, впредь до того, пока особо назначенная Его Высочеством Комиссия не приведет к окончанию начатого определения имущественных прав и действительных доходов бывшего владетеля, как частного владельца, и не выяснять также права на различные имения прочих членов фамилии Шервашидзе.

Руководясь этим соображением и считая справедливым, чтобы цифра такого временного вознаграждения составляла для каждого из лиц, удаляемых из Абхазии, по возможности действительное обезпечение, сообразно с происхождением и условиями жизни, в которые лица эти будут поставлены, Его Императорское Высочество с своей стороны, признает необходимым назначить:

Детям бывшего владетеля
1. Старшему сыну поручику князю Георгия Шервашидзе 5 т. р.
2. Второму сыну малолетнему князю Михаилу 5 т. р.
3. Старшей дочери княжне Нине 2 т. р.
4. Второй дочери княжне Варваре 2 т. р.
Итого 14 т. р.
Братьям
5. Князю Константину 5 т. р.
6. Князю Александру 5 т. р.
Итого 10 т. р.

Сестрам пожизненно
7. Родной сестре бывшего владетеля княгине Русудане Маршани 500 руб.
8. Двоюродной сестре Аше-Ханум 500 руб.
Всего 25.000 руб.

Сумму эту Его Высочество полагает ассигновать из Государственного Казначейства с тем, чтобы деньги, подлежащие братьям владетеля и сестрам его выдавались им непосредственно на общем основании, из ближайших к их будущим местам жительства казначейств, а часть, подлежащее (детям) покойного князя Михаила передавалась в ведение опеки над ними учреждаемой, отпуск означенной суммы следовало бы производить с 1 го января настоящего года, причем а) с этого же времени обратить в Государственное Казначейство из местных доходов Закавказского края те 9500 р., кои Высочайше назначены бывшему владетелю в 1847 году взамен собиравшихся им в Абхазских портах ввозных таможенных пошлин и б) обратить в казну также все доходы с имений владетельной фамилии, передачею их, по мере поступления в одно из казначейства Закавказского края. Что же касается до особой аренды в 10 т. руб. в год пожалованной покойному князю Михаилу в 1854 году на 24 года, то отпуск оной детям покойного должен быть продолжаем в ведении опеки, с тем порядком раздела этой суммы, который установлен существующими узаконениеми.

По всеподданнейшему об этом докладу Государь Император Высочайше соизволил повелеть дело это внести в Кавказский Комитет.

В следствии таковой Монаршей воли, вышеизложенныя предположения Его Императорского Высочества Главнокомандующего Кавказскою Армиею, о материальном вознаграждении членов владетельного дома князей Шервашидзе, имею честь представить на благоусмотрение Кавказского Комитета.

Военный министр генерал-адъютант Милютин.

Скрепил начальник главного штаба генерал-адъютант граф Гейден.

Верно (подпись).

ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 74, лл. 211– 213. Фотокопия.

АЛЫТАЖИР

3.98 Отношение военного министра Д. А. Милютина главнокомандующему кавказскою армиею М. Н. Романова об удалении с Кавказа князей александра и Георгия Чачба – Шервашидзе.

26 апреля 1867 г.

По всеподданнейшем докладе отзыва Вашего Императорского Высочества, относительно мер взыскания с некоторых ближайших членов семейства бывшего владетеля князя Михаила Шервашидзе, оказавшихся причастными к беспорядкам, происходившим в минувшем году в Абхазии, Государь Император утвердил все распоряжения вашего Высочества, Высочайшее повелеть соизволил:

1. Князей Александра и Георгия Шервашидзе, брата и старшего сына покойного владетеля удалить навсегда из пределов Кавказа, назначив первому из них местом жительства Астраханскую губернию, а второму – Оренбургский край.

2. Князя Александра, имеющего чин подполковника и числящегося по армейской пехоте и при Кавказской армии, исключить из службы.

3. Князя Георгия перевести на службу в войска Оренбургского военного округа, предоставив ему буде пожелает, выйти в отставку, но во всяком случае без права возвращения на Кавказ.

4. Решение же вопроса об остальных членах дома Шервашидзе отложить до приведения в известность всех имений этих лиц.

О такой Монаршей воле, сообщенной вместе с сим Министру внутренних дел для определения места жительства 2м названным князьям Шервашидзе и Командующему войсками Оренбургского военного округа для указания части войска, в которую может быть переведен на службу князь Георгий, если он не пожелает выйти в отставку, – имею честь довести до сведения Вашего Императорского Высочества, присовокупляя что об исключении князя Александра из службы объявляется вместе с сим в Высочайшем приказе.

Что ж касается способов материального вознаграждения членов бывшего владетельного дома, то ходатайство Вашего Высочества по этому предмету, по Высочайшего Государя Императора повелению внесено в Кавказский Комитет.

Военный министр генерал-адъютант Милютин.

Скрепил начальник главного штаба генерал-адъютант граф Гейден.

Верно Иванов.

ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 74, лл. 214 – 215. Фотокопия.

3.99 Отношение военного министра Д. А. Милютина министру внутренних дел об удалении с Кавказа князей Александра и Георгия Чачба – Шервашидзе.

26 апреля 1867 г.

В следствие представления Его Императорского Высочества Наместника Кавказского, относительно мер взыскания с некоторых ближайших членов семейства бывшего владетеля князя Михаила Шервашидзе, оказавшихся причастными к беспорядкам, происходившим в минувшем году в Абхазии, Государь Император согласно с мнением Его Высочества, Высочайшее повелеть соизволил:

1. Князей Александра и Георгия Шервашидзе, брата и старшего сына покойного владетеля удалить навсегда из пределов Кавказа, назначив первому из них местом жительства Астраханскую губернию, а второму – Оренбургский край.

2. Князя Александра, имеющего чин подполковника и числящегося по армейской пехоте и при Кавказской армии, исключить из службы.

3. Князя Георгия перевести на службу в войска Оренбургского военного округа, предоставив ему буде пожелает, выйти в отставку, но, во всяком случае, без права возвращения на Кавказ.

О такой Монаршей воле, сообщая Вашему Высокопревосходительству имею честь покорнейше просить об уведомлении меня – какие именно пункты в упомянутых местностях империи признаются более удобными назначить для поселения князей Александра и Георгия Шервашидзе, – последнему в том случае если посчитает выйти в отставку.

Военный министр генерал-адъютант Милютин.

Скрепил начальник главного штаба генерал-адъютант граф Гейден.

Верно Иванов.

ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 74, лл. 217 – 217 об. Фотокопия.

3.100 Отношение Начальника Главного штаба ген.-адъют. Гейдена Командующему войсками Оренбургского военного округа об удалении с Кавказа князей Александра и Георгия Чачба – Шервашидзе.

26 апреля 1867 г.

В следствие представления Его Императорского Высочества, Наместника Кавказского, относительно мер взыскания с некоторых ближайших членов семейства бывшего владетельного князя Михаила Шервашидзе, оказавшихся причастными к беспорядкам, происходившим в минувшем году в Абхазии, Государь Император согласно с мнением Его Высочества, Высочайшее повелеть соизволил:

АЛТАМИР

1. Князей Александра и Георгия Шервашидзе, брата и старшего сына покойного владетеля удалить навсегда из пределов Кавказа, назначив первому из них местом жительства Астраханскую губернию, а второму – Оренбургский край.

2. Князя Александра, имеющего чин подполковника и числящегося по армейской пехоте и при Кавказской армии, исключить из службы.

3. Князя Георгия перевести на службу в войска Оренбургского военного округа, предоставив ему буде пожелает, выйти в отставку, но, во всяком случае, без права возвращения на Кавказ.

4. Решение же вопроса об остальных членах дома Шервашидзе отложить до приведения в известность всех имений этих лиц.

Сообщая о таком Высочайшем Повелении Вашему Превосходительству Главный Штаб по приказанию Военного Министра, просит уведомить его в какую именно часть войск, расположенных в Оренбургском военном округе, Вы полагаете возможным перевести на службу поручика князя Георгия Шервашидзе.

Начальник Главного штаба генерал-адъютант граф Гейден.

Помощник Начальника Главного штаба свиты Его Величества генерал-майор Мещеряков.

Верно: Иванов.

ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 74, лл. 218 – 218 об. Фотокопия.

3.101 Из рапорта Начальника Сухумского военного отдела М. Толстого Кутаисскому генерал-губернатору Д. И. Святополк-Мирскому о переселении абхазского населения в Турцию.

5 мая 1867 г.

По получении копии с предписания е. и. выс. главнокомандующего Кавказскою армией к в. с. от 9-го февраля сего года[1] № 172 я, согласно его содержанию и данными мне Вами по этому поводу указаниям, принял меры к возможно скорому и точному обнародованию тех начал, на которых будет основано дальнейшее управление вверенным мне отделом.

Меры, предпринятые таким образом в духе данной мне инструкции, привели мало-помалу к тому, ходатайствовавших о дозволении переселиться в Турцию оказалось в Цебельде 1145 семейств, в Далах 529, итого 1674 семейств, всего обоего пола 11.041 душа, но из вновь составленной при нагрузке переписи обнаруживается, что представляемые цифры ниже действительных; в Драндском округе, под влиянием тех же мер, списки желающих покинуть родину, быстро увеличиваясь, возросли до 1795 дворов, тем более, что и христианское население этого округа, как равно и Пицундского, с одной стороны, устрашенное отказом в просьбе народа отправить к Вам депутацию для выражения своей преданности и благодарности, с другой – встревоженные сильно распространившимся толками о будто бы предстоящем поголовном выселении на Кубань, начало не менее магометан стремится в Турцию. Княгиню Кесарию Шервашидзе, с ее сыновьями – – князьями Григорием и Гидом и управляющим имением князя Георгия Дмитриевича, заявленные требования с подвластных, составляющих с крестьянами старшей линии бывшего владетельного дома[1] главную массу христианского населения, уплаты накопившихся на них за прошлое время недоимок, также значительно способствовали развитию между ними мысли о переселении. Трудно предвидеть до каких размеров доросла бы при таких условиях цифра выселяющихся, но не подлежит сомнению, что размеры эти были бы весьма значительны.

[1] См. данное издание **док.** № 371 – (**сост.**).

Самое выселение я предложил произвести постепенно: начав с Пицундского округа, перейти к Цебельдинскому и закончить Драндским, причем для установления такого порядка имел следующее основание: Пицундский округ, жители которого более всего виновные в предшествовавших событиях, хотя бы в виду имевшегося списка подлежащих ссылке, видеть в дозволенном им переселении знак высокой к ним милости правительства, великодушно давшего им средства избегнуть заслуженного наказания.

Пицундский округ, при этих условиях, соединяя все данные к успешному и вполне добровольному выселению, естественно становился первым на очереди, между тем как дело представляло совершенно другой вид в Драндском округе, где большая часть населения, считая себя по праву изъятия от ответственности за беспорядки прошедшего лета, могла заявить протест против принимаемых нами мер и поддержать этот протест вооруженной рукой, пользуясь оставленными у нее огнестрельным оружием, и в таком случае более чем сомнительно, чтобы остальное население края, значительно вооруженное разноречивыми слухами и толками, осталось спокойным, безучастным зрителем восстания, вспыхнувшего в Абживе – уже одна возможность предположения такого исхода вполне мотивирует принятое мною основание: приступить к выселению Драндского округа только тогда, когда дело будет вполне кончено в других округах, т. е. когда жители Абжива, лишенные поддержки извне и предоставленные одним собственным силам будут по необходимости принуждены покориться. Таким образом, очередь садиться на суда должна быть от Пицундского округа перейти к Цебельдинцам и Дальцам и уже только по удалении этих последних в Турцию жителей Драндского округа. При указанном выше настроении народа и при таком общем взгляде на ход и направление предполагавшегося движения, было, наконец, приступлено к переселению.

Первыми двинулись жители сел. Псырцха – большею частью водворившиеся в Абхазии с 1864-го года выходцы племени медезюю[2], за ними

[1] Эти последние при неизвестности ожидающей их участи были также не прочь, удалившись в Турцию, избавиться от своих владельцев – (**док.**).

[2] Медовеевцы (мдюаа) – (**Г. Д.**).

АЛЫТАИР

последовали, издавна проживавшие в Гудаутах, старосухумские турки, пребывание которых в крае служило не малым поводам к волнениям, а когда были направлены к берегу жители сел. Хоппи, то полученное в то время, при надписи в. с. предписание к Вам е. и. выс., главнокомандующего Кавказскою армиею от 3 апреля[1] № 1473 указанием цифры, далее которой не должно было идти переселение, вызвало необходимость дать всему делу другое направление.

При энергичном стремлении первоначально заданной цели уходившей одинаково уменьшало собою массу остающихся, но когда была точно установлена рамка, когда максимум числа переселенцев было определено, тогда необходимость строгого разбора стала очевидна.

Имея в виду, что цель нашего управления должна заключаться не в мести за прошлые преступления и проступки, а в прочном обеспечении полного спокойствия в крае и окончательном предупреждении всяких могущих повториться в нем беспорядков, я при изменившихся условиях главным образом обратил внимание не столько на удаление вредных для нас личностей, столько на обессиление враждебных нам элементов.

Враждебными же элементами я признаю:

1. Мусульманское население вообще и мусульманское дворянство в особенности как проникнутое фанатизмом и, в силу всей предыдущей истории Абхазии, естественно тяготеющее к Турции.

2. Население глухих, малодоступных, труднопроходимых местностей – это население полукочующее и беспокойное, по преимуществу заняты скотоводством, менее поставлено и необходимость дорожить оседлостью, и потому самому менее привязаны к земле, на которой живет, следовательно не может сознавать на строгой законности, управлении, которые служа опорой права собственности, необходимо как гарантия этого права для населения оседлого, земледельческого.

Исходя из такой точки зрения, я предложил стремиться к достижению мирным путем поголовного выселения жителей Цебельды и Дала, так как при важности владения этой местностью в стратегическом отношении, население ее несравненно более остальных частей отдела представляет соединение обоих вражеских для нас элементов. Что касается других округов, то, не упуская из виду основного руководящего начала, чтобы принимаемые меры ни в коем случае не имели официально – принудительного характера, я старался удержать христианское население, дав, между прочим конфиденциальное предписание не поддерживать настойчиво помещиков в их требованиях от подвластных уплаты недоимок, требованиях хотя и справедливых, но становящихся в разрез с изменившимся ходом обстоятельств, и, разрешив приостановить сбор помещичьих повинностей с владетельских крестьян, кроме того счел нужным, для дальнейшего удержания жителей от слишком значительного переселения, смягчить в Пицундском округе впечатление, произведенное первоначально принятыми мерами понуждения, дав, однако, в Драндском округе этому впечатлению возможность все ожидаемые от него действия, при этом, однако, общих облегчительных распоряжений, результат которых и выразился в понижении цифры записавшихся в 1195 дворов.

[1] На это предписание, в частности, содержится ссылка и в письме Начальника Сухумского военного отдела М. Толстого Кутаисскому генерал-губернатору Д. И. Святополк-Мирскому от 20 апреля 1867 года. В нем говорится: «Первоначально целью правительства было выселение по возможности большего числа туземцев вверенного мне края в Турцию, для чего и были приняты соответствующие меры, но теперь, согласно предписанию е. и. выс. от 3 апреля, должны выселиться поголовно жители Цебельды и Дала, в прочих же округах число удаляющихся не должно, в общей сложности с Цебельдинским округом, превышать 4 т(ысяч) семейств». См. данное издание **док.** № 382 – (**сост.**).

Находя, что население Пицундского округа представляет, сравнительно с Драндским, значительно более задатков гражданственности и, следовательно, более гарантий для достижения главной цели переселения, я пришел к убеждению, что, оставляя значительную часть пицундцев, я оставлял в них такое население, на преданность которого даже в случае внешней войны можно скорее рассчитывать, между тем как по строгой оценке всех обстоятельств дела, я в меньшей степени могу применить такое предположение к жителям Драндского округа – вот причины предпочтения, оказанного мной первому округу перед вторым, а раз сделав это различие, раз приняв такую систему, я должен был следовать ей неотступно, не делая никаких послаблений для записавшейся части Драндских жителей, по крайней мере до окончательного выселения цебельдинцев, чтобы не дать этим последним права надеяться на снисхождение.

Чтобы более уяснить те данные, которыми я руководствовался при избрании только что представленной на Ваше усмотрение системы, я считаю себя обязанным доложить, что хотя близкое прошлое указывает на Пицундский округ, как на корень беспорядков и волнений, хотя жители этого округа, будучи наиболее виновными в последних событиях, своими поступками навлекли на себя заслуженную кару правительства, но в таком случае, при удержании части их от переселения, я, главным образом, имел в виду именно те побуждения, на которые указывал выше. Удалив вредные для нас личности, но не искоренив тех враждебных элементов, которые служат обширным полем для влияния этих личностей, мы, собственно говоря, оставили бы зло во всей его силе, только временно устранив массу наиболее нам доступных и, следовательно, наименее опасного для нас населения: при первом толчке, при первом неблагоприятном слухе не замедлили бы появиться новые личности с таким же влиянием и с теми же стремлениями, напросто устранив и обессилив враждебные начала, даже не коснувшись личностей (этим не менее я не предполагаю оставить личности неприкосновенными) мы делаем их безвредными для дальнейшего нашего господства в крае, безвредными уже потому, что при отсутствии неприязненных сил, на которые они влияли, у них сама собою отнимается возможность действовать на массу враждебно-возбуждающим образом.

АЛЬТАИР

Между тем сумма неприязненных сил ничтожна в Пицундском округе, сравнительно с Драндским. Почти вся заселенная местность Пицундского округа представляет плоскость, отовсюду доступную, причем жители его, занимаясь хлебопашеством, стоят уже по одному этому на несравненной высшей точке развития, чем полукочующие жители глухих теснин Абжива; они, естественно привязанные к плоду своих трудов, привязанные к почве, обеспечивающей их существование, менее склонны к переменам – им важно сохранить то, что у них есть; к чему бы не привели перемены в будущем, она в настоящем лишает их куска хлеба, принудив оставить возделанные поля и предстоящий с них сбор кукурузы. Самый факт многочисленных обращений в том округе в христианство и постоянных заявлений большей части его населения о желании принять св. крещение (о чем вовсе не было речи в Цебельде, и что почти не нашло отголоска в Абживе) служит наглядным подтверждением правильности моего взгляда на относительное для нас значение Драндского и Пицундского округов. Правда, что обращение христианства по большей части совершается не в силу религиозных убеждений, зато оное, именно при отсутствии этих убеждений, служит большим, хотя вероятно безосновательным выражением убеждений политических, выражением желания оседлой массы окончательно отрешиться от связывающего с Турцией прошлого и возложить свои стремления и надежды на русскую власть, обещающую им, при сохранении собственности в настоящем, благоустройство в близком будущем. Другие причины, склонившие меня на предпочтение Пицундского округа Драндскому, не менее значительны:

1) Элемент дворянский и притом мусульманско-дворянский несравненно сильнее в Драндском округе, где нет, правда, таких богатых фамилий, как в Пицундском, зато численность массы князей и дворян более чем значительно превосходит численность этого сословия в Пицундском округе;

2) Драндский округ почти не был обезоружен, и, наконец

3) без довольно значительного выселения, осуществление мысли о сосредоточении селений с переселением на открытые места тех из них, которые расположены в трущобах, встретило бы затруднение в Драндском округе, где при малочисленности равнин сравнительно много трущобного населения – это усложняющее обстоятельство вовсе не существует в Пицундском округе. Единственную возможность правильно расселить остающихся драндцев, я вижу в скорейшем разрешении вопроса о принятии в казну земель бывшего владетельного дома, но разрешения этого до настоящего времени не последовало.

Из всего изложенного в. с. усмотрите, почему я, по получении предписания № 1473, дав возможность удалиться некоторым жителям селений Эшира, Яштхо, Гумма и Абжаква, приостановил в Пицундском округе дальнейшее выселение массами и начал направлять к берегу цебельдинцев.

По настоящее время из Пицундского округа ушло 167 семейств в числе 1071 души обоего пола и оканчивается поголовное выселение цебельдинцев, из которых теперь осталось нагрузить на суда только несколько семейств.

Между тем ко мне явилась от Драндского округа депутация с изъявлением безусловной готовности жителей сложить оружие, депутация выразила от имени низших классов населения свое раскаяние и заявила, что большинство этого класса записалось в число желающих переселиться единственно по наущению помещиков и теперь готово подчиниться всем требованиям, лишь бы было разрешено остаться. В виду выраженной таким образом покорности я, хотя и не дал депутатам положительного ответа, но принял их довольно благосклонно и вместе с тем вызвал майора Бутми де Кацмана, по соглашению с которым быть может допущу некоторое снисхождение к просьбам абживцев.

Донеся от этой в. с., испрашиваю предписания относительно дальнейшего хода переселения и в особенности указаний касательно принятой мною системы и тех изменений, которые могут быть в ней необходимы.

Подлинное подписал генерал-майор Толстой.

Верно: правитель канцелярии начальника Сухумского военного отдела майор…

ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1866 г., д. 191, лл. 137 – 142 об.

3.102 Выписка из журнала кавказского комитета.

22 мая 1867 г.

Слушаны: а) записка военного министра (Главн. Шт.) от 26 апреля[1] № 194, по предположению Его Императорского Высочества Главнокомандующего Кавказскою Армиею об обеспечении содержанием членов бывшего владетельного дома Абхазии князей Шервашидзе и б) отзыв по сему предмету министру финансов, изложенный в отношении его (канц.) от 8 мая № 1486.

Комитет усматривая из настоящего дела, что предназначаемый Его Императорским Высочеством Главнокомандующим Кавказскою Армиею размер суммы для обезпечения содержанием членов бывшего Абхазского владетельного дома по 25 т. р. в год, испрашивается к отпуску временно, впредь до приведения особо учрежденною Комиссиею в полную известность имущественных прав и доходов упомянутого дома и решения затем вопроса о вознаграждении онаго и принимая во внимание, что необходимость определения теперь же содержания, хотя и временного членам бывшего владетельного дома вызывается, как удалением из пределов Абхазии некоторых лиц из числа тех, коим оное предназначается, так и устранением их от всякого пользования доходами с имений, соглашается допустить выдачу содержания в указанной выше цифре 25 т. р. в год, с тем однако, чтобы

[1] См. данное издание **док.** № 102 – (**сост.**).

АЛЫТАИР

цифра эта не имела решительно никакого влияния на размер суммы, какую угодно будет Его Императорскому Величеству определить впоследствии для окончательного вознаграждения членов бывшего владетельного дома. Обращаясь за сим к определению способа покрытия расхода, по выдаче означенного временного содержания, Комитет нашел, что Всемилостивейше пожалованная в 1847 году бывшему владетелю покойному князю Михаилу Шервашидзе вознаграждение за поступившие в карантинно-таможенное ведомство три порта в Абхазии, по 9500 р. в год, составляет вознаграждение за такой доход, коим пользовался князь Михаил по званию владетеля этой страны и что с введением в ней русского управления, дальнейшее производство той суммы должно быть прекращено. Остающиеся, таким образом, свободными 9500 р. в год, по мнению Комитета, могут быть обращены на покрытие части суммы, потребной для временного обезпечения членов владетельного дома и за тем к новому отпуску на сей предмет причтется только 15 500 р. в год, при отпуске коих из Государственного Казначейства, следовало бы обращать в пользу оного все доходы, получаемые ныне с имений владетельного дома. В следствии всего вышеизложенного и в виду выраженного ныне министром финансов согласия к принятию на счет Государственного Казначейства означенных 15500 р., Комитет положил:

1. Впредь до окончательного приведения в известность всех доходов с имений бывшего владетельного дома в Абхазии, производить поименованным в представлении Великого Князя Михаила Николаевича членам того дома временное содержание в следующем размере: 2 сыновьям бывшего владетеля покойного князя Михаила Шервашидзе: поручику князю Георгию и малолетнему князю Михаилу и 2 братьям владетеля, майору князю Константину и подполковнику князю Александру по пяти тысяч рублей каждому, 2 незамужным дочерям покойного князя Михаила: княжнам Нине и малолетней Варваре по две тысячи рублей и сестрам его: родной – княгине Русудан Маршани и двоюродной – Аше-Ханум по 500 рублей каждой, всем же вместе 25 тысяч рублей в год.

2. Прекратить производство пожалованного бывшему владетелю покойному князю Михаилу Шервашидзе в 1847 году вознаграждения за поступившие в карантинно-таможенное ведомство три порта Абхазии по 9500 р. в год, деньги эти отпускать по-прежнему из местных доходов Закавказского края в счет суммы 25 т. р., назначаемой ныне во временное содержание членам бывшего владетельного дома, а остальную часть этой суммы, именно 15500 р. в год, производить из Государственного Казначейства, и в замен того обращать в оное все доходы с состоящих в Абхазии имений владетельного дома.

3. Отпуск упомянутой суммы 25 т. р. начать с 1 января 1867 года, с тем чтобы часть этих денег, принимающиеся братьями и сестрами бывшего владетеля, была выдаваема им непосредственно на общем основании, из

ближайших к местам их жительства казначейств, а часть, следующая детям покойного князя Михаила, передавалось в ведение опеки над ними.

4. Сверх сего сохранить детям князя Михаила 10 т. р. в год аренды пожалованная ему в 1854 году на 24 года, произведя отпуск оных также в ведение опеки с разделом суммы между детьми покойного на основании существующих узаконений. И

5. Назначение ныне членам бывшего владетельного дома временного содержания не считать такою мерою, которая служила бы основанием при решении впоследствии вопроса кому именно из членов того дома и в каком размере должно быть определено вознаграждение за поступившие в казну имения в Абхазии.

Государь Император на такое положение Комитета высочайше соизволил.

Управляющий делами Комитата статс-секретарь Н. Гулькевич.

ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 74, лл. 235 – 238 об. Фотокопия.

3.103 Донесение генерального консула в Трапезунде А. Н. Мошнина в российскую императорскую миссию в Константинополе о пребывании абхазских переселенцев в Турцию.

22 мая 1867 г.

Возвратившись в Трапезунт, я немедленно по приказанию в. пр.[1] занялся собиранием сведений о переселении абхазцев и сведения эти честь имею представить на Ваше благосклонное внимание.

Сколько мне известно это переселение не должно было иметь места в Трапезунт, тем не менее, когда г. Скалон сообщил мне словесно желание кавказского начальства, чтобы консульство выслало четыре турецкие барки в Сухум на всякий случай, то я немедленно подговорил преданных мне турецких шкиперов отправиться в Сухум и иметь в готове около 10 барок. Я предполагал в это время, что часть абхазцев непременно прибудет в Трапезунт, единственный город с которым они имели постоянное сношение, как и черкесы.

В начале апреля месяца ген.-м. Толстой уведомил консульство, что переселение должно начаться во второй половине апреля или в начале мая в числе 18 т., почему он требовал высылки 70 баркасов.

Консульство, равно как и генерал-губернатор трапезунтский, не будучи поставлены прежде в известность ни о числе переселенцев, ни о времени их переселения, не имели в своем распоряжении в данную минуту этого количества барок, которые заняты были перевозом, по обыкновению, контрабандной соли из Керчи в Анатолию, тем не менее управлявший за моим

[1] Речь идет о после России в Турции Н. П. Игантьеве.

АЛБТАИР

отсутствием г. Дендрино поставил в известность о том и трапезундского генерал-губернатора и турецких шкиперов.

С 18 апреля по 18-е мая прибыло сюда на 72 каботажных трапезунтских баркасах 10865 душ из Сухума, Вамшира[1] и других небольших портов Абхазии.

11 мая турецкий пароход «Перкуд» и английское судно … отправились в Кюстендже[2] с 2159 д.

13 мая турецкий пароход «Малахов» с английским судном «Хонус» отправились в Варну с 1743 д.

16 мая Таиф (корвет турецкий) с английскими судами …. отправились в Варну с 3130 душ.

Всего отправились в Румелию 7132, оставшиеся в Трапезунте 3823, которые расположены лагерем вне города около Сари Дере в трех деревянных постройках, где прежде стоял 70 т. лагерь черкесов.

Состояние здоровья великолепное. На 10865 переселенцев было всего 3 смертельные случая, один на баркасе, 2 других в лагере; цифры эти не подлежат ни какому сомнению, но не соответствуют русским официальным цифрам. Так, например, на патенте № 288/49 шкипер баркаса Юнус Ахмед, сделана пометка, что отправлено 140 д.; и между тем прибыло всего 35. Всей разницы на 72 судна составляет 1105.

Впрочем большая часть судов особенно с переселенцами из Вамшира имело верное число.

Кроме того, следует заметить, что большая часть судов была зафрахтована в Самсуне и Синопе, а прибывшие сюда местные турецкие власти показывают их взиманием разницы фрахта по 50 коп. с человека.

Переселение это хотя идет в отличных условиях, благодаря мерам высшего кавказского начальства и хорошему денежному состоянию абхазцев, тем не менее оно произвело на Трапезунт очень грустное впечатление.

P.S. Вчера прибыл французский пароход «Риор» с 400 душ. Абхазцев.

Верно: с. с. Ал. Мошнин.

ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, Аз. ч., 1866 г., д. 54, лл. 242 – 243. Копия.
ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 74, лл. 242 – 243. Фотокопия.

3.104 Из письма Начальника Сухумского военного отдела М. Толстого Кутаисскому генерал-губернатору Д. И. Святополк-Мирскому о переселении абхазов в Турцию.

май 1867 г.

В ответ на письмо Ваше за № 8 имею честь сообщить в. пр. для доклада е. и. выс. относительно переселения туземцев вверенного мне отдела в Турцию следующее:

[1] Очамчира – (Г. Д.).
[2] Констанца – (Г. Д.).

1) Из количества семейств, определенных предписанием 4000 дымов, полагаю не выходить.

2) По настоящее число отправлено в Турцию 167 семейств (1070 душ) из Пицундского округа, 126 семейств (613 душ) из Драндского округа, 1316 семейств (8867 душ) из Цебельдинского округа.

3) Для перевозки переселенцев на казенный счет по заключенному в управлении вверенного мне отдела условию с поставщиками судов уплачивается с души до Трапезунда по 65 коп., до Самсуна и Синопа по 1 р. 50 коп., всего на казенный счет перевезено цебельдинцев в Трапезунд 2561 душа, в Самсун 6006 душ. На 300 душ квитанции не представлены еще и уплачено 10673 руб. из суммы отдела. В Синоп же согласно указаний кутаисского генерал-губернатора я предполагаю отправить на пароходе Русского общества и торговли, который в ночь пришел на Сухумский рейд…

ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1866 г., д. 191, лл. 125 – 125 об.

3.105 Из донесения Начальника Сухумского военного отдела М. Толстого Начальнику Кавказского горского управления ген.-м. Д. С. Старосельскому об окончании переселения абхазского населения в Турцию.

22 июня 1867 г.

Выселение, начавшееся по обнародовании предписания е. и. выс. главнокомандующего кавказской армией к кутаисскому генерал-губернатору от 9-го февраля текущего года[1], окончено и об этом окончании объявлено в приказе по Отделу от 3-го сего июня № 70, причем из представленных начальниками округов сведений видно, что выселено из округов: Пицундского – 226 дворов, в числе 666 душ мужского пола, 4691 женского, Драндского – 626 дворов в числе 1714 душ мужского пола и 1531 женского и Цебельдинский – весь, в числе 2503 дворов, насчитывающих 14,740 душ, а всего – 3358 дворов, в числе 19,342 душ обоего пола.

Уведомляя об этом в. пр. для доклада е. и. выс. присовокупляю, что за перевоз цебельдинцев и дальцев подрядчиком, взявшим на себя поставку судов, уплачено 18,126 ру. 15 коп. и на вспомоществование наиболее неимущим переселенцам Пицундского округа видно и. д. помощника начальника того округа 50 руб., а всего таким образом израсходовано 18,176 руб. 15 коп., что составляет в общей сложности по 97,07 коп. на каждую душу.

Одновременно с окончанием переселения приступлено к обезоружению остающихся жителей Драндского округа, у которых отобрано 1015 ружей и 70 пистолетов…

ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1866 г., д. 191, лл. 186 – 186 об. Подлинник.

[1] См. данное издание: документ № 91 – (**сост.**).

АЛБТАИР

3.106 Донесение генерального консула в Трапезунде А. Н. Мошнина в российскую императорскую миссию в Константинополе о переселении абхазцев из «пограничных мест».

29 июля 1867 г.

Из последнего моего донесения от 19-го июня № 246 об абхазцах Вашему превосходительству известно, что здесь их было по 19 июня 3170 человек. С того времени в течении целого месяца не прибыло новых переселенцев в Трапезунд, хотя некоторые из влиятельных абхазцев очень старались переселить сюда еще других своих соотечественников, преимущественно из рабов. В течении этого времени не было также новых отправлений абхазцев в Константинополь. Причина тому заключалась в перемене местного начальства. Хадж-Али-Паша последнее время своего управления заботился преимущественно как бы собрать с пашалыка по более денег, из коих большая часть приходилась ему в жалование, новый же Вали Эссаде Мухлис не успел еще оглядеться, тем не менее, видя что Абхазцы стоят пашалыку значительных издержек он писал в Константинополь, чтобы сюда высланы были пароходы военные или коммерческие нарочного фрахтования; отправить жен Абхазцев на пароходах, посещающих еженедельно Трапезунд, он не решился по значительности провозной цены….

Несколько времени тому назад правительство зафрахтовало небольшой пароход[1] для отвоза переселенцев в Измид. Пароход этот пришел сюда на прошлой неделе и взял отсюда около 350 человек. Между тем, дней 10 тому назад я узнал случайно, что персидский Консул ожидает сюда пароход, зафрахтованный персидским посланником в Константинополе собственно для персиян. Здесь я должен сделать оговорку – пароходные общества когда пароходы посещают Анатолийские порты то есть русский, Мария Деспина, Австрийский Ллоид, Тур. Ореванди и Итальянское Джустиниани, связаны между собой взаимным обязательством не делать друг другу конкуренцию, а брать пассажиров и грузы по условленным ценам, которые в последнее время были значительно повышены. Персидские комиссионеры, живущие преимущественно комиссиями, получаемыми от пароходных компаний, были этим очень недовольны и жаловались своему Консулу. Тогда тот при содействии своего посланника в Константинополе уговорил купцов зафрахтовать особый пароход. В течение месяца или более персияне скопили в Константинополе и Трапезунде значительное количество товара и держали в тайне свое намерение, а может быть и не знали о намерении Консула их, так как последствия показали, что выгодами воспользовался преимущественно их Консул, а не они сами. Как бы то ни было 12 июня здешний персидский Консул получил секретную телеграмму что пароход… зафрахтован и пошел в Трапезунд.

[1] Название парохода неразборчиво - (**сост.**)

Я немедленно отправился к Паше, объяснив ему, что по приходе парохода другие пароходные общества откроют ему сильную конкуренцию, и что теперь хороший случай сбыть Абхазцев в Константинополь по низким провозным ценам. В субботу 15 июля агенты пароходных обществ получили телеграммы от главных агентов из Константинополя Орундие в Трапезунд с приказанием сделать ему самую большую конкуренцию. Провозные цены на пассажиров немедленно упали на 50% и более, а 16 числа пришел самый Орундие и за ним и Мария Деспина, последний собственно за Абхазцами.

Между последними было уже большое неудовольствие, что их давно не отправляют в Румелию и мне стоило небольшого труда уговорить их чрез посторонних лиц идти – в Трапезунде они поселены не вдалеке от города – к Вали и требовать, чтобы их отправили поскорее, так как несколько пароходов пришло за ними. Персидский и Английский Консулы действовали равным образом на Пашу, хотя руководимые разными поводами. Первый старался доставить более фрахту пароходу Орундие, пришедшему на его имя, а последний по ходатайству Абхазцы, из которых многие ему знакомы по Сухум-Кале, где он был прежде Консулом. Чтобы сильнее подействовать на Вали, я предложил ему взять на русский пароход сто или полутораста Абхазцев по 20 пиастров за человека. Обыкновенная же провозная цена 150 пиастров за пассажира отсюда в Константинополь.

Все эти обстоятельства вместе взятые имели прямым следствием то, что Вали отправил отсюда в течение трех дней, т. е. 17, 18 и 19 числа на 4-х пароходах и двух судах, взятых на буксир пароходами около 3000 абхазцев. Здесь остается теперь только около 350 человек. Абхазцы отправлены по ценам до нельзя низким, некоторые по 10 пиастров в Никомедию. Последнее обстоятельство было поводом ропота между ними, так как они хотели идти все в Румелию.

Вали остался очень доволен исходом этого дела, и я поздравил с блестящим успехом, с которым он успел воспользоваться конкуренцией, открытой пароходными обществами пароходу Орундие. В убытке остались только персидские купцы, ибо их Консул взял себе большую часть комиссии, которая приходилась им. Я вполне уверен, что персидский посланник в Константинополе действовал также успешно для себя.

В этом деле мне пришлось особенно противудействовать влиянию агента турецкого общества г-на Багдановича, который домогался, чтобы по прежним примерам переселенцы были бы отправлены исключительно на почтовых турецких пароходах. Конечно в том заключалась выгода личныя г. Багдановича, но в таком случае Абхазцы остались бы еще несколько месяцев здесь и следовательно их интриги в Абхазии еще продолжались бы.

Таким образом, переселение абхазцев можно считать оконченным и они согласно требованию Кавказского начальства удалены от пограничных

АПСТАКИР

мест. Сейчас пришел сюда небольшой турецкий пароход Измид, который завтра отвезет остальных переселенцев из Абхазцев.

Подписал Мошнин.

Верно: подполковник (подпись).

ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 74, лл. 249 – 252. Фотокопия.

3.107 Отношение Наместника Кавказа вел. князя М. Н. Романова военному министру Д. А. Милютину о выселении части абхазского населения в Турцию.

24/31 июля 1867 г.

Во время пребывания моего, осенью прошлого года в Санкт-Петербурге, я имел случай лично изложить взгляд мой на события, совершившиеся в Абхазии летом того года и те соображения, на основании которых я считал необходимым принятие особых энергичных мер к прочному водворению нашей власти в этой части края, имеющей исключительное значение как по условиям географического своего положения, так и по предшествовавшим условиям ее внутреннего управления и внешних сношений.

Сообщая Вам и повергая лично на высочайшее г. и. воззрение предположения мои о способах к устранению тех многочисленных затруднений и случайностей, которые представил бы нам край этот при первых же враждебных против нас действиях других держав, я указывал, как коренную в этом отношении меру, возможно большее ослабление мусульманского элемента населения Абхазии и Цебельды, открытием и даже поощрением ухода его на переселение в Турцию.

Получив в конце ноября того же года высочайшее разрешение на провидение этой меры в исполнение, я дал тот час же соответственные указания местным властям о том, каким именно порядком должно быть ведено это дело для достижения желаемого результата и в то же время вошел в сношение с послом нашим в Константинополе для надлежащего соглашения с турецким правительством как о принятии переселенцев, так и о местах их высадки и водворения. Масса этих переселенцев должна была, по моему соображению, составить до 4 1\2 тыс. семейств; самое же отправление их я полагал за лучшее начать с наступлением весны.

Выказав сначала желание вовсе отклонить принятие переселенцев, Порта вскоре однако же изъявила согласие на переселение до 4 тыс. семейств, назначив местом водворения их Сирию, с тем, чтобы кавказскому начальству предоставлялось право, ожидая пока Порта найдет возможным прислать за переселенцами свои пароходы, отправлять их по своему распоряжению к трем пунктам Анатолийского берега: Трапезонту, Самсуну и Синопу.

Желая воспользоваться этим соглашением прежде чем какие бы то ни было случайности могли тому воспрепятствовать, я сделал распоряжение, чтобы с наступлением теплого времени, с конца апреля, переселенцы направлялись небольшими партиями, хотя бы и на малых судах, и назначены к трем пунктам. Имея, однако, ввиду обстоятельства, сопровождавшие переселение горцев Западного Кавказа в 1863 и 1867 годах, я в то же время приказал принять все меры к наблюдению за правильной посадкою переселенцев на суда, надлежащем снабжении этих судов пресною водою и съестными припасами и не допустить отнюдь большого скопления переселенцев на местах нагрузки, а дабы облегчить и ускорить операцию, разрешил зафрахтовать особый пароход Русского общества пароходства и принять на счет казны уплату за перевоз переселенцев на малых судах.

При таких мерах переселение началось и шло весьма успешно и вследствие полной беспрекословной покорности, с которой население Сухумского отдела готово было подчиниться всем наши требованиям и желаниям, не представлялось особого затруднения не только дойти до предположительных в начале размеров переселения, но и значительно превзойти их. Тем не менее, я счел нужным остановить переселение на цифре даже несколько меньшей против первоначального предположения, главным образом в виду заявленных послом нашим в Константинополе опасений относительно возможности водворения выходцев в соседстве с христианским населением (что и действительно не замедлило потом случиться), а также в виду в сильной степени проявившегося в населении стремления к принятию христианства.

Хотя само собою разумеется, на стремление это нельзя смотреть как на плод внутреннего религиозного убеждения, тем не менее факт значительного и все продолжающегося увеличения числа обращающихся как из среды простого народа, так и в семействах, принадлежащих к самым высшим и влиятельным родам, может для будущего служить залогом большого нравственного и политического единения этой страны с империей, а потому направляю усилия местной администрации на удаление наиболее фанатического и занимающего важнейшую в стратегическом отношении местность население Дала и Цебельды, а также мусульманского же населения некоторых наиболее отдаленных частей Абхазии, я приказал из остальной части края выслать в Турцию только некоторые самые вредные по влиянию своему семейства.

Указания эти с точностью были выполнены и переселение, начавшееся в последних числах апреля, окончено в начале июня в полном порядке. Все население Цебельды и Дала, всего 2503 двора (14740 душ) и 855 дворов (4602 душ) из Абхазии (округов Пицундского и Драндского) перевезены в Трапезонт, Самсун, Синоп, откуда, по мере прибытия их, они отправляются далее по распоряжению турецкого правительства. Из донесений консула нашего в Трапезонте видно, что высадившиеся в этом пункте более 13 тыс.

АЛЫТАИР

переселенцев прибыли все в отличном положении и на все это число было только смертных случаев.

Весь расход, сделанный на основании данных мною разрешений, как на уплату за переезд переселенцев, так и на другие необходимые надобности простираются всего до 20 т. рублей.

Сообщая вышеизложенное, присовокупляю, что означенный выше расход, произведенного из отпускаемой в мое распоряжение суммы на непредвиденные военные надобности и что на ставшейся свободною местности Цебельды и Дала, я имею в виду водворить христианское и по преимуществу русское население, о чем доставлю Вам в непродолжительном времени более подробные предположения.

Главнокомандующий Кавказскою Армиею, генерал-фельдцейхмейстер Михаил.

Начальник управления, генерал-майор (подпись.)

ЦГИА, ф. 1268, оп. 10, 1864 г., д. 76, лл. 111 – 114. Копия.
ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, Аз. ч., 1866 г., д. 74, лл. 253 – 257.
ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 74, л. 253 – 257. Фотокопия.

3.108 Письмо Наместника Кавказа вел. князя М. Н. Романова военному министру Д. А. Милютину об учреждении опеки и попечительства над детьми покойного владетеля Абхазии.

24/31 июля 1867 г.

Наследниками по покойном бывшем владетеле Абхазском, князе Михаиле Шервашидзе состоят: сыновья – князь Георгий 21 года и князь Михаил 12-ти лет, незумыжныя дочери – княжна Нина 17-ти лет и княжна Варвара 10-ти лет. Для заведывания имущественными интересами наследников и для ближайшей заботы о воспитании и содержании тех из них, кои не достигли еще совершеннолетия, Я назначил опекуном дядю их, прапорщика милиции князя Давида Дадиани.

Независимо от опекуна, я признал полезным назначить над детьми бывшего владетеля (за исключением старшего сына, уже совершеннолетнего) особого попечителя из лиц, пользующихся уважением и влиянием, в качестве высшего защитников интересов этих детей – впредь до достижения ими совершеннолетия.

Права и обязанности как опекуна, так и попечителя могут быть определены на основании общих гражд. законов.

В порядке же подчиненности опеки, Я счел необходимым допустить некоторые изъятия, подчинив ее непосредственно Кавказскому Горскому управлению, помимо местных учреждений Сухумского отдела, в том уважении, что за решенным уже обращением в казну недвижимых имений князя Михаила Шервашидзе, наследникам его будет принадлежать в Абхазии только не весьма значительное движимое имущество, состоящее преимущественно в табуне лошадей и скоте, каковое имущество не может вызвать продолжительного заведывания со стороны опеки, так как польза малолетних требует безотлагательной продажи оного.

В этих видах, Я полагал бы: опеку и попечительство над малолетним детьми бывшаго владетеля князя Михаила Шервашидзе установить на следующих основаниях:

1) Назначение опекуна и попечителя над не достигшими совершеннолетия детьми умершего князя Михаила Шервашидзе предоставить усмотрению Вашего Императорского Величества.

2) Опекун, заведывая имуществом и делами малолетних, со всеми правами и обязанностями, определенными в общих гражданских законах, под ведом, в порядке подчиненности Кавказскому Горскому Управлению, которому представляет как установленные отчеты, так и доносит о всех случаях, требующих разрешения опекунских учреждений.

3) Попечитель, имея обязанностью пещись об особе малолетных, должен знакомиться ближе с положением дел и имущества их; и в потребных случаях сообщать в Горское Управление обо всем, что может касаться пользы малолетных.

4) В порядке заведывания опекою Горскому Управлению предоставляется власть губернских судов.

5) В случаях, превышающих власть Горского Управления, оно испрашивает разрешение Главнокомандующего.

Сообщая о сих Моих предположениях, прошу Ваше Высокопревосходительство исходатайствовать Высочайшее утверждение их.

Главнокомандующий Кавказскою Армиею, генерал-фельдцейхмейстер Михаил.

Начальник управления, генерал-майор (подпись).

ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 74, л. 258 – 260. Фотокопия.

3.109 Из докладной записки и. д. начальника Сухумского военного отдела В. А. Геймана Начальнику Кавказского горского управления ген.-м. Д. С. Старосельскому о состоянии Абхазии.

Сухум, 16 октября 1867 г.

Осмотрев вверенный мне край во всех подробностях, я прошу в. пр. довести до сведения е. и. выс. главнокомандующего (Кавказской) армией о найденном мною:

26 и 31 августа, 1, 2, 3, 4, и 5 сентября я осмотрел Пицундский округ, жители его как долгое время были смежны с народом джигетским, имели сношения и с убыхами, а также и с псхувцами, а следовательно и дальше от нашего

АЛЫТАИР

влияния; кроме того, разбросанные в трущобах по одиночке имеют большею частью угрюмый вид и более недоверия к нам, что выразилось прошлогодним восстанием; слабое наказание… далеко непонятно как милость, а скорее как неожиданное народом прощение, было поводом недоверия к нашей силе.

Выселение в Турцию, потом желание, чтобы они остались (в Абхазии), поставило народ в неопределенное положение; наконец само введение христианства, вследствие неосторожных приемов, – придало некоторый вид как будто бы насилия, хоть сказать по правде они такие же плохие мусульмане, как и христиане; это нельзя сказать о жителях селения Лыхны, которые как старые христиане имеют и нравы мягче и более высказывают желания к мирной жизни.

При сгруппировании деревень, когда будет возможно чаще видеть народ не собирая его, можно надеяться, что в короткое время это изменится.

Чины окружного правления и самый суд помещается в жалких жительских домах, неудобных, сырых, за которые платится баснословная цена; вообще о помещениях окружных управлений я представляю лично свое соображение; как равно выскажу свое мнение об окружных начальниках. Помощник есаул Миронов, человек толковый. Делопроизводитель, штабс-капитан Каменский, малограмотный и не соответствует своему назначению, от того письменная часть не вполне в должном порядке.

Окружной доктор Сериков был в отсутствии.

26, 27 и 28 сентября я объехал Цебельду, Дал и правый берег Кодора до его устья. О заселении Цебельды и Дала я представляю свое соображение; но как Дальское ущелье, из которого лежат пути в Псху, Карачай и Сванетию, нельзя оставить вовсе без населения, иначе развернутся разбойники, с которыми впоследствии трудно будет справиться, то я, разрешив князю Михаилу Маршани с 17 семействами, не успевшими уйти в Турцию по случаю разлития Кодора, остаться до ранней весны, с тем, что на его ответственности лежит наблюдение этой горной трущобой, не могу умолчать о пристовском доме в Цебельде, который стоит казне 36 тыс. рубл. серебром. Камень и лес не покупной, работали два батальона и что же грубое, бестолковее строение без всякой отделки, в котором жить нельзя без капитального исправления. О значении этого дома по упразднению этого округа, я представлю свое соображение.

2, 3, 4, 5 и 6 октября я осматривал Драндский округ. Здесь жителей не волновали прошлогодние страсти к возмущению; народ смотрит спокойно, в нем больше готовности исполнить все требования правительства и люди несколько зажиточнее.

К моему приезду везде были поправлены дороги, расчищены просеки и вообще было высказано некоторое удовольствие, что посетил их начальник края.

Окружное управление помещается в доме бывшего владетеля, если затратить некоторую сумму денег на отремонтирование этого дома и постройку помещения для чинов окружного управления, то помещение будет весьма удобным.

Помощник окружного начальника капитан Введенский человек толковый; делопроизводитель поручик барон фон-Клейст еще далеко не опытный в деле письмоводства, однако канцелярия найдена в должном порядке, за исключением некоторых дел неправильно подшитых. Окружной доктор Некрасов весьма дельный и полезный господин.

7, 8, 9 и 10 октября я осматривал Окумский округ, составленный из самурзаканского народа. Издревле владетели Самурзакани были слабее соседних владетелей, от того владетель Мингрелии, с одной стороны, владетель Абхазии – с другой, своевольничали и давили народ, чему служит доказательство, что вдруг на правом берегу Ингура каким-то образом очутились имения владетеля Мингрелии и Ткварчели, Похулани и Илори отошли к Абхазии, тогда как то и другое было издревле (в составе) Самурзакани; с севера их грабили сванеты, угоняя постоянно их стада, что делалось в недавнее время.

Когда Самурзакань перешла в русское владение, то к вышеозначенным притеснениям явился пристав и четыре участковых начальника, которые под шумок очень набивали карман. С уничтожением приставства бывший окружной начальник подполковник Кишельский, хотя, как честный человек, не пользовался достоянием народным, но неумением обращаться (с народом) окончательно навел омерзение ко всему русскому; к довершению всех зол, бывший управляющий Мингрелии, д. с. с. Власов, без наведения всяких справок в Самурзакани, отхватил на карте от нее все горные пастбищные места, т. е. весь Речхинский хребет, и не спросив на это утверждения, предписал сванетскому приставу взимать с самурзаканцев деньги за их же пастбища.

Подобная несправедливость, конечно, не может поселить доверия к ним. Все это и было причиною крайней бедности этого края, богатого всеми дарами природы, между прочим этот самый самурзаканский народ, которого даже название стушевано (потому что они сделаны окумцами), имеет Георгиевское знамя, помилованное в бозе почившим императором Николаем 1-м с надписью «За покорение Дала самурзаканскому народа» и очень много встречается георгиевских кавалеров, к сожалению, крайне нищих. Для моего проезда не только были поправлены дороги и мосты, но даже сделаны верст в пятнадцать просеки. Самурзаканцы народ до крайности бедный, добрый, послушный и до высокой степени восторженный…

Почтенные лица повсеместно заявили мне жалобы, что их считают, вероятно, весьма дурными людьми, потому что они одни из обширного Кавказского края не были допущены представиться к г. вел. кн. главнокомандующему, что их непритворно огорчает, и когда я обещал при первом случае это дело поправить, то действительно восторгу не было пределов.

Окружное управление помещается в весьма плохом казачьем посте, тесно и совершенно неудобно. Семейные офицеры живут в отвратительных квартирах и возбуждают полное сострадание.

АЛЫТАИР

Помощник штабс-капитан Рещиков, израненный офицер, хотя и на месте, но сильно страдает от ран. Делопроизводитель штабс-капитан Александрович, толковый и дельный офицер, письменная часть в отменном порядке. Окружной медик Кикин, говорят, ученый человек, но совершенно не годится быть медиком для туземцев. Приставский дом окончен только в 1863 году и стоящий казне до 6 тысяч рублей серебром представляет собою развалины, так что можно подумать, что он существует около ста лет и, конечно, в нем никто не живет.

Школа окумская в довольно сносном виде, некоторые из детей читают по-русски, вся обедня ими поется на русском языке, благолепие торжество в служении без сравнения гораздо лучше, чем в городе Сухум. Благочинный Мачавариани весьма толковый и полезный человек.

О школах и вообще церковном устройстве я со временем представлю особый доклад.

Общее впечатление: я пришел к тому убеждению, что в долгое время управления краем русского начальства, мы заботились о том, чтобы поселить полное недоверие к нам в народе и лишь в последнее время перестает сомневаться в нас, но далеко еще во всей массе народа и вообще в Абхазии и Самурзакани видно, что никогда не было никакой опеки о народе и только в последние годы перестали грабить их наши власти, так что их теперь удивляет, что с них ничего не берут; правда, что теперь ничего подобного нет, но следует изменить некоторый порядок, о чем я представлю свое соображение. И теперь у меня еще три округа и каждый из них управляется вдохновением окружного начальника…

В настоящее время сделано распоряжение, указываются места для сгруппирования селений с тем, что ранней весной уже все должны быть на новых местах, что будет служить началом будущего развития края.

В Окумском и Драндском округах уже окончено камеральное описание, в Пицундском оканчивается. Подати уже взимаются, так что к 13 ноября сбор их будет окончен. Подать взимается подымно, согласно с камеральным описанием, без особых правил, но в порядке взимания их на будущее время будет представлено особое соображение, как равно и предположение о том, что я намерен предпринять для пользы и улучшения края.

Город Сухум, жалкий приморский городишко, который (живет) привозной торговлей, причем привозят даже главные предметы первой потребности, даже овощи также привозятся, отпуска почти никакого, несмотря на скудные городские доходы заботами городничего штабс-капитана Григорьева, человека дельного и честного, водятся некоторые улучшения; можно, однако, надеяться, что с развитием Абхазии, продолжением дороги на Малую Лабу и дорог в крае, а также о введение русского поселения в Цебельде, город этот оживится, в особенности, если правительство окажет хотя бы маленькое содействие, тем более, что Сухумский рейд чуть ли не лучший на всем Кавказском берегу Черного моря.

Помещения для арестантов отвратительные, надобно удивляться их живучести. Торгующий класс жителей, имея крайне кляузное направление, далеко не привык к правильному полицейскому порядку, что, однако, начинает выводиться.

Климат может быть сносный, если назначенные на улучшение его деньги будут употреблены с толком, а пока по этой части толкли воду, на что израсходовано больше двух тысяч.

Полицейское управление до крайности запущено по недостатку средств для письмоводства, тут труд городничего и усердие его не в состоянии исправить дела; необходимо усилить штат, о чем будет представлено соображение; десять человек полицейских солдат, назначенных из неспособных 1 статьи, которых назначили смотреть за порядком, требуют других десяти для надзора за ними. В городе нет городового врача, поэтому нет надлежащего присмотра за публичными домами, почему судебно-медицинский надзор теперь возложен мною на отдельную комиссию.

Главный суд состоит из одного члена (он же председатель) и помощника секретаря. Секретаря не имеется, другой член от чахотки умер, затем исправлял должность члена чиновник особых поручений Трескинский, но я должен был его откомандировать, потому что он необходим мне по должности чиновника особых поручений, а во-вторых, что он не может быть судьей тех дел, которые сам производил. По этому случаю действие суда приостановилось.

В управлении начальника отдела, вследствие летней кочевки, дела порастрепались, весьма заметно долгое отсутствие правителя канцелярии, который ездил в течении лета лечиться, поэтому и встречались и некоторые шероховатости, которые, однако, легко устраняются.

Горская школа только недавно открыла свои занятия.

Вообще о школах я представлю свое соображение.

ЦГИАГ, ф. 545, д.258, лл. 1 – 8. Подлинник.

3.110 Из донесения Наместника Кавказа вел. князя М. Н. Романова военному министру Д. А. Милютину о новом административном устройстве Абхазии.

Тифлис, 1 марта 1868 г[1].

Вследствие свершившегося переселения всех жителей Цебельдинского округа и части населения Драндского округа в Турцию, признавая безотлагательно необходимым административное разделение Сухумского отдела, изменить на нижеизложенных основаниях, я, приказом по Кавказскому военному округу от 11-го января сего года за № 4-м, предписал впредь до высочайшего г. и. соизволения, провести в исполнение следующее:

[1] Дата получения.

АЛЫТАМИР

1. Сухумский отдел, за исключением территории Цебельдинского округа, разделить на два округа: Пицундский и Очемчирский. В состав Пицундского округа, разделяемого на два участка: Гумистинский и Гудаутский, включить все пространство отдела между р. Кодором и Гагринским хребтом. Очемчирский округ, разделяемый на два участка: Кодорский и Самурзаканский, образовать из остальной части отдела, заключающейся между рр. Кодором и Ингуром.

2. Территорию Цебельдинского округа, не включая оную в состав означенных образуемых округов, поручить заведыванию особого лица, под названием Попечителя поселений в Цебельде – на правах окружного начальника…

ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 127, лл. 1-1 об. Подлинник.

3.111 Приказ военного министра Д. А. Милютина о новом административном устройстве Абхазии.

С.-Петербург, 6 июня 1868 г.

Г. и., согласно мнения Кавказского комитета, в 27-й день мая сего 1868 года, высочайше соизволил утвердить сделанное е. и. выс., главнокомандующим Кавказскою армиею, распоряжение, об изменении административного деления Сухумского отдела, на следующих основаниях:

1) Сухумский отдел, вместо существующих по штату, высочайше утвержденному 11-го августа 1866 года 4-х округов, разделить за исключение территории Цебельдинского округа, на два: Пицундский и Очемчирский. В состав Пицундского округа, разделяемого на два участка – Гумистинский и Гудаутский, включить все пространство отдела между р. Кодором и Гагринским хребтом. Очемчирский округ, разделяемый также на два участка – Кодорский и Самурзаканский – образовать из остальной части отдела, заключающейся между рр. Кодором и Ингуром.

2) Территорию Цебельдинского округа поручить заведыванию особого лица, под названием попечителя поселений в Цебельде – на правах окружного начальника.

3) Заведыванием казенными имуществами и доходными статьями в отделе возложить на особое лицо, именуемое заведующим казенными оброчными статьями в Сухумском отделе.

4) В состав Главного суда, вследствие уменьшения числа округов иметь 4-х депутатов от туземных жителей, вместо положенных 8-ми.

5) Полицейское управление г. Сухумом и земскую стражу оставить на прежнем основании; общее же (центральное) управление отделом переформировать в частностях на основании прилагаемого при сем нового штата управлений Сухумского отдела.

6) Затем, все остальные поименованные в штате 11-го августа 1867 г., управления упразднить.

Объявляю о сем военному ведомству, в дополнении приказа от 24-го августа 1866 года за № 248.

Генерал-адъютант Милютин.

ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 127, лл. 44 – 44 об. Типографский экземпляр.

3.112 Прошение управляющего имениями Г. Д. Чачба – Шервашидзе губернского секретаря А. В. Пахомова Начальнику Сухумского военного отдела В. А. Гейману о содействии ему в принуждении подвластных князю крестьян, к исполнению лежащих на них обязанностей.

29 июня 1868 г.

Прошением от 17-го сего июня я просил управление Пицундского военного округа о принуждении подвластных князя Георгия к исполнению лежащих на них повинностей в пользу помещика, как это делалось прежде, при жизни покойного гвардии полковника князя Димитрия Шервашидзе, и как это делается у всех остальных помещиков в Абхазии.

В ответ на это прошение я получил отношения окружного управления от 26-го сего июня за № 704, с коего копию имею честь представить при сем Вашему превосходительству. Из этого отношения Ваше превосходительство усмотрите, что начальник округа не считает себя в праве оказать мне законное содействие, основываясь на том, что будто бы подвластные князя Георгия со времени смерти покойного гвардии полковника князя Димитрия Шервашидзе повинностей не отбывали и потому на основании десятилетней давности не должны их и отбывать. Такое основание опровергается следующими обстоятельствами:

1) В Абхазии, при всякого рода спорах, никакая земская давность в расчет не принималась и в обычаях народных не существовала.

2) Но если бы и можно было руководствоваться земскою давностью, то и тогда бы настоящий случай над нее бы не подходил, потому что земская давность распространяется только на имущество, а не на повинности и обязанности крестьян относительно их помещиков.

3) Показание окружного начальника, что будто бы после смерти князя Димитрия крестьяне его повинностей не отбывали не правильно, потому что крестьяне эти отбывали эти повинности до самого выезда бывшего владетеля Абхазии в Россию, т. е. до 1864 года князьям Константину, Георгию и Меджари[1] Шервашидзе и аамысте Хасану Маргани, которые заведовали имением князя Георгия от имени его опекуна, владетеля Абхазии. После выезда владетеля имение поступило в заведывание бывшего начальника

[1] Мажара – (**Г. Д.**).

АЛТАМИР

Сухумского округа майора Бутми-де-Кацмана, и если он не наблюдал за исполнением крестьянами, порученного ему имения, их обязанностей, то в этом виноват никак не помещик, а окружной начальник.

4) Но если бы и действительно крестьяне не отбывали никаких повинностей в пользу помещика после смерти гвардии полковника князя Димитрия и если бы в вопросе о повинностях можно было бы основываться на десятилетней давности, то и в этом случае господин начальник округа был бы не прав, так как, во-первых, со времени кончины отца настоящего помещика не прошло еще десяти лет, а во-вторых, заявления со стороння управления имения о крестьянских повинностях были подаваемы местному начальству еще в 1866-1867 годах и, кроме того, предписанием на имя предместника Вашего превосходительства от 6 или 7-го октября 1866 года (№ не знаю) Кавказское горское управление предлагало управлению Сухумского военного отдела допустить юнкера Егора Туркия к управлению имением и оказывать ему нужное содействие к тому, чтобы подвластные князя Георгия отбывали ему те повинности, какие они отбывали при жизни покойного гвардии полковника князя Димитрия. Что начальнику Пицундского военного округа об этом распоряжении Горского управления известно – это видно из того обстоятельства, что, основываясь на этом именно распоряжении горского управления, майор Бутми-де-Кацман объявил подвластным князя Георгия, чтобы они не уклонялись от отбывания лежащих на них обязанностей, что доказывается имеющимся у меня его отношением к управляющему юнкеру Егору Туркия от 19 января 1867 года за № 86. Поэтому странно, что он считает себя не в праве без разрешения высшего начальства исполнить мою просьбу и это тем более странно, что он считает себя в праве оказывать такое же содействие, какого я прошу, другим помещикам, как, например, гумскому жителю Мурзакану Анчабадзе.

В силу всех вышеизложенных обстоятельств имею честь почтительнейше просить Ваше превосходительство сделать нужное распоряжение, чтобы господин начальник Пицундского военного округа не отказывал мне на будущее время в законном содействии для понуждения подвластных моего доверителя, к исполнению ими лежащих на них обязанностей.

ЦГИА, ф. 1087, оп. 1, 1865 г., д. 29, лл. 307-310 об.

3.113 Прошение управляющего имениями Г. Д. Чач ба – Шервашидзе губернского секретаря А. В. Пахомова начальнику пицундского военного округа об отказе крестьян (Анхаю) сел Багажяшта, Цамбейквара и Пшап отбывать повинности.

11 сентября 1868 г.

Подвластные князя Георгия жители селения Багажяшта: анхае Сосрыква и Фат Харазия, Мурза Микайя, Бачир Чкотия и Кваташь Джегелия;

поселка Цамбейквара: анхае Чагыр и Аджгя Тванба и селения Пшап: Хакуц Шаламберия и два дыма Тванба Сейлух-ипа – все отказываются платить ажидз, о чем сообщил мне моурав Хусейн Какваскир. Доводя о сем до сведения Вашего высокоблагородия имею честь покорнейше просить Вас внушить поименованным жителям, чтобы они лучше выполняли свои обязанности относительно помещика и что, отказываясь отбывать повинности в пользу помещика, они сопротивляются приказанию начальства, объявленного им Вашим высокоблагородием в моем присутствии.

ЦГИА, ф. 1087, оп. 1, 1865 г., д. 29, л. 331 об.

3.114 Объяснительная записка управляющего имениями Г. Д. Чачба – Шервашидзе губернского секретаря А. В. Пахомова в Сухумскую сословно-поземельную комиссию[1].

1868 г.

В конце семисотых[2] годов владетель Абхазии Кялым-Ахмет-бей[3] развелся с своей первой женой урожденной княжной Дзапш-ипа (от которой имел только одного сына Аслан-бея) и женился на простой Ахамалке (взятой в плен джигитке простого звания, от которой родился второй сын Кялым-бея – Сафар-бей, в крещении Георгий)[4]. Случай этот подал впоследст-

[1] Этот документ был выявлен летом 1948 году. Первая часть документа была обнаружена тогда еще кандидатом исторических наук Г. Дзидзария в Ленинградском отделении Центрального исторического архива (ЦГИАЛ, ф. 1087, оп. 1, д. 29, лл. 445-518). Вторая часть была выявлена И. Антелава в Центральном государственном историческом архиве в Москве (ЦГИА, ф. 1110, оп. 1, д. 15, лл. 1-103). Впоследствии в 1953 г. в Тбилиси «Записка об имениях Георгия Шервашидзе» А. В. Пахомова с предисловием и примечаниями И. Антелава и Г. Дзидзария, составленными на грузинском языке, была опубликована в сборнике «Материалы по истории Абхазского княжества». Означенные комментарии здесь публикуются в перводе на русский язык, который осуществлен академиком А. Э. Куправа, и даются с пометой (**И. А., Г. Д.**). Некоторые из названных комментариев исключены из настоящего издания т. к. они представляли собой объяснения и уточнения ранее изложенных сведений и поэтому их оставление было бы необязательным повторением. В «Записках об имениях Георгия Шервашидзе» содержатся очень интересные и оригинальные сведения и в силу этого представляют собой немаловажную ценность. Вместе с тем нужно отметить, что в них часто допускаются существенные неточности, а местами грубые ошибки. Создается впечатление, что их автора А. Пахомова не очень интересовали правдивость и соответствие действительности приводимых им фактов и утверждений, а было важно лишь любыми средствами доказать выдвинутый им тезис. Надо отметить также, что сам названный документ был опубликован с значительными огрехами. Даже поверхностный текстологический анализ, проведение которого не ставили задачей перед собой составители, обнаруживает наличие существенных редакционных упущений и недороботок, которые по возможности исправлены в настоящем издании **– (сост.).**

[2] Семидесятых – (**сост.**).

[3] Келешбей Манучарович Шарвашидзе был владетелем Абхазии с 80-х годов XVIII века до 1808 года. 2 мая 1808 года он был убит – (**И. А., Г. Д.**)

[4] Мать Сафарбея (Георгия) Шарвашидзе была дочерью абхазского крестьянина Лейба из села Мгудзырхва (совр. Гудаутский район) – (**И. А., Г. Д.**)

АЛТАИР

вии (около 1804-го года) повод к смутам. Князья Дзапш-ипа считали себя кровно оскорбленными, замышляли об убийстве Кялым-бея и составили против него заговор, в котором участвовал также и старший сын владетеля Аслан-бей, сын княжны Дзапш-ипа. Преданные люди однако во время предупредили владетеля, и он успел приготовиться. Трое князей Дзапш-ипа явились с небольшой свитой (в которой между прочим находился Дзапш-иповский анхае[1] Мадж Цхчи, дед теперь живущего в сел. Яштуха – Шинагмы, как он себя называет Гасана Цхчи) с намерением убить Кялым-бея, но все трое были убиты (из них один, который первый бросился на Кялымбея, был убит вторым сыном последнего Сафар-беем). Остальные князья Дзапш-ипа, опасаясь мщения владетеля бежали из своего имения Эшера в Гумм. За ними в погоню был послан Аслан-бей с жившими в Сухуме лазами, и одного из бежавших успел убить; другие же бежали сначала в Псху, а потом в Цебельду и вели жизнь абреков до конца жизни Кялым-бея. Имение их, заключавшееся в пределах между реками Шицкуара и Адзапш (Гнилушка), Кялым-бей взял по обычаю себе, так как князья Дзапш-ипа, сделавшись абреками, лишились всякого права на свое имение. Хотя Кялым-бей и не показал виду своему старшему сыну Аслан-бею, что он знал об участии его в заговоре, тем более что Аслан-бей наружно и оправдал себя преследованием и убийством одного из князей Дзапш-ипа в Гуме; но все-таки он не мог уже ему доверять и даже как говорят окончательно его возненавидел и решился сделать своим преемником не его, а второго своего сына – Сафар-бея, мать которого джигетка умерла еще во-время его малолетства. Так по крайне мере объясняют причину лишения Аслан-бея наследства. Мне впрочем кажется, что заговор Дзапш-иповых не был причиною, а скорей следствием такого решения владетеля. В самом деле, странно, что князья Дзапш-ипа не мстили за оскорбление своей родственницы тотчас же по удалении ее из дому владетеля, а отложили свое мщение на 25 слишком лет (судя по тому, что в то время уже от четвертой жены у Кялымбея княжны Маршани были взрослые дети и кроме того у Сафар-бея тоже были дети (дочь Инджаханум и сын Омар-бей, в крещении Димитрий, впоследствии владетель). Более вероятнее можно объснить это обстоятельство тем, что по мере вырастания своих детей Кялым-бей все более и более привязывался к Сафар-бею и постоянно оказывал ему предпочтение пред другими. Очень может быть, что еще до заговора князей Дзапш-ипа владетель уже решил, что Аслан-бей не будет владетелем и это самое решение быть может побудило Аслан-бея уговорить своих дядей Дзапш-ипа помочь ему убить отца с тем, чтобы сделаться владетелем. Как бы то ни было, а результатом неудавшегося заговора было то, что Кялым-бей утвердился в своем намерении сделать Сафар-бея своим преемником. Справедливо предвидя,

[1] Анхаиу (анхаюы) – крестьянская категория в феодальной Абхазии; основная часть Анхаиу не была закабалена – (**И. А., Г. Д.**)

что после его смерти непременно последуют смуты, он решился признать Сафар-бея владетелем еще при своей жизни и вместе с тем раздать уделы и остальным своим детям. В то время, т. е. около 1804 года, у Кялым-бея было четверо взрослых сыновей: Аслан-бей – от княжны Дзапш-ипа; Сафар-бей от пленницы джигетки; Махмет-бей и Гасан-бей – от Цебельдинской княжны Маршани Кац-ипа. Кроме того от той же княжны Маршани были малолетние сыновья Теир-бей, Ростом-бей и Батал-бей. Аслан-бей был совершенно лишен наследства и оставалось поделить Абхазию между остальными сыновьями. Нужно при этом заметить, что назначение Сафар-бея владетелем могло встретить сопротивление со стороны не одного Аслан-бея. По абхазскому обычаю Сафар-бей, как рожденный от простой рабы, хотя и не считался совершенно незаконно рожденным, но не мог по правам своим равняться с остальными Шервашидзе и право на владетельство по понятиям народа должно было после Аслан-бея перейти на детей княжны Маршани. Махмет-бей был человек больной и слабый, не способный к борьбе и потому Кялым-бею собственно его опасаться было нечего, но за ним стоял Гасан-бей человек очень умный и храбрый, который к тому же мог воспользоваться помощью своей матери, об уме которой и о влияниях ее как в Абхазии, так и в Цебельде теперь еще много рассказывают. Нужно было стало быть как-нибудь заставить Гасан-бея добровольно отказаться от права на владетельство. С этою целью Кялым-бей сделал с Гасан-беем условие, конечно словесное, по которому Гасан-бей отказывался за себя и за своих родных братьев от владетельства в пользу Сафар-бея и за это получил в удел весь Абхазский округ, между реками Кодором и Шицыкура, Махмет-бею отдали Самурзакань (где он впрочем прожил не более года и умер в тот год, когда в первый раз русские войска шли в Абхазию для выручки наследника Мингрельского владения князя Левана Дадиани)[1], а все остальное с титулом владетеля досталось Сафар-бею. Отдавая таким образом Гасан-бею весь Абхазский (впоследствии Сухумский) округ, Кялым-бей предоставил ему в этих пределах все права, какими владетель пользовался в остальной части Абхазии, поставив ему в условие чтобы, во-первых, он был верным союзником (но никак не подданным) владетеля и во-вторых, обеспечил бы остальных своих братьев (Теир-бея, Ростом-бея и Батал-бея), с тем чтобы эти младшие братья во всем подчинялись своему старшему брату Гасан-бею, как настоящему владетелью, и он же Гасан-бей и его потомки должны были наследовать во всем после смерти этих младших братьев, если бы они умерли без наследников мужского пола. Гасан-бей кроме того взял на свое попечение и Аслан-бея, которого поселил в Мерхяуле. После убийства Кялым-бея, сделка эта вошла в полную силу и Гасан-бей

[1] Поход русских войск в Абхазию, о котором говорит Пахомов, имел место в 1804 г. В этом году Келешбей освободил сына владетеля Мегрелии Григола Дадиани Левана, которого он (до этого) забрал в заложники в свое княжество – (**И. А., Г. Д.). – Прим.:** Поход русских войск в Абхазию с целью освобождения Левана Дадиани был предпринят в 1805 году – (**сост.**).

АЛТАИР

владел безпрепятственно своим уделом в течение всей жизни Сафар-бея и только после смерти последнего, начали встречаться по этому предмету несогласия. Когда Сафар-бей (Георгий) принял Российское подданство[1] и был утвержден в звании владетеля, то он о сделке Кялым-бея с Гасан-беем умолчал, и она осталась правительству неизвестна, сам Гасан-бей не подозревал всей важности разъяснения этого обстоятельства, тем более что Сафар-бей никогда его не беспокоил и не вмешивался в дела его части наследства. Впрочем очень может быть, что он об этом и заявлял, но Кавказское начальство того времени, не нашло нужным обратить внимание на такое заявление, так как вообще в то время избегали всякого вмешательства во внутренние дела края. После смерти Сафар-бея[2] и затем старшего сына владетеля Димитрия[3] (Омар-бея) последний владетель Михаил (Хамуд-бей)[4] оставался шестнадцатилетним мальчиком и за него управляла мать его (Тамара, урожденная княжна Дадиан) женщина очень умная и пользовавшаяся большим значением как в народе, так и у русского правительства. Желая поддержать и усилить значение своего сына князя Михаила, она потребовала от Гасан-бея полного повиновения, заняла принадлежащую ему Сухумскую крепость и вообще начала его стеснять. Гасан-бей, помня свою сделку с Кялым-беем и Сафар-беем, на основании которой он не мог считать себя подвластным своего племянника, имевшего, по его мнению даже меньше права на владетельство нежели он сам, не хотел покориться и готовился защищаться силой. Так как партия Гасан-бея была очень сильна, потому что большая часть абхазцев была на его стороне из ненависти к Михаилу, который с ранних лет еще успел заявить себя с невыгодной стороны, то владетельница просила русское начальство сослать Гасан-бея в Сибирь, что и было исполнено[5], потому что начальству не были известны права Гасан-бея и его условие с Кялым-беем. Эта ссылка была первым поводом к захвату некоторых частей его имения и причиною многих споров, возникших впоследствии при его сыне покойном князе Димитрие. Между тем ссылка Гасан-бея произвела сильное волнение между абхазцами. Братья его Баталбей, Теир-бей и Ростом-бей, потеряв в нем единственную опору и защитника, старались возбуждать народ к возмущению и опирались на поддержку цебельдинцев князей Маршани, с которыми они были в близком родстве по

[1] Сафарбей (Георгий) Шарвашидзе в 1809 г. обратился к императору Александру I с просьбой о принятии Абхазского княжества под покравительство России. 17 февраля 1810 г. Александр I утвердил просительные пункты Сафарбея – (**И. А., Г. Д.**).

[2] Сафарбей умер в 1821 году – (**И. А., Г. Д.**).

[3] Димитрий Шарвашидзе – сын Сафарбея, владетельствовал в 1821 – 1822 гг. Умер в 1822 г. – (**И. А., Г. Д.**).

[4] Михаил Шарвашидзе, брат Димитрия, последний владетель Абхазии (1823-1864). В 1864 г. был сослан в Воронеж, где умер в 1865 г. – (**И. А., Г. Д.**). – **Прим.:** Михаил умер в апреле 1866 года – **(сост.).**

[5] Хасанбей Шарвашидзе в 1821 г. был сослан в Сибирь, находился там семь лет и вернулся в Абхазию в 1827 г. – (**И. А., Г. Д.**).

своей матери и в то время начали серьезно поговаривать о том, чтобы истребить все семейство Сафар-бея. Отчасти из страха, чтобы это и действительно не случилось, а отчасти вследствие совета мингрельского владетеля Левана Дадиана, владетельница решилась просить правительство о возвращении Гасан-бея из ссылки[1]. Причинами заступничества (Левана Дадиани) было: во-первых, опасение, чтобы в случае возмущения абхазцев не была истреблена владетельская фамилия и чтобы Абхазия вследствие этого не сделалась русской губернией, чего ему очень не хотелось, а с другой стороны Гасан-бей был ему нужен в Абхазии для того, чтобы мешать усилению абхазского владетеля, который мог ему мешать хозяйничать в Самурзакани.

Гасан-бей вернулся на родину после восьмилетней ссылки, с еще большим значением чем прежде и главное с большим опытом. Прожив несколько лет между русскими, он понял хорошо и силу и значение русского правительства и принял за правило (которое передал и сыну) держаться русских как можно крепче и впоследствии действительно оказывал много значительных услуг Кавказскому начальству, в особенности своим влиянием на цебельдинцев[2]. По возвращении Гасан-бея, Михиал предложил своему дяде сделаться владетелем Абхазии, но Гасан-бей был слишком умен и осторожен, чтобы не понять этого притворного предложения и потому торжественно, при народе отказавшись от всяких прав на владетельство, требовал только от Михаила, чтобы он возвратил ему и утвердил за ним весь удел полученный им от отца, которым он владел до своей ссылки и заключавшейся между реками Кодором и Шицкуара. Владетель согласился потому, что многие современники Кялым-бея были еще живы и готовы были засвидетельствовать справедливость требования Гасан-бея, а в случае нужды и поддержать его права, что было очень важно, потому что владетель в то время не имел еще той силы, какую приобрел впоследствии с помощью русских войск и волей-неволей должен был подчиниться общественному мнению и влиянию людей, пользовавшихся особенным значением в народе.

Установившиеся таким образом отношения между дядей и племянником казались по наружности удовлетворительными. В сущности же как Гасан-бей не мог верить искренности примирения и видел в владетеле тайного врага, так и Михаил не мог простить Гасан-бею его значения в глазах народа, которое ставило в многих случаях Гасан-бея выше владетеля. Все это подавало повод к интригам и неприятностям, никогда впрочем не доходившим до открытой вражды. Владетель с завистью смотрел на богатства Гасан-бея, а главное – на расположение, которое оказывало последнему местное русское

[1] Согласно источникам Хасанбей был возвращен из ссылки по просьбе владетеля Абхазии Михаила Чачба – Шервашидзе. См. данное издание **док.** № . – (**сост.**).

[2] Пахомов особенно подчеркивает русофильство Хасанбея с той целью, чтобы его (Хасанбея) сын, Георгий Шарвашидзе получил поддержку от правительства России в деле возвращения спорных имений – (**И. А., Г. Д.**). – **Прим.:** Георгий Шервашидзе был не сыном, а внуком Хасанбея – **(сост.).**

АЛТАИР

начальство, действовавшее чрез Гасан-бея на Цебельду и не имея возможности повредить ему явно, решился употребить, для исполнения своих планов, средство тайное, очень употребительное в здешних странах. После одного из своих визитов к владетелю, к которому он ездил советоваться об общем участии, которое они должны были принять в большой экспедиции предпринимавшиеся русскими войсками в Цебельду, Гасан-бей, остановившись на обратном пути в селение Ачадара, был отравлен эшерским крестьянином Хакуцом Шамба. После этого он успел впрочем съездить в Цебельду, помочь русским и затем вернувшись домой в Келассури умер.

После Гасан-бея остался наследником малолетний сын его Димитрий, который в то время воспитывался в Тифлисе вместе с наследником мингерельского владетеля князем Давидом Дадиани, сестра которого считалась невестой князя Димитрия.

Избавившись в лице Гасан-бея от сильного соперника владетель, воспользовался малолетством и отсутствием князя Димитрия и захватил часть его имения сам, а часть позволил другим захватить. Все люди, преданные Гасан-бею (в особенности князья Дзяпш-ипа, которых он вернул из абречества и поселил в Эшире), подверглись сильному гонению. Сам князь Димитрий не решился вернуться на родину, пока женившись на дочери мингрельского владетеля Левана, не нашел в нем надежную поддержку. Князь Леван Дадиани велел передать владетелю Михаилу, что если он не возвратит имений его зятю, то он будет жаловаться государю императору. Угроза подействовала и князь Димитрий мог вернуться в Абхазию и вступить во владение своим наследством. Дела между тем далеко не успокоились. Владетель, согласившись по неволе выпустить добычу из рук, стал употреблять все меры для уничтожения Димитрия. Чтобы уронить его в глазах русского начальства владетель подсылал разных преданных ему людей убивать солдат в окрестностях города Сухума, в то время, когда князь Димитрий там бывал, чтобы таким образом свалить всю вину этих столкновений на князя Димитрия. С другой стороны он подучал постоянно абхазцев заводить с ними ссоры и неприятности, обещал поддержку и покровительство тем, кто захватит его имение.

Так еще во время ссылки Гасан-бея, Али-бей Шервашидзе (отец Григория Шервашидзе) захватил было селение Депуакыт, Бабы-Ира и Цхубын (Цкыбын), но был выгнан оттуда Гасан-беем, по его возвращении. После смерти Гасан-бея, во время малолетства и отсутствия князя Димитрия, Али-бей опять захватил Допуакыт.

Князь Димитрий, вернувшись в Абхазию, жаловался на это владетелю и владетель на эти жалобы отвечал или обещанием, которых не исполнял, или советовал восстановить свое право по обычаю края силой. Последнего владетель особенно добивался, чтобы иметь предлог выставить князя Димитрия в глазах русского начальства нарушителем общественного спокойствия и иметь возможность таким образом выслать его из края как вредного

человека. Еще при жизни Гасан-бея некоторые из цебельдинских князей Маршани, родственники его матери, поселились в качестве ассасов[1] в некоторых из его имений (Гергзеуле, Амхяле, Акапе, и Мерхеуле). Владетель подучал этих князей Маршани восставать против князя Димитрия и отчасти успел в этом потому, что поселившийся в Гвердзауле князь Омар Маршани действительно объявил себя независимым от Димитрия. С другим Маршани однако это не удалось, потому что они были под влиянием Тлапса Маршани (отца Шерин-бея), у которого прежде Димитрий воспитывался и сами считали себя его воспитателями, а Тлапса, во избежание ссор, которые могли бы впоследствии возникнуть оставил даже селение Багмаран, в котором он жил в качестве ассаса, и возвратился на свое прежнее место жительства в Цебельду, близ бывшего укрепления Марамба. Из всех Маршани кроме Омара советов владетеля послушался только один Маршани Ате-ипа Кизал-бек (отец ныне живущего в Акапе князя Чапиака), который будучи выходцем из Ахчипсху и не имея никаких близких отношений по родству или по воспитанию с князем Димитрием и будучи только ассасом в его имении особенных причин быть ему преданным не имел и постоянно проводил шайки ахчипсхувцев и разных абхазских и псхувских абреков в имения Димитрия, которые разорял. Не один раз на дорогах, по которым князь Димитрий проезжал, бывали подосланы убийцы, которые по нем стреляли.

Все это однако не могло князя Димитрия выдти из терпения и он ограничивался только жалобами владетелю и местному русскому начальству. В минуты более трудные он уезжал или к шурину своему князю Давиду Дадиани или в Тифлис. В одну из таких поездок в Тифлис (1852 или 53 год) он между прочим подал первую свою жалобу на владетеля, которая впрочем осталась на время без последствий. Вскоре после этого открылась восточная война и русские войска выступили из Абхазии. Князь Димитрий слишком открыто держал сторону русских и ему конечно было опасно оставаться в Абхазии. Он уехал в Тифлис и объявив желание вступить в действительную службу, получил назначение командовать кавалерией в отряде, действовавшем в Мингрелии, Гурии и Имерети. После окончание войны, с возвращением русских войск в Сухум, вернулся домой и князь Димитрий. Споры за имение снова начались и увеличились тем, что владетель завладел селением Гумм, а Григорий Шервашидзе (сын Али-бея) окончательно утвердился в Допуакыте и старался захватить в свои руки и другие имения близлежащие. Это побудило князя Димитрия ехать в Тифлис, где он подал новую жалобу на владетеля. Следствием этой жалобы было то, что наместник Кавказский князь Барятинский поручил бывшему кутаисскому генерал-губернатору князю Георгию Романовичу Эристову разобрать это дело и если возможно примирить спорящих двоюродных братьев. Вследст-

[1] «Асас» дословно означает гость. В тексте он используется для обозначения личности, оставившего свое первое место жительство и нашедшего покровительство в другом месте – **(И. А., Г. Д.).**

АНТАР

вие этого распоряжения князь Эристов поехал в 1858 году в селение Лыхны (где в то время находился владетель) в сопровождении бывшего начальника войск в Абхазии генерал-майора Лорис-Меликова и некоторых офицеров, служивших в то время в Сухуме (кажется в числе их был и полковник Завацкий[1], командующий ныне линейным № 34 батальоном). Туда же были собраны и почетнейшие лица из абхазского народа, которых показания могли быть полезны для разъяснения дела. Покойный владетель, отчасти вследствие советов князя Эристова, которого очень уважал, а отчасти зная на перед что дело должно окончиться в пользу князя Димитрия (так как между свидетелями были и такие лица как генерал Кацо Маргани, который не боялся владетеля и никогда не решился бы дать ложное показание), не дожидаясь разбора дела народным судом, решился сам предложить мировую, по которой он признал за князем Димитрием все права его отца Гасан-бея, на все имения нижепоименованные, в обозначенных мною границах. К такому миролюбивому исходу дела много послужило во-первых, то, что владетель убедился наконец в невозможности повредить князю Димитрию в глазах русского начальства, а во-вторых, владетель считал для себя оскорбительным подвергнуться официально суду своих собственных подвластных. Для упрочения между прочим этого мира было условлено, что князь Димитрий (бывший в то время уже вдовцом) женится на родной сестре владетельницы Абхазии, дочери князя Георгия Дадиани княжне Софии (нынешней супруге генерал-майора князя Константина Дадиани) и возьмет к себе на воспитание младшего сына владетеля – Арзакана (в крещении Михаила). Я об этом обстоятельстве упоминаю собственно потому, что эти лица быть может также знают о мире 1858 года, хотя полагаться совершенно на их показания и нельзя потому, что сын князя Георгия Дадиани, будучи опекуном наследников владетеля, в интересах своих питомцев, а также и сам князь Георгий Дадиани, как родной дед тех же наследников владетеля, могут дать показания совершенно противные тому, что я говорю. Более точные показания можно получить от лиц, служивших в то время при владетеле и от многих посторонних людей, потому что решение владетеля было объявлено народу чрез разных посланцев. Так, например, Гасан Маргани был послан с известием о мире и его последствиях в имения князя Димитрия и по обычаю края, за хорошее известие получил от подвластных князя Димитрия большие подарки (с одного Келассурского базара он между прочим получил более трехсот рублей деньгами и товарами). Дело было сделано так гласно, что память о нем не могла не сохраниться в народе. Письменные сведения об этом мире вероятно имеются в делах в канцелярии бывшего кутаисского генерал-губернаторства и канцелярии наместника Кавказского, так как более чем вероятно, что бывший кутаисский генерал-губернатор князь Эристов, доносил наместнику о счастливом окончании возложенного на него поручения. Кроме того должно существовать о том письменное за-

[1] Завадский – (**сост.**).

явление и самого владетеля. Незадолго до примирения с князем Димитрием, владетель дозволил своему секретарю Гиго Ходжашвили и Сухумскому купцу Иордану Метаксе (вступившими в товарищество) заготовлять пальму в селении Гумм, главном предмете прежних споров. После примирения с князем Димитрием владетель написал собственноручно к Гиго, что так как он Гумм возвратил Димитрию, то Гиго должен обратиться за дозволением рубить пальму к самому князю Димитрию. Тут же владетель уведомлял Гиго, что князь Димитрий, из уважения к просьбе сего, владетеля, соглашается дать это разрешение. Гиго и Иордан Метакса этим разрешением по неизвестным мне причинам не воспользовались, но письмо это было цело до последнего времени и вероятно находится между бумагами Гиго Ходжашвили в комиссии. Я полагаю, что об этом письме знают также наследники покойного Иордана Метакси, проживающие в городе Сухуме. Вернувшись, после примирения с владетелем домой, князь Димитрий тотчас же хотел вступить в свои помещичьи права, но не мог сделать всего, что было нужно, потому что, не более как чрез месяц после этого примирения умер скоропостижно, не успев таким образом вполне воспользоваться правами, которые он имел и по рождению и по решению самого владетеля на наследованное им от отца имение и оставил эту заботу малолетнему сыну своему князю Георгию, нынешнему помещику доверенного мне имения.

Еще при жизни своей князь Димитрий отдал своего единственного сына и наследника князя Георгия на попечение и воспитание супруге бывшего начальника войск в Абхазии (ныне генерал-адъютанта и сенатора) Александры Андреевны Колюбакиной. По смерти гвардии полковника князя Димитрия Шервашидзе попечительница, выполняя принятые ею на себя обязательства, сочла долгом просить письмом бывшего наместника Кавказского генерал-фельдмаршала князя Барятинского об учреждении опеки над имениями наследника князя Димитрия. Его сиятельство князь Барятинский, с одной стороны вследствие этого письма, а с другой – представления о том же предмете бывшего начальника войск в Абхазии генерала Лорис-Меликова, требовал от владетеля Абхазии учреждения таковой опеки.

На это бывший владетель князь Михаил Шервашидзе отозвался, что он сам на себя принял попечение об опеке. На это имеются сведения в делах департамента Судебных дел и вероятно и в делах канцелярии Сухумского военного отдела. Приняв на себя опеку над имениями князя Георгия, владетель имел, как кажется, в виду сохранить эти имения в неприкосновенной целости для их помещика. По крайней мере это можно заключить из следующих, хотя по-видимому и незначительных обстоятельств, получающих однако значение в связи с другими фактами. Так, поручая управление Сухумским округом разным доверенным лицам, он в то же время оставил сборщиком пошлин мингрельца Егора Туркия, который тем же занимался и при жизни князя Димитрия. Этому же Егору Туркия было поручено вести точный и подробный счет всему что расходовали управляющие округом из

АЛЫТАИР

дохода округа, а управляющие округом обязаны были давать Егору Туркия квитанции на все произведенные ими расходы для представления впоследствии этих квитанций князю Георгию, по достижении им совершеннолетия.

Что подобное распоряжение со стороны владетеля, как опекуна, не есть вымысел, а действительно существовало, видно из того, что эти квитанции служили постоянною причиной раздоров между Егором Туркия и окружными начальниками, которые доходили до владетеля, а иногда и до местного русского начальства и служили предметом значительной переписки, которую можно найти преимущественно в делах бывшей комендантской канцелярии города Сухума, хотя есть об этом предмете бумаги и в делах бывшей канцелярии начальников войск в Абхазии. Кроме того, владетель не сменил ни одного моурава и до последнего времени оставались те же лица, которые исправляли эту должность и при покойном князе Димитрие. Приняв на себя опеку над имениями малолетнего наследника гвардии полковника князя Димитрия Шервашидзе, владетель имел полное право распоряжаться и доходами с этого имения и действительно эти доходы поступали к нему или по его распоряжению к тем лицам, которым он временно поручал управление округом, принадлежавшим князю Димитрию. Кончено при этом должна бы была вестись правильная отчетность в расходовании того, что получалось этими лицами: но при прежнем беспорядочном ведении всяких дел в Абхазии и эта часть оставалась в беспорядке. Иногда только, как бы случайно, владетель делал замечания начальникам Сухумского округа, что они слишком много тратят. Так, в один из своих приездов в Сухум владетель сделал строгое замечание князю Григорию Шервашидзе за то, что он уже слишком безцеременно обращался с получаемыми доходами и сказал ему при этом, что он, Григорий, должен будет дать отчет князю Георгию, когда он вырастет. Но все эти выговоры и замечания оставались без последствий и не имели никакого влияния на начальников округа, исключая одного князя Константина Шервашидзе, который будучи дружен с покойным князем Димитрием, не только не разорял имение его, но напротив особенно заботился о сохранении его в целости и по возможности в порядке. Все же другие окружные начальники, смотрели на это имение как на свое собственное, а продолжительное пользование доходами дало даже повод одному из них, князю Григорию Шервашидзе, объявить значительную часть имения (между реками Кодором и Пшапом) своею собственностью. Дурное выполнение владетелем опекунских обязанностей можно приписать, во-первых, общим взглядам абхазцев на опеку, по которому опекун должен сохранять в целости только имение своего питомца (да и это не всегда исполняется), но ни в коем случае не обязан отдавать ему отчета в получаемых доходах, которые имел право тратить как ему было угодно, лишь бы опекаемый был всегда сыт и одет (что также не всегда соблюдалось). Другой причиной неисправности опеки (и кажется главной) была тяжкая болезнь, которая в последние восемь лет жизни владетеля, мешала ему заниматься не только чужими, но

даже своими делами. Эта болезнь ставила его в необходимость совершенно полагаться на назначаемых им правителей, что давало последним повод к разным злоупотреблениям. Следы этих злоупотреблений и теперь заметны.

Из всех управляющих имением покойного князя Димитрия большим значением пользовались Григорий Шервашидзе и Гасан Маргани. Как тот и другой имели в имении разных подручных, которые помогали им душить и грабить людей более преданных своему помещику и таким образом усилилось влияние многих злонамеренных людей (Кягуса Чирикба в Яштуха; Чагыр Вардан – в Абжагве; Мсыр-ипа в Бырц; Кягуса Кучба в Багажяшта; Мисауст Циба – в Пшапе; Алхаз Шеламберия в Багажяшта; Беслангур Маргани в Гульрипш; Джамлет Маргани на Гумисте; Омар Эриста в Айбухца и в последний год управления Григория Шервашидзе князь Чапиак Ате-ипа Маршани в Акапе, которые помогая Григорию Шервашидзе в то же время уверяли народ, что князь Георгий никогда не вернется, а если и вернется, то ни будет иметь никакого значения и что потому народу следует пользоваться их покровительством. Народ, с своей стороны, видя, что приверженцы князя Димитрия страдают, а люди, обещающие им защиту и покровительство действительно сильны, мало по малу стал переходить на их сторону, и в течение около десяти лет так привык думать головой своих коноводов, что и в настоящее время эти лица пользуются прежним значением и большим доверием нежели русское начальство. Я считаю необходимым упоминать об этом, потому что при опросе жителей комиссиею, советы названных выше лиц могут иметь значительное влияние на справедливость показаний. Факт этот особенно важно иметь в имении князя Димитрия и имеет очень маловажное значение в других округах, во-первых, потому, что в других округах не было имений оставшихся около десяти лет без настоящего хозяина, как это было в описываемом мною имении; во-вторых, потому, что лица высших сословий (аамиста и тавади) имеют там свою постоянную оседлость с незапамятных времен и будучи самою давностью пользования землею и, по большей части, родовым значением, более или менее ограждены от всяких случайных изменений в своем положении относительно сословно-поземельных прав не имели надобности прибегать к интригам и насилиям увеличения своих прав и если подобные факты встречаются теперь, то начало их не идет далее времени удаления из края владетеля. Все тамошние тавады и аамиста увлеклись в последнее время примером Григория Шервашидзе и недавность такого направления доказывается уже тем, что направление это не успело еще проникнуть в низшие классы народа или если и успело, то очень мало, так что в большей части случаев из сравнения показаний крестьян с показаниями лиц высших сословий можно добиться правды. Совсем не то мы видим в бывшем Сухумском округе. Все фамилии высших сословий (за исключением Гумских Анчабадзе, Гульрипшских Маршани и Эшерских Дзапш-ипа) поселены в этом имении сравнительно недавно, на правах ассасов. Все эти ассасы

АЛЫТАМАР

были по большей части люди бедные и слабые и пока князь Димитрий был жив они верно ему служили потому, что, во-первых, дорожили его милостями, во-вторых, имели слишком мало силы, чтобы поднять свое значение. Со смертью же Димитрия собственные подвластные его лишились в нем своего защитника и покровителя, а с другой стороны мало рассчитывая на покровительство владетеля, волей-неволей должны были подпасть под влияние тех лиц, которые были в хороших отношениях с представителями владетеля в округе. Многие из крестьян князя Димитрия таким образом признали себя подвластными разных тавад и аамист, которые сами были недавними пришельцами и до того сами себя признавали подвластными князя Димитрия. Начальники округа смотрели на это сквозь пальцы и даже поощряли, как я уже сказал выше, этот образ действий со стороны мелких ассасов, потому что сами действовали в том же духе. Гасан Маргани управлял Сухумским округом не очень долго, а потому и зла сравнительно сделал меньше и ограничился только тем, что старался захватить часть Эшира (по левому берегу реки Шицкуара), что ему однако не совсем удалось вследствие сопротивления князей Дзапш-ипа и только сыну его Константину (Тасишугва) Маргани удалось, с помощью начальника пицундского округа майора князя Чавчавадзе, собрать в прошедшем 1867 году часть винограда на участке, которым хотел завладеть отец его Гасан. Григорий Шервашидзе управлял округом долее и воспользовался своим положением, чтобы водворить свою власть и влияние в большей части имений князя Георгия Димитриевича, расположенныхмежду реками Кодором и Пшапом и влияние его в этих местах стало так прочно, что недавно, когда потребовалось опросить жителей Бабаш-ира по иску одного тамошнего жителя мингрельца Эриста Гвамичава против Григория Шервашидзе, то народ сначала прямо объявил, что он боится говорить правду, потому что Григорий очень силен и что начальство не может защитить от его мести тех, кто решится дать какое-нибудь невыгодное для него показание.

Представив в этом кратком очерке исторические события края за последнее время, в их связи с правами на имения между Кодором и Шицкуара, морем и Цебельдой и Псху, я считаю нужным перейти к частному описанию, тоже в самом коротком виде и именно настолько, насколько эти сведения, по-моему мнению, могут дополнить и разъяснить те сведения, которые, как я надеюсь могут быть собраны комиссиею помимо меня.

Имение полученное в надел Гасан-беем Шервашидзе от Кялым-бея и оставленное в наследство сыну своему, покойному гвардии полковнику князю Димитрию Шервашидзе, а по нем сыну его и наследнику князю Георгию Димитриевичу, граничила с юга Черным морем, с востока рекою Кодором от ее устья вверх до переправы Наа (на Цебельдинской границе), с северо-востока по хребтам гор Апианча и Чижаудель до реки Келасури и потом вверх по реке Келасури до его истока у горы Авжуцизлоу с севера – гора Авжуцизлоу, летнее пастбище на горе Шопия (включительно); летнее

пастибище на горе Чалык-Аахос (включительно); исток ручья Доу-Дзих на горе Доу; урочища Чапшира до истока реки Хюпсе; от истока реки Хюпсе по урочищу Лаунхара до границы Гумма с селением Анухва; с запада – по этой границе до истока реки Шицкуара на горе Цугурпара и потом вниз по этой реке до моря.

В пределах этих находятся следующие имения:

Бабыш-ира, Аварче, Цхубын, (Дранда тоже), Допуакыт, Кац Игаларта, Парнаут, Пшап, Багажшта, Цандикуара, Гульрипш, Мерхеул, Гердзеул, Амхял, Акапа, Багмаран, Айбухца, Келасури, Абжагва, Айбара, Бырц, Гумм, Яштуха, Ачадара и Эшира.

С е л е н и е Э ш и р а. Границы: с запада – селение Псыртцха; с юга – море; с севера – селение Гумм; с востока – река Гумиста. Имение это с давнего времени принадлежит князьям Дзапш-ипа. Когда и откуда пришли первые Дзапш-ипа положительно неизвестно. Есть только смутное предание, что они принадлежат к одной из боковых линий рода Шервашидзе и предание это основывается на рассказе, что мать родоначальника этой фамилии, княгиня Шервашидзе, будучи беременна, ехала в Сухум и разрешилась от бремени на дороге, на берегу реки Адзапш (Гнилушка), в которой новорожденного вымыли, что и подало повод дать ему имя Дзапш. Дети и внуки его, в отличие от других Шервашидзе, начали называться Дзапш-ипа и со временем это название за ними укоренилось, а первоначальная их фамилия, как ими самыми так и другими абхазцами была забыта. За верность этого рассказа я поручиться не могу тем более, что трудно найти людей, которые могли бы подтвердить. Царевич Вахушт, в своей географии, в списке древних Абхазских княжестких родов упоминает также и об этом роде (по-грузински Запис-Швили), из этого можно заключить, что князья Дзапш-ипа если и принадлежали когда-либо к роду Шервашидзе, то это могло быть очень и очень давно, и потому не мудрено, что они сошли на степень, равную другим абхазским тавадам, состоявшим к роду Шервашидзе в отношении подвластных своим господам. Более положительно известно, что коренным их имением было урочище Акваскемца (в Бзыбском округе). Оттуда уже, размножаясь, они начали переходить на пространство между реками Кодором и Псырцха и некоторые переселились даже за Кодор (в селение Тхина). В начале прошедшего столетия, когда после смерти владетеля Абхазии Левана Шервашидзе, начались смуты, вследствие споров за наследство между его сыновьями Манучаром, Шерваном и Зурабом Шервашидзе, которые были наконец изгнаны народом из края, при помощи Сухумского паши Аслан-бея Геч, князья Дзапш-ипа особенно усилились и, зделавши своею резиденциею небольшую крепостцу у устья реки Гумми, управляли оттуда всею страною между Псырцхой и Кодором. По водворении снова в Абхазии владетельного дома Шервашидзе в лице Зураба (младшего из трех изгнанных братьев) власть их несколько уменьшилась и владетель Зураб определил крайними границами на восток речку Адзапша. Подвластные их, жившие далее к вос-

АЛЫТАИР

току, там и остались и большею частию перешли во владение Зураба. С этого времени только начинается заселение собственно Эшира, где князья Дзапш-ипа старались укрепиться, пользуясь для того удобствами гор и лесов эширских. Что поселение Дзапш-ипа в Эшире существует сравнительно не очень давно и что напротив главное их поселение было на Гумисте, видно из того, что в Эшире и теперь очень не много разчищено участков леса, тогда как на реке Гумисте огромная площадь земли совершенно очищена от лесу. Во всяком случае Дзапш-ипа считались помещиками земли между речкой Дзапш и рекой Шицкуара (и даже дальше), а при владетеле Зурабе были так сильны, что последний, затрудняясь держать их в повиновении силой, нашел нужным для привлечения их на свою сторону, вступить с ними в родство и женил на одной из княжен их рода своего племянника и преемника Кялым-Ахмет-бея (сына Манучара Шервашидзе), прежде владетеля, а в последствии, после изгнания из Абхазии Батумского паши. Женившись по принуждении Кялым-бей не очень любил свою жену и к родным ее относился не очень дружелюбно, тем более что они сами отличались очень безпокойным характером и всегда готовы были отправиться на грабеж и в набеги, о чем и теперь еще вспоминают многие абхазцы, ставя это Дзапш-иповым в заслугу и объясняя поступки их малодечеством.

Столкновения их с Кялым-беем были, кроме того, неизбежны уже потому, что они были слишком близкие соседи к Сухуму и сила их была опасна для владетеля, жившего в то время в этой крепости. После смерти Зураба, когда Кялым-бей сделался самостоятельным владетелем, то отослал свою жену к ее родным, как я это объяснил в начале этой записки. Составившийся после заговор князей Дзапш-ипа с Аслан Беем против жизни Кялым-бея и неудачный исход этого заговора имели следствием бегство князей Дзапш-ипа в абреки, чрез что они, по обычаю края, лишились всякого права на свое имение. Кялым-бей, приняв в свое владение Акваскемца, Гумисту и Эширу при разделе своего имения между своими сыновьями, отдал Акваскемца второму сыну своему Сафар-бею, а Эшира и Гумиста и Ачадара (составляющую часть Гумистинского имения) были включены в удел Гасан-бея (четвертого сына Кялым-бея).

В то же время последовало более определенное разграничение Абхазии на округи, причем было определено, что границей между Абхазским и Бзыбским округами должна служить речка Шицкуара, а между Абживским и Абхазским – река Кодор. Такой порядок вещей продолжался до самой смерти Кялым-бея и Эшира считалась полною собственностью Гасан-бея. После смерти Кялым-бея князья Дзапш-ипа, чрез посредство цебельдинских князей Маршани, у которых они имели временное пристанище, просили у Гасан-бея, как милости, позволить им поселиться под его покровительством, где-нибудь в его имении, обещая за то ему верно служить и повиноваться наравне с другими подвластными ему дворянами. Гасан-бей согласился и поселил их в Эшире, между реками Гумистой и Шицкуара;

но местность между Гумистой и речкой Адзапш оставалась по-прежнему в исключительном пользовании Гасан-бея. Поселившись в Эшире, князья Дзапш-ипа верно держались своего слова и действительно постоянно верно и с преданностью служили Гасан-бею и впоследствии сыну его князю Димитрию, за что нередко даже страдали от нападения врагов своих помещиков. Так, например, вскоре после кончины подполковника Гасан-бея Шервашидзе, владетель Абхазии Михаил, пользуясь отсутствием и слабостью князя Димитрия, тогда еще несовершеннолетнего, призвал к себе в Соуксу всех князей Дзапш-ипа и приказал им, чтобы они не смели больше слушаться князя Димитрия и служить ему, а чтобы они повиновались и служили ему, владетелю. На это приказание князь Чапиак Дзапш-ипа (женатый на дочери Гасан-бея), считавшийся самым главным в своей фамилии, отвечал владетелю от имени всего своего рода, что все они охотнее положат свои головы и будут вконец разорены, но ни в каком случае не изменят дому своего благодетеля и господина.

Следствием такого ответа были постоянные нападения на их жилища разных партий абреков, действовавших по наставлению владетеля, который вообще не был разборчив на средства к достижению своих, не всегда благовидных, целей. Многие из князей Дзапш-ипа были убиты тайно подосланными убийцами, так что лучшие люди из этой фамилии все истреблены ради своей преданности к Гасан-бею и Димитрию. С другой стороны Гасан-бей и князь Димитрий дорожили их преданностью, всегда им помогали, давали им много подарков и не брали ничего с их крестьян, а представляли им вполне пользоваться ашидзом[1] за пастьбу чужого скота в Эшире. Князья Дзапш-ипа начали считать себя независимыми только после выезда владетеля Абхазии в Россию; до того же времени они себя считали вполне подвластными князя Георгия. В Эшире они имеют право пользоваться пахотными полями (из которых некоторые обращены теперь в луга); виноградными и ореховыми садами, всеми повинностями живущих в Эшире крестьян и ажидзом за пастьбу чужого скота. Кроме того они имели право, также как их крестьяне пользоваться для своих надобностей, но не для продажи, растущим по близости их жилищ лесом. Землею они пользовались не на праве собственности, а на праве потомственного пользования, так как право собственности было ими безвозвратно потеряно уходом их в абреки.

До войны 1853-1856 года у князя Димитрия было 150 кобыл и огромное количество буйволов, коров и баранов. Весь этот скот пасли зимой между реками Адзапша и Шыцкуара и князья Дзапш-ипа ничего за это не брали и не считали себя вправе мешать князю Димитрию пасти свой скот в Эшире. Скота этого, между прочим, было так много, что по его милости до войны никто не мог сеять ни кукурузы, ни гоми, на низких местах по берегу моря и как князья Дзапш-ипа, так и их крестьяне должны были обрабатывать себе

[1] Ажидз – налог, который брали абхазские феодалы за выдачу права пользования пастбищем – (**И. А., Г. Д.**).

АЛЫТАМИР

землю на горе. Об этом хорошо знает мингрелец Сафрон Каландаришвили и вероятно также знают бывшие пастухи князя Димитрия из Яштухинских анхае Цхчи и Яштухинские старики Кобзач Гулия и Нарчоу Гулия.

Лес из Эшира вывозился всегда не иначе как по записке самого князя Димитрия. Однажды мингрелец Эриста Гвамичава (он уже умер) купил лес у князей Дзапш-ипа без позволения князя Димитрия и выстроил себе в Сухуме кухню. Когда князь Димитрий об этом узнал, то взыскал с него штраф, в пять раз превышавший стоимость леса, и кроме того хотел отнять и самое строение, но оставил оное по просьбе многих торговцев. Знают об этом обстоятельстве: Сапрон Каландаришвили (живущий в Сухуме), Симон Гвазаа и Бежо Гвазаа (живущие в Суджуни, Сенакского округа).

До войны лес в Абхазии по определенной цене нигде не продавался. Обыкновенно нуждавшиеся в строевом материале или в дровах приносили какой-нибудь приличный подарок товарами (редко деньгами) князю Димитрию, который выдавал записку на вырубку леса. Записку эту представляли Тагу Дзапш-ипа, который обязан был смотреть за целостью леса и охранять рабочих от нападений и Тагу, по записке князя Димитрия указывал место рубки, а за свои труды получал также небольшой подарок. Заготовленный лес связывался в плоты, сплавлявшиеся в Сухум морем, бычевой. Считаю не лишним упомянуть здесь об одном случае, который не мог не остаться в памяти Сухумских жителей и может служить подтверждением моим показаниям. Однажды мингрельцы Симон Гвазава и Бежо Гвазава (оба живы, находятся в Мингрелии, в селении Суджуна, Сенакского округа; один из них отец ныне торгующего в Сухуме Андрея Гвазава) рубили лес в Эшире по записке князя Димитрия. Когда лес был ими заготовлен, то они подрядили мингрельцев: Кучу Кантария (известного под именем Егорки Косого, он умер), Сафрона Каландаришвили (жив и находится в Сухуме) и Папуни Бахускуа (говорят, что еще жив и находится в Мингрелии, в сел Сичичуа, Зугдидского округа), чтобы эти мингрельцы с своими рабочими доставили означенный лес морем в Сухум. Три названные мингрельцы сели на плот, а работники их с буйволами тащили бичеву берегом. На гумистинском баре бичева оборвалась и плот унес далеко в море. Двое из плотовщиков, Сафрон Каландаришвили и Кучу Кантария, бросились в плавь к берегу и достигнув его упали без чувств, а третий остался на плоту, потому что не умел плавать. Проезжавший в то время из Псырцха акапский житель Кизил-бек Ате-ипа Маршани, который вез к своему сыну невесту его, дочь Гасана Маршани, увидев двух мингрельцев в бесчувственном состоянии, дал об этом знать Сухумскому коменданту майору Канисскому, который тотчас же послал фелюгу для выручки как этих двух мингрельцев, так и третьего, оставшегося на плоту. Плот был найден, и все они были спасены. Об этом знают все почти давно живущие в Сухуме мингрельцы.

После войны 1853 – 56 года возил из Эшира лес Кучу Кантария и платил за это установленную уже в то время пошлину в пользу князя Димитрия, а пошлину эту отбирал от него мингрельский дворянин Егор Туркия, которого можно об этом спросить под присягой. После смерти покойного полковника гвардии князя Димитрия Шервашидзе, леса из Эшира никто не вывозил до самого выезда владетеля в Россию. После введения в Абхазию русского управления, князья Учана, Дата и Джамлет Дзапш-ипа, по примеру Григория Шервашидзе, Гумских Анчабадзе, князей Инал-ипа и многих других абхазских жителей, пользуясь незнакомством новых правителей края с местными сословно-поземельными правами и отношениями, вздумали продавать лес и продали сто сажень дров Сухумским торговцам Манджа Беселия и Шервану Козмаа. Бывший сборщик пошлин и поверенный опекуна над имением не совершеннолетнего в то время помещика этого имения князя Георгия, юнкер Егор Туркия хотел протестовать против такого своеволия со стороны князей Дзапш-ипа, но с одной стороны, не имея в то время законной доверенности и потому не рассчитывая на энергическую поддержку со стороны начальства, а с другой стороны, снисходя к просьбам Учана Дзапш-ипа, жалобы не подавал, а только предупредил Беселия и Козмаа, чтобы они взяли с князей Дзапш-ипа подписку о том, что последние, в случае заявлений претензий со стороны помещика князя Георгия, будут отвечать за все убытки сопряженные с вырубкою означенных дров. Кроме того князья Дзапш-ипа, в благодарность за сделанное им снисхождение обещали не продавать больше леса и действительно более никому не продавали.

Некоторые из князей Дзапш-ипа выселились в Турцию, и оставшиеся после них свободные усадебные, пахотные и садовые участки земли должны быть возвращены князю Георгию Димитриевичу, как настоящему владельцу Эширской земли, так как сами князья Дзапш-ипа только пользовались, но не владели занимаемой ими землей, как это мною выше было объяснено.

Гумистаи Ачадара. Это довольно широкая полоса земли, тянущаяся по левому берегу реки Гумисты от горы Царцмала до моря и по морю до города Сухум-кале. Собственно Гумистинское имение занимает пространство, заключающееся в следующих границах: с севера – Ачадарский кизилевый лес и леса на горе, смежные с верхней дорогой из Сухума к Гумисте; с востока – река Адзапш – (Гнилушка) от родника близ упомянутой дороги до моря; с юга – море; с запада – река Гумиста. Местность эта большею частью занята лугами, пахотными полями и виноградными и ореховыми садами, при жизни князя Димитрия Шервашидзе до войны служила пастбищем для его многочисленного скота, причем лесистая местность между собственно садами и рекой Адзапшей, представляла удобное убежище от ветров и холоду, служила специально для зимнего помещения буйволов. Оттуда возился также дровяной лес в Сухум, местными лесопромышленниками мингрельцами с позволения помещика. После войны на открытых полянах по Гумисте и по берегу моря разводилась кукуруза, и косилось сено. Виноградники гумистинские никогда не отдавались на откуп и

АЙТАМИР

вино приготовлялось средствами самого помещика. Для сбора винограда и орехов и обработки земли употреблялись жители из селений Яштуха, Бырц и Абжигва, сгонявшиеся на Гумисту по приказанию помещика. Князь Димитрий при жизни своей никогда никому не позволял селиться в этом имении и только для своих личных услуг при тех случаях, когда он приезжал туда, обыкновенно с своими знакомыми из города обедать под тенью своих орехов, переселил на Гумисту из Келассури два семейства своих маджалабов, которым приказал выстроить свои сакли на горе. Чрез два года после смерти князя Димитрия, в 1860 году, опекун над именем его малолетнего сына и наследника, князь Михаил Шервашидзе позволил поселиться на Гумисте жителю селения Аныцхва аамыста Джамлету Маргани. Управляющий в то время Сухумским округом князь Константин Шервашидзе, опасаясь, чтобы фамилия Маргани со временем не завладела этим имением, просил владетеля отменить свое распоряжение, но владетель отвечал, что Джамлет Маргани поселится на Гумисте только временно и собственно для того, чтобы наблюдать за целостью садов и всего, что в имении находится, до совершеннолетия настоящего владельца имения. После выезда князя Константина из Абхазии, во время управления округом гвардии полковником Григорием Шервашидзе и Гасаном Маргани, Джамлет Маргани перевел на Гумисту несколько своих подвластных, прибавил к ним множество ассасов из разных крестьян, ушедших от своих помещиков и начал считать себя настоящим помещиком Гумистинского имения. После его смерти все его подвластные, боясь ответственности за участие в восстании 1866 года удалились на свои места. Удалилась также на прежнее место жительства своего покойного мужа и вдова Джамлета Маргани, оставив построенные мужем ее дома, в распоряжении управляющего имением князя Георгия юнкера Туркия, который, во избежание всяких споров, дал ей за это вознаграждение, определенное их взаимным согласием, на что у него имеется данная вдовою Джамлета Маргани расписка. С того времени имение Гумиста снова вернулось в распоряжение своего настоящего владельца и вот уже два года как там существует главный помещичий хутор, на устройство которого употреблено много труда и денег, так как там устроена мельница, разведен фруктовый сад, большой огород с искусственным орошением, разчищены запущенные Марганиевыми луга и вообще сделано много хозяйственных улучшений.

Имение Ачадара граничит: с юга – опушкой кизилового леса на границе с имением Гумиста; с запада – рекой Гумистой от этой границы до ущелья реки Гумисты; с севера этим ущельем и горою Царцмал; с востока – горами селения Яштуха до южной границы Ачадара. Вся эта местность при жизни князя Димитрия была покрыта густым кизиловым лесом, который князь Димитрий никогда не позволял рубить, так как знал что кизиловое дерево в Одессе ценится также дорого, как пальма и употребляется для кулаков зубчатых колес на мельницах. Только у самого ущелья было небольшое пространство земли не занятое лесом, где при жизни Гасан-бея был турками разведен для него сад, замечательно разведенным там виноградом, который известен под названием «Ахардан». При жизни князя Димитрия на этом пространстве поселений никаких не было. После его смерти князь Константин временно поселил на садовом участке, близ ущелья Гумисты, ачадарского князя Беслана Анчабадзе, чтобы он расчистил и привел в порядок запущенный сад. Этот Беслан Анчабадзе служил в то время при князе Константине и последний поселил его на время собственно для того, чтобы Беслан мог постоянно находиться и не отлучался бы на долгое время из Сухума. С отъездом князя Константина Беслан Анчабадзе уехал назад в Ачандара. После его отъезда место его самовольно занял анхае Гасан Цхчи, принявший теперь неправильно титул аамиста. Этот Гасан Цхчи принадлежит в сущности к фамилии анхае Цхчи, живущей в Яштуха. Прежде, до заговора князей Дзапш-ипа против Кялым-бея, все анхае Цхчи принадлежали князьям этого рода. После неудавшегося заговора, когда князья Дзапш-ипа бежали в абреки, дед Гасана Цхчи по имени Мадж разделил участь своих господ. После убийства Кялым-бея, Мадж поселился в селении Мерхеуле, прожил там года четыре и умер, оставив сына Ахмета. Ахмет женился на какой-то девушке, которую скоро бросил, за что родственники ее начали его преследовать. Тогда он хотел опять вернуться в селение Яштуха, но Гасан-бей, получивший после изгнания князей Дзапш-ипа их имение и снова позволивший им поселиться в Эшире на правах ассасов, не позволил ему вернуться на прежнее место, а приказал ему идти в Эширу и служить прежним его господам. Во все время абречества князей Дзапш-ипа Мадж Цхчи и сын его Ахмет не платили никаких повинностей и всегда находились в свите этих князей. Это подало им повод считать себя шинагмами. Когда однако Ахмет пришел в Эширу, то князья Дзапш-ипа, зная его происхождение, не хотели признавать его шинагмой и заставляли его работать как простого анхае и требовали от него крестьянских повинностей. Это побудило Гасана Цхчи просить князя Димитрия позволить ему поселиться в селении Яштуха, на что князь Димитрий согласился, позволив ему поселиться по соседству с другими анхае Цхчи, на горе, где и теперь находится зимняя усадьба анхае Гасана Цхчи, кроме своего, действительно отведенного ему князем Димитрием, участка земли на горе, занимает огромное пространство близ ущелья реки Гумисты и недовольствуясь тем, что занимает сам, пригласил к себе еще несколько беглецов из разных других селений (преимущественно из Бзыбского округа), которые, занимая земли, принадлежащие князю Георгию Димитриевичу, ничего не платят настоящему помещику и признают себя вассалами анхае Гасана Цхчи, которому придают титул аамиста. К югу, от занимаемого им участка, в кизиловом лесу, о котором я упоминал выше, в течение последних лет образовалось довольно большое поселение также из разных беглых из Бзыбского округа, самовольно вырубивших и расчистивших драгоценный кизиловый лес и признающих своим поме-

АЛЫТАМИР

щиком шинагму Кягуса Чирикба. Лет пять или шесть тому назад шинагма Кягуса Чирикба первый вышел с своими ахуйю[1] из селения Яштуха (где и теперь у него стоит дом и виноградный сад в участке Хиббаурипшь) начал расчистку леса. Вскоре по его приглашению явились к нему разные выходцы из Бзыбского округа, подвластные князей Инал-ипа, князя Александра Шервашидзе, дворян Маргания и других помещиков и года в три сумели уничтожить большую часть леса, на сумму более 10.000 рублей.

К этим поселенцам, во время переселения абхазцев в Турцию, присоединились еще несколько цебельдинцев, оставшихся от переселения и таким образом образовалась довольно большая деревня. По примеру Кягуса Чирикба туда же переселились и некоторые другие жители Яштуха, как, например, анхае Цыц Ардзынба и некоторые из фамилии Кец(ба). Разорение леса продолжается и до сих пор и Кягсуа Чирикба, прочно утвердившись на своевольно занятой и розданной им земле и опираясь на живущих под его покровительством ассасов и будучи, вследствие этого богаче других яштухинских жителей, распространяет свое влияние на все селение Яштуха, жители которого гораздо больше боятся его, нежели начальства. Так как это новое поселение, сделанное без позволения помещика, совершенно противно интересам князя Георгия, то я покорнейше прошу комиссию употребить свое влияние для возвращения всех жителей Ачадара на прежние места их жительства, и, если возможно, сделать это до весенней рабочей поры. Все эти новые поселенцы постоянно рубят и жгут в виде дров дорогой кизиловый лес, которому, если продолжится теперешний порядок вещей, предстоит конечное истребление.

Я ш т у х а. Границы: с юга – имение Гумиста и город Сухум; с запада – имение Ачадара и ущелье реки Гумисты; с севера – северный склон горы Царцмал и ручей, отделяющий Яштуха от селения Гумм; с востока – Военно-псхувская дорога, отделяющая селение Яштуха от селения Бырц.

В имении этом находится много дровяного и не много строевого леса, доставляющего значительный доход помещику. Виноградных и ореховых садов, находящихся в непосредственном ведении помещика очень мало, да и теми, вследствие беспорядков последнего времени, после смерти князя Димитрия, мало приходилось пользоваться. Остальные виноградные и ореховые сады находятся в распоряжнении яштухинских жителей шинагма и анхае, которые все подвластны князю Димитрию. Виноградом и орехом из этих садов жители имеют полное право пользоваться для своих собственных надобностей, но никак не для продажи. До выезда из Абхазии покойного владетеля, как при жизни покойного князя Димитрия, так и после его смерти, весь виноград и орех, собранный жителями, сносился на завод, устроенный недалеко от города Сухума, на горе у гнилой речки (теперь он не существует) и отдавался подрядчику, которому князь Димитрий продавал сбор или за деньги (и это бывало чаще) за известную часть приготовленного вина и собранного ореху. Жители за свои труды по сбору винограда и ореха получали небольшое вознаграждение, по взаимному соглашению с подрядчиком. Вообще виноградные и ореховые сады не составляли собственности подвластных князя Димитрия и только после введения в Абхазии русского управления, когда вследствие ошибочного взгляда местного начальства на эту статью помещичьего дохода, мешали помещику им пользоваться, подвластные князя Георгия, подобно и всем остальным жителям Абхазии, начали говорить, что будто бы виноград и орех им принадлежат. Право жителей на эту собственность можно бы было пожалуй допустить, если бы они сами развели виноградники и ореховые деревья, которыми они теперь пользуются. Но дело в том, что при постоянных передвижениях жителей с места на место, обусловливалось прежним строем жизни, почти ни одному из жителей не приходится пользоваться виноградом и орехом, разведенными его предками. Нет почти ни одного дыма, который бы прожил на одном и том же участке более тридцати лет сряду и большая часть из них занимают участки, принадлежавшие прежде другим лицам и родам. К этому заключению, между прочим, очень легко придти, если обратить внимание на возраст виноградных лоз, ореховых деревьев и других привитых садовых деревьев. Молодые лозы можно найти только около помещичьих усадьб и на таких участках, где были поселены на правах ассасов мингрельцы. В садах же, занимаемых крестьянами абхазского происхождения, везде видны только старые толстые лозы, большей части которых можно приписать возраст не менее ста лет. Исключение из этого правила чрезвычайно редки. Абхазцы сами никогда почти не разводили виноградников[1], собственно потому, что знали что во всяком случае пользование ими для них ничем не обеспечено, так как ни один из них не мог ручаться за то, что обстоятельства не заставят его рано или поздно переменить место своего жительства. Конечно с введением русского управления и водворением в крае спокойствия, обстоятельства эти изменяются и земледельческому сословию вполне обеспечивается пользование выгодами его трудов, но чрез это пока еще не изменяются права помещиков на виноград и орех, растущие на крестьянских участках, потому что, как я заметил выше, за весьма редкими исключениями, крестьяне получали в пользование эти участки уже с готовыми садами и установление условий этого пользования юридически принадлежало тем лицам, которые их отдавали, т. е. помещикам, ореховых деревьев встречается очень много. Но и это не опровергает, высказанного мною положения, так как орех сеется сам и вырастает без всякого ухода и единственная забота о нем жителей состоит в том, чтобы они его не срубили на дрова, что они впрочем не редко делают.

[1] Ахуиу (ахуюы) – типичный крепостной, крестьянская категория феодальной Абхазии – (**И. А., Г. Д.**).

[1] Утверждение Пахомова о том, что будто абхазы никогда не занимались виноградарством не соответствует действительности. Напротив культура виноградарства в Абхазии была развита с древнейших времен – (**И. А., Г. Д.**).

АЙТАМИР

Высказанное мною положение нисколько не предосудительно для интересов земледельческого сословия, потому что, ежели с одной стороны оно отдает монополии продажи винограда и ореха в руки помещика, то с другой стороны обычаем представляется крестьянам монополия труда по сбору этих произведений и от них зависит назначение меры вознаграждения. Таким образом, уравновешиваются вредные последствия такого порядка вещей, что доказывается довольно высокой платой установившейся за сбор винограда (от 15 до 25 коп. за кошолку), так что принимая в соображение эту высокую плату люди, незнакомые с сущностью и происхождением этого порядка вещей, очень легко могут смешать и действительно смешивают это вознаграждение за труд с ценою самого приносимого подрядчику продукта. Сами подрядчики и даже крестьяне, тоже не умея разделить эти два понятия, обыкновенно их смешивают и на свои сделки по сбору, смотря как на акты купли и продажи, упуская из виду, что собираемое произведение уже оплачено помещику той же частью выделенного вина и ореха, которую подрядчик обязан ему отдать по условию. Я прошу убедительно комиссию обратить особенное внимание на вышеизложенное и не смешивать прав отдачи на откуп винограда и ореха, растущих на участках, занимаемых подвластными князя Георгия Димитриевича (какому бы сословию они не принадлежали) с пошлиной за торговлю сельскими произведениями, которая была уничтожена в 1864-м году его императорским высочеством наместником.

В Яштуха нет ни одного тавада и ни одного аамиста. Из высших сословий (если так можно их назвать) живут там на правах ассасов шинагмы Чирикба и Баалоа.

Шинагмы Чирикба происхождения не абхазского. Они сначала вышли из Кабарды в Сочу, где были подвластными черкесского князя Облаа. Родственники их, подвластные этого князя, вместе с ним вышли в Турцию.

Из Сочи в Абхазию первые Чирикба вышли в то время, когда в Сухуме был пашею Гечь Аслан-бей, родом джигет, а владетельный абхазский дом был в изгнании в Турции. Первые Чирикба пришли под покровительство этого паши и были им поселены в селении Яштуха, которое находилось в то время в районе Сухумского пашалыка. По восстановлении в Абхазии владетельной фамилии, владетель Зураб, заботясь о заселении пустых мест между Сухумом и рекою Кодором, вместе с другими своими подвластными, переселил и род Чирикба из Яштуха в Пшап и Багажяшта. Князь Димитрий всех снова переселил в Яштуха, где они занимали не очень большое пространство в участке Хиббаурипш. Между тем род их расплодился и им было мало места на отведенном им участке. Кроме того, вскоре после их поселения в Яштуха, они начали подвергаться нападениям разных абреков и более всего со стороны Кизил-бека Ате-ипа Маршани, высланного князем Димитрием из Акапа. Разорение от абреков принудило их искать спасения в Яштухинских лесах, куда, с позволения князя Димитрия, они действительно и удалились все, исключая одного Кягуса Чирикба, который оставался на своем месте до последнего времени, когда он самовольно переселился в Ачадара. Вообще можно считать, что шинагмам Чирикба принадлежит только часть участка Хиббаурипш, где они первоначально были поселены, а участки, занимаемые ими теперь должны у них быть отобраны; с введением русского управления миновалась для них надобность скрываться от абреков. Эта мера была бы между прочим полезна и в том отношении, что с одной стороны поселения их будут теснее и менее у них будет черезполосности с помещиком и его подвластными, а с другой стороны лишит их возможности объявить несоответствующую ни званию их, ни их правам, громадные претензии на владение землею.

Вообще, я не вижу никакой надобности давать им земли более, чем их имеют простые анхае, к которым шинагмы скорее принадлежат, чем к сословию аамиста, и отличаются от первых только тем, что не обязаны сами пахать землю и приносить оброк козами, кукурузой и прочими произведениями земли, а составляли домашнюю прислугу помещика. Между шинагмами и анхае такая же разница, какая существовала между тягальными и дворовыми людьми в России. Во времена владетельства обыкновенно все давалось (да и сами они больше не брали) столько земли, сколько было необходимо для их прокормления и обыкновенно это количество бывало не более десяти или пятнадцати дней паханья на каждый дым, к какому бы сословию он не принадлежал. Претензии, превышающие это количество, начали появляться только в последнее время, когда, вследствие умиротворения края жители начали понимать, что выгодно зарабатывать не один насущный хлеб, но некоторый излишек для продажи. Этот новый взгляд жителей на свое полевое хозяйство, конечно следует поощрять, как средство к скорейшей цивилизации народной массы и благосостояния края и потому я нахожу совершенно справедливым увеличить их пахотные участки, против того чем они пользовались в прежнее время. Но в то же время я считаю вредным и несправедливым относительно помещиков увеличивать этот надел далее известных границ, определяемых климатическими, почвенными и вообще сельскохозяйственными данными. Я полагаю, что если на каждую душу мужского пола вместо двух дней пахотной земли (как это обыкновенно было), если считать в каждом дыме средним числом 5 душ мужского пола сдать им по шести дней паханья, что составит приблизительно по две десятины, то такой надел вполне обеспечит состояние земледельческого класса, потому что если принять в соображение легкость обработки почвы и возможность разведения растений, приносящих большой доход (виноград, клещевинник, табак, хлопчатка и прочее), то такой двухдесятинный надел, по стоимости собираемых с него произведений, будет по крайней мере в трое более крестьянского надела в России. При этом я считаю положительно необходимым дать этот надел одинаково как крестьянам (не обращая внимания на их подразделения на классы), так и тем из лиц высших сословий, которые землей владеют не на праве собственности,

АШЫТАМАР

а на праве пользования. Это представляет для края ту выгоду, что более рук будет привязано к земле и менее будет повода к развитию тунеядства, что в таком крае как Абхазия, при низкой степени образования высших сословий чрезвычайно важно. Затем, если этим лицам привилегированных сословий будет казаться мало той земли, которую им отведут, то у них всегда найдется возможность вступить в разные соглашения с более крупными землевладельцами. К разряду этих мелких владельцев я именно и причисляю шинагм Чирикба, которые не будучи коренного абхазского происхождения и постоянно переходя с места на место, не могут считаться собственниками занимаемой ими земли и, хотя и живут на ней довольно долго, но никогда не выходили из зависимости состояния от своих помещиков князей Шервашидзе и всегда оставлись ассасами, живущими по милости помещика на помещичьей земле. К этому же разряду принадлежат и другие лица высших сословий, проживающие в имении князя Георгия Димитриевича. Все почти шинагма Чирикба, хотя и оставили прежде занимаемый ими участок земли, но в последнее время за пределы Яштуха не выходили. Исключение в этом отношении составляет только Кягуса Чирикба, о котором я упоминал говоря об имении Ачадара. Он кроме того взял с собою в Ачадара своего племянника Макитата Чирикба (сына Сосрана) с подвластными ему ахуйю. Другая фамилия шинагмы, живущих в Яштуха – один дым Баалоа. Эти шинагмы Баалоа тоже пришельцы, из черкесов. Когда они пришли в Абхазию неизвестно, но они с тех пор как поселились в Яштуха оттуда не выходили. Права их на землю те же, что и шинагмы Чирикба. Собственно только эти две фамилии и можно считать действительными шинагмами. Это можно заключить уже из того, что только им одним покойный князь Димитрий позволял брать половину ажидза, собиравшегося в его пользу с чужих стад, пригонявшихся в Яштуха и эту половину обе фамилии должны были делить между собою. Кроме того, при отдаче на откуп яштухинского винграда и орехов князь Димитрий назначал моуравов для присмотра за порядком и охранения рабочих непременно одного из шинагм этих двух фамилий, за то такой моурав получал обыкновенно небольшой подарок от подрядчика. Но так как фамилия Чирикба была многочислинее фамилии Баалоа, то такие моуравы от первой фамилии назначались чаще. Это обстоятельство послужило поводом Чирикбаевым считать себя первыми в Яштуха, что со временем благодаря покровительству Гасана Маргани и Григория Шервашидзе им совершенно удалось и теперь все почти жители Яштуха находятся под их влиянием и в особенности под влиянием Кягуса Чирикба, как это уже объяснил выше.

Обязанности шинагмы заключались в личной прислуге своему помещику; они обязаны были смотреть за его лошадьми и оружием, ездить в его свите в качестве телохранителей; посылались с разными поручениями; бывали моуравами и вообще делали все исключая черной работы, которая возлагалась на помещичьих ахуйю и ахашала[1]. Кроме того шинагмы обязаны были являться на полевые работы вместе с своими подвластными и хотя сами не работали, но обязаны были наблюдать за тем, чтобы работа производилась как следует. Права их и выгоды, которыми они пользовались, были мною выше обяснены.

[1] Ахашала (ахашъала) – самая низкая крестьянская категория феодальной Абхазии – (**И. А., Г. Д.**).

Кроме фамилий Чирикба и Баалоа еще две фамилии в Яштуха претендуют на звание шинагм. Это, во-первых, анхае Гасан Цхчи (о котором я уже упоминал довольно подробно, при описании имения Ачадара и потому говорить о нем больше не буду) и фамилия Гублия. Все Гублия издавна были анхае подвластные князьям Дзапш-ипа. Часть их во время Кялым-бея жила в Яштуха (Софыдж и Шханугва), а другие (предки Кваташа и Уруса) жили в Эшире, где несли все повинности анхае. После неудачного заговора князей Дзапш-ипа против Келым-бея, Софыдж Гублия так же, как и Мадж Цхчи бежал в абреки вместе с своими господами. Как человек умный и храбрый он скоро образовал свою шайку разбойников из цебельдинцев и псхувцев и впоследствии сделался знаменитым своими нападениями на имения владетеля Абхазии. Разбои его особенно усилились при начале управления последнего владетеля Михаила и хотя Софыдж был в то время уже стар, но это не мешало ему проводить в Абхазию партии псхувцев и ахчипсхувцев. Владетель, не имея возможности прекратить грабежи силою, решился привлечь к себе Софыджа обещанием ему разных выгод. Софыдж принял предложение, был обласкан владетелем, исполнял при нем обязанности шинагмы и потом сын его Ханафшь был сделан владетелем моуравом (в Лыхны). Таким образом, имеют права на звание шинагмы только потомки Софыджа. Остальные же члены фамилии Гублия не имеют никакого права считать себя шинагмами и должны оставаться в том же звании анхае, и до и после выхода Софыджа в абреки и поступления его на службу владетеля. Всех дымов анхае Гублия в Яштуха находится теперь три, из которых один, Осман, есть коренной житель Яштуха, а два других Кваташ и Урус, суть ассасы, пришедшие из Эшира при жизни князя Димитрия и временно им поселены, на участке земли, на котором жил прежде анхае Хусейн Куселия (Кутелия), сын которого ушел в Абживский (Абжуйский) округ и потерял вследствии этого право на пользование землей в Яштуха. Кваташ при жизни покойного гдардии полковника князя Димитрия не платил никаких повинностей, во-первых, как вновь прибывший ассас, во-вторых, и потому, что был сделан помощником анхае Цыца Ардзинба, моурава, исполняющего эту должность еще при жизни Гасан-бея и состоящий в этой должности и до сих пор. Урус (брат Кваташа) тоже ничего не платил, потому что не состовлял отдельного дыма, а жил с старшим братом. Впрочем все анхае Гублия выходили на полевые работы и на сбор орехов и винограда в помещичьих садах. Теперь они обязаны нести те же повинности, как и все другие анхае селения Яштуха.

Кроме Гасана Цхче есть в Яштуха еще пять дымов анхае Цхчи, из которых один, Фатгирей Цхчи, ничего не платил и на работу не ходил потому

АЛЬТАИР

что был пастухом. Остальные же отбывали все повинности, лежавшие на анхае этого селения. Теперь Фатгирей обязанностей пастуха не исполняет, а пастьба коз поручена его однофамильцу Аджигирею, но впрочем не как повинность, а по соглашению с ним управляющего Егора Туркия, за известную часть от стада, которое ему поручено.

Затем следуют: анхае Гулия, двенадцать дымов. Повинности их те же, как и других анхае в Яштуха. Один только дым анхае Мац Гулия, ничего не платит и на полевые работы не выходит потому, что он кузнец. Но зато на нем лежит обязанность производить даром для помещика всякую кузнечную работу. При этом помещик обязан ему доставлять для своей работы железо, сталь и уголь.

Анхае Ардзынба, пять дымов. Из них только два дыма Цыц и Хасан Ардзынба коренные жители Яштуха, но они свой участок в Яштуха бросили и живут теперь в имении Ачадара. На их же участке поселились три дыма ассасов, их однофамильцев, пришедших в Яштуха уже после введения в Абхазии русского управления. Из этих трех дымов двое Титу и Урус Ардзинба, вышли из селения Арква, Бзыбского округа, а третий Еслам – из Ачандара, подвластный князей Анчабадзе. Все эти три дыма как пришедшие, после введения в Абхазии русского управления, должны быть возвращены на прежние места своего жительства.

Анхае Цыц Ардзынба, как помещичий моурав никаких других повинностей, кроме исполнения обязанности по своей должности, не отбывает. Это был очень хороший старик, современник Гасан-бея, от которого можно бы было иметь много хороших сведений, если бы он, поселившись в Ачадара, не поддался бы совершенно влиянию Кягуса Чирикба. Гасан Ардзынба, отбывает теже повинности, как и другие яштухинские анхае. В сущности и эти два дыма можно бы было считать ассасами, но так как они живут в Яштуха со времени Кялым-бея, то и считают себя коренными жителями этого селения.

Анхае Каландиа (Каладаришвили и Ахиба тоже), ассасы, вышедшие из Мингрелии еще при Гасан-бее и поселенные им в Яштуха. Предок их был серебренных дел мастер, присланный Гасан-бею владетелем Мингрелии Леваном Дадиани. Теперь этим мастерством занимается четыре дыма: Коблух, Тамаджара, Тадара и Доут и кроме работы даром по заказу помещика и из его материала, никаких повинностей не отбывают. Пятый дым Уруса Каландиа, незанимающийся ремеслом своих родственников, обязан отбывать общие повинности яштухинских анхае.

Анхае Хежба, один дым. Коренной житель Яштуха. Повинности несет те же как и другие анхае этого селения. Анхае Гяджь-ипа, девять дымов. Все они были прежде ахуйю шинагмы Чирикба и анхае Гасана Цхчи. Теперь они все освободились, отдав все свое имущество своим прежним господам и поселившись на земле князя Георгия Димитриевича считаются подвластными ему анхае и должны отбывать те же повинности, как и прочие анхае селения Яштуха. Шинагмы Чирикба и анхае Цхчи Гасан, продолжают считать этих

анхае своими подвластными и пользуясь своим влиянием в селении, силой требуют с них повинностей в свою пользу и эти анхае, привыкнув в течение десяти лет к тому, что прежние их господа были сильны и могли каждому сделать зло, не решаются отказаться от повиновения людям и боятся признавать власть настоящего своего помещика князя Георгия.

Анхае Кец(ба), двенадцать дымов. Из этих двенадцати дымов в действительности принадлежат фамилии Кецба только шесть, а именно: Гасан, Реджеб, Осман, Сулейман, Смел и Хабашь. Остальные шесть дымов были ахуйю, принадлежавшие анхае Кец принявшие, после освобождения фамилию своих прежних господ. Все они обязаны отбывать в пользу князя Георгия Димитриевича теже повинности, как и другие анхае селения Яштуха, но на них объявили претензию шинагмы Чирикба. Следующий случай был поводом к такой претензии. Кягуса и Софан Чирикба, будучи разорены одним набегом Кизил-бека и Атс-па Маршан, просили моурава анхае Цыца Ардзынба, чтобы он выхлопотал им, у их господина, покойного князя Димитрия какую-нибудь временную помощь для того, чтобы они могли поправиться. Цыц на это согласился и вследствие такого ходатайства, князь Димитрий позволил всем анхае Кец, живущим по близости участка Хибборипшь, где стоит дом Кягуса Чирикба, отдать этим шинагмам следующий ему самому ажидз за один год и помочь на работах.

Вскоре после этого князь Димитрий умер и временное его распоряжение шинагмы Чирикба обратили в постоянную меру и пользуясь своей силой и помощью Григория Шервашидзе и Гасана Маргани с одной стороны, а с другой стороны обещаниями разных выгод, сумели так устроить дело, что сами анхае Кец(ба) не хотят признавать власти своего настоящего помещика и признают своим покровителем и помещиком шинагму Кягуса Чирикба.

Анхае Гасбей-ипа – два дыма… ассасы, пришедшие в Яштуха еще при жизни князя Димитрия. Повинности общие с другими анхае…

Анхае Аргун – два дыма: ассасы, пришедшие из Цебельды еще при жизни князя Димитрия. Повинности должны нести общие с другими анхае селения.

Анхае Курыки – три дыма. Коренные яштухинские жители. Один из них Фафа Курыки, был прежде ахуйю (как), другие Курыки, но освобожден ими и принял фамилию своих прежних господ. Он живет в Ачадара под покровительством Кягуса Чирикба. Все должны отбывать общие повинности яштухинских анхае.

Анхае Амкваджь, четыре дыма. Один из них Гасан ушел в прошедшем году в Абжагву, где живет у анхае Сейлуха Кебрия. Другой Гыд прежде ахуйю остальных анхае Амкваджь и выкупившись принял фамилию своих господ. Анхае Амкваджь, некоренные жители, а выходцы из Бзыбского округа, пришедшие еще при жизни князя Димитрия.

Ахуйя Гулия Ханафшь, принадлежал прежде анхае Гулия, который умер без наследников и потому, по выморочному праву, Ханафшь должен состав-

АЛЫТАИР

лять собственность князя Георгия также, как и все имущество умершего без наследников анхае. Теперь ахуйю Ханафшь принял фамилию своего покойного господина, захватил его участок земли и все имущество и рассчитывая, что о поступке его никто из русских не узнает, называет себя анхае.

Все остальные жители селения Яштуха суть ассасы, пришедшие в более или менее недавнее время и должны быть возвращены на свои места. Цебельдинцев можно оставить в имении князя Георгия, но не иначе как под условием, чтобы они были поселены на тех участках, которые будут мною им указаны, и чтобы они отбывали все те повинности, какие лежат на других анхае селения Яштуха, подвластных князя Георгия Димитриевича.

Повинности всех анхае селения Яштуха, за исключением случаев выше мною упомянутых, состоят в следующем. Они платят помещику: барана и ягненка или за неимением их козу и козленка; пять комолок кукурузы; одну повозку чалы или сена и одну повозку дров. Кроме того должны обрабатывать помещичью землю, там, где им укажут, в размере не более одной грузинской кцевы (один день паханья) на каждый дым и собрать виноград и орехи.

При выходе на работу все подвластные обязаны были брать с собою кукурузную муку или гоми и сыр, а помещик обязан давать им мясо, для чего употреблялись обыкновенно коровы, взятые в штраф с тех подвластных (тавад, аамиста, шинагма и крестьян), которые не вышли на барщину. Если этих штрафов нехватило, то резался скот, принадлежащий помещику. Когда какой-нибудь анхае выдавал замуж свою дочь, то обязан был заплатить помещику ахшбыр, одну корову. Если отца не было в живых, то платили братья, а если их не было, то тот, кто брал девушку в жены. Если анхае умирал без наследников мужского пола, то вдова и дочери его поступали в дом помещика. Вдовы всегда сохраняли право снова выйти замуж ничего не платя помещику, а за дочерей помещик брал калым по соглашению с женихом. Кроме того, когда сам помещик или дети его (без различия пола) вступали в брак, то подвластные его приводили ему в подарок (и этот подарок был обязателен) тавады и аамиста – лошадей, а шинагмы и анхае каждый дым по корове. Впрочем шинагмы, если были в состоянии, из тщеславия, предпочитали приводить вместо коров, лошадей, стараясь таким образом, поставить себя на одну доску с тавадами и аамиста.

В селении Яштуха находится кроме строевого и дровяного леса, каменоломня на доход с которой по распоряжению начальника Сухумского отдела было произвольным и противузаконным образом наложено запрещение. Подробности этого дела изложены мною в отзыве моем на имя начальника Пицундского округа от 1-го июня 1868 года за № 7, препровожденном мною в сословно-поземельную комиссию при прошении от 3-го июня сего же года за № 8. По этому говорить о ней здесь я считаю лишним и прошу только комиссию обратить внимание на означенный отзыв мой.

С е л е н и е Б ы р ц. Границы: с севера – северный склон горы Бырц и продолжение ручья, отделяющего Яштуха от Гумма; с востока – река Беслетка (Карантинка) до ее впадения в море, с юга – город Сухум-Кале и с запада – Военно-Псхувская дорога. В селении этом есть один только шинагма Адж Шрей Шакрыл-ба, ассас, пришедший в Бырц еще при Гасан-бее и потому ассасом больше не считается. Коренных бырценских анхае живет там только две фамилии: анхае Хипба – двенадцать дымов и анхае Дчакоу – семь дымов. Права их и повинности те же, как и анхае селения Яштуха. Все остальные жители суть ассасы, недавно там поселившиеся и которые должны быть возвращены на свои места. Так как это имение совершенно бесспорное, то о нем нечего и говорить.

С е л е н и е А б ж а г в а. Границы: с севера – Гумма и Акапа; с востока – река Келасурка от границы Акапа до моря; с юга – море; и с запада – река Беслетка от границы Гума и Акапа до моря. Теперь тавад в селении Абжагва ни одного нет. До переселения абхазцев в Турцию жил там в качестве ассаса тавад Беслан Чабалухва, выходец из Бзыбского округа, который был долгое время в абреках, проживая то в Цебельде, то в Самурзакани, а после войны 1853-1856-го года был поселен самим князем Димитрием в селении Абжагва. Как ассас он землей не владел, а только пользовался ею в течении восьми или девяти лет пока наконец не выселился в Турцию. Кроме Беслана Чабалухва жили и другие лица, носившие ту же фамилию. Из них Салыбей и дети его вотчима Ахмата Чабалухва и до сих пор находятся в этом селении, но не имея постоянного пристанища живут на чужой счет и переходят с места на место. Ахмат и Салыбей тоже ассасы и выходцы из Бзыбского округа. Ахмат, незаконно рожденный сын одного Чабалухва, который в свою очередь был тоже незаконнорожденный одного из настоящих тавад Чабалухва. Происхождение же Салыбея мне не известно. Ахмат исполнял обязанность шинагмы при покойном князе Димитрие и будучи довольно хитер и в дружбе с Гасаном Маргани и Григорием Шервашидзе, пользовался большим влиянием вообще в Сухумском округе и вероятно это обстоятельство, а также незнание о его настоящем происхождении, заставили местное русское начальство признавать его тавадом, хотя он и был незаконнорожденным.

Аамиста в Абжагве нет ни одного, но есть шинагмы. Из лиц этого сословия два дыма Кучба, подвластные цебельдинского тавада Алмахсита Маршани, бежали из Дала и поселились сначала в Акапе под покровительством Беслана Ярдар-ипа Маршани еще при жизни князя Димитрия, а впоследствии перешли жить в Абжагву, в участок Айвара, где и теперь находятся несмотря на то, что им было приказано бывшим начальником Пицундского округа князем Чавчавадзе вернуться в Акапу, куда они первоначально пришли из Дала, и где теперь живет старший их брат Шарах. Шинагмы Кучба не имеют никакого права ни на землю, которую занимают, ни на титул аамиста, который они себе приписывают. Настоящие, коренные аамыста никогда не были подвластными никого кроме князей Шервашидзе, а фамилия Кучба всегда была подвластна фамилии Маршани, которые сами

АЙТАМИР

были подвластными князей абхазского владетельного дома. Есть в Абжагве еще один шинагма Мамсыр Кчи, коренной житель Абжагвы, пользующейся землею на тех же основаниях, как и другие шинагмы и анхае в имениях князя Георгия Димитриевича, т. е. с правом жить на ней и кормиться пока находится в селении Абжагва, а с выходом его оттуда по зависящим или не зависящим от него причинам, его право пользования землею уничтожается и занимаемый им участок переходит в распоряжение помещика.

Коренные фамилии анхае суть: Вардан – пять дымов; Гоман-ипа – семь дымов; Харазия – пятнадцать дымов; Кец – два дыма; Дчакоу – шесть дымов и Онаба – два дыма. Все они несут повинности одинаковые с анхае селения Яштуха и имеют право пользоваться землею пока на ней живут.

К ним можно причислить также анхае Шалаверие – два дыма, выходцы из Парнаута; один дым Крия – ассас из Гульрипш, освобожденный от ажидза, вследствие того, что бабка его считалась кормилицей Гасан-бея; один дом Кебрия, бывший ахуйя Ахмата Чабалурхва; один дым Габлия, бывший ахуйю Ахмата Чабалурхва; два дыма Шунд, (?) пришедшие из Акапа и два из Яштуха, все эти анхае хотя и ассасы, но так как они вышли из других имений князя Георгия, то их следует оставить на новых местах жительства, с теми правами на землю, какими пользуются коренные анхае Абжагвы. Все остальные жители есть выходцы из чужих имений и должны быть возвращены на свои прежние места и могут оставаться в имении князя Георгия не иначе как по взаимному соглашению с помещиком.

Так как имения Гумиста, Яштуха, Бырц и Абжагва смежны с портовым городом Сухумом и так как из этих имений должна быть нарезана земля необходимая для города, то я считаю совершенно уместным коснуться здесь давно уже поднятого, но до сих пор не решенного в Сухумском отделе, вопроса о городской земле.

До перенесения штаб-квартиры войск, расположенных в Абхазии из укрепления Бамбор (ныне упраздненного) в Сухум-Кале, Сухум считался простым укреплением, как равным по правам с остальными мелкими укреплениями Черноморской береговой линии и так в нем за исключением небольшого гарнизона не было других жителей, кроме туземцев, то никто и не заботился о приобретении земли для города.

Весь город в сущности состоял из небольшой турецкой крепости и маленького форштадта, ее окружавшего, в котором помещались духаны нескольких мингрельцев и небольшое число домов женатых офицеров и нижних чинов гарнизона. После переселения штаб-квартиры войск из Бамбор в Сухум, при полковинке (впоследствии генерала) Гогенбахе, занимавшем должность начальника третьего отделения Черноморской береговой линии, с увеличением числа войск, а с ними и жителей, город начал немного распространяться в своих пределах и в тоже время для постройки лазарета, а также для устройства передового поста для защиты нового города потребовалось занять место на Трапеции, известной в то время под названием

горного лагеря. Вместе с увеличением города увеличилось и число городского скота. Потребовался особенный выгон, сенокосные места и строевой и дровяной лес и другие строительные материалы. По обычаю большей части штаб-квартир на Кавказе, войска стали самовольно распоряжаться землями, окружавшими крепость и принадлежавшими покойному гвардии полковнику князю Димитрию Шервашидзе. Эта бесцеремонность местных войск вела к постоянным столкновениям их как с окрестными жителями, так и с самим владельцам окружающих Сухумскую крепость земель. Князь Димитрий несколько раз жаловался на войска местному начальству и наконец в 1852 году просил бывшего начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии полковника Колюбакина (ныне умершего в звании сенатора), чтобы были точно определены границы городской земли, с тем чтобы войска за эти границы не переходили ни за какими надобностями без соглашения с помещиком. Имея в виду, что этой мерой будет ограничено произвольное пользованием войсками его имением от чего он лишился значительных выгод, князь Димитрий в то время соглашался отдать эту землю почти даром, т. е. по десять руб. за десятину.

Просьба князя Димитрия была снисходительно уважена полковником Николаем Петровичем Колюбакиным и границы, отходящей к городу земли были определены по взаимному их соглашению, в следующем порядке: а) с запада – река Адзапш (Гнилушка) от устья вверх до имеющейся при повороте дорога в селение Яштуха родника; б) с востока – река Беслетка (Карантинка) от устья вверх, мимо кладбища (старого на возвышенности, находящейся близ конца Лорис-Меликовского шоссе), до входа в ущелье, из которого река выходит; в) с севера – 1) сказанное ущелье (между горой и рекой); 2) Гребень горы до оконечности оного в ущелье реки Гиндарки (текущей за ботаническим садом) 3) Захватывая это ущелье до источника, от которого вода проведена на гору и которым предполагалось снабжать город водою (где ныне устроена каменная терраса господина Калафатиса); 4) Перекоп, отделяющий горный лагерь (Трапецию) и 5) подошва возвышенности Яштуха до родника, составляющего северную оконечность западной границы (по этому направлению, т. е. по подошве возвышенности была прорублена просека, так как там в то время был большой лес и наконец с юга – Черное море. До 1853 года князь Димитрий денег за городскую землю однако не получал, что побудило его подать в июне месяце 1853 года докладную записку на имя бывшего наместника Кавказского, светлейшего князя Воронцова о том же предмете. Черновую с этой докладной записки я имею честь препроводить при сем в комиссию (приложение № 1)[1]. Ответа на эту докладную записку между бумагами покойного князя Димитрия

[1] Приложение №1, так же, и как и все остальные документы, о которых говорит Пахомов, мы не публикуем – (**И. А., Г. Д.**). **Прим.**: Судя по всему, названные документы находились в распоряжении И. Антелава и Г. Дзидзария. Но, к сожалению, в домашнем архиве Г. А. Дзидзария составителям данного издания их не удалось обнаружить – (**сост.**).

АЛЫТАИР

нет и я полагаю, что открывшаяся в 1853 года война с Турцией помешала этому делу принять дальнейший ход. Между тем условие о границах городской земли между полковником Колюбакиным и князем Димитрием Шервашадзе вошло в свою силу, что можно заключить из приказа по войскам, расположенным в Абхазии от 26 марта 1858 года за № 25, официально препровожденного к князю Димитрию командиром бригады черноморских линейных батальонов Генерал-майором Мироновым 1-м при отношении от 26 марта 1858 за № 565. Этот приказ и отношение имею честь представить в подлиннике комиссии (приложение № 2 и 3) при этой записке. Этим приказом запрещалось войскам занимать покосные места и огороды на левой стороне реки Беслеты и за гнилой речкой Адзапша без соглашения с князем Димитрием. Этот приказ не был мерой частной, зависевшей от личных отношений покойного князя к генералу Миронову, и что соглашение князя Шервашидзе с полковником Колюбакиным относительно границ, было известно и в высших сферах здешнего управления, видно из прилагаемого мною здесь предписания бывшего Кутаисского генерал-губернатора князя Гагарина (в копии заверенной бывшим производителем дел канцелярии начальника бригады черноморских линейных батальонов майором Завадским, ныне полковник и командир линейного № 34 батальона (от 3-го мая 1857 года № 489) приложение № 4), препровожденного к князю Димитрию, при надписи от 4-го мая 1857 года за № 35. Означенным предписанием поручалось генералу Миронову 1-му назначить кого-нибудь из штаба офицеров для осмотра лугов, расположенных по реке Беслете, принадлежащих гвардии полковнику князю Димитрию Шервашидзе и для того, чтобы условиться с помещиком в цене за наем этих лугов. Из упомянутой мною надписи начальника бригады за № 25 видно, что для этой цели был командирован подполковник Котляревский (ныне в отставке и проживает в Сухуме). В вышеопределенных границах городу предоставлялся очень значительный выгон, которого было бы совершенно достаточно для города, если бы часть его не была занята войсками, а часть – частными лицами, нанимающими эти земли у города. Показанные мною выше границы города оставались неизменными до самой смерти князя Димитрия и хотя и были частные случаи нарушения права собственности князя Димитрия местными войсками и сухумскими обывателями, на которые князь приносил иногда жалобы местному начальству, но границы оставались все те же, и само начальство преследовало (хотя и не всегда энергично) нарушителей установленного порядка и до 1859 года никто не думал требовать для города земли более того сколько было определено соглашением помещика с полковником Колюбакиным. В самый год смерти князя Димитрия, по его приказанию, поверенный его мингрельский дворянин Егор Туркия отдал луга, расположенные за Беслетой, на скос с половины бывшему командиру линейного № 36 батальона полковнику Бибикову. Вскоре после этого распоряжения князь Димитрий скончался и полковник Бибиков не успел воспользоваться отданным в наем покосом, потому что, пользуясь наступившим безпорядком в управлении именем, вследствие смерти хозяина роты, расположенных в Сухуме батальонов и женатые нижние чины и офицеры расхватили эти луга по участкам и скосили их. Протестовать в то время было некому, потому что малолетний наследник и его воспитатель (князя Георгия), был в отсутствии; Константин Шервашидзе еще не приехал, владетель на это не обращал внимания; округом назначен был управлять Гасан Маргани, а голос управляющего князя Димитрия дворянина Егора Туркия, со смертию его господина, потерял всякое значение. По этим же причинам и полосы на Маджарке были захвачены разными лицами, но не из войска, а разными, по близости жившими абхазцами, которые начали продавать сено на скос войскам, хотя при жизни князя Димитрия эти луга составляли полную собственность его и приносили ему доход. В 1859-м году, бывший начальник войск в Абхазии генерал Барталомей, желая распространить границы городской земли далее пределов назначенных с согласия князя Димитрия полковником Колюбакиным, вошел об этом сначала в соглашение с бывшим владетелем Абхазии и когда получил согласие последнего на свое предложение, то представил свой проект на утверждение наместника Кавказского. В ответ на его представление князь Барятинский ответил, что так как земли, кругом города лежащие, принадлежат не владетелю, то никакое его соглашение на уступку оных не может иметь значение и что, так как владелец этих земель еще малолетен, то необходимо подаждать его совершеннолетия и только тогда можно будет сделать ему предложение уступить городу часть принадлежащей ему земли за плату, которая должна быть определена взаимным соглашением города с помещиком. Этим совершенно справедливым и вполне законным решением князь наместник положил предел всяким домогательствам со стороны города и местных властей, на не принадлежащую городу землю. По этому же решению настоящей границей городской земли осталась та черта, которая была мною выше описана и если впоследствии времени, вне этих пределов возведены некоторые постройки войсками и заняты покосные и огородные места, то этот факт представляет злоупотребление начальников частей расположенных в городе Сухуме войск и ослушанием вышеупомянутого мною приказа по войскам от 26 марта 1856 года за № 25, который не был никогда отменен никаким другим законным распоряжением начальства.

Изъявленное владетелем Абхазии согласие на уступку некоторых земель, кроме того что было дано без всякого на то права, не может уже потому служить поводом к оправданию захвата войсками земли, что это согласие не было окончательным решением, принятым за правило к руководству при пользовании окружающими город землями, а просто входило в предмет переговоров, окончательный результат которых мог получить законную силу только по утверждению наместника Кавказского. Волей же наместника, как я уже сказал, все эти переговоры оставлены без последствий, как незаконно и

АЛЫТАМАР

неправильно начатые и введенные. В последнее время вопрос этот опять был поднят начальником Сухумского отдела. Я вижу, что производится съемка окрестностей города и ставятся межи; мало того начинается даже раздача участков разным частным лицам в таких местах, которые никогда не входили в черту городской земли и все это делается совершенно произвольно, самовластно и противно законам, без всякого уведомления о том хозяина земли, которой так безцеремонно распоряжаются, или его поверенных. Это вынуждает меня обратиться к Сухумской сословно-поземельной комиссии, как к учреждению высочайшее назначенному с специальною целью привести в известность право частной собственности в Абхазии и просить защиты против насильственного нарушения этого права в имении моего доверителя. При разборе этого дела убедительно прошу комиссию обратить внимание на статьи: 383, 387, 388, 435, 445, 447, 448, примечание к стать. 449 и 450 законов межевых Т. X части 3-ей, издание 1857 года.

Важно между прочим указание законов на то, что определенная законом двухверстная пропорция под выгоны нарезается только в таком случае, если близ города есть казенные земли, а если их нет, то город имеет право покупать себе землю у помещиков, но помещики законом продавать такую землю не обязываются. Четырехверстный надел дарован, как исключение только некоторым городам многоземельных губерний, что подробно объяснено в приложении к статье 435 законов межевых. Всякие сделки между городами и помещиками имеют по смыслу законов характер сделки частных лиц. И тем и другим предоставляется полная свобода соглашаться или не соглашаться на ту или другую сделку. Далее в том случае, когда согласно 450 статье законов межевых за прилежащей к городу помещичьей земле, не далее пяти верст от города находится казенная земля, которую можно было бы дать помещику взамен той земли его, которую удобно было бы прирезать к городу, то это может быть сделано все-таки не иначе, как с согласия помещика и при этом допускается надбавка, размер которой законом также не ограничен. Здесь я считаю нужным коснуться и тех оснований, которыми я предполагаю руководствоваться при оценке земли, если город пожелает войти в переговоры с моим доверителем непосредственно или при участии сословно-поземельной комиссии.

Из приложенной к этой записке черновой докладной записки покойного гвардии полковник князя Димитрия Шервашидзе, писанной им в июне 1853-го года князю Воронцову (приложение № 1), комиссия может усмотреть, что князь Димитрий в таком только случае соглашался удовольствоваться платою по 10 рублей за десятину, если бы ему выдали эти деньги немедленно по заявлении им согласия, на уступку земли городу и при том непременно в тех границах, которые обозначены в его докладной записке и в прошении поданном им на имя полковника Колюбакина. Он сам, как видно из этой же докладной записки, сознавал ничтожность просимого им вознаграждения и соглашался на эту уступку собственно потому, что ви-

дел в этом единственное средство для ограждения себя от произвольного разорения его собственности войсками и жителями города. Прошу также комиссию обратить внимание на следующие обстоятельства. Во-первых, просьба его князю Воронцову не была уважена, по причинам не от помещика зависящим; во-вторых, главная цель его уступки не была достигнута, потому что собственность его все-таки продолжала быть разоряема в громадных размерах; в-третьих, обстоятельства с того времени много изменились и благодаря введению более правильного управления в крае не предстоит уже надобности в подобных средствах для защиты прав собственности; в-четвертых, так как князь Димитрий не получил денег за землю и не был совершен никакой формальный акт на приобретение от него этой земли городом, то торг по этому предмету не может считаться состоявшимся и ни в коем случае для сына и наследника его не обязателен ни в отношении оценки земли ни в отношении границ оной.

За норму при оценке земли можно принять десятилетнюю сложность доходов, какие оцениваемая земля может приносить. В окрестностях города Сухума, в имении князя Георгия находятся пашня, дровяной лес и луга. Каждая десятина пашен от посева кукурузы приносят от 25-ти до 30 рублей чистого дохода; каждая десятина лугов дает в два укоса 150 пудов сена, от которого выручается чистого дохода до сорока пяти рублей; лес дает в три порубки в течение десяти лет более 200 сажень дров с десятины, а каждая сажень приносит помещику дохода по два рубля. Если лес был строевой, то доход был бы в десятеро дороже. Впрочем оценка лесов подчиняется вообще особым условиям. Кроме того, по неимению средств обрабатывать всю пахотную землю, так как до окончания комиссиею разбора поземельных прав с имения моего доверителя получают еще слишком ничтожные доходы, не позволяющие нанимать много работников, и по неволе должен был отдать некоторые поля в наймы некоторым вольно-промышленникам, которые за право обработки земли платят по десять рублей за лето. Не зависимо от этих доходов каждая десятина земли приносит, смотря по обстоятельствам, от 5-ти до 20 рублей за пастьбу скота в течение зимы и этой статьей может приносить большей доход в виде молочного хозяйства и содержания табунов лошадей. Доход этот очень сложен и потому подробно оценивать его я здесь не буду и ограничиваюсь только одним косвенным на него указанием. Не лишним считаю также указать и на то обстоятельство, что если бы город вздумал сослаться на десятилетнюю давность пользования землею, то и такая ссылка не имела бы никакого значения, так как по смыслу статей 224, 566 свода зак. Т. X час. 1-й и правил, изложенных в статье 214 свода законов Т. X части 2-й, дела по имениям князя Георгия, как оставшегося после отца своего малолетним, под земскую давность не подходят. Кроме того указание на порядок отчуждения частных недвижимых имуществ под общественное казенные надобности можно найти в ст. 575 и последующих сводах зак. Т. X части 1-й. впрочем все эти статьи относятся преимущест-

АЛЫТАМР

венно к возведению казенных зданий и проведения улиц и дорог и вообще до случаев не предусмотренных ст. 343, 387, 388, 435, 445, 447, 448 и 450 законов межевых Т. X части 3-й.

II

С е л е н и е К е л а с у р и. Границы: с северо-запада река Келасури; с юго-запада море; с северо-востока селения: Багмаран и Айбухца – с юго-востока горы, расположенные по левой стороне реки Маджарки от границы Мерхеула до ручья, выбегающего из этих гор и потом по этому ручью до моря.

Хотя собственно келасурская земля находится в обозначенных мною пределах, но к этому же селению принадлежат и дома, выстроенные покойным гвардии полковником князем Димитрием Шервашидзе. В сущности же они стоят на земле селения Абжагва. При Кялым-бее, Келасури было маленьким селением, совершенно незначительным и заросшим густым лесом.

Гасан-бей, получив в удел Абхазский округ, поселился сначала в Сухуме и жил на Трапеции зимою, а на лето переезжал в Парнаут. После смерти Сафар-бея, когда Гасан-бея начала теснить мать владетеля, он перешел жить в Келасури, где выстроил себе дом в долине, на левом берегу реки Келасурки. Туда же он перевел из Сухума подвластных ему Сухумских торговцев… и таким образом, устроился Келасурский базар. Развели в селении много фруктовых садов и, по приказанию Гасан-бея очистили от лесу и от кустарников все Маджарское ущелье и пользовались образовавшимися таким образом, обширными полями для посева кукурузы и для пастьбы келасурского скота. После войны 1853-1856 годов, князь Димитрий эти поля обратил в луга и отдал их на скос войскам Сухумского гарнизона. После смерти князя Димитрия половину этих лугов, пользуясь покровительством князя Гасан Маргани и Григория Шервашидзе, захватил гульрипшский аамиста Беслангур Маргани. В самый год смерти князя Димитрия все эти луга, по его приказанию, были огорожены, но как только он умер, Маргани порубили огорожу, поставленную по приказанию помещика и с того времени и до сих пор неправильно пользуются лугами, находящимися между левым берегом реки Маджарки и горами. Управляющий Егор Туркия несколько раз жаловался на такой самовольный захват со стороны Маргани, но местное начальство основываясь на предписании его императорского высочества наместника, не входило в разбирательство этого дела и оно осталось в том виде, в каком было при введении в крае русского управления. Находя такое распоряжение местного начальства совершенно справедливым, я считаю только возможным просить комиссию восстановить в этом случае, как и других подобных же, нарушенное право настоящего владельца этого имения князя Георгия Димитриевича Шервашидзе.

Кроме права собственно торговли, келасурские торговцы имели право занимать места под свои усадьбы, по указанию помещика и употреблять

для построек и для топлива помещичьи лес. Строениями и усадьбами они пользовались пока их занимали; когда же по каким-нибудь, зависящим или независящим от них причинам они оставляли торговлю в этом селении, то возведенные им строения, а также усадебные участки возвращались помещику, который располагал ими по своему усмотрению. Если какой-нибудь из этих торговцев умирал и в самом селении у него не оставалось наследников, то недвижимое его имущество все поступало в пользу помещика, а движимое передавалось его родственникам, жившим в других местах, если таковые находились. Когда же таковых не было, то все имущество умершего брал помещик. Очень часто князь Димитрий (при котором сохранился тот порядок, как и при его отце Гасан-бее), разрешал родственникам умершего занимать его лавку и усадебный участок и даже в некоторых случаях позволял уезжающим торговцам передавать свои лавки совершенно построенным лицам. Такое снисхождение делалось собственно потому, что для помещика было решительно все равно, кто бы не торговал, лишь бы торговля не прекращалась. Так как плата за право торговли взималась не с лавки и не с определенного пространства земли, то и естественно, что от перемены владельца лавки, доход с нея помещика не увеличивался и не уменьшался. В течение жизни князя Димитрия он сам получал доход от лавок. После его смерти, во время управления Сухумским округом князя Константина, последний предоставил весь этот доход матери покойного князя, княгине Тате Шервашидзе. После же ея смерти, собираемые деньги поступали в распоряжение окружных начальников до самого выезда владетеля из Абхазии.

По введении в крае русского управления, означенные деньги поступали в ведение начальника бывшего Сухумского округа майора Бутми-де-Кацмана, собирались очень неисправно и употреблялись на содержание двух незаконнорожденных дочерей Холыл-бея Шервашидзе (незаконнорожденный сын Кялым-бея) Шемся Ханум и Ашаханум… Когда в конце 1866 года юнкер Егор Туркия был снова назначен управляющим имениями князя Георгия Димитриевича, то обратил внимание на эту статью дохода и требовал с келассурских (торговцев) уплаты недоимки за несколько лет, но отчасти вспыхнувшее в Абхазии возмущение, а отчасти недостаток содействия со стороны местного начальства, помешали взыскать деньги… Запрещение со стороны начальника отдела торговать в Келасури мингрельцам, окончательно лишило помещика этой статьи дохода, простиравшейся до пяти тысяч рублей в год. Впрочем, Егор Туркия, не имея возможности сам собирать пошлину… и не рассчитывая, при существовавшем в то время беспорядке, получать сполна весь доход, отдал его на откуп мингрельцам Бесо Ахания (?) и Спиридону Надарейшвили ценою только за две тысячи пятьсот рублей в год, на что в бумагах моих имеется контракт.

До выезда владетеля из Абхазии не было примера, чтобы кто из торговцев продал на снос свои строения. После введения в крае русского управления начальник бывшего Сухумского округа майор Бутми-де Кацман,

АЙТАМИР

не потрудившись узнать обычаев касающихся этого предмета, позволил уезжающим на родину… торговцам продавать занимаемые ими в Келасури лавки, чем допустил нанести значительный ущерб помещику. Об этом предмете имеется довольно большая переписка в канцелярии Сухумского военного отдела, вследствие жалобы сначала управляющего Егора Туркия, а потом моих. Отзывы мои по этому предмету на имя окружного начальника от 27 марта 1863 года за № 3 и от 15 апреля 1858 года за № 5, представленный мною комиссии при прошении от 18 июня 1863 года № 16. В отзывах этих дело о Келасурских лавках и вообще о строениях, возведенных на помещичьей земле, изложено довольно подробно и потому говорить о нем здесь более я считаю излишним…

Переходя жить из Сухума в Келасури, Гасан-бей перевел туда и всех своих ахуйю и много анхае. Первые были все поселены в самом селении, не вдалеке от помещичьей усадьбы, потому что они нужны были для домашних услуг помещика. Земля, на которой они жили, им не принадлежала и помещики никогда не стеснялись, когда им нужно было переводить этот класс крестьян на другое место, чему примером могут служить те ахуйю, которых князь Димитрий переселил в имение Гумиста. Впрочем земля уже потому не могла составлять собственности ахуйю, что помещики имели право их продавать и дарить, не разрознивая конечно семейство, если со стороны ахуйю не было совершенно какого-нибудь преступления, за которое с ними по обычаю могли поступить как лицами из сословия ахашала. Сколько прежде были ахуйю в имении князя Димитрия теперь неизвестно. Вообще, собственно при доме их не очень было много и большая часть их, с позволения помещика и даже по его собственному желанию занимались торговлей на келассурском базаре... Келасурские ахуйю, после смерти князя Димитрия разошлись по разным его имениям (на Гумисте 4 дома, в Мерхеуле один дом; в Гумме один дом и еще неизвестно где) где проживают и до сих пор. Всем им я составлю особый список, который будет мною представлен в комиссию. Вообще, в виду долженствующего скоро последовать улучшению быта земледельческого сословия в Абхазии я считаю бесполезным возвращать тех из них, кои поселились на земле своего помещика. В этом случае можно ограничиться только тем, что они не должны считаться иначе как ассасами тех селений, которые избрали новым местом своего жительства.

Переведенным из окрестностей Сухума в Келасури анхае Гасан-бей приказал расчистить себе участки земли на лежащих в окрестностях селения Келасури горах. В самом же селении было их только несколько домов. Келасурские анхае определенных повинностей не отбыли и были обязаны кормить помещика, т. е. доставлять провизию, подобно тому как это делалось во владетельских имениях Лыхны и Очемчиры, с тою только разницею, что в Келасури очереди не соблюдались ни при Гасан-бее, ни при князе Димитрие и брали то, что было у кого. Между прочим эти анхае, а также и келасурские торговцы, доставляли в дом помещика молоко, яйца,

сыр, кур и прочую мелочную провизию. Кроме того келасурские торговцы доставляли также в дом помещика чай, сахар и прочие бакалейные товары, не в счет той платы, которая взималась со всех вообще товаров за право торговли на земле помещика. Порядок этот в то время не был обременителен ни для анхае, ни для торговцев. Для первых, потому что хотя вследствие громадного стечения разных абхазских гостей в доме помещика требовалось много скота, но на прокормление почти всегда хватало той провизии, которая получалась от аджидза (подати) и айбара (штрафов), а также от приношений разных просителей, которые, по обычаю не могли приходить с пустыми руками, для других, т. е. для торговцев потому, что бакалейные товары шли только для собственных потребностей помещика и небольшого количества его русских гостей и расход этот, будучи сравнительно незначителен, не ложился большим бременем на торговцев и кроме того, также пополнялся приношениями просителей. Здесь я замечу, что вообще в Абхазии считалось очень неприличным прийти с просьбой без какого нибудь подарка, а непринятие его было равносильно отказу в просьбе. Кроме того, вследствие частых отлучек князя Димитрия из Келасури, келасурским жителям часто ничего не приходилось платить…

С е л е н и е А й б у х ц а. Границы: с юга – келасурские горы и река Маджарка в том месте, где она совершенно подходит к этим горам, с запада те же келасурские горы, с северо-запада продолжение этих же гор на границе с селением Багмаран, с севера также горная цепь на границах Багмарана и Мерхеула и с востока цебельдинская дорога.

Айбухца прежде не составляла отдельного имения, а входила в состав имения Келасури. Это, холмистая котловина, окруженная почти со всех сторон горами, представлявшая в прежнее время, когда она была еще сплошь заросшая лесом, удобное убежище для разных разбойников и абреков. Еще при Кялым-бее там поселился сын взятого в плен гурийца (сначала поселившийся в Цебельде) Аслан Гирей Эриста, набравший шайку разных сорванцов и грабивший абхазские селения. Скоро после того, как Гасан-бей получил свой удел, Аслан Гирей умер, не оставив наследников и Гасан-бей, приняв в свое владение Айбухца, велел вырубить там лес, и развести фруктовый сад. Там же впоследствии он говорят поселил одного из своих братьев Теир-бея. У Аслан Гирея был родственник или однофамилец Мисоуст, живший сначала также в Цебельде и потом в Поквеши и других местах Абхазии. Вообще он земли своей не имел, был очень беден и существовал милостями разных лиц. После его смерти владетель взял его детей к себе в прислугу и сделав их шинагмами поселил в селении Лыхны, где они и оставались до 1860 года.

При жизни князя Димитрия, в Айбухца никто не поселялся, исключая шести или семи домов келасурских анхае, поселенных еще Гасан-беем, и на обязанности которых лежало охранение айбухцинского сада лучшего в Абхазии, особенно по качеству тамошнего винограда, который никогда не

АЙТАМАР

отдавался на откуп и вино там выделывалось собственными средствами помещика. Будучи дружен с князем Ширин-беем Маршани, князь Димитрий позволил ему в Айбухца собирать орех. Спустя два года после смерти князя Димитрия, в 1860 году, опекун над имением князя Георгия, бывший владетель Михаил, позволил детям Мисауста Эристу Омару и Эдги Эриста временно поселиться в этом имении. На протест против той меры со стороны князя Константина, владетель отвечал, что он шинагма Эриста поселил там только временно, для того, чтобы они держали в порядке имение. После выезда князя Константина, Омар Эриста стал себя считать полным помещиком Айбухца и пользуясь поддержкой Григория Шервашидзе, подчинил себе даже и всех поселенных там Гасан-беем анхае. Вообще он поступал точно также как Джамлет Маргани на Гумисте. Омар умер в 1865 году, а брат его Эдги в прошедшем 1867 году выселился… До нынешнего года в Айбухца оставалось только три дыма ассасов, из которых два дыма Ашхарца, во время переселения, не желая следовать за Эдги Эриста, ушли в Акапу, откуда вышли весною нынешнего года. Они и прежде впрочем были ассасами, пришедшими из Цебельды еще при жизни князя Димитрия. Третий дым составляет недавно поселившийся в Айбухца армянин Тапагу Аджам-оглы, которого впрочем и ассасом считать нельзя, потому что, он не абхазец и потому не имеет никакого права рассчитывать на надел землею в имении моего доверителя. Вообще ни один из оставшихся от переселения айбухцинских жителей не имеет в своей собственности ни клочка земли; все живут там в качестве ассасов и пока пользуются землею помещика должны отбывать те же повинности, как и яштухинские анхае.

В сентябре нынешнего года начальник Сухумского военного отдела, неправильно объясняя одно из предписаний его императорского высочества наместника, относительно земель выселившихся в Турцию абхазцев поселил в имении Айбухца вернувшегося из ссылки цебельдинского князя Кваджа (в крещении Петра) Мамсыр-бей-ипа Маршани. По этому поводу я считаю не лишним сказать несколько слов касательно земель, оставшихся свободными в имении князя Георгия Димитриевича, после выселения в Турцию его подвластных. Ложное толкование и неправильное применение вышеозначенного предписания наместника происходит от незнакомства местного начальства с сдешными поземельными правами. Предписание говорит, что в казну должны поступать земли, принадлежавшие переселенцам, следовательно тем из них, которые пользовались полным правом собственности на те земли, которые они занимали до переселения. Под эту категорию могут подходить цебельдинские земли, так как, сначала, после отпадения[1] Цебельды русскими в 1837 году, все цебельдинские тавады сделались полными собственниками земли. Под эту категорию можно с основательностью подвести и все земли, на которых жили подвластные собственно владетеля и его родных братьев, на том основании, что с выселением

[1] Так в тексте. В 1837 г. цебельдинцы признали власть русских – (**сост.**).

этих подвластных, которые не владели, а только пользовались землею, занимаемая ими земля должна бы поступить к владетелю и его братьям, как по выморочному праву, так и потому, что земли всех подвластных князей Шервашидзе возвращались в распоряжение этих помещиков как только подвластные их оставляли их землю, по каким бы то ни было причинам. В силу именно этого права все оставшиеся после переселенцев земли, исключая имения князя Георгия, долженствовавшие поступить в распоряжение владетеля, если бы он еще существовал, необходимо должны поступить в казну, так как с уничтожением владетельства и принятием всех владетельских имений в казну, правительство вступает во все права владетеля как помещика. Совсем в другом положении находится часть Абхазии между Кодором и селением Псырцха. Здесь настоящий владелец земель остался в прежнем своем положении и не переставал быть собственником своей земли. Все выселенные из его имения, его подвластные жили на праве посессионном и покинутые ими земли должны быть обращены к первоначальному своему источнику. Вообще князь Георгий получал (хотя и не сам лично, а чрез опекуна) значительный доход с тех лиц, которые занимали принадлежащие ему земли. Переселением, сделанным помимо его ведома и желания, он лишен этого дохода и было бы крайне несправедливо и разорительно для него, отнимать у него и землю, которая была главным источником тех податей и повинностей, которыми он пользовался как помещик. Таким образом, земли, оставшиеся в имении князя Георгия Димитриевича, свободными от переселения его подвластных, вполне ему принадлежат и не могут подходить под вышеозначенное распоряжение наместника. Генерал Гейман, не принимая в соображение все этих обстоятельств, о которых он не знал и которые могут быть известны только комиссии, специально этим занимающейся, прямо начал объявлять целые имения моего доверителя принадлежащими казне и вследствие такого взгляда, в прошедшем году наложил запрещение на доход с мерхеульских покосов, а в нынешнем году посылал в Айбухца людей, которых вероятно князь Георгий ни за что не согласится держать в своем имении, даже на праве арендном, потому, что Квадж Мамсур-бей-ипа Маршани был постоянным врагом князя Димитрия.

Мне кажется, что местное начальство прежде чем налагать запрещение на какое-нибудь имение помещика или селить в нем посторонних людей, должно бы было точно узнать кому принадлежит то имение, которым он распоряжается, а это может выясниться только тогда, когда Сухумская сословно-поземельная комиссия обнародует результаты своих изысканий. Хотя Квадж Маршани поселен в Айбухца только временно, но он уже начал объявлять разные притязания на окружные земли и рассказывает другим жителям, что будто бы генерал подарил ему это имение, вследствие того, что он его крестник. Как не нелепы подобные рассказы, а они имеют влияние на умы… легковерных… Я потому упоминаю об этом обстоятельстве, что оно может подать повод жителям искать покровительство этого господина и потом давать разные неблагоприятные для князя Георгия показания.

АЛЫТАМАР

С е л е н и е Б а г м а р а н. Это горная местность, точно не ограниченная, расположенная между селениями Абжагва, Келасури, Айбухца, Мерхеул и Акапа.

В северной и самой большей части этого имения жил при жизни Гасан-бея и отчасти при жизни князя Димитрия ассас из Цебельды, родственник матери Гасан-бея, князь Тлапса Тчардия-ипа Маршания (отец Ширин-бея), вышедший из Цебельды в Багмаран почти в тоже время, как и некоторые родственники Гасан-бея.

В начале сороковых годов Тлапса Маршани по просьбе своих сыновей и по совету бывшего цебельдинского пристава прапорщика Лисовского снова вернулся в Цебельду, и с того времени местность эта осталась не заселенною и заросла большею частью ореховым лесом.

В южном участке Багмарани живут шинагмы Эшба один дым, люди очень бедные и не пользующиеся особенным значением в крае. Происхождение их мне в точности неизвестно, но я слышал, что они вышли из Карачая сначала в Самурзакань, а оттуда один из них пришел еще при жизни Гасан-бея, а может быть и ранее, в Абхазский округ. Прежде их фамилия платила Гасан-бею одну корову на праздник пасхи, но впоследствии, когда от них остались одни сироты (теперь живущие там) и они обеднели, то с них не только ничего не брали, но напротив князь Димитрий, за верную службу их отца, приказывал своим анхае, живущим в Багмарани, помогать Эшбовым чем можно. Повинности их и права теже, как и других шинагмы, принадлежащих князю Георгию.

Из крестьянского сословия в Багмарни живут два дыма ахуйю Арсия, принадлежащих шинагмам Эшба и принадлежащие князю Георгию Димитриевичу анхае Хакаа шесть дымов; анхае Барчан (выходцы из Абжагвы) один дым и анхае Абжинау два дыма. Повинности и права Багмаранских анхае те же, как и анхае Яштуха, Бырц и Абжагвы.

С е л е н и е М е р х е у л. Границы: с севера цебельдинская граница на горах Агыш и Чижаюйж, имения Амхял и Акапа, с запада Багмаран и Айбухца, с юга келасурские луга по берегам реки Маджарки и с востока река Бзыб Аквара, и горы составляющие границу между Мерхеулом и имениями Парнаут и Гульрипш.

Из высших сословий в Мерхеуле, до выселения абхазцев в Турцию жил только один ассас, цебельдинский ассас Зосхан Маршани, ушедший из Цебельды в 1837 или 1838 году, вследствие каких-то неприятностей с другими Маршани. Князь Димитрий принял его под свое покровительство и так как в Мерхеуле не было ни одного аамиста, то он поместил Зосхана близ ущелья реки Маджарки, поручив ему наблюдать за окрестными селениями. Князь Димитрий, рассчитывая иногда жить в этом селении, выстроил даже на свой счет двухэтажный деревянный дом, в котором и поместил временно Зосхана Маршани. В этом доме Зосхан Маршани жил в качестве ассаса, до самой своей смерти. Сын его в прошлом 1867 году… продал дом, построенный князем Димитрием, на что конечно не имел никакого права. Оставшаяся после его переселения земля составляет бесспорную собственность князя Георгия Димитриевича.

Кроме того, в Мерхеуле жило очень много подвластных князя Димитрия, которые большею частью в прошедшем 1867 году выселились в Турцию. Остались из них: Шинагмы Кокоскир три дыма, из которых один Хуссейн Кокоскир исполняет обязанность амахела. Шинагмы Кокоскир были прежде анхае, но служба их при Батал-бее Шервашидзе (родном брате Гасан-бея) подняла их до звания шинагм и такими они считались после смерти Батал-бея, который имел пребывания в Мерхеуле. Анхае Гудж-ипа два дыма, анхае Брискил четыре дыма и ахуйю Гячь-ипа, ушедший из Келасури вследствие того, что в 1864 году были в Келасури поставлены войска. Остальные жители Мерхеула (их впрочем очень немного) суть ассасы, пришедшие в последнее время. Обязанности мерхеульских анхае совершенно те же, как и в селениях Яштуха, Бырц и Абжагва и права их на землю те же и потому земли, оставшиеся от переселенцев, составляют собственность князя Георгия.

В последнее время начальник отдела назначил границей между селениями Мерхеул и Гердзеул (ошибочно причисляя последнее селение к Цебельде) ручей Туркумул. Не знаю какие верные данные мог иметь генерал Гейман для назначения этой границы, несмотря на то, что мерхеульские жители приходили к нему с жалобой на то, что попечитель цебельдинских поселений взыскивает с них деньги за пастьбу скота в таких местах (между ручьем Туркумул и речкой Бзыб Аквара), где не только сами они пасли свой скот, но собирали даже ажидз с чужих стад в пользу своего помещика. Если бы начальник отдела прежде назначения границы запросил хозяина смежного с Гердзеулом имения (как это обыкновенно в подобных случаях делается), то, вероятно, граница была бы обозначена точнее и подвластным князя Георгия не пришлось бы платить за то, чем они имеют право пользоваться даром. С давних времен границей между Гердзеулом и Мерхеулом была речка Бзыб Аквара. После выезда владетеля из Абхазии, когда имение князя Георгия поступило во временное ведение начальника бывшего Сухумского округа майора Бутми де-Кацмана, то последний собирал с цебельдинцев ажидз, за пастьбу их скота, именно на местности между речками Туркумул и Бзыб Аквара. Ажидз этот собирали моуравы Аджгирей Шакрылба (из селения Бырц) и Хуссейн Кокоскир (из селения Мерхеул). Собранный скот окружной начальник продал с публичного торга и вырученные деньги 147 руб. 46 коп. были представлены им в управление отдела 30-го апреля 1866 года при рапорте за № 782, о чем начальник бывшего Драндского округа майор Бутми де-Кацман уведомил управляющего Егора Туркия отношением от 14 ноября 1866 года за № 2021.

Я полагаю, что об этой границе должен знать также состоящий при начальнике отдела переводчик Бида Чхамалия, занимавший должность пере-

АЛЫТАИР

водчика при цебельдинском приставе почти все время после смерти князя Димитрия Шервашидзе до возмущения абхазцев.

С е л е н и е Г е р д з е у л. Границы: с севера гора Апианча, с востока река Кодор (у переправы селения Наа), с юга хребет гор, отделяющих селение Гердзеул от селений Кац Игаларта и Парнаута и с запада река Бзыбь Аквара.

Еще при Гасан-бее были поселены там в качестве ассасов родственники его матери цебельдинские тавады Маршани. Сначала были поселены только временно и верно служили Гасан-бею в течении всей его жизни. По смерти Гасан-бея, пользуясь сначала несовершеннолетием и слабостью князья Димитрия и впоследствии несогласиями, возникшими между последним и владетелем Михаилом за имения, тавады Маршани, по совету самого владетеля объявили себя независимыми владельцами Гердзеула. Так как князю Димитрию нужно было хлопотать о восстановлении своих прав не по одному этому имению, а почти по всем, а с другой стороны, открытой силой действовать он не мог, то в течении всей своей жизни он не мог выгнать ассасов Маршани с своей земли в Мерхеуле, несмотря на то, что они, в союзе с Мамсыр-бей-ипа Маршани, жившими (также в качестве ассасов на владетельской земле) в Наа, на левом берегу Кодора, делали ему всевозможные неприятности. В 1858 году, после мира с владетелем князь Димитрий хотел этим заняться, но скоропостижно умер, не успев привести в порядок своих дел. После смерти князя Димитрия был один случай, который дает некоторое указание на права князя Георгия на имение Гердзеул. У тавада Омара Маршани, жившего в Гердзеуле, была хорошая лошадь. Владетель приказал передать Омару, что ему было бы очень приятно получить эту лошадь в подарок. Омар Маршани лошади этой к владетелю не привел, и тогда владетель велел ему объявить, что он такого неуважения к своей особе не забудет. Омар, опасаясь дурных последствий ссоры с владетелем, скоро явился к нему с лошадью и оправдывался тем, что будто бы ему никто не говорил о желании владетеля. На это владетель ему отвечал: «Я знаю, что ты врешь и просто не хотел отдать мне лошадь. На первый раз я тебя прощаю, но помни, что живешь на земле Георгия, который находится под моим покровительством и если ты будешь также дурно ему служить как мне, так он тебя прогонит». На это Маршани отвечал, что он хорошо знает, что он подвластный Георгия и что будет всегда верно служить и своему помещику и владетелю. Случай этот должен быть известен лицам, служившим при князе Михаиле Шервашидзе. После выезда владетеля из Абхазии, Омар Маршани снова стал считать себя независимым и так как, с одной стороны он принадлежал к фамилии цебельдинских тавадов, а с другой стороны, имение Гердзеул совершенно смежно с Цебельдою, то очень не мудрено, что русское начальство, незнакомое с местными поземельными правами и не знавшее, что Омар Маршани был только ассас в имение князя Георгия, причислило это имение к Цебельде. В такую ошибку начальство

могло впасть тем легче, что Омара поддерживали его родственники цебельдинские Маршани, а в пользу настоящего владельца Гердзеульской земли, за его малолетством и отсутствием, некому было говорить и писать. Таким точно образом были включены в состав Цебельды и некоторые другие части имения князя Георгия Димитриевича, расположенные по окраинам Цебельды, о чем я буду говорить в своем месте. Мне кажется, что здесь не будет излишним сказать несколько слов о том, как образовалось поселение вообще в Цебельде.

При владетеле Абхазии Дгешии[1] Шервашидзе в состав Абхазии входила не только Цебельда, но и местности Псху, Ахчипсху и Аибга, и в тех местах жили подвластные князей Шервашидзе, часто терпевшие нападения от соседних горских народов. В то время пришел к Дгешии один из кабардинских узденей Маршани, по имени Эдыг, желавший выселиться в Абхазию, принес с собою большие подарки и просил у него земли. Дгешия позволил ему поселиться в Ахчипсху и сделав его своим моуравом подчинил ему своих подвластных в Ахчипсху, Псху и Аибго и наложил на него обязанность защищать Абхазию от вторжения других горцев. Подвластные князей Шервашидзе продолжали платить и ему большую подать, но работать обязаны были Маршаньевым. При сыне Дгешии Арзакане пришел в Абхазию племянник Эдга Маршани Омар и тоже просил земли и притом по ближе к морю. Арзакан, однако, на берегу моря земли дать ему не хотел, а отдал ему котловину, заключавшуюся между горами Апианча, Агыш, Чижаудель, рекою главным хребтом и горами Сванетскими и Мингрельскими.

Впоследствии когда внуки Арханхана[2] Манучар, Шерван и Зураб были вывезены из Абхазии, фамилия Маршани начала считать себя совершенно независимой.

Покорением Цебельды[3] русскими войсками окончательно прекратилось влияние владетелей Абхазии на Цебельду и связь между Цебельдой и Абхазией поддерживалась только общностью обычаев и языка. Цебельдинские Маршани потомки Омара, размножившись начали выходить на земли князей Шервашидзе и поселились в разных местах Абахзии в качестве ассасов. Таким образом, явились Маршаньевы в селениях Наа, Джгерда, Гердзеул, Амхяле, Акапе, Гумме и прочих. Было бы крайне несправедливо и неправильно считать эти земли принадлежащими к Цебельде и занимающих их тавад Маршани, собственниками земли…

С е л е н и е Г у л ь р и п ш. Селение это расположено в довольно узком ущелье, окруженном горами Мерхеульскими и Парнаутскими, по которому лежит небольшая речка, отдаляющая в своем низовье Гульрипш от Цандикуара. Поселение расположено в самом ущелье и собственно там толь-

---

1 Джикешия Зегнакович Чачба–Шервашидзе – живший в конце XVII – начале XVIII вв. – (**сост.**).

2 Арзакана – (**сост.**).

3 В этом повествовании А. Пахомова о Цебельде много неточностей – (**сост.**).

АЛЫТАИР

ко жили и обрабатывали свои поля подвластные князя Димитрия, аамиста Маргани несколько Димитриевских анхае. Большая поляна, расположенная напротив выхода из ущелья, обрабатывалась при жизни покойного гвардии полковника князя Димитрия собственно для него и Гульрипшские жители начали ею пользоваться только после смерти его.

Живущие в Гульрипш аамиста Маргани, хотя и принадлежат к настоящим Маргани, а не к тем, которые в последнее время жили в Псырцха, но никогда не пользовались никаким значением и будучи очень бедны жили милостями своих помещиков и исполняли при князе Димитрие теже повинности, как и прочие аамыста и шинагмы ему подвластные. Подобно яштухинским шинагмам они имели право получать часть ажидза (одну штуку от стада) за пастьбу чужого скота около их усадьбы (но не далее) и пользоваться растущим около их лесом для своих надобностей, но не для продажи. Пахотной земли они занимали очень мало, только то, что было около их усадьб и в этом отношении положению подвластных князю Димитрию анхае, живших там же, где и аамиста Маргани, было несравненно лучше. При жизни князя Димитрия, Маргани, говорят, обязаны были приводить к нему на Пасху корову. Теперь их шесть дымов, но в то время они все вместе составляли только два дыма.

После смерти князя Димитрия, пользуясь беспорядками в управлении имением, захватил сначала часть келасурских лугов (по левому берегу реки Маджарки), а впоследствии, уже после выезда владетеля в Абхазии, начали продавать лес преимущественно бывшему командиру линейного № 35 батальона полковнику Котляровскому (ныне в отставке и проживает в Сухуме); с которым он сошелся и которой руководствовал их своими советами для более удобного ограбления их помещика князя Георгия Димитриевича. Главным и старшим между этими Маргани считался Беслангур, который собственно один и начал захват имения своего господина и, предвидя, что показания келасурских жителей могут подорвать его мнимые права на захваченные им луга и лес, ездил в Келасури нарочно уговаривать Халыла Качал-ипа, Хусина Эммин-ипа и других, чтобы они подтвердили его ложные показания, обещая взамен не стеснять их, когда им потребуется лес и луга для пастьбы их скота.

Аамиста Маргани имеют три или четыре дыма ахуйю, но анхае подвластных никогда не имели. Некоторые из их ахуйю ими освобождены, но сделавшись анхае, не могут считаться их подвластными, потому что поселены на земле князя Георгия и ему должны отбывать все повинности.

Кроме аамиста Маргани, в ущелье Гульрипш: анхае Гунджиа пять дымов, анхае Габри-ипа один дым (несправедливо выгнанный Григорием Шервашидзе из Бабыш-ира), Хаябат (бывший ахуйю Парнаутского анхае Эльмурза Циба), анхае Тырыпшь (Трапшь) один дым (выходцы из Бзыбского округа) и анхае Шонца (?) один дым. Все эти анхае отбывают теже повинности, как и анхае селение Яштуха, Бырц и Абжагвы и пользуются теми же правами.

Имение Парнаут. Определенных границ не имеет. Это горная котловина, заключенная между селениями Мерхеул, Гердзеул, Багажяшта, Цандикуара, Кац Игаларта и Гульрипш.

Гасан-бей выбрал эту местность, отличающуюся очень здоровым климатом, своим летним местопребыванием, развел там хороший сад и поселил там для своей услуги несколько анхае из фамилии Циба (подвластных его матери) и Шалаберия (мингрельцев). После смерти князя Димитрия половина фамилий Циба и Шалаберия перешли без позволения помещика жить в имение Пшап, а из другой половины Циба остались в Парнауте, а два дыма Шалаберия переселись в Абжагву в 1867 году и остальные Циба ушли, и все имение, оставшись свободным, поступило в непосредственное ведение помещика князя Георгия.

Имение Кац Игаларта. Это горная котловина, резко неограниченная, заключающаяся между имениями Гердзеулом, Допуакытом, Бабыш-Ира, Цхубеном, Багажяшта и Парнаутом.

Прежде Кац Игаларта служила местопребыванием одного из младших братьев Гасан-бея – Ростом-бея. После смерти Ростом-бея, жившие там анхае разошлись по разным другим имениям князя Димитрия, и Кац Игаларта оставалось имением незаселенным до того времени, когда был убит зять владетеля Абхазии Бабыш Маршани дальским тавадом Алмастом Маршани. После этого происшествия подвластный Бабыша майор Ростом Цихваш-ипа (более известный под ошибочно данной ему фамилией Маршани), боясь той же участи бежал в Кац Игаларта и сначала там скрывался, а потом навел к себе родственников своих и несколько ассасов из Цебельды, которые признают его своим помещиком, не смотря на то, что положительно известно, что ни Цихваш-ипа, ни Ярдыр-ипа, ни Пашт-ипа никогда кроме нескольких ахуйю подвластных не имели, а напротив сами были подвластными тавада Маршани. Я считаю крайне несправедливым и обидным для князя Георгия оставить имение Кац Игаларта в руках этих цебельдинских ассасов и допустить это можно только в таком случае, если они все, без различия званий, будут подведены под общий уровень анхае князя Георгия и притом с тем, чтобы места жительства были им указаны самим помещиком или его поверенным. До того же времени они должны или оставить своевольно занятые ими земли или исполнять все повинности лежащие на других анхае князя Георгия.

Имение Цанбейквара. Цанбейквара не составляет отдельного имения. Это лесной участок, составляющий часть имения Багажяшта.

Живут там только два дыма анхае Танба и один дым Лазбе-ипа… все трое ассасы, расчистившие себе небольшие участки леса, уже после смерти князя Димитрия или немного раньше этого времени, обязаны они отбывать те же повинности, как и анхае селений Яштуха, Бырц и Абжагва. Это имение совершенно бесспорное и если случалось в последнее время, что Гульрипшские аамиста Маргани, также иногда ассасы селения Багажяшта

АЛБТАМР

шинагмы Кучба, позволили себе продавать оттуда лес войскам, то это делалось ими тайным образом и преимущественно после выезда владетеля из Абхазии.

С е л е н и е Б а г а ж я ш т а. Большое пространство земли, большею частью покрытое отличным дубовым лесом, заключенное между имениями Цанбейквара, Парнаут, Кац Игаларта, Верхней Дранда и Пшапом, определенных границ не имеет. Из высших сословий есть в Багажяшта только один дым тавад Эмухвари. Это, ассас, пришедший из Самурзакани. Поселен был в Багажяшта дед теперь живущего там Чапиака Эмухвари, по имени Багыр. Случилось это переселение таким образом. Гасан-бей, незадолго до своей смерти, был как то в Самурзакани и ночевал у Багыра. Багыр, не имеющий почти никакого имения, ни подвластных (он не принадлежал к настоящей фамилии Эмухвари), занимался постоянно воровством… Вследствие такого ремесла, ему приходилось платить очень много штрафов. Заплатить ему было нечем и он был в такой крайности, что ему нечем было накормить Гасан-бея и его свиту. Гасан-бей, сжалившись над его положением, взял к себе в услужение и позволил ему жить в Багажяшта. Таким образом, уход под покровительство Гасан-бея – Багыр Эмухвари отделался от уплаты своих самурзаканских долгов. Но у него оставался в Самурзакани родной его брат Хиту (отец теперь живущего в Багажяшта Чатака Эмухвари) и кредиторы ушедшего в Абхазию Багыра стали требовать свои долги с его брата. Хиту, избегая преследований, бежал сначала в Цебельду, потом в Гумм, негде ни имея постоянного пристанища и наконец пришел к своему брату Багыру незадолго до смерти князя Димитрия и составлял вместе с Багыром один дым. Ассасы Эмухвари хотя и называют себя таковыми, но никогда не имели значения более обыкновенных шинагм и настоящие тавады Эмухвари, живущие в Самурзаканском селении Чхортоли и в Бзыбском Хуапе, своими родными их не признают. Багажяштинские Эмухвари относятся к тавадам Эмухвари, также как Псыртинские Маргани из Апыцхва и как Ростом Цихваш-ипа и Беслан Ярдыр-ипа к тавадам Маршани. Подвластных эти Эмухвари никогда ни в Самурзакани, ни в Абхазии не имели и не имеют, исключая нескольких ахуйю, которых у них отобрали за долги и одного ахашала, которого они приобрели уже на новом месте жительства. Прав собственности на занимаемую ими землю они никаких не имеют. Что Багажяштинские Эмухвари не считались выше шинагм, видно уж из того, что двух дочерей своих Багыр Эмухвари выдал (сначала одну, а после его смерти другую), за шинагму Кягуса Чирикба, жившего в то время в Пшапе (вторую жену свою, вторую дочь Багыра Эмухвари, Кягуса убил прикладом пистолета и теперь женат уже на третей жене, происхождения которой я не знаю). Вообще я полагаю, что Эмухвари происходят от какого-нибудь незаконнорожденного, подобно покойному Ахмату Чабалурхва в селении Абжагва.

Кроме Эмухвари в Багажяшта живут в качестве ассасов цебельдинские выходцы шинагмы Кучба, поселенные в этом селении после смерти князя

Димитрия в 1863 и 1864 году Гасаном Маргани, который, когда Григорий Шервашидзе был отставлен владетелем от места окружного начальника, управлял Сухумским округом. Впрочем шинагмы Кучба уже не в первый раз поселяются в этих местах. Еще при жизни Кялым-бея, жена его Робия Ханум, урожденная Маршани Кец-ипа, взяла в кормилицы к своей дочери Сельма Ханум (умершей малолетней) мать теперь живущего в Багажяшта шинагмы Кяго Кучба, по имени Хуранза, которая считалась подвластною Кец-ипа Маршани. Однажды эта кормилица принимала у себя в доме, в Цебельде, владетельницу и дав ей при этом случае хорошие подарки, просила ее принять под свое покровительство ея мужа отца Кяго Кучба. Робиа–Ханум просила о них своего мужа Кялым-бея и Кялым-бей, приняв шинагм Кучба под свое покравительство, позволил им жить в имении Пшап, а Кяго Кучба взял к себе в прислугу в качестве чубукчибаши (подавателя трубок). В этой должности Кяго Кучба будучи мальчиком постоянно бегал пешком около лошади своего помещика с трубкой. После раздела Абхазского наследства и отдачи Абхазского округа в удел Гасан-бею, шинагмы Кучба поселены в Пшапе, сделались подвластными Гасан-бея и Кяго находился в числе домашней прислуги. После смерти Гасан-бея Кучба наделали каких-то проказ и были прогнаны из Пшапа князем Батал-беем Шервашидзе с согласия князя Димитрия обратно в Цебельду. При жизни князя Димитрия Кяго Кучба не смел возвращаться в его имение и только чрез несколько лет после его смерти, решился при помощи Гасана Маргани поселиться сначала в Аварче, а потом в Багажяшта, где живет уже лет пять или шесть. Кроме нескольких ахуйю и одного беглого русского солдата, живущего у них в доме, шинагмы Кучба подвластных не имеют, но благодоря прежней неурядицы в имениях князя Георгия и покровительству Гасана Маргани, они успели приобрести большое влияние не только в Багажяште, но и в селении Пшап и стараясь присвоить себе подвластных князя Георгия часть, возбуждают их неисполнению лежащих на них повинностей. На землю в Багажяшта они имеют еще меньше права, чем Эмухвари и так как они кроме вреда помещику этого имения ничего не приносят, то я прошу комиссию, послать их куда-нибудь из имения князя Георгия Димитриевича или же заставить их платить в пользу помещика ажидз наравне со всеми анхае за пользование помещичьей землей. Вообще относительно ассасов я полагаю, что князь Георгий Димитриевич готов будет делать всевозможные снисхождения ассасам из крестьянского сословия. Как людям действительно трудящихся, но не будет давать даром земли ассасами из сословия тавад, аамиста и шинагм, так как эти люди сами не работают, пользуются только чужим трудом и, вследствие своего постоянного тунеядства, только волнуют народ и занимаются воровством. При новом порядке вещей, наступающем в Абхазии, гораздо будет лучше, если все ассасы из высших сословий, не имеющие своей земли на коренном месте своего жительства, останутся вовсе без надела землею. Это заставит их или самим наниматься на службу

АЛЫТАИР

к другим лицам, или нанимать у других землю. И в том и в другом случае они по неволе должны будут работать и если в первое время такого преобразования некоторые из них будут в дурном положении, то зато в будущем они сольются с земледельческим сословием или сделаются мастеровыми и торговцами и стало быть людьми более полезными чем теперь.

Жители крестьянского сословия суть анхае Читанаа шесть дымов. Эти ассасы, пришедшие при жизни князя Димитрия из самурзаканского селения Чхортали. Они прежде были пиошами чхортольских тавад Эмухвари, но вследствие убийства одного из них, бежали в Абхазию под покровительство князя Димитрия, который поселил их в Багажяшта. Анхае Харазия выходцы из Абжагвы, два дыма, анхае Капба выходцы из Акапа. Остальные все беглые из разных мест Абхазии и потому должны быть возвращены на свои места.

Впрочем их можно оставить в Багажяште с условием, чтобы они считались вполне подвластными князя Георгия.

С е л е н и е П ш а п. Границы: с юга море, с запада река Пшап, с севера тоже река Пшап и горы отделяющие имение Пшап от Багажяшта и с востока селение Цхубен или Дранда отделяемое от Пшапа рекой Адзапша.

Это большое и мало заселенное пространство земли, большею частью занятое отличным строевым лесом. Имение Пшап никогда не было спорным и только в последнее время объявил на него претензию, впрочем не на чем не основанную, Григорий Шервашидзе. Я уже достаточно говорил о том, как Григорий Шервашидзе старался мошенническим образом захватить в свои руки многие имения князя Георгия Димитриевича и может быть придется мне об этом говорить далее при описи других имений, в которых он более прочно утвердил свое влияние. Относительно же Пшапа претезания его имеют также мало основания, что против них я не нахожу нужным и говорить.

Жители Пшапа: анхае Циба. Я о них уже упоминал, описывая имение Парнаут. Теперь анхае Циба, рассчитывая на неведение[1] русского начальства, по примеру многих анхае, называют себя аамиста.

В числе представленных мною в комиссию документов есть между прочим одно письмо княгини Кессарии Шервашидзе к князю Димитрию, из которого видно настоящее звание Циба…

Анхае Шаламберия два дыма, тоже выходцы из Парнаута. Из них Алхаз Шаламберия, имеющий очень большое влияние в народе и действуя за одно с шинагмами Кучба (в Багажяшта и Айбара), Чагыром Вардан (в Абжагве) и Ахматом Мысыр-ипа, в Бырц, постоянно возбуждают народ к неисполнению обязанностей его относительно помещика и имеют даже вредное влияние и в правительственном отношении. Анхае Танба, один дым, вышедший из Мерхеула. Анхае Гунджа один дым. Анхае Джиба – один дым. Все анхае селения Пшапа обязаны отбывать теже повинности, как и анхае селений Яштуха, Бырц и Абжагва.

[1] Наверное, правильнее «введение» – (**сост.**).

Не лишним считаю сообщить комиссии, что во время переселения абхазцев в Турцию, анхае Циба купили мальчика Реджеба Агоцба, кажется из Гумских анхае. Так как продажа людей в Абхазии была воспрещена гораздо ранее переселения абхазцев, то, кажется, что мальчик Реджеб Агоцба, находящийся теперь в рабстве у вдовы анхае Мисауста Циба – Асиды, должен быть освобожден. У той же вдовы Асиды Циба живет араб Селим, который, как араб, хотя и считается свободным, но жена его Хваша, неизвестно почему продолжает считаться ахашалой Асиды Циба.

Все остальные жители Пшапа, здесь не поименованные, суть ассасы, поселенные там в недавнее время. Впрочем и поименованные мною анхае могут считаться ассасами, потому, что все они в сущности не коренные жители Пшапа, а выходцы из других имений князя Георгия Димитриевича.

С е л е н и е Ц х у б е н и л и Д р а н д а. Границы: с запада речка Адзапш (отделяющая Цхубен от Пшапа) с юга море, с востока селение Бабыш-Ира и старое русло Кодора, с севера селения Допуакыт и Кац Игаларта.

Когда, в половине прошедшего столетия фамилия Шервашидзе была удалена в Турцию, воспользовавшиеся этим обстоятельством князья Дзапш-ипа заняли все пространство между Псырцха и Кодором, то и Цхубен (деревня Дранда) подпал под их власть.

С возвращением владетельного дома в Абхазию сила и значение князей Дзапш-ипа упали. Когда приехал из Батума племянник владетеля Зураба – Кялым-бей (впоследствии владетель), то Зураб послал его выгнать из Цхубена жившего там князя Дзапш-ипа и вскоре после того, Кялым-бей, сделавшись уже владетелем, послал в Цхубен одного из подвластных ему аамиста, Ломкадзе (?) Званба, которому поручил управление всем драндским имением и собирать в его, т. е. владетеля пользу повинности с тамошних жителей, прежних подвластных, выгнанных князей Дзапш-ипа и анхае, переселенных туда самим Кялым-беем.

Река Адзапша, служащая теперь границей между Дранда и Пшапом, получило свое название собственно потому, что она была назначена первоначальной границей между Дзапш-ипа и землями, в непосредственном ведении Зураба, в первое время по возвращении его из Турции и до приезда в Абхазию Кялым-бея[1].

Ламкадза (?) Званба не имел в Цхубене ни одного подвластного ему анхае и владел только несколькими ахуйю и ахашала. У него было два сына – Темурква и Матыр-бей – современники Гасан-бея и когда последний получил в надел Абхазский округ, то аамиста Званба сделались вполне его подвластными и особенным значением в округе не пользовались, как люди бедные и далеко не самостоятельные. Драндские анхае им по-прежнему никаких повинностей не отбывали, а отбывали их Гасан-бею.

[1] Данное объяснение А. Пахомова происхождения названия реки Адзапш с его же повествованием об истории происхождения фамилии Дзап-ипа от названия реки Адзапш. Возможно и то, что речь идет о двух разных реках Адзапш – (**сост.**).

АЙБТАМИР

Во время смут, последовавших после убийства Кялым-бея, аамиста Званба начали играть более видную роль и приобрели большое доверие у Гасан-бея, который делал им большие подарки. Во время восьмилетнего пребывания Гасан-бея в Сибири они еще более усилились и подвластные Гасан-бея, живущие в Цхубене, начали им служить. Будучи однако пре данными своему господину, они пристали к его братьям, оставшимся в Абхазии, таким образом сделались участниками партии, хлопотавшей о возвращении Гасан-бея из Сибири и постоянно воевали с Али-беем Шервашидзе (отцом Григория), который хотел забрать все имение Гасан-бея до Пшапа. Кроме преданности к своему господину Темурква и Матыр-беем Званба руководили отчасти и расчет и самолюбие. Соглашаясь считать себя подвластными одного из членов владетельного дома, Званба, как коренные аамиста считали для себя позорным сделаться подвластными сына Бекир-бея (деда Григория, который хотя и носил фамилию Шервашидзе, но к владетельному роду не принадлежал и был простым владетельским моуравом)[1]. Кроме того, захватив раз в свои руки драндских анхае, они имели надежду, что Гасан-бей, если вернется, не лишит их права пользоваться услугами этих анхае за преданность и верную службу Званбаевых, тогда как Али-бей с ними бы в этом отношении не поцеремонился и не только лишил бы их повинностей от анхае, но и самих Званбаевых бы из Цхубена выгнал. Вернувшись из Сибири, Гасан-бей действительно не лишил Званбаевых права пользоваться повинностями тех анхае, которые в то время жили в Цхубене, но постановил: во-первых, чтобы эти анхае давали в пользу его, Гасан-бея, пастухов, по три бичуквы (кошолки) кукурузы и по два апхала (кувшины известной меры) вина, во-вторых, чтобы они на праздник Пасхи приносили Гасан-бею по ягненку или козленку (что у кого есть), а сами аамиста Званба обязаны были при этом случае приводить лучшую корову. Дар этот считался почтенным, но во всяком случае обязательным и постоянно аккуратно приносился как самому Гасан-бею, так и впоследствии сыну его покойного гвардии полковнику князю Димитрию Шервашидзе.

Прав собственности на землю Гасан-бей Званбаевым не давал, продолжал пасти свой скот в Драндских лесах и позволил селиться в Цхубене разным анхае своим и чужим, с тем, чтобы они платили подати ему, а не Званбаевым. Таким образом, случилось, что в одном и том же имении есть анхае, подвластные и князя Георгия и Званбаевых. Впрочем и Званбаевские анхае не могут считаться безусловно подвластными этих аамиста, так как последним предоставлено право пользоваться не всеми повинностями анхае, а только их большею частию.

В Абхазии существует обычай, что когда отдают на воспитание ребенка княжеского рода, то вместе с ним, для его прислуги присылают кого-нибудь

[1] Бекир-бей Чачба-Шервашидзе – сын Ширвана, брата Зураба и Манучара Чачба-Шервашидзе – владетелей Абхазии. Таким образом, данное утверждение А. Пахомова не соответствует действительноти – (**сост.**).

из его подвластных, большею частию одних лет с воспитанником. Такой слуга носил название ганделя. Обычай этот существовал и во всех областях, входивших в древние времена в состав грузинского царства и цель его состояла в том, чтобы выросший таким образом, своим господином слуга, оставался при нем, был бы ему предан и постоянно бы ему служил как самый доверенный слуга. Хотя назначение в гандели было обязательно для всех подвластных без различия звания и от этой должности отказываться было нельзя, но в сущности это не было тяжелой повинностью относительно фамилии Шервашидзе. Первые тавады и аамысты были рады отдавать своих сыновей в гандели, потому, что эти гандели, выросшие вместе с своим господином и делаясь их доверенными лицами, получали большие подарки и обыкновенно играли довольно важную роль. Сафар-бей, будучи в хороших отношениях с Гасан-беем и желая еще более скрепить с ним дружбу, отдал ему на воспитание сына своего князя Константина. Гасан-бей при этом назначил в гандели князю Константину сына Темруква Званбая – Соломона. Когда князь Константин был отправлен в С-т Петербург в пажеский корпус, то вместе с ним послали и его гандели Соломона Званбая, который был определен в дворянский полк. Дослужившись впоследствии до чина полковника, Соломон Званбай приобрел довольно большое значение у русского начальства и в Абхазии. Желая утвердить свои права на Цхубен (которых в сущности он никогда не имел, будучи простым ассасом в имении князя Димитрия) Соломон Званба, говорят просил владетеля дать ему грамоту на владение землею. Будучи в дурных отношениях с Гасан-беем и держась постоянно системы поднимать против него собственных его подвластных, владетель и сам мог посоветовать Соломону Званбаю взять такую грамоту, несмотря на то, что теперь не мог давать письменные документы на вечное владение землею и дал подобный документ, кроме Соломона Званбая (если только он его дал Соломону) только одному генералу Кацо Маргани и то вследствие крайней необходимости. Соломон же Званбай не был таким важным человеком и не был таким приближенным лицом к владетелю, что последний был поставлен в необходимость делать для него такое необыкновенное исключение. Ясно, что эта грамота, если она существует, была чисто делом интриги. Кроме того, я имею некоторый повод сомневаться и в самой подлинности этого документа. В копии, которую я видел у Таты Званбай (вдовы Батритшаха) между прочим написано: «с подлинною копиею, хранящеюся при делах полка, верно». Из этого я заключаю, что в архиве Мингрельского Егерского полка находится только копия документа, а не самый документ. Кроме того из новой копии невидно, что первоначальная копия, хранящаяся в архиве полка, была бы кем-нибудь заверена, а если она не заверена, то не может иметь никакого значения, потому что Соломон мог и сам написать грамоту и назвать ее копиею с подлинного документа будто бы существовавшего и в виде такой мнимой копии оставить в полку. Самое содержание грамоты для меня очень странно. Я уже

АЛЫТАИР

не говорю о громадности границ, назначаемых грамотою, далеко выходящих из пределов того, чем когда-либо пользовались аамиста Званба: отдавая не свое, а чужое имущество, которым сам воспользоваться не имел права. Владетель мог кроить землю как ему было угодно, нисколько не вредил своим собственным интересам. Но тем же документом предоставлялось Соломону и его братьям право продажи пальмы из Званрипш, на что владетель конечно никогда бы не согласился, во-первых, потому, что давая такое право, он самого себя лишал важного дохода и, во-вторых, не было на то никакого и основания, потому что драндские Званба уже давно ничем не пользовались в Звандрипше и невозможно было предоставить это право Соломону Званбай, обходя при этом звандрипшских аамиста той же фамилии. Такого подарка владетель вероятно не сделал и потому я думаю, что если владетель и дал Соломону какую-нибудь бумагу, то вероятно не ту, которая имеется в делах Мингрельского Егерского полка. Если у Таты Званбай окажется подлинный документ, то и тут может быть сомнение. Все лица, подписавшие документ, в качестве свидетелей, уже умерли и запросить их об этом предмете стало быть нельзя. Печати владетельской к грамоте не приложено (по крайней мере в копии о ней не говорится), чего не могло бы случиться, если бы документ был подлинным. Так как не только к такой важной грамоте, но даже к простым свидетельствам о дворянстве и отпускным билетам владетель всегда приказывал прикладывать печати. В виденной мною копии ни слова также не упоминается о том, чтобы подлинная грамота была подписана владетелем. Все эти пробелы до крайности подозрительны.

Кроме всего вышеизложенного о грамоте я не лишним считаю заметить, что если бы в действительности существовала и считалась бы в Абхазии законною, то ни Гасан-бей, ни покойный князь Димитрий не могли бы распоряжаться Драндским имением так, как они в нем распоряжались, т.е. пасли там свои стада, собирали с жителей ажидз, продавали и отдавали даром, не спрашивая у Званбаевых позволения, тамошний лес, селили там своих и чужих (принимаемых ими под свое покровительство) крестьян и не брали бы с самих Званбаевых одну корову в год. С другой стороны, предоставив Соломону Званбаю право продавать звандрипшскую пальму, владетель сам бы ее не продавал, а между тем положительно известно, что аамиста Званба этой пальмы никогда не продавали и напротив продавал ее постоянно сам владетель.

Независимо от всего сказанного, названная грамота, если бы она и действительно была бы дана владетелем, не может иметь значения уже потому, что владетель не имел никакого права распоряжаться тем, что ему не принадлежало.

При жизни князя Димитрия Соломон Званбай пользовался в имении Дранда всем, чем пользовался его отец Темурква. У него же в доме жил и его двоюродный брат Батритшах, сын Матыр-бея, младшего брата Темурквы. Батритшах при жизни Соломона ничем не пользовался, потому что

как член младшей линии их рода имел право рассчитывать только на то, чтобы его кормили и одевали в доме старшего в роде до женитьбы, а после женитьбы обыкновенно ему выделялась только небольшая часть того, чем владел старший в роде.

С точки зрения европейских юристов Батритшах как сын родного брата Темурква (отца Соломона) должен был наследовать половину того, чем пользовался дед их Ломкадзе. По абхазским же понятиям дело выходило иначе. Темурква был старший брат и потому один только пользовался всем, что им было предоставлено князьями Шервашидзе и передал свои права нераздельно своему сыну Соломону, а Батритшах не имел даже права на наследство, потому что наследство у ассасов переходит только по прямой линии, а в боковые линии может переходить только с разрешения главного помещика, которого либо из князей Шервашидзе. Это почти всегда разрешалось и обыкновенно при этом случае помещик получал большие подарки скотом, оружием или деньгами. Как полным собственникам земли, князьям Шервашидзе было решительно все равно кто бы не пользовался их землею, лишь бы она не оставалась пустою; с другой стороны, каждый из них старался иметь как можно больше подвластных, так как чем больше их было тем значительнее и сильнее были помещики. Я говорю об этом предмете собственно потому, что вопрос этот был возбужден после, при кончине полковника Соломона Званбая и способ каким он был разрешен может отчасти служить указанием о правах по наследству в Абхазии вообще, а в частности на право князя Димитрия, а по нем сына и наследника его князя Георгия Димитриевича.

Соломон Званбай умер бездетным. Так как с одной стороны вдова его, как женщина не могла быть наследницей, а с другой стороны Батритшах, как двоюродный, также не мог быть наследником, то имение (в тех пределах и на тех правах, какими пользовался Соломон) считалось выморочным. Что, так на этот предмет смотрели и владетель и князь Димитрий, видно из следующего обстоятельства. Соломон Званбай, при жизни своей выстроил два деревянных дома: один в городе Сухуме (теперь он принадлежит майору Крыницкому) и один в селении Дранда, где он жил. Когда Соломон умер, то князя Димитрия в Абхазии не было, уезжал в Тифлис или Кутаис. Вдова Соломона, воспользовавшись отсутствием князя Димитрия, продала драндский дом купцу Иордану Метакса, который и перевез его в Сухум. На беду их приехал в Сухум владетель и узнав об этом случае рассердился и приказал тотчас же арестовать привезенный из Дранд дом, а дом, находившийся и прежде в Сухуме он тотчас же приказал, до приезда князя Димитрия, занять князю Александру Шервашидзе. Действуя таким образом владетель говорил, что это имущество как выморочное должно принадлежать князю Димитрию и несмотря на то, что сторону вдовы Соломона Званбая приняло было русское начальство, владетель остался при своем решении. По приезде князя Димитрия владетель сообщил ему о своем решении и князь

АЛЫТАИР

Димитрий тотчас же принял от князя Александра дом, прежде состоявший в городе, а дом, перевезенный из Дранд, позволил взять Иордану Метаксе, вследствие неотступных просьб последнего и еще одного обстоятельства, о котором неудобно писать.

В то же время князь Димитрий позволил Батритшаху пользоваться тем, чем пользовался его двоюродный брат Соломон, с условием, чтобы он взял на свое попечение вдову умершего. Батритшах не только взял ее на свое попечение, но даже выдал ее замуж за своего сына. С того времени Батритшах всегда верно служил князю Димитрию, и никогда не переставал считаться его подвластным. В настоящее время из их рода остались только дети Батритшаха от двух его жен и вдова его (вторая жена) Тата Званбай, которая только в нынешнем году начала претензии на полное владение селением Дранда и на свою полную независимость.

В сущности аамиста Званба имеют право в Цхубене пользоваться землею на столько, сколько это им необходимо для своего пропитания и то до тех только пор, пока они там живут, пасти свой скот на драндских пастбищах, получать по одной штуке от ажидза, собираемого в пользу помещика князя Георгия за пастьбу чужого скота, собирать ажидз (за исключением трех бичукв кукурузы и двух апхалов вина) с тех жителей, которых отцы им служили с позволения Гасан-бея и пользоваться их работой, пользоваться растущим около них лесом для своих надобностей, но не для продажи. В свою очередь сами они, я уже сказал выше, обязаны приводить помещику на пасху одну корову, исполнять все его поручения и ездить в его свите когда он потребует.

Из опроса жителей можно узнать, что и Гасан-бей и князь Димитрий постоянно владели имением Дранда, пасли там свой скот, селили своих крестьян, отдавали на откуп тамошний виноград и продавали лес. На то, что покойный гвардии полковник князь Димитрий распоряжался драндским лесом, комиссия может найти много указаний в представленных мною при прошении от 19 минувшего ноября, документах. Вино при жизни князя Димитрия брали на откуп в селениях Дранда и Бабыш-Ира мигрельцы…

После смерти князя Димитрия вино в селение Дранда отдавал на откуп опекун малолетнего в то время князя Георгия князь Михаил Шервашидзе, о чем должен знать Соломон Званбай[1], которого владетель посылал не раз отбирать от откупщиков следующую помещику часть вина. В тот год, когда дочь владетеля Тамара уезжала с мужем своим (Нико Дадиани) в Мингрелию, за этим вином в Дранды был послан не Соломон Званбай[2], а Гасан Маргани. По поводу последнего я могу рассказать случай, послуживший поводом к официальной переписке, которая может подтвердить мое показание. В 1863 году в селениях Дранда и Бабыш-Ира взял от владетеля подряд мингрелец Битуйя Читайя. Когда вино было сделано и нужно было взять часть, следующую в пользу помещика, то управляющий Егор Туркия,

[1] Так в тексте. Здесь имеется в виду Соломон Лакер (Лакырба) – (**сост.**).
[2] Соломон Лакырба – (**сост.**).

заведывавший обыкновенно этими делами, спрашивал владетеля, что ему делать с вином. Владетель приказал его продать. Туркия, исполняя это приказание, продал вино тому же Битуйя Читайя за (пропуск) рублей, но денег взять не успел, потому что отправился в поход с генералом Шатиловым, при котором он состоял переводчиком. Во время отсутствия юнкера Туркия Гасан Маргани отнял от Битуйя Читайя деньги и истратил их. Егор Туркия, вернувшись из похода и узнав о случившемся, тотчас же подал жалобу на Гасана Маргани генералу Шатилову. Гасан был запрошен и отвечал, что деньги он действительно взял, но истратил их не на свои надобности, а по делам владетеля. Переписка эта непременно должна находиться в делах канцелярии Сухумского военного отдела. В делах этой канцелярии должны быть и многие другие бумаги, указывающие на права покойного полковника князя Димитрия на драндское имение. Одна из самых интересных переписок по этому предмету, была та, которая (велась) вследствие заарестовывания дров купца Смирнова Сухумскою таможнею. Князь Димитрий продал господину Смирнову сто сажень дров. Дрова эти рубил с подряда родной брат поверенного князя Димитрия, Якуб Сааков в драндском лесу. Когда дрова были готовы и нужно были их грузить на суда, то таможня наложила на них запрещение, основываясь на то, что владетель Абхазии приказал без своего разрешения не выпускать из края какое бы то ни было лесные материалы. Князь Димитрий рассердился и тотчас написал… бумагу к генералу Лорис-Меликову (черновая этой бумаги представлена мною комиссии: приложение № 8-й) и частное письмо к владетелю. Генерал Лорис-Меликов в свою очередь также снесся об этом с владетелем и результатом всей истории было письмо владетеля, в котором он прямо говорит, что распоряжение его о не вывозе из Абхазии леса без его разрешения относится собственно к его подвластным и никак не может относиться к князю Димитрию, который имеет право вывозить лес из своих имений без всякого на то разрешения. Есть много и других фактов, указывающих на то, что князь Димитрий был полным собственником драндского леса и что кроме его никто не имел права его продавать. Так, из дел инженерного ведомства можно видеть, что, когда строилась Военно-сухумская дорога между Сухумом и Редут-Кале, то подряд постройки мостов от Сухума до Кодора взял на себя князь Димитрий, а от Кодора далее к Самурзакани сам владетель. На эти мостовые постройки лес заготавливался князем Димитрием во всех лесах, расположенных между Кодором и Сухумом и до постройки был сдан инженеру Черникову. Впоследствии была наряжена следственная комиссия над действиями этого инженера и из ея бумаг (из которых одна мною представлена комиссии, см. приложение № 18-й) дело это можно разъяснить подробнее. Когда прапорщики Асатиани и Акопов (живущие в Кутаисе) взяли на себя подряд постройки лазарета и других строений на Трапеции, то их поверенный и товарищ, Нико Хоперия, не спросивши князя Димитрия, заготовил в Драндах несколько лесу, вступив в тайную сделку с Батрытшахом

АВТАМАР

Званбаем. Князь Димитрий об этом узнал только тогда, когда плоты этого леса везли уже мимо Келасури. Князь тотчас же этот лес арестовал и когда Хоперия пришел и начал просить, то князь Димитрий отвечал ему, что он тогда только отдаст ему этот лес, когда у него, Димитрия, отнимут его имение и отдадут его Хоперия. Впоследствии князь Димитрий лес этот отдал прапорщику Асатиани, с которым был в очень хороших отношениях. Об этом обстоятельстве знает мингрелец Сафрон Каланари-швили (временно проживает теперь в Сухуме) и вероятно также Акопов и Асатиани, живущие в Кутаиси. Кроме всего сказанного, в архиве Сухумского военного отдела, а также в архивах канцелярии наместника Кавказского и канцелярии бывшего Кутаисского генерал-губернаторства должно быть довольно много разных дел, возникших по поводу очень частых жалоб князя Димитрия на раззорения его лесов, расположенными в Сухуме, войсками.

Покончив с объяснением прав покойного князя Димитрия на владение драндским имением, я перехожу к разбору неправильных притязаний на это имение со стороны гвардии полковника Григория Шервашидзе, который самым бессовестным образом обманывая начальство, не только неправильно называет себя князем, но еще хочет ограбить людей, которые ничего дурного ему не сделали. Необходимо при этом коснуться и родословной этого господина.

Теперь Григорий Шервашидзе составил себе родословную, из которой явствует, что родоначальником его был князь Шерван Шервашидзе, средний из трех вывезенных из Абхазии братьев. Это чистейшая ложь. Когда в половине прошедшего столетия Манучар, Шерван и Зураб были вывезены в Константинополь, то из этих трех братьев один только Манучар (отец Кялым-бея) был женат на дочери джигетского князя Аредба, а Шерван и Зураб были холостые. Шерван умер холостым в Константинополе в самый год своего приезда туда. Манучар, получив Батумский пашалык (который как и Ахалцихский давал владетельское права), туда взял и брата своего Зураба, сделанного вскоре после того владетелем Абхазии. Манучар имел в Батуме много любовниц и назначил управлять ими и держать их в порядке жителя Кобулет Ширина Шервашидзе, одного из потомков мелких самцихских азнауров, который, будучи очень беден, должен был наниматься в прислуги. Должность его не очень почетная, называлась харам кахия и Ширин Шервашидзе состоял в ней до самой своей смерти, оставив сироту Бекира. Так как Ширин был очень беден и ничего не мог оставить в наследство своему сыну, то мальчик болтался между челядью, жившего при доме паши и из малости там кормился. Вероятно там ему не раз случалось встречать сына паши Кялым-Ахмет бея, будущего владетеля Абхазии.

При постройке домов в Сухумской крепости Кялым-бею понадобились мастеровые. Кялым-бей послал к своему отцу Манучару в Батум Хутунию Маршани (родоначальника джгердских тавад этого имени), одного Анчабадзе и одного Званбая просить пашу, чтобы он выслал ему нужных

мастеровых. Но так как некоторых мастеровых (в особенности каменщиков) нужно было выписывать из других мест, то посланные прождали в Батуме несколько месяцев, живя конечно при доме паши. В это время они узнали Бекира. Мальчик умолял их взять его в Абхазию, разсчитывая, что быть может Кялым-бей его помнит и не откажется взять его к себе в услуги. Так действительно и случилось. Кялым-бей охотно взял его к себе, разсчитывая, что мальчик, родившийся в доме его отца, и не имеющий никаких связей в Абхазии, может служить ему вернее и надежнее его абхазских подвластных, у которых под рукой всегда была какая-нибудь интрига.

Такое соображение побудило Кялым-бея послать Бекира в Квитаул (бывший административным и хозяйственным центром Абживского округа (где находился владетельский дом) в качестве управляющего, а для того, чтобы Бекир не умер с голоду, ему было позволено пользоваться повинностями, живших в Квитауле владетельских подвластных. Но сделавшись владетельским моуравом и пользуясь неограниченным доверием Кялым-бея, Бекир Шервашидзе сначала прибавил к своему имени частицу «бей», что в то время имело некоторое значение, женился на дочери Ахтаула Анчабадзе (Набакевского)[1] и так усилился в новом месте своего служения, что вздумал выдти из повиновения своему господину. При этом он разсчитывал на поддержку своих многочисленных родных по жене (Анчабадзе), на поддержку Дзапшиповых и на неудовольствие высших сословий вообще против Кялым-бея за его слишком крутое обращение с ними. Расчеты Бекир-бея однако оказались ошибочны. Кялым-бей окружил его в крепости Атара и взял в плен. Его бы вероятно убили если бы он, зная страсть Кялым-бея к хорошеньким женщинам и к жене его в особенности, не выслал ее с детьми просить о пощаде. Кялым-бей его простил и даже по-прежнему оставил своим моуравом, но отобрал у него жену и сделал ее своею, уже официальною женою. Скоро после этого Бекир бей умер. Мать его детей (Сосран-бея и Али-бея) – жена Кялым-бея, просила у последнего позволения взять своих сыновей к себе. Кялым-бей ей это разрешил и назначил ей местом жительства селение Атара, позволив ей пожизненно пользоваться повинностями анхае этого селения. Скоро после этого был убит и сам Кялым-бей. Наступили смуты, затем слабое управление владетеля Сафар-Али-бея (в крещении Георгия) и дети Бекир-бея Сосран-бей и Али-бей, воспользовавшись этим положением вещей, начали считать себя собственниками Атары и даже Квитаула, несмотря на то, что со смертью их отца Бекир-бея это последнее имение опять вернулось к Кялым-бею, потому что живший там моурав умер, а нового не было назначено. Сосран-бей умер бездетно. Сафар-бей, по неволе смотревший сквозь пальцы на все что делалось в его владении и считавший все таки необходимым иметь моурава в Абживском

[1] Еще до женитьбы Бекир-бея, она, в одну из поездок Кялым-бея в Самурзакань сделалась любовницей владетеля. Бекир-бея – Кялым-бей женил на ней собственно для того, чтобы он служил ширмой для этой связи – (**оригинал**).

АЛЫТАМИР

(Абжуйском) округе, утвердил в этом звании Али-бея, отца Григория Шервашидзе. После смерти Сафар-бея и сына его Омар-бея (Димитрия) новые смуты еще более усилили Али-бея. После возвращения из Редут-Кале бежавшего туда семейства владетеля, владетельница Тамара, мать Михаила, обратила внимание на чрезмерное усиление Али-бея и снова низвела его на степень простого моурава, но не мешала ему пользоваться повинностями жителей Атары и Квитаул и только требовала от него исправного сбора айбара и других доходов. По сборе этих доходов она обыкновенно дарила ему в виде награды рублей сто или полтораста и Али-бей за это целовал полу ея платья. Женитьбой на княжне Кессарии Дадиани Али-бей стал в родственные отношения (по жене) к владетелю Михаилу и этим объясняется довольно близкие отношения этих двух фамилий. Впоследствии княгиня Кессария сначала помогла князя Михаилу жениться на дочери Георгия Дадиани и потом доставляла ему любовниц, чрез что приобрела некоторое влияние на владетеля и распоряжалась в Абживской (Абжуйском) округе как у себя дома. С этого же времени и началось и возвышение Григория Шервашидзе, который до последних почти дней был верным исполнителем разных темных поручений владетеля, пока не рассорился с своею матерью, а потом и с самим владетелем. Вот вся история и все права Григория Шервашидзе. Земли своей собственно он ни клочка не имеет, он ассас и подобно своему отцу и деду жил в Абхазии только из милостей владетелей. Интересен следующий факт. В 1857-м или 58 году приехал в Сухум очень бедный… Дурсун Шервашидзе. Не найдя себе занятий в Сухуме, он отправился в Очемчири, где открыл лавочку. Владетель, находя неприличным, чтобы человек, носящий его фамилию, торговал в Абхазии и узнав, что он родственник Григория Шервашидзе, приказал Дурсуну или отправиться к Григорию или выехать из Абхазии. Григорий говорят дал ему несколько денег и просил не оставаться в Абхазии, чтобы его не компрометировать…

До ссылки Гасан-бея никто из рода Григория Шервашидзе не имел никаких претензий на имения, расположенные за правым берегом Кодора. Когда по просьбе владетельницы Тамары, Гасан-бей был сослан в Сибирь, то владетельница поручила Али-бею управлять имениями Допуакыт, Бабыш-Ира, Аварче и Цхубен. Али-бей собирал там доходы в пользу владетеля, но распоряжался большею частью по своему произволу. По возвращении Гасан-бея из Сибири, все эти имения снова были ему возвращены и Али-бей не смел уже в них распоряжаться. Временное управление его однако подало впоследствии повод сыну его Григорию Шервашидзе объявить притязания на Бабыш-Ира и Дранда уже при жизни покойного князя Димитрия. Григорий в этом случае разсчитывал на поддержку владетеля, который, разсчитывая, что такой поступок со стороны Григория может вызвать князя Димитрия на сопротивление открытой силой и вовлечет его таким образом в неприятные столкновения с местными русскими властями, сам советовал Григорию переселиться в Бабыш-Ира. Григорий так и сделал, но к удивлению его и владетеля князь Димитрий ничего не сказал и даже продолжал принимать у себя Григория как близкого человека. Григорий уже радовался, что может остаться в Бабыш-Ира, как вдруг случилось обстоятельство, которого никто не ожидал. Князь Димитрий, выбрав такое время, когда Григорий был в дальней отлучке, послал Батритшаха Званбая в Бабыш-Ира выгнать оттуда семейства Григория. Батритшах пришел с посланными от князя Димитрия в дом, который занимала жена Григория (урожденная княжна Дадиани, родная сестра Нико Дадиани) и (на) ея глазах перевернул на огонь котлы с варившимся кушаньем (что в Абхазии считается кровным оскорблением), а самой ей тотчас приказал убираться в Атару, пешком, и только слезные мольбы ея и униженные просьбы Маджары, брата Григория, заставила согласиться Батритшаха, чтобы она поехала верхом. В распоряжении их были только две лошади. На одной поехала жена Григория, а на другой Маджара, вещи их все были порублены и испорчены. Григорию тотчас дали об этом знать и он бросился с жалобою к владетелю Михаилу. Но Михаил, прежде обещавший ему помочь в этом деле, теперь отказался от всякого в нем участия. Григорий не осмелился открыто мстить князю Димитрию и получив такой хороший урок, не покушался уже больше захватывать названные имения. После смерти князя Димитрия и выезда из Абхазии князя Константина Шервашидзе, в 1861 году Григорий Шервашидзе был назначен управляющим в имении князя Георгия от имени опекуна, т. е. владетеля. Во все этих имениях, а в том числе в Дранда, он собирал ажидз и другие доходы, но обязан был отдавать отчет в их употреблении, чего однако не исполнял. Эта безотчетность и крайняя небрежность в исполнении опекунских обязанностей со стороны князя Михаила были причиною, что Григорий снова задумал завладеть теми имениями, на которыя неправильно претендовал прежде и мог сделать это тем легче, что со смертью своего господина Батритшах потерял всякое значение, а потом и умер, а Григорий, распоряжаясь в имении князя Георгия как у себя дома, успел более преданных своему помещику людей разогнать или разорить, а вместо них населил и поднял разных лиц, лично ему преданных. Таким образом, после выезда владетеля из Абхазии ему не очень было трудно обманывать новых русских начальников, вовсе еще не знакомых с местными поземельными условиями и правами, тем более, что показания жителей во многих случаях подтверждали мнимую справедливость Григория Шервашидзе. Вот все основания, которые Григорий может привести в подтверждение своих недобросовестных требований. Я совершенно убежден, что Сухумская сословно-поземельная комиссия, специально занимающаяся разъяснением подобных вопросов, имеющая конечно большую возможность разъяснить их нежели местное начальство, слишком занятое устройством края, отвергает притязания Григория Шервашидзе, как ни на чем не основанные, и защитит интересы князя Георгия Шервашидзе, которого имение до сих пор только ленивый не грабил.

АЛЫТАИР

Подвластными Званбаевых в Цхубене считаются: анхае Пищаа – восемь дымов, ахуйю Сирия – два дыма, анхае Джиба три дыма, анхае Азерба девять дымов, анхае Кваразия один дым, анхае Крия два дыма, анхае Аргун два дыма, ахуйю Паразия два дыма, анхае Бермит два дыма, анхае Бгеу – один дым. Впрочем я не могу поручиться за то, что все названные фамилии были действительно подвластные Званбаевых. Очень может быть, что некоторым из них Званбаевы завладели и после смерти князя Димитрия.

Подвластные князя Георгия суть: анхае Бичваа десять дымов, анхае Читанаа – один дым, вышедший из Багажяшта, анхае Габри-ипа – один дым, вытесненный людьми Григория Шервашидзе из Бабыш-Ира, анхае Пилия – четыре дыма; они считают себя теперь шинагмами, но это неправильно, потому что из этой фамилии шинагмой был сделан только Джигория Пилия, дед владетельского моурава Мисоуста Пилия, все остальные члены этой фамилии остались в звании анхае. Анхае Хайке – один дым, анхае Акус(ба) три дыма, анхае Ги (?) два дыма. Все эти анхае обязаны отбывать теже повинности, как и анхае селений Яштуха, Бырц и Абжагвы. Все остальные жители Цхубена мною непоименованные, суть ассасы. К ним не можно причислить шинагма Хахубия, выходцев из Самурзакани и Джигети Анчабадзе. Этот Анчабадзе не тавад, а шинагма. Он был подвластным Джигетского тавада Гечба и служил и жил в доме покойного князя Димитрия. Земли при жизни своего господина он не имел, а поселился в Цхубене уже после смерти помещика. Здесь не мешает заметить, что только коренные абхазские Анчабадзе (считались тавадами), а все лица той же фамилии у джигетов, убыхов и других народов северо-восточного прибрежья Черного моря, все были подвластными тамошних тавад и считались не высше шинагм.

С е л е н и е Б а б ы ш – И р а. Имение это расположено между Цхубеном, морем и Малым Кодором. Лесу в нем нет и вся местность занята виноградными и ореховыми садами, которыми беспрекословно пользовались всегда и Гасан-бей и князь Димитрий, а после смерти последнего, владетель, как опекун над малолетним наследником помещика. О претензиях на это имение Григория Шервашидзе я говорил при описании Цхубена. Здесь скажу только, что после смерти князя Димитрия, Григорий действительно пользовался небольшим виноградником в этом имении, выгнав оттуда анхае Габри-ипа, которые тем виноградником пользовались. На право пользования тем виноградным садом Григорий имел частную записку от владетеля, который однако позволил ему там собирать виноград только временно, как управляющему и так как теперь Григорий Шервашидзе уже больше не управляет имением, то и означенный виноградник должен быть у него отобран и возвращен законному помещику имения князю Георгию Димитриевичу. Претензии на остальную часть Бабыш-ира со стороны Григория ни чем не подтверждаются и если в последнее время ему и удалось там господствовать, так это потому только, что, управляя долго имением князя Георгия, от имени опекуна, он имел возможность запугать и разогнать людей более приверженных своему настоящему помещику, а других обольстить обещаниями. Кроме того он послал в Бабыш-Ира много ассасов из своих приверженцев, вследствие чего мог разсчитывать на то, что показание жителей будут все в его пользу.

Из подвластных князя Георгия теперь в Бабыш-Ира остались анхае Пипия четыре дыма, анхае Шария два дыма (при жизни князя Димитрия они обязаны были делать ему вино и смотреть за (пропущено слово), а теперь признают себя подвластными Григория Шервашидзе, который их обманывает и подучил давать ложные показания. Анхае Ауфшьба (?) один дым (они ассасы из Кабарды, вышедшие сначала в Цебельду); дед Ломкадзе Ауфшьба пришел под покровительство Гасан-бея и поселен в Дранда, где отбывал теже повинности, как и другие анхае. В Бабыш-Ира они переселились очень недавно из Допуакыт и между прочим отбирал следующую в пользу помещика часть выделенного из тамошнего винограда вина. Правда, что условия откупа устанавливались Григорием Шервашидзе; но не нужно при этом забывать, что Григорий управлял по поручению владетеля, имением и в этом случае действовал не сам собою, а именем опекуна. Я могу между прочим указать на один случай, где владетель отобрал следующее помещику вино. Не помню в каком году откуп выделки вина был отдан Сухумскому купцу Симону Туркия (жив и находится в Сухуме). От него по приказанию владетеля было взято в самом Допуаките две бочки вина и потом на берегу моря еще одна бочка, служившим при владетеле аамиста Соломоном Званбаем[1]. Обоих их об этом можно спросить. Жители Допуакыта, как ближайшие к месту жительства Григория Шервашидзе, находились более других подвластных князей Георгия под его влиянием, но, несмотря на это, я надеюсь, что они не откажутся показать всю правду.

Жителей тамошних я поименовываю собственно потому, что не мог еще узнать, кого именно можно считать коренными обитателями этого селения. По той же причине я не упоминал ничего и о аварченских жителях. Знаю только, что в обоих этих селениях поселилось громадное число беглецов из других селений и даже мингрельцев. Всех этих пришельцев, я считаю необходимым обратить к прежним местам жительства. В непродолжительном времени мною будет представлен особый список ассасов по каждому селению отдельно и с обозначением кто, когда и по какому случаю пришел.

Анхае Рахалия три дыма. Ахуйю, принадлежавшие анхае Ауфшьба (не освобожденные), земли своей не имеют. Анхае Мцагвага пять дымов (тоже что и предыдущий… земли своей не имеют). Анхае Телия один дым (тоже что предыдущий). Анхае Лагулава один дым (были ахуйю, принадлежавшие анхае Пимпия, но освобождены, земля им еще не назначена). Анхае Чичуа один дым. Из всех названных фамилий только анхае Пимпия и Шария могут считаться коренными жителями селения Бабыш-Ира, а остальные по воле помещика могут быть или совсем удалены, или переведены

[1] Соломон Лакырба – (**сост.**).

АЛАНИЯ

в другое место. Непоименованные здесь жители Бабыш-Ира суть ассасы, поселившиеся под покровительство Григория Шервашидзе и должны быть удалены за имения князя Георгия. Повинности на всех подвластных (за исключением Шария) теже, как и в других имениях князя Георгия.

С е л е н и е А в а р ч е. Границы: с севера селение Допуакыт, с запада Бабыш-Ира и часть Цхубена, отдаляемое от Аварче Малым Кодором, с юга Малый Кодор до моря и с востока Большой Кодор.

Многие теперь говорят, что владение покойного князя Димитрия простиралось только до Малого Кодора. Это или совершенно ложно, или может тут есть ошибка относительно течения реки Кодор. Известно, что Кодор, подобно Ингуру, Риону и другим горным рекам, пробегающим по глинистым долинам, часто меняет свое русло. Малый Кодор совершено справедливо принимается за старое русло большого Кодора и отсюда весьма натурально могла возникнуть в последнее время мысль, что именно в этом направлении бежал Большой Кодор, в то время, когда Гасан-бей получал свой надел и что именно это русло (известно ныне под именем Малого Кодора) служило границей Абхазского округа с Абживским (Абжуйским) и по этому расчету селение Аварче не должно было бы принадлежать покойному князю Димитрию. Между тем положительно известно, что князь Димитрий владел этим имением безспорно и распоряжался в нем как хотел. Самое поселение там аамиста Маргани доказывает принадлежность этого имения князю Димитрию. Поэтому я полагаю, что в то время, когда Гасан-бей получил от Кялым-бея свой удел, то старый Кодор шел на том же приблизительно месте, где теперь идет так называемый Большой Кодор, который в такой долгий промежуток времени мог не раз переменить свое русло. По крайней мере я положительно знаю, и это подтвердят и все абхазские старики, что Аварче всегда составляло часть Сухумского округа и стало быть имение князя Георгия Димитриевича. При жизни князя Димитрия это имение было очень мало населено. Там жило только несколько анхае подвластных князя Димитрия и только впоследствии князь Димитрий поселил там одного из братьев Сосрырква Маргани (из Адзюбжа) Тагу, и вот по какому случаю. Одна из дочерей Кялым-бея и стало быть родная тетка князя Димитрия была выдана замуж за Цебельдинского тавада Алам-бея Маршани. Алам-бей умер, оставив одну только дочь Чичь, которую князь Димитрий взял к себе в дом, с тем, чтобы воспитать ее и выдать замуж. Когда она выросла, то князь Димитрий предложил аамиста Тагу Тлапс-ипа Маргани жениться на его воспитаннице. Тагу согласился и князь Димитрий вследствие этого позволил ему жить в своем имении Аварче, впрочем указав ему при этом место, где он может выстроить себе усадьбу… Вскоре после кончины князя Димитрия умер и Тагу, а вдова его вступила во второй брак с гумским тавадом Мисоустом Анчабадзе (отцом Мурзакана), причем взяли с собою и сына, рожденного от первого брака, с Тагу Маргани. Таким образом в Аварче опять не было ни одного аамиста. Мисоуст Анчабадзе

жил с ней не долго и умер. Вдова его (прежняя жена Тагу Маргани) в Гумме не захотела оставаться и вернулась в Аварче, в дом своего прежнего мужа. Туда же под тем предлогом, что ей как женщине, трудно одной управлять домом, переселился и брат ея первого мужа аамиста Пшмаф Маргани. Вскоре после того Пшмаф самовольно оставил место, показанное князем Димитрием брату его Тагу и построил новый дом совсем на другом месте. Через год после приезда вдовы Тагу из Гумма в Аварче, Сосрыква и Пшмаф Маргани отняли у нее сына и все имущество ея мужа, а ей самой, кругом ограбив, предоставили убираться на все четыре стороны, и она теперь живет в страшной крайности то у одного, то у другого крестьянина селения Аварче. Пшмаф между тем благодаря покровительству Григория Шервашидзе, стал считать себя полновластным помещиком Аварче, захватил в свои руки всех живущих там подвластных покойного князя Димитрия, пригласил туда своих братьев Саулаха и Чапиака и множество ассасов. В сущности и сам Пшмаф и его братья суть сами ассасы, произвольно там поселившееся со всем своим семейством, чего не делали никогда ни сам он, ни отец его и ни дед.

С е л е н и е А м х я л. Это селение не должно смешивать с селением Амткел, которое всегда входило в состав Цебельды и находится не далеко от Кодора. Амхял расположен между Цебельдой, от которой он отделяется хребтом Жижаюйжь (?) и верховьями реки Келасурки; селениями Акапа и Гумм и главным хребтом. На принадлежность селения Амхял покойному князю Димитрию, кроме изустных показаний жителей, есть и письменные указания, из которых некоторые представлены мною комиссии (приложение № 27 и 30). Письма Цебельдинского пристава того времени могут служить одним из важнейших свидетельств, потому что он не мог не знать состава вверенного ему округа и так как второе из этих писем относится к нескольким случаям воровства со стороны амхяльских жителей, то очевидно, что если бы Амхял был подчинен Цебельдинскому приставу, то не было бы надобности ему обращаться к князю Димитрию с жалобою на воров. Впрочем говоря об Амхяле и Гумме, он прямо называет их имениями князя Димитрия, основываясь конечно на показаниях цебельдинцев же. В старых делах бывших начальников войск в Абхазии должно быть много подобных указаний, что дают повод думать, как упомянутые мною письма пристава прапорщика Лисовского, так и одно из писем бывшего начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии полковника Козловского (также представленное мною в комиссию, прилож. № 13-й), в котором он спрашивает князя Димитрия вернулись ли его подвластные, ушедшие из Амхяла, на свои места. Вероятно письмо это не первое и не последнее в этом роде и вероятно (на) такие письма (совершенно официально) в архиве, я думаю, имеются также ответы самого князя Димитрия. Но где хранятся эти старые дела мне положительно неизвестно. Я слыхал впрочем, что все дела бывшей канцелярии начальников войск в Абхазии были сданы в архив штаба Кутаисского генерал-губернатора. При жизни Гасан-бея, кроме анхае ему

АЛЫТАМР

подвластных, в Амхяле жили временно (непостоянно) разные его родственники по матери тавады Маршани. В сороковых годах поселились там тоже в качестве временных ассасов Атмас-ипа Маршани, жившие там довольно долго. Но, увлекаясь примером жившего в Акапе Кизил-бека Атс-ипа Маршани, они вздумали объявить себя независимыми и стали нападать на другие имения князя Димитрия и на русских, пользуясь для этого помощью Кизил-бека и разных псхувских и ахчипсхувских разбойников. Димитрию удалось, однако, хитростью поймать главного из них Халыл-бея Маршани и выдать русскому начальству. Халыл-бей был расстрелян в Сухуме, а родственники его бежали в абреки и только впоследствии, не задолго до своей смерти, князь Димитрий простил их и позволил им снова поселиться в своем имении, но уже не в Амхяле и в Абжигве, справедливо разсчитывая, что в такой неприступной местности они опять захотять выдти из под его власти. После его смерти, пользуясь беспорядком, царствовавшим в имении его помещика, некоторые из этих Атмас-ипа Маршани снова вернулись в Амхял и жили там до самого выселения их в Турцию. Назначаемые владетелем начальники Сухумского округа, мало заботясь о вверенных им имениях князя Георгия Димитриевича, вовсе не обращали внимания на Амхял. Поселившиеся там Атмас-ипа Маршани опять объявили себя самостоятельными владельцами Амхяла и вероятно по этой причине Амхял был причислен к Цебельде, хотя это совершенно неправильно. Теперь в Амхяле вовсе нет жителей и имение это должно быть возвращено настоящему тамошнему владельцу князю Георгию Димитриевичу.

С е л е н и е А к а п а. Расположено это имение на верховьях Беслиты и Келасурки, между селениями Гумм, Амхял, Багмаран и Абжагва.

Это было прежде довольно большое селение, населенное исключительно одними анхае, подвластными князей Шервашидзе.

Еще при владетеле Зурабе (т. е. в XVIII веке) выселились в Абхазию через Ахчипсоу два ассаса из фамилии Маршани: один Богаркан-ипа, а другой Атей-ипа. Поселились они сначала в селении Аць, Бзыбского округа, но вскоре Богаркан-ипа Маршани принял к себе на воспитание старшую дочь владетеля Зураба по имени Решта Ханум, выданную впоследствии замуж за Манучара Дадиани, бывшего три года владетелем Мингрелии (и впоследствии этого был переведен на жительство в Муара (?), где получил позволения пользоваться повинностями владетельских анхае для того, чтобы мог прилично содержать дочь владетеля. Атей-ипа, обиженный таким предпочтением, оказанным его товарищу, ушел было сначала в горы, но потом все-таки вернулся в Абхазию и поселился в селении Акапа, уже при Кялым-бее, который поручил ему управлять имением и охранять границы от набегов разных разбойничьих партий. Когда Гасан-бей получил свой удел, то и Акапа, в числе прочих селений, сделалась его собственностью.

Гасан-бей был человек сильный, имел хорошую поддержку в Цебельдинцах и потому отцу Кизил-бека (дед Чатака) Атеи-ипа спорить с ним

было нельзя, и он служил Гасан-бею довольно верно, тем более что еще не успел утвердиться в селении Акапа. После смерти Гасан-бея, сын поселившегося в Акапе Маршани Кизил-ипа, начал сначала просто оказывать неповиновение князю Димитрию, а потом по совету владетеля открыто возстал против своего помещика и начал нападать на его имение. Положение князя Димитрия в то время было так дурно вследствие постоянных интриг против него со стороны владетеля, что он волей неволей должен был многое терпеть. Но наконец и его терпение истощилось, когда Кизил-бей Атей-ипа, не довольствуясь мелкими грабежами, по разным отдельным селениям, напал на мингрельских маджалабов (составляющих часть приданного супруги князя Димитрия), живших около самого города Сухума (на левом берегу Беслиты под крепостью) и большую часть мужчин увел в плен, а женщин перерезал, что и у абхазцев считается варварством. Случилось это в 1852 году, когда начальником третьего отделения Черноморской береговой линии был полковник Колюбакин (ныне умерший в звании сенатора). Князь Димитрий просил себе помощи у русских и получив от полковника Колюбакина нужное число войск, отправился в Акапу, разорил и сжег все имущество и уничтожил поля Кизил-бека, потому что ни его самого, ни шайки его в Акапе уже не нашел – все они еще до прибытия князя Димитрия бежали в Псху. С того времени до 1862 года не жило не одного Атей-ипа в Акапе и князь Димитрий мог совершенно спокойно и безспорно считать селение своею собственностью.

Кизил-бей, считаясь абреком и живя в Псху, долго еще не успокоился и собирая небольшие шайки врывался то в Эширу, то в Яштуха, то в другие имения князя Димитрия, но не мог сделать особенно существенного вреда. После смерти Кизил-бека достойным его преемником по ремеслу абрека сделался сын его Чапиак (живущий теперь в Акапе). В 1862 году, после неудавшейся экспедиции Сухумских войск в Псху, Чапиак (которому в то время было лет 25), участвовавший в комедии, разыгранный в этом деле Григорием Шервашидзе, через него же выхлопотал у генерал-губернатора прощение за прежнее преступление, а заручившись таким прощением, Чапиак Атей-ипа мог безопасно вернуться в Абхазию и с позволения того же Григория Шервашидзе он снова поселился в Акапе. Между тем, во время его более чем десятилетнего отсутствия, Акапа успела заселиться. Еще при жизни князя Димитрия поселился там один из цебельдинских ассасов Беслан Ярдар-ипа, неправильно причисляющий себя к цебельдинским тавадам Маршани. В сущности Ярдар-ипа вовсе не Маршани. Они и в Цебельде были ассасами, пришедшими, как говорят, из Кабарды, жили из милости, скитаясь от одного к другому Маршани, которые их своими родными и даже однофамильцами не считали. Чрез несколько времени, после изгнания из Акапа тавад Атей-ипа Маршани, князь Димитрий сам позволил этим Ярдар-ипа поселиться в названном имении и сделал Беслана Ярдар-ипа своим моуравом в Акапе, разсчитывая что Ярдар-ипа, как люди

АЛЫТАИР

незначительные, не осмелится выйти из его повиновения. Когда именно Ярдар-ипа были поселены в Акапе, я наверно сказать не могу, но знаю, что это случилось тогда, когда Квадж (Петр) Мамсыр-бей требовал от его сына, чтобы он для этих же людей жертвовал своими интересами. Если Атей-ипа и никакого надела нигде не получал, то это будет только справедливым возмездием за то зло, которое они прежде делали. Они слишком долго жили на счет тех, кого грабили. Пора положить наконец этому предел. Выгнанные раз за то, что они неблагородно отплатили за гостеприимство Гасан-бея, они не имели никакого права снова возвратиться на ту же землю, и прежде жили только как ассасы и если вернулись туда, то только потому, что князь Георгий был малолетним, а имением его управлял его же враг Григорий Шервашидзе.

Как у Атей-ипа Маршани и у Ярдар-ипа, сколько знаю, подвластных анхае ни одного не было. Но во время десятилетней неурядицы в имении князя Димитрия после его смерти многие из его подвластных признали себя подвластными двух названных фамилий. Кроме того они постоянно принимали под свое покровительство беглецов из Цебельды и других мест, и эти новые ассасы числом превышают настоящих коренных акапских анхае. Всех анхае ассасами можно оставить в имении князя Георгия, но с условием, чтобы они были поставлены в те же условия, в какие будут поставлены ассасы других селений, принадлежащих моему доверителю и чтобы в повинностях они были сравнены с анхае селении Яштуха, Бырц и Абжагва. Коренные же анхае, истинные подвластные князя Георгия, при жизни князя Димитрия были, говорят, освобождены от всякой платы и на них лежала только одна военная повинность.

Кроме того, еще до Ярдар-ипа жили в Акапе много подвластных князю Димитрию анхае и после смерти его в это селение, также как и в Амхял, бежало много людей из других его имений, недовольных новыми порядками, вводимыми Григорием Шервашидзе. Когда Чапиак Атей-ипа с своими родными (переселился) в Акапу, то привел с собой малое число людей, разделявших с ним разбойничью жизнь. Люди такого сорта как они, в прежнее время пользовались да и теперь еще пользуются большим значением в народе. К тому же он имел сильную поддержку в Григории Шервашидзе. Поэтому ему не трудно было приобресть полную власть над всеми жителями Акапы. Было правда небольшое сопротивление со стороны Беслана Ярдар-ипа, но и этот скоро убедился, что ему не под силу бороться с Чапиаком и поэтому он решился оставить его в покое. Как велико значение Чапиака Атей-ипа Маршани не только в Акапе, но и в других окрестных селениях, видно из того, что в прошедшем 1867 году, под предлогом необходимости заплатить за кровь убитого и ограбленного им мингрельца Какулия, Чапиак собрал со всех жителей селения Абжагвы по три рубля и никто не посмел ему отказать, несмотря на то, что здесь уже давно введено русское управление и жители могли бы искать защиты у начальства. Нужно отдать справедливость местным окружным начальникам, что они сами поддерживают значение подобных личностей, не только не преследуя их, но напротив оказывают им во многих случаях покровительство.

Это отступление в моей записке может казаться совершенно лишним. Но я не забываю, что пишу комиссии, на которой лежит святая обязанность устроит и улучшить быт землевладельческого сословия и я считаю положительно не честным молчать когда могу указать одну из самых темных сторон этого быта.

Ни Ярдар-ипа, ни Маршани (Атей-ипа), не имеют в Акапе никакой недвижимой собственности. Ярдар-ипа Беслан, хотя и ассас, но, как поселенный самим князем Димитрием, может оставаться в селении Акапа и получить надел земли, конечно не более того, сколько будет определено для прочих ассасов, которых необходимо нужно оставить в имении князя Георгия Димитриевича. Впрочем он и этого снисхождения почти не заслуживает, потому что недавно в Сухуме ругал одного из Яштухинских анхае Нарчу Гулия за то, что последний остался верным своему помещику и не хочет лгать в пользу Беслана Ярдар-ипа.

Атей-ипа Маршани не должны быть ни в каком случае терпимы в имении князя Георгия, потому что они были кровными врагами его отца, князя Димитрия, который выслал их из своих владений…

Земля и леса в Акапе и Амхяле составляют полную и бесспорную собственность князя Георгия Димитриевича Шервашидзе.

С е л е н и е Г у м м. Имение это граничит: с севера Псху (гора Доу), с востока селениями Амхял и Акапа, с юга селениями Бырц, Яштуха и Эшира и с запада частью Эшира и Анухва.

Об этом имении мною была подана в комиссию особая записка, в которой я указал данные, на которых можно основать принадлежность Гумма князю Георгию Димитриевичу. Здесь я ограничусь только несколькими замечаниями, в дополнение к тому, что имею прежде написано.

Тавады Анчабадзе, живущие в Гумме считаться коренными жителями этого селения. Прадед Мурзакана Анчабадзе живущего теперь в Гумме, был там поселен не в качестве помещика, а только в качестве владетельного моурава, подобно тому как в Анухве – аамиста Мканба. Главною обязанностью тавада Анчабадзе было защищать край от вторжений партий горцев, приходивших грабить Абхазию.

Своих собственных анхае гумские тавады не имели, но имели право пользоваться работой гуммских анхае и эти же анхае обязаны были кормить их.

Прав собственности на землю в Гумме тавады Анчабадзе также не имеют и им даже не назначено определенного места для усадьбы и потому они часто переходили с одного места на другое. Отец Мурзакана, покойный Мисоуст Анчабадзе, был один из самых преданных людей князя Димитрия. Он иногда вооружался против владетеля, но всегда оставался в полнм повиновении у князя Димитрия, которого считал и почитал всегда своим за-

АЛЫТАИР

конным помещиком. Сын его Мурзакан также считает себя подвластными князя Георгия и кажется не увлекается примером других тавад и аамиста, которые в последнее время объявили себя независимыми и полными помещиками селений, в которых имп прежде позволено было жить.

Гуммские анхае не обязаны были выходить на полевые работы к князю Димитрию – эта повинность отбывалась тавадом Анчабадзе (?). Они платили князю Димитрию только барана зимой и ягненка весною. Кроме того, те которые имели свои улья, приносили помещику и мед, но не все, а это было скорее добровольное приношение, чем повинность.

Права их на землю теже, как и других анхае подвластных князя Георгия.

С е л е н и е Д о п у а к ы т. Границы: с юга селение Аварче, с запада – Кац Игаларта и Цхубен, с севера часть Кац Игаларта и Гердзеуля, близ Наа и с востока Большой Кодор.

Это имение, также как и Цхубен и Бабыш-Ира, служит теперь предметом спора между Григорием Шервашидзе и князем Георгием Димитриевичем. Но и тут доводы Григория не были основательны, чем в других случаях. И тут он старается действовать на жителей то угрозами, то обещаниями и чтобы крепче утвердить свое влияние в этом селении, придумал в нынешнем году поселить в Допуакыте (имя пропущено) – ипа Маршани (временно поселенный теперь в Айбухца).

Он при этом разсчитывает на то, что жители Допуакыта будут этим напуганы и не осмелятся в его присутствии противоречить его показаниям комиссии. В сущности, Допуакыт был всегда собственностью Гасан-бея и князя Димитрия.

Жена одного из тамошних шинагм Хутуния Сузар-ипа Допуа была кормилицей младшего брата Гасан-бея по имени Ростом-бея, который воспитывался у них довольно долго. В награду за это воспитание, по просьбе Ростом-бея, Гасан-бей не только освободил шинагм Допуа от всяких повинностей, но даже дозволил им пользоваться повинностями всех живших там анхае, да это составляет совершенное исключение, потому, что вообще в Абхазии шинагмы не могут иметь подвластными никого кроме ахуйю. С того времени Допуакытовские анхае никаких повинностей ни Гасан-бею, ни князю Димитрию не отбывали и только шинагмы Допуа из уважения к своему помещику приносили ему на праздник пасхи ягненка.

Давая шинагмам Допуа права пользоваться повинностями его подвластных, Гасан-бей не сделал их однако полными собственниками земли и также, как и в других своих имениях, пас там свои стада и считал вполне себе подвластными всех тех лиц, которые позже там, с его позволения поселились. Сам владетель считал это имение принадлежащим князю Димитрию, потому что после смерти последнего, приняв в свое ведение все имения покойного, обратил внимание и на Допуакыт.

Материалы по истории Абхазии (И. Антелава, Г. А. Дзидзария). Тб. 1953. С. 231–307.

3.115 Сведения о туземном населении Сухумского отдела[1].

1868 г.

Наименование округов	Тавады (князья)		Аамыста (дворяне)		Шиникма (лич. двор.)		Анхаве (вольн. жители)		Агырва (крестьяне		Мойнале (подвласт.	
	муж	жен	муж	жен	муж	жен	муж	жен	муж	жен	муж	жен
Очамчир-ский	541	504	546	473	788	771	13,327	11,629	2162	1759	757	565
Пицунд-ский	240	168	762	686	144	134	11,462	10,309	2564	2056	–	–
Итого	781	672	1308	1159	932	905	24,788	21,938	4726	3815	757	565

продолжение

Наименование округов	Ахашала (рабы)		Мингрельцы		Азаты (неплатящие никому повинностей)		Семейства	Вероисповедание		Итого по округам	
	муж.	жен	муж	жен	муж	жен.		Правос.	Мусульм.	муж.	жен.
Очамчирский	474	553	243	186	1156	949	7135	29,429	7954	19,994	17,389
Пицундский	357	204	-	-	-	-	6428	8826	20,259	15,528	13,557
										35,522	30,946
Итого	831	757	243	186	1156	949	13,564	38,255	28,213	66,468	

Примечание: Сверх того в Цебельде оставлено 5 семейств, состоящих из 13 д. муж. п. и 13 д. жен. п. – цебельдинцев, всего 26 д.

Сборник статистических сведений о Кавказе, т. I, Тифлис, 1869, приложения, с. 18-19.

[1] Сведения эти, извлечены из камерального описания, составлено в 1868 году, и ими значительно пополняются и исправляются сведения о населении Сухумского отдела, помещенные во втором отделе «Сборника» стр. 39.

АЙТАИР

3.116 Рапорт и. д. начальника Сухумского военного отдела В. А. Геймана начальнику кавказского горского управления ген.-м. Д. С. Старосельскому о положении подвластных бывшего владетеля михаила Чачба – Шервашидзе и князя Александра Чачба – Шервашидзе.

19 октября 1869 г.

Бывшие владетельские подвластные, живущие в разных селениях Пицундского и Очемчирского округов, а равно подвластные подполковника князя Александра Шервашидзе, первые с 1864-го, а последние с 1866 года, по отсуждении от своих владельцев, ныне состоят в непосредственном ведении правительства.

Люди эти, за весьма малым исключением, находясь в долгой зависимости от своих владетелей, взимавших с них весьма большие налоги, составляют теперь, можно сказать, самую бедную часть всего Абхазского населения.

Со времени удаления владетеля и брата его Александра из Абхазии, правительство, взяв в свое ведение все владетельские имения и подвластных, назначило этой фамилии по 25 т. руб. в год от казны, с тем, чтобы доходы с тех имений обращались на пополнение этого расхода, почему и ожидз взыскивается для той же цели.

Таким образом, этот непомерно большой налог, взимается по настоящее время, вследствие чего, и без того многие бедные подвластные люди, теперь дошли до крайней бедности, отбывая вообще:

а) Государственную повинность по одному руб. с семейства – 1 руб.

б) Ожидз правительству от двух до пяти руб. с дыма средним числом 3

в) Подвластные владетеля и Александра, живущие не на свободных казенных землях, а находящихся в стороннем пользовании, сверх ожидза правительству, платят таковой и лицам, почему-либо владеющим той землею примерно до 3

г) За право пастьбы по 5-ти коп., летом и 3 коп., зимою примерно на дым пять коз 40 коп. и

д) Все общественные и дорожные работы.

Так что наибольший размер повинности и налогов доходит до 12-ти руб. 40 коп.

Сверх того, лыхненские подвластные владетеля, отбывавшие в прежнее время по разным случаям самые усиленные натуральные налоги, теперь вносят только от 2-х руб. 40 коп. до 3-х руб. 60 коп., тогда как с других подвластных, отбывавших меньшую повинность владетелю и князю Александру, взыскивается ожидз до 5-ти руб., из этого следует, что расценка налога сделана неправильно.

Сообщая об этом крайне тягостном положении владетельских и Александровских подвластных, покорнейше прошу Ваше превосходительство испросить у августейшего главнокомандующего разрешения:

1. Уменьшить ожидз всех владетельских и Александровских подвластных, платящих таковой свыше лыхненцев до 3-х руб. 60 коп.

2. Дозволить мне собрать частным образом сведения о действительно бедных подвластных семействах, не имеющих средств отбывать ожидз и ходатайствовать потом о сложении с них этого налога на 1869 год.

Мерой этой, уменьшая с этого беднейшего, трудящегося денно и нощно народа весьма высокий налог, который несколько уравновесится и казна не потерпит больших убытков в 1869 году, которые в общей сложности будут довольно ничтожны как можно видеть из прилагаемых двух ведомостей.

О последующем по сему решении его им. выс., покорнейше прошу Вас не оставить меня уведомлением.

Начальник отдела генерал-майор Гейман.

ЦГИАГ, ф. 545, оп. 3, 1864, д.76, лл. 256 – 258. Подлинник.

3.117 Из отношения Наместника Кавказа вел. князя М. Н. Романова военному министру Д. А. Милютину о возвращении князя Александра Чачба – Шервашидзе из ссылки.

Боржом, 19 октября 1869 г.

Высочайшим повелением, сообщенным мне в отзыве Вашего высокопревосходительства, от 26-го апреля 1867 года № 188, определено, согласно преставления моего, брата бывшего владетеля Абхазии князя Михаила Шервашидзе, подполковника Александра Шервашидзе за преступное поведение во время бывшего перед тем в Абхазии возмущения, исключив из службы, удалить навсегда из пределов Кавказа и водворить на жительство в Астраханской губернии.

Хотя со времени воспоследовния этого высочайшего повеления срок протек еще очень незначительный, а с другой стороны, виновность князя Шервашидзе весьма велика, но тем не менее я признаю нужным уже теперь призвать на него августейшее монаршее милосердие, будучи побуждаем к тому следующими обстоятельствами…

ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 198, лл. 1 – 1об. Подлинник.

3.118 Выписка из журнала заседаний комитета по освобождению зависимых сословий в горских племенах Кавказа.

ноябрь 1869 г.

Заседания 9-го, 10 и 22 ноября 1869 г. Присутствовали: председатель кн. Святополк-Мирский; члены: т. с., сенатор кн. Багратион-Мухранский, т. с., сенатор Старицкий, ген.-м. Гейман, Понсэ, Старосельский, д. с. с. кн. Туманов, полк. Павлов, Дукмасов, гр. Кутайсов. В заседание комитета были

АЛБТАИР

также приглашены председатель Сухумской сословно-поземельной комиссии, полк. Краевич, и. д. председателя Закатальской сословно-поземельной комиссии, подп. Зеленый и столоначальник Кавказского горского управления есаул Гаврилов.

Обсуждению комитета подлежали представленные начальником Сухумского отдела е. и. выс. главнокомандующему Кавказскою армиею составленные Сухумской сословно-поземельной комиссиею проекты положений: 1, об освобождении ахашал и других дворовых людей из крепостной зависимости в Сухумском отделе, 2, об освобождении ахуйю в Абхазии и дельмахоре в Самурзакани, 3, об освобождении амацюрасгу в Абхазии и мойнале в Самурзакани, 4, об освобождении анхае в Абхазии и пиошей в Самурзакани, 5, о поземельном устройстве населения Сухумского отдела, 6, о приведении в известность лиц, составляющих фамилии товадов, аамиста и носкуа в Абхазии и Самурзакани и 7, о мировых посредниках и особом по крестьянским делам присутствии в Сухумском отделе, а равно подлежала рассмотрению в Комитете записка о сословных и поземельных отношениях в Абхазии и Самурзакани, составленная председателем Сухумской сословно-поземельной комиссии полк. Краевичем и представленная им начальнику Кавказского горского управления.

Так как означенные проекты и объяснительная к ним записка предварительно настоящего заседания комитета были прочтены каждым из членов комитета, то председатель открыл заседание приглашением выслушать составленную Кавказским горским управлением краткую записку о зависимых сословиях в Сухумском отделе, которая резюмирует заключающееся в представленных Сухумскою комиссиею проектах и записке.

Одобрив в принципе основания и способы, проектируемые Сухумскою комиссиею для освобождения лиц, принадлежащих к сословиям ахашал (дельмахоре) и амацюрасгу (мойнале), комитет разошелся в суждениях своих относительно оснований, проектированных комиссиею для освобождения лиц, принадлежащих к сословию анхае (пиошей); причем признан был требующим подробного разъяснения вопрос о том, есть ли действительно зависимость анхае от лиц привилегированных сословий исключительно административная и не проистекает ли она из поземельных прав высших сословий, – поэтому председатель пригласил членов комитета выслушать краткую записку о поземельном устройстве населения Сухумского отдела, составленную Кавказским горским управлением и резюмирующую обширные труды по этому предмету, представленные Сухумскою комиссиею.

По прочтении этой записки, председатель комитета предложил на обсуждение нижеследующие вопросы: 1) собрано ли комиссиею достаточное количество данных, для того, чтобы было отвергнуть существование в Абхазии и Самурзакани поместного права. 2) Не служит ли взимавшаяся в некоторых случаях лицами привилегированных сословий плата за пастьбу скота (ажидз), а также пошлина за рубку леса, для внешнего вывоза, признаками существования в Сухумском отделе поместного права. 3) И если замечается, наконец, отсутствие данных для того, чтобы признать существование поместного права в Абхазии, то можно ли счесть то же самое имеющим силу и относительно Самурзакани.

На поставленные таким образом вопросы последовали нижеследующие заявления.

Член комитета, сен. кн. Багратион Мухранский высказал мнение, что, насколько можно судить по представленным Сухумскою комиссиею данным, общественный строй населения Сухумского отдела ничем особенно не отличается от такого же строя в Мингрелии, что относительно последней правительство признало за высшими ее сословиями поместное право и что, поэтому не было бы основания отвергать такое же право в Абхазии и Самурзакани.

Член комитета, ген.-м. Гейман заявил, что данные, представленные Сухумскою комиссиею, и вытекающие из этих данных выводы, относительно не существования в Сухумском отделе поместного права и существования только личной зависимости подвластных сословий, вполне соответствуют действительности, и что признание за привилегированными сословиями Абхазии и Самурзакани поместного права было бы ломкою существующего в этих странах порядка пользования землею.

Член комитета, ген.-м. Понсэ заявил, что в бытность его в 1865 г. и 1866 г. председателем комиссии, назначенной для приведения в известность владетельских имений в Абхазии, он, после многочисленных опросов населения и произведенных им на месте расследований, несмотря на предвзятое мнение его, что в Абхазии существует поместное право, должен был убедиться, что там нет этого права, что Абхазия за каждым признает право собственности на те только земли, которые им возделаны или же возделанные, унаследованы или куплены, что остальные затем земли считаются общественными (вернее государственными), пользоваться которыми, по народному обычаю, может каждый, по мере своих потребностей, и что, наконец, если некоторые лица, привилегированных сословий, под влиянием проникших в Сухумский отдел понятий о русском поместном праве, и стали заявлять притязания на право владения или всеми землями общин, или только землями, никем исключительно не занятыми, то при таких притязаниях не могли однако не представить каких-либо доказательств для подкрепления своих домогательств, ни даже, во многих случаях, указать районов, претендуемых ими пространств.

Член комитета, ген.-м. Старосельский заявил, что одним из сильных доказательств того, что поместного права в Сухумском отделе не существует и что его не было и нет в сознании населения, служит уже самый факт возможности того, что как скоро возбудился вопрос о разъяснении сословных и поземельных прав населения, то на одни и те же земли, и не только окраины, но и целые большие районы земель, появилось одновременно по несколько претендентов.

АЛТАМИР

Так, напр., от имени наследников последнего владетеля высказывалось мнение о принадлежности поземельных пространств, не состоящих в частном пользовании жителей, преимущественно лесов, исключительно ему, владетелю; на такие же земли, а вместе с тем и на земли частного пользования в пределах бывшего Абхазского округа заявлено положительное притязание от имени сына кн. Дмитрия Шервашидзе, а между тем, в этом же Абхазском округе есть свои привилегированные фамилии, которые в свою очередь, являются уже третьими претендентами на те же самые поземельные пространства.

Далее, ген.-м. Старосельский заявил, что существующие в Абхазии и Самурзакани обычные поземельные отношения имеют много сходства с поземельными отношениями, существовавшими в большой Кабарде, в которой также точно пользование землею было одинаково свободно для всех сословий, где равным образом, так называвшимися аульными владельцами (начальниками общин, совершенно соответствующими абхазским ахалапшюю) могли быть только лица, принадлежавшие к известным привилегированным сословиям; где лица эти получали доход за пастьбу на свободной аульной земле скота, не принадлежащего членам аульного общества, на таких же основаниях, как получали его абхазские ахалапшюю. В Кабарде случалось, что под влиянием русского взгляда на поземельное право некоторые из таковых аульных покровителей пытались не только распоряжаться самостоятельно общественными землями, но даже и продавать их; тем не менее однако же, и такие личности торжественно потом отказались от своих притязаний, заявив таковой отказ общественным актом, за подписью представителей всех сословий, на основании чего правительство и признало все Кабардинские земли общественными, и только уже впоследствии положило выделить из них особые участки в частную собственность почетным уроженцам Кабарды, по своему усмотрению, как вознаграждение за потерю ими принадлежащих им прав над народом.

Председатель Сухумской комиссии, полк. Краевич, ссылаясь на собранные комиссиею факты, подтвердил, что 1. действительно по искони существующим у населения Сухумского отдела обычаям, все земли, возделанные, как то: усадебные, пахотные и садовые, составляют полную собственность всех тех лиц, без различия сословий, которые приобрели их обычными путями, т.е. или непосредственной расчисткою из под леса и обработкою, или же куплею и наследованием, доказательством чего служит полная свобода в отношении права подвластных и зависимых сословий передавать такие земли посредством дара, продажи и пр. другому лицу и в том числе своему владельцу или патрону; 2. что расчистка земель из под леса производилась по обычному праву как прежде, так производится и теперь, подвластными и зависимыми сословиями, совершенно свободно, что кроме расчищенных земель население всегда пользовалось пастбищными землями и лесом, по мере своих потребностей, в районах своих общин, бесплатно и совершенно свободно, не входя о том в какие бы то ни было соглашения

с высшими сословиями справедливость чего подтверждается многочисленными фактами, в том числе множеством показаний лиц привилегированного сословия, и 3. что повинности, отбываемые подвластными и зависимыми сословиями в пользу привилегированных фамилий были только личные, но не поземельные, доказательством чего, между прочим, служит и то, что отбываемые подвластными и зависимыми сословиями повинности никогда не имели прежде и не имеют теперь связи с размером состоящей во владении и пользовании подвластного земли, а равно и с тем пользуется ли подвластный землею в покровительствуемом его ахалапшюю районе, или в районе другого ахалапшюю, которому он не отбывает повинности. Далее, полк. Краевич присовокупил, что и те слабые признаки существования в Абхазии и Самурзакани поместного права, на кои указал его сият., председатель комитета, а именно: взимавшаяся ахалапшуями с временных асассов плата (ажидз) за пастьбу стад в покровительствуемом ахалапшюю районе, а также плата, взимавшаяся с лесопромышленников, были всегда ничем другим, как только строевою премиею или откупною платою от грабежа, ибо таковая плата взималась тем, кто в данное время был способнее доставить более обеспечивающее от грабежа покровительство, и никогда, ни по народным понятиям, ни по фактическому образу таковой платы, не считалась принадлежащею известным родам, а, напротив, весьма часто и, можно сказать совершенно случайно, присваивалась новыми фамилиями, собиравшие такую плату прежде, или же наконец взималось несколькими, совершенно отдельными фамилиями в одно и то же время.

Что же касается постановленного его сият. председателем вопроса, действительно ли и в Самурзакани замечается такое же отсутствие поместного права, какое существует в Абхазии, то полк. Краевич представил комитету словесные объяснения, что существующее в Абхазии обычное поземельное право совершенно тождественно с обычным правом на земли в Самурзакани и что в этой последней части Края, отбываемые подвластными сословиями, в пользу привилегированных сословий, личные повинности во всех общинах даже менее, чем таковые же повинности в Абхазии. Для доказательства отсутствия в Самурзакани поместного права, полк. Краевич привел примеры перехода повинностей подвластных, по собственной инициативе этих последних, от одной привилегированной фамилии к другой, сделавшейся почему либо сильною или, вернее, более способною доставить обычное покровительство своим подвластным, что, конечно, в том случае, если бы повинности подвластных были не только личные, но и поземельные, не могло иметь места. В заключение полк. Краевич высказал, что, по его мнению, как Абхазия, так и Самурзакань, весьма резко отличаются по своему общественному строю от За-Ингурского края или Мингрелии, где, действительно, существовала зависимость низших сословий от высших, не только личная, но и поземельная, и где, поэтому, правительство имело основания признать за высшим сословием поместное право на

АЛЫТАИР

земли, но что признание таковых прав за высшим сословием Сухумского отдела было бы по отношению к этому краю, с одной стороны, нарушением вековых прав прочих сословий на владение землями, составляющими, по обычаю, полную, неотъемлемую их собственность, а с другой стороны – утвердило бы в крае на поместном праве таких лиц, которым никогда не принадлежало то право.

После вышеизложенных прений, при отобрании председателем мнений от членов комитета, все они единогласно высказали, что все без исключения земли, составляющие до сих пор частную собственность жителей всех сословий по обычаю, надлежит без ограничения укрепить за ними по закону, и кроме того надлежит, вдобавок к этим землям, каждой общине прирезать известное количество земли, достаточное для обеспечения потребностей ее, – взамен того права, которое ныне имеют жители общин пользоваться на обычном основании всеми землями общин безразлично с высшими сословиями, затем с целью дальнейшего разъяснения дела и проверки степени основательности предположений комиссии, председатель предложил на обсуждение комитета следующий вопрос: За укреплением – согласно проекта комиссии – в частное владение каждого хозяина возделанных земель, как то: усадебных, садовых и пахотных, – за отводом в общественное пользование каждой общины достаточно для удовлетворения их нужд количества невозделанных земель, как должно быть поступлено с остальными землями, имеющими остаться свободными в районах общин, должно ли оставить их в непосредственном распоряжении или же предоставить сполна или в известной части во владение высшим сословиям общины.

Большинство членов комитета признало справедливость главных оснований представленных Сухумской сословно-поземельной комиссиею и предположений о поземельном устройстве населения Сухумского отдела, согласно коим земли, имеющие остаться свободными за обеспечением земельным наделом лиц низших сословий – должны быть признаны казенными, с тем, чтобы иметь их в виду для обеспечения земельным наделом лиц высших сословий.

Но нижепоименованные члены комитета заявили особые мнения, а именно: член комитета, ген.-м. Понсэ заявил, что он, с своей стороны, не видит достаточных оснований для предоставления высшему сословию Абхазии и Самурзакани особых поземельных наделов, так как это сословие до ныне не имело никаких преимущественных поземельных прав сравнительно с другими сословиями. Члены комитета, сен. кн. Багратион Мухранский и кн. Туманов предложили признать за высшим сословием каждой общины все те земли, которые останутся в районе общины свободными за наделом покровительствуемых и зависимых сословий, с тем, чтобы в случае споров между отдельными членами высших сословий и отсутствия данных для разбора таковых споров, разделить землю между претендентами по числу дворов их подвластных.

Член комитета ген.-м. Старосельский возразил на это, что, при таком способе обеспечения землею высших сословий, главнейшие и влиятельнейшие из привилегированных фамилий, которые живут в настоящее время в густо населенных местностях и имеют самое большое число подвластных, получат несравненно меньшее количество земли, чем те малопочетные фамилии, которые живут в местностях слабозаселенных и преимущественно на окраинах страны.

Член комитета, сен. Старицкий заявил, что во внимание, во 1-х, к тому справедливому требованию, чтобы при настоящей реформе не принести в жертву одно сословие другому и чтобы будущее положение подвластных и зависимых в Абхазии и Самурзакани нисколько не ухудшалось противу настоящего их положения, по введении в этих частях края предполагаемой поземельной реформы, во 2-х, к тому, что с признанием земель каждой общины, долженствующих остаться свободными, за обеспечением наделов низших сословий, подлежащими закреплению за высшим сословием общины, возникает между этим высшим сословием такое множество споров и притязаний на владение землями, что правительство для разрешения таковых споров должно будет прибегнуть, вследствие полного отсутствия у претендентов доказательств на право владения землею, к произвольным решениям, и в 3-х, к тому, что при предполагаемом сен. кн. Багратион Мухранским способе надела землею высших сословий, действительно, как заметил ген.-м. Старосельский, произойдет то, что важнейшие фамилии в крае будут обеспечены несравненно хуже некоторых фамилий второстепенных, он, сенатор Старицкий, признает в полной мере справедливым, принять земли, которые останутся за наделом общин свободными, в непосредственное распоряжение правительства, с тем, чтобы по усмотрению правительства было возможным предоставить из означенных земель соответствующее положению каждой привилегированной фамилии земельное обеспечение.

ЦАУГ, ГИА, ф. 416, л. № 400 на 8 листах, 1866 – 1870 гг., док. на лл. 3 – 6. Из фонда Кавк. археограф. комитета. Сельское хозяйство и аграрные отношения. Том Второй. Отмена крепостного права. (Сост. П. В. Гугушвили). Тб. 1950. С. 566 – 572.

3.119 Краевич П. Д. Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакани. (Извлечение).

1869 г.

… Абхазия и Самурзакань занимают треугольное пространство между морским берегом, от Гагр до устья Ингура, и грядою второстепенных, но довольно возвышенных гор, тянущеюся от Ингурского ущелья к Гаграм

АЛЫТАМИР

и отделяющею от названных стран возвышенные горные котловины, прилегающие непосредственно к главному Кавказскому хребту – Бзыбскую (Псху), Кодорскую (Цебельду) и отчасти Сванетскую (Ингурскую).

Анархическое состояние населения названных котловин и соседственных с Абхазиею джигетов открывало обширное поле для военных предприятий со стороны этих народов внутрь Абхазии и Самурзакани, с целью грабежа, угона стад, увода пленных; в среде же их находили себе надежное убежище все, кто не мог остаться на родине, вследствие сделанных преступлений или по другим причинам, нарушавшим общественный порядок и спокойствие. Горные пастбища, лежащие на рубеже Абхазии и Самурзакани с названными котловинами, были местом ежегодных кровавых столкновений во время летней пастьбы скота. С востока мингерльские Дадианы также смотрели на Абхазию, как на неприязненную страну, и не упускали удобного случая вмешаться в ее внутренние отношения.

Главнейшими условиями внутренней жизни, затруднявшими введение в стране порядка, являются: внутреннее устройство страны, основанное на образовании многих отдельных союзов, противодействовавших административной централизации, и обычаи ассаства[1] и кровомщения, кои, принося свою пользу обществу, содействовали, с другой стороны, развитию самоуправства, устанавливали безнаказанность даже за такие преступления, которые не оправдываются и туземными понятиями.

К этому нужно присоединить распри во владетельских фамилиях и недостаточность материальных средств, коими располагали владетели для достижения тех или других правительственных целей.

Таким образом, внешняя поддержка являлась предметом почти необходимости для возможного поддержания в стране авторитета владетельской власти. В Абхазии такую поддержку давали сначала турки, потом русские. Но и при этом условии владетельская власть давала лишь весьма слабое обеспечение внешней и внутренней безопасности, между тем потребность в той и другой, естественно, чувствовалась всегда населением, и при том, самая настоятельная. Это обеспечение устроилось внутреннею жизнью населения, при посредстве обычных установлений, выработанных опытом, силами самого населения. Такая связь обычая с внутренним устройством страны, обеспечивавшим населению его личные и имущественные права, составляет основу силы абхазского обычая, дающую объяснение, почему он мог жить, сохраняться, независимо от частой перемены правительственной власти и смятений, возбуждавшихся членами владетельского дома, а также другими сильными фамилиями. Устройство было далеко не идеальное. Оно вполне соответствовало почти естественному состоянию населения страны и слабости его умственного развития. Во всяком случае, внутреннее устройство страны, основанное на силах, чуждых владетельской власти, содействовало ослаблению ее авторитета, и она являлась слабою перед народным обычаям и должна была делать ему уступки.

[1] Ассаство (от слова асас – собственно гость, а потом переселенец) означает существование в Абхазии и Самурзакани обычное правило временного или постоянного переселения из одной общины в другую.

Абхазия и Самурзакань, прилегающие с одной стороны к горским обществам с демократическим устройством, а с другой – к странам, населенным Картвельским племенем с феодальными основаниями общественных учреждений, представляют по характеру своего общественного устройства среднее между теми и другими.

С одной стороны, стояла владетельская власть и иерархия сословий, что придавало феодальный характер учреждениям страны, с другой – являлось выработанное опытом, жизнью народа, противоречащее феодализму общественное устройство, ограничивавшее его, поставлявшее пределы власти владетеля и произволу высших сословий, определявшее отношения между всеми сословиями и заключавшее в себе, в известной мере, гарантии для обеспечения нарушения права и восстановления права нарушенного, или по крайней мере известного удовлетворения за нарушение его.

Основанием общественного устройства страны служили союзы, на которые делилась вся страна и которые в отношении к правительственной власти представляли как бы административные единицы. Основою образования союзов служили те же причины, как и в других горских обществах северо-западного Кавказа; именно: анархическое состояние общества и стремление, вследствие того, найти какое-либо обеспечение для своих личных и имущественных прав, желания достигнуть возможного обеспечения внутренней и внешней безопасности. Самое естественное разрешение вопроса о безопасности при отсутствии правительственной власти, лежало в соединении населения данной местности, для ограждения совокупными силами своих прав от покушений извне, и в принятии на себя каждым жителем таковой местности известных обязательств в отношении других членов устраивавшейся общины. Каждый союз составлял одно целое и жил особою внутреннею жизнью. В состав союза входили все сословия, из коих роль каждого выработалась жизнью и определялась издавна установившимися сословными правами и обязанностями, обычаем, дававшим удовлетворение несложным требованиям туземной жизни, окрепшим под влиянием выработавшихся его жизненных условий, освященных временем, и составлявшим, по мнению населения, необходимое основание жизни, нарушение которого должно было влечь за собой известный протест, известные обычаям последствия.

Каждый союз, несмотря на различие сословий, представлял собственно две категории населения, два рода отношений, составлявших сущность союза, именно: каждый союз состоял из элементов покровительствующего и покровительствуемого. В абхазском языке эти понятия выражаются словами: ахалапшюю – патрон, покровитель, заступник и хипши – состоящий под покровительством, подвластный, зависящий. Из взаимодействия этих

АЛЫТАМР

обоих элементов населения союза, вызывавшегося настоятельными, насущными потребностями, и образовались все действовавшие в среде союза отношения.

Союз родовой, отдельный союз каждой фамилии, представляет первоначальную форму общественного устройства у всех народов. Вторую ступень составляет союз нескольких фамилий, соединившихся в одно целое в силу тех же причин и во имя тех же стремлений, – вследствие необходимости противопоставления большей силе не благоприятствующим внешним условиям и усложнения внутренних отношений, не находившего удовлетворения в родовом союзе. Абхазская община (акыта) представляет соединение родовых, фамильных союзов, с преобладающим влиянием и значением одного какого-либо лица, одной какой-либо фамилии. Образование такого исключительного положения фамилии, влияющей на общину, было последствием постоянно напряженного состояния и усложнения внешних отношений общины, необходимости предоставления кому-либо одному распорядительной власти по устройству внешних отношений и организации средств для противодействия неблагоприятным внешним влияниям. Таковое исключительно положение означенных фамилий и особенность обязанностей, лежащих на них, способствовали поставлению их выше всего остального населения общин и обусловили за ними некоторые особые права; уважения к ним населения, переходя из рода в род, укрепило за ними означенные права и обязанности, которые и составляют отличительные черты этих фамилий, придающие им характер особого сословия, которое может по справедливости назваться в этом смысле привилегированными.

Все изложенное относится в одинаковой мере как до Абхазии, так и до Самурзакани, родственной с Абхазиею в отношении племенном, управляющейся особою линиею абхазских Шервашидзе и составлявший до Мурзакана лишь один из абхазских округов, что видно, между прочим, и из названия соседнего с Самурзаканью Абживского округа, т. е. среднего округа.

Самурзакань заселена постепенно ведшеюся колонизациею, направленною с одной стороны из Абхазии, а с другой из Мингрелии. Вследствие этого, в западной Самурзакани преобладает абхазский элемент, а в восточной – мингрельский, но и в восточной части привилегированные фамилии – все переселенцы из Абхазии[1]. В западной Самурзакани преобладает абхазский язык, в восточной – особое наречие мингрельского языка. Несмотря на племенное различие некоторой части населения Самурзакани, несомненно, что общественное устройство этой страны не представляет никаких резких изменений сравнительно с другими частями Абхазии. Прибывавшие в страну мингрельские, имеретинские и гурийские колонисты становились в те же самые отношения в земле и почти в тождественные же отношения к покровительствующему или привилегированному элементу населения. Преобладание абхазских начал, нужно полагать, происходило,

[1] Кроме сванетских пришельцев Чкотуа.

как от различий в характере колонизаций, ведшихся с запада и востока, так и от различия в свойствах самих рас – абхазской и картвельской. Вообще, колонизации эти представляют два вида: 1) занятие новых местностей и 2) вселение в занятые уже местности. Колонизации первого рода велись только с запада, из Абхазии; они имели характер общих предприятий; привилегированные фамилии всегда сопровождались при колонизации этого рода своими подвластными; абхазская община переносилась, таким образом, в своем полном составе, т. е. – и покровительствующего и покровительствуемого элементов; естественно посему, что она должна была установить в месте нового поселения те же самые отношения, кои существовали на родине; абхазская община при таковых колонизациях только переменяло место, не изменяясь в своей сущности. Отдельные вселения лиц и семейств в устроившиеся общины производясь раздельно, уже не могли, несмотря на частые случаи таких вселений, изменить установившейся в общине порядок, тем более, что все таковые переселенцы должны были заботиться более всего только о защите и покровительстве. Не малую важность представляет также и различие в расах. Заингурские колонисты принадлежали к расе, потерпевшей в исторической жизни своей тяжелые удары и испытания, невыгодно отразившиеся на народном характере и на многих явлениях народной жизни; они должны были уступить более свежей, сильной расе абхазской, вносившей в отношения восточных новопоселенцев элементы, хотя и не родственные им, но которые по простоте и естественности своей, мягкости и человечности, а также и близкому соответствию с обстоятельствами, в которых находились переселенцы, должны были быть сочувственно приняты ими.

Покровительственное или привилегированное сословие образуют две степени: товад и амиста; эти последние называются в Самурзакане жноскуа. На принадлежность к этому сословию претендуют до 4000 душ обоего пола.

Покровительствуемый элемент населения страны, или условно-зависимое сословие, представляет три разряда:

1) Сословие анхае в Абхазии, называемое в Самурзакане пиош, составляет, как по численности, так и по своим отношениям, основание население страны, главную силу и сущность покровительствуемого элемента каждой общины (союза). Оно составляет более 2/3 населения Сухумского отдела, всего приблизительно до 47000 душ обоего пола.

2) Амацуюрасгу в Абхазии, называемое в Самурзакане мойнале, составляет переходное сословие из сословия ахуйе, или дельмахоре, в сословие анхае (пиош): численность этого сословия до 1300 душ обоего пола.

3) Ахуйю в Абхазии, называемое в Самурзакане дельмахоре, составляет нисший класс в ряду условно-зависимых сословий; численность его до 8000 душ обоего пола.

Самый нисший класс населения составляют ахашала, рабы; численность этого сословия простирается до 1300 душ обоего пола.

АЙТАМИР

К покровительственному элементу населения принадлежат также шинагмы, стоящие в ряду туземных сословий выше анхае и образующие по своим отношениям класс почти тождественный с этим последним. Многие шинагмы заявляют о большой близости своей к сословию амиста, чем к сословию анхае. Численность этого сословия, т. е. лиц, претендующих на принадлежность к оному, составляет более 1800 душ обоего пола.

Азаты, т. е. уволенные из других сословий, ни отбывающие никаких повинностей; таких до 2200 душ обоего пола[1].

Как выше изложено, анхае в Абхазии и пиоши в Самурзакани составляют главную силу покровительствуемого элемента каждой общины. В сословии анхае (пиоши) сосредотачивались главнейшие интересы этого элемента: оно защищало и оберегало эти интересы, охраняло обычай, силою протеста своего предотвращало препятствия к восстановлению его, образуя таким образом консервативную силу, ограждавшую существовавший порядок и отношения от изменений.

Покровительственная роль привилегированного сословия, из которой истекает исключительное положение этого сословия, его особые обязанности и права, должна рассматриваться не только по отношению к внутренней жизни своей общины, союза, но также и по отношениям внешним – к другим союзам, к владетелю, к странам соседственным.

По предмету внешних отношений, покровительствующая, привилегированная фамилия каждой общины была заинтересована в возможно успешном ходе этих отношений, не только для пользы общины, но также и по причинам, относящимся лишь собственно до такой фамилии или до лица, которое по положению своему было обязано руководить таковою фамилиею.

Успешный ход этих отношений должен был зависеть прежде всего от силы, от тех средств, которыми располагала привилегированная фамилия; отсюда возникает естественное стремление каждой фамилии к усилению союза, возможно большему сосредоточению для того средств.

Владетельская власть, как выше изложено, была слишком слаба для выполнения лежавших на ней обязанностей по управлению страною и должна была опереться вследствие того на порядок и внутренне устройство, выработанные самим народом, возникшие в его среде именно вследствие непрочности, ненадежности, слабости той власти. Находя поддержку для нее во внутренней силе союзов, владетель, однако, не мог быть равнодушен к значительному усилению той или другой (привилегированной) фамилии, ибо с таковым усилением соединялась и большая самостоятельность фамилии; если сильная привилегированная фамилия имела большие сравнительно с другими средства для содействия в том или в другом случаях владетелю, то, с другой стороны, эти же самые средства могли быть употреблены и для противодействия тем или другим целям и намерениям владетеля, предпринимавшимся хотя бы и для пользы страны.

[1] Класс этот образовался из ахашала и ахуйю, увольнявшихся владельцами с религиозною целью, ради спасения души своей, или кого-либо из близких и родных. На увольнявшегося или на его сына возлагалась только одна обязанность – выучиться турецкому языку и читать известные молитвы из Корана по умершим. С утверждением русского управления в стране, в незначительный до того по своей малочисленности класс азатов, т. е. в число лиц, не отбывающих никаких повинностей, стали поступать все вообще освободившиеся из низших сословий, ибо в переходе их в сословие анхае или пиош, для приобретения необходимого прежде покровительства привилегированных фамилий, не представлялось уже более надобности, так как это покровительство заменялось общим обеспечением, даваемым русскою властью.

Усиление одной привилегированной фамилии могло иметь место не иначе, как на счет какой-либо фамилии. Сам владетель был также главою, на общем праве привилегированной фамилии, нескольких союзов, которые у нас известны под именем владетельских имений, разбросанных по всем округам, но главным образом сосредоточивавшихся в Бзыбском и Абживском округах. Сила его основывалась преимущественно на силе этих покровительствовавшихся им союзов, подобно другим привилегированным фамилиям, и потому владетель столько же заботился об усилении союзов, во главе которых непосредственно он стоял, сколько и другие привилегированные фамилии. Отсюда делается ясным антагонизм, существовавший между привилегированными фамилиями вообще и антагонизм всех вообще привилегированных фамилий к фамилии владетельской, общее стремление привлечь к себе возможно большее число подвластных, стремление каждой привилегированной фамилии приобресть себе союзников в лице других фамилий, стремление вступить с сильными фамилиями в родство посредством браков, или посредством столь употребительных между всеми жителями вообще способов сближения с неродственными фамилиями чрез усыновление или воспитание, заменяющие кровное родство.

Владетели, так же как и другие главы союзов, озабочивались об увеличении числа подвластных и, подобно им, не пренебрегали связями в стране, взамен кровного родства, приобретаемыми обычными способами.

Владетель был самый сильный из протекторов. Каждая привилегированная фамилия в отдельности, будучи поставлена в изолированное положение, не могла бороться с ним; союз нескольких привилегированных фамилий мог сделаться опасным для владетеля или по крайней мере послужит источником важных затруднений. Поэтому, владетели не без удовольствия смотрели на возникновение распрей между привилегированными фамилиями: владетельская власть была сильна лишь при недостатке единодушия между ними. Владетели принимали участие в этих распрях, являясь миротворцами между враждующими фамилиями. Таковая роль была вдвойне полезна владетелю: она увеличивала его влияние и значение в глазах населения и давала средства к действительному усилению чрез приобретение новых подвластных.

Противодействие власти со стороны той или другой привилегированной фамилии было, конечно, явлением редким, особенным, борьба с владетелем была опасна и потому могла иметь место лишь в случаях, вы-

АЛЬТАИР

зывавшихся необходимостью, какими-либо исключительными обстоятельствами. Напротив, по значению своему, как государственной власти, управлявшей страною и руководивший внешними сношениями, по возможности внешней поддержки, по положению своему в общественном мнении населения всей страны, видевшего во владетеля высшего протектора, высшего судьи, – владетель всегда являлся главою страны, государем, и все население считало себя подданными его; привилегированные сословия считали за честь служить при нем, сопровождать его в поездках, получать поручения от него. В случае внешних предприятий или принятия мер для обороны той или другой части края, привилегированные сословия являлись по призыву владетеля с своими подвластными на указанное место, дабы следовать и действовать согласно его приказаний. Каждая привилегированная фамилия старалась привлечь к себе расположение владетеля, стать в более или менее близкие с ним отношения и тем обеспечить себе успех ходатайства и представлений по делам союза и помощь на случай враждебных отношений с кем-либо, возникновение коих было столь обыкновенным явлением и могло иметь место против воли и вины лиц, долженствовавших подвергнуться им или принять в них участие.

Естественно, внимание владетеля, прежде всего, было обращено на более сильные фамилии, обладавшие более значительными средствами, имевшими более подвластных. Уважение и почет сообразовались с силою, которая, с одной стороны, служила защитою от неумеренных требований его, а с другой – могла послужить и ему для достижения известных целей. Отсюда опять возникает забота каждой фамилии об усилении, о возможном увеличении подвластных, о привлечении к себе подвластных других фамилий, привлечении к себе ассасов, переселенцев из других союзов.

При слабости привилегированной власти, общины должны были главным образом сами же принимать меры для ограждения безопасности своей и со стороны соседственных народов; это в особенности относилось до общин, обитавших смежно с внешнею границею. Псхувцы в набегах своих доходили до внутренних частей страны. Были случаи, что они проникали почти до Сухума. В двадцатых годах они проникли до Лыхны и осадили владетеля в месте главного пребывания его. Из-за Бзыби вторгались джигеты. Аспа была местом главных столкновений с этими последними, и вследствие того эта местность, несмотря на представляемые ею удобства к жизни, оставалась незаселенною. В каком отношении находились эти два народа к западной части страны, в таком же отношении находились цебельдинцы и сванеты к пространству между Келасурою и Ингуром. Очевидно, отражение таковых набегов, преследование горцев, возвращение награбленного, обратное отбитие скота и пленных, наконец набеги внутрь соседственных стран в виде кровомщений или грабежа, для возмещения понесенных при нападении горцев убытков – все эти операции находились в тесной связи с силами союза, с числом входивших в его состав подвластных. Сила союза

могла предотвратить набеги. Кроме этих случаев, население сталкивалось со своими соседями летом на горных пастбищах, и здесь, сохранение самого дорогого предмета для жителей – скота, составлявшего почти единственный предмет их богатства, – зависело также от силы, от имевшихся для защиты стад средств.

С силою же союза, с которою связывалось влияние и значение привилегированной фамилии, был тесно соединен успех и таких действий, кои имели целью ограждение или восстановление интересов союза вообще, или какой-либо части, или кого-либо из членов его в отдельности, со стороны населения других союзов. Целями таких действий, между прочим, были: а) доставления удовлетворения по делам кровомщения (по обычаю, патрон должен мстить за кровь своих подвластных и, обратно, эти последние должны мстить за кровь фамилии своего патрона, – на этом основан и обычный раздел платы за кровь); содействие к окончанию кровомщения примирением посредством суда и к назначению для сего, если бы то понадобилось, владетелем народного суда; б) содействие отысканию украденного (по причине сильного развития воровства, преимущественно скота, это содействие было делом большой важности для населения); в) ограждение занимаемого союзом пространства, в видах пользования лесными и другими угодьями, не состоящими в чьем-либо частном владении, – главным образом для устройства абтра[1] и пастьбы скота, а также для занятия под новые поселения и пашни; г) многие другие предметы, возникавшие из отношений между союзами.

Чем сильнее был союз и чем, следовательно, более имела влияния и значения привилегированная фамилия, ему покровительствовавшая, тем более прибегало людей для приобретения такого покровительства.

Внутри общины влияние и значение привилегированной фамилии имело последствием энергическую поддержку подвластных во всех внешних отношениях, увеличенное отбывание повинностей (происшедших из добровольных приношений и услуг, сделавшихся от времени обязательными), что вместе с числом подвластных и покровительственною данью со стад других селений, обусловливало материальные средства фамилии.

Наконец, самое положение ахалапшюю тем более удовлетворяло честолюбие лиц привилегированных фамилий, чем более давало оно влияние на дела страны, что зависело от внутренней силы союза.

Из всего изложенного видно, что усиление союза, увеличение числа подвластных, привлечение возможно большего числа лиц под свое покровительство, составляли предмет насущной надобности для привилегированных фамилий, главнейшую цель всех стремление этих фамилий, соперничестововавших между собою на пути к этой цели. Таковые условия необходимо должны были отразиться на главнейших внутренних отношениях союза: чтобы покровительство ценилось, необходимо, чтобы

[1] Зимние приюты для скота.

АЛЫТАИР

оно удовлетворяло тем целям его, во имя коих существовало, (насколько то допускали внешние препятствия), и только при этом условии союз мог привлекать в свой состав большое число подвластных. Очевидно, что произвол, произвольное нарушение личных или имущественных прав со стороны привилегированной фамилии, как факты, не соответствовавшие идее покровительства, не могли служить основою действий привилегированной фамилии, ибо должны были вести к устранению этого покровительства. И действительно, нарушение каких-либо прав жителей покровительствующею фамилиею было всегда исключительным явлением, имевшим место лишь при каких-либо особых обстоятельствах. Таким образом, соперничество привилегированных фамилий служило к ограждению прав других сословий. Сила этого оплата находила твердую поддержку себе в других условиях туземной жизни, главным образом в характере обычных прав самого многочисленного сословия Абхазии и Самурзакани – анхае и пиошей – и в обычае ассаства.

С понятием анхае и пиош соединяется представление о свободном человеке, пользующемся в полной мере своими личными и имущественными правами. Повинности этого сословия образовались из приношений и образуются на глазах у всех в наше время, чрез повторение их в течение большого или меньшего числа лет, или же имеет началом разные услуги и пособия, оказывавшиеся привилегированными фамилиями, или возникновение близких обычных отношений по воспитанию и усыновлению. Действительно, многие анхае и в настоящее время не отбывают никаких повинностей, за исключением почетной службы или выхода на работу по приглашению, в течении нескольких дней в году (что жители охотно исполняют и в отношении друг к другу). Во многих фамилиях образование повинностей имело место по тем и другим обычным путям на памяти народной. С понятием о свободном человеке не разлучно право перемены местожительства, отсутствие каких-либо других условий прикрепления к земле или к данной местности, кроме тех, которые проистекают из самих прав анхае, из его интересов. Таковой характер анхае имели во всех соседственных с Абхазиею абазинских обществах; таково же характер имели соответствующий класс населения во всех других горских обществах северо-западного Кавказа. Между прочим, физиономия класса анхае представляется в полной ясности в лице гагрипшских анхае, недавних переселенцев из Садзена (Джигетии).

Свобода перехода с одного местожительства на другое, из одного селения в другое, сохранялась до последнего времени, и только строгое запрещение начальства, имевшего в виду прекращение бродячего элемента и уничтожение воровства, ослабило переселения; но они имели место даже в последние годы, не только в Абхазии, но и в Самурзакани. Хотя таковая свобода переселения и давала повод к бродяжничеству, однако нельзя не признать, что она составляло одно из главных оснований для обеспечения подвластными своих прав от нарушения привилегированными фамилиями,

доставляя возможность действительного протеста, бывшего одним из главных мотивов к переселению.

Ассаство составляло один из коренных обычаев всего населения северо-западного Кавказа, и гостеприимство всегда считалось священною обязанностью каждого. Находил ли асас убежище себе в каком-либо бедном семействе, или был гостем целой фамилии анхае, или, как это было чаще всего, делался гостем привилегированной фамилии, во всяком случае, он вступал во все права постоянных жителей селения. Эти условия, а также легкость оставления прежнего местожительства (вследствие незначительности хозяйства, характера всех вообще построек, которые могли быть возведены в несколько дней на новом месте), возможность заранее распорядиться движимым имуществом и даже возможность сохранить за собою земли, например, в случае если асас имел немалочисленную фамилию родственников в оставляемом селении), – все эти условия делали ассаство незатруднительным, удобоисполнимым. Ахуйю (дельмахоре) и амацюрасгу (мойнале) так же находили в переселении, в ассастве, защиту для своих прав, хотя ассаство этих сословий и было обставлено некоторыми особыми условиями. Даже ахашала, отдаваясь под покровительство других, находили защиту тех немногих прав своих, кои представляет им обычай.

Таким образом, свобода переселения составляла силу, ограждавшую права зависимых сословий от нарушения их теми лицами, от коих эти сословия завесили.

Обычай определял в подробности обязанности и права каждого сословия. Обычай не исключает и ахашал в пользовании известными правами. Главная обязанность, лежавшая на всех вообще членах союза, заключалась в исполнении военной повинности: каждый должен был, в случае надобности, являться с оружием для защиты общей безопасности и действий противу общих врагов. Затем все остальные повинности, отбывавшиеся зависимыми сословиями, различаются не только по сословиям, но и в каждом сословии представляют значительное число родовых и видовых изменений. Но при всем разнообразии повинностей, нормы их для каждого дома постоянны и не могут полежат произвольному изменению ни с той, ни с другой стороны. Патрон не может по своему произволу увеличить, зависящий – уменьшить лежащие на дыме повинности. Изменения в повинностях могут происходить лишь вследствие известных, определяемых обычаем, причин, еще менее мог иметь место произвол в отношении сословных прав, строго определяемых обычаем. Это одинаково относится до прав как личных, так и имущественных. Из этих последних, поземельные представляются почти одинаковыми для всех сословий. Все сословия имеют право частной собственности на известные категории земель, приобретенные определяемыми обычаем путями, с ограничением, лишь в известных, вообще редких, случаях права наследования в пользу лица, которому подвластен зависящий. За исключением известных категорий земель, подлежащих частному

АЛЫТАИР

владению, все остальные земли, лежащие в районе местности селения, не могут быть предметом чьего-либо исключительного владения и состоят в общественном пользовании, для пастьбы скота, для устройства зимних приютов (для этого последнего), для рубки дровянного и строевого материала, в размере своих собственных потребностей; все имеют право свободной расчистки этих земель, за некоторыми, установленными обычаем, ограничениями, с приобретением в частную собственность расчищенных участков. Тяжелый труд расчистки земли, по большей части покрытой густою растительностью, дает, таким образом, право частной собственности на оную. Тяжесть этого труда усугубляется крайнею слабостью средств, коими население располагает для того. Вообще, приложение к земле труда дает права собственности на оную. Земля, расчищенная одним лицом, но (с позволения его) засаженная другим, дает право частной собственности этому последнему на половину засаженного участка. В поземельном отношении все сословия равны. Преимущество высших сословий состоит лишь в взимании покровительственной дани со стад других селений, кои приходят для пастьбы на свободные земли, за покровительство и обеспечение таковой пастьбы, что как-бы имеет вид поземельного дохода. Кроме того, имеющим в своей зависимости лиц других сословий принадлежит право пользования выморочными землями.

Споры между зависимыми сословиями и лицами, коими они подвластны, по предмету требования повинностей и обычных прав, вообще весьма редки, разрешались посредниками или даже самими обществами (акыта); в случай, если нарушенное право не бывало затем восстановлено, зависимые сословия имели возможность протестовать прекращением отбывания повинностей, не только тем лицом, до которого обида непосредственно относилась, но и всеми его однофамильцами, – переселением в другую общину обиженного лица, а также и его однофамильцев, и даже абречеством.

Вообще, внутренний порядок в каждой общине отдельно давал важные гарантии против нарушения прав личных и имущественных жителей со стороны кого-бы то ни было из членов своей общины, и в том числе и лиц привилегированных сословий. Случаи нарушения тех и других прав проистекали главным образом из внешних отношений общины, из коих главнейшими были:

а) неприязненные отношения между общинами вообще и между привилегированными фамилиями в особенности, поводов к коим было много в абхазской жизни, в особенности по кровомщению вследствие убийств, совершенных в среде привилегированных фамилий или в среде других сословий. Всякое неудовольствие, ссора между привилегированными фамилиями, прежде всего, отражалась на их подвластных; на них вымещалась это неудовольствие. При кровомщениях, мстившая сторона вторгалась в другое селение, как в неприятельскую страну, предавала все огню, совершала убийства, захватывала пленных, угоняла скот, забирала все, что только можно было взять, и уходила обратно с добычею. Предание сохранило память о бывших при этом примерах дикого зверства, имевших место даже в недавнее время. Так, Чипаиак Ате-ипа Маршани убивал детей, вырезывал груди у женщин. Жители селения, подвергавшегося такому нападению, оставляли дома и бежали искать убежища в других селениях, под покровительство более или менее сильных и влиятельных лиц, забирая с собою, что можно. Для многих таковое переселение было полным, т. е. они водворялись окончательно в новых местах; другие возвращались обратно, если устраивалось примирение между враждовавшими, или естли кто-либо из сильных людей обеспечивал безопасность возвратившимся. Таковое возвращение часто имело место лишь по истечении многих лет. Жители смотрели на таковые события, как на неотвратимое зло, которого нужно было всегда ожидать. Действительно, нельзя было поручиться, что в данное время не произойдет убийства, или каких-либо других отношений, которые не дадут повода к упомянутым нападениям. Это обстоятельство заставляло жителей быть всегда наготове к переселению, и сообразно тому устраивать свое хозяйство.

б) пленопродавство, вследствие огромного развития коего нельзя было ручаться даже в течении короткого времени за безопасность своего семейства, за то, что не произойдет нападения со стороны кого-либо, главным образом жителей другого селения, без всякого иного повода к тому, кроме корыстных целей нападавших, находивших легкий сбыт захваченных людей в соседних горских обществах, преимущественно же у береговых турок, которые всегда давали хорошую цену за этот предмет своей торговли. Это обстоятельство заставляло быть постоянно настороже и днем и ночью, и всегда держать наготове оружие.

в) огромное развитие воровства, преимущественно скота, которое находило себе много оправданий в общественном мнении населения, наложение штрафа за которое не только не прекращало его, но, напротив, содействовало еще большему его развитию.

г) нападение соседних народов.

Но все эти обстоятельства, угрожавшие извне каждой общине, были вместе с тем еще более причиною тесного соединения между собою всех членов оной, а также еще более тесной связи привилегированной фамилии с зависимыми сословиями. Таким образом, эта, постоянно существовавшая внешняя опасность оказывала благоприятное влияние на улучшение внутренних отношений общины и способствовала наибольшему утверждению ненарушимости прав каждого, со стороны членов общины, вообще, и привилегированной фамилии в особенности.

С другой стороны, как было выше упомянуто, внешние отношения общин заставляли покровительственный элемент каждой из них озабочиваться не об одном только возможно большем увеличении числа подвластных, но также и об устроении связей и приискании союзников вне пределов

АЙТАМИР

общин, для обеспечения себе содействия, опоры, на случай могших легко возникнуть неблагоприятных для безопасности общины событий. Поэтому, и покровительственный и покровительствуемый элементы общин должны были дорожить хорошими отношениями с другими общинами и привилегированными фамилиями, а это обуславливало существование известных гарантий для личных и имущественных прав каждого, даже и вне пределов своей общины.

Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис. 1870, вып. III, с. 1 – 17.

3.120 Записка по вопросу о вознаграждении членов бывшего владетельного дома»[1]. (Извлечение).

1869 г.

…В 1867 году на Сухумскую сословно-поземельную комиссию возложено было дополнить сведения, имевшиеся в то время о доходности владетельских имений в Абхазии. Комиссия эта в числе своих трудов, разъясняющих характер сословно-поземельных отношений в Сухумском отделе, представила и описи имений бывшего владетеля Абхазии, составленные в дополнение к описи оных, произведенною Комиссией, бывшею под председательством генерал-майора Понсэ. Таким образом, в настоящее время, при решении вопроса об окончательном определении вознаграждения членов бывшего Абхазского владетельного дома, имеются данные, заключающиеся в описях владетельских имений той и другой Комиссии и к тому же трудами этих комиссий окончательно уяснен общий характер, существовавших в Абхазии сословно-поземельных прав, а равно, в частности, характер собственно – владетельских прав, как по отношению ко всей Абхазии, так и к тем общинам или союзам, которые известны под названием владетельских имений.

Из соображения упомянутых данных оказывается, что в пользу бывшего владетеля поступали доходы трех категорий: а) одни из них поступали к нему как к главе страны и имели характер административных доходов, б) другие шли к нему как к главе нескольких общин, коих он был непосредственно покровителем, на общем праве с прочими покровителями всех остальных общин страны и имели характер покровительственной дани, и, наконец, в) третьи расходы получались им в качестве частного собственника.

По этим трем категориям доходов бывший владетель получал:

1. Доходы по званию владетеля.

Они составляли: а) из платы за лес, вывозившейся заграницу, б) из пошлин за вывоз местных произведений из страны (абадж) и контрабандных пошлин, в) из платы за право пастьбы стад на лугах, горных пастбищах и пустопороженних землях (ажидз), г) из штрафов, которые налагаемы

[1] Здесь приводится в несколько сокращенном виде раздел VII Сведений, собранных двумя комиссиями о доходах бывшего владетеля Абхазии.

были судом за преступления (анбар)[1] … Владетель взимал плату вывоза пальмы из страны, назначив за каждый пуд вывозимого дерева по 9 коп.

По сведениям таможенного ведомства, количество пальмы, вывезенной из Абхазии в пятилетие с 1861 по 1865 год, простиралось ежегодно средним числом до 111 тысяч пудов, что могло бы составить владетелю дохода средним числом до 10 т. р. Владетель также взимал плату за право вывоза из страны и других пород леса, как строевого, так и дровяного, и поделочного. По сведениям таможенного ведомства, за то же пятилетие можно принять средний ежегодный доход от вывоза леса разных пород от 3 до 4 тысячи руб., так что количество всех лесных доходов в пользу владетеля могло бы простираться от 13 до 14 тыс. руб. в год. Но, как оказалось из ближайшего расследования дела, права владетеля не вполне распространялись на всю Абхазию, а потому не могли поступать исключительно в его пользу и все исчисленные доходы. Дознано, что Гассан-бей и Дмитрий Шервашидзе не были простыми начальниками Абхазского округа, которых владетель мог сменять во всякое время, не делая тем явного нарушения их прав, а были наследственными правителями этого округа и в нем пользовались вполне всеми преимуществами владетельской власти, следовательно, и всех лесных доходов, причитающихся на эту часть Абхазии.

Таким образом, из показанной выше суммы лесных доходов владетеля, выведенной из ведомости таможенного ведомства, по отпускаемой торговле трех портов Абхазии, следует отчислить по крайней мере до 4 тыс. руб., кои поступали или должны были поступать за вывоз леса из Келасури, собственно в пользу линии Гассан-бея и за кои должен быть вознагражден сын Дмитрия Шервашидзе Георгий[2].

б) Доход под названием абадж и доход от контрабанды. Владетель взимал пошлины за вывоз абхазских произведений и невольников. Доход этот (абадж – рахтарная пошлина) не может быть точно исчислен, хотя и можно заключить на основании сведений таможенного ведомства о количестве вывозимых в 1863 – 65 гг. произведений из портов Абхазии, что абадж мог доставлять владетелю в год до 6 т. р. в пределах всей Абхазии, за исключением же Келасурской пристани, в которой вывозная пошлина должна была поступать в пользу линии Гассан-бея, собственно владетельский абадж мог простираться до 4 т. р. Князь Михаил Шервашидзе получал также значительный доход от контрабанды, организованный им преимущественно в Гудауте, доход, который не может быть не определен, не принят во внимание при соображении о возноградении членов Абхазского владетельного дома.

[1] К разряду доходов этой же категории должны быть отнесены те 9.500 р. в год, кои пожалованы бывшему владетелю в 1847 г., в вознаграждение за поступившее в карантинно-таможенное ведомство три порта Абхазии (высочайший указ 4 мая 1847 года).

[2] 4 т. р. отчисляются на Келассурский порт по примерному исчислению, так как Абхазского округа составляла около третьи всего пространства целой Абхазии.

АЛЫТАИР

Примечание: Записка, составленная в 1867 году для соображений о размерах временного вознаграждения членов владетельного дома, заключает в себе относительно рассматриваемой статьи владетельских доходов следующие замечания: «каковы бы ни были цифры прежних доходов владетеля от установления рахтарной пошлины, нельзя не признать, что владетель, не будучи даже устранен от управления, без сомнения, должен бы был по требованию правительства вовсе отменить этот обременительный и несправедливый налог без всякого вознаграждения. На этом основании какие б начала ни были приняты для вознаграждения Абхазского владетельного дома, во всяком случае едва ли было правильно принимать этот доход в расчет вознаграждения какого-то ни было, даже незначительного, суммой. Точно также было бы неправильно и противозаконно давать цену притязаниям на принятие в соображение тех выгод, которые имел владетель, допуская и поощряя, в видах корысти, правильно организованный им самим контрабандный ввоз заграничных произведений, несмотря на то, что получал от правительства значительную сумму взамен ввозимых пошлин, отошедших в таможенное ведомство».

в) Доходы с пастбищ и лугов с каждого стада, пасшегося на лугах и нагорных пастбищах, в районе известной общины, и принадлежащего временным ассасам, поступали в пользу покровителя (тавада или амиста) той общины по одной и по две головы без различия величины стада.

Наибольшие выгоды от покровительства временным ассасам получали тавада и амиста тех селений, в которые пригоняли стада псхувцы и цебельдинцы. Пастьба скота в той или другой местности Абхазии псхувцами и цебельдинцами могла иметь место только с разрешения владетеля. Отсюда возникла плата особой покровительственной дани владетелю Абхазии в виде подарков, сверх обычной покровительственной дани, уплачивавшиеся местными тавадами и амиста. Как велик был этого рода доход бывшего владетеля, определить в настоящее время невозможно, но во всяком случае доход этот, особенно после выселения псхувцев, не мог быть значителен и не мог превышать 400-500 рублей.

г) Доход под названием анбар.

Владетель получал доход от штрафов за преступления, преимущественно за воровство, доход случайный и неопределенный, при том не поступавший непосредственно к владетелю, так как часть его обыкновенно отдавалась судьям и сборщикам штрафов, а часть раздавалась в виде подарков административным лицам… Таким образом, на основании приведенных данных и первой категории доходов бывшего владетеля Абхазии подлежат бесспорному принятию в соображение при определении вознаграждения владетельному дому только лесные доходы, простиравшиеся собственно в пользу владетеля приблизительно до 10 тыс. руб. в год, а затем остаётся обсудить и окончательно решить должны ли приниматься в расчет доход в 9.500 р., получавшиеся от правительства за уступку портов, а также должны подлежать вознаграждению и те доходы бывшего владетеля, которые известны под названием ажидз, абадж, из коих абадж мог приносить владетелю до 4 т. р. в год, а ажидз и айбар вместе около 1 т. р.

2. Доходы владетеля, получавшиеся им с непосредственно подвластных ему общин.

Доходы этой категории приведены в известность двумя комиссиями, из которых одна, бывшая под председательством генерал-майора Понсэ, собрала сведения и находившихся под покровительством владетеля селений Бзыбского округа (за исключением трех селений), а другая, Сухумская сословно-поземельная комиссия, определила доходы с прочих селений Абхазии, бывших под его же покровительством.

Доходы этого рода заключались: а) в повинностях подвластных и б) в ажидзе, собиравшемся в районах тех селений, которые находились под непосредственным покровительством владетеля.

Для определения дохода, получившегося по этим двум статьям, комиссиями принято соображение количество работы и произведений, коими обязаны были владетельские подвластные, и затем, на основании существующих в Абхазии цен, количество это обращено в деньги.

На основании такой же оценки повинностей владетельских подвластных, получались следующие выгоды:

1. С 14 селений Бзыбского округа, в коих владетель имел до 430 подвластных ему семейств, повинности, подробно высчитанные для каждого семейства комиссиею генерал-майора Понсэ, могли давать сумму около 5 т. р. в год.

2. С 20 селений прочих округов Сухумского отдела, в коих владетель имел 389 семейств подвластных, повинности, подробно вычисленные Сухумской сословно-поземельной комиссиею и переложенные на деньги, могли давать сумму около 2.500 р. в год.

Что же касается количества ажидза, собиравшегося в пользу владетеля в районах названных селений, то в Бзыбском округе, по исчислению комиссии генерал-майора Понсэ, владетельный ажидз простирался до 280 р. в год; в прочих же селениях он не исчислен в точности, но во всяком случае не мог простираться и на такую сумму, так как в районах этих селений гораздо меньше пастбищ, чем в Бзыбском округе. Поэтому можно с достоверностью заключить, что весь владетельский доход этого рода не превышал суммы в 500 р.

Таким образом, количество доходов владетеля в районах непосредственно подвластных ему селений могло простираться в год до 8 тыс. руб. ...

3. Доходы бывшего владетеля в качестве частного собственника заключались:

а) в доходах с садов, приносивших, по исчислению Сухумской сословно-поземельной комиссии, средним числом в год до 1800 ведер вина

АЛБТАМР

и до 120 корзин орехов, что по переводе на деньги составляет ежегодный доход в 1386 руб.

б) в доходах с пахотных полей, с которых, по исчислению той же комиссии, собиралось ежегодно, за вычетом семян, средним числом 470 пудов гоми и 105 пудов кукурузы, что по переводе на деньги составляет ежегодный доход в 424 руб.

Примечание: Исчисленный по этим двум статьям доход, в количестве 1810 руб., получался владетелем с помощью труда его подвластных, которые обязаны были выходить определенное число дней в году на работы в поле и в садах.

Такая недельная повинность владетельских подвластных принята в расчет и оценена при исчислении всех вообще их повинностей. Поэтому показанные выше владетельские доходы с садов и полей никак не могут быть рассматриваемы как чистый доход.

в) владетелю принадлежало значительное число строений, коим описи составлены Сухумскою сословно-поземельною комиссией. Е. и. в. главнокомандующий разрешил продажу этих строений, с обращением вырученных от нее сумм в пользу детей бывшего владетеля, причем разрешил также производить при продаже нарезку земли к тем из домов и построек, которые не могут быть с выгодою проданы на своз…

г) еще при жизни своей бывший владетель заявил права свои на принадлежность ему Гензи-Эцерского леса в Самурзакани и в доказательство этих прав предъявил купчую о продаже ему леса в Гензи-Эцери Марганиевыми на 2.500 р. …

Из приведенных данных можно заключить, что владетель имел Гензи-Эцерский лес в исключительном пользовании своем более 15 лет. Тем не менее едва ли есть возможность признать вследствие этого за ним, а ныне за наследниками его, право полной собственности на этот лес по русскому юридическому понятию...

Независимо от исчисленных статей доходов бывшего владетеля, следует упомянуть еще и о тех доходах, которые он предоставил: в пожизненное пользование воспитательнице своей, вдове Али-бея, княгине Кесарии Шервашидзе дарственною записью, 14 февраля 1858 г. князь Михаил во внимание ко вдовьему положению княгини Кесарии, пожаловал ей по жизнь пользование имениями Лабра, Саанчабадзе, Сагильяго, и кроме того, назначил ей содержание по 300 руб. в год. Доходы с названных имений приведены в известность Сухумскою сословно-поземельною комиссиею и исчислены в 1067р. 60 к., из коих повинности с подвластных, вместе с ажидзом, составляют 615 р. 60 коп. и доходы с пахотных полей – 452 руб.

Приводя затем к общему итогу все исчисленные статьи доходов бывшего владетеля, получим:

1.	Доходов по званию владетель а) за вывоз леса заграницу	10 т. руб.
	б) вознаграждение от казны за ввозные пошлины	9 т. 500 р.
	в) от вывозной пошлины	4 т. руб.
	г) ажидз и штрафы	1 т. руб.
	Итого	24.500 руб.
2	Доходов с подвластных в виде покровительственной дани, до	7.717 р.
3	Доходов с частных имений до	1.810 р.
4	Доходов, представленных в пожизненное пользование кн. Кесарии Шервашидзе	1.067 р. 60 к.
	Итого всех доходов	35.094 р. 60 к.

К этой цифре добавим еще 6% с 50 т. руб. (тахиатита вознаграждения за Гензи-Эцери и Репский лес), что составит 3 т. руб., и тогда весь итог доходов бывшего владетеля дойдет до 38.000 руб.

Вместе с доходами, лично поступавшими в распоряжение кн. Михаила, приведены также в окончательную известность доходы, которые получал брат его князь Александр, они заключались в следующем:

а) доходы с 323 дымов подвластных	1.452 р. 7 к.
б) доходы с полей и сенокосных мест	2.080 р.
в) доходы с садов	556 р. 50 к.
Итого	4.083 р. 57 к.

… Таким образом, при владетеле кн. Александр получал дохода ежегодно средним числом около 6 ½ тыс. руб. в год. …

Считая в Абхазии 9 тыс. дымов и полагая, что каждый дым будет платить в казну по 3 руб. (в Абхазии благосостояние жителей развито менее, чем в Мингрелии и в настоящее время абхазцы платят подати только по 1 руб. с дыма), оказывается, что Абхазия будет приносить дохода до 27 тыс. руб. в год, если к этому прибавить разных косвенных налогов … по 9 т. руб. в год, то с Абхазии можно будет получить дохода до 36 т. р. в год, исключив из этой суммы одну половину на расходы по управлению… окажется, что чистый доход с Абхазии мог бы в таком случае простираться до 18 т. р. в год, если же из предполагаемой цифры общего ежегодного обеспечения Абхазского владетельного дома исключить частных доходов (17.094 р.), то останется 16.906 руб., которые можно счесть идущими как бы исключительно в вознаграждение за владетельские доходы…

Предполагаемый размер вознаграждения членов бывшего Абхазского владетельного дома, как частных владельцев, по сравнению с вознаграждением всех вообще владельцев Абхазии за отходящие от них права за повин-

АЛЬТАИР

ности их подвластных и с поземельным обеспечением владельцев высшего сословия, также оказывается невыгодным для князей Шервашидзе. По проекту сословно-поземельной реформы в Сухумском отделе, предположено, что а) владельцы получат вознаграждение за повинности своих зависимых и подвластных по 10-летней сложности этих повинностей, б) владельцы наделяются землею, полагая по 2 десятины за каждый отходящий от них дым подвластных – из сословие анхае и в) владельцы наделяются сверх того особым участком земли, по усмотрению правительства, в размерах от 25 до 250 десятин, смотря по общественному положению и заслугам наделяемых. Применительно к этим предположениям, члены бывшего Абхазского владетельного дома, в качестве частных владельцев, должны бы были получить следующее вознаграждение:

1. Повинности подвластных, согласно вышеприведенной оценке, приносили владетелю и князю Александру и княгине Кесарии до 9.350 р. в год, 10-летняя сложность этого дохода составит капитал в 93.500 руб. [1].

2. За 1725 дымов подвластных по 2 десятины за каждый дым, всего 3.452 десятины, оценивая каждую десятину в 10 р. (по Абхазии весьма хорошая оценка), получим капитал в 34.520 руб.

3. Предположив, что сверх того, бывший Абхазский владетельный дом, в качестве частного землевладельца, получил бы особенно большой участок земли, примерно в 10 т. десятин, получим, согласно той же оценке, т. е. полагая по 10 руб. за десятину, капитал в 100 тысяч рублей.

Таким образом, все количества вознаграждения бывшего Абхазского владетельного дома, за долженствовавшие бы отойти от них повинности подвластных могло бы составить капитал около 230 тыс. руб., прибавляя сюда капитализированный из 5% доход владетельного дома от собственных садов 1.942 р., что составит около 40 т. получим, что стоимость того вознаграждения и обеспечения, которым воспользовался бы владетельный дом при решении сословно-поземельного вопроса в Абхазии, равнялась бы приблизительно 270 т., по высказанному же в настоящем докладе предположению, владетельный дом получает вознаграждения за частные доходы (17.094 р. в год) около 340 тысяч.

Наконец, предполагаемый размер окончательного вознаграждения членов бывшего Абхазского владетельного дома значительно превосходит тот размер вознаграждения, который по заключению Кавказского комитета следовало бы назначить бывшему владетелю за потерю выгод его по удалении от управления Абхазиею в 1864 году. По заключению Кавказского комитета, как сказано выше, следовало бы обратить в потомственную пенсию князя только Михаила доход, который он получал с имений, принять в казну, – все же прочие его доходы, принадлежавшие к разряду правительственных, следовало бы или вовсе не вознаграждать, обративши их на содержание русского управления в Абхазии, или же по высшей мере, назначить за них вознаграждение в виде пожизненной пенсии.

[1] В действительности члены владетельного дома получили бы в вознаграждение за повинности меньше против 93.500 руб., так как по проекту освобождения зависимых, они последние выкупают повинности не все сполна, а уменьшенные до известных норм.

ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д.188, лл. 3 – 37.

3.121 Краткая записка о сословно-поземельных отношениях в Абхазии и Самурзакани.

1870 г.

А. Сословные отношения

Основанием общественного устройства Абхазии и Самурзакани служили многие союзы, на которые делились эти страны, родственные в отношении племенном и составлявшие долгое время одно политическое целое, под управлением владетелей из двух линий фамилий Шервашидзе.

При слабости владетельской власти, население этих двух стран стремилось к обеспечению своих прав и к ограждению внутренней и внешней безопасности посредством соединения жителей в союзы, или общины (акыта), жившие своею особою внутреннею жизнью, на основании издавна установившихся взаимных отношений между членами общины, причем каждая такая община представляла две категории населения и два рода отношений: в общине находился непременно ахалапшюю, т. е. покровитель, защитник, подле которого группировались хипши, т. е. покровительствуемые, – из взаимодействия этих двух элементов населения каждой общины образовались все действовавшие в среде ее отношения.

Покровительствующий элемент населения Абхазии и Самурзакани образует две степени: тавады и аамиста (в Самурзакани носкуа), которых на основании принадлежащих им прав и обязанностей, можно по справедливости привилегированным сословием и на принадлежность к которым претендует до 4 т. д. об. пола.

Влияние и значение каждой привилегированной фамилии находилось в прямом отношении с силою, покровительствуемой ею общины. Чем община сильнее, многочисленнее, тем легче было покровителю (ахалапшюю) исполнять лежащие на нем обязанности. Эти последние главным образом заключались: 1) в ограждении безопасности общины от набегов соседственных народов, что, в особенности, относилось до общин, обитавших по близости границ абхазско-самурзаканской территории, а также в преследовании неприятеля, с целью возвратить награбленное им, и наконец, в набегах неприятельских земель, в видах кровомщения и грабежа; 2) в ограждении занимаемого общиной пространства, в видах пользования лесами и другими угодьями, не состоявшими в чьем-либо частном владении, главным образом для устройства зимних приютов для скота и для пастьбы его, а также для занятия под новые поселения и пашни; 3) в доставлении

АЛЫТАМИР

удовлетворения по делам кровомщения покровитель должен был мстить за покровительствуемых, или же содействовать к окончанию кровомщения примирением кровников; 4) в содействии отысканию украденного, что по причине сильного развития воровства в крае преимущественно скота, было делом большой важности для населения. Естественно, что чем сильнее была община, как по численности своей, так и по крепости внутренних своих отношений, тем покровитель ее получал более средств к выполнению означенных его обязанностей и тем более приобретал влияния на дела страны.

Покровительствуемый элемент общины образует следующие степени:

1. Сословие анхае в Абхазии, называемое в Самурзакани пиош, составляет как по численности, так и по своим отношениям основание населения страны, главную силу и сущность покровительствуемого элемента каждой общины (союза).

2. Амацюрасгу в Абхазии, называемое в Самурзакани мойнале, составляет переходное сословие из сословия ахуйю, или дельмахоре (см. ниже) в сословие анхае (пиош).

3. Ахуйю в Абхазии, называемое в Самурзакани дельмахоре, составляет низший класс в ряду условно зависимых сословий.

Самый низший класс населения, сословие, зависимое, так сказать, безусловно, составляют ахашала, рабы.

К покровительствуемому элементу населения принадлежат также шинагмы, стоящие в ряду туземных сословий выше анхае и образующие по своим отношениям класс почти тождественный с этим последним. Многие шинагмы заявляют о большой близости своей к сословию аамиста, чем к сословию анхае. Численность этого сословия, т. е. лиц, претендующих на принадлежность к оному, составляет более 1800 душ обоего пола.

Азаты, т. е. уволенные из других сословий, не отбывающие никаких повинностей.

Обычай определял в подробности обязанности и права каждого сословия. Обычай не исключает и ахашала от пользования известными правами. Главная обязанность, лежавшая на всех вообще членах союза, заключалась в исполнении военной повинности: каждый должен был, в случае надобности, явиться с оружием для защиты общей безопасности и действий против общих врагов. Затем, все остальные повинности, отбывавшиеся зависимыми сословиями, не только различаются по сословиям, но и в каждом сословии представляют значительное число родовых и видовых изменений. Но при всем разнообразии повинностей, нормы их для каждого дыма постоянны и не могут подлежат произвольному изменению ни с той, ни с другой стороны. Патрон не может по своему произволу увеличить, зависящий – уменьшить лежащие на дыме повинности. Изменения в повинностях могут происходить лишь вследствие известных, определяемых обычаем, причин.

Еще менее мог иметь место произвол в отношении сословных прав, строго определяемых обычаем. Это одинаково относится до прав как личных, так и имущественных.

Права и обязанности каждого из названых зависимых сословий Абхазии и Самурзакани заключаются в следующем:

1. Лица из сословия ахашала не имеют личных прав и пользуются лишь в ограниченном размере правами имущественными, в том числе и поземельными. Они проживают в домах владельцев; весь труд их принадлежит владельцам и приобретение ими имущества зависит от досуга, представляемого им владельцами. Они могут быть по произволу владельца передаваемы, продаваемы и вообще всяким образом отчуждаемы. Приобретение семейных прав ахашалами соединяется только с переходом их в сословие ахуйю, или дельмахоре. Дозволив ахашала вступить в брак, владелец вместе с тем обязывается по обычаю поселить нового ахуйю (дельмахоре) особым дымом, для чего представляет ему в частную собственность обычаем определенное количество земли и наделяет его необходимыми предметами хозяйства.

Общая численность ахашал простирается от 1300 душ обоего пола[1], мужской пол превосходит более чем на 20% женский.

По принадлежности лицам разных сословий ахашал считается:

I. Принадлежащих лицам привилегированных сословий 23 %, 2) принадлежащих анхае и пиошам 75% и принадлежащих низшим условно зависимым сословиям 2%.

Образование сословия ахашала произошло: 1. через обращение в это сословие пленных, 2. через куплю рабов в других странах, 3. через закабаление лиц из других сословий.

Цены на ахашал, с 1862 по 1868 годы, по сведениям, собранным Сухумскою сословно-поземельною комиссиею, представляют разнообразные цифры, восходя до 500 и спускаясь до 14 руб.

II. Ахуйю в Абхазии и дельмахоре в Самурзакане составляют низший разряд крестьян-собственников в этих странах; они живут отдельными хозяйствами и пользуются правами личными и имущественными. Численность этого сословия составляет до 8 тыс. душ обоего пола или до 1550 дымов, из них собственно ахуйю 1120 дымов и дельмахоре до 430 дымов[2].

Главнейшее сословие это образовалось из ахашал, получивших семейственные права; кроме этого второстепенными способами образования этого сословия были: обращение в него пленных и закабаление из других вышестоящих сословий.

Повинности ахуйю и дельмахоре состоят: 1. в работах, 2. в отдаче в услужение в дом владельца мальчиков или девочек, 3. во взносе ачмы, т. е. платы владельцу при выходе замуж девиц, и 4. в исполнении незначитель-

[1] Из этого числа, обязанных выкупом – до 800 д. обоего пола.
[2] Из этого числа, обязанных выкупом повинностей – до 1300 душ.

АЛЫТАИР

ных повинностей продуктами хозяйства. Все эти повинности исполняются по-дымно.

Главнейшая из мужских работ есть работа полевая. Она исполняется три дня в неделю, или одним работником от дыма, если в дыме нет более одного взрослого, и в противном случае двумя и тремя работниками (обыкновенно взрослым кроме одного) причем, имеющие свой скот и земледельческие орудия выходят на работу с таковыми. Во время исполнения работ рабочие продовольствуются за счет владельца. Три дня работы в неделю составляют наивысшую норму для ахуйю (дельмахоре), и хотя они обязаны этим количеством дней работы круглый год, но обыкновенно, по характеру и размерам хозяйства абхазских и самурзаканских владельцев, ахуйю (дельмахоре) отбывают полное число дней лишь в известные периоды полевых работ.

Владельцы имеют право употреблять ахуйю на исполнение других работ, взамен полевой работы, напр., на присмотр за скотом и хозяйством, на услужение в доме, на заготавливание дров, на работы по устройству хозяйства и проч., что определено обычаем, но не у всех владельцев однообразным.

Ахуйю и дельмахоре обязаны давать владельцу в услужение от каждого дыма по одному мальчику, или по одной девочке. Такого рода повинность по большей части имеет место только по мере надобности в ней владельца, иногда услуги мальчика заменяются услугами взрослого человека, иногда же мальчик отдается в услужение только под условным освобождением отца его от полевых работ. Прислуживание девиц более развито в Абхазии, чем в Самурзакани; девицы, услуживая, живут в доме владельца, кормятся и одеваются владельцем и остаются у него только до своего замужества, которому помешать он не в праве.

На женщинах этого сословия лежит повинность приготовлять гоми и кукурузу для стола владельца. При нескольких дымах ахуйю у одного владельца, повинность эта отбывается поочередно, каждый дым по году, или по известному числу дней. У некоторых владельцев на обязанности женщин из сословия ахуйю лежит еще обязанность приготовлять гоми и кукурузу для рабочих, собираемых на полевые работы.

При выходе замуж девиц из этого сословия, вносится владельцу ачма в Абхазии и хардж в Самурзакани, повинность, представляющая много частных видоизменений и местами вовсе не существующая. Она состоит из определенного числа коров и рублей. Но и владелец, в свою очередь, обязан обратно ачмою, т.е. помочь тому из ахуйю, или дельмахоре, который покупает для себя невесту. Размер ачмы представляет множество различий: наивысший ее размер – 10 коров и 10 рублей; обратная ачма равняется половине этой ачмы; ачма в 15 коров и в 15 руб. имеет место только относительно недавно поселенных их ахашал ахуйю. За низшую ачму можно

принять 3 коровы и 3 руб. наивысший харадж равняется 5 коровам или 50 р., низший – 1 корове или 10 руб. с уплатою ачмы или харджа за девицу прекращается зависимость ее от владельца.

Приношения продуктами хозяйства – молоком, лоби, гоми и кукурузою – имеют место в Абхазии, преимущественно в Гудаутском участке, и почти вовсе не встречаются в Самурзакане. Приношения такого рода вообще имеют условный характер, много зависят от того, насколько владелец помог или помогает ахуйю (дельмахоре), в устройстве хозяйстве последнего, а также насколько владелец охраняет или нарушает его обычные права. Они являются главным образом последствием помощи, ссуды и особых заслуг, оказываемых владельцем своим ахуйю (дельмахоре) и обратно.

Вообще, вся зависимость данного дыми ахуйю (дельмахоре) выражается совокупностью отбываемых им в пользу владельца повинностей, которые, однако, строго определены обычаем и потому постоянны, так что нельзя видоизменить их, т. е. увеличивать или уменьшать. Без согласия на то обоих сторон. Отсюда следует, что владельцу принадлежат только повинности данного дыма ахуйю (дельмахоре), но не самый дымнее самые люди, ее составляющие, кои не принадлежат владельцу, а лишь зависят от него, и именно зависят в размере подлежащих отбыванию повинностей, круг которых строго определен обычаем и взаимными условиями.

Из такого положения ахуйю (дельмахоре) вытекают те права этого сословия, за нарушение которых владельцем, ахуйю (дельмахоре) или отказывался вовсе от зависимости своей по отношению к владельцу, или же так или иначе заявлял свой протест. Так, ахуйю являются зависимыми от владельца лишь во время исполнения работ, в остальное же время они совершенно свободны; так, девицы из этого сословия, с уплатою ачмы, если они были ею обязаны, или с началом сватовства, если они ею обязаны не были, немедленно освобождаются от всякой зависимости; так, за ахуйю признается право полной частной собственности на движимое и недвижимое имущество, а также на земли; так, наконец, обычай не допускал не только продажи владельцем зависящих от него ахуйю, но и передачи другому их повинности (передача допускалась между близкими родственниками).

Выкупная плата, которую ахуйю (дельмахоре) вносили за освобождение от повинностей, зависело не столько от того, что дым ахуйю должен был дать, а от того, сколько он мог дать, а потому выкупные цены, на величину коих влияли и посторонние обстоятельства, бывали весьма разнообразны. Из бывших, однако, за последние годы примеров выкупа дымами ахуйю (дельмахоре) лежавших на них повинностей, видно, что выкупные цены заключались в большинстве случаев в пределах от 100 до 300 рублей от дыма.

Зависимость ахуйю (дельмахоре) распределена между сословием анхае и пиош и высшим сословием. На долю анхае (пиош) приходится 3/5 всего числа ахуйю (дельмахоре).

АЛЫТАИР

III. К сословию амацюрасго в Абхазии и мойнале в Самурзакани принадлежат дымы, живущие отдельными хозяйствами и обязанные или поставлять владельцу по одному работнику с дыма, который и живет в доме владельца 5 или 6 дней в неделю, или же в случае нахождения в дыме только одного работника, выходить на работу к владельцу от 2 до 3-х дней в неделю. Независимо от этого, сословие амацюрасго и мойнале обязано отбыванием некоторых добавочных повинностей, которые состоят: в выходе на работу в течение нескольких дней в году, наравне с анхае (пиошем), в приношении козы или свиньи, вина, гоми и проч.

Сословие это образовалось из сословия дельмахоре (ахуйю) чрез постепенное, редко единовременное, освобождение от свойственных этому последнему сословию повинностей, за исключением работы.

Сословие это наиболее распространено в Самурзакани. Из 1300 душ (250 дымов)[1], составляющих всю численность этого сословия, 82 % принадлежат к мойнале, а 18% к амацюрасгу.

Примеры единовременного выкупа повинностей лиц этого сословия весьма редки; но примеры освобождения их в сословие пиош (анхае), имели место, бывали довольно разнообразны и представляют выкупные платы от 70 до 300 руб.

IV. Анхае в Абхазии и пиоши в Самурзакани составляют главную силу покровительствуемого элемента каждой общины; сословие это защищало и оберегало ее интересы, охраняло обычай и силою протеста своего предотвращало препятствия к восстановлению его. Численность этого сословия простирается до 47 т. д. обоего пола или до 9 т. дымов[2].

С понятием анхае (пиош) соединяется представление о человеке свободном, пользующемся в полной мере своими личными и имущественными правами. Повинности этого сословия образовались из добровольных приношений, чрез повторение их в течение продолжительного числа лет, или же имеют началом разные услуги и пособия, оказывающиеся лицам этого сословия покровителями общин, а также возникновение близких отношений с сими последними по воспитанию и усыновлению. Различие причин возникновения повинностей этого сословия породило различия и в характере самих повинностей. Одни из анхае (пиошей) не отбывают никаких повинностей за исключением почетной службы или выхода на работу по приглашению, в течение нескольких дней в году, другие же обязаны, при исполнении почетной службы и работы, несением особой повинности, известной в Абхазии под именем амидз, а в Самурзакани сазыр[3], и состоящей в приношениях из продуктов хозяйства.

[1] Из этого числа, обязанных выкупом повинностей – до 200 дымов.
[2] Из этого числа, обязанных выкупом повинностей – до 4900 дымов.
[3] Амидзом называется также плата, взносимая в пользу лиц привилегированных фамилий за покровительство и защиту стад при пастьбе их на известной местности.

Вообще, вся совокупность повинностей, лежащих на сословии анхае (пиошей) заключается в следующих статьях:

1. Доставление владельцу в известное время года козы, или козленка, или барана, или свиньи, или теленка, или коровы, или части ее.
2. Доставление ему же, в установленном обычаем размере, вина и кукурузы.
3. Отбывание полевой работы в течение нескольких дней в году.
4. Содержание и кормление лошадей владельца.
5. Взнос в пользу его ахшбыра, т. е. плате при выходе замуж девиц этого сословия (обыкновенно – корову или 10 р.).
6. Исполнение почетной службы при владельце, как-то: сопровождение его в поездках и исполнении поручений его, соединенных с посылками.
7. Снабжение владельца на время лошадью для поездок.
8. Приношение продуктов хозяйства, не имеющие определенного и постоянного характера, как-то: приношение кур, гомной и кукурузной чалы, лоби, гоми и проч.
9. Исполнение работ и всякого рода пособий, оказываемых в особых случаях, как-то: при заготовлении материалов для построек, или перевозке их на место, при производстве построек и проч.
10. Угощения и всякого рода приглашения на праздники или по особым случаям.

Отбывание со стороны данного дыма анхае (пиошей) тех или других из означенных повинностей этого сословия обуславливалось установившимися между этими дымами и владельцем отношениями и совершалось как бы в силу заключенного между ними договора, нарушать который не дозволялось обычаем ни той, ни другой стороне. В случае возникновения каких-либо недоразумений и споров между зависимым и владельцем, по предмету отбывания повинности и обычных прав в этом отношении того и другого, прибегали к посредничеству известных лиц и даже самих общин (акыта), но если нарушенное право и затем не бывало восстановлено, то зависимый имел возможность протестовать прекращением отбывания повинностей, причем не только сам, но и все его однофамильцы могли переселиться в другую общину. Вообще, с понятием об анхае как свободном человеке, было неразлучно право перемены местожительства и отсутствие каких-либо других условий прикрепления к земле или к данной местности, кроме тех, которые проистекали из самих прав и интересов анхае. Возможность перехода с одного местожительства на другое, составлявшая силу, которая ограждала права зависимых сословий (не только анхае, но и всех прочих зависимых), сохранилась до последнего времени, и только с удалением владетеля Абхазии строгое запрещение начальства, имевшего в виду прекращение бродяжничества и воровства, ослабило таковые переселения.

Б. Поземельные отношения

Выше было сказано, что обычай строго определял как личные, так и имущественные права всех лиц, принадлежащих к общине (акыта). Из иму-

АЛТАМИР

щественных прав собственно-поземельные были почти одинаковы для всех сословий.

По обычному понятию, земля не возделанная не может быть предметом чьей-либо частной собственности, и только чрез приложение к ней труда может поступать в частное исключительное владение.

Главным обычным способом приобретения земель в частное владение служит, для всех без исключения сословий, беспрепятственная расчистка земель, никем исключительно не занятых, без разрешения на то кого бы ни было из лиц высших сословий. Затем второстепенными способами служат: наследование и покупка земель от лиц, приобретших земли по обычному праву в частное свое владение.

Право частной собственности зависимых сословий на расчищенные земли доказывается: многочисленными показаниями почти всех лиц из сословия анхае (пиош), в зависимости которых находятся подвластные, пользующиеся таковыми расчищенными землями и садами, в том, что земли принадлежат пользующимся ими; показаниями многих и тавадов и амиста, в каковых показаниях означенные лица заявляют, что отнятие у подвластного и даже перемена участка не может иметь места; передачею земель по наследству в восходящие, нисходящие и боковые линии, продажею и, вообще, продажею земель несостоятельных должников, по решениям сельских судов, и в том числе продажею и отдачею земель анхае или пиошами своим владельцам, в выкуп за свое освобождение; продолжением владения землею в случае переселения в другую общину; во многих случаях покупкою земель лицами, не принадлежащими к общине, и, наконец, тем, что даже ахашала, расчистивши землю не в урочное для работ владельцу время, делается по обычаю собственником расчищенной земли.

Заявления многих лиц из привилегированного сословия, что никто не может занять земли для расчисток в подведомственном им районе, без их разрешения, опровергаются действительными фактами совершавшейся прежде и совершающейся теперь свободной расчистки земель. Только при переходе ахашал в сословие ахуйю, владелец указывает новому ахуйю земли для расчистки, имея в этом случае тот интерес, чтобы ахуйю мог удобно являться с занятой земли на обязательную работу к своему владельцу.

Беспрепятственность расчистки имеет ограничение лишь в частных случаях, не имеющих общего значения, как-то: недопущение расчистки в некоторых заповедных лесных участках, необходимых для всех жителей общины, и в местах, занятых под абтра (зимовники).

И анхае и ахуйю бесспорно наследуют в нисходящих линиях. Затем, анхае наследует в более отдаленных боковых степенях родства как в одной общине, так и в другой, но при признании покровителем одного лица. Право наследования ахуйю в боковых линиях ограничивается только ближайшими степенями родства и то при зависимости их от одного и того же

владельца, так что иногда даже и родные братья не наследуют друг другу, если находятся в зависимости разных лиц. Подобное расширение права владельца на наследование после ахуйю, многие владельцы объясняют тем обстоятельством, что с вымиранием дымов низших зависимых сословий владельцы терпят чувствительный ущерб в хозяйстве. Но право владельцев на наследование в вышеизложенных случаях ограничивается еще правом всех сословий, без исключения, передавать имущество по усыновлению. Приобретение подвластных в другой общине дает владельцу (право) наследования после этих подвластных, которого лишается фамилия, утрачивающая сию подвластность. Если вновь приобретенные подвластные в другой общине имеют между подвластными нового владельца родственников, однофамильцев, то таковое соединение тех и других под одним и тем же покровительством может обусловить и взаимное наследование друг от друга. По обычаю, наследует не главный патрон общины, а ближайшее лицо, в зависимости которого состоял подвластный.

Продажа земель совершается свободно лицами всех сословий и чаще между жителями одной общины; но бывают случаи продажи и жителям другой общины. Привилегированные лица, имеющие в своей зависимости подвластных, заявляют в некоторых случаях, что продажа земель зависимыми сословиями может совершаться не иначе, как с их дозволения; впрочем, примеров подобной продажи предъявлено Сухумской сословно-поземельной комиссии, несмотря на расспросы ее, весьма не много, так что, в виду весьма большого числа случаев продаж без всякого с чьей-либо стороны разрешения, должно считать испрашивание на то позволения лишь просто формальностью, создавшеюся преимущественно в Самурзакани, под влиянием проникших в страну русских понятий о поземельной собственности. Само собою, при этом свидетельство лиц привилегированного сословия имеет, по значению этого сословия, большую цену во мнении совершающих покупку. Между прочим, как сказано выше, зависимые сословия продают земли тем лицам, в зависимости, или подвластности коих они состоят.

Затем, все земли, не состоящие в частном владении, подлежат беспрепятственному пользованию всех жителей общины путем производства новых расчисток, рубкою леса и пастьбою скота. О свободе производства расчисток сказано выше; лес могут рубить все и повсюду беспрепятственно, и поэтому предмету единогласно сходятся показания всего населения; для пастьбы, все, беспрепятственно же, могут занимать место для зимовников, и занятые места, пока они не брошены, считаются принадлежащими занявшим их лицам; на всех остальных землях общины, не принадлежащих частному владению, могут беспрепятственно пасти стада жители общины. Горные пастбища также не подлежат частному владению.

Таким образом, все жители Сухумского отдела имеют одинаковое право пользоваться в районе своей общины и на горных пастбищах всеми землями,

АЛЫТАИР

не состоящими в непосредственном владении частных лиц. Все имеют одинаковое право и на пастьбу скота, и на расчистку земли. Это подтверждается, с одной стороны, показаниями всех сословий, а с другой – фактическою проверкою, произведенною Сухумской сословно-поземельной комиссиею.

Тем не менее однако, несмотря на такую определенность в поземельных отношениях, поводами к притязаниям некоторых лиц высших сословий на принадлежность им поместного права на земли, заключающиеся в районе покровительственного значения этих лиц, служит: 1. повинности, платимые им низшими сословиями, 2. выморочное право, и 3. сбор амидза.

Но 1. повинности, платимые лицам покровительственного элемента, вовсе не проистекают из их поземельных прав. Это, кроме вышеприведенных фактов, свидетельствующих о праве подвластных на свободное распоряжение землями, доказывается, во-первых, тем, что размер повинностей не имеет никакого отношения к количеству находящейся во владении подвластных земли; во-вторых, ничтожность платы сравнима с теми выгодами, которые население извлекает из земли; в-третьих, тем, что подвластные могут менять покровителей по своей инициативе, и, наконец, тем, что покровители не могут передать покровительство другим, не только над сословием анхае, над сословием ахуйю и амацюрасгу, за исключением передачи ахуйю за долги, что в сущности проистекает не от произвола лиц, в зависимости коего ахуйю состоит. Приобретение подвластности дает новому покровителю в общине права, характеризующие привилегированное сословие. Таким образом, поземельные права зависимых сословий не только не истекают от зависимости привилегированному лицу, а напротив, подвластные, по собственной инициативе, могут передать лицам покровительствующего элемента права на пользование обычными доходами того или другого поземельного района.

2. Выморочное право привилегированных лиц не служит доказательством поземельного их права, так как выморочным правом пользуется не только покровительственный элемент в общине, но и анхае, по отношению к своим подвластным.

3. Ажидз, или плата, взносимая временными ассасами[1] в пользу лиц привилегированных фамилий, заявляется сими последними как доказательство прав их на принадлежность им в собственность земель, состоящих в общественном пользовании населений; но самая неопределенность границ, отделяющих в большей части случаев земли общественного пользования одной общины от другой, показывает, что никто из частных лиц не был заинтересован определением границ этих районов, как частной своей собственности. Есть весьма много примеров тому, что привилегированные лица, претендующие теперь на владение этими землями, условились между собою о границах своих общин только в последнее время, по случаю учреждения Сухумской сословно-поземельной комиссии. Дань (ажидз) с временных ассасов, в местностях не заселенных, брал тот, кто был в состоянии доставить более сильное покровительство и защиту стад в той местности. Таким образом, в некоторых из таковых местностей собирали ажидз различные лица. Точно таким же образом, и в местностях внутри страны, районы сбора ажидза с временных ассасов, тою или другою покровительственною фамилиею, были неопределенны, а размеры самого сбора крайне ничтожны.

[1] Т.е. гостьми, или переселенцами из других общин.

Пользованием лесом, как дровяным, так и строевым, свободно для всех без исключения жителей, в том числе и для временных ассасов. Внутренняя продажа леса, имевшая в некоторых случаях место, производилась без всякой кому бы то ни было платы. Продажа же леса для внешнего вывоза допускалась не иначе, как с разрешения владетеля, взимавшего за это в свою пользу особую плату, подобно тому, как он взимал такую же плату со всех сельских произведений, продававшихся на вывоз из пределов страны. Кроме владетеля также брали пошлину за лес, рубившийся на вывоз из края, покровители общин (ахалапшюю), а равно получали плату и из остальных жителей общин те, которые занимались рубкою леса; эта последняя плата была гораздо значительнее пошлин, получившихся за лес владетелем и ахалапшюю. Во всех тех случаях, когда ахалапшюю допускали рубку леса, для внешнего вывоза, без разрешения владетеля, владетель или секвестрировал вырубленный лес, или взыскивал за него двойную пошлину. Плату владетелю за лес следует считать, как бы покровительственною пошлиною, а плату, взимавшуюся ахалапшюю, вознаграждением за охрану. Как то, так и другое право, само собою, должно уничтожиться с поступлением страны под непосредственное ведение и охрану правительства. Между тем, с удалением владетеля, лица покровительствующего класса, во множестве случаев, начали обнаруживать попытки к продаже леса на вывоз, полагая самим фактом этой продажи подкрепить зародившееся, под влиянием понятий, занесенных извне, притязание на принадлежность им, как помещикам, всех находящихся в общественном пользовании покровительствуемого ими населения земель, в том числе и лесов. Самая ничтожность платы, за которую таковые лица спешили отдавать леса на сруб, платы значительно низшей против прежде взимавшейся ими при владетеле, свидетельствует об отсутствии права на принадлежность им таковых земель. Отсутствие прочного права и представлявшаяся возможность к заявлению притязаний были причиною того, что на одни и те же лесные пространства заявляют притязания различные лица. Эта же причина обусловила происхождение нескольких случаев составления фальшивых документов.

Поэтому, в 1867 г. признано необходимым воспретить вовсе рубку леса для внешнего вывоза, впредь до разбора поземельных прав населения. Многие из лиц высшего сословия заявили, что признают вполне как справедливость, так и пользу отвержения упомянутых притязаний.

АЛЫТАИР

Некоторые из претендентов, виде невозможность объяснить свои поземельные притязания основами обычного права и складом внутренних отношений в общине, прибегают к поддержанию своих домогательств ссылкою на факты пожалования или купли ими претендуемых пространств. Сухумская сословно-поземельная комиссия обнаружила всего три факта пожалования земель, но и здесь при подробном разборе существующих в указанных в жалованных документах районах поземельных отношений, выяснилось, что означенные документы не имели никакого значения на изменение обычных прав и взаимных отношений жителей по владению землями и выраженное в сих документах пожалование нужно понимать не иначе, как в смысле предоставления или укрепления обычной покровительственной роли. Затем, комиссия обнаружила еще три случая совершения сделок о продаже земель, состоящих в общественном пользовании общин. Во всех трех случаях покупателями земель показаны в документах владетельные лица, а именно, в двух – владетели Абхазии, Сефер-бей и Михаил, и в третьем – владетель Мингрелии Леван. В первом случае Сефер-бей, заняв под поселение земли в районе жительств тавадов Анчабадзевых и стеснив чрез то общественное пользование, признал необходимым взять от Анчабадзевых документ на пользование занятою землею, собственно в предупреждение недоразумений со стороны русских властей и для того, чтобы этим документом, в глазах их, парализовать домогательство владетеля Мингрелии на усиление значения своего по юго-восточной окраине Абхазии, где находилось занятое Сефер-беем пространство. Равным образом и во втором случае, владетель Михаил, занявший Гензе-Эцерский лес в Самурзакани под свою охоту, признал необходимым обеспечить за собою спокойное право пользования лесом совершением документа, чтобы этим оправдать себя в глазах русского начальства, тем более, что, по распоряжению этого начальства, производилось расследование по заявленным тавадами Анчабадзевыми жалобам на неправильное завладение означенным лесом. В третьем случае, продажа земли владетелю Мингрелии совершена вследствие ссоры подвластных двух отраслей Самурзаканских Шервашидзе за небольшое пространство земли, причем одна из отраслей, продав владетелю спорную землю и прилегающее к ней пространство, выдало ему на владение документ. Документ этот сохранялся в тайне в течение долгого времени, и совершившаяся продаже ни в чем не нарушала обычных прав жившего на упомянутом пространстве населения, и только в 1863 году опека над имениями детей последнего владетеля Мингрелии начала, в силу упомянутого документа, стремиться к расширению своих поземельных прав и к стеснению таковых же прав населения.

Кроме вышеприведенных случаев продажи привилегированными лицами общественных земель, Сухумская комиссия исследовала, что в последнее время, под влиянием опасений, зародившихся между зависимыми

сословиями относительно крайне неблагоприятной и стеснительной для них поземельной реформы, которое будто-бы правительство намерено ввести в стране, а также вследствие особого положения, усвоенного себе высшим сословием в Самурзакани по введении там русского управления, – совершено в Самурзакани привилегированным сословием значительное число продаж общественных земель, за ничтожную плату, зависимым сословиям, спешившим выкупиться от своей зависимости, причем выкупная плата за освобождение от зависимости и платы за покупавшуюся будто-бы землю, в большинстве случаев не была разделяема. Депутаты от высшего сословия, будучи вызваны в Тифлис комитетом, обсуждавшим сведения и выводы, представленные Сухумскою сословно-поземельною комиссиею, в доказательство поместных прав своих, представили несколько примеров продажи тавадами и амист земель, находившихся в пользовании общин, но примеры эти, как оказалось при расследовании, имели вовсе не то значение, какое хотели дать им депутаты. Справедливым вполне оказался только один пример бывшей в Самурзакани в 1867 г. продажи общественной земли привилегированною фамилиею другой фамилии. Земля эта лежала на окраине двух смежных общин, в коих жили эти фамилии, и находясь в споре, не имела особого значения для жителей той общины, от коей отчуждена, отчего жители, по показанию их, и не протестовали против этого отчуждения.

В результате вышеизложенного оказывается, что все туземные сословия Абхазии и Самурзакани имеют право частной собственности на известные категории земель, приобретенные определяемым обычаем путями, с ограничением, лишь в известных, вообще, редких случаях, права наследования в пользу лица, которому подвластен зависящий. За исключением известных категорий земель, подлежащих частному владению, лежащие в районе местности селения, не могут быть предметом чьего-либо исключительного владения и состоят в общественном пользовании для пастьбы скота, для устройства зимних приютов (для этого последнего), для рубки дровяного и строевого материала, в размере своих собственных потребностей; все имеют право свободной расчистки этих земель, за некоторыми, установленными обычаем, ограничениями, с приобретением в частную собственность расчищенных участков. Преимущество высших сословий лишь в взимании покровительственной дани со стад других селений, кои приходят для пастьбы на свободные земли, за покровительство и обеспечение таковой пастьбы. Кроме того, имеющим в своей зависимости лиц других сословий принадлежит право пользования выморочными землями.

Начальник Кавказского горского управления ген.-м. Старосельский.

Зам. начальника отделения кол. ал. Воронов.

ЦГВИА, ф. 400, оп. 259/508, Азиатская ч., 1870 г., д. № 41, докум. на лл. 31-57.

Сельское хозяйство и аграрные отношения. Том Второй. Отмена крепостного права. (Сост. П. В. Гугушвили). Тб. 1950. С. 572 – 586.

АЛЫТАМИР

3.122 Всеподданнейший доклад военного министра ген.-ад. Д. А. Милютина Александру II: «С представлением проекта сословно-поземельной реформы в Сухумском отделе».

8 ноября 1870 г.

Одною из главнейших задач, к осуществлению которых особенно стремилось правительство на Кавказе, было, без сомнения, устройство поземельных и сословных отношений всего туземного населения этого края на таких прочных началах, которые, соответствуя экономическим и историческим условиям края, отвечали бы вместе с тем и общим интересам государства.

Подобного рода реформа, по всестороннем обсуждении ее в применении к каждой местности, была постепенно приведена в исполнение во всех горских обществах Кавказа, за исключением Абхазии и Самурзакани, входящих в состав Сухумского отдела и которых разрешение этой реформы, по сложности ее, требовало более продолжительной и обстоятельной разработки.

Ныне е. и. выс. главнокомандующий Кавказской армией представил на высочайшее утверждение выработанный по его указаниям, в особом комитете по освобождению зависимых сословий в Кавказских племенах, проект основных положений по прекращению личной зависимости и по поземельному устройству в Сухумском отделе. Основанием к составлению этого проекта послужили исследования и соображения по сему предмету Сухумской сословно-поземельной комиссии.

Сущность предполагаемой реформы в Сухумском отделе состоит в следующем:

Отличительная черта сословных отношений в этой местности заключается в том, что как в Абхазии, так и в Самурзакани, подвластность низших, несвободных сословий высшим исключительно личная, нисколько не выражающая собою какой-либо зависимости по земле. В отношении поземельного пользования все сословия являются равноправными, с некоторыми только незначительными преимуществами высших сословий в распоряжении свободными общественными землями, преимуществами, вытекающими из первенствующего положения и, так сказать, административного значения их в среде общин.

Население Абхазии и Самурзакани делится в сословном отношении на два главных класса: высший – покровительствующий (ахалапшюю) и низший – покровительствуемый (хипши), последний, кроме того, разделяется еще на три разряда, отличающиеся между собою количеством отбываемых в пользу высшего сословия повинностей. Верхний разряд хипши, обложенный наименьшим количеством повинностей, составляет анхае в Абхазии и пиоши в Самурзакани; средний – амацюрасгу в Абхазии, мойнале в Самурзакани, и низший, отбывающий наибольшие повинности – ахуйю в Абхазии и дельмахоре в Самурзакани. Наконец, самую низшую ступень в ряду зависимых сословий занимают в Абхазии и Самурзакани – ахашала (рабы).

Работы и, вообще, повинности, отбываемые всеми разрядами низшего класса в пользу высшего, строго определены установившимся исстари обычаем и не могут быть изменяемы по произволу тою или другою стороною. Вообще, значение этих повинностей, при существовании полной равноправности и пользовании частною собственностью и землями, приобретенными определяемым обычаем путями, заключается как бы в возмездии высшему классу за оказываемые им покровительствуемым защиту и разного рода другие услуги. Так, например, высшие сословия имеют право взимать некоторую дань за пастьбу на свободной аульной земле скота, не принадлежащего членам аульного общества, в виде вознаграждения за покровительство и обеспечение такой пастьбы.

Такой взгляд на сословно-поземельные отношения в стране, выясненный Сухумской сословно-поземельной комиссией путем самого подробного и тщательного изучения, положен в основу проектируемой ныне сословно-поземельной реформы. Предположенные решения, по убеждению его выс. главнокомандующего, вполне справедливые и соответствующие условиям преуспеяния всей страны и общим интереса м государства не соответствуют, однако же, ожиданиям туземных владельцев высшего сословия, в числе коих довольно многие заявляют на принадлежность им, на поместном праве, всех земель, лежащих в районе принадлежавшего им родового влияния и отрицают права собственности на эти земли лиц низших сословий. Такие поместные притязания, противоречащие вековому обычному порядку землевладения в Абхазии и Самурзакани, составляют явление позднейшего времени и обясняются преимущественно соседством этих стран с Мингрелией, где за высшими сословиями признано поместное право на земли. Независимо сего, почва для подобных притязаний приготовлялась уже и прежде под влиянием русских и сходственных с ними грузинских взглядов на между-сословные отношения, причем проводником таких взглядов в туземное население являлось само прежнее местное начальство, как по малому вообще знакомству с действительным бытом населения, так и потому, что при существовании в то время в нынешнем Сухумском отделе двух влияний: одного – горского, черкесского, а другого, закавказского, грузинского, правительственные власти естественно сочувствовали сему последнему, представлявшему в глазах их дух порядка и покорности, – и поддерживали это влияние наперекор другому, в котором выражалась для них враждебность к нам, непокорность и своеволие. В виду существования упомянутых притязаний некоторых лиц из владельческого класса населений Абхазии и Самурзакани, вел. кн. главнокомандующий указывает на то, что подобные же притязания, до решения поземельного вопроса, являлись

АЛЫТАИР

в большой Кабарде, в которой существовали те же обычные поземельные отношения, какие обнаружены исследованиями Сухумской комиссии в Абхазии и Самурзакани, с весьма незначительными различиями, обусловленными влиянием одних лишь местных территориальных отличий этих стран. В большой Кабарде пользование землею было, точно как и в Абхазии с Самурзаканью, одинаково свободно для всех сословий, и зависимость низших из них от высших нисколько не обуславливалась поземельными отношениями, проистекая единственное из характера отношений личных чисто сословных. В большой Кабарде существовали, так называемые, аульные владельцы, совершенно соответствующие абхазским ахалапшюю (покровителям), коими могли быть только лица, принадлежавшие к известным почетным фамилиям, и лица эти, также точно как и абхазские ахалапшюю, получали доход за пастьбу на свободной аульной земле скота, не принадлежащего членам аульного общества, что имело вид как бы поземельного дохода и могло казаться намеком на существование в большой Кабарде поместного права. И действительно, под влиянием русского взгляда на поземельные отношения, некоторые из влиятельных кабардинских князей и узденей пытались не только самостоятельно распоряжаться общественными землями, но даже продавать их; тем не менее, и все подобные личности торжественно потом отказались от своих притязаний, заявив, среди прочих, свой отказ общественным актом (за подписью представителей всех сословий), на основании коего все кабардинские земли были признанны общественными, и только уже впоследствии правительство положило выделить из этих земель особые участки в частную собственность почетным туземцам, по своему усмотрению, как вознаграждение за отошедшие от них права над народом. Подобным же образом, в Абхазии, а еще больше в Самурзакани, по мере ознакомления местных общинных покровителей с русским взглядом на поземельную собственность, в особенности же со времени решения крестьянского вопроса в соседней к Сухумскому отделу Мингрелии и официального признания правительством за высшим сословием этой страны поместного права на земли, появились притязания некоторых лиц высших сословий на принадлежность им поземельных пространств, как состоящих, так и не состоящих в чьем-либо пользовании. Таким образом, самое появление подобных притязаний в Абхазии и Самурзакани объясняется как следствие близкого соседства их с Мингрелиею и тех родственных отношений, кои существуют между некоторыми фамилиями высших сословий этих соседственных стран; тем не менее, однако же такая близость этих стран еще нисколько не обуславливает собою существования в них одних и тех же сословно-поземельных отношений. Различие рас, населяющих страны по обе стороны Ингура, и отчасти различие исторических условий, воспитавших население, обитающее там и здесь, в результате дали совершенно различные проявления строя общественной жизни. Признание, подобно

тому, как в Мингрелии, поместного права за высшими сословиями в Абхазии и Самурзакани, населяемых племенем, имеющим более родственных черт не с мингрельцами, а с бывшим горским населением Северо-Западного Кавказа, равно как с отраслью этого племени – кабардинцами, было бы ломкою существующего в этих странах порядка пользования землею, ибо таковым признанием были бы нарушены вековые права всего населения в пользу небольшой части его, без всякого к тому оправдания в строе народной жизни. Наглядным доказательством последнего, т. е. того, что поместного права в Сухумском отделе не существует, что его нет и не было в сознании населения, может служить, по мнению вел. кн. главнокомандующего, то обстоятельство, что когда возник вопрос об утверждении поземельных прав, то на одни и те же пространства, и не только на окраины, но и на целые большие районы земель, во многих местах появилось одновременно по несколько претендентов.

Таким образом, его выс. признает, что проектированные основания собственно поземельной реформы в Сухумском отделе вполне соответствуют существу обычных сословно-поземельных отношений в этом крае. Согласно сих оснований, за всеми жителями Сухумского отдела утверждаются на праве полной собственности усадебные, пахотные и возделанные садовые земли, составляющие, по местному народному обычаю, частную собственность каждого лица или дыма; остальные же за тем земли поступают в непосредственное распоряжение правительства, и из них: 1. отводится известное количество для удовлетворения потребностей каждой общины; 2. наделяются привилегированные фамилии особыми земельными участками на каждый двор, взамен принадлежащих этим фамилиям некоторых преимуществ в пользовании свободными землями, а главное – для обеспечения первенствующего общественного положения их в стране; 3. наделяются те из освобождаемых, кои не обеспечены собственным хозяйством, и 4. отводятся наделы г. Сухуму, торговым местечкам и церковным причтам местных приходов.

Что же касается оснований по прекращению личной зависимости в населениях Абхазии и Самурзакани, то несмотря на сходство в характере этой зависимости с такою же зависимостью, существовавшею в горских обществах Северного Кавказа, е. и. выс. главнокомандующий Кавказской армией, разделяя вполне единогласное мнение обсуждавшего этот проект комитета, находит, что в силу территориальных и экономических условий названных стран, существовавшая в них личная зависимость сословий низших от высших не может быть прекращено точно тем же способом, каким она была прекращена в горском населении Северного Кавказа, и что для поддержания общественного значения абхазско-самурзаканских владельцев необходимо совершить прекращение это при полном, по возможности, возмещении тех потерь, кои понесут владельцы эти с освобождением их зависимых.

АЛЫБТАИР

На основании совершившихся уже фактов прекращения личной зависимости в горных обществах Северного Кавказа и применяя принятые там способы освобождения зависимых сословий Абхазии и Самурзакани, следовало бы обязать, освобождающихся выкупить лежащие на них повинности, по 4-х или 6-ти летней сложности годовой стоимости сих последних; или же, взамен выкупа, в течение того же срока продолжать отбывание обычных повинностей.

На ближайшем обсуждении положения и нужд владельческого класса Абхазии и Самурзакани обнаружено, что подобный способ прекращения в этих странах личной зависимости неизбежно поведет владельцев к потере принадлежащего им первенствующего общественного положения и даже может лишить их средств к существованию. Вел. кн. главнокомандующий предполагает, что в силу действующих в сих странах условий ведения домашнего и сельского хозяйства, в лице туземного высшего сословия, вполне обеспеченные доселе, обязательным трудом и повинностями своих подвластных и нисколько не приученные к земледельческим занятиям, при отсутствии денежных капиталов в стране, и происходящих оттого ничтожной ценности земельных угодий и высокого процента при денежных ссудах, даже и владения значительною поземельною собственностью, могут впасть в нищету, ибо собственность эта, при достаточном обеспечении в поземельном отношении низших сословий, будет представлять до времени лишь мертвый капитал. В таком же бедственном положении могли бы, по заявлению его выс., оказаться и лица высших сословий горских обществ Северного Кавказа, после освобождения их зависимых, если бы имущественное значение их, подобно тому как и у абхазцев и самузаканцев, основывалось главным образом на земледелии, а не на скотоводстве.

Вникнув в такое экономическое положение высших сословий Абхазии и Самурзакани, комитет по освобождению зависимых сословий в горских племенах Кавказа пришел к убеждению, что (для) обеспечения участи владельцев названных стран необходимо возместить полностью те потери, кои имеют произойти для них от освобождения их зависимых, т. е. капитализировать и уплатить владельцам сполна стоимости повинностей их подвластных. Для исполнения этого представляются три способа: 1. сумму, имеющую составиться от капитализации годовой стоимости повинностей, уплатить владельцам из казны, с полным при этом освобождением зависимых; 2. обязать самих зависимых, хотя бы и в продолжительный период времени, полностью выкупить лежащие на них повинности, и 3. уплатить от казны часть общей выкупной суммы, а остальную часть оставить на обязанности зависимых, предоставив их удовлетворить владельцев или деньгами, или отбыванием натуральных повинностей.

Первый из означенных способов обременил бы казну значительным расходом, второй – затянул бы существование в стране личной зависимости

на продолжительное время и возбудил бы неудовольствие в низших сословиях, уже знакомых с предложениями Сухумской комиссии, проектировавшей полное освобождение их всего в четырехлетний срок и притом с уплатою владельцам только четырехлетней стоимости повинностей. К тому же, как первый, так и второй способы, не соответствовали бы тем основаниям сословной реформы, кои приняты были при освобождении зависимых сословий в горских племенах Северного Кавказа, с которыми, между тем, абхазцы и самурзаканцы, по общественному своему строю, имеют весьма много сходства.

Поэтому комитет остановился на третьем из означенных способов, не заключающем в себе неудобств первых двух; причем во внимание к весьма низкой степени развития кредита в Абхазии и Самурзакани и происходящего оттого высокого процента ко всякого рода ссудам, комитет признал справедливым, чтобы зависимость подвластных, а именно: сословий ахуйю, амацюрасгу и анхае в Абхазии и равнозначащих с ними сословий дельмахоре, мойнале и пиоши – в Самурзакани, выкупалась по капитализации стоимости регулированных повинностей сих подвластных из 10%, вместо принимаемой в подобного рода операциях капитализации из 6%. Далее, комитет признал необходимым, чтобы капитализированная из 10% сумма стоимости означенных повинностей погашалась, в 2/5 ее частях, самими освобождающимися, или отбыванием натурою лежащих на них регулированных повинностей 4-х летнего срока, или же выкупом сих повинностей по 4-х летней их стоимости, а в остальных 3/5 частях – выдачею из казны владельцам причитающейся им затем, остальной, таким способом капитализированной, суммы. Что касается до зависимых из сословия ахашала, ближе других подходящего, по назначению для хозяйства владельцев, к сословию дворовых людей, то комитет, применяясь к порядку освобождения этого сословия в Тифлисской и Кутаисской губерниях, признал возможным, в виду того, что владельцы получат уже достаточное вознаграждение за освобождение зависимых других сословий, назначить владельцам в выдачу от казны за каждого ахашала (в том числе и за женщин) только по 50 рублей, с тем, чтобы ахашала должны были оставаться в обязательных отношениях, вместо 2-х, 4 года; причем, однако же, им предоставляется освободиться, посредством взноса стоимости их работы, в остающийся обязательный период.

При означенной системе выкупа и на основании произведенной Сухумской сословно-поземельной комиссией оценки повинностей, отбываемых зависимыми сословиями Сухумского отдела их владельцам, потребуется из казны пособия выкупавшимся, как видно из прилагаемого приблизительно расчета, до 400 т. руб., каковая сумма, по заключении. Е. и. выс. вероятно, окажется несколько превышающей действительную потребность при окончательном точном исчислении выкупной платы, возможном только при самом совершении выкупных сделок.

АЙТАМИР

Признавая проектированный комитетом способ возмещения потерь, имеющих произойти для владельцев Сухумского отдела от освобождения их зависимых, целесообразным и вполне соответственным в данном случае, вел. кн., главнокомандующий Кавказской армией, присовокупляет, что таковым способом: во 1-х, обеспечивается экономическое положение туземных высших сословий, так как имеющие поступить к ним денежные суммы дадут возможность в стране, бедной капиталами, заменить обязательный труд вольнонаемным и утвердить ведение хозяйства на новых экономических началах; во 2-х, обеспечивается чрез то и самая возможность высшим сословиям сохранить принадлежащее им первенствующее общественное положение в стране; в 3-х, не обременяются низшие сословия несоразмерным с их средствами выкупом, чрез что правительство приобретет в них, в весьма непродолжительном времени, самостоятельных и вполне обеспеченных в поземельном отношении хозяев, способных к отбыванию государственных повинностей в усиленном размере, что и восполнит с излишком оказываемое им от казны пособие при выкупе сословной их зависимости, и, наконец, в 4-х, не обременяется казна таким расходом, который можно было бы почесть преувеличенным или не соответствующим важности совершающейся реформы и не оправдываемым бывшими уже примерами подобных же расходов: так, в настоящем случае, на воспособление делу освобождения зависимых испрашивается всего до 400 т. руб., тогда как, с другой стороны, при освобождении зависимых в Мингрелии, несмотря на то, что владельцы сохраняли и впредь право на поземельные повинности своих крестьян, выдано было означенным владельцам от казны от 25 до 50 руб. за каждого освобождаемого мужского пола, что, по таковому же расчету, в применении к зависимым Абхазии и Самурзакани должно было бы составить сумму до 600 т. рублей.

В силу всех вышеизложенных соображений, гос. вел. кн. просит повергнуть на высочайшее утверждение, прилагаемые при сем основные положения сословно-поземельной реформы в Сухумском отделе и, вместе с тем, исходатайствовать всемилостивейшее соизволение на ассигнование из государственного казначейства, в его распоряжение, суммы, потребной на воспомоществование успешному осуществлению освобождения зависимых сословий в Сухумском отделе, имеющего положить конец всякой сословной зависимости на Кавказе, примерно, в количестве 400 т. рублей; с тем, что отпуск этих денег, если признается более удобным, может быть произведен с рассрочкой, с предназначением 200 т. руб., по смете будущего 1871 года, а остальных 200 т. руб., в один или два последующие года, смотря по имеющей обнаружиться потребности. Но при этом, в виду того, что срок 4-х летних обязательных отношений будет считаться со дня обнародования настоящего положения, а следовательно, что для соблюдения, по возможности, системы капитализаций, и 6-ти летняя стоимость повинностей должна бы быть уплачена в возможно непродолжительном времени после сказанного срока до обнародования положения, его выс. просит, чтобы ему предоставлено было, тем из владельцев, кои, по не разбору ли их прав мировыми посредниками, или по недостатку ассигнованных денег, не получат причитающихся им долей пособия в течение года со времени объявления положения, выдавать эти доли с причислением к ним следующих за год процентов, в количестве пяти на капитальные цифры. Равным образом вел. кн. признает необходимым ходатайствовать, чтобы просимая сумма пособия была отпущена вся, а буде невозможно, то хотя наполовину обыкновенными ходячими денежными знаками, а не процентными бумагами, так как, по совершенному недостатку денег и неразвитию кредита в стране, абхазско-самурзаканские владельцы понесут значительный ущерб при реализировании означенных процентных бумаг.

Затем, его выс. ходатайствует еще об утверждении прилагаемых при сем кратких правил о предназначающихся для совершения настоящей реформы мировых посредниках, с помощниками их, и особо присутствии по делам зависимых сословий, с ассигнованием потребных, на основании этих правил, сумм из общих доходов государственного казначейства пособием по смете гражданского управления Закавказского края, причем на будущий 1871 год необходимо будет ассигновать 12 т. руб., так как признается нужным образовать, на первое время, должности 4-х мировых посредников и двух кандидатов.

В заключение вел. кн. главнокомандующий Кавказской армией присовокупляет, что признавая справедливым и необходимым, одновременно с прекращением прав высших сословий на повинности их подвластных, определить собственные их сословные права, и находя приведения в известность лиц высших сословий нужным для самого предположенного надела их поземельными участками, им даны уже Сухумской сословно-поземельной комиссии надлежащие приказания о сборе всех нужных по этому сведений, которые в свое время и будут представлены на высочайшее утверждение.

Настоящее предположение его выс. главнокомандующего Кавказской армией было препровождено на заключение министра финансов. На это ст. – секр. Рейтерн сообщил, что в Империи помещики получают выкупные суммы за земли, предоставляемые ими в собственность крестьян, за освобождение же крепостных людей, не пользовавшихся помещичьей землей, от крепостной зависимости и обязательного отправления послуг в пользу их бывших владельцев, закон не предоставил сим владельцам никакого вознаграждения. Посему развязка зависимых отношений дворовых людей, не только внутри Империи, но и в губерниях Тифлисской и Кутаисской и Мингрелии, совершалась посредством оставления их на два года в обязательных отношениях к их бывшим владельцам. Таким образом, по мнению министра финансов, в Аб-

АЛЫТАИР

хазии и Самурзакани, где высшие сословия не имеют права собственности на землю, состоящую во владении зависимых, обязанных повинностями сословий – проектируемое оставление сих последних в обязательных отношениях на 4 года представлялось бы, по началам, принятым в Империи, достаточным для прекращения в означенных областях личной зависимости подчиненных классов, без особого дополнительного вознаграждения из казны. Но если по местным исключительным условиям признается совершенно необходимым упомянутое выше пособие со стороны государственного казначейства, то ст.-секр. Рейтерн полагает, что за тем остается только озаботиться только принятием мер, чтобы это пособие достигло предположенной цели, и чтобы оно было по возможности возвращено казне. В сих видах он полагал бы остановиться на следующих соображениях.

1. Высшие сословия, по проекту, сохранят в течение 4-х лет, с утверждения положения, право на обязательную работу и другие повинности их зависимых. Посему, до истечения этого срока, они едва ли будут иметь нужду в выдаче им причитающихся сумм из означенных 400 т. рублей. В случае выдачи им этих денег заблаговременно, они могли бы, истратив деньги без пользы для своего хозяйства, остаться, по окончании 4-х летнего срока, и без обязательных повинностей, и без денег, и обременили бы правительство просьбами о новых пособиях. Поэтому было бы осторожнее причитающиеся им (к) расчету суммы назначить к выдаче не прежде, как по истечении упомянутого выше 4-х летнего срока.

2. Зависимые сословия, с освобождением их от обязательных отношений к покровителям и с получением в собственность и пользование нужного количества земли, получат несомненно большую возможность устроить правильным образом свое благосостояние. Поэтому было бы возможно и справедливо, по миновании для них обязательного служебного срока, обложить их некоторым сбором, меньшим против отбываемых ими ныне повинностей, для возврата казне оказываемого ею воспособления, и на расходы по содержанию мировых учреждений.

Из этого заключения видно, что министр финансов не встречает собственно препятствий к отпуску из государственного казначейства, как испрашиваемых для сословно-поземельной реформы в Сухумском отделе 400 т. руб., так и необходимых средств на содержание мировых посредников; но вместе с тем полагает справедливым, чтобы оказываемое таким образом воспособление было бы впоследствии возвращено обратно.

Вследствие особого ходатайства вел. кн. главнокомандующего Кавказской армией, ваше имп. вел. в 17-й день минувшего октября, соизволили повелеть, чтобы рассмотрение представленного Кавказским начальством проекта сословно-поземельной реформы в Сухумском отделе было исполнено в соединении Главного комитета об устройстве сельского сословия в Империи и Кавказского комитета.

По рассмотрении этого дела, названные комитеты положили:

1. предоставить мне поднести на высочайшее в. и. вел. соизволение представленные кавказским начальством проекты сословно-поземельной реформы в Сухумском отделе;

2. назначив 400 т. руб. в пособие для исполнения его, из государственного казначейства, предоставить его выс. наместнику Кавказскому, войти в соглашение с министром финансов о сроках отпуска этой суммы, дабы таковая могла быть выдаваема по мере прекращения обязательных отношений зависимых сословий, как лицам высших сословий, так и, если его выс. признает нужным, освобождаемым ахашала;

3. на содержание мировых посредников отпускать ежегодно по 12 т. рублей.

Положения сие удостоились утверждениям вашего вел. в 6 день сего ноября.

Во исполнение сего, повергая на благоусмотрение вашего имп. вел. изложенное представление вел. кн. главнокомандующего Кавказской армией и доставленные им проекты, имею счастье испрашивать благоугодно ли будет соизволить утвердить прилагаемые при сем проекты: положения о прекращении личной зависимости и о поземельном устройстве населения в Сухумском отделе и правил об устройстве местных по делам зависимых сословий учреждений в этом отделе, и повелеть привести их в исполнение, с отнесением издержек, сопряженных с сословно-поземельной реформой, на счет источников, ассигнуемых из государственного казначейства на основании заключения соединенного совещания Главного комитета об устройстве сельского сословия в Империи и Кавказского комитета.

Ген-ад. Милютин.

Ген.-ад. Гейден.

ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/508, Азиатск. часть, 1870 г., д. № 41, докум. на лл. 115 – 134.

Сельское хозяйство и аграрные отношения. Том Второй. Отмена крепостного права. (Сост. П. В. Гугушвили). Тб. 1950. С. 586 – 596.

3.123 О незаметном «вымирании» горских песен и преданий. (Извлечение).

1871 г.

Наши кавказские горцы, как и вообще все народы, не выработавшие самостоятельной письменности, удовлетворяли свои умственные потребности запасом изустных преданий и песен, переходивших от поколения в поколение вместе с другими предковскими заветами. Пока каждое племя жило отдельно, самобытною жизнью, оно дорожило этими... остатками

АЛБТАИР

народного творчества, потому что находило в них единственный источник для знакомства с своим прошлым и в то же время пример и науку для настоящего. Но едва только рушилась цельность раз установившегося племенного быта, произведения народного ума начали утрачивать прежнее свое значение, ибо народу, озабоченному вопросом о своем существовании, некогда уже было думать о песнях и рассказах.

Люди, знакомые с горцами, могли заметить у них подобное явление со времени переселения части туземцев в Турцию. Последовавшие же затем преобразования в быту горцев, подорвав в корне все основные начала народной жизни, заставили народ окончательно забыть об умственном завещании его предков, так что, в настоящее время, можно сказать, горцы совсем перестали петь и рассказывать, по крайней мере, как бывало это прежде.

А нельзя не пожалеть об этом. Мы вообще очень мало сделали до сих пор в деле изучения прошлой жизни кавказских племен и потому не должны бы дать погибнуть бесследно единственным памятникам этой жизни – народным сказаниям и песням. Если справедливо вообще мнение, что без знания прошлого нельзя составить себе верного понятия о настоящем, то с чисто практической точки зрения (не говоря уже о научном интересе), подобное равнодушие к горской старине является совершенно неизвинительным: ведь приносятся же известные материальные и иные жертвы для достижения и не столь важных по своим последствиям целей, какою по справедливости нельзя не признать возможно основательное изучение кавказских племен – в историческом, этнографическом, лингвистическом и т. п. отношениях?

Между тем, у нас до сих пор не было сделано ни официальным, ни частным образом, сколько-нибудь серьезной попытки, с целью собственно собирания на месте сохранившихся у различных племен Кавказа песен и сказаний. Единственным в этом роде предприятием можно бы считать еще «Сборник сведений о кавказских горцах», о котором не раз уже говорено в нашей газете, если бы он только не ограничивался печатанием того, что поступает со стороны, а нашел бы вместе с тем, возможность рассылать сведущих людей для собирания материала во все места, снабдивши их надлежащими инструкциями, как и что записывать. Кроме того, в силу самого своего происхождения, издание это поставлено в такие условия, что рассчитывать ему на сколько-нибудь значительный круг читателей, хотя бы, например, такой круг, при котором мыслимо было бы печатание в нем более или менее самостоятельных исследований горского быта, – совершенно невозможно. А других изданий, периодических или повременных, которые бы приняли радушно не только какие-нибудь сухие лингвистические изыскании о горских языках, но даже общедоступные и, пожалуй, не лишенные интереса для многих описания горского быта, в настоящее время, – сколько

нам известно, нет в целой России. И это совершенно понятно: издания эти печатают только то, что в данную минуту может интересовать их читателей; и большинству читателей, успевших ознакомиться с Кавказом по прежним описаниям, нет никакой надобности изучать быт каких-нибудь кавказских горцев, когда можно с большею приятностью читать романы Шпильгагена и подобных ему иностранных и отечественных авторов.

Чтобы слова наши не показались голословными, укажем на то, что в наших литературных журналах, имеющих более или менее обширный круг читателей, за последние три-четыре года не появилось ни одной сколько-нибудь заметной статьи, касающейся Кавказа, а единственное в этом роде сочинение г. Дубровина «Адиге» (черкесы) помещено в специальном органе военного министерства, тогда как ему скорее следовало бы появиться в каком-нибудь из более распространенных журналов.

Вывод из всего этого представляется сам собою: хотя у нас существуют и литературные журналы, и специальные научные издания в виде записок различных обществ и учреждений, тем не менее, однако, лицам, которые задумали бы посвятить несколько лет своей жизни разработке какой бы то ни было стороны горского быта, грозит печальная участь – остаться самим единственными созерцателями своих трудов, потому что едва ли найдется настолько наивный издатель, который бы решился рискнуть своим капиталом, взяв на себя печатание подобных трудов.

В виду этого нельзя, само собою разумеется, удивляться тому, что у нас вообще еще мало людей, имеющих желание и возможность предаться изучению истории и этнографии Кавказа (не говоря уже об языках, хотя практическое знание их для служащих на Кавказе было бы несравненно полезнее, чем переливать из пустого в порожнее на французском диалекте).

Кому, в самом деле, придет охота терять время и труд на заведомо бесплодное предприятие? Разве уж какому-нибудь чудаку, для которого собственное сознание исполненного долга заменяет все мирские блага, но таких исключительных субъектов в ваше практическое время можно поискать со свечой; большинство же современных деятелей науки и литературы, как известно, весьма сведущи в политической экономии и не любят работать ради одного удовольствия.

Можно бы, конечно, приискать множество оправданий такому положению научно-литературного дела по отношению к Кавказу, но вопрос не в оправданиях – так как здесь никто и не обвиняется, – а в том, как помочь самому делу. Ведь, если невозможно приняться за что-нибудь в обширных размерах, из этого вовсе не следует, что нужно совсем отказаться от дела? Напротив, практика и здравый смысл предписывают примириться с малым, когда нельзя рассчитывать на великое, – словом, лучше делать хоть что-нибудь, чем ничего не делать. Например, допустим, что уже найдутся люди, имеющие желание и возможность посвятить часть досужего своего време-

АЛЫТАИР

ни собиранию и обработке сведений о наших горцах, сношения с которыми с каждым днем становятся чаще и теснее, и что они не будут стремиться к невозможному, т. е. к тому, чтобы сразу прославиться и зашибить деньгу, а зададутся более скромною задачею – принести посильную пользу ближнему и, вместе с тем, доставить себе удовольствие занятием никому не вредящим, а напротив, могущим, пожалуй кому-нибудь послужить и в пользу. Что мешает таким людям, не подвергая себя различным мытарствам и напрасным унижениям, неизбежным при сношениях с промышленниками-издателями, помещать свои труды хотя бы в местных губернских ведомостях, имея, разумеется, при этом в виду не полное вознаграждение за свой труд /на которое такие издания не могут быть щедры/, а скорее для того, чтобы труды эти не пропали совершенно бесследно, что всего печальнее для произведений ума, без различия их относительного достоинства. По крайней мере, мы думаем, что наши Терские Вед., поставившие себе задачею, между прочим, посильное собирание и разработку этнографических, исторических и др. сведений, касающихся не только одной области, но и вообще горского населения Кавказа, /мало чем отличающегося вообще друг от друга/ охотно приняли бы всякий труд, в каком-либо отношении знакомящий сбытом этого населения. Мы даже слышали, что за подобные труды областное начальство не прочь бы назначить и небольшое вознаграждение авторам.

(Адиль-Гирей Кеш) Газ. «Терские ведомости», 1871, № 20.

3.124 Порядок обсуждения дел на народных сходках в Абхазии и Самурзакани.

1871 г.

Сухум 19-го июля. Под видом корреспонденции мы решаемся передать читателям «Кавказа» весьма интересный факт, как кажется пропускавшийся или незамеченный всеми, описывавшими Абхазию и Самурзакань – это порядок обсуждения дел в этих странах на народных сходках.

Известно всем – что такое «мирская сходка» в российских селах и деревнях. Соберется народ, один или двое, обыкновенно старших на сходках, начинают рассуждать перед толпою, не извещенную предварительно в чем дело – является оппозиция в лице природного краснобая или человека, обремененного семьей, в том случае, если дело касается какого-либо предполагаемого денежного сбора, подымается нередко спор, галденье и зачастую случается, что при таком способе обсуждать дела и предлагаемые к разрешению вопросы, сходка остается без результата, а если и достигает утвердительного конца, то всегда оставляет в молчаливой части толпы убеждение, граничащее с сознанием произведенного на толпу внешнего давления, так сказать не убедившего, а заставившего делать то или другое. Поэтому

можете себе представить наше удивление, когда мы узнали, что в Самурзакани и Абхазии словоговорение на сходках совсем не так совершается, как в других местах России и даже Кавказа, почему невольно рождается вопрос – откуда в эту страну, называемую ныне вообще «Сухумским военным отделом», забрался этот обычай, и не составляет ли он собой остаток старины, когда здесь процветали греческие колонии – Диоскурия, Анакопия и пр. А дело, право не дурно.

Происходит оно, вот как, например, в Самурзакани. Собирается по какому-нибудь поводу сходка, сошелся народ. Лица, собравшие его, обращаются к нему с изложением причин сходки и разъяснением дела, по которому она созвана. Народ слушает молча до самого конца вашей речи. Наконец, вы, положим останавливаетесь. Кто-нибудь из народа спрашивает: «кончили ли вы?» Вы, положим, распространяетесь еще с убедительнейшею речью, наконец, исчерпавши все доводы и доказательства, объявляете, что вы кончили и к изъясненному делу более ничего прибавить не можете. Тогда народ заявляет вам, что теперь «мы подумаем", «мы рассмотрим, что ты нам сообщил». Затем весь народ разбивается на кучки, чаще всего по три человека в каждой, но при нужде и по 4 и по 5, затем заявленный собранию вопрос рассматривается, в каждой кучке, причем, разумеется, такая кучка останавливается на чем-нибудь одном, а именно: если согласиться – то в какой степени и почему именно, «если не согласиться – то почему именно». Придя к какому-либо решению, каждая кучка из среды себя выбирает кого-либо оратором, который и должен говорить в духе того, на чем остановились все они во время обсуждения вопроса. Затем такая кучка начинает ходить между народом спрашивая – «кто окончил?» и тем отыскивая такую же троицу лиц, порешивших с вопросом также, как и они, и также избравших из среды себя одного оратором. Вообще необходимо найти две такие кучки, так что из трех составляется уже одна от 9 до 15 человек численностью, так что вскоре весь народ из мелких групп собирается в подобные же 9-душные группы или в 9 (или около) человек. В таких случаях большинство лиц уже соблюдают строгое молчание, наблюдая только за своими ораторами, между которыми уже исключительно происходит борьба мнений. Когда эти ораторы порешат на чем-нибудь одном, то они также для выражения своего мнения выбирают одного говоруна, а затем также отыскивают группы, окончившие прения и составляются уже толпы около 30 человек в каждой, наконец, таким же порядком около 100, и наконец собирается в одну толпу весь народ, т. е. вся община, так как в административном отношении весь Самурзакан делится на общины. Затем последние ораторы, состязавшиеся перед лицом целого народа, во главе одного, подходят к лицу, созвавшему сходку и объявляют ему: «господин» или «начальник» – народ рассмотрел сделанное тобою предложение, находив, что оно полезно или своевременно, почему он соглашается сделать то, что ты предложил. Если же народ не

АЛЫТАИР

соглашается, то те же ораторы таким же порядком объявляют несогласие его, причем пересчитывают и причины, почему не могут их исполнить. Вся же толпа в обоих случаях стоит уже в безмолвии и только слушает своих избранных. Не правда ли, поразительный способ «народоговорения» и «народообсуждения» дел?

Собственно, в Абхазии только в том состоит отличие, что первая толпа разбивается по фамилии, в которых бывает и 5 членов, бывает и 30, но затем продолжается тот же порядок дальнейший.

Подобным, например, образом обсуждалось высшими привилегированными сословиями в Абхазии и Самурзакани решение о пожертвовании ими 50 % из имеющегося поступить в распоряжении зависимых сословий средств – в пользу сухумской женской прогимназии.

Газ. «Кавказ», 1871, № 88.

3.125 Эмухвари А. Самурзаканские поверья.

1873 г.

Долгое время самурзаканцы находились в заблуждении, думая, что всякий кузнец (т.е. ремесленник) может распоряжаться жизнью и смертью человека. Каждый самурзаканец, при нанесении ему кем-либо обиды, приходил к какому-нибудь кузнецу и просил напустить на его врага такие чары, которые причинили бы ему долговременную болезнь, а если можно, то и смерть. Если после колдовства обидчик заболевал чем-нибудь, то это немедленно приписывалось не действию природы или карам божьим, а наущению чар на него каким-нибудь кузнецом по просьбе врага. Больной же, чтобы убедиться в действительности чар, в свою очередь отправлялся к ворожее.

Последняя приносила обыкновенно 41 зерно лобия (фасоли) и начинала гадать; при этом она много говорила и в своей болтовне искусно выпытывала от пришедшего на кого он имел подозрение. Ворожея, между прочим брала 41 зерно лобии и говорила: «41 зерно лобии! Не погуби этого бедного человека поналрасну1 Укажи нам причину болезни его!» Сказав это, она бросала зерна на стол и, пристально глядя на них, называла виновником болезни того именно человека, на которого проситель имел подозрение. При прощании же уговаривала больного помириться с могущественным кузнецом и принести в пользу его наковальни известное.количество денег.

Такое суеверие укоренилось между самурзаканцами по следующему поводу.

Раз заболел один крестьянин горячкой и находясь в бессознательном состоянии, начал бредить: «Ох! Как губят людей эти проклятые кузнецы своими чертовскими наковальнями! Помогите мне и не убивайте меня от рук кузнеца Похвала; я его недавно обидел, и он меня проклял за это своею наковальнею и теперь хочет убить; помогите, помогите...»

Словам больного родные удивились и пригласили ворожею, чтобы убедиться правду ли говорит больной. Ворожея подтвердила. «Чем ему помочь?» – спросили родные. «Помиритесь с этим кузнецом, – ответила ворожея – дайте ему сорок пять рублей; и пользу же его наковальни пожертвуйте двух белых овец, одного белого бычка и 2-х пестрых козлов. Если исполните это, я наверно скажу, что больной выздоровеет». Простодушные люда поверили ее словам и действительно, спустя несколько времени исполнилось предсказание ворожеи. С этого времени самурзаканцы усвоили повсеместно это дикое суеверие.

Теперь я скажу несколько слов о том, как проклинали самурзаканцы друг друга и каким образом совершались жертвоприношение. Для этого необходимо описать один случай, не лишенный в свою очередь интереса.

Был один кузнец, по имени Пэпу, человек высокого роста и стройного телосложения. Черты его лица были так привлекательны, что все сверстники завидовали Пэпу. В 18 году он засватал одну девицу, которая также отличалась особенною красотою. Через два месяца после обручения Пэпу заболел и пролежав три месяца лишился употребления ног. Невеста, узнав о несчастии, постигшем жениха, вышла замуж за односельца крестьянина, не испросивши даже согласия родных. Несчастному Пэпу сказали о поступке его невесты. «Правда, – ответил он, – мне нельзя было жениться после такого несчастия и сам я хотел освободить ее от данного слова, но так как девушка вышла замуж без моего ведома, то проклинаю ее.» Пэпу для этой цели приготовил свечку; сидя около своей наковальни и держа свечку вертикально, он начал проклинать невесту следующими словами: «Наковальня! Ты всемогуща, видишь, как обидела девушка твоего несчастного слугу, пожалей меня бедного! Если спишь, проснись, а если нет, побей ее молотком.» Потом он взял одной рукою за нижний конец свечки, а другою за верхний и поворачивая им в воздухе, говорил: «Так крути ей шею до тех пор, пока она не заплатит мне 200 рублей, а наковальне не пожертвует 20 руб., одного белого быка и двух белых овец». В заключении Пэпу зажег еще свечку и держа ее немного наклоннее против прежнего положения, продолжал: «Вот так заставь плакать ее, как свеча плачет от огня». Этим не кончилось однако заклинание: Пэпу каждое воскресенье возобновлял к наковальне свою просьбу

Бывшая невеста Нэпу приготовляла обед и стоя около очага, упала в обморок, при чем сильно обожгла руку; очнувшись же стала кричать. На крик ее сбежались все соседи, в числе их и я. В комнате мы увидели страшное зрелище; вся правая рука бедной женщины была покрыта пузырями, происшедшими ог обжога. Бедная страдалица металась от боли, обливаясь слезами. Соседи, собравшиеся на крик, говорили между собою: «Не дай бог никому иметь врагом кузнеца! Потому что видите, как губит молодую женщину Пэпу со своею наковальнею.» Услышав эти слова, деверь этой женщины схватип ружье с целью застрелить Пэпу, но соседи усмирили его,

АЙЫТАМИР

«Ты нисколько не поможешь больной, – сказали они, – лучше ищи другое средство, а то пожалуй он вас всех проклянет» «Ну, хорошо, какое это средство?» – спросил деверь их. «Как какое средство! Приведи ворожею и она скажет,» – ответили соседи. Призванная деверем ворожея сказала ему, чтобы он исполнил все, сказанное Пэпу во время проклинания. По совету ворожеи, все родные больной женщины должны были просить прощения у Пэпу. Хвастливый Пэпу обрадовался этому случаю и назначил им срок, не позже которого они должны придти для принесения даров.

И вот разнесся слух по всей Самурзакани о кузнеце Пэпу и его наковальне; никто из знахарей не осмелился пенть бывшую невесту кузнеца, пока она не помирилась с Пэпу и не принесла жертву его наковальне. Полагали даже, что наковальня разгневается и на того, кто будет соболезновать женщине и проч. и проч. На 4-й день после несчастий, родные бопьной приготовили все необходимые вещи и взяли больную к Пэпу. Пэпу пригласил по этому торжественному случаю всех жителей своей деревни. Я случайно попап в чиспо приглашенных и был свидетелем этого комического обряда, т. е. жертвоприношения. Мы увидели следующую картину: Близ наковальни, окруженной народом, были привязаны белый бык и две белых овцьг Сам Пэпу сидел с одной стороны наковальни, а больная с завязанною рукою с другой. Спустя несколько времени, Пэпу произнес громким голосом следующие слова; – «Господа! Послушайте меня. Вы хорошо знаете какое несчастие случилось со мною, и кто этому причиной. Но видите, в каком состоянии изменница. Такое несчастие причинено ей наковальней по просьбе моей. Сегодня она принесла жертву наковальне и хочет помириться со мною. Она очень обидела меня, и я хотел лишить ее жизни, но теперь прощаю ей.» Потом говорящий снял шапку и обретясь к наковальне, приподняв руки немного кверху, громким гаетасом произнес: «Наковальня, ты исполнила мою просьбу. Я очень благодарю за такое усердие, оказанное тобою мне. Теперь же я. прощаю преступление и прошу, чтобы и ты простила несчастной. Если согласна ты на это, заставь белого быка стряхнуться.» Сказав это, он приказал вылить воды на слюну быка. Его приказание исполнили, но бык не зашевелился. «Может быть ты не желаешь простить ей? – сказал Пэпу, опять обратясь к наковальне, – Прости, прости несчастной! Ты уже довольно наказала ее. Этого наказания довольно, прошу тебя, прости ей!» Во все время комедии этой народ стоял – без шатток и с удивлением слушал Пэпу. Потом Пэпу приказал другой раз налить на спину быка воды. Один из стоявших тут взял стакан воды и налил на то место, которое уже было смочено. Бык на этот раз удовлетворил желание Пэпу, что удивило весь народ и заставило убедиться в чудесной силе наковальни. «Простила ей, простила ей!» – говорили самурзаканцы. Пэпу приказал зарезать белого быка и обеих овец. Скоро обед был готов. Пэпу потребовал сердце и печень зарезанного быка и стакан вина. Ему подали требуемое в чашке. Приказав больной стать пред наковальней на колени и держа чашу, Пэпу начал шептать. Долга он шептал, а потом приказал больной встать. «С сегодняшнего дня ты свободна! – произнес шарлатан торжественно. После этого подали обед. Приступая к обеду, каждый из присутствующих суеверов молился наковальне. Пообедавши, все поодиночке прикладывались к наковальне, а затем толпы народа разошлись по домам.

В 1867 году, 24 июня, местный священник объявил самурзаканцам, чтобы никто из них не смел приносить более жертвы наковальне, доказывая, что все это вздор и пустяки. Но скоро приказание духовного отца было нарушено одним крестьянином. Об этом немедленно донесли священнику, который тотчас потребовал крестьянина и ворожею, гадавшую ему. Виновные скоро явились. «Подите, дети, сюда! – сказал священник им. Как хорошо вы исполняете приказание духовного отца. Ты зачем просил ее отгадать причину болезни твоего брата?» – обратился он к крестоянину. Тот долго молчал, понуря голову, и наконец шепнул? – «Что же делать, батюшка, ведь больной может умереть, если не позаботиться о нем.» А ворожея, на спрос, как она осмелилась обманывать, ответила бойко: «Нет, я вовсе не обманула. Эта сила дана мне самим богом». Услышав такой ответ, священник хотел передать кощунствующую в руки полиции, но ворожея, видя это, начапа кричать: – «Батюшка, не погуби меня? Я ей богу ничего не знала и не знаю. Правда, я его обманула как других, хотя он мой дядя, потому что он, мне за это заплатил два горшка лобии, а теперь даю честное слово вперед не обманывать никого». Не смотря на такое обещание с ее стороны, священник, с целью повлиять на зрителей, приказал отвести ворожею к гражданскому начальству, что и было исполнено.

Нельзя не сказать несколько слов о благодетельном влиянии сего последнего случая на самурзаканцев.

Кузнецы до того времени пользовались большим почетом и жили очень богато, потому что большинство самурзаканцев отдавало сыновей своих на воспитание к кузнецам, делая им большие за то подарки, дабы впоследствии дети-ученики сами сделайтесь кузнецами и обогатились бы, чрез что число кузнецов умножилось и с увеличением его беднел народ, но, благодаря почтенному священнику, в настоящее время число кузнецов уменьшается заметно, и нынешнее поколение кузнецов не пользуется прежними благами и живет беднее других.

Газ. «Кавказ», 1873, № 5.

3.126 Иоакимов А. Предрассудки моих учеников (Из жизни пансионеров Сухумской горской школы).

1873 г.

I

Это было в один из теплых вечеров сухумской зимы. Полный месяц с высоты небосклона озарял дремавшую землю бледным сиянием. Ряды

АЛЫТАИР

высоких тополей с обнаженными ветками чернели в объятиях полусветлого неба. Море погрузилось в мертвый покой: волны, бушевавшие днем, умолкли. Только из окрестных гор проводились ночной тишиной воппи и стоны шакалов, да собаки с различных сторон города разнохарактерным воем вторили своим диким собратьям.

Я был окружен толпою детей, засыпавших меня вопросами, которые таинственно тревожили их незрелые умы.

«Господин учитель, что это такое? Вон эти черные пятна на луне?» – спросил меня мальчик, указывая на луну. Я объяснил сколько мог.

− Нет, это не так. У нас абхазцы вот что рассказывают об этом. «Жил когда-то богатырь Нардсысыргва 45. У него был глупый брат, которому богатырь поручил пасти свое стадо. Однажды глупец прошел мимо озера и утопил в нем все свое стадо. Узнав о безумном поступке своего брата богатырь в ярости и отчаянии бросился в бездонное озеро и упал на луну, которая в это время находилась на другой стороне земли. Здесь он нашел свое стадо и до сих пор пасет его. Мы видим теперь его со стадом, как черные пятна».

− Нет! – возразил другой абхазский мальчик: – это старуха из зависти замарала лицо луны грязью.

− А у нас, – начал мальчик из трапезондских греков, – вот что говорят об этом: «Солнце и луна – брат и сестра. Между ними возник однажды спор, дошедшиедраки; кому быть солнцем? Драка закончилась тем, что луна выколола у брата своего один глаз, а солнце выпачкало метлой светлое лицо своей сестры. Вот почему на луне пятна и она не так хорошо светит. Отсутствие же одного глаза у солнца служит причиной того, что оно не воспламеняет землю, а только греет»

− Господин учитель! – обратился ко мне мальчик из абхазцев: – почему покойники свистят ночью?

Эти слова заразили детей какой-то панфобией: они сомкнулись в тесную кучу вокруг меня и всякое движение производило в них ощущение страха. Напрасно я старался успокоить возмущенную толпу детей; в таком состоянии они сильнее жаждали суеверных рассказов и пошел разговор о покойниках и их ночных похождениях.

Школьное воспитание бессильно против мощного здания суеверий, воздвигнутого в дитяти семьей. Но если воспитатель не уничтожил их, то напрасно думает, что сделал что-нибудь. Эту мысль мы докажем яснее в следующей главе.

Северо-запад горел светлым, прозрачным отблеском, окаймленный густою зеленью тополей, плакучих ив, белых акаций, растущих в изобилии по улицам Сухума. Окна купца Персопуло заблистали двумя яркими огоньками и затем постепенно потухли. Сверчки и лягушки огласили воздух непрерывным шумом и, когда стемнело, по воздуху засверкали светляки

мелькающими золотистыми огоньками. Группа детей живописно расположилась вокруг меня: некоторые положили свои головы на мои колени, плечи; другие сидели на песке, устремив на меня свои глаза; третьи стояли по-братски обнявшись; были между прочим и нарушители спокойствия, которые на этот раз получали от меня легкие выговоры. У нас шла оживленная беседа о различных вещах; но я изложу здесь только то, что относится к нашей задаче.

− Абхазцы полагают, – рассказывал Д., уже несколько сомневающийся в мировоззрении своих соплеменников, – что души утопленников остаются в воде и после того, как их самих вытащили на берег и предали земле. В своей водной темнице подобная душа не находит покоя и издает жалобные крики, как будто только что тонет. Многие в нашем селе уверяли, что они своими, будто бы ушами слышали эти крики. Для освобождения души утопленника из воды, родственники или знакомые его берут с собою музыкантов и идут на то место, где, по их мнению, находится она. Подойдя к воде, погружают в нее открытый конец бурдюка и произносят: «душа такого-то, заходи в бурдюк!» Музыканты начинают свою игру. Бурдюк делается тяжелым, так что его с трудом вытаскивают из воды. Душа из бурдюка кричит: «Спасите, утопаю!», но никто не слушает ее. Толпа идет на кладбище. Здесь предварительно на могиле утопленника выкопано отверстие. Бурдюк развязывается, и мнимая душа впускается через проделанное отверстие в могилу и сейчас же засыпается землей. Таким образом, будто, душа бывает спасена от страданий в воде.

Ученик М. сообщил мне рассказ о Прометее:

− На земле, между людьми ходил святой человек Абулскир 46. Он стоял ниже ангелов, но выше людей. У него были светлые волосы и голубые глаза. По размеру своего тела он принадлежал к великанам самой умеренной величины; но опираясь на свой длинный жезл, перепрыгивал с одной горы на другую, ударялся об небосклон и снова отскакивал. Абулскир до бесконечности любил людской род и сообщал ему тайны неба. В селении, в котором он жил, одна корова давала неистощимое количество молока для всех и одна кукуруза или гоми были достаточны для прокормления целого семейства. Когда в Абхазии папоротник своим чрезмерным ростом грозил опасностью засеянным полям, Абулскир проникал в глубину рек, где уничтожал какие – то корни, отчего на целый год приостанавливалось развитие папоротников. Не уничтожал папоротника совершенно потому, что им в Абхазии кроют крыши домов. Абулокир ходил всегда прямо, считая унизительным для человеческого достоинства нагибаться перед чем бы то ни было. Все препятствия на его пути должны были повиноваться его могучей воле. Бывало, когда ему приходилось проходить по лесу между раскинутыми по деревьям виноградными лозами, Абулскир в таком случае, чтобы не нагнуться, и чтобы принесть людям пользу, очищал себе дорогу ударами

АЛЫТАКИР

своей сабли и отрубленные ветки пересаживал двумя противоположными рядами.

Нескончаемые благодеяния Абулскира людям возбудили ропот неблагодарных людей и гнев неба; ангелы заковали его в цепи и заключили его одну мрачную пещеру около Карачая. До сих пор невинный страдалец находится там и сетует на враждебное ему небо. Черный пес грызет его цепи и когда звено утончается до нитки, девушка, стоящая там на страже, дает об этом знать слепой старухе, которая ударом волшебного жезла снова прикрепляет звенья между собой.

Некоторые из учеников рассказывали, что Абулскир преследовал людей с светлыми волосами и голубыми глазами. Ученик из мингрельцев к рассказу прибавил вот еще что:

«Когда Абулскир однажды, опершись на свой длинный жезл, хотел перескочить с одного края пропасти на другой, прилетел дятел и ударами клюва разбил, жезл. Абулскир упал в пропасть, а края пропасти соединились вместе и образовали пещеру».

− Абулскир, – обратился ко мне другой абхазский мальчик, был очень злой человек. Долго амалыки /ангелы/ старались поймать его, но это никак не удавалось, потому что Абулскир необыкновенно шибко бегал, так что и ветер не был в силах догнать его. Амалыки сделали совет и решили поймать его хитростью.

− «Гордый Абулскир!− сказал один из амалыков: – тебя славят по всей земле, как человека, с которым в беганьи не сравнится и самый ветер, но мы в этом сомневаемся. Мы вызываем тебя играть с нами в лапту и надеемся, что между нами найдется такой, который помрачнит твою славу».

Затронутый в своем самолюбии, Абулскир с большой охотой согласился на предложение амалыков.

Местом для игры было назначено широкое поле. Амалыки предварительно, еще за день до игры, застлали все это пространство только что снятыми кожами быков. Легкий слой травы скрывал кожи от взоров Абулскира.

В назначенный день игра началась, и Абулскир, нисколько не подозревая, чем хотели угостить его амалыки, в быстром беге по скользкой поверхности свежих кож упал. Амалыки торжественно схватили его и заковали в цепи.

II

− Отчего луна не совсем полная? – спросили меня однажды мои ученики, которые устремили свои глаза на неполный месяц. Я ответил детям, что объяснение этого явления без чертежей будет им непонятно, а потому условились отложить его до следующего благоприятного случая.

− А если бы вы знали, что об этом наши абхазцы рассказывают! – сказал С.

− Расскажи, послушаем.

С. передал мне следующего рода рассказ.

− В одном семействе жили три родных брата в мире и любви. Предметом их сильного желания было рождение сестры, которой у них недоставало. Случилось, что это их желание исполнилось, но в день появления на свет сестры младший брат исчез без всякой вести и в то же самое время стали пропадать из табуна лошади. Прошло несколько дней, и младший брат явился к родным, говоря им, что он во сне был взят на небо и лежал на облаке, под одним громадным дубом, проснувшись, от страха размахнул саблей, после чего нашел детский палец, который он взял с собою.

Слушавшие этот странный рассказ побежали к новорожденной и нашли ее с отрубленным пальцем. Рассказчик неслыханного дива, как помешанный, был немедленно изгнан из родного дома. Новорожденная же после этого стала изумлять окружающих своими сверхъестественными поступками; она поглощала безнаказанно твердую домашнюю утварь и росла очень быстро. Из этого заключили все, что она чародейка, а потому изгнанный брат был оправдан и снова принят в родительский дом.

Когда чародейка выросла, то вышла замуж и прежде всего съела своего мужа. Среди дикой и безлюдной местности стояло ее одинокое жилище, куда не смел проникать ни один смертный, но младшему брату чародейки вздумалось заехать к ужасной своей сестре для свидания. Брат был принят сестрой с наружным радушием и прежде всего сочла она своим долгом выйти на двор и пожрать одну ногу лошади, на которой приехал ее брат. Возвратившись в комнату, она оказала: «Братец мой, на скольких ногах ты пришел сюда? – На трех, – ответил брат. Чародейка вышла и съела другую ногу лошади, а потом обратилась к брату с тем же вопросом. Брат ответил, что он пришел на двух ногах, и когда таким образом были съедены все ноги лошади, то он ответил, что приполз к сестре на туловище. «Так значит я тебя съем, ты подожди меня здесь немного, я пойду пока выточу себе зубы». Чародейка вышла, но опасаясь, что брат ее убежит, возвратилась назад, поместила его в большой бурдюк и, наконец, удалилась. В отсутствии чародейки крысы разгрызли бурдюк и освободили заключенного, который взял с собою из дома своей сестры щепотку соли и горсть пшеницы, а потом дал тягу. Спустя несколько времени чародейка возвратилась и к величайшей своей досаде нашла пустой разорванный бурдюк. Она в бешеной ярости бросилась вослед своему брату. Последний издали заметил свою преследовательницу и бросил пшеницу, отчего между ними образовался дремучий лес. Когда это не помогло, он бросил соль и образовалось большое море. Чародейка, преодолев все эти препятствия, догнала своего брата у самого его дома. Здесь между чародейкой и женой преследуемого возникла ужасная драка, и ни одна сторона не могла взять верх; наконец чародейка сказала: «Оставим эту бесполезную драку, она может продлиться очень долго. Лучше вот что мы сделаем: я буду есть твоего мужа мало-помалу, а

АЛЬТАИР

ты корми и пополняй его.» Последовало согласие и все трое очутились на небе. Луна – это брат, которого ест сестра и не пополняй его жена, у нас не было бы луны.

Землетрясение, по мнению моих учеников, которые преимущественно абхазцы и самурзаканцы, можно объяснить двояко:

«Первое объяснение состоит в том, что внутри земли живут люди, которые разводят там огонь, чтобы варить себе кушанье и т. д. Дым и пары воды стремясь вверх шатают земную поверхность.

Второе объяснение заключается в следующем:

Мир, обитаемый людьми, состоит из трех частей: верхней, средней и нижней. Мы жители средней части вселенной, поэтому у нас поясница в средине нашего тела; у тех же, которые живут выше нас, эта часть тела приходится у шеи, а у нижних жителей у самих ног. Люди, живущие под нашими ногами /антиподы/, над собою видят морское дно, заключенное в громадный прозрачный сосуд и освещающее их страну подобно солнцу. В самом подземном мире находится кит, на спине которого утверждены два рога. На эти рога опирается наша земля. Если на спину кита сядет муха, то он ее стряхивает, отчего и происходит землетрясение.

Заканчивая пока нашу статью, мы надеемся когда-нибудь снова сообщить читателям «Кавказа» различные поверья питомцев горской школы, вынесенные ими из родных семей.

Газ. «Кавказ», 1873 №№ 54, 66, 82.

3.127 Некоторые верования абхазцев и самурзаканцев.

1873 г.

В статье «Предрассудки моих учеников», помещенной в вашей газете за настоящий год, г. Иоакимов познакомил нас с весьма интересными верованиями абхазцев и самурзаканцев. Но так как сведения об абхазцах очень дороги в настоящее время для этнографии края, то надеемся, что если прибавить несколько слов о поверьях этого народа, то не сделаем лишнего дела.

В настоящий раз мы не успеем вдаваться в подробности, а потому ограничимся описанием обрядов и верований абхазцев при поражении кого-нибудь молнией. Молнию и гром, по понятиям горных абхазцев и самурзаканцев, производит божество, называемое у них Темургвара.

Оно является в фантазии народа в виде почтенного седого старца, сидящего на крылатом коне, который топотом своих мощных копыт производит гром, а обнаженный извилистый меч ездока сверкает молнией. Абхазский громовержец вечно преследует злого духа, беспрестанно перелетающего с предмета на предмет в образе мухи, а если случится, что он сядет на человека, то извилистый меч Темургвары не пощадит и его, хотя и

непроизвольно. Пораженный молнией, как жертва божества, если он умер, считается блаженным, в противном же случае его приводят в сознание следующим обрядом.

Абхазец простодушно верует, что печаль в подобном случае может погубить лишенного чувств, а потому старается выражать в это время все признаки веселья. Толпа из аула с песнями и музыкой стремится к тому месту, где лежит пораженный и тут вокруг него образуется кольцо пляшущих. Старик из толпы выделяется в качестве жреца и запевает таинственные слова, направленные к Темургваре.

Старик – Ой, атла чопа!

Круг – Ой, очоупара!

Старик – Атла чоупа Темургвара!

Круг – Воса-амара![1]

В заключении пляски приносится божеству жертва и мясо животного кладется в а-шюынкет т.е. навес, покрытий папоротником. Если пораженный приходит в сознание, то абхазцы приписывают это, конечно, своему мистическому обряду. Случается, что жертва Темургвары уходит в вечность, тогда покойника кладут на а-шюынкет и оставляют его там навсегда. Подобные а-шюынкеты с покойниками попадались очень часто в прежнее время, а теперь, кажется, местная власть преследует их. А-шюынкеты защищались от нападения хищных зверей забором.

Если пораженный молнией а-псуа /абхазец/ приходит в сознание и минует смерти, то народ приписывает ему различные сверхъестественные качества: думает, что он может лечить всякую болезнь и предсказывать будущность. Такие прорицатели известны у абхазцев под именем а-цзавю и свои пророчества высказывают в неясных словах с странными мотивами, возбуждающими страх в невежественной толпе. По поводу одной женщины в Лихни, славившейся во всей Абхазии своими чудесами, произошел между мной и молодым абхазцем следующий разговор:

Я. – И ты веришь, что она правду говорила?

А-псуа.– Как же не правда, когда все, что ни предсказала она, сбылось и все наши абхазцы могут подтвердить мои слова.

Я. – Ты сам видел это?

А-псуа. – Видел.

Я. – Что она тебе предсказала?

А-псуа. – Мне?... мне ничего, но вот, что я вам расскажу: помощник начальника Пицундского округа тоже не верил подобно вам в действительность ее предсказаний и в ее могущество, а потому приказал казакам поймать ее и взять в Сухум, чтобы посадить ее в тюрьму. Как вы думаете – казаки не успели подойти к дому где жила а-цзавю как были приподняты какою-то силой вверх и упали вниз,, едва минуя смерти; молния в это время сняла крышу с дома помощника и убила несколько его лошадей.

[1] Слов этих не понимают сами абхазцы.

АЛЫТАИР

Я. – Ведь это рассказывают только так, а ты конечно не видал?

А-псуа. – Странно вы судите. Скажите теперь вы: видали ли когда-нибудь, как земля вращается, что утверждаете это?

Я. – Нет, но ведь это можно тебе явно доказать, когда разовьешься до того, что будешь в силах понимать меня.

А-псуа. – Никогда не пойму вас, так как мне кажется очень странным, что при вращении земли один предмет не ударяется о другой.

Я. – Зачем же тебе не кажется странным, когда при плавании судна, например, хоть на нашей бухте, одна мачта не ударяется о другую... но об этом еще успеем, – продолжай говорить, что случилось после этого с а-цзавю.

А-псуа. – Ничего, она жила себе и по-прежнему предсказывала в песнях будущность людей...

Газ. «Кавказ», 1873; № 150.

3.128 Иоакимов А. Абхазцы. (Извлечение).

1874 г.

Генеалогия абхазцев до сих пор остается неисследованной Арриан, описавший Абхазию по поручению Адриана, называв их Абзил; Константин же Багрянородный, определяя местом их жительства северный берег Черного моря от Сихии до Сотирополиса, говорит о них под именем авасхов (avasxoi)[1]. То же наименование дают этому народу Прокопий Кесарийский и все другие византийские писатели, упоминающие об абхазцах. У черкесов они известны под именем хачабчей, наконец сами себя они называют апсуа или, как иные думаю – абсус и абсне. Последнее наименование навело Эйхвальда на мысль считать абхазцев выходцами из Абиссинии. Существует также такое предположение, будто абхазцы происходят от армян, но для подтверждения этих гипотез нет никаких осязательных фактов, что, конечно, достойно сожаления.

Нужно полагать, что в числе посещенных аргонавтами земель в Колхиде находилась и нынешняя Абхазия и до сих пор обнаруживающая в некоторых своих частях золотые россыпи. Как много лет прошло от этого полудейственного путешествия, и до сих пор Абхазия не больше исследована, чем внутренняя Африка. Другой мифический рассказ о Прометее переносит нас в страну карачаевцев – соседей абхазцев – на гору Эльбрус. Так, по крайней мере, говорит нам одно абхазское преданье, именующее Прометея а-Булыскир. Языческая Греция никогда не могла забыть места ссылки великодушного титана, томившегося на одной из скал Кавказа в ужасной агонии за свой славный подвиг в пользу смертных. Понятно после этого

[1] Нужно заметить, что в произношении абхазцев никогда это слово не слышится как абсуа, а всегда апсуа, а если а считать за член, который прибавляют они перед каждым именем, то выйдет а-псуа – псуа. Но и то очень вероятно, что произношение обращает б перед с в п.

пилигримство в страну и без того полную религиозных воспоминаний, о которых говорит нам греческая мифология. Жители Кавказа, нет сомнения, переняли рассказ о Прометее у этих пилигримов и изменили его сообразно своему характеру и другим условиям, не оставив также имени прототипа героя этого рассказа. Различное наименование одного и того же святого, принадлежащего одной нации разными племенами, мы видим и теперь в Закавказье (Хыдир-эллаз[1], дзминда Георгэ – св. Георгий). В прошлом году мы уже сообщили рассказ абхазцев о Прометее[2], а потому повторение его здесь было бы излишним.

В Абхазии мы должны искать город Диоскуриас, основанный милетскими выходцами в честь братьев Диоскуров, которые, сияя на небе подобно двум ярким звездам, по милости отца их Зевса, покровительствовали мореплаванию и служили путеводителями для странствующих по морям греков. Одна серебряная монета, найденная в Сухуме на берегу моря, с одной стороны изображает две горные вершины и по звезде на каждой, а с другой стороны сохранилась надпись: ДІОЕКОУРІА (Aiobuovpius Диоскуриас). Излишне бы было объяснять, что горы эти означают кавказские вершины, а звезды Кастора и Полукса в созвездии Близнецов, в которые обратились братья Диоскуры. О знаменитом городе Диоскуриасе Страбон /уроженец Понта/ говорит, что в него стекалось семьдесят разноплеменных народов, преимущественно сарматского происхождения; по уверению же других писателей, число народов, посещавших этот город, доходило до трехсот... При римлянах Диоскуриас носит название Себастополис. Из милетских колоний здесь славился еще Питиус /на месте нынешней Пицунды/, разоренный впоследствии готфами и снова возобновленный римлянами.

Во время могущества Митридата, царя понтийского, Абхазия входит в состав его владений и он, преследуемый Помпеем, ищет сначала подкрепление и убежище в Диоскуриасе, но немилость изменчивой фортуны гонит его в нынешнюю Керчь, где он кончил свою гнусную жизнь трагическим образом. После этого весь Понт с Абхазией становится провинцией Рима, но не нужно при этом упускать из виду того, что абхазцы, защищенные гористой страной, не подвергались влиянию чужеземцев или по крайней мере, влияние это было очень слабо.

Спустя сорок лет после Р.Х., как гласит предание /но не абхазское/, два апостола: Андрей Первозванный и Симон Канонит являются в страну абхазцев с евангельскою проповедью, но, полагать надо, они не проникали вглубь Абхазии, где и до сих пор еще не исчезло совершенно язычество. При Диоклитиане Абхазия делается местом ссылки для христиан и также впоследствии сюда был сослан гений красноречия Иоанн Златоуст, но на дороге скончался и не успел доехать до Питиуса, места своего заточения. Впоследствии, о распространении христианства между абхазцами заботи-

[1] Так называют татаре, смешивая сурп-Саркиса /св. Сергия/ армянского с св. Георгием.

[2] См. газ. «Кавказ» 1873 г., статью мою: «Предрассудки моих учеников».

АЛЫТАМИР

лись Юстиниан, царица Тамара и другие византийские и грузинские цари и наконец, западные миссионеры; на долю же России выпало взяться за окончательное водворение христианства на Кавказе.

В 285 г. по Р. Х. готфы в числе 15.000 душ на кораблях осаждают хорошо укрепленный порт Питиус. Римский гарнизон, упорно защищавший город, несколько раз приводил варваров в отчаяние, но успех переходит на сторону неприятеля и древний милетский город с своими классическими великолепиями уничтожается почти до основания. Прошло несколько лет после этого события: в Абхазию явился другой народ – алланы, который очень скоро покинул эту страну и направился в другую, для приискания выгодной военной добычи.

В 445 году византийцы вступают во владение Абхазией и потом передают ее грузинам, как приданое дочери Льва Великого, вышедшей замуж за Вахтанга. В 566 г. отряд персов под предводительством Набеда овладевает Абхазией. Абхазия в это время управлялась владетелем Тридатом 47. Обольщение жены этого владетеля возмущает всех абхазцев, не привыкших подчиняться чужому игу и вот вооруженный народ в короткое время истребляет неприятеля. Во время смут и беспорядков, возникших от войн, греки снова владеют Абхазией и еще в 619 году, император Ираклий из своих политических видов подарил Леону I, владетелю Абхазии город Никопсию, как свою собственность и тем заключает с ним дружбу. С Леона II в Абхазии владетели называются царями. Этот государь расширил пределы своего царства до Сурамского хребта и выбрал себе резиденциею город Кутаис. После него является ряд царей, при которых абхазцы приходят в столкновение с грузинами, армянами и византийцами и наконец в 985 г. Абхазия присоединяется к Грузии, под управлением Баграта III. / Отчасти извлечено из «Истории Грузии», князя С.Баратова/.

В ополчении Темир-хана /около XIV века/ против Баязета находим абхазцев; следовательно, и татары коснулись Абхазии. Здесь были также крестоносцы, генуэзцы, венецианцы, а до русских турки. До сих пор замечается в Абхазия присутствие итальянского элемента, так, напр., есть княжеская фамилия Маршани и дворянская Маргани. Первая обнаруживает свое происхождение от купца /вероятно она происходит от какого-нибудь венецианского или генуэзского негоцианта/.

Не будучи специалистом ни по археологии, ни по этнографии, а всего менее по «геральдике» мы не могли в непродолжительное свое пребывание в Абхазии проникнуть в прошлую жизнь описываемого нами народа, т.е. разрешить некоторые ее загадки, но эта небольшая статья, служа для людей трудящихся материалом для преподавания отечествоведения, вместе с тем пусть примется за приглашение к деятельности на той почве, где так много необработанного материала[1] до которого еще не коснулась наука.

[1] Один только русский натуралист в настоящее время вполне предался изучению Абхазии; известна его работа по зоографии Понта, которая еще не закончена.

I

Абхазцы относятся к своим мифическим предкам с каким-то юмористическим презрением. «В старину, – говорят они, – люди очень мало отличались от животных, а бывали случаи, когда уступали им в сообразительности. Они не знали употребления ни одежды, ни самого простого орудия. Греясь перед костром, при усилении жара защищали свое тело от действия огня, намазав его бычьим пометом и пример собаки, постепенно удалявшейся в том случае от огня, служит им поучительным уроком». Невинные, как малютка, абхазцы не знали тогда о существовании ветра, раз старик заметил, что борода козла качается сама собою. Это его сильно поразило, и он очень долго не мог дать себе объяснения этому странному явлению и прошло очень много времени, пока он узнал, что есть ветер, качающий предметы. В этом рассказе скрывается глубокая психологическая истина: внешний мир не сразу, но постепенно выделяется в нашем сознания в своих единичных явлениях. Кто из нас не знает, что предметы, которых мы не замечали в детстве, впоследствии, стали видеть очень живо и как много вещей видит натуралист, которые скрыты от взоров обыкновенного наблюдателя!

Во многих абхазских рассказах выражается явная насмешка над первобытными предками, а именно: «Зарезав быка / противоречие с другими рассказами, древние абхазцы поднимали его к потолку /тоже/, где висела соль и таким образом солили мясо. Далее, абхазцы не дошли еще до той хитрости, чтобы чесать свою голову, а если грязь или насекомое слишком беспокоили их, то снимали свой череп и, вычистив его, клали снова на прежнее свое место, как шапку. Одна старуха, как гласит предание, собирая в лесу дрова, забыла свой череп под деревом и откуда возьмись тут – собака схватила его и дала тягу. Лишившись своей природной шапки, старуха произнесла проклятие на весь мир и с тех пор будто бы, люди начали думать, как бы жить поудобнее: явились различные орудия, хозяйство и другие заботы, о которых до тех пор они не имели никакого понятия».

Никогда нам не приходилось говорить с абхазцами о происхождении мира и человека, но мы можем передать читателю рассказ об огненном потопе. «Стала с неба падать белая хлопчатая бумага, покрывшая землю толстым слоем; а-фу 48 /Бог грома, у самурзаканцев называется Темургвара/ воспламенил ее и люди со всеми живущими тварями погибли». Такого же рода катастрофу ожидают они и в будущем. Это случится так: «Бог поразил дикого человека а-Дау, который стоит неподвижно, и земля с течением времени погружает его в себя, и когда же весь он проникнет в нее, наступит а-кыямет /потоп – слово взято у Магометан/».

Фантазия абхазца, воспитанная гористой страной, создала тот поэтически-восхитительный мир, который можно найти только в эпосе классических народов, но в мировоззрении абхазца проглядывает так логически

АЛЫТАИР

верная философия народа. Наступает вечер и дневное светило лишается постепенно света и теплоты, которыми щедро наполняло днем весь мир, потом погружается в огненное море и утром является, полное сияния и теплоты. В этом объяснении нет ничего нелогичного, и оно гораздо естественнее, чем миф о Гелиосе, живом существе, купающем в море и пр. пр.

Есть другие рассказы об а-Мыре /солнце/ 49, которые представляют его живым существом. «А Мыр – говорят – презирает змей и приходит в негодование, когда люди не убивают их и радуется, увидя истребление этих гадов». Отчего произошло такое противоречащее воззрение? Оттого, нам кажется, что абхазцы имеют не только свою мифологию, но свою философию[1] или, как называют, космогонию.

Луна то является местом, где пасутся стада пастуха-великана нарта Сырхвы, который бросился в озеро и очутился на луне, то живым существом, то – обыкновенном светилом. «Луна – объясняют они, не греет ночью, потому что днем погружается в холодную область льдов, где замерзает». Итак, абхазцы признают обитаемость луны. Факт поистине замечательный, потому что подтверждает общераспространенность веры в обитаемость миров, с которой французский астроном Камилл Фламирион говорит: «Эта глубокая внутренняя вера, заставляющая нас считать мир неизмеримым царством, где жизнь развивается в различнейших формах, где тысячи народов в одно время обитают в пространстве – эта вера, конечно, возникла на земле вместе с появлением человеческого сознания. Первый мыслящий человек, который со смиренною верою невинной души углубился набожно в созерцание неба, заслуживал понимания небесного языка. Все народы и между ними именно, индийцы, китайцы и арабы, поныне сохранили сказания о богах и рассказывают в них, что в звездном мире также находятся человеческие жилища[2]. Считают ли абхазцы и звезды обитаемыми, трудно было нам узнать; только самурзаканцы о падающих звездах говорят, что они – иконы и передвигаются с одного места на другое. Воображаемая икона на одной из скал в Дыдрибши считается одной из таких звезд.

Гром и молнию, как мы упомянули выше, абхазцы приписывают божеству а-фу, почтенному старцу на крылатом коне, с извилистым мечом в правой руке. Он вечно занят преследованием злого духа, который в виде мухи перелетает с одного предмета на другой. Об этом, впрочем, было сообщено в свое время на страницах «Кавказа», а потом мы расскажем, что делают абхазцы прибездожии. Они идут на гору Коцыхылпа и поворачивают находящееся там нечто вроде «шапки», до тех пор, пока не дадут ей прежнего положения, отчего, по мнению их, будет идти сильный дождь. В этом же случае поступают еще и иначе, ввертывают в тряпку шелковичного

[1] Об абхазской философии, насколько известно, ничего не написано, о мифологии же см. «Абхазская мифология» – Званбая, газета «Кавказ», 1855 г., №№ 81,82.

[2] См. Многочисленность обитаемых миров, Камилла Фламириана, профессора астрономии в Париже. Природа и землеведение 1865 г., №3.

червяка и, прикрепивши один конец тряпки к берегу какой-нибудь реки, другой с червячком бросая в воду, чтобы он там плавал. Иногда для той же цели наряжают какую-нибудь железную вещь в женское платье, берут ее к реке и, погружая в нее, поют:

Дзиов, дзиов! Дзиари како мыркылдьш;

Ах, ипха адза шадакыт!

Дзыху-чик, дзыху-чик: Дзыхичиказы дахзытевам Дук а – азыхва дехтевойт[1].

Понятия абхазцев о загробной жизни не имеют ничего общего ни с христианством, ни с магометанскими учениями. После смерти человека тень покойника /а – дны-игау/ блуждает по домам и свистит. А – дны-игау бледен и одет в белый саван, абхазцы приносят ему жертву в некоторых случаях и питают к нему страх и уважение, как к божеству.

Женщины иногда после своей смерти обращаются в водяных дев, напоминающих русских русалок.

Заключим эту часть статьи еще некоторыми описаниями суеверных обычаев абхазцев.

Вечером 14 августа самурзаканцы выделяют из всех прочих. Происходит пальба, зажигают стебельки сухого льна, перепрыгивают через пламя и до самого утра стараются не сомкнуть глаз. В это время происходит в Табаконе заседание чертей. Председатель злых духов требует представления похищенных вещей и ловких мошенников сдабривает, а те, которые не могли ничего стащить, тех наказывает самым странным образом, невыразимым в печати... В июне месяце каждого года абхазцы разводят огонь /тоже жгут стебельки льна/ на таком месте, где три дороги сходятся вместе, обходя костер три раза, они расходятся и прячутся. Вот они устремляют свои глаза на пылающий огонь, ожидая кого-то. Является человеческая фигура и если в нем узнают одного, из своих знакомых, то думают, что он в том же году помрет непременно. Потушив огонь, они идут на какое – нибудь возвышенное место и подслушивают, что происходит в соседнем доме: если трусится одеяло, то помрет кто-нибудь в этом доме женского пола; стук топора предвещает кончину мужчины.

Опытный этнограф из этих описаний может сделать некоторые сравнения абхазцев с другими народами в смысле научных выводов, но мы отказываемся от этого, уверенные, что специалисту более сподручен такой труд. Явятся же когда – нибудь и наши Тэйлоры, которые посвятят себя изучению первоначальной культуры кавказских племен и тогда такие факты будут иметь цену.

[1] «Дзиое, дзиов, /название куклы/! Иди крупный дождь! Ах, отцу, девушки пить хочется! Немножко воды, немножко воды: за малое не продадим, за многое продадим». Чтобы несколько понять смысл этой песни, нужно обратить внимание на то, что абхазцы продают девушку мужу. Эта песня дает повод предполагать, что когда-то абхазцы приносили в жертву Богу дождя, который, по их мнению, жил в реке, девушек.

АЙТАМИР

Во всяком случае, нашим учителям народных школ /в особенности, окончившим в учительской школе и продолжающим оканчивать в учительском институте/ пора не шутя взяться за изучение своей родины во всех отношениях. Г. Э-й раз как-то написал два-три слова об абхазцах для того, чтобы больше ничего не писать: а между тем на школьной скамейке, как много мы обещаем делать на пользу образования своих соотечественников?! Но послушаем, например, что говорит о нас один из уважаемых нами педагогов; я хочу оказать о Дистервеге: «Что подумают, – говорит он, – и что скажут мыслящие люди о таком учителе, который в своем отечестве не как дома, а как в чужой стране; который незнаком, ни с историею местности, ни с людьми, ни с страною, где живет он? Но это еще не высшая точка зрения – высшая точка зрения следующая: учитель должен усвоить себе точные и полные познания о своем отечестве для того, чтобы, как человек и гражданин, он стал бы достойным «тружеником школы»...

III

Три вещи обусловливают общественную жизнь всякого народа: предание /наследственная передача/, переходящее из рода в род; среда, в которой он живет, /т.е. природа/ и влияние других народов. Хотя генеалогия абхазцев нам и неизвестна, однако не подлежит сомнению то, что народ этот не мог произойти от какой-нибудь цивилизованной нации. Доказательством тому может служить отсутствие у них письменности и вообще каких бы то не было следов образования.

Влияние природы, влияние гор придало особый характер их общественному строю, в общих чертах напоминающему таковое же устройство других горцев на земле и в этом отношении мы находим много соприкасающих сторон между этим народом – с одной стороны и курдом, черногорцем, швейцарцем –с другой. Последняя нация, конечно, в других отношениях стоит неизмеримо выше всех упомянутых, но во всех этих народах виден закаленный горец с его пламенным чувством любви к родине, неустрашимостью, великодушием /в известных границах/, набожностью, доходящею подчас до предрассудков, с его необыкновенною преданностью обычаям и преданиям, мешающая, прибавим, его прогрессивному развитию. Горец менее, чем кто-либо нуждается в общественной поддержке; вот почему первые государства возникают на равнинах /Ганга и Инда, Желтой и Голубой реки и Нила/, а не в гористых странах, но они достигают высшего своего совершенства в горах Греции и Италии, где оказывает свое влияние и море; и только теперь, при господстве человека над природой, общество и образование почти везде находят удобную почву для своего развития...

Итак, в горцах замечается склонность к раздольному «житью-бытью»; но нападения соседних народов и другие невзгоды заставляют их составлять союзы, которые могли бы обеспечить личную безопасность каждого.

Таким образом, общественное устройство абхазцев, по свойству населяемой ими страны, должно выражаться в развитии народоправления, что мы отчасти и видим в самом деле. Но спрашивается, откуда, например, произошло сословное деление в той же Абхазии?

Разрешение этого вопроса в настоящее время более чем трудно; одно только бесспорно, что власть отдельного лица была, так сказать, продуктом чисто историческим. Византийцы, грузины, турки, в течении десятков лет влияли на строй абхазской жизни и наложили неизгладимый след на прошлое страны.

«Каждый союз /в Абхазии/ несмотря на различие сословий представляет собственно две категории населения, два рода отношений, составляющих сущность союза, именно: каждый союз состоял из элементов покровительствующего и покровительствуемого. В абхазском языке это выражается словами: ахолапшюю – патрон, покровитель, заступник, и хипши – состоящий под покровительством, подвластный, зависящий. Из взаимодействия этих обоих элементов населения союза, вызываемого настоятельными, насущными потребностями и образовались все действовавшие в среде союза отношения»[1].

Покровительствующее сословие делилось на князей /а-тавады/ и на дворян /а-мста/, составлявших привилегированный класс народа.

В покровительствуемом сословии важное место занимает а-нхае, пользовавшее большею свободой, чем все остальные /непривилегированные/. Они не несли никаких особых работ для своих покровителей и «повинности» их образовались из приношений или оказывания услуг и пособий, или близких обычных отношений по усыновлению и воспитанию[2].

После а-нхае следовало сословие а-хойу. Лица, принадлежавшие к этому классу, должны были работать у своего покровителя три раза в год и в конце этого времени отдать ему одну овцу с ягненком. Дочь а-хойу с шестилетнего возраста воспитывалась у покровителя и несла там предлагаемые ей работы. С достижением совершеннолетия она могла выйти замуж, и жених обязан был заплатить воспитывавшему ее покровителю выкуп, заключавшийся в шести коровах и шести рублях. Было еще одно сословие а-чнагума; оно исполняло в стране полицейские обязанности и составляло отдельную касту, переходившую из рода в род. Прислуга у привилегированного сословия состояла из а-хойу. В Абхазии существовал класс рабов а-хашла. Он не пользовался никакими правами и не имел никакого имущества; числом он доходил до 1300 душ обоего пола[3]. Выше а-нхае называют еще одно непривилегированное сословие шинагмы 50.

Предпочитая в настоящей статье факты рассуждениям, пользу которых нисколько не желаем отвергать при других обстоятельствах, мы предста-

[1] Сборник сведений о кавказских горцах. Выпуск III. 1870: «Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакани».

[2] Там же.

[3] Сообщено молодым абхазцем в Сухуме.

АПБТАИР

вим здесь некоторые картины из семейной жизни абхазца. Начнем со дня рождения.

Рождение дитяти возвещается отцом семейства вблизи живущим друзьям пальбою из ружья. Услышав это, друзья отвечают тем же, а там, где-нибудь под деревом, молодежь обоего пола устраивает качели и раздается известная при таких случаях песня:

Оргело, оргело геладжимши!
Падзауз махахи иуйт!
Оргело геладжимши!

«качели, качели лук/растение, а не орудие/! Падзауз/человек у которого рождается сын /делает пир! Качели лук/» При дитяти женского пола поется та же песня так:

Оргело, оргело геладжимши!
Пхадзауз лычма дзыхит!
Оргело геладжимши!

Пхадзауз в отличии от падзауз означает отца, у которого рождается дочь; слово же лычмадзыхыт означает выкуп, платимый за невесту.

Начинаются поздравления. Каждый поздравляющий подходит к колыбели новорожденного и, если он мужского пола, кладет под его подушкой порох и пулю – символ будущего его назначения. Девочке под голову кладут какие-нибудь подарки, состоящие из денег или вещиц, в знак того, что она создана доставить отцу выкуп, даваемый женихом...

Через несколько дней знакомые женщины собирают у соседей всякого рода яства и, собравшись вместе в доме новорожденного, едят их, а лицам мужского пола и девушкам нельзя тогда употреблять их пищи. То место, где принят младенец из утробы своей матери, обозначается крестом, посредством какой-нибудь железной вещи. Абхазцы пеленают ребенка и у них есть обычай в пупок новорожденного поместить кусочек угля, который срастается с ним и остается навсегда. Это считается предохранительным средством от болезней. В корыто, в котором купают ребенка, бросают предварительно раскаленный уголь. При купании младенца расправляют его члены, приговаривая слова, чтобы они были известной красивой формы.

Ребенка до известного возраста не оставляют одного ни на один миг, а в многолюдное собрание его не показывают, из опасения, чтобы там кто-нибудь из присутствующих а-гызмал не сглазил его. С понятием а-гызмал, у абхазцев соединяется старик или старуха, ездящие на волке и жизнь их так тесно связана с жизнью этого животного, что прекращается одновременно. У а-гызмала самый дурной глаз и он считается волшебником. Менцар /самурзаканское слово/ может отличить между людьми а-гызмала. Один из этих менцаров живет в Набакеви. А-гызмал, часто случается, что сосет коров и хозяевам ничего не оставляет; иногда он вынимает у животного сердце и кладет вместо него тряпки. Опасно для ребенка также, если он увидит

а-дны-игау/тень покойника, см.выше/. Чтобы в таком случае предотвратить неизбежную болезнь дитяти, приносят а-дны-игау жертву.

Увидя во сне доброго духа а-шаца, малютка улыбается. В день рождения ребенка добрые духи а-шаца делают в доме, где он родился, совет о судьбе его. Каждая отдельная личность, по понятиям абхазца, создается и находится под попечением промысла а-шацы.

По истечении некоторого времени, в первый раз стригут ребенка и отрезывают ему ногти и последние вместе с волосами прячут где-нибудь до тех пор, пока он начнет лепетать; тогда подносят их к нему и спрашивают: какому они животному принадлежат. Ребенок скажет что-нибудь случайно – и, по его словам, могут предвидеть какое у него будет богатство.

Ребенок высшего сословия очень рано отрывается от семейства и дается на воспитание а-нхае.

Не вследствие ли этого в колыбельных песнях, назначенных для малюток из князей и дворян не слышится ни одного нежного материнского возгласа в роде: «дитя мое милое, ангел мой» – выражения, – которыми так обильны такие же песни армян, грузин и татар? Где эти многознаменательные: «нани, суло джан, щвило джан, нани![1]» или «нянни; фоки джан орор, нянни орор![2]» или «нянни, гадан алым, нянни! нянни, балам нянни[3]... Приведем здесь две колыбельные песни абхазцев, с приблизительным их переводом.

1.

Нани, нани, о нани! О, а-бна гу изгуда! А-бна цевяа изчеда; А-бна куты – шкири – шкирва; А-дзу – куты – бзеры-бзерва; А-бын чахус калам ырша; Цхяа хылпа даыхца хамы; А-ла дзирхва а-ча змыс; Ахмат ила паракеза; Дыхуджуп а-ха длашароуп!

2.

Нани, нани шири!
Нани, о нани?
Сымыш сыдзых сичкуниоми.
Нани, нани шири!
Нани, о нани!

1. «Баюшки баю, неустрашимое сердце, воспитанное в лесу! У тебя кожа, как у лесного человека. О неустрашимое сердце, воспитанное в лесу! Лесная курица – шкири-шкирва /летит – звукоподражание/; утка – бзеры-бзерва /звукоподражание/, молодой лесной олень мечет свои легкие, как перья ноги. У тебя шапка обшита золотом, ты имеешь шубу из барсовой кожи? Вот собака бросилась и убила оленя! Ты достойный сын Ахмата /имя взято нами произвольно/, ты его дорогой кошелек!»

---

1 Убаюкивание грузин.
2 Армян
3 Татар.

АЛЫТАИР

2. «Вторая песня поется низшим сословием и в ней мало слов, выражающих какое-нибудь ясное понятие, а потому мы не переводим ее. Замечательно только то, что в ней встречается слово: «дитя мое» /сичкуниоми/, чего в первой не замечаем. И не в одной Абхазии мы видим это безучастное отношение высокопоставленной знати к своим собственным детям и горячую привязанность к ним людей не менее известных в обществе. Так было в то время, когда господствующим чувством у высшего сословия была фамильная гордость, и она была главным принципом во всех действиях его. «Теперь все изменилось – говорит член французской Академии Эрнест Легуве в замечательном своем сочинении: Les peres et les en fanis au XIX siecle; – естественные чувства преобладают».

Можно себе представить, о каким тревожным желанием абхазец старается узнать, пока еще не появился ребенок, кто он – мальчик или девочка? Женщины, как более любопытные, берутся за разрешение этого вопроса различными средствами. Пузырь животного с его содержимым кладется на огонь; если он лопнет, то это печальное предвещение появления девочки, а если же жидкость брызнет фонтаном, то это доброе предсказание, что родится сын. С тою же целью ломают дужку два лица противоположного пола и в чьей руке останется больший кусок, тому полу и будет принадлежать будущий ребенок. Не одни абхазцы интересуются, кто такой будущий ребенок – мальчик или девочка? и, конечно, настанет день, когда людей этот вопрос будет занимать менее, чем что-нибудь другое. До сих пор, почти у всех первобытных народов, сын считается божьим даром, а дочь наказанием, в особенности у нас, за высокими горами Кавказа, где ничего нельзя найти более достойного сожаления, чем в семействе женщина...

Беременная мать не должна смотреть на кровь /на эту, как говорит Фаусту Мефистосфель, «особую жидкость»/, чтобы избегнуть несчастий, возникающих от этого, а чтобы не разгневать божества а-Дзавю, она должна приносить ему жертву.

Жертвоприношение в таких случаях происходит следующим образом: режут барана и пока животное мечется, беременная женщина с сильными симптомами перед родами должна крепко схватиться обеими руками за конечность его. С прекращением жизни животного надеются, что прекратятся и страдания женщины. Абхазцы говорят, что, убивши змею, которая держит во рту лягушку, нужно освободить последнюю и пройти между двумя этими животными. Человек, сделавший это, имеет таинственную силу облегчать роды, если перешагнет через страдающую. Иногда больной дают пить порошок, оскобленный из оленьего рога, другой раз, при подобных случаях, привязывают ей на пупок алмаз или берут ее и кладут на одеяло и качают. Камень а-джу, при этих обстоятельствах, имеет важное значение: порошок его, разведенный в воде облегчает роды. Если беременность у женщины продлится более обыкновенного срока, то она должна кормить солью лошадь полами своего платья, чтобы разрешиться от бремени.

Много еще других обычаев и нелепых средств, употребляемых при беременности женщины, но и этих немногих довольно, чтобы понять на какой степени умственного развития стоит народ, который некогда пленял наших знаменитых поэтов своим бесстрашием и отвагой – качествами, имеющими в настоящее время лишь относительную свою ценность и то с другими благородными свойствами человека.

Браки в Абхазии заключаются помимо желания сторон, иногда с самого дня их рождения. Обычай нередкий на всем востоке. Жених не должен произнести имени своей невесты наоборот, они оба не должны встречаться межу собою при других и долго еще после брака; обыкновенно молодая жена, увидя своего мужа при других, немедленно прячется. Жена, как мы уже сказали, покупается у родителей и делается рабыней в полном смысле этого слова 51.

Вот все, что мы можем сказать о браке в Абхазии, хотя и сознаем, что о нем то стоило бы поговорить побольше. Наш пробел, надеемся, пополнят наши учителя в Абхазии; они заметят также нам наши погрешности, которых, вероятно, мы не могли избегнуть.

Еще есть один замечательный обычай абхазский, впрочем, уже оставленный. При смерти первородного сына, отец отсекал себе уши и клад с ним вместе в гроб. Говорят, и до сих пор есть в живых такие отцы, у которых недостает ушей, вследствие помянутого обычая 52.

Этим заключаем мы нашу статью, с выражением величайшего сожаления, что так мало и поверхностно пришлось нам изучить абхазцев и их страну, во многих отношениях замечательную[1].

Газ. «Кавказ», 1874, №№ 39,47.

3.129 Пасхалов А. «Дудрипш» – святая гора в Абхазии.

1874 г.

К бесчисленным и мифическим рассказам и предрассудкам абхазцев следует отнести и как нечто выходящее из разряда обыкновенного, поверье, по отношению к горе «Дудрипш». Гора эта до настоящей поры почитается у них священнейшею и служит, по их верованиям, местом самой верной присяги, которая допускается там лишь по важным делам; присягнувший же на этой горе ложно, подвергается неминуемой каре свыше. Преисполненный чудесных рассказов о Дудрипше съизмала абхазец, с чувством благоговения вспоминает об этой горе и, когда по призыву рока суждено явиться туда ему на присягу, он робко, в душевном волнении, вступает на эту гору и, под давлением фанатического страха, должен произнести истину...

[1] Об абхазцах можно читать еще в 5-м томе «Русского Вестника» за 1842 год, в т. LVI. «Б-д. чт.» 1843 г., в Сборнике сведений о кавказских горцах за разные годы.

АЛЬТАИР

Дудрипш расположен в 15 верстах к сев.востоку от селения Лыхны[1] Пицундского округа и стоит, примерно, более 2.000 футов над уровнем моря. Гора эта представляет не отдельно сплошную массу, а есть продолжение цепи Кавказских гор, окаймляющих берег Черного моря и потом в этом месте дугообразно впадающих в конт инент на расстоянии 20 верст от берега. Рядом с Дудрипшем на восток тянутся более значительные высоты, носящие на абхазском языке такие названия. Быгырытсха, Кумушха, Лохуджера и проч., а за ними красуются вершины смежных гор. Дудрипш называют абхазцы еще и другим именем: Ахата (образ, икона). Гора эта, как и все соседние, покрыта вечно-зеленным лесом.

Почти у самой подошвы Дудрипша лежит абхазское селение Ачандары, с 240 дворами; вот сюда-то прибыли мы сначала из Лыхны, пользуясь внимательным содействием г помощника окружного начальника, с небопьшой компанией, переводчиком н всадниками, с целью отдохнуть и взобраться на гору. Мы расположились в конце селения, на поляне (место сходки ачандарцев), под тенью одного гигантских размеров чинара; окружность нижней части его ствола по измерению равнялась шести соединенным человеческим обхватам (около 40 футов). В 10 – 15 шагах от него стояли еще 2 таких дерева немного меньшей величины Деревья в это время (июль) сбрасывали с себя шероховатую кору, обнажая свою нежно-гладкую серебристую поверхность и представляли нечто подобное метамсрфозе. Тут-же невдалеке красовалась небольшая церковь и только что отстроенная красивенькая сельская школа[2], с одной комнатой дпя 20 учеников и удобным помещенном для учителя. Приезд чаш привлек на эту поляну большую толпу абхазцев; все они, от мала до велика, были вооружены большими палками; говорят, что это неотъемлемая принадлежность каждого абхазца, но, тем не менее, первое полученное впечатление – самое дурное... Однако ж, ачандарцы, как христиане-неофиты, пользуются прекрасной репутацией, особенно со стороны духовенства, по усердию в церкви и по доброй нравственности. Вот дети гор и долин расположились на земле возле нас амфитеатром и трудно передать наверно: они ли нами поражались более, или мы, глядя на них? Но обе стороны жадно переглядывались между собою. Знай их язык – было бы любопытно пуститься с ними з самые интимные беседы, но, увы... это были кровные абхазцы; кроме нашего переводчика никто их не понимал, а силы переводчика, к сожалению, не совсем ясно выражавшегося по-русски, береглись для горы Дудрипш – нашего чисто случайного путешествия.

[1] Резиденция помощника Пицундского окружного начальника.

[2] Не излишне будет упомянуть, что в яме, вырытой при постройке школы, для насыпки извести, в глубине 6 – 7 футов, найдено одно древнее оружие, состоящее из железной шишки с острыми разной величины шипами и с небольшой углубленной рукояткой; можно полагать, что оно из рода тех батиков, которыми дрались ургутцы из Бухарии, и о котиром упомянуто автором статьи «Ургут» в журнале «Дело» за май месяц 1874 г. стр. 292.

Рассказывают, что абхазец не любит отвечать на вопрос прямо. Он пускается в многословный анализ самого простого предмета, который можно бы было растолковать какой-нибудь парой слов, и, в конце концов, вопрос бывает часто неразрешенным. Вся опора при этом на мыслительную способность переводчика – схватывать и передавать одни лишь искомые идеи. Словом, абхазец словоохотлив. Характеристичность эта, с другой стороны, полагаем, не бесполезна для научных данных: в Абхазии, так точно, как в Грузии и Имеретии, почти на каждом шагу встречается много памятников, развалин, пещер и других древностей[1]; стоило бы специалистам пожертвовать временем и трудом дня изучения края в отношении археологическом, нумизматическом, историческом и этнографическом. Край жаждет исследований. Вооружиться долготерпением, снискать доверие абхазца, дать простор его детскому воображению и, путем симпатии, дружеских отношений, теплых бесед – чего бы, кажется, нельзя выпытать из сокровенных недр его души? Абхазец, правда, словоохотлив, как мы сбъяснипи выше, но он бывает и могильно молчалив, или корчит идиота, когда не доверяет и не желает удовлетворить какому-нибудь вопросу.

День догорал и солнце все больше и больше клонилось к западу, когда мы карабкались гуськом промеж дерев по крутой, змеистой, ухабистой и каменистой тропинке на гору Дудрипш[2] с нашей компанией, к которой присоединились и несколько человек из ачандарцев. В числе ачандарцев мы познакомились с некоим Чичбаем – лицом, как будет объяснено ниже, соприкосновенным к истории Дудрипша. Мы взбирались на гору пешком и с большим трудом, в то время, как смелые горцы шибко, чуть ли не вскачь, двинулись вперед на конях; казалось, что вот-вот споткнется чей-либо конь и, опрокинувшись назад, задавит нас на месте. Натурально-подобное событие на святой горе послужило бы поводом для новых аллегорий.

Таинственная гора была покрыта густым лесом и представляла глубокую девственность; незаметно было, чтобы человеческие руки дотрагивались до ее роскошной растительности. «Разве жители не пользуются тут строевым лесом, дровами, дикими плодами и проч?» – спросили мы на ходу, через переводчика, одного из абхазцев. «Нет», – отвечал категорически: «тут ничем нельзя пользоваться: Бог накажет; скотина и та инстинктивно чует это и не пользуется ни одной травкой с Дудрипша; гуляя на воле, она дойдет до самой подошвы, но тотчас остановится, повернется

[1] В Сухуме, во время прибоя, море часто выбрасывает в своих волнах золот., сереб. и медные монеты и статиры: Диоскуриада, Колхиды, Александра Македонского, Писимаха, Кесаря, Полемона и проч. Попадались золотые перстни и однажды – золотая корона.

[2] Мы взбирались не на самую вершину Дудрипша, а только к тому месту где совершается присяга; сожалеем, что у нас не доставляло времени подняться на самую вершину; куда ни один абхазец не пробирался никогда; он верит, что взошедшему туда предстоит неминуемая смерть. Как бы нарочно нижеследующие случаи еще более укрепили в этом их суеверие: однажды, какой-то русский землемер, взобравшийся для сьемок на самую вершину горы, заболел и вскорости умер, в другой раз, солдат – тоже.

АЙТАМИР

и отойдет дальше». «Младенческая мистика» – подумали мы, пораженные силой убеждения, с которым были произнесены эти слова.

Наконец, компания наша сгруппировалась на косогоре, в чаще леса, на высоте около 500 футов. Нас обдало здесь страшной сыростью.

«Вот тут самое место присяги» – объявили некоторые, указав на одно отдельно стоящее, величественное, с раскидистыми ветвями, дерево (красное дерево – негной). Подошел к нему близко с одним из компаньонов, мы заметили, что нижние ветви нашего таинственного великана обвешаны разными металлическими предметами, именно висели: топорик, или скорее, древняя секира с длинной железной рукояткой с турецкой надписью на одной стороне топорика; шлем ветхий, заржавленный – помятый; полоса старого железа, изогнутая пополам, и жестяное сито. Еще внизу, на траве, у самого ствола дерева поставлены: обыкновенная турецкая медная кастрюля с крышей; за ней другая такая же кастрюля, но без крышки, да заржавленное сито. Абхазцы молчком сидели поодаль и следили за нами, наверное, поражаясь нашей смелостью, с которою мы, бесцеремонно, брали в руки эти святости и рассматривали их со всех сторон, не признавая, впрочем, со своей стороны, никакого таинственного смысла в этих эмблемах. Общая тишина пока была прервана маленьким курьезом: один из компаньонов нагнулся к земле взял одну из кастрюль; едва приподняв, он в ужасе бросил ее обратно, отскочил и вскрикнул: «Ой, зверь!., змея!..» Абхазцы вскочили на ноги, но не тронулись с мест; оказалась одна из полезнейших амфибий – земляная жаба (вид Bufo vulgaris); испуганная в свою очередь и встревоженная в своем покое, она вспрыгнула в дупло дерева.

Покончив осмотр, мы подошли к нашему знакомому-Чичбаю, старику лет около 70 и белому с головы до ног: из-под белого архалука и белой чохи его выглядывала белая сорочка; с седой маститой бородой и седыми волосами, с сияющей лысиной и бледной физиономией, выражающей солидность и непоколебимость укоренившейся в нем инерции, он представлялся чем – то фантастичным. Он и все потомство Чичбаевых, (которых насчитывается ныне 20 дворов), суть властители горы «Дудрипш», охранители ее закоренелых преданий и блюстители ее святостей. Гора эта переходит к ним наследственно из года в год; без присутствия Чичбаевых, по народному обычаю, присяга на горе недействительна; и Чичбаевы пользуются этим прекрасным случаем, взимая дань с народа – 50 коп. с каждого присягавшего субъекта. Чичбаевцы чтутся в Абхазии, как и потомки Сеидов в Персии, и присягающие делают взносы без всякого сопротивления, хотя, как рассказывают, они являются сюда на присягу не совсем охотно, отчасти угнетаемые страхом, отчасти из-за гонорария, который должны приплачивать каждый раз. Но как бы то ни было, гора Дудрипш, как оказывается, пока есть единственное место, на котором у абхазца можно выпытать истину.

«Как же тут присягают? – спросили мы, приседая осторожно возле самого Чичбая. – «Очень просто» – не замедлил ответить переводчик: – «подсудимый обращается лицом к топору и ведет оправдательную о себе речь, в том смысле, что он невиновен по делу, по которому его обвиняют, и речь его – как и всех присягающих – заключается обыкновенно сими словами: арэила сара цугераишсымам абри анеха ныс» (Ничем не виноват я, клянусь этим образом)! «Что ж, этим и оправдывается подсудимый?» «Нет, он может быть оправдан только своими соприсягателями, которых сам же избирает в количестве 3 – 4 человек и более; соприсягатели обязаны также поклясться в его невинности, и согласитесь» – продолжал переводчик – «не всякий же хочет заслужить Божье наказание из-за человека, поступки которого ему неизвестны или мало известны»[1].

Вслед за сим мы обратились, через переводчика, к самому Чичбаю, крайне молчаливому, и вот ряд вопросов и ответов, происходивших между нами в последние 20 минут нашего пребывания на Дудрипше.

– Давно ли вы считаетесь владетелем этой горы?

– Этого мы не помним, а знаем, что отцы и деды наши владели ею.

– А давно ли висят вот те предметы на ветках красного дерева и кем они повешены первые?

– Начало появления их на этом дереве ни я, никто другой не знают; они всегда тут находились.

– А можно ли добавить к этим вещам, привесив сюда же рядом с ними на ветке еще одну маленькую икону, которую я намереваюсь пожертвовать? – спросил полушутливо один из наших компаньонов.

– Не знаю... нет... – заикнулся и нерешительно ответил старец, значительно покачав головою.

– Чтутся ли абхазцами подобные вещи, как топор, кастрюля, железо, сито и проч. в домах?

– Нет.

– Гора ли Дудрипш собственно чтится за святыню, или эти символические предметы?

– Дудрипш, и вместе с ней и предметы, как тут же найденные.

– Почему же гору Дудрипш считают святою?

– Во время оное раздавались тут выстрелы и каждый раз – перед опасностью для абхазцев; откуда выстрелы? кто стрелял? – неизвестно.

– Ну-с?

– В старое время нас часто беспокоили враги, иноплеменные... живущие за этой горой. Они появлялись тут большим полчищем, с целью перей-

[1] Вот свежий факт, характеризующий наклонность народа к суеверию: недавно у одного абхазца, принявшего на святой горе ложную присягу, начали умирать дети; после смерти второго или третьего сына, жена его в отчаянии, решается заявить всенародно и пред начальством о мужнином поступке, привлекшим за собою в семейство ряд несчастий: является муж и с чувством раскаяния признается во своей лжи. Протокол об этом событии представлен начальству.

АЙТАМИР

ти гору, завладеть нашей землей и заполонить нас самих; но святая гора не допускала их далее своей вершины. На Дудрипше начиналась перестрелка без войска, т. е. без войска с нашей стороны, и враги, каждый раз, отступали, отраженные невидимой рукой. Иногда, вершина горы покрывалась страшной темнотой, что служило признаком появления врагов. Однажды, когда враги собрались на вершине и отдыхали там под тенью одного большого дерева, то дерево это, на другой же день высохло совсем с корнем...

Старик замолчал: лоб у него сморщился; по-видимому, он не желал раскрыть нам всех мельчайших подробностей о Дудрипше; надо было ближе быть с ним знакомым и располагать некоторого рода его доверием. Жаль, что и мы не могли располагать временем. Вечерело. Попрощавшись с ачандарцами, мы спустились с горы, сели на коней и двинулись по направлению в селение Лыхны.

Позади нас ехали всадники из абхазцев. Весело тянули они абхазскую хоровую песню. Чудным эхом пронеслась эта песня на ближайшей горе. Один запевал мелодию, а четверо ему аккомпанировали. Мотив состоял из 3 – 4 длинных, несвязных ноток, оканчивающихся весьма оригинальной трелью; уловить мотива не было возможности. Аккомпанемент же шел довольно стройно; униссоном тянул хор три ноты, переходя постепенно и правильно в большую терцию. Нам передавали, что абхазцы бедны своими национальными песнями; слова же придумываются и складываются ими в песне, произвольно на какой-нибудь случай в жизни.

Не станем описывать вид местности, по которой мы двигались, благоухая ароматом роскошной зелени нас окружающей и вдыхая чистейший горный воздух. Кому неизвестны горные пейзажи Кавказа? – это живая панорама, меняющая свои картины каждые двадцать минут, по мере вашего передвижения. Проезжали мимо некоторых селений, но самих селений, признаться, не видали: кое-где, через версту и более, появлялась изолированная абхазская сакля, а за ней – виноградные и фруктовые сады и посевы кукурузы; этим только объяснялось пребывание тут селения. Абхазцы все еще не дозрели до мысли группировать свои селения в одно общее целое. Вопрос этот, однако, поднят администрацией и обуславливается в данном случае полным авторитетом с ее стороны. Было бы, полагаем, рационально, при осуществлении этой цели, которая должна споспешествовать прогрессивному развитию экономического и общественного быта народа, поставить в некоторых селениях для образца и наглядности русские бревенчатые избы, незатейливые, простые, но удобные для житейского обихода – с русской печкой и прочими атрибутами домашнего устройства в той надежде, дабы, с течением времени, русские избы могли вытеснить ужасающие абхазские сакли, в которых жильцы лишены самых необходимых гигиенических условий, хотя бы например, вследствие уродливого устройства очага без трубы, расположенного в самой середине сакли, где ежедневный дым,

пробиваясь сквозь маленькое оконце, двери и дырявые турличные стены, угощает их в продолжение жизни значительным количеством углерода[1].

Комментируя настоящую статью в принципе, мы опять-таки приходим к заключению, что недуг хронических предрассудков, которым заражены абхазцы, не есть только плод одних преданий древности, но они варьируют между ними и в новейшее время на свой лад, продолжая развивать свои заразительные корни в народе. Если есть и были народы по национальным песням которых изображалась история их прошлого, то это, как объяснено выше, никак нельзя отнести к абхазскому племени. Усматривается практичным, по нашему мнению, дабы судить о его прошлом посредством настоящего, остановиться ближе всего на больной их жилке: суеверных рассказах, преданиях, параболах; собирать их путем доверия из уст народа в возможно большом количестве и комбинировать в должном порядке – и чтобы они не тонули в тьме таинственности, стараться обнаруживать их резонерство между ними посредством открытых бесед; сравнивать между собою тот или другой тип легенды и подвергать все собранное критическому анализу, дабы определить: вследствие каких жизненных условий зараза предрассудком и в наше время не уменьшается, но напротив возрастает. Не с одинаковой же инерцией передают и веруют все во все; мы и теперь слышали мельком, что некоторые из абхазцев даже к горе «Дудрипш» относятся индифферентно, и вот вам уже реакция, вследствие которой являются новые мнения, подтверждающие новые факты, противоположные первым; из pro и contra вытекает истина. Искать истину с любовью и интересом общечеловеческим, просвещая притом умственный кругозор юного абхазского поколения организацией и увеличением сельских школ, при опытных деятелях – курсовниках учительских семинарий, значит подать руку помощи человечеству, чтобы спасти его от той бездны деморализации, в которую ввергло его невежество.

Газ. «Кавказ», 1874 г., № 141.

3.130 О сословном положении владетельских ашнакума. Извлечение из журнала заседаний Сухумской сословно-поземельной комиссии.

10 апреля 1874 г.

Что по собирании в 1868 году сведений о сословных и поземельных правах жителей населения Сухумского отдела – сословное положение шинагм было определено комиссиею в смысле принадлежности их к особому сословию, не имевшему всех прав сословий тавад(ов) и амиста, но стоящих значительно выше сословия анхае, так что некоторые из шинагм, в

[1] Замечательно, что в Пицундском округе есть турлучные сакли, существующие более 100 лет. В них живут и теперь. Сакли эти сплетены из особого рода кустарника, по-абхазски именуемого «ахор». Один экземпляр такого кустарника обещали доставить нам для исследования.

АЛЫТАИР

продолжении двух – трех поколений, сохраняли в своей зависимости анхае, перешедших в это сословие из сословия ахуою; что шинагмы составляли исключительно при владетелях Абхазии и Самурзакани и при членах владетельского дома и шинагмы владетелей не могли быть в зависимости никакой другой фамилии тавадов; что шинагмы не отбывали никакой натуральной повинности, и обязанность их состояла в прислуживании владетелю, надзоре за его домашним хозяйством, за рубкою лесов и правильным взносом пошлины при вывозе лесных материалов, в приеме гостей приезжавших к владетелю, в сопровождении владетеля во всех поездках, причем шинагмы составляли, как бы, охранную стражу владетеля и в исполнении всех поручений, возлагавшихся на них владетелем. За исполнение этих обязанностей владетели делали им подарки и отдавали им часть повинностей своих подвластных.

Такое положение шинагм владетелей было причиною, что комиссия не сочла возможным сравнит сословные права их с правами шинагм других тавадов и амиста, появившихся в большом числе, в последнее время, преимущественно в бывшей Самурзакани, и, журналом 25-го февраля 1869 года № 55 признала нужным привести в известность лиц, принадлежащих к сословию шинагм владетелей, тем же путем, какой будет указан для разбора принадлежности лиц к сословиям тавад и амиста…

ЦГАА, ф. 57, оп. 1, д. 7, лл. 10 – 11 об. Подлинник.

3.131 Баратов С. Очерк нравов и разделения податного сословия абхазцев из дневника старшего члена комиссии по разбору личных и поземельных прав абхазцев.

1879 г.

Есть сословие, называемое анхаэ-амиста, которое образовывается из освобожденных владельцами от повинностей, лежащих на анхаэ, по особым заслугам анхаэ. Эти анхаэ-амиста обязаны своему владельцу носить дрова в день зимой 2 вязанки, а летом одну. Затем должен сопровождать своего князя по поездкам, и при этом исполняет обязанности слуги. А если остался дома, то должен оберегать дом князя, принимать гостей князя в его отсутствие у себя на дому. Если князь потребует у него сына в аманатство, то он должен отдать его, если это срочное, но отнюдь не вечно, – тогда он должен быть в претензии. Анхаэ-амиста владеет на время пахотною землею князя в количестве 30 – 40 дневного паханья одною парою быков, и этой землей они наделяют своих агирво, если они их имеют. Анхаэ-амиста самое маленькое по величине сословие.

2-е сословие анхаэ. Он обязан давать акшбир преимущественно тому, кого он воспитывал, но если как бывает зачастую, воспитанник владелец его, то во 2-ом поколении семейство его не возобновит это обязательство

новым воспитанником, то это обязательство теряется в праве владельца и переходит к тому дому, из которого будет новый воспитанник. Зимою дает владельцу барана или козу. Летом то же самое, должен дать и, кроме того, платить вином и кукурузою, а если ничего этого не имеет, то платит по два рубля в каждую 1/2 года. Еще дает во время летнего посещения владельца пастбищных мест по одной козе или барану. Даже если и не посетит сам пастбищных мест, а анхаэ придет к нему, то все-таки обязан из своего стада привести с собой барана или козу. Во время посева идет он со своими быками на однодневную работу к своему владельцу. Другой раз идет, чтобы пожать его посевы; в третий раз для уборки кукурузы, а в четвертый раз для сбора винограда. По требованию владельца он сопутствует ему во время путешествия во всякое время и во все продолжение его. Если у него делается такое угощение, и режут скот, то владельцу посылает грудину. На пасху тоже, поздравляя князя, приносит грудину. Зато в рождество князь режет на всех своих анхаэ баранов и скот и раздает им. При разделе братьев анхаэ – они князю посылают корову. Если анхаэ придется получить деньги за кровь, то он делит деньги пополам с князем. (Этого теперь нет – выводится). Если же князь получит что-либо в вознаграждение, то он уделяет и своим анхаэ.

3-е низшее сословие – агирво. Отец семейства, жена его, все сыновья, кроме одного, работающего на свой дом и дочерей, тоже работающих для себя, остальные все работают на князя своего. Пасут тавадский (княжеский) скот. Если он нанят обществом пасти скот, то и тогда приплодом, получаемым от общин в плату, делится частью с князем своим. Зимою ежедневно приносит 2 вязанки дров, летом одну. В месяц на свой дом может работать 3 дня.

На рождество, зарезав у себя на дому своего барана, обязан принести князю часть мяса его. Он себе варит кашу из проса князя. Агирво есть и у анхаэв. Агирво у анхаэ работает только летом, и то анхаэ платит ему сеном, просом, курами, деньгами, а иногда бараном. Агирво за скотом анхаэ не смотрит, а агирво князя смотрит за его скотом. Если агирво нанимается в пастухи и, по обычаю, спустя пять лет, берет с хозяина стада половину приплода, то эту половину приплода должен разделить поровну с хозяином своим, будь он анхаэ или князь.

Агирво может быть продан с предварением его, чтоб он выкупился в анхаэ, ему представляют выбор покупщиков, но если в срок 10-ти дней он не выберет покупщика, то тогда может быть продан по воле владельца. Если же агирво имеет родство в той общине, в которой живет, или они достались по наследству от предков, то не иначе может быть продан, как в той же общине или родственному однофамильцу князя – владельца его.

АЛЫТАИР

* * *

10-го июля (1866 г.) я прибыл в Сухум-Кале с титулярным советником Череповым. 14-го числа Черепов выехал в Бзибский округ, а 15-го утром я в самый дальний пункт по расстоянию от Сухума, общину Сухумского округа, в Ачанару 3 17-го же (день, с которого началось мое первое знакомство с последними событиями в Абхазии, пошатнувшими то доверие, которое питало правительство к вновь присоединенному племени Кавказа. По крайней мере, в Сухуме никто не верил слухам, пока дело не представилось воочию); и так 17-го июля, прибыв на место в с. Ачанара, где уже находился окружной начальник майор Бутми де Кацман, я с ним и двумя судьями окружного суда, не успев закусить и переодеться с дороги, я как был по-дорожному, отправились на сборище у церкви во дворе дома не знаю кого. Тут была собрана вся община жителей, виднелись также женщины старухи и... дети. Во дворе был поставлен стол, ничем не накрытый и мы, т.е. я и по сторонам меня двое судей сели на длинную качавшуюся скамью, а Бутми де Кацман на стул, принесенный из чьей-то богатой сакли. Народ стоял в отдалении, частью во дворе, частью за забором. Толпа выказывала немалую долю почтения к нам, ровно все было, спокойно, но я заметил, что все они очень были сосредоточены, внимательны и во все внимали (вникали)... Было очень жарко. Я начал с того, что объявил (через переводчика) цель возложенного на меня поручения и открыл заседание подлежащим действием по собиранию нужных сведений.

Как я уже сказал выше, все шло хорошо; правда, я заметил маленькое притворство, как бы непонимание переводчика, но мы вооружились терпением и перетолковывали одну и ту же фразу по десяти раз, и тоже добивались желаемого. 17-го кончили рано занятие; 18-го утром начали ту же канитель до 12 ч. дня, когда я пошел в палату к окр. начальнику, где до 2-х часов, когда назначена была снова сходка, я занялся чисто канцелярской работой, в одно и то же время, диктуя писарю, приводя в порядок дачу показаний и даже закусывая. Вообще нужно было торопиться. Работы было много. В это время я получил с нарочным из Сухума приказание торопиться сколь возможно, не отбирая все сведения у всех поголовно собственников, а лишь у крупных, торопиться объехать до 29-го числа общины: Тхил, Челав 4, Джигерда и Адзюбжа. Что было делать? Нужно было завтра же ехать далее. Между тем Бутми де Кацман получил приказание сопровождать меня по этим обществам, дать надлежащий конвой казаков, а не местной милиции, этой моей комиссии, и ежедневно давать знать в Сухуме, где мы находимся и проч... Все это снова дало повод думать, что что-то неладно. Между тем из встречавшихся сухумцев – все смеялись, говоря «все пустяки и ничего серьезного». Да и самые приказания в смысле как бы советов: «Следовало бы», «не мешало бы» и т.д.

Ко всему этому подлил масло в огонь, пришедший к нам судья, который рассказал, что утром во время его отсутствия из дому, на его квартиру

бросали камни откуда-то и разбили голову его слуге. Идя же к нам, на него плюнула одна из славившихся красоток в Ачанара; что она это сделала по наущению недовольных, ручался головой обиженный судья.

Конечно, мы успокоили его, и пошли в 2 часа на сходку; – здесь было все опять спокойно; общинный старик судья указал нам на ту молодую агитаторшу.

Начинать дело против нее Бутми де Кацман не начал, но, как говорится, «было намотано на ус».

19-го числа я, майор Бутми де Кацман с переводчиком моим, двумя писарями и конвоем казаков поехали в общину Тхил.

Таким образом, я последовательно переезжал из общины в общину, – из Тхило в Челов, Джигердо и, наконец, 25-го числа я прибыл в Адзюбжа. – т. е. с 17-го по 25-е июля собраны сведения более 1/3 числа жителей Сухумского округа. Собирание и дача сведений со стороны жителей Сухумского округа, благодаря полному содействию окружного начальника и той почтительной и полной доверенности, которою пользовался он среди туземцев, шли превосходно, без малейшего сопротивления жителей, как-то было в обществе Ачанара, может быть с этим внутренним, затаенным злом, показывая из-за угла кулак.

22-го числа – мы узнали, что в Бзыбском округе, где был сам председатель комиссии П. Кониар, – явный бунт народа; но это был из верного источника слух, официального все-таки ничего. – О своей работе я донес председателю полковнику Кониару от 25 июля за №3. Итак, в Адзюбже я ждал новых приказаний; это был по предписанию мой последний пункт.

25-го вечером я и окружной начальник, после работы за целый день, составили пульку и после ужина в 1 час ночи разошлись спать.

В 3 часа ночи я услыхал голос окружного начальника, приказывавшего моему казаку будить меня скорей. К немалому удивлению своему я увидел, что майор одет по-дорожному, – я крикнул ему, что я не сплю, прошу войти.

Он, ничего не говоря, быстро вошел ко мне и дал записку мне в руки, – затем обратился к казаку и приказывал наставить самовар.

Дело было в том, что возвратившись от меня, через полчаса, он, Бутми де Кацман, – –получил с одним нарочным посланным туземцем из Сухума от своего адъютанта следующую записку: «...Бзибское волнение кончилось тем, что полковник Кониар убит и все чиновники истреблены. Бзибцы с большим сборищем идут с намерением напасть на Сухум. Идите спасать нас».

Прочитав эту записку, мы увидели, как далеки были мы от какой – либо подобной мысли! Я оделся.

Напившись чаю и уложив вещи, покинув в Адзюбжа канцелярию, кроме собранных мною сведений, я и окружной начальник через два часа на легках поскакали в Сухум.

АЛЫТАИР

Всю дорогу скакали; наши вещи, вьючные лошади отстали, – в 11 часов прибыли в Сухум, который был уже объявлен на осадном положении. Ворота были затворены, войска отовсюду стекались, по вызову, тревоге... Дело для нас и сухумцев было ясное. По дороге не было видно ни души от самого села Адзюбжа до самого Сухума...

Вечером того же 27-го числа были слышны выстрелы за Сухумом абхазцев. 29-го вечером я написал в Тифлис, в кавказское горское управление рапорт за №4, что занятия мои по комиссии прекращены и не знаю, когда придется продолжать их, о чем долгом считаю донести.

* * *

Я был так заинтересован делом убийства полковника Кониара, что, попав на одного из очевидцев – я его завербовал у себя на квартире и вот подробности.

«Скажите мне, что вы знаете по сему делу – ничего не утаивать, прошу вас». Так спрашивал я сидящего против меня депутата Бзибского окружного суда подпоручика Тито Моргани 5.

«Извольте, князь, моя речь будет олицетворение правды: 12 июля полковник Кониар потребовал меня из Ляхлы (Соусху) 6 в Сухум и сделал мне предложение быть членом в комиссии со стороны окружного суда по собиранию сведений, нужных титулярному советнику Черепову и потом отпустил меня обратно в свой дом с приказанием явиться в означенную комиссию, когда меня потребуют. Возвращаясь домой, я встретил капитана Измайлова, который меня спросил о причине, по которой требовал Кониар, я сказал ему и мы расстались с ним. 14-го числа за мною прислал Измайлов, чтобы я прибыл в Ляхлы, почему 15-го утром я прибыл туда и тотчас за моим приездом чиновник Черепов выехал в Гагры с одним из членов суда Камгаз Хачи, назначенного также в эту комиссию и своего переводчика Ермолова. Вслед за их отъездом капитан Измайлов и я с переводчиками поскакали туда же, в Гагры, за ним. Мы, однако, его не догнали, ибо Черепов ехал на курьерских, а мы ехали на обыкновенных почтовых, да и по дороге у нас в тройке одна лошадь ни с того, ни с сего пала и мы провозились почти час. Все это вместе отняло настолько время, что мы приехали позже Черепова на 2 часа.

Он остановился в доме дворянина Барас, а мы в доме Тито Иналипова.

Тут нам встретился конвойный, посланный в селение Гагры с приказанием собраться народу; этот конвойный нам сказал, что гагринцы не соберутся, потому что все вышли в лес за собиранием дикого меду; в селе никого нет, и на этой неделе не будут. Что было делать?

Измайлов послал переводчика Соломона Лакербая дать знать об этом Черепову, спрашивая, таким образом, его взгляда на это дело.

Тогда Черепов ответил, что завтра поедет в Пицундский округ, где окончит работу, он приедет через два дня или в Колдыхар 7 или же возвратится сюда, в Гагры, если народ к этому времени соберется. Получив такой ответ, Измайлов послал нарочного в Пицунду. В приказание писал Измайлов: «Старшине Пицундского селения. Собери завтра к утру всех своих поселян около старой церкви; ожидаю прибытия комиссии, я приеду тоже, чтоб были собраны все без исключения, и без всяких «околичностей». Приготовь сено для 17 лошадей.

Приготовь также для меня одну чистую постель. Капитан Измайлов. Смотрите, чтобы были все».

(Эту записку я взял у рассказывающего здесь Тито Моргани). «Далее, князь, – начал Моргани, – этот вечер мы все были у Черепова, где играли в шахматы и ужинали. Возвращаясь, я и Измайлов домой, заметили, что едет один из абхазцев верхом по переулку, и крикнул я ему, что мол, где едешь по крышам, упадешь в трубу. Он, не узнав видимо впотьмах нас, ответил мне «тут такое важное дело, что ни на что не следует обращать внимания». И он ускакал.

Я ничего не сказал капитану Измайлову, но я заметил, что это присланный откуда-нибудь к жителям с каким-нибудь поручением от общин недовольных. На другой день мы, т.е. Черепов, Измайлов, я, переводчики и конвой также поехали в Пицунду. Нас встретил весь народ у входа в селение: здесь был и староста. В числе собравшихся видны были князья: Тито, Темшул, Заусхал Иналиповы и другие. Через 2 1/2 часа мы из своих квартир пришли к старой церкви – к народу. Староста доложил Измайлову, что хоть и неохотно, но народ собрался весь. После размещения нас за столом, я сидел возле Черепова, открыли заседание. Черепов просил меня переводить народу, и я взял на себя этот труд. Действительно, это было трудно с народом, не желавшим вникать в то, что им говорила комиссия. «Все перемелется, – мука будет». Говорили и думали мы так.

Черепов через меня передал народу, что он, Черепов, прислан по воле его императорского высочества для того, чтобы объявить народу, что как во всей России, так и здесь крестьяне должны быть освобождены от крепостного состояния, но что предварительно, до объявления освобождения, или факта его, ему, Черепову, как назначенной в Абхазии комиссии, нужны сведения: 1) как велика была повинность своим владельцам даваема различными зависящими сословиями; это для того, чтобы из этих сведений могло правительство определить меру выкупа этих сословий от их владельцев. Но что выкуп этот упадет на счет состояния самих выкупаемых, а не на счет казны; 2) необходимо знать также, коль пользуются землею, могут ли продавать ее по своему произволу не только владельцы, но и подвластные, не спрашивая владельцев своих, таким образом, переходит ли, или переходила прежде у них земля в другие руки; 3) взамен проданной, могут ли обрабатывать другую, где кто захочет и 4) вообще правила местные – существуют ли аренды и проч.

АЛЫТАИР

Все это Черепов передавал, как мне показалось, действительно дельно, но затем он вдруг начал очень темно передавать через меня, так что я сам ничего не понял, и вообще непонятно выразил на счет ахашала, так, что было всякому заметно, что Черепов скрывает и вполне не высказывает истину.

Вот это дало маленький поворот к недоразумению – это недосказанное повело к гибели и к непониманию истины.

Народ заволновался, начался говор, разошлись по группам. Объявив содержание этого поручения он предложил выбор депутатов одного от владельцев и по одному от анхаэ и агирва.

* * *

Затем начались вопросы по пунктам, я сел между членами и перевод вопросов и ответов коих производил переводчик Черепова Ермолов. Спрашивая о повинностях, все было спокойно и бесспорно как со стороны владельцев, так и со стороны подвластных, кроме одного случая, когда один из анхаев отозвался неправильно облагаемой Тито Иналиповым повинностью. Спор по этому дошел до необходимости привести к присяге Иналипова, который показал, что его отец и дед брали с отца и деда этого анхае и потому он считает себя вправе продолжать требование этой повинности. Тогда анхае, не допуская присяги, сказал, что, хотя показание Иналипова справедливо, но что он не куплен и не знает, каким образом попал под зависимость – этим прекратили, пока, спор. Но что сказать о споре, который потом произошел между членами нашей комиссии – это из рук вон. Все это происходило при собранном народе.

Начал его сам Черепов. После окончания спора между анхае и Иналиповым, Черепов задал множество вопросов, касающихся до поземельного права использования. Черепов один отвергал все права владельцев на земли и называл их, что владельцы не помещики, а ахалапшюю.

Как Иналиповы, так и окружной начальник Измайлов и мы, члены суда, крайне удивленные таким своеобразным поведением одного из нас, противоречили ему, стараясь вразумить его, успокоить. Все было напрасно– – и он еще хуже стал грубо выражаться против Иналиповых, но хотя согласился составить акт за общим подписом, но не захотел кончить этим, бросив работу, уехал от комиссии недовольным к капитану Воронову, говоря, что соберет нужные ему сведения у Воронова. Черепов там оставался до 18-го числа, когда уже дело явного сопротивления приняло дурной оборот, где погибла вся комиссия и сам Черепов.

Того же 18 числа в 1-ом часу к нам, оставленным без дела после отъезда Черепова, неожиданно приехал Мчишнарт[1], присланный Кониаром из Сухума, который, созвав нас, просил собрать народ и по распоряжению Измайлова народ собрался опять, и были князья Иналиповы, так обиженные Череповым, почти что задаром.

[1] Убит при возмущении, как и Кониар, Измайлов и др.

Выходя к народу, мы увидели, к крайнему удивлению, приехавшего Черепова и тогда он, поздоровавшись с нами, примкнул к нам, и мы все пошли к собранным жителям. Начали заседания; Черепов, принявший, снова, на себя главную роль, задал через переводчика Ермолова вопросы, но собранный здесь народ, во главе которого был князь Тато Иналипов, ответил Черепову: «Мы не можем отвечать на ваши вопросы отдельно от прочих общин Бзибского округа, ибо мы имеем на это исстари еще при бывшем нашем владетеле данный взаимно обет и присягу, что никакие ответы на важные вопросы не вправе давать отдельно от других общин». «Вы знаете, что я не вас спрашиваю; вы знаете, кому вы это говорите», – начал горячиться Черепов. «Кому бы то ни было», – был ответ со стороны толпы, которая быстро стала удаляться, расходясь в разные стороны.

Дело принимало скверный оборот. На все увещевания наши, Измайлова и даже смягчившегося Черепова не смогли согласить народ на дачу показаний. Черепов настаивал на аресте князя Тато Иналипова, думая, заставить народ, но Измайлов не прибегнул к угрожающим мерам. Старшина употребил все усилия, мы тоже посылались в народ, но все было уже кончено.

Дело было бесповоротно. Тогда Черепов донес с нарочным о случившемся полковнику Кониару (посланный Кониара в Сухуме уже не застал; он уже был выехавши в округ, узнав о некоторых беспорядках. Так этот посланный и погиб, убитый в поисках Кониара).

Нам самим оставалось выехать из враждебной деревни, что мы и сделали на рассвете 19-го.

Я, Измайлов, переводчики приехали в сел. Ляхлы (Соух-су), а Черепов, у которого захромал конь, с 8-ю казаками остался, пока, в дер. Звандрибша.

По приезде в Ляхлы Измайлов приказал собрать старшинам народ из общин Абухва 8, Миздзирхва 9, Чоболурхва 10 и др. Сегодня же в 10 верстах от деревни у берега реки Мчиш, – для узнавания, действительно ли существует между ними уговор или нет. К вечеру приехал Черепов на карей лошади, и мы поехали на берег р. Мчиша. Здесь собранный народ сказал нам то же, что и в бунтовавшейся деревне, а один анхае по имени Лей Квадж присовокупил с апломбом, что он, как равно и все здесь собраты, не намерены получать свободу от своих владельцев, выкупом за свой счет и готовы себя считать государственными крестьянами только в таком случае, если государство употребит на их выкуп свое добро, а не их. Его было арестовали, но затем раздумали, видя крайнее настроение умов массы, отпустили, и здесь нам ничего не оставалось делать. Для того, чтобы составить об этом акт Черепов поехал в Гудаут, распорядившись меня послать к Кониару в Сухум с докладом обо всем этом.

АЛЫТАИР

Получив еще другие бумаги от него, а также от Измайлова, я с конвоем 12 казаков поехал в Сухум. Между тем по отъезде моем по уговору некоего Соломона Лакербая были собраны жители дер. Дврибша 11, чтоб принять комиссию. Тогда Измайлов, предложив Черепову, поехали в сел. Дврибша. На самом деле полагали, что это обширная община, где считалось до 400 дворов, если даст удовлетворительные ответы, то везде пойдет хорошо, что примеру их последуют и другие мелкие общины. Об этом известили нарочным казаком Кониару в Сухуме, предполагая, что он еще там. Этот нарочный меня догнал на ночлеге в дер. Абцюргва 12. Между тем полковник Кониар искал комиссию по деревням, разослав казаков, и в эту ночь ночевал в соседней деревне Аэ 13. На рассвете приехал другой казак – нарочный уже от Кониара, искавший комиссию, я отправил от себя другого казака известить полковника, где Черепов и через час, сам с казаками направился к Кониару в дер. Аэ, по дороге куда встретил его, адъютанта его, сотню казаков со значком и сотенным командиром во главе.

Увидав меня, полковник Кониар дружески пожал мне руку и слез с лошади. Тут, сидя на траве, я ему при его адъютанте все доложил от начала до конца.

П. Кониар казался чем-то очень озабочен, хотя и не высказывал ничего мне. Он сказал, что не доволен Череповым, что у кн. Баратова в общине Ачопора 14 все идет хорошо, это он сказал про вас, князь и, вставая, прибавил, улыбаясь: «Все пустяки, милый друг Тито!» Сели на лошадей и поехали в Гудаут, куда приказал Кониар приехать и комиссии по делу для дальнейших мер и для совета вообще. Между тем меня послал тут же в сел. Дврибш к жителям сказать, что он с комиссией сегодня же туда приедет и чтоб не расходились. Я поехал объявить дврипшцам, но увидел, что народ, собравшийся было сначала, к вечеру разошелся раздумав, и я поехал в Гудаут предупредить Кониара».

Так рассказывал сидя у меня Тито Моргани.

* * *

Из Гудаута 25 числа приехал в сел. Ляхлы полковник Кониар с Череповым и с ним были князья Георгий и Александр Шервашидзе. Кониар призвал окружного начальника в тот же вечер и приказал ему принять все меры предосторожности; в это время ординарец был послан за сотенным командиром сотником Москаленко. Сотенному командиру приказано было к завтрашнему, 26 числу, приготовить сотню, одев ее в полную боевую амуницию, приготовления эти скрывать от жителей. Все это Кониар делал на тот случай, что завтрашний день был им назначен, по уговору с окружным начальником, Череповым и кн. Шервашидзе, днем последней попытки. Нужно было узнать, в конце концов, что жители намерены делать дальше, узнать их категорический ответ, дадут ли они комиссии ответы и вообще нужно арестовать зачинщиков и прибегнуть к принудительным мерам.

26-го утром я приехал к полковнику, и он пригласил меня ехать с ним к народу, собравшемуся в деревне. Сотня казаков была приведена к дому, занимаемому Кониаром. До полудня все было спокойно. 1/3 1-го часа Кониар, Черепов, Абелов, Кулов, кн. Шервашидзе, я, сотник Москаленко и еще кое-какие офицеры из туземцев и почетные лица, составляя свиту полковника Кониара, поехали к народу. Там среди народа виднелся Измайлов, окружной начальник. Приехав к толпе, Кониар слез с лошади и начал было говорить, что он прислан с целью облегчить участь жителей-анхаев, что во всей России то же, и что они, абхазцы, тоже дети обширной русской семьи; все, что вводится в России, должно вводиться и у них....

Все это передавалось громко через переводчика.

Народ, окружив нас, кругом стоял в некотором отдалении. Вот во время этой речи Кониара, вдруг где-то далеко за толпой раздался выстрел. Вся толпа заволновалась; Измайлов пошел в середину толпы, вероятно, узнать, в чем дело. Мы стояли. Вдруг второй выстрел, за ним крик: «Ой! Ой!». Трубя, казак, сопровождающий в конвое казаков Кониара, упал, обливаясь кровью. В это время Измайлов выбежал в круг, за ним с обнаженной шашкой абхазец, который ударил Измайлова по голове!... Кониар и мы быстро сели на коней и поскакали к дому.... Сзади раздавались крики, свистки и выстрелы, народ бежал за нами. Мы забежали домой; казаки, стоявшие у квартиры Кониара по приказанию сотника Москаленко бросились с обнаженными шашками на «ура» на толпу, но один залп со стороны абхазцев положил около 15-ти человек казаков.

Началась рукопашная схватка, сотня в момент была окружена тысячной массой и пошла резня!

Тогда казаки пробились направо и заняли деревянную конюшню, которую вскоре абхазцы подожгли, и дым и огонь стали душить казаков и они выбежали оттуда и бросились в старую каменную церковь, выломали дверь и заперлись в нее. Между тем Измайлов был убит в толпе народа. Народ окружил квартиру Кониара, оставленную разбежавшимися казаками. 2 раза выходил кн. Шервашидзе с уговором к народу, но оба раза был встречаем руганью и выстрелами. Тогда мы заперлись и так сидели до ночи.

В 10 ч. мы видели из окна и слышали, что народ как будто разошелся, и мы было вышли, но, увидев, что кругом стоят одиночные часовые абхазцы, опять заперлись. Никто не мог придумать что делать? Мы, запертые в хате; кругом враги, казаки, запершиеся в церкви, окруженные врагами. 2 раза казаки хотели пробиться, но оба раза с уроном возвращались обратно и раз принесли и убитого сотника Москаленко. Хорунжий Рябцов был ранен.

Тогда наутро казаки все-таки незаметно перешли поодиночке в новую церковь, которую им отворил священник. Туда же перевели хорунжего Рябцова, без перевязки и медицинской помощи. Наутро же мы решили тоже пробиться и ускакать из селения – приготовили лошадей и каждый, имея

АЛБТАИР

в поводу лошадь и в правой руке револьвер, шашку, или другое какое оружие, – сразу отворили дверь и остановились, никого не видно!

Быстро на лошадей и с места вскачь – кто куда.

Но нас заметили и пошли стрелять со всех углов. На повороте одном Кониара ранили, и он поскакал назад, другие вернулись за ним. Я же, Акулов и 4 казака, переводчик Ермолов ускакали из деревни! И я больше своих не видел! Наутро в 4 ч. абхазцы ворвались в саклю и изрубили Кониара, Черепова и всех!..

Участь же казаков была такая: священник пустил казаков в церковь, они заперлись. Абхазцы, покончив с Кониаром и другими, большею частью разбежались, но самые отчаянные пришли-таки к казакам в старую церковь, и, видя, что там никого нет, кроме трупов сотника Москаленко, 2-х казаков, надругались над ними и бросились к новой церкви.

Тут казаки встретили их из бойниц залпом, много убили абхазцев.

Они– – к священнику, требовали отворить церковь, но он сказал им, что они и его убьют, что он казаков не пускал, они сами вломились.

Что у них обагренные кровью руки и им великий грех убивать людей в церкви. Они, удивительно, не тронули священника и скоро разошлись совсем, бросая деревню; тогда все общины призывались идти на Сухум. Бунт был всеобщий.

Между тем дьячок и священник вышли к казакам и на их просьбы спасти их «ради Христа» священник дал слово известить в Сухум и княгиню Шервашидзе, жену полковника Александра Шервашидзе. Священник и дьячок носили им воду. Хлеб казаки два дня не ели.

28 числа княгиня Шервашидзе прислала им записку, где называла казаков «православными христианами», «братьями»; она писала, чтобы казаки, руководящие священником и дьячком, пришли к ней в дом, что просит она верить ее помощи и желанию освободить их.

Казаки изъявили согласие, и вечером княгиня сама приехала к ним в церковь. В деревне уже никого не было. Княгиня осмотрела казаков, забрала всех с собой, кроме 3-х тяжело раненых, которых невозможно было везти и они остались на попечении священника. Дома княгиня казаков накормила, обласкала, приискала фелюгу, и сама скрытно провела казаков до моря. Казаки мне говорили, что они, расставаясь со священником и княгиней, целовали у них руки со слезами на глазах, и княгиня благословила их, обещая тех 3-х тяжело раненых, при первой возможности прислать к ним. Так разыгралась кровавая драма абхазских событий.

С. Баратов

Газ. «Тифлисский вестник». 1879, № 98, 110, 121, 122, 123.

3.132 Чернявский В. Ловля и похороны душ утопленников в Абхазии.

1879 г.

Этот замечательный древний обычай патриархального абхазского народа состоит в следующем:

Если абхазец утонет, что нередко случается при полноводии горных речек и отсутствии каменных мостов, то тело его старательно ищут, впрочем недолго. Не найдя тела, абхазцы об этом мало тужат.

Тогда они принимаются за ловлю души утопленника, что по их убеждению, составляет самое главное. Штука эта совершается довольно просто: берут так назыв. абхазскую козу, то есть мешок из цельной козлиной шкуры, с шерстью наружу (употребляется как наши мешки); выгнавши из него воздух, затягивают несколько ремешок, чтобы горло мешка было полуоткрыто. Тогда, держа его осторожно в руках, отверстием вперед, ходят там, где предполагают утопленника, и поют при этом особые, зазывательные песни. Когда, наконец, коза случайно немножко надуется от потоков встречного воздуха, тогда поспешно стягивают ремнем отверстие поплотнее, чтобы не вылетала душа, попавшая в ловушку; оба конца ремня покрепче завязывают.

Пойманную душу торжественно и поспешно внесут домой, к могиле заблаговременно приготовленной. Опустивши в могилу козу горлом вниз, распускают ремень; открывши отверстие, быстрым давлением выталкивают душу на дно могилы. Чтобы она не ушла, то заранее приготовленные люди поспешно засыпают могилу.

Теперь дело сделано: по убеждению абхазцев, утопленник схоронен в могиле. Поэтому ее обгораживают или делают над нею памятник, совершаются обычные поминки и т. д.

Дополнительная заметка о ловле души утопленника в Абхазии.

(Шелковый мост). Мне удалось собрать несколько сведений об этом, чрезвычайно интересных. Добыты эти сведения между туземцами северной Абхазии абхазским дворянином Бидро Моргани, производившим для меня покупку ловушки для душ утопленников и других любопытных предметов абхазского быта.

Ловушка для душ, употребляемая в северной Абхазии, представляет собой небольшой бурдючек из цельной козьей кожи, очищенной от шерсти, шейная дыра заделана круглой деревяшкой; подобными же кружочками заделывают случайные дыры. Собираясь ловить душу утопленника, абхазцы кладут этот бурдючек, несколько размоченный водою, возле самой речки на влажном месте. Открытое отверстие конца одной из ног обращено к реке.

АЙТАМИР

От него чрез реку протянуты на другой берег две шелковые нити, образующие мост, по которому душа могла бы переправиться через речку.

Вокруг бурдючка, на прибрежных голышах и песке расстанавливаются кувшинчики и другие сосуды с самыми вкусными, абхазскими явствами и питьями. Родные, друзья и знакомые усопшего принимаются за истребление тех и других, с подобающим случаю тихим весельем. Обычай воспрещает малейшую печаль, споры или ссоры. Душа приманивается зазывательною песнею, под звуки абхазской балалайки (со струнами из волос конского хвоста) и свирелей. Душа, увлекаемая этим тихим весельем родных и друзей, заслушивается звуков зазывательной песни, направляется по шелковому мосту и попадает чрез отверстие в ловушку. Бурдючек слегка раздулся, – следовательно, душа в ловушке; тогда отверстие постепенно завязывают и торжественно направляются домой к месту погребения души.

Влад. Чернявский

Журн. «Природа и охота». 1879, № 2, 3.

3.133 Краткое описание страны, лежащей к северу от реки Сочи-Пста до вновь возведенного на Туапсе укрепления.

1885 г.

Страна, заключающаяся между главным хребтом Кавказа, Черным морем, рекою Сочи и ограниченная с севера округом Туапсе, разделяется на две смежные полосы, отличающиеся одна от другой как физическим характером, так и населением. Первая, состоящая из земель береговых, занята несколькими независимыми обществами, как племени асадзуа или сочи (по-абхазски – джигеты), распространившимися из-за реки того же имени до округа Хизе, так и черкес, говорящих одним языком с убыхами, шапсугами и другими горцами западной части кавказского хребта, языком совершенно отличным от джигетского, который в употреблении до р.Бзыби. Отрасли гор, простирающиеся по описываемому прибрежью, понижаются по мере приближения своего к морю; по значительности населения здесь много земель возделанных, до Вардане, однако встречаются места лесистые; начиная же с этого округа растительная сила как будто слабеет и леса заменяются по большей части кустарником.

Земля убыхов (по-абхазски – Туахы) составляет второй отдел рассматриваемого края. Примыкая с одной стороны к снежным горам и ограниченная с другой рекою Сочи, страна эта представляет узкую полосу земли. В юго-западной – горы приближаются к морю на расстояние не более пяти верст, в других же местах удаляются от него до 20-ти, как показано с приблизительною верностию на прилагаемой карте. К северу убыхи простираются до прибрежного округа Гоайе.

Страна эта пересеченная высокими горами, образующими тесные ущелья, в то же время весьма лесиста и потому труднопроходимая, народонаселение в ней соответственно поверхности, меньше чем в полосе прибрежной.

Возвращаясь к последней, надлежит показать разделение ее на округа.

Округов сих семь: Псаха, Вардане, Хизе (по абхазски – Пшогия), Субаш, Чимтрипшь, Вея или Гоя и Мохупсе. Взаимные их границы обозначатся при рассмотрении каждого.

Примечание. Так как сообщения в этой гористой стране проложены большей частию по течению рек, на которых находятся и главнейшие аулы, удободоступность коих зависит от свойств долин и смежных гор, необходимо во избежание повторений, рассмотреть все это одновременно, пожертвовать в сем кратком обзоре систематическим порядком, требующим последовательного описания рек, дорог, селений и проч.

1.Округ Псаха или Чизма. Ограничен с южной стороны рекою Сочи, с северной простирается на полчаса езды (около трех верст) за реку Псаху, а к востоку примыкает, как и последующие округа, к земле убыхов.

За исключением незначительных ручьев протекает здесь река Псаха, имеющая исток в горах средней высоты, на час езды от развалин крепости Мамай-кале. Речка эта мелководна и даже в самые сильные дожди глубина ее не превышает полроста человека. Долина Псахи считается плодороднейшею частью всего округа. Местность близ устья довольно ровная и открытая, но она сильно укреплена завалами, ибо черкесы полагали, что здесь будет совершена в нынешнем году наша высадка; завалы состоят из двойного ряда толстых бревен, промежутки между которыми утрамбованы землею. (Показания бывшего в плену у горцев 39-го флотского экипажа лейтенанта Зорина).

Главнейшие аулы в сем округе следующие: Аул Псаха или Чизма Ахмет[1] начинается на расстоянии не более версты от устья описанной речки и, состоя из большого числа разбросанных саклей, простирается вверх по ее долине до самого истока.

Чизма Мисауст неподалеку от правого берега реки Сочи-псты, в расстоянии 3 1/2 верст от ее устья.

Селения эти получили свое название от места жительства двух старших членов весьма уважаемой фамилии Чизмы, братьев Ахмета и Мисауста. По фамилии этой и самый округ именуется Чизмою. Народонаселение в нем может простираться до 500 семейства.

Кроме береговой дороги, служащей жителям главнейшим продольным сообщением и при обыкновенном состоянии погоды везде удобопроезжаемой до Мохупсы, можно заметить еще следующие:

[1] Аулы у черкес получают большею частию свои названия от округов, к которым принадлежат, от рек, близ которых находятся или от почетных фамилий, пользующихся у них особенным влиянием, от чего и происходит некоторая сбивчивость в названиях; ибо часто одно и то же место имеет их два или три.

АЛТАИР

1.Дорога, отходящая в недальнем от устья Сочи-псты расстояния к убыхскому аулу Мутыхуаса, лежащему на той же реке. Пролегая по правому берегу последней, дорога эта на полутора часа езды (от 8-ми до 9-ти верст) идет широкой, ровной и почти безлесной долине, представляющей богатые пастбища; остальная же часть пути затрудняется крутыми подъемами и спусками и с обеих его сторон подходит редкий, впрочем, лес, состоящий большею частью из фруктовых дерев, обвитых виноградником.

2. Дорога, идущая от устья реки Псахи к убыхскому же аулу Питлу. По мере удаления от моря сообщение это, при начале своем удобопроезжаемое, становится более и более затруднительным, ибо самая долина, по которой оно направляется, стесняема горами, хотя и невысокими, превращается наконец в ущелье, представляющее значительные препятствия. Что касается до гор, смежных речке Псахе, то они во многих местах открыты и возделаны.

Округ Вардане Дзеша или Убышь – Хрыпшь. Начинается от предыдущего и простирается на час езды за речку Джабдзе.

Из рек и аулов, находящихся в сем округе главнейшие суть следующие:

1. Река Фагуа или Фагуркуа-дзе[1] берет начало в земле убыхов в высоких горах, отчего разлитие ее, происходящее от таяния снегов, бывает не ранее начала мая; ширина ее при устье около 5-ти сажен и местами она глубока. Близ падения реки этой в море долина ее суживается лесистыми высотами. От аула же Фагуа или Джеша, заимствовавшего последнее название от сильной дворянской фамилии того же имени, долина эта расширяется; она хорошо возделана, безлесна и только частые, разведенные по ней фруктовые сады могут доставить прикрытие обороняющемуся. Высоты, образующие нагорный берег реки Фагуа, большею частью возделаны и удобопроходимы.

Упомянутый аул начинается в расстоянии около 3-х верст от моря и разбросан вдоль по долине реки Фагуа на протяжении 3-х часов езды (примерно 18 верст).

Аул этот (Мангонариев Вардан) служит горцам, равно как и Субаш, главным рынком для торга с турками. По словам лейтенанта Зорина, приходили туда в нынешнем году по 15-е июля две турецкие кочермы. Нагорный морской берег между устьями рек Псахою и Фагуа (Варданом) лесист, крут и пересечен тех же свойств оврагами.

[1] Основываясь на том, что между реками Псахою и Фагуа нет ни одной промежуточной, равно как и последней из означенных рек до Сочи, надо заключить, что она та самая, которая названа Мангонари рекою Варданом. При неопределенности наименований у черкес, называющих часто отдельные аулы и участки именем всего округа, к которому они принадлежат, офицер этот, как и с нами случилось, мог легко быть введен в заблуждение насчет настоящего названия реки Фагуа. Абхазцы же, от которых заимствовал я эти сведения, уверяли меня после самых обстоятельных расспросов, что во всем округе нет реки, которая называлась бы собственно Варданом.

2. Речка Легутей, текущая в узком, поросшем мелким лесом ущелье, теряется в прибрежном песке, не достигая моря. По ней рассеяно несколько небольших аулов, не имеющих особых названий, но заимствовавших одно общее от речки этой.

3. Ручей Нышь. На нем небольшой аул того же имени.

4. Река Лаупе. По долине ее того же названия аул, один из значительнейших в описываемом крае; в нем считается от 150 до 200 семейств.

5. Речка Джабдзе имеет устье свое на местности открытой; аулы, находящиеся вверх по ее течению, начинаются в расстоянии пушечного выстрела от морского берега. Место это представляет много удобств для десанта. На пространстве между речками Фагуа и Лаупе встречаются горы довольно высокие, покрытые сосновым лесом; за Лаупе край становится равнинным, даже низким и большею частию безолесым и в таком виде простирается за реку Джабдзе. Население здесь весьма большое; аулы многочисленны. Не ближе как в расстоянии часа езды от берега видны значительные леса и местность постоянно возвышается, но и тут селения довольно часты. По речке Джабдзе направляется к большому аулу Уцкуа удобнопроезжаемая для конных дорога. Совокупность населения в округе Вардане должна превышать 800 семейств.

Округ Хизе (по-абхазски Пшагия), граничит с Варданом, тянется узкою полосою по морскому берегу и подходит к аулу Субашу на полчаса езды.

Примечательнейшая из речек здесь Боа-пста, на правом берегу которой, близ самого устья расположен аул Хизе, главнейший в округе. В нем считается до 200 саклей.

По Боа-пста идет дорога, удобная даже для езды в повозках; она выходит на убыхский аул Эбжноу.

Округ этот вообще гористее и лесистее предыдущего.

Замечательно, что в Хизе нет ни княжеских, ни дворянских фамилий: общество состоит из вольных простолюдинов, владеющих, впрочем, крестьянами; в большом, однако здесь уважении фамилия Дизаа.

Примечание. Права владельцев над их крестьянами у черкес, как у абхазцев весьма ограничены. Крестьянин редко работает на своего господина и единственная выгода, которую он ему доставляет, заключается в платеже двух или трех голов мелкого скота в год; кроме того, обращаются в пользу владельца деньги или вещи, за которые жених покупает свою невесту. Господин не имеет права ударить своего подвластного, а в случае если б он убил его, то по укоренившемуся обычаю родственники могут платить убийце кровомщением. Настоящими рабами у черкес наши пленные и бежавшие; горцы, высоко поставляя выгоду владеть русскими, взыскивали дорогую цену с того из своих соплеменников, который убьет военнопленного даже при покушении к побегу. Только в нынешнем году положили они

АЛЫТАИР

общим советом предоставить каждому право лишать, в таком случае, русских жизни безвозмездно.

* * *

Округ Субаш простирается к юго-востоку на полчаса, а к северо-западу на час езды от аула того же имени.

Главнейшая здесь река Субаш-дзе или Шахе. Река эта, имеющая начало в главном хребте, отделяющем убыхов от абадзехов, превосходит величиною р. Сочи-пста и от таяния снегов в конце апреля и начале мая глубина ее становится столь значительною, что даже конному иногда невозможно чрез нее переправиться. Долина реки этой открыта, широка и от русла до высот, образующих долину, надо считать не менее полуверсты. Аул Субаш, заключающий от 150 до 200 домов, лежит на самой речке, в расстоянии примерно 3-х верст от морского берега. Почетнейшая здесь фамилия Аткевя. Окрестности этого места слывут вообще здоровыми.

По долине Субаш-дзе большею частью местами открытыми и удобопроходимыми идет дорога, ведущая в аул Дишан, один из значительнейших в земле убыхов. Хотя по приближению к этому селению дорога направляется ущельем, но горы, его образующие, невысоки, безлесны и войскам везде доступны.

Округ Цыхрыпшь. Границы его отстоят в каждую сторону от главного аула не далее как на час езды.

Аул Цыхрыпшь лежит в расстоянии часа езды от моря, на небольшом ручье того же имени; он принадлежит дворянской фамилии Адех, между тем как две другие, Ачимит и Асхаба владеют северною частью округа, названного по имени первого из них Цыхрыпшь. От Цыхрыпша отходит дорога, разделяющаяся на две ветви; из них одна выходит на сообщение между Субашем и Дишаном, а другая направляется на землю племени Кесиме.

Прибрежья сего округа состоят большею частью из мест открытых; по сближении же с убыхскими горами страна становится лесистою.

Округ Вея или Гоя. Гранича с предыдущим, округ этот простирается по берегу моря на три часа езды (около 18 верст); с восточной стороны примыкает к нему земля Кемме.

Главный аул Вея лежит на довольно значительной реке Вея-дзи. Она имеет свое устье на местности открытой и долину широкую на протяжении двух часов езды вверх по течению. Далее же край до того горист и пересечен, что сообщения почти непроходимы, аулов нет, а население рассеяно по отдельным саклям. Оно простирается до 300 семейств. Сильнейший по своему влиянию туземец князь Чезлаха.

Округ Мохупсы. Главнейший аул, имеющий одно название с округом, лежит на расстоянии полутора часа езды от моря на незначительном ручье Мохупсы.

По причине затруднительности низменного морского берега для сообщения с Туапсе дорога туда проложена окольная, горами.

Земля убыхов. По сделанном уже кратком очерке физическому состоянию земли этой, остается указать главнейшие находящиеся в ней аулы и сообщения.

Мутыхуасуа есть примечательнейший, как по величине, так и потому, что служит местопребыванием главе сильной княжеской фамилии Барзехов, Барзеху-хаджи. Аул этот лежит на правом берегу Сочи-псты, на расстоянии двух часов езды от ее устья; он принадлежал прежде джигетам и отнят у них убыхами тому назад лет сорок.

Дишан к северо-западу от предыдущего на высоте против Субаша.

Аулы Пинт, Уцкуа и Эбжноу, о которых уже было упомянуто.

Сообщения в земле убыхов вообще затруднительны и мало известны. Между главнейшими аулами Мутыхуасуа и Дишаном есть, однако, дорога удобопроезжаемая для конных; по протяжению ее встречается много аулов.

Весьма примечательно сообщение, идущее чрез главный хребет Кавказа из земли убых к абадзехам. Оно отходит от аула Дишана и, подымаясь вверх по ущелью Гогышкуа (по черкески большая дорога), достигает вершины горы Тубы, принадлежащей уже к основным горам. На переезд этот потребно летом день езды. Судя по тому, что вершины крутизн, образующих упомянутое ущелье, покрыты лесом и летом снег везде по пути сему тает, надо заключать, что хребет составляет здесь пониженную седловину. Спуск с горы Тубы (по имени которой называется и небольшое племя, живущее уже за перевалом горы) гораздо удобнее подъема; дорога направляется тут по ущелью значительной реки Шхагуаша, принадлежащей уже к бассейну Кубани.

Газ.»Кубанские областные ведомости», 1884 г. №50, 1885 г. №1.

3.134 Чернявский В. Абхазская женщина. (Извлечение).

1885 г.

...Перейдем теперь к предмету нашей статьи – к абхазской женщине. Весьма богатый материал по этому предмету дает нам автор «Этнографических писем», помещавшихся в газ. «Дроэба» за прошлый и настоящий годы. Мало где женщина пользуется таким уважением и такой самостоятельностью, как здесь. Абхазия постоянно переходила из рук одного народа в руки другого; но ни хитрость греков, ни деспотизм турок не могли поколебать высокого положения абхазской женщины. Кроме исполнения прямой своей обязанности – поддержания семейного порядка она всегда принимала участие в политической и общественной жизни своего народа. Не раз она своим вмешательством водворяла мир между двумя враждующими

АЛЫТАИР

племенами. За то и каждая попытка, с чьей бы то ни было стороны, к уничтожению или ограничению прав женщины вызывала в Абхазии сильные и продолжительные волнения, всегда оканчивавшиеся успехом и победой женщины. Все сказанное нами относится к женщине привилегированного сословия. Она выполняет религиозные обряды, принимает участие в общественных делах, руководит ночными набегами, – одним словом, она вполне равноправна с мужчиной. Женщина же низшего сословия более ограничена в правах: семейная жизнь – вот круг ее деятельности. Так как характерные особенности типа абхазской женщины резче проявляются именно в женщине-аристократке, то мы проследим за последней, как в частной, так и общественной жизни.

Прежде всего, мы должны коснуться системы воспитания, которая представляет здесь весьма характерные особенности. Женщина привилегированного сословия сама не кормит и не воспитывает ребенка: последнего отдают кормилице, у которой он остается лет до 7 – 8, а подчас и до 10-ти. С этого возраста ребенок переходит уже в дом своих родителей. Но воспитание его считается уже оконченным, – –он или она начинает жить самостоятельной жизнью. Мы не будем здесь подробно рассматривать причины, породившие такой именно способ воспитания, заметим только, что он вызван чисто политическими соображениями.

Высший круг, становясь как бы в родственные отношения к низшему сословию, тесно сближается с последним; в свою очередь, низшее сословие приобретает в лице влиятельных особ надежных покровителей. Очень часто отдают детей на воспитание какому-нибудь соседнему племени, чтоб таким образом иметь в лице его верного союзника. Можно объяснить это влияние еще тем, что абхазская женщина сильно заботится о своей внешности, поэтому она старается избегать всего того, что может испортить цвет ее лица и вообще ускорить наступление старости.

Лишь только ребенок рождается, кормилица берет его к себе в дом. Интересы ребенка до того близко принимаются к сердцу, что во все время кормления грудью, которое продолжается иногда до 7-ми летнего возраста, кормилица не имеет сношений с мужем; последний свято соблюдает этот обет, так как в случае, если жена его очутится в интересном положении, им придется вернуть ребенка родителям прежде времени и порвать, таким образом, с ними связь. Кормилица прилагает все усилия к тому, чтобы питомица ее приближалась к идеалу совершенства. Этот идеал для женщины заключается в том, чтобы она умела пленять своей красотой, манерами, ловкостью в движениях. Затем, чтобы у нее были маленькие ножки, тонкая, стройная талия, черные, тонкие брови, высокий лоб, длинные густые волосы, прямой нос, нежный цвет лица, длинные, тонкие пальцы. Для достижения этого, кормилица потребляет различные средства; например, для того, чтобы у питомицы были маленькие ноги, ей надевают с самого дня

рождения особые туфли, которые не позволяют ноге расти. Стройная талия достигается тем, что ребенку надевают узкое платье, стягивающее туловище не хуже европейского корсета. Кроме того, княжеская дочь должна уметь шить, вязать и вышивать. Необходимую составную часть воспитания составляет также обучение игре на инструментах. Молодые люди, без различия пола и состояния, обязательно должны уметь играть на чонгури (балалайка)42 или чианури (нечто вроде альта)43, а также петь. Обращается внимание и на то, чтобы молодые люди умели изысканно и цветисто говорить. Всю эту премудрость девочка изучает у кормилицы, в родительском же доме она совершенствуется. Здесь с нею живет обыкновенно ее молочная сестра, с которою она разделяет, несмотря на разницу в общественном их положении, все свои сокровенные мысли и которая, в свою очередь, посвящает ее в различные тайны женского кокетства. В отношении последнего абхазской женщине надо отдать пальму первенства пред женщинами других национальностей. Нигде искусство пленять сердца не доведено до такого совершенства, как здесь. Каждый шаг. каждое слово абхазской женщины рассчитано на кокетство. Она кокетничает перед мужем, сыном, братом, кокетничает перед чужими. Вот, не угодно ли послушать разговор, происходящий чуть ли не ежедневно между молодой княжной (лет 10-ти) и ее молочной сестрой:

− Дорогая Эсма-Ханум (так зовут княжну), ты хочешь быть прекраснее всех женщин?

− Да, я хочу, чтобы лицо мое было бело.

−Так послушай меня, радость ты моя! Вот что ты должна сделать: возьми живого серебра и крепкой водки, вскипяти хорошенько, дай отстояться, промой соленой водой, пока не получится чистый осадок. Помажь последним лицо, и оно будет у тебя бело. Если хочешь, чтобы кожа на твоем лице была нежна, ты должна взять зерен свежей, незрелой кукурузы, помять их, выжать сок и выставить последний на солнце. Получится крахмал, которым надо смазывать лицо на ночь. Для того, чтобы уничтожить веснушки и загар на лице, лучше всего употреблять дикую сливу, которую надо кипятить на воде и во время этого кипячения снимать пену, которая обладает свойствами кислоты; помажь этой пеной лицо и, будь уверена, что всякие веснушки и загар исчезнут с твоего лица.

− Благодарю тебя, моя дорогая! Но скажи, что мне делать, чтобы у меня были: высокий лоб, тонкие, черные брови, и чтобы у меня не было на лице волосков и бородавок?

−огу и в этом помочь: возьми для этого, и здесь следует целый ряд советов, которые мы не станем выписывать, так как из них можно было бы составить целую книгу и издать ее под заглавием: «Тайны дамского туалета», или же, по крайней мере, послать г. Герману Гоппе, для помещения в виде особого приложения к его известному сочинению «Хороший тон».

АЛЫТАИР

– А как мне быть, если мужчины узнают о том, что я проделываю все это?

– Не бойся, ненаглядная моя! Они тоже часто прибегают к различным средствам. В старости мужчины красят себе волосы, усы и бороду, Я сама все это видела и отлично знаю их секреты.

Таким образом, коварное, всюду проникающее и все подмечающее женское око находит оправдание своему кокетству в том, что и бородатая половина рода человеческого не чужда этой слабости. При самых трудных обстоятельствах жизни абхазская женщина является. прежде всего, женщиной; забота о том. чтобы нравиться у нее всегда на первом плане. Какое бы сильное горе у нее ни было, никогда муж не увидит ее неодетою; точно так же никогда не узнает он, что жена его в интересном положении. В последнем случае, заботы ее о внешности усиливаются. Если муж и догадается об истине, он ни за что не оскорбит чувств своей жены и до последней минуты не будет подавать виду, что ему все известно. Является ли в абхазское семейство гость – за обедом, по существующему обычаю, ему, как и всем остальным, дают мыть руки, при этом полотенце всегда держит самая красивая дочь хозяина: она хочет поразить гостя своими прелестями. Если он остается ночевать, она снимает с него сапоги и платье. Нередко в такие минуты гость делает хозяйской дочери предложение, но в такой утонченно-вежливой форме, что та и не подумает оскорбиться.

Абхазская девушка любит развлечения, и она не пропустит ни одного воскресенья, чтобы не пойти на поляну, где собираются молодые люди обоего пола, без различия состояния. Здесь царит полное веселье, звучный, беззаботный смех оглашает окрестность. Здесь происходит игра в мяч, танцы, пение. Никто так кокетливо не танцует, как абхазская девушка. В быстроте и легкости движений с нею могут сравниться разве только серна и газель. Танцуют обыкновенно попарно: мужчина и женщина. Последняя старается утомить первого, и если это ей удастся – что бывает нередко – ее прославляют в стихах и такая искусная танцовщица скоро находит себе жениха. По окончании танцев, молодые люди становятся вкруговую, причем каждая девушка имеет около себя по кавалеру. Здесь начинается хоровое пение и пляски, а также разговор в стихотворной форме, причем все присутствующие делятся на две партии и каждая из них старается перещеголять другую в остроумии и наход-чивости (этот род развлечения довольно распространен среди грузин; так, например, в Кахетии некоторые доходят до такого совершенства, что в состоянии несколько часов подряд говорить стихами).

Неправда ли, если сравнить абхазскую женщину хоть, например, с закавказской татаркой или армянкой (в Эриванской и Елисаветопольской губ.), то нас должна поразить резкая разница между ними в отношении свободы, которою пользуются те и другие. В то время, как последние даже

перед десятилетним мальчиком прячут свое лицо под покрывалом, первая смело и открыто является всюду, где есть мужчины. Даже больше: абхазская женщина умеет владеть оружием, так как мужья, отправляясь за добычей, оставляют дом на попечение своих жен, и эти последние обязаны защищать его в случае какого-нибудь нападения. Нередко женщина сопровождает мужа в ночных набегах, поэтому ее с малых лет приучают к верховой езде. В Абхазии часто можно встретить ночью женщину, у которой голова закутана в башлык; она одета в черкеску и вооружена с ног до головы. Она сидит на бешеной лошади и несется во всю прыть. Ее сопровождают лучшие всадники. Переехать вплавь реку, проехать без устали стоверстное расстояние, ограбить кого-нибудь, поджечь дом, взять кого-нибудь в плен и, в случае необходимости, вступить в рукопашный бой – все это составляет привычное ее занятие. Таким образом, мы видим в абхазской женщине оригинальное сочетание необыкновенной женственности с отвагой, энергией, удалью, ухарством, – качествами, которые мы привыкли считать присущими одним только мужчинам. Затем, тогда как осетинская женщина не может быть даже свидетельницей на суде (народном), так как показаниям ее не дается никакой веры, посмотрите, с каким почетом относятся абхазские судьи к женщине и с каким уменьем, с какою самоуверенностью отстаивает последняя правоту своего дела. Если мужа нет дома, а в суде назначен разбор дела, жена садится на лошадь, берет провожатых и отправляется на суд. Какой бы шум здесь ни происходил, при ее появлении водворяется мертвая тишина. Судьи почтительно преклоняют пред нею головы. Она начинает говорить. Говорит она чудесно. Начинает она с того, что хвалит судей, их честность, справедливость; потом высказывает сожаление, что муж ее не мог явиться, и просит разрешения защищать ей свое дело. Молчание судей служит ей утвердительным ответом. Она выпрямляется и начинает опять расточать во все стороны похвалы. Заметив, что она расположила в свою пользу судей (о женщины! Кто осмелится оспаривать у вас преимущество в знании человеческого сердца. Достаточно вспомнить из истории гречанку Фрину, ослепившую своими атурами преклонных старцев), она незаметно переходит к своему делу и с необыкновенной убедительностью излагает все доводы, говорящие в ее пользу. По окончании речи, она обращается к своим свидетелям и спрашивает: – Не так ли я говорю, друзья?

– Да, да, – говорят хором свидетели, а за ними и все присутствующие.

– Вы изволите говорить правду, совершенную правду, – повторяет громко вся публика, затем дается слово противной стороне, но впечатление, произведенное первой речью на судей таково, что в большинстве случаев наша героиня выходит из суда победительницей.

Нам остается еще рассмотреть женщину, как жену. В условиях брака у данного народа всегда выказывается взгляд его на женщину. В Абхазии для вступления в брак, прежде всего, требуется взаимная любовь, – о при-

АЛЫТАИР

нуждении здесь и речи нет. Молодые люди следуют привязанности сердца. Читатели, а в особенности читательницы легко угадают, каким условиям должен удовлетворять молодой человек, чтобы он мог понравиться абхазской девушке. Мало того, что ему надо быть головорезом, он должен быть умен, находчив, красноречив, в высшей степени вежлив и пр. Хотя жених обыкновенно похищает невесту и за ним устраивается погоня, но это – одна лишь кукольная комедия, так как родители невесты отлично знают, кто и когда должен похитить их дочь. Приезд жениха с дорогой добычей в дом составляет здесь целое событие; всё и все принимают праздничный вид; невесту осыпают подарками и окружают всевозможными заботами; помещение для неё заранее уже приготовлено. Среди абхазцев есть христиане и магометане; но как у тех, так и у других, никакого обряда, узаконящего брак, не совершается. Раз невеста вступила в дом жениха, она этим уже делается его женой. Когда православный священник уговаривает супругов, проживших много лет, совершить таинство брака по христианскому обычаю, он слышит в ответ: «Церковный брак будет только связывать нас. Теперь мы во всякое время можем разойтись, тогда же этого нельзя будет сделать. Ведь прожили же мы двадцать лет вместе, хотя не венчались в церкви?». С первого же дня молодая жена делается полновластным членом семьи. Она старается только заслужить всеобщую любовь: с почтением относится к родным своего мужа, делает распоряжения и сама работает по хозяйству, но так, чтобы ни один посторонний глаз не застал ее за работой. Она ложится позже, встает раньше всех. Она отличается чистоплотностью и аккуратностью. Кроме того, она является покровительницей и защитницей всех угнетенных; ее осаждают просьбами, и она не отказывает в своей помощи, с прислугой она ласкова донельзя. Ее часто посещает бывшая ее кормилица с детьми, дружественные отношения с которой сохраняются у нее в продолжении всей жизни. Мужа она окружает любовью и почтением. Но она не выносит высокомерия с его стороны. Если последнее переступает границы, она берет свое приданое и уходит в родительский дом или к кормилице и оттуда уже требует развода и обеспечения. Ей нечего бояться.... За нее вступается вся ее родня, все знакомые, и если муж не даст ей полного удовлетворения, ее сторонники мстят за нее, причем не брезгают ни убийством, ни поджогами, ни прочими видами преступлений. В таких случаях женщина прибегает также к народному суду. Она не боится клеветы, если бы такую навели на нее; она сумеет очистить себя от грязи, которою ее хотят запачкать. Свидетелями являются ее многочисленные сторонники. Суд с большим вниманием выслушивает стороны, и горе мужу, если он окажется неправ. Взгляните на суде на оскорбленную жену, на ее гордую, величественную осанку, на ее молниеносный взгляд. Речь ее льется серебристою струей. Из спокойной, любящей жены она превращается в олицетворение грозной Немезиды. В кармане у нее спрятаны нож, бритва, револьвер или другое какое-нибудь оружие, и не дай бог, если судьи не выслушают дело до конца. Она требует не милости, а справедливости; она сумеет подчиниться решению суда, если даже оно будет не в ее пользу. Повод к разводу может подать и жена, хотя и против своей воли, – это в том случае, если она бездетна. В таких случаях развод совершается без огласки и без неприятностей. В случае, если такая жена пожелает почему-либо остаться в дому мужа, ей позволяют это, но она должна уже уступить первенство своей преемнице, которая обыкновенно вскоре появляется. От жены не требуется, как у осетин, обязательное рождение одних мальчиков. Абхазцы с покорностью переносят волю судьбы, хотя и у них... мальчикам отдается предпочтение.

Можно еще сказать разве несколько слов о том, какова бывает абхазская женщина в несчастье, в случае, например, смерти близкого человека. Здесь в этом отношении мы видим то же, что у остальных восточных народов: женщина рвет на себе волосы, царапает себе до крови лицо, бьется головой о стену, причитает и рыдает не переставая. Все посетители делают почти то же самое.

Такова абхазская женщина в области действительности; но есть еще область, в которой женщина фигурирует у каждого народа, не вполне вышедшего из первобытного состояния, – мы говорим про суеверие. В этой сфере здесь встречается два типа женщин: ведьмы и русалки. Первыми считаются почти все дряхлые старухи, но в эту категорию женщин попадают подчас и молодые представительницы прекрасного пола, если они проявляют качества далеко не прекрасные. Всякое несчастие, всякая эпидемия, эпизоотия и пр. приписываются обыкновенно этим существам. Прием для обнаружения ведьмы, употребляемый здесь, ничем не отличается от приема, практикуемого в тех же случаях другими народами: подозреваемую в сношениях с нечистой силой бросают в воду, и если она не пойдет ко дну, она этим явно выдает себя, и с нею расправляются тогда очень круто.

Русалка, в воображении абхазцев, более привлекательна, чем ведьма. Она обладает поразительной красотой, у нее роскошные, каштанового цвета волосы и чудные глаза. Но она не обладает такими губительными качествами, как русалки других национальностей, и более снисходительна, чем эти последние, к своим жертвам. Она всегда назначает срок сожительства с нею и если красавец, прельстивший ее сердце, не соглашается, она уменьшает этот срок до минимума. В продолжение этого срока она наделяет любимого человека всеми благами: делает его необыкновенно сильным, дает ему денег, лошадей и пр., так что все это время он катается, как сыр в масле; но как только назначенный срок минует, несчастный начинает худеть и испытывать всевозможные бедствия. Потому абхазцы избегают встреч с «водяными девами».

Из сказанного читатели могли видеть хорошие и дурные стороны абхазской женщины. Такова она была, по крайней мере, в весьма недавнее

АЛЫТАИР

время. Теперь же, с проникновением в самые глухие дебри нашего края света цивилизации, тип этот стал изменяться, отчасти в хорошую сторону, но в то же время стал утрачивать некоторые симпатичные черты.

В. Чернявский

Газ. «Кавказ». 1885, № 62.

3.135 Чарая П. Абхазия и абхазы (Этнографическое описание).

1888 г.

Мы хотим по возможности описать действительную и истинную жизнь Абхазии; это нелегко. По причине географического положения Абхазии жизнь абхазского племени сегодня не та, какой была десять лет назад. Уже не говоря о том, что во время последней войны часть абхазов вынуждена была переселиться в Турцию, откуда и половина их не вернулась. Некоторые рассеялись по разным сторонам. Поэтому абхазская нация настолько уменьшилась по численности, что сегодня она не составляет и четверти того, что было когда-то. Раз по воле судьбы народ уменьшился, выселился кто куда, рассеялся в разные стороны, то у абхазов свои нравы, привычки, вера и в целом уклад и обычаи изменились и исчезли постепенно.

Если учесть также самоотверженные действия сегодняшних священников, их деятельность по распространению и пропаганде учения Христа среди абхазов, и к этому добавите влияние так называемой цивилизации и просвещения вообще, легко догадаться, что в Абхазии если не сегодня, то завтра многого не увидим из того, что видели когда-то...

Абхаз – среднего роста, худощавый, смуглый, черноволосый, чернобровый, черноглазый, выражение глаз немного дикое и печальное... Природой довольно богато одарен способностью и красотой.

Абхаз – вспыльчивый, быстрый, горячий, горячего нрава, самолюбивый, малейшее, что покажется ему бесчестным, может вызвать гнев его и без того вспыльчивого и горячего духа; он грациозный и проворный как газель... Абхаз ни перед кем не склонил голову и никому не показал спину в древности...

Абхаз до самозабвения любит свою действительно прекрасную страну и, как сказал поэт, готов заявить: «Не поменяю я свою родину на рай чужой страны».

По понятию абхаза, лучше чем Апсны нету страны в мире. «Боже, сохрани Апсны» – постоянно звучит в устах абхаза и в радости и в горе...

Свою родину абхазы называют Апсны. Название состоит, на мой взгляд, из следующих слов: апсуа – «абхаз» и ан – «мать»; апсуа ан – Апсны, мать – родина абхаза. Абхазия...

П. Чарая

Газ. «Иверия». 1888, №№ 165, 167 (на груз. яз.)

3.136 Гукасянц Л. Поземельное дело в Сухумском округе.

1895 г.

Раньше, чем приступить к поземельному вопросу в округе, необходимо сказать несколько слов об Абхазии и о сословном составе её населения. Приняв русское подданство в 1810 году, владетельный князь Абхазии продолжал до 1864 года править своей страной по народным обычаям и изустным законам, под главным надзором русского правительства. В 60-х годах в Абхазии происходили несколько раз беспорядки, которые усмирялись русскими войсками. В 1864 году в Абхазии было введено русское правление, причем вся земля была объявлена казенною и после того распределялась по усмотрению правительства. Все абхазцы разделялись на следующие сословия[1]: 1) тавады – князья, 2) амиста – дворяне, 3) ашнахума – телохранители владетеля, 4) анхао – крестьяне и 5) агруа – рабы.

Тавады – князья – считали в своих рядах богатых и бедных; первые владели большими поместьями, причем имели в зависимости даже дворян, а вторые зависели всецело от милостей владетеля. Все они не платили никаких податей владетелю, но обязаны были повиноваться ему и являться в случае необходимости для его защиты.

Амиста-дворяне – делились на две категории: владельческие и княжеские. Первые владели населенными имениями и пользовались доходами не только со своих земель, но также частью доходов своих крестьян. Они должны были являться по приказанию владетеля для суда и защиты. Дворяне же княжеские обязаны были доставлять часть своих доходов князьям.

Ашнахума – телохранители владетеля – суть крестьяне родовых уделов владетельного князя; они пользовались почти одинаковыми правами с дворянами, иногда владели крестьянами и составляли почетную стражу владетеля.

Анхао-крестьяне – разделялись на две категории: владеющие землей и не владеющие; первые обязаны были доставлять часть доходов владельцу, не неся при том личной службы, а вторые должны были обрабатывать землю помещика, который в свою очередь наделял их землей. Крестьяне могли иметь рабов, сами не подлежали телесному наказанию и могли судиться со своими владельцами, за нанесенные обиды.

Агруа – рабы – составляли полную собственность владельца, который имел над ними неограниченную власть. Он мог их менять, как вещь, по собственному желанию. Но по укоренившемуся обычаю, рабы обыкновенно обязаны были работать три дня в неделю на своего владельца, а остальные дни они работали на себя. Сословие рабов составлялось из арабов, беглых мингрельцев, пленных горцев и т. д. Из сказанного видно, что Абхазия имела феодальное устройство.

[1] Описание сословий в Абхазии мною заимствовано из статистического описания кутаисского военного губернаторства, составленного в 57 году военным генеральным штабом.

АЛЬТАИР

После введения русского правления, в Абхазии в 70-х годах были изданы положения о поземельном устройстве жителей Абхазии, работы по которому были начаты до войны, но были прекращены по случаю ее. После войны пришлось изменить и дополнять положения 70-х годов, так как часть абхазцев изменила России во время русско-турецкой войны и перешла на сторону Турции. Поземельное устройство, исподволь продолжавшееся после войны, до сих пор еще не закончено.

До наделения землей абхазцев, правительство их разделило на два сословия: привилегированное и непривилегированное или крестьянское. К первому сословию были отнесены: тавады и амиста, а ко второму: ашнахума, анхао и агруа. Таким образом, благодаря этой реформе, в Абхазии было уничтожено крепостное право и рабство, чем была устранена эксплуатация крестьян и рабов привилегированными сословиями.

Наделение землей абхазцев всех сословий происходило следующим образом. Наследникам владетельного князя отводилось от 2 до 4 тыс. десятин прекрасной земли в прибрежной полосе. Главе дыма княжеского отводилось 50 десятин земли, а остальным членам по 25 десятин. Главе владельческих дворян – амисте отводилось 30 десятин земли, а остальным членам по 15 десятин. Главе дыма княжеских дворян отводилось 25 десятин земли, а остальным членам по 10 десятин.

Земельные наделы таких размеров получали в полную собственность те члены вышеприведенных сословий, которые во время войны не изменяли России; изменивших же наделяли следующим образом; главе дыма княжеского отводилось 35 десятин земли; а каждому следующему по 20 десятин; главе дыма дворян владельческих отводилось 25 десятин, а каждому следующему члену 15 десятин; главе дыма дворян княжеских отводилось 15 десятин, а каждому следующему члену по 10 десятин. Члены привилегированного сословия получали отведенную им землю в полную собственность, т.е. на праве частного землевладения.

Крестьяне же были наделены землей на правах общинного землевладения в следующих размерах: на дым, состоящий из одного члена, отводилось всего 3 десятины земли; от 2 до 3 членов – отводилось 5 десятин; от 4 до 5 членов – 6 десятин; от 6 до 7 – членов – 7 десятин и т. д. Таким образом, среди крестьянского населения, впервые было введено общинное землевладение. Благодаря тому, что крестьянское население не было знакомо с этим видом землевладения, во время раздела земли между ними получились некоторые нежелательные результаты, которые идут вразрез с принципом общинного землевладения. Сильные элементы деревни, во время раздела земли между собою, брали себе участки лучшие и больших размеров, а слабым членам деревни оставляли участки худшие и меньших размеров. Сплошь и рядом можно слышать от абхазца, что его сосед владеет 10 – 15 десятинами земли, а он или другой и трех десятин не имеет, хотя

членов в его семье больше, чем у того. Как видно, передел земли вовсе не практикуется в Сухумском округе. Для урегулирования земельных наделов среди крестьян желательно было бы произвести передел земель теперь же и повторять его через известные определенные сроки под непосредственным руководством мирового посредника и администрации, присутствие которых может удержать хищнические наклонности деревенских кулаков.

Только тогда этот новый для абхазцев вид землевладения даст свои положительные результаты. Удовлетворив земельными наделами коренных жителей округа, правительство часть свободных земель распределило следующим образом:

Для поселения переселенцев
в гудаутском и гумистинском участках – 23200 дес.
Трем монастырям – 3390 дес.
Городу Сухуму – 4000 дес.
Местечкам Очемчиры и Гудауты – 1200 дес.
Чиновникам Сухумского округа и другим лицам по 30 десятин – 1200 дес.
55 чиновникам военного и гражданского ведомства за действия по округу – 33200 дес.
Всего: 66290 дес.

Теперь интересно проследить, насколько умело воспользовались лица и учреждения своими надельными земельными участками? Как я уже говорил, 23200 дес. земли были отведены под 28 вновь организованные селения с 1752 дымами и населением 7440 человек. На один дым в среднем приходится 13,2 десятин, а на одного сельского человека 3,1 десятин. Надо заметить, что часть земель была неудобна для сельскохозяйственной культуры. Переселенцы пре-красно выполнили возложенную на них задачу; они уже значительную часть своих земель расчистили из-под леса, кустарника и папоротника, и довольно хорошо устроились. Следовательно, своими надельными землями воспользовались умело и с большой пользой для себя и округа.

Монастыри, получившие надел 3390 десятин земли, также расчистили землю и ведут довольно хорошо свои хозяйства, в особенности Афонский монастырь, который является культурным центром в сельскохозяйственном отношении среди Абхазии. Город и местечки дают свои участки в аренду и полученные деньги употребляют на свои нужды; часть земель они отвели школам. О сорока лицах, получивших по 30 десятин земли, я уже подробно говорил в статье «Переселенческое дело в Сухумском округе». Они сами не занимаются хозяйством и эксплуатируют свои участки, как умеют, 55 чиновникам военного и гражданского ведомства было отведено 33200 десятин земли, хотя довольно значительный % этих земель не пригоден для сельскохозяйственной культуры. Правительство, отводя эти земли, возлагало на них большие надежды, рассчитывая на серьезный подъем сельского

АЛЫТАИР

хозяйства округа. В проекте, предоставленном на усмотрение правительства, говорилось, что только эти господа своими будущими благоустроенными хозяйствами могут с пользою для округа утилизировать эти культурные земли и не дать им одичать. Минимальный размер надела был допущен в 10 десятин, а максимальный в 7440 десятин. В среднем на человека приходилось 605 десятин. Эти господа, к сожалению, не оправдали ожиданий правительства и не только не подняли сельского хозяйства в округе, а, напротив, способствовали одичанию довольно культур-ных земель, которые оставили абхазцы. В последнее же время они значительно высокими ценами на землю и арендными платами положительно тормозят развитие сельского хозяйства в округе. Ценность земель в последние годы значительно поднялась благодаря тому, что в округ переселяется масса армян и мигрельцев, не имеющих в округе наделов, но нуждающихся в земле. Цена десятины хорошей земли 10 – 12 лет тому назад доходила до 10 – 20 руб., а теперь она поднялась до 80 – 100 руб. Лет 12 тому назад бывший начальник округа Введенский продал отведенный ему участок в 380 десятин кутаисскому аптекарю Битушинскому за 8 тыс. руб.; а в 92 году пе – реселенцы-армяне купили от последнего этот участок за 32 тыс. руб. – ровно в четыре раза дороже. Таким образом, посредством наделения землей 55 чиновников в округе был создан класс землевладельцев, которые с сельским хозяйством не имели ничего общего. Часть этих господ продала свои участки, а остальные владельцы терпеливо ждут выгодных покупателей или арендаторов, которые постепенно являются, в силу существующих условий.

Из этого краткого обзора видно, что землевладельцы последней категории ничего хорошего не внесли в жизнь округа в сельскохозяйственном отношении, напротив, некоторым образом тормозят естественный ход развития сельского хозяйства, потому что сами не занимаются им, не дают возможности заниматься другим. Желательно было бы, чтобы правительство покупкой у этих лиц отобрало обратно отведенные им земли и наделяло их землей крестьян, так как эти земли лежат большею частью непроизводительно и с каждым днем все более теряют культурность, т.е. покрываются папоротником, кустарником и лесом. Для полноты обзора поземельного дела в Сухумском округе, считаются нелишним привести распределение всех земель округа, представив его для наглядности в виде следующей таблицы.

Из таблицы распределения видно, что казна является самым крупным землевладельцем в округе, но, к сожалению, ее земли лежат вне культурной полосы и поэтому не могут быть отведены под поселения. Второе место занимает крестьянское землевладение, третье частновладельческое и, наконец, последнее – разных учреждений.

Л. Гукасянц

Газ. «Кавказское сельское хозяйство». 1895, № 78,79.

3.137 Агич и Акуч (К вопросу о разбоях).

1897 г.

Агич. В Абхазии для воров существует два названия: «агич» и «акуч». Агич – по понятию народа – это герой, деяния которого заслуживают удивления и похвалы, а не порицания.

Акуч – это мелкий воришка, не стоящий внимания порядочного человека и не способный на подвиг агича.

Агич служит для молодежи примером, достойным подражания. Девицы мечтают выйти замуж за агича, как за героя, достойного любви.

В ранг агича возводится тот, кто ловко скрыл доброго коня или украл девушку.

Когда одного молодого, статного, красивого абхазца И., подозревавшегося в уводе дорогой лошади К., некто имеющий власть стал упрекать в этом поступке и грозил предать его суду, как гнусного вора, и во всяком случае прекратить с ним всякое знакомство и не подавать руки, если даже преступление формально не будет доказано, то молодой И., вытянувшись во весь свой статный рост и гордо откинув назад свою красивую голову, воскликнул: «Начальник, о чем вы говорите, я хорошо не понимаю, а главное – зачем грозить мне. Помилуйте, ведь я не курицу украл, а отличную лошадь, которую хозяин охранял, как глаз свой. Правда, К. лишился лошади, зато я приобрел славу, а вы говорите со мной, как будто бы я какой – нибудь акуч».

Вот как, согласно с воззрением народа, смотрят на себя и сами агичи.

Такое воззрение абхазцев сходно с воззрением чеченцев, кабардинцев, осетин и татар Закавказья.

Карательные меры против воров-агичей, деяния которых означенными народами считаются геройскими поступками, как известно, применяются с давних пор. В лучшем случае меры эти сводят агича со сцены лишь на некоторое время (заключение в тюрьме, ссылка), а в большинстве приводят к тому, что агич, скрывшийся от суда или убежавший с места ссылки, становится абреком, т.е. более или менее опасным разбойником, которому население покровительствует отчасти из боязни, а отчасти из уважения, как к герою, пострадавшему по непонятным этому населению причинам. Стало быть, несмотря на карательные меры, воззрения на поступки агича остаются в прежней силе и по-прежнему служат причиной появления абреков, а потому ясно, что нужны какие-либо действия, направленные и против этой причины или против существующего воззрения на поступки агичей.

Но всякое воззрение – то же, что религиозное чувство, и, следовательно, будучи почти столь же устойчивым, как это последнее, оно может быть побеждено лишь силой другого, лучшего воззрения. Поэтому наиболее успешными мерами для борьбы с воззрениями упомянутых народностей будут те известные меры, которыми обыкновенно сопровождается просвещение народа, т.е. школы и политическое воспитание.

АЛТАИР

Оставляя вопрос о заведении школ такой, который никакого возражения не может вызывать, скажем несколько слов о политическом воспитании.

Воспитание это состоит из привития народу тех или других идей, а что оно возможно – доказывает история еврейского народа, ибо народ этот во время блуждания своего в аравийских пустынях постепенно проникался гениальными политическими и религиозными идеями Моисея и, наконец, до такой степени сроднился с ними, что стал носителем их, быть может, на вечные времена. На такое воспитание Моисей, как известно, употребил сорок лет, и лишь после того евреи были введены в обетованную землю. Примером прочного политического воспитания из других древних народов могут служить персы, афиняне, спартанцы и римляне до междоусобных войн. Прочность политического воспитания в Китае доказывается многовековым существованием этого государства. Вообще политически более или менее воспитывается каждый народ, прочность же воспитания зависит от большей или меньшей силы привитых ему идей и от степени их проникновения в сознание народа. Поэтому народ с непрочным политическим воспитанием легко воспринимает другие идеи и, следовательно, легко поддается перевоспитанию, и наоборот.

Наши кавказские народы, татары, чеченцы, кабардинцы, осетины, абхазцы, из которых некоторые исповедуют магометанскую религию, а другие какую-то смесь магометанства с христианством и язычеством – (осетины и абхазцы), в том политическом смысле, о котором мы сказали, почти никакого воспитания не получили. Это – обособленные физическими условиями страны племена, из которых каждое питается лишь какими-то обрывками религиозных идей и руководится обычаями в случаях своей несложной жизни. При таких данных воззрения этих народов покоятся лишь на личном эгоизме; вот почему дух молодечества ставится ими выше всего, и на этом основании агичи и разбойники считаются народными героями. Тем легче, поэтому начать политическое воспитание этих народов и благополучно окончить его, ибо нет никакого сомнения в том, что эти воззрения не могут устоять при встрече с воззрениями нашего правового порядка. Но если воспитание отдельного человека поручается лицу, знающему свое дело, тем более воспитание какого – нибудь народа должно быть вверяемо лицам, не только способным внушить к себе уважение, но и глубоко проникнутым идеями нашей гражданственности. Нет также никакого сомнения в том, что при нашей системе управления ближайшими к означенным народам Кавказа лицами являются обличенные той или другой властью чины нашей администрации и что политическое воспитание этих народов в сущности направляется и должно направляться этими чинами. А потому очевидно, что для успеха дела весьма важно, чтобы каждый, даже самый малый чин полиции, вполне удовлетворял своему назначению, – иначе воззрения нашей высшей администрации не только не проникнут в

сознание народов Кавказа, но получат превратное толкование, которое в свою очередь будет питать вредные для нас образы мыслей. Разумеется, огромное влияние на политическое воспитание народа имеют и суды и судьи, как проводники идей правды и справедливости. Поэтому, конечно, и суды и судьи, должны быть достойны своей высокой роли.

Этими, в сущности известными мерами и некоторыми, менее важными, только и возможно побороть и искоренить означенные воззрения кавказских народов.

* * *

Акуч. Зло, причиняемое другого рода ворами, т.е. акучами, «не так большой руки». Оно обыкновенно состоит в краже уздечки, седла, бурки, ружья, плодов, домашних вещей и пр. Но это зло при обличении акуча почти всегда влечет за собой ссору и драму, а затем ужасное кровомщение, или, по-татарски, канлы, между родичами акуча и родичами потерпевших от него, если последнее печальное явление не будет предупреждено своевременными основанными на обычаях мерами.

Поясним это бывшим в действительности примером. Два молодых абхазца заложили в реку по сапетке, какие употребляются здесь для рыбной ловли (это сплетенная из хвороста конусообразная корзина, широкое отверстие которое заделывается сильно выгнутым дном, сплетенным также из хвороста; в такую сапетку, укрепленную в реке своею широкою стороною против течения воды, рыба входит легко, но выйти из нее она уже не может, так как встречает препятствие в описанном дне сапетки. На другой день утром один из этих абхазцев, осмотрев свою сапетку и не найдя в ней рыбы, полюбопытствовал осмотреть и другую сапетку и так как в этой последней оказалась рыба, то он, недолго думая, сапетки переместил одну на место другой, благо они ничем по работе одна от другой не разнились. Но эту проделку акуча увидел хозяин своей сапетки, и вот между ним и акучем немедленно завязалась ругань, а затем и драка, во время которой акуч ударил своего противника кулаком по лицу, а этот последний в свою очередь, выхватив кинжал, поранил акуча в лицо. На крик и шум дравшихся быстро сбежались родичи и того и другого абхазца, которые дравшихся друг от друга оттащили. Но не успели родичи принять обычных мер к предупреждению последующих событий, как случились обстоятельства, которые помешали принятию этих мер, а именно: молодые люди были примирены, но не по своему обычаю, а по нашему закону. Такой мир никто не счел за окончание возникшего дела, и вот вскоре на одном из свадебных пиршеств, когда вино значительно отуманило головы пирующим, отец акуча, вскочив со своего места, с криком набросился на того молодого абхазца, который поранил его сына и, обнажив кинжал, в мгновение ока отрубил ему нос. В то же мгновение, как по мановению волшебного жезла, родичи обеих сто-

АЛЫТАИР

рон, образовав два враждебных лагеря, выхватили кинжалы и револьверы, и за ужасным криком можно было разобрать лишь слова: «бей и стреляй». Свадебное торжество окончилось тем, что когда на место явилась полиция, то в комнате валялось четыре человека убитых (раненые были унесены), и тогда же полиция узнала, что весь сыр-бор загорелся из – за того, что примирение между молодыми людьми состоялось не-правильно, – что при драке между молодыми людьми из-за рыбы более оскорблен был подозревавшийся акуча, так как он получил кинжальную рану, а не его противник, которому достался лишь удар рукой, и потому отец первого отрубил нос обидчику, и что дальнейшее кровомщение между родами молодых людей предупредить невозможно. Как бы то ни было, начались дознания и аресты и последствием как этого, так и возгоревшегося мщения оказалось в го-рах Абхазии не менее десяти незаявленных разбойников, которые навели ужас на всю страну.

Вот как проступок акуча может разгореться в опасное кровомщение, а это последнее дать целый ряд убийств и десяток опасных разбойников.

А между тем, дело могло бы окончиться в самом начале обычным весьма оригинальным примирением, а именно: когда случается в Абхазии нечто подобное описанному событию, то родичи той и другой стороны сами избирают почетнейших лиц для суждения о том, кто из дравшихся был больше обижен и кого из них следует обязать исполнить то, что велит в таких случаях обычай. В рассказанном нами случае один парень уличил другого в воровстве, за что и получил удар по лицу. Но и другой не остался не наказанным, ибо был поранен в лицо кинжалом. Родичи пораненного кричали, что они более обижены, потому что пролили их кровь, а родичи другого абхазца вопили, что они обижены, потому что получили удар от акуча, похитившего их имущество.

Разобраться в этом споре нам, по правде говоря, было невозможно, ибо нам трудно уловить те требования, которые основываются на обычаях страны. Но избираемые родичами почетные лица, так или иначе, сообразно каждому случаю, постановляют решение, вся сила которого состоит в том, что не желающий подчиниться ему подвергается презрению всего народа. Обыкновенно такое решение состоит в оценке как нанесенного акучем убытка, так и взаимных оскорблений акуча и противника и затем, независимо от убытков, взысканию которых акуч во всяком случае подвергается, решением определяется, кто кого более оскорбил нравственно и потому должен произнести перед обиженным обычную формулу извинения и клятвы. Тогда оскорбитель, глядя на обиженного, произносит: «если бы ты поступил так со мной, как я с тобой, то клянусь, я бы твой поступок не считал за оскорбление» и подтверждает эту клятву ударом молота по наковальне. Таким извинением обиженная сторона вполне удовлетворяется, и тем дело оканчивается и предается забвению.

Конечно, и рассказанный нами случай также мог окончиться примирением, но, к сожалению, с самого начала случились обстоятельства, помешавшие действию народного обычая и последствия, как мы видели были ужасны.

Поэтому в борьбе с акучами можно, по-видимому, ограничиться созерцанием того, как проявляется в отношении их народный обычай и спокойным ожиданием того времени, когда школа и политическое воспитание поднимут народные понятия до потребности заменить существующие обычаи нашим правовым порядком.

К.Д.

Газ. «Тифлисский листок». 1897, № 294, 295.

3.138 Бернов М. В Абхазии. Дневник русского пешехода. (Извлечение).

1898 г.

Пройдя пешком значительную часть Абхазии, я имел возможность впервые познакомиться с бытом, нравами и обычаями абхазцев...

Абхазские селения тянутся часто на десятки верст; это, собственно говоря, не селения, а отдельные хутора, так как здесь преобладает хуторное хозяйство. Во-первых, что эта за жилища? Так называемые «пацхи», сложенные из хвороста, где в щели дует и где от неугасимого огня, разложенного посреди «пацхи», угарно и дымно. Около этого костра я заставал чрезвычайно интересные группы, просящие на полотно жанриста... Мебели, кроме небольших лавчонок, никакой, но целая коллекция подушек и одеял. Обязательно близ каждой «пацхи» имеется кукурузник («нания»)82, род вышки на столбах, где хранится кукуруза.

Часто вблизи жилища, тут же, шагах в 3-4-х, мне попадались семейные могилы: у абхазцев принято хоронить покойников не на общих кладбищах, а каждая семья хоронит около своих жилищ.

Интересен погребальный обряд абхазцев. Когда у них кто-нибудь умрет, они немедленно извещают родню, друзей и знакомых, созывая их на торжественное оплакивание покойного или покойной. Обыкновенно строится специальный шалаш, в который кладется тело покойного или покойной. Тут же, в шалаше, отдельно выставляется его или ее постель, носильное платье и другие вещи, а с наружной стороны шалаша – лошадь, седло и оружие. Если умерший был холост, то выставляется одна лошадь, если же он был женат, две – одна в честь его, а другая в честь его вдовы. Родственники помещаются сзади покойника, а спереди подходят оплакивающие его: мужчины группами по 4-5 человек в каждой группе, женщины – гурьбой. К мужчинам приставляются особые люди, по два человека к каждому, кото-

АЛЫТАИР

рые ведут оплакивающего, поддерживают его. Оплакивающий ударяет себя по лбу и иногда произносит целую речь; женщины хором голосят «ууу»... На их крик родственники отвечают таким же криком. В заключение устраивается общее оплакивание: гостей ставят в круг, в середину круга вводятся лошади, позади лошадей помещаются родственники; лошадей проводят трижды по кругу, причем все колотят себя руками по голове и кричат.

Поминальная трапеза происходит, пока покойник еще не похоронен; хоронят его обыкновенно под вечер, причем все присутствовавшие усердствуют, кто что может в пользу семьи умершего или умершей. Поминальная трапеза – постная, по покойнику постятся от сорока дней до года. Траур носят от года до трех лет. Вдовы носят траур до другого замужества. Траурными цветами абхазцев считаются: черный, белый и коричневый. Мужчины носят траур в виде коленкорового балахона, надеваемого поверх черкески, женщины шьют себе специальные одежды с подрезанным, наподобие бахромы, подолом платья и приспособленными на такой же манер рукавами. На голове они носят уборы со спускающейся надкромсанной бахромой на глаза, чтобы показать, что она, мол, ни на кого не желает смотреть, так она убита горем. Вообще, абхазцы народ экспансивный и стараются внешне показать таящуюся в их сердцах скорбь; так, например, женщины, оплакивая покойников, вырывают себе из головы пряди волос и расцарапывают себе в кровь лица.

Женщины у абхазцев обязаны оказывать почтение мужчине. Между прочим, абхазские женщины считают за стыд ездить иначе, нежели верхом. Почтение к мужчинам они выражают иногда в весьма странной форме: у них принято в знак уважения к почтенным лицам, к тестю и теще особенно, не разговаривать с этими лицами первые два года замужества. Первые год-два муж никогда не показывается вместе с женой при своих родителях, как и не станет нянчить своего ребенка – он совестится. При рождении ребенка мужского пола у абхазцев, в знак радости, принято стрелять. Похищение молодых девушек – у них обыденное явление.

Абхазцы очень суеверны. Они верят в нечистую силу и, например, во время Успенского поста, чтобы отвратить от себя наваждение этой нечистой силы, срезают дерево, называемое по-ихнему «лакуха», высекают в середине крест, который покрывают маленьким веночком из терня. Есть абхазцы – христиане, есть и магометане. Но и у абхазцев – христиан сохранились прямо-таки языческие обычаи, например, жертвоприношения.

Большим авторитетом в народе пользуются ворожеи, гадающие на лобио (фасоли)83: они выбрасывают на пол 42 фасоли и говорят, что человека ожидает, или почему его постигло то, или другое несчастье, предписывая ему принести в жертву ягненка. Например, заболеет абхазец – он объясняет эту болезнь или тем, что он ложно присягнул, или что его проклял кто-нибудь, и, вместо того, чтобы обратиться к доктору, идет к ворожее. Большую

роль у абхазцев играет присяга; к обычной присяге он относится легко, но ложно присягнуть перед весьма чтимой абхазцами иконой св. Георгия он не решится.

Странная вещь: абхазцы очень боятся кузнецов и часто принимают присягу в кузнице, перед кузнечными инструментами.

В заключение несколько строк об абхазском языке. Это совершенно самостоятельный язык и язык очень трудно поддающийся изучению, так и передача его посредством азбуки какого-либо другого языка. В этом языке встречаются звуки вроде шипения, свиста. Попытка создать абхазскую азбуку до сих пор не увенчалась успехом. Другая особенность языка: большинство существительных по-абхазски начинается с буквы «а». Так человек – аюэ, женщина – аб – хюс, корова – оажь, лошадь – аче, собака – ала, огонь – амца, дом – аюна и т. д.

Слова эти записаны мною приблизительно, насколько можно было уловить их и передать русскими буквами.

М. Бернов

Газ. «Черноморский вестник». 1898, № 54.

3.139 Кровавая месть (Из судебной хроники).

1899 г.

Нигде, кажется, так слабо не развита идея гражданственности в Кутаисской губернии, как в Абхазии, в этом совершенно особом уголке, не родственном другим, населяющим Закавказье, народностям, чуждым им по языку, обычаям и преданиям.

Обычай кровной мести: мстить убийством за убийство, за обиды и оскорбления, часто по совершенно ничтожным мотивам, составляет одно из коренных зол названного уголка, глубоко деморализуя его и препятствуя его правильному развитию на почве гражданских отношений, мешая ему подняться до общего уровня культуры с другими, населяющими Кавказ народностями. Постоянная готовность абхазца с оружием в руках встретить врага или самому напасть, мешает и его мирному течению жизни, и обычным занятиям, которые всегда могут быть нарушены каким-нибудь неожиданным событием, сразу ставящим его в положение хищного зверя, который, таясь и прячась в глухих зарослях лесов днем, выходит ночью на проезжую дорогу, выжидая свою жертву, чтобы удобнее на нее напасть. Для достижения своего кровавого замысла абхазец никогда не вступает в открытую борьбу. Вся цель его сводится к тому, чтобы завлечь врага в лес, в уединенное место и там, из засады покончить с ним. Такой способ мести выработал целый ряд приемов для того, чтобы заставить врага выйти из дому, для этого пользуются всем: то каким-либо романом жертвы, подсте-

АЛЫТАИР

регая ее в часы свидания, ловко ими же самими назначаемого, то совершая для этого у своей жертвы кражу скота, в поисках которой владелец часто попадает в приготовленную для него засаду, откуда метким выстрелом ожидавший его враг кончает счеты со своим обидчиком.

Характерную картину высказанных нами соображений представляют собою выслушанные в истекшем году три дела в выездной сессии Кутаисского окружного суда. Первое из них по обвинению князя Кизилбека Инал-ипа и др. в убийстве братьев Мусы и Хазачи Ахбовых заслушано было 14 апреля, впрочем, Кизилбек Инал-ипа приговорен был к 9-ти годам каторжных работ. Второе дело по обвинению князя Ардашена Шервашидзе, слуги его Ясона Сигуа и др. в убийстве князя Отарбея Инал-ипа и его молочного брата Момсыра Чик-ипа заслушано было 23 октября, причем Шервашидзе и Сигуа присуждены были первый к 8-ми, а второй к 10-ти летней каторге. Об этих двух делах мы своевременно сообщали подробности и содержание обвинений. Третье дело разрешено было 25-го ноября. Преданы суду были тоже князь Кизилбек Инал-ипа (тот самый, что присужден был уже 14 апреля), князь Тамшук Инал-ипа (умерший до суда в тюрьме) и кр. Камшиш Барциц, Консоу Ампар, Абрагу и Пас Ажиба по обвинению их в предумышленном из засады убийстве князя Карамана Инал-ипа и его слуги кр. Ивана Седина. Сущность дела заключается в следующем.

«3 июля 1896 года днем, житель селения Лидзова, Сухумского округа, князь Караман Инал-ипа, ехавший из своего селения в соседнюю Калдохварскую общину, подвергся на дороге нападению злоумышленников, причем в него был произведен выстрел из ружья, но пуля по счастливой случайности попала в кобур висевшего у него на поясе револьвера, причинив лишь легкое повреждение ноги потерпевшему. При допросе на предварительном следствии Караман Инал-ипа показал, что он узнал двух убегавших после выстрела злоумышленников братьев Марчиха и Камшиша Барциц. Потерпевший тогда же высказал убеждение, что поименованные злоумышленники, не имевшие никакой личной с ним вражды, действовали по подговору родственника его и врага, Тамшука (он же Виссарион) Инал-ипа, мстившего ему за разоблачение перед местной администрацией о многих его преступных деяниях. Хотя напуганный описанным покушением Караман Инал-ипа начал принимать большие меры предосторожности при выездах из дому, стараясь по возможности совершать свои поездки морем, тем не менее 26 января 1897 г., врагам все-таки удалось заманить его в засаду. В ночь на означенное число из незапертого сарая потерпевшего была похищена буйволица. Обнаружив утром кражу, Караман был сильно возмущен этим событием, так усмотрел в нем особенное для себя унижение со стороны окружающего населения, никогда раньше не позволявшего себе подобного посягательства на его собственность. Сообщив о случившемся местному старшине, он, не ожидая прибытия последнего, в сопровожде-

нии своего шурина Маркоза Маргания и рабочих Тапиджа Блаб, Михтата Бгежба и Ивана Седина, отправился преследовать похитителей по следам уведенной буйволицы, сохранившимся на берегу моря. Прошли не более версты от дома, как с одного из горных обрывов раздался выстрел, направленный в потерпевшего Карамана. Тот, однако, начал в свою очередь стрелять в скрывавшихся за камнями злоумышленников, пока новый, уже целый залп выстрелов с горы, не уложил на месте как самого Карамана Инал-ипа, так и находившегося ближе других к нему Ивана Седина. Остальные спутники убитых, продолжая отстреливаться, спрятались за камнями и отсюда успели рассмотреть поднявшихся из своей засады и удалявшихся убийц. По удостоверению названных очевидцев происшествия, они узнали Марчиха и Камшиша Барциц, Абрагу Ажиба, Кизилбека Инал-ипа и Консоу Ампар, а по словам Маркоза Маргания, среди убийц был еще кто-то шестой, которого он не успел разглядеть. По прибытии к месту происшествия старшины Селвана Хишба с народом, на верху обрыва, откуда стреляли злоумышленники, был обнаружен труп одного из них, Тапагу Ажиба, очевидно убитого во время перестрелки, так как на голове у него оказалась сквозная огнестрельная рана. На трупе Карамана Инал-ипа при судебно-медицинском осмотре найдены две пулевые раны на виске и в тазовой области, а у Седина такая же рана в брюшной полости. Спустя немного времени после убийства, утром в тот же день Марчих Барциц и брат убитого Тапагу Ажиба, Пас Ажиба, видимо, тот соучастник преступления, которого Маргания не успел разглядеть, приходили на соседние с происшествием пастбища и просили пастухов помочь им отбить труп Тапагу, на что последние не согласились, главным образом, потому, что среди них оказался молочный брат убитого Карамана – Китату Ампар.

Дальнейшим предварительным следствием установлено было, что все упоминавшиеся участники убийства не могли иметь личного интереса в смерти Карамана Инал-ипа; что все они находятся в родстве или очень близких отношениях с влиятельным в своей местности Тамшуком Инал-ипа, что по общему голосу всего населения последнему принадлежал замысел описанного преступления, осуществленного лишь при посредстве подговоренных лиц, и что, наконец, давнишняя вражда между покойным Караманом и Тамшуком Инал-ипа особенно обострилась за последнее время с тех пор, как Караман стал принимать энергичные меры к изобличению Тамшука по делу об убийстве мингрельца Берулавы.

Допрошенный 20 июля 1896 года, как обвиняемый в подстрекательстве к преступлению, совершившемуся 3 июля того же года, Тамшук, он же Виссарион Инал-ипа, не признавая себя виновным, рассказал, что Караман Инал-ипа нарушил добрые с ним отношения лет шесть тому назад, обвиняя его в преступном посягательстве на свою жизнь, что особенно неприязненно он, обвиняемый, начал относиться к Караману с того времени,

АЛЫТАИР

как по доносам последнего попали в административную ссылку его братья Алмахсид и Кизил-бек, и что многими другими поступками Караман восстановлял его против себя, например, похитил дочь его мачехи, а затем, спустя немного времени, бросил ее. При допросе же 18 февраля 1897 года в качестве обвиняемого в подстрекательстве на убийство Карамана Инал-ипа из засады 26 января сего года, Тамшук Инал-ипа, не признавший себя в том виновным, стал утверждать, что он никогда не состоял с Караманом во враждебных отношениях и неудовольствия к нему не питал. В оправдание свое обвиняемый заявил, что в день означенного происшествия он находился в Гудаутах, где и был арестован 27 января участковым начальником.

Отмеченное выше противоречие в показаниях Тамшука Инал-ипа разъясняется удостоверением, что не только во время убийства Карамана, названный обвиняемый, находился в Гудаутах, но за день до происшествия являлся к нему вести переговоры о своем примирении с убитым, а так как искренность такого заявления по обстоятельствам дела представляется положительно немыслимой, то в явке обвиняемого с указанной целью к участковому начальнику нужно видеть хитрую выдумку человека подготовившего совершившееся преступление и надеявшегося таким образом отклонить от себя всякое подозрение. Очевидно, в интересах того способа защиты Тамшуку Инал-ипа пришлось, противореча своим словам при первом допросе и всем данным предварительного следствия, доказывать, что он против убитого Карамана не чувствовал вражды. Из остальных привлеченных к настоящему делу обвиняемых Марчих Барциц остался неразысканным. Кизилбек Инал-ипа, Консоу Ампар, Абзагу Ажиба, Пас Ажиба и Камшиш Барциц не признавали себя виновными в убийстве из засады Карамана Инал-ипа и Ивана Седина. Камшиш же Барциц и по предъявленному к нему, кроме того, обвинению и в покушении на убийство того же Карамана Инал-ипа 3 июля 1896 г., но ничего существенного в свое оправдание они не представили, так как указанные ими свидетели, которые пытаются установить их алиби, не знают не только дня и месяца, но даже и года описанных событий.

По окончании судебного следствия суд вынес приговор, коим кр. Пас Жиба был оправдан, а остальные были присуждены к каторге: кн. Кизилбек Инал-ипа на 15 лет, а все остальные на 10 лет каждый.

Теперь, если начать говорить о мерах к уничтожению столь дикого обычая кровавой мести среди абхазцев, то должно заметить, что школа – единственное и самое верное лекарство от всех недугов абхазца. Школа, светом просвещения, может разрушить те темные представления и обычаи, которые веками работали над натурою абхазца и его мировоззрением. Только школа при внимательном изучении личности абхазца и целого общества может сделать действительными те приемы борьбы с преступными его наклонностями, которые теперь зачастую являются малоуспешными. Да и

не в одной Абхазии, а и вообще на всем Кавказе школа имеет одинаковое значение, как рассадник государственного языка и гражданственности, как верный оплот той задачи, какую несет на своих плечах наша государственная политика на окраинах.

Газ. «Черноморский вестник». 1899, №2.

3.140 Из обычаев абхазцев.

1900 г.

Среди абхазцев до сих пор еще чрезвычайно распространена отдача детей в чужую семью на воспитание.

Обычай этот существует преимущественно у князей и дворян, а из простых крестьян у тех, кто имеет большие средства; так как отдача детей на воспитание, равно как и усыновление их сопряжено с большими расходами. Обычай требует, чтобы как лицо отдающее ребенка на воспитание, так и вскормивший его воспитатель обменялись ценными подарками. Обычай отдавать детей на воспитание вызывается вовсе не какими-нибудь корыстными или вообще мелко-практического свойства соображениями, а возник еще в давние времена, вследствие желания установить более тесную связь между различными фамилиями. Желание это, в особенности имело свой положительный момент в эпоху до покорения нами Абхазии, когда страна была раздираема постоянными междоусобиями и кровная вражда была в полном разгаре. К обычаю усыновления часто прибегали, чтобы покончить мирным путем кровную вражду, существовавшую между семействами. В последнем случае, обидчик отдавал своего сына к обиженному на воспитание, и когда тот возвращал ему последнего с подарками – вражда считалась поконченной. Иногда лицо, которое желало заручиться чьим-либо содействием в очень важном для него деле, если оно не рассчитывало на простое обещание этого последнего и хотело получить от него более надежную гарантию, то вступало с ним в молочное родство; для этого оно прикладывалось губами к сосцам его жены или матери, после чего оно считалось ими усыновленным, и его новые молочные родственники были обязаны заботится о нем, как о родном сыне или брате. Вообще, лицо, взявшее ребенка на воспитание, относится к нему, как к собственному сыну, окружая его не меньшей заботливостью, чем родной отец или мать.

Кстати, о родственных отношениях среди абхазцев. Один из почтенных жителей побережья, коренной абхазец, по поводу осуждения сильно чтимого в Абхазии «молочного родства» нам пишет:

«Нисколько не отрицая известной степени вреда нашего, так называемого молочного родства, я должен сказать, что молочное родство имеет свое историческое происхождение и основано на желании установить тес-

АЛЫТАИР

ную связь между различными фамилиями, так как во времена этого происхождения страна была объята междоусобиями и кровной враждой. К обычаю усыновления прибегали с целью покончить мирно вражду; обидчик давал обиженному своего сына на воспитание и когда мальчик, достигнув юношеского возраста, возвращался к настоящему отцу, вражда считалась поконченной».

Газ. « Черноморский вестник». 1900, № 166.

3.141 Эсадзе С. К 40-летию уничтожения автономии Абхазии.

1904 г.

...Вскоре после завоевания Константинополя турки обратили свое внимание на побережье Черного моря и в особенности на Абхазию. Покровительствуемые султаном князья Шервашидзе делаются более влиятельными. Рассчитывая на поддержку турок, Шервашидзе отделились от Мингрелии, они вступают в родство с князьями Анчабадзе, а один из Шервашидзе Ростом овладевает большею частью Абхазии. В то же время в страну проникает магометанство; абхазцы, забыв все перенятое от греков и генуэзцев, усваивают турецкие обычаи, многие из них делаются мусульманами.

Распространяя свое влияние и магометанскую пропаганду турки, однако не вмешиваясь во внутреннее управление страны, выдвинув фамилию Шервашидзе на степень владетелей, подчинив их в вассальную зависимость, они предоставляли владетелю, за редким исключением, самим справляться как с внутренними смутами и беспорядками, так и с воинственными соседями. Для поддержания своего престижа турки держали в Сухуме небольшой гарнизон с пашой, ограничивались получением дани, заведением выгодных торговых сношений и, между прочим, торговли невольницами. Такое безучастие к внутреннему управлению нарушалось лишь в особых обстоятельствах, когда смуты делались небезопасными для самих турок и грозили ниспровержением их власти в стране.

Ростом Шервашидзе оставил четырех сыновей: Джегешия, Ширвана, Манучара и Зураба; все они получили воспитание в Турции. По смерти Ростома управление Абхазией принял Джегешия, который отличался большой предприимчивостью; но он недолго владел страной и был убит черкесами в экспедиции, предпринятой им для покорения джигетов. Так как от Джегешии не осталось сыновей, то был призван второй сын Ростома Ширван; однако он, стараниями сухумского паши был удален в Турцию. Ширван имел сына Бекир-бея. По праву старшинства власть перешла к Манучару, который, оставшись сухумским пашою, уступил права младшему своему брату Зурабу. Сыном Манучара был знаменитый Келешбей.

Управление Зураба было довольно спокойное; он не предпринимал никаких военных действий, но старался распространить границы своего владения политикой; таким способом ему удалось подчинить своему влиянию независимый Абживский округ. Преклонный в летах Зураб был бездетным и потому он отправил в Турцию депутатов с просьбою разрешить призвать из Батума своего племянника Бекир-бея, сына Ширвана. Бекир-бей является в Абхазию, и Зураб усыновляет его, поручает ему заведование Отарским замком с целью еще большего усиления влияния над абживцами. При всем том Бекир-бей, женившись на княжне из фамилии Анчабадзе, предусмотрительными действиями вполне удовлетворял видам своего дяди. Абживцы стараниями Бекир-бея постепенно начали признавать исключительную власть Зураба. В награду за такие успехи Зураб передает своему племяннику в удел все земли князей Анчабадзе от Кодора до Галидзги.

Однако по смерти Зураба Абхазия от Кодора до Галидзги переходит к предприимчивому Келиш-бею; Бекир-бей же остается независимым владельцем удельного Абживского округа.

Большие способности и дарования Келиш-бея в скором времени обратили на себя внимание Порты; он заслужил расположение султана. Пользуясь благоприятными обстоятельствами, Келиш-бей стремится распространить пределы своего владения и влияние над соседними племенами. Он выбрал местом постоянного пребывания крепость Сухум-кале, соорудил несколько хорошо вооруженных галер, сформировал стражу, которая в числе пятисот человек находилась при нем в постоянной готовности к экспедициям; кроме того, султан в распоряжении Келиш-бея оставил весь турецкий сухумский гарнизон.

Самолюбие Келиш-бея больше всего уязвлялось самостоятельностью Абживского владетеля: Бекир-бей безусловно отказывался подчиниться. Тогда под начальством Келиш-бея три тысячи абхазского ополчения и турецкий гарнизон являются в Закодорщину; после непродолжительной осады Отарский замок был взят, и Бекир-бей спасся бегством, но, не видя возможности сопротивляться, принужден был признать Келиш-бея своим победителем. Келиш-бей добился своей цели и не пожелал лишать своего двоюродного брата удела – Бекир-бей был оставлен в Абживском округе как подвластный князь.

Подобную же участь испытало племя джигетов. Влияние Келиш-бея распространилось также на Мингрелию; в 1779 году он овладел крепостью Анаклиею. Таким образом все приморские племена от Геленджика до Анаклии и даже далее до Батума находились в большей или в меньшей покорности Келиш-бею.

В это самое блистательное для Келиш-бея время умирает Бекир-бей, оставивши малолетних сыновей Сафар-бея и Али-бея. Присоединить к своим владениям Абживский округ всегда было заветной мечтой Келиш-бея;

АЛИТАИР

чтобы достигнуть этой цели без потрясений, он женится на вдове своего племянника. Однако стремление Келиша к распространению своих владений не останавливается – он пожелал овладеть частью Цебельды и Джгердою; но так как эти области находились во власти князей Маршани, имевших большие связи и дружбу с черкесскими племенами, то Келиш, считая для себя опасным или по крайней мере невыгодным искать прав своих на эти земли оружием, обратился к тяжбе и после разных соображений согласился на медиаторский суд. Посредники с обеих сторон решили дело в пользу Маршани. Келиш не желая до времени нарушать обычаи страны, признал старые границы своего владения.

Упоенный славой и счастьем Келиш-бей в конце своего правления начал грубо нарушать интересы Абхазии и преследовать только личные выгоды. Лучшие абхазские князья, сотрудники блистательных дел владетеля, оставались в пренебрежении. Народ смотрел на это с неудовольствием. Страсть Келеш-бея к женщинам еще больше увеличила число недоброжелателей его. Увлеченный этой слабостью, он сделался рабом одной из своих любовниц, вольной жительницы Бзыбского округа из фамилии Лейба; в угоду ей он пренебрег и удалил от себя законную жену, княжну из почетной фамилии Дзяпши-ипа,. Братья оскорбленной жены были в то время сильны и уважаемы, а поступок владетеля они считали смертельною для себя обидою: по народным обычаям они должны были смыть пятно этого бесчестия кровью виновника. Такую же ненависть к отцу за обиду матери питал и Аслан-бей, управлявший Бзыбским округом.

Келиш знал силу Дзяпш-иповых, чувствовал несправедливость своего поступка и предусматривал весьма неблагоприятные для себя последствия. Чтобы избавиться от возможной опасности, он изъявляет притворное намерение примириться с обиженными; под предлогом примирительного угощения он призывает в Сухум трех братьев Дзяпшиповых. Никто из абхазцев не мог подозревать злого умысла, никто не думал, что человек, прославивший себя столь громкими делами, таил преступные замыслы. Не могли иначе и думать и явившиеся в Сухум Дзяпш-иповы; они готовы были примириться и забыть обиду; но Келиш-бей считал для себя унизительным мириться с подвластными; он, забыв свое достоинство, пренебрегая гостеприимством, священным для каждого абхазца, заключил Дзяпш-иповых в крепость и приказал их там умертвить. Не довольствуясь этим, Келиш-бей в угоду своей любовнице лишил и Аслан-бея власти над Абживским округом. После таких поступков он окончательно потерял уважение народа, заперся в стенах Сухума, доживал свои дни в совершенном бездействии. Угрызения совести терзали его, и он передал управление Абхазией побочному сыну Сефер-бею, сам же перестал заниматься делами.

Оскорбление матери, убийство родных дядей, лишение удела и наследства на Абхазию все больше и больше разжигали в Аслан-бее глубокую

ненависть к отцу; притом и Порта, убедившись, что с постепенным усилением власти Келиш-бей начал оказывать ей неповиновение, смотрела на него как на опасного вассала не решаясь, однако, наказать ослушника. Обнадеживаемый и подстрекаемый турками Аслан-бей 2 мая 1808 года убивает своего отца. Несмотря на столь тяжкое преступление, народ видел в отцеубийце орудие мести Провидения.

* * *

Управляющий Абхазией в последние годы жизни отца Сефер-бей отлично сознавал все преимущества над собой Аслан-бея, которому турки оказывали покровительство, на стороне которого находилась большая часть абхазской знати и весь почти народ. Видя, что при таком общем воаждебном к нему настроении нельзя было упрочить за собою ведение страной, Сефер-бей обдумывал средства к прочному обладанию Абхазией.

Мысль прибегнуть под покровительство России могла разрешить этот трудный вопрос самым надежным образом. Сефер-бей немедленно приводит это намерение в исполнение: умалчивая о побудительных причинах, три месяца спустя после смерти Келиша, он в прошении императору Александру и передавал себя и Абхазию в подданство России. Прошение это написано мингрельским протоиереем Иоанном Иоселиани 12 августа 1808 года на грузинском языке; оно состояло из семи пунктов, из которых каждый был подписан рукою Сефер-бея по – турецки.

В этих просительных пунктах Сефер-бей сам и свой народ передает в подданство России, обязывается принять греко-русскую веру, просит награждения знаком, просит утвердительной грамоты на свое по Келишбею наследство, «дабы он начальником и управляющим владением своим, также сын его и внук его вечно и нерушимо от начальства и владения Абхазиею пробыли; чтобы доколе императорский престол пребудет счастливым и сильным и их наследство и начальство пребыло таковым же»; он просил оградить его владение воисками, назначить ему как владетелю жалованье; за все то обещал подчиниться со своими подвластными главнокомандующему Грузиею, обещал давать строевой лес для кораблей, как это получала Турция.

Вследствие отсутствия достоверных сведений об Абхазии, о побудительных причинах, заставлявших искать подданства по просительным пунктам, Сефер-бей был признан правительством наследственным князем Абхазского владения под верховным покровительством Русской державы. Сефер-бею и матери его определено жалование, ему и преемникам пожаловано знамя с гербом Российской империи, орден Анны I ст.; преемники его должны были каждый раз испрашивать утверждения на владение Абхазией. Инвеститурная грамота на имя Сефер-бея подписана императором Александром 17 февраля 1810 года.

АЛЫТАИР

Между тем законным наследником на Абхазию считал себя Аслан-бей; он с преданным ему турецким гарнизоном заперся в Сухуме. Очевидно, что Сефер-бей не мог считать себя в безопасности до тех пор, пока кровный непримиримый враг его не был бы изгнан из страны. Желая вернее достигнуть этой цели, Сефер-бей под предлогом изгнания турок из Сухума просил прислать войска. Просьба эта уважена и назначена десантная экспедиция. Русская эскадра, состоявшая из шести судов, под начальством капитан-лейтенанта Юздедота, 9 июля 1810 года появилась перед сухумским рейдом. На другой день десантные войска взяли город штурмом, Аслан-бей с братом Гассаном и турецким гарнизоном бежал потайным ходом.

Освободившись от турок и опасного своего врага, Сефер-бей, наименованный по принятии христианской веры Георгием, владел Абхазией еще 11 лет, пользуясь доходами только с Бзыбского округа и с некоторой части Абхазского. Доходами с Абживского округа пользовался независимо от владетеля сын Бекир-бея, Али-бей, который по достижении совершеннолетия восстановил отцовские права на этот округ и распоряжался над абживцами совершенно самостоятельно, и если оказывал впоследствии послушание Сефер-бею и его приемникам, то единственно повинуясь воле правительства.

Сефер-бей оставил четырех сыновей: Дмитрия (Омар-бей), Михаила (Гамуд-бей), Константина (Хуршид-бей) и Александра. Еще при жизни отца старший сын Дмитрий был вызван в Петербург, где воспитывался в Пажеском корпусе. В 1821 году, уже в чине подполковника русской службы, после смерти Сефер-бея, кн. Дмитрий был по воле государя назначен владетелем Абхазии на правах отца; но вступить в страну и принять управление Дмитрий мог только при помощи русских войск.

Подстрекаемые турками и Аслан-беем абхазцы, вообще нерасположенные к потомству Сефер-бея, не соглашались признать Дмитрия своим владетелем. Пламя восстания вновь вспыхнуло в Абхазии. Аслан является сюда с черкесами, он оповестил население, что ему дан фирман от турецкого султана, что этот фирман конфирмован российским константинопольским полномочным министром. Такое извещение нашло очень благоприятную почву среди высшего и низшего сословия абхазцев. Первые пристали к Аслану братья сосланного в Россию князя Гассана – Батал-бей, Ростом-бей и Тэир-бей, также тесть последнего чтимый абхазский князь Нарчу Иналипа. Владетель Абживского округа Али-бей встретил Аслана дружелюбно, но сначала колебался принять его сторону. Цебельдинцы, приверженцы Гассана, также отозвались на призыв Аслана. В довершение всего на сторону этого последнего переходят и соуксинцы, оставшиеся дольше других расположенными к дому Сефер-бея.

Среди таких смутных обстоятельств находящийся уже в Тифлисе утвержденный владетель кн.Дмитрий, получив письменную инструкцию от

управляющего гражданской частью в Грузии г.л. 29 Вельяминов, отправился к своему владению. В 1822 году Дмитрий, сопровождаемый отрядом русских войск под начальством управляющего Имеретией кн. Горчакова, при содействии также мингрельской милиции, после многих столкновений с приверженцами Аслана, вступил в Абхазию и принял над нею управление. Но князь Дмитрий умер в исходе 1822 года и владетелем по указу 14 февраля 1823 года был назначен его брат Михаил. Начало его управления было ознаменовано также неурядицами: в 1824 году абхазцы вновь заволновались, но действия русских войск скоро восстановили спокойствие. Беспорядки прекратились и власть кн. Михаила усилилась, когда в 1830 году войсками г.м. 30 Гессе были заняты важные в Абхазии пункты: Бамборы, Пицунда и Гагры.

Таков очерк деятельности князей Шервашидзе до последнего владетеля Абхазии кн. Михаила.

С вступлением Абхазии в автономное подданство, полное и безусловное управление страной оставалось по-прежнему у владетелей. По внутреннему своему устройству в Абхазии преобладали начала аристократические, дававшие такой же характер и самому управлению. Все общественные дела обсуждались в народных собраниях, в которых участвовал и низший класс, но в решениях высшее сословие всегда имело перевес как вследствие численности своей, так и потому влиянию, которое оно в течение времени приобрело над народом и которым особенно дорожило. Народ разделялся на князей, дворян и крестьян. В привилегированных сословиях степень влияния каждого зависела от личного заслуженного уважения. Сильный дворянин имел больше веса, чем слабый князь, и одно происхождение ни в кое случае не могло предоставить особого преимущества. Подчинение зависимых сословий также ничего общего не имело с крепостным правом.

Правительственная власть в Абхазии прежде всего должна была ограждать внешнюю безопасность страны и давать защиту при нарушении личных и имущественных прав населения. Это было необходимо как для водворения спокойствия и порядка, так и для собственной безопасности владетелей; но в достижении подобных целей они встречали большие затруднения по причинам географического положения страны и вследствие особых условий внутренней жизни народа.

В течение многих веков Абхазия находилась под тройным, почти равносильным влиянием: под влиянием Турции и мусульманское законодательство со стороны моря; под влиянием черкесского обычного права со стороны гор и под влиянием христианского грузино-мингрельского общественного устройства со стороны плоскости. По мусульманскому законодательству земля принадлежит правителю страны, по черкесскому обычному праву она составляет общественную собственность всего народа, наконец грузинское право, представляя верховную, политическую и законодатель-

АЛЫТАИР

ную власть царю или владетелю, укрепляло поземельную собственность за одним лишь высшим сословием. Ни одно из этих влияний не могло взять перевеса одно над другим, а каждое из них оставило свои следы в общественной жизни Абхазии.

Окружавшие Абхазию племена постоянно производили свои набеги с целью грабежа, угона скота, увода пленных. С востока и мингрельские Дадианы смотрели на нее как на неприязненную страну и не упускали удобного случая вмешиваться в абхазские дела. Да и само внутреннее устройство, основанное на образовании многих отдельных союзов, противодействовавших административной централизации, обычаи ассаства (переселения) 31 и кровомщения – были причинами, затруднявшими владетелям установить прочное спокойствие в стране, а сама внутренняя организация развивалась обычаями, выработанными населением путем продолжительного опыта. Таким образом, с одной стороны владетельская власть и иерархия сословий, что придавало учреждениям феодальный характер, с другой – являлся выработанный опытом, жизнью народа, противоречащими феодализму общественный строй, ограничивающий пределы власти владетелей и высшего сословия.

Основой общественного устройства служили союзы, на которые делилась вся страна и которые в отношении к правительственной власти представляли, как бы административные единицы. Каждый союз составлял одно целое и жил своею особою жизнью: в состав союза входили все сословия и роль каждого определялась издавна установившимися сословными правами и обычаями, дававшими удовлетворение несложным требованиям народной жизни. Несмотря на сословное подразделение, каждый союз заключал в себе две категории населения: элементы покровительствующие и покровительствуемые. На абхазском языке это понятие выражается словами: ахлапшю – патрон, покровитель, защитник и хипши – состоящий под покровительством, подвластный.

Абхазская община (акыта) составляла соединение родовых 32, фамильных союзов с преобладающим влиянием одного кого – либо или одной влиятельной фамилии. Такие преимущества покровителей ставили их выше всех других членов общины, а уважение к ним населения, переходя из рода в род, укрепляло за ними права и преимущества привилегированных сословий. Такая организация общины способствовала высшему классу искать все большего влияния на дела союза: однако всякое произвольное нарушение личных и имущественных прав населения, как несоответствующее идее правительства, не могло служить основой действий правящего класса. Низшее сословие находило твердую поддержку в ограждении своих прав и в других обычаях туземной жизни, например, в обычае ассаства – свободы переселения из одной общины в другую. Тем не менее, с течением времени привилегированные сословия сделались очень влиятельными и пользовались большою популярностью среди населения.

Сами владетели на общем обычном праве были главою нескольких союзов, во внутренней организации которых они находили силу и поддержку своей власти. Стремление привилегированных сословий усилиться один за счет другого и главным образом противодействовать усилению владетеля возбуждало между правящими классами вражду; причем сами владетели употребляли все меры, чтобы поддерживать распри и раздоры между привилегированными фамилиями, так как владетельская власть была сильна лишь при недостатке единодушия между ними. Нередко и сами враждующие фамилии обращались для разрешения своих споров к владетелю, эта роль примирителя способствовала усилению значения его.

Внутренняя жизнь Абхазии основывалась на родовом строе. Власть родителей основывалась требованиями религии, христианской или магометанской. Браки совершались по обоюдному соглашению родственников жениха и невесты. В делах чести и обиды все члены семейства составляли один союз. Покровитель и хозяин обязаны были оказывать защиту клиентам и гостям. Суд и расправа производились преимущественно по адату – народным обычаям; шариат (духовный суд) применялся только в редких случаях. Все дела как уголовные, так и гражданские, решались судом посредников. Самый процесс сопровождался такими особенностями: обе тяжущиеся стороны выбирали медиаторов, присягали и давали поручителей в том, что подчиняются приговору суда. Для объяснения дела каждая сторона избирала защитника. Судьи выслушивали защитников истца и ответчика; после совещания они объявляли решение, которое немедленно приводилось в исполнение при содействии поручителей.

Кровавые междуусобия одних обществ Абхазии против других, производимые извне нападения соседними враждебными племенами естественно развили в народе воинственные наклонности. С другой стороны, при аристократических началах образа правления для поддержания спокойствия страны и для защиты от внешних врагов требовалась постоянная вооруженная сила, которая в необходимых случаях могла бы обязательно заявить о своем существовании. Поэтому в Абхазии с древнейших времен был род постоянной военной повинности.

Военно-полицейскую и почетную при особе владетеля стражу составляли, так называемые – шинагма – телохранители. Они набирались от всего населения и, хотя не все они находились в резиденции владетеля, тем не менее служба их была обязательна. Назначение в шинагму зависело всецело от владетеля. Эта стража, с течением времени, организовавшись в сплоченное сословие, приобрела значительное влияние в стране, опираясь на предоставленные владетелем права, шинагмы нередко производили насилия над жителями. По своей организации сословие это имело большое сходство с опричниками Иоанна Грозного.

АЛЫТАИР

Из обзора главнейших политических событий и внутреннего устройства Абхазии видно, что внешняя поддержка сначала Турции, потом России способствовала усилению этой власти. Несмотря, однако на это, владетельская власть была единая, нераздельная, не допускающая совместительства, принадлежавшая в данное время одному лицу.

Сам князь Михаил не мог не чувствовать, что власть его упрочнена Россией и он продолжительно в управление страной старался достигнуть двоякой цели: оставить владение за потомством и пользоваться для усиления своего влияния содействием русских войск. И действительно, система правительственного покровительства во внутренних делах Абхазии состояла в упрочении владетельского единовластия и в стремлении дать ему средства поддерживать спокойствие в крае. Начальники 3-го отделения черноморской береговой линии, в районе которой находилась Абхазия, постоянно снабжались наставлениями: «стараться приобрести расположение владетеля, без доброго согласия с которым весьма трудно управлять краем, согласно с видами правительства. Такой системой правительство достигло уничтожения торга людьми, поддержало исчезавшее христианство; учреждением береговых карантинно-таможенных пунктов, за вознаграждением владетеля двенадцатью тысячами ежегодно, ввело правильную торговлю, а шесть тысяч русских штыков всегда готовы были действовать по просьбе владетеля. Пользуясь таким исключительным положением, кн. Михаил осуществил заветную мысль знаменитого своего предка Келиш-бея и подчинил безусловной своей власти Сухумский и Абживские округа, в которые прежде не имел права появиться без предварительных переговоров с владельцами. Народ высказывал недовольство, но принужден был смириться.

В восточную войну 1853 – 1856 гг. князю Михаилу суждено было играть выдающуюся роль. Участие его в ходе военных событий началось с весны 1854 года., когда решено было вывести из Абхазии все русские войска. Это было выполнено самим владетелем очень искусно, и он всеми силами старался доказать преданность правительству. Выведя благополучно русские войска, князь Михаил спрашивал, – где ему оставаться на время войны. Император Николай I предоставил решить этот вопрос вновь назначенному главнокомандующему ген.-адъютанту Муравьеву. При личном свидании с владетелем Муравьев передал владетелю, что ему удобнее всего избрать местопребывание в Тифлисе или же в действующих на кавказско-турецкой границе войсках. Князь Шервашидзе, однако, оставался около года в Мингрелии у своего тестя Георгия Дадиана, а затем отправился в Абхазию, занятую тогда турками и оставался в своем имении до конца компании. Об образе действия владетеля за это время получились самые разнообразные сведения: по одним источникам, он совершенно предался на сторону турок, по другим, как объяснял он сам, цель его пребывания в Абхазии заключалась в сохранении владения от разорения, и чтобы присутствием своим употребить все влияние к отклонению абхазцев и горцев от участия в военных действиях против русских войск.

Основной чертой характера кн. Шервашидзе было безмерное честолюбие. С открытием войны оно подверглось крайнему раздражению, он оставил Абхазию в полной уверенности, что отсутствие его будет недолговременным, что он скоро возвратиться в свое владение с большею самостоятельностью, с большим доверием правительства; в случае же если ему не пришлось бы возвращаться в Абхазию, он рассчитывал получить деятельность соответствующую владетельному сану, его потерям; не без основания он также полагал, что ему предоставят проявить деятельность там, где он мог бы быть наиболее полезным, недалеко от пределов Абхазии. Кн. Михаил льстил себя надеждой, что явиться в блеске нового звания перед народами для влияния на которых он добивался власти и значения – перед мингрельцами, его старинными врагами; перед самурзаканцами – на обладание которыми он постоянно посягал, перед абхазцами – его под данными и, наконец, перед черкесскими племенами для еще большего усиления влияния на них.

Однако Шервашидзе скоро убедился, что обстоятельства обрекли его на совершенное бездействие; что ему не намерены поручать командование. Оставляя Мингрелию, чтобы ехать в Тифлис или в александропольский отряд, ему нужно было изменить все свои привычки, переменить образ жизни, семейный быт, он должен был войти в совершенно чуждый его нраву и понятиям круг деятельности. Оставаясь в Мингрепии частным лицом, его тяготило бы бездействие. При таком настроении до владетеля стали доходить слухи о неудовольствии абхазцев на его долгое отсутствие. Самым тревожным известием для него было то обстоятельство, что князья Гид и Мажара Шервашидзе отдались под власть турок и успели их убедить, что владение их независимо от Михаила, что турки признали такое право не только за указанными Шервашидзе, но передали имение кн. Дмитрия явившемуся из изгнания сыну Аслан-бея.

Имевшие на кн. Михаила большое влияние Гассан Маргани, Баталбей Маршани и Хаджи Берзек упрекали его в забвении родины; они убеждали, чго все значение, вся политическая жизнь владетеля зависит не от приобретенных им служебных достоинств, а от наследственного владетельского сана; что теряя власть и значении в народе, ему не помогут аксельбанты генерал-адъютанта украшение его сана. Кн. Михаил решился возвратиться к источнику привычных ему выгод, сношений, влияний, почета, к привычному владетельскому быту. Прибыв в Абхазию, у владетеля на первом плане было восстановить среди народа свое значение.

19-го сентября 1855 года к Сухуму прибыл Омер-паша с флотилией турецких судов. Он сошел на берег, окруженный штабными офицерами, между которыми были и европейцы. У пристани стоял князь Михаил за ним

АЙТАИР

до двадцати разно-племенных старшин. Владетель хотел поклониться по турецкому обычаю, но Омер остановил его, пожал руку и сказал по-русски: «Здравствуй Михаил», после чего сел на коня и поехал к ожидавшим его войскам. Владетель шел некоторое время возле него, но увидев, что с ним не говорят и не обращают на него внимания, повернул к занимаемому им дому. Возвращаясь после осмотра войск, Омер-паша подъехал к стоящему у дома владетелю и сказал несколько слов по-русски: в народе распространился слух что он ему предложил возвратиться к русским.

Первым распоряжением Омер-паши был приказ, чтобы до него допускали всех имевших к нему нужду беспрепятственно, чтобы прибывающих к нему абхазцев и горцев угощать на его счет, чтобы за все забираемое у населения войска расплачивались бы золотом и серебром. Одним словом, перед вольными народами Кавказа представитель турецкой армии явился доступным, ласковым, беспристрастным, расточительным, сильным; владетелю же он высказал явное пренебрежение.

Посланный в Мингрелию для расследования всех обстоятельств пребывания и отъезда владетеля в Абхазию д.с.с. Дмитрий Кипиани между прочим описывает свидание кн. Шервашидзе с Омер-пашой, который обошелся с ним полуласково, полусурово и спросил: для чего владетель приводил народ к присяге? Кипиани отмечает затем следующий диалог:

− Михаил. – Я, кажется, не лишен моих прав, генерал! Во внутренние дела моего владения русские не вмешивались; надеюсь, что и теперь нет в том надобности. Меры к спокойствию моего края должны от меня зависеть, иначе трудно отвечать за будущее.

− Омер. – В ваши права вмешиваться не будут, но скажите, почему не здесь ваше семейство?

− Михаил. – Жена моя у своего отца, и он не отпускает ее.

− Омер. – По вашему закону над венчанною женою, кроме мужа, кажется никто не властен.

− Михаил. – Закон таков действительно, но по здешним обычаям отношения между детьми и родителями никогда не прерываются. Я бы очень желал, чтобы моя жена была здесь и был бы весьма благодарен, если бы выручили ее оттуда, а я не имею средств на это.

− Омер. – Говорят вы сохраняете верность русским и переписываетесь с тифлисским начальством.

− Михаил. – Если скажу вам, генерал, что я предан султану, вы были бы вправе приписать это моему малодушию. Не считаю нужным скрывать перед вами, что моим значением и состоянием обязан я русскому государю. Обстоятельства заставили русских выйти отсюда; я сам вывел их; даже простой долг гостеприимства обязывал меня к тому, и я возвратился к себе домой, не имея никакого повода действовать против них. Если нынешняя здешняя власть не желает видеть меня в этом смысле, оставлю я свой дом

и свое владение. В предосудительных же сношениях нельзя меня обвинить по крайней мере без доказательств.

− Омер. – Дело в том, князь, что, оставаясь у себя дома, вы мешаете говорят, нашим распоряжениям. Требуемое же вами доказательство, надеюсь со временем представить. Действительно положение владетеля было двусмысленно.

«В 1854 году, – писал он князю Бебутову, – когда войска русские были выведены из моего владения, я остался вдали от воинов, с которыми свыкся с детства моего и, следуя побуждениям сердца, я бросил всех родных и только с моим семейством последовал я за войсками в той мысли, чтобы быть неразлучно с ними и с ними вместе пролить кровь свою против врага. С этим желанием явился я к высшему начальству в Тифлисе и вместе с тем просил назначить в Имеретии одну деревню, где бы мог я приютить семейств. В ожидании этого, равно как и себе поручения, приличного моему званию, прошел целый год. Высшее начальство между тем переменялось; ни то, ни новое не обратило внимания на мое положение и оставили меня как человека праздного. Будучи совершенно уверен в своей небесполезности и годности, я рассчитывал, что чем остаться без дела, лучше возвратиться в мое владение, которое, между тем как стадо осталось без пастыря расстраивалось, охранять в нем тишину, и, если бы представился случай, доказать отсюда небесполезность мою государю императору.»

Хотя генерал Муравьев по заключении с турками мира и ходатайствовал об устранении кн. Шервашидзе от владения Абхазией, но император Николай I не нашел «прямых доказательств преднамеренной с сознанием цели рассчитанной измены», а в действиях владетеля каких-либо несомненных улик, на которых могла бы быть основана чрезвычайная строгость той или другой меры наказания; самую же отлучку владетеля Государь объяснил отношениями его к подвластному краю, к семье и родственному достоянию она «легко могла произойти последствием фальшивого положения, в которое он поставлен в двойном его качестве: владетеля, обязанного печиться о подвластном ему крае и военнослужащего, безусловно подчиненного противным тому требованиям главного начальства армии». Не входя в тайные побуждения кн. Михаила, государь приказал возбужденное Муравьевым ходатайство отклонить.

Вместе с тем князю Шервашидзе было поручено вновь ввести русские войска в Абхазию. Учрежденное вслед за тем кутаисское генерал-губернаторство и изменение политических обстоятельств повлияли и на отношение горцев Западного Кавказа. К начальнику войск в Абхазии в 1858 году стали являться старшины убыхов с изъявлением готовности вступить в мирные и близкие сношения с русским правительством; препятствием к тому, по мнению убыхов, главным образом служило вкоренившееся убеждение, что непосредственно вслед за подчинением России земель, окружавших Абха-

АЛЫТАИР

зию, значение и почет каким пользовался кн. Шервашидзе, должны будут прекратиться. Сам владетель, воспитанник убыхов, пользовался в этом племени совершенно исключительным влиянием, которое было сильнее, чем влияние Магомет-Амина. Такое обаяние горцев позволило кн. Михаилу упрочить свою власть в Абхазии. Так, когда сильная княжеская фамилия проявляла стремления повредить владетельному дому, то князь Михаил, оставаясь сам в стороне, направлял партии убыхов для разорения более сильных вассалов; такой системой ему вполне удавалось подавлять всякую попытку к противодействию.

От воли владетеля зависел также тот или другой образ действия горцев по отношению к правительству: все переговоры с ними без посредства кн. Михаила большею частью кончались безрезультатно. С другой стороны, если в горцах обнаруживались намерения, угрожавшие безопасности самой Абхазии, то владетель спешил тотчас же принять меры к уничтожению их планов. В этом отношении соперникам владетеля явился Магомет-Амин, который в 1858 году прибыл к убыхам, стал заводить у них народные суды и убеждал горцев соединиться в одну общую организацию. Кн. Михаил легко склонился на убеждения начальника войск в Абхазии противодействовать планам Магомет-Амина, упрочение влияния которого грозило его собственному значению. Убыхи послушались владетеля и Магомет-Амин встреченный враждебно, поспешил оставить их.

В 1858 году кн. Михаил стал часто болеть и вести уединённую жизнь, не вмешиваясь в убыхские дела.

Между тем 25-го августа 1859 года с падением Гуниба и пленением Шамиля Восточный Кавказ был покорен; большая часть аулов Чечни переведена на плоскость; население Дагестана, склонное к земледелию и промышленности, после долгой борьбы выказало покорность и обратилось к мирному труду. Удар, нанесенный Восточному Кавказу, отразился и на Западном; горские племена, утратив надежду на дальнейшее сопротивление, постепенно начали или объявлять покорность, или выселяться в Турцию.

Прибывшему новому наместнику, великому князю Михаилу Николаевичу, предстояло довершить покорение западной части Кавказа. Главным средством для этого послужила военная колонизация в связи с эмиграцией горцев. В 1864 году великий князь признал своевременным направить общие усилия против горцев. 21 мая все отряды, вытеснив горцев к морскому берегу, сосредоточились в урочище Гбаада. Этому глухому аулу суждено было быть местом празднования события грандиозной исторической важности – окончания кавказской войны. Всего их горцев Западного Кавказа около 90 тысяч были выселены на равнину по Кубани и Лабе, а около 418 тысяч эмигрировали в Турцию.

Покорение Западного Кавказа имело непосредственное влияние на уничтожение автономии Абхазии. Великий князь первый принял владетеля

в Кутаисе весной 1863 года; обласкал его в этом свидании. Великий князь поручил генерал-губернатору оказывать все должные почести, снисходительно смотреть на некоторые его слабости и вообще стараться поддерживать с ним самые дружеские сношения. При этом имелось в виду, что князь Михаил, успокоенный окончательно таким приемом и дружескими отношениями нового генерал-губернатора кн. Святополк-Мирского, употребить свою власть для того, чтобы водворять порядок в подвластном ему крае и будет содействовать целям правительства в отношении соседних горских племен. Но по многим причинам надежды эти не оправдались.

Кн. Михаил, уехав на все лето в Пятигорск, поручил управление Абхазией родному брату Александру. Во время отсутствия владетеля в стране возникли междоусобные распри. Пользовавшийся особым покровительством владетеля Гассан Маргани совершил вооруженное нападение на имение полковника князя Григория Шервашидзе, разорил до основания несколько принадлежащих ему селений и продал туркам 25 человек, захваченных в плен крестьян. По получении этих сведений владетель вместо наказания виновника междуусобицы обратил, наоборот, свое неудовольствие на потерпевшего кн. Григория, который был уволен от должности начальника Абживского округа и вместо него назначил того же Гассана Маргани.

При посещении великим князем осенью Сухума ни сам владетель, и никто из его подвластных не явились, несмотря на настойчивое приглашение. Владетель писал, что болезнь приковывает его к постели и он не может заниматься делами, а потому убедительно просил отпустить в Абхазию сына Георгия, состоявшего адъютантом при наместнике. «Князю Георгию, – писал владетель генералу Коцебу, – я должен поручить управление владением, пока еще под надзором н руководством моим и приучить его быть полезным своему народу и правительству. При его энергии положится конец беспорядкам, вообще вредным для края, а болезнь моя, будучи не раздражаема разными волнениями, может ослабить свое действие, также вредные для меня при впечатлениях.»

Великий князь приказал ответить; что допущение кн. Георгия к управлению Абхазией превышает права наместника и требует разрешения государя, что сверх того кн. Георгий по молодости лет, по малому знакомству его с теми требованиями, которым должен удовлетворять правитель народа, едва ли может нести эти обязанности с пользою для края.

Между тем князь Михаил с конца осени поселился в Бзыбском округе в своем имении Соук-су и вошел в самые тесные сношения с убыхами. Старшины этого наиболее враждебного правительству племени посещали владетеля в Соук-су. Святополк-Мирский предупреждал его, что сношения с горцами, окончательное покорение которых близилось к концу, не может быть оправдано никакими соображениями. В ответ на это предостережение владетель писал, что здоровье его с каждым днем ухудшается и, не будучи

АЛТАИР

в состоянии более заниматься делами, он просит ходатайства об увольнении его с действительной службы и об отправлении для лечения болезни за границу.

Письмом этим решено было воспользоваться для окончательного разрешения абхазского владетельского вопроса. Генерал Коцебу (начальник штаба армии), выразив владетелю от имени великого князя соболезнование, что состояние его здоровья не позволяет заниматься делами, относительно увольнения его от службы сообщал, что великий князь по этому предмету испросит особое указание государя.

«Великому князю приятно было бы знать, – писал Коцебу, – в некоторой подробности намерения и желания ваши в той надежде, что ходатайство его высочества перед государем императором может быть для вас полезно и может скорее всего содействовать осуществлению ваших желаний, исполнение которых доставит истинное удовольствие его высочеству Если, ваша светлость, позволите мне высказать мое мнение, то я полагал бы, что было бы всего удобнее, если бы вы. по важности дела, выразили намерения и желания ваши прямо государю великому князю, адресуя письмо в собственные руки его императорского высочества».

Великий князь полагал, что абхазский вопрос имеет самую тесную связь с осуществлением предположений о заселении станицами восточного берега Черного моря от устья Кубани до р. Бзыби, что с того времени, как Абхазия признала верховную власть русского императора, правительство, занятою упорною войною на всем пространстве от Каспийского до Черного моря, не могло отделить достаточных средств для принятия страны в полное подчинение, ограничиваясь поддержкою власти владетеля и что, наконец, будет большой политической ошибкой оставлять впредь автономию Абхазии.

Для достижения этой цели предполагалось: склонить владетеля и наследников от прав владения, назначить им пенсии, из Абхазии образовать военный округ, водворить вдоль берега Черного моря до устья Ингура казачьи поселения, которые вместе с поселениями по р. Бзыби могли бы составить абхазское казачье войско и границу между кубанским и абхазским войском назначить хребет, замыкающий гагринскую теснину и отделяющий Абхазию от джигетов.

* * *

Согласно с мнением великого князя признано было, что Абхазия не может оставаться на прежних основаниях, что следует ввести в ней правильную русскую администрацию, устранить от управления кн. Шервашидзе с потомством и что страна на вечные времена должна поступить в непосредственное управление поставленных от правительства властей:

«Как заявленное самим кн. Шервашидзе, – писал по этому поводу ген.-ад. Милюгин, – в письме к г.-л. Мирскому желание удалиться от дел и по-

следующие его личные объяснения с вашим императорским высочеством при проезде вашем в Сухум, доставляют прямой повод к приведению ныне же в исполнение означенной меры. Государь император предоставляет вашему высочеству объявить кн. Михаилу Шервашидзе о высочайшем соизволении на увольнение его с потомством от управления навсегда Абхазиею, с оставлением его в звании генерал-адъютанта и с представлением ему выбрать себе местопребывание в Петербурге или Москве».

С удалением кн. Шервашидзе от управления Абхазией, возник вопрос об обеспечении его будущности и о вознаграждении его за потери денежных и материальных выгод, которыми он пользовался как владетель страны. При обсуждении способов вознаграждения главным образом были приняты во внимание меры, примененные правительством в свое время по отношению членов бывших царских домов – грузинского и имеретинского. Вознаграждение со стороны правительства царевичам было выдано за потерю тех частных уделов, которые они получали с своих частных имений до поступления в казну. Все то, что царевичи приобретали службою или особыми заслугами, не входило в расчет вознаграждения, также не приняты во внимание те доходы, которые в качестве правительственных получались владетелями и употреблялись на содержание управления. Вообще говоря, на основании вознаграждения владетельских домов принималось главным образом определение потомственных пенсий в размере, равном доходам, поступавшим в казну из частных имений, капитализируя впоследствии эти доходы из 6%.

Применяя эти общие основания к вознаграждению, кн. Шервашидзе и его наследников, кавказский комитет полагал сохранить кн. Шервашидзе аренду в 10 тыс.рублей, которая ему была назначена в 1854 году, а также получаемую им пенсию в тысячу рублей. Так как оставление уделов в пользу владетельного дома Абхазии было неудобно в политическом отношении, то представлялась необходимость принять эти уделы в казну с тем, чтобы исчисленный с них доход был обращен в потомственную пенсию.

Князю Михаилу сохранялись также те 9500 рублей в год, которые производились с 1847 года на поступавшие в карантинно-таможенное ведомство порты Абхазии. С введением русского управления все абхазские доходы, принадлежавшие к разряду правительственных, обращались в общую массу доходов правительства на содержание русского управления в крае. Потомственную же пенсию впоследствии предположено капитализировать на тех же основаниях, как это было применено к грузинским и имеретинским царевичам. С освобождением кн. Михаила и его наследников от управления Абхазией ему сохранялось звание генерал-адъютанта и предлагалось выбрать местожительство в Петербурге или Москве. Наконец, кавказский комитет полагал, чтобы при всех мерах, которые будут приниматься к владетельному абхазскому дому, обеспечение существования членов его долж-

АПСТАМИР

но касаться не только одного кн. Михаила и его сыновей, но еще братьев и племянника.

Эти предположения были одобрены императором Александром II с тем, чтобы более точное и подробное развитие намеченных начал были бы обсуждены наместником кавказским.

Желая лично объявить владетелю эти распоряжения и вместе с тем для того, чтобы вызвать его из Абхазии, Великий князь пригласил его прибыть в Кутаис с 3-го июня для выслушания царского повеления особой важности. На это приглашение владетель ответил, что как ни прискорбно, но он не может исполнить желание наместника, так как по крайне расстроенному здоровью предпринимать путешествие в Кутаис значило бы явно рисковать жизнью. В заключении владетель повторил просьбу дать разрешение сыну приехать к нему и прислать для них обоих паспорта на заграничный отпуск.

Великий князь, видя уклончивый ответ Шервашидзе, послал к нему своего адъютанта полковника графа Левашова с поручением объяснить к каким для него неблагоприятным последствиям поведет уклонение от требования, основанного на повелении государя, и склонить к добровольному и скорейшему выезду в Кутаис, или по крайней мере узнать, в чем состоят желания и намерения владетеля.

Выехать из Абхазии кн. Шервашидзе не захотел, мотивируя отказ все тем же слабым состоянием здоровья, и выразил желание управлять Абхазией до своей смерти, но, что если, последует непременно воля государя лишить его этого права, то он готов повиноваться и, оставаясь в Абхазии, не будет противиться повелению государя; в таком случае он просил, чтобы в вознаграждение ему был бы выдан капитал около миллиона рублей, и чтобы за ним оставить уделы и частные имения в Абхазии.

Вследствие неуспеха личных переговоров графа Левашова, великий князь послал кн. Шервашидзе рескрипт, в котором положительно объявил волю государя об увольнении его от обязанностей владетеля. Упомянуть, что еще в 1847 году владетель обращался к Воронцову об увольнении по совершенно расстроенному здоровью, что политическое положение края того времени не дозволяло правительству исполнить его желание, что в письме кутаисскому генерал-губернатору владетель вновь удостоверял о неспособности заниматься делами. Великий князь писал:

«Просьбу вашу, а равно и содержание личного объяснения нашего в Сухуме, я счел долгом повергнуть на высочайшее государя императора благоусмотрение. Его императорское величество приняв во внимание продолжительность и упорство болезни, расстроившее ваше здоровье, и настоящее положение края, нуждающегося в правильной и деятельной администрации для развития в нем гражданственности, соизволил согласиться на увольнение вашей светлости с потомством от упразднения навсегда Абхазией и с оставлением вас в звании генерал – адъютанта».

Одновременно с рескриптом владетелю великий князь предписал кутаисскому генерал-губернатору немедленно ввести в Абхазию русское управление, настояв на непременном выезде оттуда владетеля. Сообщив князю Шервашидзе о полученном приказании, кн. Святополк-Мирский в частном письме советовал владетелю беспрекословно выполнить волю государя.

«Ваша светлость, – пояснял кн. Мирский, – сами признали, что с окончанием войны в восточной части Кавказа Абхазия не могла и не должна оставаться в прежнем положении и что необходимо в ней установить более порядка и спокойствия. Не от меня зависело оставить за вами управление этим краем, но должен вам откровенно оказать, что если бы это от меня зависело, то я бы этому воспротивился, потому что я вполне уверен, что вы бы не были в состоянии исполнить всех требований правительства по управлению Абхазией, что это бы повело к многочисленным столкновениям и рано или поздно окончилось бы самым несчастным образом для вас и ваших потомков. Следовательно, на увольнение вас от управления Абхазией следует смотреть как на событие неизбежное и даже для вас благоприятное. Теперь государь император взамен владетельских прав ваших готов сделать для вас многое и вполне обеспечить как вас, так и будущность вашего семейства; великий князь всегда был готов усердно за вас ходатайствовать, но не могу скрыть от вас, что неприбытие ваше в Кутаис по вызову великого князя сделало на его высочество самое дурное впечатление и впечатление это усилилось, когда поездка к вам графа Левашова не изменила вашего намерения не выезжать из Абхазии. Я со своей стороны не могу понять, как вы можете желать оставаться в Абхазии в то время, когда будет вводиться новое управление. Неужели вы не понимаете всех неудобств и неприятностей, которые вас при этом ожидают и всей неловкости вашего положения».

Князь Шервашидзе жаловался, что с ним поступают жестоко; он указывал на сорокалетнюю свою службу, которая в свое время приносила пользу правительству, на неизлечимую болезнь, обещался, что при введении русского управления он сам будет способствовать отдаваемым распоряжениям и просил об оставлении в собственном имении, где он будет доживать свой век частным человеком, а также и том, чтобы после смерти предать погребению тело его в возобновленном им Моквском монастыре.

Для исполнения приказания ввести русское управление в Абхазии кн. Святополк-Мирский отправился в Сухум; отсюда он послал к владетелю с кн. Дадиани рескрипт великого князя и с запросом, какой порядок он находит более удобным для передачи внутреннего управления страны. Вместе с Дадианом был отправлен пользовавшийся особым доверием владетеля подполковник Завадский с вышеупомянутым письмом кн. Мирского.

Кн. Шервашидзе находился в то время в горах на минеральных источниках в Ткварчели. Дадиани и Завадский возвратились в Сухум 2 июля и передали, что владетель просит оставить его в Абхазии до 1 августа, если

АЛЫТАЙР

же этого нельзя, то готов выехать 10 июля, для чего просил к тому времени выслать в Очемчиры пароход: что владетель намерен собрать абхазцев для разъяснения повеления государя и передать Абхазию лично генерал-губернатору, с которым и желал бы окончательно переговорить.

Хотя кн. Мирский и сомневался в искренности намерений владетеля, но этот последний фактически исполнил свое обещание: он предписал начальникам Бзыбского, Абхазского и Абживского округов обнародовать о передаче управления Абхазией русским властям, собрать почтеннейших жителей и вместе с ними явиться в Сухум к генерал-губернатору для получения дальнейших распоряжений об управлении краем.

Случилось действительно довольно странное явление: в то время как правительство больше всего опасалось осложнений и беспорядков при перемене управления в Абхазии, когда оно главнейшим препятствием полагало присутствие владетеля, сам он отдал распоряжение о передаче своего владения. В таком положении дел замедление выезда кн. Шервашидзе из Абхазии потеряло отчасти свое значение. Несомненно, что пребывание его в стране было неудобно для местной администрации и нового управления, но в другой стороны нельзя было не признать, что при болезненном состоянии владетеля, его разбросанном хозяйстве, огромном количестве движимого имущества и семейных обстоятельствах ему было весьма трудно собраться в короткий срок.

Кн. Святополк-Мирский собравшимся 12 июля в Сухуме старшинам и почетнейшим жителям объяснил главные основания нового порядка управления и объявил им, что с этого числа абхазцы должны повиноваться исключительно поставленным от русского правительства начальникам. Командующему войсками в Абхазии для внутреннего управления приказано было оставить временно разделение края на три округа: Бзыбский, Абхазский и Абживский. Впредь до установления постоянных штатов предлагалось руководствоваться основаниями, принятыми в Терской и Дагестанской областях. Для решения судебных дел временно собирать почетнейших жителей; из подсудности таких судей исключить преступления по убийствам, которые приказано разбирать по русским законам, воспретить кровную месть, принять безотлагательно меры к уничтожению пленопродавства и контрабанды; доходы, получавшиеся владетелем и имевшие характер правительственных сборов, принимать в казну и оставить существовавший порядок поземельных и сословных отношений.

Так совершилась фактическая передача Абхазии в русское управление не только без всякого сопротивления, но и при содействии самого владетеля.

Великий князь и сам разделял мнение кутаисского генерал-губернатора о том, что уклонение владетеля выездом из Абхазии не имеет уже того значения; но в то же время не находил возможным разрешить дальнейшее

пребывание его в стране. Князю Мирскому приказано было учредить за владетелем строгий надзор и при малейшем облегчении болезни распорядиться об удалении его из Абхазии, до осуществления же этой меры прекратить выдачу от казны всяких денежных отпусков. Кн. Мирский отправился в Абхазию, чтобы при личном свидании узнать о состоянии здоровья владетеля об его намерениях и убеждениями, даже угрозами понудить его немедленно к выезду.

Приехав в Ткварчели Мирский застал владетеля в постели. С первых же слов кн.Шервашидзе высказал, что чувствует глубоко оскорбленным недоверием к нему; он говорил, что добросовестно исполнил распоряжение о передаче Абхазии и что это дает ему право на внимание правительства. Кн. Мирский отвечал, что, передав владение, он исполнил только часть повеления государя и что все неприятности, которые он испытывает, происходят лишь от того, что не выполнена им другая часть распоряжения о выезде из Абхазии. Владетель возражал, что замедление его выезда основывались на убеждении о пользе, которую он принесет правительству; кн. Мирский подтвердил, что дело не в личностях более или менее заслуживающих доверие, а в предосторожности, указываемой опытом для охранения государственных интересов и общего спокойствия; прощаясь с владетелем, повторил еще раз приказание покинуть Абхазию и заметил, что вся ответственность за неисполнение падет на него.

Свидание с владетелем произвело на Мирского тяжелое впечатление. Изложив со всею подробностью, не скрывая резкости возражений, результаты своей поездки, он спрашивал: кругом ли виноват владетель, виноват ли он один, имеет ли он повод считать себя обиженным и как следует поступить с ним, имея в виду сохранения достоинства правительства и строгое соблюдение справедливости. По мнению кн. Мирского кн. Шервашидзе как генерал-адъютант был кругом виноват, не исполнив одного из приказаний государя; как потомственный владетель он имел право и даже обязанность в отношении своего потомства при уступке своего владения отстаивать свои интересы: в остальном кн. Шервашидзе по первому требованию исполнил волю государя и затем не вмешивался в дела, жил уединенно и думал только об устройстве частной жизни. Мирский полагал, что пребывание владетеля в Абхазии было бы опасно только в случае внешней войны, предлагал разрешить ему остаться в Абхазии до 1-го января, назначить местом постоянного пребывания Имеретию, где отвести казенную землю; в случае дальнейшего невыезда прибегнуть к крайнему средству – удаление Шервашидзе силою.

Между тем военный министр сообщил великому князю, что крайний срок для удаления владетеля назначен не позже 1-го октября. После получения ходатайства Мирского великий князь, желая узнать ближе обстоятельства этого дела на месте, а с другой стороны, опасаясь, чтобы безотлага-

АЛТАМИР

тельным исполнением повеления государя не прибегать к крайним мерам, разрешил приостановить распоряжение о высылке до своего приезда в Сухум. Прибыв туда 11-го октября, великий князь получил от владетеля письмо, в котором возобновлялась просьба об оставлении его в Абхазии или об увольнении его с семейством навсегда в Иерусалим; кроме того, Мирский получил прошение владетеля на имя государя об увольнении по расстроенному здоровью вовсе от службы и без именования военным званием. Посмотрев на подачу такого прошения как на результат болезненного раздражения владетеля, великий князь не захотел придавать ему особенного значения и считал, что это обстоятельство не должно служить причиною к изменению благоприятных для кн. Шервашидзе видов правительства относительно устройства его будущности. Просьбу же об увольнении в отставку на этот раз полагал исполнить тем более, что это во всяком случае не представляло какою-либо неудобства. Что касается просьбы владетеля о разрешении остаться в Абхазии, то великий князь предполагал позволить кн. Шервашидзе прожить там до весны, а в случае дальнейшего уклонения принудить к выезду силою, не принимая во внимание никаких причин и отговорок.

В этом смысле имелось в виду возбудить ходатайство перед государем, но по возвращении в Тифлис наместником в дипломатической канцелярии его была получена от посланника в Константинополе графа Игнатьева телеграмма, в которой сообщалась, что в Порту поступила просьба владетеля Абхазии о разрешении ему перейти в Турцию и присылке за ним парохода в Сухум, и что он, граф Игнатьев настоял об отсрочке просьбы для предупреждения кавказского начальства. Содержание этой депеши немедленно сообщили кн. Мирскому, который предписал генералу Шатилову для удаления кн. Шервашидзе в случае надобности употребить силу.

3-го ноября 1864 года два батальона эриванского полка и сотня казаков прибыли на судах в Очемчиры. На другой день Шатилов направил две роты и казаков под начальством графа Кутайсова в сел. Кваски, к месту пребывания кн. Шервашидзе, но. владетель, узнав о высадке войск, бросил все драгоценные вещи и даже значительную сумму денег (17 тысяч рублей) и бежал по направлению к дальским горам. Приняв меры по успокоению встревоженных абхазцев, Шатилов с отрядом прибыл в селение Гуп; здесь к нему явились посланные от владетеля с объяснением причин его внезапного выезда из Кваски и с приглашением посетить его в с. Тхина для переговоров. Шатилов отправил туда майора Кишельского и графа Кутайсова, которые склонили владетеля возвратиться в Кваски. При свидании с Шатиловым владетель объяснял свое бегство паническим страхом, внушенным ему внезапным появлением войск без всякого предупреждения, высказал, что он готов подчиниться распоряжениям и просил только дать ему время собрать и перевезти в Очемчиры имущество. Шатилов подтвердил владе-

телю о необходимости немедленно отправиться в Кутаис и пояснил, что в глазах народа ему неудобно будет оставаться под надзором войск. Тогда кн. Шервашидзе просил оставить сотню, отпустить пехоту в Очемчиры, и дал честное слово выполнять приказание относительно выезда из края.

7-го ноября кн. Шервашидзе был доставлен в Очемчиры и в тот же день в сопровождении шт.-кап. Добржанского отправлен на корвете «Сокол» в Новороссийск. Со времени прибытия в Кваски и до посадки на корвет владетель подчинялся всем распоряжениям. В самом народе приметна была большая сдержанность. Даже лица из высшего сословия, собравшиеся в значительном числе, чтобы проститься с владетелем, при первом требовании беспрекословно возвратились по домам. В отношении некоторых лиц, способствовавших кн. Шервашидзе в его предприятиях, не было принято никаких мер наказания, так как по близким отношениям их к кн. Михаилу взыскание это могло быть сочтено наказанием за весьма естественную приверженность к своему бывшему владетелю.

Что касается вопроса об определении материального обеспечения князю Шервашидзе и его потомству, то великий князь ходатайствовал, независимо от образа действий владетеля, не отступать от прежде высказанных намерений правительства относительно вознаграждения, при том, впрочем, непременном условии, чтобы за принадлежащие кн. Шервашидзе на правах частной собственности имения выдать соразмерную сумму денег.

С выездом владетеля из Абхазии недвижимые имения его были приняты в казенное управление, а с движимым имуществом поступлено согласно выраженного им желания. Для выяснения же размера получаемых им доходов как по званию владетеля, так и по частным имениям была учреждена комиссия под председательством генерала Понсэ, Сам кн. Шервашидзе был водворен на жительство в Воронеж, где он и умер, а тело его предано земле в фамильном склепе в Абхазии.

Семен Эсадзе Газ. « Тифлисский листок», 1904 г.. №№ 266 – 229.

3.142 Дьячков-Тарасов А.Н. Абхазия и Сухум в XIX столетии[1].

1910 г.

Глава I

Абхазия в конце XVIII столетия. Князья Шервашидзе и другие княжеские и знатнейшие дворянские абхазские фамилии. Леван Шервашидзе. Келешбей. Дадьян и вмешательство России в дела мингрело-абхазские.

[1] 10 июня 1910 года истекает век со дня взятия Сухума русскими. Своевременно, поэтому, бросить ретроспективный взгляд на столетнее прошлое Абхазии, проследить историю общественно-политического ее строя. Это и составляет предмет настоящего очерка. История Абхазии в XIX веке тесно связана с Сухумом, – поэтому прошлому этого города в очерке отведено соответствующее место.

АЛЫТАИР

Сефербей Шервашидзе. Взятие Сухума русскими. Положение Абхазии при Ермолове. Арслан-бей и абхазские восстания. Ген. кн. Горчаков и восстание 1823 года. Михаил Шервашидзе. Его воспитание. Неурядицы е Абхазии. Женитьба Михаила. Самурзакань и борьба за нее Михаила Шервашидзе и Ливана Дадьяна. Третий брак Михаила.

К концу XVIII столетия владетельные абхазские князья были в большей или меньшей степени суверенными обладателями территории, ограниченной на юге р. Ингуром, на севере р. Бзыбью. Цебельда же, общество Псху, Ахчипсху, приморские джигеты[1] (садзы), самурзаканцы или не признавали над собой власти абхазского владетеля, или подчинялись ему номинально. Бзыбская Абхазия, где в селении Лихны (Лыхны) – Соукс-су по-турецки – имел главное свое местопребывание абхазский князь, была в непосредственном обладании владетельных князей, тогда как другие части Абхазии (Абживская Абхазия, или Абжуаская, как ее называет Н.Н. Раевский[2], находившаяся во владении дворянских родов, считавших себя вассалами лихнинского князя, были едва связаны с метрополией. Подобные отношения создались издревле и были причиной многих бедствий для абхазцев. Сильной централизованной власти предстояло объединение Абхазии, уничтожение феодального периода, из которого Абхазия даже при умном и сильном Михаиле Шервашидзе так и не выбралась вплоть до обращения Абхазии в Сухумский отдел. Однако, невысокая культура дворян, влияние Мингрелии на дела Абхазии, с одной стороны, и Турции, с другой, сделали то, что такой централизованной властью явилась русская власть. Последняя за столетие сделала то, к чему тысячелетие безуспешно стремился абхазский народ96. Этот последний тезис и должен быть доказан последующим изложением.

Абхазские предания род князей Анчабадзе (Анчба по-абхазски) считают древнее рода владетельных князей Шарвашидзе (Шарасия по-абхазски)[3], а последний считают пришлым, потомком ширван-шаха. Филиппсон (Русский Архив, 1884, стр. 302) слышал, что Шервашидзе считаются выходцами из Джигетии из рода Гечь[4]. Один абхазец говорил мне, что Шираз – родина Шервашидзе, – отсюда-де и прозвище их по-абхазски «Шарасия».

По мнению грузинских летописцев, ширван-шах, родоначальник Шервашидзе, был одним из абхазо-имеретинских царей, чуть-ли не Давидом Возобновителем (XII в.), отцом Тамары97. Словом, происхождение рода абхазских владетелей скрывается где-то вне Абхазии. В 1124 г. правителем Абхазии – «эриставом» был назначен грузинским царем Дагато Шервашидзе98. Наряду с Шервашидзе в Абхазии существовали княжеские фамилии, кроме упомянутой Анчабадзе («грузифицированной», собств. Анчба), Маршани (цебельдинские князья, почти самостоятельные), Инал-ипа, Дзяпш-ипа, Эмхуа (Эмухвари); к знатнейшим дворянам II класса (амыста) принадлежала Лакербай, Маргани, Чичбая, Акыртава, Званбая, Микамбай.

[1] Общества Цан, Гечь и Арто.

[2] Дело Ген. штаба, по описи № 6/7 – Управления Черноморской береговой линии в июне 1839. – Доклад императору Николаю I.

[3] Сборник сведений о кавк. горцах, вып. VI стр. 29 и сл.

[4] Г.И. Филиппсон, по-видимому, был введен в заблуждение тем обстоятельством, что Михаил Георгиевич Шервашидзе, последний князь, действительно, воспитывался у убыхского (севернее земель Гечь) князя, Хаджи Берзека Дагумоко («Руководство к изуч. Кавказа», II, 200).

Власть князей Шервашидзе значительно была бы сильнее, если бы время от времени ей не наносилось сильных внешних ударов, к которым присоединялись междоусобия между отдельными членами этого рода, которые в свою очередь, искали поддержки у дворянских родов, и тогда Абхазия раздиралась междоусобиями на части.

Турки, занявшие еще в XVI столетии (1578 г.) Сухум, и построившие в нем существующую до сих пор каменную крепость[1], пользовались этими раздорами, чтобы держать в покорности Абхазию, где усиленно распространялся ислам и откуда вывозили много женщин и девушек. Князья Шервашидзе, уже с 1239 года объявившие себя самостоятельными владетелями, с трудом переносили турецкое владычество. Так, князь Леван Шервашидзе, вполне подчинившийся туркам и даже принявший магометанство со всем своим семейством и получивший от турок сухумскую крепость в качестве резиденции, уже в 1771 году с братом Зурабом восстал против турок, которые, однако, сумели посредством золота скоро привлечь на свою сторону Левана, и последний сдал им сухумскую крепость. Впоследствии, однако, крепость вновь очутилась в руках сына Левана Шервашидзе Келеш-бея (Келиш-бея). Это был энергичный, самостоятельно действовавший правитель, навлекая на себя неудовольствие Порты за принятие под свое покровительство трапезундского паши Техера, что стоило впоследствии Келеш-бею жизни. При нем Россия впервые проявила непосредственное воздействие на Абхазию.

Мингрелия, подавленная турками, разоряемая имеретинами и набегами сванетов (сванов), вместе с тем была предметом борьбы из-за власти Дадьянов. В 1803 г.[2] мингрельский князь Григорий Дадьян обратился за покровительством к России. Старший сын его князь Леван в это время был аманатом у Келеш-бея. Русские обещали Григорию освободить сына, и в 1805 году начали по этому поводу переговоры с Келеш-беем, находившимся под протекторатом Турции. Переговоры начались в крепостце Анаклия, принадлежавшей Келиш-бею, хотя и лежавшей на левом берегу р. Ингура. Во время переговоров нечаянный выстрел, сделанный абхазцем, поразил солдата, и крепость тотчас же была взята русскими; однако, в 1806 г. была возвращена абхазцам. Леван был возвращен в Мингрелию. Умный и сильный Келеш-бей не только свободно распоряжался Самурзакани, но часто вторгался в Мингрелию, которой приходилось умилостивлять его подарка-

[1] Есть основание полагать, что под крепость отошла генуэзская крепость. (См. слов. Брокгауза, 63, стр. 149, статью В.М. «Сухум»).

[2] Н.Н. Раевский Op. cit. Дело Ген. Шт. Управл. Чер. бер. лин. № 6/7.

АЛЫТАИР

ми, и, если бы не русская поддержка Одиши (Мингрелии), то Келеш – бей, весьма вероятно, вместо Дадьянов власть передал бы кому-либо из подручных князей Самурзакани. Последняя должна считаться неотъемлемой частью Абхазии, несмотря на православие ее населения. Все княжеские и дворянские фамилии этой непосредственно примыкающей к Мингрелии области абхазские, за исключением рода Чхотуа, сванетских выходцев; в Самурзакани мы находим в 30-х годах XIX века те же дворянские фамилии, что и в северо-западной части Абхазии; у многих были владения в обоих концах Абхазии, но никто из этих князей и тавадов не имел владений по левую сторону Ингура, кроме Анаклии, принадлежавшей Шервашидзе. Тесня в предшествующие века мингрельцев на юг, абхазцы в своей передовой линии смешивались с теснимыми, переняли от них многие обычаи, твердо стояли за христианство, чего нельзя сказать про северные округа Абхазии быстро подчинившееся проповеди ислама.

В 1808 году Келеш-бей, под влиянием происков Порты, недовольной им, как это объяснено выше, был убит собственным сыном Арсланом[1], много бедствий принесшим родине. Сухум и его окрестности очутились во власти отцеубиийцы, но против выступил брат его, второй сын Келеш-бея Сефер-бей (Георгий в христианстве), и Абхазия приняла сторону последнего: Арслан-бей бежал в Турцию. Этими семейными распрями тотчас же воспользовались почти феодальные владельцы Абжуаского и Абхазского округов, чтобы объявить себя самостоятельными правителями; то же сделали управляющий Самурзаканью Манучар Шервашидзе, родственник владетеля Абхазии, женатый на сестре Левана Дадьяна. Кроме того, Дадьяны, претендуя на Самурзакань, были заинтересованы в поддержании смут в Абхазии, и абхазцы того времени, по-видимому, не без оснований, приписывали Григорию Дадьяну влияние на отцеубийцу Арслан-бея Шервашидзе[2]. Манучар Шервашидзе правил Самурзаканью как удельный владетель; в таком же управлении Али-бея Шервашидзе был и Абжуаский округ. Манучар и Али-бей были троюродными братьями Сефер-бея.

Подвигаясь с юга на север, русские, базировавшиеся в Редут-кале, которым овладели в 1804 году[3], овладели Анаклией. Турецкие интриги в Абхазии, борьба дворян, просьбы мингрельцев успокоить соседей, обращение за помощью Сефер-бея привели русское правительство к решению взять Сухум, удалить турок из Абхазии, восстановить власть Сефер-бея и водворить спокойствие в несчастной стране. Сефер-бей дал обещание подчиниться со всем народом России, принять христианство и Сухум оставить во власти русских. Энергичный граф Александр Петрович Тормасов, сотрудник Потемкина, главнокомандующий войсками в Грузии и на Линии, решил устранить влияние турок на Имеретию и Абхазию: после взятия Поти настала очередь Сухума[1].

[1] Reinnegs, 11, 8.

[2] Op. cit. – Н.Н. Раевского.

[3] В этом году стопушечный корабль и фрегат высадили здесь белевский полк, который и овладел турецкой крепостью.

9 июня 1810 года в сухумскую бухту вошла и стала на якорь эскадра, состоявшая из корабля «Воин» и двух фрегатов с десантом в 600 человек, под командою капитана I ранга Дотта. Эскадра бомбардировала крепость в продолжение двух дней; турки энергично отвечали из 64 пушек. Разрушив в достаточной степени крепостные стены, Дотт спустил десант, батальон морской пехоты, под начальством майора Конрадини. Последний, поведя атаку с юга, овладел сначала городом, в котором считалось до 6 тысяч жителей; затем он штурмовал крепость: русские, разбив ворота, бросились на турок. Гарнизон бежал через северо-западные ворота. Батальон потерял 109 человек убитыми[2].

Император Александр I назначил правителем Абхазии Сефер-бея Шервашидзе, в крещении получившего имя Георгия. Несмотря на сильную поддержку русских, Сефер-бей, однако, в течение девятилетнего правления не мог привести к полной покорности отложившихся правителей.

Чтобы обеспечить Абхазию от нападения с северо-запада беспокойных джигетов[3], Сефер-бей даже обручил второго своего сына, будущего правителя Абхазии Михаила с дочерью князя сильного джигетского племени Арто – Беслангура Арт-бея. В 1813 году Манучар Шервашидзе был убит одним из самурзаканцев, по слухам, по внушению владетеля Мингрелии Левана Дадьяна и его родственника Николая Дадьяна. Общее мнение в Абхазии указывало на желание Левана приобрести влияние на дела Самурзакани через родную сестру его, [жену] убитого Манучара[4]. Сефер-бей, будучи не в силах помешать проискам мингрельского правителя, принужден был дать Дадьяну, по его просьбе, договорную грамоту, в которой предоставлял ему, как ближайшему родственнику малолетних детей Манучара, получать подать с Самурзакани до времени совершеннолетия сирот, с тем, однако, чтобы эти доходы шли на содержание детей. Этот хитрый прием со стороны Левана Дадьяна заставил его сестру, вдову Манучара, обращаться со своими делами, большею частью, к Дадьяну, и сохранять к абхазскому владетелю номинальную зависимость.

[1] Гр. Тормасов послал кн. Орбелиани с отрядом (12 рот, 50 казаков, 5 орудий) взять Поти. Орбелиани уже взял форштадт, когда в 20 верстах высадился Шериф-паша. Орбелиани, подкрепленный гурийцами, атаковал Шериф-пашу и наголову разбил его. Крепость сдалась на капитуляцию. В 1812 году была возвращена туркам и в 1828 году вновь была взята генерал-майором Гессе.

[2] «Руководство к познанию Кавказа», Селезнева, 1850, ч. II, стр. 180.

[3] Приморские джигеты, о которых идет речь, делились на три племени: племя Цан (Чан или Сан) жило в непосредственном соседстве с Гаграми, в бассейне реки Сандрити (Цандрипш) или Хошупсе). Подробности см. в моей статье «Гагры и их окрестности» – Зап. К. Одт. И.Р.Г. О., кн. XXIV, вып. 1-ый); за пелеменем Цан следовало племя Арто или Арт самое многочисленное; в области р. Псоу жило племя Геч.

[4] Н.Н. Раевский. Op. cit.

АЙТАЙ

Влияние русских, державших в Сухуме гарнизон, до некоторой степени обуздало буйное население Абхазии, и набеги на Мингрелию значительно сократились; однако, пребывание русских в Сухуме было сопряжено, помимо большой смертности в гарнизоне, и дипломатическими затруднениями, так что в министерстве иностранных дел был уже поднят вопрос о возвращении Сухума и Абхазии туркам. А.П. Ермолов, «диктатор Кавказа», написал резкое письмо[1] министру иностранных дел, отстаивая важное значение этого города, как нашего опорного пункта на восточном черноморском побережье, и угрожая отставкой в случае неисполнения его желания. Министерство уступило настойчивости Ермолова.

7-го февраля 1821 года умер Сефер-бей Шервашидзе[2], и смуты в Абхазии вновь начались. В смерти Сефер-бея принимал участие брат его Арслан-бей[3], возвратившийся из Турции и проживавший в Гаграх; не меньшее участие принимал в смутах и другой брат Гассан-бей, имевший местопребывание в укрепленном доме на берегу р. Келасури, в шести верстах от Сухума. Это был впоследствии большой покровитель контрабанды, доставлявшейся турками, находившими у Гассана убежище, склады и защиту[4]. Этого-то Гассана поручено было сухумскому коменданту майору Могилянскому арестовать, что он и исполнил, заманив абхазца в крепость, откуда он был отправлен в ссылку в Россию. Между тем Арслан-бей не мешкал и набирал за Гаграми полчище из джигетов, псхувцев, ахчипсовцев, убыхов; собравши несколько тысяч, он повел их берегом, мимо Гагр к Сухуму, который и осадил утром 11 сентября 1821 года. Но на помощь крепости спешил форсированными переходами командовавший войсками в Имеретии кн. Горчаков[5], захватив с собою нового владетельного князя Димитрия Шервашидзе, только что покинувшего пажеский корпус. Узнав о приближении кн. Горчакова, Арслан-бей поспешил к Кодору, который считал выгодной позицией, скопища его были отброшены с большим уроном. С прибытием Горчакова в Сухум Абхазия притихла[6]. Димитрий Шервашидзе торже-

[1] От 20 марта 1820 года.

[2] Сефер-бей погребен в древней церкви в селе Лыхнах. На его могиле лежит плита на уровне церковного пола. Надпись на плите сделана по-гречески. Храм этот по стилю должен быть отнесен к XI веку. Стены его покрыты живописью. На одной из фресок найдена надпись, относящаяся к 1066 г., к эпохе абхазо-карталинского царя Баграта IV, строителя нескольких церквей в Абхазии и соседних с нею областей. Кроме того, надпись сохранила память об интересном событии – о появлении в 1066 году кометы «с вербной недели до полнолуния». Действительно, в 1066 году была комета (Галлея).

[3] Т.Н. Филиппсон. Воспоминания. М. 1885, стр. 190. Изд. «Русского архива».

[4] Другим местом, где контрабандисты находили широкое гостеприимство, были Очемчири – в Самурзакани100.

[5] Петр Дмитриевич, впоследствии генерал-губернатор Западной Сибири (Воспоминания Г.И. Филиппсона, Р. Архив, 1884, 303. Филиппсон называет его «полудержавным проконсулом» Сибири).

[6] Однако, в декабре 1821 г. абхазцы напали на небольшой русский отряд, вышедший из крепости.

ственно был объявлен владетелем Абхазии, в присутствии многолюдного собрания абхазских князей и дворян. Однако, молодой князь недолго правил Абхазией: через год (16 октября 1822 года) он был отравлен одним из приверженцев Арслан-бея. Владетельным князем был назначен знаменитый Михаил Шервашидзе, второй сын Сефер-бея. Ввиду его малолетства (ему было 13 лет), управление страной было поручено его матери княгине Тамаре. Ермолов ходатайствовал об утверждении Михаила, и последнему был пожалован чин майора. Однако, интриги Арслан-бея, этого демона Абхазии, всемерно стремившегося к власти, заставили Тамару с сыном в 1824 году покинуть Абхазию: правительница слишком была слаба для того, чтобы противодействовать интригам, яду и кинжалу, столь популярным в Абхазии средствам устранения соперников. Три года Михаил прожил в Мингрелии и Имеретии. Видя Абхазию предоставленной анархии, соседние племена не замедлили воспользоваться случаем пограбить ее, но одно из таких нападений в 1823 году, когда большая партия убыхов и джигетов задумала напасть на бзибских абхазцев, было весьма неудачно для нападавших: партию вовремя заметили близ Гагр абхазские пастухи, давшие знать в Абхазию: партия была отрезана от Гагринского прохода и поголовно истреблена. Эти набеги заставили Михаила просить русских занять этот проход: однако, русские не тотчас исполнили его просьбу: необходимо было раньше стать твердой ногой в Бзыбской Абхазии[1], наиболее беспокойной из всех трех абхазских округов, не считая Самурзакани[2]. В этой части Абхазии русские утвердились в 1824 году. Неутомимый отцеубийца Арслан-бей, живший в недоступных Гаграх, у джигетов, в этом году вновь организовал восстание для свержения молодого Михаила, случайно находившегося в своей резиденции Лыхнах (Соук-су). Владетель погиб бы, осажденный скопищами джигетов и абхазцев, если бы не присутствие в Соук-су двух рот 44-го егерского мингрельского полка, с двумя орудиями, под начальством мужественного капитана Мараховского. На помощь осажденным быстро прибыл из Имеретии тот же кн. Горчаков. На этот раз на своем пути через Самурзакань, Абживский и Сухумский округа он встретил упорное сопротивление; особенно жаркое дело он имел близ Келасур. В Сухуме он посадил на бриг «Орфей» и фрегат «Светлану», сколько мог, войска и перевел его 20-го июня в бомборскую бухту[3]. Обстреляв прибрежный лес из судовых коронад, Горчаков высадил первую половину своего отряда, тотчас же устроившую укрепленный лагерь, где и дождался прибытия второй половины на тех же кораблях. Между тем в Лыхнах число осаждавших возро-

[1] Бзыбская Абхазия – от Нового Афона (Псыртсха) до Жуадзех (Жуэквара). Карта 1855 года, издание штаба кавказской армии, а также карта 1842 года, штаба кавказской армии.

[2] Округ Абхазский заключался между р. Псыртсхой и р. Кодором Абжуаской или Абживский (Абжубский) – по карте 1842 года) лежал между Кодором и р. Охури. От Гализги до Ингура простиралась Самурзакань.

[3] Близ Гудаут – Cavo di Bussi генуезцев.

АЙТАМИР

сло до 12 тысяч. Гарнизон изнемогал в борьбе, хотя держался бодро и делал удачные вылазки: так, однажды 20 человек солдат ворвались в стоящий тут же на площадке, где стоял и княжеский дом, в соседстве столетних лип, древний храм, в котором притаилось несколько десятков абхазцев, беспокоивших осажденных фланговым огнем, и перекололи всех, за исключением известного впоследствии абхазца Кацо Маргани, спрятавшегося на хорах, куда ведет узкая лестница. Провиант уже был съеден, кукуруза приближалась к концу, как однажды днем (21-го июня) осажденные заметили в лагере осаждавших необыкновенное движение: абхазские толпы устремились к берегу моря. Близ Бомбор, в трех верстах от Гудаут, скопище абхазцев и джигетов встретило отряд Горчакова: после непродолжительной перестрелки восставшие были рассеяны, и Мараховский с Михаилом были освобождены. Ермолов наградил храброго капитана Владимиром 4 степени. Шервашидзе вновь уехал в Мингрелию, где пробыл до 1827 года, побывал в Тифлисе, научился хорошо говорить по-русски и даже писать.

Михаил получил отличное горское воспитание у знаменитого убыхского князя Хаджи Берзека Дагумоко; он умел отлично ездить верхом, стрелять, был ловок и силен. Был коварен и хитер: не любил действать открыто, а по-восточному, лукаво, подкупом и наемным кинжалом. Храбростью он не отличался[1]. Знание природы родного племени и умение ладить с русскими дали ему возможность править страною в течение 44 лет, полных опасности умереть от пули из-за куста, от кинжала или яда.

В 1827 году Михаил Шервашидзе вернулся на родину, несколько цивилизовавшись и научившись русскому языку, побывав в Тифлисе[2]. Михаил стал теперь настойчиво просить русские власти занять Гагры, чтобы прекратить набеги джигетов на Абхазию[3]. Спустя три года русские исполнили его желание, занявши Гагры, Бомборы и Пицунду. В 1829 году княгиня Тамара осуществила желание своего покойного мужа Сефер-бея и женила владетеля Абхазии на обрученной уже с ним дочери джигетского князя Беслангура Арт-бея. Михаил увидел свою жену впервые только после бракосочетания и тотчас же почувствовал к ней отвращение. В 1831 году мать его согласилась на развод, который и совершил по местным обычаям духовник Тамары, без разрешения высшей духовной власти. Соглашаясь на развод сына, Тамара уже наметила ему другую жену из своего рода – мингрельского владетельного дома; однако, и на этот раз брак не был удачен. Михаил, возвращаясь в этом же году из Кутаиса, был приглашен на пир князем Николаем Дадьяном, которого абхазцы подозревали в убийстве самурзаканского правителя Манучара Шервашидзе. Пиршество продолжалось двое суток; хозяин был радушен, и вино лилось широкой струей. На второй день, среди шумного веселья, подвели к владетелю Абхазии, невесту, дочь хозяина. Явился свя-

[1] Г. И. Филиппсон. Воспоминания. М, 1885 г., стр. 262.
[2] Руководство к познанию Кавказа, II, 200.
[3] Торнау. Р. Вести., 1864. X.

щенник и, не дав опомниться гостю, обвенчал его с мингрельской княжной. Вскоре Михаил опомнился, просил разводную, привел в подтверждение незаконности брака Великий пост, бывший тогда, а также то обстоятельство, что священник был отрешен от священнодействия. Однако, владетель Мингрелии не внял его просьбам. Михаил, разгневанный, на третий день уехал, не взяв с собой своей жены[1]. В 1836 году он познакомился с дочерью Георгия Дадьяна, проживавшей в доме своей тетки Кесарии Шервашидзе, управляющей Абжуаским округом. Последствием взаимной любви был третий брак Михаила Шервашидзе. Николай Дадьян, отец второй жены Михаила, подал прошение главнокомандующему с жалобою на Михаила, ходатайствуя об уплате владетелем вознаграждения за бесчестье дочери, и главнокомандующий приказал приостановить выдачу Михаилу ежегодной субсидии, которую он до сих пор получал. Главное кавказское начальство в этом случае поступило незаконно, так как следовало удержать только половину субсидии. Вообще, мингрельские Дадьяновы пользовались особым расположением Тифлиса, – поэтому они, не стесняясь нарушить добрососедские отношения, старались овладеть Самурзаканью. Мингрельский владетель Леван Дадьян, не чуждый авантюрам Арслан-бея, пользуясь, кроме того, смутами в Абхазии, молодостью ее правителя, смертью Манучара Шервашидзе, влиянием своим на его жену и свою сестру, малолетством обоих ее сыновей, стал явно обнаруживать желание овладеть Самурзаканью, и, действительно, в 1839 году он был в ней полновластным господином. Когда старший сын Манучара Александр достиг совершеннолетия, то Дадьян, желая устранить его, возвел на него клевету, будто он злоумышляет против русских, а затем, арестовав, представил начальнику войск в Имеретии. Александр был выслан в Россию. И другого своего племянника Дмитрия Шервашидзе он также хотел представить начальству, для чего послал схватить его; однако, Дмитрий оказал сильное сопротивление, и был убит. Таким образом, Леван Дадьян и овладел Самурзаканью, несмотря на все просьбы Михаила, обращенные к главнокомандующему в Грузии. Михаилу было даже, в конце концов, воспрещено обращаться с просьбами. Не довольствуясь приобретением Самурзакани, Дадьян захотел, надеясь на покровительство Тифлиса, присоединить и часть Абжуаского (Абживского) округа, границей коего с Самурзаканью была небольшая река Охури (Охурей)[2] между р. Галидзгой и р. Гудавой. Это тем легче было сделать ему, что жители Абживского округа считали себя почти самостоятельными, независимыми от Михаила. Тогдашний начальник кавказской береговой линии пишет в своем докладе императору – обозрении береговой линии в 1839 году: «Вопрос о Самурзакани, сей значительной области, которую оспаривают признанные правительством владетели Абхазии и Мингрелии,

[1] Донесение Н.Н. Раевского. Op. cit.
[2] Н. Раевский. Op. cit.

АЙТАМИР

весьма важен. По недостатку подробнейших сведений, я приостанавливаю мое суждение. Но полагаю совершенно несправедливым назначать границей между обоими владетелями реку Гализгу[1], на место р. Охурей. Я не отвечаю за ропот и его последствия в Абхазии, если и сие требование Дадьяна приведется в исполнение[2]. Наиболее целесообразной мерой генерал Раевский считал передачу всей Самурзакани Александру Шервашидзе, сосланному в Россию. Что же касается третьего брака Михаила, то генерал Раевский предлагал признать его законным на том основании, что первая его жена в 1832 году вышла замуж за джигетского князя Гечь Эдир-бея; что же касается второй его жены, то назначить ей половину субсидии, получаемой Михаилом от правительства, и утвердить развод. Так и было сделано.

Глава II

Возведение укреплений в Бзыбской Абхазии. Проект Паскевича. Ген. Пацовский и Гессе. Общее положение дел в Абхазии при Пацовском. Учреждение в Сухуме таможенной заставы. Положение Сухума в начале 30-х годов. Смертность в гарнизоне. Проект ген. Раевского канализации в Сухуме. Английская купеческая компания в Трапезонде и контрабанда в Абхазии. Урхекарт, Лонгворт и Белль. Уничтожение закавказского транзита. Затруднительность транспортирования товаров в Абхазию. Торговля в Абхазии и усилия ген. Раевского прекратить контрабанду и увеличить ввоз русских произведений в Абхазию.

Желание Михаила Шервашидзе обезопасить Абхазию от джигетов было более чем удовлетворено, кроме заложения укр. Гагр в 1830 году, были возведены укрепления в Пицунде и в Бомборах. Последнее укрепление было назначено для гарнизона, который должен был держать в повиновении беспокойный Бзыбский округ, а также быть готовым помочь в случае нужды владетелю Абхазии, имевшему главное свое местопребывание в Лыхнах, находящихся в 4 верстах от укр. Бомборы. Все эти три укрепления были возведены по мысли Паскевича, который представил радикальный, но неосуществимый проект покорения западного Кавказа путем установления прочной связи между Кубанской линией и черноморским побережьем посредством разработки дорог через перевалы. Для этого Паскевич предложил со стороны моря возвести ряд укреплений, и кроме существовавших уже Редут-кале, Сухум-кале и Анапы должны были быть возведены Бомборы, Пицунда и Гагры: на постройке последних Паскевич особенно настаивал, видя в них ворота, запиравшие доступ джигетам и убыхам в Абхазию[3]. Паскевич поручил главное наблюдение над постройкой новых укреплений генерал-майору Гессе, командовавшему после кн. Горчакова войсками в

[1] В 1877 году на берегах этой речки генерал Алхазов разбил турецкий отряд.
[2] Н. Раевский. Op. cit.
[3] Паскевич ошибался: пешие партии горцев с трудом, но могли проходить в тылу Гагринского хребта и спускаться в Абхазию по склонам Мамзышхи.

Имеретии. Это был опытный генерал, взявший Поти, построивший пост св. Николая, отбросивший турок с Кинтришских высот и предпринявший в 1828 году диверсию к Батуму.

Непосредственное же наблюдение за постройкой названных укреплений было поручено генерал-майору Пацовскому, личности замечательной. Он начал службу на Кавказе с 1805 года. На глазах Цицианова, Котляревского и Ермолова он брал с боя каждый чин; будучи полковником, он при Ермолове был сначала тифлисским комендантом, а затем командиром оперировавшего в Абхазии 44-го егерского полка. Это свидетельствует в пользу того хорошего мнения о Пацовском, какое имел о нем Ермолов, дававший полки с большим разбором. Барон Торнау, хорошо изучивший Пацовского, находит только одного из кавказских современных ему генералов равным Пацовскому – знаменитого сподвижника Ермолова Алексея Александровича Вельяминова[1].

Бомборы были выстроены 10 ротам 44-го егерского полка, высадившегося с 8 орудиями и командой казаков. Укрепление имело вид большого параллелограмма, с бастионом. Внутренность укрепления[2] была разбита на шесть правильных кварталов и застроена небольшими чисто выбеленными домами, длинными казармами и провиантскими магазинами, близ крепости скоро приютился небольшой форштадт с базаром, населенный армянскими и греческими торгашами. «Политическое и стратегическое» положение Бомборы было весьма удобно: она давало полную возможность наблюдать за страной, охранять Шервашидзе и незаметно сближаться с населением. Однако, Бомборы имели два крупных недостатка: неудобную бухту и лихорадочный климат. Суда бросали перед Бомборами якорь не ближе трех итальянских миль, что затрудняло выгрузку военных тяжестей; крепость была построена на глинистом грунте, и солдаты сильно страдали малярией. Пацовский, кроме того, построил редуты на берегу моря – для склада провианта, на р. Хипсте (Белой) – для охраны полковых лошадей, пасшихся там, и на р. Мцыше (ныне Мычиш) – для защиты водяной лесопилки, устроенной каким-то бродячим техником, по приказанию Пацовского. Доски променивались абхазцам, даже доставлялись в Сухум. Абхазцы очень любили Пацовского, как впоследствии генерала В.А. Геймана; солдаты отряда Пацовского могли безбоязненно заходить в отдаленнейшие селения, оставаясь невредимыми и всюду встречая гостеприимство. Укрепление Пицунда было выстроено в том же 1830 году, Пацовский подновил древние монастырские стены, а по углам были даже пристроены деревянные башни. Для солдат была выстроена хорошая казарма. Сначала в Пицунде стояло две роты, но малярия заставила уменьшить гарнизон до одной роты. В июле того же года произведена была высадка 650 человек в Гаграх, которые

[1] Торнау. Р. Вести. 1864, IX, 35.
[2] В настоящее время там насажены фруктовые деревья.

АЙТАМИР

и выстроили туровые стены крепости, при чем были использованы древние каменные стены, шедшие от берега к горе. Тяжелая до крайности обстановка жизни в маленьком укреплении, где даже по двору было небезопасно пройтись, частые тревоги, отсутствие овощей, изоляция от внешнего мира делали из укрепления тюрьму с лазаретом, переполненным больными. Впоследствии, с успокоением края, с упразднением укрепления, здесь был открыт военный госпиталь, где с успехом лечились малярийные больные солдаты, доставляемые на военных шхунах с побережья[1].

С занятием абхазского побережья, Сухум стал приобретать значение центрального пункта: здесь в 1832 году учреждена таможенная застава, хотя контрабанда, бывшая для абхазских князей источником крупных доходов, продолжала процветать, особенно в Очемчирах, пока, с постройкой и прибытием на крейсерство вдоль абхазского побережья пароходов, а особенно с заведением гребной флотилии из азовских баркасов, контрабанда не была сокращена.

Жалкий вид имел Сухум в первые годы обладания им русскими.

Во времена турецкого владычества в Абхазии, когда население его доходило до шести тысяч, преимущественно турецких купцов, он по словам Н.Н.Раевского[2] был городом богатым, здоровым, веселым, торговля в нем кипела; здесь был рынок невольниц. Ручей Чандар[3] разделенный по канавам, везде давал свежую воду для орошения садов и ассенизации. Близ берега эти канавы, обложенные камнем, соединялись в одну большую, облицованную кирпичом; в нее входили для исправления и нагрузки турецкие кочермы. Сухумская крепость была окружена каналом (следы этого канала можно было наблюдать в 70-х годах), кроме того, утверждают, что турки сумели уничтожить знаменитое сухумское болото, лежавшее на север от города. Покинутый турками Сухум мало-помалу приходил в разрушение, турецкие сакли разваливались, канавы не поддерживались, поэтому Сухумка и другие ручьи, стекавшие с «Трапеции» и соседних балок, во время дождей и таяния снегов разливались и затопляли окрестности крепости. К тридцатым годам Сухум представлял еще более жалкую картину. Канавы засорились и заросли кустарником. Крепостной ров был заполнен нечистотами и отбросами, которые солдатами сваливались через амбразуры; от этого воздух близ крепости был заражен. Гарнизон крепости был в тяжелом санитарном положении. Так, в конце тридцатых годов, именно в 1836, 1837 и 1838 годах, в среднем, из 659 человек гарнизона в год умирало 154 человека т.е. страшно сказать, менее чем в пять лет гарнизон Сухума уничтожался[4]. Ввиду таких гетакомб, приносимых русскими в жертву Абхазии, Раевский

[1] В подробности история Гагр изложена мною в статье «Гагры и их окрестности». Зап Кавк. Отд. И.Р.Г.О., кн. XXIV, в. 1-й.
[2] Н. Раевский Op. cit.
[3] Ныне речка Сухумка, вытекающая из ущелья за ботаническим садом.
[4] Донесение Н.Н. Раевского императору Николаю I.

просил высшее начальство разрешить ему с помощью местных войск исполнить следующие работы по проекту начальника верхней мингрельской дороги майора путей сообщения Лободы: 1) углубить русло ручья Чандар на расстоянии одной версты от ущелья до моря для того, чтобы понизить уровень воды в нем; соединить все родники и дать им постоянный сток в море; 2) привести в надлежащий вид старые канавы; достаточно углубить их, соединить их с двумя магистральными, которые существовали еще при турках и по которым, как уверяли старожилы и князь Гассан-бей Шервашидзе[1], плавали каюки; 3) сделать у концов главных канав небольшие деревянные шлюзы, чтобы во время прибоя не пропускать в канавы морской воды и отпирать шлюзы только для стока воды; 4) крепостной ров очистить и пропустить в него одну из главных канав. Раевский настойчиво просил разрешения с помощью тысячи солдат в октябре 1840 года начать эти работы[2]. К сожалению, мы не имеем данных утверждать, что проект Раевского был приведен в исполнение. В 1832 году, как сказано выше, в Сухуме была открыта таможенная застава, что считал необходимым и генерал Раевский ввиду усиления контрабанды и приобретения Сухумом значения главного экспортного и импортного пункта Абхазии. В Трапезонде имела местопребывание могущественная и предприимчивая компания английских купцов, наводнявшая своими товарами Грузию, Имеретию, Мингрелию и побережье; мало того, англичане эти старались приобрести влияние на политическое положение этих стран: так, эта компания настолько успела согласить выводы свои и малоазиатских турецких властей, что желание султана удержать своих подданных от нанесения контрабандой вреда России сводилось к нулю, и контрабанда на нашем восточном берегу Черного моря стала приобретать угрожающие размеры, например, англичанин Лонгвор[3] прислал натухайцам безвозмездно большое количество пороху и свинцу через турецких контрабандистов, которые в свою очередь, являлись пропагандистами борьбы с русскими. В том же году среди шапсугов и натухайцев появился английский агент купец Джемс Белль, привезший горцам на большом судне соль, свинец, порох, кремни и много товаров, необходимых для надобностей горцев: однако его судно «Uixen» было взято крейсером, а сам Белль с трудом спасся на шлюпке и высадился в ущелье Дерсюэ[4]. В 1837 году Белль принимал уже деятельное участие в действиях шапсугов и натухайцев против нас[5]. По-видимому, меркантильные интересы англичан, сидевших с товарами в Трепизонде, были достаточно велики на Кавказе,

[1] Возвращенный уже из ссылки и живший в своем келасурском владении. См. Торнау, Русск. Вести., 1864 года, XI.
[2] Н. Раевский. Op. cit.
[3] Сотрудник газ. «Morning Chronicle». Раньше него в 1834 году шапсугов посетил русофоб Давид Уркехарт, секретарь английского посольства в Константинополе. Он жил четыре месяца у шапсугов, агитируя против русских.
[4] Кавказский Сборник, т. III, стр. 40.
[5] Н. Раевский, op. cit.

АЙТАИР

если они активно старались затруднить русским достигнуть обладания кавказским побережьем. Распространяя дешевый товар и притом открывая на долгий срок кредит, трапезондская компания пользовалась среди туземцев большой популярностью; турки с величайшей охотой на своих кочермах перевозили к побережью их товары, а прибрежные жители с неменьшей охотой их покупали.

Трапезондская английская компания, вступив в соглашение с ост-индской компанией, снабжавшей Персию товарами через Персидский залив, Малую Азию, через Смирну и Сирию, снабжала товарами с черноморского побережья Малую Азию и Персию, а также все Закавказье. Россия выдвинула против этого экономического завоевания всей Азии и Закавказья меру уничтожения транзита через Грузию. К сожалению, прекратив в большей или меньшей степени доступ английской контрабанде, Россия не позаботилась о планомерном направлении товаров на побережье морем через Одессу, Крым и Ростов на-Дону; необходимые для нужд населения Абхазии товары шли на вьюках (знаменитые «черводары» из Тифлиса), куда по военно-грузинской дороге Макарьевская ярмарка через Волгу направляла свои товары; не субсидируемые правительством русские купцы не посылали своих кораблей из портов южной России на побережье Кавказа, и, по словам Н.Н. Раевского[1], несколько греческих и армянских (крымских армян) купеческих судов привозило на побережье из Крыма некоторое количество соли и железных изделий. Слишком сильны были торговые интересы кавказских горцев и турок, чтобы насильственное их прекращение русскими, не сумевшими тотчас же заменить контрабандные английские товары русскими, не вызвало удвоенной ненависти горцев, лишившихся и свободы политической, и возможности вести выгодную торговлю рабынями и дешевыми английскими товарами. Сначала, сгоряча горцы даже присягнули между собою, что не будут пользоваться русской солью; однако, впоследствии нужда взяла свое, и русская соль покупалась или обменивалась натухайцами, бжедугами и абадзехами на Линии; кроме того, соль эта продавалась горцам по весьма недорогой цене, что и заставило их прекратить покупку дорогой контрабандной соли или с большим трудом выпаривать соль из морской воды. На побережье особенно сильно развита контрабанда на 4-м и 3-м отделениях[2] кавказской береговой линии: это объяснялось отсутствием береговой стражи, слабым крейсерством, дурным устройством карантинов, таможенных застав, и дурным выбором чиновников[3] близостью Батума и Трапезонда: неудивительно поэтому, что абхазцы и мингрельцы и гурийцы носили только заграничные шелковые и бумажные контрабандные ткани. После взятия Сухума в Абхазии осталось до 150 семейств турок; часть их жила в Сухуме, часть занималась мелочною меною

1 Op. cit.
2 От укрепления св. Николая до Гагр.
3 Мнение генерала Н.Н. Раевского – ор. с.

внутри страны. Ежегодно из Анатолии в Сухум приходило до 70 кочерм: сбыв товар, турки отдавали в наем свои кочермы для перевозки вдоль берега тяжестей[1], часто и казенных. Часть груза, за который полагалась большая пошлина, кочермы сгруживали где-нибудь в глухом местечке побережья, затем налегке являлись в Сухум, где и очищали пошлиной дешевый груз и получали от таможни свидетельство на беспрепятственное посещение всех мест побережья, после чего или возвращались за спрятанными только что товарами или же немедленно открытым морем возвращались в Анатолию, чтобы тотчас вернуться с новым грузом товаров «на законном основании». Излюбленными местами для приюта контрабандистов были: Очемчиры (иначе их называют в Мингрелии Чамчури. На карте 1842 г., штаба окр. – Чамчура. У Н.Раевского – Очемчира), принадлежавшие владетелю Абхазии, который с одного только очемчирского базара имел 500 руб. серебром ежегодного дохода; уроч. Дгамыш (У Н. Раевского – Дгамеш); устья Кодора, принадлежавшие вышеупомянутой княгине Кесарии Шервашидзе, где базары давали ей до 1300 руб. серебром; Келасуры, принадлежавшие в начале тридцатых годов Гасан-бею Шервашидзе, а затем Димитрию Шервашидзе (здесь базар приносил до 1300 рублей серебром). Хотя владетель Абхазии и не принимал, по-видимому, участия в контрабанде, как это делали Димитрий и Кесария, потому что другие его доходы были значительно больше, – однако, и противодействовать ей решительно не мог, для Димитрия и Кесарии контрабанда служила главным источником доходов. Самый безопасный доступ для контрабандистов был в Самурзакани.

Несмотря на большую разницу в цене крымской и турецкой соли, первая продавалась в Абхазии по 40 коп. серебром пуд, а турецкая от 70 до 80 коп. сер.; однако, абхазцы предпочитали покупать соль у турок: это обстоятельство объяснялось тем, что русские купцы продавали соль за наличные деньги, турки же сделали из своей предмет меновой торговли, отдавая ее за кожи, меха, воск, мед, кукурузу, орехи, а также тайком за невольников[2]. Турки променивали своей соли ежегодно до 15 тысяч пудов. Генерал Раевский предлагал отпускать русскую соль владетелю по казенной цене, т.е. по 40 коп. медью, с тем, чтобы последний обменивал ее на местные предметы производства, на что русские купцы не были способны; конкуренция с турецкой солью должна была препятствовать Михаилу Шервашидзе подымать цены на соль. Ввиду бедности владетеля, генерал Раевский просил отсрочить уплату 6 тысяч рублей ассигнациями за 15 тысяч пудов крымской казенной соли на один год.

Турецкие железные и медные изделия также распространялись турками на выгодных для абхазцев условиях рассрочки платежа и мены могли

1 Это и до сих пор практикуется турками: они, кроме того, перевозят пассажиров и грузы с пароходов, ловят кефаль и сельдь, бьют дельфинов и вытапливают жир; приезжают в Анапу и Керчь за арбузами.
2 Н.Н. Раевский. Ор. с.

АПБТАИР

быть вытеснены предприимчивостью русских купцов: но последней было мало, и контрабанда тысячью путей проникала не только в Абхазию, но даже на Северный Кавказ. И только впоследствии, с учреждением Русского Общества Пароходства Торговли, начавшего посылать регулярно свои пароходы на побережье, контрабанда значительно уменьшилась.

Глава III.

Разработка дорог в Абхазии. Цебельда и поход в нее. Укр. Марамба. Укр. Дранды и Илори. Поход Муравьева в Цебельду. Самурзакань и положение Михаила Шервашидзе. Сухум в конце тридцатых и начале сороковых годов. Генералы Ольшевский и Муравьев. Сухум – портовый город. М.С. Воронцов и его отношение к побережью. Усиление власти Шервашидзе. Положение Абхазии и побережья перед Восточной войной. Снятие гарнизонов. Тяжелое положение Гагр. Вывод русских войск из Абхазии. Генерал Реад и Шервашидзе. Сношения последнего с турками. Условия, предъявленные Шервашидзе турецкому правительству. Омер-паша и Шервашидзе. Измена последнего. Наступление турок из Сухума на Зугдиды. Битва на Ингуре. Занятие Зугдид. Отступление Омера в Редут-кале. Кн. Святополк-Мирский и Шервашидзе. Рассказ о письме Шервашидзе султану. Арест Шервашидзе и его ссылка.

Овладение побережьем Абхазии, а также в 1828 году тылом ее Карачаем[1] русские стали заботиться, во-первых, о проведении дорог[2], а затем о проникновении вглубь гор Абхазии; особенное их внимание привлекало свободное абхазское общество, жившее в бассейне Чхалты и Сакена, дающих после своего соединения могучий Кодор; оно находилось в номинальной зависимости от абхазского владетеля и управлялось воинственным родом князей Маршани. Впервые русские организовали экспедицию в Цебельду в 1835 году, когда набеги шаек цебельдинцев (общество все называлось Цабел, Цебел – местность Цебельда) вынудили сухумские власти несколько обуздать предприимчивость горцев. Экспедиция 1835 года разорила много аулов; однако, цебельдинцы не угомонились, и через два года в 1837 году необходимо было организовать вторую экспедицию[3]. И это не помогло: в 1840 году «генерал-майор» Михаил Шервашидзе с русским отрядом вторгся в ущелье Дальское (Цебельда). Общее начальство над отрядом было в руках подполковника Козловского, временно командовавшего третьим отрядом и на скале, в 14 верстах от устья Келасури, близ горы Апианча, в Марамбе построившего укрепленный дом для цебельдинского пристава. Здесь стояла рота и жили 80 семейств русских, освобожденных из плена и женившихся в горах[1]. Первым цебельдинским приставом был прапорщик Лисовский, студент киевского университета, сосланный солдатом в Абхазию за участие в каком-то заговоре[2]. Был организован Цебельдинский округ в пределах бассейнов Чхалты, Секена и Амткяла. Лисовский в 1843 году представил отличное описание Сванетии (первое) с приложением глазомерной карты.

Для усиления влияния русского в Абживском округе было построено Пацовским укрепление Дранды, близ устья Кодора, а для того же в Самурзакани – в сел. Илори, тем же генералом (Воспоминания Г.И.Филиппсона. М., 1885, стр. 198). В 1841 году, по словам Филиппсона, генерал Муравьев счел нужным воспользоваться данным ему позволением двинуться в Цебельду, где беспорядки не утихали. Отряд состоял из трех батальонов, нескольких горных единорогов и абхазской милиции, пешей и конной. До укрепления Марамбы он не встретил никакого сопротивления: цебельдинцы укрылись в Дальское ущелье. Муравьев, несмотря на необычайные трудности бездорожного горного похода, преследовал их; когда войска из ущелья р. Амткял повернули к Багадскому (висячему) мосту, паника охватила население. Из нижней Цебельды было два пути к верховьям Кодора: первый через урочище Наа, против которого имелся порядочный брод через Кодор; второй – через Багадский мост, за которым обе дороги сводятся в одну, которая сначала идет по левому берегу Кодора, а выше начинает перебрасываться через броды с одного берега на другой. Муравьев избрал более трудный путь – через багадский мост: от укр. Марамбы до р. Амткяла местность волнистая и открытая. За Амткялом редкие перелески и далее начинается знаменитая Багадская теснина (особенно памятна по бесславному отступлению из Сухума ген. Кравченко в 1877 году): здесь тропа (ныне там разработана военно-сухумская шоссированная дорога) то шла карнизом над бушующим глубоко Кодором, то исчезала среди глыб гранитных скал. Перейдя через висячий багадский мост на левую сторону, дорога идет по более доступной местности. Муравьев быстро форсировал Багадскую теснину, авангард его давно уже был на левом берегу Кодора, между тем как остальной отряд еще долго переправлялся; особенно затруднительна была переправа лошадей, по узкому мостику над бездной. Горцы успели собраться, Отряд к вечеру занял удобную позицию, пройдя несколько вверх по Кодору. На следующий день войска по частям посылали жечь аулы. Перестрелка не умолкала; в войсках было несколько раненых. Пораженные неожиданным переходом русских через Багаду, цебельдинцы, жившие вниз по левому берегу Кодора и опасавшиеся за участь своих аулов, примкнули, конные и пешие к Муравьеву, под предводительством Херипса Маршани, жившего в урочище

[1] 20-го октября 1828 года ген. Г.А. Эммануэль занял Карачай.

[2] Проложена была шоссейная дорога ген. Ахлестышевым от Гагр до Пицунды, разработана дорога вдоль берега от Бомбор до Сухума и далее на Очемчиры; расширена горная дорога к Дольскому ущелью.

[3] В ней участвовал Марлинский, написавший 12-го мая 1837 года из «сердца Цебельды» пророческое письмо о своей смерти. Русск. В., 1901, апрель.

[1] Впоследствии эти жители Марамбы были переселены в Анапу (в сороковых годах).

[2] Воспоминания Г.И. Филиппсона. М., 1885. Стр. 236.

АЛ ТАИР

Наа. Однако, дальцы, опомнившись, стали наседать на отряд, перестрелка не прекращалась. Патронов было взято по шестидесяти на человека. Сухарей было взято на четыре дня, снарядов для единорогов тоже ограниченное количество; возвращение через Багаду могло быть сопряжено с большими потерями, движение же через Наа должно было потребовать лишний день: Муравьев приказал отступать. Неприятель так настойчиво преследовал войска, что «нервы Муравьева не выдержали», пишет Филиппсон: «он заболел. Говорили, что Муравьев выпил более, чем мог перенести[1]. Дальнейшим движением распоряжался гвардия капитан Лауниц, адъютант Головина, бывший адъютант графа Толя, офицер, заслуживший общее уважение. Отряд отступал через Наа, где остановился на ночлег. Перестрелка прекратилась, и утром начались переговоры. Шабат, один из предводителей восставших, уехал в неприступные трущобы общества Псху, а другой, Батал-бей, явился в лагерь с повинной головой и был прощен. Пробыв в Марамбе несколько дней, отряд вернулся в Сухум. Потери было несколько солдат убитых и раненых. Временное спокойствие в Цебельде и Абхазии вскоре опять было нарушено при участии самого владетеля, который прекрасно понимал, что умиротворение Абхазии лишит его престижа в глазах правительства; а этот престиж вообще невысок был в Тифлисе. Между тем как Самурзакань продолжала быть яблоком раздора между Дадьяном и Михаилом Шервашидзе, барон Розен решил, что Самурзакань должна быть нейтральным владением и принадлежать непосредственно правительству; князья же Шервашидзе, по мнению Розена, имели только помещичьи права на крестьян, живших в Абхазском округе до р. Гализги[2]. В Самурзакань назначен был приставом капитан Кириллов. Мингрельцы продолжали интриговать в Тифлисе и не без успеха. Кроме того, Михаила притесняли и его двоюродные братья, правившие округами Абжуаским и Абхазским[3]. Михаил защищался, и Дмитрий (управляющий Абхазским округом), самый злой и хитрый его противник, был отравлен.

При Раевском положение Михаила Шервашидзе резко изменилось в отношении усиления его власти. Преемники Раевского генералы Анреп и Будберг продолжали держаться той же политики.

В описываемую эпоху Сухум, абхазский Петербург, имел очень печальный вид, который он сохранил до 1867 года, когда приехал в Сухум генерал В.А. Гейман.

Высокие каменные стены крепости, подмываемые морским прибоем, были повреждены со стороны моря; внутренность крепости была застроена деревянными помещениями для гарнизона и службами. Все это было ветхо, гнило вследствие обилия осадков, грязно. Малярия свирепствовала:

[1] Филиппсон. Lib. cit., стр. 254.

[2] Самурзакань начиналась с реки Охури, Южнее Гализги шла до Ингура.

[3] Как, сказано выше, Абхазский округ на севере доходил до р. Псыртсхи, а на юге Дгамыша. От последнего до р. Охури простирался Абжуасский округ.

соседнее болото, переполненное лягушками, было главным его рассадником. Жители имели вид болезненный, изнуренный, апатичный, пишет Филиппсон[1]. Форштадт состоял из нескольких духанов где армянские торговцы продавали водку, местное вино, табак и необходимые для солдат предметы; здесь же можно было приобрести английский ситец и другие изделия английских фабрик, несмотря на то, что в Сухуме уже был карантин (против занесения чумы) и таможенная застава. Раньше мы указали на причины слабого развития торговли в Сухуме. В 1848 году город был возведен на степень портового, жителям были дарованы различные льготы. Ольшевский (из Сухума он был назначен ставропольским губернатором), бывший начальником третьего берегового отделения, сделал немного для Сухума. Больше него принес городу пользы энергичный Н.Н. Муравьев (Амурский), сменивший Ольшевского. Этот умел взять в свои руки нити абхазских интриг, владетель и знаменитый Кацо Маргани, пользовавшийся большим авторитетом среди абхазцев, все делал по его указаниям. Муравьев был хитер и обязателен: владетелю он оказывал всяческий почет: так, когда у того родился первый сын, Муравьев приказал сделать в Бомборах101 пушечный выстрел. Старый разбойник, хитрая восточная лисица Кацо поддался его «кошачьим ласкам», по выражению Филиппсона, и стал его усердным агентом. С помощью Михаила и Кацо Муравьев заставил непокорных джигетов признать владычество русских.

Они присягли без выстрела, в укр. св. Духа (ныне Адлер) и оставались верными до крымской войны. Раевский представил Муравьева к чину генерал-майора. М.Шервашидзе – в генерал – лейтенанты, а старого Кацо Маргани – в полковники. В 1841 году Муравьев построил в ущелье Жоадзех (ныне Жуэквара) башню[2]. Башня эта, по мысли Муравьева, должна была преграждать путь джигетам, если бы они захотели, в обход гагринского укрепления, перебраться с одного хребта на другой. Новый[3] начальник береговой линии генерал Анреп с Высочайшего соизволения, назначил в распоряжение Муравьева два черноморских казачьих полка и третий батальон тенгинского полка. Эти войска на транспортах и пароходах в начале мая были перевезены в Гагры. Тенгинским батальоном командовал подполковник Данзас[4], секундант А.С. Пушкина. Горцы мало беспокоили отряд: ущелье от устья своего на две версты было очищено от леса, и башня построена.

[1] Филиппсон. Lib. Cit., стр. 195.

[2] Развалины этой башни существуют до сего времени в версте от стен бывшего укрепления. Башня эта вполне заслуживает наименования «Муравьевской». Обитатели Гагринской климатической станции ошибочно называют ее башней Марлинского: башня построена в 1841 году, а Марлинский убит в Адлере в 1837 году.

[3] В марте 1841 года последовал высочайший приказ об увольнении генерала Раевского.

[4] Г.И. Филиппсон характеризует его, как отличного, боевого офицера, светски образованного, но весьма ленивого и «притворявшегося» roue. Lib, cit, 205.

АПБТ АИР

В марте 1845 года на пути в Тифлис Абхазию посетил наместник Кавказа князь М.С. Воронцов[1], обративший большое внимание на побережье, благодаря чему в Сухуме и Поти появились ботанические сады. В Сухумском саду до сих пор существует огромных размеров чайное дерево, посаженное при Воронцове; апельсины и лимоны, которых было много посажено в Поти, не сохранились.

До самой Восточной районы в Абхазии не было особенных событий. В 1843 году прибавилось четвертое отделение береговой линии – от Илори до укрепления св. Николая. Власть Михаила Шервашидзе постепенно крепла. Начальник третьего отделения генерал Гогенбах жил с ним в мире, который и Михаил всемерно поддерживал, так как цебельдинские князья Маршани, владельцы Абживского и Абхазского округов, князья Шервашидзе не могли примириться с усилением власти владетеля Бзыбского округа, каким в действительности был Михаил Шервашидзе.

Это последнее обстоятельство и было причиною нескончаемых волнений в Абхазии и разделения не только князей, но и всего народа на партии. Михаил превосходно понимал значение русской поддержки в постепенном увеличении своего княжеского и владетельного достоинства, и до начала Восточной войны «генерал-лейтенант» Шервашидзе считался опорой русских в борьбе с непокоренными еще горскими племенами, и он всячески старался это доказать[2]. И только Восточная война сняла маску с истинно восточного политика. В 1854 году решено было очистить Абхазию от наших войск – Черноморская береговая линия упразднялась. Непосредственно перед началом войны кн. Воронцов, обеспокоенный тяжелым положением гарнизона на побережье, в случае блокады его неприятельским флотом, советовал Государю предупредить разрыв с западными державами; при этом князь указывал на потерю кавказских береговых укреплений и на последствия, связанные с нею. В ответ на это Император писал ему: «Нет сомнения, что положение нашей береговой линии плачевно: помочь сему – ни в твоих, ни в моих силах. Предвидя потерю фортов и их гарнизонов, нельзя не соболезновать об их злой участи. Но в военном быту бывают несчастные случаи, где частью войск жертвуют, хотя скрепя сердце, для достижения главной цели»[3]. В феврале и марте 1854 года гарнизоны береговых укреплений были увезены. Задолго до объявления войны у побережья крейсировала союзная эскадра, состоящая из двух пароходов и двух корветов. Адмирал Серебряков настойчиво просил Меньшикова усилить нашу крейсерскую эскадру; последний, заботясь о сохранении флота, собрал его в севастопольскую бухту и Серебрякову отказал; адмирал тогда предложил снять только гарнизоны средних укреплений. Воронцов и Меньшиков, при-

[1] Щербинин. Биография Воронцова. Спб., 1858, 142.
[2] Например, в убыхскую экспедицию генерала Анрепа он должен доставить 800 милиционеров: Шервашидзе привез 1500. Филиппсон, 301.
[3] Богданович. Восточная война, II, 142.

знавая целесообразность этой меры, отклоняли, однако, от себя приведение ее в исполнение. К счастью, император, убедившись в возможности спасти гарнизоны, тотчас же приказал Меньшикову поручить Серебрякову эту операцию. Последнему было отправлено три парохода под начальством контр-адмирала Памфилова; адмиралы вместе с кавказской эскадрой (крейсерами) сняли гарнизоны, нагрузили на транспорты артиллерию и снаряды, взорвали укрепления, и 5-го марта высадили в Новороссийске 3489 человек; несколько позже был доставлен гарнизон укр. св. Духа (Адлер) в Новороссийск с полковником Сколковым, который и был отправлен к Государю с донесением о благополучном исполнении опасного предприятия. Император благодарил Меньшикова и послал ему денег на содержание перевезенных офицерских и солдатских семейств. Только одно укрепление было брошено на жертву либо горцам, либо союзникам: преемник Воронцова генерал Реад распорядился гарнизон Гагр оставить на месте, для прикрытия Абхазии от вторжения: горцев через перевал Псеашха[1] – мера, не достигавшая цели, ибо помимо гагринского берегового прохода существует тропа, по которой горцам нетрудно было бы спуститься через гору Мамдзышху в Абхазию. Положение Гагр было отчаянное: на них надвигался со смешанным скопищем знаменитый предводитель закубанских племен наиб Шамиля Магомет Эмин, уже разрабатывая по гагринскому кряжу дорогу, чтобы удобно было подступить к укреплению[2]; перестрелки в Гаграх были ежедневно: осада укрепления началась. Казалось, несчастный гарнизон был обречен на гибель. В течение шести недель храбрый капитан Каховский, комендант укрепления, упорно отражал нападения горцев, не падал духом и ободрял солдат надеждой на помощь, которая и явилась в виде купеческого корабля «Св. Иоанн», капитаном которого был мужественный керченский грек Фотий Сарандо, предложивший спасти 600 человек гагринцев и спасший их, проскользнувший ловко перед носом неприятеля (подробности этого замечательного подвига изложены в моей статье «Гагры и их окрестности». Зап. К.О.И.Р.О., XXIV, вып. 1-й, стр. 80 и 81).

Русские войска из Абхазии поручено было вывести «генерал-лейтенанту» Шервашидзе. Он беспрекословно это поручение исполнил, и сам поселился по соседству с Абхазией в Мингрелии, в доме своего тестя князя Георгия Дадьяна (Дадиани). Однако, правительница Мингрелии Екатерина Дадьян, враждебно относившаяся к Михаилу, просила кн. Мухранского, командира гурийского отряда, удалить Шервашидзе, как интригана. Прибывший в Зугдиды генерал Реад[3] имел с Шервашидзе серьезный разговор,

[1] Там же, с. 144.
[2] Н. Дубровин. Военный Сборник, 1877, № 2, с. 115.
[3] Николай Андреевич, генерал от кавалерии, временно управлял Кавказом до прибытия Муравьева, назначенного в конце 1854 года наместником. Командовал третьим пехотным корпусом в Крыму. Убит на р. Черной 4-го августа 1855 года. Записки генерала барона Услара. К. Сб., XXIV.

АЛЫТАИР

после которого Михаил казался очень взволнованным и раздраженным. Спустя три недели после этого он внезапно выехал из Мингрелии в Самурзакань, где объявил тамошнему приставу, что едет по секретному предписанию Реада. Прибыв 12-го мая в Очемчиры, он собрал там близких к нему князей и отправил их к муширу Мустафе-паше, высадившемуся с отрядом в Сухуме: посольство, предложило туркам нейтралитет, прибавивши, что, если союзники высадят в Сухуме достаточно сильный отряд, то Михаил с абхазцами перейдет на их сторону. Мустафа, а также находившиеся в Сухуме англо-французские агенты Лонгворт и Шампуазо[1] решительно отвергли это предложение. Мустафа, желая лично познакомиться с владетелем, на пароходе отправился из Сухума в Очемчиры. Однако, Михаил уклонился от свидания. Паша рассердился. Чтобы его смягчить, Михаил послал к нему знаменитого убыха Хаджи-Берзека для переговоров: Мустафа вновь прибыл в Очемчиры, где пригласил на пароход Михаила, обласкал его и привёз в Сухум; здесь владетель был встречен с воинскими почестями и ему был отведен лучший дом. По словам Услара, Михаил потребовал от турецкого правительства: 1) всех тех прав и преимуществ, которые были предоставлены его деду Келеш-бею, вассалу Порты; 2) главного начальствования над войсками, расположенными в Абхазии[2], 3) обещания, что все области, которые оружием и переговорами он успеет присоединить к Абхазии, останутся навсегда в потомственном его владении. Пока Мустафа сносился с Портой, Шервашидзе ездил по Абхазии, собирал своих приверженцев и убеждал их оказывать туркам содействие, но не вступать с ними в сделки иначе, как через него, главу народа. Однако, вскоре у Шервашидзе произошла размолвка с Мустафа – пашой, который требовал, чтобы Шервашидзе выписал себе свою жену, жившую у отца в Мингрелии; все-таки он собрал 400 человек абхазцев, под начальством Батал-бея Маршани (цебельдинского князя, сражавшегося в 1841 году с Муравьевым), и отдал их в полное распоряжение Мустафы, а последний отправил их в кобулетский отряд.

Омер-паша, начальствовавший над турецкими войсками, оперировавшими на побережье Кавказа[3], предпринял 3-го сентября рекогносцировку побережья на пароходе, 4-го сентября он прибыл в Сухум, куда и пригласил Шервашидзе, жившего в Гинзе-Эцери. Шервашидзе уклонился от поездки в Сухум, ссылаясь на половодье рек. Омер уведомил его, что 15-го числа вновь будет в Сухуме, где надеется найти его. Действительно, в половине сентября он вновь был в Сухуме, где его уже ждал Шервашидзе, который получил уведомление от Омера, что его условия Портой приняты: ружейная пальба и радостные крики приветствовали «главного начальника всех укреплений и гарнизонов от Анапы до Батума»[1]. Омер и Шервашидзе решили двинуться главными силами через Самурзакань, устроив диверсию со стороны Кобулет; кобулетский отряд должен был двинуться в Гурию, когда сухумский займет район близ устья Цхенис-цхали. Весь сентябрь турки перевозили войска из Батума и Трапезонда в Сухум; общее число войск сухумского отряда достигало тридцати тысяч, при сорока орудиях. Русских войск в этой части театра войны было очень мало: в Гурии 4 3/4 батальона, внутри Гурии, Имеретии и Мингрелии для охраны складов и военных помещений был 1 1/4 батальон, для действия же против сухумского турецко-абхазского отряда оставалось 11 батальонов, где насчитывалось 4650 штыков[2]. Когда турки проходили через Самурзакань, то жители последней присоединились к ним, мингрельцы тоже. 25-го октября турки аттаковали на р.Ингур отряд кн. Багратион-Мухранского; отпор, полученный Омером при переправе, заставил его осторожно двигаться вперед. Занявши столицу Мингрелии Зугдиди, он в ноябре двинулся к берегу, к Цхенис-цхали, где на правом берегу его ожидал для решительного боя с подошедшими подкреплениями (всего 24 батальона) генерал кн. Багратион-Мухранский; но Омер спустился к Редут-кале, не принявши боя. 25-го ноября пришло известие о взятии Карса, наступившие дожди в этой низменной местности прервали всякое сообщение кроме прибрежного: Омер в конце февраля 1855 года отплыл с войсками в Трапезонд. Михаил Шервашидзе, приславший Омеру 800 лошадей, однако, не приобрел расположения турецкого паши, который впоследствии приглашал его в Трапезонд, куда Шервашидзе благоразумно не поехал.

Несчастный Сухум был опустошен абхазцами после ухода турок: все лучшие здания сожжены; базар разграблен; многие ценные деревья ботанического сада вырублены.

Михаил Шервашидзе приводил много доводов в оправдание своей измены: в числе главных, кроме указанного выше, был и тот, что Россия сама покинула его на произвол судьбы.

Назначенный перед окончанием покорения Кавказа кутаисским генерал-губернатором кн. Димитрий Иванович Святополк-Мирским, признавая крайне вредную деятельность в Абхазии Шервашидзе, дожидался окончания многолетней кавказской войны, чтобы без осложнений удалить вредного абхазского политика.

Михаил чувствовал, что ему несдобровать, и вновь искал покровительства у султана Абдул-Меджида. Рассказывают[3], что султан на совет, собранный для обсуждения этого письма, пригласил Омер-пашу. Последний на вопрос о его мнении ответил: «Государь, Михаил Шервашидзе самое

[1] Записки Услара.

[2] Этот пункт он впоследствии выставлял как важное оправдание перехода на сторону турок: стоя во главе войск неприятельских, он мог бы парализовать их активным движением против рионского отряда.

[3] Омер-паша предполагал сначала ударить Муравьеву в тыл, но, сделав по Аджарии два перехода, вернулся в Батум.

[1] Lib. cit.

[2] Барон Услар. Lib. cit.

[3] Записки полковника Давыдова (inedit).

АЙТАМИР

неблагодарное существо, какое есть на свете. Когда я с своими войсками занимал Абхазию, он и тогда хвостом вилял. Русские его озолотили, дали ему 60 тысяч аренды, чин генерал-лейтенанта, чего же хочет он еще». Абдул подумал и сказал: «Да, ты правду сказал. Отнеси это письмо русскому посланнику». Письмо Шервашидзе отправилось в Петербург. Это было в 1864 году. Михаил, узнав, что дела его внезапно приняли дурной оборот, нанял купеческое судно, которое должно было доставить его в Константинополь. Осенью того же года генералу Шатилову приказано было арестовать князя и в его распоряжение в Сухум были присланы два военных паровых шхуны. Посадив на одну из них десант, он на другой сам прибыл в Очемчиры. Михаил в это время лечился в Ткварчельском ущелье[1] горячими минеральными водами. Когда шхуны подходили к Очемчирам, на горизонте уже скрывалось крейсировавшее близ Очемчир судно под турецким флагом. Шатилов прибыл вовремя. Шервашидзе был приглашен в Очемчиры для свидания. По-видимому, он намерен был защищаться, так как двинулся в Очемчиры во главе большого ополчения, которое, по мере приближения к Очемчирам, таяло, а когда Шервашидзе въезжал в Очемчиры, с ним было только одиннадцать всадников. Шатилов обошелся с ним по-восточному – торжественно, с почетным караулом, причем объявил, что прибыл по высочайшему повелению просить князя о прибытии в Петербург; что в распоряжение владетеля для переезда в Севастополь назначена шхуна. После торжественного прощания с приближенными Шервашидзе, со всем своим богатством, даже с охотниками, собаками и ястребами переселился на шхуну. В Севастополе комендант крепости обьявил ему арест, и он водворен был на жительство в Воронеж.

В Воронеже он жил в большом доме, в большой роскоши. Умер он в том же 1864 году; тело его привезли в Абхазию и погребли в Илори101. Имущество его, среди которого, по словам его сына Георгия, было до двухсот пудов серебренной посуды, куда-то исчезло[2].

С удалением Михаила Шервашидзе для Абхазии началась новая, более светлая эра.

Глава IV

Генерал Понсэ и его исследование Абхазии. Основной абхазский земельный закон. Сословия: анхайе, ахуйю, шинагм, ахашал; амиста, тавады, князья. Князь Михаил Шервашидзе и его отношения к враждебным родам. Недовольство среди высших сословий и бунт абхазцев в 1866 году. Убийство Коньяра и Черепова; нападение на Сухум. Князь Святополк-Мирский и умиротворение Абхазии. Казнь Маргани.

Удаление из Абхазии Михаила Шервашидзе в сильной степени уменьшило в глазах низших слоев абхазского народа значение остальных Шер-

[1] Селение Ткварчели в бассейне среднего течения Гализги, в 26 верстах от Очемчир.

[2] Записки полковника Давыдова.

вашидзе и других князей: последние чаще и чаще стали появляться в Тифлисе, в надежде заручиться обещанием властей утвердить их в просимых ими правах на более или менее крупные участки земли, так как они чувствовали, что предстоит крупная, небывалая в Абхазии земельная реформа. Масса аналогичных просьб вызвала командирование туда для исследования вопроса на месте генерал-майора Понсэ в конце 1865 года. Генерал, человек умный и осторожный, никому не поверивши, объехал всю Абхазию, спрашивая на сходах множество анхайе[1], самое многочисленное сословие (вольные люди, свободные землепашцы). Тавады с князьями Шервашидзе всячески домогались получить лакомые куски – например, громадный в 100 квадратных верст, знаменитый джгердинский лес. Понсэ не попался в раскинутые перед ним сети. Многочисленные заявления, сделанные народом в Лыхнах и Очемчирах, окончательно убедили его, что первобытный закон Ману (земля принадлежит тому, кто ее расчистил от зарослей и засеял), по абхазскому обычному праву, распространяется на всех без исключения абхазцев. Закон Ману имел самое целесообразное применение в Абхазии, и недаром абхазское обычное право пронесло его через десятки веков: леса, папоротник, лианы разнообразных пород с такой силой произрастают в этом благодатном климате, что лучи солнца изредка только добираются до почвы; большие осадки, множество ручьев, речек, ключей делают почву сырою, местами болотистою; болота особенно распространены в прибрежной полосе, где прибой волн забивает песком устья рек, и вода не находит себе стока, скопляется в больших массах, загнивает, образуя среду, где с быстротой развивается малярийный пласмодий, бич Абхазии. Естественно поэтому, что тысячелетний опыт заставил народ особенно ценить места сухие, очищенные от зарослей, и тот, кто расчистил участок для поля, усадьбы или сада, по мнению народа, имел на него, за свой нелегкий труд, право собственности[2]. Все же заросшие земли, по обычному абхазскому праву, составляли общую собственность народа. Только с приходом русских в Абхазию стала нарождаться дифференциация власти на землю народа и Шервашидзе; последние стали присваивать себе даже право продавать в свою пользу пальмовое дерево, самшит (Buxus sempervirens)[3] из окрестностей Лыхны и Очемчир. До появления русских тавады и амиста[4] почти не считались с властью бзыбского владетеля, а как читатель раньше заметил, правители Абхазского и Абживского округов и Самурзакани, равно как цебельдинские Маршани, не признавали власти Михаила Шервашидзе, и только

[1] В Самурзакани они называются пиош.

[2] Лианы и особенно колючая из них Smilax excels a, а также ежевика (Rubus) в сильной степени затрудняют очистку леса, которую абхазцы принуждены производить особенного вида топорами с наточенным клювом на конце, на длинных рукоятках (цалда).

[3] Букс издревле служил предметом вывоза из Абхазии: еще в XIV в., на карте Петра Весконте (1318) мы встречаем близ Бомбор «Буксовую гавань» – cavo di Вихо.

[4] Дворяне 1-го класса.

АЛЫТАИР

поддержка со стороны русских придавала ему некоторый авторитет, и, Михаил постепенно присвоил себе знаменитый гензе-ицерский лес на берегу моря близ Очемчир. Сначала он заручился правом только охоты в этом лесу, затем, под предлогом охраны леса от браконьеров, поселил несколько своих анхайе, и, наконец, уже объявил лес своим и стал продавать из него дубы на клепки: вековой лес давал отличный строевой материал. Это нарушение обычного права абхазцы простили Михаилу Шервашидзе, но, когда некоторые из тавадов и амиста вздумали было продавать ценные породы леса (букс, красное дерево, каштан), то анхайе запротестовали и только один из родственников владетельного князя тавад Дмитрий Шервашидзе, живший в Келасурах, близ Сухума, добился права получения в свою пользу пошлин с вывозимого из Келасура самшита. Простой народ (анхайе), не считая себя подданными владетеля, не платил ему податей, жил, где каждый хотел: анхайе выбирал себе удобное местечко и поселялся там, ведя хуторское хозяйство[1], и чувствуя себя совершенно свободным гражданином абхазской лесной стихии. Анхайе чувствовал себя в некоторой степени вассалом только ближайшего тавада или амиста за покровительство: поселившийся в селении анхайе получал защиту от главы селения – амиста или тавада, обязанного всемерно защищать анхайе, помогать ему в несчастии, при пожаре, падеже скота или потери его; за это анхайе отбывал некоторые повинности своему покровителю: на 3-5 дней в году являлся на посев или уборку кукурузы, приносил ему 2-3 кошелки винограда из своего сада, а в великий народный праздник – барашка. Если анхайе почему-либо не получал должного покровительства от тавада или амиста, он немедленно прерывал с последними всякие сношения и отправлялся в другое селение – к новому таваду или амиста, вновь выбирая по своему вкусу часть леса, где на поляне строил незатейливую саклю, стены которой были сплетены из хвороста, а крыша, без потолка, покрыта была папоротником; тут же на столбах ставил плетенную из орешника сушильню для кукурузы. По мере своих потребностей анхайе вырубал ближайшую площадь леса, оставляя ореховые деревья, по которым пускал вьющиеся виноградные лозы, а также карагач, который обрубался так, что представлял из себя площадку на пьедестале: на эту площадку складывались стебли снятой тут же кукурузы (чала) на корм скоту; сено косить абхазцы научились только впоследствии, но далеко не все.

Сословие ах-уйю образовалось из женившихся ахашал (рабов). Рабы неженатые составляли полную собственность господина, переходившую

[1] Селения абхазцев тянутся на несколько верст, соединяясь с соседними селениями; соседи, живущие друг от друга иногда на версту, не видятся подолгу; ежедневно перекликаясь и узнавая о новостях: практика кричать в лесу вырабатывает сильные голосовые средства у абхазцев, которые их не покидают даже в преклонном возрасте. С удивлением мы слушали седобородого почтенного деда, пронзительным фальцетом кричавшего на весь лес о том, чтобы его внук привел лошадей.

из рук в руки по произволу владельца. Если, с разрешения владельца, ахашал женился, то, во-первых, этим самым он переходил в разряд ах-уйю, во-вторых, владелец новому ах-уйю обязан был предоставить новый участок земли[1], равный стоимости одной коровы или десяти рублям, корову с теленком, медный котел и постель. Народный обычай обязывал владельцу ахашала делать все это. Ах-уйю оставались в зависимости от бывшего владельца и обязаны были отбывать для него повинности: в течение недели ах-уйю работал на бывшего владельца от трех до пяти дней как на пашне, так и в доме; жена ах-уйю также работала у владельца в качестве домашней прислуги, – поэтому в интересах ах-уйю было устраивать свои усадьбы вблизи жилища бывшего владельца; что же касается пашни или сада, ах-уйю выбирал их там, где находил удобнее для себя. Как мы сказали выше вследствие свободного выбора усадебных и пахотных мест, абхазские селения не были расположены правильно, а походили на группы разбросанных хуторов, – это обстоятельство и было причиною бездорожья внутри края: каждый прокладывал для себя только тропинку к пашне, к соседям, не нуждаясь в колесной дороге, так как абхазцы предпочитали арбе вьюк. Как земля, так и лес были в общем пользовании: кто где хотел, там и рубил.

При владычестве еще турок, когда князья Шервашидзе приобрели больше веса, чем другие тавады – Анчабадзе, Дзяшп-ипа, Инал – ипа и др., появилось сословие шинагм, нечто похожее на дворянскую гвардию; сюда попадали из сословия анхайе, и только те, кто службою при владетеле Абхазии приобретал его особое расположение; шинагм можно приурочить к личным дворянам.

Таковы были, в общих чертах, сословия в Абхазии и их взаимоотношения. Что касается отношений владельцев округов Абхазского, Абжиского и Самурзакани, а также цебельдинских князей Маршани, то все они считали Шервашидзе, так сказать, первым среди равных, несмотря на все его старания доказать противное с помощью хотя бы пули или яда[2].

Борьба с горцами, соседившими с Абхазией – джигетами, полумирными псхувцами, ахчипсхувцами, убыхами, а также с воинственными обитателями Дальского ущелья (Цебельда), способствовала усилению власти Шервашидзе: главнокомандующие, не имея точного представления о пределах власти владетеля Абхазии, считали его влиятельным не только среди абхазцев, но и среди соседних независимых племен и, нечувствительно для себя, вместо поддержки народа, в качестве противовеса против усиления власти владетеля, поддерживали всячески князей Шервашидзе, что и заставило низшие сословия относиться недоверчиво к русской власти. Михаил Шервашидзе, несмотря на весь свой склад восточного деспота,

[1] Другими словами, ах-уйю получал возможность осуществить закон Ману, вся расчищенная им земля поступала в его собственность.

[2] В Абхазии для этой цели употребляли какой-то растительный яд, против которого не было противоядия.

АЙТАМИР

хорошо видел и оценивал положение вещей, и, если не помогали домашние средства в устранении соперников, вел интригу в Кутаисе и Тифлисе, и нежелательный субъект, в качестве противника русской власти, высылался внутрь России. Например, интересен в этом отношении случай в 1853 году с князем Димитрием Шервашидзе, двоюродным братом владетеля, жившем в Келасурах. Это был человек преданный русским, пользовавшийся уважением среди абхазцев, но во многом не подчинявшийся Михаилу; пользуясь популярностью среди народа, за интересы которого стоял, он был ненавистен владетелю. Донести на него, как на человека неблагонадежного, было невозможно; кинжал и пуля были малодействительны: Димитрий зорко охранялся своими приближенными, – пришлось прибегнуть к яду. Однажды к Димитрию приехали трое шинагм владетеля. Димитрий, больной лихорадкой, лежал в постели, – однако распорядился, чтобы гостей приняли с почетом и угостили чаем. Одному из гостей, бывшему в комнате Димитрия, удалось влить в чай последнего яд, имевший горьковатый вкус. Отхлебнув глоток, Димитрий почувствовал странный вкус чая и, зная, что гости его преданные шинагм владетеля, и подозревая с их стороны злой умысел, схватил висевший над кроватью на стене пистолет и, направив его на гостя, приказал выпить чай и в то же время крикнул нукерам, чтобы задержали остальных двух. Пистолет Димитрия заставил их выпить яд и погибнуть от него. Михаил не забыл неудачи: в 1858 год Димитрий все-таки умер от отравы.

Несколько иначе был устранен друг народа и враг владетеля тавад Дзяпш-ипа, живший в селении Иширы, на правом берегу реки Гумисты, близ ее устья. Этот тавад всячески отстаивал обычное право и во многом служил препятствием для осуществления эгоистических замыслов правителя. Дзяпш-ипа был смел, но хитер и осторожен: своими средствами владетель устранить его не мог: пришлось обвинить его в Кутаисе как ярого врага русской власти и человека опасного вследствие его сильного и вредного влияния на народ. Словам владетеля поверили в Тифлисе, и бедный Дзяпш-ипа был выслан далеко на север, где и погиб от сурового климата.

Результатом систематического устранения соперников было приобретение благ земных: между прочими захватами Шервашидзе особенное внимание обращает на себя, как сказано выше, постепенный захват гензе-ицерского векового леса, на что Шервашидзе не имел, согласно местному праву, никаких оснований, как это впоследствии разъяснила сухумская сословно-поземельная комиссия, принесшая много пользы для народных масс и не ставившая себе целью благодетельствовать высшим сословиям насчет этих народных масс.

Итак, генерал Понсэ экспериментально пришел к главному для экономической жизни тезису: приобретение земель в Абхазии должно зависеть не от родовитости и власти, а только от обычного закона. Это убеждение

генерала Понсэ весьма неприязненно было встречено заинтересованными в поземельных вопросах тавадами и амиста: они сознавали, что, если русская власть всецело станет на сторону этого закона, то их мечты приобрести латифундии не осуществятся: мало того, если русская власть пристальнее вглядится в сословные отношения, то тавады и амиста потеряют всех: ах-уйю и ахашалов. Становилось поэтому понятной необходимость «смешать шашки» – вызвать смуту в Абхазии. Темные народные массы, слыша про недовольство дворян, у которых не сходило с уст слово «земля», стали добиваться точных оснований недовольства. Вожаки смуты сообщили анхайе и ах-уйе, что русское правительство уже решило отобрать в казну все леса, абхазцев поселить в правильно распланированных селениях и (horribile dictu) ввести воинскую повинность. Простодушные дети лесов поверили своим «старшинам» и стали волноваться. Бывший в то время начальником Сухумского военного отдела[1] полковник Коньяр, мало знакомый с краем, с характером и бытом абхазцев, не находивший, как Пацовский или впоследствии Гейман, необходимым непосредственное общение с народныхми массами, не придавал особенного значение волнениям этим, хотя был вполне о них осведомлен начальником Бзыбского округа Череповым. Этот последний был не только не администратор, но человек с пренебрежением относившийся к абхазцам: последние не имели к нему ни малейшего доверия, боялись его. Такие отношения со стороны администрации к народу были благоприятны для вожаков народного восстания[2]. Слухи о недовольстве в Абхазии дошли до Тифлиса, где еще не исчезло мнение о сильном влиянии семьи Шервашидзе на народ: отсюда был послан в качестве миротворца сын владетеля штабс-капитан Георгий Шервашидзе. Молодой, неопытный человек, он в обществе хитрых вожаков недовольных не мог сделать ничего полезного для умиротворения края. Волнение шло crescendo; в народе ходил слух, что даже просьбы сына их бывшего владетеля отвести грядущие бедствия не имели успеха. Однако, между некоторыми анхайе нашлись умные люди, критически относившиеся к слухам о русских реформах в Абхазии и мало доверявшие россказням абхазских дворян. Желая добиться истины, чтобы знать, как следует поступать, на народных собраниях решено было, по предложению влиятельного из анхайе, жителя села Еширы Османа Шамба, избрать депутата и командировать в Тифлис, чтобы из уст Великого Князя Наместника узнать эту истину и, в свою очередь, объяснить древние права обитателей Абхазии. Коньяр и Черепов сочли поездку в Тифлис недоверием к себе, и депутации было отказано в разрешении выехать по назначению. Между тем, народ уже собирался выехать по назначению. Между тем народ уже собирался в Лыхнах в ожидании возвра-

[1] Таково стало официальное название Абхазии.

[2] Бунт 1866 года изложен мною по запискам члена сухумской сословно-поземельной комиссии полковника Н.А. Дьячкова-Тарасова, жившего в Абхазии с 1867 по 1876 и с 1878 по 1880, а также по рассказу полковника Давыдова, кавказского старожила.

АЙТАМИР

щения депутатов. Неожиданное возвращение последних усилило волнение. Коньяру сообщили, что собравшиеся в Лыхнах способны увлечь всю Абхазию. Он решил произвести некоторое воздействие, не придавая волнению большого, однако, значения: вожаки восстания ловко умели маскировать свои действия: выходило так, что волнения – дело одних «анхайе». В Лыхны была отправлена сотня донских казаков (80 человек), а на следующий день Коньяр на военной шхуне выехал в Гудаут, где он высадился с тем, чтобы со свитою, в которой был и Георгий Шервашидзе, отправиться в Лыхны. Здесь было уже более 500 человек вооруженных абхазцев, большею частью анхайе, из амиста было немного. Толпа волновалась; в ней ходили старики, стараясь сдерживать особенно увлекавшихся из молодежи. Коньяра толпа встретила сдержанно, старики просили выслушать их просьбы через депутата, уполномоченного всем собравшимся народом Османа Шамбу. Коньяр согласился. Шамба указал на обычное земельное право, обусловливающее земельные отношения, которые, по слухам, правительство хочет нарушить, и просил объяснить народу истинное положение вещей; вместе с тем Шамба ходатайствовал о разрешении послать депутацию в Тифлис, прибавивши, что все это послужит к успокоению народа, взволнованного неприятными для него слухами[1]. Говорят, в этот момент Коньлру прислано было письмо из Сухума предостерегавшее Коньяра; однако, оно не попало к нему в руки. В ответ на речь Шамбы Коньяр приказал «разойтись толпе и слушать то, что прикажут». Затем он, начальник Пицундского округа Черепов, его адъютант Суринович и Георгий Шервашидзе вошли в дом владетеля Абхазии, поднялись в зал верхнего этажа, где для них был приготовлен обед; казаки же, прибывшие с Коньяром, расположились на площадке близ церковной ограды; несколько казаков стояло на крыльце нижнего этажа. После обеда Коньяр вышел на балкон и снова предложил разойтись, причем отказал в посылке депутации даже в Кутаис. Ропот толпы тогда перешел в крик. Кеньяр понял, что дело нешуточное, и предложил Георгию Шервашидзе сойти поговорить с народом. С его стороны было большой ошибкой отпустить Георгия: едва последний приблизился к толпе, как последняя как по сигналу бросилась к дому: был дан залп в окна и по казакам, стоявшим у дверей. Осман Шамба[2] и несколько стариков старались сдержать толпу, но двое братьев амиста Маргани[3] бросились вперед и увлекли за собой толпу. Казаки, бывшие внизу, были убиты, Маргани с кучкой вбежали наверх. Коньяр спрятался в камин, Черепов стоял среди зала, один только Суринович решился защищаться: став у двери с единственным

[1] Речь Османа Шамбы переводил, по словам полковника Давыдова, Соломон Лакербай. Восстание, по словам Давыдова, подготовлялось с 1864 года и инспирировалось из Воронежа Михаилом Шервашидзе, а затем некоторыми его родственниками.

[2] От него мой отец и слышал передаваемые мною подробности лыхненского убийства.

[3] Сыновья знаменитого абхазца, даже генерала Кацо Маргани, упоминавшегося раньше. Этому Маргани принадлежали земли, ныне занимаемые Ново-Афонским монастырем.

оружием, бывшим у него в руках – шашкой, он никому не позволял войти. Раздался выстрел, и мужественный Суринович упал мертвым. Убийцы, перешагнув через его труп, зверски расправились с Череповым: его не только изрубили шашками, но не пощадили трупа, который был изуродован. Коньяра сначала не заметили, затем Маргани увидел в камине его ноги, и пистолетным выстрелом прострелил ему одну; Коньяр опустился: братья Маргани добили его. В то время, как шла дикая расправа в доме владетеля, большая часть абхазцев бросилась в шашки на казачью сотню: казаки отступили за церковную ограду, которую абхазцы окружили со всех сторон. Казаки заняли тогда древний храм и стали отстреливаться; часть их засела на хорах и всякого смельчака, рискнувшего показаться, расстреливала. Толпа принуждена была отступить. Тогда часть казаков бросилась к своим лошадям, смело пробилась и поскакала в Гудаут, где стояла военная шхуна, не подозревавшая о лыхненской трагедии. Командир судна, узнав, что громадные толпы абхазцев бегут к Сухуму для нападения на город, немедленно снялся с якоря, чтобы поспешить в Сухум для защиты города. По счастливой для Сухума случайности, в этот день в горах в бассейне р. Гумисты[1] был сильный дождь: вода в реке настолько поднялась, что не было возможности для верхового перебраться на другой берег в нижнем ее течении. Восставшие бросились вверх по реке к селению Гум; эта задержка дала время шхуне прийти в Сухум и сообщить о восстании и грозящем нападении. В гарнизоне крепости было два кавказских линейных батальона, № 17 и 18; большая часть нижних чинов была вне города, на сенокосе; налицо было две роты – стрелковая 17-го батальона, под командой поручика Самойленко, и пехотная 18-го батальона, под начальством капитана Леуса. Начальником гарнизона был опытный кавказец полковник Завадский[2]. Коньяр его предупредил о возможной опасности, так как и сам не знал о значении абхазских смут. Немедленно же Завадский послал нарочных собирать солдат с покосов; стрелковую роту расположил близ ботанического сада, а роту Леуса – на р. Беслете, чтобы занять на левом ее берегу дорогу из селений Абжаквы и Акапы. Для защиты моста через эту реку близ устья была доставлена команда. Жителям предложено спасаться в крепость, которую охранял небольшой отряд. Орудия, стоявшие на батареях крепости, были обращены на дорогу от Гумисты на высоты, прилегающие к Сухуму. Солнце уже клонилось к закату, когда на горе Трапеции по дороге, ведущей в селение Гум, показались партии абхазцев, которые тотчас же потеснили взвод сильно растянутой, по необходимости, роты Самойленко: взвод отступил до дома начальника отдела. Самойленко, собрав роту, перешел в наступление и вытеснил абхазцев из города, причем многие из них были перебиты на месте грабежа, которому они не замедлили предаться. Засевши

[1] Между Гудаутом и Сухумом.

[2] Впоследствии, в чине генерал-майора в отставке, убит в своем имении в Абхазии.

АПСТАМИР

на Трапеции, абхазцы открыли частый огонь по роте, к которой постепенно подходили подкрепления, по мере прибытия людей с покосов. На роту же капитана Леуса бросилась громадная толпа по дороге из Акапы. Расположив удобно солдат в канавах, за пригорками и заборами огородов, Леус встретил партию таким жарким огнем, что она отхлынула: но затем, оправившись, она снова бросилась вперед с целью пробиться в город. Леус, подпустивши нападавших, вторично встретил их залпом: абхазцы снова отбежали. Таким же образом нападение было и в третий раз отбито. Были попытки поодиночке обойти роту слева, но смельчаки сейчас же падали под пулями солдат. Шхуна, заняв такую позицию, что открывалась для обстрела вся гора Трапеция, стреляла по абхазцам из орудий. Крепость также помогала роте Самойленко своим огнем, которым руководил приехавший из Цебельды начальник округа артиллерии полковник Шавров. Получив сведения о сборе партии в Дальском ущелье, он поехал в Сухум получить указания Коньяра касательно возможных осложнений и попросить подкрепления для небольшого гарнизона Цебельдинского укрепления. Не застав Коньяра, Шавров решил его подождать. События заставили его принять на себя командование крепостью. Когда абхазцы потеснили взвод стрелков из ботанического сада и уже ворвались для грабежа в дом начальника отдела, Лавров, увидевши это с высоты северо-восточной батареи, лично наставил пушку на дом начальника отдела. Бомба, пробив деревянную стену верхнего этажа и разорвавшись среди толпы грабивших имущество Коньяра[1] абхазцев, многих перебила: перепуганные грабители отступили на Трапецию, где их также преследовали бомбы Шаврова. Два дня продолжалась горячая осада Сухума, но затем пыл абхазцев стал стихать, и, когда на пятый день в Сухуме высадился кутаисский генерал-губернатор Святополк-Мирский с двумя батальонами и послал к абхазцам прокламацию об изъявлении немедленно покорности, а из Карачая через Цебельду распространился слух, что генерал Гейман наступает на абхазцев с тыла с сильным отрядом, они совершенно пали духом, особенно, когда из прокламации Мирского узнали, что они были обмануты подстрекателями: что леса в населенной полосе не будут отобраны в казну, что о них (анхайе и ах-уйю), как о массе населения, правительство особенно позаботится. Абхазцы принесли повинную и исполнили требование Мирского – выдали обоих братьев Маргани, убийц Коньяра, которые и были расстреляны на глазах тысяч абхазцев на берегу моря, за крепостью. Особенно скомпрометировавшие себя тайком бежали в Турцию.

Князь Мирский желал спасти Георгия Шервашидзе, попавшего, по-видимому, против своего желания в смуту; к Георгию было послано доверен-

[1] Семья его, равно как и многие другие офицерские семьи, заблаговременно была перевезена на шхуну.

ное лицо; ночью он был доставлен в Сухум, прямо в крепость. Говорят, он здесь после разговора с Мирским зарыдал[1]. Абхазия быстро успокоилась.

Начальником отдела был назначен генерал-майор граф Толстой. Особенное внимание князя Мирского было обращено на Цебельду, где тавады Маршани, пользуясь малодоступностью страны, издавна доставляли немало забот русским властям, разыгрывая роль полузависимых князей: решено было жителей Цебельды, находящейся в тылу Абхазии, переселить из Дальского ущелья ближе к морю. Толстой и начал это переселение в местность Джгерды, на левом берегу Кодора, в Очемчирском округе. Граф Толстой, человек больной, видя серьезность предложенной ему задачи упорядочения сословно-земельных отношений в Абхазии и не чувствуя себя в силах работать как того требовали обстоятельства, через год отказался от должности. Вместо него в конце 1867 года назначен был генерал-майор В.А. Гейман.

Глава V

Назначение генерала Геймана. Личное влияние Геймана на народ. Сухум в 1867 году. Санитарные участки. Постройки в Сухуме. Огородничество, греки и мингрельцы в Сухуме. Заселение Цебельды греками и болгарами. Земельная и сословная реформа в Абхазии. Депутации в Тифлисе. Комитет по делам абхазским и его заседания. Наделы. Сухумская сословно-поземельная комиссия и выработанное ею «Положение об освобождении зависимых сословий в Сухумском отделе и о поземельном устройстве их». Инструкция членам исполнительной комиссии. Смута в Кодорском участке и Гейман. Посещение Абхазии в 1871 году наместником. Гейман и общественная жизнь в Сухуме. Генерал Кравченко и его деятельность. Положение дел в Абхазии перед русско-турецкой войной. Узбек Маргани. Отступление Кравченко из Сухума. Занятие Абхазии турками. Окончание войны. Сухум непосредственно после войны. Полковник Аракин. Полковник Введенский. Сухум в 80-х и 90-х годах. Состав и число нынешнего народонаселения Абхазии. Итоги господства русских. Очередные реформы в Абхазии.

С назначением генерала Геймана дела в крае приняли другой оборот. Гейман обратил внимание на своих помощников, сотрудников по управлению краем; многие лица из прежнего состава администрации были заменены офицерами всех трех родов оружия: население к офицерам относилось с большим уважением. Вместо четырех округов было образовано два – Пицундский и Сухумский, с новыми штатами. Земли бывшего владетеля, принадлежавшие ему по обычному праву, были конфискованы; южные предгорья Главного хребта, в пределах Абхазии, где абхазцы появлялись только летом со своими стадами, также были конфискованы, причем выпас скота разрешался за небольшую плату; для наблюдения за этими землями и

[1] Записки полковника Давыдова.

АЙТАМИР

получения с них доходов в пользу казны была учреждена должность заведывающего казенными оброчными статьями в отделе. Для урегулирования сословно-поземельных отношении была образована «сословно-поземельная комиссия». Организатор абхазских дел по-новому был давно известен абхазцам по своим боевым подвигам в горах бассейна Лабы, Мзымты. Белой; народ считал его «джигитом». Действительно, открытый и отважный характер Геймана, умевшего всегда стать близко к интересам народа, на многие годы сделал имя этого генерала памятным абхазцам, несмотря на то, что он только в течение около семи лет управлял Абхазией.

Доброе отношение к себе Геймана испытал и Сухум. В 1867 году город далеко не был так благоустроен, и волны подмывали берег; деревянная пристань имела полуразрушенный вид: ее чинили после всякой бури. Хорошие дома были наперечет: лучшим был дом начальника отдела, построенный на самом берегу, который был укреплен набережной; дом этот был между устьем Сухумки и Беслеты. На набережной, против пристани, стоял двухэтажный дом почетного гражданина Григория Метаксы; на месте нынешнего подворья Ново-Афонского монастыря тянулись одноэтажные домики абхазца Баркалая; на углу набережной и Лорис-Меликовской улицы была лавка одного грека, через улицу, за домом Метаксы до крепости тянулся ряд турецких и греческих лаченок, крытых дранью; на Лорис – Меликовской улице кроме дома купца Гогиджанова были маленькие, одноэтажные, местами просто лачужки; близ ботанического сада были два хороших дома – полковника Завадского и майора Середина; на этой же улице тянулись две казармы, обращенные под помещение управления отдела, так как старое здание управления, находившееся на той же улице, было разорено во время восстания 1866 года; в верхнем этаже этого последнего была квартира полковника Коньяра. В Сухуме было в это время только две улицы – мощеных и в сильной степени запущенных; их исправили в 1868 году.

Хотя старые канавы еще существовали по обе стороны улицы, но, вследствие обилия дождей в Сухуме, особенно с марта по июнь, грязь на улицах была невылазная. Геймана можно было видеть на улицах уже в 6 часов утра, где он распоряжался работами солдат по исправлению улиц и приведению в порядок водосточных канав; не шоссированными остались только самые отдаленные переулки, к Беслете. Два линейных батальона, 34-й и 35-й, впоследствии 3-й и 4-й, выставляли рабочим. Войска жили в плохих казармах на берегу Беслеты, близ моря. На церковной площади высилась большая казармовидная деревянная церковь. Мысль о постройке собора возникла в 1868 году, и тогда же Гейман просил о пособии от казны. В начале 70-х годов было ассигновало сорок тысяч рублей, была учреждена строительная комиссия, но с отъездом Геймана, получившего в 1874 году командование 20-ою дивизиею, новый начальник отдела генерал-майор Кравченко пассивно отнесся к постройке храма, и дело остановилось.

Генерал Гейман просил сухумскую сословно-поземельную комиссию обратить внимание на ближайшие окрестности города, покрытые густыми зарослями, кустами ежевики и лиан, что сохраняло сырость глинистой почвы и культивировало малярийный псалмодий. Комиссия по освобождению зависимых сословий в 1871 году, в 1872 году решила ближайшие заросли выделить из будущего городского надела, нарезав из них участки от одной до трех десятин и раздать на выработанных комиссией льготных условиях (постройки и насаждения культурных растений) чиновникам, офицерам и другим надежным лицам. Это были так называемые санитарные участки. На одном из них член этой комиссии полковник Аполл. Никит. Введенский развел чудный субтропический сад, впоследствии проданный им за сорок тысяч рублей великому князю Александру Михайловичу и ныне известный под именем «Синопа». Из других участков приобрели впоследствии известность сады Никитина, Бобоедова, Пермыкина, Кравченко, Жудры, Чернявского, Дьячкова-Тарасова и других. Очистка предгорий, больших и малых ущелий, примыкающих к Сухуму, способствовали ослаблению малярии, которая, однако, вырывала много жертв из среды солдат и переселенцев, которыми решили заселить Цебельду, очищенную от горцев.

Население Сухума описываемой эпохи состояло из семей офицеров, чиновников, отставных солдат, греков, мингрельцев; в руках последних была и торговля[1]. Большие дома не строились: у всех на глазах были примеры 1855 и 1866 годов, когда дома Сухума в сильной степени пострадали. Однако, энергичные действия Геймана по умиротворению Абхазии и по улучшению города заразительно подействовали на жителей, и постройка солидных зданий стала прогрессировать; мало того, многие стали заводить огороды и продавать овощи, которые раньше получались из Керчи и Анапы и стоили дорого. Пионером в этом отношении был отставной фельдфебель 35-го черноморского полка Черномазов: он сумел вырастить отличную капусту, за что генерал Шатилов представил его к получению медали «за усердие», как человека, полезного для края. Кроме огородных овощей Черномазов, одновременно с полковником Завадским, развел у себя на усадебном месте сад, и его яблоки сухумцами считались в свое время лучшими.

Все каменные работы в Сухуме, шоссейные и по постройке домов и набережной, производились приезжавшими на осень и зиму из Малой Азии греками из местечка Гюмиш-ханэ на юг от Трапезонда, в горах; с мая же по октябрь эти греки, опасаясь сухумской малярии, жили на родине. Что касается мингрельцев, то этот худосочный народ, выросший на болотистых низменностях Ингура, Цхенис-цхали и Риона, был способен только к торговле да к нетрудной культуре кукурузы; духаны в Сухуме, Очемчирах, Гудауте были в руках мингрельцев.

[1] Ныне захватываемая армянами.

АЛЫТАИР

Переселение жителей Дальского ущелья к морю вызвало необходимость заселения большого пространства бассейна Кодора людьми, чуждыми абхазцам, вместо Цебельдинского округа было образовано попечительство поселений в Цебельде. Первым попечителем был назначен капитан Н.А. Дьячков-Тарасов[1]. На попечителя возложено было очищение местности от оставшихся и скрывавшихся в неприступных ущельях цебельдинцев, которых особенно много скопилось на р. Секене. Второй попечитель должен был произвести самый подробный осмотр всей Цебельды и наметить места для будущих селений, – словом, представить описание края в топографическом отношении, избранные же для шести намеченных селений места подробно описать, с объяснением основании к избранию данного пункта.

Цебельда занимает пространство более 4.000 кв. верст. С севера границей служит Главный хребет с перевалами Марухским[2], Клухорским[3], Санчарским; с востока бассейн р. Секена до Багадского моста через Кодор, образующуюся слиянием Секена и Чхалты; далее граница отходит немного на восток и тянется по хребту над р. Кодором до ур. Наа, лежащего на левом берегу Кодора по выходе его из горных теснин у горы Адагуа в долину, где от него отходят рукав – Малый Кодор. С юга Цебельду отделяет от Абхазии хребет, прорезанный ущельями и ложами рек Большой и Малой Маджар, образовавшими три массива – гору Чижауш (от западной границы до р. Келасуры), гору Агыш (между Большой и Малой Маджарой) и гору Апианчи (за Малой Маджарой) с отдельным пиком Адагуа. Отсюда, именно от горы Адагуа, граница Цебельды спускалась вниз через ущелье Тах, вниз по Кодору, пересекая южные отроги горы Апианчи по р. Науш; здесь Цебельда граничила с областью прибрежных абхазских поселений Дабыкыт и оканчивалась против уроч. Наа. Подобная искусственная граница получилась после переселения одного из цебельдинских Маршани в ущелье Тах, на реку Науш: раньше он со своими подвластными жил в уроч. Марамба, но постройка там в 1840 году укрепления вытеснила его оттуда на р. Науш. От абхазских земель Дабыкыт р. Науш отделялась большими дремучими лесами, и этот Маршани был неуязвим. В описываемую эпоху жители Науша переселились в Турцию; временно в Науше задержался глава общества подполковник милиции, честный и храбрый Ростом Маршани, в надежде

[1] Со слов его изложено положение переселенческого дела в Абхазии в конце 60-х и начале 70-х годов.

[2] На верховья Чхалты.

[3] На Секен. Ныне там проходит военно-сухумская дорога. В последний раз мы посетили кубанскую часть этой дороги в 1908 году. Название свое во второй его половине дорога оправдывала: но, что касается первой его половины – «военно», она звучала злой иронией: дорога была подмыта Тебердой, а в перевальной части усеяна крупными камнями, – видно ремонт был in spe. Между тем стратегическое значение дороги важное: стоит вспомнить отступление генерала Кравченко и наступление генерала Бабыча через Марух.

получить надел в Цебельде; когда же ему объявили, что вся Цебельда поступила в казну, он, обиженный, покинул Россию.

В этом-то районе и надлежало поселить шесть сел. Места были избраны. Великий князь наместник утвердил доклад начальника отдела, представленный через кавказское горское управление[1].

По мягкости климата, плодородию почвы и совершенно свободному от малярии климату Цебельда, по мнению первого попечителя поселений в ней, могла бы быть цветущим фруктовым садом и прекрасным виноградником: это доказывали многочисленные брошенные ушедшими в Турцию цебельдинцами сады и виноградники. Мало того, в широких долинах верхней Цебельды с успехом можно было сеять хлебные злаки. Словом, хуторские хозяйства могли бы процветать в Цебельде, конечно, при наличии хороших дорог. Раздача же, по его мнению, бесплатно этих участков в размере 10-20 десятин в руки людей состоятельных, при условии застройки и известной доле культивирования земли, должна была способствовать процветанию этой части Абхазии, которая могла бы снабжать продуктами огородничества приморскую часть страны и Сухум. Часть предположений попечителя исполнилась: из Цебельды в настоящее время вывозятся в Сухум в громадных количествах все продукты деревни[2]. Однако, и в настоящее время Цебельда далеко не так продуктивна, как мы могли бы ожидать, зная ее особенности. Среди многих других причин укажем на две – отсутствие колесной дороги через Клухорский перевал в Кубанскую область, и слабое развитие экономической жизни Сухума и абхазского района, что, в свою очередь, имеет свои причины, касаться которых мы не будем.

Предназначенные к заселению шесть пунктов получили название в честь наместника и членов его семьи: Михайловское – близ укр. Цебельдинского у р. Амткял, Ольгинское – у истоков восточной Маджары, Александровское – на р. Келасуре, Анастасьевское и Николаевское – в Науше и Георгиевское – в уроч. Джампал. Наделы этих селений с востока примыкают к р. Кодору. Кроме того, были намечены запасные пункты на Марамбе и в уроч. Джегошкар (у северного склона горы Адагуа. Здесь лучшие цебельдинские покосы).

Были посланы пригласительные объявления в губернии внутренней России: например, из Ярославской губернии ожидали огородников и для этого особенно подробно указали на счастливые в Цебельде условия для огородничества. Однако, благоприятных ответов получено не было, кроме одного запроса в 1868 году от «попечительства об иностранных колонистах в южной России» из города Тирасполя, могут ли быть допущены в качестве цебельдинских поселян переселившиеся в Россию в начале 1800 года болгары. Ответ Геймана был утвердительный, и в январе 1869 года прибыл из

[1] Впоследствии канцелярии наместника по военно-народному управлению на Кавказе.

[2] Н.В. Фон-Дервиз. Сухумский округ. ЗКОИРГО, кн. XXV, вып. 8, с. 16.

АЛТАИР

болгарской колонии доверенный колонистов Григорий Драндарь. Последнему был указан проектированый надел сел. Анастасьевского и Николаевского, так как здесь до одной трети общего пространства было удобно для пахоты[1], остальные трети были покрыты строевым дубовым лесом, ценным даже в то время вследствие его пригодности для выделки из него клепок для бочек на производства драни, употреблявшейся по всей Абхазии для покрытия крыш и бывшей в большом спросе, – словом, болгарам был указан лучший надел; для селений были указаны возвышенные места на лесных полянах близ Кодора, реки богатой рыбой, особенно крупной форелью. В январе 1869 года было сообщено в попечительство тираспольское, что высылка в отдел колонистов, во избежание развития среди них малярии, должна быть совершена не позже апреля, а затем во второй половине года не ранее сентября.

Хотя Гейман и попечитель поселений были принципиально против заселения Цебельды инородцами, но, ввиду того, что желающих кроме инородцев никого не было, и было решено удовлетворить просьбу об отводе наделов грекам, занимавшимися в Сухуме строительными работами. Просьбу свою они мотивировали следующими доводами: они же принуждены жить на «два дома»: сами в Абхазии, семьи – в Турции; если их водворить в крае, то расходы на жизнь у них значительно сократятся, и тогда они будут в состоянии уменьшить и установленную ими за работы в Сухуме плату, что будет выгодно для сухумцев. Эти соображения заставили Геймана всемерно заботившегося о благосостоянии Сухума, разрешить старостам двух работавших в Сухуме артелей привезти свои семьи и приписаться в цебельдинские поселяне. Глава главной артели Христофор Фулополо просил поселить их поближе к Сухуму, и желание это было исполнено. Греки в начале февраля 1869 года привезли семьи из Анатолии (из местечка Гюмиш-хане), и 8-го февраля 1869 года попечителем Н.А. Дьячковым-Тарасовым было положено основание первому селению – Александровскому – на левом берегу р. Келасуры, в десяти верстах от города, близ древней стены, тянувшейся – от устья Келасуры до р. Ингура, где она и заканчивалась в шести верстах от Зугдид.

Греки и воспользовались этой стеной, входившей в состав их надела и довольно хорошо сохранившейся на пространстве 40 саженей: они разбили стену на 20 участков и перпендикулярно к ней сложили из камней на глине каменные перегородки, сделали над последними крышу, и приют на первое время для их семей был готов. Затем была построена часовня, заложены дома, и дело закипело. В Александровское было предназначено сорок семей; было заготовлено сорок жеребьевых билетов, по числу занумерованных на плане участков, во избежание неудовольствия, и главы первых прибывших восемнадцати семей вынимали, перекрестясь, нумера своих участков. Так распределились участки и в других селениях.

[1] Земляки Драндаря ничем кроме землепашества не занимались в колонии.

Представитель другой артели греков Георгий Сафьяно, несколько раз объехавший с попечителем проектированные для поселений участки, облюбовав место, назначенное под селение Георгиевское в уроч. Джампал на берегу восточного Амткяла, многоводного и быстрого; Георгиевское должно было быть самым отдаленным поселением, в пяти верстах от укр. Цебельдинского, в горной и скалистой местности, в высокой котловине. Сафьяно привлекало сюда следующее: 1) здесь не было, по собранным сведениям, лихорадок; 2) верстах в пятнадцати от места селения вверх по-восточному Амткялу в скалистой и малодоступной местности были когда-то выработки медной руды. В описываемое время там видны были следы шахт и много шлаку. Тогда же попечитель взял оттуда образцы руды и представил через генерала Геймана в Тифлис. Кроме того, идя пешком туда из Джемпала, попечитель с путниками на самом берегу Амткяла, у воды заметил «свинцовую обманку», вершка в два ширины и аршина 1 1/2 длины; под ударами молота обнажилась кристаллическая свинцовая руда; отбитые образцы также были представлены в Тифлис[1]. Присутствие руды вблизи проектированного селения привлекло человек десять из артели, из числа рудокопов; кроме того, Сафьяно там поселилось 18 семейств (Георгиевское было предназначено для поселения тридцати семейств). Селение было основано в мае 1869 года; однако, трудолюбивые греки сумели в то же лето кроме кукурузы вырастить семена отличного турецкого табаку из лучших сортов. Жители Георгиевского, руководимые умным Сафьяно, оказались лучшими из поселенцев, за что и получили, в лице Сафьяно, награду в 1870 году, при объезде поселений великим князем наместником. В мае же 1869 года было положено основание селению Ольгинскому в истоках восточной Маджары; хотя близ селения местность было гористая, но на восток от него лежали плодородные, издавна обрабатываемые абхазцами земли. Ольгинское, предназначенное для поселения тридцати семей, к 1870-му году имело 20 семей анатолийских греков, раньше занимавшихся выжиганием извести в уроч. Гум.

Новоселы были на 15 лет избавлены от воинской повинности, на устройство усадьбы каждая семья получила по 40 руб. безвозвратно, в течение первого года выдавалась мука и крупа, с тем, однако, условием, чтобы провиант был возвращен в течении пяти лет, причем уплата начиналась с четвертого года. Ввиду большой потребности в молоке для детей, по ходатайству попечителя было разрешено выдать на каждые три семьи по 50 рублей на покупку коров: отпуск денег был заимообразен: уплата должна производиться на вышеизложенных условиях, для улучшения огородниче-

[1] Не могу не отметить продуктивности экскурсий студентов, изучающих горное дело, в эту местность, где, несомненно, присутствие металлов; присутствие же руды, доказываемое упомянутым монолитом, может быть косвенно подтверждается наличностью по ту сторону хребта худесских свинцовых рудников.

АЛЫТАИР

ства были выписаны семена овощей; из Крыма выписано было по одной тысяче лоз на каждое селение.

В конце июня 1869 года, к крайнему изумлению Геймана и попечителя поселений, в Сухум прибыли болгары, легкомысленно отпущенные мелитопольским попечителем поселений, несмотря на дважды подтвержденное сухумскими властями указание не высылать летом. Огорченный и рассерженный своеволием этого попечителя, Гейман говорил, что пожалуется на него наместнику; кроме того, он собирался, во избежание гибели от малярии неопытных болгар, возвратить их, но бедность их помешала это сделать. Болгары прибыли налегке; у них не было ведер, у двоих нашлись по лопате, топоров не было. На вопрос попечителя о причине отсутствия у них самых необходимых предметов, старики отвечали, что их обманул Драндарь, утверждавший, что в Сухуме всего вдоволь и все дешево, – поэтому, избегая платить все лишнее за перевоз, они дома все и распродали. На следующий день ожидалась вторая партия болгар на грузовом пароходе: ее и остался поджидать попечитель, а прибывших отправил в Анастасьевское на мингрельских арбах под наблюдением урядника и пяти казаков и со своим переводчиком, рассчитывая прибыть в Анастасьевское на следующий день. Опросивши стариков, попечитель назначил старшиною болгарина Топчева. В Анастасьевское было назначено 36 семей болгар, а в Николаевское 26. Каждому главе семьи выдавалось тотчас по приезде по 20 рублей, и впоследствии еще по 20. Направив вторую партию в Николаевское через Дранду, попечитель поехал к анастасиевцам. Подъезжая к будущему селению, попечитель услышал яростные крики толпы, плач женщин и детей. Переводчик цебельдинец Дуг Яшба и урядник доложили, что болгары пришли в отчаяние от лесных зарослей, особенно женщины и дети были перепуганы невиданными ими, степняками, зрелищем. Драндарь и здесь их обманул, увериви, что «надел ровный: паши сколько хочешь, лесу мало». Ожесточенные болгары собрались де его убить, но он благоразумно скрылся в лесу; подвод мингрельских болгары де не отпускают, намереваясь вернуться в Сухум и просить ровных и чистых мест. Дуг решил силою удержать их до приезда начальства. Попечитель объяснил взволнованным людям выгодные для поселения условия местности со строевым лесом, главного смутьяна бывшего сельского писаря наказал, велел всем тотчас же приниматься за постройку балаганов; толпа успокоилась, и топоры застучали в столь странном для степняков лесу. К зиме у всех уже были хатки.

В Николаевское селение попали болгары из другой деревни, объединенные энергичным Ловчевым; имея в своей среде несколько хороших плотников, они к зиме выстроили отличные дома. В первый год поселяне-болгары очень болели малярией, погибло много детей[1].

[1] Записки Н.А Дъячкова-Тарасова.

Земельная реформа в Абхазии и освобождение зависимых сословий, благодаря генералу Гейману, были проведены без помех и осложнений. Узнав содержание вырабатываемого «Положения об освобождении зависимых сословий в Сухумском отделе и о поземельном устройстве населения» и считая себя обиженными проектом, князья, тавады и амиста решили бороться за осуществление своих интересов в возможно большем масштабе, и обратились к генералу Гейману с просьбой разрешить им послать депутацию к наместнику. Гейман не последовал примеру Коньяра и разрешил; одновременно же низшим сословиям было предложено назначить депутатов с своей стороны в особую миссию, которая должна была отстаивать интересы этих сословий. Великий князь заранее осведомленный о задачах обеих депутаций, милостиво принял их, причем дворянской депутации, во главе которой стояли полковник князь Шервашидзе, житель сел. Отара, и тавад из сел. Псыртсха, состоявший в милиции штабс-капитан Тито Маргани, Великий князь сказал, что, желая самым справедливым образом удовлетворить интересам абхазского дворянства, он решил учредить комитет для разбора заявлений всех сословий Абхазии, куда и пригласил дворян обращаться со своими претензиями; то же он сказал и депутатам низших классов. В состав комитета, под председательством генерал-лейтенанта князя Багратион-Мухранского, вошли члены совета наместника и начальника главного управления, который пригласил участвовать в заседаниях начальника городского управления генерала Павлова, начальника Сухумского отдела генерала Геймана и председателя сухумской сословно-поземельной комиссии полковника Краевича; последний и был докладчиком по различным рода вопросам реформ, заранее обдуманных в сухумской комиссии, составивший и проект вышеупомянутого «Положения». Приглашаемые на заседание комитета депутаты обеих сторон, опровергая притязания друг друга, способствовали выяснению многих подробностей реформ, но, главным образом, подтверждению тезисов «Положения» комиссии Краевича. Оратором дворян был Григорий Шервашидзе; опровергаемый крестьянскими депутатами в своих притязаниях на земельный надел в определяемых им границах, Шервашидзе стал приводить примеры своего «абсолютизма» в тех участках земли, которые его оппоненты считали своими; анхайе скромно отвечали за эти доводы соображением, что подчинялись поневоле, ибо протесты в то время кроме вреда и опасности для них ничего не могли принести. Обратившись к комитету, кн. Шервашидзе закончил свою речь выражением убеждения, что комитет беспристрастно отнесется к интересам высших сословий и тем успокоит взволнованное население. Князь Багратион-Мухранский, человек мягкого характера, идя навстречу желаниям абхазских дворян, выразил желание ввести в Абхазии ту же земельную реформу, которая осуществлялась в Закавказье: для чего-де «для какой-то Абхазии» составлять новое

АЛЫТАИР

положение![1]. Вспыльчивый генерал Гейман тотчас же поднялся и сказал, что он убежден в отрицательном отношении князя Мухранского к реформе в Закавказье, где податное сословие обделено – поэтому, не справедливее ли было бы хотя бы в «какой-то Абхазии» ввести нормальную реформу? Багратион, обратившись к членам комитета заметил, что если они найдут объяснения сухумской комиссии к выработанному ею «Положению» обеспечивающими интересы всех сословий, то он протестовать не будет?[2] Посетивший заседание комитета наместник остался доволен результатами совещания, так как принципиально разделял взгляды Геймана и сухумской комиссии. Дальнейшее обсуждение параграфов «Положения» шло беспрепятственно, пока не подошел вопрос о количестве надельных десятин для высших сословий: здесь возникли пререкания уже между восемью членами дворянской депутации: амиста не соглашались с большим размером надела для тавадов, доказывая фактами тождественность своего общественного значения с тавадским. В комитете было выражено предложение о наделе для дворян от 100 до 500 десятин, исключая земель, подлежащих укреплению по обычному праву. Ген. Павлов, Гейман и Краевич энергично протестовали, ссылаясь на возможность недостатка к раздаче земель в культурной, приморской полосе Абхазии и приводя в доказательство Самурзакань, где обилие дворянства оставило бы без земли пиошей (анхайе).

Наместник согласился с такой редакцией «Положения»: семьи высших сословий получают наделы от 25 до 250 десятин, а семьи низших классов – от 3 до 7 десятин, согласно числу душ в семье; кроме того, по 10 десятин на каждую семью в общинное пользование.

Сверх того, была изобретена следующая оригинальная мера поднятия во мнении абхазцев значения чинов и орденов, жалуемых за заслуги: за каждый чин и орден прибавлять несколько десятин, причем сословие не имело бы значения. Число этих десятин должна была определить сухумская комиссия по окончании общей съемки[3], которая уже производилась в Абхазии в масштабе 250 саж. в дюйме. Дворяне остались очень довольны этим параграфом, так как большинство из них числилось в милиции. Зависимость от дворян анхайе (пиош – в Самурзакане), ах-уйю (дельмахоре – в Самурзакани) и ахашалов (крепостные рабы) была точно выяснена трудами сухумской комиссии: комитет согласился с мнением ее о размере выкупных платежей. Ахашалам (крепостным, но только до женитьбы или замужества) обоего пола решено было дать 10 десятин, для того, чтобы они, отдавая часть земли мингрельцам в аренду, могли бы на эти деньги завести хозяйство; кроме того, комитет и комиссия были убеждены, что ахашалы по освобождении переженятся, и, таким образом, каждая новая семья получит двадцатидесятинный надел.

[1] Liberti cit.
[2] Liberti cit.
[3] Число то было определено к 1872 году в 10 десятин.

Проект «Положения», одобренный наместником, был Высочайше утвержден. Последний параграф «Положения» предоставлял наместнику право составить подробную инструкцию чинам Сухумского отдела, назначенным для приведения в исполнение этого «Положения». Материал для этой инструкции был выработан сухумской сословно-поземельной комиссией и приведен в систему генералом Павловым. «Особое присутствие по делам бывших зависимых сословий в Сухумском отделе», под председательством начальника отдела, при товарище его председателе сословно-поземельной комиссии и членах присутствия членах той же комиссии, усердно занялось реализацией «Положения». Весь Отдел в этом положении был поручен на местах четырем мировым посредникам.

Дворяне, однако, не считали «Положения» справедливым по отношению к ним, и, по-видимому, затевали для того, чтобы обратить на себя внимание в Петербурге, историю, аналогичную с лыхнинской трагедией. Брожение началось на этот раз в Кодорском участке: собирались сходки, агенты были посланы даже в Самурзакань, где они не встретили сочувствия. Хотели устроить coupe de theatre в Очемчирах, собравши туда побольше народа. Гейман зорко следил за движением и за настроением масс; последние – анхайе, ах-уйю и ахашал – знали уже от своих тифлисских депутатов о тенденциях амиста, тавадов и князей, и были не только против новой смуты, но были даже в оппозиции к дворянам. Много значения имела и вера абхазцев в Геймана.

Последний, узнав, что заговорщики готовятся к активным действиям и хотят собрать в Очемчирах массу народа, распорядился, чтобы все тавады и амиста Кодорского участка собрались в Очемчиры, куда созваны им были также и анхайе; на берегу Геймана ожидала сотня казаков, а сам он прибыл на шхуне «Келасуры»[1] с ротой 17-го линейного батальона.

Приказав дворянам отделиться от толпы, он сказал им резкую речь, сопровождавшуюся угрозой немедленной высылки и конфискации имущества и приказанием немедленно разъехаться по домам и сидеть смирно: стоит де ему открыть анхайе истинную подкладку их действий, и он не уверен, останется ли кто из дворян целым в ту же ночь. Абхазцы знали решительность Геймана и, смущенные, тотчас же разъехались. Подъехав к толпе анхайе, Гейман сказал, что слышанное ими от их депутатов сбудется: «не слушайте никого: вам много лгут». Анхайе отвечали, что они тавадам перестали верить, а верят сардару (наместнику) и ему, Гейману, и благодарят его за заботы о них. Успокоив и обнадежив этот хороший и детски доверчивый народ, Гейман вернулся в Сухум.

В мае 1871 года Великий князь, наместник посетил абхазские селения, восторженно встретившие «Сардаря», был в Цебельде в новых селениях. Тогда же отдел в отношении разбора жалоб на мировых посредников, про-

[1] В распоряжении Геймана всегда было три шхуны («Келасуры», «Псезуапсе», «Пицунда»).

АЛТАИР

ектирования наделов лицам дворянского происхождения и общинных, обследования заявлений лиц, причислявших себя к высшим сословиям, был распределен между наличным составом членов сословно-поземельной комиссий[1]. Члены комиссии, воодушевляемые Гейманом, любили свое дело и работали энергично.

К уходу Геймана в 1873 году, назначенного начальником 20-й дивизии, Сухум обстроился, санитарные участки стали культивироваться, началась постройка набережной; общественная жизнь оживилась; по ходатайству Геймана, русское общество пароходства и торговли вместо двух раз в месяц стало посылать восемь раз свои пароходы[2], в клубе был заведен отличный оркестр; общество оживлялось и морскими офицерами военных шхун.

Сменивший Геймана генерал-майор Кравченко, родственник князя Мирского, оказался заурядным человеком, без той кипучей энергии и блестящей инициативы, которою прославился по всему Кавказу и даже в Турции генерал В.А. Гейман.

При Кравченко была закончена набережная. Основан Ново-Афонский монастырь в 1874 году[3]. Занятия комиссии продолжались по-прежнему. Однако, общий административный пульс стал ослабевать: это прежде всего стало заметно по усилившимся в Абхазии грабежам и конокрадству; убийства участились; мягкий по характеру, нерешительный Кравченко не мог вдохнуть энергию в подчиненных.

Наступила мобилизация. 1876 год. С объявлением войны абхазцы подняли головы. И нужна была только искра, чтобы восстание, раздуваемое недовольными своими наделами дворянами, вспыхнуло. Началось оно там, где и в 1866 году – в лыхненском районе. Злосчастная семья псыртсхского Маргани и в нем приняла деятельное участие: казнь братьев дядей в 1866 году не послужила уроком племяннику через десять лет. Тито Маргани, участник упоминавшейся выше депутации, дал в 1873 году взаймы скотопромышленнику мингрельцу Лолуа тысячу рублей взаймы; при этом присутствовал его племянник Узбек Маргани, крестник А.Н. Введенского. Мингрельца нашли в тот же день на берегу Гализги с отрубленной головой и без денег. Подозрение пало на Узбека, и он был заключен в крепость, откуда бежал в Турцию, т.е. стал «мухаджиром» (Гудаутский участок давал «мухаджиров» более других). В 1877 году Узбек с 60 «мухаджирами» высадился близ Гудаут, и тотчас же этот участок восстал, а за ним и вся

[1] От реки Бегерепсты до реки Псыртсхи поручены все дела полковнику Колосову, от Псыртсхи до Кодора – майору Дьячкову-Тарасову, от Кодора до Гудавы – председателю Краевичу. Первыми мировыми посредниками в Абхазии были: Гудаутского участка – штабс-капитан Нейман, Гумистинского – капитан Чудинов, Кодорского – капитан Малиновский. В 1874 году Краевич уступил место полковнику Фрейеру, также хорошо знакомого с Абхазией по своей службе в горском управлении.

[2] «Великий князь Михаил», «Генерал Коцебу», «Цесаревна», «Великая княгина Ольга».

[3] Иеромонахом Арсением, Нероном (главным монастырским строителем) и Иннокентием, прибывшими со Старого Афона.

Абхазия[1]. Гаевский с сотней поехал было в Лыхны, узнав о высадке Маргани, но из сел. Ацы возвратился назад. Абхазцы впоследствии заявляли Мирскому, упрекавшему их за измену: «что же нам было делать, когда нас генерал Кравченко бросил?» (он стоял за Сухумом на Абжакве). Знатоки абхазцев говорили мне, что растерянность Кравченко, не сумевшего выбрать себе надлежащих сотрудников, не назначившего командиром абхазской милиции весьма популярного в народе боевого полковника Алмасхита Маршани, который сумел бы собрать вокруг себя всю абхазскую молодежь, толкнула Абхазию в объятия турок. Думается, однако, что это мнение имело бы более твердое основание, если бы войска наши не покинули Абхазии. Генерал Кравченко, по-видимому, и хотел защититься в малодоступной Цебельде, где им было заготовлено много провианта; однако, ему было приказано отступить.

П.В. Золотницкий[2], бывший попечителем поселений в Абхазии в этот период, передавал мне, что он лично читал телеграмму, полученную генералом Кравченко от князя Святополк-Мирского: в ней было приказано немедленно очистить Сухум и отступить за Кодор, так как, по сведениям, полученном из Константинополя, на днях в Сухум прибудет, под начальством сына Шамиля, дивизия пехоты. Отсутствие на Черном море боевого флота, как и в крымскую кампанию, предавало побережье во власть неприятеля. Из Сухума началось бегство в Цебельду. Абхазцы грабили и жгли дома в Гудауте, затем толпы их двинулись на Сухум. Турки высадились прежде всего в Гудауте. Броненосцы их показались в виду Сухума, когда Кравченко стал отступать на багадский мост с отрядом, состоявшим из ахалцихского полка, трех линейных батальонов, горной батареи, казачьего полка, четырех сотен туземной милиции. Вместо прямой дороги на Багаду Кравченко почему-то выбрал обходную, и тот путь, что можно было пройти в несколько часов, шли пять дней, поселяне цебельдинские, около трехсот семей, были собраны в селе Ольгинском. 5-го мая, с большими затруднениями, с массой сухумских жителей, Кравченко прибыл в Цебельду, провожаемый выстрелами абхазцев и несколькими выстрелами из орудий турецкого отряда, успевшего догнать русских. При перестрелке у сел. Александровского было убито четыре офицера ахалцихского полка. Прибывши в сел. Джгерда, утомленный трудным переходом, потерявши массу лошадей, отряд несколько отдохнул; несчастные жители Сухума потеряли все свое имущество, многие погибли при переправе через реки; много дел архива Сухумского отдела погибло в одном из ущелий[3], так как обоз попал на такую дорогу, что телеги с грузом бумаг были брошены. П.В. Золотницкий, посетивший несколько месяцев спустя это место, нашел ущелье усеянным листками деловых бумаг. В м. Окум был с войсками князь Мирский, который вызвал к себе гене-

[1] Восстало даже наиболее спокойное общество Джгерды.

[2] Прослужил в Абхазии по народному управлению с 1867 по 1892 год.

[3] Джикагикярское ущелье.

АЛТАИР

рала Кравченко и отрешил его от командования отрядом, и Кравченко уехал в Тифлис[1]. Цебельдинские поселяне были временно устроены в Зугдидском уезде. Впоследствии, по окончании войны они, собранные в Поти, были перевезены на пароходах в Сухум и водворены на старых местах; множество бродячего скота, брошенного абхазцами, переселившимися в Турцию, большие запасы кукурузы в опустелых селениях достались поселянам не только на пропитание, но и для посева. Сухум был сожжен. На улицах валялось множество гнивших трупов скота и лошадей. Приведение города в порядок было поручено г. Золотницкому, которому содействовал командир казачьего полка, стоявшего в Абхазии. На берегу были собраны горы костей павших животных; от продажи их было выручено 200 рублей, на которые были наняты рабочие из поселян для работ по очистке улиц. Пришедший третий линейный батальон, продолжал эту очистку. Множество абхазцев пожелало выселиться в Турцию: турки предоставили им в их распоряжение даже военные суда. Большинство абхазцев собралось со скарбом и скотом в Сухуме. Потому так много было костей близ Сухума. Рассказывают, что турки, не желая оставлять русским скота, перед отъездом убили массы его.

В этот период в Сухум было привезено много контрабанды, особенно крепких напитков, так что начинавшиеся возвращаться на пепелища жители не терпели недостатка ни в чем. Была открыта гостиница. Старостой города был назначен почетный старожил Черномазов. Появились небольшие домики. Лучше всех сохранился дом майора Середина, где и поселился командир третьего батальона; начальник же отдела полковник Аракин жил в Окуме. Наместником было назначено 10.000 рублей на нынешнее устройство города. Полковник Введенский закрыл турецкое кладбище на бывшей даче Чапарова и засыпал его на 1 1/2 аршина землей; срыл турецкие окопы; очистил от трупов животных колодцы, очистил канавы и улицы, которые уже успели зарасти травой, папоротником; огородил опустошенный турками ботанический сад; приспособил для обитания четыре дома – Калниболотского, Евдокимова и двух абхазцев, уехавших в Турцию. Имущество городских жителей было оценено, и им было выдано впоследствии по 30 коп. на рубль оценки, поселянам же было выдано по 10 копеек.

Начальник отдела полковник Аракин за свое четырехлетнее управление отделом отстроил женскую прогимназию[2], провел дорогу в Дранды, а в Сухуме водопровод; продолжал дело поземельной комиссии. Заселение же края при нем шло вяло. Болгары, переселившиеся после войны, уехали обратно; заменившие их крестьяне Ставропольской губернии через год последовали их примеру. При сменившем Аракина полковнике Введенском, бывшем членом сословно-поземельной комиссии жизнь края оживилась: пустовавшие при Аракине санитарные участки были все разобраны и обратились в чудные дачные места – например, дачи Татаринова, Ноева, Королькова, Шахпароновой, Яновского; в городе разведен на бывшей церковной площади большой сад[1], заселено 15 деревень: следуя примеру Геймана, восстановившего пицундский храм, Введенский способствовал реставрации Драндского храма, при котором была основана обитель; ему же обязаны Сухум и Ново-Афонский монастырь своими субтропическими насаждениями. Сам Введенский, любитель садоводства, развел чудный экзотический сад, украшение побережья – сад «Синоп».

[1] Абхазия была очищена от турок тремя отрядами – генерала Алхазова, наступавшего из Мингрелии, полковника Шелковника – из Черноморского округа и генерала Бабыча – через Марухский перевал. См. «Гагры и их окрестности», 86 – 92.

[2] Горская школа была при Геймане открыта.

В восьмидесятых годах, а особенно с введением в 1892 году городского самоуправления город значительно улучшился в санитарном отношении; была построена городская больница, родильный дом; появились двухэтажные дома, железная пристань; канавы стали цементироваться, самые отдаленные улицы мститься; проведено береговое шоссе, пересекающее лучшую часть Абхазии – Гудаутский участок; разработана дорога на Клухорский перевал, от Дранд через Очемчиры на Зугдиды проведена шоссированная дорога (однако, по ней мало езды, предпочитают береговую дорогу; дорога эта построена неумело). Впоследствии много абхазцев, живших в Турции, с разрешения русского правительства возвратилось на родину. В настоящее время их в Абхазии считается около 73.000 душ обоего пола; самурзаканцев – около – 32.000 душ; русских же около 2.000, греков около – 2.500, армян около 1.000, эстонцев 600, немцев около 300, мингрельцев около 8.000, молдаван 200, болгар 120 и галичан около 100 человек; кроме того, в качестве арендаторов проживает более 15.000 армян и около 3.000 турок[2].

Великолепные Гагры, недавно административно, но отнюдь не географически отошедшие к Черноморской губернии; рыболовный завод Игумнова при устье Бзыби; культурный монашеский уголок в Пицунде[3] с единственной на побережье сосновой рощей (Pinus maritima); разрастающийся Гудаут; хозяйство многолюдного Ново-Афонского монастыря с его школой для абхазских детей, хуторами, насаждениями растений высокой культуры; табачные и цветочные культуры около Сухума; санатории, из которых особенно славится санаторий Смецкого; лесопильный завод в верховьях Кодора; развивающийся экспорт вина, кукурузы, табаку, плодов, экзотических растений, каштанов, орехов, пальмового дерева; огородничество, дающее хороший заработок сельчанам многочисленных селений в Абхазии, – все это указывает на то, что Абхазия вышла из эмбрионального периода и в недалеком будущем станет одним из лучших уголков обширной России: с нею будут соперничать только Батумский округ и южные части Приморской области.

[1] Нельзя признать насаждения в Сухуме полезными в гигиеническом отношении.

[2] По данным 1906 года.

[3] Считается скитом Ново-Афонского монастыря.

АЛЫТАИР

На первой очереди для дальнейшей культуры края стоит дорожный вопрос (шоссейные дороги на Клухор, на Псху, Дранды – Джгерды, Ткварчели – Окум – Зугдиды; береговая железная дорога); порты-убежища (яличные порты) – в Очемчирах, Сухуме, Гудауте, Гаграх; назначение в абхазские селения священников из абхазцев, а не из мингрельцев; улучшение школьного дела; защита абхазцев от нашествия армян и мингрельцев; окончание земельного вопроса в Абхазии; посылка в абхазские селения инструкторов по сельскому хозяйству; сельские выставки; организация кооперативного экспорта продуктов абхазского хозяйства.

Много сделано русскими для Абхазии за столетие, и сделавшие живые и умершие деятели в Абхазии, конечно, ждут, что современные русские и природные абхазцы дальше подвинут вперед культуру доброго простодушного абхазского народа и его прекрасной родины.

А. Н. Дьячков-Тарасов.

ИКОИРГО. – Тифлис. 1910, кн. XX, вып.II.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Составители:

Шапсугов Дамир Юсуфович доктор. юр. наук, профессор,
Авидзба Аслан Фазлыбеевич доктор. истор. наук,
Салакая Сослан Шотаевич канд. истор. наук,
Яхтанигов Заур Асланович.

ТОМ 30

ПАМЯТНИКИ ПРАВА АБХАЗОВ

Редактор, корректор В. А. Назаров
Компьютерное форматирование и верстка
Л. И. Фесенко, И. Г. Кинус
Технический редактор Л. И. Фесенко
Компьютерный набор З. А. Яхтанигов
Дизайн форзацев Д. Ю. Шапсугов, С. Ш. Салакая

Здано в набор 10.04.2017. Подписано в печать 26.04.2017.
Гарнитура Таймс. Формат 60x84 1/8. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 58 Бумага офсетная. Тираж 350 экз.
Заказ № 442

Южно-Российский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54

Отпечатано в типографии ООО «Альтаир»:
г. Ростов-на-Дону, ул. Вавилова, 55.
Тел.: 8(863) 219-84-25

АЛЬТАИР